СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый съ 1847 года

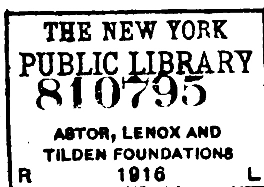
И. Панаевымъ и Н. Некрасовымъ

ТОМЪ LXXXXI

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1862.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, января 2 дня 1862 года.

Ценсоръ: *Ѳ. Еленевъ.*

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

(1611—1612).

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. Н. ОСТРОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

«Современникъ» 1862 г., № 1.

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(25 АВГУСТА 1611 ГОДА).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ. Земскій староста Нижняго посада.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БИРКИНЪ. Стряпчій, присланный въ Нижній Ляпуновымъ для совѣту.

ВАСИЛІЙ СЕМЕНОВЪ. Дьякъ, старый человѣкъ.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОСПѢЛОВЪ. Боярскій сынъ.

ПЕТРЪ АКСЕНОВЪ. Старикъ, богатый торговый человѣкъ.

БАИМЪ КОЛЗАКОВЪ. Стрѣлецкій сотникъ.

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ. Боярскій сынъ, } гонцы изъ Москвы.
РОДІОНЪ МОСѢЕВЪ, Посадскій, }

ВАСИЛІЙ ЛЫТКИНЪ (лѣтъ 50) }
ПАВЕЛЪ ТЕМКИНЪ (лѣтъ 35) } Торговые люди.
СЕМЕНЪ ГУБАНИНЪ (около 20) }

ГРИША. Юродивый мальчикъ.

ПАВЛИКЪ (писчикъ) писарь Биркина.

МАРѲА БОРИСОВНА. Богатая вдова.

Всякіе люди нижегородскіе обоего пола.

(Часть Нижняго посада, близь Кремля: направо и налѣво деревянныя лавки, на заднемъ планѣ деревянный Гостиный дворъ, за нимъ видна гора и стѣны Кремля; налѣво въ заднемъ углу, на пригоркѣ, башня и ворота въ Кремль. Направо продолженіе Нижняго посада. Вдоль лавокъ деревянные мостки съ навѣсомъ для пѣшеходовъ, у растворовъ скамьи и раздвижные стулья).

ЯВЛЕНІЕ I.

Въ Гостиномъ дворѣ торговцы въ лавкахъ и у лавокъ; проходитъ народъ, нѣкоторые останавливаются и покупаютъ разныя вещи. Слышны голоса: «здѣсь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди зипунъ! Изъ рѣшмы съ оторочкой.» Петръ Аксеновъ сидитъ на скамьѣ у своей лавки (крайней справа). Василій Лыткинъ входитъ, отпираетъ крайнюю лавку съ противоположной стороны; заставляетъ ее скамьей и подходитъ къ Аксенову.

АКСЕНОВЪ.
Здорово-ль, кумъ?

ЛЫТКИНЪ.
Здорово, Петръ Аксенычъ.
Тебя какъ милуетъ Господь?

АКСЕНОВЪ.
Спасибо!
Живемъ-таки. Что Господа гнѣвить!
Откуда, Вася?

ЛЫТКИНЪ.
Съ низу, изъ Казани;
Да позамѣшкался въ дорогѣ малость.
Домашніе здоровы-ль?

АКСЕНОВЪ.
Всѣ здоровы.

ЛЫТКИНЪ.
Не слышно ль изъ Москвы какихъ вѣстей?

АКСЕНОВЪ.
Хорошаго немного.

ЛЫТКИНЪ.
Да ужь гдѣ намъ!
Не до хорошаго теперь, Аксенычъ!
Поменьше бы худаго, такъ и ладно.

АКСЕНОВЪ.
Толкуютъ много. Можетъ что и есть
Новѣе, только хуже ужь наврядъ ли.

ЛЫТКИНЪ.
А что?

АКСЕНОВЪ.
Да яко бы, грѣхъ нашихъ ради,
Святаго патріарха Ермогена

Съ его вселенскаго престола свергли
И въ тѣсномъ заточеніи томятъ.

(Тихо).

Толкуютъ, что Михайло Салтыковъ
Ножемъ на патріарха замахнулся,
И проклятъ имъ отъ нынѣ и довѣка.
Собака!

ЛЫТКИНЪ.

Ой! Ужли? Ахъ, грѣхъ какой!

АКСЕНОВЪ.

Какъ терпитъ Праведный Господь злодѣямъ!

ЛЫТКИНЪ.

Бѣда намъ, Петръ Аксенычъ, всѣмъ бѣда!
Вотъ до чего дожить намъ привелося!
Я вотъ боюсь, у насъ-то все ли тихо?

АКСЕНОВЪ.

Здѣсь тишь да гладь, да Божья благодать.
Какъ за стѣной живемъ за воеводой
Алябьевымъ. Дай Богъ ему здоровья!
Да и въ народѣ смуты не слыхать;
Мордва да Черемиса задурила,
Да присмирѣла.

ЛЫТКИНЪ.

Что Кузьма Захарычъ?

АКСЕНОВЪ.

Душой болѣзнуетъ, скорбитъ. Самъ знаешь,
Не радуетъ ничто. О земскомъ дѣлѣ
Печалится одинъ за всѣхъ.

ЛЫТКИНЪ.

Здоровъ ли?

АКСЕНОВЪ.

Богъ милуетъ. Кузьма Захарычъ дорогъ
Нижегородцамъ. За его здоровье
Всѣ молимся. Онъ твердо, неослабно
За вѣру православную стоитъ;
По площадямъ да по базарамъ ходитъ;
Разумными рѣчами утверждаетъ
Въ народѣ крѣпость!

ЛЫТКИНЪ.

Что и говорить!
Радѣтель!

АКСЕНОВЪ.

Диво это, братъ Василій,
Какъ умудрилъ его Господь рѣчами!
Насъ стариковъ къ себѣ сбираетъ на домъ,
Да и бесѣдуемъ до поздней ночи;
Ты, какъ дуракъ, сидишь, разиня ротъ,
Вотъ такъ тебя слеза и прошибаетъ,
Все слушалъ бы, кажись, и не ушелъ бы.
Вотъ какова его бесѣда!

ЛЫТКИНЪ.

Что же
Онъ говоритъ такое?

АКСЕНОВЪ.

Эхъ, братъ Вася,
Зачѣмъ тебѣ чужое дѣло знать!
Чай своего довольно!

ЛЫТКИНЪ.

Не чужіе
Ни ты, ни онъ; свои, чуть не родные.

АКСЕНОВЪ.

Свои-то мы свои, да вотъ что, другъ:
Ужь очень это дѣло-то велико,
А у тебя языкъ не кстати дологъ.
А, вѣришь ли, такъ душу и мутитъ,
Когда святое дѣло осрамляютъ
Рѣчами праздными. Зѣло противно!
Какъ если песъ какой нечистымъ рыломъ
Нанюхаетъ на трапезѣ хлѣбъ-соль,
Такъ все одно и это.

ЛЫТКИНЪ.

Я, Аксеньічъ,
Вотъ видитъ Богъ, ни слова!

АКСЕНОВЪ.

Не божись!
Ну, слушай: да языкъ-то за зубами
Подерживай! Затѣи-то велики.
А что дастъ Богъ, увидимъ. Самъ ты знаешь,
Что вѣра гибнетъ, что ругатель-врагъ
Насъ одолѣлъ, что православнымъ тѣсно,
Что стонъ и плачъ сиротъ и горькихъ вдовъ,

Какъ дымный столбъ, на небеса восходитъ.
Вотъ, глупый человѣкъ, мы и толкуемъ,
Что легче смерть отъ острія меча,
Чѣмъ видѣть, какъ ругаются святыней.
Вотъ и толкуемъ, какъ бы ополчиться,
Да либо помереть ужъ, либо Русь
Отъ иноземцевъ и воровъ очистить,
Отъ всякой погани.

ЛЫТКИНЪ.

Аксенычъ, страшно!
Въ раззоръ насъ разорятъ и животишки
Пограбятъ всѣ; куда съ дѣтьми дѣваться!
Не трогаютъ, такъ и сидѣть бы смирно.
Куда ужь лѣзть!

АКСЕНОВЪ.

Да ты крещенъ, аль нѣтъ?
Аль животы тебѣ дороже вѣры?
А братія? А слезныя писанья
Изъ-подъ Москвы? И это ничего!
Пусть умираютъ, намъ тепло да сыто!

ЛЫТКИНЪ.

Не обижай! Я отъ міру не прочь.
Ужь коли всѣ, и я.

АКСЕНОВЪ.

Смотри, Василій!
Рцы слово твердо и назадъ не пяться.

(Подходятъ Темкинъ и Губанинъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Темкинъ и Губанинъ.

ТЕМКИНЪ (Губанину).

А, живая душа! Воротился? За барышами ѣздилъ, съ татарами торговалъ?

ГУБАНИНЪ.

Какъ ему не торговать!

ТЕМКИНЪ.

Хорошо ли съѣздилъ? Чай мошну-то туго наколотилъ?

ЛЫТКИНЪ.

Да, наколотилъ, какъ же! Ты спроси, свои-то цѣлы ли. Нажилъ добра! На харчи не хватило.

ГУБАНИНЪ.

И какъ это тебѣ только не стыдно людей морочить! Вѣстимо, даромъ не поѣдешь! Что мы тебя ограбимъ, что ли?

ЛЫТКИНЪ.

Не къ тому, другъ, что ограбишь. Гдѣ ограбить! А вотъ, право тебѣ, какъ передъ Истиннымъ....

ТЕМКИНЪ.

А я вотъ что скажу: доведись мнѣ, я бы тебя ограбилъ.

ЛЫТКИНЪ.

Что ты, что ты! Въ своемъ ли ты разумѣ?

ТЕМКИНЪ.

Да ужь ограбилъ бы: вѣрно говорю. За то за самое, что денегъ у тебя больше всѣхъ, а ты все сиротой притворяешься.

ЛЫТКИНЪ.

Нечего въ чужой мошнѣ считать, ты считай въ своей!

ГУБАНИНЪ (увидавъ Поспѣлова, который выходитъ изъ Кремля.)

Вонъ Алексѣй Михайловичъ идетъ.

ТЕМКИНЪ.

Вотъ душа человѣкъ. Нужды нѣтъ, что изъ боярскихъ дѣтей, а много проще нашего брата будетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Поспѣловъ.

АКСЕНОВЪ.

Куда гулять изволишь, Алексѣй
Михайловичъ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Пришелъ тебя провѣдать.

АКСЕНОВЪ.

Спасибо! Ты отколь?

ПОСПѢЛОВЪ.

Я изъ собора.
Вѣстей несу; да только не взыщите.
Не много радости. Романъ Пахомычъ
Да Родіонъ Мосѣичъ прибѣжали
Изъ-подъ Москвы, отписки привезли.

АКСЕНОВЪ.

Ты видѣлъ ихъ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Нѣтъ, не видалъ; Кузьма

Захарьичъ сказывалъ. Къ нему и стали.
Сряжаются на воеводскій дворъ
Несть грамоту отъ патріарха.

АКСЕНОВЪ.

Чудо
Великое творится. Божьи люди
Между враговъ безтрепетно проходятъ
Къ святому патріарху и разносятъ
По всей землѣ его благословенья
И грамоты.
Ну, Алексѣй Михайлычъ,
Ужь худо ль, хорошо ли, — не томи,
Разсказывай, какія слышалъ вѣсти.

ПОСПѢЛОВЪ.

Прокопъ Петровичъ Ляпуновъ убитъ
Казаками.

АКСЕНОВЪ.

Да что же за напасти
Такія!

ГУБАНИНЪ.

Вотъ бѣда-то, вотъ поруха
Для дѣла земскаго!

АКСЕНОВЪ.

Кабы не ты
Разсказывалъ, ни въ жизнь бы не повѣрилъ.

ЛЫТКИНЪ.

Теперь такое время, Петръ Аксенычъ, —
Хорошему не вѣрь, а что дурное
Услышишь, это, братъ, ужь вѣрно правда.

ТЕМКИНЪ.

Такъ подошло, хоть не живи на свѣтѣ!

АКСЕНОВЪ.

Бѣдамъ конца не видно. Знать Господь
Намъ прегрѣшеній нашихъ не отпуститъ
И до конца насъ хочетъ погубить.

ПОСПѢЛОВЪ.

Да, Петръ Аксенычъ, времена плохія!
Москва разорена, въ народѣ шатость
Да рознь, за что стоять не знаютъ;
Цалуютъ крестъ невѣдомо кому!

АКСЕНОВЪ.

Еретикамъ, латинцамъ, да ворамъ, —
Кому попало.

ПОСПѢЛОВЪ.

Новгородъ великій
Изъ Швеціи царевича зоветъ;
А сынъ Жигмонтовъ, Владиславъ царевичъ,
Въ Москву идетъ; во Псковѣ новый воръ,
Такой, что и сказать-то не пригоже;
Маринкинъ сынъ, Ивашко, тоже царь.

АКСЕНОВЪ.

А что же рать, что подъ Москвою въ сборѣ?
Что воеводы?

ПОСПѢЛОВЪ.

Розно разошлись —
Которые домой, другіе грабить.
Что воры не успѣли, то они
У православныхъ христіанъ растащатъ.

АКСЕНОВЪ.

Ужели жь совсѣмъ оставили Москву?

ПОСПѢЛОВЪ.

Остались подъ Москвой два воеводы:
Князь Трубецкой, да атаманъ Заруцкій.

АКСЕНОВЪ.

А что жь они?

ПОСПѢЛОВЪ.

Они-то? Цаловали
Псковскому вѣдомому вору крестъ.
Всѣ пошатнулись.

АКСЕНОВЪ.

Наше мѣсто свято!

(Вбѣгаетъ Юродивый)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Юродивый.

АКСЕНОВЪ.

Откуда, Гриша?

ЮРОДИВЫЙ.

Ась?

АКСЕНОВЪ.

Откуда молъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Въ монастырѣ обѣденку стоялъ,
И панихиду пѣли, поминали....

АКСЕНОВЪ.

Кого?

ЮРОДИВЫЙ.

Раба Прокофья.

АКСЕНОВЪ.

Упокой,
Господь, въ святыхъ твоихъ селеньяхъ душу
Раба Прокофья!

ВСѢ.

Упокой, Господь!

ЮРОДИВЫЙ.

Онъ, говорятъ, былъ добрый. Я поплакалъ
И помянулъ. Подайте на дорогу!

ПОСПѢЛОВЪ.

Прими!
(Подаетъ и уходитъ въ лавку съ Аксеновымъ)

ЛЫТКИНЪ.

Аль ты куда собрался, Гриша?

ЮРОДИВЫЙ.

Далеко. Длинная дорога; встанетъ —
Такъ до неба достанетъ. Все песками
Сыпучими, да темными лѣсами
Дремучими.

ЛЫТКИНЪ.

Куда жь дорога, Гриша?

ЮРОДИВЫЙ.

Къ честнымъ обителямъ.

ЛЫТКИНЪ.

Одинъ пойдешь?

ЮРОДИВЫЙ.

Нѣтъ, много, много.

ЛЫТКИНЪ.

Что онъ говоритъ?
Сулитъ дорогу, а куда? Извѣстно,
Одна дорога; значитъ, всѣ помремъ;
И, надо полагать, что это вскорѣ.

ГУБАНИНЪ.

Нѣтъ, надо быть, что о другой дорогѣ
Онъ говоритъ.

ТЕМКИНЪ.

Его не разберешь;
Убогой онъ у насъ и малоумный.

ЮРОДИВЫЙ (со слезами).

Нѣтъ, вотъ что: храмы тамъ безъ богомольцевъ,
Безъ пѣнія. Подайте на дорогу!

(Бѣжитъ по сценѣ. Всѣ расходятся по лавкамъ. Входятъ Биркинъ и Семеновъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Семеновъ и Биркинъ.

СЕМЕНОВЪ.

Ну, вотъ, Иванъ Иванычъ, твоего
Отца и благодѣтеля не стало.
Всѣмъ горе, а тебѣ, чай, вдвое.

БИРКИНЪ.

Что жь!
Всѣ подъ Богомъ. Слезами не поможешь!
Всѣхъ мертвыхъ не оплачешь!

СЕМЕНОВЪ.

Это такъ;
А все-таки тебѣ онъ благодѣтель,
Понеже въ люди вывелъ, далъ дорогу.

БИРКИНЪ.

Самъ виноватъ, гордыня обуяла,
Да и къ тому жь съ казаками не ладилъ.

СЕМЕНОВЪ.

И по писанію, блаженъ тотъ мужъ,
Кто къ нечестивымъ на совѣтъ не ходитъ;
Съ ворами какъ же ладить! Не бери
Грѣха на совѣсть! Лихомъ поминать
Не слѣдъ тебѣ такого воеводу.
Его жь убили, онъ же виноватъ!
Не говори! Грѣшишь, Иванъ Иванычъ!

БИРКИНЪ.

Кого жь винить? Бояръ?

СЕМЕНОВЪ (со вздохомъ).

И не бояръ.
Намъ осуждать бояръ не подобаетъ, —

Мы молоды съ тобой и худородны.
А виноватъ во всемъ злохитрый врагъ,
Злокозненый діаволъ, ненавистникъ
Спасенья нашего. Онъ искони
Враждуетъ, искони злоумышляетъ
Расхитить божье стадо и украсть
И погубить въ конецъ. Его-то дѣйствомъ
Междоусобіе и рознь межъ нами,
Вражда и ложь и дьявольская прелесть.
И въ прелести смятеся вся земля.

БИРКИНЪ (оглядываясь).

А въ Нижнемъ шатости не замѣчаешь?

СЕМЕНОВЪ.

Нѣтъ, Богъ хранитъ пока.

БИРКИНЪ.

А знаешь что?
Вѣдь Нижній ключъ всей Волги; за него бы
Король Жигмонтъ иль Владиславъ царевичъ
Намъ дорогую цѣну заплатили,
Кабы привесть къ присягѣ. Воеводой
Быть можно. А тебя въ Москву, въ дьяки,
Въ любой приказъ.

СЕМЕНОВЪ.

Ты шутишь, аль смѣешься?

БИРКИНЪ.

Какъ хочешь понимай!

СЕМЕНОВЪ.

Какъ понимать!
Измѣнникомъ я не былъ и не буду,
И съ дьяволомъ быть въ долѣ не хочу;
Зане отступникамъ страшна кончина!
Идутъ въ адъ, и во святыхъ церквахъ
Поминовенья о такихъ не будетъ,
И приношенья непріятны Богу,
И будетъ имъ мученье безъ конца.

БИРКИНЪ.

Я пошутилъ съ тобой.

СЕМЕНОВЪ.

Иванъ Иванычъ,
Шути съ кѣмъ помоложе. Этихъ шутокъ
Я не люблю, онѣ подвохомъ пахнутъ.

БИРКИНЪ.
Ну, не сердись! не любишь, такъ не стану
Шутить съ тобой; намъ ссориться не слѣдъ:
Не ладно въ Нижнемъ.

СЕМЕНОВЪ.
Полно, что пугаешь,
Иванъ Иванычъ; какъ тебѣ не грѣхъ!

БИРКИНЪ.
И знаешь, кто у насъ заводитъ смуту?

СЕМЕНОВЪ.
Кому же заводить?

БИРКИНЪ.
Кузьма Захарьевъ.

СЕМЕНОВЪ.
Не вѣрю, быть не можетъ.

БИРКИНЪ.
Погоди,
Дай срокъ, увидишь самъ. Всегда толпою
За нимъ народъ валитъ, все шепчутъ что-то
И по ночамъ сбираются къ нему.

СЕМЕНОВЪ.
Нѣтъ.

БИРКИНЪ.
Ты не спорь со мной; развѣдай лучше!

СЕМЕНОВЪ.
Да нѣтъ же, говорю.

БИРКИНЪ.
Не ошибись!

СЕМЕНОВЪ
Не ошибусь я въ этомъ человѣкѣ.
Кузьму я знаю вдоль и поперекъ:
Онъ боекъ на языкъ, упрямъ и дерзокъ,
Въ дѣла мѣшается, за всѣхъ заступникъ;
А все таки души онъ не продастъ;
Сгрубить—сгрубитъ, а смуты не затѣетъ.

БИРКИНЪ.
Отъ грубости до мятежа далеко ль!
Я не люблю, кто бойко говоритъ.

СЕМЕНОВЪ.
Да у меня вѣдь горломъ не возьмешь!
Я не ему чета, молчать заставлю.

БИРКИНЪ.
На то мы власти, чтобы насъ боялись,

Мы черный людъ, какъ стадо, бережемъ,
Какъ стадо, долженъ онъ повиноваться.

СЕМЕНОВЪ.

Я при царѣ Иванѣ началъ службу,
Въ дьякахъ состарѣлся и посѣдѣлъ.
Ужь мы съ Кузьмой не первый годъ воюемъ;
Ты слово, а онъ десять, да зубъ за зубъ.

БИРКИНЪ.

Наскочитъ на меня, такъ будетъ помнить.

СЕМЕНОВЪ.

Ну, и тебя таки честитъ изрядно,
И за глаза все Тушинымъ коритъ,
А тушинцамъ у насъ почету мало;
На Волгѣ ихъ не любятъ.

БИРКИНЪ.

Не бѣда!
Насильно милъ не будешь! Ужь народецъ
У васъ на Волгѣ! Нечего сказать!
Новгородскимъ духомъ такъ и пахнетъ.
Не кстати говорливы! Вотъ ты здѣшній,
Не тушинскій; а тоже говорятъ,
Что ты берешь посулы, что съ живаго
И съ мертваго дерешь, не разбираешь.

СЕМЕНОВЪ.

Да кто же говоритъ?

БИРКИНЪ.

А все Кузьма.

СЕМЕНОВЪ.

Не вѣрь, Иванъ Иванычъ! Все напрасно;
Посуловъ не беру. Онъ злымъ поклепомъ
Меня обноситъ. Да ты самъ ли слышалъ?

БИРКИНЪ.

Самъ слышалъ.

СЕМЕНОВЪ.

Не снесу такой обиды,
Пойду челомъ ударю воеводѣ.

БИРКИНЪ.

Я говорю тебѣ, что онъ мятежникъ;—
Съ народомъ шепчетъ, а властей ругаетъ;
Небось, безъ умыслу? Да кто жь повѣритъ!

СЕМЕНОВЪ.

Его теперь и знать я не хочу,

Ругателя. Не вымолвлю ни слова,
Хоть вѣшайте.

БИРКИНЪ.

А ты пока молчи,
Умѣй скрывать обиду; дожидайся
Поры, да времени. Онъ не уйдетъ
Отъ нашихъ рукъ, запомни это слово.
Я сторожа къ нему приставилъ, знаешь,
Павлушку; онъ хоть зайца прослѣдитъ;
Волкъ травленный, отъ петли увернулся.
Онъ изъ дьячковъ изъ бѣглыхъ, былъ въ подьячихъ,
Проворовался въ чемъ-то; присудили
Его повѣсить, онъ и задалъ тягу.
Теперь веревки, какъ огня боится.

СЕМЕНОВЪ.

Да можетъ быть, и не своей виной
Въ бѣду попался?

БИРКИНЪ.

Мнѣ какое дѣло!
Хоть висѣльникъ, да только бы служилъ.
Ну, и писать гораздъ, мнѣ-то и нужно.
Да мы еще съ тобою потолкуемъ.
Куда пойдешь отсюда?

СЕМЕНОВЪ.

На Оку,
Стерлядокъ искупить недорогихъ бы.

БИРКИНЪ.

Такъ вмѣстѣ и пойдемъ! И я туда же.

(Уходятъ. Изъ Кремля выходитъ Мининъ, за нимъ нѣсколько посадскихъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Мининъ.

ГОЛОСА.

Кузьма Захарьичъ идетъ! Кузьма Захарьичъ идетъ!

(Аксеновъ, Поспѣловъ, Лыткинъ и нѣсколько торговцевъ выходятъ изъ лавокъ).

МИНИНЪ (Лыткину).

А, милый человѣкъ! Какъ поживаешь?

ЛЫТКИНЪ.

Нешто!—таки живемъ; а все тоска,
Кузьма Захарьичъ. Вѣришь ли ты, руки
Отъ дѣла отымаются, и хлѣбъ
На умъ нейдетъ.

МИНИНЪ.

Да, годы испытанья
Наслалъ Господь.

ЛЫТКИНЪ.

Все боязно, Кузьма
Захарьевичъ. Не знаю, что и дѣлать,
Да какъ и быть!

МИНИНЪ.

Надѣяться на Бога
Да денежку на черный день пасти!

АКСЕНОВЪ.

Скажи намъ что нибудь, Кузьма Захарьичъ!

МИНИНЪ.

Дурныя вѣсти изъ Москвы.

АКСЕНОВЪ.

Мы знаемъ.

МИНИНЪ.

Мнѣ Богъ гостей послалъ. Романъ Пахомычъ
Да Родіонъ Мосѣичъ, по старинной
Любви и дружбѣ, стали у меня.
Разсказами всю душу истерзали.
Въ Москвѣ не ладно; надо такъ сказать,
Что хуже не бываетъ. Владиславу
Одни послѣдствуютъ, другіе вовсе
Передались Жигмонту. Хоть и мало
Такихъ отступниковъ, да страхомъ сильны.
И тѣ, которые за Патріарха,
Стоятъ не явственно, бѣды боятся.
А на него-то наша вся надежда,
Онъ наше утвержденіе и столпъ,
Онъ твердый адамантъ въ шатаньи общемъ,
Онъ Златоустъ второй, громитъ безстрашно
Предателей! Отъ нашей стороны
Онъ ждетъ спасенья русскому народу,
И изъ темницы умоляетъ насъ
Стоять за вѣру крѣпко, неподвижно.
Пахомову не разъ онъ говорилъ:

«Спасенье русское придетъ отъ Волги.
«Хорошій, говоритъ, и чистый край!
«Снеси ты имъ мое благословенье!»
Не обезсудьте, что сказалъ вамъ мало!
У самого-то въ головѣ не ладно;
Прокопъ Петровичъ изъ ума нейдетъ.
Пойдемъ-ка потолкуемъ, Петръ Аксенычъ!

(Кланяется на всѣ стороны; всѣ расходятся по лавкамъ. Мининъ и Аксеновъ входятъ на мостки и садятся на скамью подлѣ лавки Аксенова. Поспѣловъ стоитъ у лавки. Съ Нижняго посада выходитъ Колзаковъ и трое стрѣльцовъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Колзаковъ и стрѣльцы.

КОЛЗАКОВЪ и СТРѢЛЬЦЫ (поютъ).

Намъ на Волгѣ жить,
Все ворами слыть;
На Яикъ идти,
Переходъ великъ;
Подъ Казань идти,
Грозенъ царь стоитъ.

КОЛЗАКОВЪ (увидя Минина).

А! Богъ тебя люби, Кузьма Захарьичъ!

МИНИНЪ.

Ступай своей дорогой!

КОЛЗАКОВЪ.

Азъ есмь бражникъ!

МИНИНЪ.

Я вижу.

КОЛЗАКОВЪ.

Видишь, а не осуждай!
Я старый человѣкъ.

МИНИНЪ.

Тебѣ же хуже!

КОЛЗАКОВЪ.

Нельзя не пить; такое время! Вотъ что!
Ты думаешь, я съ радости; я съ горя.
Разстройство! Не возьмешь ничѣмъ! А помнишь,
Какъ помоложе былъ, такъ дѣло дѣлалъ;
Царю Ивану царства покоряли.

А что теперь! Ходили съ воеводой,
И бились тоже, крови не жалѣли;
А съ чѣмъ пришли? Въ глаза-то людямъ стыдно
Глядѣть. Какой я воинъ, братецъ! Срамъ!
И что мы за люди! Прощенья просимъ!
(Отходитъ съ стрѣльцами на другую сторону.)

СТРѢЛЬЦЫ (поютъ).
Намъ идти ль, не идти ль
На Иртышъ на рѣку,
На Иртышъ на рѣку,
Подъ Тоболъ-городокъ.

(Скрываются. Выходитъ Мареа Борисовна, за ней двѣ женщины одѣляютъ деньгами нищихъ. Мининъ идетъ къ ней навстрѣчу.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Мареа Борисовна.

МАРѲА БОРИСОВНА.
А я тебя ищу, Кузьма Захарьичъ!
Ты у обѣдни былъ?

МИНИНЪ.
Привелъ Господь.
Пока есть силы, каждый день бываю,
Не пропускаю.

МАРѲА БОРИСОВНА.
Панихиду слушалъ?

МИНИНЪ.
Я панихиду самъ и заказалъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.
Ужь ты прости меня! Сама не знаю,
Что говорю. Ужь кто же, какъ не ты!
Вотъ горе-то на насъ, Кузьма Захарьичъ!
(Плачетъ.)
Вѣдь я не знала.

МИНИНЪ.
Ночью вѣсть пришла.

МАРѲА БОРИСОВНА.
Какъ услыхала въ церквѣ, обмерла;
Стою, себя не помню; позабыла,
Что помянуть-то надо. Прихожу
Домой къ себѣ, сижу да разливаюсь;

Какъ будто только мнѣ и дѣла; точно
Я не хозяйка въ домѣ. Да ужь послѣ
Хватилась. Разогнала всѣхъ людей
По бѣднымъ, одѣлить хоть понемногу,
Да звать обѣдать. Приказала стряпкамъ
Для нищей братіи обѣдъ готовить.
Зайди, Кузьма Захарьичъ, да зови,
Кого увидишь; вмѣстѣ помянули бъ,
Чѣмъ Богъ послалъ.

МИНИНЪ.

Благодарю за ласку.
А ужь не знаю, какъ тебѣ сказать!
Есть дѣло земское: отъ патріарха
Гонцы сегодня прибѣжали ночью;
Такъ надо бы на воеводскій дворъ
Идти. Чай, позовутъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Такъ ты попозже!
Ужь очень скучно; хоть поговорить бы;
А то изныло сердце.

МИНИНЪ.

Все отъ думы,
Дѣла не радуютъ. Я и пришелъ бы,
Да у меня у самого-то гости:
Изъ Решмы мужичокъ, изъ Балахны,
Да изъ Москвы. Гостей таки довольно.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Покорно просимъ и съ гостями!

МИНИНЪ.

Ладно!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Я очень рада буду, буду ждать.
Пока прощай!

МИНИНЪ.

Прощенья просимъ, Марѳа
Борисовна! Благодарю за память!

(Марѳа Борисовна уходитъ. Аксеновъ и Поспѣловъ выходятъ къ Минину. Павликъ пробирается въ лавку къ Лыткину.)

ПОСПѢЛОВЪ.

Объ чемъ это, Кузьма Захарьичъ, Марѳа
Борисовна съ тобою говорила?

МИНИНЪ.

Къ себѣ звала.

ПОСПѢЛОВЪ.

Пойдешь?

МИНИНЪ.

Нельзя нейдти.
Ее грѣшно обидѣть! Приходите
И вы!

АКСЕНОВЪ.

Святая женщина. Не много
Такихъ на бѣломъ свѣтѣ наберется.
Вся жизнь ея есть Господу хвала.
Во младости цвѣтущей овдовѣла,
И съ той поры, что день, то новый подвигъ.
Спроси сиротъ, спроси убогихъ, нищихъ,
Чьей милостью и сыты и одѣты,
Чья ласка краситъ горькіе ихъ дни!
Да еще плачетъ, что не всѣмъ доходитъ
Ея копейка.

ПОСПѢЛОВЪ.

Кто жь ее не знаетъ!

АКСЕНОВЪ.

На вольномъ свѣтѣ много лѣтъ я маюсь;
А, что грѣшить, не приводилось видѣть
Такого дива. Баба молодая,
Живетъ въ міру, безъ мужа, безъ опоры,
Безъ старшихъ; а черницѣ не уступитъ
Смиреніемъ, пощеньемъ и молитвой.
И весела всегда; печальнымъ видомъ
Мірскихъ людей обидѣть на желаетъ.
Другой ханжа, такъ всѣмъ нарочно кажетъ
Свой тощій обликъ, я–де вотъ пощусь.
Вотъ иногда сберутся наши бабы, —
Ну, праздничное дѣло, ужь извѣстно,
Не всѣ–то трезвы, — къ ней–то и пристанутъ:
«Да выпей съ нами!» — Рада бъ, говоритъ,
«Да я вчера, признаться, согрѣшила:
«Съ подругой все сидѣла, да тянула
«Я медъ, такой–то сладкій показался,
«Не утерпѣла. Нынче не просите!»
Она, чтобъ не обидѣть ихъ, а тѣ
Смѣются съ–дуру, весело имъ, видишь;

Ихъ полку прибыло. А ей до меду ль!
Какой тутъ медъ! И мяса-то не ѣстъ.
Гляди, всю ночь молилась со слезами,
Во власяницѣ, въ теремѣ своемъ,
Съ безсчетными поклонами земными.
А утромъ весела, на пиръ идетъ.
Онѣ смѣются, а она, голубка,
И рада, что ее не очень хвалятъ.
Сама не пьетъ, а любитъ угостить:
Я бражничалъ у ней таки довольно.
Ступайте, братцы! Что жь, коли зоветъ,
Уважить надо.

МИНИНЪ.

Мы пойдемъ. А ты?

АКСЕНОВЪ.

Недужится, ужь старъ. Былъ помоложе,
Такъ по гостямъ ходилъ; теперь и дома
Такъ только впору. Можетъ и приду,
Коль удосужусь, да не разнедужусь.

(Уходитъ въ лавку.)

ПОСПѢЛОВЪ.

Кузьма Захарьичъ! я къ тебѣ съ поклономъ, —
Замѣсто батюшки роднаго будь!
Мнѣ жизнь не въ жизнь: съ утра до поздней ночи
И съ вечера до утренней зари
Все объ одномъ я думаю-гадаю,
Одно мнѣ сна-покою не даетъ.
Ты наведи меня на умъ-на разумъ,
Прямую путь-дорогу покажи!

МИНИНЪ.

О чемъ тоскуешь?

ПОСПѢЛОВЪ.

Какъ бы это молвить!
Такое дѣло, — и сказать-то стыдно,
И утаить-то грѣхъ передъ тобой.
Иль бѣсъ мутитъ, иль ужь судьба такая,
Такой предѣлъ на долю вышелъ. Марѳа
Борисовна все изъ ума нейдетъ.
Повѣришь ли, все я объ ней жалѣю.
Мнѣ жаль ее, что сиротой живетъ,
Одна, какъ перстъ, никто не приласкаетъ,

Печаль–заботу не съ кѣмъ подѣлить.
Ну, кто ее, сиротку, приголубитъ
И, по–родному, крѣпко обойметъ?
Она о бѣдныхъ плачетъ, слезы прячетъ,
А я объ ней. Гляжу, да все боюсь,
Чтобъ на нее и вѣтеръ не повѣялъ,
Осенній дождь не канулъ на лицо,
Чтобъ не озябла, ногъ не замочила.

МИНИНЪ.

Такъ любятъ да жалѣютъ только женъ;
А то грѣшно. Ты ей самой сказалъ ли?

ПОСПѢЛОВЪ.

Не разъ не два мы съ нею говорили,
Отказомъ не обидѣла меня.
Не обѣщаетъ, да и прочь не гонитъ.

МИНИНЪ.

Такое ль время, Алексѣй Михайлычъ!

ПОСПѢЛОВЪ.

Да что мнѣ время! Жить и умирать
Ужь лучше вмѣстѣ. Годы подошли,
Кузьма Захарычъ, мнѣ нужна хозяйка.
Ей двадцать лѣтъ, и мнѣ ужь скоро тридцать;
Она богата, да и я не бѣденъ;
Мы ровни по годамъ и по всему.
Поговори ты ей! Заставь меня
Навѣчно Богу за тебя молиться!
Честна вдова, а мужняя жена
Еще честнѣй въ дому благочестивомъ.

МИНИНЪ.

Придется къ слову, я поговорю.

(Уходитъ въ лавку Аксенова. Павликъ и Лыткинъ выходятъ изъ лавки; къ нимъ постепенно подходятъ изъ другихъ лавокъ и проходящіе.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Павликъ и Лыткинъ.

ПАВЛИКЪ.

Охъ дѣла, дѣла! Какъ сажа бѣла!

ЛЫТКИНЪ.

Такъ ты вѣрно знаешь, что королевичъ скоро будетъ въ Москвѣ?

ПАВЛИКЪ.

Кабы не вѣрно, я бы, другъ любезный, и не говорилъ. Намъ ли съ Иванъ Иванычемъ не знать! Мы люди чиновные, грамотные; а вы что! Чернеть!

ЛЫТКИНЪ.

Что жь потомъ съ нами будетъ, какъ королевичъ придетъ въ Москву?

ПАВЛИКЪ.

А то и будетъ, что спроситъ: «Кто мнѣ слуги вѣрные?» Ему скажутъ, а онъ будетъ ихъ жаловать. «А кто, спроситъ, намъ супротивники?» Скажутъ на насъ, ну и пошлетъ королевичъ рать-силу великую, безъ числа, и не оставятъ камня на камнѣ.

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Вяземскій подходилъ, да много ли взялъ!

ПАВЛИКЪ.

Что ты знаешь! Съ огненнымъ боемъ придутъ, какъ тутъ устоять!

ЛЫТКИНЪ.

Раззоръ, братцы.

ПАВЛИКЪ.

Все можетъ быть, все можетъ быть. Такъ не лучше ли намъ заблаговременно....

(Увидавъ Минина, который съ Поспѣловымъ вышелъ изъ лавки, говоритъ что-то шепотомъ.)

МИНИНЪ.

Постой! что за народъ? О чемъ толкуетъ?
Того и жди, что смута заведется.
Изъ воровскихъ полковъ съ подсылломъ много
Народу набѣгаетъ; не усмотришь,
Проѣзжій городъ. А, да это нашъ,
Изъ Биркинскихъ людей, Павлушко, писчикъ.
Негодный человѣчишко, за нимъ
Глядѣть, да и глядѣть! Что за охота
Держать такую дрянь, не знаю, право!
Послушаемъ-ко, что онъ тамъ толкуетъ.

(Подходятъ къ толпѣ.)

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Ну, что жь ты замолчалъ? — Что языкъ-то прикусилъ?

ПАВЛИКЪ.

Я живу съ краю, ничего не знаю, мое дѣло сторона.

(Убѣгаетъ).

МИНИНЪ.

Что онъ мололъ?

ГОЛОСА ИЗЪ ТОЛПЫ.

Да много говорилъ.—
Про королевича. — Да разореньемъ
Все намъ грозитъ.

ЛЫТКИНЪ.

Такія страсти
Наговорилъ, не знаешь, что и дѣлать.

МИНИНЪ.

Какъ только вамъ не грѣхъ воришекъ слушать,
Бездѣльныхъ, шлющихся! Развѣсьте уши,
Имъ на руку, они тому и рады.
Ихъ много изрыгнулъ на Русь святую
Огнедыхательный діаволъ, поядатель
Душъ человѣческихъ, злохитрый змѣй.

ГОЛОСА ИЗЪ ТОЛПЫ.

Да кто жь ему повѣритъ! — Зря болтаетъ! —
Учи насъ, вразумляй, Кузьма Захарычъ!

МИНИНЪ.

Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не целовать
Ни Владиславу, ни кому другому
Изъ иноземцевъ, — ждать, кого на царство
Пошлетъ Господь и выберетъ земля.
Намъ государь — великій патріархъ,
Другаго нѣтъ у насъ. Что скажетъ — свято.

НАРОДЪ.

Что намъ прикажетъ, то и будемъ дѣлать.

МИНИНЪ.

Сегодня отъ него пришли гонцы.
Мы грамоту прочтемъ и вамъ объявимъ
Его приказъ и земское рѣшенье.

(Вбѣгаетъ нѣсколько человѣкъ.)

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Отписки изъ Москвы! Гонцы съ вѣстями!

ГОЛОСА ИЗЪ ЛАВОКЪ.

Куда идутъ?

ОДИНЪ ИЗЪ ВНОВЬ ПРИШЕДШИХЪ.

На воеводскій дворъ.

ДРУГОЙ.

Письмо отъ патріарха Ермогена.

(Площадь наполняется. Входитъ Романъ Пахомовъ и Родіонъ Мосѣевъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Романъ Пахомовъ и Родіонъ Мосѣевъ.

РОДІОНЪ МОСѢЕВЪ.

Честнымъ Нижегородцамъ изъ Москвы,
Отъ разоренныхъ и плѣненныхъ братій
Поклонъ мы правимъ низкій, до земли.
(Кланяется, всѣ кланяются).

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Честному духовенству, воеводамъ
И всѣмъ, и старшимъ и молодшимъ людямъ
Благословеніе отъ патріарха.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БИРКИНЪ.—СЕМЕНОВЪ.—МИНИНЪ.—АКСЕНОВЪ.—ТЕМКИНЪ. ГУБАНИНЪ.—НАРОДЪ.

Мѣсто въ Кремлѣ близь воеводскаго дома.

ЯВЛЕНІЕ I.

Темкинъ и Губанинъ и нѣсколько народа стоятъ возлѣ дома. Аксеновъ выходитъ изъ дома.

ТЕМКИНЪ.

Что, Петръ Аксенычъ, объ чемъ читали?

АКСЕНОВЪ.

Великій господинъ нашъ патріархъ пишетъ, чтобы паньина Маринкина сына, Ивашку, на царство намъ отнюдь не хотѣть, и чтобы были мы въ любви и въ соединеніи и промышляли бы, какъ души свои положить за вѣру. Да и на словахъ про тоже приказывалъ Роману Пахомычу да Родіону Мосѣичу.

ТЕМКИНЪ.

Что жь вы такъ долго?

АКСЕНОВЪ.

Много разговору было. Кузьма на одномъ стоялъ, что грѣхъ

намъ, сложа руки, сидѣть; а надо, какъ ни-на-есть, промышлять на супостата.

ТЕМКИНЪ.

Что жь воеводы?

АКСЕНОВЪ.

Не давали ему путемъ слова вымолвить. А пуще Биркинъ да Семеновъ,—оборвали, обругали. А за что? Диви бы онъ о своемъ дѣлѣ радѣлъ! Вотъ какова злоба-то въ человѣцѣхъ!

ТЕМКИНЪ.

Доведись мнѣ, я бы съ ними поговорилъ. Я бы ихъ отчиталъ; такъ бы и вцѣпился.

ГУБАНИНЪ.

Какъ имъ не грѣхъ! Какъ это они Бога-то не боятся! Ахъ страмъ какой! Какъ это у людей стыда нѣтъ въ глазахъ!

(Выходятъ изъ дому: Биркинъ Семеновъ и Мининъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Биркинъ, Семеновъ и Мининъ.

СЕМЕНОВЪ.

Наслушались мы вдоволь разговору
Сегодня. Сытъ ли ты, Иванъ Иванычъ?

БИРКИНЪ.

По горло сытъ. Отъ вашихъ разговоровъ
Завяли уши.

СЕМЕНОВЪ.

Ну, Кузьма Захарьевъ,
Спасибо за науку! Угостилъ
Насъ дураковъ разумными рѣчами;
Такъ и сидѣли всѣ, развѣся уши,
Да слушали.

БИРКИНЪ.

Ну, какъ его не слушать
Онъ всѣхъ умнѣй! Ишь, краснобай какой!

МИНИНЪ.

Не помню я, что говорилъ; быть можетъ,
Кого обидѣлъ словомъ. Не вините;
Не самъ я говорилъ, кровь говорила.

СЕМЕНОВЪ.

Обидѣть не обидѣлъ, грѣхъ сказать;
А насказалъ довольно, не уложишь
Въ большой мѣшокъ.

БИРКИНЪ.

Да кто же виноватъ?
Мы сами дали волю, такъ и слушай!
А онъ и радъ.

МИНИНЪ.

Да кто же запретитъ
Мнѣ говорить?

СЕМЕНОВЪ.

Да всякій, кто постарше.

МИНИНЪ.

За вѣру православную стою,
Не за дурное что. Молчать нельзя мнѣ.

СЕМЕНОВЪ.

Вѣдь ты еще не воевода! Скажутъ,
Чтобъ говорилъ, — такъ говори, что хочешь;
А скажутъ: замолчи! Такъ замолчишь.

МИНИНЪ.

Не замолчу. На то мнѣ данъ языкъ,
Чтобъ говорить. И говорить я буду
По улицамъ, на площади, въ избѣ,
И пробуждать, какъ колоколъ воскресный,
Уснувшія сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не такъ. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо — не слушай;
А замолчать меня заставить трудно.
Я не свои вамъ рѣчи говорилъ;
Великій господинъ нашъ, патріархъ,
Того же проситъ. Пусть насъ Богъ разсудитъ,
Кто правъ, кто виноватъ. Вы не хотѣли
Повѣрить мнѣ; смотрите, не пришлось бы
Вамъ каяться.

СЕМЕНОВЪ.

Тебѣ повѣрить? Ишь ты,
Чего ты захотѣлъ! Ты будь доволенъ,
Что слушали, молчать не заставляли.

БИРКИНЪ.

Да изъ избы не выгнали тебя.

(Уходятъ, и за ними всѣ, исключая Минина и Аксенова.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Мининъ и Аксеновъ.

МИНИНЪ.

Знать, имъ не жаль ни крови христіанской,
Ни душъ своихъ. Какая имъ корысть!
Самимъ тепло, а братію меньшую
Пусть врагъ сѣчетъ и рубитъ, да и души
Насильнымъ крестнымъ цалованьемъ губитъ.
Просилъ я ихъ со многими слезами,
Какую ни-на-есть, придумать помощь, —
И слышать не хотятъ. Не ихъ, вишь, дѣло.
Такъ чье же?

АКСЕНОВЪ.

Не надѣйтеся на князи!
(Уходитъ.)

МИНИНЪ.

И въ правду. Намъ теперь одна надежда
На Бога. Помощи откуда ждать!
Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чистъ предъ Богомъ? Только чистый можетъ
Святое дѣло честно совершить.
Народъ страдаетъ, кровь отмщенья проситъ,
На небо вопіетъ. А кто подыметъ,
Кто поведетъ народъ? Онъ безъ вождя,
Какъ стадо робкое, разсѣянъ розно.
Вождя, печальника о насъ, убили
Измѣной адской. Гдѣ искать другаго!
Нѣтъ помощи земной, попросимъ чуда;
И сотворитъ Господь по нашей вѣрѣ.
Молиться надо! Въ старину бывало,
Что въ годы тяжкіе народныхъ бѣдствій
Богъ воздвигалъ вождей и изъ народа.
Не за свои грѣхи, а за чужіе
Онъ переноситъ тягостную кару.
Избитъ, ограбленъ! Нынче сытъ съ семьей,
А завтра [illegible] сухую корку,
Послѣднюю, что берегли ребятамъ;
Сегодня дома, завтра въ лѣсъ бѣги,

Бросай добро, лишь о душѣ заботься,
Да изъ кустовъ подглядывай, что звѣрь,
Какъ жгутъ и грабятъ, потомъ нажитое.
Поймаютъ, — силой приведутъ къ присягѣ,
Кривить душой, крестъ вору цаловать.
Да и не счесть всѣхъ дьявольскихъ насилій,
И мукъ непереносныхъ не исчислить!
И все безропотно и терпѣливо
Народъ несетъ, какъ будто ждетъ чего.
Возможно ль, чтобъ попустилъ погибнуть
Такому царству праведный Господь!
Вонъ огоньки зажглись по берегамъ.
Бурлаки, трудъ тяжелый забывая,
Убогую себѣ готовятъ пищу.
Вонъ пѣсню затянули. Нѣтъ, не радость
Сложила эту пѣсню, а неволя,
Неволя тяжкая и трудъ безмѣрный,
Разгромъ войны, пожары деревень,
Житье безъ кровли, ночи безъ ночлега.
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Всѣ слезы съ матушки широкой Руси,
Новгородскія, псковскія слезы,
Съ Оки и съ Клязьмы, съ Дона и съ Москвы,
Отъ Волхова и до широкой Камы.
Пусть всѣ онѣ въ одну сольются пѣсню,
И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнемъ,
И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ.
О, Господи! Благослови меня!
Я чувствую невѣдомыя силы,
Готовъ одинъ поднять всю Русь на плечи,
Готовъ орломъ летѣть на супостата,
Забрать подъ крылья угнетенныхъ братій
И грудью въ бой кровавый и послѣдній.
Часъ близокъ! Смерть злодѣямъ! Трепещите!
Изъ дальняго Кремля грозитъ вамъ Мининъ.
А если Богъ отступитъ отъ меня
И за гордыню покарать захочетъ;
Успѣха гордымъ замысламъ не дастъ,
Чтобъ я не мнилъ, что я его избранникъ, —
Тогда я къ вамъ приду, бурлаки-братья,

И съ вами запою по Волгѣ пѣсню,
Печальную и длинную затянемъ.
И зашумятъ ракитовы кусты,
По берегамъ песчанымъ нагибаясь;
И позабудетъ бросить сѣть рыбакъ,
И въ тихомъ плесѣ на челнѣ заплачетъ;
И дѣвка съ ведрами на коромыслѣ,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется съ горы и станетъ слушать,
И, рукавами слезы утирая,
Широкія измочитъ рукава;
Бурлаки запоютъ ее подъ лямкой
И Балахонцы за своей работой
Надъ новою расшивой съ топорами.
И понесется пѣсня, и прольется
Изъ вѣка въ вѣкъ, пока стоитъ земля.
О, Господи! Грѣшуя я; малъ я духомъ,
Смѣлъ усумниться въ благости твоей!
Нѣтъ, прочь сомнѣнья! Перстъ твой вижу ясно.
Со всѣхъ сторонъ мнѣ шепчутъ голоса:
«Возстань за Русь, на то есть воля Божья!»
(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАРѲА БОРИСОВНА.—ДОМНА, старуха.—МИНИНЪ.—АКСЕНОВЪ.—ПОСПѢЛОВЪ.—ИВАНЪ КУВШИННИКОВЪ, сотникъ изъ Балахны.—ГРИГОРІЙ ЛАПША, крестьянинъ изъ Решмы — предводители возстанія на Волгѣ. — ЮРОДИВЫЙ. — ДѢВУШКИ.

(Просторная бревенчатая свѣтлица. Въ правой стѣнѣ два маленькихъ окна; на лѣвой сторонѣ перегородка съ рѣшетчатымъ росписнымъ верхомъ; въ концѣ перегородки узенькая дверь; за дверью рѣзной и росписной столбъ, въ которомъ утвержденъ верхній брусъ перегородки; прямо за столбомъ и до самаго угла изразцовая печь; въ задней стѣнѣ выходная дверь; по задней и по правой стѣнѣ лавки; съ правой стороны, большой дубовой столъ; у перегородки небольшая приставная скамья; у задней стѣны нѣсколько пяльцевъ. Лавки, полки, косяки съ рѣзьбой).

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ: Домна, юродивый и дѣвушки, и потомъ Мароа Борисовна.

ДОМНА.

Ну, дѣвушки, примайтесь за работу!
(Дѣвушки садятся за пяльцы).
А ты, убогонькій, у насъ ночуешь!
Что по дворамъ проситься, на ночь глядя!
Пойдешь къ заутрени, и насъ разбудишь.

(Юродивый садится къ печкѣ. Мароа Борисовна выходитъ въ задумчивости изъ-за перегородки и садится на скамью съ лѣвой стороны. Домна садится у ногъ ея на низенькой скамейкѣ.)

А ты бы намъ сказала что нибудь.
Ишь память-то какая золотая!
А у меня такъ словно рѣшето;
Что ни услышу, тутъ же и забуду.
Ты давеча не досказала утромъ
Намъ про царевича, какъ открывали;
Вотъ, благо время, доскажи теперь!

МАРОА БОРИСОВНА.

Да, дѣвушки, произволеньемъ Божьимъ,
И въ наше время чудо совершилось.
И говорятъ, все цѣло: ожерелье
Жемчужное, шириночка въ рукѣ
Тафтяная, вся золотомъ расшита
И серебромъ, кафтанчикъ на хребтахъ
На бѣличьихъ и сапожки; все цѣло....
Да горсть орѣшковъ; какъ его убили,
Въ рукахъ держалъ орѣхи; обагрились
Орѣшки кровью; такъ и положили
Съ нимъ вмѣстѣ. Вотъ какое чудо было!
Перенесли изъ Углича въ Москву,
Тамъ и стоитъ, и многихъ исцѣляетъ.
(Молчаніе.)

ДОМНА.

Замолкли. Тихій ангелъ пролетѣлъ.

МАРОА БОРИСОВНА.

Чѣмъ молча-то сидѣть, такъ лучше спойте

Намъ «О пустынѣ» стихъ душеполезный,
Любимый мой.

ДОМНА.

Благое дѣло — славить
На всякій день и часъ Господне имя,
Да и работа, говорятъ, спорится
За пѣніемъ благочестивымъ. Пойте!

ДѢВУШКИ (поютъ).

Пустыня прекрасная!
Меня многогрѣшную,
Какъ чадо свое, пріими,
Любимая мать моя,
Въ пристанище тихое,
Въ безмолвныя нѣдра свои!
Чертоги высокія
И ризы богатыя
Меня отъ грѣховъ не спасутъ.
Богатства и почести
Всѣ тлѣнны и суетны,
Не станутъ со мною на судъ.
Луга твои тихіе,
Цвѣты испещренные,
И красенъ и дивенъ твой садъ!
Деревья кудрявыя,
И листье зеленое
Въ пустынѣ безъ вѣтра шумятъ.

(Останавливаются. Всѣ прислушиваются).

ДОМНА.

Стучится нѣкто.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Отопри, поди!

(Дѣвушки собираютъ работу. Домна уходитъ, и скоро возвращается).

ДОМНА.

Гостей веду. Идетъ Кузьма Захарьичъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Одинъ, или ведетъ кого нибудь?

ДОМНА.

Какіе-то незнаемые люди.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Подите, дѣвушки!

(Дѣвушки уходятъ. Входятъ: Мининъ, Кувшинниковъ и Лапша).

ЯВЛЕНІЕ II.

Мароа Борисовна, Домна, Мининъ, Кувшинниковъ, Лапша и юродивый.

МАРѲА БОРИСОВНА.
Покорно просимъ.

(Домнѣ).

А ты поди да принеси медку!

(Домна уходитъ).

МИНИНЪ.
Съ гостями; ужь не осуди!

МАРѲА БОРИСОВНА.
И, что ты!

МИНИНЪ.
Иванъ Кувшинниковъ, изъ Балахны,
Начальный человѣкъ; а это Гриша
Лапша, изъ Решмы, тоже воевода.
Взялъ мужичковъ, кой-чѣмъ вооружились,
Да съ Богомъ и пошли на супостата.
И Богъ помогъ, себя не осрамили.

МАРѲА БОРИСОВНА.
Ну, вотъ спасибо за такихъ гостей!
Прошу садиться!

КУВШИННИКОВЪ.
Ты, Кузьма Захарьичъ,
Садись впередъ.

МИНИНЪ.
Вы гости, я здѣсь свой.

КУВШИННИКОВЪ.
Лапша, садись!

ЛАПША.
Нѣтъ, мнѣ не подобаетъ.
Садись, я за тобой.

(Садятся.)

МИНИНЪ.
Ну, вотъ и ладно.

(Садится.)

А! Да и Гриша здѣсь!

МАРѲА БОРИСОВНА.
Ступай-ко въ кухню,
Да и ложись на печку; там теплѣе.

ЮРОДИВЫЙ.

Прощайте!

(Уходитъ.)

МИНИНЪ.

Божій человѣкъ. Лѣтъ съ восемь
Тому, къ намъ въ городъ онъ еще ребенкомъ
Пришелъ и сѣлъ на паперти церковной.
Откуда, кто такой,—никто не знаетъ.
Должно быть сирота бездомный. Мало
И говоритъ, и только церковь любитъ.
Ѣстъ, что дадутъ, спитъ, гдѣ укажутъ. Разумъ
Не хитрый у него, а богомоленъ:
Пристанетъ къ богомольцамъ да и бродитъ
По всѣмъ обителямъ. Въ Москву ходилъ,
И въ Кіевъ, и къ Ростовскимъ чудотворцамъ.
Прослышалъ онъ про разоренье наше,
И слабый умъ въ немъ больше помутился;
Еще онъ тише сталъ, еще святѣе,
И все сбирается куда-то, денегъ
Все на дорогу проситъ. И за мной
Онъ слѣдомъ ходитъ и въ глаза мнѣ смотритъ,
Какъ будто онъ прочесть въ нихъ хочетъ что-то,
Иль ждетъ чего. А спросишь, такъ молчитъ.
Не разговорчивъ онъ; вотъ развѣ вспомнитъ
Про красоту обителей святыхъ,
Тогда разговорится и представитъ,
Какъ въ очію, и красоту лѣсовъ,
И горъ и рѣкъ широкихъ. Все бы слушалъ!
И умный не разскажетъ такъ, какъ онъ.

(Домна приноситъ медъ въ жбанѣ и стопку на оловянной тарелкѣ. Мароа Борисовна беретъ стопку. Домна наливаетъ.)

МАРѲА БОРИСОВНА (поднося Кувшинникову).

Медку пожалуйте, честные гости!

КУВШИННИКОВЪ.

У насъ такъ все съ хозяйки начинаютъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Нѣтъ, батюшко, уволь! Пила довольно.

КУВШИННИКОВЪ.

Неволить не могу, я не указчикъ
Въ чужомъ дому.

(Кланяется, пьетъ, и хочетъ поставить стопку).

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ужь просимъ обо всей!

(Кувшинниковъ допиваетъ. Домна наливаетъ, Марѳа Борисовна подноситъ Лапшѣ).

Григорій.... Какъ по отчеству не знаю....

ЛАПША.

Петровичъ былъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Покорнѣйше прошу!

ЛАПША.

Ужь мнѣ-то пить ли?

МИНИНЪ.

Пей!

ЛАПША.

Оно, какъ будто,

Не складно мужику-то?

МИНИНЪ.

Не осудимъ.

ЛАПША (беретъ и кланяется).

Желаю здравствовать на многи лѣта!

(Пьетъ. Домна наливаетъ).

МАРѲА БОРИСОВНА (поднося Минину).

Кузьма Захарьичъ!

МИНИНЪ (отпивъ немного, ставитъ стопу).

Больше не просите!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ну, какъ угодно.

(Входятъ Аксеновъ и Поспѣловъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Аксеновъ и Поспѣловъ.

МИНИНЪ.

Вотъ и наши идутъ.

АКСЕНОВЪ.

Здорова ли ты здѣсь?

МАРѲА БОРИСОВНА.

Кажись, здорова.

(Подноситъ имъ меду и, молча, приглашаетъ садиться).

ПОСПѢЛОВЪ (Аксенову).

Тебѣ впередъ.

АКСЕНОВЪ.

Не мѣстомъ, человѣкомъ.

(Садятся. Мароа Борисовна подвигаетъ скамѣйку и садится. Молчаніе).

МАРѲА БОРИСОВНА.

Послушать бы теперь, Кузьма Захарьичъ,
Твоихъ рѣчей. Сладка твоя бесѣда.

МИНИНЪ.

Да рѣчь–то у меня одна все, Марѳа
Борисовна.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ее-то намъ и нужно.

МИНИНЪ.

Ну, такъ начнемъ! Москва разорена?

АКСЕНОВЪ.

Разорена.

МИНИНЪ.

Такъ ей и оставаться?

КУВШИННИКОВЪ.

Какъ можно!

ЛАПША.

Что ты!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Сохрани Господь!

МИНИНЪ.

Москва намъ корень; прочимъ городамъ?

АКСЕНОВЪ.

Извѣстно, корень. Что и говорить!

МИНИНЪ.

А если корнемъ основанье крѣпко,
Тогда стоитъ и древо неподвижно;
А корени не будетъ, — прилѣпиться
Къ чему?

ЛАПША.

Ну, что ужь!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Господи помилуй!

МИНИНЪ.

Москва кормилица, Москва намъ мать!

КУВШИННИКОВЪ.

Кормилица и мать.

ЛАПША.

Родная мать.

МИНИНЪ.

А развѣ дѣти могутъ мать покинуть
Въ бѣдѣ и горѣ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Мы не покидали.
Ты самъ ходилъ съ Алябьевымъ по Волгѣ
И по Окѣ, и воры васъ боялись.
Мы съ Рѣпнинымъ ходили и къ Москвѣ,
Да воротились, отъ того, что ладу
Богъ не далъ воеводамъ. Грѣхъ на нихъ!
Имъ отвѣчать, а мы не виноваты.
Мы головы свои несли и души
За вѣру православную сложить, —
Господь не принялъ.

АКСЕНОВЪ.

Не было стратиговъ.

МИНИНЪ.

Тогда Пожарскій съ Ляпуновымъ были
Вожди искусные. Спроси, о комъ
Народъ молебны пѣлъ? О Ляпуновѣ
Да о Пожарскомъ князѣ. Знать, молитвамъ
Не внялъ Господь за прегрѣшенья наши.

АКСЕНОВЪ.

Пожарскій раненъ, Ляпуновъ убитъ.

МИНИНЪ.

Осиротѣла Русь! Ни воеводы,
Печальника о насъ сиротахъ бѣдныхъ,
Ни патріарха, ни царя: Какъ стадо
Безъ пастыря, мы бродимъ, злому волку —
Губителю добыча.

ПОСПѢЛОВЪ.

Бить волковъ!

КУВШИННИКОВЪ.

Извѣстно, бить! Ужь будетъ, потерпѣли!

ЛАПИНЪ.

Мы топоры и косы отточили,
Которые объ нихъ же притупили.

ПОСПѢЛОВЪ.

Душа кипитъ, давно простору проситъ
И руки чешутся.

МАРѲА БОРИСОВНА.

За чѣмъ же дѣло

Откладывать? Благословясь, да съ Богомъ,
Не мѣшкая!

АКСЕНОВЪ.

Отложишь поневолѣ.
Что скоро, то не споро, говорятъ.

МИНИНЪ.

Друзья, повѣрьте мнѣ, такія рѣчи
И слушать весело, и слезы льются
Отъ радости; а все таки Аксенычъ
Намъ правду молвилъ. Не такое дѣло,
Чтобъ торопиться.

АКСЕНОВЪ.

Надо разсудить,
Да поразмыслить.

ПОСПѢЛОВЪ.

Думать ваше дѣло.

МИНИНЪ.

Что есть у насъ? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы. Прежде нужны деньги;
Соберемъ казну, и люди соберутся,
Стрѣльцы, казаки. Всякаго народу
По свѣту бѣлому довольно бродитъ
Безъ дѣла и безъ хлѣба; рады будутъ
Трудомъ себѣ копейку заработать.
Не все же грабить! Хоть не всѣ, а помнятъ,
Что есть Богъ на небѣ, что Онъ судья
Всѣхъ дѣлъ и тайныхъ помышленій нашихъ.
А воеводу міромъ изберемъ.

АКСЕНОВЪ.

Кого излюбимъ, тотъ у насъ и будетъ.

МИНИНЪ.

Казна всего нужнѣе.

АКСЕНОВЪ.

Вѣрно слово.

МИНИНЪ.

Гдѣ взять казны?

ПОСПѢЛОВЪ.

Собрать, Кузьма Захарьичъ.

МИНИНЪ.

Да много ли сберешь! На разговоры
Всѣ тороваты, а коснись до дѣла,
Такъ и попрячутся. Не то что денегъ,
И тѣхъ, что посулили, не найдешь.

ПОСПѢЛОВЪ.
А ты не обижай, Кузьма Захарьичъ!
АКСЕНОВЪ.
Не обижаетъ, дѣло говоритъ.
МАРѲА БОРИСОВНА.
Вотъ все, что есть, возьмите, коли нужно.
МИНИНЪ.
Душа святая! О тебѣ нѣтъ рѣчи!
Твои достатки и тебя мы знаемъ.
Ты все отдашь, и я отдамъ и онъ, —
Все будетъ мало. Съ чѣмъ тутъ приниматься!
И только что обидимъ мы безъ пользы
Самихъ себя, а дѣлу не поможемъ.
МАРѲА БОРИСОВНА.
Хоть и не много соберемъ, все помощь.
МИНИНЪ.
Какая жь помощь?
МАРѲА БОРИСОВНА.
Мы къ Москвѣ пошлемъ.
МИНИНЪ.
Кому? Заруцкому да Трубецкому?
Возьмутъ, да и спасиба намъ не скажутъ.
Нѣтъ, надо погодить сбирать казну.
Я говорилъ сегодня воеводамъ,
Просилъ ихъ порадѣть о земскомъ дѣлѣ,
Да не хотѣли слушать. Дьякъ Семеновъ
Да Биркинъ чуть не выгнали меня.
Какъ на врага какого ополчились,
Обидѣли меня и обругали.
Не вѣдаю, за что напасть такая!
Когда ужь власти не хотѣли слушать,
Кто насъ послушаетъ! Въ бѣдахъ и въ горѣ
Сердца окаменѣли. О себѣ
Печется каждый, ближнихъ забывая.
МАРѲА БОРИСОВНА.
Такъ что же дѣлать намъ, Кузьма Захарьичъ?
МИНИНЪ.
Самихъ себя сначала приготовить
Должны мы; помыслы постомъ очистить,
Говѣньемъ волю утвердить на подвигъ
И скорому помощнику молиться;
Онъ дастъ намъ разумъ, дастъ намъ силу слова,

Сухимъ очамъ пошлетъ источникъ слезъ;
Тогда пойдемъ будить уснувшихъ братій
И божьимъ словомъ зажигать сердца.
(Встаетъ и всѣ за нимъ).

АКСЕНОВЪ.

На проповѣдь выходятъ, какъ на битву
Во всеоружіи. Не всѣмъ подъ силу
Высокая апостольская доля!

МИНИНЪ.

Молись да жди, пока Господь сподобитъ
Тебя такую вѣру ощутить
Въ душѣ твоей, что ты не усомнишься
Съ горами рѣчь вести и приказать
Горамъ сползти съ широкихъ основаній
И двинуться къ тебѣ, и будешь вѣрить,
Что двинутся; тогда покинь свой домъ,
Себя забудь и дѣлъ своихъ не дѣлай!
На улицу, на площадь, на базары,
Гдѣ есть народъ, туда и ты иди!
Тогда пошлемъ по дальнимъ городамъ;
А по окольнимъ разойдемся сами,
И нашихъ устъ смиренные глаголы
Польются въ души, и сердца въ народѣ
Затеплятся, какъ свѣчи предъ иконой.
Давайте руки! Кто за Божье дѣло?

ВСѢ.

Мы всѣ идемъ!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Благослови васъ Богъ!

МИНИНЪ.

Мы будемъ знаменья просить у Бога,
Когда начать. Онъ самъ покажетъ время.
Тогда сбирать казну на помощь ратнымъ!
Сбирать людей на выручку Москвы!
И пусть тогда, кто носитъ крестъ на тѣлѣ,
Приноситъ въ сборъ всѣ животы свои,
Душа твоя нужна,— отдай и душу!

АКСЕНОВЪ.

Помолимся! Благословенно буди
Господне имя нынѣ и до вѣка!
Прощай, хозяюшка.

МАРѲА БОРИСОВНА.
Прощенья просимъ.
КУВШИННИКОВЪ.
За угощенье!
МАРѲА БОРИСОВНА.
Ну, ужь не взыщите!
Чѣмъ Богъ послалъ.
ЛАПША.
За ласковое слово.
МАРѲА БОРИСОВНА.
На-предки не забудьте!
МИНИНЪ.
Ваши гости!
(Уходятъ, кромѣ Поспѣлова).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марѳа Борисовна, Поспѣловъ, Домна и потомъ дѣвушки.

МАРѲА БОРИСОВНА.
Покличь-ко дѣвокъ, Домнушка, сюда.
Да и сама приди!
ДОМНА.
Какъ разъ, я духомъ.
(Уходитъ. Молчаніе).
МАРѲА БОРИСОВНА.
Ты, Алексѣй Михайлычъ, на дорожку
Медку не хочешь ли?
ПОСПѢЛОВЪ.
Пожалуй, выпью.
Да не объ медѣ рѣчь! Мнѣ слаще меда
Твой разговоръ.
МАРѲА БОРИСОВНА.
Какой проказникъ! Право!
(Подноситъ медъ, Поспѣловъ пьетъ).
ПОСПѢЛОВЪ.
Повѣрь, не до проказъ. Меня ты знаешь;
Съ покойникомъ твоимъ мы дружно жили,
Росли мы вмѣстѣ, вмѣстѣ воевали;
Одна душа у насъ, одинъ обычай.
(Молчаніе).
Родныхъ, что было, примерли давно;
Я круглымъ сиротой остался, Марѳа

Борисовна. Сладка ли жизнь такая!
Ты мнѣ роднѣе всѣхъ. Чѣмъ я не любъ,
Скажи?

МАРѲА БОРИСОВНА.

И, что ты! что ты! Богъ съ тобой!
Съ чего ты взялъ? Нѣтъ, ты не обижай!
Кто говоритъ тебѣ, что ты не любъ мнѣ!
(Входятъ: Домна и дѣвушки, молча, садятся за работу).

ПОСПѢЛОВЪ.

Ну, любъ, такъ ладно. Вотъ спасибо, Марѳа
Борисовна! Сказалъ бы я словечко
Еще тебѣ; боюсь—не прогнѣвить бы.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Какъ не грѣшно тебѣ! Да чѣмъ же можешь
Ты прогнѣвить меня!

ПОСПѢЛОВЪ

Своей любовью.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ахъ!... Нѣтъ.... я право.... Что тебѣ смотрѣть
На гнѣвъ мой! Что же, развѣ что дурное
Ты говоришь мнѣ! Ты не виноватъ,
Что съ добрымъ сердцемъ ты на свѣтъ родился.
Какая же въ любви обида! Мнѣ
Тебя благодарить за это надо.

ПОСПѢЛОВЪ.

Давно ужъ я сбираюсь съ духомъ, Марѳа
Борисовна, хочу тебѣ сказать:
Будь мнѣ женою; съ честными вѣнцами
На головахъ и съ радостью на лицахъ,
По соболямъ, войдемъ въ мой домъ просторный
Жить-поживать и въ холеньѣ и въ нѣгѣ,
И за любовь до гробовой доски
Дѣлить и радость пополамъ и горе.
Другой бы я сказалъ, не побоялся,—
А предъ тобой, какъ точно передъ грознымъ
Царемъ стою, жду милости, иль казни;
Боюсь, что словомъ, ровно какъ злодѣю,
Ты снимешь голову съ могучихъ плечъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Нѣтъ, ты меня не бойся.... Пожалѣй
Ты слабость женскую! Медовой рѣчью

Вдовѣ мірскаго счастья не сули!
Ты не мути мой тихій сонъ мечтою,
И вдовьихъ слезъ моихъ не отнимай!
Послушай, мой желанный! Я по правдѣ
Скажу тебѣ: ты любъ мнѣ, я другаго
Хозяина себѣ и не желаю.
Ты, Алексѣй Михайлычъ, мужъ такой,
Какого не найдешь.... Да только вотъ что:
То не здоровится, то дѣла много
По дому, знаешь. Какъ-то все не время....
Повѣришь ли, съ ногъ сбилась отъ заботы.
Мы лучше ужь немного подождемъ.
Ты не печалься, Алексѣй Михайлычъ!
Еще вѣдь наше время не ушло. (Молчаніе).
Я, можетъ, и не такъ что разсудила,
Ты не взыщи! Таковъ нашъ бабій разумъ.
Тебя мнѣ жаль, вотъ видитъ Богъ что жаль.
Да что же дѣлать, неудобно время.

ПОСПѢЛОВЪ.

Голубушка! Зачѣмъ себя ты губишь!
Въ твоей порѣ, тебѣ бы только ласку!
Отъ ласки женскій полъ еще цвѣтнѣй!
Что сохнуть-то тебѣ одной, какъ въ кельѣ,
И день и ночь съ ворчливою старухой
Все объ одномъ и томъ же толковать!
Тебя бы цаловать, да миловать,
Да крѣпко къ сердцу прижимать!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ну, будетъ!
Мы послѣ какъ нибудь поговоримъ.
Не до того мнѣ, Алексѣй Михайлычъ!
Такъ голова съ чего-то разболѣлась,
Ужь и не знаю. Лучше не тревожь
Меня теперь! Найдемъ такое время
Свободное.

ПОСПѢЛОВЪ.

Изволь, моя родная!
Ждалъ долго, можно подождать еще.
Прощенья просимъ!

МАРѲА БОРИСОВНА.

И меня прости.

Господь съ тобой!

ПОСПѢЛОВЪ.

Богъ дастъ, коль живы будемъ,
Увидимся.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ну, какъ не увидаться!

(Поспѣловъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, безъ Поспѣлова.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Какія рѣчи! Господи помилуй!
Не слушать бы! А какъ же ихъ не слушать!
Въ міру живешь, съ людями; по мірски
И надо жить, — все видѣть и все слышать.
Куда бѣжать отъ суеты мірской!
Какъ отъ соблазна чистой убречься!
Зіяетъ бездна, каждый часъ шумитъ
Житейское волнуемое море.
Ушла бы я, на крыльяхъ улетѣла
Въ святую келью, въ тихій уголокъ;
И въ трепетномъ сіяніи лампады,
Въ благоуханной тишинѣ святыни
Земное небо, рай свой, увидала:
Боюсь внести въ святую тишину
Горячую, бунтующую юность.
О юность, юность, скоро ль ты пройдешь!
Мнѣ съ міромъ легче, чѣмъ съ тобой бороться.
Куда нейду, соблазнъ за мною слѣдомъ;
Напрасно я фатой широкой крою
И блескъ очей, и бѣлое лицо:
Подуетъ вѣтеръ, такъ ли распахнется,
И мигомъ грѣхъ въ чужой душѣ посѣешь.
И видишь юношу, стоитъ онъ нѣмъ,
Другаго взгляду ловитъ, самъ готовитъ
Въ своемъ умѣ лукавые привѣты.
Вотъ по слѣдамъ идетъ и шепчетъ въ уши,

Завѣшенныя жемчугомъ, и жемчугъ
Не охраняетъ; весь соблазнъ, весь ядъ
Мнѣ прямо въ сердце, въ кровь мою проходитъ,
И слабый умъ все болѣе слабѣетъ,
И сладокъ грѣхъ является тебѣ;
И слушаешь, боишься оглянуться,
Какъ точно двое за тобою идутъ:
Одинъ лицо привѣтливое кажетъ
И ненаглядную красу, и юность,
И, молча, улыбается. Другой же
Темнѣе ночи, и глаза, какъ угли,
Горятъ во лбу, и длинный хвостъ тащится.
Идетъ и шепчетъ льстивымъ языкомъ
Соблазнъ и грѣхъ. О, Господи, помилуй!
О юность, юность, молодое время!
Куда бѣжать мнѣ! Господи, помилуй!

(Закрываетъ лицо руками).

ДОМНА.

Вы видите, сгрустнулась, поминаетъ
Объ юности. Вы спойте ей про юность!

ДѢВУШКИ (поютъ).

Юность, моя юность — молодое время!
Юность возбудися, — въ себѣ ощутися!
Юность возбудилась, въ себѣ ощутилась,
Въ разумъ приходила, слезно говорила:
Кто добра не ищетъ, кто худа желаетъ!
Я была бы рада, — сила моя мала!
Сижу на конѣ я, и тотъ необузданъ,
Смирить коня нечѣмъ, — крѣпкихъ возжей нѣту.
Вижу я погибель, страхомъ вся объята,
Не знаю, какъ быти, чѣмъ коня смирити!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(ОКТЯБРЬ 1611 Г.)

СЦЕНА I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БИРКИНЪ. — СЕМЕНОВЪ. — МИНИНЪ. — ПОСПѢЛОВЪ. — АКСЕНОВЪ. — ТЕМКИНЪ. — ГУБАНИНЪ. — ЛЫТКИНЪ. — НЕФЕДЪ — сынъ Минина. — ПАВЛИКЪ. — МАРѲА БОРИСОВНА и ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА — жена Минина.

(Всякіе люди Нижняго-Новгорода).

(Небольшая площадь въ Кремлѣ, недалеко отъ собора. Къ концу, въ седьмомъ явленіи, начинаетъ смеркаться).

ЯВЛЕНІЕ I.

Выходятъ: Лыткинъ и Павликъ.

ЛЫТКИНЪ.

Да что ты ужь очень печалишься?

ПАВЛИКЪ.

Будешь печалиться! развѣ ты нашего Ивана Иваныча не знаешь! Взглянетъ только, и то морозъ по кожѣ подираетъ. А вѣдь я въ какую бѣду-то влѣзъ. О, горе мнѣ грѣшнику! Языкъ мой — врагъ мой!

ЛЫТКИНЪ.

Въ чемъ же ты провинился?

ПАВЛИКЪ.

Въ чемъ? Велико мое окаянство! Страшно и вымолвить! Посылалъ онъ меня къ одному благопріятелю своему съ письмомъ; куда посылалъ, ужь это не твоего ума дѣло; проѣздилъ я безо-дня двѣ недѣли и вернулся вчера утромъ. Только хмѣленъ былъ очень, домой-то идти побоялся. Встрѣлся я съ пріятелемъ, съ стрѣльцемъ; тутъ еще подошли человѣкъ съ пятокъ, тоже стрѣль-

цы; зашли мы во царевъ кабакъ, купили винца, пошелъ у насъ шумъ, разговоры. Вотъ я, съ пьяныхъ-то глазъ, и проболтнись. Придетъ, говорю, королевичъ на царство, Ивана Иваныча сдѣлаетъ воеводой въ Нижнемъ, а меня дьякомъ; потому, говорю, что мы ему слуги вѣрные. Откуда ни возьмись Мининъ, хвать меня за воротъ, я въ ноги; валялся, валялся я въ ногахъ-то, отпустилъ, только не велѣлъ навстрѣчу попадаться. Вотъ какое дѣло-то! Ну, какъ онъ скажетъ Ивану Иванычу, либо ужь сказалъ! что тогда! Повѣсить не повѣситъ, а кнута отвѣдаешь. Ужь это лучше и къ бабушкѣ не ходи! Никакъ онъ идетъ! Ой, схоронимся.

(Уходятъ. Выходитъ Биркинъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

БИРКИНЪ (одинъ).

Здѣсь въ Нижнемъ что-то зрѣетъ. По всему
Замѣтно, что народъ затѣялъ нѣчто.
Все замолчало, какъ постомъ великимъ;
На всемъ какое-то говѣнье видно;
Блѣднѣютъ лица, а глаза сіяютъ.
Но что же можетъ сдѣлать этотъ людъ?
Пойдти къ Москвѣ нестройною аравой
И умирать, иль разбѣгаться розно,
Отъ польскихъ латниковъ. Пускай идутъ,
Попробуютъ; а намъ просторнѣй будетъ.
Не знаю, что мнѣ дѣлать! Не найдешь
Товарищей; никто не хочетъ слушать.
Съ Семеновымъ пріятели большие,—
А какъ до дѣла — затыкаетъ уши.
Онъ старъ да глупъ, упрямъ да безтолковъ,
Съ нимъ пива не сваришь. Нѣтъ, здѣсь не тяга!
Махнуть въ Казань: тамъ есть благопріятель,
Тому не въ первый, — онъ вертѣлъ хвостомъ
Еще при Шуйскомъ. Человѣкъ онъ сильный,
Живетъ себѣ не тужитъ, только брюхо
Роститъ да гладитъ бороду свою.
Да что жь онъ держитъ моего холопа,
Павлушку! (Павликъ входитъ). Вотъ онъ! Какъ же ты посмѣлъ,

Не показавшись, по городу шляться?
Все пьянствуешь, анаөема! Смотри!
Кнута попробуешь! Когда пріѣхалъ?

ПАВЛИКЪ.

Сегодня утромъ.

БИРКИНЪ.

Что жь ты не явился?
Объ двухъ ты, что ли, головахъ, бездѣльникъ!
Ну, мы сочтемся дома. Говори,
Что видѣлъ и что слышалъ.

ПАВЛИКЪ.

Есть письмо.
(Достаетъ письмо).

БИРКИНЪ.

Давай сюда! Проворнѣй! (Беретъ и читаетъ) А словами
Приказывалъ, аль нѣтъ? Въ письмѣ не пишетъ
Всего, — и дѣльно: писано перомъ,
Не вырубишь и топоромъ. Онъ пишетъ:
«А про мое здоровье Павелъ скажетъ».
Ну, сказывай!

ПАВЛИКЪ.

Богъ милуетъ, здоровъ,
И кланяться велѣлъ тебѣ, и молвилъ,
Что онъ своимъ умомъ живетъ, что въ мутной
Водѣ онъ ловитъ рыбу въ-тихомолку,
И что своя рубашка къ тѣлу ближе,
Что смѣлымъ Богъ владѣетъ. Вотъ и все.
Какой приказъ твой, государь, мнѣ будетъ?

БИРКИНЪ.

Ступай, теперь въ народѣ потолкайся!
И, что услышишь, приходи сказать!
(Павликъ уходитъ. Выходитъ Семеновъ. Народъ проходитъ).

СЦЕНА III.

Биркинъ и Семеновъ.

БИРКИНЪ.

Что тяжко воздыхаешь?

СЕМЕНОВЪ.

О грѣхахъ.

Къ землѣ гнетутъ и тянутъ, словно ноша.
Что жь у вечерни-то, Иванъ Иванычъ,
Ты не былъ? Аль проспалъ?

БИРКИНЪ.

И то проспалъ.

Легъ послѣ хлѣба-соли малымъ дѣломъ
Соснуть, да и проспалъ. Хожу, гуляю,
Пусть вѣтромъ пообдуетъ послѣ сна.

СЕМЕНОВЪ.

Гуляй, гуляй! Вы люди молодые,—
Еще замолите; а намъ такъ жутко
Приходитъ, старикамъ. Не нынче — завтра
Богъ по душу пошлетъ; тогда ужь поздно
Грѣхи замаливать; ступай къ отвѣту!
Судья предстанетъ, свитокъ развернутъ,
Что злые мурины (*) всю жизнь строчили
На всякомъ мѣстѣ и во всякій часъ.
Что сдѣлалъ худо, черный муринъ пишетъ;
Помыслилъ, — не пропуститъ и того.
Чего, чего въ томъ свиткѣ не найдется!
А добрыхъ дѣлъ вотъ списочекъ, такой
Коротенькій, представитъ со слезами
Хранитель-ангелъ и отыдетъ прочь.

БИРКИНЪ.

Ты что-то рано умирать задумалъ!
А выдетъ, что и насъ переживешь.

СЕМЕНОВЪ.

«Не вѣсте, сказано, ни дня, ни часа.»

БИРКИНЪ.

Да что ты пріунылъ, какъ посмотрю я?
И всѣ вы, точно мухи въ сентябрѣ,
Чуть бродите.

СЕМЕНОВЪ.

Да что жь тебѣ за диво!
Не радуетъ ничто — и пріуныли.
Тебѣ что̀ весело?

БИРКИНЪ.

Унынье — грѣхъ!

(*) То же, что «нечистой».

СЕМЕНОВЪ.
Да и плясать, когда другіе плачутъ,
Не спасенье!

БИРКИНЪ.
Вѣдь это человѣкомъ:
Одинъ слезливъ, другому обухомъ
Слезы не вышибешь. Пойдемъ! Есть дѣло
Мнѣ до тебя. Попьемъ да потолкуемъ.

СЕМЕНОВЪ.
Что жь, праздничное дѣло, я не прочь.

БИРКИНЪ.
У насъ такъ праздникъ каждый день, Василій
Семеновичъ. Гдѣ бражникъ, тамъ и праздникъ.
(Уходятъ. Выходятъ Мареа Борисовна и Поспѣловъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мареа Борисовна и Поспѣловъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.
Давненько не видались.

ПОСПѢЛОВЪ.
Шесть недѣль.

МАРѲА БОРИСОВНА.
Какъ время-то идетъ!

ПОСПѢЛОВЪ.
А что?

МАРѲА БОРИСОВНА.
Да скоро.

ПОСПѢЛОВЪ.
Не больно-то! Мнѣ эти шесть недѣль
Не за годъ, не солгу, а за полгода
Никакъ не меньше показались.

МАРѲА БОРИСОВНА.
Что такъ?

ПОСПѢЛОВЪ.
Да развѣ ты не знаешь?

МАРѲА БОРИСОВНА.
Ахъ, голубчикъ!
Я думала, что ты ужь и забылъ!

ПОСПѢЛОВЪ.
А ты бъ и рада?

МАРѲА БОРИСОВНА.

Да не то, что рада,
А все не время, некогда подумать.

ПОСПѢЛОВЪ.

Объ чемъ тутъ думать, голову ломать!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Кто жь за меня подумаетъ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Все я же,
И за себя, и за тебя.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Какой ты
Догадливый! Спасибо, что избавилъ
Меня отъ тяжкой думы, отъ заботы!
Позволь спросить, по твоему-то какъ же
Выходитъ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Помолясь, да по рукамъ.
Сиротскимъ дѣломъ сходимъ на могилку
Родителямъ почившимъ поклониться,
А тамъ, какъ водится, честнымъ пиркомъ
Да и за свадебку.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Не долго думалъ,
А хорошо сказалъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

А не что худо?

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ты лучше знаешь.

ПОСПѢЛОВЪ.

Значитъ, такъ и быть,
По моему?

МАРѲА БОРИСОВНА.

Да ну ужь ладно, ладно.

ПОСПѢЛОВЪ.

Утѣшила меня ты. Точно камень
Лежалъ на сердцѣ, отлегло теперь.
А то, бывало, сердце, ровно голубь,
Такъ и колотится безъ перемолку.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ты помолчи пока, мой другъ сердечный!

ПОСПѢЛОВЪ.

Зачѣмъ молчать? Кого же мы боимся!

МАРѲА БОРИСОВНА.
Что прежде времени молву пускать!
Не къ спѣху дѣло, погодимъ немного.

ПОСПѢЛОВЪ.
Чего еще? Ты развяжи меня!

МАРѲА БОРИСОВНА.
Ну, что на улицѣ за разговоры!
Не мало дней у Бога; потолкуемъ
И послѣ, безъ помѣхи, на досугѣ.
Ступай себѣ! Вонъ, видишь, изъ собора
Татьяна Юрьевна выходитъ. Плачетъ
Объ мужѣ, бѣдная. Прощай, голубчикъ!
Пойду я къ ней, разговорю немного.

(Поспѣловъ уходитъ. Выходитъ Татьяна Юрьевна и двѣ женщины.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Марѳа Борисовна, Татьяна Юрьевна и двѣ женщины.

1-я ЖЕНЩИНА.
Повѣрь, что съ глазу, больше ни съ чего.

2-я ЖЕНЩИНА.
А то испортилъ кто нибудь. По вѣтру
Болѣзнь пущаютъ злые люди часто.

(Обѣ проходятъ.)

МАРѲА БОРИСОВНА.
Татьяна Юрьевна, оставь кручину!
Напраснымъ страхомъ сердца не томи!
Пройдетъ невзгодье, мирно Богъ устроитъ,
И миромъ оградитъ святую Русь,
Тогда Кузьма Захарьичъ перестанетъ
Печалиться, здоровъ и веселъ будетъ.
Не плачь, грѣха на душу не бери!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.
Какъ мнѣ не плакать! Ты бы поглядѣла,
Что сталось съ нимъ. Какъ ярый воскъ, онъ таетъ,
Отъ сна, отъ пищи, отъ всего отсталъ
И буйную головушку повѣсилъ.
И все молчитъ. Вотъ иногда и спросишь:
«О чемъ ты, милъ-сердечный другъ, тоскуешь?»
Не скажетъ, нѣтъ, не скажетъ, промолчитъ,

Махнетъ рукой; а иногда заплачетъ,
Такъ и уйдетъ. Посмотришь вслѣдъ ему,
Да и зальешься горючьми слезами.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Молись, Татьяна Юрьевна, молись!
Да меньше плачь! Господь ему поможетъ.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Да что же онъ молчитъ-то! Я жена,
А не чужая.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Что же будетъ проку
Тебѣ сказать-то! Посуди сама:
Коротокъ женскій умъ, отъ насъ совѣту
Не ждать имъ; ну, а праздно толковать
О дѣлѣ важномъ — тоже не годится!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Головушка кручинная моя!
(Качаетъ головой и задумывается.)
Ты видѣла, стоялъ онъ у вечерни.
На что похожъ! Вѣдь краше въ гробъ кладутъ.
Глаза горятъ, лицо, какъ саванъ бѣлый,
Засохшія не шевелятся губы;
Какъ вкопаный, онъ не сводилъ съ иконы
Очей; крестомъ сложенные персты
До яснаго чела не подымались;
И только слезы, какъ ручьи весною,
Бѣжали по щекамъ, по бородѣ,
И капали. Убогонькой Гришутка
Сталъ рядомъ съ нимъ, какъ листъ дрожитъ и плачетъ,
То на него, то на икону взглянетъ.
Къ добру ли это? Говорятъ, за кѣмъ
Убогій ходитъ, тотъ на бѣломъ свѣтѣ
Ужъ не жилецъ. А Гриша, какъ нарочно,
Не отстаетъ ни шагу отъ него.

МАРѲА БОРИСОВНА.

И, полно ты! Кого убогій любитъ,
Тотъ человѣкъ угоденъ, значитъ, Богу.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Кто Господу угоденъ, тѣхъ Господь
Къ себѣ беретъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Отчаянье грѣхъ смертный!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

О! загляни ты въ грудь, что тамъ творится!
Тогда и осуждай!

(Молчаніе.)

Сегодня ночью
На малый часъ онъ не уснулъ, и только
Въ соборный ранній благовѣстъ забылся;
Какъ звоны отошли, онъ вдругъ проснулся,
Вскочилъ съ постели, разбудилъ весь домъ,
Велѣлъ зажечь всѣ свѣчи, всѣ лампады,
И до свѣту молился со слезами.
И мы молились. «Чудо! чудо Божье!»
Онъ все твердилъ, а не сказалъ, какое.

МАРѲА БОРИСОВНА.

На васъ нисходитъ благодать Господня,
Вашъ домъ онъ избралъ для чудесъ своихъ.
Ты радуйся, не плачь! Молебны пойте!
Изъ всѣхъ церквей иконы поднимите!
И крестнымъ ходомъ городъ весь пойдетъ
Съ хвалебнымъ пѣніемъ и со свѣчами
На мѣсто свято.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Проводи меня!

МАРѲА БОРИСОВНА.

А гдѣ же мужъ?

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Въ соборѣ съ протопопомъ
Остановился, говорятъ о чемъ-то.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Пойдемъ, Татьяна Юрьевна, пойдемъ!

(Уходятъ. Выходятъ: Аксеновъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и разные торговые и посадскіе люди).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Аксеновъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ, народъ.

АКСЕНОВЪ.

Ну, такѣ какъ же ребятушки, а? Ну вотъ теперь насъ много сошлось, давайте, поговоримъ толкомъ!

ЛЫТКИНЪ.

И то надо толкомъ. А то что это! Господи, Боже мой! Тотъ говоритъ: «давай денегъ!» Другой говоритъ: «давай денегъ!» А для чего, никто толкомъ не скажетъ.

ТЕМКИНЪ.

Тебѣ только все разговаривать, лясы точить; а дѣла-то дѣлать, видно, ты не любишь! Мало еще, что ли, разговору-то было! Сорокъ дней со днемъ сходимся да толкуемъ.

ГУБАНИНЪ.

Ужь и не говори! Срамъ! То есть, кажется, не глядѣлъ бы людямъ въ глаза отъ стыда, особливо Кузьмѣ Захарьичу. Онъ о земскомъ дѣлѣ печалится, а мы.... Ахъ, стыдобушка!

АКСЕНОВЪ.

Значитъ, ребята, какъ въ послѣдній разъ говорили, такъ и быть: третью деньгу.

ГОЛОСА.

Третью деньгу.—Что жь, мы не прочь!—Такъ тому и быть! — Что сказано, то свято!

ГУБАНИНЪ.

Всѣ, дѣдушка, согласны, всѣ. (Къ народу). Не стыдите, братцы! (Аксенову). Дѣдушка! Спорщиковъ нѣтъ.

АКСЕНОВЪ.

Постой ты, погоди! Отъ трехъ денегъ — деньгу; отъ рубля — десять алтынъ, отъ трехъ рублей — рубль.

ГОЛОСА.

Ладно! Ладно! (Разговоръ въ толпѣ:) Съ десяти рублевъ выходитъ — три рубля, да десять алтынъ. — А отъ сорока? Долго ль счесть! — Съ пятидесяти рублевъ, — пятнадцать, рублевъ. — Не пятнадцать, а шестнадцать рублевъ, двадцать два алтына. — Ишь ты счетчикъ! Да ужь ладно, ладно!

ЛЫТКИНЪ.

Стойте! Какъ же это! Значитъ, все одно, что семейный, что одинокій?

ГУБАНИНЪ.

Какъ тебѣ не грѣхъ ротъ-то разѣвать! Ужли одинъ противъ всѣхъ пойдешь?

АКСЕНОВЪ.

Тебѣ что за дѣло до одинокихъ! Одинокій-то, можетъ, все отдастъ, да и самъ своей головой пойдетъ.

ТЕМКИНЪ.

Ахъ ты, жила! Прости Господи!

ЛЫТКИНЪ.

Да что жила! Кому жъ своего не жаль!

ГУБАНИНЪ.

На земское-то дѣло? Экой срамъ! Ну ужь....

АКСЕНОВЪ.

Стало быть и дѣлу конецъ. Отслужить молебенъ, да и собирать.

ГУБАНИНЪ.

У насъ въ рукавичномъ ряду ужь и деньги готовы.

ГОЛОСА.

Въ желѣзномъ хотятъ собирать. — Толкуютъ и въ хлѣбномъ. — И въ горшечномъ. — И въ мясномъ. — И рыбаки.

ЛЫТКИНЪ.

А какъ же теперь товаръ?

ТЕМКИНЪ.

Прикинемъ.

ГОЛОСА.

Извѣстно, прикинемъ, что чего стоитъ. — Долго ль прикинуть. — Въ цѣну поставимъ.

ЛЫТКИНЪ.

А кто прицѣнивать будетъ?

ТЕМКИНЪ.

Все мы же.

ГОЛОСА.

Промежь себя выберемъ. — Всякій въ своемъ ряду. — Свой судъ короче.

ЛЫТКИНЪ.

Да какъ же я повѣрю чужому человѣку свое добро цѣнить!

АКСЕНОВЪ.

Мы не безъ креста ходимъ.

ТЕМКИНЪ.

Самому тебѣ не счесть, какъ мы сочтемъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Мы торговые люди, другъ у дружки каждую деньгу насквозь видимъ.

ЛЫТКИНЪ.

Что жь такое! Лучше ложись, да умирай!

ТЕМКИНЪ.

Ну и умирай! Ну, умирай!

АКСЕНОВЪ.

Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь! Такъ ступай въ лѣсъ да и живи себѣ. Съ людьми живешь, такъ и слушай, что

міръ говоритъ. Больше міру не будешь! Міръ никто не судитъ, одинъ Богъ. Велитъ міръ, такъ и все отнимутъ.

ТЕМКИНЪ.

Да и отнимемъ, силой отнимемъ.

ЛЫТКИНЪ.

Да вѣдь это разоръ!

ТЕМКИНЪ.

Ну, да что на него смотрѣть, Петръ Аксенычъ! Какъ сказано, такъ и будетъ. На томъ всѣ и станемъ.

ГОЛОСА.

Всѣ. — Всѣ.

ТЕМКИНЪ.

Есть тутъ кто нибудь изъ нѣмцевъ?

НѢМЕЦЪ.

Я.

ТЕМКИНЪ.

Ты согласенъ?

НѢМЕЦЪ.

Да!

ТЕМКИНЪ.

Вотъ видишь ты, Василій! Ну скажи ты мнѣ теперь, есть въ тебѣ душа, али нѣтъ?

ГУБАНИНЪ.

Брось ты его!

ТЕМКИНЪ.

Зрѣть не могу такихъ людей; вся душа во мнѣ поворачивается.

ГОЛОСА.

Кузьма Захарьичъ идетъ! — Кузьма Захарьичъ.

(Входитъ Мининъ. Всѣ кланяются).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Мининъ.

АКСЕНОВЪ.

Что ты не веселъ, голову повѣсилъ?
Аль что не ладно? Али прихворнулъ?
Какія вѣсти есть?

МИНИНЪ.

Вѣстей довольно.

АКСЕНОВЪ.

Что пишутъ?

МИНИНЪ.

Все одно и тоже, точно
Какъ сговорились. Всѣ хотятъ быть съ нами
Въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи,
На разорителей хрестьянской вѣры
Единомышленно идти готовы.
Теперь летѣть бы къ матушкѣ Москвѣ!
Подняться нечѣмъ, спутала нужда,
Узломъ орлиныя связала крылья.
Видна добыча, а тяжелыхъ крыльевъ
Не отдерешь, и бейся о земь грудью
И алую точи по каплѣ кровь!

АКСЕНОВЪ.

Мы положили третью деньгу брать
Отъ денегъ, отъ товару тоже.

МИНИНЪ.

Мало.

АКСЕНОВЪ.

И тѣ съ трудомъ, а больше не сберешь.

МИНИНЪ.

Я знаю.

АКСЕНОВЪ.

Тяжело однимъ. Помогутъ
Другіе города.

МИНИНЪ.

Плохая помощь!
Всѣ обнищали. Рады бы помочь,
Да нечѣмъ.

АКСЕНОВЪ.

Такъ и быть. На нѣтъ — суда нѣтъ.
Что есть, съ тѣмъ и пойдемъ. Наймемъ подмогу,
Стрѣльцовъ бродячихъ да казаковъ конныхъ.

МИНИНЪ.

Ждать нечего, пойдемте умирать
За Русь святую! Сходимъ къ воеводѣ,
Челомъ ударимъ, чтобы велъ къ Москвѣ;
А не пойдетъ, такъ выберемъ другаго.
Мнѣ ждать нельзя. Мнѣ Богъ велѣлъ идти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А Божій. Не пойдетъ никто, одинъ

Пойду. На перепутьяхъ буду кликать
Товарищей. Въ себѣ неволенъ я.
Послушайте! (Всѣ оступаютъ его) Сегодня поздней ночью,
Ужь къ утру близко, сномъ я позабылся,
Да и не помню хорошенько, спалъ я
Или не спалъ. Вдругъ вижу: образница
Вся облилася свѣтомъ; въ изголовьи
Передъ иконами явился мужъ
Въ одеждѣ схимника, весь въ херувимахъ,
Благословляющую поднялъ руку
И рекъ: «Кузьма! Иди спасать Москву!
«Буди уснувшихъ!» Я вскочилъ отъ ложа,
Видѣнья дивнаго какъ не бывало;
Соборный благовѣстъ волной несется,
Ночная темь колышется отъ звона,
Оконницы чуть слышно дребезжатъ,
Лампадки, догорая, чуть трепещутъ
Неяснымъ блескомъ, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоямъ
Благоуханье.

АКСЕНОВЪ.

Слава въ вышнихъ Богу!
Но кто же старецъ? Разсмотрѣлъ ли ты?
Угодниковъ ты подлинники знаешь.

(Входитъ Нефедъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Нефедъ.

НЕФЕДЪ.

Гдѣ батюшко?

МИНИНЪ.

Что надо? Что случилось?

НЕФЕДЪ.

Гонцы отъ Троицы живоначальной,
Отъ Сергія угодника пришли.

МИНИНЪ.

От Сергія угодника? И старецъ,
Явившійся мнѣ грѣшному, былъ Сергій.

ГОЛОСА.

Перстъ Божій! — Божья воля! — Чудеса!
Еще отъ насъ Господь не отступился.

НЕФЕДЪ.

У нихъ письмо отца архимандрита
И келаря.

МИНИНЪ.

На воеводскій дворъ
Ступай, Аксенычъ, прямо къ воеводѣ!
Оповѣсти его! А вы сбирайте
Дворянъ, дѣтей боярскихъ, и головъ,
И сотниковъ стрѣлецкихъ и казацкихъ,
И земскихъ старостъ, и гостей, и всякихъ
Людей служилыхъ къ воеводѣ въ домъ.
Не соберутся, такъ въ набатъ ударимъ.
А ты, Нефедъ, домой! Веди гонцовъ!
Какъ есть съ дороги, такъ пускай и идутъ.
Теперь въ послѣдній разъ, друзья, пойду я
Боярамъ, воеводамъ поклониться.
Молитесь Богу, чтобъ смягчилъ онъ сердце
Властителей, смирилъ гордыню ихъ,
Чтобы помогъ мнѣ двинуть кроткимъ словомъ
На дѣло Божье сильныхъ на землѣ.

ГОЛОСА.

Господь поможетъ. — Онъ тебѣ поможетъ. —
Молиться будемъ! Господа умолимъ.

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА II.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВОЕВОДА, АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧЪ АЛЯБЬЕВЪ. — БИРКИНЪ. — СЕМЕНОВЪ. — МИНИНЪ. — АКСЕНОВЪ. — ПОСПѢЛОВЪ. — КОЛЗАКОВЪ. — РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Дворяне, дѣти боярскіе, головы, старосты, богатые посадскіе люди. Большая, богатая изба въ воеводскомъ домѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Въ избу входятъ постепенно разныя лица, все болѣе пожилыя и зажиточныя, потомъ Аксеновъ. Вновь пришедшіе кланяются молча съ тѣми, которые пришли прежде. Говорятъ вполголоса.

ГОЛОСА.

Зачѣмъ насъ собираютъ? Аль бѣда какая? — Нѣтъ, грамоту изъ Сергіева монастыря привезли.—Вѣрно не легко, коли грамоты пишутъ? — Какая легость! Видимая смерть! Наша рать разошлась, а къ врагу на подмогу сила подходитъ. — Что же въ грамотѣ пишутъ? — Подожди малость, все узнаемъ. (Аксеновъ входитъ). Кто привезъ грамоту?

АКСЕНОВЪ.

Романъ Пахомычъ. Кому же больше!

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

Эка, голова!

АКСЕНОВЪ.

Самъ великій господинъ патріархъ называетъ ихъ, его да Родіона Мосѣича, безстрашными людьми. Такъ и пишетъ: «а пришлите мнѣ тѣхъ безстрашныхъ людей!»

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Говорятъ, Пахомовъ отъ всякой напасти заговоренъ.

АКСЕНОВЪ.

Толкуй тутъ! Извѣстно, Божьимъ произволеніемъ. Къ патріарху ходитъ, благословеніе принимаетъ; а ты: «заговоренъ!» Нѣчто такіе заговоренные-то бываютъ!

ДРУГОЙ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Заговореный-то который — и креста не носитъ; а не то, что къ благословенію идти.

АКСЕНОВЪ.

Да еще къ кому! Къ самому патріарху!

(Входятъ: Мининъ, Поспѣловъ и Романъ Пахомовъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Мининъ, Поспѣловъ и Романъ Пахомовъ.

ГОЛОСА.

Романъ Пахомычъ, здравствуй! — Здравствуй! — Какъ тебя Богъ милуетъ? — Здорово ли доѣхалъ? — Чай усталъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Немножко есть. Послѣднія двѣ ночи не ночевалъ, все ѣхалъ.

АКСЕНОВЪ.

Гдѣ ѣхалъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Отъ Троицы на Суздаль, оттуда на Балахну.

АКСЕНОВЪ.

Чиста дорога?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Ничего, Богъ миловалъ.

ГОЛОСА.

Что въ Москвѣ? — Что въ Москвѣ, Романъ Пахомычъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Плохо.

ГОЛОСА.

А что? — Что такое?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Пожжено, разорено, хлѣба мало.

ГОЛОСЪ.

Ужли и хлѣба мало?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Мало. Я стоялъ у одного посадскаго, у Яузскихъ воротъ, — бѣдствуетъ.

ГОЛОСА.

Ахъ, сердечные! — Эка бѣда! — Эка причина!

АКСЕНОВЪ.

Скажи ты мнѣ на милость, пуще мнѣ всего: къ патріарху ходу нѣтъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Теперь нѣтъ, крѣпко держутъ.

АКСЕНОВЪ.

И все воръ Андроновъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Всѣ хороши.

ГОЛОСА.

А что Трубецкой? — Что Заруцкій съ войскомъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Какое это войско! Воръ на ворѣ! Содомъ!

(Входятъ: Воевода, Биркинъ, Семеновъ, Колзаковъ и нѣсколько народу).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Алябьевъ, Биркинъ, Семеновъ, Колзаковъ и другіе. Воевода садится за столъ; нѣкоторые садятся; нѣкоторые стоятъ. Романъ Пахомовъ подаетъ грамоту воеводѣ.

ВОЕВОДА.

Здорово ли доѣхалъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Ничего.

ВОЕВОДА.

Ну, молодецъ же ты, Романъ Пахомовъ!
Хвала и честь тебѣ! Чай отдохнуть
Съ дороги-то захочешь?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Да когда ужь!
Велѣли къ вамъ заѣхать, да въ Казань.
Ужь отдохну, вернувшись изъ Казани.

(Отходитъ).

ВОЕВОДА.

Всѣ собралися?

ГОЛОСА.

Всѣ.

ВОЕВОДА (отдаетъ грамоту Семенову).

Читай, Василій!

СЕМЕНОВЪ.

Сначала тутъ, какъ водится, всѣ власти
Казанскія и весь народъ помянутъ:
Татары, черемиса, вотяки
И прочіе. (Читаетъ) «Не разъ мы вамъ писали
О нашей гибели и разореньи;
И снова молимъ васъ: не позабудьте,

Что вы родились въ православной вѣрѣ,
Святымъ крещеніемъ знаменовались.
Сего-то ради положите подвигъ
Страданья вашего за вашихъ братій!
Молите всѣмъ народомъ христіанскимъ
Людей служилыхъ быть въ соединеньи,
И за одно стоять противъ враговъ
И всѣхъ предателей хрестьянской вѣры.
Вы сами видите, что всѣмъ близка
Отъ тѣхъ враговъ конечная погибель.
Въ которыхъ городѣхъ они владѣли,
Какое разоренье учинили!
Гдѣ Божьи образы и гдѣ святыня?
Не все ли разорили до конца
И обругали наглымъ поруганьемъ!
Гдѣ множество безчисленное въ градѣхъ?
Не всѣ ли люто горькими смертями
Скончалися! Гдѣ въ селахъ наши чада,
Работные? Не всѣ ли пострадали
И въ плѣнъ разведены! Не пощадили
И престарѣвшихъ возрастомъ. Сѣдинъ
Не усрамились старцевъ многолѣтнихъ
И душъ незлобивыхъ младенцевъ. Всѣ
Испили чашу праведнаго гнѣва.
Попомните и смилуйтесь надъ нами,
Надъ общей гибелью, чтобъ васъ самихъ
Та лютая погибель не постигла!
Не мѣшкая, идите въ сходъ къ Москвѣ!
Вы сами знаете, всему есть время,
Безъ времени бездѣльно начинанье
И суетно. А если есть межь васъ
Какое недовольство, отложите!
Соединитесь всѣ, забывъ обиды,
И положите подвигъ пострадать
Для избавленія православной вѣры!
Незакосненно сотворите дѣло,
Казною и людями помогите!
Чтобъ скудостью и гладнымъ утѣсненьемъ
Боярамъ, воеводамъ и всѣмъ людямъ
Порухи никакой не учинилось.

О томъ васъ молимъ много со слезами,
И отъ всего народа бьемъ челомъ!»

ВОЕВОДА.

Вели списать ты списокъ слово въ слово,
А грамоту отдай свезти въ Казань.

МИНИНЪ.

А что отвѣтимъ?

СЕМЕНОВЪ.

Знаютъ воеводы
Про то, а наше дѣло будетъ — слушать.

МИНИНЪ.

Послушаемъ.

ВОЕВОДА.

Мы рады бы идти,
Да насъ походы разорили вовсе.
Давно ль ходилъ князь Александръ Андреичъ,
И я ходилъ; безъ дѣла не сидѣли!
Казны да войска просятъ. Гдѣ жь намъ взять?

АКСЕНОВЪ.

Поищемъ, такъ найдемъ.

СЕМЕНОВЪ.

А гдѣ найдешь ты?

АКСЕНОВЪ.

Промежь себя найдемъ; сберемъ, что можемъ.

СЕМЕНОВЪ.

Да много ль денегъ?

МИНИНЪ.

Сколько ни на есть!
Ужь это наше дѣло.

ВОЕВОДА.

Доброй воли
Я не снимаю съ васъ. Сбирайте съ Богомъ!

СЕМЕНОВЪ.

Ну, можетъ быть, кой-что и соберете;
Что жь дѣлать будете?

АКСЕНОВЪ.

Тебя не спросимъ.

МИНИНЪ.

Наймемъ людей служилыхъ да стрѣльцовъ,
Да и пошлемъ къ Москвѣ.

СЕМЕНОВЪ.

Безъ воеводы?

МИНИНЪ.

Какъ прежь-того водилъ Андрей Семенычъ,

Такъ и теперь ему челомъ ударимъ.

ВОЕВОДА.

Я не пойду, усталъ.

МИНИНЪ.

Андрей Семенычъ!
Ты вздумай, если нашимъ нерадѣньемъ
Московскому крещеному народу
Конечная погибель учинится,
Изсякнетъ корень христіанской вѣры,
И благолѣпіе церквей Господнихъ
Въ Московскомъ государствѣ упразднится,—
Какой отвѣтъ дадимъ мы въ оный день,
Въ день страшнаго суда?

ВОЕВОДА.

А кто порукой,
Что наше войско врагъ не одолѣетъ,
Что врозь оно не разбѣжится, прежде
Чѣмъ мы Москву передъ собой увидимъ.
Не хуже насъ ходили воеводы!
Со всѣхъ концовъ безчисленное войско
Шло подъ Москву громовой черной тучей.
Рязанцы шли съ Прокопомъ Ляпуновымъ,
Изъ Мурома съ окольничьимъ Масальскимъ,
Изъ Суздаля съ Андреемъ Просовецкимъ,
Изъ городовъ поморскихъ шелъ Нащекинъ,
Съ Романова, съ татарами-мурзами
И съ русскими шли Пронскій да Козловскій,
Съ Коломны и съ Зарайска князь Пожарскій,
Петръ Мансуровъ велъ Галицкихъ людей,
Изъ Костромы пошли съ Волконскимъ княземъ,
Изъ Нижняго князь Александръ Андреичъ.
Да не далъ Богъ; всѣ розно разошлись.
Такъ какъ же хочешь ты, чтобъ съ горстью войска
Я шелъ къ Москвѣ! Мнѣ съ Господомъ не спорить!

МИНИНЪ.

Мы все на Бога. Сами виноваты,
А говоримъ: «Богъ не далъ». Да за что
Ему и дать-то намъ! Такое дѣло
Великое какъ дѣлалось, самъ знаешь.
Когда-то соберутся да пойдутъ,
Какъ точно черезъ пень колоду валятъ.

А соберутся, — споры да раздоры:
Да не о томъ, кто первый помереть
За Русь святую хочетъ; — разбираютъ,
Кто старшій, набольшій, кто чиномъ больше,
Кто стольникъ, видишь ты, а кто бояринъ.
Другой бояринъ-то, гляди, въ Калугѣ
Боярство-то отъ вора получилъ.
Поспорятъ, покричатъ, дойдетъ до драки;
До смертнаго убивства доходило!
Потомъ и разойдутся насъ же грабить,
Врагу на радость, царству на погибель.
Да ты не осердись, Андрей Семенычъ!

ВОЕВОДА.

За что сердиться! Правду говоришь.

МИНИНЪ.

А тамъ и говорятъ, что не далъ Богъ.
Что за корысть великимъ воеводамъ
За насъ, за маленькихъ людей, сражаться,
За дѣло земское стоять до смерти!
Имъ хочется пожить да погулять!
Имъ хорошо вездѣ. Съ царемъ повздорилъ,
Такъ въ Тушино, — тамъ чинъ дадутъ боярскій;
Повздорилъ тамъ, опять къ царю съ повинной:
Царь милостивъ, проститъ; а то такъ въ Польшу.
Да и цалуютъ крестъ, кому попало,
Не разбирая; на году разъ пять
Господне имя всуе призываютъ.
И всѣ они, прости меня Господь,
Для временныя сладости забыли
О мукѣ вѣчной. Имъ ли насъ спасать!
Такими ли руками Русь очистить,
И въ ней Господне царство обновить!

ГОЛОСА

Что правда,—правда; что грѣха таить!

ВОЕВОДА.

Кому жь стоять теперь за Русь святую,
Кузьма Захарьевъ?

МИНИНЪ

Тѣмъ, кто больше терпитъ,
Кто передъ Богомъ не кривилъ душой.
Когда народъ за Русь святую встанетъ,

И дастъ Господь побѣду надъ врагомъ.
Намъ дороги родныя пепелища,
Мы ихъ не промѣняемъ ни на что.
Намъ вѣра православная да церковь
Дороже всѣхъ сокровищъ на землѣ.
Мы волею креста не цаловали
Губителямъ. А гдѣ и огрѣшились,
Съ веревкою на шеѣ присягали,
Да и не знаютъ, какъ и замолить.
Вотъ Кинешма, и Лухъ, и Болохна,
И Юрьевецъ омылися въ крови,
Свою вину сторицей искупили.
Самъ разсуди: по деревнямъ, по селамъ,
Что терпятъ! Врагъ внезапу набѣгаетъ,
Дома разграбитъ, да сожжетъ и церковь,
Что обыдёнкой сложена всѣмъ міромъ
За избавленье Божіе отъ мора,
Иль отъ другой напасти. Что тогда?
Куда податься? Лучше умереть
Въ честномъ бою, всѣмъ разомъ, съ глазу на глазъ
Съ врагомъ, — чѣмъ гибнуть всѣмъ по одиночкѣ,
Въ плетняхъ да въ рощахъ звѣремъ укрываясь.

ВОЕВОДА.

За умноженіе грѣховъ Господь
Насъ наказалъ. Мы знаемъ всѣ и терпимъ.
Такъ не грѣшно ли противъ Божьей воли
Намъ возставать? Не лучше ли смириться?
Подумай! Тяжело бороться съ Богомъ!

МИНИНЪ.

Господь не вѣкъ враждуетъ противъ насъ
И грѣшнику погибели не хочетъ.
Придетъ пора, молитвой и слезами
Святителей и праведныхъ людей
Разящій гнѣвъ Господень утолится
И намъ смиреннымъ снидетъ благодать.
Господь смиряетъ и Господь возноситъ,
Введетъ въ бѣду и изведетъ изъ бѣдъ.
Врагъ одолѣлъ, творя его велѣнье,
Смирились мы, и намъ Господь пошлетъ
Побѣду на врага и одолѣнье!

ВОЕВОДА.

Мнѣ слѣду нѣтъ идти, пускай другіе.

МИНИНЪ.

Ты не пойдешь, мы безъ тебя пойдемъ.
Позволь мнѣ завтра кликнуть кличъ къ народу;
Что соберемъ, съ тѣмъ и пойдемъ къ Москвѣ.
По деньгамъ глядя, принаймемъ казаковъ.

БИРКИНЪ.

Не знаю, что Андрей Семенычъ скажетъ,
А я бъ тебѣ и думать не позволилъ
Сбивать казаковъ своевольныхъ въ городъ.
Въ Казани ихъ пущаютъ понемногу,
Такъ человѣкъ десятка два не больше,
Боясь смуты. Да и хорошо.
Въ тебя не влѣзешь. Говорятъ, чужая
Душа потемки. Можетъ, ты затѣялъ
Какую смуту, аль измѣну взчать!
Твой замыселъ лукавъ, Кузьма! Ты хочешь
Опутать краснымъ словомъ черный людъ
И властвовать.

МИНИНЪ.

Постой, Иванъ Иванычъ!
Чего не знаешь, ты бъ не говорилъ.
Я вотъ и знаю, да молчу. Ты лучше
Смотрѣлъ бы на себя, а не корилъ
Поклепомъ злымъ людей, себя честнѣе.
Тебя съ собой я не зову къ Москвѣ;
Тебѣ и въ Тушинѣ тепло бывало.
Живи себѣ, да бражничай здѣсь въ Нижнемъ!
Я не мѣшаю, не мѣшай и ты!
Я про тебя скажу такое слово,
Что ты языкъ прикусишь.

СЕМЕНОВЪ.

При тебѣ,
Андрей Семеновичъ, такія рѣчи
Онъ говоритъ. Возможно ли терпѣть!

МИНИНЪ (показывая на Биркина).

Ты видишь, терпитъ.

ВОЕВОДА.

Замолчи, Кузьма!

МИНИНЪ.

Я замолчу, да ужь и онъ не скажетъ
Ни слова больше, головой отвѣчу.

СЕМЕНОВЪ.

Такъ я скажу. Я замыселъ твой вижу.
Не смуту, нѣтъ, ты смуты не затѣешь,
Ты отъ казны попользоваться хочешь,
Чужой копейкой поживиться, вотъ что!
Вы всѣ барышники!

МИНИНЪ.

Очнись, Василій
Семеновичъ! Ты старый человѣкъ!
По дурости ты это говоришь,
Или по злобѣ на меня, — не знаю.
Нѣтъ, я души своей не продавалъ
И не продамъ. Душа дороже денегъ,
Мы знаемъ твердо, ты не позабылъ ли?
Мы тѣмъ живемъ, что Богъ въ торгу пошлетъ;
Къ поборамъ, да къ посуламъ не привыкли;
Добро чужое честно бережемъ,
А истеряемъ, такъ своимъ заплатимъ.
Ты будь покоенъ, я и не возьмуся
Ни собирать, ни соблюдать казну.
Мы старикамъ дадимъ на сбереженье,
Ужь только не тебѣ, ты не взыщи!
Вотъ, Петръ Аксенычъ, человѣкъ бывалый!
Найдутся и другіе послужить
Для дѣла земскаго.

АКСЕНОВЪ.

Богъ дастъ, послужимъ.
Не въ тягость служба, коли дѣло Божье,
Да земское.

ВОЕВОДА.

А много ли собрать
Мекаете? Вамъ это дѣло ближе,
Виднѣе.

МИНИНЪ.

Прикажи намъ кликнуть кличъ,
Тогда увидимъ.

СЕМЕНОВЪ.

Много не сберете.

АКСЕНОВЪ.

Что Богъ пошлетъ, и тѣмъ довольны будемъ.
Такъ прикажи, Андрей Семенычъ, кликнуть!

ВОЕВОДА.

Всѣ просите?

ГОЛОСА.

Всѣ, всѣ, Андрей Семенычъ!

ВОЕВОДА.

Ну, кличте, съ Богомъ!

СЕМЕНОВЪ (Минину).

Соберешь алтынъ
За гордость за свою.

МИНИНЪ.

Не ошибись!

АКСЕНОВЪ.

Благодаримъ тебя, Андрей Семенычъ,
Что ты позволилъ намъ къ народу кликнуть
И собирать казну на Божье дѣло!
За что бы, кажется, благодарить!
Свои мы деньги соберемъ, положимъ
Свои труды; да вѣдь другой, пожалуй,
И помѣшалъ бы намъ, а ты велишь.
Такъ ужь тебѣ спасибо и за это!

МИНИНЪ.

Князья и воеводы и бояре
И всѣ честные люди, посудите
Своимъ умомъ и разумомъ великимъ
Мою простую рѣчь! Не обезсудьте,
Что я, помимо старшихъ, затѣваю
Такое дѣло! Не своя гордыня
Ведетъ меня. Гордыня — вражье дѣло;
А я слуга, я рабъ велѣній Божьихъ.
Сегодня ночью преподобный Сергій
Мнѣ грѣшному явился и велѣлъ онъ
Будить народъ и поспѣшать къ Москвѣ.
Когда я близкимъ сталъ про это чудо
Разсказывать, въ тотъ самый часъ гонцы
Явились съ грамотой архимандрита.
И мнится мнѣ, что самъ угодникъ Сергій
Ее прислалъ. Бояре, воеводы!
Я чудо Божье утаить не смѣлъ
И вамъ повѣдалъ все, какъ передъ Богомъ.

И слушать и не слушать ваша воля;
А мнѣ одно: служить я буду Богу.
Я рабъ, пославшаго творю велѣнья,
Пока исполнится завѣтъ Господень,
Пока кремлевскія увижу стѣны.

ГОЛОСА.

Иди, иди къ Москвѣ, Кузьма Захарьичъ!
Тебя Господь поддержитъ, укрѣпитъ....

ВОЕВОДА.

И мы по силѣ-по мочи поможемъ.

ГОЛОСА.

Поможемъ всѣ тебѣ!—Поможемъ всѣ!

ВОЕВОДА.

А грамоту снесите къ протопопу,
Чтобъ завтра за обѣдней прочиталъ.
Велите въ колоколъ большой ударить,
Чтобы народу собралось побольше.

СЕМЕНОВЪ.

А гдѣ свинцу да пороху возьмете?
Безъ огненнаго бою какъ соваться!

МИНИНЪ.

Займемъ въ Казани, тамъ въ остачѣ много.

СЕМЕНОВЪ.

А не сберешь ты войска, что тогда?

МИНИНЪ.

Одинъ пойду.

СЕМЕНОВЪ.

Одинъ не ратникъ въ полѣ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Ты не одинъ пойдешь, и мы пойдемъ.
Посадскіе, торговые помогутъ
Вамъ деньгами, а мы всѣ головами.

ДѢТИ БОЯРСКІЕ.

Мы всѣ идемъ съ тобой, Кузьма Захарьичъ!

ПОСПѢЛОВЪ.

Никто меня здѣсь въ Нижнемъ не удержитъ!
Служилые, воинскіе мы люди,
Мы по приказу шли и умирали,
Велятъ — иди и голову клади;
Теперь безъ зова я иду, охотой!
Ужь умирать, такъ за святое дѣло!

КОЛЗАКОВЪ.

Тебя Господь своимъ сподобилъ чудомъ;

Иди же смѣло въ бой, избранникъ Божій!
И насъ возьми! Авось вернется время,
Когда царямъ мы царства покоряли,
Въ незнаемыя страны заходили,
Край видѣли земли, передъ глазами
Земля морскимъ отокомъ завершалась
И вылъ сердито море окіянъ.
Довольно бражничать! Теперь есть дѣло —
Точить оружіе, въ походъ сбираться!

ВОЕВОДА.

И съ Богомъ! Только жаль, что васъ не много.

МИНИНЪ.

Да развѣ врагъ насъ одолѣлъ числомъ? —
Онъ одолѣлъ насъ Божьимъ попущеньемъ.
Не силой силенъ врагъ, а Божьимъ гнѣвомъ,
Да нашей слабостью, да нашими грѣхами.

АКСЕНОВЪ.

Не войска нужно намъ, а благодати.

МИНИНЪ.

Великъ Господь, Владыко херувимскій!
Прибѣжище и сила наша въ немъ!
Его рука дала врагамъ побѣду,
Его рука притупитъ ихъ мечи.

АКСЕНОВЪ.

Давидъ и малъ, да сильнаго свергаетъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Не много храбрыхъ вывелъ Гедеонъ.

МИНИНЪ.

Самсонъ все войско костью побиваетъ.

АКСЕНОВЪ.

Отъ гласа трубъ валится Ерихонъ.

КОЛЗАКОВЪ.

Съ большой ордой побить врага не диво.

МИНИНЪ.

Во мнозѣ Богъ! И въ малѣ Богъ!

АКСЕНОВЪ.

Аминь!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВОЕВОДА АЛЯБЬЕВЪ. — БИРКИНЪ. — СЕМЕНОВЪ. — ПОСПѢЛОВЪ. КОЛЗАКОВЪ.—МИНИНЪ.—АКСЕНОВЪ.—ТЕМКИНЪ.—ГУБАНИНЪ. — ЛЫТКИНЪ. — НЕФЕДЪ МИНИНЪ. — ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА. — МАРѲА БОРИСОВНА. Всякіе люди Нижняго Новгорода, обоего пола. Слѣпые.

(Площадь въ Кремлѣ недалеко отъ собора. Начинаетъ разсвѣтать).

ЯВЛЕНІЕ I.

Часть народа толпится на паперти у собора, между ними Губанинъ Вбѣгаетъ Лыткинъ.

ЛЫТКИНЪ.

Ахъ, отцы мои, вотъ страсти-то! (Увидавъ Губанина).
Сёма! Сёма! Родимый ты мой, что за напасть такая?

ГУБАНИНЪ.

Какая напасть?

ЛЫТКИНЪ.

Да какъ же, Сёма! Зачѣмъ въ большой колоколъ-то били? Слышу я, зачали въ колоколъ бить, народъ бросился въ городъ, такъ и обмеръ. Ну, думаю, всполохъ отъ воровскихъ людей.

ГУБАНИНЪ.

Какой всполохъ? Что ты!

ЛЫТКИНЪ.

Такъ зачѣмъ же въ большой-то? Нонѣ праздника нѣту.

ГУБАНИНЪ.

Затѣмъ и въ большой, чтобъ больше народу набралось. Грамоту изъ Сергіева монастыря читать будутъ.

ЛЫТКИНЪ.

Ишь ты! А вѣдь мнѣ сдуру-то втемяшилось, что всполохъ. Велѣлъ домашнимъ всю рухлядь, что есть, волочь въ городъ на спѣхъ. Тутъ у воротъ подъ горой и складываютъ.

ГУБАНИНЪ.

Кто о душѣ, а ты все о рухляди. Какъ тебѣ не стыдно?

ЛЫТКИНЪ.

Молодъ еще ты учить-то! Я ужь страсти-то видывалъ. Какъ тогда князь Вяземскій подходилъ, натерпѣлись тоже не мало. Оно точно, Богъ сохранилъ, а добра-то что распропало.

ГУБАНИНЪ.

На Москвѣ больше нашего разпропало.

ЛЫТКИНЪ.

Такое опредѣленіе. Значитъ, терпи! Ну, а намъ, пока Богъ милуетъ, свое добро беречь надо. Отошла обѣдня-то?

ВЪ НАРОДѢ.

Грамоту читаютъ.—Грамоту читаютъ.

ГУБАНИНЪ.

Ужь какъ хочется послушать! Кажись, ничего бы не пожалѣлъ.

ЛЫТКИНЪ.

Ужь и я бы послушалъ. Протѣснимся какъ нибудь. Посторонитесь, почтеные!

(Проходятъ. Народъ мало по малу протѣсняется въ соборъ. У паперти открывается кучка слѣпыхъ, которые были скрыты народомъ).

СЛѢПЫЕ (запѣваютъ).

Живалъ себѣ славенъ на вольномъ свѣту,
Пивалъ, ѣдалъ сладко, носилъ хорошо,
Золотыя одежи богатъ надѣвалъ,
Про милость про Божью богатъ не давалъ,
Про нищую братью богатъ забывалъ,
А былъ у богатаго убогій братецъ:
Восползетъ убогій къ богату на дворъ,
Закричитъ убогій громкимъ голосомъ.

(Заря занимается. Народъ выходитъ изъ собора. Всѣ утираютъ слезы. Слышны голоса: «Подайте слѣпому, убогому! Сотворите святую милостыню!» Мальчики уводятъ слѣпыхъ на паперть).

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРОХОДЯТЪ ДВОЕ.

1-й.

Экой плачъ! Эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-й.

Да и было отчего. Все тебѣ, какъ на ладонкѣ, видно, какъ

Москва гибнетъ, какъ вѣру православную попираютъ. Какъ же тутъ не заплакать! Что мы, каменные, что ли!

(Проходятъ).

СТАРИКЪ И ЖЕНЩИНА.

СТАРИКЪ.

Гибнетъ, говоритъ, все наше государство! гибнетъ вѣра православная! Легко сказать—гибнетъ вѣра православная! Каково это слово! Скажи ты мнѣ, каково слышать!

ЖЕНЩИНА.

Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще намъ эти слова напоминать! А то живемъ тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой муки не терпимъ; этакъ, не то что своихъ ближнихъ, и Бога-то забудешь.

(Проходятъ).

ПРОХОДЯТЪ ЧЕТВЕРО.

1-й.

Мы за вѣру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й.

А кто же прочь? Да хоть сейчасъ умирать!

3-й.

Потому, коли ты за вѣру пострадалъ, небесное царствіе наслѣдуешь.

4-й.

Безпремѣнно.

(Проходятъ).

ДВѢ ЖЕНЩИНЫ.

1-я.

Ни въ жизнь столько слезъ не видала! Ни на однихъ похоронахъ того не бываетъ.

2-я.

Ужь и не говори! Такъ рѣкой и разливались. Ангелы-то съ небеси, чай, смотрятъ да радуются.

(Проходятъ. Выходитъ народъ и становится стѣнами, образуя улицы для выходящихъ изъ собора. Выходятъ: Воевода, Биркинъ и Семеновъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Воевода, Биркинъ, Семеновъ.

ВОЕВОДА (утирая слезы).

Вы видѣли, какъ плакалъ весь народъ,

Вы слышали тяжелыя рыданья!
Какія слезы! Боже! Правъ Кузьма:
Съ такимъ народомъ можно дѣло дѣлать
Великое. Онъ кротокъ, какъ дитя,
Онъ плачетъ. Но, взгляните, эти слезы —
Не хныканье старухъ и стариковъ;
Въ нихъ сила страшная; омывшись ими,
Онъ чистъ и твердъ, какъ камень самоцвѣтный;
Онъ сбросилъ тяжесть помысловъ житейскихъ,
И суеты, и будничныхъ заботъ,
И вышелъ непороченъ: хоть на битву
Веди его, хоть въ монастырь честной,
Хоть на небо.

СЕМЕНОВЪ (со слезами).

Великую ты правду,
Андрей Семенычъ, говоришь. Я старъ,
Заматерѣлъ въ грѣхахъ; а Божье слово,
Въ часъ утренней молитвы, возвышаетъ
Мнѣ душу грѣшную, и рвутся цѣпи,
Къ землѣ гнетущія; хочу подняться,
Какъ утопающій, ищу спасенья;
Цвѣтущій берегъ райскій вижу ясно;
И плыть готовъ и силу обрѣтаю.

ВОЕВОДА.

Страдалъ народъ; теперь конецъ страданью,
Замѣтно по всему. И страшно будетъ
Отмщеніе за пролитую кровь.

БИРКИНЪ.

Потерпитъ и еще.

ВОЕВОДА

Вотъ ты увидишь,
Что этотъ день начало избавленья
Отъ всѣхъ напастей, обстоящихъ насъ.
Народъ проснулся. Даромъ такъ не плачутъ.
Повѣрь ты мнѣ: заря освобожденья
Здѣсь въ Нижнемъ занялась на всю Россію,
Взойдетъ и солнце.

СЕМЕНОВЪ.

Кабы намъ твоими
Устами медъ пить.

ВОЕВОДА.

Дастъ ли Богъ дожить?
А доживемъ, увидимъ. Эко чудо!
Все изъ ума нейдетъ. Какія слезы!
Всѣ плакали, отъ мала до велика.

(Уходитъ. Входятъ: Аксеновъ, Поспѣловъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и нѣсколько народа).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Биркинъ, Семеновъ, Аксеновъ, Поспѣловъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и народъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Выходишь отъ обѣдни, помолясь
Съ усердіемъ и до сыта поплакавъ,
И такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ;
И подъ ногами ты земли не чуешь,
И ногъ не слышишь; и заря-то ярче
Горитъ на небѣ; точно сладкій медъ,
Пьешь воздухъ утренній. Такое диво!
Какая лёгость для души молитва!
Взялся бы съ мѣста, да и полетѣлъ!
А день придетъ — забота за заботой
Навалятся, опять отяжелѣешь.

АКСЕНОВЪ.

Вѣстимо, утромъ человѣкъ помягче,
Пока не заболтался въ суетѣ;
И разумъ крѣпче, да и воля тверже,
И особливо помолясь усердно.
Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарьичъ
Сказать народу, чтобъ не расходился.
Пожалуй, послѣ всѣхъ и не сберешь,
Да и сердца-то огрубѣть успѣютъ.
Теперь въ соборѣ заказалъ молебенъ
Онъ Ангелу Хранителю Косьмѣ —
Безсребреннику. Вы поговорите
Съ народомъ-то, пока молебенъ кончатъ.

(Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу, — одинъ въ одну сторону, другой въ другую).

ТЕМКИНЪ.

Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарьичъ хочетъ говорить.

ГУБАНИНЪ.

Коли не въ трудъ, повремените малость:
Кузьма Захарьичъ приказалъ просить.

(Мининъ выходитъ изъ собора).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, и Мининъ.

МИНИНЪ (съ лобнаго мѣста)

Друзья и братья! Русь святая гибнетъ!
Друзья и братья! Православной вѣрѣ,
Въ которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоитъ.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взываютъ, молятъ слезно.
Вы слышали ихъ слезное прошенье!
Поможемъ, братья, родинѣ святой!
Что жь! Развѣ въ насъ сердца окаменѣли?
Не всѣ ль мы дѣти матери одной?
Не всѣ ль мы братья отъ одной купели?

ГОЛОСА.

Мы всѣ, Кузьма Захарьичъ, всѣ хотимъ
Помочь Москвѣ и вѣрѣ православной.

МИНИНЪ.

И аще, братья, похотимъ помочь,
Не пожалѣемъ нашихъ достояній!
Не пощадимъ казны и животовъ!
Мы продадимъ дворы свои и домы!
А будетъ мало: женъ, дѣтей заложимъ!

ГОЛОСА.

Заложимъ женъ! Дѣтей своихъ заложимъ!

МИНИНЪ.

Что мѣшкать даромъ, время насъ не ждетъ!
Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы:
Изыщемъ, братія, честнаго мужа,
Которому то дѣло за обычай,
Вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править.
Кто воеводой будетъ?

ГОЛОСА.

Князь Димитрій
Михайловичъ Пожарскій! — Князь Пожарскій!
Другаго намъ не надо!

МИНИНЪ.

Воля Божья!
Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ,
Ему и править нами. Гласъ народа —
Гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ
Просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ на̀ спѣхъ.
Теперь, друзья, несите, кто что можетъ,
На дѣло земское, на помощь ратнымъ.
Я, Господи благослови начало,
Свои, копленыя и трудовыя,
Всѣ, до послѣдняго рубля, кладу.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

И мы, и мы всѣ за тобой готовы
Отдать свою копейку трудовую!

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Что деньги! Деньги дѣло наживное;
Какъ живы будемъ, наживемъ опять.

МИНИНЪ.

Да изъ собора я послалъ Нефеда,
Чтобъ изъ дому несли, что подороже:
Жены Татьяны поднизи и серьги,
Весь жемчугъ, перстни, ферязи цвѣтныя,
Камку и бархатъ, соболь и лисицу;
Да взяли бъ у святыхъ иконъ взаймы,
На время только, ризы золотыя.
Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять.

ГОЛОСА.

Все отдадимъ! — Теперь не до нарядовъ!
Въ нарядахъ суета мірская ходитъ!

(Начинаются приношенія).

МИНИНЪ.

Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну!
Ты, дѣдушко, не знаю, какъ назвать-то,
Постой у денегъ! Принимайте вмѣстѣ!

(Аксеновъ и старикъ входятъ на лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ).

БИРКИНЪ.

Нѣтъ, въ Нижнемъ принялись за дѣло крѣпко.

Здѣсь дѣлать нечего; а по добру
Да по здорову лучше убираться.

СЕМЕНОВЪ (*подходитъ къ Минину*).

Обидѣлъ я тебя, Кузьма Захарьичъ,
Прости меня!

МИНИНЪ.

Господь тебя проститъ.

СЕМЕНОВЪ.

Я мнилъ, смущаемъ дьявольскимъ прельщеньемъ,
Что грубый ты и гордый человѣкъ,
Что ради славы суетной ты ищешь
Владычества надъ равными тебѣ
И временной корысти. Просвѣщаетъ
Господь мнѣ очи нынѣ. Зрю въ тебѣ
Поборника по вѣрѣ православной,
Ясносіятельной и непорочной,
И кланяюсь тебѣ, прости меня!
Я старъ, душѣ моей приспѣло время
Сводить разсчетъ дѣлъ правыхъ и неправыхъ.
И такъ грѣховъ довольно на душѣ;
Ты отпусти мнѣ этотъ грѣхъ послѣдній,
Все легче будетъ хоть однимъ грѣхомъ.

МИНИНЪ.

Не у меня, у Господа прощенья
Проси! А я обидъ твоихъ не помню.

СЕМЕНОВЪ.

Ну, и спаси тебя Господь за это!
Не откажите малый вкладъ принять
Отъ многогрѣшнаго раба Василья.

(*Отходитъ съ Мининымъ. Народъ болѣе и болѣе тѣснится у лобнаго мѣста. Начинаютъ приносить даже вещи, что и продолжается до конца дѣйствія*).

ГУБАНИНЪ (*Темкину*).

Пойдти домой, принесть свое хоботье!
Оставлю чашку щей да хлѣба на-день,
Съ меня и будетъ.

ТЕМКИНЪ.

Погоди, успѣешь!
Мы первые пошли на это дѣло,
Не спятимся. Что, Лыткинъ замолчалъ?

ГУБАНИНЪ.

Ты знаешь, Лыткина имѣнье близко?

Онъ въ городъ перенесъ, боясь всполоху;
Какъ давеча къ обѣдни зазвонили
Въ большое било, онъ и испугался.

ТЕМКИНЪ.

Ну, ладно жь! Погоди, Василій Лыткинъ! (Лыткину).
Ай Вася! Вотъ хвалю! Такъ, братъ, и надо!

ЛЫТКИНЪ.

А что?

ТЕМКИНЪ.

Да какъ же! Ты свои пожитки
Всѣ приволокъ. Чего нибудь да стоитъ.

ЛЫТКИНЪ.

Да нечто я про васъ?

ТЕМКИНЪ.

А про кого же?

ЛЫТКИНЪ.

Я для сохранности принесъ.

ТЕМКИНЪ.

Ну, полно
Шутить-то съ нами!

ЛЫТКИНЪ.

Да какія шутки!
А вотъ возьму, да и пошлю домой.

ТЕМКИНЪ.

Покойниковъ съ погосту въ домъ не носятъ.

ЛЫТКИНЪ.

Такъ что же вы хотите?

ТЕМКИНЪ.

Вотъ покличемъ
Мы молодцовъ, перетаскаютъ мигомъ.
А изъ мірской казны не отдадутъ.

ГУБАНИНЪ.

Да и просить-то стыдно.

ЛЫТКИНЪ.

Что жь вы, грабить
Меня хотите?

ТЕМКИНЪ.

Какъ же быть съ тобой?
Неволя заставляетъ, самъ доводишь!

ГУБАНИНЪ.

Ты скупостью своей и насъ позоришь!
Паршивая овца все стадо портитъ.

ЛЫТКИНЪ.

Ужь вы меня пустите!

ТЕМКИНЪ.

Нѣтъ, уйдешь!

ЛЫТКИНЪ.

Не погубите!

ТЕМКИНЪ.

Вотъ что братъ, Василій!
Дай деньгами! Пожитковъ мы не тронемъ.

ГУБАНИНЪ.

Вѣдь деньги всѣ съ тобой. Боясь всполоху,
Всѣ до копейки изъ дому унесъ.

ЛЫТКИНЪ.

А много ль?

ТЕМКИНЪ.

Всѣ отдай!

ГУБАНИНЪ.

Ну, половину!

ЛЫТКИНЪ.

Ой, много!

ТЕМКИНЪ.

А заспоришь, хуже будетъ.

ГУБАНИНЪ.

Ну, третью деньгу дай!

ТЕМКИНЪ.

Съ лихой собаки
Хоть шерсти клокъ.

ГУБАНИНЪ.

Какъ на міру рѣшили!

ТЕМКИНЪ.

Развязывай кошель-то, сосчитаемъ!
(Всѣ трое садятся на землю и считаютъ деньги).
Три доли ровно, видишь. Двѣ тебѣ,
Сбирай въ мошну, завязывай потуже!
А третью часть сыпь въ шапку, да и съ Богомъ!
Пойдемъ всѣ вмѣстѣ, отдадимъ съ поклономъ.
(Подходятъ къ Аксенову).
Примай-ко, Петръ Аксенычъ!
(Лыткинъ подаетъ шапку).

АКСЕНОВЪ (высыпаетъ деньги и возвращаетъ шапку).

Вотъ спасибо!
Не ожидалъ я отъ тебя, Василій.

ЛЫТКИНЪ.

Я на мірскую нужду не жалѣю.
(Отходитъ).

Ужъ только знаетъ грудь да подоплёка,
Какъ мнѣ легко. Убраться поскорѣе!

(Уходитъ. Входитъ Колзаковъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Колзаковъ.

КОЛЗАКОВЪ (Минину).

А я что дамъ? До нитки домотался!
А надо бы беречь на черный день.
И у меня добра довольно было,
Да сплыло все. Теперь людямъ завидно.
Не то завидно, милый человѣкъ,
Что хорошо живутъ, да чисто ходятъ;
А то завидно, что добро несутъ,
А мнѣ вотъ нечего. И одежонка
Вся тутъ. Да! Погоди! Тѣльникъ на шеѣ,
Серебряный, большой. Ну, слава Богу!
Нашлось таки, что Господу отдать.

(Снимаетъ.)

Возьми! Возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни
Пойдетъ на дѣло и моя копейка.

(Входитъ Татьяна Юрьевна и Нефедъ. За ними несутъ сундуки и ларцы.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Татьяна Юрьевна и Нефедъ.

НЕФЕДЪ.

Какъ, батюшко, изволилъ приказать,
Такъ точно мы, по твоему приказу,
И сдѣлали — все принесли сюда.

МИНИНЪ.

Вонъ, видишь, Петръ Аксеньчъ собираетъ!
Кладите въ кучу, послѣ разберутъ.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Вотъ, государь ты мой, Кузьма Захарьичъ,
Ты приказалъ женѣ твоей, Татьянѣ,
Прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья,

И съ камешками перстеньки; и всю
Забаву нашу, бабью. Я не знаю,
На что тебѣ! Я все въ ларецъ поклала,
Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарьичъ,
Ты слово твердое, такъ что намъ думать.

МИНИНЪ.

Сама Петру Аксенычу отдай!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Все, государь, исполню, что прикажешь.

(Отдаетъ. Входитъ Мароа Борисовна; за ней несутъ сундуки и ларцы.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Мароа Борисовна.

МАРӨА БОРИСОВНА.

Богатое наслѣдство мнѣ осталось
Отъ мужа моего и господина.
Отцы и дѣды прежде накопили,
А онъ, своимъ умомъ и счастьемъ, много
Къ отцовскому наслѣдію прибавилъ,
И умеръ въ раннихъ лѣтахъ; не судилъ
Ему Господь плоды трудовъ увидѣть,
Покрасоваться нажитымъ добромъ.
Благословенья не было отъ Бога
Мнѣ на дѣтей, — одинимъ-одна осталась
Хозяйкою несчетнаго добра,
Добра чужаго, — я съ собою мало
Въ домъ принесла. Искала я родныхъ;
Родни его ни близкой не осталось,
Ни дальней. Вздумала я — догадалась
Раздать казну за упокой души,
И весело мнѣ стало, что заботу
Такую дорогую Богъ послалъ.
И вотъ, благословясь, я раздавала
По храмамъ Божьимъ на помянъ души,
И нищей братьѣ по рукамъ, въ раздачу,
Убогимъ и слѣпымъ и прокаженнымъ,
Сиротамъ и въ убогіе дома,

Колодникамъ и въ тюрьмахъ заключеннымъ,
Въ обители и въ Кіевъ и въ Ростовъ,
Въ Москву и Угличъ, въ Суздаль и Владиміръ,
На Бѣло-озеро, и въ Галичъ, и въ Поморье,
И въ Грецію, и на святую Гору,
И не могла раздать. Все прибавлялось, —
То долгъ несутъ, то кортому съ угодій.
И, не внуши вамъ Богъ такого дѣла,
Ни въ жизнь бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ.
Тутъ много тысячъ! Сыпьте, не считайте!
На добрыя дѣла, на обиходъ
Еще немного у меня осталось.
Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмете.
А мнѣ на что! Съ меня и такъ довольно —
Однихъ угодій хватитъ на прожитокъ.

(Отходитъ къ сторонѣ.)

ПОСПѢЛОВЪ.

Ты мнѣ теперь еще дороже стала,
Жена моя любезная!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ахъ, что ты!
Я не жена еще!

ПОСПѢЛОВЪ.

Не все ль равно!
Не рано — поздно, будешь же женою.
Да долго ль ждать-то? Скоро постъ начнется:
Сама ты знаешь, свадьбы не вѣнчаютъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Какой ты скорый! Развѣ мало дѣла?
Все не управлюся.

ПОСПѢЛОВЪ.

Вотъ вы какія!
Вамъ только мучить человѣка! Знаю
Я вашъ обычай. Что же за порядокъ!
Тутъ постъ, а тамъ къ Москвѣ пора идти;
Намъ и пожить-то вмѣстѣ не удастся.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ахъ, милый мой, такъ ты къ Москвѣ пойдешь?

ПОСПѢЛОВЪ.

Еще бы не пойти! Само собою.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ахъ мой сердечный! Экой ты хорошій!
Богъ дастъ, вернешься!

ПОСПѢЛОВЪ.

Какъ же, дожидайся!
Скорѣе голову свою положишь.

МАРѲА БОРИСОВНА.

А голову положишь, нечто худо!
Чтó мученикъ, чтó на войнѣ убитый,
Вѣдь все равно. Куда ты угодишь,
Пойми! Намъ не бывать тамъ, гдѣ ты будешь.

ПОСПѢЛОВЪ.

Да я не прочь и голову сложить,
А все-таки, пока живешь здѣсь въ Нижнемъ,
Жениться бы.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Объ дѣлѣ меньше будешь
Женатый думать. Вотъ что, другъ любезный!
Ты знаешь ли: женатый о женѣ,
А холостой о Богѣ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Наше дѣло,
А не твое. Про то мы сами знаемъ.
Ты обѣщала, такъ назадъ не пяться!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Зачѣмъ мнѣ пятиться! Какая стать!
Ну, чѣмъ ты не женихъ? Собой красавецъ,
И развеселый, и такой удалый!
Другихъ такихъ не сыщешь. Изъ-подъ ручки
На жениховъ такихъ невѣсты смотрятъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Да, только смотрятъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

А тебѣ все мало.

ПОСПѢЛОВЪ.

Все шутки у тебя. Мнѣ не до шутокъ!
Тебѣ забава, — мнѣ кручина злая.
Я, точно подкошеная трава,
Безъ вѣтра-вихоря, безъ солнца вяну.
Ложись да умирай!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Дай Богъ пожить!
Повеселиться, да дѣтей понянчить!

Ты не кручинься! Богъ дастъ, будемъ живы,
Еще успѣемъ и намиловаться
И надоѣсть другъ другу.

ПОСПѢЛОВЪ.

Богъ съ тобой!
Хотѣлъ браниться, что не держишь слова, —
Языкъ не слушаетъ. Махнуть рукой
Приходится, да ждать себѣ рѣшенья.
Хоть милуй, хоть казни меня — я твой!
И приказать и отказать вольна ты;
Прикажешь — ладно; нѣтъ — такъ Богъ накажетъ.
(Отходитъ.)

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Ты не зайдешь ли къ намъ отсюда, Марѳа
Борисовна, на пирожокъ?

МАРѲА БОРИСОВНА.

Не знаю,
Какъ и сказать тебѣ! Не обмануть бы!
Вотъ видишь ты: мое желанье было —
Снести казну, избавиться заботы,
Да въ монастырь, на тихое житье,
Пройти отсюда прямо, ужь домой
Не заходить; да послѣ разсудила,
Что надо будетъ Богу послужить
Еще въ міру пока. Сберется войско,
Постои да кормы имъ нужны будутъ;
Домъ у меня большой, народу много
Поставить можно. Надо приглядѣть
Да присмотрѣть самой. Свой глазъ все лучше:
Заглазно — безпокойно.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Ну, еще бы!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Вотъ, разсудивши такъ-то, я отсюда
И думала пробраться въ Воскресенскій,
Себѣ хотѣлось келью присмотрѣть.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Вотъ ужь не думала. Да что ты, Марѳа
Борисовна! Ушамъ своимъ не вѣрю.
Такая ты веселая, все шутишь,
Смѣешься съ нами, парней молодыхъ
Не обѣгаешь....

МАРѲА БОРИСОВНА.

Что же ихъ бояться?
Подумають, горда. Грѣха-то больше!
А пусть болтають да смѣются вдоволь,
Отъ лихихъ словъ меня вѣдь не убудетъ:
Побалагуримъ да и разойдемся.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Да какъ же это? Алексѣй Михайлычъ
Мнѣ сказывалъ, что онъ тебя засваталъ,
И ты не прочь, и, будто, по рукамъ
Ударили. Онъ ждетъ и не дождется.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Не говори ему, пускай онъ ждетъ.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Обманывать грѣшно!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Да что же дѣлать!
Ты разсуди сама: идти мнѣ замужъ
Ужь не приходится: я обѣщала
Вдовой остаться, Божьей сиротой.
А Алексѣй Михайлычъ ласковъ очень,
Меня онъ любитъ; откажи ему —
Разсердишь. Кротокъ онъ теперь и смиренъ;
Пожалуй, въ гнѣвъ его введешь и въ злобу,
И будетъ только грѣхъ одинъ. Ужь лучше
Хоть обману, да въ мирѣ поживемъ.
Пусть думаетъ, что я его невѣста.
Теперь къ Москвѣ сбираться скоро будетъ,
Дорога дальняя — меня забудетъ.
Не до любви, — тамъ горе ждетъ его,
А я молиться буду за него.

(Уходятъ. Народу все больше прибываетъ на площадь.)

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Вотъ шесть алтынъ, двѣ деньги!

ДРУГОЙ.

Зипунишко!

(Подаютъ. Къ лобному мѣсту подходятъ толпами.)

ГОЛОСА.

Вотъ наши деньги изъ квасного ряду! —
Изъ рукавичнаго! — Отъ ярославцевъ! —
Костромичи собрали — принимайте!
Стрѣльцы Колзакова Баима сотни.

ПОСПѢЛОВЪ.

Вотъ праздникъ, такъ ужъ праздникъ! Ну, веселье!

МИНИНЪ.

И я смотрю; душа во мнѣ ростетъ.
Не явно ли благословенье Божье!
Теперь у насъ и войско, и казна,
И полководецъ. Недалеко время,
Когда, вооружась и окрылатѣвъ,
Какъ непоборные орлы, помчимся
И грянемъ на враговъ. Пусть лютый врагъ,
Какъ левъ, зіяетъ, бѣсомъ воружаемъ;
Не страшенъ намъ злохитрый ковъ его!
За насъ молитвы цѣлаго народа,
Дѣтей и женъ и старцевъ многолѣтнихъ,
И пѣнье иноковъ и клиръ церковный,
Елей лампадъ, куреніе кадилъ!
За насъ угодники и чудотворцы,
И легіоны грозныхъ силъ небесныхъ,
Полкъ ангеловъ и Божья благодать!

(Вбѣгаетъ юродивый.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и юродивый.

ГОЛОСА.

Бѣжитъ убогій! — Гриша! — Пропустите!

ЮРОДИВЫЙ (на лобномъ мѣстѣ).

Вотъ денежки! Копеечки! Возьмите!
Ихъ много, много!

(Высыпаетъ деньги.)

ГОЛОСА.

Вотъ онъ собиралъ
Все на дорогу-то! — Выходитъ, правда. —
Ужъ эти деньги, братцы, всѣхъ дороже.

ЮРОДИВЫЙ.

Темно! темно! Не вижу ничего!
Гдѣ люди? Гдѣ земля? Все внизъ уходитъ.
Повыше бы подняться! Выше! Выше!

(Его поднимаютъ.)

Я вижу, вижу!...

ГОЛОСА.

Что ты видишь, Гришка?
Всѣмъ сказывай! — Всѣмъ говори, что видишь!

ЮРОДИВЫЙ.

Обители, соборы, много храмовъ,
Стѣна высокая, дворцы, палаты,
Кругомъ стѣны посады протянулись,
Далеко въ поле слободы легли,
Все по горамъ сады, на церквахъ главы
Все золотыя. Вотъ одна всѣхъ выше
На солнышкѣ играетъ голова,
Рѣка, какъ лента, вьется.... Кремль!... Москва!...

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МИНИНЪ. — ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА. — НЕФЕДЪ. — АКСЕНОВЪ. — ПОСПѢЛОВЪ — СЕМЕНОВЪ. — ПЛОЩАДНОЙ ПОДЪЯЧІЙ. — ВЫБОРНЫЕ. НАРОДЪ.

(Горница въ домѣ Минина. Налѣво дверь въ другой покой, прямо въ сѣни).

ЯВЛЕНІЕ I.

Татьяна Юрьевна сидитъ у стола, пригорюнясь; Нефедъ стоитъ у притолки. Входитъ Аксеновъ.

АКСЕНОВЪ.

Миръ дому и живущимъ въ немъ! Здорово ль
Вы здѣсь живете?

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Чьи нибудь молитвы
Доходятъ къ Богу; живы и здоровы!

АКСЕНОВЪ (садясь).

Такъ что жь вы пріуныли, осовѣли?

НЕФЕДЪ.

Да батюшко....

АКСЕНОВЪ.

Ну, что жь?

НЕФЕДЪ.

Тоскуетъ очень.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

И не глядитъ на свѣтъ, сидитъ горюетъ.

АКСЕНОВЪ.

Что за бѣда такая! Отчего бы?

НЕФЕДЪ.

Кто жь знаетъ!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Нечто скажетъ!

АКСЕНОВЪ.

Вы бъ спросили!

НЕФЕДЪ.

Не смѣемъ.

АКСЕНОВЪ.

Ну, такъ я поговорю.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Поговори-ко, Петръ Аксенычъ, толкомъ!
Авось уймется.

НЕФЕДЪ.

Батюшко идетъ.

(Татьяна Юрьевна и Нефедъ уходятъ въ среднюю дверь; Мининъ выходитъ изъ боковой).

ЯВЛЕНИЕ II.

Аксеновъ и Мининъ.

АКСЕНОВЪ.

Здорово, другъ, Кузьма Захарьичъ!

МИНИНЪ.

Здравствуй!

(Садится на лавку и молча смотритъ въ окно).

АКСЕНОВЪ.

Опомнись! Что ты! Какъ тебѣ не грѣхъ!

МИНИНЪ.

Тоска меня загрызла; изсосала
Мнѣ сердце, какъ змѣя.

АКСЕНОВЪ.

О чемъ скорбишь?
Ты мнѣ скажи, на сердцѣ легче будетъ.

МИНИНЪ.

Ты не поможешь. Горько мнѣ до смерти!
Скорбь лютая! Душа захолонула,
Упало сердце ретивое, кровь
По жиламъ холодѣетъ!

АКСЕНОВЪ.

Ты въ умѣ ли?
Не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ!
Какое время, вспомни, грѣховодникъ!
Какое дѣло на плечахъ твоихъ!
Будь твердъ, какъ камень! Суетному горю
И малодушеству не предавайся!
Грѣхомъ унынія грѣшишь предъ Богомъ!
Противна Богу суетная скорбь.

МИНИНЪ.

Нѣтъ суеты во мнѣ. Коришь напрасно.
Земныя страсти надо мной невластны.
Разсыпься домъ и погреби семью,
Возьмись пожаръ и разнеси по вѣтру
Все нажитое, до послѣдней нитки, —
Я буду твердъ; хвалить и славить Бога
Не перестану; проронить слезу
Сочту грѣхомъ. Я нагъ на свѣтъ родился
И нагъ въ могилу лягу. Страшно молвить!
Аксенычъ, страшно молвить! Наше дѣло,
Великое, святое начинанье,
Какъ сельный цвѣтъ въ сухое лѣто, вянетъ.
Выводимъ стѣну, крышу крыть хотимъ,
А храмина не крытая валится.
Вотъ отчего лицо мое мертвѣетъ
И зимнимъ холодомъ ведетъ по тѣлу
И дыбомъ подбираетъ волоса.
Народъ волна — прихлынетъ и отхлынетъ.
Давно ль тотъ день, когда бѣжалъ толпами
Народъ на площадь, отдавалъ копейки
Послѣднія и мѣдные кресты? —
А что теперь! Хоть плачь, хоть распинайся —
И денежки не вымолишь; забыли,
Что женъ, дѣтей, хотѣли заложить.
Всѣ приуныли. Только бѣдняки

И веселы; а тѣ, что побогаче,
Какъ туча черная, всѣ почернѣли.
Разстаться жаль съ добромъ. Они не видятъ,
Что дьяволъ ихъ тенетами опуталъ,
И въ бездну тащитъ золотымъ арканомъ.
А много ль мы собрали, Петръ Аксенычъ?
Съ чѣмъ начинать? Подумай, посуди!
А развѣ ты не видишь тайной злобы
Ко мнѣ? Не всѣ, я не хочу грѣшить,
А есть такіе, — разорвать бы рады
Меня на части. Точно о себѣ
Радѣю я, а не о земскомъ дѣлѣ.
Да ты послушай, что еще скажу!
Послали выборныхъ, просить велѣли
На воеводство князя. Князь Дмитрій
Михайловичъ ихъ спроситъ: кто блюсти
И ратнымъ раздавать казну приставленъ?—
Меня не назовутъ, гляди, другого
Кого нибудь. Все прахомъ и пойдетъ!

АКСЕНОВЪ.

Не гордость ли, Кузьма?

МИНИНЪ.

Нѣтъ, Петръ Аксенычъ!
Да развѣ гордость, не жалѣя силы,
И день, и ночь, не покладая рукъ,
Безъ устали, безъ отдыха работать!
Одинъ для всѣхъ слуга я поминутный;
Да и впередъ вамъ послужить хочу.
Вѣдь я не почести прошу, а службы.
Горячее-то время подойдетъ,
Тутъ только поспѣвай, вѣдь съ ногъ собьешься;
И не доѣвши вскочишь изъ обѣда,
И ночи не доспишь, да не придется
И лба себѣ перекрестить порядкомъ.
Вотъ я чего хочу. Пускай другіе
За дѣло примутся, тогда увидишь,
Что заварится! Брань, да перекоры,
Бездѣльные, пустые разговоры;
Казны собрать алтына не съумѣютъ;
А что собрали, разтрясутъ, развѣютъ.

А дѣлу-то поруха! Намъ безчестье!
И передъ Богомъ грѣхъ незамолимый!

АКСЕНОВЪ.

Не дай Богъ слышать, а не то что видѣть
Грѣха такого!

МИНИНЪ.

Чай тебѣ случалось
Видать не разъ, какъ тонетъ человѣкъ;
А, можетъ, самъ тонулъ?

АКСЕНОВЪ.

Всего бывало.

МИНИНЪ.

Перекрестясь, да съ берега крутаго
Ты бросишься, на силу то надѣясь;
Плывешь такъ весело; на полдорогѣ
Вдругъ страшно станетъ; ищешь ты глазами,
Гдѣ ближе берегъ. Смотришь ты впередъ,
Тамъ столько же, какъ съ берега казалась
И вся рѣка; назадъ, — тамъ вдвое шире.
Кричать нѣтъ пользы, берега пустые,
Отвѣта не дадутъ; а кто услышитъ,
Такъ скоро ль добѣжитъ, да сыщетъ лодку!
Вдругъ смертная тоска одолѣваетъ;
Глазами водишь: мать сыра земля
Цвѣтетъ попрежнему, проходитъ стадо
Вдали, чуть видно; пролетѣли чайки
Съ зловѣщимъ крикомъ; облачко нашло
На солнышко, и плёсо зарябилось
И потемнѣлъ тальникъ по берегамъ;
И сотворивъ молитву, тонешь, бѣдный,
Безъ помощи. Вотъ такъ и я тону.
Да не одинъ я, всѣ мы, всѣ мы тонемъ.
(Задумывается).

АКСЕНОВЪ.

Ты былъ у князя?

МИНИНЪ.

Одному тебѣ
Покаюсь, былъ.

АКСЕНОВЪ.

На чемъ же порѣшили?

МИНИНЪ.

Князь добрый человѣкъ. Меня онъ слушалъ

Привѣтливо и долго; обласкалъ
И самъ распрашивалъ про все по ряду:
«Да что? Да какъ? Да правду ль говоришь?
Самъ понимаешь, княжеское дѣло.
«Скажи-ка, говорю, ты мнѣ, князь Дмитрій
«Михайловичъ, кто больше сработаетъ —
«Голодный, али сытый? Подневольный,
«Али за деньги нанятой? Скажи-ка,
«Не оттого ли нашимъ воеводамъ
«И дѣло ратное не удавалось,
«Что только силу ратную считали,
«А про кормы, да про казну забыли?
«Безъ корму, да безъ денегъ, что за ратникъ!
«Ни силы нѣтъ, ни духу! Ты возьми
«Отъ человѣка до скота, — все тоже!
«Вѣдь сытый конь побольше и свезетъ,
«И въ гору вытянетъ; на чахломъ много ль
«Наѣздишь? Самаго тянуть придется».
Да такъ вотъ все ему, какъ на ладони,
И выложилъ. Подумалъ князь, подумалъ,
И говоритъ: «ты правъ, Кузьма Захарьевъ!
«Съ такой аравой въ дальнюю дорогу
«Мнѣ безъ тебя сражаться, что безъ рукъ.
«Давай ужь вмѣстѣ Господу послужимъ!»
Поцаловались. Съ тѣмъ и отпустилъ.

АКСЕНОВЪ.

Такъ ты чего жь боишься, маловѣрный?

МИНИНЪ.

Да развѣ князь не можетъ передумать!
Наскажутъ на меня, а онъ повѣритъ:
Ты знаешь самъ, какъ я богатымъ солонъ!
А ихъ-то и послали съ челобитьемъ.
Душа изъ тѣла рвется, полетѣлъ бы
Однимъ глазкомъ взглянуть, что тамъ творится.

АКСЕНОВЪ.

А вотъ пріѣдетъ Алексѣй Михайлычъ —
Разскажетъ все. Сегодня надо ждать.

(Поспѣловъ входитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Поспѣловъ.

АКСЕНОВЪ.
А онъ и тутъ. Легокъ же на поминѣ.
Здорово ль съѣздили?
ПОСПѢЛОВЪ.
Благополучно.
Дорога гладкая, морозецъ легкій!
По первопутью, ровно какъ по маслу,
Шутя доѣхали. Да и назадъ
Вернулись по добру да по здорову.
МИНИНЪ.
Садись! Въ ногахъ нѣтъ правды! Говори!
Душа не терпитъ, сердце не на мѣстѣ.
АКСЕНОВЪ.
Все сказывай, какъ было, по порядку!
ПОСПѢЛОВЪ.
Вотъ, перво-на-перво, мы духовенство
Пустили въ горницу, а тамъ, честь честью,
Вошли и мы; кто старше, впереди.
Всѣ помолились, низко поклонились.
Князь подошелъ къ благословенью, отдалъ
Намъ всѣмъ поклонъ и началъ говорить,
Что радъ гостямъ, и что желаетъ слышать,
Какую нужду до него имѣютъ.
Тутъ всѣ заговорили. Дьякъ Василій
Большую рѣчь держалъ хитро и складно
И приводилъ слова святыхъ писаній.
Князь слезно плакалъ. Видно, что по сердцу
Ему пришелъ нашъ земскій приговоръ.
«Ступайте въ Нижній, говоритъ, скажите,
«Что я за вѣру пострадать готовъ
«До самой смерти. Только подобаетъ
«Между собою изъ людей посадскихъ
«Вамъ выбрать мужа, чтобы вмѣстѣ быть
«Намъ у великаго такого дѣла,
«Казну сбирать и ратныхъ одѣлять

«И всѣ дѣла намъ дѣлать заедино».
И стали наши князю говорить:
«Не знаемъ мы такого человѣка!»

МИНИНЪ.

Они не знаютъ! Слышишь, Петръ Аксенычъ?
Меня отъ службы земской оттираютъ,
Иду въ холопы къ нимъ — не принимаютъ.

АКСЕНОВЪ.

Постой! Возьми терпѣнье! Дай дослушать!

ПОСПѢЛОВЪ.

А князь имъ говоритъ: «у васъ Кузьма
«Захарьевъ, Сухорукъ, то дѣло знаетъ;
«Онъ человѣкъ бывалый и служилый,
«Ему такое дѣло за обычай!
«Его просите! Буде согласится,
«И я, не мѣшкая, сбираться буду».
Насъ накормили, брагой напоили,
И съ миромъ отпустили. Вотъ и все.

АКСЕНОВЪ.

Гдѣ жь выборные?

ПОСПѢЛОВЪ.

Всѣхъ оповѣщаютъ
На площади. И копится народъ,
И сходится со всѣхъ сторонъ толпами;
Хотятъ всѣмъ міромъ двинуться къ тебѣ
Просить и кланяться, Кузьма Захарьичъ.

МИНИНЪ.

Они придутъ. О Господи, дай силы!
Дай твердости! Окамени мнѣ сердце!
О! загради мой слухъ! Да не смущаюсь
Коварными и льстивыми словами!
Печатью огражденья запечатай
Уста мои! Да не отдамся весь
Въ чужую волю скорыми рѣчами!
Они придутъ! (Рѣшительно) Ну, что жь! Пускай!
Мы примемъ.

АКСЕНОВЪ.

Крѣпись, Кузьма!

МИНИНЪ.

Да будетъ воля Божья!

(Входитъ Нефедъ).

НЕФЕДЪ.
Къ намъ гости, батюшко!

МИНИНЪ.
Встрѣчай съ поклономъ!
Широко распахните ворота!
Всѣ двери отворите и зовите!

ПОСПѢЛОВЪ.
Теперь я лишнее бревно въ избѣ.
(Уходитъ въ боковую дверь. Входятъ: Семеновъ, выборные и народъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИНИНЪ, АКСЕНОВЪ, СЕМЕНОВЪ И ВЫБОРНЫЕ.

СЕМЕНОВЪ.
Кузьма Захарьичъ! вѣдомо тебѣ,
Что мы всѣмъ міромъ посылали къ князю
Димитрію Михайловичу въ Пурехъ
Нижегородцевъ, выборныхъ людей
Изъ всѣхъ чиновъ, съ великимъ челобитьемъ.
Да будетъ вѣдомо тебѣ, что Стольникъ
Князь Дмитрій наше челобитье принялъ,
И приказалъ сказать всему народу
Нижегородскому свое рѣшенье:
Что ради вѣры пострадать готовъ
И собирается къ намъ въ Нижній на спѣхъ.
У сбора же казны и у раздачи
На жалованье ратнымъ людямъ денегъ
Князь приказалъ приставить человѣка
Бывалаго, изъ лучшихъ изъ посадскихъ.
Да будетъ вѣдомо, Кузьма Захарьичъ,
Что мы, поговоривъ между собою,
Съ посадскими и всякими людьми,
Приговорили кланяться тебѣ
И звать къ мірскому дѣлу неотступно.

ОДИНЪ ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.
Ужь не въ первой тебѣ, Кузьма Захарьичъ,
За дѣло земское руками браться.
Мы много милостью твоей довольны.

И въ этомъ разѣ ты насъ не покинь.

(Всѣ кланяются).

ДРУГОЙ ВЫБОРНЫЙ.

Кузьма Захарьичъ! мы къ тебѣ съ поклономъ,
Съ великимъ челобитьемъ прибѣгаемъ.
Ты нашей просьбы не оставь! Всѣмъ міромъ
Тебя мы просимъ: послужи ты намъ!

(Всѣ кланяются).

ГОЛОСА.

Кузьма Захарьичъ, послужи!—Кому же,
Опричь тебя и некому у насъ!—
Всѣ просимъ: послужи, Кузьма Захарьичъ!

(Кланяются.—Татьяна Юрьевна, Нефедъ и Поспѣловъ смотрятъ изъ боковой двери).

МИНИНЪ.

Благодарю, что вспомнили меня,
И низко кланяюсь. За честь спасибо!

(Кланяется).

Есть поумнѣй меня и побогаче,
Да и постарше, прежде тѣхъ просите!

ГОЛОСА.

Намъ никого не надо.—Не хотимъ
Другаго!—Ты намъ любъ.—Тебя мы просимъ!

МИНИНЪ.

Не бѣгалъ я отъ службы никогда,
Для дѣла земскаго бросалъ заботы
Свои домашнія, семью, торговлю,
Радѣлъ, чтобъ застоять да не обидѣть
Молодшихъ братій....

ГОЛОСА.

Мы тобой довольны,
Кузьма Захарьичъ, ты объ насъ радѣлъ.

МИНИНЪ.

Вотъ и недавно подняли мы дѣло,
И малое начало положили
Великому. Жалѣлъ ли я себя?
И деньги и добро принесъ я первый.
По моему-то, всѣмъ такъ подобаетъ;
А, можетъ, кто жалѣетъ. Какъ тутъ быть!
Какъ тутъ орудовать! Одинъ и душу
Радъ заложить; другому жаль копейку.
Стань принуждать, его обидишь кровно.

И только грѣхъ, да брань, да упреканье!
Послужишь Богу, такъ людей обидишь!
Людямъ служить, такъ Богу согрѣшить!
Кому служить-то: людямъ или правдѣ?

ГОЛОСА.

Ты правдѣ послужи, Кузьма Захарьичъ!

МИНИНЪ.

Служилъ бы правдѣ, силы не хватаетъ,
Послѣднюю на службѣ истерялъ.
Работалъ много, наработалъ мало!
Хлопотъ по горло, дѣла на алтынъ!
Любовью начали, свели на ссору!
Хотѣли волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, такъ въ пору.
Что жь, мнѣ стоять съ ножемъ у горла, что ли?
Что было силы, послужилъ народу.
Ужь не взыщите, утрудился больно.

(Кланяется).

ЗАДНІЕ (переднимъ).

Просите! Кланяйтесь! Что такъ стоите!

ПЕРЕДНІЕ (кланяются).

Кузьма Захарьичъ! пожалѣй ты насъ
Мы безъ тебя — безъ рукъ. Все дѣло прахомъ
Разсыплется.—Не совладать другому,
Напортитъ только. Гдѣ другому сдѣлать!

МИНИНЪ.

И не просите лучше, не могу.

ВЫБОРНЫЙ.

Кузьма Захарьичъ, можетъ, ты серчаешь
На насъ за что? Такъ гнѣва не держи!
Вину и виноватаго повѣдай!
Въ чемъ проступились, въ томъ и повинимся.

МИНИНЪ.

Другому кланяйтесь, я не слуга вамъ!
Послѣднее вамъ слово говорю.

(Садится къ столу и закрываетъ лицо руками).

ГОЛОСА.

Татьяна Юрьевна, ты, Петръ Аксенычъ,
Покланяйтесь да попросите съ нами!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА (съ поклономъ).

Не наше дѣло, батюшки; не смѣемъ.

АКСЕНОВЪ.

Не все жь ему плясать по вашей дудкѣ!
Не въ часъ пришли, такъ лучше воротиться,
Да съизнова придти, да поклониться.

(Всѣ кланяются).

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Прощенья просимъ!

ГОЛОСА.

Съ Богомъ оставаться!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Мининъ, Аксеновъ, Поспѣловъ и Нефедъ смотрятъ въ окно, Татьяна Юрьевна у боковой двери.

МИНИНЪ.

Ушли! Ну, слава Богу! легче стало!
Душа моя открыта передъ Богомъ,
Я радъ служить, радъ душу положить!
Я къ дѣлу земскому рожденъ. Я выросъ
На площади, между народныхъ сходокъ.
Я рано плакалъ о народномъ горѣ,
И, не по лѣтамъ, тяжесть земской службы.
Я на плечахъ носилъ своей охотой.
Соблазну власти я не поддавался;
И, какъ насѣдка бережетъ цыплятъ,
Такъ я берегъ отъ властныхъ и богатыхъ
Молодшую, обидимую братью.
Теперь зовутъ меня, а я нейду;
И не пойду служить, пока весь Нижній
Въ моихъ рукахъ не будетъ поголовно
Со всѣмъ народомъ и со всѣмъ добромъ.

НЕФЕДЪ.

Вернулись, батюшко.

МИНИНЪ.

Заприте двери!
Заткните окна!

АКСЕНОВЪ.

Что ты! Богъ съ тобой!
Пусти меня, я разскажу имъ толкомъ,
Чтобъ написали земскій приговоръ.

(Идетъ къ двери, дверь растворяется. Видна толпа).

ГОЛОСА.
Кузьма Захарьичъ, мы опять къ тебѣ.
МИНИНЪ.
Сказалъ, что не пойду, — чего жь хотите!
Я и въ другой разъ то же говорю,
Придете въ третій, въ третій то же будетъ.
(Аксеновъ уходитъ и затворяетъ дверь).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же безъ Аксенова.

ПОСПѢЛОВЪ (у окна).
Идутъ, нейдутъ, едва переступаютъ,
Какъ словно что забыли. Межь собою
Все шепчутъ что-то, плачутъ. Погляди!
Вотъ какъ ты дорогъ имъ, Кузьма Захарьичъ!
МИНИНЪ.
Что жь, плачутъ! Я и самъ заплачу съ ними;
Да дѣлу-то какая польза будетъ!
Довольно слезъ, теперь нужна намъ твердость!
Чѣмъ плакать, написали бъ приговоръ.
А и напишутъ, я сейчасъ же къ князю
Пошлю его. Нефедъ, сѣдлай коней!
И самъ сбирайся наскоро въ дорогу!
Ты, Алексѣй Михайлычъ, съ нимъ поѣдешь.
Везите, пуще глазу берегите,
И прямо къ князю въ руки передайте!
А дома-то держать боюсь, отымутъ,
Назадъ возьмутъ, коль въ чемъ не угодишь.
НЕФЕДЪ.
Я мигомъ, батюшко!
(Уходитъ).
ПОСПѢЛОВЪ.
Да не напрасно ль
Ты опасаешься, Кузьма Захарьичъ?
МИНИНЪ.
Да развѣ ты не видишь, какъ мнѣ горько
Хитрить съ народомъ, кабалить его?
Кабы не Божье дѣло, приговора
Я не просилъ бы. Я въ огонь и въ воду
По волѣ земской брошусь безъ оглядки.

И головой начальнымъ, и слугою
Готовъ служить по первому ихъ слову.
Мириться, ссориться не привыкать—стать,
И поругаемся и помиримся,
Другъ на другѣ обиды не считаемъ.
Брань не страшна, на вороту не виснетъ.
То наше дѣло, дѣло поправное.
А это дѣло Божье, за оплошку
За каждую отвѣтишь передъ Богомъ.
Привелъ Господь начать благое дѣло
И надо честно совершить его.
Я не свое хотѣнье исполняю,
А волю, заповѣданную свыше.
Мнѣ больше далъ Господь и больше спроситъ.
(Входятъ: Аксеновъ, подъячій, выборные, народъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Аксеновъ, Подъячій, и выборные.

ОДИНЪ ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.
Вели писать, а мы впередъ согласны
На всякій твой приказъ, Кузьма Захарьичъ.

МИНИНЪ (подъячему).
Садись, пиши! (Подъячій садится). Всѣхъ помяни въ началѣ!
Дворянъ, дѣтей боярскихъ и головъ,
Всѣхъ по порядку напиши, какъ знаешь.
(Помолчавъ).
Пиши, что выбрали меня всѣмъ міромъ
У сбора денегъ ратнымъ людямъ быти.
(Помолчавъ).
Пиши! И быти намъ Кузьмѣ послушнымъ
И не противиться ему ни въ чемъ!
На жалованье ратнымъ людямъ деньги
Имать у насъ у всѣхъ безпрекословно!
А не достанетъ денегъ, животы;
А животовъ не станетъ, женъ съ дѣтями
Имать у насъ и отдавать въ закладъ.
(Помолчавъ)
Готово?

ПОДЪЯЧІЙ.

Написалъ.

МИНИНЪ (народу).

Ну, ладно ль будетъ?

ГОЛОСА.

Пусть будетъ такъ! Прикладывайте руки!

(Прикладываютъ руки).

МИНИНЪ.

Не преминý радѣть о земскомъ дѣлѣ,
А за любовь за вашу бью челомъ.

(Кланяется).

Теперь у Господа молить я буду,
Чтобъ даровалъ мнѣ силу мышцъ и мудрость
Змѣиную и кротость голубину.

(Нефедъ входитъ).

ОДИНЪ ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.

Готово. Принимай, Кузьма Захарьичъ!

(Подаетъ приговоръ).

МИНИНЪ (передаетъ Нефеду и Поспѣлову; они уходятъ).

О Господи! Благодарю тебя!

(Падаетъ на колѣни).

АКСЕНОВЪ.

Давно стоитъ земля, а не бывало
Такого дѣла на святой Руси.
И небывалую ты служишь службу.
Прими жь такое званіе отъ насъ,
Какого дѣды наши не слыхали
И внуки не услышатъ, и зовись
Ты выборнымъ всей Русскою Землею!

ГОЛОСА.

Ты выборный отъ всей земли великой!

ЭПИЛОГЪ.

(ВЫХОДЪ ОПОЛЧЕНІЯ ИЗЪ НИЖНЯГО НОВГОРОДА).

(1612 Г., МАРТЪ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОЖАРСКІЙ, — воевода. — МИНИНЪ, выборный отъ всей земли русской. — АКСЕНОВЪ. — ПОСПѢЛОВЪ.—МАРѲА БОРИСОВНА.—ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.—ЛАПША.—ЮРОДИВОЙ. — Весь народъ нижегородскій и многихъ другихъ городовъ. — Войско.

Часть Нижняго посада та же, что въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Посадскіе; впереди Аксеновъ, за нимъ двое держатъ хлѣбъ-соль. Подлѣ нихъ Лапша. Толпы народа. Нѣкоторые проходятъ въ Кремль и изъ Кремля.

ГОЛОСА.

Напутственный молебенъ поютъ.—Отпѣли, ратныхъ людей благословляютъ да кропятъ. — Ишь ты наши нижнепосадскіе хотятъ съ хлѣбомъ-солью проводить.—Ужь это какъ и водится. На нижнемъ посадѣ все и дѣло-то началось, съ Гостиннаго двора пошло. Здѣсь кашу-то заварили, а гляди, что вышло.

АКСЕНОВЪ (Лапшѣ).

Честь честью, мы проводимъ съ хлѣбомъ съ солью
И добраго пути имъ пожелаемъ.

ЛАПША.

Я слышалъ, что по нашей сторонѣ,
Нагорнымъ берегомъ пойдутъ по Волгѣ,

На Болохну, на Юрьевецъ, на Решму.

АКСЕНОВЪ.

Ну да, на Ярославль прямой дорогой.
И любо, братецъ, будетъ посмотрѣть!
Какъ есть, — рѣка польется. Ваши села
И города, что мелкіе ручьи,
Воды прикопятъ, — взбухнетъ, пополнѣетъ,
И вдругъ широкимъ половодьемъ хлынетъ
На супостатовъ вѣры православной,
Снесетъ и смоетъ ихъ съ лица земли.

ЛАПША.

Я съ Решемскими тоже потянуся.
Хоть кучка малая, а все помога.
Хлопотъ-то вамъ куда чай много было
Собрать такую силу?

АКСЕНОВЪ.

Ну, нельзя же!
Вотъ перво-на-перво пришли Смольяне,
Потомъ изъ Доргобужа да изъ Вязьмы.
Бродили бѣдные; вездѣ ихъ гнали;
Какъ домы-то у нихъ пораззорили,
И въ Ярополчь и въ Арзамасъ садились;
Вотъ къ намъ пришли и съ нами заедино
Хотятъ идти отмстить за кровь свою.
Потомъ Коломенцы пришли, Рязанцы,
За ними ополченье изъ Украйны,
Казаки и стрѣльцы, что при Васильѣ
Въ Москвѣ сидѣли. И своихъ довольно.
Охотой шли, никакъ ни остановишь!
И чудо, братъ, откуда что бралось!
Такъ и плыветъ, такъ и плыветъ богатство;
Со всѣхъ сторонъ казна, лишь принимай!
Кузьма кормы и жалованье ратнымъ
Самъ раздавалъ. И, Божьей благодатью,
Такъ и спорилось все въ его рукахъ.
Другіе нищіе пришли, босые,
Безъ одежонки; посмотри теперь!
Разбогатѣли, раскормились живо,
Всѣ молодцами смотрятъ,—заглядѣнье!
Повѣришь ли, коня сегодня купитъ;

Дня черезъ три его и не узнаешь;
Хозяинъ не узнаетъ, хоть божись;
Такъ раздобрѣетъ. Смотримъ да дивимся.
Ужь истинно, что Богъ избралъ Кузьму!
Уменъ и счастливъ, да при всемъ при этомъ
Благословенье Божье помогаетъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Никакъ коней ведутъ воеводамъ.

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Здѣсь не сядутъ, пѣши пойдутъ.

(Изъ воротъ выходитъ Мароа Борисовна, за ней бѣжитъ Поспѣловъ. Останавливаются поодаль отъ народа, у лавки Лыткина).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Мароа Борисовна, Поспѣловъ.

МАРѲА БОРИСОВНА.

Москву увидишь, Алексѣй Михайлычъ,
И отъ меня ей земно поклонись!
Дай Богъ счастливо! Отправляйся съ Богомъ!
Объ насъ не забывай!

ПОСПѢЛОВЪ.

О чемъ же помнить!
Мнѣ больше не о комъ, какъ о тебѣ!
Припомню все, какъ я тебя увидѣлъ,
Какъ полюбилъ, — спозналъ тоску-злодѣйку!
Какъ за тобой по улицамъ широкимъ,
По мелкимъ переулочкамъ ходилъ,
Чтобъ только въ очи заглянуть украдкой!
Припомню, какъ сидѣли, говорили!
Какъ въ липовомъ покойчикѣ твоемъ
Свѣтло и чисто, какъ въ раю небесномъ.
Припомню, какъ сулила, обѣщала
Любить меня и быть моей женой,
Какъ только время даромъ протянула,
Какъ провела меня— и обманула!
Припомню все! Суди тебя Господь!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Вернешься ты, и вся твоя невзгода

Пройдетъ, какъ сонъ. И не о чемъ жалѣть!
Настанетъ время тишины и мира
И мы съ тобой любовно заживемъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Какъ знать, что будетъ! Лучше и не думать!
Прощай! Увидимся ль на этомъ свѣтѣ?
А не придется, свидимся на томъ.

(Цалуются).

МАРѲА БОРИСОВНА.

Прощай, мой милый! Зла на мнѣ не помни!
Я, не женою, матерью родной
Хотѣла бъ проводить тебя въ дорогу
Святымъ напутствіемъ, благословеньемъ.
Поди ко мнѣ, тебя я поцалую
Въ послѣдній разъ. Храни тебя Господь!

(Цалуются. Поспѣловъ убѣгаетъ. Подходитъ Татьяна Юрьевна).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Татьяна Юрьевна.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Кузьма Захарьичъ только до Оки,
До переправы, воеводъ проводитъ,
Потомъ домой зайдетъ, проститься съ нами.
У насъ и столъ накрытъ. Зайди и ты!

МАРѲА БОРИСОВНА.

Ужь я простилась. Только бы взглянуть
Теперь на Божьихъ воиновъ. Изъ дома
Сегодня вышла я въ послѣдній разъ.
Вотъ постою съ народомъ и глазами
Своими посмотрю, какъ избавленье
Пойдетъ па Русь святую; прошепчу
Молитву, да и въ келью, прочь отъ міра.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Я стану заходить къ тебѣ. Безъ мужа
Вѣдь скучно будетъ, стану навѣщать.

(Уходитъ).

ГОЛОСА.

Идутъ. — Воеводы идутъ!

(Выходятъ: князь Пожарскій, Мининъ и за ними войско)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Пожарскій и Мининъ.

АКСЕНОВЪ.

Нижегородцы Нижняго посада
Тебя, нашъ воевода, князь Димитрій
Михайловичъ, и съ выборнымъ съ Кузьмою
Захарьичемъ, въ дорогу съ хлѣбомъ съ солью
Желаемъ проводить.

(Подаетъ хлѣбъ-соль).

ПОЖАРСКІЙ.

Спасибо вамъ!

АКСЕНОВЪ.

Челомъ вамъ бьемъ, не брезгайте, примите!

(Пожарскій принимаетъ хлѣбъ-соль и передаетъ Минину. Мининъ передаетъ войску).

ПОЖАРСКІЙ.

Нижегородцы! Мы за васъ идемъ
Съ врагами биться, жизни не жалѣя;
А вы всещедраго молите Бога,
Чтобы Московское намъ государство
Въ соединеньи видѣть, какъ и прежде,
Какъ при великихъ государяхъ было;
Кровопролитье бъ въ людяхъ перестало;
А видѣть бы покой и тишину,
Какъ и доселѣ было въ государствѣ.

МИНИНЪ.

Друзья нижегородцы! Ваше войско
Пошло къ Москвѣ! Его вы снарядили
И проводили. Буде Богъ пошлетъ,
И нашимъ подвигомъ мы Русь избавимъ, —
Великую отъ Бога примемъ милость
За избавленье христіанскихъ душъ;
И во вся роды, въ будущіе вѣки,
Къ навѣчной похвалѣ намъ учинится,
На славу намъ и на поминъ душъ нашихъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Пойдемъ-те съ Богомъ! (Войско трогается).

НАРОДЪ.

Прощайте, Божьи воины! — Помоги вамъ Господь! — Вы за насъ страдальцы; а мы за васъ богомольцы!

(Выбѣгаетъ юродивый вооруженный).

ЮРОДИВЫЙ (кланяясь на всѣ стороны).

Прощайте! Прощайте!

(Трубы, колокольный звонъ, войско, отрядъ за отрядомъ, изъ Кремля проходитъ черезъ сцену).

А. ОСТРОВСКІЙ.

Москва, 9 декабря 1861 г.

РЕФОРМАЦІЯ И СЛѢДУЮЩІЕ ЗА НЕЙ ПУБЛИЦИСТЫ.

I.

МИСТИЧЕСКІЯ СТРЕМЛЕНІЯ ВРЕМЕНИ. — СИМПТОМЫ РЕФОРМАЦІИ ДО ЛЮТЕРА. — РЕФОРМАЦІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. — ЛЮТЕРЪ. — АНАБАПТИСТЫ И КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА. — ЮРИДИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ ЛЮТЕРАНСКОЙ ШКОЛЫ.

Макіавелли и Т. Моръ были яркими проблесками реализма въ исторіи политической мысли XVI вѣка. Но ихъ простой, откровенный пріемъ въ научномъ дѣлѣ былъ не подъ силу обществу, выросшему въ школѣ схоластическаго лицемѣрія, прикрывавшаго тайную распущенность и общее презрѣніе къ чужому праву. Одного объявили нравственнымъ циникомъ, другаго сумасшедшимъ; — это было въ порядкѣ вещей. Общество, чтобы двигаться, требовало другихъ учителей, прямо слушаться истины оно не могло; какъ бы она ни была скромна, она должна была явиться завернутою въ старыя формы преданія, чтобы дѣйствовать.

Нужно ли спрашивать поэтому, что это было за движеніе идеализма, которому предстояло теперь играть такую яркую роль, затмѣвая повидимому всѣ реальные интересы жизни; чѣмъ объяснить направленіе реформаціи въ виду начала того реализма въ наукѣ, который мы видѣли выше; какое значеніе приписать этому каноническому спору, поднявшемуся теперь на всю Европу? Реакція это противъ упадка вѣрованій среди послѣднихъ ошибокъ римской церкви, или движеніе той части общества, среди которой еще сильно было преданіе? Ясно, что ни то, ни другое, что для насъ реформація будетъ про-

долженіемъ тѣхъ же реальныхъ симптомовъ, такимъ же свидѣтелемъ окончательнаго упадка схоластики.

Нѣсколько общихъ соображеній покажутъ намъ ближайшій смыслъ такого воззрѣнія.

Исторія сознанія, какъ и исторія политическая, есть исторія противорѣчій. Эти противорѣчія, обрушаясь на долю извѣстной части общества, отражаясь ущербомъ въ матеріальномъ положеніи извѣстныхъ слоевъ, неизбѣжно закладываютъ здѣсь тѣмъ самымъ начало реакціи, которая можетъ долго молчать, лишенная средствъ выразиться, но которая не замедлитъ сказаться при первой возможности.

Средневѣковая жизнь, собравъ въ своемъ устройствѣ множество такихъ ошибокъ, должна была вмѣстѣ съ тѣмъ развить и начало протеста въ тѣхъ классахъ, на счетъ коихъ развился и устроился средневѣковый порядокъ. Пока этотъ порядокъ держался на трехъ условіяхъ: на матеріальной силѣ и тѣсной связи свѣтскихъ феодаловъ и феодаловъ церкви,—словомъ, всѣхъ лицъ отъ него выигрывавшихъ, на разъединенности подавленныхъ слоевъ и наконецъ на авторитетѣ сознанія, которое оправдывало этотъ порядокъ. не какъ произвольный капризъ господствовавшихъ, а какъ законъ, обязательный для черни и феодаловъ, установленный свыше черезъ римскую церковь.

Всѣ эти условія въ свое время вязались тѣсно между собой. Но феодальный союзъ къ XVI вѣку значительно ослабѣлъ, со дна общества выросло среднее состояніе, вслѣдъ за нимъ подымался и другой слой, въ самыхъ подавленныхъ частяхъ давно начинало чувствоваться броженіе, отмѣтившее себя памятными кровопролитіями, которыя уже имѣли свою доктрину, отличную отъ римской.

Опытъ уже показывалъ, что не авторитетъ идей творитъ и охраняетъ тѣ или другія явленія, а совершенно наоборотъ: тамъ гдѣ станетъ возможнымъ какое либо явленіе, вслѣдъ за нимъ готово сейчасъ же согнуться сознаніе и дать все, что нужно для его оправданія.

Свѣтское право XVI вѣка имѣло еще много причинъ оффиціально держаться схоластики. Королевская власть, напримѣръ во Франціи, выдѣляясь изъ-подъ вліянія папъ и феодаловъ, и становясь въ союзъ съ среднимъ сословіемъ, могла поощрять труды легистовъ, но только въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Были предѣлы, за которыми эта власть не хотѣла стать чисто свѣтскою. Правда, также, что только въ такомъ внѣшнемъ видѣ могли поддерживаться теперь слѣды схоластики и въ политическихъ воззрѣніяхъ общества. Но это не спасло, конечно, старыхъ идей отъ разложенія. Въ суммѣ дѣло должно было придти къ одному и тому же, и общество, выражая протестъ свой въ событіяхъ, къ которымъ мы приступаемъ, должно было выразить вмѣстѣ съ тѣмъ и все равнодушіе свое въ политическихъ вопросахъ

къ схоластическимъ началамъ, сдѣлавъ изъ нихъ послушное орудіе всѣхъ партій и интересовъ. Этимъ было сказано то же самое, что говорили реалисты, только на другомъ языкѣ.

Въ этомъ отношеніи почва, на которую вступила реформація, была подготовлена для нея какъ нельзя лучше общей наукой, которая роняла шагъ за шагомъ мистицизмъ.

Возстановленіе древности, какъ оно явилось въ *гуманизмѣ*, не было реставраціей древней культуры въ ея эллинской или римской *чистотѣ*. На днѣ его лежало такое же стремленіе разгадать или найти гдѣ нибудь спрятанную, или готовую мудрость, какъ формулу безусловнаго или конечныхъ причинъ. Чисто восточная черта сказывалась въ такомъ влеченіи. Мысль хотѣла вторгнуться въ тайны природы и неба, а не искать истины медленнымъ и скромнымъ трудомъ. Любопытная жажда міроваго секрета уничтожала возможность серьёзной работы. Вмѣсто того, чтобы искать въ собственныхъ рукахъ средствъ къ успѣху, сознаніе искало гдѣ нибудь зарытаго клада и тратило на эти поиски свое время.

Отсюда его недовольство классицизмомъ. Платонъ — просто Платонъ— его удовлетворить не можетъ, ему болѣе по сердцу мистическая восточная передѣлка Платона и неоплатоники. Аристотель также: его эмпиризмъ слишкомъ простъ, онъ даетъ мало мечтательной перспективы.

Непреодолимое чувство влечетъ *сознаніе* къ туманному, сказочному, дающему болѣе простора фантастической жаждѣ. Эта жажда бросаетъ мысль за недовольствомъ европейской древностію къ родственному востоку, гдѣ она открываетъ книги кабалы, герметическія книги и египетскую магію. Съ фокуснической изнанкой древнихъ религіозныхъ толковъ, мысль сама становится шарлатанскою. Пикъ де Мирандола, самый цѣльный представитель этого мистицизма, тратитъ огромныя деньги на покупку у раввиновъ еврейской мудрости, тратитъ жизнь на отысканіе міровой тайны, изъ владѣтельнаго князя становится ученымъ авантюристомъ, объявляетъ свои 900 тезисовъ и, ударившись во всѣ стороны мистицизма, теряется передъ страхомъ папскаго отлученія и какъ блудный сынъ возвращается къ схоластикѣ. Онъ приноситъ повинную папѣ, продаетъ свое княжество, вырученныя деньги раздаетъ церкви и умираетъ монахомъ.

Ученикъ его, Рейхлинъ, разноситъ книги кабалы по Европѣ. Агриппа Нидерсгеймскій живетъ шутомъ при различныхъ дворахъ. Теофрастъ Парацельсъ сводитъ медицину на алхимію.

Подъ вліяніемъ мистицизма вся природа оживаетъ, наполненная невидимыми силами. Управленіе этими силами становится общей жаждой; мистическій матеріализмъ смѣняетъ идеализмъ схоластики,

жизнь переполняется колдунами, фокусниками и астрологами. Заклинаніе, магія и алхимія становятся содержаніемъ науки и общимъ вѣрованіемъ, пока весь этотъ мистическій матеріализмъ не разрѣшится въ пантеизмѣ Джордано Бруно. Католическая инквизиція сожжетъ и Бруно и Ванини, и все-таки не измѣнитъ этого направленія. Средневѣковой идеализмъ, перешедши въ свой антитезисъ, въ мистическій матеріализмъ, будетъ работать еще два вѣка.

Время реформаціи примыкаетъ къ самому разгару волхвованій. Въ то время, когда писали Макіавелли и Томасъ Моръ, Рейхлинъ разсказывалъ въ Германіи *раввинскую мудрость* и велъ изящные споры съ грубыми монахами. Колдуны и фокусники шли за нимъ слѣдомъ, и на ряду съ реалистами, въ политической наукѣ, общее знаніе переполнялось также мистицизмомъ. Но что это былъ за мистицизмъ? *Старыя* идеи становились доходной статьей. Среди такихъ выгодъ, какія свѣтская наука извлекала теперь изъ мистицизма, она не имѣла прямаго разсчета стать сколько нибудь реальною. Не говоря уже о кострахъ инквизиціи, прямой интересъ заставлялъ ее выворачивать на другую сторону схоластику, — и только. Шарлатанская мудрость, заклинанія и алхимія становились теперь источникомъ доходовъ, и потому находили такое большое число адептовъ какъ между проповѣдниками, такъ и между учеными. Вся выгода эксплуатаціи этого поля, давно понятая римскимъ дворомъ, теперь достигла общаго пониманія и потому породила массу алхимиковъ и массу реформаторовъ. Къ этому присоединялась слабость римскаго двора, которая очищала имъ дорогу и дѣлала для нихъ успѣхъ менѣе рискованнымъ. Появленіе реформаторовъ объясняется, такимъ образомъ, съ одной стороны чисто экономическими условіями.

Такимъ же экономическимъ образомъ объясняется, съ другой, ихъ успѣхъ. Если прямой матеріальный разсчетъ заставлялъ всѣхъ спекуляторовъ мысли придумывать что либо особое отъ римскаго ученія, такой же расчетъ заставлялъ ихъ отыскивать положительные мотивы разлада отдѣльныхъ слоевъ общества и сообразно этому строить свои ученія. Средневѣковое общество подготовило достаточное число недовольныхъ — церковью, феодалами и т. д., прикрывая свой порядокъ римскимъ авторитетомъ. Примѣняясь къ этимъ частнымъ сословнымъ неудовольствіямъ и варьируя сообразно съ ними свое ученье, реформаторы подрывали обязательность тѣхъ или другихъ невыгодныхъ условій въ самомъ источникѣ ихъ — въ авторитетѣ, одинаково обязательномъ для всѣхъ. Народъ находилъ въ нихъ опору своему матеріальному протесту, и бросался поэтому на всякую ересь, какъ на средство спасенія. Мистикомъ онъ былъ настолько, насколько требовало этого его безвыходное положеніе.

Два интереса вязались теперь прямымъ образомъ въ реформаціи: одинъ сектаторскій, другой народный,—и оба были экономическими. Съ одной стороны было выгодно строить секты, выгоднѣе чѣмъ оставаться мелкими людьми римскаго чиноначалія или портными и сапожниками; съ другой—было также выгодно приставать къ сектамъ, которыя освобождали отъ каноническихъ или, тутъ же, и свѣтскихъ тягостей. Реформація представляла собой, такимъ образомъ, двѣ стороны. Съ внѣшней она являлась представительницею средневѣковаго направленія. Съ другой, внутренней стороны, она была отголоскомъ политическихъ, реальныхъ мотивовъ, и въ этомъ отношеніи она не противорѣчила реальному отрицательному направленію, какое заявилъ XVI вѣкъ въ трудахъ Макіавелли и Томаса Мора. Посмотримъ теперь, въ какой степени такой взглядъ на реформацію оправдывается фактами.

Съ самыхъ давнихъ своихъ признаковъ реформаціонное движеніе было то болѣе простонародное, то болѣе умѣренное. Но всегда и съ первыми зачатками его связывались болѣе или менѣе сильныя протестаціи противъ отдѣльныхъ политическихъ условій, уже испытанныя до XVI вѣка и Англіей и Франціей.

Сказываясь уже съ XI вѣка, религіозное движеніе имѣло видъ протеста, направленнаго преимущественно противъ злоупотребленій церкви и католическаго духовенства. Относительно свѣтской власти оно тогда еще не было радикально, по крайней мѣрѣ на это нѣтъ положительныхъ доказательствъ. Оно вооружалось съ одной стороны противъ догматовъ, съ другой — противъ разныхъ имущественныхъ прерогативъ церковныхъ властей, и въ этомъ отношеніи находило понятную опору со стороны всѣхъ сословій.

Пелагіанизмъ въ Англіи и альбигойцы на югѣ Франціи, кажется, лишены были тѣхъ крайнихъ политическихъ притязаній, которыя были общи послѣдующимъ сектамъ. Къ альбигойцамъ принадлежала значительная часть всего южнаго населенія, и въ томъ числѣ достаточное число дворянъ и зажиточныхъ горожанъ средняго сословія. Что касается мнѣнія, распространеннаго объ этихъ сектахъ католическими писателями, представлявшими ихъ врагами всякаго порядка, то насчетъ альбигойцевъ есть свидѣтельства очень драгоцѣнныя, какъ, напримѣръ, слова св. Бернарда, который проповѣдывалъ противъ нихъ въ 1147 году, и при этомъ выражался, какъ не могъ бы выразиться о поклонникахъ Рима: «ихъ нравы безукоризненны», говорилъ онъ, «они никого не угнетаютъ, и никому не причиняютъ обиды; ихъ лица истощены постомъ, они не ѣдятъ своего хлѣба, какъ тунеядцы, а добываютъ его въ потѣ лица». На ряду съ такими словами становится слишкомъ понятно то, что пи-

салось о нихъ такими людьми, какъ Боссюэ, напримѣръ: leur piété n'etait qu'apparente. Regardez le fond: c'est l'orgueil, c'est la haine contre le clergé, c'est l'aigreur contre l'église. C'est par là qu'ils ont avalé tout le venin d'une abominable hérésie.

Но строгость и чистота жизни альбигойцевъ не предупредили гоненій противъ нихъ; но кровопролитія не потушили раскола, а только разжигали его проявленія. Католическое духовенство своими насильственными мѣрами дѣлало все, чтобы только плодить ересь. Изъ Франціи альбигойцы, какъ бываетъ послѣ всѣхъ крутыхъ пораженій еретиковъ, разсѣялись по Европѣ и все-таки не исчезли и во Франціи, гдѣ они послѣ слились съ кальвинистами.

Въ началѣ XIV вѣка тотъ же протестъ альбигойцевъ сказался въ Германіи проповѣдью англичанина Лоллара, у котораго было, по слухамъ, до 80,000 учениковъ. Схваченный въ Кёльнѣ инквизиціей, онъ былъ сожженъ въ 1322 г. Его приверженцы нашли опять убѣжище частію въ Англіи, частію въ Богеміи. Два года спустя, родился въ Англіи Джонъ Вайклефъ, проповѣдь котораго была уже рѣшительнѣе по своимъ послѣдствіямъ; по крайней мѣрѣ самъ Вайклефъ требовалъ обращенія церковныхъ имуществъ на общественную пользу для облегченія налоговъ, тяготившихъ бѣдные классы, и установленія англійской независимой церкви, уничтоженія церковнаго суда и вообще всякаго права духовенства на свѣтскія должности (о догматахъ мы не говоримъ). Требованія его имѣли большое сходство съ Лютеровскими, и онъ также имѣлъ поддержку въ аристократіи. Но одновременно съ нимъ сказалась проповѣдь болѣе радикальная. Былъ ли сколько нибудь Вайклефъ ея виновникомъ, — неизвѣстно. Пока происходило въ концѣ XIV вѣка въ Англіи это послѣднее волненіе, настоящими проповѣдниками котораго были Ватъ Тайлеръ и Баль, Вайклефъ оставался совершенно спокоенъ, и послѣ трагическаго конца его не былъ призванъ къ отвѣту; впрочемъ, это вопросъ второстепенный. Достаточно того, что возстаніе низшихъ классовъ, вспыхнувшее теперь при прямомъ участіи Тайлера, Баля и Джека Строу, требовало уже общаго уничтоженія феодальныхъ правъ и крѣпостной зависимости, совершенной свободы внутренней торговли и т. д.

Оно-то оставило знаменитую пѣсню:

«When Adam delved and Eva span,
«Who was then the gentleman?

Движеніе было потушено обманомъ; инсургентамъ обѣщали исполнить всѣ ихъ требованія, кончая амнистіей; но когда они сложили оружіе, дѣло приняло другой оборотъ. Ватъ Тайлеръ былъ убитъ предательски; висѣлица совершила судъ надъ усмиренной страной.

Въ XV вѣкѣ продолженіе подобнаго же религіознаго протеста проявилось въ дѣлѣ Гуса и нашло одинаковую поддержку въ низшихъ классахъ и въ аристократіи. Чехъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій были также сожжены, но также оставили сильную пропаганду.

Религіозныя движенія къ XVI вѣку представляли такимъ образомъ, на ряду съ болѣе умѣренными ученіями, и стремленія отмѣченныя смѣлымъ характеромъ. Всѣ они были народны, находили бо́льшую часть своихъ приверженцевъ въ простомъ классѣ; но одни думали опираться прямо на интересы подавленныхъ слоевъ общества, и потому со стороны политической отличались демократическими тенденціями; другіе искали опоры въ другихъ слояхъ, и потому были осторожнѣе и консервативнѣе. Съ тѣми же двумя оттѣнками выступила и реформація въ XVI вѣкѣ. Только два эти мотива сказались теперь еще рѣзче и опредѣлительнѣе: одинъ у анабаптистовъ, другой у Лютера. Среди жизни, основанной на конкурренціи, слѣдовательно на аристократическомъ принципѣ, можно предугадывать, какому изъ двухъ мотивовъ должна была болѣе благопріятствовать судьба; но тѣмъ не менѣе въ Германіи сказались теперь ясно двѣ реформаціи, одна болѣе народная, другая аристократическая. Это было какъ бы повтореніе того, что произошло въ Англіи въ концѣ XIV вѣка. Такъ много сходства между Вайклефомъ и Лютеромъ, между Тайлеромъ и Ѳомой Мюнцеромъ, между крестьянской войной тамъ и здѣсь.

Въ то время когда Рейхлинъ, вмѣстѣ съ своими друзьями и приверженцами, спорилъ въ Германіи противъ монаховъ о необходимости классическаго слога и языка, въ Эрфуртѣ обращалъ на себя вниманіе своими проповѣдями монахъ августинскаго ордена Мартинъ Лютеръ. Въ 1508 году онъ былъ призванъ профессоромъ теологіи въ виттенбергскій университетъ, основанный только въ 1502 году. Онъ не принималъ никакого особеннаго участія въ спорахъ Рейхлина, изучалъ Библію и думалъ пока объ одномъ, чтобы проповѣдь его была какъ можно болѣе вѣрна смыслу Писанія. Чуждый одинаково и схоластикѣ и гуманизму, онъ не объявлялъ пока открытой войны никакой партіи; но католическая церковь и обстоятельства приготовили ему, какъ извѣстно, другую роль. Римскій дворъ, оправдывая для себя свѣтскія права и условія, какъ мы сказали, долженъ былъ слѣдовать волей или неволей всюду, куда они ни повели бы жизнь. Грубый ригоризмъ, въ которомъ была закована мысль среднихъ вѣковъ, смѣнился гуманизмомъ, и Италія первая сдѣлалась его средоточіемъ. Папство сдалось на прихоть глаза и слуха, на изящный сенсуализмъ, на мягкость формъ. Римскій дворъ разорялся въ лицѣ Медичисовъ на живопись и постройки, на отрытіе древностей,

роскошь и блескъ; Римъ сдѣлался пріютомъ художниковъ, городомъ шумныхъ праздниковъ, и проматывался. Постройка церкви св. Петра истощила въ конецъ его казну. Ему нужны были деньги, нашлись и средства. Папа Левъ X отдалъ на откупъ продажу индульгенцій, и монахъ Тецель поѣхалъ по Германіи. Здѣсь курфирстъ Альбертъ Майнцкій долженъ былъ содѣйствовать успѣху. Тецель не замедлилъ прибыть къ Виттенбергу и недалеко отсюда, въ виду Лютера, расположилъ свою лавочку.

Лютеръ протестовалъ, прибивъ 95 тезизовъ въ виттенбергскомъ соборѣ. Тецель отвѣчалъ съ своей стороны тѣмъ же. Папскій легатъ, присланный унять споръ, разжегъ дѣло, и приготовилъ необходимость разрыва.

Но отъ этого перваго явнаго шага противъ католицизма до 1555 года, года религіознаго мира, установленнаго въ Аугсбургѣ, — ученіе Лютера осталось вѣрно тѣмъ границамъ, въ которыхъ Лютеръ начиналъ свою первую проповѣдь, границамъ чисто каноническимъ. События, происшедшія въ этотъ періодъ, только рѣзче обрисовали его замкнутость въ этихъ предѣлахъ. Протестъ Лютера направлялся исключительно противъ канонической части схоластики, противъ тѣхъ частныхъ положеній самаго культа, которыя были установлены римскимъ дворомъ.

Трогать свѣтскаго порядка онъ не хотѣлъ, и имѣлъ на то свои причины. Въ этомъ порядкѣ онъ видѣлъ необходимую опору для своей борьбы съ папой, и въ этой войнѣ выбралъ вѣрно своего союзника въ аристократическомъ элементѣ.

Оттого дѣятельность Лютера по отношенію къ свѣтскому праву бѣдна и осторожна. Онъ обращался къ общественнному образованію, но только для того, чтобъ исторгнуть его изъ католическихъ понятій. Философіи онъ не терпѣлъ.

Отъ прямаго рѣшенія въ свѣтскихъ вопросахъ онъ отказывался, и при этомъ ясно обнаруживается его разсчетъ и намѣренная уклончивость. «Кто хочетъ быть уменъ въ свѣтскихъ вещахъ, тотъ долженъ читать языческія книги. Въ нихъ очень богато и хорошо изложено все въ примѣрахъ, поученіяхъ, образахъ и картинахъ, въ которыхъ объяснены и всѣ права кесарей.»

Итакъ прямо Лютеръ ничего не хотѣлъ дѣлать для права и ничего не сдѣлалъ самъ; онъ отказывался отъ вывода, который долженъ былъ слѣдовать изъ лютеранства по этимъ вопросамъ. Онъ хотѣлъ сокрушенія папы и не шелъ дальше, потому юридическаго вывода мы должны искать у другихъ.

Если Лютеръ былъ дипломатъ и практикъ по характеру, и ступалъ во всемъ, что выходило изъ его тѣсной канонической

рамки, только вынужденнымъ требованіямъ, то подъ рукой у него стоялъ человѣкъ, болѣе наивнаго нрава. Этотъ маленькій, невзрачный человѣкъ, поразившій Лютера при первомъ появленіи своемъ, непредставительностію своей фигуры, былъ теоретикъ, доктринеръ и педагогъ по характеру. Онъ много хлопоталъ объ изгнаніи схоластики изъ образованія и о замѣнѣ ея классицизмомъ, какъ ученикъ и воспитанникъ Рейхлина. Меланхтонъ первый выразилъ настоящее отношеніе лютеранства къ вопросамъ свѣтскаго порядка, и это отношеніе явилось у него, какъ должно было и ожидать, повтореніемъ прежней смѣси аристотелевой философіи и мистицизма, которое мы уже видѣли въ схоластикѣ, развѣ только очистившись отъ частныхъ выводовъ своихъ въ пользу римскаго двора.

По отношенію къ праву, Меланхтонъ прямо указывалъ на этику Аристотеля, хвалилъ ее за то, что въ ней признается человѣческая природа за источникъ нравственнаго закона. Но, признавая науку, онъ хочетъ, чтобы она служила вспомогательнымъ средствомъ лютеранскаго толка. Все, что въ немъ есть рѣшительнаго, касается только каноническаго права. Послѣднее дѣйствительно стерто въ прахъ, непогрѣшимость и свѣтскія права папы, которыя защищала схоластика, растоптаны; во всемъ другомъ схоластическая основа права возобновлена почти безъ измѣненій.

Таковъ былъ протестъ противъ схоластики, отвѣчавшій одной части общества, феодальной или аристократической. Мы сейчасъ встрѣтимся съ другимъ, выраженнымъ тѣми классами, интересы которыхъ требовали другихъ выводовъ.

Протестъ анабаптистовъ былъ болѣе рѣшителенъ уже и въ догматической части. Прозванные вообще перекрещенцами, потому что они отрицали крещеніе дѣтей и требовали вторичнаго крещенія, — они и здѣсь шли далѣе Лютера, а въ политическомъ отношеніи касались крайнихъ результатовъ. Шторхъ, ученикъ Лютера, и Карльштатъ хотѣли собрать въ одну общину всѣхъ истинно вѣрующихъ и возрожденныхъ новымъ крещеніемъ.

Въ то время, когда Лютеръ жилъ въ Вартбургѣ, Карльштадтъ въ Виттенбергѣ отвергъ обѣдню, проповѣдывалъ уничтоженіе духовенства, образовъ и обрядовъ, и бѣгалъ по улицамъ, обращаясь къ самымъ темнымъ людямъ, прося у нихъ объясненія разныхъ темныхъ мѣстъ писанія.

Лютеръ испугался проповѣди Карльштадта и не усидѣлъ въ Вартбургѣ. Онъ явился въ Виттенбергѣ, громилъ анабаптистовъ цѣлую недѣлю ежедневными проповѣдями, и успѣлъ, какъ говорятъ, отклонить здѣсь сердца отъ увлеченія новыми сектаторами.

Съ внѣшней стороны новая проповѣдь была также схоластична.

Но подъ мистическимъ покровомъ здѣсь ясно сказываются другія тенденціи, вовсе не схоластическія.

Тенденціи эти, какъ мы сейчасъ увидимъ, получили болѣе широкій исходъ. Одинъ изъ учениковъ Шторха, Ѳома Мюнцеръ, придалъ понятіямъ анабаптистовъ болѣе практическій оборотъ, разсчитывая найти опору не въ тѣсной сектѣ, которая должна была запираться отъ свѣта, а въ подавленныхъ слояхъ гражданскаго общества.

Уже не разъ крестьянское населеніе пробовало въ разныхъ частяхъ Европы подыматься противъ феодальныхъ условій. Французская Жакри должна была быть еще жива въ памяти. Въ девяностыхъ годахъ XV вѣка, крестьяне произвели возстаніе въ Нидерландахъ, и здѣсь имъ удалось достичь лучшаго положенія. Очередь доходила до Германіи. Въ началѣ XVI столѣтія вспыхивали уже отдѣльныя возстанія въ Швабіи. Въ Австріи также начинались безпокойства; въ Венгріи народъ явно вооружался противъ дворянства и духовенства. Въ этихъ первыхъ, хотя отдѣльныхъ и подавленныхъ, возстаніяхъ сказывались не совсѣмъ успокоительные симптомы. Реформація давала общее напряженіе настроенію умовъ. Къ такому-то настроенію рабочаго класса, измученнаго въ конецъ постоянно возроставшими налогами, примкнули теперь перекрещенскіе проповѣдники. Ѳома Мюнцеръ ходилъ съ товарищами по Южной Германіи и повѣщалъ о низложеніи, какъ свѣтской такъ и духовной власти. Отсюда эти рѣчи проникли до Шварцвальда и Боденскаго озера, въ мѣста сосѣднія Швейцаріи, утвердившей собственными средствами свою независимость, и въ 1525 году начались быстрыя, рѣшительныя возстанія въ разныхъ мѣстахъ, одно за другимъ, которыя вскорѣ покрыли Швабію, Эльзасъ, Франконію, Гарцъ, Турингію. Народъ формулировалъ свои понятія о реформаціи въ двѣнадцати параграфахъ, и они то служатъ памятникомъ его протеста противъ феодальной жизни; вотъ эти пункты:

1) Право выбирать своихъ пасторовъ между свободными проповѣдниками.

2) Уменьшеніе десятинъ и назначеніе ихъ на содержаніе учителей и вспомоществованіе бѣднымъ.

3) Уничтоженіе крѣпостнаго права, такъ какъ кровь Христа одинаково искупила всѣхъ.

4) Право охоты и рыбной ловли, какъ слѣдствіе власти, данной человѣку Богомъ надъ всею землею.

5) Право пользованія лѣсами.

6) Уменьшеніе повинностей.

7) Право владѣть и арендовать чужія земли по свободнымъ условіямъ.

8) Уменьшеніе податей.

9) Право суда.

10) Возвращеніе общихъ пастбищъ, отобранныхъ дворянствомъ.

11) Уничтоженіе дани, платимой владѣльцу вдовой и сиротами, послѣ смерти отца семейства.

12-й пунктъ требовалъ, чтобы настоящія притязанія крестьянъ были обсуждены на основаніи *Писанія*. Они отказывались отъ всего, что бы оказалось несогласнымъ съ послѣднимъ.

Съ такими-то положеніями народъ обходилъ теперь страну и вооруженной рукой требовалъ ихъ признанія, разрушалъ монастыри и замки, грабилъ и казнилъ феодаловъ, которые не соглашались признать его домогательства. Возстаніе росло быстро и успѣвало съ каждымъ шагомъ. Ѳому Мюнцера въ Турингіи провозглашали пророкомъ. Лютеръ сначала держалъ себя довольно умѣренно. Онъ выговаривалъ даже аристократіи за ея притѣсненія и звѣрство и призывалъ народъ къ миру. Но слова, на которыхъ крестьяне опирали свое движеніе, были отчетливы и просты. «Пусть докажутъ намъ», говорили они: «что одинъ или нѣсколько изъ здѣсь написанныхъ пунктовъ несогласны съ Писаніемъ, и мы готовы отъ нихъ отступиться. И если бы теперь даже были признаны пункты, которые оказались бы послѣ неправильны, то они должны быть мертвы съ того часа, когда это будетъ доказано, и потерять всякую силу.»

Лютеръ видѣлъ, куда должно вести начало его дѣла, послѣдовательно проведенное до послѣднихъ результатовъ. Испуганный не столько внѣшнимъ движеніемъ крестьянъ, сколько успѣхами анабаптистовъ, возраставшими съ силой этого движенія, — онъ написалъ извѣстное посланіе, въ которомъ проклялъ народъ.

Возстаніе было усмирено.

За прекращеніемъ войны послѣдовали казни. Цвѣтущія страны были опустошены и залиты крестьянской кровью. Въ одномъ Эльзасѣ низложено 17,000 крестьянскихъ головъ. Ѳома Мюнцеръ также казненъ. Положеніе крестьянъ вездѣ сведено на прежнія тягости.

Въ крестьянской войнѣ была побѣждена рѣшительная партія реформаціи. Анабаптисты, ея проповѣдники, частію нашли здѣсь смерть, частію были разсѣяны.

Реальныя стремленія мистицизма должны были потерять всякій разсчетъ на прочную опору и общее политическое значеніе, и эта часть реформаціи сведена снова на тѣсныя границы сектаторской проповѣди.

Разсѣянные послѣ крестьянской войны, перекрещенцы въ 1533 г. еще разъ, соединившись въ Вестфаліи, попытали счастіе политической дѣятельности вооруженной силой въ Мюнстерѣ. Здѣсь еще разъ

проповѣдь анабаптистовъ приняла рѣшительные размѣры, подъ вліяніемъ прибывшаго сюда изъ Нидерландовъ (гдѣ болѣе всего, между многочисленнымъ ремесленнымъ классомъ, утвердилось ученіе перекрещенцевъ), пророка Іоанна Матисена, булочника изъ Лейдена. Съ своимъ товарищемъ Іоанномъ Бокольдомъ, портнымъ изъ того же города (прозваннымъ послѣ Іоанномъ Лейденскимъ), они низложили городскія власти, изгнали жителей, противившихся ихъ ученію, и учредили общину.

Матисенъ былъ скоро убитъ; Іоаннъ Лейденскій сталъ во главѣ новой республики, прибавилъ общеніе женъ къ принятому уже общенію имуществъ, назвался царемъ новаго Израиля и поставилъ тронъ Давида на городской площади. Но все это кончилось довольно печально. Новое царство Израиля было разрушено послѣ упорной обороны, и Іоаннъ Лейденскій схваченъ. Этимъ исходомъ кончились политическія притязанія анабаптистовъ. Разсѣянные здѣсь еще разъ, они устроились небольшими обществами, частію въ Богеміи, частію въ сѣверной Германіи и Нидерландахъ, гдѣ сохранились до сихъ поръ. Они попрежнему отвергаютъ крещеніе дѣтей, установленіе духовенства, пріемъ въ военную службу и вмѣшательство въ гражданскія отношенія, и ведутъ простую, тихую жизнь арендаторовъ и земледѣльцевъ.

Лютеръ и его реформація побѣдили. Но эта побѣда не была простымъ сектаторскимъ дѣломъ: на ней былъ водруженъ навсегда для германской науки путь идеализма. Практическія требованія жизни, выраженныя въ событіяхъ, о которыхъ мы только-что говорили, должны были отступить передъ лютеранствомъ. Движеніе анабаптистовъ, послѣдовательное съ одной стороны, было столь же непослѣдовательно съ другой: они не знали того оружія, за которое брались; не знали, что оно о двухъ остреяхъ, изъ которыхъ одно направлено за него, другое противъ него. Они не знали этого свойства всякаго идеализма, представляющаго неизсякаемый источникъ противорѣчій. Это, напротивъ, очень хорошо видѣло лютеранство, и вотъ отчего оно побѣдило.

Лютеру нужно было разорвать опасную послѣдовательность въ народномъ духѣ, разбить въ немъ на два міра мысль и дѣло. Только на этомъ условіи Лютеръ могъ соблюсти права аристократіи противъ результатовъ анабаптизма, и только соблюдая эти права, онъ могъ удержаться самъ. И вотъ раздвоеніе, которымъ Германія обязана Лютеру, было порѣшено въ борьбѣ двухъ реформацій, и въ побѣдѣ послѣдней изъ нихъ. Католицизмъ былъ все-таки реальнѣе: онъ утверждалъ отношеніе внутренняго міра убѣжденій къ внѣшнему порядку хотя грубымъ узломъ, но все-таки не отрицалъ этой связи.

Лютеранская реформація, не рѣшаясь утвердить этой связи на болѣе совершенныхъ началахъ, предпочла разорвать ее вовсе.

«Церковь не должна стоять одной ногой въ храмѣ, другой въ куріи», говорила она, заключая вѣру въ храмъ и предоставляя положительную жизнь вѣдаться по-своему. Эта реформація убивала соціальный мотивъ религіи и отношеніе духовнаго сознанія къ жизни. Народъ понималъ свои исповѣданія иначе — матеріально; реформація хотѣла уничтожить въ немъ это понятіе. Римская схоластика хотѣла видѣть въ догматизмѣ и внѣшнемъ порядкѣ двѣ посылки одного и того же силлогизма; реформація Лютера — два отдѣльные термина, вяжущіеся развѣ только своимъ противорѣчіемъ. Оно было очень хорошо для поддержанія рыцарства противъ народа, но и только.

Еслибъ Германія представляла единое цѣлое, національную централизацію съ національной властью, то, какова бы ни была эта власть, къ ней бы могъ примкнуть Лютеръ и реформація могла бы имѣть другой исходъ. Она не была бы такъ отвлеченна. Лютеръ не имѣлъ бы тогда причинъ на столько держаться курфирстовъ и грундгеровъ, и громъ его проповѣди обратился бы можетъ быть противъ владѣльцевъ. Съ такой опорой, Лютеръ, идя наперекоръ политическимъ правамъ владѣльцевъ, могъ связать свое дѣло, хоть въ какой нибудь степени, съ практическими интересами гражданскаго общества, и сдѣлать изъ своего ученія орудіе очищенія самой жизни. Но обстоятельства сложились иначе, другія вышли и послѣдствія.

Въ ученіи Лютера свѣтскій порядокъ предоставлялся самъ себѣ. Сознаніе касалось одной чистой теологіи, которая, отказываясь отъ свѣта, опредѣляла однако нравственный законъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, въ нравственномъ ученіи полагалось начало естественному праву; съ другой, свѣтскій порядокъ совершенно отдѣлялся отъ него. Мыслителямъ лютеранской школы предстояло толковать о естественномъ правѣ, о законѣ, написанномъ въ сердцѣ, не трогая никогда того, что происходило въ дѣйствительной жизни. Такая нравственная философія должна была сама собой остаться нулемъ для практической дѣятельности; сознаніе въ духѣ такой науки должно было быть осуждено на вѣчный платонизмъ и идеологію, лишенную живаго прикосновенія къ дѣламъ грѣшнаго порядка, вѣчную философію естественнаго права, а не философію практической жизни. Особенность эта не замедлила сказаться въ первыхъ системахъ права, вышедшихъ на лютеранской почвѣ. Мы знаемъ уже отчасти то направленіе, въ которомъ толковались вопросы свѣтскаго порядка и права, съ лютеранской точки Меланхтона. Къ этому направленію примкнули, какъ нельзя тѣснѣе, и первые философы права въ Германіи.

Съ одной стороны, у Ольдендорпа и Мейснера встрѣчается са-

мое робкое повтореніе тѣхъ же меланхтоновскихъ взглядовъ, та же схоластика и тотъ же фатализмъ. Правда, начало религіозной замкнутости, утверждаемое Лютеромъ, предоставляло науку какъ бы собственнымъ средствамъ, отказываясь отъ свѣтскихъ вопросовъ. Лютеранство вызывало здѣсь, какъ бы поневолѣ, философскую основу. Слово философіи, конечно, было скоро произнесено, форма наконецъ измѣнилась; но содержаніе осталось то же.

Право осталось пустой, отвлеченной формулой дуализма. Затѣмъ нужно было, однако, опредѣлить содержаніе этого врожденнаго закона, выразить его какъ положительный законъ, и здѣсь-то оказалась пропасть, черезъ которую не въ состояніи былъ перешагнуть никогда идеализмъ, не смотря ни на какія гигантскія усилія. Передъ нимъ стоялъ окружающій порядокъ, котораго онъ никогда не могъ ни объяснить, ни примирить съ собою, несмотря на всѣ свои старанія, выразившіяся только рядомъ натяжекъ и эквилибрическихъ опытовъ діалектики, потраченныхъ на философское оправданіе и отысканіе вѣчнаго закона въ тѣхъ формахъ, чрезъ которыя проходила положительная жизнь. Рядъ такихъ попытокъ назначается передъ нами теперь лютеранской школой XVI вѣка.

«Юристы могутъ въ одну минуту насчитать 600 законовъ», писалъ Ольдендорпъ: «но не имѣютъ никакого понятія о природѣ вещей и спорятъ поэтому о томъ, что само по себѣ ясно. Они не знаютъ вовсе, чего требуетъ время. Самое главное, что касается управленія государства и истолкованія закона, — объ этомъ они не учатъ вовсе или учатъ очень ложно. Все это происходитъ оттого, что они не выводятъ права изъ философіи». Ольдендорпъ хочетъ дополнить этотъ недостатокъ и дать философское основаніе праву. Но если мы вглядимся затѣмъ въ это основаніе, то мы увидимъ, что вся предыдущая тирада не болѣе, какъ краснорѣчивое вступленіе. Та философская основа, которую предлагаетъ Ольдендорпъ, существуетъ уже очень давно, и онъ повторяетъ только то, что уже говорилось и схоластикой и Меланхтономъ.

Ольдендорпъ посвятилъ свою книгу двумъ лицамъ разомъ: Карлу V и Фердинанду. При такихъ условіяхъ отказаться и въ ученіи о власти отъ схоластической основы Ольдендорпъ не рѣшился. Онъ дѣйствительно повторяетъ ее цѣликомъ,

Оригинальнѣе Ольдендорпа *Гемингъ* (1513—1600).

Нравственный законъ, написанный въ природѣ человѣка, долженъ быть по его мнѣнію опредѣленъ и развитъ изъ нея философскимъ путемъ и въ результатѣ выложенъ каталогъ законныхъ нормъ и добродѣтелей. Отъ Ольдендорпа Гемингъ отличается стройностію; законныя нормы не суть внѣшнія сентенціи,—а нормы при-

роды; нарушеніе ихъ нарушаетъ эту природу, и потому прежде всего должна быть познана она. По примѣру Рейхлина, Гемнигъ признаетъ три степени познанія, чувство, умъ и разумъ. Въ отношеніи предметовъ познанія Гемнигъ различаетъ двѣ способности, мыслящую и дѣятельную. Мыслящая познаетъ вещи; дѣятельная—справедливое употребленіе вещей; въ основаніи первой лежатъ принципы мышленія, въ основаніи второй—принципы дѣятельности. Принципами онъ называетъ ихъ потому, что они не требуютъ никакихъ доказательствъ. Собственно это отвлеченныя категоріи и формы мыслей: единичности, добра, причины, отрицанія, правды, и т. д.; изъ нихъ-то должна быть выведена и опредѣлена какъ природа вещей, такъ и правила дѣятельности.

Цѣлью и средоточіемъ всего юридическаго познанія и опредѣленія поставленъ человѣкъ.

Цѣль практической жизни тройная: 1) *экономическая*: содержаніе дома, взаимная любовь родителей и дѣтей и должное почтеніе; 2) *политическая*: общественное спокойствіе, справедливость и порядокъ. Порядокъ невозможенъ безъ подчиненія, и вотъ основаніе власти по Гемнигу, отличное отъ основанія схоластики и Ольдендорпа. Но повелѣвающіе не должны предписывать ничего противнаго естественному закону, и подчиненные не обязаны повиноваться имъ въ подобномъ случаѣ. Наконецъ 3) цѣль жизни — *духовная*: познаніе, боязнь и любовь Бога.

Лучшее состояніе жизни есть благосостояніе, которое однако невозможно безъ религіи, разума и добродѣтели.

Гемнигъ умеръ въ 1600 году. Изъ писателей, которые продолжали это направленіе до Гроція, слѣдовало бы упомянуть о Винклерѣ; но Винклеръ принадлежитъ уже XVII вѣку по времени своей дѣятельности, хотя и у него естественное право еще не отрѣшается совершенно отъ схоластическихъ понятій; онъ только развиваетъ мысли Гемнига немного далѣе. На другихъ писателяхъ этого направленія останавливаться было бы излишне. У Винклера мы возьмемъ нѣсколько словъ, которыя укажутъ намъ на разорванность и шаткость нравственныхъ убѣжденій, оставленную XVI вѣкомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оттѣнятъ настоящее положеніе лютеранскихъ идеалистовъ въ ряду политическихъ и общественныхъ мыслителей времени.

«Многіе не только отрицаютъ (пишетъ Винклеръ) происхожденіе естественнаго права изъ вѣчной справедливости, но сомнѣваются даже, чтобъ это естественное право могло существовать. Вмѣсто того, они обоготворяютъ добродѣтели, требуютъ для положительнаго права естественныхъ причинъ и осмѣиваютъ послѣднее, если не находятъ такихъ причинъ. Нѣкоторые принимаютъ законы за чи-

его произвольныя выдумки, застарѣлыя, вкоренившіяся мнѣнія. Есть люди, которые хотятъ уничтожить всякую власть, и хотя называютъ себя христіанами, но утверждаютъ, что они не нуждаются въ законѣ, ибо они слѣдуютъ сердцу; другіе, опять, не умѣютъ отличить естественнаго отъ положительнаго и не понимаютъ, какія послѣдствія вытекаютъ отсюда для государства и церкви». — Въ этихъ словахъ можно найти ясный намекъ на все разнообразіе мнѣній, выраженныхъ въ XVI вѣкѣ, съ которыми мы встрѣтились уже отчасти; но въ нихъ также опредѣляется и отношеніе, въ которомъ находились всѣ писатели лютеранскаго идеализма, въ томъ числѣ Винклеръ, къ этимъ критическимъ теоріямъ. Это отношеніе реакціонное. Среди потрясеннаго общественнаго порядка, поколебленныхъ вѣрованій, они выростали на первыхъ порахъ послѣ побѣды лютеранской реформаціи надъ радикальными стремленіями, и продолжали дѣло Лютера противъ анабаптистовъ и всѣхъ крайнихъ толковъ, которыми были тревожимы умы и убѣжденія. Они не были безпристрастными судьями, а такими же людьми партіи, какъ Меланхтонъ, Штерхъ, Кальвинъ или Ноксъ. Успокоить совѣсть, давъ ей объясненіе жизни по лютеранскимъ началамъ, — вотъ ихъ настоящая цѣль. Они всѣ лютеране и всѣ нѣмцы; между этими такъ-названными первыми философами права, нѣтъ людей другихъ націй, — они составляютъ явный продуктъ мѣстныхъ интересовъ и ограниченныхъ условій. Реформа Лютера была реакціей идеализма, убитаго ошибками римской церкви. Мы видѣли, какъ мало было слѣдовъ его у политическихъ писателей начала XVI вѣка; откуда же могла взяться теперь эта связь съ схоластикой послѣ Макіавелли, Кампанеллы Мора? Ясно, что она не принадлежала свободному развитію политической мысли, а была вызвана своими частными и чисто германскими причинами. Лютеръ водружалъ знамя идеализма въ Германіи; Меланхтонъ, Ольдендорпъ, Геммингъ и другіе совершали ту же реакцію въ наукѣ среди нѣмецкой земли.

Словомъ, они прежде всего идеологи, и чисто лютеранскіе политики. Мы были бы безразсудны, если бы хотѣли опредѣлять по ихъ трудамъ общее развитіе политической мысли. А вѣдь такъ дѣлала собственно наука до сихъ поръ. Теперь можетъ-быть ясно, что эта наука нѣмецкихъ книжекъ, разсказывая свою исторію исключительно по Геммингамъ и Ольдендорпамъ, смотрѣла на свѣтъ однимъ глазомъ, и что этотъ глазъ былъ именно лѣвый.

II.

КАЛЬВИНЪ И ЕГО УЧЕНІЕ.—СВѢТСКІЕ ПИСАТЕЛИ ВРЕМЕНЪ КАЛЬВИНА.—МИШЕЛЬ ЛОПИТАЛЬ И ЛА-БОЭТИ. — КАЛЬВИНИСТЫ ВЪ АНГЛІИ: НОКСЪ, БУКАНАНЪ. — ПУБЛИЦИСТЫ ШКОЛЫ КАЛЬВИНА ВО ФРАНЦІИ И ПУБЛИЦИСТЫ ЛИГИ.

Другой характеръ имѣла реформація Кальвина, и другое было ея вліяніе на политическую литературу.

Здѣсь мы прямо чувствуемъ себя на почвѣ реализма, и это должно казаться довольно странно. Ученіе, которое являлось все-таки во имя идеальныхъ началъ, искаженныхъ католицизмомъ, является болѣе матеріальнымъ съ политической стороны, чѣмъ самый католицизмъ. Для этого нужно было, чтобы оно было пропитано тѣмъ крайнимъ фатализмомъ, которымъ дышитъ проповѣдь Кальвина. Связь кальвинизма съ реальнымъ міромъ, общая всякому идеализму,—будетъ ли онъ схоластическій, римскій, лютеранскій или философскій, — это фатализмъ. Разница только въ границахъ и характерѣ самаго предопредѣленія.

Если Лютеръ избѣгалъ вообще въ своемъ ученіи свѣтскихъ вопросовъ, и становился на сторону схоластическаго фатализма только вынужденный настоятельными требованіями насущныхъ событій; если въ результатѣ онъ искалъ отторженности сознанія отъ свѣтскихъ вопросовъ и дѣлъ, — то у Кальвина въ самой теоріи открыто выдержана католическая связь церкви и свѣта; вліяніе каноническаго начала на гражданскія отношенія даже оставляетъ за собой далеко папскую церковь. Никогда еще, кажется, и нигдѣ па христіанской почвѣ не раздавалось проповѣди, гдѣ бы начало предопредѣленія было доведено до такихъ крайнихъ границъ. Дальше Кальвина въ этомъ отношеніи идти было трудно, если не совершенно невозможно. Это ученіе совершенно безжалостно: ни малѣйшаго состраданія въ немъ не проглянетъ для человѣка, въ какомъ бы задавленномъ положеніи оно его ни встрѣтило. Люди всѣ убиты одинаковымъ презрѣніемъ; земля для всѣхъ одинаковое мѣсто проклятія, противъ котораго никто не имѣетъ права протеста. И чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе и рѣзче распространялъ Кальвинъ въ своемъ ученіи эту проповѣдь. Ригоризмъ и регламентація гражданской жизни церковью грозили замкнуть жизнь въ формы невѣдомыя до сихъ поръ, утвердить ригоризмъ мечемъ и силой. А между тѣмъ нигдѣ власть, которой давалась такая крайняя опора, не подвергалась такимъ рѣшительнымъ ударамъ въ теоріи и внѣшнихъ событіяхъ, какъ у писате-

лей и дѣятелей, вышедшихъ изъ школы Кальвина. Странное на первый взглядъ противорѣчіе. Вглядимся ближе, и мы увидимъ, что на ряду съ началами фатализма положены совершенно другія, дѣлающія изъ кальвинизма одинаково школу деспотизма и свободы. Крайнія противорѣчія искусно сведены здѣсь въ одно ученіе наружнаго смиренія, и поставлены орудіемъ одного только сектаторскаго успѣха. Свѣтскій фатализмъ служилъ опорной ступенью только самому успѣху религіознаго толка, оправдывая которую онъ ставилъ выше всего фанатизмъ и его права, открывая ему одинаково всѣ пути для своего успѣха.

Это была главная и единственная цѣль женевскаго реформатора; это же была главная цѣль Лютера. Но если Лютеръ называлъ свое ученіе ученіемъ мира, то Кальвинъ открыто взывалъ къ мечу и кровопролитію, требовалъ фанатическихъ средствъ, со всѣми ихъ послѣдствіями.

Политическій успѣхъ проповѣди—вотъ къ чему одинаково стремились и Кальвинъ и Лютеръ, каждый по своему, каждый опираясь на различныя политическія силы и потому различныя средства; оба хитрили и были политиками. Лютеръ не имѣлъ передъ собой централизированной власти, на которую могъ бы опереться; онъ примкнулъ къ аристократіи. Кальвинъ видѣлъ передъ собою такую власть; онъ началъ съ того, что возложилъ на нее свои надежды. Но онъ былъ остороженъ; вмѣстѣ съ тѣмъ для него было ясно одно только, что для успѣха проповѣди нужна будетъ и власть, въ какомъ бы видѣ она ни представилась, и отрицаніе власти, и что кальвинизмъ долженъ взяться одинаково равнодушно за все, чтобы утвердить свой политическій успѣхъ. Въ этомъ отношеніи вѣрнѣйшимъ дѣломъ было—положить въ самомъ ученіи средства полнаго оправданія всякой власти, и вмѣстѣ низверженія ея. Оттого кальвинизмъ могъ бросать свободно одну опору и браться за другую, утверждать теократическое начало централизаціи и ниспровергать его, какъ только оно измѣняло его интересамъ. Вотъ мотивы, которые мы встрѣтимъ у Кальвина и которыми объяснится характеръ политическихъ писателей, выросшихъ на почвѣ послѣдующаго движенія кальвинизма во Франціи и Англіи.

Ученіе Кальвина представляетъ кругъ, въ которомъ все признано, все оправдано и вмѣстѣ съ тѣмъ все уничтожено. Всѣ противорѣчія могутъ быть выстроены въ минуту, и находить свою опору въ словахъ самого учителя, и между тѣмъ всѣ они будутъ фиктивны; реальнымъ останется одно,—это интересъ секты, въ жертву которому принесены всѣ средства. Это тотъ же макіавеллизмъ, только направленный не къ благосостоянію людей, а къ благосостоянію кальвинизма.

Здѣсь то же ниспроверженіе нравственнаго дуализма, которое ста-

вить въ вину Макіавелли, но только являющееся въ видѣ католическаго предопредѣленія, оправдывающаго одинаково всѣ средства ради интересовъ секты.

Время не имѣло нравственной опоры, реформаторы не имѣли одинаково принциповъ и брались за все, какъ могли лучше. Лютеръ отвернулся отъ свѣта и не хотѣлъ его видѣть, чтобы не столкнуться съ противорѣчіями свѣтскаго порядка тому, о чемъ онъ училъ. Кальвинъ предпочелъ открыто низложить всю нравственную сторону ученія, знамя котораго онъ несъ, чтобы дать дорогу политической его сторонѣ. Юридическіе писатели, примкнувшіе къ Лютеру, остались нравственными идеалистами; писатели школы Кальвина стали политиками, принимающими тѣ тенденціи, какія находились подъ рукою.

Самъ Кальвинъ защищалъ власть, еще разсчитывая на Франциска I. Кальвинисты будутъ громить ту же власть, оставшись вѣрны, какъ нельзя лучше, духу своего реформатора.

Мы не беремся рѣшить, принадлежала ли собственно кальвинизму инидіатива тѣхъ мыслей, которыя были высказаны его болѣе поздними адептами въ области права и политики. Съ одной стороны они были отчасти уже ранѣе выражены свѣтскими писателями, и потомъ за нихъ брались одинаково всѣ боевыя партіи — и гугеноты и Лига; съ другой, общее радикальное направленіе, которое сказалось теперь во французской и англійской литературѣ, было одинаково вызвано крайностію политическаго порядка вещей.

Прежде нежели говорить о писателяхъ, принадлежащихъ прямо школѣ Кальвина, мы остановимся на чисто свѣтскихъ писателяхъ, имъ предшествовавшихъ въ смутное время реформаціи.

Успѣхъ реальной мысли въ области права до реформаціи, если мы припомнимъ, былъ вызванъ соприкосновеніемъ чисто практическихъ мыслителей съ плодами порядка, господствовавшаго надъ общественной жизнью Европы за всѣ средніе вѣка. Мы видѣли, что противодѣйствіе этимъ послѣдствіямъ средневѣковаго порядка большая часть умовъ искала, съ одной стороны, въ національной централизаціи (писатели французскаго tiers-état и Макіавелли); съ другой, въ общественныхъ отношеніяхъ (Томасъ Моръ). Двѣ стороны нравственнаго вопроса были одинаково затронуты: сторона соціальная и политическая. Мы встрѣтимся отчасти съ обѣими во второй половинѣ столѣтія. Но первая изъ нихъ стушевывалась за послѣднею; настоящее поле общественной науки въ XVI вѣкѣ принадлежитъ политикамъ.

Мы видѣли на французской почвѣ направленіе, завѣщанное преданіемъ средневѣковыхъ легистовъ, воспитывавшее въ политикѣ мѣщанскую монополію средняго сословія. Это направленіе мы встрѣ-

тимъ прежде всего, и теперь, но рядомъ съ нимъ, мы увидимъ политиковъ другаго строя; къ нѣкоторымъ одинаково примкнутъ и кальвинисты и Лига.

У Мишеля Лопиталя мы встрѣчаемся съ тѣми же тенденціями, какія видѣли уже у Филиппа де-Комина. Но вся жизнь этого человѣка будетъ уже какъ бы свидѣтельствомъ безнадежности старой системы въ виду обстоятельствъ. У Лопиталя его мы видимъ то же опредѣленіе назначенія свѣтской власти, ту же защиту системы представительства, какъ ограниченія этой власти, то же практическое стремленіе въ наукѣ и мысляхъ. Лопиталь—канцлеръ; онъ также, какъ всѣ реалисты, съ которыми мы встрѣчались до сихъ поръ, всю жизнь дѣйствуетъ и борется,—борется въ тяжелую эпоху взрыва мистическихъ тенденцій, которыя возмущаютъ весь строй жизни, опутываютъ отношенія, деморализуютъ дворъ, и ставятъ сектаторскій интересъ, на мѣсто стремленія къ благосостоянію. Въ борьбѣ съ такими невзгодами истощается его дѣятельность. Напрасно онъ хочетъ умѣрить волненіе, убѣждая къ вѣротерпимости; напрасно ищетъ реформъ, согласныхъ съ буржуазной свободой, какъ онъ ее понимаетъ. Онъ не предупредитъ ничего, — отъ его убѣжденій отвернется одинаково и централизація и буржуазія. Варѳоломеевская ночь сотретъ лучшія головы Франціи и самъ Лопиталь умретъ, измученный напрасной борьбой и тяжелой скорбью.

Среди всей этой борьбы Лопиталь—представитель терпимости. Въ рѣчи, которою онъ открывалъ собраніе штатовъ въ Орлеанѣ, 1560 года, онъ говорилъ: «ножъ можетъ мало противъ духа. Мягкія мѣры лучше жестокихъ. Отбросимъ эти дьявольскія слова партій лютеранъ, гугенотовъ, папистовъ; оставимъ названіе христіанъ.»

Въ этихъ словахъ онъ ясно остается вѣренъ своему свѣтскому дѣлу и чуждъ всякихъ посторонних стремленій, которыя волнуютъ совѣсти. Политическія понятія его остаются трезвы отъ всякаго вліянія реформаціи.

«Нѣкоторые сомнѣваются (продолжаетъ онъ) въ томъ, полезно ли королямъ собирать штаты, говоря, что король этимъ уменьшаетъ свою власть, что совѣтуясь съ мнѣніями своихъ подданныхъ, онъ слишкомъ сближается съ ними, а отсюда проистекаетъ презрѣніе и уничиженіе королевскаго величества. Такое мнѣніе мнѣ кажется неосновательно: во-первыхъ, я утверждаю, что нѣтъ поступка достойнѣе короля, какъ давать аудіенцію своимъ подданнымъ и отдавать правду каждому. Короли были избраны первоначально для того, чтобы творить судъ; что же касается сближенія короля съ народомъ, то оно никогда не вредило королямъ Франціи; ибо нигдѣ нѣтъ такого повиновенія подданныхъ, какъ у насъ. Сосѣднимъ правителямъ служатъ на колѣняхъ и съ он-

покрытыми головами: не больше ли они находятъ повиновенія? Можно опускать глаза передъ великимъ властителемъ, какъ дѣлалось когда-то передъ персидскими царями; но будетъ ли онъ отъ этого болѣе любимъ подданными?»

Таковое же было убѣжденіе Филиппа де-Коммина; — это общій взглядъ средняго сословія, и въ этомъ отношеніи Лопиталь не высказываетъ ничего новаго. Въ частныхъ вопросахъ онъ ведетъ далѣе дѣло Коммина и средняго сословія, поддерживая послѣднее въ его реформахъ. Періодическое собраніе штатовъ, защита крестьянъ отъ налоговъ и произвола дворянства, протестъ противъ мысли о правѣ собственности короны на всѣ имѣнія подданныхъ и противъ злоупотребленій духовенства, ограниченіе имущественныхъ правъ этого сословія и отобраніе его имѣній въ казну, уничтоженіе продажности должностей и ихъ соединенія въ однѣхъ рукахъ, уничтоженіе частновладѣльческаго суда и судныхъ привилегій, единство законодательства,—вотъ мотивы, къ которымъ стремятся требованія средняго сословія и за которыя стоитъ также Лопиталь.

Безпорядочность суда обращаетъ его особенное вниманіе, и онъ пишетъ *трактатъ о преобразованіи юстиціи.* Въ практической части его онъ вооружается преимущественно противъ размноженія тяжбъ и судебныхъ чиновниковъ, и указываетъ необходимость уничтоженія продажности должностей, какъ единственную надежную мѣру противъ такого зла.

Но тутъ же Лопиталь пробуетъ стать философомъ, произноситъ *слово естественнаго права*, доказываетъ, что оно должно быть одно какъ для дикихъ Америки, такъ и для христіанъ Европы; что разность положительныхъ законовъ проистекаетъ отъ особенныхъ условій времени и мѣста; что всѣми установленіями должна руководить одна и та же разумность.

«Всякая сила имѣетъ смыслъ только тогда, когда она служитъ орудіемъ разумной цѣли.

«Не можетъ быть двухъ нравственныхъ законовъ: одного частнаго, другаго публичнаго. Частная нравственность должна служить основаніемъ и политикѣ».

Все это болѣе интересно, какъ набожное желаніе, какъ вѣрованіе, чѣмъ какъ основаніе нравственной теоріи. Оно интересно въ устахъ Лопиталя, какъ признакъ цѣльной практической натуры, не отравившейся сомнѣніями и скептицизмомъ, которыми кажутся болѣе или менѣе переполненные всѣ умы того времени. Среди общаго лихорадочнаго состоянія умовъ, отрицанія нравственнаго дуализма въ теоріи у Макіавелли, смиренія у Кальвина, на практикѣ во всей политической жизни, глубокаго сознанія въ невозможности примирить его съ

жизнью у Лютера,—одинъ Лопиталь равнодушенъ къ догматамъ, сохраняетъ въ сердцѣ прямоту вѣры въ нравственную сторону общаго ученія, которая проглядываетъ во всей его системѣ. Онъ одинъ, кажется, между всѣми имѣетъ убѣжденія. Это его особенность. Вообще Лопиталь служитъ вѣрнымъ свидѣтелемъ того направленія, которое мы видѣли въ политическихъ понятіяхъ Франціи въ началѣ столѣтія. Но понятіе формальной свободы, заложенное въ основаніе всей исторической роли средняго сословія, далеко не ограничивалось тѣми требованіями, за которыя стояло пока tiers-état и его писатели. Оно давало болѣе простора и смѣлости мысли, разъ получившей толчокъ. Если не отъ людей, политическія убѣжденія которыхъ должны были опредѣляться ихъ политической ролью, то нужно было ждать болѣе крайняго развитія того же начала отъ писателей, которые, не вглядываясь такъ близко въ насущныя препятствія, требовали болѣе рѣзкой послѣдовательности въ томъ же направленіи. Нужно было ждать только обстоятельствъ, которыя бы къ ней вызвали.

Въ этомъ отношеніи трудно себѣ представить что нибудь болѣе возбуждающее для литературы, съ которой мы должны встрѣтиться, чѣмъ тотъ порядокъ, который начинается въ исторіи Франціи съ появленіемъ на сцену Катерины Медичи, съ казнями противъ гугенотовъ и борьбой партій, которая длится до конца столѣтія. Власть, въ которой видѣли гарантію народной свободы и которую поддерживали всѣми мѣрами политическіе мыслители, указанные нами выше, роняла себя теперь все болѣе и болѣе и наконецъ въ Варѳоломеевскую ночь скосила цвѣтъ французскаго общества. Въ борьбѣ съ такимъ поворотомъ дѣлъ Лопиталь истощился: старая теорія его не смогла ничего противъ ряда такихъ царствованій, какія начинаются Генрихомъ II, противъ дѣйствій честолюбивой итальянки и Гизовъ.

Интриги и звѣрство двора, гоненіе гугенотовъ и повальныя казни, среди которыхъ Франція должна была пить стыдъ, какъ воду, по выраженію одного историка,—вотъ что видятъ теперь всѣ кругомъ себя. Подъ вліяніемъ такихъ возмущающихъ условій, обрушивающихся на народы, 16-тилѣтній юноша Ла-боэти начинаетъ рядъ писателей другаго направленія.

Книга Ла-боэти Discours de la servitude volontaire — написана въ 1549 году, хотя и вышла въ печати позже. До этого года она ходила въ рукописи и имѣла огромный успѣхъ; протестантизмъ принялъ ее съ восторгомъ. Интересна она собственно потому, что служила началомъ цѣлому ряду твореній, написанныхъ въ одинаковомъ съ ней духѣ; но зрѣлаго въ ней въ-сущности мало. Все, что Ла-боэти говоритъ о равенствѣ людей,—очень краснорѣчиво; но гдѣ онъ входитъ въ политику и судитъ о практическомъ примѣненіи своихъ идей, тамъ онъ

становится блѣденъ. «Если есть что нибудь ясное, въ чемъ нельзя сомнѣваться, говоритъ онъ, — то конечно то, что природа создала насъ всѣхъ по одной и той же формѣ, чтобы мы считали другъ-друга товарищами или даже братьями, и если распредѣляя свои блага, она не одинаково надѣлила всѣхъ красотою, умомъ или силой, то конечно для того, чтобы заставить ихъ нуждаться и помогать другъ-другу по братской привязанности. Потому, если эта добрая мать дала намъ общую землю для жительства и создала насъ изъ одного вещества, чтобы мы могли какъ бы узнавать себя другъ-въ-другѣ; если она дала намъ даръ слова для того, чтобы сблизить насъ еще болѣе чрезъ взаимную передачу мыслей; если она всѣми силами старалась укрѣпить нашу связь; если она показала во всемъ желаніе не столько нашего однообразія, сколько нашего единства, то нѣтъ сомнѣнія, что мы всѣ одинаково свободны, будучи всѣ товарищами, и не можетъ войдти ни въ чью голову, что природа насъ создала для взаимнаго рабства, создавъ насъ всѣхъ для взаимнаго товарищества».

Въ видахъ такого равенства, Ла-боэти разсматриваетъ всѣ формы правленій, и для осуществленія своихъ понятій находитъ достаточнымъ слѣдующее: Il n'est point besoin que le pays se mette en peine de faire rien pour soi, mais qu'il ne se mette pas en peine de faire rien contre soi, и т. д.

Теорія эта можетъ быть довольно остроумна. Но насколько примѣненіе ея возможно въ самой жизни, объ этомъ можетъ судить самъ читатель.

Ла-боэти, писавшій эти строки, умеръ 14-ть лѣтъ спустя, въ болѣе спокойныхъ чувствахъ, совѣтникомъ парламента въ Бордо. По словамъ Монтеня, не было гражданина, болѣе склоннаго къ общественному спокойствію и болѣе нерасположеннаго къ безпокойствамъ, которыя наполняли его время. Но за книгой Ла-боэти слѣдовалъ рядъ памфлетовъ, зависимость которыхъ отъ обстоятельствъ времени еще болѣе ясна. Кардиналъ де-Лоренъ и Катерина Медичи, эти двѣ передовыя личности тогдашней французской политики, характеръ которыхъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы надъ ними здѣсь останавливаться, — были явными цѣлями, противъ которыхъ направлялся протестъ радикаловъ. Противъ перваго была написана Le Tyran, книга, полная кровавой ненависти къ кардиналу; противъ второй—Discours merveilleux de la vie, actions et deportements de la reine Catherine de Medicis; противъ всего дома Медичисовъ—Les tragiques, Агриппы д'Обинье, рядъ сатиръ, которыя могутъ быть названы проклятіемъ послѣднихъ Валуа; Aventures du baron de Foeneste, наконецъ мемуары Монлюка и Конде. Все это болѣе интересно для насъ по самому направленію, чѣмъ по внутреннему достоинству; останавливаться надъ сочиненіями всего рода мы не счи-

таемъ здѣсь нужнымъ; намъ хотѣлось указать только начало сочиненій въ подобномъ духѣ на свѣтской почвѣ и связь ихъ съ положеніемъ вещей.

Самъ протестантизмъ во Франціи сначала былъ очень пасивенъ не только до Кальвина, но и послѣ начала его проповѣди. Это было движеніе мирное и чисто народное, какъ извѣстно, принадлежавшее болѣе всего книгопечатанію; секта установилась только съ Кальвиномъ; раньше, работники читали Библію, объясняли ее другъ-другу, пѣли псалмы по праздничнымъ днямъ и въ свободные часы. Занятіе это, по историческимъ извѣстіямъ, быстро замѣняло пьянство и грубыя игры. Таково было первое послѣдствіе начинавшейся реформаціи. Нужно было католическое духовенство, начинавшее терять кредитъ въ народѣ и стойкость своихъ политическихъ и имущественныхъ правъ у престола, чтобы разжечь такое явленіе въ кровавую драму. Самый дворъ смотрѣлъ сначала на реформацію довольно равнодушно; но нужно было здѣсь оказаться партіямъ, которыя сдѣлали изъ религіи вопросъ своего политическаго успѣха. Несмотря на это, протестанты сорокъ лѣтъ сряду позволяли себя жечь и закапывать живьемъ въ землю; — ихъ стойкость была чисто пассивная. Самъ Кальвинъ, разсылая изъ Женевы учениковъ, пока не проповѣдывалъ другой. Былъ силлогизмъ, съ которымъ сначала никакъ не могли справиться протестанты: «если вы христіане, вы должны безпрекословно повиноваться, терпѣть и гибнуть». И Кальвинъ также отпускаетъ голову и говоритъ: «да, будемъ сопротивляться духомъ, спасемъ душу и бросимъ тѣло.» Послѣ онъ самъ ожесточился и кончилъ казнью Серве.

Нужно было Ноксу восемь лѣтъ провести на галерахъ и потомъ съ рубцами плетей и оковъ слушать и принять проповѣдь Кальвина, чтобы понять, много ли можно сдѣлать съ такимъ оружіемъ, и чтобы разомъ истолковать кальвинизмъ, — иначе разбивъ роковую дилемму.

«Если вы отдаете себя тиранамъ, отдадите развѣ вы также ребенка, женщину, всѣхъ слабыхъ, которые въ этихъ жестокихъ испытаніяхъ могутъ отречься отъ вѣры? Вы отдаете міръ палачамъ, которые будутъ продолжать убійство до послѣдняго христіанина, пока вѣрующіе и вѣрованіе исчезнутъ совсѣмъ съ лица земли. Развѣ это послѣдняя побѣда, которую должна одержать религія? Развѣ цѣль, законный конецъ христіанства — искорененіе самаго христіанства?»

Извѣстенъ разговоръ Нокса съ Маріей Стюартъ, который разсказываетъ Минье.

Королева, утвердивъ право протестантизма, несмотря на все свое отвращеніе къ нему, — хотѣла видѣть Нокса. Она упрекала его въ возбужденіи народа противъ власти и убѣждала быть снисходительнѣе

къ тѣмъ, которые не раздѣляютъ его религіозныхъ вѣрованій. «Если отвергать идолопоклонство», отвѣчалъ Ноксъ, «и склонять народъ къ почитанію Бога согласно писанію, значитъ возбуждать подданныхъ противъ царей, — я не могу быть оправданъ, потому что я это дѣлалъ. Но если познаніе Бога и его настоящаго служенія ведетъ всѣхъ добрыхъ подданныхъ къ повиновенію властителямъ отъ добраго сердца,—кто можетъ меня упрекнуть?» Онъ продолжалъ, завѣряя, что будетъ жить довольный подъ властію королевы, пока не будетъ проливаться кровь святыхъ, но утверждая, что въ дѣлахъ вѣры подданные обязаны повиноваться заповѣдямъ Создателя. «Если бъ всѣ люди временъ апостоловъ», прибавилъ онъ, «были принуждены слѣдовать вѣрованіямъ императоровъ,—что стало бы съ христіанствомъ»?—«Но эти люди не сопротивлялись», отвѣчала Марія: «не сопротивлялись вооруженной рукой?»—«Это потому», возразилъ Ноксъ: «что Богъ не далъ имъ на то ни средствъ, ни возможности». Понятно, въ какомъ духѣ долженъ былъ кончиться разговоръ, начатый Ноксомъ.

Подъ вліяніемъ протестантской пропаганды мы встрѣчаемъ на великобританской почвѣ сочиненія, гдѣ политическія убѣжденія реформаціоннаго времени высказываются еще яснѣе, чѣмъ у Нокса. Подъ 1557 г. мы встрѣчаемъ трактатъ о политической власти Ивана Пойнета, епископа винчестерскаго при Эдуардѣ VI. Къ тому же времени относится другое сочиненіе, De jure regni apud Scotos, Георга Буканана.

Буканапъ идетъ дальше Пойнета, даетъ понятіямъ кальвинистовъ діалектическую опору, и вмѣстѣ съ тѣмъ кладетъ начало теоріи, которая считается обыкновенно продуктомъ идеалистовъ XVII вѣка, но которая принадлежитъ протестантскому реализму кальвинистовъ.

Между королемъ и народомъ въ Англіи существуетъ взаимный договоръ, утверждаетъ Букананъ; первый, кто нарушаетъ этотъ договоръ и поступаетъ противно принятымъ обязательствамъ, разрушаетъ его.

Во Франціи протестанты начинаютъ свою радикальную проповѣдь въ политикѣ вслѣдъ за Варѳоломеевской ночью. Мы назовемъ здѣсь только два самыя замѣчательныя явленія въ этомъ родѣ: Franco-Gallia — Готмана, и Vindiciae contra Tyrannos — Ланге. (Hubert Languet).

Готманъ останавливается надъ тѣми же политическими вопросами, съ которыми мы встрѣчались у всѣхъ французскихъ политиковъ, отъ Коммина до Ла-Боэти и у англійскихъ протестантовъ. Онъ хочетъ исторически доказать избирательное начало власти князей въ древней Германіи, и на этомъ основаніи установить права народа по отношенію къ князьямъ.

Верховная власть въ послѣдней инстанціи принадлежала ad universitatem civium vel nobilium. На этомъ послѣднемъ словѣ сосредоточиваются всѣ политическія мечты Готмана. Онъ въ восторгѣ отъ Англіи, и аристократическое конституціонное правленіе составляетъ его идеалъ въ политикѣ. Ограничивая власть князей, онъ утверждаетъ, что между послѣдними и народомъ нуженъ элементъ умѣряющій; этотъ элементъ и составляетъ аристократія. О среднемъ сословіи онъ относится неблагосклонно, называя его узурпаторомъ власти.

Всю эту аристократическую избирательную теорію можно было бы принять за систему, независимую отъ частныхъ цѣлей, имѣющую въ виду одну только истину вопроса, которымъ она занята. Обманъ и разочарованіе. Готманъ лишь на столько держится выраженныхъ началъ аристократическихъ, на сколько и всякихъ другихъ, если они могутъ быть полезны кальвинизму. Franco-Gallia была написана противъ наслѣдственныхъ правъ Генриха III. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда наслѣдникомъ будетъ Генрихъ IV, Готманъ пишетъ: Le droit du neveu sur l'oncle, гдѣ доказываетъ всѣ выгоды наслѣдственности трона.

Книга Ланге мало отличается отъ «Франко-Галліи» Здѣсь то же аристократическое начало, какъ и тамъ, направленное въ ущербъ верховной власти, и только ученіе о послѣдней доведено до болѣе кальвинистскихъ результатовъ. То же аристократическое начало, умѣряющее власть князей, поддерживаютъ и другіе памфлеты, принадлежащіе къ этой серіи: Du droit des magistrats sur leur sujets и Discours politiques des divers puissances établies de Dieu au monde. Принципъ монархической власти при этомъ признается. Послѣднее сочиненіе говоритъ, напримѣръ, прямо, «что власть, составленная изъ короля и лучшихъ или достаточныхъ, полезна, а всякая другая—вредна». Нужно только, чтобы король не вредилъ кальвинизму, и вотъ почему только направленъ противъ него весь споръ. Но на чемъ основанъ на самомъ дѣлѣ отпоръ монархическому началу? Французскіе кальвинисты ищутъ кругомъ, и видятъ три дѣятельные элемента въ политическомъ строѣ современной Франціи: союзъ средняго сословія и короля съ одной стороны, и съ другой — подавленную этимъ союзомъ аристократію. Народъ удаленъ отъ политическаго дѣла,—его роль пассивная. Вотъ почему, ратуя противъ короля, французскіе кальвинисты холодно смотрятъ и на буржуазію. Они видятъ одинъ общественный элементъ, который подавленъ одинаково съ ними, — аристократическій; разсчитываютъ, что личныя выгоды могутъ заставить этотъ элементъ соединиться съ дѣломъ протестантизма для дружнаго спора съ королевской властью, — вотъ почему они льстятъ аристократіи и прово-

вѣдують ея власть въ теоріи, и почему пишутъ громовые памфлеты противъ королей, напримѣръ: Les apophthegmes et discours notables, recueillis de divers auteurs, и La France Turquie, гдѣ правительство Валуа сравнивается съ турецкимъ.

Съ тѣмъ же рѣшительнымъ характеромъ является радикальное направленіе и у публицистовъ Лиги, напр. Буше: De justa Henrici tertii abdicatione, и Гильома де-Розъ: De justa reipublicae christianae in reges impios auctoritate. Лучшіе памфлеты этого разряда повторяли тѣ же политическіе уроки кальвинистовъ, направляя ихъ въ пользу католической партіи, и формулируя самыя теоріи, примѣнялись къ началамъ папской власти, — но это различіе не важно.

Что же мы должны сказать теперь вообще о реформаціи нѣмецкой и реформаціи кальвинистовъ, и о политической литературѣ, вызванной ею?

Создала ли она свое ученіе въ политикѣ?

Не трудно видѣть, что она не пришла ни къ какому результату, ни къ какому политическому строю убѣжденій и, напротивъ, выразила положительное ихъ отсутствіе. Вмѣсто одного ученія, она дала нѣсколько ученій, именно столько, сколько было отдѣльныхъ общественныхъ партій. Въ политикѣ она оправдывала все, и все ниспровергала, отъ политической централизаціи до общенія женъ. Ея мистическое знамя, мѣняясь на каждомъ шагу, являлось только какъ будто для прикрытія тѣхъ или другихъ реальныхъ интересовъ, тѣхъ или другихъ политическихъ мотивовъ, которые указывалъ реализмъ. Все оказалось шатко среди реформаціонной борьбы и выразилось только общее отсутствіе убѣжденій, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ настоящую силу, колеблющую всѣ теоріи и вѣрованія, въ тѣхъ матеріальныхъ подавленныхъ интересахъ, которые искали себѣ выхода. Было бы странно искать, при такихъ условіяхъ, въ томъ или другомъ толкѣ, у того или другаго писателя, вѣру въ безусловную истину своей теоріи. Можно найти справедливый протестъ, по праву вооружающееся чувство, но не твердые, положительные принципы. Самая полная картина макіавеллизма разыгрывалась здѣсь на самомъ дѣлѣ, и среди нея всякій думалъ отвоевать себѣ, или своей партіи, у стараго порядка лучшее положеніе, и вотъ въ какихъ видахъ приставалъ къ той или другой теоріи.

Это отсутствіе убѣжденій въ политикѣ, вынесенное обществомъ изъ реформаціи, было, какъ мы видѣли, въ Германіи прямо засвидѣтельствовано Винклеромъ; подобныя же прямыя свидѣтельства мы не замедлимъ встрѣтить и во Франціи. За такимъ индеферентизмомъ скрывается для насъ весь реальный профиль этой шумной борьбы, которая прикрывалась на первый взглядъ совершенно отвле-

ченными началами. Если Макіавелли ниспровергалъ схоластическое право, а Т. Моръ указывалъ настоящія условія общественной гармоніи, то реформація повторила на практикѣ, собственно говоря, то же равнодушіе къ старому, пытаясь пойти на практикѣ даже далѣе Т. Мора, въ лицѣ анабаптистовъ; а какимъ знаменемъ она при этомъ прикрывалась, — это для нашего предмета, конечно, все равно.

III.

ПОСЛѢДНІЕ СВИДѢТЕЛИ ОБЩАГО РАЗЛОЖЕНІЯ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УБѢЖДЕНІЙ. — МАКІАВЕЛЛИ И БОТЕРО. — ЖАНЪ БОДЕНЪ И МОНТЕНЬ. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Теперь всѣ были правы: Ѳома Аквинатъ и Іоаннъ Лейденскій, папа, кальвинисты, Лига и анабаптисты, нѣмецкіе крестьяне и Лютеръ, — все было доказано, бѣлое и черное, и все опровергнуто. Что же должно было остаться на днѣ убѣжденій? Цѣльная натура Лопиталя съ грустью чувствовала деморализацію. «Quand cette neige sera fondue, il n'y aura plus que de la boue», говорилъ онъ, указывая на свою сѣдую бороду. «Pour obtenir quelque honneur dans ce siècle, il faut machiaveliser», — съ такой же грустью писалъ Пакье. Оставался дѣйствительно одинъ реализмъ Макіавелли: имъ занимаются, объ немъ пишутъ и отпираются отъ него, — лучшее доказательство, что ему слѣдуютъ на самомъ дѣлѣ, если бы приведенныя слова Пакье не дѣлали излишнимъ всякое доказательство. Итальянецъ Ботеро (1589) даже пробуетъ разработывать его мысли, оправдываетъ Варѳоломеевскую ночь и высказываетъ, между прочимъ, гораздо ранѣе Мальтуса, что возрастаніе населенія имѣетъ свои границы въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, которыя дѣлаютъ невозможнымъ воспитаніе и прокормленіе излишняго числа дѣтей. Впрочемъ, Ботеро далеко не Макіавелли. Самосохраненіе, какъ единственная цѣль правительства, — вотъ весь смыслъ его книги, смыслъ гораздо болѣе тѣсный и односторонній. Макіавелли все-таки остается у него непонятымъ, хотя онъ и слѣдуетъ ему. Онъ близокъ болѣе къ внѣшнему характеру теоріи своего учителя и потому оправдываетъ такую мѣру, которая врядъ ли встрѣтила бы сочувствіе Макіавелли уже потому, что она явно не достигла своей цѣли. Для насъ онъ интересенъ только, какъ свидѣтель извѣстнаго разлада въ нравственныхъ понятіяхъ.

Но Ботеро имѣетъ мало подражателей. Убѣжденія какъ будто боятся идти до конца, въ которомъ могли бы найти болѣе твердую основу. Для нихъ легче, съ одной стороны, простое сомнѣніе, съ другой — страхъ разстаться съ старыми формами, и страхъ

этотъ вызываетъ новыя усилія сковать разлагающееся, въ противность реализму Макіавелли и радикальности протестантскихъ писателей.

Представителями этого консервативнаго направленія были: Фроманто, Пакье и Боденъ. Мы остановимся на послѣднемъ изъ нихъ, потому что, ратуя одинаково противъ протестантовъ и Макіавелли, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полнѣе выражаетъ характеръ этого послѣдняго усилія удержать понятія при историческихъ формахъ. Боденъ самъ ясно высказываетъ въ своемъ предисловіи причины, которыя побуждаютъ его писать и тутъ же объявляетъ двойную войну реализму Макіавелли и протестантскимъ радикаламъ, будучи самъ кальвинистомъ. «Nous avons pour exemple un Machiavel qui a eu la vogue entre les couratiers des tyrans, et lequel Paul Jove ayant mis au rang des hommes signalés, l'appelle neanmoins ignorant des bonnes lettres. Quant au savoir je crois que ceux qui sont accoutumé de discourir doctement, peser sagement, et resoudre subtilement les hautes affaires d'Etat s'acordront qu'il n'a jamais sondé le gué de la science politique, qui ne gît pas en ruses tyranniques qu'il a cherchées par tous les coins d'Italie.»

Таковъ его отзывъ о Макіавелли. Боденъ хочетъ доказать такимъ образомъ не только безнравственность макіавелизма, но и практическую ложность его политики: «Le livre du Prince ou Machiavel rehaussse jusqu'au ciel et met pour un parangon de tous les rois le plus deloyal fils de piètre qui fut oncques, lequel neanmoins, avec toutes ses finesses, fut honteusement précipité de la roche haute et glissante ou il s'etoit niché, et enfin exposé comme un belître à la merci et risée de ses ennemis, comme il est arrivé depuis aux autres princes qui ont suivi sa piste et ont pratiqué les belle règles de Machiavel, lequel a mis pour deux fondements des Republiques l'impiété et l'injustice.»

Въ противность этому Боденъ хочетъ доказать, что настоящая политика должна быть основана на правилахъ строгой морали и справедливости. Рядомъ съ макіавелизмомъ онъ указываетъ тутъ же другой разрядъ политиковъ, противныхъ и враждебныхъ Макіавелли: «d'autres contraires et droits ennemis de ceux-ci qui.... sous le voile de la liberté populaire font rebelles les sujets contre leur princes naturels, ouvrant la porte à une licencieuse anarchie qui est pire que la plus forte tyrannie du monde. Voilà deux sortes d'hommes, заключаетъ онъ самъ, qui par écrits et moyens contraires conspirent à la ruine des republiques, non pas tant par malice que par ignorence des affaires d'Etat, et que je me suis efforcé d'éclaircir en cette oeuvre.»

Таковъ планъ и задача книги Бодена: «la République», вышедшей при самомъ началѣ Лиги, въ 1577 году.

Посмотримъ теперь, насколько Боденъ выполняетъ свою задачу

Переходя къ содержанію «Республики» (Res publica, государство), мы найдемъ здѣсь не столько прямое опровержение извѣстныхъ системъ, какое обѣщаетъ по видимому Боденъ, сколько защиту его собственнаго плана. Со стороны содержанія, *Республика* его не болѣе какъ апологія *мѣщанской монархіи легистовъ*. Отстоять юридическое statu quo выработанной въ XVI вѣкѣ централизаціи, ограниченной неприкосновенностью частной собственности и слѣдовательно волей штатовъ относительно размѣра налоговъ, отстоять эту данную политическую форму, усиливъ пожалуй ригоризмъ отношеній въ частномъ быту для ея большей прочности,—вотъ собственно куда должна придти вся полемика Бодена. Планъ системы данъ заранѣе; нужно только подъискивать доказательства. Весь трудъ представляется діалектическимъ упражненіемъ на историческую тему. Эту тему нужно защитить во что бы то ни стало, нужно дать ей опору въ умахъ, пораженныхъ оскорбленіями, которыя терпитъ идеалъ tiers-état. Изъ такой предначертанности плана и смѣси разнородныхъ доказательствъ выходитъ, дѣйствительно, у Бодена шаткость всей системы.

Боденъ выводитъ политическую власть въ государствѣ или республикѣ, какъ онъ его называетъ, чисто отвлеченной юридической выкладкой. Онъ начинаетъ съ того, что отдѣляетъ верховную власть отъ правительства, дѣлая изъ первой отвлеченное тѣло, или предметъ совершенно независимый отъ лицъ, составляющихъ правленіе. Il est besoin de former la definition de souveraineté par ce qu'il n'y a ni jurisconsulte ni philosophe politique qui l'ait definie, j'açoit que c'est le point principal et le plus necessaire d'etre entendu au traité de la république.

Верховная власть отдѣляется у Бодена даже отъ власти монархической неограниченной тѣмъ, что эта власть сама по себѣ безсрочна, тогда какъ простая монархическая, абсолютная власть можетъ быть временная, данная на опредѣленное время «Or la souveraineté n'est limitée ni en puissance ni en charge ni à certain temps.... le peuple ne se desaisit point de la souveraineté quand il établit un ou plusieurs lieutenants avec puissance absolue a certain temps limité: ceux-ci demeurent comptables aux peuples; ce qui n'est pas au prince souverain, qui n'est tenu rendre compte qu'à Dieu.»

Для власти, которую Боденъ называетъ souveraineté, на языкѣ положительныхъ націй даже нѣтъ названія. Мы по крайней мѣрѣ не можемъ представить себѣ никакой народной власти, которая не была бы опредѣлена временемъ и пространствомъ, и потому считаемъ возможнымъ говорить въ настоящемъ случаѣ о всякой власти только какъ о фактѣ очень опредѣленномъ и точномъ.

Это очень хорошо знаетъ самъ Боденъ, и потому отвлеченіе, которое онъ здѣсь дѣлаетъ, есть не болѣе какъ логическая уловка.

Въ сущности, онъ переноситъ формы частнаго порядка, формы даренія, договора, завѣщанія и такъ далѣе къ государственнымъ вопросамъ. Но частный порядокъ былъ такимъ же политическимъ продуктомъ, и требовалъ доказательства; во-вторыхъ, формы его были признаны справедливыми только при извѣстныхъ условіяхъ; не все могло быть предметомъ собственности, дара или договора; власть на вещи допускалась только подъ извѣстными условіями, власть же на лица была еще болѣе ограничена. Договоръ или дареніе считались справедливыми не потому, что они были дареніемъ или договоромъ, а потому что съ этимъ связывалась обстановка и условія, которыя дѣлали ихъ дозволенными. Отсюда примѣненіе этихъ формъ въ отвлеченномъ видѣ къ объясненію новыхъ отношеній, было явнымъ софизмомъ, логической уловкой, и несмотря на то, на эту уловку сбились всѣ, такъ-называемыя, системы договора, процвѣтавшія въ XVII и XVIII вѣкахъ. Послѣ того, какъ политика была такъ явно отдѣлена отъ права у Макіавелли, переносить сюда какія либо отвлеченія было, кажется, непростительнымъ грѣхомъ неточности, а между тѣмъ два съ половиною вѣка политическіе мыслители повторяли одинъ за другимъ одну и ту же ошибку. Всякая отдѣльная сфера бытія имѣетъ свои особыя формы; дѣлать изъ нихъ отвлеченія, значитъ стирать ихъ, сводить въ одно или переносить формы одной сферы въ другую. Нѣтъ ничего легче, конечно, какъ доказывать такимъ путемъ; нѣмецкая наука это поняла очень хорошо, и наконецъ увидѣла въ государствѣ животъ и ноги, и въ смертной казни безусловное добро, въ правѣ — законы красоты, и все что хотите.

Вся политика такимъ пріемомъ могла быть сравнена съ частнымъ правомъ, но дѣло въ томъ, что такимъ образомъ также легко было доказать законность наслѣдственныхъ личныхъ обязательствъ, которыя однако считались незаконными при всѣхъ условіяхъ договора, даже въ сферѣ частнаго права; это ясно показывало, насколько формы частнаго права въ отвлеченномъ видѣ могли служить безусловными доказательствами.

Политика Бодена клонится къ той же цѣли, какъ и діалектика его, къ защитѣ интересовъ tiers-état. Разсматривая различныя формы правленія, онъ отдаетъ преимущество централизаціи, опирающейся на среднее сословіе. Но тутъ же, для самаго автора, эта форма оказывается не столь надежною, какъ можно было думать сначала, и Боденъ видимо готовъ склониться на всѣ мѣры, чтобы поддержать ея стойкость. Оно впрочемъ очень естественно: Боденъ писалъ въ то время, когда монархическая власть во Франціи, въ лицѣ послѣднихъ Валуа, дѣлала все, что могла, чтобы подорвать свою настоящую силу, и когда, съ другой, она подвергалась явнымъ потрясеніямъ со стороны

реформаторовъ. Потаенный центръ, въ которомъ Боденъ ищетъ устроить залогъ крѣпости монархическаго начала — это семья. Семья для него составляетъ центральный нервъ политической жизни; изъ нея, какъ изъ начальной ячейки, возрощаетъ онъ всѣ политическія отношенія и къ ней-то направлены естественно его политическіе виды. Иначе трудно объяснить, почему отстаивая частную собственность противъ королевской власти, вооружаясь противъ рабства, онъ обрушаетъ на эту часть общественной жизни весь ригоризмъ. Право жизни и смерти для родителей надъ дѣтьми и патріархальная дисциплина въ самомъ крайнемъ видѣ, — вотъ главный рычагъ, которымъ Боденъ думаетъ поддерживать политическія условія, которыхъ является защитникомъ.

«Какъ бы ни были разнообразны законы, говоритъ онъ, не было никогда ни закона, ни обычая, который бы избавлялъ жену отъ послушанія и почтенія мужу; и какъ говоритъ Эврипидъ, нѣтъ ничего болѣе необходимаго для сохраненія государствъ, какъ подчиненіе женъ мужьямъ... Поэтому законъ Божій и священное писаніе, давшее вещамъ имя вѣрное ихъ природѣ и свойству, называетъ мужа господиномъ» и т. д.

Власть отца семейства Боденъ характеризуетъ такъ: «le père est la vraie image du grand Dieu souverain, père universel de toutes choses.» Надъ современнымъ ему упадкомъ такой власти Боденъ плачетъ и постоянно утверждаетъ, что отецъ долженъ имѣть надъ дѣтьми право жизни и смерти: «je dis donc qu'il est bien expédient que les princes et legislateurs remettent sur les anciennes lois touchant la puissance des pères sur les enfants et qu'ils se règlent selon la loi de Dieu».

«Возразятъ, продолжаетъ онъ, что встрѣчались такіе отцы, которые употребляли свою власть во зло. Такъ; я утверждаю однако, что никогда мудрый законодатель не откажется принять хорошаго закона ради тѣхъ рѣдкихъ ошибокъ, къ которымъ онъ можетъ вести. И гдѣ же тотъ законъ, справедливый и естественный, который былъ совершенно изъятъ отъ такихъ ошибокъ? Тотъ, кто захотѣлъ бы отвергать законы на этомъ основаніи, уничтожилъ бы ихъ всѣ до одного.»

Само собою разумѣется, послѣ этого, что дѣти не имѣютъ никакого права на наслѣдство, и что произволъ завѣщателя есть естественное основаніе наслѣдственнаго права, которое признаетъ Боденъ.

Семейство служитъ ступенью политическому строю; этотъ строй слабѣетъ; — чтобы укрѣпить его, нужно внести какъ можно болѣе дисциплины въ семью. Не трудно видѣть, что по устроеннымъ такимъ образомъ ступенямъ, европейская жизнь должна была неминуемо, по теоріи Бодена, спуститься къ азіатскому строю. Отношенія семейныя, имущественныя, сословныя и государственныя, словомъ вся совокупность такъ-называемыхъ юридическихъ отноше-

ній есть только рядъ политическихъ формъ, вытекающихся изъ признаннаго начала экономической борьбы отдѣльныхъ интересовъ. Самыя простѣйшія изъ нихъ обусловливаютъ, безъ всякаго сомнѣнія, характеръ болѣе сложныхъ, и извѣстныя формы въ кровныхъ и имущественныхъ связяхъ отзываются своими особенностями и въ государственномъ строѣ. Но по этому самому семья, какъ чертилъ ее Боденъ, не могла удовлетворить его сокровеннымъ требованіямъ. Она не могла ужиться съ представительной французской монархіей XVI вѣка, съ признаннымъ началомъ неприкосновенности частной собственности, и разъ принятая въ этой формѣ закономъ и нравами, должна была пересоздать монархію легистовъ въ нашальныхъ. Боденъ не видѣлъ настоящаго источника ослабленія королевства и настоящихъ средствъ противоборства. Вмѣсто обновленія распадающагося, онъ хотѣлъ только сковать его, и потому, вся политическая система его являлась химерическимъ, болѣзненнымъ усиліемъ, которое не могло ни достичь своей цѣли, ни быть даже принято практикой.

Явленіе, противъ котораго ратовалъ Боденъ, было между тѣмъ настоятельно, а самая задача, которая имъ ставилась, очень интересна и поучительна. Политическія ошибки, которыми это явленіе было вызвано и при которыхъ королевская Франція продолжала вести свою внутреннюю политику, имѣли столь явственное вліяніе на ея позднѣйшую судьбу, что надъ ними стоитъ остановиться.

Монархія была неизбѣжной формой, въ которую должно было перейти средневѣковое общество. Феодальное общество, выросшее на аристократическомъ произволѣ, крайне поглотившемъ всѣ человѣческіе интересы въ имущественномъ правѣ бароновъ, спаслось черезъ монархію. Монархическая власть низложила имущественное право феодаловъ, исторгла цѣлый рядъ отношеній административныхъ, судебныхъ и общественныхъ изъ рукъ аристократіи; она выдвинула цѣлый классъ средняго сословія изъ его подавленнаго состоянія, и этимъ окрѣпла. Прямая политика ея чертилась по своему началу очень явственно.

Кромѣ средняго, передъ ней было еще два сословія, которыя прямо ждали ея вліянія, — духовенство и сельское населеніе: одно подавленное, другое слишкомъ крѣпкое еще феодальными остатками. Продолжая свое дѣло униженія феодализма, она могла только послѣ средняго класса обратиться къ нуждамъ сельскаго населенія, и улучшая его положеніе, нанести послѣдній уронъ свѣтскимъ правамъ духовенства и феодализму, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти новую, послѣднюю опору въ низшихъ классахъ. Дать земли низшему классу на счетъ феодаловъ, значило бы не только уронить феодализмъ, а положить въ

то же время въ общественной средѣ вѣрный оплотъ противъ развитія новаго феодализма въ лицѣ грядущей буржуазіи.

Въ политической жизни усматривается одно неотвратимое стремленіе, коренной законъ тяготѣнія, которымъ движется исторія. Гдѣ первоначальное историческое броженіе создало крайнее различіе положеній, тамъ неизбѣжно воспринималъ свое дѣйствіе законъ обратнаго дѣйствія; только уступая постепенно этому закону, высшія насловнія поддерживали свое значеніе. Въ Англіи дворянство удержало свое значеніе только потому, что первое отозвалось на такія требованія и измѣнилось изъ феодаловъ въ аристократію, и въ этомъ не слѣдуетъ видѣть ни доблести самоотверженія, ни безкорыстнаго движенія, а только прямой политическій смыслъ, вѣрно понятый интересъ самосохраненія. Во Франціи это условіе одинаково забыто было и дворянствомъ и властью. Дворянство пало, а королевская власть выдвинула на его мѣсто только буржуазію, и тѣмъ ограничилась. До XVI вѣка власть эта была послѣдовательна, но тутъ она начала показывать, что не сознаетъ своего настоящаго значенія.

Отсюда и ложное положеніе ея во время Бодена. Съ одной стороны напоръ демократическихъ интересовъ, въ которыхъ она не видитъ своей настоящей силы; съ другой — придворное вліяніе феодализма, разложеніе котораго остановлено ею же самою на полдорогѣ. Съ одной стороны кальвинизмъ, съ другой — Лига.

Понятно ли теперь, чѣмъ обусловливалась настоящая сила для королевской власти среди вопросовъ XVI столѣтія, и какое направленіе должна была принять ея политика, чтобы избавить монархію легистовъ и парижскій дворъ отъ всѣхъ невзгодъ временъ кальвинизма, Лиги и потомъ Версальскаго періода и ряда революцій.

Но сама власть не понимала своего положенія; вмѣсто уравненія, она основала новое неравенство и тѣмъ опредѣлила свой будущій характеръ какъ нельзя рѣшительнѣе. Съ одной стороны, напоръ подавленныхъ интересовъ долженъ былъ постоянно подрывать ея основанія, и она нѣсколько разъ падала отъ этого напора; съ другой — положенное на днѣ общества противорѣчіе, вызывало ее снова на политическую сцену, какъ прямой политическій результатъ всякаго аристократическаго порядка.

Впрочемъ, сама школа легистовъ, въ своихъ позднѣйшихъ представителяхъ XVI вѣка, видимо не понимала того политическаго духа, который оживлялъ ея первыя начала и первые успѣхи. Вмѣсто того, чтобы раскрыть самый узелъ вопроса и указать дальнѣйшее плодотворное развитіе политической теоріи, подъ которою вызрѣлъ весь историческій строй французской жизни къ XVI вѣку, Боденъ явился узкимъ консерваторомъ, испуганнымъ защитникомъ ослабѣвавшаго, и съ по-

лицейскими средствами и семейной инквизиціей въ рукахъ, являлся собственно врагомъ той монархіи, которую думалъ спасать.

Въ ряду мыслителей конца XVI вѣка, среди деморализаціи и шаткости политическихъ началъ, онъ можетъ быть названъ стоическимъ реакціонеромъ.

Но стоицизмъ его не могъ найти сочувствія въ общемъ строю убѣжденій и удовлетворить понятіямъ общества. Боденъ интересенъ былъ для насъ, только какъ новый ясный свидѣтель патологическаго состоянія умовъ его времени. Удовлетворить такому состоянію гораздо ближе могло то направленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся у Монтеня.

Скептицизмъ Монтеня не есть сомнѣніе пробуждающагося сознанія, какъ нѣкоторые хотѣли думать; это скептицизмъ извѣстной дряхлости и разочорованія. Скептицизмъ этотъ не начало мышленія, какъ у Декарта напримѣръ, а напротивъ, конецъ, результатъ умственной борьбы, ему предшествовавшей. За нимъ нѣтъ дороги впередъ для мысли; она объявлена несостоятельною и безнадежною, послѣ чего можетъ имѣть мѣсто одно безпрекословное повиновеніе всему данному, что мы и встрѣчаемъ у Монтеня. Весь скептическій матеріалъ у него выработанъ не собственной мыслью, а временемъ; посылки для него подготовлены тѣмъ, что онъ видитъ кругомъ; къ нимъ онъ прибавляетъ только свои скептическія заключенія. На его глазахъ прошла вся картина реформаторской діалектики, онъ видѣлъ все ея ничтожество, и потому мы можемъ приблизительно догадываться, какое значеніе онъ долженъ приписывать вообще діалектикѣ и словопреніямъ.

«Наши споры», пишетъ онъ, «должны бы были быть запрещены, какъ другія словесныя преступленія. Какихъ только пороковъ они не заражаютъ и не усиливаютъ, будучи всегда слѣдствіемъ вражды? Мы начинаемъ вражду съ мыслей, и кончаемъ людьми. Мы учимся спорить для того только, чтобы противорѣчить; всѣ спорятъ, всѣ противорѣчатъ, и отсюда выходитъ, что спорить—*значитъ уничтожать истину*». Возвращаясь нѣсколько разъ къ этому вопросу, Монтень высказываетъ убѣжденіе, что личныя страсти, примѣшиваясь постоянно въ наши сужденія, дѣлаютъ невозможнымъ добросовѣстный выводъ.

Если Монтень видитъ присутствіе личныхъ интересовъ въ нашихъ мысляхъ, то еще яснѣе они кажутся ему въ нашихъ дѣлахъ. Общество для него — это борьба интересовъ. «Le profit de l'un est dommage de l'autre.... Le marchand ne fait bien ses affaires qu'à la debauche de la jeunesse; le laboureur à la cherté des bleds; l'architecte à la ruine des maisons, les officiers de la justice aux procez et querelles des hommes; l'honneur même et pratique des ministres de la religion se tire

de notre mort et de nos vices; nul medecin ne prend plaisir à la santé de ses amis mêmes, dit l'ancien comique grec; ni soldat à la paix de sa ville; ainsi du reste. Et qui pis est que chacun se sonde, il trouvera que nos souhaits interieurs pour la plupart naissent et se nourrissent au depens d'autrui.»

Отъ такихъ понятій, для мысли смѣлой и энергичной остается одинъ шагъ къ реализму. Но въ томъ и дѣло, что у Монтеня не достаетъ силы на этотъ послѣдній шагъ, что онъ сомнѣвается даже въ успѣхѣ какого либо мышленія, и кончаетъ проповѣдью совершеннаго квіэтизма. Положительная часть мыслей Монтеня не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго; но за то полна остроумія, проницательности другая сторона его Essais, высказывающая много вѣрнаго относительно людской природы, много практическаго и реальнаго. Но Монтень не политикъ и не юристъ; мы упомянули о немъ, какъ о лишнемъ свидѣтелѣ, подтверждающемъ нашъ взглядъ на эпоху.

Монтень — послѣднее отраженіе въ литературѣ общаго состоянія умовъ среди разложенія старыхъ вѣрованій, и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній фазисъ этого разложенія. Далѣе его скептицизма искать нечего; здѣсь была приложена послѣдняя печать къ характеру понятій XVI вѣка: Политическая мысль оставалась теперь не только безъ вѣры въ старыя начала — безъ вѣры въ саму себя. Передъ ней лежалъ сокрушенный міръ, и въ перегорѣвшихъ остаткахъ его она не видѣла теперь ничего, кромѣ собственнаго ничтожества.

Къ чему вели такія условія, какими послѣдствіями должны они были отражаться въ жизни? Отрицая себя, сознаніе естественно предоставляло сумму общественной и политической дѣятельности чистому реализму. Боясь договориться на словахъ и въ печати до этого реализма, общество договаривалось до него самымъ дѣломъ, и Маkiавелли, дурно понятый, какъ наставникъ личныхъ интересовъ каждаго, царилъ теперь болѣе, чѣмъ когда либо. Въ глубинѣ сердецъ всѣ являлись его вѣрными приверженцами въ то время, какъ отворачивались отъ него оффиціально, такъ что самый прямодушный изъ писателей долженъ былъ сказать поневолѣ: «qu'il faut machiaveliser pour obtenir quelque honneur dans ce siècle.»

Ю. ЖУКОВСКІЙ.

ПУСТАЯ ЖИЗНЬ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Было часа два ночи.

Въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ ресторановъ, въ отдѣльной, роскошно убранной комнатѣ, ужинало общество, состоявшее изъ четырехъ офицеровъ, одного статскаго, двухъ камелій и одной пожилой дамы, сомнительнаго вида.

Комната была ярко освѣщена большими канделябрами. На столѣ: блюда, фрукты, множество бутылокъ, дамскіе платки, браслеты, папиросы.

Камеліи были разряжены въ шелкъ и кружева. Глазки и щоки ихъ горѣли....

Всѣ пили, кричали и хохотали.

Одинъ изъ офицеровъ былъ совсѣмъ готовъ: онъ дремалъ на диванѣ, возлѣ m-lle Люси, одной изъ камелій. Изрѣдка, онъ просыпался, что-то бормоталъ, выпивалъ залпомъ бокалъ шампанскаго, и снова дремалъ.

На видъ ему можно было дать лѣтъ двадцать пять. Онъ былъ недуренъ собою: голубые глаза, прямой носъ, мягкіе каштановые волосы; немного блѣдное, продолговатое лицо его выражало доброту.

— Посмотрите, господа, сказалъ статскій господинъ небольшаго роста, — Берницынъ-то крѣпко выпилъ.... Онъ совсѣмъ спитъ.

— Берницынъ! Ты спишь? а? Да отвѣчай же! говорили товарищи, толкая его.

Онъ очнулся и блуждающими глазами смотрѣлъ во всѣ стороны.

— А?... Что?.. Я не сплю.... бормоталъ онъ. Но видъ его былъ такъ комиченъ, что товарищи расхохотались.

— Посмотри на него, Люси, сказала одна изъ камелій. Quelle drôle de figure! И обѣ они залились тонкимъ смѣхомъ.

Берницынъ разсердился.

— Что́ вы хохочете, какъ дуры? сказалъ онъ раздраженнымъ голосомъ.

— Онъ все еще въ бреду, сказалъ маленькій статскій.

— Кто въ бреду?.. Кто это говоритъ?

— Смотрите, онъ еще сердится, продолжалъ статскій.

— А! это ты, любезный другъ! Человѣкъ! закричалъ Берницынъ, и сталъ звонить изо всей силы.

— Выведи этого господина! сказалъ онъ вошедшему слугѣ, — слышишь?

Слуга смотрѣлъ въ недоумѣніи. Статскій господинъ усиливался смѣяться.

— Чего жь ты стоишь? Болванъ! закричалъ Берницынъ. — Возьми! и онъ швырнулъ ему пятирублевую бумажку. — Ну, выводи!

Слуга робко подошелъ къ статскому и взялъ его за руку.

— Пожалуйте-съ! сказалъ онъ вѣжливо.

— Берницынъ, ты съ ума сошелъ! сказалъ Рябининъ, одинъ изъ офицеровъ.

— Выводи! — говорятъ тебѣ! кричалъ Берницынъ. И слуга, держа статскаго господина за руку, повторялъ: «пожалуйте-съ!»

— Оставь, оставь, дуракъ! говорилъ статскій, отбиваясь.

— Выводи! кричалъ Берницынъ.

— Ты право съ ума сошелъ, Берницынъ! вмѣшался опять Рябининъ. — Пошелъ вонъ! крикнулъ онъ лакею, который, видя его заступничество, улизнулъ.

— Вамъ какое дѣло? обратился Берницынъ къ Рябинину.

— Да что съ тобою, Берницынъ? И Рябининъ засмѣялся.

— Не ваше дѣло вмѣшиваться, милостивый государь! про-

должалъ Берницынъ, разгорячившись.—Чтò вы, за одно, что ли, съ этимъ негодяемъ? (Онъ показалъ на статскаго). Онъ вѣрно помогаетъ вамъ, я вѣдь очень хорошо видѣлъ, какъ вы цаловали Люси. Оно очень удобно на чужой счетъ....

Рябининъ вспылилъ.

— Берницынъ, ты сегодня глупости говоришь! Я бы просилъ тебя замолчать....

— Перестаньте, перестаньте, господа, изъ-за чего вы ссоритесь? Помилуйте! вмѣшались другіе офицеры.

— Это неправда, это неправда, кричала Люси.—Когда вы видѣли, что онъ цаловàлъ меня?

— Молчать, продажная тварь! И Берницынъ въ дребезги разбилъ стаканъ съ шампанскимъ, которое разлилось на платье Люси.

— Мое платье испорчено! визжала она.—Онъ сумасшедшій!

— Ну, и проси у Рябинина другое. Онъ очень щедръ, ты увидишь....

— Если такъ, то я заставлю васъ молчать! сказалъ Рябининъ, вставая съ мѣста.

— Меня? Молчать? Мы увидимъ это! кричалъ Берницынъ, подходя къ Рябинину.

Товарищи стали разнимать ихъ. Берницынъ шумѣлъ и ругался. Его насилу успокоили обѣщаніемъ устроить дуэль завтра утромъ.—Между тѣмъ, камеліи съ пожилою дамою исчезли. Рябининъ тоже. Берницына насилу увезли домой. Въ комнатѣ остался одинъ статскій.

— Вишь, вишь, какой горячій! Чтò это съ нимъ сегодня? говорилъ онъ, наливая себѣ бокалъ шампанскаго и пряча въ карманъ двѣ груши.

Въ дверяхъ встрѣтился ему тотъ слуга, которому было приказано вывести его.

— Какъ же это ты, братъ, такъ дѣлаешь? Нехорошо! сказалъ статскій, качая головою.

— Помилуйте-съ! Мое дѣло — сторона. Иванъ Александровичъ приказываютъ....

— То-то и есть—Иванъ Александровичъ! Горячъ больно!..

И статскій господинъ вышелъ.

II.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой ссоры, у подъѣзда одного дома, на Литейной, остановилась карета. Изъ нея вышла молодая дѣвушка, въ дорожномъ салопѣ, въ капорѣ. Потомъ вышла другая женщина, лѣтъ сорока пяти съ узломъ въ рукахъ. Начали переносить чемоданы, подушки, картонки.

Едва только пріѣзжая взошла въ переднюю, какъ тотчасъ раздались поцалуи и привѣтствія.

— Маманъ! маманъ! Ольга пріѣхала! Maman, да идите же скорѣе! Наконецъ-то! наконецъ ты пріѣхала! И снова поцалуи.

— Ты, все попрежнему, Маша, такая добрая! А я-то какъ торопилась!... Это все папà виноватъ: онъ все не хотѣлъ меня отпускать, говорила Ольга, обнимая свою подругу.

— Вѣдь мы два года не видались, Ольга. Ухъ! сколько времени!...

— Два года, да.... И все почти въ деревнѣ....

— А! провинціалка! Постой же, мы тебя образуемъ.... Мы будемъ всюду ѣздить: въ театръ, въ оперу, на балъ. Маманъ, кажется, завтра даютъ «Гугенотовъ»?

— Да все равно, Маша. Ну, разскажи про себя, что ты дѣлаешь? какъ живешь?...

И началась оживленная бесѣда между подругами. Онѣ были совершенно счастливы. Дружба ихъ тянулась съ давнихъ поръ, съ института. Онѣ спали рядомъ; онѣ приготовляли уроки вмѣстѣ; онѣ вмѣстѣ смѣялись надъ старымъ учителемъ математики, вмѣстѣ *обожали* молодаго учителя словесности, мечтали о лунѣ, о темной ночи, о пѣньи соловья.... Онѣ вмѣстѣ читали исписанную тетрадку, которая была почти у всѣхъ институтокъ и которая переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію. Между прочимъ въ ней было написано: «Уланъ—танцоръ. Кавалергардъ—нѣженъ, свѣтскій. Конногвардеецъ—задумчивъ, но постояненъ. Драгунъ—отвага въ жизни, но вѣтренность. Кирасиръ—скрытность души, любитъ блондинокъ. Студентъ—гордый мечтатель, въ любви опасенъ. Гимназистъ — дамскій угодникъ, любитъ конфеты.» Но всѣхъ опредѣленій не перечтешь; каждый полкъ имѣлъ непремѣнно какое нибудь отличіе. А почему о гимназистѣ сдѣланъ былъ такой презрительный отзывъ, это неизвѣстно....

Подруги проплакали цѣлую ночь наканунѣ разставанія.

Маша оставалась въ Петербургѣ; Ольга уѣхала въ деревню къ отцу и матери. Тогда между ними началась дѣятельная корреспонденція, въ которой Маша описывала театры, вечера, балы, знакомыхъ, и одного молодаго человѣка подъ таинственнымъ названіемъ Л. съ тремя звѣздочками. Каждое письмо оканчивалось поклономъ ея родителямъ и убѣдительною просьбою пріѣхать въ Петербургъ, погостить. Ольга, въ письмахъ своихъ, принимала живое участіе во всѣхъ развлеченіяхъ подруги, просила поклониться господину съ тремя звѣздочками, описывала свою скромную деревенскую жизнь и каждый разъ давала обѣщаніе пріѣхать къ ней, во что бы-то ни стало.

Теперь вы можете представить себѣ, сколько радости было при этомъ свиданіи, сколько воспоминаній, сколько смѣху и поцалуевъ.

Среди этой оживленной бесѣды, вдругъ раздался звонъ колокольчика и вслѣдъ затѣмъ вошелъ намъ знакомый — Берницынъ.

— Здравствуйте, маманъ! сказалъ онъ, цалуя руку матери.— Здравствуй, Маша!

Его представили Ольгѣ. Онъ съ важностію поклонился ей.

— Гдѣ жь ты это все былъ, Jean? спросила мать: — мы ужь два дня тебя не видали.

Берницынъ сказалъ, что все мѣшала служба.... Онъ спросилъ Ольгу, устала ли она съ дороги; потомъ закурилъ папироску, сѣлъ на диванъ и часто смотрѣлъ на часы.

— А знаете, маманъ, я купилъ новаго рысака. Бѣжитъ шибче вѣтра.... Увѣряю васъ. Князь Бѣльскій хотѣлъ отбить, не удалось. Я заплатилъ около тысячи.... И Берницынъ взглянулъ на Ольгу, желая знать, какой эффектъ произведетъ его покупка. Но, къ сожалѣнію, она не обратила на это ни малѣйшаго вниманія; она какъ будто и не слыхала.

Не прошло и получаса, какъ Берницынъ всталъ съ мѣста.

— Куда ты такъ спѣшишь? спросила мать, съ видомъ упрека.

— Мнѣ ужь пора на вечеръ. Завтра вы въ оперѣ? Даютъ «Гугенотовъ».

Онъ простился и вышелъ медленными шагами, переваливаясь съ ноги на ногу.

III.

Считаю нужнымъ познакомить немного читателя со всѣми лицами, которыхъ онъ встрѣтилъ.

Отецъ Берницына былъ человѣкъ богатый. По смерти его, сынъ получилъ въ наслѣдство большое имѣніе, и, вышедши изъ пажескаго корпуса, сдѣлался совершенно независимъ. Мать и сестра его владѣли другимъ имѣніемъ.

Подруга Маши, Ольга Александровна Лидина, окончивъ воспитаніе въ институтѣ, поѣхала въ деревню, гдѣ провела почти два года, потому что они рѣдко ѣздили въ губернскій городъ. У Ольги были крупныя черты лица, большіе синіе глаза, темно-каштановые волосы. Вотъ все, что я скажу о наружности Ольги; но могу васъ увѣрить, читатель, что если бы вы встрѣтили ее, вы бы непремѣнно сказали: «какое симпатичное лицо!» Могу васъ увѣрить еще, что услышавши разъ ея голосъ, вы бы не могли его забыть: голосъ этотъ ласкалъ слухъ, въ немъ было что-то доброе, искреннее.... Есть на свѣтѣ такіе голоса.

Но вернемся къ Берницыну. Онъ занималъ роскошно убранную квартиру, въ бель-этажѣ. Въ первой комнатѣ стоялъ піанино, предназначенный для милыхъ гостей обоего пола, ибо извѣстно было, что самъ Иванъ Александровичъ не занимался музыкальнымъ искусствомъ. Служба мѣшала.... Въ кабинетѣ былъ коверъ, красивая репсовая мебель и письменный столъ, на которомъ хотя и не замѣтно было особой письменности, за то стояло множество хорошенькихъ бездѣлушекъ, для сигаръ, для спичекъ, пеплу, множество разныхъ фигурокъ, и, на всякій случай, кальянъ. Былъ въ кабинетѣ красивый шкапъ съ книгами, въ сафьяныхъ переплетахъ, которыя съ давнихъ поръ покоились сномъ праведныхъ. На стѣнахъ висѣли гравюры, изображающія всѣ прелести прекрасной половины рода человѣческаго. Въ спальнѣ, надъ кроватью, какъ и слѣдуетъ у порядочнаго человѣка, висѣли ружья, кинжалы, пистолеты.

Но виноватъ.... я совсѣмъ позабылъ о главномъ украшеніи квартиры, о хозяинѣ, который, въ стеганномъ, богатомъ халатѣ, ужь нѣсколько времени сидитъ въ большомъ креслѣ, куритъ папиросу и играетъ съ благородною собакою, по имени Нарциссомъ.

Но въ то время, какъ Нарциссъ, по ограниченности своихъ мыслительныхъ способностей, подымалъ лѣвую лапу, вмѣсто правой, какъ приказывалъ ему Берницынъ, человѣкъ доложилъ о приходѣ господина Тернаумова.

Господинъ этотъ оказался тѣмъ злосчастнымъ, котораго Берницынъ приказывалъ вывести вонъ.

— Здравствуйте, Тернаумовъ, что̀ новаго?

— Ничего, Иванъ Александровичъ, дѣла идутъ недурно....

— Что̀, развѣ достали?—Сколько процентовъ?

— Не дорого, всего двадцать.

Берницынъ поморщился.

— Гдѣ жь деньги? спросилъ онъ съ живостью.

Тернаумовъ счелъ три тысячи и вручилъ ихъ Берницыну.

— Плохо, батюшка, плохо! говорилъ онъ, получивъ деньги. —Чортъ ихъ тамъ знаетъ, что они изъ деревни не присылаютъ! И чего смотритъ этотъ олухъ, управляющій! И на долго ли это опять? Изъ этихъ денегъ я долженъ сегодня же отдать половину: нельзя, занялъ при свидѣтеляхъ на срокъ. Все-таки благодарю васъ.... Ну, что дѣлаетъ Люси? Были вы у нея?

— Былъ-то, былъ.... Все сердится. Говоритъ, что князь Бѣльскій предлагаетъ ей пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ.

— Ну, что жь она? Согласилась?

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Она просила шестьсотъ.

— А! это дѣло другое! Надо ѣхать къ ней. Человѣкъ! пусть запрягаютъ Вихря!

— Слушаю-съ.

Берницынъ сталъ одѣваться, а Тернаумовъ потребовалъ воды и краснаго вина. Вода, впрочемъ, спрошена была изъ скромности: онъ къ ней не притронулся. Затѣмъ онъ взялъ со стола нѣсколько сигаръ, папиросъ, и положилъ ихъ въ свой портъ-сигаръ.

— Ну, прощайте! сказалъ Берницынъ, взявши фуражку.

— Я бы хотѣлъ попросить васъ, Иванъ Александровичъ....

— Знаю. Сколько вамъ?

Тернаумовъ замялся.

— Ну, вотъ вамъ пятьдесятъ рублей.

— Благодарю васъ, Иванъ Александровичъ. Я вамъ скоро возвращу....

Но Берницыну не въ первый разъ приходилось слышать это обѣщаніе; онъ хорошо зналъ, какъ Тернаумовъ возвращаетъ.

— Сегодня вечеромъ у Рябинина.... Будете, Иванъ Александровичъ?

— Буду, прощайте.

— Ступай! сказалъ Берницынъ толстому краснощекому кучеру съ огромною черною бородою, садясь въ изящную эгоистку.

— Въ Михайловскую?

— Да.

Эгоистка покатила. Вихрь понесся, дѣйствительно, шибче вѣтра. Ничего бы не было удивительнаго, если бы Берницынъ раздавилъ кого нибудь. Но стоитъ ли объ этомъ думать! Ему доставляло огромное наслажденіе производить эффектъ, привлекать взоры проѣзжающихъ и скромныхъ пѣшеходовъ. Онъ самодовольно наклонялся, то вправо, то влѣво, дѣлая видъ, что серьёзно наблюдаетъ за бѣгомъ лошади. У Англійскаго магазина дрожки остановились. Берницынъ купилъ дорогую брошку и снова покатилъ по торцовой Невскаго. Онъ встрѣтилъ своихъ; съ ними была Ольга. Онъ граціозно раскланялся. «Теперь-то она замѣтитъ», подумалъ онъ. Наконецъ онъ остановился въ Михайловской. Люси приняла его холодно. Она сказала, что никакъ не ожидала, чтобы онъ могъ такъ забыться, что вѣдь онъ знаетъ ее не одинъ и не два дня, а между тѣмъ онъ думаетъ, что она готóва вѣшаться всякому на шею. Но теперь она считаетъ себя свободною, тѣмъ болѣе, что ей дѣлаютъ предложеніе, о которомъ, можетъ быть, онъ слышалъ.... но что она не окончательно рѣшилась, потому что ей отчего-то грустно....

На все это Берницынъ отвѣчалъ, что нечего обижаться пустяками и сталъ прикалывать ей брошку. Люси улыбнулась и.... ссора была забыта.

— Вы думаете, что меня деньги ваши удерживаютъ? говорила лукавая француженка: — вы ошибаетесь! Если бы я смотрѣла на деньги, я бы давно стала принимать князя Бѣльскаго. Да что̀ мнѣ въ деньгахъ? Мнѣ надо только необходимое.... Нѣтъ, *вы* мнѣ нравитесь.... parceque vous êtes si gentil, vraiment!... И она поцаловала его въ лобъ. Люси еще долго увѣряла его въ своихъ неизмѣнныхъ чувствахъ и въ своемъ высокомъ безкорыстіи. Берницынъ наконецъ всталъ.

— Прощай, Люси, говорилъ онъ, цалуя ее.

— Прощай. Смотри же: я буду ждать тебя, Jean. Ты не обманешь?

— Нѣтъ, нѣтъ; я непремѣнно буду. Прощай!

— Прощай! Ахъ, да! я хотѣла тебѣ сказать....

— Что такое?

— Нѣтъ, это бездѣлица.... Видишь, мнѣ надоѣдаютъ съ этимъ счетомъ....

— Сколько? спросилъ серьёзно Берницынъ.

— Пустяки; всего двѣсти рублей.... Я бы не стала тебя безпокоить, если бы они не надоѣдали такъ....

Берницынъ заплатилъ. Они простились. Не прошло и часу, какъ въ квартирѣ Люси раздался звонокъ. Она выбѣжала въ переднюю.

— Ah! Cher prince! Очень рада! Отчего же вы вчера не пришли? И она повела князя Бѣльскаго въ свою гостиную.

А Берницынъ, между тѣмъ, гулялъ по Невскому съ Рябининымъ и другимъ товарищемъ. Всѣ трое шли рядомъ, подъ руку, такъ что идущіе навстрѣчу должны были сворачивать всторону. Всѣ трое громко говорили по-французски. Всѣ трое громко смѣялись; а шпаги ихъ небрежно волочились и стучали по тротуару. И было нѣчто отвратительное въ этой походкѣ доблестныхъ воиновъ.... Рысакъ Берницына красиво выступалъ въ почтительномъ разстояніи. И Берницинъ былъ доволенъ, что выступалъ за нимъ рысакъ.... И товарищи его были довольны, что стучали ихъ шпаги....

Около шести часовъ всѣ они отправились обѣдать въ изящный ресторанъ. Тутъ они разсуждали о возвышенныхъ предметахъ — о лошадяхъ, камеліяхъ, о манежной ѣздѣ, о новомъ портномъ....

— Пора въ оперу, сказалъ наконецъ Рябининъ.

— Рано еще, отвѣчалъ Берницынъ: — я не люблю пріѣзжать къ началу.

И черезъ полчаса онъ взошелъ въ Большой театръ, во время представленія. Сѣвши во второй рядъ креселъ, онъ сталъ тотчасъ лорнировать ложи. Люси сидѣла въ бенуарѣ со своею старою компаньонкою. На ней было голубое шелковое платье съ открытою шеею, браслеты, новая брошка, дорогой вѣеръ.

Во время антракта, нѣсколько лорнетовъ обратились на нее.

— Quelle jolie personne! говорилъ одинъ.

— Vous ne savez pas, qui est cela? говорилъ другой.

— Mais, oui: c'est Lucie.

— Quelle toilette!

Берницынъ слышалъ эти замѣчанія и улыбался; онъ отправился къ ея ложѣ, то есть вызвалъ ее, по обыкновенію, къ двери.

Берницынъ слушалъ разсѣянно «Гугенотовъ». Для него прошли незамѣтными всѣ грандіозные хоры, всѣ страстныя мелодіи геніальнаго композитора.

Наши подруги были также въ театрѣ. «Она недурна», подумалъ Берницынъ, смотря на Ольгу. Она была одѣта просто; на шеѣ кораллы; густые волосы съ боковъ немного приподняты.

— Тамберликъ сегодня не въ голосѣ, сказалъ Берницынъ съ видомъ знатока. Замѣчаніе это онъ слышалъ мимоходомъ въ партерѣ.

— Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ сегодня, Ольга Александровна.

— Да... Кажется, вы очень любите кататься?

Ему стало совѣстно отъ этихъ простыхъ словъ.

— О, нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — я ѣздилъ по дѣлу.... До свиданія, maman.

— Развѣ ты не пріѣдешь къ намъ чай пить?

— Нѣтъ, сегодня никакъ нельзя.

И онъ поѣхалъ къ Рябинину. Тутъ были всѣ его товарищи. Они сидѣли за карточнымъ столомъ. Безпрестанно слышались восклицанія: «уголъ! на-пе! на-перепè!» и т. д. Тернаумовъ тоже игралъ. Онъ дѣлалъ жалкую, чуть не плачущую, фигуру, когда проигрывалъ; онъ не могъ скрывать своей радости, когда выигрывалъ. Берницыну сначала повезло; потомъ счастье перемѣнилось. Желая непремѣнно отыграться, онъ проигралъ въ этотъ вечеръ четыреста рублей. Потомъ, замѣтно повеселѣвъ отъ вина, онъ поѣхалъ къ своей неизмѣнной Люси.

IV.

Мы войдемъ теперь въ изящный дамскій будуаръ, съ красивыми, дорогими обоями, съ мебелью розоваго дерева, обитою мокетомъ, съ большими зеркалами, съ роскошными кенсеками, со множествомъ дорогихъ бездѣлушекъ и наконецъ.... съ хорошенькою женщиною, которая полулежала въ креслѣ, держа въ рукахъ.... не французскій романъ, какъ вы предполагаете, чи-

татель, а нѣсколько бумажекъ, которыя называются счетами. Это самое обстоятельство, повидимому, придавало серьёзное выраженіе ея хорошенькому личику; даже брови ея по временамъ морщились.

Наталья Константиновна Гроздева была вдова. Если угодно, ее можно назвать вдовушкою, хорошенькою вдовушкою. Мы съ вами понимаемъ, читатель, что̀ значутъ эти два слова: сколько въ нихъ значенья, сколько надеждъ, сколько таинственности!... Я говорю: мы понимаемъ съ вами, что̀ значитъ хорошенькая вдовушка, и потому мы улыбаемся....

Натальѣ Константиновнѣ было лѣтъ двадцать восемь. Она не то, чтобы была красавица, — нѣтъ, этого нельзя сказать; но она была больше, чѣмъ красавица.... Представьте себѣ матовую бѣлизну лица, живые, будто влажные, глазки, немного вздернутый носикъ, свѣтлые, очаровательнаго цвѣта, волосы, бѣлѣйшіе зубы, пухленькую шейку, граціозный бюстъ; потомъ присоедините къ этимъ физическимъ качествамъ живой умъ, любезность, свѣтскость, — и вы согласитесь со мною, что она была больше, чѣмъ красавица, что она была то, что называется *пикантная* женщина. Какъ бы это объяснить? Напримѣръ, если вы пристально смотрите на нее, если вы видите, какъ она улыбается, какъ живо говоритъ (это вы уже слышите), какъ мило повертывается, какъ на личикѣ ея выражается лукавство, потаенная мысль, — если вы будете пристально смотрѣть на все это, то вамъ придетъ вдругъ сильное желаніе поцаловать ее. Вы, положимъ, и не поцалуете ее, но будете все-таки смотрѣть на нее. Вы почувствуете нѣкоторое раздраженіе и наконецъ досаду, такъ что, когда вы останетесь наединѣ, вы скажете про себя: «чортъ возьми, какая женщина!» А вспомнивъ опять ея улыбку и роскошный станъ, вы крѣпко укусите себѣ нижнюю губу. Вотъ что значитъ пикантная женщина! О, повѣрьте мнѣ, пикантныя женщины очень опасны, особенно для людей слабыхъ,—напримѣръ, для насъ съ вами....

Наталья Константиновна овдовѣла года два тому назадъ. Средствъ ея было достаточно, чтобы жить скромно и прилично. Но этихъ средствъ никакъ недоставало на изящный будуаръ, на зеркала, на фаэтонъ, въ которомъ она каталась, на богатый турецкій пеньюаръ, въ которомъ она теперь сидѣла, на богатые туалеты и на многое другое.

Вотъ почему хорошенькая вдовушка проживала больше, чѣмъ

получала, вотъ почему личико ея сдѣлалось серьезнымъ при чтеніи счетовъ, и вотъ почему, наконецъ, поспѣшно спрятавъ счеты, она обратилась съ очаровательною улыбкою къ вошедшему:

— Vous voilà enfin, m-r Берницынъ! Наконецъ-то!

И она протянула ему свою маленькую ручку, которую тотъ поцаловалъ.

И потомъ между ними начался разговоръ, — не на грубомъ русскомъ языкѣ, которымъ, какъ было уже замѣчено, не говорятъ порядочные люди, — а на благородномъ французскомъ нарѣчіи. Мы не будемъ приводить этого разговора; онъ не имѣетъ для насъ особеннаго интереса. Скажемъ только, во-первыхъ, что Берницынъ, понявъ тонкій намекъ хорошенькой Натальи Константиновны, предложилъ сопровождать ее во французскій театръ; а во-вторыхъ, что они долго говорили о балѣ, который на дняхъ давался у ихъ общихъ знакомыхъ.

— А ваши будутъ? спросила она.

— Будутъ. Вы увидите новую дѣвицу.

— Кто жь это?

— Подруга моей сестры, m-lle Лидина.

— А-а!... вѣрно, красавица. Ну, признайтесь, m-r Берницынъ, вы влюблены?

— Я въ дѣвочекъ не влюбляюсь, отвѣчалъ онъ съ презрительною улыбкою, и посмотрѣлъ на маленькую ножку, которая высунулась изъ-подъ вышитой юбки. Ножка, какъ будто имѣла глаза, тотчасъ спряталась.

Здѣсь надо сказать, что m-me Гроздева, хотя встрѣчалась довольно часто съ семействомъ Берницына, но къ нимъ не ѣздила. Мать Берницына не чувствовала особой симпатіи къ хорошенькой вдовушкѣ; отношенія между ними довольно холодныя. Причина этихъ отношеній уяснится изъ дальнѣйшаго разсказа.

Нужнымъ считаю сказать еще, что когда Берницынъ всталъ, то Наталья Константиновна спросила его, куда онъ такъ торопится. На это онъ отвѣчалъ, что онъ очень радъ, если не безпокоитъ своимъ присутствіемъ, и глаза его засвѣтились и выразительно посмотрѣли на вдовушку. Когда же наконецъ пришла пора проститься и когда очарованный Берницынъ протянулъ ей руку, то Наталья Константиновна сказала, что она не дастъ ему руки, потому что онъ не стоитъ; а вмѣстѣ съ этимъ, протянувъ ему свои два пальчика, она такъ восхитительно-плутовски улыб-

нулась, что Берницынъ, вышедши на улицу, все еще мечталъ о прелестной вдовушкѣ и о ея улыбкѣ.

А она тоже мечтала.... Задумчивая, на бокъ склоненная головка ея была чѣмъ-то сильно занята.... А потомъ она снова достала счеты и начала писать какія-то цифры. Послѣ написала три слова карандашемъ и мило улыбнулась. Слова эти были написаны нарочно самымъ неразборчивымъ почеркомъ. Я, однако, разобралъ ихъ и понялъ, отчего появилась улыбка. Она написала: «Наталья Константиновна Берницына».

V.

— Нѣтъ, какъ хочешь, Ольга, ты должна надѣть розовое платье, говорила Маша, которая была сильно озабочена приготовленіемъ къ балу.

— Ты думаешь? спросила Ольга, совсѣмъ спокойно. — Пожалуй, я надѣну розовое.

Тогда Маша начала доказывать все превосходство розоваго цвѣта. Ольга слушала равнодушно, какъ будто думала о чемъ-то другомъ. Рѣшено было, что она поѣдетъ въ розовомъ. Маша такъ сильно хлопотала объ этомъ платьѣ, что можно было подумать, что дѣло касается чего нибудь очень важнаго... хоть раздѣленія Турецкой имперіи, напримѣръ.

Мы на балѣ. Ярко освѣщенныя комнаты, богатые дамскіе туалеты, полныя ожиданія лица молоденькихъ дѣвицъ, кавалеры въ бѣлыхъ галстукахъ, сановники въ парикахъ и звѣздахъ, громъ оркестра, говоръ, толкотня, искуственныя улыбки, открытыя плечи, порхающія ножки, соблазнительно показывающія часть чулковъ, лакеи въ бѣлыхъ жилетахъ и многое другое...

Такая толкотня, что мы съ вами, читатель, насилу находимъ себѣ мѣсто. Пойдемте жь искать знакомыхъ. А-а! Весьма пріятно встрѣтиться! Вотъ онъ, милый господинъ Тернаумовъ! Какъ онъ попалъ сюда, неизвѣстно. Извѣстно только, что у него было необыкновенное умѣнье втираться всюду. Онъ помѣстился у карточнаго стола и внимательно слѣдитъ за ералашемъ; затѣмъ, онъ отправляется въ бильярдную. Тернаумовъ не пропускаетъ ни одного подноса, онъ ужь успѣлъ выпить двѣ огромныхъ чашки чаю, онъ успѣлъ ужь подойти два раза къ буфету. По всей вѣроятности, онъ ухитрится два раза поужинать.

Вотъ и Берницынъ. Надо отдать ему справедливость; смотрите, какъ онъ ловко и непринужденно танцуетъ!

А вотъ и наши знакомыя подруги. Но что жь это значитъ? Не можетъ быть! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Ольга не въ розовомъ, а въ бѣломъ платьѣ! Обстоятельство это сильно меня интересуетъ. Я подхожу къ ней и спрашиваю. Вотъ, что я узнаю отъ нея: когда уже рѣшено было, что она поѣдетъ въ розовомъ, когда уже всѣ сомнѣнія исчезли, вдругъ Маша объявляетъ, что она *долго* и *серьезно* думала, и наконецъ убѣдилась, что бѣлый цвѣтъ лучше. Когда же Ольга начала смѣяться, то Маша начала приводить такіе убѣдительные доводы, что Ольга, для которой цвѣтъ платья не составлялъ жизненнаго вопроса, согласилась. Надо отдать справедливость вкусу Маши: Ольгѣ, въ самомъ дѣлѣ, очень идетъ и бѣлое платье и вѣнокъ на головѣ. Ее занимаетъ этотъ шумъ и веселье, но она смотритъ спокойно; въ большихъ глазахъ ея выражается честность и доброта. Маша одѣта въ голубомъ. Глаза ея живо перебѣгаютъ; на лицѣ удовольствіе, нетерпѣніе; наконецъ къ ней подходитъ давно жданный Л. съ тремя звѣздочками и они мчатся въ «вихрѣ вальса».

А вотъ и пикантная вдовушка. Какъ хорошо это лиловое платье, обшитое чернымъ кружевомъ! И какъ хорошо это личико, какъ свѣтятся эти глазки, и какъ бѣлы эти плечи, открытыя спереди до того прелестнаго углубленія, которое вы не разъ замѣчали, читатель, и за которымъ начинается обѣтованная земля... На нее обращено множество взоровъ; она совершенно въ своей сферѣ.

Заиграли ритурнель къ третьей кадрили. Пары становятся на мѣста. Ольга ждетъ своего кавалера: она аганжирована съ начала вечера Берницынымъ. Но онъ нейдетъ; она замѣчаетъ его на другомъ концѣ залы. Онъ что-то объясняетъ m-me Гроздевой.

— Понимаете, m-r Берницинъ, говорила Наталья Константиновна: — я разсчитывала танцовать *именно* съ вами эту кадриль...

— Но что же мнѣ дѣлать, Наталья Константиновна? Я аганжировалъ m-lle Лидину...

Начинается первая фигура, но къ удивленію Ольги, Берницынъ не подходитъ къ ней.

Вотъ онъ нерѣшительно подаетъ руку Натальѣ Константиновнѣ, и они начинаютъ танцовать.

Ольга видитъ это; щоки ея покрываются румянцемъ...

VI.

Берницынъ спитъ, но предъ нимъ носится образъ очаровательной вдовушки. Предъ нимъ носятся эти огненные глазки, этотъ гибкій станъ, эта милая улыбка, отъ которой ему какъ-то неловко. Онъ все еще видитъ, какъ онъ несется съ нею въ мазуркѣ, какъ, обхвативъ ея талію, онъ кружится съ нею на одномъ мѣстѣ.

Сердце его бьется отъ восторга, онъ не помнитъ себя, онъ схватываетъ ея руку и жадно цалуетъ ее... Тутъ онъ проснулся и сдѣлалъ гримасу. Она исчезла... Онъ наскоро одѣлся и принялся пить чай. Но мысли его все-таки заняты вдовушкою. Онъ вспоминаетъ вчерашній балъ; онъ вспоминаетъ ея слова. Она говорила что-то загадочно, что она заставляетъ себя веселиться противъ воли, что ее вовсе не занимаетъ этотъ балъ, что она скучаетъ. А когда онъ спросилъ «отчего?»—она такъ пристально посмотрѣла на него и улыбнулась. И въ ея взглядѣ было что-то странное... Берницынъ задумался...

— Письмо, Иванъ Александровичъ, сказалъ вошедшій въ это время слуга.

Берницынъ распечаталъ, и брови его нахмурились.

Письмо было отъ Люси. Она напоминала ему объ обѣщанныхъ пятистахъ рубляхъ. Она не стала бы его безпокоить, если бы ей не была необходимость. Она надѣется, что онъ поспѣшитъ прислать ей деньги. Въ концѣ было прибавлено, что князь Бѣльскій опять предлагаетъ ей деньги, но что она, разумѣется, отказалась.

Кто-то позвонилъ. Берницынъ обрадовался. Вошелъ Тернаумовъ.

— Ну, ну, живо спросилъ Берницынъ: — достали?

— Не даетъ, мрачно проговорилъ Тернаумовъ.

— Какъ не даетъ? Да вы сказали ему, что я даю двадцать, тридцать, если хочетъ....

— Сказалъ.

— Что жь онъ?

— Не даетъ.

— Да отчего?

— Нѣтъ, говоритъ, у самого теперь: послѣ будутъ.

— Да нельзя мнѣ *послѣ*! Понимаете? говорилъ горячо Берницынъ. Мнѣ *теперь* надо, читайте.

И швырнувъ ему записку Люси, онъ безпокойно сталъ ходить по комнатѣ.

Тернаумовъ прочиталъ, не сказалъ ни слова, налилъ себѣ стаканъ чаю и закурилъ сигару. Берницынъ вдругъ пересталъ ходить, остановился противъ Тернаумова, и посмотрѣлъ на него съ видомъ глубочайшаго презрѣнія.... Тотъ не смутился и сталъ рѣзать хлѣбъ. Берницынъ опять заходилъ по комнатѣ, но что-то его занимало. Онъ какъ будто успокоился. Онъ сѣлъ противъ Тернаумова; молчаніе продолжалось; Тернаумову дѣлалось неловко.

— Я, пожалуй, опять схожу къ нему, сказалъ онъ наконецъ.

— Да, сходите.... разсѣянно отвѣчалъ Берницынъ.

— Только не дастъ теперь, навѣрно не дастъ.

— Гм!... гм!... Человѣкъ! Дрожки! крикнулъ вдругъ Берницынъ.

Тернаумовъ посмотрѣлъ на него вопросительно; Берницынъ не обратилъ на это вниманія.

«Непріятное объясненіе», подумалъ Берницынъ, входя въ переднюю и вспоминая вчерашнюю кадриль; онъ чувствовалъ, что ему больше всего достанется отъ Маши, а тутъ, какъ нарочно, все дѣло зависитъ отъ Маши....

— Здравствуйте, маманъ! Маша, здравствуй!

Ольги въ эту минуту не было: онъ обрадовался. Берницынъ отвѣчаетъ разсѣянно; онъ ждетъ объясненія. Но Авдотья Николаевна (мать Берницына) не говоритъ ни слова; Маша тоже. «Да они и не знаютъ ничего», подумалъ онъ. Но въ это время вошла Ольга. «Начинается», подумалъ онъ, и лицо его приняло строгое выраженіе, какъ это дѣлается, когда мы чувствуемъ, что неправы. Но къ большому его удивленію, Ольга поклонилась ему ласково, и какъ будто ничего не было, вмѣшалась въ общій разговоръ. Берницынъ посмотрѣлъ на Ольгу; глаза ихъ встрѣтились; ему стало неловко....

Но скажите, пожалуйста, отчего Берницынъ такъ любезенъ съ сестрою? Обыкновенно, любезность его ограничивалась нѣсколькими незначущими фразами, — и только. Но въ этотъ день

съ нимъ сдѣлалось что-то необыкновенное: онъ шутилъ съ нею, распрашивалъ о балѣ, о туалетахъ, разсказывалъ про своихъ знакомыхъ, словомъ сдѣлался самымъ нѣжнымъ братомъ. Маша только удивлялась, смотря на него. Загадка скоро разъяснилась. Когда Авдотья Николаевна вышла, Берницынъ отвелъ сестру въ сторону и шопотомъ началъ ей что-то говорить. Но съ первыхъ же словъ, Маша закачала отрицательно головою.

— Помилуй, Jean, какъ это можно? А если маманъ узнаетъ?...

— Ты только сама ей не говори, отвѣчалъ Берницынъ:—она не узнаетъ. Я возвращу тебѣ непремѣнно черезъ два дня.

— Да нельзя этого сдѣлать, Jean. А если онъ пропадетъ какъ-нибудь?...

— Послушай, Маша, даю тебѣ мое честное слово, что я возвращу тебѣ черезъ два дня. Неужели ты не хочешь помочь мнѣ? Я говорю тебѣ, что мнѣ необходимо, что дѣло касается моей чести.... Но, я прошу тебя, Маша,—ну, пожалуйста!.. И Берницынъ сталъ упрашивать ее съ такимъ умоляющимъ видомъ, что Маша не въ состояніи была ему отказать.

Она пошла въ свою комнату, осторожно вынула свой лучшій браслетъ съ брильянтами и потихоньку отдала его брату. Онъ поспѣшилъ уѣхать.

Маша сообщила это Ольгѣ: она раскаявалась, она боялась, что узнаетъ мать, что браслетъ можетъ пропасть и спрашивала, что ей дѣлать? Ольга была очень удивлена этимъ извѣстіемъ; она довольно знала Ивана Александровича, но не предполагала, чтобы онъ рѣшился на подобное дѣло.

— Теперь ужь дѣлать нечего, Маша, сказала она.

— Но послушай, Ольга, если бы ты была на моемъ мѣстѣ, ты бы дала?

— Не знаю....

— Да вѣдь онъ очень просилъ; онъ говорилъ, что это дѣло чести, что если я не дамъ ему, то онъ осрамится передъ знакомыми.... Еслибы ты видѣла, какъ онъ просилъ!

— Ну такъ я бы дала, сказала рѣшительно Ольга.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что дорогой браслетъ былъ заложенъ, и часть денегъ пошла въ руки жадной камеліи.

Между тѣмъ два дня прошли. Берницынъ не возвращалъ браслета. Маша тревожилась; Берницынъ божился, что возвратитъ

непремѣнно. Дѣло было тѣмъ и кончилось, если бы Машѣ не надо было ѣхать и если бы вообще маменьки не любили такъ наряжать своихъ дочекъ.... А это именно случилось въ то время, когда Берницынъ былъ у матери. Ольга и Маша вышли совсѣмъ одѣтыя. Мать начала осматривать туалетъ Маши.

— Да зачѣмъ ты одѣла этотъ браслетъ? Сегодня большой вечеръ. Одѣнь лучше тотъ съ брильянтами.

Берницынъ сталъ кусать губу. Маша сконфузилась.

— Нѣтъ, маманъ, отвѣчала она: — я этотъ одѣну сегодня... Право, этотъ лучше....

— Ну, хорошо, принеси тотъ: мы посмотримъ, продолжала Авдотья Николаевна.

Берницынъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ.

— Да я, право, не знаю.... Тотъ лучше, маманъ....

Авдотья Николаевна замѣтила ея смущеніе.

— Да гдѣ жь тотъ браслетъ, Маша? спросила она съ безпокойствомъ.

— Да этотъ лучше, маманъ....

— Да гдѣ жь *тотъ* браслетъ? повторила мать.

— Я не знаю....

— Какъ не знаешь?

— Право, я не знаю.... Я.... потеряла....

— Потеряла? Когда?

— Вотъ видите, маманъ,—и взглянувъ на брата, Маша готова была сказать правду.

Берницынъ, весь красный, тревожно смотрѣлъ на сестру.

— Да вы не безпокойтесь, Авдотья Николавна, сказала спокойно Ольга: — она вчера перебирала золотыя вещи и, вѣрно, положила куда нибудь, а теперь сама не помнитъ.

— Да, маманъ, сказала не твердо Маша: — я куда-то его положила.... Только я не могу вспомнить....

— Браслетъ не можетъ пропасть, продолжала Ольга: — я отвѣчаю вамъ, что онъ найдется завтра.

— Карета подана, сказалъ лакей, одѣтый въ ливрею.

Но Авдотья Николаевна все продолжала распрашивать, куда дѣвался браслетъ; только спокойствіе и твердый тонъ Ольги убѣдили ее, что браслетъ найдется. Онѣ, наконецъ, поѣхали на вечеръ. Сходя съ лѣстницы, Ольга вопросительно взглянула на Берницына; онъ кивнулъ ей головою.

На другой день, въ восемь часовъ утра, Берницынъ поѣхалъ

къ Тернаумову, стащилъ его съ постели, и оба они поѣхали къ какому-то господину; тутъ былъ долгій и горячій разговоръ. Но въ тотъ же день браслетъ былъ возвращенъ.

VII.

Прошелъ мѣсяцъ съ пріѣзда Ольги. Она пользовалась любовью и уваженіемъ Авдотьи Николаевны, которая любила ее за разсудительность, за спокойствіе. Ольга пользовалась ея полною довѣренностію; Авдотья Николаевна говорила съ нею часто о дочери, о сынѣ, о своихъ дѣлахъ, и съ большимъ вниманіемъ выслушивала ея замѣчанія.

Маша любила ее искренно. Несмотря на одинаковый восьмнадцатилѣтній возрастъ, Ольга имѣла видъ старшей сестры. Ольга пріѣхала къ своей подругѣ на два мѣсяца. Но Маша и слышать этого не хотѣла; она требовала, чтобы Ольга оставалась цѣлую зиму. Ольга увѣряла, что это невозможно. Начались просьбы, увѣщанія. Авдотья Николаевна обратилась съ письменною просьбою къ родителямъ Ольги. Получивъ это письмо, они долго между собою совѣтовались. Старикъ Лидинъ крѣпко задумался.... Ему тяжело было жить безъ Ольги; онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ ея возвращенія, а тутъ вдругъ не видать ее цѣлую зиму. «Но, думалъ онъ, она молода; ей надо же веселиться; ее тамъ такъ любятъ...» и, скрѣпя сердце, онъ отправилъ свое согласіе и просилъ дочь не безпокоиться, только какъ можно чаще писать ему. Рѣшено было, что Ольга останется до мая мѣсяца; тогда за нею пріѣдетъ отецъ. Но если у читателя хватитъ терпѣнія дочитать эти страницы, онъ увидитъ, что этого вовсе не случилось....

Я сказалъ, что Ольга пользовалась полною довѣренностію въ семействѣ Берницыныхъ. Она не разъ выслушивала жалобы матери и сестры на Берницына. Она теперь хорошо знала, что за человѣкъ Иванъ Александровичъ, и, разумѣется, не могла ему сочувствовать. Ее прежде всего обижало то, что онъ не цѣнитъ ни матери, ни сестры. Потомъ ея свѣтлой натурѣ не понятны были ни эта ложь, ни хвастовство, ни эта пустота. Ей непонятно было, какъ человѣкъ можетъ жить исключительно катаньемъ по Невскому, да кутежемъ. Она не могла не замѣ-

тить, что, какъ только разговоръ принималъ серьёзное направленіе, Берницынъ или некстати улыбался, или молчалъ....

Несмотря на все это, Ольга не слишкомъ строго осуждала его. Она понимала, какое неотразимое вліяніе имѣли на него товарищи. Кромѣ того, ей казалось, что въ немъ есть хорошія качества, но они погружены въ какое – то оцѣпененіе. Доброе сердце ея жалѣло его: она замѣчала, какъ ему часто тяжело бываетъ покрывать свои чрезмѣрные, не по состоянію, расходы. Она не разъ замѣчала на лицѣ его выраженіе какой-то усталости и праздной скуки....

Со времени исторіи съ браслетомъ, Берницынъ сдѣлался откровеннѣе и разговорчивѣе съ Ольгою. Онъ хорошо чувствовалъ, что она не одобряетъ его жизни. Она и не скрывала этого. Но осужденіе ея было такъ мягко и снисходительно, что вмѣсто того, чтобы сердиться, онъ почувствовалъ къ ней невольное уваженіе. Онъ вспомнилъ, между прочимъ, какъ онъ обидѣлъ ее на балѣ; и онъ подумалъ, что другая, на ея мѣстѣ, поступила бы иначе....

Берницынъ изрѣдка оставался по вечерамъ у матери. Ольга и Маша иногда играли въ четыре руки. Берницынъ внимательно слушалъ ихъ игру, находилъ, что этотъ пассажъ онѣ играютъ слишкомъ скоро.... Тогда подруги подсмѣивались надъ его музыкальными способностями; но онъ, видно, въ самомъ дѣлѣ внимательно слушалъ, потому что онъ доказывалъ имъ убѣдительно и просилъ ихъ сыграть еще разъ. Тогда случалось, что Маша продолжала надъ нимъ трунить, а Ольга съ нѣкоторымъ любопытствомъ смотрѣла на Берницына и соглашалась, что, дѣйствительно, такой-то пассажъ выходитъ лучше, если его играть тише.—Авдотья Николаевна сидѣла въ отдаленіи за книгою или за работою. — Когда Ольга и Маша вышивали вмѣстѣ подушку къ именинамъ матери, Берницынъ иногда присоединялся къ нимъ, болталъ и смѣялся. Когда надо было разматывать гарусъ, Берницынъ тотчасъ предлагалъ свои услуги. Но я не знаю, отчего именно случалось, что въ это время гарусъ разматывала не Маша, а Ольга. Любезность Берницына доходила иногда до того, что онъ предлагалъ имъ читать новые журналы. По временамъ и чтецъ и слушательницы дѣлали замѣчанія.

— Что это вы за книгу читаете, Ольга Александровна? спросилъ разъ Берницынъ.

Она показала ему заглавіе.

— Это интересно? спросилъ онъ.

— Для меня интересно....

— А для меня?

— А для васъ, можетъ быть, и скучно.

— Отчего вы такъ думаете?

— Вкусы разные....

— Вы мнѣ дайте, пожалуйста, эту книгу, когда вы прочитаете.

— Непремѣнно.

— Я какъ-то мало читаю. Все некогда.... сказалъ онъ совершенно серьёзно.

— А-а?... И она посмотрѣла на него такъ же серьёзно; но чуть-чуть замѣтная улыбка измѣнила ей.

— Вамъ смѣшно это?

— О нѣтъ, нѣтъ!... И опять улыбка.

— Отчего же вы смѣетесь?

— Да какъ же вы говорите, что вамъ некогда? Надо бы другой предлогъ....

— Ну вотъ, вы не вѣрите. Какъ хотите....

Берницыну случалось по вечерамъ говорить съ матерью о своихъ дѣлахъ. Онъ жаловался на свое имѣнье, на управляющаго, говорилъ, что ему не высылаютъ денегъ, что онъ стѣсненъ, потому что нельзя же служить кое-какъ, что наконецъ и положеніе его требуетъ извѣстной обстановки... Мать горячо любила сына; она доказывала ему, что онъ получаетъ слишкомъ довольно, совѣтовала, для его же пользы, умѣрить свои расходы и прекратить долги, о которыхъ до нея доходили слухи. На это Берницынъ вновь возражалъ, что нельзя же ему, что его положеніе....

Разъ Берницынъ сбирался ѣхать на какой-то холостой вечеръ, съ дамами и шампанскимъ. Передъ этимъ онъ заѣхалъ на Литейную. Посидѣвъ полчаса, онъ объявилъ, что сбирается на вечеръ. Въ это время Ольга попросила его подержать гарусъ; онъ согласился. Она стала расспрашивать его, какой это вечеръ, кто тамъ будетъ? Онъ отвѣчалъ на все это, что тамъ будетъ весело.

— Вы опять будете пить тамъ? спросила вдругъ Маша.

— Съ чего ты взяла это?

— Знаешь, Ольга? они всегда напиваются тамъ пьяные.

Онъ засмѣялся.

— Не понимаю этого удовольствія, сказала Ольга. — Да вы совсѣмъ криво держите! Вотъ такъ! Теперь хорошо.

Между тѣмъ подали чай. Потомъ подруги стали играть вмѣстѣ на фортепьяно. Берницынъ слушалъ. Когда онѣ кончили, Маша вдругъ заиграла одинъ изъ прелестныхъ вальсовъ Штрауса. Берницынъ пригласилъ Ольгу провальсировать. Онъ сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, четыре тура.

— Довольно, довольно! говорила она. Но Берницынъ продолжалъ вальсировать съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ. Когда они кончили, оба раскраснѣлись. Ольга отмахивалась платкомъ. Онъ отошелъ всторону и смотрѣлъ на Ольгу; румянецъ придавалъ ея благородному лицу жизнь и красоту.... Взглядъ Берницына въ первый разъ выразилъ больше, чѣмъ онъ хотѣлъ.... Онъ посмотрѣлъ на часы: двѣнадцать! Уже? Какъ скоро сегодня прошло время! Какъ это онъ позабылъ холостой вечеръ?

Но такіе вечера Берницынъ проводилъ рѣдко. У него была другая жизнь, другая сфера, которая тянула его всѣми силами. Онъ исчезалъ на три, четыре дня; или забѣжитъ на минуточку, торопится, говоритъ, что служба, дѣла... и убѣгаетъ. И пойдутъ продажныя женщины да пьянство, катанье да карты, шикъ и пустота.... И вся жизнь поглощена.... И нѣтъ другаго интереса....

VIII.

Не трудно угадать, что, чѣмъ чаще ѣздилъ Берницынъ къ мадамъ Гроздевой, тѣмъ больше влюблялся онъ въ пикантное личико милой вдовушки. Была еще причина, по которой ему нравилось бывать у ней: здѣсь онъ, не стѣсняясь, могъ разсказывать о всѣхъ приключеніяхъ своей холостой жизни. Вдовушка хохотала и, шутя, грозила ему пальцемъ. Но пикантная Наталья Константиновна была себѣ на умѣ: она сдѣлала планъ генеральнаго сраженія, которое должно было окончиться пораженіемъ и плѣномъ непріятеля. А за этимъ, непріятелю не оставалось, по ея разсчету, ничего другаго дѣлать, какъ предложить ей свое сердце и капиталъ, то есть капиталъ сперва, а потомъ, пожалуй, и сердце.

Непріятель не подозрѣвалъ сѣтей, ему разставленныхъ. Она

хороша, мила, она съ нимъ особенно любезна: чего жь больше? Онъ разсчитывалъ на ея молодость, на ея живой характеръ и на свою наружность. Больше никакихъ мыслей у него не было: онъ волочился за нею и только. Да и какъ не волочиться, когда она такъ обворожительно хороша, когда у ней на губѣ родимое пятнышко, когда ея бѣлыя, маленькія ручки, такъ и тянутъ къ поцалуямъ?...

Если бы намъ позволено было взойдти въ квартиру Натальи Константиновны, мы бы увидѣли, какъ она мило склонила головку свою на правую руку, при чемъ, благодаря ея широкимъ рукавамъ, мы бы увидѣли заманчивое пространство отъ кисти и почти до локтя. Лицо ея задумчиво. Противъ нея сидитъ Берницынъ. Онъ спрашиваетъ, отчего она такъ грустна? Она смотритъ на него и съ грустною улыбкою говоритъ:

— Вы не знаете, отчего?..

И мало по малу зашелъ разговоръ о любви.... Наталья Константиновна задумчивымъ голосомъ говорила, что нынѣшніе молодые люди не понимаютъ этого святаго чувства, что любовь не шутка, не минутное удовольствіе, что это дѣло серьёзное, дѣло всей жизни. Иначе она любви не понимаетъ....

— Такъ какъ же вы думаете, monsieur Берницынъ?

— Разумѣется, я съ вами вполнѣ согласенъ, Наталья Константиновна. Это дѣло всей жизни....

«Къ чему это она про любовь вдругъ заговорила?» подумалъ Берницынъ.

— Ну, что дѣлаютъ ваши? спросила она.

— Благодарю, все по старому.

— А подруга? Какъ ее?...

— M-lle Лидина?

— Да.

— Ничего.... Попрежнему....

— Знаете, она очень похожа на деревенскую барышню. Неправда ли?

— Можетъ быть. Она добрая дѣвушка.

— Вы защищаете ее?

— Нисколько.

Неизвѣстно отчего, но вдовушка, съ кѣмъ бы ни говорила, не пропускала случая, чтобы не сдѣлать какого нибудь колкаго замѣчанія насчетъ Ольги.

Между тѣмъ визиты Берницына къ Натальѣ Константиновнѣ

становились чаще и чаще. Случалось, что они проводили цѣлые вечера вдвоемъ. Они играли въ пикетъ, болтали, смѣялись; она гадала на картахъ; вечеръ проходилъ незамѣтно. Берницынъ, разумѣется, не пропускалъ случая, чтобы поцаловать ручку ея. Случаи эти представлялись довольно часто. Во-первыхъ, когда онъ приходилъ; во-вторыхъ, когда онъ уходилъ; въ-третьихъ, когда онъ благодарилъ ее за то, что она гадала ему; въ-четвертыхъ, когда она подавала ему пепельницу; въ-пятыхъ.... Но всѣхъ случаевъ не перечтешь. Наталья Константиновна улыбалась, а иногда замѣчала ему, что онъ ужь слишкомъ любезенъ... Тѣмъ не менѣе благодарности Берницына на слѣдующій разъ возобновлялись.

Въ одинъ изъ такихъ визитовъ, Берницынъ засталъ Наталью Константиновну въ будуарѣ. На ней почему-то была роскошная блуза, которая удивительно какъ шла къ ея прекрасно сложенному стану. Были сумерки.... На колѣняхъ ея лежала книга. Берницынъ сѣлъ подлѣ нея на диванѣ. Но онъ сидѣлъ что-то безпокойно и вяло поддерживалъ разговоръ. Давно ужь извѣстно, что сумерки и блуза — опасная вещь.... А тутъ, какъ нарочно, онъ видѣлъ ея восхитительную улыбку и это пятнышко, и маленькую ножку, и туфлю, и часть шелковаго чулка.... Все это его дразнило; глаза горѣли, на лицѣ румянецъ.... Онъ молчалъ.

— Ну, что вы задумались? Ну, скажите мнѣ!

И она вдругъ встала прямо передъ нимъ и улыбнулась. Но *какъ* улыбнулась!...

— Вы не отвѣчаете, m-r Берницынъ?

— Нѣтъ, ничего... говорилъ онъ, и въ эту минуту нога его столкнулась съ ножкою его собесѣдницы.

— Какія, вы добрыя, право, Наталья Константиновна!... И между тѣмъ онъ цаловалъ ея руку.

— Mais, qu'avez vous donc aujourd'hui? спросила она.

— Ничего, ничего, Наталья Константиновна... И, взявъ ее за обѣ руки, онъ жадно цаловалъ ихъ.

— Ну, перестаньте, довольно... говорила она; но рукъ своихъ не отнимала.

— Вы такъ хороши, Наталья Константиновна, вы такой ангелъ...

И рука его коснулась ея тальи. Она чуть-чуть сопротивлялась.

— Natalie!... вы такъ прекрасны!... шепталъ онъ, и обнявши ее, онъ поцаловалъ ее въ щеку.

— Перестаньте!... Что вы дѣлаете?... тихо говорила она.

— Natalie! Я люблю тебя... я люблю тебя...

И онъ страстно прильнулъ къ ея горячимъ губамъ, и сжималъ ее крѣпко въ своихъ объятіяхъ.

— Natalie! Ты ангелъ!... шепталъ онъ ей.

Но тутъ-то и началась заранѣе обдуманная засада. Она вдругъ сдѣлала усиліе и вырвалась изъ его объятій.

— Вы забываетесь, m-r Берницынъ! строго сказала она.

Онъ молчалъ и смотрѣлъ, какъ безумный. Онъ не понималъ ее...

Она поправляла свою растрепанную прическу и блузу. Минутное молчаніе...

— Я вамъ прощаю... сказала наконецъ она:—потому что вы молоды. Но прошу васъ помнить, что съ порядочной женщиной такъ не поступаютъ!...

Онъ молчалъ. Въ эту минуту онъ почувствовалъ къ ней отвращеніе.

Она зажгла свѣчи и позвонила. Принесли чай. Она пригласила Берницына сѣсть. Онъ машинально повиновался.

— Вотъ видите, m-r Берницынъ, заговорила она мягкимъ голосомъ: — никогда не надо слишкомъ увлекаться...

Онъ только посмотрѣлъ на нее.

— Но дѣлать нечего... Надо забыть это... Не правда ли?

Берницынъ натянуто улыбнулся.

— Ну, помиримтесь!...

Она протянула ему руку, которую онъ тихо поцаловалъ.

— Я, можетъ быть, сама виновата, сказала она черезъ нѣсколько минутъ, стараясь принять разстроенный видъ:—я была съ вами слишкомъ любезна... Вы употребили это во зло! Но я наказана теперь... я обижена... вы приняли меня за одну изъ *этихъ* женщинъ... Богъ съ вами, m-r Берницынъ!

Она поднесла платокъ къ глазамъ. Платокъ былъ сухъ.

— Наталья Константиновна! сказалъ Берницинъ, полагавшій, что платокъ былъ мокръ:—вы знаете, что я уважаю васъ...

— Я знаю, я знаю... продолжала она. — Я буду съ вами откровенна. Наше знакомство тянется давно... Вы могли, кажется замѣтить, m-r Берницынъ, что васъ я принимала иначе, чѣмъ другихъ... Вы думаете, я не знаю всѣхъ оскорбительныхъ слу-

ховъ? Вы думаете, я не знаю, какія дѣлаются предположенія и намеки? Но я всѣмъ пожертвовала, потому что когда чувствуешь... тогда все равно! Вамъ, можетъ быть, это покажется страннымъ, m-r Берницынъ: вы видите меня всегда веселою... Но вы не знаете, сколько безсонныхъ ночей провела я! сколько слезъ!... Вы веселитесь, вы живете, вамъ все равно... Что для васъ эти слезы? *Теперь* я вижу, какъ я ошибалась! Повѣрьте мнѣ, m-r Берницынъ, нелегко такъ разочароваться!...

Она снова поднесла платокъ къ глазамъ, и снова Берницынъ подумалъ, что она плачетъ. Онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать. Ему стало жаль ее. Съ другой стороны, самолюбіе его торжествовало, ему дѣлали открытую декларацію... Онъ просилъ Наталью Константиновну не тревожиться, говорилъ, что не надо портить слезами такихъ хорошенькихъ глазокъ, увѣрялъ въ своей любви, въ своемъ уваженіи (Какая наивность! какъ будто она искала его уваженія?). Но рѣчь его какъ-то не клеилась; онъ поспѣшилъ уѣхать.

Съ этихъ поръ отношенія ихъ, на нѣкоторое время, приняли холодно-вѣжливый характеръ. Это, впрочемъ, не мѣшало Берницыну ѣздить къ Натальѣ Константиновнѣ, вспоминать о жгучихъ поцалуяхъ, любоваться ея ножкою и шелковымъ чулкомъ. Съ другой стороны, пикантная вдовушка, послѣ нѣкотораго отдыха, съ новою энергіею принялась рыть траншеи, чтобы уже окончательно побѣдить упорнаго непріятеля.

IX.

А Берницынъ, между тѣмъ, предавался со всѣмъ пыломъ молодости разгулу петербургской холостой жизни.

Но прежде, чѣмъ разсказывать дальнѣйшія похожденія Берницына, необходимо замѣтить здѣсь, что отношенія его съ Ольгою приняли какой-то странный характеръ. Онъ, видимо, старался быть съ нею любезнымъ, старался шутить; но шутки его часто отличались плоскостью, часто цинизмомъ. Ольга краснѣла и старалась избѣгать этихъ шутокъ. На первый разъ онъ внушалъ ей чувство сожалѣнія... Берницынъ же полагалъ, что трудно съ нимъ сравниться въ свѣтскости и въ остроуміи... Но теперь намъ некогда останавливаться на отношеніяхъ его къ Ольгѣ.

Берницынъ въ это время ухаживалъ за одною танцовщицею, слѣдственно... слѣдственно, ему надобны были деньги. Безкорыстная Люси порядкомъ его общипывала. А тутъ совсѣмъ некстати и хозяинъ ресторана напомнилъ ему, что теперь такое время... что нельзя ли будетъ получить часть долга. Берницынъ писалъ грозныя письма въ деревню, ругалъ управляющаго, но денегъ все-таки оттуда не получалъ. Берницынъ до того приставалъ къ матери, что успѣлъ выманить у нея небольшую сумму. Она, разумѣется, тотчасъ была истрачена. А тутъ надо денегъ, непремѣнно надо! Безъ этого танцовщица не принимаетъ и не улыбается; и Люси тоже все пристаетъ: дай, да дай! Берницынъ ѣздилъ, искалъ, посылалъ Тернаумова: все напрасно! А все зависитъ отъ одного маленькаго человѣчка. Такъ вотъ поди жь ты съ нимъ! Зарядилъ одно, да и только: «ждите, говоритъ, послѣ будутъ!» Берницынъ выходилъ изъ себя.

— Да послушайте, въ самомъ дѣлѣ, Тернаумовъ; вы скажите этому канальѣ, что нельзя мнѣ ждать. Вотъ самого бы, бестію, послать къ Люси: онъ узналъ бы, какъ тутъ ждутъ!... Право, этакого мерзавца я еще не встрѣчалъ!

Но все было напрасно. Берницынъ впалъ въ желчное настроеніе духа....

— Чортъ знаетъ, что за тоска! сказалъ онъ разъ Рябинину.

— Ну, глупости! Стоитъ тутъ думать! Поѣдемъ въ маскарадъ.

— Пожалуй, поѣдемъ. Мнѣ все равно.

— Маскарадъ былъ во всемъ разгарѣ. Оркестръ гремѣлъ. Нѣсколько масокъ и полупьяныхъ кавалеровъ танцовали кадриль, съ претензіею на канканъ. Толпа шныряла взадъ и впередъ. Берницынъ встрѣтилъ своего полковаго командира, маленькаго, сѣденькаго генерала. Онъ шелъ подъ руку съ двумя масками. Его превосходительство не пропускали ни одного маскарада. Они были большой любитель. Какъ-же-съ!... Къ Берницыну подошла какая-то маска, но послѣ первыхъ словъ, она повела его въ залу, гдѣ ужинаютъ. Онъ прогналъ эту прожорливую маску. Потомъ подошла другая, въ атласномъ, голубомъ домино. Она начала говорить сперва какимъ-то страннымъ голосомъ, но не выдержала роли и разсмѣялась; онъ узналъ свою Люси. Берницынъ отыскивалъ танцовщицу; онъ узналъ ее, послѣ многихъ поисковъ. Но она ходила подъ руку съ какимъ-то толстымъ господиномъ и прошла мимо его.... Берницынъ пошатал-

ся еще нѣсколько времени, но ему была тоска; онъ хотѣлъ уѣхать.

— Ты сегодня скучаешь, Берницынъ? проговорилъ вдругъ женскій голосъ, и вмѣстѣ съ этимъ его взяли подъ руку.

— Ты отгадала, сказалъ онъ: — я собрался уѣхать.

— А я знаю, отчего ты скучаешь.

— Будто?

— Оттого, что тебѣ денегъ надо.

— Ты очень ошибаешься... Это бы небольшая бѣда была...

— А тебѣ изъ деревни не прислали еще денегъ? спросила маска.

— Да про какія деньги ты говоришь?

— Ну, вотъ, ты скрываешь. Напрасно: я хорошо знаю твои дѣла.

— Не думаю.

— Ну скажи, пожалуйста, развѣ Тернаумовъ не могъ достать? Берницынъ увидѣлъ, что скрывать нечего.

— А зачѣмъ тебѣ это знать? спросилъ онъ.

— Мнѣ нужно.

— Ты хочешь одолжить мнѣ? сказалъ онъ, шутя.

— Пожалуй.... И она засмѣялась.

— Послушай, Берницынъ, а тебѣ все-таки не слѣдуетъ скучать.

— Отчего это?

— Оттого, что тебя любятъ....

— Кто?

— Это секретъ. Но повторяю, что она влюблена въ тебя. Она давно тебя знаетъ....

— Но кто жь она?— Брюнетка, блондинка, большаго роста, дама, дѣвица?

— Ты слишкомъ любопытенъ.

— Ты называешь это любопытствомъ?

— Да.... Ну, прощай, Берницынъ! Мнѣ пора. Помни же, что тебя любятъ!

— Да кто?—О комъ ты говоришь?

— Ты это узнаешь, если не будешь теперь идти за мною. Прощай.

Она ускользнула въ толпу. Берницынъ долго ломалъ себѣ голову, но не могъ отгадать, кто скрывался подъ маскою. Ея короткій разговоръ сильно заинтересовалъ его.

Между тѣмъ маска отыскала Тернаумова, шепнула ему что-то на ухо, потомъ подошла къ другой маскѣ и обѣ онѣ уѣхали.

На другой день Берницынъ получилъ записку, слѣдующаго содержанія:

«Пріѣзжай сегодня въ оперу; въ бенуарѣ, съ правой стороны, въ пятомъ номерѣ, ты увидишь двухъ дамъ. Смотри на «ту, *которая будетъ сидѣть ближе къ сценѣ.*

Маска.»

Берницынъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ вечера. Только-что онъ вошелъ въ театръ, лорнетъ его обратился къ пятому номеру бенуара. Никого нѣтъ. Что за мистификація! Но, спустя нѣкоторое время, ложа отворилась и вошли двѣ дамы. Берницынъ посмотрѣлъ.... и опустилъ лорнетъ отъ удивленія! Одна изъ нихъ была женщина лѣтъ тридцати, недурна собою, съ бойкими глазами, съ рѣшительнымъ лицомъ: это была маска. Она была одѣта просто; усѣвшись, она тотчасъ стала внимательно смотрѣть на сцену. Другая.... та, которая сидѣла ближе къ сценѣ, та, которая была влюблена въ Берницына.... другая была старуха, лѣтъ пятидесяти съ лишкомъ, чрезвычайно толстая, съ расплывшимся лицомъ, съ сѣдымъ парикомъ. На ней были: богатое платье и мантилья. Она тотчасъ устремила свой лорнетъ на Берницына и долго не отымала его.

Берницынъ понялъ, въ чемъ дѣло.... Къ чести его, надо сказать, что онъ покраснѣлъ.

На другой день утромъ, снова записка:

«Если ты имѣешь надобность въ деньгахъ, то можешь получить заимообразно двѣ тысячи, *на какой угодно срокъ*.... Тебя «будутъ ждать завтра, въ двѣнадцать часовъ, въ Моховой, въ домѣ Егорова, номеръ квартиры 8-й.

Маска.»

Прочтя эту записку, Берницынъ впалъ въ раздумье. Первая мысль его была, что это гадость, что онъ не обезчеститъ себя до того, чтобы идти на содержаніе къ уродливой старухѣ. Потомъ, явились другія мысли.... «Она, повидимому, очень богата; ему сразу предлагаютъ двѣ тысячи.... Хорошо, она богата.... А стыдъ, огласка!... Съ другой стороны, можно повести «дѣло такъ, что самъ чортъ не узнаетъ! Можно взять всѣ предосторожности.... Можно ѣздить туда въ статскомъ платьѣ.... «Да и потомъ, развѣ А*** не на содержаніи у графини Б***? а «развѣ В*** не на содержаніи у купчихи Г***? Однако, ничего;

«никто имъ въ глаза этого не говоритъ.... Они приняты вездѣ «въ обществѣ.... Всѣ имъ очень рады.... А какъ живетъ за то «А***! Какіе экипажи, какія лошади! Какъ же быть-то?... Гм!... «Чортъ возьми! Главное, что мнѣ денегъ надо! Иначе съ танцов-«щицею ничего не сдѣлаешь; да и Люси, пожалуй, носъ поды-«метъ. А тутъ еще счетъ плати въ ресторанѣ! Что жь тутъ дѣ-«лать? Развѣ съѣздить туда завтра?... Попробовать на время!... «Тамъ можно будетъ бросить....»

Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы въ тотъ же день Берницыну не посчастливилось наконецъ получить отъ этой бестіи, маленькаго человѣчка, давно обѣщанныхъ денегъ. Ощу-павъ въ рукахъ деньги, онъ вдругъ повеселѣлъ, оживился и за-былъ на время маскарадное предложеніе.

«Теперь все пойдетъ на ладъ», подумалъ онъ, и съ радости, поскакалъ къ Люси.

Вскорѣ послѣ того, у Берницына составился карточный ве-черъ. Онъ выигралъ; это придало ему хорошее расположеніе духа. Въ этотъ вечеръ было выпито великое множество буты-локъ, послѣ чего гости стали разъѣзжаться. Остались только двое азартныхъ игроковъ: Рябининъ и князь Зыбкинъ. Хозяинъ держалъ имъ банкъ. Они играли до четырехъ часовъ ночи.

— Пойдемте гулять, господа! Мнѣ спать не хочется, сказалъ Берницынъ, нетвердо стоявшій на ногахъ.

— Что за гулянье! Я ѣсть хочу. Пойдемте ужинать! гово-рилъ князь Зыбкинъ.

— Пойдемте!

И всѣ трое вышли на улицу; народу было не много; кое-гдѣ гасли фонари, кое-гдѣ спали ночные извощики, кое-гдѣ карауль-ные вели между собою назидательную бесѣду о покупкѣ овчин-наго тулупа и о починкѣ старыхъ сапоговъ.

— Эй! извощикъ! крикнулъ Рябининъ.

— Куда ѣхать?

— На Пески, гривенникъ! И всѣ трое громко засмѣялись. Берницынъ началъ пѣть: онъ выпилъ много въ этотъ вечеръ, онъ былъ въ лихорадочномъ состояніи.

— Позвольте, господа, сказалъ онъ:— видите вы этого гос-подина?

— Ну?

— Надо его напугать.

Всѣ засмѣялись. Между тѣмъ господинъ приближался: это

былъ мужчина лѣтъ сорока, на немъ было пальто съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ.

Берницынъ вдругъ загородилъ ему дорогу; раздался громкій хохотъ.

— Что вамъ надо? спросилъ господинъ сердито.

— Какъ что надо? отвѣчалъ Берницынъ. — По какому праву, вы такъ поздно ходите, милостивый государь? Вы нарушаете порядокъ.... Вы согласитесь, что вы не имѣете права такъ поздно ходить....

Бобровый воротникъ увидѣлъ, что компанія пьяна. Онъ не сказалъ ни слова и хотѣлъ идти дальше.

— Нѣтъ, этакъ нельзя! началъ снова Берницынъ, загораживая ему дорогу, среди хохота товарищей. — Вы согласитесь напередъ, что вы не имѣете права такъ поздно ходить! А-а-а! Такъ вы не соглашаетесь? Господа! берите его подъ руку! И всѣ трое, подхвативъ его подъ руки, повели въ обратную сторону, съ громкимъ смѣхомъ. Берницынъ все упрашивалъ его согласиться, что онъ не имѣетъ права такъ поздно ходить....

Господинъ съ бобровымъ воротникомъ былъ взбѣшенъ, но сдерживался и, не говоря ни слова, повиновался. У фонаря онъ вдругъ остановился.

— А! сказалъ онъ, вглядываясь въ лицо Берницына: — вы меня не знаете, но я имѣлъ удовольствіе встрѣчать васъ. Вы, господинъ Берницынъ!

— Чортъ возьми! отвѣчалъ онъ, и всѣ трое поспѣшили удалиться отъ него, со смѣхомъ и криками.

Наконецъ они дошли до ресторана, который помѣщался въ нижнемъ этажѣ.

— Что-жь это такое, господа? Темно, заперто! сказалъ князь Зыбкинъ.

— Да постой, надо постучать, говорилъ Берницынъ.—И онъ принялся колотить въ двери, но двери не отворялись.

— Помилуйте, я ѣсть хочу! кричалъ князь Зыбкинъ.

— Не съ голоду же намъ помирать! кричалъ Рябининъ.

— Эй, вы, черти! Отворяйте! оралъ Берницынъ, и снова застучалъ въ дверь. Отвѣта не было.

— Ахъ, подлецы какіе! Ахъ, канальи! Постойте жь, я вамъ покажу! И Берницынъ, схвативъ свою шпагу, изо всего размаха треснулъ ею въ окно. Оно зазвенѣло и разбилось въ дребезги. Показался огонь, выбѣжали люди. Началась сумятица и крикъ;

собралась толпа. Берницынъ кричалъ громче всѣхъ и требовалъ, чтобъ ихъ впустили. Но скоро явилась полиція. Шумъ затихъ.

X.

Авдотья Николаевна начинала безпокоиться. Она уже нѣсколько дней не видала сына; противъ обыкновенія, онъ пересталъ даже забѣгать на минутку и говорить, что ему мѣшаетъ служба. Она не могла понять, что случилось; наконецъ она узнала, что Берницынъ, Зыбкинъ и Рябининъ посажены на три дня подъ арестъ.

Этого обстоятельства, можетъ быть, и не случилось бы, потому что вмѣстѣ съ Берницынымъ былъ князь Зыбкинъ. А князь Зыбкинъ былъ племянникъ князя Цыпкина, который занималъ очень важное мѣсто.... Этого даже навѣрно бы не случилось, если бы наши пьяные молодые люди пристали къ какому нибудь обыкновенному человѣку. Напротивъ, жалоба обыкновеннаго человѣка кончилась бы насмѣшками со стороны офицеровъ. Что значитъ обыкновенный человѣкъ? Трынь-трава! и больше ничего.... Но, на бѣду нашихъ героевъ, статскій господинъ, котораго они вели подъ-руку, оказался тоже однимъ изъ петербургскихъ тузовъ. Тузъ, повидимому, не очень любилъ ночныя прогулки подъ-руку. Къ тому же онъ узналъ исторію о битомъ окнѣ, а также и то, что, хозяинъ ресторана, получивъ хорошій кушъ, не изъявлялъ никакой претензіи на своихъ постоянныхъ гостей. Тогда-то тузъ поѣхалъ къ полковому командиру съ жалобою. Его превосходительство, любитель маскарадовъ, качалъ головою, сталъ бранить своихъ офицеровъ, но просилъ замять дѣло, потому что не хорошо, пойдетъ огласка.... да къ тому же тутъ замѣшанъ князь Зыбкинъ.... а онъ любимецъ князя Цыпкина.... выйдутъ непріятности, скандалъ одинъ.... Но тузъ твердо объявилъ, что, въ такомъ случаѣ, его превосходительство можетъ дѣлать что ему угодно, но что онъ, въ свою очередь, найдетъ дорогу и дальше. Какъ видите, онъ сдержалъ свое слово.

«Только этого недоставало», сказала Авдотья Николаевна. Съ нѣкоторыхъ поръ, поведеніе сына сильно ее печалило. Она узнала о его постоянныхъ оргіяхъ, на которыхъ онъ былъ председателемъ; узнала, что онъ недавно занялъ значительную сум-

му денегъ, которая, вмѣстѣ съ прежними займами, составляла большой долгъ. Онъ выжималъ изъ имѣнія своего послѣднія деньги; слѣдствіемъ этого было обѣдненіе хозяйства и крестьянъ. Какая же предстоитъ ему будущность, если такъ будетъ продолжаться? думала она. А вдобавокъ къ этому, она понимала тайныя намѣренія госпожи Гроздевой, и знала, что единственное побужденіе ея было — корысть. Слабый характеръ ея сына, кокетство Гроздевой дѣлали возможнымъ этотъ бракъ, который былъ бы для матери несчастіемъ. Но что всего тяжелѣе ей было перенести—это холодность и неблагодарность сына. Она, которая такъ горячо любила его, которая только и думала о его счастіи, она видитъ въ немъ только обидную вѣжливость... Онъ скрытенъ, онъ избѣгаетъ ея вопросовъ, или, вмѣсто отвѣтовъ, лжетъ, не краснѣя. А между тѣмъ, она слишкомъ снисходительна: пусть онъ веселится, пусть проводитъ время, какъ ему угодно.... Она только хочетъ, чтобъ онъ не дѣлалъ ни долговъ выше состоянія, ни другихъ вещей, которыя мараютъ его честь.... чтобы онъ не совершенно предавался пустой, неразумной жизни. Но больше всего она хочетъ его откровенности, его ласки, его любви.... И вотъ ей награда за всѣ ея заботы, за попеченія, за горячую любовь! И кто бы думалъ, чтобы этотъ милый мальчикъ, съ розовымъ лицомъ, съ этими добрыми глазами, кто бы думалъ, что онъ такъ измѣнится!

Такъ говорила она, смотря на портретъ сына, который висѣлъ у ней въ спальнѣ.

Бѣдной женщинѣ не легко было...слезы невольно проступали.

Маша молчала, но лицо ея показывало досаду и раздраженіе. Ольга, разумѣется, раздѣляла эти чувства; чѣмъ больше узнавала она испорченную натуру Берницына, тѣмъ становился онъ ей антипатичнѣе. Не смотря на то, она старалась утѣшить Авдотью Николаевну: она, неувѣреннымъ голосомъ, говорила ей, что это молодость, что это пройдетъ, что онъ оцѣнитъ, наконецъ, свою мать. Но Авдотью Николаевну въ этотъ вечеръ утѣшить было трудно: она проплакала цѣлый вечеръ и на другое утро, разстроенная и слабая, не вставала съ постели.

Ольга и Маша сидѣли за работою, когда явился Берницынъ, съ размашистою походкою, съ улыбающимся лицомъ.

— Здравствуйте, Ольга Александровна! Ну что подѣлываешь, Маша?

Но Маша чуть ему отвѣтила.

— Какъ глупо, Боже мой, какъ глупо, продолжалъ Берницынъ: — представьте себѣ, этотъ господинъ разсердился.... Ну, посудите сами, имѣетъ ли онъ право такъ поздно ходить? — Онъ засмѣялся.—Ну, я васъ самихъ спрашиваю? А потомъ, развѣ намъ съ голоду помирать? Скажите сами. Я и постучалъ въ окно, немножко сильно.... Онъ опять засмѣялся.

По всему было видно, что подвиги свои и арестъ онъ считалъ удальствомъ и хвастался этимъ.

— А гдѣ-жь маманъ? спросилъ онъ.

Маша молчала.

— Она въ спальнѣ, сказала ему Ольга.

Берницынъ пошелъ въ комнату матери, спросилъ о здоровьи, и съ новымъ удальствомъ разсказалъ ей свои ночныя похожденія, разсказалъ, какъ было весело подъ арестомъ, какъ они тамъ ѣли и пили, что хотѣли, и т. д. Мать смотрѣла на него, слушала и молчала. Онъ замѣтилъ это.

— Что съ маманъ? спросилъ онъ, простившись съ нею и вышедши въ другую комнату.

Но Маша продолжала дуться и не отвѣчала.

— Она вчера много плакала, сказала Ольга.

— Плакала? Отчего?

— Не знаю... Она говорила о васъ, о какихъ-то долгахъ, о m-me Гроздевой...

Берницынъ наморщился.

— Она такъ любитъ васъ, продолжала Ольга тихо:—вы бы пожалѣли ее....

Онъ смотрѣлъ въ окно.

— А вы такъ рѣдко говорите съ нею....

— Нельзя же мнѣ бросить службу! сказалъ Берницынъ съ важностью.

— Полноте! какъ будто не знаютъ вашей службы?

— Но, помилуйте, у меня большой кругъ знакомыхъ....

— Да, конечно....

— Наконецъ, не могу же я здѣсь вѣчно сидѣть! говорилъ онъ, оживляясь:—неужели я долженъ отказаться отъ всѣхъ развлеченій?

— Разумѣется.... Только, какъ вамъ не надоѣстъ все одно и то же? Впрочемъ, это не мое дѣло. Я хотѣла сказать вамъ только объ Авдотьѣ Николаевнѣ....

Берницынъ стучалъ нетерпѣливо ногою.

— Да я не знаю, право, кто это наговорилъ ей о долгахъ? сказалъ онъ съ досадою. — Вы скажите, что это пустяки....

Онъ сталъ ходить по комнатѣ, видимо желая прекратить этотъ разговоръ. Онъ сталъ говорить съ Машей; но она отвѣчала ему сухо и коротко.

Онъ понялъ, что она сердится за мать.

— Вы попросите мамамъ успокоиться, Ольга Александровна, сказалъ Берницынъ и затѣмъ уѣхалъ.

XI.

— Посмотри, Рябининъ, говорилъ Берницынъ, указывая на ложу, гдѣ была Ольга: — не правда ли, она очень мила? А?

— Да.... недурна.... Что жь, вотъ тебѣ и невѣста!

— Ну это, братъ, шутишь!

— Отчего? Что, отецъ ея богатъ?

— Совсѣмъ нѣтъ.

Рябининъ значительно промычалъ.

— А, право, она очень мила, продолжалъ Берницынъ: — посмотри, какіе глаза! И оба они направили на нее свои лорнеты.

Я уже сказалъ, что Ольгѣ не нравилась особенная любезность Берницына. Она сперва не обращала на нее особаго вниманія; зная его вѣтреный характеръ, она надѣялась, что это скоро пройдетъ. Но время шло.... Берницынъ не перемѣнялся....

Я не берусь объяснять, какимъ образомъ Ольга могла заинтересовать Берницына, что общаго было между веселымъ, безпечнымъ офицеромъ, который проводилъ дни и ночи въ удовольствіяхъ, и между умною, скромною дѣвушкою, которая провела два года, большею частію, въ деревнѣ? Если бы мнѣ сказали, что Берницыну нравится свѣтская, бойкая дѣвушка, красавица, кокетка, да вдобавокъ ко всему богатая, то въ этомъ не было бы ничего удивительнаго. Но что его могла интересовать Ольга, вовсе не красавица, не свѣтская барышня, да вдобавокъ ко всему не богатая,—этого я понять не могу.... Впрочемъ, не разъ уже было сказано, что ни одинъ ученый механикъ не разберетъ этой сложной и запутанной машины, которая называется человѣкомъ. Итакъ, мнѣ остается только подтвердить тотъ фактъ, что Ольга нравилась Берницыну.

Это было замѣтно по его взглядамъ, потому что онъ искалъ

безпрестанно случаевъ говорить съ нею; онъ старался быть любезнымъ, старался шутить съ нею....

Но любезность и ухаживанье его производили совсѣмъ другое дѣйствіе на Ольгу. Его любезность казалась ей приторною; его шутки—грубы и, часто, неприличны. Онъ часто, безъ намѣренія, оскорблялъ ея достоинство. Она начинала тревожиться.... А между тѣмъ Берницынъ не могъ оторваться отъ своей сферы, и онъ дошелъ до того, что сдѣлалъ ее свидѣтельницею своей жалкой жизни....

Это было въ театрѣ. Ольга замѣтила Берницына, который находился въ обществѣ какой-то дамы, красивой наружности, и двухъ товарищей. Дама была та самая танцовщица, за которою онъ давно ухаживалъ. Онъ добился наконецъ ея улыбки.... но это стало ему не дешево. Берницынъ показался Ольгѣ необыкновенно развязенъ. Когда же онъ взошелъ къ нимъ въ ложу, то его блуждающіе глаза, прерывистая рѣчь и смѣхъ убѣдили ее, что онъ былъ не въ нормальномъ положеніи.... Онъ и самъ замѣтилъ неловкость своего положенія, и поспѣшилъ откланяться. Но онъ произвелъ на Ольгу тяжелое впечатлѣніе; съ этихъ поръ онъ показался ей противенъ....

Онъ понялъ, что упалъ въ ея глазахъ, и нѣсколько дней послѣ этого онъ избѣгалъ ея. Но скоро въ немъ проснулись гордость и самолюбіе, которыя были въ немъ развиты преимущественно, на счетъ другихъ душевныхъ качествъ. Тогда онъ больше прежняго сталъ за нею ухаживать. И больше прежняго она стала отъ него удаляться. Одно маленькое происшествіе окончательно раздѣлило ихъ; виновницею его была Наталья Константиновна Гроздева.

Она увидѣла, съ нѣкоторыхъ поръ, что побѣдить непріятеля совсѣмъ не такъ легко, какъ она думала. Онъ продолжалъ къ ней ѣздить, продолжалъ цаловать ея руки и любоваться ея ножкою. Но всѣ намеки вдовушки относительно серьезной любви онъ какъ будто не понималъ. Въ сущности, онъ очень хорошо зналъ, къ чему клонятся эти намеки, но ему надо было притвориться для того, чтобы имѣть право волочиться за нею. Наталья Константиновна, съ досады, кусала свои розовыя губки и слѣдила за Берницынымъ. Она уже давно замѣтила, что онъ не совсѣмъ равнодушенъ къ Ольгѣ. Ревность овладѣла ею. Скоро представился случай, гдѣ эта ревность или, вѣрнѣе сказать, досада высказалась вполнѣ.

Танцуя на одномъ балѣ съ Берницынымъ, пикантная вдовушка, съ свойственнымъ ей кокетствомъ, дразнила его Ольгою. Берницынъ смѣялся и отнѣкивался. Но она хорошо замѣтила, что лицо его было полно оживленія, когда онъ танцовалъ съ Ольгою, что, не танцуя больше ни съ кѣмъ, онъ стоялъ около Ольги и не спускалъ съ нея глазъ.

Когда Берницынъ попросилъ Ольгу на мазурку, она солгала, что уже ангажирована, только для того, чтобы отдѣлаться отъ него. Ей было тяжело и непріятно; открытое, безцеремонное поведеніе Берницына оскорбляло ее; она ждала съ нетерпѣніемъ конца бала. Но ей предстояла новая обида. За ужиномъ ей пришлось сидѣть противъ Берницына и Гроздевой; что касается до перваго, то, разумѣется, онъ не случайно сѣлъ противъ Ольги. Наталья Константиновна повременамъ шепталась съ Берницынымъ и бросала выразительные взгляды на Ольгу, которая мучительно ожидала конца этого сосѣдства.

— M-lle Лидина! Ваше здоровье! сказала пикантная вдовушка съ очаровательною улыбкою, и подняла бокалъ. — За здоровье того, кто любитъ кого! продолжала она болѣе громкимъ голосомъ, и посмотрѣла иронически сперва на Ольгу, потомъ на Берницына.

Ольга вспыхнула, и опустила глаза. Берницынъ некстати засмѣялся; сосѣди выразительно переглянулись....

Ольга скрыла эту обиду отъ Авдотьи Николаевны и Маши. Но она поняла, что дѣло зашло слишкомъ далеко....

Съ этихъ поръ она совершенно перемѣнила свои отношенія къ Берницыну. Она старалась, по возможности, не говорить съ нимъ. Ни его любезность, ни шутки не могли заставить ее перемѣниться. Болѣе всего она избѣгала оставаться съ нимъ вдвоемъ. Но положеніе ея стало непріятно и затруднительно. Она не хотѣла ссорить Берницына съ матерью и сестрою; поэтому она старалась скрывать его преслѣдованія.

Но чѣмъ холоднѣе была Ольга, тѣмъ нетерпѣливѣе становился Берницынъ. Его бѣсила эта холодность. При видѣ Ольги, имъ овладѣвало раздраженіе.... Причина этого отчасти заключалась и въ томъ, что Берницынъ былъ избалованъ дамскою любезностію; на него всегда смотрѣли, какъ на завиднаго жениха. А тутъ вдругъ эта дѣвочка, недавно пріѣхавшая изъ деревни, не обращаетъ на него вниманія! Мало того, еще сердится! Эти мысли все болѣе и болѣе раздражали его самолюбіе; онъ сталъ неотступно преслѣдовать Ольгу....

Онъ сталъ часто ѣздить на Литейную. Ольга, услышавъ его голосъ, не выходила изъ своей комнаты. Но Берницынъ, съ несвойственнымъ ему терпѣніемъ, выжидалъ ее по часамъ. Случалось, что онъ являлся нѣсколько разъ въ день. Противъ обыкновенія, онъ сталъ часто обѣдать у матери, зная, что Ольга должна будетъ выйдти.

Когда Ольга гуляла съ Авдотьею Николаевною и Машею, Берницынъ непремѣнно присоединялся къ нимъ и, волоча свою длинную шпагу по Дворцовой набережной, значительно перемигивался съ товарищами. Ольга съ трудомъ удерживала гнѣвъ свой....

Берницынъ вдругъ сталъ увѣрять свою мать, что изъ ложи лучше слышно пѣніе. На этомъ основаніи, когда Ольга ѣздила въ оперу, онъ помѣщался около нея.

Онъ зналъ, что ей непріятно съ нимъ танцовать. Тѣмъ не менѣе, пользуясь тѣмъ, что Ольга не хотѣла высказаться открыто, онъ танцовалъ съ нею, хотя ему не давали другаго отвѣта, какъ *да* или *нѣтъ*.

Словомъ, Берницынъ преслѣдовалъ Ольгу всегда и вездѣ, гдѣ только была малѣйшая возможность.

Разумѣется, такое поведеніе не могло скрыться, наконецъ, ни отъ Авдотьи Николаевны, ни отъ Маши. Но едва онѣ начинали говорить ей объ этомъ, Ольга смѣялась, говорила, что это шутка, старалась казаться хладнокровною.

На самомъ же дѣлѣ Ольга была глубоко обижена наглымъ ухаживаньемъ Берницына....

Если бы Берницынъ остановился на время, если бы онъ опомнился, онъ не могъ бы не увидѣть, что своимъ поведеніемъ онъ болѣе и болѣе отдаляетъ Ольгу. Но развѣ ему было время? Катанье по Невскому да шампанское, Люси, маскарады, танцовщица, театры, пикантная вдовушка.... Да гдѣ жь тутъ время думать и опомниться?... Онъ жилъ, очертя голову.... Только, среди всей этой жизни, его не переставала раздражать нѣмая холодность Ольги. Раздраженіе его дошло до крайнихъ предѣловъ....

XII.

Онъ сталъ преслѣдовать Ольгу съ новою энергіею. Онъ отбросилъ всякую скромность, и ни предъ кѣмъ больше не сталъ скрывать своихъ отношеній.... Ольга испугалась.... Она уже хо-

тѣла все разсказать Авдотьѣ Николаевнѣ; но случай остановилъ ее.

Разъ Берницынъ засталъ Ольгу одну въ комнатѣ.

— Наконецъ-то вы однѣ, Ольга Александровна! сказалъ онъ.

Она посмотрѣла на него. Глаза его горѣли, онъ едва держался на ногахъ.

— Что вамъ угодно? спросила Ольга, и встала съ мѣста, чтобы уйдти.

Но онъ сталъ въ дверяхъ.

— За что такая гордость, Ольга Александровна? бормоталъ онъ.

— Пустите меня!

И она снова сдѣлала шагъ впередъ.

— Нѣтъ, вы должны выслушать меня, Ольга Александровна! Я люблю васъ!...

— Пустите! повторила она дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Но въ это мгновеніе Берницынъ схватилъ ея руку и поцаловалъ.

Ольга выбѣжала. Лицо ея горѣло, какъ въ огнѣ. Глаза были полны слезъ.

— Что съ тобою, Ольга? Что съ тобою? спросила Маша.

— Ничего.... ничего.... отвѣчала Ольга, глотая слезы: — поди туда, тамъ братъ твой....

— Маманъ! маманъ! кричала Маша. — Что это съ Жаномъ? Посмотрите!

Авдотья Николаевна съ ужасомъ увидѣла своего сына, который шатался и бормоталъ несвязныя слова.

— Jean! Jean! Какъ тебѣ не стыдно! Боже мой, какой позоръ!

— Что такое? Что?... Я люблю.... Я правду говорю.... сказалъ отрывисто Берницынъ, и вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ.

XIII.

Ольга рѣшилась испытать послѣднее средство. Авдотья Николаевна упрашивала ее сказать, отчего она плачетъ, что сдѣлалъ ея сынъ? Тогда Ольга, прося ее не тревожиться, сказала, что желаетъ говорить съ нимъ. Авдотья Николаевна написала ему записку. Берницынъ, выспавшись, понялъ, что онъ надѣлалъ. Онъ обрадовался, что Ольга даетъ ему такой удобный случай извиниться.

Онъ пріѣхалъ на другой день утромъ. Онъ засталъ Ольгу опять одну. Онъ замѣтилъ, какъ она быстро спрятала платокъ свой въ карманъ....

— Я пріѣхалъ извиниться предъ вами, Ольга Александровна, сказалъ Берницынъ.

— Я прощаю вамъ вчерашній вашъ поступокъ, m-r Берницынъ. Вчера вы....

Она не договорила.

— Я пріѣхалъ извиниться, повторилъ онъ.

— Я и не объ этомъ хотѣла говорить съ вами, сказала Ольга совершенно тихимъ голосомъ: — я хотѣла спросить васъ, за что вы меня оскорбляете три мѣсяца сряду?

— Но мнѣ кажется, Ольга Александровна, что ваше обращеніе со мною....

— Кто жь виноватъ въ этомъ? Развѣ я въ первое время *такъ* обращалась съ вами?

— Но я говорю не про первое время, Ольга Александровна...

— Да что жь мнѣ было дѣлать, когда вы стали такъ странно вести себя? Я думала, что вы остановитесь.... Развѣ мнѣ самой было пріятно это?

— Но согласитесь, Ольга Александровна, что я былъ тоже обиженъ....

— Мнѣ жаль, если я васъ обидѣла.... Только, мнѣ кажется, вы немного позабыли, что было.... Вспомните, m-r Берницынъ, ваши шутки. Когда онѣ заходили очень далеко, я не отвѣчала вамъ. Тогда вы сердились и продолжали еще болѣе....

— Разумѣется, ваше молчаніе обижало меня, прервалъ ее Берницынъ.

— Потомъ, вспомните все ваше поведеніе, продолжала Ольга: — вы до того преслѣдовали меня всюду, что на меня стали указывать пальцами. Неужели вамъ это можетъ доставлять удовольствіе?

— Но, Ольга Александровна....

— И что за цѣль ваша, m-r Берницынъ? Я не понимаю. Вѣдь вы сами знаете, что насильно нравиться нельзя.... Я все думала, что вы опомнитесь. Я до сихъ поръ ни слова не сказала вашимъ. Но вы не перестаете.... Еще не такъ давно, m-me Гроздева позволила себѣ говорить мнѣ дерзости. А вы смѣялись, m-r Берницынъ.... И когда подумаешь, за что все это? Что сдѣлала я вамъ худаго? Развѣ я мѣшала вамъ въ чемъ нибудь? Нѣтъ! Вы, кажется, жили очень весело.... А вы мѣшали мнѣ жить....

Она замолчала. Берницынъ не возражалъ.

— Теперь я прошу васъ, m-r Берницынъ, оставьте меня. Я знаю, что вы сдѣлаете это. Если же нѣтъ, то мнѣ придется разстаться съ Машей; я уѣду въ деревню.

Ольга встала; но Берницынъ не подымался.

— Мнѣ больше нечего сказать вамъ. До свиданія!

Она ушла. Но Берницынъ, наклонивъ голову къ землѣ, все оставался на томъ же мѣстѣ. Онъ просидѣлъ два часа неподвижно, никого не видя, ничего не слыша.

— Пора обѣдать, Jean, сказала ему мать.

Онъ очнулся.

— Нѣтъ, мнѣ надо ѣхать! отвѣчалъ онъ.

Пріѣхавъ домой, онъ долго ходилъ по комнатѣ въ какомъ-то нервическомъ, безпокойномъ состояніи. Начинало темнѣть. Слуга хотѣлъ зажечь свѣчи; онъ не велѣлъ. Онъ легъ на постель и пролежалъ до поздняго вечера. Когда онъ всталъ, глаза его были красны... Онъ, съ особенною поспѣшностью, сталъ одѣваться, помадиться, душиться. Потомъ поѣхалъ за Люси, за товарищами, и повезъ ихъ ужинать. Онъ пилъ съ какою-то жадностію. Онъ шутилъ, пѣлъ пѣсни, чуть не танцовалъ... Кто-то спросилъ его, отчего онъ такъ веселъ? Въ отвѣтъ на это, онъ залпомъ выпилъ стаканъ шампанскаго, прижалъ къ своей груди Люси и сталъ бѣшено цаловать ее.

На другое утро явился Тернаумовъ.

— Чтó это вы, Иванъ Александровичъ, какъ будто нездоровы?

— Нѣтъ, ничего... голова болитъ... Ну, что скажете?

— Сказать-то есть что...

— Напримѣръ?

— Да хоть бы, напримѣръ, то, что вы престранный человѣкъ!

— Это отчего?

— Да оттого, что вамъ идутъ въ руки деньги, а вы не берете ихъ. А потомъ посылаете меня: «надо, непремѣнно надо, какіе угодно проценты!» То-то вотъ и есть!

— Да вы про что говорите? спросилъ съ удивленіемъ Берницынъ.

— А развѣ вы забыли записку, которую получили? Васъ все ждали. Впрочемъ, если вамъ угодно, и теперь не поздно...

— А! понимаю... протяжно сказалъ Берницынъ, и задумался.

— Послушайте, Тернаумовъ, сказалъ онъ спокойно, послѣ

минутнаго молчанія: — вы меня большимъ подлецомъ считаете?

Тернаумовъ пялилъ на него глаза.

— Что это вы говорите, право, Иванъ Александровичъ?

— Я говорю, что иначе вы бы не предлагали мнѣ идти на содержаніе.

— Да нѣтъ... я, вѣдь, только такъ сказалъ...

— А что, вы много получили за это дѣло? спросилъ его спокойно Берницынъ.

— Я не знаю, право, что это вы говорите, Иванъ Александровичъ! отвѣчалъ Тернаумовъ... Но онъ, замѣтно было, растерялся. Онъ въ первый разъ не узнавалъ Берницына...

XIV.

Казалось, Ольга и Берницынъ помирились и забыли прошлое. По крайней мѣрѣ онъ обращался съ нею просто, вѣжливо, какъ будто ничего не бывало.... Разговоръ его касался погоды, театра, мелочей.... Ольга повеселѣла. Авдотья Николаевна успокоилась. Маша стала съ нимъ привѣтлива по прежнему. Всѣ были довольны и веселы. Одному Берницыну было не весело.... Но онъ всѣми силами скрывалъ это.

Теперь не Ольга, а Берницынъ избѣгалъ оставаться съ нею вдвоемъ. А когда это случалось, Берницынъ какъ-то конфузился, старался непремѣнно что нибудь сказать, какъ будто больше всего боялся молчанія.

Теперь онъ сталъ по цѣлымъ часамъ оставаться дома, чего прежде не бывало.... Неподвижно сидитъ на стулѣ и думаетъ, все думаетъ.... И до того онъ углубится, что не замѣчаетъ, какъ проходитъ мимо его слуга и поглядываетъ на него съ безпокойствомъ.... Потомъ вдругъ вскочитъ, начнетъ быстро шагать по комнатѣ, какія-то слова говоритъ.... А глаза мокрые.... И если бы вы видѣли въ это время Берницына, вы бы пожалѣли его! Онъ любилъ, любилъ искренно.... Образъ Ольги постоянно носился предъ его глазами; онъ не оставлялъ его ни на минуту, онъ не давалъ ему покоя.

«Все въ ней такъ хорошо, думалъ онъ, все такъ гармонично! Какая благородная красота! какіе большіе глаза! И сколько доброты въ ней!... И какъ умна!... И какая простота!... И какой мелодическій голосъ!... И какая поступь!... И какая непостижимая прелесть во взглядѣ!»

«Господи, что за ангелъ!» громко говорилъ Берницынъ, ходя

по комнатѣ. И ему мучительно хочется видѣть ее, хочется говорить съ нею! А нѣтъ ея! Нельзя ее видѣть!... Что жь это, въ самомъ дѣлѣ, за мука?... Вотъ такъ бы и побѣжалъ сейчасъ, такъ бы и бросился предъ нею на колѣни, и зарыдалъ бы, и разсказалъ бы ей всю свою жизнь, и молилъ бы ея прощенія, и обѣщалъ бы все, все, что она хочетъ, только пусть она сжалится надъ нимъ, пусть полюбитъ его!...

И Берницынъ, весь изнуренный, падалъ на диванъ и, въ первый разъ въ своей жизни, онъ узналъ, что̀ значатъ страданія и горькія слезы....

Не можетъ онъ забыть ни этого лица, ни этого голоса.... А между тѣмъ, она не только не любитъ его,—она презираетъ его... И онъ вполнѣ заслужилъ это презрѣніе. Онъ сознается въ этомъ и чувствуетъ къ себѣ глубокую ненависть. Онъ вспомнилъ свои слова: «я въ дѣвочекъ не влюбляюсь!» и какъ-то больно улыбнулся.... Теперь онъ понялъ, какъ безумно велъ себя! Теперь онъ узналъ, какая сила заключается въ этихъ большихъ глазахъ, какимъ блаженствомъ наполняетъ душу эта прямая, непорочная натура!—Но что жь ему дѣлать? Что жь дѣлать *теперь*, когда онъ не можетъ ни о чемъ думать, ни о чемъ говорить, ничего дѣлать, когда онъ не можетъ жить безъ нея?... А она его презираетъ!...

Тогда Берницынъ боялся оставаться одинъ; онъ бѣжалъ изъ дому, бѣжалъ отъ этого образа, чтобы какъ нибудь только забыть его! Онъ заглушалъ его въ кругу товарищей, въ винѣ, картахъ, въ женщинахъ, въ необузданномъ разгулѣ....

Но товарищи замѣчали, что съ нимъ дѣлается что-то странное. То онъ пьетъ и хохочетъ, то вдругъ задумается, усиленно третъ лобъ рукою, какъ будто хочетъ выжать какую-то мысль... и видно, что его что-то мучитъ.

Надъ нимъ подсмѣивались; онъ молчалъ. Только разъ, когда одинъ изъ нихъ сказалъ, что не стоитъ тосковать по всякой дѣвчонкѣ, Берницынъ весь покраснѣлъ, вскочилъ съ мѣста, и, схватившись за шпагу: —

— Замолчи! или ты будешь раскаяваться! закричалъ онъ, но тотчасъ опомнился.

— Извини, пожалуйста, сказалъ онъ тихо. — Только я прошу тебя, не говори такъ о ней.... хоть при мнѣ не говори!

Итакъ шелъ день за днемъ. Порою онъ терялъ силы, чувствовалъ, что больше не можетъ вынести.... А завтра опять онъ

ее увидитъ, опять надо притворяться, скрывать отъ нея, отъ матери и сестры... и опять тоска и мученье, и опять вино да женщины....

Эта жизнь истощила Берницына. Въ двѣ недѣли онъ постарѣлъ; на лицѣ не было ни капли крови.

Въ одно утро онъ проснулся и почувствовалъ, что встать не можетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, то жаръ, то холодъ. Пріѣхалъ докторъ; онъ объявилъ, что у Берницына лихорадка, что организмъ сильно разстроенъ, что болѣзнь можетъ принять серьезное направленіе....

XV.

Узнавъ о болѣзни сына, Авдотья Николаевна тотчасъ поѣхала навѣстить его. Она была сильно встревожена его болѣзненнымъ, до крайности изнеможеннымъ видомъ и его отчаянною тоскою.

На другой день она взяла съ собою Машу. Улыбка больнаго доказывала, что онъ былъ радъ посѣщенію сестры. Когда онѣ вернулись домой, Ольга долго распрашивала о больномъ. Ей казалось, что она виновата....

Однажды самой Авдотьѣ Николаевнѣ не совсѣмъ здоровилось. Маша попросила отпустить ее съ Ольгою: пока она будетъ у брата, Ольга подождетъ въ каретѣ. Онѣ поѣхали. Но подъѣзжая къ дому Берницына, Машѣ вдругъ пришла странная мысль. Она сказала, что Ольгѣ будетъ скучно сидѣть въ каретѣ, и просила ее тоже зайти къ брату, въ другую комнату, такъ что ее никто не увидитъ.

— Тѣмъ болѣе, говорила Маша, что теперь вечеръ. Докторъ ужь сегодня не пріѣдетъ, а больше никого не можетъ быть. Пойдемъ! Ну, что ты будешь дѣлать въ каретѣ? Ты, по крайней мѣрѣ, увидишь, какъ онъ живетъ....

Ольга отговаривалась, что неприлично, что могутъ узнать.... Но почему-то отговорки ея были не очень убѣдительны. Маша все доказывала ей, что никто не узнаетъ, что, наконецъ, вѣдь онъ боленъ... Ольга подумала, и согласилась.

Онѣ осторожно взошли. Маша пошла въ спальню; Ольга осталась въ другой комнатѣ. Она сѣла на стулъ и стала осматривать комнату. Мертвая тишина.... изрѣдка только она слышитъ слова Маши. Прошло нѣсколько минутъ.... Ольгѣ дѣлалось какъ-то

неловко.... «Что жъ это Маша нейдетъ?» подумала она, но въ ту же минуту услышала шорохъ платья. Она оглянулась, предъ нею стояла Наталья Константиновна Гроздева. Это была последняя, решительная аттака пикантной вдовушки! Увидевъ Ольгу, она остановилась, какъ вкопанная, на месте. Ольга покраснела и встала со стула.

— *Вы здесь?* спросила Гроздева съ ироническою улыбкою.

— Я здесь съ сестрою m-r Берницына, отвечала Ольга твердо.

Едва только были сказаны эти слова, какъ больной вздрогнулъ, приподнялся на постели и сталъ прислушиваться.

— Но где жъ сестра? спрашивала со злостью Наталья Константиновна.

— Она тутъ, въ этой комнате, отвечала Ольга: — она прійдетъ сейчасъ....

— Ольга, Ольга! это ея голосъ!... Послышалось изъ другой комнаты, и больной заметался на постели.

Испуганная Маша выбежала изъ спальни, столкнулась съ Гроздевой, вскрикнула, и, схвативъ за руку Ольгу, бросилась бежать. Разумеется, все скрыто было отъ матери.

Вдовушка взошла въ спальню. Больной лежалъ съ закрытыми глазами неподвижно. Она стала у изголовья и съ сожаленіемъ смотрела на бледное, исхудалое лицо Берницына. Вдругъ онъ открылъ глаза, приподнялся и, схвативъ обе руки Натальи Константиновны, началъ страстно целовать ихъ, произнося имя «Ольги».

— Что съ вами? Опомнитесь! сказала удивленная вдовушка.

Берницынъ въ одно мгновенье выпустилъ ея руки и пристально посмотрелъ ей въ лицо.

— Это вы? сказалъ онъ: —извините. И голова его снова опустилась на подушку.

Пикантная вдовушка постояла еще несколько минутъ, потомъ вышла медленными шагами. Въ глазахъ блестела слезинка. На этотъ разъ она не притворялась: сраженіе было проиграно, окончательно проиграно!...

Болезнь принимала опасный характеръ. Больной метался, стоналъ и въ бреду просилъ Ольгу не уходить отъ него. Докторъ привезъ съ собою другаго доктора; оба они поговорили по-ла-

тыни, и оба покачали головами. Авдотья Николаевна плакала: Маша тоже. Ольга молилась....

Но молодая натура, наконецъ, побѣдила болѣзнь. Чрезъ двѣ недѣли Берницынъ сталъ поправляться. Выздоровленіе пошло быстро. Но докторъ запретилъ ему выѣзжать. Тѣмъ не менѣе, Берницынъ, при первой возможности, одѣлся, закутался, сѣлъ въ карету и поѣхалъ на Литейную.

Онъ всѣхъ перепугалъ тамъ. Начались восклицанія и упреки. Его умоляли тотчасъ же ѣхать обратно и лечь въ постель. Но Берницынъ совралъ, что у него только-что былъ докторъ и позволилъ ему выѣхать въ каретѣ.

Онъ попросилъ мать не безпокоиться, поцаловалъ сестру, и убѣждалъ Ольгу подтвердить, что онъ совершенно здоровъ. Въ самомъ же дѣлѣ, онъ былъ еще очень слабъ: это доказывали и его блѣдность, и едва замѣтная улыбка, какая бываетъ у больныхъ. Ольга была въ этотъ вечеръ неразговорчива... По временамъ, она вглядывалась въ Берницына и что-то думала. Его лицо измѣнилось: оно приняло спокойное выраженіе. Глаза смотрѣли кротко, задумчиво.

XVI.

Берницынъ выздоровѣлъ совершенно. Но какая перемѣна! Мать не понимаетъ, что за чудо свершилось съ ея сыномъ? Она нашла въ немъ прежнюю, давнишнюю любовь. Маша полюбила его, какъ друга и брата. Ольга смотритъ на него и себѣ не вѣритъ. Какъ! это тотъ самый Берницынъ, который такъ недавно, въ пьяномъ видѣ, схватилъ ее за руку, изъ-за котораго она перенесла столько обидъ! Да что жь это значитъ? Ужь не притворялся ли онъ?

«Маша, послушай Маша! Да что съ нимъ сдѣлалось?» Но Маша сама удивлена этимъ неожиданнымъ, поразительнымъ измѣненіемъ. Ольга пожимаетъ плечами. «Но кто жь произвелъ въ немъ эту перемѣну?» спрашиваетъ она сама себя.... И не находитъ отвѣта.

Товарищи не могутъ узнать его. Гдѣ эта безпечность, гдѣ бѣшеная веселость? Все исчезло. Его не видно ни на пикникахъ, ни на кутежахъ, ни на карточныхъ вечерахъ. Но съ товарищами онъ попрежнему хорошъ; онъ распрашиваетъ объ ихъ похожденіяхъ, и только улыбается... Къ нему пристаютъ, его тащутъ

почти насильно, но онъ отговаривается то тѣмъ, то другимъ. Иногда его уговаривали вспомнить прежнее время; Берницынъ соглашался; но, очутившись среди веселой молодежи, среди говора, смѣха и шума, онъ чувствовалъ себя какъ-то не въ своей тарелкѣ.... Все казалось ему страннымъ; онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на все окружающее, онъ почувствовалъ, что связь разорвана.... Тогда товарищи махнули на него рукою, какъ на человѣка погибшаго...

Не меньше удивленъ былъ и Тернаумовъ. Но съ нимъ Берницынъ покончилъ скоро: онъ далъ ему денегъ, поблагодарилъ его, но дверь для него перестала открываться. Тогда Тернаумовъ съ новымъ усердіемъ сталъ искать человѣка, который бы согласился принять двѣ тысячи рублей — на извѣстныхъ условіяхъ. Онъ нашелъ его скоро между товарищами Берницына....

Высоко-безкорыстная mademoiselle Люси неожиданно получила конвертъ съ деньгами. Но самъ Берницынъ къ ней больше не являлся. Она утѣшилась княземъ Бѣльскимъ, у котораго вытаскиваетъ деньги всѣми путями, говоря, что ей надо только одно необходимое, и увѣряя въ то же время, что она отказывается отъ предложеній графа Норкова.

Берницынъ прекратилъ свои визиты къ пикантной вдовушкѣ, которая, съ тѣхъ поръ, стала насмѣхаться надъ Берницынымъ и сплетничать насчетъ Ольги.

Кучеръ Берницына съ удивленіемъ замѣчаетъ, что баринъ не погоняетъ его впередъ, какъ прежде, а, напротивъ, удерживаетъ, когда онъ гонитъ слишкомъ шибко.

— Да что это стало у насъ съ бариномъ, Алексѣй Петровичъ? говоритъ кучеръ. — Прежде, бывало, рыскаетъ повсюду день деньской, а нынче только и знаетъ, что на Литейную, да домой.

— Оно и то странно! отвѣчаетъ Алексѣй Петровичъ, слуга Берницына. — Не знаю, что такое съ нимъ сдѣлалось? Книги, какія были въ шкапу, взялъ всѣ повытаскалъ, накупилъ новыхъ, разбросалъ по столу—безпорядокъ одинъ!... Сидитъ, это, все дома, читаетъ, пишетъ что-то.... И сталъ онъ, братецъ ты мой, на Васильевскій островъ ѣздить. Есть, значитъ, тамъ мѣсто такое.... Народу много соберется; и пріидетъ это чиновникъ, сядетъ на столъ какой-то, зачнетъ громко говорить.... Всѣ, это, слушаютъ; тишина такая.... А какъ кончитъ онъ, всѣ въ ладоши захлопаютъ, шумъ такой! Да какъ, бишь, прозывается-то оно?...

— Да вы, это, должно быть, про Неверсететъ говорите? спросилъ самодовольно кучеръ.

— Неверсететъ, неверсететъ, подхватилъ Алексѣй Петровичъ.

Но не одинъ Алексѣй Петровичъ не понималъ своего барина. Управляющій имѣньемъ Берницына, получивъ отъ него письмо, съ саркастическою улыбкою посмотрѣлъ на конвертъ. «Что, небойсь, опять денегъ?» сказалъ онъ про себя. «Да, жди! Откуда ихъ возьмешь!» Но онъ совсѣмъ сталъ въ тупикъ, когда, вмѣсто требованія денегъ, Берницынъ требовалъ дѣйствительнаго отчета, чтобъ писать, видишь, ему и объ озимыхъ, и объ яровыхъ, и объ ригѣ новой, и объ овинѣ старомъ, и пришлетъ онъ имъ молотильную машину, и плугъ такой особенный; и какъ, говоритъ, мнѣ можно будетъ, такъ и самъ пріѣду въ деревню. — Послѣднее обстоятельство уже вовсе не понравилось управляющему....

XVII.

Новыя занятія не могли, однако, избавить Берницына отъ грусти. Онъ такъ тосковалъ, что Авдотья Николаевна не разъ просила его веселиться попрежнему, находила, что онъ впадаетъ въ крайности, что бѣгать отъ свѣта не годится. Все это была совершенная правда; но въ тоже время она очень хорошо знала, что не свѣтъ и не удовольствія могутъ развлечь ея сына.... А едва только она или Маша заговаривали съ нимъ объ Ольгѣ, Берницынъ сердился, говорилъ, что у нихъ странныя мысли и просилъ оставить этотъ разговоръ...

А между тѣмъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ съ выздоровленія Берницына. Онъ видѣлъ каждый день Ольгу. Но во все это время онъ не сказалъ ни одного слова, ни одного намека о томъ, о чемъ такъ хотѣлось говорить. Напротивъ, онъ былъ съ нею холоденъ, онъ избѣгалъ откровенныхъ разговоровъ, онъ обращался съ нею такъ, какъ будто бы она была вдвое старше его.... Но стоило Ольгѣ похвалить какую нибудь книгу или пьесу—на другой день и книга и ноты являлись. Когда она хотѣла благодарить его, онъ изъявлялъ нетерпѣніе и тотчасъ старался перемѣнить разговоръ. Иногда, совершенно безъ всякаго намѣренія, она похвалитъ какую нибудь комедію, и какъ бы ни было трудно, но ложа являлась именно въ тотъ день, когда давали эту комедію. Кончилось тѣмъ, что Ольга боялась выразить какое нибудь

желаніе при Берницынѣ. Но это оказалось напраснымъ. Онъ вдругъ выказалъ дипломатическія способности: съ необыкновенною ловкостію допытывался отъ сестры, отъ матери, угадывалъ по глазамъ Ольги, по тону ея голоса, и такимъ образомъ всегда предупреждалъ ея желанія.

Вотъ наши подруги опять за работою. Берницынъ сидитъ у окна, молчитъ и куритъ папиросу. Зашла рѣчь о картинахъ. Ольга любила живопись и сама рисовала. Маша разсказывала ей, что у одного извѣстнаго любителя есть богатое собраніе рѣдкихъ картинъ.

— Я бы хотѣла посмотрѣть ихъ, сказала Ольга.

— Но туда трудно попасть, отвѣчала Маша: — надо имѣть особое позволеніе.

Въ эту минуту Берницынъ оглянулся. Ольга спохватилась.

— Впрочемъ, нѣтъ, не стоитъ, сказала она тотчасъ равнодушно. — Послѣ эрмитажа, навѣрно, тамъ нечего смотрѣть....

— Отчего же? сказала Маша: — все-таки стоитъ.

— Нѣтъ, я бы не поѣхала.... повторила Ольга. Но Берницынъ попрежнему молчитъ и смотритъ въ окно.

Прошла недѣля. Ольга совсѣмъ позабыла этотъ разговоръ.

— Я привезъ вамъ позволеніе, Ольга Александровна, сказалъ разъ Берницынъ.

— Какое позволеніе?

— Осмотрѣть картины. И онъ вызвался сопровождать ее и Машу.

Разъ, возвращаясь съ прогулки, подруги застали Берницына въ комнатѣ Маши. Онъ сидѣлъ, опершись рукою на столъ; предъ нимъ лежалъ альбомъ портретовъ, принадлежавшій Машѣ. Онъ до того засмотрѣлся на портретъ Ольги, что не замѣтилъ, какъ онѣ вошли. Онъ быстро закрылъ альбомъ и слегка покраснѣлъ. Ольга поняла въ чемъ дѣло, и тотчасъ стала ему разсказывать о какой-то знакомой, которую онѣ только-что встрѣтили....

На другой же день Берницынъ вновь принялъ свою роль. И вновь глубокое уваженіе, наружная холодность, тайныя страданія, и ни одного слова, ни одного намека... Это была нѣмая, но страстная любовь.

XVIII.

Между тѣмъ страсть до того овладѣла всѣмъ существомъ

Берницына, что сдерживать ее больше не хватало силы. Надо было на что нибудь рѣшиться....

А Ольга давно простила ему прошедшее.... Напротивъ, она находила удовольствіе быть вмѣстѣ съ нимъ; она обижалась его скрытностью. Она жаловалась Машѣ, что ей скучно въ Петербургѣ, говорила, что ей пора ѣхать въ деревню.... Иногда она какъ будто хотѣла сказать что-то Берницыну, но смотрѣла на него.... и не рѣшалась.

Разъ, поздно вечеромъ, Ольга услышала изъ спальни Авдотьи Николаевны сдержанныя рыданья. Это былъ голосъ Берницына. Ольга хотѣла пройти мимо, но, противъ воли, остановилась у двери и стала подслушивать....

Берницынъ признавался, что онъ не въ состояніи больше вести такую жизнь; онъ жаловался на безвыходную грусть, на отчаяніе.... Ольга не могла слышать всѣхъ словъ; голосъ Берницына дрожалъ и обрывался. Она только слышала, какъ онъ умолялъ свою мать не говорить никому, рѣшительно никому.

Ольга задрожала отъ волненія. Она хотѣла отворить дверь и прямо ему сказать все.... но, услышавъ шаги его, она быстро побѣжала прочь, бросилась на шею Машѣ и стала судорожно цаловать ее.....

— Ольга! Ольга! Да что такое? спрашивала ее Маша сквозь слезы.

— Ничего.... ничего.... отвѣчала она задыхающимся голосомъ: — только сердце.... такъ больно.... бьется.... больно....

На другой день Берницынъ не явился. Это вообще былъ тяжелый день для всѣхъ. Авдотья Николаевна смотрѣла какъ-то странно на Ольгу; Ольга краснѣла; Авдотья Николаевна нѣсколько разъ какъ будто собиралась сказать ей что-то.... Но рѣшимости не хватало и слова ея замирали. Берницынъ цѣлый день не выходилъ изъ дому. Ночью, сонъ его былъ тревоженъ. Мысли не давали ему покоя. Но къ утру онъ заснулъ. Онъ всталъ съ видомъ рѣшительнымъ. Только, по временамъ, холодная дрожь пробѣгала по тѣлу.

Онъ поѣхалъ на Литейную и прямо спросилъ Ольгу—можетъ ли онъ говорить съ нею.

Они остались вдвоемъ. Оба молчали. Ольга безсознательно смотрѣла на открытыя страницы книги. Берницынъ кусалъ губу. Молчаніе тяготило ихъ обоихъ.

— Какъ трудно бываетъ говорить иногда.... сказалъ наконецъ онъ съ улыбкою.

Ольга молчала. Глаза ея точно прикованы были къ страницамъ, въ которыхъ она ничего не понимала, ничего не видѣла.

— Впрочемъ, то, что я хочу сказать вамъ, Ольга Александровна, не такъ ужь мудрено.... говорилъ Берницынъ медленно и стараясь быть спокойнымъ. — Во-первыхъ, я долженъ просить у васъ прощенія.... вы знаете за что? За многое.... Но мнѣ почему-то кажется, что ваше доброе сердце позабыло прежнее.... Потомъ, позвольте поблагодарить васъ....

— За что? тихо спросила Ольга, и подняла голову.

— Только за то, что вы сдѣлали изъ меня человѣка, отвѣчалъ Берницынъ, слегка улыбнувшись. — Только за то, что вы спасли меня отъ погибели.... потому что какъ иначе назвать такую жизнь, въ которой человѣкъ хоронитъ умъ и чувство?... Вы, можетъ быть, сами не подозрѣвали, что вы сдѣлали; но я повторяю вамъ, Ольга Александровна, что я обязанъ вамъ, единственно вамъ. А между тѣмъ странно.... Если бы я васъ не встрѣтилъ, моя жизнь потекла бы спокойно: я бы влюблялся, позабывалъ, снова влюблялся.... По крайней мѣрѣ.... по крайней мѣрѣ нѣтъ страданій. А вѣдь, чѣмъ больше чувствуешь, чѣмъ больше понимаешь.... (Берницынъ остановился).... тѣмъ тяжеле не быть увѣреннымъ, — наконецъ проговорилъ онъ.

Онъ замолчалъ; но Ольга не отрывала глазъ своихъ отъ книги.

— Я боюсь спросить вашего отвѣта, Ольга Александровна....

Она не отвѣчала. Но Берницынъ видѣлъ, что лицо ея все болѣе и болѣе разгоралось, а страницы были смочены ея слезами.

— Я знаю, что не стою васъ, Ольга, сказалъ тогда горячо Берницынъ. — Въ самомъ дѣлѣ, кто поручится вамъ, что я опять не вернусь къ прежней жизни? И можете ли вы вѣрить человѣку, который такъ недавно понялъ и оцѣнилъ васъ? Вотъ что меня до сихъ поръ мучило.... Вы имѣете полное право сомнѣваться въ моей любви. А я не хочу этого сомнѣнія! (Берницынъ покраснѣлъ). Мнѣ остается одно средство: я рѣшился на время уѣхать...

— Уѣхать? спросила Ольга, и глаза ея глядѣли на него тревожно.

— Для того, чтобы вы не сомнѣвались, Ольга, для того, чтобы вы были совершенно свободны въ вашемъ отвѣтѣ. А когда я

возвращусь, то каковъ бы ни былъ вашъ отвѣтъ, мнѣ легче будетъ перенести его, чѣмъ ваше сомнѣніе....

— Да, Боже мой, развѣ я сомнѣваюсь? спросила Ольга, больше не сдерживая своихъ слезъ. — Я вѣрю вамъ! Понимаете? Я вѣрю вамъ! И она протянула обѣ руки Берницыну . . . . .

. . . .

XIX.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ.

Берницынъ и Ольга, послѣ свадьбы, поѣхали въ деревню, къ родителямъ Ольги. Когда Берницынъ увидѣлъ, какъ отецъ цаловалъ руки своей Ольги, когда онъ увидѣлъ открытое и доброе лицо матери, онъ понялъ, какъ образовался характеръ Ольги.... Берницынъ вышелъ въ отставку, сдѣлался дѣльнымъ хозяиномъ и сталъ служить по выборамъ.

Маша вышла замужъ за своего таинственнаго Л. съ тремя звѣздочками. Но теперь звѣздочки можно откинуть и сказать, что она стала называться мадамъ Лунина.

Года черезъ два, послѣ всего описаннаго, Берницынъ гулялъ съ женою въ Петербургѣ.

— Смотри, сказала съ улыбкою Ольга мужу: — вотъ идетъ твоя прежняя любовь!...

И Берницынъ увидѣлъ пикантную вдовушку, которая шла подъ руку съ маленькимъ старичкомъ. Съ другой стороны шелъ недурной наружности молодой человѣкъ. Она сильно съ нимъ любезничала.... Старичокъ, богатый и титулованный, былъ мужъ ея.

А затѣмъ.... затѣмъ, читатель, позвольте мнѣ окончить этотъ разсказъ, какъ кончали добрые люди въ старину. Берницыны были счастливы, долго жили, и любили дѣтей своихъ....

ЛЕВЪ УТИНЪ.

1861.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ССЫЛЬНО-КАТОРЖНАГО (*).

III.

ДОРОГА.

Наконецъ назначенъ былъ день отправленія партіи. Я укладывалъ въ свой чемоданчикъ вымытое моею пріятельницей Василисой бѣлье. Вдругъ меня окружила цѣлая толпа моихъ несчастныхъ товарищей. Въ первую минуту я подумалъ, что ихъ привлекло любопытство посмотрѣть мои вещи—и, грѣшный человѣкъ, я поторопился запихать въ чемоданъ красныя канаусовыя рубашки, какъ самый соблазнительный предметъ изъ моего гардероба. Но каково было мое удивленіе, когда я узналъ, что толпа эта было общество, выбравшее меня старостою.—Да что вы, братцы! какой я староста, сказалъ я въ смущеніи: — я ничего не разумѣю, порядковъ вашихъ никакихъ не знаю; выберите кого нибудь изъ бывалыхъ. — «Чего тутъ не знать!» возразило нѣсколько голосовъ: — «мы ужь на томъ порѣшили.»—«Такъ ужь, вѣрно, и будетъ», прибавилъ Косой Омуль. Мнѣ не дали долго раздумывать, потому что позвали уже для исполненія новой моей обязанности, для принятія тулуповъ.

«Что такое староста?» спросите вы.—Это посредникъ между арестантами и начальствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лицо отвѣтственное за

(*) Первыя двѣ главы напечатаны въ «Современникѣ» 1861 года, № 9.

всѣ происшествія, случающіяся въ тюрьмѣ или на походѣ. Обязанность трудная, потому что надобно угождать обѣимъ сторнамъ.

Меня заставили сосчитать тулупы. Перебрасывая ихъ, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что большая часть изъ нихъ годилась развѣ на 12-тилѣтнихъ ребятъ, и осмѣлился доложить, что вотъ эти тулупы будутъ маловаты. — «Не твое дѣло!» прочамкалъ старикъ-смотритель. Ребята, которые были со мной, лукаво улыбнулись, какъ бы давая знать, что это дѣло обыкновенное, что такъ всегда бываетъ. «У кого похуже, тотъ и возьметъ побольше», прошипѣлъ опять смотритель въ видѣ оправданія.

Вскорѣ я убѣдился, что раздача тулуповъ была сдѣлана только для того, чтобы выписать ихъ въ расходъ и тѣмъ заключить статью прихода въ карманахъ подрядчика и тюремнаго начальства, потому что большая часть пересыльныхъ имѣла еще очень хорошіе тулупы. Разумѣется, розданныя вещи, за исключеніемъ сколько нибудь годныхъ, были тотчасъ же проиграны или проданы арестантами, и послѣ разныхъ мытарствъ, вѣроятно, вернулись въ тюремный цейхгаузъ вмѣсто новыхъ.

На другой день, рано утромъ, мы вышли изъ острога; за городомъ партія остановилась, чтобы обождать подводы съ *экипажемъ* арестантовъ, которыя нѣсколько замѣшкались. «Старосту послать!» закричалъ партіонный. «Старосту послать!» повторило нѣсколько голосовъ, и я поспѣшилъ явиться предъ его благородіемъ. — «Ты откуда?» спросилъ онъ меня, послѣ минуты молчанія. — Съ Кавказа. — «Изъ какихъ?» продолжалъ онъ, видимо избѣгая личнаго мѣстоименія. — Изъ поручиковъ — скаго полка. — «Извините!» проговорилъ онъ съ замѣтнымъ смущеніемъ и отвернулся. Таково было мое первое впечатлѣніе на походѣ.

Равномѣрное бряцанье оковъ, мертвенность природы, покрытой снѣжнымъ саваномъ, воспоминаніе о лучшемъ времени, безконечная траги-комедія, въ которой мнѣ суждено быть актеромъ, — все это настроило душу мою на очень грустный ладъ. Я шелъ почти машинально. Мысль вертѣлась около самоубійства: въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли покончить съ жизнью, чѣмъ влачить ее такимъ образомъ? Но голосъ совѣсти говорилъ: «къ чему же тогда была твоя глупая выходка противъ полковника, когда ты не въ силахъ выносить страданіе? Неужели любовь къ человѣчеству требуетъ самопожертвованія только на одну минуту, а не на цѣлую жизнь?»

Между тѣмъ партія подошла къ деревнѣ и я былъ выведенъ изъ своей грустной думы не менѣе грустною пѣснью моихъ товарищей:

«Отцы наши милосердые,
Не забудьте насъ несчастныхъ!»

Изъ домовъ стали выносить подаяніе: кто калачики, кто булки, а изрѣдка и пятакъ. Милостыня подавалась съ тѣмъ поклономъ, которымъ всегда сопровождаетъ ее русскій простолюдинъ. Въ этомъ выразительномъ поклонѣ просвѣчивается не только человѣколюбіе, но еще и деликатность чувства: человѣкъ, подающій благостыню, благодаритъ за принятіе ея. Я слышалъ, что за границей этого сочувствія народа къ такъ - называемымъ отверженцамъ общества нигдѣ не замѣчается, и даже самые преступники, по крайней мѣрѣ массою, ожидая встрѣтить одно только презрѣнье къ себѣ, никогда не обращаются къ народу. Но у насъ этого нѣтъ: чѣмъ дальше углубляется въ Сибирь ссыльный преступникъ, тѣмъ болѣе убѣждается онъ, что связь его съ обществомъ не разрушена фактически, —что онъ въ глазахъ народа не столько преступникъ, сколько несчастный, и это не мало поддерживаетъ въ немъ нравственную силу. Слова: «каторжанъ», «варнакъ», «чолдонъ» употребляются въ видѣ брани между сибирскими простолюдинами честнаго сословія, но почти никогда, даже въ гнѣвѣ, не бросятъ они этихъ названій въ лицо ссыльному.

Отчего же происходитъ, что въ странахъ цивилизованныхъ такъ мало состраданія къ падшимъ братьямъ? Да еще и думаетъ ли тамъ большинство, что ихъ можно назвать братьями? На это отвѣтъ конечно не трудно найти у европейскихъ мыслителей. Но отчего же у насъ народъ не имѣетъ этого взгляда? Мнѣ кажется, что кромѣ бо́льшей мягкости, общей всѣмъ славянскимъ племенамъ, существуетъ и ближайшая причина: произволъ и насиліе играли такую важную роль въ судьбѣ нашихъ простолюдиновъ, что имъ приходитъ всегда на умъ, при видѣ арестантовъ, что не нынче, такъ завтра и они можетъ быть надѣнутъ кандалы и ихъ поведутъ за конвоемъ — не за преступленіе, а по одному подозрѣнію. Не даромъ же сложилась у насъ пословица: «отъ котеля, да отъ тюрьмы никто не отказывайся!» Понятіе о законности такъ мало развито у нашихъ простолюдиновъ, что въ Сибири (гдѣ еще не было крѣпостнаго права) мужикъ, а въ особенности баба не поймутъ выраженія: *нарушилъ законъ*; или, пожалуй, и поймутъ, но для нихъ это будетъ значить: нарушилъ брачный союзъ, разлучилъ мужа съ женой. Простолюдинъ такъ увѣренъ въ произволѣ и самовластіи начальства, что отказъ чиновника въ какой нибудь просьбѣ, по причинѣ незаконности, для него непонятенъ: «ваше высокоблагородіе», или «ваше почтеніе, — вамъ все можно», отвѣтитъ онъ, и подумаетъ, что о законѣ говорятъ такъ, *подъ видомъ благочестія*, а въ самомъ дѣлѣ чиновникъ или хочетъ сорвать что нибудь съ просителя, или просто не хочетъ сдѣлать; но никакъ не допуститъ

того, что законъ можетъ служить преградою тому, кто облеченъ властью.

Но вотъ мы достигли этапа. Только-что насъ загнали туда и заперли, какъ появились бабы съ разными яствами: тутъ были гороховая похлебка, пельмени, вареный картофель, мясо, и пр. Запахъ печенаго лука пріятно раздражалъ органъ вкуса; у арестантовъ, что называется, текли слюнки; но торговля не допускалась: шли переговоры. Черезъ пять минутъ однако собрано было по грошу, сумма вручена старшему (унтеръ-офицеру) и двери нашей временной тюрьмы растворились. Все было раскуплено мигомъ и по дорогой цѣнѣ. «Бѣдные мы!» подумалъ я: «насъ не перестаютъ стричь, какъ барановъ, и мужья, и жены.»

Нескончаемо длинно потянулся путь нашъ черезъ Сибирь, уставленный, черезъ нѣсколько десятковъ верстъ, желтыми домами съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ и дворами, окруженными высокимъ частоколомъ. Не знаю, какое впечатлѣніе производитъ большая сибирская дорога на того, кто быстро несется по ней; но на пѣшехода однообразіе ея наводитъ совершенное уныніе. Задается степь, и тянется сотни верстъ; смѣнитъ ее лѣсъ, и тоже нѣсколько дней передъ глазами вашими однѣ сосны; вотъ горы—авось онѣ измѣнятъ ландшафтъ,—ни чуть не бывало: и онѣ расползлись однообразно, однѣ, какъ другія. Рѣки, озера,—все широко, длинно, монотонно, а главное — не оживлено присутствіемъ человѣка, который всегда разнообразитъ ландшафтъ произведеніями своей дѣятельности. И тянулся этотъ скорбный путь нескончаемо долго — почти годъ!

Всѣ городскіе остроги, на пути нашемъ, послѣ тобольскаго, не представляли ничего особенно новаго и замѣчательнаго. Человѣкъ, прошедшій день-другой съ партіею арестантовъ, можетъ быть, и вынесъ бы много впечатлѣній; но въ продолженіе слишкомъ трехъсотъ дней вниманіе такъ утомляется, что все кажется совершенно обыкновеннымъ. Конечно, и тутъ безпрестанно разыгрываются драмы и въ нихъ та же любовь и ревность, возвышенные и постыдные порывы души, — тѣ же страсти, какъ и въ свѣтѣ, но только форма неизящна, какъ вся окружающая арестанта обстановка.

Разъ на дворѣ одного этапа, я былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены: «Любила бы тебя такъ турецкая сабля!» вскрикнула маленькая бабенка рослому арестанту, упрекавшему ее вѣроятно въ невѣрности. «Стану я заниматься *съ кислой амуниціей*, (*) *съ крупою*

(*) Такъ называютъ арестанты солдатъ. *Крупою* — потому, что солдаты получаютъ въ провіантъ ячную крупу, которой арестанты лишены; эпитетъ «*несчастная*» объясняетъ взглядъ арестантовъ на положеніе своихъ сторожей, которое, по ихъ мнѣнію, не далеко ушло отъ ихъ собственнаго.

несчастной!» — «Да чего! мнѣ дѣвки сказывали, какъ ефрейторъ-то тебя мялъ.» — «Это Катька тебѣ сказывала? — безстыжіе ея глаза! — У самой-то хвостъ весь замаравъ, — постыдилась бы хоть своего парнишку! И тотъ намедни говоритъ: мамка! что у меня тятьки-то все другіе: Иванъ былъ, Семенъ... и пошелъ, пострѣленокъ, пересчитывать, — со смѣху всѣ померли. — Да нѣтъ, мы дуры! любимъ, сохнемъ по васъ, а вы чего! — насмѣетесь, наругаетесь только надъ нашей сестрой. — Вонъ Таня-то присохла къ беспутному Сашкѣ: во вѣки, говоритъ ей, буду жизнь съ тобою проводить; а тутъ, въ Томскѣ, нашелъ дурака, обмѣнялся именемъ и пошелъ на поселеніе. Выходить надо — она хвать, гдѣ Саша? — а Саши то и слѣдъ простылъ, да и полушалокъ-то у ней унесъ; — теперь въ больницѣ лежитъ безъ памяти! Всѣ вы сначала только улещаете — и повѣришь; — чего мастера, безъ мыла влѣзете, — а свяжись только съ вашимъ братомъ, такъ вамъ Катька больше нравится! — Что она, прости Господи! сахарная, что ли? — Нечего меня ефрейтеромъ-то корить: чистое къ поганому не пристанетъ, а ты вотъ скажи, безстыжіе твои глаза, ты-то за что Катькѣ полтину далъ? Вишь, богачъ какой сыскался! — Подлецъ ты эдакой!»

Неемотря на легкость, съ которою арестанты обоего пола могли вступать въ связь между собою, не должно однако заключать, что развратъ совершенно царствовалъ въ партіяхъ: Катьки всегда составляли исключеніе; напротивъ того, дорогою почти всегда устанавливались постоянныя связи, закрѣплявшіяся часто законнымъ бракомъ. И въ мѣстахъ ссылки, начальники по большей части не разлучали паръ, соединенныхъ этимъ естественнымъ бракомъ, потому что знали по опыту, что ничто такъ не удерживаетъ арестанта отъ побѣга, какъ семья. Строгіе блюстители нравственности можетъ быть осудятъ тѣхъ, кто снисходительно смотрѣлъ на эти связи; но не надобно забывать, что законъ дозволялъ ссыльно-каторжнымъ вступать въ бракъ только по прошествіи долгаго времени, которое для сосланныхъ безъ срока простиралось до одиннадцати лѣтъ. «Всѣ мы люди, всѣ человѣки», говаривалъ одинъ заводскій управитель, когда кто нибудь касался этого предмета. И въ самомъ дѣлѣ, уничтожить половаго стремленія нельзя, а наказывать за него ссыльныхъ было бы безчеловѣчно: въ физической любви эти несчастные находятъ единственное наслажденіе, замѣняющее пагубныя наклонности къ вину и къ картамъ; эта любовь служитъ даже, очень часто, началомъ и душевной связи, возвышающей ихъ нравственно, особливо съ рожденіемъ дѣтей. Всякое же преслѣдованіе половаго стремленія поведетъ только къ сильнѣйшему разврату.

Препровожденіе арестантовъ въ послѣднее время обратило на

себя вниманіе нашей литературы, и вопросъ этотъ разобранъ довольно подробно, а потому повторять то же самое, только въ другой формѣ, мы считаемъ излишнимъ. Но хотя въ разныхъ журнальныхъ статьяхъ и высказано много справедливыхъ, дѣльныхъ и гуманныхъ мыслей объ этомъ предметѣ; но мы полагаемъ, что при существующей пенитенціарной системѣ, отъ измѣненія только одного порядка препровожденія арестантовъ, ожидать какихъ либо важныхъ результатовъ, по крайней мѣрѣ въ нравственномъ отношеніи,—нельзя. Мнѣніе же наше вообще объ этомъ предметѣ мы выскажемъ въ концѣ этихъ замѣтокъ; а теперь заявимъ еще одинъ фактъ, относящійся до обращенія съ арестантами во время дороги.

Въ жаркій лѣтній день, между Верхнеудинскимъ и Нерчинскомъ (тогда еще не существовало Забайкальской области и города Читы), истомленная партія приближалась къ одному этапу; неподалеку отъ него разстилалось озеро, которое манило къ себѣ своею свѣжестью. У арестантовъ явилось непреодолимое желаніе выкупаться; это было, пожалуй, не только желаніемъ, но настоящею потребностью въ гигіеническомъ отношеніи. Арестанты, дошедши до мѣста, обратились прямо къ партіонному офицеру и упрашивали его позволить имъ выкупаться, хотя поочередно. Въ голосѣ арестантовъ было столько искренности и столько довѣрія, что развѣ самый отъявленный нѣмецкій формалистъ могъ бы отказать имъ въ этомъ. Арестанты, высказавъ съ теплымъ чувствомъ свое желаніе, не ошиблись въ партіонномъ: это былъ высокій осанистый старикъ съ такимъ добродушнымъ лицомъ, которое рѣдко можно встрѣтить у офицеровъ, выслужившихся изъ солдатъ; онъ былъ капитанъ, но ему не давали роты за снисходительность или, вѣрнѣе, за человѣчность, которую онъ оказывалъ къ нижнимъ чинамъ и которую величали слабостью. Вотъ что онъ отвѣтилъ арестантамъ: «Братцы! солдатушки устали также, какъ и вы: по десятку пускать васъ подъ конвоемъ — долго будетъ; въ кандалахъ васъ пустить въ воду — я боюся; такъ вотъ что я придумалъ: мнѣ васъ жалко, ребятушки, я васъ раскую всѣхъ и ступайте вы купаться безъ конвоя.—Вы побережете мою сѣдую голову: я знаю, вы воротитесь домой всѣ!»—«Отецъ нашъ!» вскричали въ одинъ голосъ арестанты: «слово даемъ, что не введемъ тебя въ отвѣтъ.» — «Ну, ступайте-жь, да кто у васъ хорошо плаваетъ, смотри за другими, чтобъ, Боже сохрани, не потонулъ кто.» Ну, и разумѣется, черезъ два часа всѣ до одного человѣка были на мѣстѣ. И не задумался потомъ мой старикъ довести арестантовъ раскованными до предпослѣдняго этапа, къ нерчинскимъ заводамъ: никто не бѣжалъ, ни одной шалости, ни одного происшествія не было дорогой. Черезъ три недѣли проходила другая партія;

офицеръ былъ строгъ и ни на волосъ не отступалъ отъ инструкцiи: немудрено, онъ былъ молодъ, и въ первый разъ велъ партiю. — Что же вышло?—На борщовскомъ хребтѣ, составляющемъ водораздѣлъ Шилки и Газимура, у него бѣжало шесть человѣкъ, и кромѣ того, всякiй почти день строгому офицеру приходилось сѣчь то солдата, то арестантовъ—то за пьянство, то за буйство.

IV.

НЕРЧИНСКIЕ ЗАВОДЫ.

Когда партiя наша перевалила чрезъ Яблоновый хребетъ, я съ нетерпѣнiемъ спрашивалъ у бывалыхъ: далеко ли до Нерчинска? Тамъ, думалъ я, будетъ конецъ нашего печальнаго странствованiя. Но каково было мое удивленiе, когда вступивъ въ городъ и пройдя мимо старыхъ каменныхъ зданiй съ чрезвычайно крутыми крышами (гдѣ помѣщаются присутственныя мѣста), мы очутились опять на этапѣ. Тутъ только узналъ я, что Нерчинскъ вовсе не мѣсто ссылки, а просто окружной (уѣздный) городъ и центръ небольшой торговли лежащаго за Камнемъ (т. е. Яблоновымъ хребтомъ) края. До *нерчинскаго же завода,* въ которомъ сосредоточено управленiе горными заводами, оставалось—увы!—ходу еще двѣ недѣли.

Томительно бываетъ ожиданiе конца всякаго дѣла; желанiе же мое покончить поскорѣе это ужасное странствованiе было просто болѣзненнымъ. Наконецъ, прошли эти двѣ недѣли; и вотъ, въ одинъ прекрасный день, дорога, шедшая у подошвы хребта, круто повернула направо, и мы завидѣли невзрачные домики: «вотъ и Нерчинской!» сказалъ кто-то.

Нерчинскiй заводъ — своего рода городъ съ 4 тысячами населенiя—раскинутъ на склонахъ двухъ горъ и по узкой долинѣ, по которой бѣжитъ маленькая рѣчка Алтача (золотое дно). По другую сторону рѣчки тянется высокая, голая гора, украшенная, по сибирскому обыкновенiю, на самой вершинѣ крестомъ, и потому называемая Крестовкой. Въ этой-то горѣ впервые была открыта серебряная руда (*).

Мы пришли въ Нерчинскiй заводъ послѣ вечерни; насъ перекликали, осмотрѣли и отвели въ тюрьму. На другой день меня позвали въ присутствiе горнаго правленiя, гдѣ находились: горный началь-

(*) Для желающихъ познакомиться съ краткою исторiею нерчинскихъ заводовъ, мы дѣлаемъ особое прибавленiе.

никъ, его помощникъ, три совѣтника и докторъ. Начальникъ спросилъ мою фамилію, гдѣ я служилъ, и не имѣю ли я какой денежной квитанціи? (хотя это все ему было извѣстно изъ моего статейнаго списка, лежавшаго передъ нимъ, и изъ отношенія тобольскаго приказа о ссыльныхъ). На послѣдній вопросъ я отвѣчалъ, что у меня есть квитанція на 100 руб., отобранныхъ у меня въ Тобольскѣ.— «Дайте ее мнѣ», сказалъ начальникъ. Я подалъ ему квитанцію, и въ свою очередь спросилъ: долженъ я лишиться этихъ денегъ?—«Нѣтъ», отвѣчалъ онъ съ улыбкою: «лишеніе правъ такъ далеко не простирается; деньги эти будутъ отосланы въ шилкинскій заводъ, куда мы васъ назначили, и вы будете получать ихъ по мѣрѣ надобности, по частямъ, отъ управляющаго округомъ.»—«Знаете ли вы иностранные языки?» присовокупилъ начальникъ; и на мой утвердительный отвѣтъ, онъ предложилъ мнѣ написать что нибудь по русски, по французски и по нѣмецки въ особой книгѣ, гдѣ находились между прочимъ автографы всѣхъ политическихъ преступниковъ. Начальникъ объявилъ мнѣ, что у меня будетъ очень хорошій управляющій, и пожелалъ мнѣ заслужить его расположеніе. «Тамъ и здоровье ваше поправится (при осмотрѣ у меня оказался скорбутъ). Шилка самое здоровое мѣсто», прибавилъ онъ, въ видѣ утѣшенія.

Выйдя изъ горнаго правленія, я замѣтилъ, что подъ горою находился гостинный дворъ, а площадь передъ нимъ была уставлена возами съ жизненными припасами.—«Вишь, навозъ какой сегодня на базарѣ», сказалъ мой конвойный: «надо бы масла посмотрѣть, хозяйка масленку (*) хочетъ стряпать.»—Что же, за чѣмъ дѣло стало, пройдемъ мимо базара, отвѣтилъ я; онъ охотно согласился. Базаръ былъ полонъ; масла, сазановъ, крупы, муки пшеничной, изобихоженной (т. е. изъ промытой и отолченной пшеницы), разнаго рода дичи: рябчиковъ, тетеревей, глухарей, куропатокъ, козулины было въ изобиліи, и не дорого. — Неужели все это раскупятъ? спросилъ я. «Мало у насъ въ заводѣ народа-то! господа, купцы почтенные, да и мы грѣшные купимъ». Возвратясь чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Нерчинскій заводъ, я уже не видалъ такого базара; муку, крупу, масло, еще можно было найти на немъ, и то по дорогой цѣнѣ, а о дичи и помину не было; такъ неблагопріятно подѣйствовало на мѣстные рынки преобразованіе заводскихъ крестьянъ въ козаки.

Мы воротились въ тюрьму, находившуюся на другой сторонѣ Алтачи, у подошвы Крестовки, другимъ путемъ: по переулку, идущему за лучшимъ домомъ въ заводѣ, купцовъ К., при чемъ мой кон-

(*) Разныя хлѣбныя печенья на маслѣ, которыя составляютъ непремѣнную принадлежность угощенія во время масляницы.

войный превозносилъ богатство, силу и вліяніе этой фамиліи въ былое время. Во время сенаторской ревизіи и послѣ, начальство Восточной Сибири считало ихъ корнемъ злоупотребленій, обнаружившихся въ нерчинскихъ заводахъ, и потому старалось отыскать благовидный предлогъ для преслѣдованія ихъ; въ числѣ такихъ выбрана контрабанда, которою занимались почти всѣ пограничные жители Нерчинскаго края; но несмотря на всѣ ухищренія, поймать этихъ купцовъ съ поличнымъ—не удалось, потому что имъ помогало почти все народонаселеніе. Однакожь начальство успѣло разорить ихъ особеннымъ филантропическимъ пріемомъ, именно: оно запретило крестьянамъ и пограничнымъ козакамъ платить имъ долги свыше 5 руб. ассигнаціями, а имъ всѣ были должны въ томъ краѣ; вслѣдствіе такой мѣры они потеряли слишкомъ милліонъ рублей, и дѣйствительно разорились. Но улучшилось ли отъ этого положеніе нерчинскихъ заводовъ и заводскихъ крестьянъ, обращенныхъ вскорѣ послѣ того въ козаки? Уничтожились ли злоупотребленія на заводахъ?—Не только нѣтъ, но ухудшеніе пошло crescendo.

Вскорѣ, по возвращеніи моемъ въ тюрьму, туда пріѣхалъ горный начальникъ, вызвалъ разныхъ мастеровыхъ изъ нашей партіи, часть ихъ оставилъ въ Нерчинскомъ заводѣ, а всѣхъ остальныхъ назначилъ въ шилкинскій округъ на карійскіе золотые промыслы, которые тогда только-что начинали развиваться.

На другой день мы отправились къ мѣсту нашего назначенія. Путь былъ недологъ: верстъ 160 или 180; говорю такъ неопредѣленно потому, что версты по этой дорогѣ какъ-то необыкновенно длинны, кажется, семисотъ-саженныя; вообще про измѣреніе этой дороги говорилось: «мѣрила старуха клюкой, да и махнула рукой!»

Чтобы не возвращаться нѣсколько разъ къ географическому описанію нерчинскихъ заводовъ, мы замѣтимъ теперь, что всѣ заводы и рудники лежатъ между рѣками Шилкою и Аргунью, въ русской Дауріи. Эти двѣ рѣки: Шилка, начиная отъ города Нерчинска, а Аргунь, отъ вступленія въ русскіе предѣлы, текутъ почти паралельно на сѣверо-востокъ, въ разстояніи верстъ 250 другъ отъ друга, и только къ концу своего теченія описываютъ дуги и сливаются въ новую рѣку — Амуръ. Главный водораздѣльный хребетъ, идущій ближе къ Шилкѣ, упирается въ самую стрѣлку, а подошвы восточнаго склона его бѣжитъ рѣчка Газимуръ, которая долго сохраняетъ параллельное направленіе съ Шилкою; но наконецъ, поворачиваетъ направо, т. е. на юго-востокъ, и вливается въ Аргунь. Кромѣ этого главнаго водораздѣльнаго хребта тянется еще нѣсколько второстепенныхъ, образующихъ узкія долины: Урова, Серебрянки, Зерентуя и нѣсколькихъ Борзей, притоковъ Аргуни. Да-

лѣсе, на западъ, идетъ степь вплоть до хребтовъ, образующихъ долины Онона и Ингоды, изъ соединенія которыхъ образовалась Шилка. Всѣ эти горы, равно какъ и Становой хребетъ, который тянется по лѣвому берегу Шилки и продолжается до Охотскаго моря—металлоносны, а въ долинахъ и падяхъ, какъ впослѣдствіи оказалось,—есть золото. Въ описываемое время, на лѣвомъ берегу Шилки, былъ шилкинскій заводъ съ богатымъ когда-то Екатерининскимъ рудникомъ въ 4 верстахъ; а далѣе, въ 30 верстахъ на востокъ, по рѣчкѣ Карѣ, впадающей въ Черную (притокъ Шилки)—золотыя розсыпи. На верховьяхъ Газимура былъ Газимурскій заводъ, а ниже Александровскій, окруженный на разстояніи 50 верстъ нѣсколькими рудниками, изъ коихъ самыми замѣчательными были: Акатуй, Алгачи и Кличка (послѣдняя самое южное и западное мѣсто въ нерчинскихъ заводахъ, откуда и начинается степь). Далѣе, внизъ по Газимуру, былъ еще Култушинскій рудникъ. Наконецъ, между Александровскимъ и Нерчинскимъ заводомъ, были Кутомарскій и Дучарскій заводы и множество рудниковъ въ окрестностяхъ Нерчинскаго завода: Ивановскій, Трехъ-святительскій, Зерентуйскій, Михайловскій и другіе. Нерчинскій же заводъ находился въ 12 верстахъ отъ Аргуни, составляющей границу съ китайскими владѣніями. Всѣ рудники занимались только извлеченіемъ серебристыхъ и преимущественно серебристо-свинцовыхъ рудъ, а заводы—выплавкою свинца и серебра; на другіе же металлы, какъ, напримѣръ, на цинкъ, сюрьму, мышьякъ, не обращалось вниманія. Только впослѣдствіи въ падяхъ (узкихъ долинахъ) нерчинскихъ горъ найдены были золотыя розсыпи; изъ нихъ самою большою и богатою, кромѣ Карійской, оказалась Шахтаминская, находящаяся въ 40 верстахъ къ сѣверу отъ Александровскаго завода. Теперь обратимся къ нашему разсказу.

До Култуминскаго рудника дорога шла жилыми мѣстами и не представляла никакихъ особенныхъ трудностей. Но здѣсь намъ сдѣлали дневку, потому что предстоялъ тяжелый переходъ чрезъ высокій хребетъ, верстъ въ 70, если не болѣе. Култума въ это время была бѣдное селеніе, тянувшееся по лѣвому возвышенному берегу Газимура. Проходя по улицѣ, я замѣтилъ одинъ домъ, гораздо больше другихъ и лучше построенный, и узналъ, что здѣсь живутъ политическіе преступники изъ поляковъ. Многіе изъ нихъ, сосланные на краткіе сроки, вышли тогда уже на поселеніе и занимались мелкою торговлею, подрядами и хозяйствомъ. Здѣсь также находилась часть библіотеки ихъ, отдѣленная изъ большаго (Нерчинскаго) завода. Предлогомъ къ знакомству съ ними послужила просьба одолжить мнѣ какую нибудь книгу для прочтенія. Узнавъ мою исторію, они выпросили меня къ себѣ и угостили чаемъ. По большей части это были

люди, принадлежавшіе къ небогатой шляхтѣ или къ среднему сословію. Всѣ они были очень набожными католиками и мало сближались съ русскими, исключая тѣхъ, которые занимались подрядами; тѣмъ по необходимости нужно было входить въ близкія отношенія и съ начальствомъ и съ народомъ, и въ этомъ они являлись очень ловкими: многіе изъ нихъ пользовались и добрымъ расположеніемъ начальства, и кредитомъ у народа, только въ послѣднее время по подрядамъ они нѣсколько зарисковались. Надобно отдать имъ полную справедливость: въ это тяжелое для нихъ время, они заботились не только о своихъ матеріальныхъ интересахъ, но и объ умственномъ своемъ развитіи, и многіе изъ нихъ успѣли образовать себя очень серьёзно.

Черезъ день мы оставили Култуму. Дорога шла сначала узкою долиною, но потомъ стала подыматься на густо поросшій лѣсомъ хребетъ, и чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становился онъ круче и каменистѣе. Подъемъ тянулся верстъ 30; на вершинѣ хребта одиноко стояли почтовая станція и полуэтапъ. Дорога до этого *половиннаго станка* была такъ ужасна, что я не хотѣлъ вѣрить, чтобы завтрашняя половина ея была еще страшнѣе; но назавтра я собственнымъ опытомъ убѣдился въ этомъ: я почти на каждомъ шагу спотыкался или проваливался въ ямы, занесенныя снѣгомъ.—Неужели, спросилъ я одного оборотеня: нельзя было проложить дороги чрезъ хребетъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ устроить ее получше?—«Какъ тутъ устроить: страна гиблая, народу мало; да вешнимъ временемъ ее такъ размоетъ, что почитай три года надобно чинить. А провести въ другомъ мѣстѣ почти нельзя; на Бочвы бы вывести, такъ почти и гору совсѣмъ миновать можно бы, только верстъ на пять гать настлать бы надо; да не сподручно было земскому управителю, что дорогу эту проводилъ: одно, что *капиталу* (капитала) больше потребовалось на эту дорогу, а другое, что крестьяне, значитъ, предъ управителемъ провинились: мало, значитъ, заплатили, такъ онъ тутъ ихъ и промаялъ; другіе врутъ, что у него тутъ верстахъ въ десяти сударушка жила,—да нѣтъ, куда ему старой крысѣ!» заключилъ онъ съ усмѣшкой. — Ну, а какъ же начальство здѣсь проѣзжаетъ?—«Эхъ-ма! начальство!—да его на рукахъ вынесутъ отовсюду, да и дорогу-то тогда изладятъ маленько; а вотъ, почта-то какъ ходитъ, такъ этому подивись: другой разъ мужичонокъ бѣжитъ, да самъ и звонитъ въ колокольцы».

Какъ ни долго тянулись тридцать верстъ (вѣроятно, семисотъ-саженныя), но все-таки, наконецъ, мы спустились, и предъ нами открылась въ этомъ мѣстѣ долина Шилки.—Что это, заводъ? спросилъ я, указывая на расположенное по разныя стороны селеніе.—«Нѣтъ, это

Ловшанова, а до завода отъ нея верстъ пять будетъ».—Значитъ, мы черезъ часъ и въ заводѣ будемъ?—«Что больно прытко! до заводу еще дашно (далеко), верстъ десять». И дѣйствительно, мы только черезъ три часа остановились у заводской конторы.

Шилкинскій заводъ, или просто Шилка, тянулся по лѣвому берегу рѣки версты на двѣ. Это былъ въ то время самый населенный центръ на бездорожномъ прибрежьи Шилки, тянувшемся на разстояніи почти 400 верстъ. Въ заводѣ насчитывалось до 3-хъ тысячъ жителей; три, четыре купца жили и торговали тамъ постоянно, да столько же пріѣзжало временно. Ихъ привлекали туда начинавшіе развиваться Карійскіе золотые промыслы; а такъ какъ торговать на пріискахъ запрещается въ предупрежденіе соблазна, который всегда возбуждаетъ желтый, блестящій порошокъ, то они и выбрали для своей торговли Шилку, какъ ближайшее и удобнѣйшее мѣсто, куда по временамъ пріѣзжали покупатели съ пріисковъ и изъ окрестныхъ селеній. Конечно, торговля воровскимъ золотомъ отъ этого нисколько не страдала, тѣмъ болѣе, что не купцы ею и занимались: они и безъ того хорошо наживались, бравши рубль на рубль барыша; да и золото развѣ провозилось черезъ Шилку, а не оставалось въ ней какъ въ складочномъ мѣстѣ. Не одинъ разъ пытались словить перекупщиковъ золота въ Шилкѣ, но это никогда не удавалось: попадется развѣ какой нибудь дуракъ съ золотникомъ или съ долями, и пройдетъ сквозь строй; а фунты и пуды прорываются чрезъ всякую паутину, потому, вѣроятно, что удѣльный вѣсъ металла въ такихъ массахъ чувствительнѣе. Во время сенаторской ревизіи прибѣгали даже къ жидкамъ, которые взялись быть агентами—провокаторами въ этомъ дѣлѣ; но фіаско было полное: эти агенты, не могши найти покупателей, вздумали подложить золото одному изъ польскихъ изгнанниковъ, на котораго они были за что-то злы; но строгое слѣдствіе обнаружило не только подлогъ, но даже и то, что золото было не съ Карійскихъ пріисковъ, гдѣ оно очень высокой пробы, а съ какихъ-то частныхъ промысловъ, чуть ли не изъ Западной Сибири.

Послѣ осмотра нашей партіи, мужчинъ отвели въ небольшой острогъ, который находился подлѣ конторы, а женокъ и меня — на гауптвахту, стоявшую напротивъ, на той же площадкѣ. Добрый управляющій, распросивъ меня, рѣшилъ, что я переночую сутки, другія, на гауптвахтѣ, а потомъ онъ позволитъ мнѣ жить на квартирѣ, въ той увѣренности, что я не употреблю свою свободу во зло. Разумѣется, мнѣ оставалось только поблагодарить его, что я и сдѣлалъ.

Гауптвахта, въ которую меня привели, раздѣлялась на двѣ половины, между которыми была небольшая каморка, отгороженная отъ

стѣной. Въ одной половинѣ была кордегардія, наполненная не только караульными, но и нашими конвойными; въ нее ввели женщинъ,—въ другой содержались два политическіе преступника; мнѣ предложили каморку, но холодъ въ ней заставилъ предпочесть теплую кордегардію, хотя и преисполненную людьми. Чрезъ нѣсколько минутъ однако я получилъ приглашеніе отъ моихъ сосѣдей (тобольскихъ знакомцевъ) перейти къ нимъ, и провелъ время моего заточенія, конечно, гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ душной кордегардіи, между спавшими въ повалку женками и солдатами.

Во время чая, одинъ изъ конвойныхъ принесъ изъ тюрьмы моимъ новымъ хозяевамъ записку на латинскомъ языкѣ отъ одного Д*, который съ нами былъ препровожденъ изъ Култумы. Тутъ я вспомнилъ, что польскіе изгнанники просили меня предупредить, чтобы этого господина опасались въ Шилкѣ, какъ имѣющаго неудержимую страсть къ доносамъ. Д* принадлежалъ къ извѣстной въ западныхъ губерніяхъ и въ Малороссіи фамиліи; за что онъ былъ сосланъ — неизвѣстно; вся фигура его носила печать отверженія; голова всегда опущенная на грудь; взглядъ изъ-подлобья, избѣгавшій встрѣчи съ глазами другаго человѣка, выраженіе какого-то ожесточенія на мертвенномъ лицѣ, худощавое тѣло, къ которому какъ-то неловко привѣшены были руки, и какія-то деревянныя ноги, —все это невольно отталкивало отъ него самаго сострадательнаго человѣка. Дать ему нѣсколько гривенъ—значило подвергнуться доносу въ подкупѣ, какъ это уже случилось прежде, а потому ему было отказано, а записка уничтожена. Кстати замѣчу, что съ этимъ несчастнымъ Д* товарищи его по тюрьмѣ сыграли презлую шутку, за которую онъ поплатился своими боками. На гауптвахтѣ содержалась молодая женщина, которая была беременна; разъ какъ-то на время, пока у ней что-то поправляли въ каморкѣ, ее посадили въ особое отдѣленіе тюрьмы. Арестанты этимъ воспользовались и увѣрили Д*, что Машка родила, задушила ребенка и бросила его въ уголъ на чердакѣ. Караульные солдаты были тоже въ заговорѣ и нарочно предложили Д* идти закрыть трубу во время сумерекъ. Д* обрадовался случаю, полѣзъ на чердакъ, и дѣйствительно нашелъ на чердакѣ маленькій трупъ, у котораго ощупалъ даже голову; мѣшкать было ему нельзя, потому что снизу его торопилъ часовой. Объявить караульному о своей находкѣ онъ конечно не захотѣлъ, потому что, по мнѣнію его, это уменьшило бы важность его заслуги, да къ тому же своимъ доносомъ онъ разсчитывалъ сдѣлать вредъ не только Машкѣ, но и караульнымъ солдатамъ. Вотъ вечеромъ, какъ только служащіе собрались въ контору, Д* просится къ управляющему, которому имѣетъ открыть очень важный секретъ. Приказано

было его привести, и когда важный секретъ былъ открытъ, управляющій поручилъ полиціймейстеру во всемъ удостовѣриться. Машка, разумѣется, оказалась попрежнему беременна; на чердакѣ нашли ободраннаго, *пропавшаго* (т. е. издохшаго) ягненка; а подстрекатели Д* на него же показали, что онъ самъ все выдумалъ, а они ему ничего не говорили.

Прежде нежели мы будемъ продолжать нашъ разсказъ, мы почитаемъ не лишнимъ познакомить вообще съ положеніемъ ссыльно-каторжныхъ на нерчинскихъ заводахъ. Въ этомъ отношеніи de facto, а не de jure они раздѣлялись на три главныя категоріи: къ первой принадлежали политическіе преступники, ко второй—сосланные изъ дворянъ и изъ получившихъ нѣкоторое образованіе, къ третьей изъ простолюдиновъ.

Съ лицами первой категоріи на нерчинскихъ заводахъ обращались по большей части хорошо: ихъ не посылали почти никогда на работу, и если только не было особаго предписанія — не держали въ тюрьмахъ. Начальники были съ ними вѣжливы, привѣтливы. Бывали случаи и комическіе: одинъ изъ политическихъ преступниковъ N былъ отпущенъ во время пасхи погулять по заводу, когда обыкновенно заводская молодежь играетъ на улицахъ. Проходя мимо играющей группы, N остановился предъ самою аристократическою, гдѣ участвовали дѣвицы изъ семействъ чиновниковъ, унтеръ-шихтмейстеровъ, и торгующихъ и былъ приглашенъ дѣвицами поиграть съ ними въ веревочку. Игра эта состоитъ въ томъ, что всѣ держатся руками за веревку, а одинъ или одна изъ играющихъ, находясь въ срединѣ круга, должны ловить: мужчина—женщину, а женщина—мужчину; разумѣется, составляющіе кругъ тотчасъ же оставляютъ съ той стороны веревку, куда устремляется ловецъ, но если ему удается поймать, то поймавшій цалуетъ пойманную и потомъ она замѣняетъ его мѣсто въ кругѣ. N былъ очень скоро пойманъ дочерью одного изъ мелкихъ чиновниковъ, которая была *предметомъ* самого управителя; поцалуй, которымъ она подарила N, былъ очень звученъ и продолжителенъ; послѣ того она нѣсколько разъ попадавалась ему, чтобы имѣть случай опять поцаловаться; въ *разлукѣ* (горѣлки) она старалась быть съ нимъ неразлучно и вообще явно кокетничала съ нимъ. Когда игры кончились и всѣ стали расходиться по домамъ, N предложилъ прекрасному *предмету* свою руку, которую она охотно приняла; но дорогою молодая особа, къ неописанному удивленію N, обратилась къ нему съ слѣдующею рѣчью: «Знаете ли, что теперь про васъ будутъ говорить?—Что мы живемъ съ вами!» — Это отчего? спросилъ озадаченный этимъ N.— «Мы идемъ съ вами подъ ручку». — Ахъ Боже мой! извините, я не

зналъ, что у васъ это не принято, что это неприлично; у насъ, напротивъ, это считается вѣжливостью.... «Знаю», прервала она, «въ городѣ Нерчинскѣ и въ большомъ заводѣ хорошія дамы такъ съ кавалерами прогуливаются». N хотѣлъ отнять свою руку, — но она прижала ее къ себѣ и сказала: «ничего, не безпокойтесь, я на это не обращаю никакого вниманія.» Разставшись съ кокетливой дѣвушкой у самаго крыльца ея дома, N побрелъ на гауптвахту; лицо провожавшаго его солдата было полно сдержаннаго смѣха и онъ кидалъ на N самые плутовскіе взгляды; наконецъ онъ не выдержалъ и сказалъ полушутя, полусерьезно: «ну, смотри Николаичъ!...Какъ-то мы раздѣлаемся съ управителемъ?»—А что?— «Да вотъ увидите.... десятникамъ-то приказано было смотрѣть за Панкратьевной... Сашка Топорковъ такъ слѣдомъ и шелъ, когда вы съ ней подъ ручку-то прогуливались.» На другой день Панкратьевна, пользуясь отсутствіемъ своего обожателя, нѣсколько разъ проходила мимо гауптвахты и умильно раскланивалась съ N. Предсказаніе солдатика исполнилось: какъ только возвратился управитель, ему тотчасъ было донесено о поведеніи Панкратьевны, и при вечернемъ рапортѣ онъ отдалъ приказаніе: *преступниковъ* не выпускать гулять послѣ 5-го часа, т. е. именно въ то время, когда заводскій beau monde начинаетъ гулять. Чтобы уничтожить это запрещеніе, товарищъ N-а воспользовался слабостью управителя выказывать предъ подчиненными свои познанія во французскомъ языкѣ, а потому при первомъ посѣщеніи имъ гауптвахты обратился къ нему съ слѣдующею фразою: Veuillez bien, monsieur, nous permettre de prendre un peu d'air dans la soirée, au moins jusqu' à l'appel! — «Fort bien, fort bien, messieurs, бормоталъ наполовину не понявшій управитель. — Вотъ видите ли, обратился N къ караульному ефрейтору,—господинъ управитель дозволяетъ намъ прогуливаться до повѣстки. — «Да, да!» проговорилъ тотъ въ смущеніи, — «до зори можно гулять». Такимъ образомъ запрещеніе было снято, и съ тѣхъ поръ N не подавалъ болѣе повода къ ревности; да вскорѣ впрочемъ прекрасную Панкратьевну и ревновать перестали.

Вообще можно замѣтить при этомъ, что политическіе преступники не только не могли отказаться отъ своихъ убѣжденій въ нерчинскихъ заводахъ, но должны были еще болѣе утвердиться въ томъ, что statu quo, который величали порядкомъ, былъ настоящій безпорядокъ: произволъ, отступленіе отъ закона, иногда даже невозможнаго къ примѣненію, несостоятельность бюрократической обрядности, особенно въ такомъ промышленномъ дѣлѣ, каково горнозаводское, разнаго рода лихоимство и казнокрадство, личности между начальниками и подчиненными и т. п. — представлялись тамъ на

каждомъ шагу. И нельзя оказать, что большинство служащихъ тамъ были дурные люди; напротивъ, такихъ можно было пересчитать по пальцамъ; но такова была система, что все выходило дурно, все свидѣтельствовало о безпрестанномъ разладѣ между дѣломъ и словомъ, между бумажнымъ идеаломъ и горькою дѣйствительностью. И если что измѣнилось въ этихъ, по бо́льшей части молодыхъ людяхъ, такъ это взглядъ на средства къ исправленію зла: видя его во всей наготѣ, анализируя его умомъ, охлажденнымъ и опытомъ и зрѣлостью возраста, они должны были приходить къ тому заключенію, что только путемъ серьёзнаго изученія государственныхъ вопросовъ и совершенно законнымъ стремленіемъ къ послѣдовательнымъ реформамъ, при помощи служебной или открытой общественной дѣятельности, можно дойти до хорошихъ результатовъ, а именно: до развитія въ горячо-любимомъ ими отечествѣ гражданской нравственности, безъ которой и самыя благія учрежденія не могутъ исправить зла.

Ссыльно-каторжные второй категоріи, т. е. бывшіе дворяне, далеко не всѣ пользовались благорасположеніемъ начальства, да признаться, по бо́льшей части, его и не заслуживали. Тѣ изъ нихъ, которые были сосланы хотя и за важныя преступленія, но не кидавшія темнаго пятна на честь человѣка, по большей части не употреблялись въ работу и занимались обученіемъ дѣтей, если только были хотя сколько нибудь образованы; менѣе же образованные занимались какимъ нибудь ремесломъ и тѣмъ снискивали себѣ пропитаніе; но остальные, настоящіе мерзавцы, изъ дворянъ и другихъ привилегированныхъ сословій, дѣлались еще бо́льшими мерзавцами въ ссылкѣ; неприученные по своему воспитанію ни къ какому труду, они старались отвиливать отъ работы всѣми способами; старались обыкновенно попасть въ слуги или посыльные при канцеляріяхъ и полиціи, и тамъ отличались своимъ подлымъ угодничествомъ; или, напротивъ, вращаясь только въ средѣ простаковъ, они ихъ подстрекали ихъ къ разнымъ мерзостямъ, или обирали ихъ при помощи картъ, юлы и т. п. Они обыкновенно были или очень жалки, или внушали полное къ себѣ презрѣніе.

Наконецъ, ссыльные изъ простолюдиновъ несли на себѣ всю тяжесть наказанія, т. е. работали изъ-подъ плети; впрочемъ, до развитія золотыхъ промысловъ или, вѣрнѣе до усиленныхъ переводовъ на золото, работа была нетрудна и, какъ правду сказалъ мнѣ въ Тобольскѣ Косой Омуль, была много легче иной барщины. Тѣмъ не менѣе, ловкіе и смышленые изъ ссыльно-каторжныхъ всегда имѣли средства и отъ нея отдѣлаться, если сберегая деньги, умѣли употреблять ихъ производительно. Конечно, отнужаться все-

гда у надзирателей было невозможно, но можно было сдѣлаться урочникомъ, т. е. взяться вывезти въ годъ опредѣленное количество руды, угля, дровъ и т. п., что они при помощи наемныхъ людей и лошадей выполняли очень скоро; такимъ образомъ все остальное время могли употребить или на хозяйство, или на мелкіе, но прибыльные промыслы, какъ напримѣръ, на розничную продажу опулей и кирпичнаго чая, главной пищи не только сибирскихъ уроженцевъ, но и ссыльныхъ изъ Россіи. Они вымѣнивали на эти предметы по деревнямъ хлѣбъ, масло, крупу и т. п., и потомъ съ выгодою продавали ихъ въ заводахъ. На пограничныхъ же караулахъ они покупали и вымѣнивали выгодно чай, а иногда пушнину, преимущественно бѣлку; а такъ какъ у нихъ такимъ образомъ скоро сколачивались небольшіе капиталы, то они бывали и банкирами, и просто доброхотными дателями *почтенныхъ* и даже благородныхъ, которые къ нимъ не брезгали жаловать иногда на пирогъ и на чай.

Законъ же раздѣлялъ всѣхъ ссыльно-каторжныхъ на слѣдующіе разряды: 1) на сосланныхъ безъ срока (что считалось на 20 лѣтъ); 2) на время отъ 20 до 15 лѣтъ; 3) отъ 15 до 12 лѣтъ; 4) отъ 8 до 6 лѣтъ, и 5) на меньшее время. Ссыльные перваго разряда должны были оставаться въ отрядѣ испытуемыхъ, т. е. въ тюрьмѣ и оковахъ — восемь лѣтъ, втораго разряда — четыре, третьяго разряда — два, и послѣдняго — полгода. По прошествіи этого времени, они должны были поступать въ отряды исправляющихся — высшихъ разрядовъ на три, а низшихъ на одинъ годъ, и жить въ особой исправительной казармѣ. Съ перечисленіемъ въ этотъ отрядъ, съ нихъ должны были быть сняты оковы, и каждые десять мѣсяцевъ считаться за годъ. Наконецъ, по прошествіи этого времени имъ дозволялось вступать въ бракъ, жить на квартирахъ у заводскихъ служителей, или строить себѣ дома. Росписаніе дней и часовъ работы таково, что могло вселить дѣйствительный ужасъ: въ лѣтніе дни работа едва ли не должна была продолжаться часовъ шестнадцать, и притомъ ссыльные перваго разряда должны были употребляться въ самыя тяжелыя работы; а когда предвидѣлся случай механическихъ усовершенствованій, облегчающихъ работу, тогда начальству предписывалось изыскивать другую тяжелую работу, или отсылать ихъ въ другое мѣсто. Все положеніе о ссыльныхъ отличается системою, послѣдовательностью и строгостью, не лишенною, впрочемъ, и нѣкоторой гуманности. *Справедливость*, казалось, руководила въ раздѣленіи ссыльныхъ на разряды, а *человѣколюбіе* дѣлало ихъ положеніе не совершенно безнадежнымъ. *Правосудіе* удовлетворялось наказаніемъ посредствомъ тяжелой работы за оскорбленіе, сдѣланное преступникомъ гражданскому обществу въ личности и имуществѣ

его членовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы давало первымъ средства загладить его полезнымъ трудомъ. Благоразуміе же требовало долгаго времени для убѣжденія въ дѣйствительномъ исправленіи преступника, и страшной угрозы и кары за малѣйшее нарушеніе постановленій тѣмъ, кто ихъ одинъ разъ уже посягалъ нарушить. Однимъ словомъ, положеніе это вѣроятно казалось составителямъ его безупречнымъ.

Къ несчастію, эти многоученые, умные, справедливые и добросовѣстные спеціалисты не знали ни механики, ни физіологіи, ни русскаго человѣка, ни средствъ нерчинскихъ заводовъ.

Если бы они знали механику и физіологію, то не подумали бы назначить людямъ шестнадцати-часовой работы въ сутки, потому что maximum ея, при хорошей и обильной пищѣ, равняется десяти часамъ. Конечно, можно держать людей на работѣ и долѣе этого времени, но они оттого болѣе не наработаютъ, а только пріобрѣтутъ къ ней совершенное отвращеніе. Наконецъ, если плеть и даже чувство долга могутъ заставить этихъ людей употребить въ продолженіе нѣкотораго времени чрезмѣрныя усилія, то работающіе должны оттого непремѣнно надорваться и сдѣлаться совершенно неспособными уже ни къ какой работѣ, что̀ и дѣйствительно безпрестанно встрѣчается въ нерчинскимъ заводахъ.

День для ссыльно-каторжнаго начинался обыкновенно *раскомандировкой* на *солновсходѣ*; она производилась командныхъ надзирателемъ (по большей части изъ урядниковъ), который или получалъ приказаніе насчетъ работъ отъ пристава или самого управителя, или, если особыхъ измѣненій въ нихъ не было, то назначалъ людей по требованіямъ цеховыхъ надзирателей. Работа продолжалась до полудня и оканчивалась по звуку колокола (къ которому очень хорошо привыкъ и рабочій скотъ). Черезъ два часа колоколъ опять созывалъ на работу и давалъ знать объ окончаніи ея на *солнозакатѣ*. Если рабочему нужно было безотлагательно въ какой нибудь день исполнить свою работу, то по большей части ему дѣлали снисхожденіе, иногда даромъ, иногда за нѣсколько копѣекъ, за чекушку водки. Во время страды (т. е. посѣва, сѣнокоса, жатвы) давались обыкновенно льготные дни, въ которые казенная работа почти останавливалась. Все это было очень благоразумно и обусловлено необходимостью, потому что не только ссыльные, но и рабочіе частнаго сословія получали $57^1/_2$ копѣекъ въ мѣсяцъ жалованья, да два пуда муки; а у нихъ еще были и семейства,—надобно же было какъ нибудь заработать себѣ на лопать (одежду), на пищу, на дрова и пр. Впослѣдствіи времени, съ развитіемъ золотыхъ промысловъ, жалованье работавшимъ на нихъ возвышено до 2 рублей, кромѣ того пе-

чали отпускать рабочимъ мясо и провіантъ на семейство; но съ уничтоженіемъ льготныхъ дней лѣтомъ и скученіемъ людей на золотые промыслы, хозяйства вообще всѣхъ рабочихъ значительно разстроились и бѣдность замѣнила прежнее довольство.

V

ШИЛКИНСКІЙ ЗАВОДЪ.

Шилкинскій заводъ въ описываемое время не былъ еще починнымъ пунктомъ сплава на Амуръ и мѣстомъ отправленія экспедицій къ берегамъ Восточнаго Океана; тамъ не строили еще ни пароходовъ, ни баржей, и не царствовала еще тамъ кипучая дѣятельность. Заводъ доставлялъ руды оскудѣвшаго Екатерининскаго рудника, а заводской конторѣ были подчинены карійскіе золотые промыслы. Рабочихъ было не много; въ тюрьмѣ же содержалось человѣкъ семь, восемь и то по бóльшей части подсудимыхъ; но несмотря на это, народонаселеніе Шилки было значительно; оно состояло преимущественно изъ семействъ отставныхъ горныхъ служителей, изъ пропитанныхъ (т. е. сосланныхъ безъ срока, которые уволены отъ работъ), а также изъ служащихъ при конторѣ и на заводѣ и урочниковъ, которые временно отбывали свой урокъ на золотыхъ промыслахъ или въ заводѣ.

Съ дозволенія управляющаго, на другой день послѣ прибытія моего въ Шилку я нанялъ горницу въ домѣ одного изъ отставныхъ горныхъ служителей, неподалеку отъ конторы. Меня брало раздумье, какъ буду я жить; зная недостаточность моихъ родныхъ, я не могъ и не хотѣлъ разсчитывать на ихъ помощь; да и притомъ, какъ дать имъ знать, гдѣ я нахожусь, когда ссыльно-каторжнымъ запрещено писать, хотя и не запрещено получать письма, посылки и деньги, разумѣется, чрезъ руки начальства. Но «голенькій: охъ! за голенькимъ Богъ!» говоритъ русская пословица; такъ и я не остался безъ работы и хлѣба. Разъ пригласилъ я къ себѣ хозяина и хозяйку на чай; завязался у насъ разговоръ сначала о Россіи, а потомъ мало по малу перешелъ и къ иностраннымъ землямъ, которыя интересовали моего хозяина; послѣ каждаго государства, которое я называлъ, я долженъ былъ удовлетворить его вопросамъ: «а дальше какая земля лежитъ? правда ли, что есть семьдесятъ разныхъ языковъ?» и т. п. Наконецъ дошла очередь и до того: правда ли, что земля вертится, а не солнце ходитъ? Я спросилъ клубокъ нитокъ и, при помощи свѣчки, объяснилъ нагляднымъ образомъ главныя осно-

ванія математической географіи. «То-то вы все книжки читаете», замѣтила хозяйка, удивленная моею ученостію: «а намъ, людямъ темнымъ, гдѣ это знать.» На другой день, когда слава о моей учености вѣроятно распространилась между сосѣдями, хозяйка пришла мнѣ сказать, что Нестерычъ пришелъ и хочетъ меня просить учить своихъ дѣтей. «Милости просимъ», отвѣчалъ я, растворяя дверь.— Ко мнѣ взошелъ сѣдой, но еще очень бодрый старикъ. Художникъ не задумался бы ни на минуту принять его за модель Сократа, — такъ поразительно было сходство головы Нестерыча съ головою греческаго мудреца; только нѣкоторое безпокойство въ его живыхъ, умныхъ карихъ глазахъ показывало, что онъ не сынъ свободной классической Греціи.

Нестерычъ былъ типъ умнаго русскаго простолюдина съ огромнымъ практическимъ тактомъ. Помня мудрое реченіе, что «сухая ложка ротъ деретъ», онъ явился и ко мнѣ не съ пустыми руками, а съ цѣлымъ подносомъ калачиковъ (крендслей), шанегъ (ватрушекъ) и тарочекъ (пирожковъ съ брусникою), которыя обыкновенно подаются къ чаю въ домахъ зажиточныхъ жителей Забайкалья. «На новоселье!» сказалъ онъ, ставя на столъ прекрасную стряпню своей хозяйки. «Благодарю покорно», отвѣчалъ я: «напрасно безпокоились; милости просимъ садиться!» Онъ сѣлъ. —«Мнѣ хозяйка говорила», продолжалъ я: «что вы хотите, чтобы вашъ сынъ у меня учился?» Онъ всталъ и низко поклонился мнѣ, примолвивъ: «слуга завсегда вамъ буду». — Извольте; а сколько вашему сыну лѣтъ? — «Егорушкѣ-то седьмой годокъ пошелъ.» — Ну, рановато маленько, возразилъ я. — Въ глазахъ старика выразилось сильное безпокойство. «Ничего, батюшка, поучите; лучше, какъ съизмальства приучится.» — Какъ хотите, отвѣчалъ я. Затѣмъ мало по малу мы разговорились, и я узналъ его исторію. Онъ былъ уроженецъ Новгородской губерніи, изъ казенныхъ крестьянъ; по оговору въ какомъ-то дѣлѣ его посадили въ острогъ и присудили на поселеніе. Онъ бѣжалъ и скитался въ олонецкихъ лѣсахъ; но услыхавъ вскорѣ послѣ того, что вышелъ манифестъ (*), по которому позволено было всѣмъ русскимъ бѣглецамъ въ Швеціи возвратиться безнаказанно въ Россію, онъ отправился окольными путями въ Торнео, и оттуда явился къ пограничному коммиссару. По манифесту эти выходцы должны были записаться въ рижскіе мѣщане. На пути въ Ригу онъ сошелся съ настоящими бѣглецами, которые бѣжали отъ преслѣдованія за свои разбои и подружился съ ними. Взявъ билеты изъ Риги, они пошли заработывать себѣ хлѣбъ въ Петербургъ, а Нестерычъ

(*) Вѣроятно въ 1810 году.

оттуда хотѣлъ пробраться къ своимъ для свиданья. Но въ Петербургѣ товарищи его узнали, что богатый купецъ съ 400,000 рублей поѣдетъ въ Москву, и рѣшились его ограбить. Нестерыча тоже стали склонять къ этому; онъ долго не соглашался; но наконецъ взялъ слово, чтобы купца не убивали, а только отобрали бы отъ него деньги. Товарищи согласились. Сказано и сдѣлано: неподалеку отъ Новгорода, они его остановили, погрозили кистенемъ, отобрали денежки и съ ними возвратились въ Петербургъ. Этотъ грабежъ надѣлалъ много шума въ свое время и дошелъ до свѣдѣнія государя. Приказано было непремѣнно отыскать разбойниковъ. Полиція долго искала; но наконецъ, по примѣтамъ, успѣла захватить одного изъ нихъ въ харчевнѣ. Не знаю почему, но онъ былъ посаженъ на сенатскую гауптвахту. Товарищи, понимая всю опасность своего положенія, хотѣли тотчасъ же бѣжать; но Нестерычъ объявилъ, что прежде надобно выручить товарища. Для этого онъ одѣлся въ хорошее купеческое платье и пошелъ мимо гауптвахты; арестантъ выпущенъ былъ погрѣться на солнышкѣ, и смекнувъ, что Нестерычу нужно что нибудь сообщить, завопилъ жалобнымъ голосомъ: «господинъ купецъ! подайте Христа-ради несчастному арестанту!» Нестерычъ остановился, посмотрѣлъ нѣсколько сурово на него, а потомъ обратился къ унтеръ-офицеру, тутъ стоявшему, съ вопросомъ: «господинъ кавалеръ, можно подать милостыню?» Унтеръ-офицеръ позволилъ. Развертывая бумажникъ и вынимая пятирублевую ассигнацію, Нестерычъ успѣлъ шепнуть: «послѣ вечеренъ поѣду, не зѣвай.... пѣсню затяну....» Все случилось по сказанному, какъ по писанному: Нестерычъ на лихой тройкѣ, въ ямщицкой одеждѣ, съ пѣснею несется въ Галерную, а арестантъ въ одно мгновеніе вскакиваетъ въ телегу и исчезаетъ изъ глазъ удивленнаго караула. Разумѣется, товарищи, нимало не медля, сѣли, подъ видомъ купцовъ, на лодку, которую купили заранѣе, и потянулись въ Тихвинъ на богомолье. Пока разсылали по дорогамъ, да искали то въ той, то въ другой сторонѣ, особливо по московскому тракту, слѣдъ ихъ уже простылъ. Разумѣется, что Тихвинъ былъ только предлогомъ, а въ самомъ дѣлѣ они хотѣли закупить товаровъ, или намѣнять серебра и золота въ приволжскихъ городахъ, добраться до Астрахани, а оттуда махнуть въ Персію. До Астрахани они добрались благополучно, закупили, что было нужно, и хотѣли вечеромъ пуститься дальше. У Нестерыча сердце такъ и ёнало; онъ уговаривалъ своихъ товарищей никуда не отлучаться; но одинъ изъ нихъ успѣлъ уже завести себѣ зазнобушку въ Астрахани и не утерпѣлъ, чтобы не проститься съ ней, а потому ушелъ, обѣщая черезъ часъ воротиться; но вмѣсто того воротился поздно и подъ хмѣль-

комъ; пока бранили этого ловеласа, нахлынула вдругъ полиція и всѣхъ арестовала. Дѣло, разумѣется, раскрылось; 100 ударовъ кнутомъ и ссылка навѣчно въ каторгу были наградою Нестерычу за старое новгородское повольe и молодечество. Но умный и въ каторгѣ не пропадетъ. Изъ обильнаго подаянія въ Москвѣ и по дорогѣ онъ сберегъ небольшую сумму денегъ (что было довольно легко ему, потому что во всю жизнь свою онъ не бралъ въ ротъ ни капли вина), и при помощи синенькихъ успѣлъ войти въ милость сначала у мелкаго начальства, а потомъ и болѣе крупнаго. Смѣтливый, оборотливый, хозяйственный, онъ успѣлъ въ самое скорое время сколотить себѣ нѣсколько тысченокъ мелкою торговлею въ Шилкѣ, гдѣ тогда еще не было купцовъ.

Никто лучше его не умѣлъ во время угодить ближайшему начальнику; пріѣхалъ ли къ нему гость или высшій начальникъ, Нестерычъ являлся съ свѣжей рыбой, или съ икрой, или съ какимъ нибудь запасцемъ, который былъ именно дорогъ въ эту минуту. Надобно ли было послать подарокъ въ большой заводъ, хоть бы самому горному начальнику, Нестерычъ всегда уполномочивался своимъ начальствомъ и всегда умѣлъ онъ исполнить это важное порученіе кстати и во время. Однимъ словомъ,это былъ золотой человѣкъ для русскаго чиновника. И любилъ же онъ посмѣяться надъ ними: бывало,если бѣдный унтеръ-шихтмейстеръ или писецъ конторы напьется на его счетъ или не отдаетъ денегъ за товары или долга, взятаго взаймы, то онъ съ особеннымъ сарказмомъ скажетъ: «эхъ, ваше почтеніе! вы хуже нашего брата,варнака!» и такъ и попустится долгомъ. Но главное негодованіе возбуждало въ немъ невзяточничество, которое, казалось ему, было уже неотъемлемымъ свойствомъ приказнаго: «они думаютъ только, какъ бы притѣснить бѣдность! все какъ бы убить!» — и при этомъ онъ начиналъ разсказывать, что и отецъ-то такого-то, и дѣдушка, и всѣ были такіе же. «Злодѣйскій родъ», прибавлялъ онъ. Вообще этотъ человѣкъ отличался, несмотря на совершенный недостатокъ образованія (онъ даже былъ неграмотенъ), высокимъ практическимъ умомъ и своего рода гуманностью; но насмѣшка не сходила почти съ его губъ, потому что ему казалось, что всякаго человѣка можно купить.

Немудрено, что я заговорился съ Нестерычемъ и только при прощаньи спросилъ о цѣнѣ за уроки; эта цѣна была ужасно мала— 2 рубля въ мѣсяцъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ просить взять еще его племянника за ту же цѣну, и за старшаго сына, который былъ тогда еще въ большомъ заводѣ, предлагалъ—три рубля. Я согласился.—Черезъ недѣлю у меня была уже школа изъ 8-ти,а потомъ 10-ти мальчиковъ, и я получалъ отъ 17 до 25 руб. въ мѣсяцъ, что

при казенномъ провіантѣ, т. е. при 2 пудахъ муки въ мѣсяцъ, было достаточно, чтобы жить безбѣдно.

Школа моя была составлена изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: въ ней были и дѣти чиновниковъ, и почтенныхъ, и простыхъ рабочихъ, и ссыльно каторжныхъ; но такъ какъ я съ ними обращался совершенно одинаково, то это различіе было незамѣтно. Главные хлопоты у меня были съ родителями, которыхъ требованія были очень различны, смотря по степени ихъ образованія: одни были недовольны тѣмъ, что дѣти занимаются только 4 часа въ день, т. е. 2 часа по утру и 2 часа послѣ обѣда; другіе тѣмъ, что я мало задаю уроковъ; третьи тѣмъ, что зачѣмъ, дескать, Егорушка учитъ дѣленіе, а мой сынъ вычитаніе и т. п. Несмотря на все мое стараніе, я никакъ не могъ растолковать, что 7-лѣтніе и 8-лѣтніе мальчики не могутъ долго заниматься, что это и вредно и безполезно, и что проходить дальше я долженъ только тогда, когда ребенокъ достаточно развился, чтобы могъ понимать то, о чемъ я буду ему говорить; но все это было напрасно; и чтобы заставить меня обратить особенное вниманіе на своего ребенка, каждый старался другъ передъ другомъ угощать меня и посылать мнѣ гостинцы, разумѣется, изъ съѣстныхъ припасовъ. Я пробовалъ отказываться и отъ того и отъ другаго; но отказъ уже служилъ поводомъ къ совершеннымъ попрекамъ, особливо если родители принадлежали къ низшему классу. Я поневолѣ долженъ былъ часто бывать въ домахъ моихъ учениковъ; а при торжественныхъ случаяхъ, какъ то: крестинахъ, именинахъ и пр, былъ непремѣннымъ и почетнымъ гостемъ. Съ другой стороны, чтобы удовлетворить нѣсколько желанію родителей, я сталъ задерживать дѣтей ихъ нѣсколько долѣе въ классахъ, занимая ихъ между уроками—гимнастикою, что доставляло большое удовольствіе моимъ ученикамъ, и началъ заставлять ихъ учить наизусть разсказы изъ священной исторіи и нѣкоторыя басни Крылова, доступныя пониманію и дѣтей и родителей. Такимъ образомъ дѣло уладилось.

Нельзя не замѣтить, что стараніе дать своимъ дѣтямъ воспитаніе было почти всеобщимъ во всѣхъ разнообразныхъ слояхъ населенія нерчинскихъ заводовъ; всѣ почти сознавали, что «знаніе есть сила», и видѣли это даже на *практикѣ*: нѣкоторые изъ чиновниковъ были внуками простыхъ рабочихъ или даже ссыльно-каторжныхъ. Отцы ихъ, вслѣдствіе своей грамотности, успѣвали выдти въ унтеръ-шихтмейстеры или штейгеры, а потомъ въ свою очередь, имѣя болѣе возможности лучше приготовить своихъ дѣтей, посылали ихъ для окончательнаго образованія въ Петербургъ: въ горную школу при Технологическомъ институтѣ, въ Коммерческое пробирное и межевое училища, въ гимназіи и потомъ въ универ-

ситетъ; откуда они уже возвращались или кондукторами, или чиновниками, или медиками. Поэтому не только казенныя школы по заводамъ, имѣвшія курсъ приходскихъ училищъ, но и горное училище, курсъ котораго былъ гораздо обширнѣе уѣзднаго училища, а по нѣкоторымъ предметамъ — даже и гимназій, были всегда наполнены учениками; но было множество дѣтей, которыя учились у домашнихъ учителей, по большей части изъ ссыльныхъ, если послѣдніе хоть мало-мальски были порядочные люди. Жажда просвѣщенія, впрочемъ, замѣтна была и въ самыхъ мальчикахъ. Никогда не забуду я, какъ ко мнѣ подошли два лучшіе ученика изъ заводской школы: оба они были сыновья заводскихъ крестьянъ, и оба по четырнадцатому году. «Поучите насъ», просили они меня. Старшій сынъ зажиточнаго крестьянина предложилъ за себя плату одинъ рубль изъ двухъ, которые ему посылалъ отецъ на пряники ежемѣсячно, а младшій сказалъ: «я сирота, мнѣ платить нечѣмъ: а я вамъ доспѣю (наловлю, достану, сдѣлаю) жулановъ (*), мургусуновъ (пискарей), раковъ, буду набирать лѣтомъ шпіоновъ (шампиньоновъ), ягодъ — или куда пошлете, мигомъ сбѣгаю.»

Разумѣется, я съ радостью согласился. — Чему же вы хотите учиться? спросилъ я вслѣдъ затѣмъ. «Да вотъ, ариѳметики — вторую часть, геометріи, планы какъ снимаютъ; грамматикѣ, какъ бумаги писать; законы подыскивать; какъ книжки читать хорошія; ну, да сами знаете чему». — «А по-французскому и по-нѣмецкому тоже можно?» спросилъ сирота. — Можно, все можно, если захочешь, отвѣчалъ я.—«Да ужь мы захотимъ», отвѣчали бойко мои молодцы. И дѣйствительно, они глотали, что называется, науку; и хотя имъ пришлось поучиться у меня только мѣсяцевъ восемь, но успѣхи были поразительны. Лѣтъ пять тому назадъ, я встрѣтилъ одного изъ нихъ въ Сретенскѣ; онъ былъ уже старшимъ бригаднымъ писаремъ, и по отзыву всѣхъ — самымъ добросовѣстнымъ и самымъ способнымъ; а другой, несмотря на свои молодые годы, занималъ по выборамъ постъ судьи въ козачьемъ войскѣ, и имъ всѣ не могли довольно нахвалиться. Когда этотъ молодой человѣкъ меня увидалъ, то радость и чувство благодарности, которыми прониклось все существо его, были такъ велики, что тронули меня до глубины души, и я понялъ тогда, кажется, вполнѣ чувство матери къ своему дѣтищу.

Однако успѣхи моей маленькой школы возбудили зависть въ двухъ другихъ учителяхъ, и они чуть было не надѣлали мнѣ вреда. Одинъ былъ отставной унтеръ-шихтмейстеръ, мужикъ умный, какъ

(*) Пташки изъ породы воробьиныхъ, изъ рода emberica, очень вкусныя въ паштетѣ и жареныя въ сметанѣ.

относился о немъ Нестерычъ, да только вѣчно пьяный, — педагогическія занятія котораго не могли не пострадать отъ моего совмѣстничества; другой былъ старикъ лѣтъ семидесяти, изъ дворянъ, сосланный за слишкомъ нѣжную любовь къ своимъ дочерямъ. Первый угрожалъ доносомъ, что я долженъ содержаться въ тюрьмѣ и употребляться въ работы, а между тѣмъ учу дѣтей; но его остановили въ этомъ намѣреніи прежніе товарищи по службѣ, унтеръ-шихтмейстеры, отцы моихъ учениковъ. Второй же направился въ другую сторону — именно къ священнику, человѣку хотя получившему образованіе, но очень самолюбивому (всѣ они теперь покойники), и началъ нашептывать ему, что я, должно быть тайный іезуитъ, потому что не ограничиваюсь обученіемъ дѣтей по катехизису, но еще и заставляю ихъ читать священное писаніе и толкую его. — Встрѣтившись вечеромъ со священникомъ у одного изъ торгующихъ въ Шилкѣ, я былъ удивленъ его надутымъ видомъ и зловѣщею улыбкою при моемъ приходѣ. Угостившись нѣсколькими рюмками водки, онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «я вамъ запрещу учить дѣтей.... Мнѣ сдѣлали доносъ, что вы тайный іезуитъ». — Я іезуитъ?! воскликнулъ я, внѣ себя отъ удивленія:—кто вамъ это донесъ, и на какомъ основаніи вы можете считать меня поборникомъ католицизма? — Тутъ онъ изложилъ мнѣ вышеприведенные доводы. — Позвольте, батюшка! возразилъ я ему:—доносчикъ не понимаетъ самъ, что онъ говоритъ: онъ хочетъ сдѣлать мнѣ вредъ, — это понятно; но какъ же вы, который такъ хорошо знаете и богословіе, и исторію церкви, могли дать его словамъ какую либо вѣру; на основаніи его словъ, меня скорѣе можно было заподозрить въ протестантизмѣ, потому что именно католическое духовенство и въ особенности іезуиты — вооружаются противъ чтенія міряками Библіи, а протестанты, напротивъ, даютъ ее читать всѣмъ; но ни то, ни другое обвиненіе ко мнѣ нейдетъ; я пріучалъ дѣтей читать по-славянски, и объяснялъ имъ текстъ по-русски, и вотъ что именно: нагорную проповѣдь.—«Ну, ну», промычалъ мой грозный судья: «это хорошо; да я и самъ думалъ, что это вздоръ». Тѣмъ дѣло и кончилось.

Вотъ наступила весна; около Юрьева дня Шилка тронулась; я думалъ, что увижу ее въ разливѣ, но обманулся: забайкальскія рѣки никогда не несутъ полной воды весною, а послѣ лѣтняго солнцестоянія, когда идутъ дожди, которые размываютъ часть снѣга и льды на высокихъ гольцахъ, откуда берутъ начало свои притоки большихъ рѣкъ. Съ весной, я какъ будто ожилъ; послѣ классовъ я обыкновенно бродилъ по горамъ, любовался живописными окресностями и вдыхалъ ароматическій воздухъ распускавшагося лѣса; переплывалъ въ *бату* на другую сторону, гдѣ мнѣ особенно понравился берегъ

противъ Екатерининскаго рудника, который казался совершенно садомъ, потому что весь покрытъ былъ черемухой и дикою сибирскою яблоней, въ полномъ цвѣту. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ съ торгующими, мы переправились оттуда прямо на рудникъ, и поднявшись по крутой горѣ — очутились въ небольшомъ селеніи. Спутники мои зашли къ одному изъ служащихъ для отдыха; разумѣется, насъ сейчасъ начали просить (угощать) водочкой, а потомъ часмъ; къ этому обыкновенію, пить водку передъ чаемъ, я не могъ никогда привыкнуть, а тогда и подавно, и потому настойчиво отказывался. — «Что же дѣлать, рому у насъ нѣтъ», говорилъ обиженнымъ голосомъ хозяинъ. — «Не прогнѣвайтесь, что простымъ просимъ», прибавляла хозяйка, такъ что я былъ сконфуженъ; благо что заступились мои спутники, увѣряя, что я вовсе не употребляю напитковъ. Это хозяева приняли въ резонъ. Чтобы показать, что я вовсе не пренебрегаю гостепріимствомъ хозяина, я разговорился съ нимъ о жизни на рудникѣ, о его хозяйствѣ и проч. Между прочимъ онъ сказалъ, что въ затрудненіи нынѣшній годъ, какъ изладить снасти (рыболовные снаряды). «У меня ихъ 25, и рыбакъ хорошій есть, да деньжонокъ маловато, чтобы ихъ исправить», прибавилъ онъ. «Вотъ найти бы себѣ хорошаго половинщика: не хотите ли вы—рублей тридцать пять (на ассигнаціи) надо на первый случай, красненькій билетикъ.»—Хорошо, я подумаю.—«Дайте отвѣтъ послѣ завтра», замѣтилъ онъ: «Богъ дастъ, добудемъ калужку икряную пудовъ въ 25, да осетриковъ,—въ большой выгодѣ будемъ». По возвращеніи въ Шилку, я отправился къ Нестерычу за совѣтомъ.—«Эхъ»! сказалъ мнѣ старикъ, «не вяжитесь!» Черезъ день я отправился на рудникъ, чтобы прогуляться, да кстати и отказаться отъ предложенія. Но проходя къ знакомому домику, я почувствовалъ, что сверху въ меня кинули комочкомъ земли; я поднялъ голову вверхъ и увидѣлъ миловидное лицо шестнадцатилѣтней дѣвочки, свояченицы хозяина, которая весело раскрыла свои перламутровые зубки. — А кто бросается землею? сказалъ я строго-шутливымъ голосомъ.—«А я», отвѣчалъ звонкій голосъ: «вотъ вы и оглянулись, къ намъ бы шли работать въ огородъ». — Да, много съ вами наработаешь! А что вашъ братецъ, Василій Степановичъ, дома? спросилъ я.—«Нѣтъ, онъ еще на пашнѣ».—Ну, какъ же къ вамъ пробраться въ огородъ?—«Полѣзайте прямо». — Ну, хорошо, я поработаю, сказалъ я, перелѣзая чрезъ изгородь:—только чуръ, если кто станетъ мнѣ мѣшать, того накажу. «А какъ вы накажете?» спросила воструха.—А поцалую.—Разумѣется, такое наказаніе само и послужило поводомъ къ безпрестанному нарушенію; и хотя всякій разъ, послѣ брошеннаго комка земли, виновница и сваливала вину на вторую работницу, но отъ наказанія не

увертывалась. Но вотъ показалась сама хозяйка, съ лукошкомъ картофеля; шалунья присмирѣла, и работа закипѣла у ней въ рукахъ.— «А вотъ, нанька (такъ почти всегда называли старшихъ сестеръ), посмотри, какого я работника наняла!» сказала она подошедшей сестрѣ.— «То-то, чай, много наработалъ»... съ улыбкой отвѣчала хозяйка, отдавая мнѣ поклонъ.—А что, Василій Степановичъ пришелъ?—«Только что воротился съ поля,—милости просимъ въ горницу. А вы, дѣвки-матушки, яблочки-то (картофель), которыя побольше, разрѣзайте пополамъ!» И окончивъ такимъ образомъ свои распоряженія, она меня повела по дорожкѣ къ дому. Грѣшный человѣкъ, приглянулась мнѣ дѣвочка, и чтобы имѣть предлогъ посѣщать рудникъ, я рѣшился сдѣлаться половинщикомъ Василія Степановича, и внесъ ему кровныхъ 10 рублей серебромъ, въ томъ предположеніи, что наживу, если не 10 на рубль, какъ говорилъ мой пайщикъ, то хотя рубль на рубль. Но я жестоко обманулся во всѣхъ моихъ надеждахъ. — Рѣзвушка уѣхала къ матери, вдовѣ дьякона, верстъ за 100; а Василій Степановичъ только разъ прислалъ мнѣ $1^1/_2$ пуда калужины, которую я продалъ за 9 рублей ассигнаціями, да фунтовъ 7 икры, которою я самъ полакомился. Потомъ же, я не только ничего болѣе не видалъ, но и принужденъ былъ заплатить еще десять рублей жалованья рыбаку, ибо мой половинщикъ увѣрялъ меня, что всѣ денежные расходы должны падать на меня, а его дѣло было только давать харчи рыбаку и работнику. Послѣ со стороны я узналъ, что хотя уловъ у насъ и дѣйствительно былъ не такъ удаченъ, какъ у другихъ, поймавшихъ 15-пудовыхъ калуженъ, но что и самъ Василій Степановичъ, не считая нужнымъ дѣлить пополамъ мелкихъ осетриковъ, продавалъ свой уловъ тутъ же, на мѣстѣ, другимъ сосѣднимъ промышленникамъ. Такъ я и наказанъ былъ за мое волокитство и довѣренность къ людямъ честнаго сословія.

Совсѣмъ другое испыталъ я въ сношеніяхъ съ ссыльно-каторжными. Я часто бывалъ ихъ банкиромъ: давалъ въ долгъ по рублю, по полтинѣ, и сначала полагалъ, что даю безъ отдачи; но къ удивленію моему, всегда получалъ занятую сумму, или она честно выплачивалась работою. Тѣ, которые имѣли случай видѣть близко поселенцевъ по Западной и Восточной Сибири, не могутъ, разумѣется, похвалить ихъ честность, но въ этомъ и нѣтъ ничего удивительнаго: на поселеніе ссылаютъ воровъ, мошенниковъ или плутовъ, которые, пользуясь несовершенствомъ нашего судопроизводства, умѣютъ ускользнуть отъ каторжной работы. — Въ Нерчинскихъ же заводахъ преступники посерьёзнѣе: многіе изъ нихъ совершили свои преступленія въ пылу страсти; простылъ этотъ пылъ, они снова сдѣлались людьми честными и добрыми. Доказательствомъ

этого можетъ служить весьма малое количество преступленій (кромѣ побѣговъ) на Нерчинскихъ заводахъ, не отъ строгости присмотра, какъ это можно было бы подумать, но именно оттого, что сосланные перешли тотъ періодъ, въ которомъ сильна наклонность къ преступленіямъ. Одинъ только обманулъ меня, — это сторожъ при гауптвахтѣ, Раздуванъ, который также дѣлалъ закупки съѣстныхъ матеріаловъ для политическихъ преступниковъ, содержавшихся на гауптвахтѣ. Онъ являлся ко мнѣ не разъ за евангеліемъ, потому что любилъ, какъ увѣрялъ, читать божественное. Глядѣлъ онъ истымъ кантонистомъ, какимъ и былъ прежде. —За что ты сосланъ? спросилъ я его однажды. — «Да блинки пекъ», отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой. — Какъ блинки пекъ? — «Банку, значитъ, свою имѣлъ— царемъ хотѣлъ быть!» — «Тьфу ты пропасть! что это ты городишь? — «Билетики дѣлалъ», объяснилъ онъ мнѣ наконецъ. Вотъ этотъ-то негодяй и выпросилъ у меня три рубля на новую лопатишку (одежду), увѣряя, что къ первому числу, какъ получитъ отъ политическихъ преступниковъ, со мной честно раздѣлается; но на другой день онъ бѣжалъ, и къ довершенію, какъ послѣ обнаружилось, онъ забралъ въ казнѣ на счетъ политическихъ преступниковъ на нѣсколько рублей холста и получилъ весь провіантъ имъ слѣдовавшій, да кромѣ того ходилъ по окрестнымъ деревнямъ и тамъ собиралъ подаяніе для нихъ курицами, яйцами, творогомъ, молокомъ и проч.

Кстати о заводскихъ казенныхъ магазинахъ. Въ нихъ можно было найти почти всѣ главныя потребности, и довольно дешево; но туда рѣдко кто обращался изъ рабочихъ, если были только деньги; потому что обыкновеніе комиссара было отпускать непремѣнно въ долгъ, къ которому всегда дѣлалась приписочка. Непонятно, что такъ долго не обращалось вниманіе начальства на эту часть. Я помню, что на первыхъ порахъ, желая купить бѣлаго сахару (*) въ лавкѣ, я былъ пораженъ его цѣною, 70 коп. за фунтъ. «Возьмите въ казенномъ магазинѣ», сказалъ мнѣ купецъ: «тамъ, кажется, по полтинѣ». И дѣйствительно, я обратился къ коммисару; когда голова была взвѣшена, я хотѣлъ было заплатить 10 или 12 рублей, но коммиссаръ остановилъ меня: «денегъ не нужно, мы лучше запишемъ и у васъ будутъ вычитать изъ жалованья».—«А изъ какого жалованья?» спросилъ я съ удивленіемъ.—«Да изъ $57\frac{1}{2}$ коп. въ мѣсяцъ», отвѣчалъ онъ съ улыбкою. И дѣйствительно, лѣтъ семь у меня вычитали, кажется, за этотъ сахаръ. Можете представить, сколько взыскано было напрасно денегъ съ бѣдныхъ рабочихъ, да сколько про-

(*) Въ общемъ употребленіи на заводахъ былъ китайскій леденецъ.

пало ихъ за бѣжавшими. Вообще безпорядокъ по этой, равно и по другимъ частямъ былъ страшный.

Разъ лѣтомъ, когда заводъ былъ почти пустъ,—всѣ отправились на сѣнокосы или на рыбную ловлю,—я зашелъ къ моимъ знакомымъ на гауптвахту, чтобы пригласить вмѣстѣ прогуляться; но я засталъ только одного изъ нихъ, и на мое предложеніе, онъ отвѣчалъ съ улыбкою: «нельзя, батюшка!—я стерегу и гауптвахту и тюрьму! Въ караулѣ оставался только одинъ Бѣлыхъ, къ нему прибѣжали ребятишки и сказали, что калужка попалась въ снасть и утащила ее за собою; вотъ онъ и заперъ тюрьму, да и побѣжалъ, отдавъ мнѣ ключъ, и просилъ Христомъ Богомъ подождать до тѣхъ поръ, пока не придетъ Дѣвкинъ, или самъ не воротится». Мы посмѣялись отъ души надъ комическимъ положеніемъ арестанта, да еще политическаго преступника, которому пришлось самому содержать караулъ; но когда мы вышли на платформу, то взоры наши невольно попали на погребъ, саженяхъ въ 100 отъ кардегардіи вырытый въ скалѣ, гдѣ хранилась казна. «Это что за маленькій часовой?» воскликнули мы въ голосъ. «Ба! да это Степанида, жена Бѣлыхъ, въ солдатской фуражкѣ, въ шинели и съ ружьемъ; братъ стоялъ на часахъ, вѣрно и его помощь понадобилась, и вотъ часовымъ Степанида. Надо идти дозоромъ. Ты какъ попала на часы?» спрашивали мы ее. — «Надобно же мужу помочь; сама не осилю, Богъ калужку далъ», сказала она очень серьёзно.—«А если управитель пойдетъ?» — «Не пойдетъ; теперь все начальство спитъ послѣ обѣда; ну, да важность какая и пошелъ бы — не замѣтитъ: отхвачу тоже на краулъ», — и слова свои привела въ дѣло. — «Молодецъ!» сказалъ импровизированный начальникъ караула.—«Рады стараться!» отвѣчала баба.—«Да это сцена почище, чѣмъ въ «Капитанской дочкѣ», заключилъ я.

Несмотря на эту патріархальность и (разумѣется) на совершенную безопасность отъ нѣкоторой свободы, которою пользовались мои знакомцы, нашелся-таки одинъ подлецъ, изъ чиновниковъ-самородковъ (т. е. не получившихъ воспитаніе въ Россіи, а выслужившихся изъ унтеръ-шихтмейстеровъ), который донесъ начальству о томъ, что ихъ содержатъ не строго. Поводомъ тому была злость на одного слѣдователя, пріѣхавшаго изъ Иркутска и посѣтившаго заключенныхъ: чтобы отомстить ему, онъ лучшаго не могъ придумать, какъ сдѣлать доносъ на несчастныхъ, конечно ни чѣмъ не виновныхъ въ ссорѣ его съ слѣдователемъ. — Результатомъ доноса былъ, разумѣется, строжайшій выговоръ и подтвержденіе содержать преступниковъ въ совершенномъ заключеніи. На бѣду же ихъ и управляющій перемѣнился, и мѣсто его занялъ на время старичокъ, хотя и очень добрый, но слабый и страшный трусъ. Мѣсяцевъ во-

семь имъ пришлось посидѣть чуть не подъ замкомъ, и всякій выходъ ихъ былъ оплаченъ двугривеннымъ въ пользу унтеръ-офицера, представлявшаго собою военную власть въ Шилкѣ. Правда, при посѣщеніи главнаго начальника, когда продѣлки его вышли наружу, ему досталось порядкомъ; но отъ этого было не легче нашимъ страдальцамъ.

Около Петрова дня, съ Нестерычемъ и купцами, я плавалъ въ Горбицу, бывшую тогда пограничнымъ пунктомъ, куда къ этому времени выходили китайскіе чиновники для повѣрки границъ. Трехдневное пребываніе ихъ тамъ обыкновенно сопровождалось ярмаркою; они мѣняли свой паекъ, т. е. рисъ и чай, а также табакъ, дабу (бумажную матерію), полушелковицу и т. п., на мерлушку, а въ особенности на стеклянныя банки, которыя тогда именно для нихъ и дѣлали въ шилкинскомъ стеклянномъ заводѣ; разумѣется, оборотъ этой ярмарки простирался много-много на тысячу рублей; однако пріѣзжалъ всякій разъ таможенный чиновникъ изъ Кяхты для собиранія пошлины, которой конечно недоставало даже на прогоны. Обыкновенно, сотенный начальникъ Горбицы, величавшейся тоже крѣпостью, обмѣнивался съ гусайдою (майоръ) визитами; они спрашивали другъ-друга о благополучіи государства, говорили очень сладко о сохраненіи дружбы, дѣлали другъ-другу подарки и взаимно угощались. Я попалъ тоже на угощеніе къ гусайдѣ. Надобно замѣтить, что еще прежде, во время мѣны, я уже заслужилъ особенное его вниманіе; видя, что я ничего почти не вымѣниваю (потому что Нестерычъ былъ моимъ комиссіонеромъ) и между тѣмъ не ношу мундира, онъ заключилъ, что я ученый, и вѣроятно не здѣшній.—Сближеніе же съ нимъ произошло по такому случаю: онъ вымѣнялъ у откупнаго повѣреннаго карманные часы, но обращаться съ ними не умѣлъ, а у продавца спросить постыдился: вотъ и зазвалъ онъ меня на свою лодку, и переводчика отослалъ даже, досталъ мнѣ компасъ, ну и давай допытываться, гдѣ полдень на часахъ; разумѣется, это объяснить было не трудно; но труднѣе было растолковать ему, что этотъ часъ можетъ означать и полдень и полночь; наконецъ, и это удалось мнѣ. Однако, ему все хотѣлось попробовать завести часы въ другую сторону, и только угроза, что они переломаются, и тогда надобно плюнуть на нихъ и бросить въ рѣку, — остановила его. За это онъ подарилъ мнѣ немного жинь-шеню и красную дабу, а я его отдарилъ плисомъ. Послѣ, угощая у себя въ палаткѣ разными сушеными фруктами, конфектами, чаемъ и подогрѣтою аракою изъ крошечныхъ фарфоровыхъ чашечекъ, онъ объявилъ сомнѣніе, что я олога, т. е. русскій, а назвалъ меня вмѣстѣ съ бывшимъ тутъ полякомъ *сіамскими людьми*, что значило: люди изъ дальнихъ странъ. Другой

разъ, сомнѣніе въ моей національности тоже не лестно было для моего патріотизма. При переѣздѣ изъ одного завода въ другой, на одной станціи меня спросила жена станціоннаго смотрителя: «вы вѣрно изъ поляковъ?» На мой отрицательный отвѣтъ, она возразила сомнѣніемъ: «Нѣтъ, не притворяйтесь, я вижу и по рѣчи вашей, и по *образованію*, что вы не русскій, а полякъ.»—Впрочемъ, можетъ быть, она понимала, какъ и большая часть жителей Забайкалья, подъ этимъ именемъ вообще политическаго преступника.

Я уже нѣсколько разъ упомянулъ о торгующихъ въ Шилкѣ; скажу теперь нѣсколько словъ о нихъ. Это были по большей части купеческіе приказчики, торговавшіе на своемъ отчетѣ; обороты ихъ были незначительны—тысячъ шесть, семь, много десять.—Понятно, что при такомъ маломъ капиталѣ имъ невозможно было не брать значительныхъ процентовъ; они проживали сами отъ 1000 до 2000р. въ годъ, слѣдовательно 30%, 40% набавки на товары были почти необходимымъ условіемъ ихъ существованія. Привыкнувъ видѣть россійскихъ купчиковъ добраго стараго времени съ самыми неприлично-галантерейными манерами, я былъ пріятно удивленъ, увидѣвъ въ нихъ, какъ и вообще въ сибирскихъ купцахъ, людей хотя и не съ изящными европейскими манерами, но по крайней мѣрѣ приличными, — людей очень неглупыхъ, любознательныхъ и съ тактомъ, съ которыми можно было разсуждать обо всемъ. Я выписывалъ вмѣстѣ съ ними «Отечественныя Записки», «Библіотеку для Чтенія» и «Санктпетербургскія Вѣдомости». Иногда занимались они музыкой и пѣніемъ, и хотя инструментомъ была гитара, а пѣснями — романсы, бывшіе въ модѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но все же это обличало въ нихъ чувство изящнаго.

Въ числѣ обывателей Шилки, былъ еще одинъ очень замѣчательный старичокъ, лѣтъ 80-ти, отставной прапорщикъ, сорокъ лѣтъ прослужившій въ этомъ чинѣ въ горномъ батальонѣ. Несмотря на свои преклонные года, онъ былъ очень бодръ, любознателенъ, остроуменъ, и назывался бостоннымъ старостою, потому что очень любилъ эту игру. Онъ всегда былъ радъ гостю, только не въ субботу, когда обыкновенно идетъ мытье половъ и даже стѣнъ, баня и прочая чистка. Много онъ видѣлъ на своемъ вѣку, и любилъ подшучивать и разсказывать про старое время. Зимою частенько игрывали мы съ нимъ въ бостонъ, и онъ иногда по-старому объявлялъ: филадельфія, индепендансъ и проч., вмѣсто 6, 8 и проч.

Во время святокъ, случалось мнѣ бывать у многихъ въ разныхъ слояхъ общества; но вездѣ было почти одинаково: восьмерка (танецъ въ родѣ русской кадрили), двѣ парочки (тоже одинъ изъ танцевъ прошлаго столѣтія), потомъ святочныя пѣсни и игры:

Подушечка, подушечка!
Бѣла — пуховая!
Дѣвчоночка, дѣвчоночка!
Моя молодая!
Скажи, дѣвчоночка,
Скажи, кого любишь?

или: «Съ вьюномъ я хожу», «Ужь ты вѣнчикъ мой вѣночекъ» и т. п. И всѣ онѣ сопровождались поцалуями; вечеринки оканчивались угощеніями и закусками, въ числѣ которыхъ, въ домахъ побогаче, подавался непремѣнно пудингъ; откуда пришелъ этотъ англійскій вкусъ — неизвѣстно; дѣло другое, шинели съ множествомъ воротничковъ, обшитыхъ желтою тесьмою, — это занесено было саксонскими горными людьми, потомки которыхъ хотя уже совершенно обрусѣли, но еще сохранили свои фамиліи.

Такъ прожилъ я тихо, мирно въ Шилкѣ почти три года; но подъ конецъ стало въ ней скверно: поступила она совершенно подъ вѣдѣніе управляющаго карійскими промыслами (человѣка, какъ всѣ его считали, жестокаго); работы на заводѣ прекратились, и теперь лазаретъ ея, вмѣстѣ съ Усть-Карою, въ 15 верстахъ ниже по Шилкѣ, сдѣлались складами больныхъ и слабыхъ, въ особенности страдавшихъ скорбутомъ отъ дурной пищи, тяжелыхъ, именно каторжныхъ работъ, доселѣ неизвѣстныхъ въ Нерчинскихъ заводахъ, и пожалуй отъ неблагопріятной мѣстности въ Котловинѣ. Работы шли круглый годъ. Зимою оттаявали почву огнемъ и потомъ вскрывали турфы, то есть несодержащіе золота пласты; а съ ранней весны до поздней осени шло добываніе песковъ и промывка; послѣдняя работа, при сильныхъ холодахъ, какіе случались въ апрѣлѣ, сентябрѣ и октябрѣ, для рабочихъ, безъ обуви, была невыносима; — но 100 пудовъ все-таки не вымывалось. Начальника промысловъ, какъ я уже говорилъ, считали за человѣка жестокаго, но это было не совсѣмъ справедливо: въ немъ было много хорошихъ качествъ, но непомѣрное самолюбіе его губило и давило въ немъ всѣ человѣческія чувства. И казалось этому человѣку, что его напрасно обвиняютъ въ жестокости. Казалось ему, что онъ далеко не исполняетъ строгости закона, котораго онъ впрочемъ не любилъ, говоря, что «законы писаны для дураковъ и мошенниковъ, а у честнаго человѣка законъ — здѣсь, въ сердцѣ». Чтобы лучше охарактеризовать это непомѣрное честолюбіе, я разскажу одинъ случай.... Былъ на Карѣ палачъ, которому работы хотя и не мало было на Карѣ, но онъ отлучался иногда въ Шилку. Разъ на обратномъ пути онъ былъ пойманъ съ виномъ, которое онъ хотѣлъ тайно провезти въ Кару; а это считалось важнымъ преступленіемъ. Вотъ привели его къ управляющему. Зная, что его высоко-

благородіе спуску не дастъ, да и исполнители наказанія, которые вѣроятно проходили неразъ черезъ его руки, постараются отплатить ему за старыя увѣчья, онъ весь затрясся. Видя его страхъ, управляющій спросилъ: ты чего такъ дрожишь? — «Васъ боюсь, ваше высокоблагородіе!»—А ты очень меня боишься? сказалъ начальникъ болѣе мягкимъ голосомъ.—«Очень!»—А какъ очень?—«Больше Бога!» съ полною искренностью отвѣчалъ палачъ. Управляющій улыбнулся. — «Ну смотри же, чтобы этого не было въ другой разъ, ступай!» и оставилъ его безъ наказанія. Многіе считали этого человѣка именно кровожаднымъ, но я повторяю — это неправда; если онъ и былъ иногда жестокъ, то потому, что видѣлъ въ этомъ средство заставить всѣхъ трепетать вокругъ себя, что льстило его самолюбію, и вовторыхъ потому, что онъ былъ воспитанъ въ ложныхъ принципахъ и держался безсознательно ложной системы, которая предполагаетъ, что страхъ спасителенъ, и что онъ есть основа твердаго правительства.

Какъ всѣ самолюбивые люди, онъ очень интересовался знать, что о немъ говорятъ, а потому старался окружать себя людьми преданными, по просту — шпіонами. Одинъ изъ нихъ, объѣздчикъ, (назовемъ его Пашкой Тузовымъ), не только клеветалъ ему на всѣхъ, кто его самого не уважитъ, но даже открыто въ Шилкѣ хвастался своимъ вліяніемъ и разыгрывалъ роль настоящаго опричника. Беретъ, напримѣръ, товаръ изъ лавки, и когда купецъ требуетъ платы, онъ отвѣчаетъ: «да вы развѣ не знаете,—я Павелъ Иванычъ Тузовъ: что захочу, то и сдѣлаю съ вами!» Къ несчастію, эти типы и начальника и клеврета, повторяются нерѣдко: я видалъ на своемъ вѣку совершенно те же изданіе обоихъ типовъ на веленевой бумагѣ, и съ золотымъ обрѣзомъ, — разница только, что позолоченое-то куда какъ больше вреда дѣлаетъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, оставаться въ Шилкѣ было не находка, тѣмъ болѣе, что и знакомыхъ моихъ удалили изъ Шилки въ Акатуй подъ тѣмъ предлогомъ, что работъ болѣе нѣтъ на заводѣ, а въ сущности потому, что они не могли воздержаться отъ осужденія, да пожалуй голосъ ихъ могъ дойти и повыше. Подумавъ немного, при удобномъ случаѣ я и самъ перепросился въ Александровскій округъ, гдѣ былъ у меня знакомый кавказскій товарищъ, съ которымъ я еще не видался.

КРАТКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О НЕРЧИНСКИХЪ ЗАВОДАХЪ.

Первая выплавка на нерчинскихъ заводахъ серебра, въ количествѣ $1\frac{3}{4}$ фунта, относится къ 1704 году; но собственно горное дѣло

началось нѣсколько ранѣе. Головинъ, бывшій въ концѣ XVII столѣтія въ нерчинскомъ острогѣ по дѣламъ правительства, получилъ отъ тунгусовъ, заселявшихъ тогда приаргунскій край, нѣсколько образцовъ серебряно-свинцовыхъ рудъ и представилъ ихъ въ Москву. Послѣ испытанія этихъ рудъ въ Венгріи, правительство убѣдилось въ значительномъ богатствѣ ихъ серебромъ, и потому пригласило рудознавца изъ грековъ, Левандіано, который немедленно приступилъ къ открытой работѣ по чудскимъ копямъ, названнымъ култукскими, и находящимся въ Крестовой горѣ, по лѣвому берегу рѣчки Алтачи, впадающей черезъ Серебрянку въ Аргунь.

При основаніи, заводы не имѣли особеннаго начальника, но состояли въ вѣдѣніи нерчинскаго воеводы Петра Мусина-Пушкина, въ управленіе котораго добыча серебра была очень неравномѣрна: такъ, напримѣръ, въ 1717 году выплавлено было 15 пуд. 17 фунт., въ 1719 г. 5 п. 6 ф., а въ 1720 только 4 пуда.

Въ 1721 году заводы перешли въ зависимость кабинетъ-курьера Ильи Голенищева-Кутузова, который въ два года довелъ добычу до 10 пудовъ; но при его преемникѣ, комиссарѣ Бурцовѣ, добыча серебра опять упала, такъ что въ послѣдній 1731 годъ его управленія получено было только 35 фунтовъ. Затѣмъ начальники быстро смѣняются: между ними есть и коммиссары, и поручики, и асессоры, а иногда и гиттенъ-фервальтеры и бергмейстеры. Впрочемъ, добыча начинаетъ возростать, такъ-что при коллежскомъ совѣтникѣ Клеопинѣ въ 1759 году получено уже было 173 пуда 37 фунтовъ серебра.

Въ это время появляется въ Нерчинскихъ заводахъ частный человѣкъ, купецъ Сибиряковъ, который ищетъ руду и устроиваетъ свои заводы. Въ 1760 году изъ рудъ его выплавлено было 33 пуда серебра. Въ два послѣдующіе года добыча казеннаго серебра упала до 91 пуда, но за то у Сибирякова она достигла до 95 пудовъ.

Въ 1763 году начинается новая эпоха для Нерчинскихъ заводовъ: они достигаютъ своего апогея и никогда уже послѣ не возвращаются къ такому цвѣтущему состоянію. Этимъ обязаны они были вподнѣ благоразумному управленію генералъ-майора Суворова, облеченнаго очень обширною властью. Въ первый же годъ своего управленія онъ доводитъ выплавку серебра до 323 пудовъ; изъ нихъ 135 принадлежали однако Сибирякову. Главная тайна его успѣха состояла въ томъ, что каждый изъ его подчиненныхъ, всякій работникъ былъ увѣренъ въ его справедливости, и зналъ, что усердіе и честность будутъ оцѣнены надлежащимъ образомъ и награждены немедленно; этимъ онъ достигъ благороднаго соревнованія между своими подчиненными, и въ 12 лѣтъ его управленія, открытія новыхъ рудныхъ

мѣсторожденій слѣдуютъ безпрерывно одни за другими, такъ-что однихъ капитальныхъ рудниковъ, до сихъ поръ еще не совершенно оскудѣвшихъ, можно насчитать одиннадцать. Вслѣдствіе такой дѣятельности, къ концу управленія Суворова, Нерчинскіе заводы доставили въ 1744 году 629½ пудовъ, въ томъ числѣ казеннаго серебра было 414 пудовъ.

Къ этому времени, и вѣроятно вслѣдствіе представленія Суворова, надобно отнести указъ императрицы Екатерины, которымъ она освободила всѣхъ жителей Нерчинскаго края навсегда отъ всякихъ податей и отъ рекрутской повинности и даровала многія льготы, во вниманіе къ отдаленности края и недостаточности средствъ къ безбѣдному существованію. Кто бы могъ подумать, что этотъ указъ именно и положилъ основаніе одному изъ самыхъ тяжелыхъ видовъ обязательной службы, которая рѣшительно ничѣмъ не отличалась отъ каторги,—именно, что дѣти горныхъ работниковъ и ссыльно-каторжныхъ должны со всѣмъ своимъ поколѣніемъ сделаться всегдашними работниками на заводахъ. Вотъ откуда взошло послѣ въ законъ это правило. Указъ, послѣ исчисленія всѣхъ льготъ и изъятія отъ всѣхъ повинностей, дѣлаетъ оговорку, что только *въ случаѣ крайней надобности* для горныхъ заводовъ, можно брать въ заводскіе работники нерчинскихъ крестьянъ или дѣтей ссыльныхъ. Это изъятіе обратили въ общее правило и потому дѣлали ежегодные наборы въ работники, а дѣтей ссыльныхъ заставляли уже работать или служить съ 12-лѣтняго возраста.

Благоразумное управленіе Суворова вдругъ смѣнилось самымъ сумасброднымъ — статскаго совѣтника Нарышкина. Въ два года добыча серебра упала на цѣлую треть, такъ-что въ 1776 г. всего выплавлено было только 406 пудовъ. Всѣмъ извѣстны продѣлки этого полусумасшедшаго барина, облеченнаго почти безконтрольною властію; вотъ одна изъ нихъ. Когда Нарышкинъ разбросалъ собравшемуся въ нерчинскомъ заводѣ народу всѣ казенныя деньги, то онъ потребовалъ денегъ отъ Сибирякова; получивъ отказъ, онъ окружилъ домъ его военною силою, поставилъ пушки и объявилъ, что разгромитъ все, если не будетъ исполнено его требованіе, и Сибиряковъ долженъ былъ на серебряномъ блюдѣ вынести деньги Нарышкину. Конечно, послѣ такого разгрома, Сибирякову трудно было вести свое дѣло, и въ 1783 году, при генералъ-майорѣ Бекельманѣ, хотя и выплавлено было около 508 пудовъ, но сибиряковскаго серебра было въ томъ числѣ только 5 пудовъ; а въ 1792 году, при начальникѣ Барботъ де-Марни, Сибиряковъ уже вовсе не работалъ, а серебра получалось только 263 пуда.

Въ 1800 году оберъ-бергмейстеръ Черницынъ составилъ много

проэктовъ о капитальныхъ и полезныхъ работахъ, и добыча въ продолженіе 20 лѣтъ возвышалась, и въ послѣдніе годы этого періода отъ 191 пуда доходила до 300 пудовъ. Въ 1801 году наслѣдники Сибирякова пытались-было приняться за оставленное дѣло, но ничтожная добыча серебра, доходившая до 7 пудовъ, заставила ихъ уступить свое право казнѣ, или, вѣрнѣе, кабинету его величества, что окончательно было сдѣлано въ 1816 году.

Бергтауптманъ Бурнашевъ, поступившій въ начальники въ 1821 году, нашелъ, что рудники были сильно опустошены; всѣ главные цѣлики были или выработаны, или вынимались; во многихъ рудникахъ достигли почвенныхъ водъ, и оставалось только, по недостатку механическихъ пособій, закрыть ихъ. Чтобы упрочить рудничное дѣло, сколько было возможно, Бурнашевъ отмѣнилъ выемочныя работы, и въ то же время, уменьшивъ размѣры выплавки серебра до 200 пудовъ, приступилъ къ развѣдкѣ мѣсторожденій, внутренней и поверхностной. Съ другой стороны, онъ обратилъ вниманіе на разстроенное предъ тѣмъ хозяйство заводовъ: наполнилъ, безъ особенныхъ ассигнованій, магазины хлѣбомъ, желѣзомъ, инструментами и т. п.; улучшилъ домашній бытъ рабочихъ, распространилъ между ними хлѣбопашество и огородничество, развелъ картофель, бывшій до того времени рѣдкостью. Повидимому, онъ разсчитывалъ, и весьма основательно, на будущее, но не окончивъ начатаго, былъ смѣненъ.

Ѳ. ЛЬВОВЪ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА НЕИЗВѢСТНАГО.

«*Май*... Въ деревню, въ деревню! Пора вздохнуть на просторѣ. Я разсчитывалъ прожить въ деревнѣ сколько возможно, снявъ квартиру у какого нибудь крестьянина. Въѣхавши въ одно село, я попросилъ ямщика остановиться у первой хаты. Ко мнѣ вышелъ мужикъ; я поклонился ему и спросилъ:

— Не могу ли я у васъ нанять квартиру?

— Не знаю, родной: у насъ есть холодная изба, да понравится ли вамъ? Вы чьи?

— Я изъ Петербурга. Я не занимаю никакой должности. Мнѣ хотѣлось пожить въ деревнѣ.

Мужикъ пригласилъ меня въ избу, наполненную кадушками, пенькою и разнымъ тряпьемъ.

— Мнѣ нравится эта комната, сказалъ я: — позвольте мнѣ ее занять.

Бабы начали выбирать изъ избы рухлядь. Со мной былъ самоваръ, который вскорѣ шумѣлъ на столѣ.

— Не угодно ли вамъ чаю, Егоръ Трофимычъ? спросилъ я.

— Если ваша милость не побрезгаетъ.... отвѣчалъ мужикъ.

— Сдѣлайте одолженіе.... Каковъ у васъ нынче хлѣбъ?

— Да умолотомъ плохъ.... вотъ гречишка попрѣла и овесъ тоже не добрè....

— А другіе хлѣба? тоже плохи?

— Плохи-съ.... вотъ тоже съ чего-то скотина начала дохнуть, печально сказалъ мужикъ.

— Давно ли?

— Да вотъ передъ Миколой она почала... знамо, кормочку

ей нѣту.... А то вонъ у меня недавно лошадь пала.... Сыночекъ померъ....

На другой день я познакомился съ семействомъ хозяина. Изба была набита поросятами и ползающими дѣтьми.

Къ вечеру я собралъ въ деревнѣ до десяти мальчиковъ и открылъ въ своей квартирѣ школу.

Познакомился съ N... N привѣтствовалъ меня разсказомъ о томъ, какъ они были на охотѣ и какимъ образомъ затравили зайца....

Недавно былъ въ одной крестьянской избѣ: толковали о работѣ, пряли, ссорились; по полу бродили цыплята. Все семейство упрекало другъ-друга, кто сколько поѣлъ хлѣба; одна больная баба стонала на полатяхъ; парень говорилъ своей матери старухѣ, что нѣтъ денегъ на подушное, что сарай развалился; старуха говорила, что хлѣбъ на исходѣ. И это вѣроятно идетъ каждый день!...

Іюнь.... Въ нашихъ окрестностяхъ живетъ слѣдующая барыня. Домъ ея съ заглохшимъ садомъ, покосившимися столбами на подъѣздахъ и разбитыми рамами.

Барыня ходитъ въ кацавейкѣ. У ней есть дочь лѣтъ двадцати пяти, не красивая собою; она ничего не читаетъ, больше сидитъ въ дѣвичьей — играетъ въ носы и вслушивается, не звенитъ ли колокольчикъ на улицѣ?

Въ кабинетѣ барыни груды холстовъ, намычекъ, картофелю. Здѣсь барыня ведетъ разныя смѣты по имѣнію или штопаетъ чулки и поглядываетъ, не идетъ ли на ея огородъ чья нибудь корова. Замѣтки свои она не бережетъ, и мнѣ разъ пришлось прочитать изъ нихъ слѣдующее:

«.... За 18.. годъ. Августъ, сентябрь.

«Ермолай Антоновъ: восемь человѣкъ семьи, одна корова (пятаго августа отелилась); десять куръ, два пѣтуха (одинъ изъ нихъ похожъ на индюшку). Ржи восемь копенъ, гречиху поѣлъ осенью; хохлатая курица непокойна — летаетъ на мои огурцы; корова бываетъ въ моемъ конопляннинѣ....»

Однажды я разговорился съ дочерью барыни:

— Читаете ли вы? спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, у насъ книгъ нѣтъ....

— Любите ли вы природу?...

Она молчала. Молчаніе продолжалось долго. Наконецъ она принесла свой альбомъ и сказала:

— Вы вѣроятно скоро уѣдете, напишите мнѣ что-нибудь — на память.

Я взялъ альбомъ, исписанный разными руками и пока обдумывалъ, что написать, моимъ глазамъ представились слѣдующія замѣтки:

«*Капитанъ Пряниковъ*. Жалъ руку въ саду, уѣхалъ на Кавказъ.... Жду....

«*Поручикъ Кошкинъ*. Обѣдалъ два раза.... усы длинные.... Измѣнилъ!..

«*Прапорщикъ Огневъ*. Много пьетъ.... подаетъ надежды....

«*Поручикъ Иголкинъ*. Нѣтъ надежды....»

Въ проливные дожди въ разбитыя окна барскаго дома гудетъ вѣтеръ. Барышня кутается въ ватное пальто; барыня перебираетъ мѣшки и тоже зѣваетъ. Но иногда, несмотря на дождь, барыня отправляется куда нибудь на таратайкѣ и привозитъ цѣлый возъ моркови, рѣпы, и все въ домѣ оживаетъ.

Иногда нѣсколько горничныхъ вбѣгаютъ къ барынѣ и кричатъ:

— Барыня! офицеръ ѣдетъ!

— Офицеръ ѣдетъ! вскорѣ раздается по всему дому.

— N-скаго полка.... второй дивизіи — прапорщикъ Метелкинъ, говоритъ офицеръ.

— Вы вѣроятно съ нами откушаете? спрашиваетъ барыня.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчаетъ офицеръ,—и всѣ садятся за столъ.

— Ваша деревня очень живописна, говоритъ офицеръ, проглатывая кусокъ.

— Да-съ....

Раздается звонъ колокольчика и черезъ минуту является другой, запыленый офицеръ.

— Втораго N-скаго пѣхотнаго батальона — прапорщикъ Мочалкинъ!

— Не угодно ли вамъ съ нами откушать?

Мочалкинъ садится за столъ и проворно набрасываетъ на колѣна салфетку.

— Вы должно быть изъ Петербурга? спрашиваетъ хозяйка.

— Нѣтъ, изъ Москвы, сухо говоритъ офицеръ, осушая рюмку водки.

— Не взыщите! говоритъ хозяйка.

Всѣ поднимаются.

Новый гость подходитъ къ углу и начинаетъ подвязывать саблю.

— Какъ, вы уже отправляетесь? спрашиваетъ дочь барыни.

— Поспѣшаю догонять товарищей.

Вскорѣ звенитъ колокольчикъ.

— Вы не танцуете? спрашиваетъ барышня оставшагося офицера.

— Нѣтъ, я сейчасъ уѣзжаю....

— По крайней мѣрѣ, проситъ грустнымъ тономъ барышня: — напишите мнѣ что нибудь въ альбомъ.

Она приноситъ альбомъ и офицеръ пишетъ:

«Для любви одной природа
Насъ на свѣтъ произвела.»

Онъ подвязываетъ саблю и тоже уѣзжаетъ....

Никуда не ѣзжу; ученики всѣ читаютъ. Нерѣдко слышу въ семействѣ хозяина толки о сбруяхъ, снастяхъ, о хлѣбѣ....

Сегодня былъ у меня становой по поводу моей школы.

— Вы не имѣете права основывать школъ, говорилъ онъ: — покажите мнѣ предписаніе.

— Но вѣдь учатъ же грамотѣ сельскіе дьячки?

— Да, сказалъ становой: — но эти учителя кромѣ псалтыря ничего не смыслятъ.... Вы упускаете изъ виду наши высшія соображенія....

Пришлось помочь одному семейству, гдѣ вопіяло зло изъ–за рубля. Помощь вѣроятно была такъ кстати, что ко мнѣ пришелъ сѣдой старикъ и упалъ въ ноги.... Я видѣлъ предъ собой сѣдую голову, плачущее, старое лицо!...

Былъ въ полѣ; пахалъ мужикъ.... вились кое-гдѣ вороны.... все было грустно, одиноко вблизи стоялъ дремучій лѣсъ, какая-то тихая жалость отъ пѣсней шумѣвшихъ деревьевъ. О чемъ говоришь ты, прекрасный лѣсъ? или плачешь ты? Но онъ все шумитъ, никому ничего не говоря;—героевъ ли ты какихъ оплакиваешь, или всю нашу родную сторону? Вечеръ.... темно... вдали слышится чья-то горемычная пѣсня.

Въ нашихъ окрестностяхъ живутъ слѣдующія три сестры дѣвицы.

Утро. Дѣвицы въ бѣлыхъ пеньюарахъ сидятъ и зѣваютъ: одна держитъ романъ и посматриваетъ на себя въ зеркальце; другая смотритъ въ окно; а третья лежитъ на диванѣ, подложивъ руки подъ голову. Лакей съ угрюмымъ лицомъ стоитъ у двери и говоритъ:

— Къ чаю пожалуйте.

— Не отправиться ли намъ сегодня за клубникой? лѣниво говоритъ одна.

Другая декламируетъ:

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ....

— Куда же дѣвался поручикъ Астафьевъ? спрашиваетъ третья.

Лакей отвѣчаетъ:

— Астафьевъ на Кавказъ давно уѣхали.

— Отъ кого ты слышалъ?

— Это вѣрно, сударыня.... Къ чаю пожалуйте!..

Длится молчаніе. — Горничная приноситъ газеты.

— Вѣчная скука!... пишутъ о хлѣбныхъ ввозахъ... о торфѣ.... Одна закуриваетъ папиросу и говоритъ, пуская дымъ:

— Кто меня враждебной властью изъ ничтожества воззвалъ?... Тихо шуршатъ листы по комнатѣ....

— Къ чаю пожалуйте! нетерпѣливо говоритъ лакей.

Послѣ чаю дѣвицы всѣ въ саду. Одна сидитъ на скамейкѣ, потягивается и говоритъ какъ бы про себя:

— Ахъ, теперь Богъ-знаетъ куда уѣхала бы.... въ Италію.... въ Швейцарію. Отчего это къ намъ никто не ѣдетъ? Она задумывается и поетъ: «Спи, ангелъ мой, спи, Богъ съ тобой.»

Другая идетъ по аллеѣ, щелкая листьями. Появляется мать.

— Maman! вы читали le Nord?

— Особеннаго ничего.... говоритъ мать, и уходитъ.

— Кушать пожалуйте! говоритъ лакей.

— Итакъ онъ не воротится, тихо разсуждаетъ третья, гуляя по дорожкѣ.—Отчего грозы такъ давно нѣтъ? хочется грозы. Антонъ! пришли мнѣ стаканъ воды. (Она садится). Какая тишина!...

— Кушать подано! повторяетъ лакей.

— Какая это у тебя книга, ma chère?

— Все Маркизъ....

По саду щебещатъ птицы, повсюду райская тишина....

— Что жь это никто не ѣдетъ? повторяетъ одна.

— Барыня гнѣваться изволятъ, замѣчаетъ лакей.

Завтракъ идетъ такъ: дѣвицы не садятся за столъ; они продолжаютъ гулять по комнатамъ, изрѣдка подходя къ столу и съ какимъ-то пренебреженіемъ дотрогиваясь вилкой до маленькаго кусочка, который потомъ несъѣденнымъ лежитъ гдѣ нибудь на окнѣ.

Послѣ завтрака дѣвицы въ платьяхъ находятся въ своей

комнатѣ: — кто надъ кроватью, кто надъ стуломъ читаетъ. Одна сидитъ въ креслахъ, положивъ ноги на ближайшій стулъ.

Упорное молчаніе, только на улицѣ реветъ корова.

— Кушать пожалуйте! говоритъ лакей.

Всѣ молчатъ. Лакей пожимаетъ плечами.

— Дай мнѣ карандашъ.... тихо говоритъ одна; другая молча даетъ....

— Барышни! кушать подано! повторяетъ лакей.

— Вотъ седьмую страницу перевертываю и сама не знаю, что я прочитала, говоритъ третья съ глубокимъ вздохомъ.

— Ахъ, какая скука!... у меня ужасно болитъ голова.... Она закрываетъ глаза.

— Оттого, другъ мой, что ты нагнувшись читаешь.

— О чемъ это люди пишутъ, хлопочутъ? Не пойму никакъ....

— Кушать пожалуйте!

— Je vous assure, ни прогрессамъ этимъ, ни новизнамъ, при всей добротѣ души моей, ей Богу, не сочувствую.... tout ça m'est bien egal!...

— Помилуй, mon amie, кто жь этого не понимаетъ? Да возможно ли въ нашемъ положеніи это сочувствіе? Что для меня такое — грамотность вводится? Негровъ хотятъ освободить? дороги, каналъ какой нибудь проводятъ?

— Я, говоритъ другая, держа передъ собой книгу:—въ отношеніи ко всѣмъ этимъ вещамъ глуха, слѣпа и нѣма.

Продолжаетъ читать. — Настаетъ молчаніе. Одна говоритъ, качая ногой:

— Что такъ жадно глядишь на дорогу....

— Кушать подано!

— Кажется, громъ гремитъ, съ радостью говорятъ всѣ.—Антонъ! громъ гремитъ?

— Точно такъ: туча здоровая валитъ оттудова...

Двѣ подходятъ къ окну; сверкаетъ молнія.

— Барышни! кричитъ вбѣжавшая горничная:—какой-то молодой человѣкъ пріѣхалъ.

— Кто? откуда?

— Изъ Петербурга.... Всѣ несутся въ залъ.

Молодой человѣкъ раскланивается; начинаются толки о прогрессѣ, о Петербургѣ и пр....

Іюль.... Все по старому.... средства мои истощаются.... Опять былъ становой. Вездѣ неурядица; всѣ досадуютъ на

жизнь, провалиться хотятъ... Чего-то ждутъ, будто въ дорогу сбираются.... Каждый день бѣдность, и сознаніе, что не чѣмъ помочь.... Кругомъ все глухо.... молчитъ непробудно....

На дняхъ видѣлъ слѣдующую деревенскую сцену: у нашего крыльца стояли двѣ телеги съ огромными клѣтками, въ которыхъ сидѣли куры, индѣйки и гуси; вокругъ клѣтокъ были прикрѣплены деревянные желоба съ зернами; птицы кричали и пѣли. Въ избѣ моего хозяина сидѣлъ мѣщанинъ и спрашивалъ, не продается ли что? Кто показывалъ старую рубаху, кто ловилъ подъ печкой куръ. Въ избу вошелъ мужикъ и сказалъ, что онъ продаетъ двухъ цыплятъ.

— Поздніе? спросилъ мѣщанинъ.

— Да, молодые.

— А гдѣ они у тебя содержались?

— Иногда на дворѣ, иногда въ избѣ, сказалъ мужикъ.

— Когда ты говоришь въ избѣ, гляди сюда: какая же имъ должна быть цѣна? вѣдь все это издохнуть должно, поколѣть?

Мужикъ былъ озадаченъ; хотѣлъ что-то говорить но не могъ.

— А вотъ зипунъ не купишь ли?... спросилъ онъ, раскрывая полы своей одежды.

— Ну, не знаю! Это товаръ-то плёвый!...

Вошла въ ветхомъ армякѣ старушка и сказала, обратившись къ курятнику:

— Не купишь ли, родной, у меня гусыню избеную?...

— Опять избеную! сказалъ курятникъ.

— Только, начала старуха,—я тебѣ что хочу сказать: есть у ней порокъ: разъ Ванюша, мой сынокъ, рубилъ что-то въ избѣ, а эта гусыня и подвернись.... Онъ ее!

Старуха посмотрѣла на курятника.

— Голову, что ли, отрубилъ?

— Сохрани Богъ! сказала старуха: — только два персточка отсѣкъ....

— Ну, это дурацкая гусыня!... воскликнулъ курятникъ и вышелъ на улицу, гдѣ встрѣтилъ большую толпу бабъ и мужиковъ; кто держалъ пеньку, холстину, кто цыплятъ и утокъ, кто даже привелъ теленка.

— Телятъ я не покупаю: а что этотъ стоитъ?

— Что ужь дашь.... говорили ему.

— Маловатъ больно... Ну, его!...

— Ты, что жь дашь, значитъ? Намъ вотъ на подушное....

— Трехрублевый, пожалуй....

— Помилосердствуй, Ермилъ Андронычъ! Этому телку ужъ годъ...

— Что тамъ! пустой теленокъ! сказалъ курятникъ.—Ты послушай меня, ты знаешь, по чемъ нонѣ скотина?

— По чемъ?

— Поди спроси на базарѣ! Ну, вы что?

— Пенька, онучи.... заговорили голоса....

— Ермилъ Андронычъ! у меня есть свинья.

— Небойсь, дорога? спросилъ мѣщанинъ.—Ты понимаешь человѣка благороднаго? Вотъ какъ отъ души сейчасъ померетъ: неужели ты думаешь, что я нуждаюсь въ свиньѣ? Что я такое? Наше ремесло куры! Ладно! веди свинью...

— Ермилъ Андронычъ! не хочешь ли, у меня кобыла есть?

— Постой, сказалъ курятникъ:—ты сообрази: что я, цыганъ что ли? Неужели, промышляя курами, я долженъ нацѣплять къ своему возу цѣлый табунъ лошадей?

Вскорѣ завизжали свиньи и поросята, и курятникъ купилъ все. Сѣвши на возъ, онъ сказалъ:

— Такъ-то, братцы!

А нѣкоторые изъ мужиковъ говорили между собой:

— Что жь, куда жь податься-то!..

Я уѣзжаю.... Прощай, деревня!... Лежи больной.... вся надежда на твой организмъ....

— Прощайте, добрые люди! сказалъ я хозяину и его семьѣ.

— Что же ты, родимый,—уѣзжаешь отъ насъ? заговорила семья.

— Да; живите себѣ....

— Вѣрно служба тебя требуетъ?

— Нѣтъ, у меня службы нѣтъ.... Я буду безъ дѣла...

Я стоялъ у притолоки и хотѣлъ что-то сказать, но только выговорилъ:

— Прощайте, братцы!

— Прощай, кормилецъ!

Дорогой пошелъ дождь; я едва доѣхалъ до станціи.

Я сидѣлъ у окна и смотрѣлъ вдаль.

На горѣ стояла мокнувшая деревенька, словно заливавшаяся слезами....

— Прощай, родимая!...»

Н. УСПЕНСКІЙ.

УТОПЛЕННИКЪ.

СЦЕНА ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

(*Посвящается Екатеринѣ Николаевнѣ Васильевой*).

«Рыболовъ ли взятъ волнами,
Или хмѣльный молодецъ,
Иль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ».

ПУШКИНЪ.

Открытый шалашъ на берегу рѣки. На рѣкѣ паромъ. Занимается заря.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПОТАПЪ, КУЗЬМА, МАТВѢЙ, ДЕМКА — работники на перевозѣ.
НИКИТКА, племянникъ Потапа, 7 лѣтъ мальчикъ.

Кузьма. Какъ книжка-то прозывается?

Матвѣй. «Черный гробъ или Кровавая звѣзда».

Потапъ. Книжка занятная. Въ старину, говорятъ, въ нашей

сторонѣ тоже разбойникъ жилъ. Знаешь Булаткинъ лѣсокъ.... тамъ просѣка-то....

Кузьма. Какъ не знать.

Потапъ. Тутъ онъ и жилъ. И грабилъ какъ.... страсть! Проѣзду не было. Дѣдушка покойникъ разсказывалъ,—онъ еще махонькой въ тѣ поры былъ;—бывало, говоритъ, соберетъ махонькихъ ребятишекъ къ себѣ въ лѣсъ, и ничего, не трогаетъ, не то, чтобы,къ примѣру,билъ, али что,—ничего. Ходи, говоритъ, ребята, завсегда.

Матвѣй. Ребятъ онъ не трогаетъ. Парнишку махонькаго за что? Хоть бы вотъ Микитку? Его за виски, коли онъ забалуется; вотъ его сейчасъ. (*Беретъ Никитку слегка за волосы*) Что, чертенокъ?

Никитка (*смѣется*) Больно!

Матвѣй. А тебѣ не больно хочется? (*Никитка смѣется*) Постой, я тебя произведу. Богъ дастъ, подростешь, — рѣпу воровать обучу. Ишь ты, верченый!

Кузьма. А ты, Микитка, скажи; я и безъ тебя воровать-то умѣю.

Никитка (*смѣется*). Я и безъ тебя воровать-то умѣю.

Матвѣй. Умѣешь?! Ахъ, ты, паршивый! Такъ ты умѣешь.... (*Тянется къ нему; Никитка, съ звонкимъ смѣхомъ, прячется за Потапа*).

Кузьма. Микитка, скажи: жену молъ свою собственную на чаю пропилъ.

Никитка. Жену на чаю пропилъ.

Кузьма. Свою собственную.

Никитка. Свою собственную.

Матвѣй. Убью! За ноги, да такъ въ рѣку и брошу, и матери не скажу.

Никитка. Не смѣешь!

Потапъ. Полно, дурашка! Ложись такъ-то. (*Никитка ложится на армякъ*).

Матвѣй (*одѣваетъ его*). Гдѣ такой воръ парень родился, въ какомъ полку онъ служить будетъ, на какой народъ воевать пойдетъ....

Потапъ. Разъ дѣдушка съ ребятами пришелъ къ нему....

Кузьма. Къ разбойнику-то?

Потапъ. Да.... въ лѣсъ-то. А онъ и говоритъ: скажи, говоритъ, старостѣ, чтобы безпремѣнно въ Спасовъ день напо-

клонъ приходилъ, а то, говоритъ, краснаго пѣтуха къ вамъ пущу. Староста заартачился, а онъ ночью село съ обѣихъ концовъ и зажегъ. Все тогда погорѣло! Церква была у насъ большая—и церква сгорѣла. Вотъ гдѣ теперь крестъ-то стоитъ, тутъ церква была. Въ тѣ поры, какъ она погорѣла, крестъ на самомъ на этомъ мѣстѣ поставили, чтобы во вѣки вѣковъ стоялъ.... Чтобы, значитъ, чувствовать.

Кузьма. Чтобы мы это понимали....

Потапъ. Да, извѣстно. Какъ, значитъ, тутъ церква была и вотъ теперича, напримѣръ, крестъ. — И это, дѣдушка сказывалъ, какъ эта самая церква загорѣлась, сейчасъ до самаго неба огненный столбъ всталъ.... верстъ за пятьдесятъ его было видно. И стоялъ этотъ столбъ....

Демка (*входитъ*). Словно бы по берегу кричитъ кто-то.

Матвѣй. Ну, пущай кричитъ.

Демка. Можетъ, тонетъ кто.

Кузьма. Мелко, не утонетъ.

Потапъ. Коли ежели около дубу кто сорвался — утонетъ; тамъ глубко.

Демка. Лодку нешто отвязать....

Матвѣй. Что те коробитъ!...

Демка. Да мнѣ все одно; я такъ сказалъ. (*Садится*).

Матвѣй. Кто теперь на рѣку пойдетъ, кому нужно!

Демка. Я, братцы, однова тонулъ.

Матвѣй. Пьяный?

Демка. Выпимши.

Матвѣй. Выпимши не хорошо: долго на водѣ проваландаешься; а пьяный — любехонько; ровно бы ключикъ, такъ и опустишься да сидишь на донышко пузырики пущать.

Демка (*вздрагиваетъ*). Страсть!

Потапъ. Рѣка никого не помилуетъ.

Кузьма. Что говорить!

Потапъ. А меня разъ въ Волгѣ сомъ за ногу ухватилъ. (*Всѣ смѣются*).

Матвѣй. Вотъ на чорта-то наскочилъ.

Потапъ. Сейчасъ надохнуть! (*Демка вздрагиваетъ*).

Матвѣй. Да что ты трясешься-то? Аль съ фальшивымъ пачпортомъ по бѣлу свѣту гуляешь?

Демка. Да такъ, братецъ мой, какъ вздумаю это я какъ было урони-то, такъ индо лихоманка прохватываетъ.

Кузьма. *Да гдѣ жь ты это?*

Демка. Въ прокшинскомъ бочагѣ.

Матвѣй. Экъ тебя лѣшій-то куда занесъ.

Демка. Были мы у кума на менинахъ, въ Прокшинѣ. Ну, извѣстно, напились. И такъ я этого хмѣлю въ свою голову засыпалъ, себя не помню. Кума прибилъ (*всѣ смѣются*), теткѣ Степанидѣ шаль изорвалъ.... Просто, сейчасъ умереть, лютѣй волка сдѣлался. И съ чего бы, кажись, окромя настойки, ничего не пили. Кумъ-то: что ты, говоритъ, мою хлѣбъ-соль ѣшь, а самъ.... да какъ хлясь меня въ ухо, хлясь въ другое!... И такъ мнѣ пьяному-то это обидно показалось, кажись бы такъ вотъ зубами весь потрохъ изъ его выворотилъ! Вышибъ окно, выскочилъ на улицу, да бѣжать. Дѣло-то въ самое въ Воздвиженье было. Ночь темная, дождикъ такъ и хлещетъ. Выскочилъ-то я въ одной рубахѣ, да и бѣгу ровно очумѣлый, и не знаю куда бѣгу, больно ужь злость-то меня одолѣла. А собаки со всего-то Прокшина за мной.... Батюшки мои! просто на части рвутъ.

Кузьма. Вотъ оказія-то!

Демка. Бѣжалъ, бѣжалъ.... разъ! Сорвался въ оврагъ, да колесомъ вертѣлся, вертѣлся.... бултыхъ!...

Потапъ. Въ самый этотъ бочагъ?

Демка. Да.

Кузьма. Ну, чудо!

Демка. Помню маленько: рукой это по водѣ-то бью, а голосу ужь этого во мнѣ нѣтъ. Ровно бы очувствовался, да и думаю: тону. Какъ вздумалъ я это, такъ ко дну и пошелъ.

Потапъ. Значитъ, испужался.

Демка. Мырнулъ опять на верхъ-то, ударилъ рукой-то, должно, плыть хотѣлъ, — въ руку мнѣ ровно бы что-то попало. Весь хмѣль соскочилъ! Кустъ тутъ былъ; прутъ отъ его мнѣ въ руку-то и попалъ; за кустъ-то я и уцѣпился. Тутъ ужь въ разумъ пришелъ. Вижу, братецъ: ночь темная, хошь глазъ выколи, вѣтеръ такъ и воетъ. Висѣлъ, висѣлъ на кусту-то, — слышу, собаки залаяли и огонечекъ показался. И закричалъ же я, братцы, огонечекъ-то увидамши!... Давай теперича тысячу рублевъ, такъ не крикнешь. Два года опосля глотка болѣла. Слышу, и тамъ кричатъ.... Народъ прибѣжалъ съ фонарями.

Матвѣй. Какъ же нашли-то?

Демка. По собакамъ, собаки означили. Жена за мной выскочила, а за ей и гости которые побѣжали. Вытащили меня,

привели къ куму, опять я этой настойки выпилъ три стаканчика, согрѣлся.... (*Прислушивается.*) Взаправду, кричатъ.... (*Выбѣгаетъ изъ шалаша и снова возвращается.*) Выходи всѣ! (*Всѣ выходятъ.*) Слышь! (*Всѣ смотрятъ другъ на друга вопросительно; съ противоположнаго берега слышится глухой стонъ.*)

Матвѣй. Далече!...

Потапъ. Окрикни.

Матвѣй. Держись!... Держи-ись! (*Снова слышится стонъ.*)

Демка. Тонетъ, братцы.

Потапъ. Постой. (*Прислушивается.*) Да! чья-то душа Богу понадобилась. Отвязывай лодку.

Матвѣй. Эка наша рѣка блажная! Сколько она за лѣто народу переглотаетъ. (*Берутъ весла, отвязываютъ лодку; Матвѣй съ Демкой садятся.*)

Потапъ. Садись живо. Матюха, отчаливай. Права держи.... На голосъ ступай. Ахъ ты, Господи!... (*Лодка быстро отваливаетъ.*)

Кузьма. Гдѣ найти! Долго больно держался-то. Демка-то еще когда сказывалъ, что кричитъ.

Потапъ. Поди жь ты!

Кузьма. Слава Богу, что ночь-то свѣтлая. Ишь ты заря-то... бѣлый день.... Да вонъ, вонъ.... видишь, плещется....

Потапъ. И то!

Кузьма (*кричитъ*). Вправо забирай!... (*Съ лодки слышатся голоса:* «держи-ись! держи-ись!»)

Потапъ. Богъ милостливъ! Видишь.... окунулся. Вонъ.... опять выскочилъ. (*Слѣдятъ внимательно.*)

Кузьма. Сохрани Господи всякаго человѣка.

Потапъ. Не видать?

Кузьма. Опустился!... Должно, конецъ его душенькѣ....

Потапъ. Кричатъ что-то. (*Долго смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ.*)

Кузьма. Вонъ поплылъ, вонъ поплылъ.... Должно, вытащили. Какъ-то Богъ далъ. (*По рѣкѣ раздается неясный говоръ; солнце мгновенно обливаетъ свѣтомъ все пространство; Потапъ и Кузьма крестятся; лодка подходитъ къ берегу.*)

Потапъ. Что, братцы?

Матвѣй. Подержи лодку-то. Чуть было самъ не утонѣ. Какой тяжелый, Богъ съ нимъ. Принимай, ребята. (*Потапъ съ Кузьмой выносятъ трупъ на берегъ.*)

Потапъ. Не опущай на земь. Качай такъ.

Матвѣй. Ничего не подѣлаешь: мертвый.

Кузьма. Взаправду, мертвый.

Потапъ. А можетъ.... (*Начинаютъ откачивать.*) Только, ребята, чтобы не разговаривать, не пужать.

Демка. Нѣтъ, братцы, смотри-ка, спина-то у его какъ посинѣла. (*Всѣ смотрятъ.*)

Кузьма. Да.

Потапъ. Воды много наглотался.

Демка. Долго очённо. (*Кладутъ трупъ на рогожу.*)

Матвѣй. Какъ ухватилъ-то я его, еще онъ живъ былъ.

Демка. Подошли-то какъ мы, еще онъ держался.

Потапъ. Мы видѣли.

Матвѣй. Долго очённо въ водѣ-то я его искалъ. (*Выжимаетъ подолъ рубашки*). Продрогъ какъ.... Ухватилъ я его за волосья-то, словно бы маненько шевелился.

Потапъ. Какой здоровенный парень-то.

Кузьма. Надо быть купецъ.

Демка. Купецъ и есть, ишь какая одежина-то.

Матвѣй. И какъ, братцы, это онъ попалъ?

Потапъ. Какъ попалъ! Можетъ, ограбили да бросили. Большая дорога по той сторонѣ-то идетъ.

Кузьма. (*Покрывая трупъ рогожкой*). Отмаялся ты на семъ свѣтѣ, голубчикъ. (*Никитка выходитъ изъ шалаша; слышится звонъ колокола*).

Потапъ. Въ монастырѣ къ заутрени ударили. (*Всѣ крестятся*). Упокой, Господи, душу раба твоего.

Всѣ. Упокой, Господи.

Матвѣй. (*Къ Никиткѣ*). А ты, что жь не крестишься? Крестись.

Никитка (*безсознательно*). Упокой, Господи, душу раба твоего.

Потапъ. Что жь, ребята, теперь ступай къ становому. Объявить надо...., такъ и такъ....

Кузьма. Затаскаютъ насъ, братцы, теперича.

Демка. Пожалуй, и въ острогъ влетишь!

Кузьма. Хитраго нѣтъ.

Матвѣй. За что?

Демка. А за то!

Матвѣй. За что — за то?

Демка. Тамъ ужь опосля выйдетъ рѣшеніе....

Матвѣй. Коли ежели такъ, я его опять въ рѣку сволоку.

Потапъ. Экой дуракъ! Ты крещеный ли?

Матвѣй. Да какъ же! За что жь меня въ острогъ....

Демка. Я сидѣлъ разъ въ острогѣ-то, за подозрѣніе. Главная причина, братцы, говори всѣ одно, не путайся. Мѣсяца два меня допрашивали. Сейчасъ приведутъ тебя, становой скажетъ: «вотъ, братецъ, человѣка вы утопили; сказывай, какъ дѣло было.» Ничего молъ, ваше благородіе, этого я не знаю; а что собственно услыхамши мы крикъ, и теперича, какъ человѣкъ ежели тонетъ, отвязали мы, значитъ, лодку....

Кузьма. Ну вотъ, ребята, слушай да и помни. Чтобъ всѣмъ говорить одно.

Демка. Отвязали мы лодку, подошли къ энтому самому мѣсту и, значитъ, вытащили.

Кузьма. Мертваго?

Матвѣй. Вѣстимо, мертваго.

Кузьма. То-то.

Демка. А на счетъ-то, что откачивали — молчи. Потому, скажетъ: какъ ты смѣлъ до его дотронуться? Како тако ты право имѣешь? Коли ежели человѣкъ померъ, опричь становаго никто не можетъ его тронуть. Такъ вы это и понимайте.

Матвѣй. Ишь ты, лохматый чортъ, какъ онъ судейскія-то дѣла произошелъ.

Демка. Я, молъ, какъ свѣча горю передъ вашимъ благородіемъ, прикажите хоть огни подо мной разжигать, — я ничего не знаю. «Я, скажетъ, братецъ, вѣрно знаю, что это *ваше дѣло.*» Говори одно: какъ вашей милости будетъ угодно, я этому дѣлу не причиненъ. И помни, ребята: какъ приведутъ, сейчасъ писарю гривенничекъ въ ручку. Потому, ежели писарь, что напишетъ — ужь это такъ точно; самъ становой такъ не можетъ.

Потапъ. Такъ, значитъ, всѣ такъ и говори.

Демка. Его завтра потрошить пріѣдутъ, доходить до всего будутъ, что къ чему.

Кузьма. И мертвенькому тебѣ, голубчику, не даютъ спокою.

Потапъ. Бабъ-то нѣтъ, некому надъ тобой и поплакать-то.

Демка. Можетъ, матушка родная по ёмъ теперича плачетъ.

Матвѣй. Кто жь, ребята, пойдетъ?

Демка. Да я пойду.

Матвѣй. Ступай, братъ. Ты на счетъ разговору лучше.

Демка. Я разговаривать съ кѣмъ хошь могу. (*Идетъ въ шалашъ*).

Потапъ. Ахъ, господинъ честной, хлопотъ намъ твое тѣло бѣлое понадѣлало.

Кузьма. Богу тамъ за насъ помолитъ.

И. ГОРБУНОВЪ.

2-го января.

Ужь осень! Кажется, давно ли
Цвѣтущимъ ландышемъ дремучій пахнулъ лѣсъ
И рѣки, какъ моря, сливалися по волѣ
Весною дышущихъ небесъ!

Давно ль ладья моя качалась
Тамъ, гдѣ теперь скрипятъ тяжелые возы;
Давно ли жаркая въ разливѣ отражалась
Заря, предвѣстница грозы!

Я помню облаковъ волокна
Сплывалися, и ночь спускалася кругомъ
На крыльяхъ вѣтра, а вдали сверкали окна
И грохоталъ весенній громъ.

И въ блескѣ молній мнѣ казалось
Волшебнымъ островомъ знакомое село.
Я плылъ — горѣла грудь — ладья моя качалась
И вырывалося весло.

Я правилъ къ берегу разлива,
И хата, крытая соломою, съ крыльцомъ,
Ко мнѣ навстрѣчу шла, мигая мнѣ пугливо
Уединеннымъ огонькомъ.

Стихало. Туча громовая
Отодвигалася за дальніе плетни;
Пѣлъ соловей, а я причаливалъ, бросая
Весло свое на дно ладьи.

О, ночька, золотая ночька,
Какъ ты свѣжа была, безлунная, въ звѣздахъ!
Какъ ты притихла вдругъ, когда ея сорочка
Мелькнула въ темныхъ воротахъ!

Козачка бѣдная, пугливой
Голубкой ты росла; — но ты меня рукой
Манила издали; меня твой взоръ ревнивый
Могъ узнавать во тьмѣ ночной.

Не диво, корень приворотный
Мнѣ за карбованецъ отецъ твой навязалъ,
И ужь чего-чего старикъ словоохотный
Мнѣ про него не насказалъ.

Когда послѣдній шкаликъ водки
Хвативъ, онъ поклялся хмѣльной на образахъ,
Ты вышла блѣдная изъ-за перегородки
И долго плакала въ сѣняхъ.

И недоступная дѣвчица,
Ты въ эту ночь пошла, какъ тѣнь пошла за мной,
Я помню, лѣсъ былъ тихъ и сонная долина
Въ росѣ бѣлѣлась подъ луной.

Когда холодными руками
Ты обвила меня, и съ головы платокъ
Скатился на плеча, — прильнувъ къ устамъ устами,
Я страсти одолѣть не могъ....

На самомъ дѣлѣ оправдала
Ты знахарство отца; ни плеть его съ тѣхъ поръ,
Ни брань, ни кулаки, ничто не помогало;
Силенъ былъ вражій заговоръ....

На посидѣлкахъ опустѣла
Въ кругу дѣвчатъ твоя обычная скамья;
Ты мнѣ лишь одному степныя пѣсни пѣла,
Свои предчувствія тая.

Бѣдняжка! въ корень приворотный
Ты вѣрила, а я, — я вѣрилъ, что весна
Колдуетъ и въ гнѣздѣ у птички беззаботной,
И у косящата окна.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Бывши однимъ изъ людей, близкихъ къ Добролюбову, я разобралъ бумаги, оставшіяся послѣ него, и теперь занимаюсь собираніемъ другихъ матеріаловъ для его біографіи. Дѣло это требуетъ довольно долгаго времени; и пока я успѣю исполнить долгъ, лежащій на мнѣ, считаю полезнымъ напечатать нѣкоторые изъ матеріаловъ, уже находящихся въ моихъ рукахъ. *Н. Чернышевскій.*

Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ, мужъ сестры Николая Александровича, Антонины Александровны, приславъ мнѣ письма Николая Александровича къ сестрамъ и къ нему, приложилъ къ этому собранію небольшую записку о дѣтствѣ покойнаго, которому онъ давалъ уроки до поступленія Николая Александровича въ семинарію. Вотъ отрывки изъ этой записки:

«Домашнее обученіе его (Николая Александровича) начато было очень рано, а вмѣстѣ съ этимъ очень рано начала сказываться и его талантливая натура. Уже лѣтъ трехъ, со словъ матери своей (это была умная, прекрасная женщина, и недаромъ о ней доселѣ всѣ родные и знакомые такъ много жалѣютъ), онъ заучилъ нѣсколько басенъ Крылова и прекрасно произносилъ ихъ передъ домашними и чужими, ибо покойный родитель его, не скрывая своей радости и своихъ восторговъ отъ своего даровитаго Коли, любилъ иногда похвастаться имъ и

передъ чужими, приходившими къ нему въ гости или по дѣлу. Я сказалъ, что онъ заучивалъ эти басни со словъ мамаши своей. Дѣйствительно, такъ какъ отецъ его, занятый то службою церковною, то училищною (онъ былъ нѣсколько времени законоучителемъ въ здѣшнемъ канцелярскомъ училищѣ), то уроками частными, а особенно стройкою своихъ домовъ, не могъ большею частію даже и быть дома подолгу, а не то, чтобы много заниматься съ дѣтьми,—то вообще на первое развитіе сына его по необходимости должна была имѣть вліяніе мать. Мать же выучила его и читать, да, кажется, и писать азбуку. Когда ему стало 8 лѣтъ (съ половиной, кажется), то приглашенъ былъ въ учители для него кончившій курсъ семинаріи—Садовскій; но этотъ послѣдній занимался съ нимъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, потому что поступилъ самъ въ священники. Тогда былъ приглашенъ къ нему я. Я былъ въ это время переведенъ въ философскій классъ и немного извѣстенъ былъ родителямъ Николая Александровича, потому что квартировалъ у родственниковъ ихъ, Благообразовыхъ. Поступивъ къ нему въ учители, я старался во-первыхъ заохотить его къ ученію, чтобы *«учиться»* обратилось для него въ главную и насущную потребность; а во-вторыхъ, доводить его до яснаго, по возможности полнаго и отчетливаго понятія о каждомъ предметѣ, не слишкомъ заботясь о буквальномъ заучиваніи имъ уроковъ (конечно, при обученіи латинскому и греческому языкамъ приходилось ограничиваться только, впрочемъ совершенно достаточнымъ, знаніемъ всякихъ правилъ грамматическихъ и синтаксическихъ). Покойная мать его не разъ тутъ замѣчала, что изъ нашей классной комнаты почти только и слышно: «почему», «отчего», да «какъ» и т. д. Отецъ его, видя, что сынъ его, при своей отличной воспріимчивости, при усердіи и любознательности, оказывалъ отличные успѣхи, и что вообще наше ученіе идетъ въ порядкѣ, не мѣшалъ намъ, и свободно предавался своимъ служебнымъ и хозяйственнымъ занятіямъ,—только иногда навѣдывался объ его успѣхахъ и давалъ ему тѣ или другіе вопросы по тому или другому предмету. Такимъ образомъ наше ученіе продолжалось около трехъ лѣтъ, если изъ этой цифры не исключать мѣсяцевъ пяти или шести его болѣзней или моихъ каникулъ. Тогда онъ, т. е. по прошествіи трехъ лѣтъ, былъ представленъ въ духовное училище, изъ котораго черезъ годъ и былъ переведенъ третьимъ ученикомъ въ семинарію. Въ семинаріи онъ учился пять лѣтъ, и шелъ все первымъ. Съ словесности же онъ началъ читать все, что только могло попадаться ему подъ руку; свѣтскіе журналы, онъ доставалъ или (иногда) у семинарскихъ наставниковъ, или (всего болѣе) у квартировавшихъ въ его домѣ генерала Удыбашева и князя Трубецкаго, и у нѣкоторыхъ прихожанъ. Семинарское образованіе

не могло удовлетворить его, какъ онъ нерѣдко говорилъ и мнѣ объ этомъ; не надѣялся онъ удовлетвориться и въ духовной академіи, а непремѣнно желалъ ѣхать въ какой нибудь университетъ. Отецъ его не прочь былъ и самъ отпустить его туда, но затруднительное положеніе кошелька (ибо онъ былъ кругомъ въ долгу по выстройкѣ дома своего) было причиной, что рѣшено было отправить его въ с.-петербургскую академію, по каковому поводу бывшій тогда у насъ преосвященный Іеремія далъ ему даже рекомендательное письмо къ ректору оной.

«Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» кто-то сказалъ, что покойный Николай Александровичъ былъ всегда слабаго сложенія. Рѣшительно сказать этого нельзя, хотя и точно онъ былъ золотушнаго сложенія; золотуха обнаруживалась у него и у маленькаго, и лечился онъ отъ нея и въ бытность свою студентомъ Педаг. института. Конечно, усиленныя занятія въ семинаріи, а отчасти и въ училищѣ, и по поступленіи въ институтъ, могли имѣть не очень благопріятное вліяніе на его здоровье;—но останься въ живыхъ его отецъ и мать, все обошлось бы для него недурно, и онъ живъ былъ бы и (относительно говоря) здравствовалъ бы доселѣ. Рѣшительное вліяніе на разстройство его здоровья произвела смерть его матери, а потомъ и отца, за которыми послѣдовали, какъ неизбѣжное слѣдствіе, его еще болѣе усиленныя и непрерывныя работы и во время институтской жизни и послѣ, которыя, при грустномъ настроеніи духа его, и доконали его. Смерть родителей и особенно, кажется, матери, подлѣ которой онъ до 17-ти лѣтъ находился неотлучно, для которой и онъ былъ любимымъ сыномъ, и не только сыномъ, но и лучшимъ другомъ,—потому что отецъ, по службѣ своей, чаще всего отсутствовалъ,—и которую и самъ онъ любилъ, какъ другому и не удастся любить, была такимъ ударомъ для него, отъ котораго онъ не опомнился до смерти своей. «На что мнѣ и жизнь-то теперь» (т. е. безъ матери), говорилъ онъ намъ при послѣднемъ нашемъ свиданіи: «развѣ только для братьевъ и сестеръ; ну, для нихъ-то я еще лѣтъ пять-шесть поживу.» Эта смерть родителей имѣла вліяніе не только на физическое, но и нравственное состояніе его».

Сущность нравственной перемѣны, о которой говоритъ М. А. Костровъ, будетъ видна читателю изъ напечатанныхъ въ этой книжкѣ «Современника» стихотвореній Ник. Ал—вича: «Благодѣтель» и «На гробѣ отца». Она видна также изъ слѣдующихъ словъ М. А. Кострова, который, упомянувъ объ этихъ стихотвореніяхъ, продолжаетъ:

«Онъ (Н. А.) былъ самымъ набожнымъ человѣкомъ въ Нижнемъ» — то есть до отъѣзда въ Педагогическій институтъ, — «считалъ за грѣхъ напиться чаю въ праздничный день до обѣдни, послѣ исповѣди до причастія даже воды не пилъ, усердно всегда молился и съ глубо-

кимъ чувствомъ. Но вотъ онъ, получивъ извѣстіе о болѣзни матери, съ такимъ чувствомъ и такъ же горячо и усердно молился Богу объ ея выздоровленіи. Богъ не внялъ его молитвамъ. Этого мало: черезъ пять мѣсяцевъ умеръ и отецъ, оставивъ восемь человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше. «Что жь это такое?»—подумалось ему».

Изъ этихъ словъ читатель уже видитъ, что перемѣна, о которой упоминалъ выше М. А. Костровъ, состояла въ паденіи прежнихъ убѣжденій Н. А., и въ появленіи иного взгляда на законы вселенной.

Но колебаніе прежнихъ убѣжденій началось въ Н. А. еще раньше отъѣзда въ Петербургъ; это мы знаемъ изъ разговоровъ съ Н. А., и то же самое свидѣтельствуетъ любопытная въ психологическомъ отношеніи подневная записка очень оригинальнаго характера, уцѣлѣвшая въ его бумагахъ. Вотъ начало этого дневника, для котораго Н. А. придумалъ заглавіе «Психаторіумъ»—углубленіе въ душу.

«Психаторіумъ».

«7 марта, 1853 г. 1-й часъ по полудни.

«Нынѣ сподобился я причащенія пречистыхъ Таинъ Христовыхъ и принялъ намѣреніе съ этого времени строже наблюдать за собою. Не знаю, будетъ ли у меня силъ давать себѣ каждый день отчетъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но по крайней мѣрѣ прошу Бога моего, чтобы онъ далъ мнѣ положить хотя начало благое. Боже мой! Какъ мало еще прошло времени (*) и какъ уже много лежитъ на моей совѣсти! Вчера, во время самой исповѣди, я осудилъ духовника своего и потомъ скрылъ это, не покаялся; кромѣ того, я сказалъ не всѣ грѣхи, и это не потому, что позабылъ ихъ или не хотѣлъ, но потому, что не рѣшился сказать духовнику, что еще рано разрѣшать меня, что я еще не все сказалъ. Потомъ я сѣтовалъ на отца духовнаго, что онъ не о многомъ спрашивалъ меня (**); но развѣ я долженъ ожидать вопросовъ, а не самъ говорить о своихъ прегрѣшеніяхъ? Только вышелъ я изъ алтаря, и сдѣлался виновенъ въ страхѣ человѣческомъ (***), за

(*) То есть со времени принятія св. Таинъ.

(**) Такимъ образомъ, всѣ предъидущія прегрѣшенія объясняются очень просто: духовникъ, исповѣдуя 17—лѣтняго юношу, жизнь и нравы котораго конечно зналъ очень хорошо и безъ исповѣди, по домашнему или учительскому знакомству съ нимъ, и за которымъ не было никакихъ особенныхъ проступковъ, не почелъ нужнымъ напрасно длить исповѣдь, а Н. А. посовѣстился затруднять его просьбою о продолженіи исповѣди, когда духовникъ прекратилъ ее разрѣшительною молитвою.

(***) Какимъ образомъ?—не объяснено; по всей вѣроятности, поклонился какому нибудь отцовскому знакомому, котораго не уважалъ въ душѣ, или что нибудь подобное.

тѣмъ человѣкоугодіе (*) и, хотя легкій, смѣхъ съ товарищами присоединились къ этому. Потомъ суетныя помышленія славолюбія и гордости, разсѣянность во время молитвы, лѣность къ богослуженію, осужденіе другихъ—увеличивали число грѣховъ моихъ» и т. д. и т. д.

Этотъ ежедневный списокъ своихъ «прегрѣшеній», съ благочестивыми укоризнами себѣ, велъ Н. А. съ 7 марта до 9 апрѣля, такъ что набралось цѣлыхъ 32 страницы за эти 34 дня. Всѣ дни, разумѣется, похожи одинъ на другой; вотъ, напримѣръ, 29 страница «Психаторіума»:

«4 апрѣля, 12 часъ по полудни.

«Опять тѣ же грѣхи въ эти два дня: лѣность къ молитвѣ, разсѣянность и легкомысліе, осужденіе и насмѣшка, непріязнь къ ближнему, вольныя сужденія, ложь, хитрость, притворство, призываніе лукаваго (**), честолюбіе и славолюбіе, преданіе чувственности (***), чревоугодіе и лакомство» (****) и т. д.

Списокъ этихъ «прегрѣшеній» заключается словами:

«Господи! Спаси мя, не остави мене погибающа!»

Но въ томъ же «Психаторіумѣ», среди длинныхъ перечней всякихъ мелочей, возводимыхъ на степень «прегрѣшеній» усердіемъ Н. А. къ самообличенію, среди краснорѣчивыхъ укоризнъ себѣ за эти «прегрѣшенія», и воззваній о помилованіи и спасеніи, мы находимъ слѣдующія строки:

(7 марта). «Возникало во мнѣ нѣсколько разъ сомнѣніе о важнѣйшихъ истинахъ спасенія».

(12 марта). «Допустилъ въ себѣ сомнѣніе о святой церкви и ея постановленіяхъ».

Подобныя замѣтки встрѣчаются почти каждый день. Да и самое веденіе «Психаторіума» было не больше, какъ искуственною попыткою подогрѣть въ себѣ остывавшее благочестіе: постоянно замѣчаетъ Н. А., что ему скучно вести этотъ дневникъ покаянія, что онъ продолжаетъ его только въ исполненіе правила, которое разъ постано-

---

(*) Въ чемъ оно состояло?—опять не объяснено; вѣроятно, не возразилъ какому нибудь товарищу на неправильное мнѣніе, чтобы не раздражать человѣка напраснымъ споромъ въ церкви, или что нибудь подобное.

(**) Это значитъ, что употреблялъ фразы въ родѣ: «чортъ знаетъ», или «чортъ возьми».

(***) Это значитъ, какъ видно изъ другихъ страницъ «Психаторіума», что долго спалъ, и проснувшись, нѣсколько минутъ лѣнился вставать.

(****) Чревоугодіемъ, какъ опять видно изъ другихъ страницъ «Психаторіума», называетъ онъ то, что пилъ много чаю, который тогда очень любилъ; лакомство —то, что послѣ обѣда ѣлъ варенье, которымъ подчивала его мать.

вилъ себѣ при благочестивомъ настроеніи, овладѣвшемъ на минуту его душою послѣ исповѣди и причащенія: каждый день исписывать страницу перечнемъ своихъ «прегрѣшеній» и укоризнами себѣ за нихъ. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ со стр. 30-й.

«7 апрѣля, 12 часъ по полудни.

«Вотъ мѣсяцъ прошелъ, какъ я предпринялъ доброе дѣло—давать себѣ каждый вечеръ отчетъ въ томъ, какъ я провелъ день, — а уже какъ я излѣнился, какъ извратилъ свое дѣло! Вмѣсто сокрушенія и сознательнаго раскаянія, ограничиваюсь только холоднымъ перечисленіемъ моихъ грѣховъ; я забочусь, чтобы только исписать страницу, и оставляя добрую цѣль въ сторонѣ, отягощаюсь и чувствую уже, что я не могу еще долго продолжать свою исповѣдь передъ собою».

М. А. Костровъ говоритъ о благотворномъ вліяніи Зинаиды Васильевны на первое развитіе ея сына и о чрезвычайно нѣжной любви его къ ней. Объ этомъ осталось много свидѣтельствъ въ перепискѣ ея съ Н. А., въ письмахъ его къ роднымъ и другимъ лицамъ послѣ ея смерти до самой смерти его, въ стихотвореніяхъ, найденныхъ нами въ его бумагахъ; наконецъ, мы знаемъ это и изъ разговоровъ съ нимъ. Но оставляя до будущаго времени извлеченіе матеріаловъ для его біографіи изъ его писемъ и изъ личныхъ нашихъ воспоминаній о немъ, мы теперь приведемъ только слѣдующій отрывокъ, писанный, какъ видно по разнымъ признакамъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ ея смерти, еще до каникулъ 1854 года. — Первыя страницы этого размышленія затерялись, и уцѣлѣлъ только полулистъ, который начинается словами:

«....получилъ я (*) свои лучшія качества, съ ней сроднился я съ первыхъ дней моего дѣтства; къ ней летѣло мое сердце, гдѣ бы я ни былъ, для нея было все, все, что я ни дѣлалъ. Она понимала эту любовь; но я не успѣлъ показать ее на дѣлѣ, не успѣлъ осуществить то, чѣмъ хотѣлъ ее радовать... Мало радостныхъ минутъ доставилъ я ей. Я былъ слишкомъ гордъ; я не хотѣлъ прежде времени высказывать даже ей, моей дорогой, своихъ гордыхъ плановъ и надеждъ, думалъ, что будетъ время—на дѣлѣ увидитъ она, какого сына имѣетъ и сколько онъ любитъ ее.... Не случилось такъ.... И почему же не вѣрить мнѣ, что она смотритъ на меня съ высоты небесъ, радуется....

(*) Очевидно, что надобно дополнить эту фразу такъ: отъ нея (отъ матери) получилъ я...

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ—если это правда, если она видитъ меня, мою тоску, мои терзанья, мои сомнѣнья, она умолитъ Бога, чтобы онъ послалъ ее вразумить бѣднаго, жалкаго сына. Иначе ей будетъ рай не въ рай, если только она не разлюбила меня. Мать моя! Милая, дорогая моя! Я всего лишился въ тебѣ! Видишь, я плачу... Мнѣ тяжело, мнѣ горько!... Помолись за меня, чтобы Богъ остановилъ меня на краю гибели!... Вѣдь ты чистая праведница, и Богъ услышитъ тебя. Явись мнѣ, утѣшь меня... Дай мнѣ вѣру, надежду... Съ надеждою можно жить въ мірѣ... Неужели же разстояніе между нами такъ непроходимо, что и материнское сердце не услышитъ мольбы страдающаго сына?... Или я въ самомъ дѣлѣ долженъ думать, что ты не существуешь болѣе, и что я тоже машина... Но зачѣмъ же эта странная тоска, эта грусть, эти сомнѣнія? Мать моя! Вѣрю, что ты любишь меня... Вразуми и научи безпомощнаго!... Заставь меня вѣрить и утѣшаться будущимъ!... Мое положеніе такъ горько, такъ страшно, такъ отчаянно, что теперь ничто на землѣ не утѣшитъ меня. Самая сильная радость обратится у меня въ печаль, самая громкая слава, огромное богатство, всевозможные успѣхи только заставятъ содрогнуться мое сердце, при одной мысли—что, если бы это знала мамаша,—какъ бы мы съ ней порадовались!... И эта мысль тяжко, громаднымъ камнемъ падетъ мнѣ на сердце, и не будетъ мнѣ счастья въ счастьи одинокаго эгоизма....»

Этотъ отрывокъ замѣчателенъ, какъ памятникъ кратковременнаго періода борьбы прежнихъ убѣжденій съ новыми въ душѣ Николая Александровича. Тутъ онъ еще страшится безпредѣльнаго простора, открывающагося его мыслямъ и дѣятельности; этотъ просторъ еще представляется ему ужасною бездною; но онъ уже видитъ, что не удержится за прежними своими рамками, и дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы подставить опору для падающей преграды. Онъ ищетъ эту опору даже въ томъ самомъ чувствѣ, оскорбленною силою котораго влечется онъ на свободный просторъ.

Характеристиченъ и самый этотъ источникъ новой умственной жизни. Натуры, въ которыхъ преобладаетъ отвлеченный умъ, приходятъ къ разрыву съ мнѣніями дѣтства уже и вслѣдствіе однихъ только теоретическихъ соображеній. Я не встрѣчалъ человѣка съ болѣе сильнымъ и свѣтлымъ умомъ, чѣмъ какой былъ въ Николаѣ Александровичѣ. Но при этомъ было въ немъ такое живое сердце, что чувство постоянно служило ему первымъ возбудителемъ и мыслей, и дѣлъ. Отъ этого его убѣжденія и намѣренія всегда были реальны, его стремленія всегда были чрезвычайно опредѣленны, — опредѣленны до конкретности, и при всей безпредѣльности своей теоретической программы, онъ всѣ силы свои обращалъ на исполненіе той части ея,

которая могла быть осуществлена непосредственно, чтобы эта частная перемѣна служила средствомъ для осуществленія дальнѣйшихъ замысловъ. Пользуясь представившимся фактомъ его жизни, я хочу представить примѣръ свойственнаго ему хода мыслей.

Рядъ ихъ начинается конкретнымъ фактомъ: умерла женщина, смертью которой разстроена жизнь многихъ людей, и навсегда опечалены нѣкоторые изъ нихъ. Она умерла отъ неудовлетворительности отношеній, въ которыя была поставлена. Не годится, чтобы оставалось такъ. Обстановка человѣческой жизни должна быть измѣнена, чтобы не умирали преждевременно люди. Но въ этомъ общемъ стремленіи къ пересозданію всей человѣческой жизни, остается ему памятенъ частный фактъ, возбудившій все стремленіе въ немъ. Дѣло шло о женщинѣ, для которой теперь все зависитъ отъ семейныхъ отношеній. А въ семейныхъ отношеніяхъ тяжеле всего теперь грубость отношеній всякаго старшаго къ младшимъ. Потому ненависть сосредоточивается на грубомъ авторитетѣ, господствующемъ надъ патріархальною семьею. Вотъ объясненіе страстной силы, съ какою возставалъ Николай Александровичъ противъ него, заклеймивъ его именемъ самодурства. Изъ сердца, обливавшагося кровью, лились его слова. Когда онъ писалъ, передъ его мыслью неотступно стояли конкретные факты дѣйствительной жизни, стояли фигуры людей, съ которыми онъ сроднился въ жизни, скорбь которыхъ онъ прочувствовалъ. Его статьи — какъ будто эпилоги къ біографическимъ и автобіографическимъ разсказамъ.

О времени, которое провелъ Николай Александровичъ въ семинаріи, написалъ по моей просьбѣ слѣдующія воспоминанія М. Е. Лебедевъ, бывшій его товарищемъ во все время семинарскаго его ученія.

«Въ 1846 году 12—15-лѣтніе ученики высшаго отдѣленія нижегородскаго духовнаго уѣзднаго училища, только-что перешедшіе изъ низшаго отдѣленія и имѣя уже за плечами четыре года несладкой работы надъ горькими корнями ученія, были нѣсколько непріятно поражены, что къ нимъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ректоръ училища привелъ 10-лѣтняго мальчика Добролюбова учиться. «Прямо въ четвертый классъ!», говорили ученики, удивлялись и завидовали. — «Да что ему!» объясняли наиболѣе практическіе и опытные, съ досадой: «у него отецъ-то никольскій священникъ, богатый; домъ какой! каменный. А нашъ Лебедьковъ поросенка приметъ и сдѣлаетъ что угодно.» — «Семь копѣекъ принялъ отъ матери Скородумова», поясняетъ другой съ азартомъ. — «Три горшка отъ моей тетки принялъ и къ Рождеству за недѣлю отпустилъ меня домой», ядовито откровенничаетъ третій....

У первыхъ учениковъ шелъ другой толкъ. «Говорятъ, братцы, подготовленъ хорошо. А латинскій какъ знаетъ! Книгъ много у отца.... Онъ ужь Карамзина прочиталъ». (Карамзина когда-то еще удастся имъ самимъ почитать, года черезъ четыре: таковъ порядокъ былъ тамъ въ распредѣленіи книгъ для чтенія). Вотъ будетъ качать!» И первые ученики заранѣе уже назначали, кого изъ нихъ долженъ сшибить Добролюбовъ; о возрастѣ его судили весьма одобрительно. Начали присматриваться. Прежде всего оказалось, что мальчикъ очень нѣжной, барской наружности, съ очень мягкими руками; увидали, что очень скроменъ и застѣнчивъ, какъ дѣвочка, дичится всѣхъ, чуждается. Въ перемѣнахъ классныхъ и до прихода учителя ни съ кѣмъ не якшитъ, а читаетъ книжки, которыя изъ дому носитъ. Книжки были все по предметамъ, проходимымъ въ классѣ.—Въ этомъ классѣ уже начиналось изученіе латинскаго синтаксиса; учитель, преподававшій его весьма дѣльно, хотя и съ мѣрами строгими до жестокости, задавалъ переводы съ русскаго языка на латинскій такимъ манеромъ, что самъ назначалъ только немногія латинскія слова и фразы, наиболѣе трудныя, а остальныя пріискивались самими учениками. Тогда-то Добролюбовъ поразилъ всѣхъ новостью: самостоятельно фразируя нѣкоторые примѣры, насколько зналъ латинскій языкъ, онъ вставлялъ въ данныя сентенціи совершенно новыя и умѣстныя мысли, такъ-что съ перваго же опыта получилъ отмѣтку наставника: ter optime; слѣдующія затѣмъ отмѣтки были: eximie, egregie, ter eximie и ниже optime никогда не спускались. Кромѣ того, наиболѣе замѣчательныя изъ его упражненій учитель съ искреннимъ удовольствіемъ читалъ и разбиралъ въ классѣ при всѣхъ. Успѣхъ этотъ былъ поразителенъ: первые ученики бросились за нимъ въ погоню; изученіе латинскаго языка сдѣлалось весьма интереснымъ (конечно, только для меньшинства и для учителя). Пытались объяснить сначала успѣхъ Добролюбова посторонней помощью, но скоро разубѣдились. Когда учитель заставлялъ въ классѣ учениковъ фразировать по-латинѣ русскія предложенія и разсказывать по-латинѣ своими словами изъ «Корнелія Непота» и «Латинской хрестоматіи», то Добролюбовъ постоянно отличался при всѣхъ. Наконецъ и собственные опыты подражателей его увѣрили, что это довольно возможно и безъ посторонней помощи. Съ такимъ же успѣхомъ Добролюбовъ занимался священной исторіей, географіей, ариѳметикой и другими науками, занялъ повсюду 4-й № въ спискахъ, и въ 1848 г. перешелъ во 2-е отдѣленіе словесности (низшее отдѣленіе семинаріи, по множеству воспитанниковъ дѣлившееся на два параллельныя отдѣленія). Въ семинаріи, съ теченіемъ времени, Добролюбовъ погружается въ ученыя занятія. Отъ товарищей держится такъ же далеко, хотя принимаетъ къ себѣ

всѣхъ, кому угодно его посѣтить. Но все свободное отъ посѣщеній время занятъ книгами. Онъ читалъ русскихъ авторовъ, ученыя сочиненія, журналы—и дома и въ классѣ. Въ его упражненіяхъ по классу реторики и піитики постоянно было видно знакомство съ лучшими русскими литераторами, что и выставлялось на видъ учителемъ словесности. Въ немногихъ упражненіяхъ, какія были по исторіи всеобщей, была видна та же начитанность. Его возраженія, напримѣръ, по математикѣ профессору-монаху, по исторіи противъ учебника Кайданова—были выслушиваемы учениками съ участіемъ, которое возрастало, когда профессоръ не рѣшалъ возраженій, а заминалъ ихъ своимъ авторитетомъ, невозможностью распространяться по причинѣ недосуга и другими уловками. Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи Добролюбовъ поражалъ громадными сочиненіями по философскимъ темамъ, особенно объ ученіи отцовъ церкви, отчасти изъ русской церковной исторіи. Надо замѣтить, что способы писанія задачъ въ семинаріи были истинно оригинальны. Задавалась, напримѣръ, тема на какой нибудь предметъ; наибольшая часть темъ давалась философскаго сорта, изрѣдка историческаго; въ классѣ профессоръ говорилъ почти то же, что въ сухихъ, короткихъ учебникахъ; предметъ темы никогда обстоятельно не разъяснялся; источниковъ почти никогда не указывали и совершенно никогда не давали въ руки ученикамъ; между тѣмъ общественное мнѣніе въ семинаріи, благодаря самостоятельной дѣятельности лучшихъ учениковъ, было въ пользу большихъ (и дѣльныхъ впрочемъ) сочиненій; но требовало, чтобъ сочинитель *самъ* писалъ свои задачи, т. е. самъ своей головой доходилъ до рѣшенія заданныхъ темъ; а какъ скоро задача отличалась начитанностію, то же общественное мнѣніе обвиняло автора въ заимствованіяхъ: дескать, онъ списалъ, сдулъ. Такимъ образомъ, ученикъ былъ поставленъ въ необходимость или разбавлять реторической водицей и безъ того жидкія свѣдѣнія учебника и летучія замѣтки профессора, или самостоятельно ломать голову надъ вещами, которыхъ не зналъ, или же претерпѣвать укоризну отъ товарищей за сдувательство и уженье своихъ задачъ изъ книгъ. Добролюбовъ, еще до знакомства съ такой странной теоріей писанія задачъ, постоянно сопровождалъ свое чтеніе выписками изъ книгъ, постоянно свѣрялъ съ подлинниками тѣ цитаты въ разныхъ сочиненіяхъ, которыя прочитывалъ, такъ что значительную часть отысканныхъ по смерти его записокъ составляютъ именно подобныя выписки, веденныя имъ съ того времени—или по рубрикамъ различныхъ предметовъ, или по алфавиту, или по журналамъ, съ указаніемъ, гдѣ что напечатано. Ясно, что задаваемыя въ семинаріи темы большею частію встрѣчали его уже совсѣмъ готоваго къ отвѣту; поэтому упражненія его отличались обиліемъ мыслей и знаній, и

множествомъ цитатъ: все это становило въ-тупикъ профессоровъ и семинаристовъ. Сначала, какъ водится, на него косились ученики и обвинили въ сдувательствѣ. Но скоро замѣтили, что Добролюбовъ дѣлаетъ выписки, не стѣсняясь ни задаваемыми темами, ни даже проходимыми въ семинаріи науками. Это ошеломило ихъ и въ то же время убѣдило, что тутъ дѣло ведется ни какъ не меньше, какъ на академію, или на университетъ,—словомъ, на ученость, потому что ни филологія напримѣръ, ни литература, ни исторія, да и ничто другое въ такихъ широкихъ размѣрахъ не годится просто для семинарскихъ классовъ, темъ, списковъ и аттестатовъ. Такъ тѣмъ и покончили, занялись своими дѣлами, и результатовъ никакихъ. Въ свою очередь косились и профессора. Нельзя, напримѣръ, ученику обойтись безъ выговоровъ, и Добролюбову иные профессора дѣлали замѣчанія, потомъ и выговоры, за то, что онъ не слушалъ ихъ въ классѣ, а читалъ принесенныя съ собою книги. Добролюбовъ почтительно представлялъ резонъ, что нечего слушать, когда спрашиваютъ учениковъ одно и то же (система ученія была зубрильная); иногда профессоръ успокоивался простымъ увѣщаніемъ, что все же что нибудь можно услышать новое и при спрашиваніи уроковъ; но были случаи, что Добролюбова ловили на классѣ какой нибудь Кайдановой или Устряловой исторіи, греческомъ или латинскомъ языкахъ, за журналомъ, повѣстью, романомъ. Тогда съ выговоромъ бралась книга, клалась на столъ, но не смѣла рваться и зажиливаться, какъ у многихъ другихъ, потому что никольскій священникъ вѣдь тутъ на лицо, въ Нижнемъ.... Въ числѣ профессоровъ, претендовавшихъ на вниманіе, былъ напримѣръ профессоръ логики, «чистый разумъ» котораго ученики, по отзыву своихъ предшественниковъ и собственному опыту, характеризовали такими силлогизмами, подслушанными даже у самого профессора: «когда дитя кричитъ, значитъ ему больно, потому что его бьютъ.... ахъ, нѣтъ, не такъ: когда дитя бьютъ, то ему больно, потому что оно крич.... ахъ, нѣтъ: когда дитя бьютъ, то оно кричитъ, потому что ему больно.... ну, да тамъ сами сдѣлаете послѣ».... Окончательный выводъ объ этомъ профессорѣ выражался силлогизмомъ: въ углу палка стоитъ, слѣдовательно на дворѣ дождикъ идетъ. Другой, профессоръ догматики, бывшій профессоръ латинскаго языка и умѣвшій сыпать кстати и некстати цитаты изъ латинскихъ писателей, не могъ освободиться отъ своей привычки и тогда, какъ читалъ (по учебнику) догматику, совершено новый и незнакомый для него предметъ. Этотъ профессоръ прибавлялъ новые выговоры за то, что языкъ въ сочиненіяхъ Добролюбова слишкомъ чистъ и напоминаетъ журнальные обороты.... Обыкновенно, эти профессора въ своихъ выговорахъ руководились вслухъ формальностью, голословнымъ запре-

щеніемъ. Но втайнѣ вѣроятно была причина проще,—общая причина всѣхъ формальностей: что какъ-то неловко смотрѣть, какъ ученикъ въ вашихъ глазахъ и за вашими часами, какъ разъ, узнаетъ больше васъ самихъ.... По крайней мѣрѣ на это слегка намекнулъ одинъ профессоръ за веселой компаніей.—Впрочемъ, Добролюбовъ не былъ въ семинаріи феноменомъ, предметомъ молвы или гордости семинаристовъ. Феноменъ въ семинаріи составлялъ молодецъ на возраженія профессорамъ, вскакивавшій и дѣльно отвѣчавшій при первомъ вопросѣ наставника: «кто скажетъ?»—прочитывавшій Библію на еврейскомъ языкѣ, говорившій по-латинѣ, и особенно тотъ, кто постоянно сидѣлъ за картами или кутилъ, и все-таки шелъ въ первыхъ. Добролюбовъ же только въ первые года въ семинаріи дерзалъ на возраженія, а потомъ благоразумно утихъ. А что касается до огромной его начитанности, это скромное препровожденіе времени за книгами, и особенно занятіе литературой, всемірной исторіей и тому подобными *посторонними* предметами, не давало ему права быть феноменомъ; объ немъ *не кричали*, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ представлялъ задачи въ 30, 40 и 100 листовъ. Но такая параллель съ его молчаливымъ поведеніемъ въ классѣ была скорѣе въ ущербъ той молвѣ, какую порождала задача.—Со стороны товарищей возникали неудовольствія на Добролюбова по поводу требованія отъ него книгъ для чтенія; подобныя требованія не всегда и не для всѣхъ возможно было выполнить по ихъ множеству, и не всегда безопасно для цѣлости книгъ со стороны учениковъ, а еще болѣе, ихъ пѣстуновъ. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ постоянными занятіями Добролюбова, давали поводъ считать его какъ бы чуждымъ, какъ бы отдаляющимся отъ товарищей. Такому мнѣнію помогала особенно природная и привитая дикость семинаристовъ, боявшихся ступить ногой къ его отцу, городскому священнику, въ домъ.—Словомъ, семинарія ни по личнымъ, ни по классным-отношеніямъ не сходила съ ума отъ Добролюбова, хотя *знала* и уважала его. Самъ Добролюбовъ не водилъ большой компаніи съ товарищами; когда приходили товарищи къ нему въ гости, онъ былъ одинаково любезенъ со всѣми; но какъ и изъ этихъ смѣльчаковъ многіе трусили посѣщать его въ собственномъ его домѣ чаще разу въ мѣсяцъ, то оставалось не болѣе троихъ, четверыхъ постоянныхъ его гостей, которые имѣли случай не только удостовѣриться, что Добролюбовъ не былъ букой, гордымъ или тому подобное, но и сами могли въ его обществѣ и семействѣ стряхнуть съ своихъ костей привитую симинарскую дикость.—Между профессорами онъ нашелъ одного или двоихъ, впрочемъ не изъ своего отдѣленія, которые отчасти напоминали собою гоголевскаго Александра Петровича. — Въ 1853 году былъ вызовъ изъ богословскаго

класса (высшее отдѣленіе семинаріи) въ с. петербургскую духовную академію. — Отправили двоихъ, въ томъ числѣ Добролюбова. Прибывши въ Петербургъ, онъ разомъ держалъ два пріемныхъ экзамена: въ Педагогическомъ институтѣ и духовной акадаміи. Какъ скоро ходъ дѣла показалъ, что его примутъ въ институтъ, онъ прекратилъ сдачу экзамена въ академіи. И только тогда семинарія (ученики собственно) огласилась именемъ Добролюбова: «въ Педагогическій принятъ!»—«Самъ Ленцъ былъ доволенъ экзаменомъ!»—«Самъ Лоренцъ похвалилъ!»—«Благодарность прислали за него!»—говорили восторженные товарищи, протягивая семинарскую лямку въ $^{53}/_{54}$ годъ, которымъ оканчивался полный учебный курсъ, неконченный Добролюбовымъ.»

Для читателей, не знакомыхъ съ семинарскими порядками, нужно будетъ объяснить нѣкоторыя подробности этой записки. Напримѣръ: что такое значитъ «дѣлать возраженія»? Въ семинарскомъ преподаваніи осталось очень много средневѣковыхъ обычаевъ; къ числу ихъ принадлежатъ «диспуты» ученика съ учителемъ. Кончивъ объясненіе урока, учитель говоритъ: «кто имѣетъ сдѣлать возраженіе?»— Ученикъ, желающій «отличиться», — отличиться не столько передъ учителемъ, сколько передъ товарищами, — встаетъ и говоритъ: «я имѣю возраженіе.»—Начинается диспутъ; кончается онъ очень часто ругательствами возразившему отъ учителя; иногда возразившій посылается и «на колѣни»; но за то онъ пріобрѣтаетъ между товарищами славу «генія». — Надобно сказать, что каждый курсъ въ семинаріи имѣетъ человѣкъ пять «геніевъ», передъ которыми совершенно преклоняются товарищи. — Я описываю порядокъ, бывшій лѣтъ 15 или 20 тому назадъ въ семинаріи, гдѣ я учился.

М. Е. Лебедевъ упоминаетъ о «задачахъ». Не знаю, какъ теперь, а въ мои времена достоинство лучшихъ учениковъ оцѣнивалось въ семинаріи не по знанію уроковъ, а по достоинству «задачъ» или сочиненій на темы, задаваемыя преподавателемъ. Уроки спрашивались у учениковъ только начиная съ осьмаго или десятаго имени въ спискѣ, который составлялся не по алфавитному порядку, а по успѣхамъ. Первый «пятокъ» въ мое время вовсе никогда и не училъ уроковъ, зная, что никогда не будетъ спрошенъ въ учебное время. За то онъ работалъ надъ «задачами», собраніе которыхъ приносилось каждымъ ученикомъ и на экзаменъ. У кого эти задачи составляли толстую кипу, тому было обезпечено благоволеніе всего экзаменующаго начальства.

Не мѣшаетъ объяснить и терминъ «сдувать», употребляемый М. Е. Лебедевымъ. Количество темъ, находившихся въ обращеніи при задаваніи задачъ, было не слишкомъ многочисленно: «страданія приближаютъ насъ къ Богу», «о пользѣ терпѣнія», «дурное общество раз-

вращаетъ нравы», и т. п. въ реторическомъ классѣ или низшемъ отдѣленіи семинаріи; «о различіи разсудка и разума», «о различіи души и тѣла», «о преимуществѣ умозрительнаго метода надъ опытнымъ» и т. п. въ философскомъ классѣ или среднемъ отдѣленіи; всѣхъ различныхъ темъ, задававшихся въ теченіе цѣлыхъ 5 или 6 курсовъ, т. е. 10 или 12 лѣтъ, набралось бы вѣроятно не больше 100; а каждый годъ писалось нѣсколько десятковъ «задачъ», стало быть однѣ и тѣ же темы очень часто повторялись. Поэтому старыя «задачи» заботливо хранились, передавались отъ одного курса къ другому въ наслѣдство на случай неизбѣжнаго повторенія тѣхъ же темъ. У меня были товарищи, у которыхъ по большому сундуку было набито такимъ запасомъ. «Геніи» конечно презирали этотъ способъ отличаться чужимъ трудомъ, и онъ носилъ имя «сдувательства». Въ рукахъ у семинаристовъ бывало очень мало книгъ, какъ упоминаетъ и М. Е. Лебедевъ; потому списыванье чужихъ «задачъ» было почти единственнымъ доступнымъ для нихъ способомъ пользоваться какими-нибудь пособіями при сочиненіи «задачи»; отъ этого всякое пользованіе какими нибудь пособіями было подводимо общественнымъ мнѣніемъ семинаристовъ подъ обыкновенный случай «сдувательства».

Отсутствіе близкихъ дружескихъ отношеній между Николаемъ Александровичемъ и его товарищами по семинаріи достаточно объяснялось бы уже однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, которое выставлено и у М. Е. Лебедева: Николай Александровичъ былъ сынъ городскаго священника, пользовавшагося почетомъ у епархіальнаго начальства. Чтобы могли понять это люди, не знакомые съ семинарскимъ бытомъ, скажу о своихъ отношеніяхъ съ товарищами. Мой отецъ былъ также священникъ губернскаго города въ богатомъ (!) приходѣ (доходы моего отца отъ службы простирались до 1500 рублей ассигнаціями, и мы жили безбѣдно). Всѣ товарищи были мнѣ пріятели; человѣкъ десять изъ нихъ были со мной задушевные друзья. Сколько разъ мяли мы бока другъ другу въ шуточной борьбѣ,—счета нѣтъ; словомъ сказать, въ классѣ и «бурсѣ» (куда я ходилъ чуть не каждый день для дружеской бесѣды) со мною церемонились товарищи такъ же мало, какъ и со всякимъ другимъ. Но въ гости ко мнѣ ходили только двое или трое изъ товарищей, и то изрѣдка; и надобно сказать, что они вовсе не были изъ числа ближайшихъ моихъ друзей: они были не больше какъ пріятели; но они не совѣстились посѣщать меня въ моемъ семействѣ потому, что у нихъ была приличная одежда и обувь. Ничто не можетъ сравниться съ бѣдностью массы семинаристовъ. Помню, что въ мое время изъ 600 человѣкъ въ семинаріи только у одного была волчья шуба,—и эта необычайная шуба представлялась чѣмъ-то даже не совсѣмъ приличнымъ ученику семинаріи, въ родѣ того, какъ если бы мужикъ

надѣлъ бриллянтовый перстень. Помню, какъ покойный Миша Левитскій, не имѣвшій другаго костюма, кромѣ синяго зипуна зимой и желтаго нанковаго халата лѣтомъ, — помню, какъ этотъ первый мой другъ не рѣшался навѣстить меня, когда я недѣли три не выходилъ изъ дому, будучи боленъ лихорадкой: а между-тѣмъ мы съ Левитскимъ не могли пробыть двухъ дней не видавшись, и когда онъ не ходилъ въ классъ, я каждый день приходилъ къ нему. Короче сказать, какъ ни умѣренна была степень знатности и богатства моей семьи, но почти для всѣхъ моихъ товарищей войдти въ мой домъ казалось такъ же дико, они чувствовали бы себя въ немъ такими же бѣдняками и ничтожными людьми, какъ я чувствовалъ бы себя въ салонѣ герцога девонширскаго. Съ той поры конечно много измѣнилось въ нашей семинаріи; но не настолько, чтобы расказъ мой сдѣлался совершенно обветшавшею стариною.

Очень можетъ быть, что и въ нижегородской семинаріи около 1850 года, когда учился Николай Александровичъ, было не совсѣмъ такъ, какъ въ мое время, около 1845 г., въ саратовской семинаріи; но не думаю, чтобъ разница была значительная.

Теперь, какъ я слышу, въ многихъ, а быть можетъ и во всѣхъ семинаріяхъ уменьшилось или совсѣмъ вывелось пьянство. Но въ мое время въ саратовской семинаріи никакое сходбище семинаристовъ не могло не быть попойкою. Николай Александровичъ былъ настолько моложе своихъ товарищей, что не годился бы быть участникомъ попоекъ, еслибъ жизнь въ семействѣ и не удерживала его отъ подобной наклонности. Вотъ другая причина, по которой онъ довольно рѣдко видѣлся съ товарищами внѣ классовъ (впрочемъ, въ «бурсу» онъ довольно часто ходилъ къ товарищамъ, навѣщалъ и товарищей, жившихъ на квартирахъ, какъ видно будетъ изъ его семинарскаго дневника, напечатаннаго на слѣдующихъ страницахъ). Не думаю, чтобы въ нижегородской семинаріи кутили тогда такъ сильно, какъ въ саратовской въ мои времена, болѣе старыя и грубыя. Но М. Е. Лебедевъ упоминаетъ, что его товарищи все-таки сильно кутили. А потомъ еще — разница лѣтъ: когда я перешелъ въ реторику, изъ моихъ 122-хъ человѣкъ товарищей только четверо имѣли по 14 лѣтъ и только одинъ былъ 13 лѣтъ, — и мы смотрѣли на него, какъ на ребенка. Этотъ юноша кутилъ очень сильно и съ необычайнымъ усердіемъ выдѣлывалъ всякія молодецкія штуки; но все его ухарство было недостаточно, чтобы товарищи смотрѣли на него, какъ равнаго себѣ. Николай Александровичъ перешелъ въ реторику имѣя только 12 лѣтъ. Онъ дѣйствительно не могъ по своимъ лѣтамъ войдти въ жизнь товарищей.

Дѣлаю эти замѣчанія для людей, не знакомыхъ съ семинарскими

обстоятельствами, въ предупрежденіе недоразумѣній. Но для семинариста довольно было бы знать: отецъ — членъ консисторіи; въ гостяхъ у отца бываютъ важные чиновники, иногда заѣзжаетъ къ нему даже самъ архіерей; сынъ не пьетъ вина, и при переходѣ въ реторику имѣетъ только 12 лѣтъ, — ясно, что домашнее знакомство съ этимъ ученикомъ невозможно почти ни для кого изъ товарищей участникомъ интимной жизни своихъ товарищей онъ не можетъ быть.

Возвращаемся къ запискѣ М. Е. Лебедева. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ отношеніяхъ Николая Александровича къ его бывшимъ товарищамъ по отъѣздѣ его въ Петербургъ.

«Въ его первыхъ письмахъ изъ Петербурга выражалось совершенное невниманіе къ красотамъ столицы, полное хладнокровіе къ нимъ, которое онъ замѣтно старался передать и тѣмъ, кто требовалъ отъ него подробныхъ описаній. А какъ у семинаристовъ водится описывать всякій городъ, куда метнетъ ихъ судьба учиться, то молчаніе Добролюбова было очень непріятно для его товарищей. Нашлось довольно людей, которые, нисколько не сговариваясь между собой, прямо осудили его за то, что онъ корчитъ изъ себя ужь очень умнаго человѣка, на котораго будто не дѣйствуетъ никакая внѣшность. Упреки въ гордости, въ невнимательности къ товарищамъ и тому подобное посыпались отвсюду.... За то, безъ всякой просьбы съ ихъ стороны, Николай Александровичъ дѣлился съ знакомыми тѣми идеями, какія онъ встрѣтилъ или развилъ въ институтѣ; онъ высылалъ цѣлыя тетрадки выписокъ, печатные листки, по почтѣ, или съ вѣрными людьми, къ нѣкоторымъ знакомымъ, къ профессорамъ; онъ звалъ ихъ на честную благую дѣятельность, рисовалъ имъ идеалы обязанностей, преимущественно священническихъ; въ пріѣзды въ Нижній онъ довершалъ такія сношенія лично.—Но всегда его хлопоты оставались безуспѣшны. Правда, онъ трогалъ, шевелилъ сердце, видѣлъ, что убѣждались его доводами; но большая часть возражала однимъ страхомъ и опасеніями за его будущность, совѣтовала бросить завиральныя идеи; очень немногіе, сознавая безсиліе, горевали съ нимъ гражданскимъ горемъ и никто не попробовалъ приложить разобранныхъ съ нимъ идей къ дѣлу... Были люди, которые послѣ выраженія сочувствія ему, выражали болѣе сочувствія питейному откупу.... Съ появленіемъ его въ литературѣ развилась въ семинаріи преимущественно гордость, похвальбы имъ; были упреки въ дерзости; задавались вопросомъ, чѣмъ-то онъ кончитъ; — болѣе нечего».

Въ первыхъ письмахъ Николая Александровича изъ Петербурга къ роднымъ видѣнъ тотъ же самый характеръ, которымъ обижались его

товарищи. Матери, отцу, двоюродному брату, теткамъ онъ точно также говоритъ, что описывать Петербурга онъ не хочетъ, что мало и смотрѣлъ на него, да и нельзя ясно изобразить Петербурга людямъ, не видавшимъ ничего, кромѣ Нижняго. Въ письмахъ къ роднымъ этотъ отказъ отъ описаній, конечно, уже не происходилъ отъ гордости. Дальше увидитъ читатель изъ словъ самого Николая Александровича, что онъ, собираясь ѣхать въ Петербургъ, не интересовался его зданіями, а занятъ былъ другими мыслями.

Факты объ усиліяхъ Николая Александровича—пробудить своихъ нижегородскихъ товарищей къ лучшей умственной и гражданской жизни находятся между прочимъ въ дневникѣ, который велъ онъ нѣсколько времени въ началѣ 1857 г., когда былъ въ IV курсѣ Педагогическаго института.

Кромѣ этого дневника, мы нашли въ его бумагахъ другой дневникъ, веденный въ Нижнемъ, до отъѣзда въ Петербургъ. Помѣщаемъ его здѣсь почти весь, за исключеніемъ лишь немногихъ страницъ, лишенныхъ интереса (*).

Впрочемъ, мы не совсѣмъ правильно назвали дневникомъ эти записки, веденныя въ Нижнемъ-Новгородѣ: въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ Н. А. принимался за продолженіе начатыхъ мемуаровъ только 11 разъ. Сначала, какъ видно, онъ дѣйствительно хотѣлъ записывать каждый день, но съ перваго же раза запустилъ время такъ, что уже поздно было даже и вспоминать день за днемъ. Потомъ онъ садился записывать только какъ будто по особеннымъ случаямъ, когда происходила особенно важная новость въ его жизни. Вотъ начало дневника.

«1 января, 1852 г.

«Вотъ и еще одинъ годъ *«юркнулъ въ вѣчность!»* И еще годъ прошелъ, и еще годомъ сократилась жизнь моя. Грустно встрѣтилъ я этотъ годъ, котораго ждалъ я, можно сказать, съ нетерпѣніемъ. Много я надѣялся на него и отъ него.... Но вотъ пришелъ онъ, и при самомъ вступленіи его, надежды мои разсыпаются прахомъ. Грустно, невесело!... Тяжелый день провелъ я нынѣ. Теперь (12 часъ вечера) на

(*) Весь онъ состоитъ изъ шести тетрадокъ, въ каждой по 8 страницъ; мы выпускаемъ изъ 48 страницъ около 14. Имена и фамиліи, напечатанныя здѣсь только одними начальными буквами, такъ и написаны у Н. А., конечно, только потому, что не было надобности писать вполнѣ имена, слишкомъ знакомыя. Ряды точекъ не обозначаютъ пропусковъ, сдѣланныхъ нами или находящихся въ самомъ дневникѣ: это просто привычка Н. А. ставить ряды точекъ въ отрывистой рѣчи. Съ такими безпрестанными рядами точекъ написаны всѣ его статьи, и теперь мы видимъ, что манера писать такъ явилась у него очень рано. Пропуски, дѣйствительно сдѣланные нами, мы обозначимъ на своихъ мѣстахъ особыми оговорками.

дворѣ «бушуетъ вѣтеръ, злится буря, свиститъ и воетъ и бурлитъ», и это довольно близко къ состоянію души моей. Я не сдѣлалъ нынѣ ничего добраго и полезнаго. Встрѣчая новый годъ, не хотѣлъ я спать всю ночь, но въ два часа «легъ полежать», — не больше, — и задремалъ и уснулъ.... А свѣча осталась на столѣ непогашенная, а книга лежала раскрытая. Къ счастію, огарокъ былъ невеликъ, и, вѣроятно, скоро догорѣлъ и погасъ самъ собой. Впрочемъ, можетъ быть погасила и няня. Я не говорилъ объ этомъ ни слова, но цѣлое утро былъ въ какомъ-то смущеніи. Надѣлалъ-было я дѣла, — подумалъ я проснувшись, и прямо бросился въ другую комнату къ столу, свѣчѣ и книгѣ, и нашедъ все въ цѣлости, не мало былъ удивленъ и еще болѣе обрадованъ.... Потомъ я поздно пришелъ къ обѣднѣ, простоялъ у порога, сконфузился при исполненіи нелѣпой фантазіи, пришедшей мнѣ въ голову — поздравить въ церкви А. Н. Ник...., которая мнѣ только кивнула на мое привѣтствіе, и ушелъ, не достоявъ молебна. Потомъ вздумалось мнѣ идти поздравить мать крестную — А. В. П.; я пошелъ, встрѣтилъ сухой пріемъ, проскучалъ лишніе полчаса въ жизни, былъ раздосадованъ невниманіемъ къ себѣ, получилъ порученіе, которое потомъ позабылъ исполнить, и не знаю еще—какъ отдѣлаюсь!... Дома оскорбилъ маменьку, но вскорѣ помирился. Въ половинѣ 6-го пошелъ къ одному изъ товарищей, хорошему знакомому В. В. Л...., просидѣлъ тамъ часа два ни скучно, ни весело, хотя смѣялся очень много.... Оттуда мнѣ чрезвычайно хотѣлось, необыкновенно хотѣлось побывать у постояльцевъ нашихъ Щ.... и поиграть тамъ съ ихъ прекрасными дѣтьми.... особенно одна.... Тамъ было бы такъ весело!... Все это думалъ я дорогой; но дома ждало меня достойное заключеніе этого чуднаго дня.... Нужно было случиться, чтобъ у насъ въ этотъ день сбѣжала со двора наша корова.... Папенька и такъ нынѣ былъ довольно въ худомъ расположеніи духа, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ; но когда сказали ему объ этомъ, онъ окончательно разстроился; и пришедши домой, я засталъ его въ крайне-мрачномъ расположеніи, особенно потому, что это случилось въ новый годъ, и слѣдовательно предвѣщало несчастія въ будущемъ,—предразсудокъ, оказавшій однако сильное вліяніе на папашу. Къ вящшему несчастію, мамаша съ старшей моей сестрой уѣхали къ А. И. Н. на вечеръ, папаша былъ одинъ, и я долженъ былъ подвергнуться непріятностямъ. Сначала папаша пожалѣлъ о коровѣ, побранилъ заочно работницу,—за дѣло!— и принялся писать свои дѣла.... Я подумалъ, что ждать мнѣ больше нечего, взялъ свѣчу и пошелъ къ себѣ въ комнату. Но папаша позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что «еслибъ я мало-мальски радѣлъ отцу, жалѣлъ его, еслибы у меня хотя немного было мозгу въ головѣ, то я занялся бы этимъ дѣломъ, а не оставилъ его безъ вниманія, будто

мнѣ все равно, хоть все гори, все распропади».... Послѣ этого нечего было ждать ласковаго слова. Я-таки испугался предстоящей сцены, и поскорѣе, по приказанію папаши, сошелъ въ кухню и распросилъ кухарку объ успѣхахъ ея поисковъ, которые были совсѣмъ безуспѣшны. Узнавши это, я въ точности донесъ папашѣ. Онъ сталъ что-то говорить, и вдругъ, Богъ-вѣсть-какъ, разговоръ перешелъ ко мнѣ, и тутъ-то я долженъ былъ выслушать множество вещей, которыхъ теперь и не припомню въ подробности. Но только главный смыслъ ихъ былъ таковъ: «ты негодяй; ты не радѣешь отцу, не смотришь ни за чѣмъ; не любишь и не жалѣешь отца; мучишь меня и не понимаешь того, какъ я тружусь для васъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Ты дуракъ, изъ тебя толку не много выйдетъ; ты ученъ, хорошо сочиняешь, но все это вздоръ. Ты дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешь и не хочешь дѣлать. Вы меня не слушаете, вы меня мучите; когда нибудь вспомните, что̀ я говорилъ, да будетъ поздно. Можетъ, я не долго ужь проживу. Отъ такихъ безпокойствъ, тревогъ и непріятностей поневолѣ захочешь умереть; лучше прямо въ могилу, чѣмъ этакъ жить. Ничего въ свѣтѣ нѣтъ для меня радостнаго; нигдѣ не найду отрады; весь свѣтъ — подлецъ; всѣ твои науки никуда не годятся, если не будешь умѣть жить. Умѣй беречь деньгу; безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; деньги,—охъ! —трудно достаются: надо умѣть, да и умѣть пріобрѣтать ихъ; какъ меня не будетъ, вы съ голоду всѣ умрете; никакія твои сочиненія тебѣ не помогутъ!... Изъ тебя ничего хорошаго не выйдетъ; хило-гнило, хило-гнило; не много въ тебѣ мозгу; а еще умнымъ считаешься».— Все это, на разные манеры повторяемое, я слушалъ отъ 8 до 11 часовъ, — ровно три часа.... Каково это вынести? Не въ первый и не въ послѣдній разъ слышалъ я эти упреки, но нынѣ они особенно были тяжелы для меня. Они продолжались три часа; произносились не съ сердцемъ, не въ гнѣвѣ, но очень спокойно, только въ необыкновенно мрачномъ и грустномъ тонѣ. Я не видѣлъ никакого повода къ такому обороту разговора, хотя большею частію и сознавалъ относительную справедливость высказываемыхъ замѣчаній. Но все это ничего бы: особенно поразили меня упреки въ нелюбви, нерадѣніи къ отцу, пророческія слова о томъ, что изъ меня ничего не выйдетъ; всего же болѣе эти жалобы на свои труды и безпокойства, на то, что не долго ему остается жить. Чуть не плачу и теперь, припоминая это. Однако мнѣ не хочется вѣрить, и я не смѣю вѣрить этимъ словамъ. Но когда папаша говорилъ, я не смѣлъ, я не могъ произнести ни одного слова, если онъ самъ не спрашивалъ меня: «такъ ли?» — на что я отвѣчалъ только: такъ-съ.... Я бы нашелся, что сказать; но у меня недоставало духу говорить.... Не понимаю, что̀ это такое. А папашѣ это видимо

непріятно.... Но что же дѣлать? Не такъ, не такъ надо со мной говорить и обращаться, чтобы достигнуть того, чего ему хочется. Нужно прежде разрушить эту робость, побѣдить это чувство приличія предъ роднымъ отцомъ, будто съ чужимъ, смирить эту недовѣрчивость, и тогда уже явится эта младенческая искренность и простота.... Впрочемъ, что винить папашу?—я виноватъ, одинъ я причиной этого. Должно быть я гордъ, и изъ этого источника происходитъ весь мой гадкій характеръ. Это впрочемъ, кажется, у насъ наслѣдственное качество, хотя въ довольно благородномъ значеніи.... Однако чудный денекъ! Всѣ такъ встрѣчаютъ новый годъ? Не правда ли?... Можно повеселиться!...

«8 января, 4 часа утра.

«Вотъ недѣля прошла новаго года, а я еще только разъ открывалъ мой дневникъ. А все эта неотразимая лѣнь, сильная своей «энергіей слабости». Она даже увѣрила меня, что въ эти дни нечего было записывать, и еще когда нибудь увѣритъ, что въ моей ничтожной жизни вовсе нечего записывать, и потому дневникъ мой надобно прекратить... Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, я спѣшу,—тѣмъ болѣе, что опоздалъ — извиниться передъ новымъ годомъ за мои несправедливыя нареканія, которыя я дѣлалъ ему и въ стихахъ и въ прозѣ. Право, онъ вовсе недуренъ, для начала. Годъ какъ годъ. Ничего особенно страшнаго. Немножко, правда, холоденъ: градусовъ 20, и свыше, съ 2 или 3 числа, стоитъ постоянно; но это еще не великая бѣда. Однако не мѣшаетъ припомнить что нибудь по порядку.

«2 числа, въ среду, корова нашлась. Папаша успокоился, былъ очень веселъ, но за обѣдомъ все-таки, не помню по какому поводу, повторено мнѣ было извлеченіе изъ вчерашняго нравоученія, съ особеннымъ удареніемъ на то, что во мнѣ мозгу нѣтъ, и съ приполненіемъ таковымъ, что, дескать, напрасно я написалъ огромную задачу, гдѣ напоролъ множество чухи, а между тѣмъ своего дѣла не знаю. Нужно сказать здѣсь, что передъ Рождествомъ я написалъ сочиненіе о мужахъ апостольскихъ, листовъ въ 35, опустилъ при этомъ нѣсколько казенныхъ задачъ и уже нѣсколько разъ мнѣ доставалось за это.... Въ этотъ день вечеромъ ходилъ я къ Ник., относилъ книгу — «Письма Святогорца», взялъ 2-ю часть ихъ же; слышалъ тамъ, что у нихъ въ тотъ день былъ преосвященный. Я спрашивалъ, не говорилъ ли онъ чего о папашѣ, но сказали, что ничего не поминалъ. Когда я, пришедши домой, сказалъ объ этомъ папашѣ, онъ сказалъ: «ну, ужъ отъ Ник. не жди добра, опять чего нибудь напутаютъ, нагово-рятъ. Все зло, ежели я что̀ получилъ, такъ отъ нихъ».... Вотъ подозрительность! Вотъ преувеличеніе! Жаль, что пишу я эти слова... У Н. видѣлъ я, между прочимъ, madame, приставленную къ дѣтямъ

Н. А. Наз. Это что-то новое для меня. По романамъ я представлялъ гувернантку именно такимъ несчастнымъ существомъ, какъ ее описываютъ; но это совершенно другое дѣло! Она жеманится, важничаетъ, жалуется на угаръ, сердится, говоритъ: «я не могу», «я не хочу»; а ей все смотритъ въ глаза, все за ней ухаживаетъ, все ей кланяется. Мнѣ кажется, она весь домъ заберетъ скоро въ свои руки, если ужъ не забрала (*).

«3 января. Въ четвертокъ была у насъ—«Ангелъ мой! Христосъ съ вами! Душка мой! Ангелъ мой!...»—К. П. З.—Странная женщина!... Нѣжна до приторности, чувствительна до обидчивости и слезливости, деликатна до сантиментальности. «Словечка въ простотѣ не скажетъ: все съ ужимкой».... Разъ я игралъ съ ней въ карты....Возможности нѣтъ: только и слышишь: «позвольте мнѣ спашевать», или: «Николчка! ангелъ мой! Будьте такъ добры, — передайте мнѣ прикупку».... или: «а мнѣ повистовать позволите?...» И все съ такой раздирающей душу приторно-жеманной гримасой, такимъ разсыпающимся нѣжнымъ голосомъ, съ такой кисло-сладкой улыбкой, что я едва удерживался, чтобъ не воскликнуть: «прошу тебя: не мучь меня!...» Часто она пишетъ письма къ папашѣ, такія же, какъ она сама; такъ и вѣетъ отъ нихъ К. П—ною, какъ отъ аптеки лекарствами. Признаюсь, и впечатлѣніе они на меня производятъ такое же, какъ апте-

«16 января.

«(Вотъ какъ я лѣнивъ! Когда я дописалъ тотъ листъ, подъ рукой не было другаго — я полѣнился встать и вынуть его, и такимъ образомъ провелъ больше недѣли!... Каково?...)»

ка. Начинаетъ она обыкновенно очень романически, напримѣръ: «Хижина въ селѣ Борцовѣ», — такъ называетъ она свой господскій домъ. Папашу обыкновенно зоветъ она въ письмахъ, вмѣсто — милостивый государь такой-то — «Всегда благородный и никогда незабвенный духовникъ мой!...» или: «Всегда мнѣ милый! Благодѣтель мой!...» Кромѣ того въ концѣ или въ началѣ каждаго письма пишетъ: «цалую драгоцѣннѣйшія ручки ваши, и дѣтей ангеловъ цалую». Весьма пріятная и образованная женщина!... Впрочемъ мнѣ еще придется поговорить о ней.... Она обѣщала прислать мнѣ книгу «Апостолы», по духу очень похожую на нее. На другой день я получилъ эту книгу и прочиталъ уже. Дрянная книжонка какого-то г. Яковлева, впрочемъ очень хорошая для подобныхъ К. П. З. Можетъ быть авторъ на нихъ и разсчитывалъ.»

(*) Здѣсь выпущено нами нѣсколько строкъ, говорящихъ о женитьбѣ одного изъ родственниковъ Н. А.

Біографическая важность разсказа, относящагося къ 1 и 2-му января, видна сама собою. Разсказъ, относящійся къ 3-му января, показался намъ интересенъ потому, что онъ показываетъ, какъ зорко подмѣчалъ 16-лѣтній семинаристъ пошлость въ людяхъ, кажущихся идеаломъ изящества для другихъ юношей того круга, въ которомъ воспитывался Н. А.—Вслѣдъ затѣмъ идетъ мѣсто, разсказывающее намъ первый случай, или одинъ изъ первыхъ случаевъ, проявленія мечты объ университетѣ; судя по тону разсказа, надобно полагать, что Н. А. уже и прежде думалъ объ этомъ, но еще не говорилъ ни съ кѣмъ:

«4 былъ я у Л. Ив. С. Заговорили о Н. А. В., отправившемся въ нынѣшнемъ году въ университетъ, и Л. И. сказалъ, что онъ пишетъ къ нему, что экзаменъ сдалъ хорошо и легко, что заниматься тамъ легче, чѣмъ даже въ семинаріи. А ужь чего легче заниматься въ семинаріи. Я нисколько не занимаюсь, и все-таки изъ первыхъ не выхожу. Я сказалъ, что и мнѣ хотѣлось бы поступить туда же. Л. И. даже обрадовался этому, очень охотно сталъ со мной говорить объ этомъ, самъ вызвался написать къ Н. А. о моемъ желаніи и сказалъ даже, что «онъ (то есть Н. А.) и программой можетъ послужить». Кромѣ того онъ давалъ мнѣ нѣсколько совѣтовъ, какъ вести себя въ семинаріи, чтобъ успѣть приготовиться и чтобы меня не стали удерживать въ семинаріи, и еще сказалъ: «нѣтъ ли изъ вашихъ прихожанъ кого нибудь знакомаго съ Погодинымъ? Онъ можетъ однимъ благосклоннымъ словомъ сдѣлать для васъ многое». Это надо принять къ свѣдѣнію. Мы разошлись, и Л. И. сказалъ, что мы еще объ этомъ потолкуемъ.... Но послѣ я былъ у него раза два и намъ еще «потолковать» не удавалось.... Впрочемъ съ тѣхъ поръ я началъ серьёзно объ этомъ подумывать. Главное затрудненіе теперь въ томъ, что я плохо знаю языки: латинскій довольно хорошо, греческій плохо, нѣмецкій еще хуже, а французскаго вовсе не знаю. А учителя для меня теперь нельзя нанять, потому что я учусь на фортепіано, а платить двумъ учителямъ вдругъ тяжело.... Впрочемъ, изъ чего можно, я готовлюсь.»

Послѣ этого я пропускаю 11 страницъ, не заключающихъ въ себѣ ничего интереснаго (*). Послѣднія изъ этихъ выпущенныхъ страницъ писаны 22 февраля и содержатъ окончаніе разсказа о поѣздкѣ съ отцомъ въ гости къ дядѣ, бывшей 16 января, и о томъ, что 17 января Н. А. ходилъ смотрѣть съ хоръ залы благороднаго собранія на происходившіе тогда дворянскіе выборы. Это писано, какъ мы замѣтили, 22 февраля, — такимъ образомъ, Н. А. отсталъ слишкомъ на мѣсяцъ въ записываніи своихъ воспоминаній, и послѣ того на четыре мѣсяца

(*) Далѣе выброшена по той же причинѣ одна страница между тѣмъ, что написано 24 января и 15 марта 1853 г.

бросилъ записываніе. Прямо за строками о 17-мъ января, писанными 22 февраля, слѣдуетъ:

«17 іюня.

«Пора возобновить забытый мой дневникъ, излить въ немъ новыя живыя впечатлѣнія, которыя я нынѣ получилъ. Да, — это стоитъ того, чтобы записать, и я займусь этимъ теперь же, пока еще не прошелъ первый пылъ моего восторга, который, надо замѣтить, проходитъ необыкновенно скоро. Оставлю всѣ свои воспоминанія и замѣтки: теперь не до нихъ, когда нибудь въ другое время. Я слишкомъ занятъ настоящимъ. Нынѣшній день я познакомился съ Иваномъ Максимовичемъ Сладкопѣвцевымъ (*),—давнишнее мое желаніе и цѣль, къ которой я стремился съ пламенной ревностью, но которая никогда бы не была, вѣроятно, достигнута безъ особенно счастливаго стеченія обстоятельствъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Иванъ Максимовичъ послѣ пасхи нынѣшней сталъ учить у насъ нѣмецкому языку, вмѣсто П. А., который отказался по случаю опредѣленія своего въ попы къ Покрову. По этому случаю Иванъ Максимовичъ немного узналъ меня, особенно потому, что онъ уже познакомился съ папашей на свадьбѣ у Лебед.... Потомъ женился товарищъ и бывшій другъ Ивана Максимовича, А. А. К., взялъ дочь Гордѣевскаго священника, въ которой-то степени родственницу моей тетушкѣ, В. В. К.—Иванъ Максимовичъ былъ шаферомъ; тетушка была на свадьбѣ: они познакомились. Послѣ того, какъ-то Иванъ Максимовичъ былъ и у нихъ, то есть у моего дядюшки Л. И. К. съ тетушкою В. В., и тутъ-то былъ разговоръ обо мнѣ. Тетенька, которой я уши прожужжалъ Иваномъ Максимовичемъ, сказала ему о моей чрезвычайной привязанности къ нему; Ив. Максимовичъ очень ловко отклонилъ отъ себя это довольно щекотливое обстоятельство, похвалилъ меня, заговорилъ о моихъ занятіяхъ, и сказалъ даже, что онъ бы желалъ со мною познакомиться. Все это было довольно давно; но онъ съ тѣхъ поръ не перемѣнилъ своего обращенія со мною, и на нѣмецкихъ классахъ не подавалъ ни малѣйшаго вида, что отличаетъ меня отъ другихъ. Поэтому я боялся или, лучше, совѣстился—ни съ того, ни съ сего идти къ нему, и ожидалъ все, не представится ли случай обратиться къ нему, какъ къ наставнику. Но *таковаго* не представилось, и я все не былъ знакомъ съ нимъ, хотя и *пламенно* желалъ этого, то есть такъ *пламенно*, какъ

(*) Это имя у Н. А. написано сокращенно, мы печатаемъ его вполнѣ. Мы не знаемъ, живъ ли г. Сладкопѣвцевъ; но если онъ живъ, пусть онъ знаетъ, какою привязанностью платилъ ему бывшій его ученикъ за то, что онъ обращался съ семинаристами по-человѣчески и не скрывалъ своихъ честныхъ мнѣній отъ молодыхъ людей, искавшихъ истины.

только могу я желать; а у меня натура довольно холодная. Наконецъ представился довольно благовидный предлогъ, подъ которымъ могъ я явиться къ Ивану Максимовичу и по крайней мѣрѣ посмотрѣть, что изъ этого будетъ. Я спрашивалъ въ семинарской библіотекѣ книгу; мнѣ сказали, что она у Ивана Максимовича, что онъ взялъ ее очень давно и что я могу попросить эту книгу у него. Въ самомъ дѣлѣ — не было ничего проще, и къ кому нибудь другому я бы ни минуты не задумавшись сходилъ и взялъ. Но при мысли, что нужно идти къ Ивану Максимовичу, мнѣ было какъ-то неловко, какъ-то боязно, и я все не могъ рѣшиться сходить къ нему и вѣроятно не пошелъ бы вовсе, если бы не помогли тутъ особенныя счастливыя обстоятельства, которыя какъ-то вообще довольно ко мнѣ благосклонны, особенно во всемъ, что касается внѣшности. Въ самое время моего глубокаго раздумья, которое обыкновенно начиналось во мнѣ всякій разъ, какъ мнѣ было нечего больше думать, — моя тетушка сообщила мнѣ о своемъ разговорѣ съ Иваномъ Максимовичемъ. Дядюшка сказалъ мнѣ о желаніи его, чтобы я пришелъ къ нему; а съ другой стороны И. А. В. какъ-то сообщилъ мнѣ, что идти къ наставнику и выпросить книгу, взятую имъ изъ семинарской библіотеки, нѣтъ ничего легче, что это дѣлается очень часто и вообще всѣми принимается какъ вещь самая обыкновенная. Я наконецъ рѣшился (надо замѣтить, что г. И. А. Ж. прежде отговаривалъ меня отъ этого, представляя, что это неловко); но рѣшившись, прособирался съ недѣлю и наконецъ нынѣ зашелъ къ нему почти нечаянно, почти не думая идти къ нему. Вотъ судьба! Впрочемъ некогда, некогда — спрятать скорѣе, завтра окончу разсказъ о своихъ похожденіяхъ.

«11 ноября.

«Вотъ и завтра!... Оно продолжалось до сихъ поръ, и теперь уже поздно описывать подробности моего знакомства съ нимъ, когда оно такъ неожиданно прерывается. Да, я съ нимъ познакомился, и даже наши отношенія достигли нѣкоторой короткости, но я былъ недостоинъ этого счастія, и оно улетѣло отъ меня. Теперь не будетъ вокругъ меня ни одной души, къ которой я чувствовалъ бы сердечную привязанность (исключая, разумѣется, ближайшихъ родныхъ — отца и матери), съ которой могъ бы отдохнуть въ веселомъ или умномъ разговорѣ отъ пустоты моей жизни.... Боже мой! Люди пристращаются — къ красотамъ природы, къ картинамъ, статуямъ, деньгамъ, и они не имѣютъ препятствій для наслажденія ими. Всѣ эти вещи могутъ принадлежать имъ, быть ихъ неотъемлемой собственностью, если только не принадлежать всѣмъ, что также не мѣшаетъ всякому наслаждаться ими.... Чѣмъ же виноватъ я, что привязываюсь къ чело-

вѣку, превосходнѣйшему творенію Божію? Чѣмъ я несчастливъ, что моя душа не любитъ ничего въ мірѣ, кромѣ такой же души? Ужели преступленіе то, что я инстинктивно отгадываю умъ, благородство, доброту человѣка, и, отгадавши, всѣми силами души моей привязываюсь къ нему? И за что же наказывать меня, за что отнимать у меня мое счастіе, когда оно такъ чисто, невинно и благородно? Сколько ни имѣлъ я привязанностей, всегда злая судьба умчитъ отъ меня далеко любимый предметъ, и въ душѣ—тоскливое воспоминаніе и горькое сознаніе своего отчаянія.... Я рожденъ съ чрезвычайно симпатическимъ сердцемъ: слезы сострадательности чаще всѣхъ вытекали бывало изъ глазъ моихъ. Я никогда не могъ жить безъ любви, безъ привязанности къ кому бы то ни было. Это было такъ, что я себя ни запомню. Но эта постоянная насмѣшка судьбы, по которой всѣ мои надежды и мечты обыкновенно разлетались прахомъ, постоянно сушитъ и охлаждаетъ мое сердце, и нѣтъ ничего мудренаго, что скоро оно будетъ твердо и холодно, какъ камень. Вотъ хоть бы и теперь — что вдругъ понадобилось Ивану Максимовичу въ Тамбовѣ? Чѣмъ ему нехорошо здѣсь? Что за обстоятельства?... А между тѣмъ я страдаю, и еще какъ страдаю,—тѣмъ болѣе, что мнѣ этого ни передъ кѣмъ нельзя выказывать: всѣ станутъ смѣяться. Я бѣшусь только внутренно, и произношу тысячу проклятій. — Но какія проклятія, какія слова выразятъ то, что я чувствую теперь въ глубинѣ души моей! Я пробовалъ всѣ энергическія восклицанія русскаго народа, которыми онъ выражаетъ свои сильныя ощущенія, но все, что я знаю, — слабо, не выражаетъ.... и я по прежнему взволнованъ, и по прежнему въ душѣ моей кипитъ и бурлитъ страшное безпокойство. Я теперь надѣлалъ бы чортъ-знаетъ что, весь міръ перевернулъ бы вверхъ дномъ, выцарапалъ бы глаза, откусилъ бы пальцы тому.... (*) который подписалъ увольненіе Ивана Максимовича. Но, увы! это ни къ чему не поведетъ, и мнѣ остается только стараться смирить свои бѣшеные порывы.... И еще считаютъ меня за человѣка малокровнаго, чуть не флегматика!... Тогда какъ самыя пламенныя чувства, самыя неистовыя страсти скрываются подъ этой духовной оболочкой всегдашняго равнодушія. Если бы мнѣ вдругъ сказали, что меня исключаютъ изъ семинаріи, это не поразило бы меня такъ, какъ извѣстіе объ отъѣздѣ Ивана Максимовича. О, какъ огромно это бѣдствіе, какъ незамѣнима моя потеря! Съ кѣмъ теперь могу я провести вечеръ такъ незамѣтно, такъ счастливо, какъ съ нимъ? Въ чьемъ разговорѣ могу отвести я душу, забыться отъ этихъ легкихъ неудовольствій, составляющихъ несчастіе моей жизни? Я никогда не повѣ-

(*) Здѣсь выпущено нами нѣсколько словъ.

рялъ ему сердечныхъ тайнъ, не имѣлъ даже надлежащей свободы въ разговорѣ съ нимъ; но при всемъ томъ, одна мысль — быть съ нимъ — дѣлала меня счастливымъ, и послѣ свиданія съ нимъ, и особенно послѣ вечера, проведеннаго съ нимъ наединѣ, я долго-долго наслаждался воспоминаніемъ и долго былъ подъ вліяніемъ обаятельнаго голоса и обращенія. Что-то особенно привлекало меня къ нему, возбуждало во мнѣ болѣе, нежели просто привязанность — какое-то благоговѣніе къ нему. При всей короткости нашихъ отношеній, я уважалъ его, какъ не уважалъ ни одного професcора, ни самаго ректора или архіерея, словомъ, — какъ не уважалъ ни одного начальника. Ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не рѣшился бы я оскорбить его; просьбу его я считалъ для себя закономъ. Вздумалъ бы онъ публично наказать меня, я послушался бы, перенесъ наказаніе, и мое расположеніе къ нему нисколько бы оттого не уменьшилось.... Какъ собака я былъ привязанъ къ нему, и для него я готовъ былъ сдѣлать все, не разсуждая о послѣдствіяхъ. За него я стоялъ горой, и готовъ былъ возненавидѣть человѣка, который сталъ бы доказывать, что Иванъ Максимовичъ нехорошій человѣкъ. Но къ счастью этого никогда не случалось: его любили и хвалили всѣ. Его душа, благородная и высокая, во всѣхъ болѣе или менѣе возбуждала чувство любви и уваженія. Но, конечно, никто не любилъ его болѣе меня.... Я слѣдилъ за каждымъ его взглядомъ, за каждымъ движеніемъ, подмѣчалъ каждое измѣненіе его голоса, и все въ немъ казалось мнѣ совершеннымъ, превосходнымъ... и вдругъ, о Боже мой!... лишиться всего этого, лишиться такъ внезапно, такъ неожиданно! Какъ хотите — это жестоко, невыносимо.... «О жизнь, жизнь», говорилъ онъ, — «чего-то въ ней не случается, куда-то не кидаютъ насъ обстоятельства!» Но онъ ѣдетъ на родину, къ друзьямъ и знакомымъ, онъ не оставляетъ здѣсь ничего, что бы ему было особенно дорого — что ему? Побудетъ тамъ мѣсяцъ-другой, и позабудетъ всѣхъ нижегородцевъ, съ которыми онъ не успѣлъ еще сродниться. Да и что могло представиться ему интереснаго, достойнаго его вниманія? Все пошло, глупо, мелко, ничто не удовлетворяетъ порывовъ высокаго ума, глубоко чувствующаго сердца. Но я остаюсь безъ него, какъ въ пустынѣ безъ проводника и товарища, отъ меня онъ уноситъ лучшую половину души моей, также какъ уноситъ мои лучшія надежды и желанія. Нынѣшній вечеръ сидѣлъ я у него, и чудныя, непонятныя желанія томили меня..... Голова моя горѣла; мнѣ хотѣлось — то расплакаться, то разбить себѣ черепъ, то броситься къ нему на шею, расцѣловать его, расцѣловать его руки, припасть къ ногамъ его. Съ грустнымъ отчаяніемъ смотрѣлъ я на него, наглядываясь можетъ быть, въ послѣдній разъ, и никогда еще, казалось мнѣ, черные

волосы его не лежали такъ хорошо въ чудномъ безпорядкѣ на головѣ его, никогда смуглое, мужественное лицо его не было такъ привлекательно, никогда въ темно-голубыхъ глазахъ его не отражалось столько ума, благородства, добродушія, и этого огня и блеска, въ которомъ высказывалась сильная и могучая душа его. Я мысленно прощался съ нимъ, и сердце мое надрывалось. И вотъ жизнь наша: были знакомые, въ хорошихъ отношеніяхъ, души наши сроднились нѣсколько, и вдругъ — нѣсколько сотъ верстъ разстоянія раздѣляютъ насъ, и мы ничего не знаемъ другъ о другѣ, и мы чужіе одинъ-другому, и нѣтъ между нами ничего общаго. Я даже не могу имѣть и послѣдняго утѣшенія разлучающихся — не могу просить отъ него тѣхъ «нѣсколькихъ строкъ», которыя такъ жадно получилъ бы я отъ него! Не знаю даже, станетъ ли у меня духу высказать ему, какъ я былъ привязанъ къ нему, высказать хоть сотую долю истины? Господи! Неужели же мы разстанемся, какъ простые знакомые, которые случайно сошлись и должны разойтись также случайно? О, не дай Господи! Даруй мнѣ силу открыть ему мое сердце, и ему вниманіе — выслушать меня, и благосклонно принять мои признанія не съ легкимъ смѣхомъ, но хоть съ легкимъ чувствомъ!...

«19 ноября 1852 года.

«Онъ, наконецъ, окончательно простился со мной, кумиръ души моей, мой идеалъ, мой добрый геній!... Коротко и неожиданно было для меня наше прощаніе, и я не успѣлъ высказать многаго, что хотѣлъ сказать, и только едва успѣлъ выпросить у него позволенія — писать къ нему. Нынѣ послѣ класса я зашелъ къ нему, — нѣтъ дома. Посидѣвъ у подлѣкаря въ больницѣ, я опять пошелъ къ нему, опять не засталъ, походилъ и побылъ еще въ больницѣ, и наконецъ нашелъ его дома. Онъ былъ нѣсколько разстроенъ, занимался сборами, на меня обращалъ очень мало вниманія, и наконецъ напившись чаю, онъ собрался идти на именины къ А. Е., въ послѣдній разъ провести вечеръ въ кругу нижегородскихъ знакомыхъ. Я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ; дорога была очень неровная и скользкая, ночь очень темная, разговаривать было очень неловко. Однакоже я началъ-было что-то, надѣясь высказать ему очень многое: но вдругъ онъ сказалъ, что надо взять извощика, крикнулъ: «извощикъ», тотчасъ же явился какой-то, и только успѣлъ я сказать ему, «прощайте же, Иванъ Максимовичъ,» онъ пожалъ мнѣ крѣпко руку, поцаловалъ трижды, пожелалъ быть счастливымъ, но не такъ, какъ онъ, и сѣлъ въ сани. Тутъ я просилъ позволенія писать къ нему, хоть не отсюда, а изъ другаго мѣста. Онъ сказалъ, что ему «будетъ очень пріятно, и что отсюда ему будетъ еще интереснѣе, а ужъ

если вы будете въ академіи, то разумѣется....» Потомъ онъ еще разъ сказалъ мнѣ: прощайте, пожалъ мнѣ руку, и скрылся изъ глазъ моихъ въ темнотѣ ночи. — Вотъ и прощанье наше! Мнѣ чрезвычайно грустно и какъ-то тяжело на сердцѣ, особенно потому, что я ему не высказалъ всего, что хотѣлъ высказать, и разстался съ нимъ просто, безъ всякихъ особенныхъ объясненій. Но я напишу къ нему. — Подожду мѣсяцъ, увѣрюсь окончательно, что мое теперешнее чувство не порывъ разгоряченнаго воображенія, не пустая фантазія, не обманъ сердца, и тогда выскажу ему все, что волнуетъ душу мою. Но чтобы навсегда была драгоцѣнна для меня память его, я даю обѣщаніе предъ своею совѣстью (*).... я рѣшительно хочу оградиться этимъ воспоминаніемъ, какъ щитомъ и покровомъ... Да и отъ какой низости не удержитъ образъ этого благороднаго, мужественнаго, добраго и вполнѣ умнаго человѣка?... Во мнѣ всегда мысль о его достоинствахъ возбуждала благородное чувство и стремленіе къ подражанію, и я съ новой силой, съ новой энергіей принимался за дѣло, и умъ мой какъ будто прояснялся и терпѣніе возростало, и все существо мое оживлялось и возвышалось, и какое-то священное одушевленіе разливалось во мнѣ и поддерживало меня въ моихъ занятіяхъ. О, какъ жаль, что я теперь могу жить однимъ воспоминаніемъ, и что не можетъ теперь уже повториться вліяніе его на меня, столько благотворное для меня и дѣлавшее меня такъ счастливымъ, такъ веселымъ, такъ довольнымъ... Прощай—все!...»

Пріостанавливаемся тутъ, потому что въ бумагахъ, оставшихся послѣ Н. А., нашелся отрывокъ, который надобно помѣстить здѣсь, въ дополненіе къ этой части дневника.

«Нижній-Новгородъ,
31 дек. 1852 г.

М. Г.
И. М.

«Давно уже хотѣлось мнѣ злоупотребить даннымъ вами позволеньемъ — писать къ вамъ. Но меня все удерживала мысль, что я долженъ купить это удовольствіе цѣною вашей скуки. Долго я не рѣшался; наконецъ придумалъ средство — удовлетворить потребности сердца, не докучая вамъ. Я рѣшился писать, и потомъ оставлять у себя написанное. Когда нибудь, можетъ быть чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ и черезъ нѣсколько лѣтъ, я передамъ вамъ эту тетрадку, и вы заразъ отдѣлаетесь отъ всей этой скуки, если, разу-

(*) Здѣсь мы выбрасываемъ восемь строкъ, заключающихъ въ себѣ домашнія тайны, о которыхъ и не нужно и не интересно было бы знать публикѣ.

мѣстся, захотите прочитать это писаніе. По крайней мѣрѣ я выскажу на бумагѣ то, чего никогда не рѣшался сказать вамъ на словахъ. А много еще, много хотѣлъ бы я сказать вамъ, много собирался открыть завѣтныхъ мыслей — обо мнѣ и о васъ... Судьба судила иначе, и я разстался съ вами, не успѣвъ, съ обыкновенной робостью моей, въ пять мѣсяцевъ знакомства съ вами, высказать даже того, сколько я былъ къ вамъ привязанъ. Но вы сами замѣтили это, и болѣе, нежели слишкомъ вознаградили меня: иначе, чему же приписать мнѣ ваше благосклонное вниманіе, ваше сближеніе со мною, который дорожилъ каждымъ вашимъ словомъ, старался подмѣчать каждый взглядъ вашъ?... Благодарю васъ за все, — вотъ что только могу я сказать теперь; но что же вамъ моя благодарность, что моя привязанность? Вы не можете быть увѣрены, подобно мнѣ, что никто не любилъ и не уважалъ васъ столько, какъ я. Другіе, можетъ быть, умѣли сказать вамъ это прежде, а я рѣшаюсь говорить только теперь, когда не вижу васъ передъ собою, когда вы не видите пылающаго лица моего, не слышите дрожащаго моего голоса.... А какъ, бывало, хотѣлось иногда поговорить съ вами откровенно, со всѣмъ увлеченіемъ юношескаго сердца, со всѣми порывами, которые я такъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ! Иногда я даже заводилъ подобный разговоръ и дѣлалъ нѣсколько неясныхъ намековъ, — оставалось произнести нѣсколько рѣшительныхъ словъ, послѣ которыхъ рѣкою полились бы признанія, — но этого-то я и не могъ.... Со мною сбывалось то, что говоритъ Огаревъ въ «исповѣди»,

«Что только лишь сказать хочу,
Какъ вдругъ въ лицѣ весь вспыхну,
Займется духъ, и я молчу
И головой поникну....»

Конечно, можетъ быть мои признанія навели бы на васъ скуку; но за то сколько былъ бы счастливъ я, счастливъ въ эти минуты тѣмъ эгоистическимъ счастьемъ, которое занимается только собою и не обращаетъ вниманія на другихъ, даже виновниковъ этого счастья. Но за то хоть теперь позвольте мнѣ разсказать вамъ отрывокъ изъ моей душевной жизни, именно о знакомствѣ съ вами. Простите мнѣ, — я знаю, что для васъ нисколько неинтересно знать, что думалъ и говорилъ о васъ одинъ мальчикъ изъ вашихъ бывшихъ учениковъ, который не имѣетъ теперь къ вамъ никакого отношенія; но говорю вамъ, что я пишу собственно для своего удовольствія, чтобы удовлетворить неодолимому желанію сердца, а не для того, чтобы сколько нибудь занять васъ. Еще разъ простите меня, пожалуй не читайте дальше; но я не могу не писать, не могу допустить мысли, что мы теперь со-

вершенно чужды другъ-другу и что всѣ сношенія наши прерваны. Мнѣ стыдно, мнѣ жалко своего ничтожества предъ вами, я вполнѣ чувствую, что безпокою васъ, надоѣдаю вамъ своимъ вздоромъ; но при всемъ томъ, что-то чудное, для меня самого неразгаданное, заставляетъ меня докучать вамъ. Иванъ Максимовичъ! будьте снисходительны ко мнѣ, какъ прежде, и простите юношеское увлеченіе, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше было отъ всѣхъ скрываемо!

И такъ:—какъ теперь помню я первую вѣсть и первый отзывъ о васъ, когда вы только еще пріѣхали въ нижегородскую семинарію. Въ двѣнадцать часовъ, шедши изъ класса, услышалъ я отъ одного изъ вашихъ тогдашнихъ учениковъ, что у нихъ въ классѣ былъ новый профессоръ — Сладкопѣвцевъ. При этомъ, не знаю почему, я тотчасъ спросилъ: да какъ же его зовутъ? — «Иванъ Максимовичъ», отвѣчали мнѣ. — Ну, что же, каковъ?—«Молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ: и уменъ, и благороденъ.» — Изъ петербургской академіи? — «Изъ петербургской». — Надобно будетъ посмотрѣть. Каковъ онъ собой-то? — «Черенъ только очень, а то хорошъ.» — Какъ нибудь надо увидать.... Мы разошлись, и этимъ разговоръ кончился. И послѣ этого, повидимому, пустаго разговора, я уже не могъ успокоиться. Смутно я постигалъ что-то прекрасное въ этомъ соединеніи понятій: брюнетъ, изъ петербургской академіи, молодой, благородный и умный.... Не говоря уже объ умѣ и благородствѣ, надо замѣтить, что я особенно люблю брюнетовъ, чрезвычайно уважаю петербургскую академію, и молодыхъ профессоровъ предпочитаю старымъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда увижу васъ, и во все это время я чувствовалъ что-то особенное.... Чего ищешь, то обыкновенно скоро находишь: на слѣдующій же день я съ полчаса прогуливался по нижнему коррядору, и дождался-таки васъ. Правду сказать, при моей близорукости, я не могъ хорошо разсмотрѣть вашей физіономіи; но и одинъ бѣглый взглядъ на васъ достаточенъ былъ, чтобы произвести во мнѣ самое выгодное впечатлѣніе. Я люблю эти гордыя, энергическія физіономіи, въ которыхъ выражается столько отваги, ума и мужества. Признаюсь, я нѣсколько ошибся тогда, признавши васъ существомъ гордымъ и недоступнымъ; но это было тогда полезно мнѣ тѣмъ, что я сталъ съ того времени считать васъ чѣмъ-то высшимъ, неприступнымъ, предъ чѣмъ я долженъ только благоговѣть и смиренно посматривать вслѣдъ, жалѣя, что не могу взглянуть прямо въ глаза. И тѣмъ пріятнѣе было мнѣ послѣ разувѣриться, и тѣмъ совершеннѣе было мое счастіе.... Вскорѣ послѣ того разнеслась вѣсть о вашемъ поступкѣ съ учениками В. и С. Много было тогда шума, много т... ъ по всей семинаріи.... Боже мой! Сколько пересудовъ, сколько ...олько ожесточенныхъ угрозъ посыпалось на вашу голову! Я

...) Здѣсь ...
...ны, о котор...

не могъ терпѣть этого: горой всталъ я за васъ, ссорился со всѣми, кто только могъ со мной ссориться, спорилъ, бросалъ на вашъ поступокъ взгляды философскіе, разсматривалъ его на основаніи закона христіанскаго, и рѣшительно не могъ найдти въ немъ ничего предосудительнаго. И одинъ только голосъ отозвался вначалѣ на мои крики, голосъ Ив. Злат., извѣстнаго вамъ ученика вашего. Всѣ прочіе назвали насъ подлецами; а одинъ, считавшій себя моимъ другомъ, говорилъ даже мнѣ: «что ты, дескать, больно по новомъ-то ревнуешь? Противъ него теперь просто всѣ озлоблены; смотри, не попадись!...» Пожалуйста, не безпокойся, говорилъ я ему; вотъ, посмотри, пройдетъ какой нибудь мѣсяцъ, и всѣ станутъ говорить то же, что я, — что лучше Ивана Максимовича не бывало профессора въ нашей семинаріи. — И дѣйствительно скоро всѣ заговорили иначе: вы умѣли привлечь къ себѣ этихъ озлобленныхъ учениковъ, отъ которыхъ ваша жизнь могла быть въ опасности, какъ увѣрялъ А. Ив!... Такова сила душевнаго превосходства надъ самыми грубыми людьми, каковы наши бурсаки!

«6 января 1853 года.

«Съ тѣхъ поръ три дня особенно замѣтилъ я въ своей памяти до дѣйствительнаго знакомства съ вами: 29 ноября 1851 и 23 января и 7 февраля 1852 года. Въ первый изъ этихъ дней вы приходили къ намъ на нѣмецкій классъ вмѣсто П. А., и спрашивали меня. Сколько мечтаній пробудилось тогда во мнѣ! Сколько надеждъ пріятно ласкали меня еще въ то время, когда я шелъ въ классъ! Теперь припоминаю я подобное нетерпѣніе и ожиданіе въ то время, когда, за годъ слишкомъ передъ тѣмъ, ждали въ Нижній великихъ князей Николая Николаевича съ Михаиломъ Николаевичемъ. Но то ожиданіе было ничто въ сравненіи съ нетерпѣніемъ, съ которымъ я ждалъ вашего прихода въ классъ! — Наконецъ вы явились (*) меня, заставили переводить; мы переводили о крестовыхъ походахъ; спросили кстати, въ которомъ вѣкѣ жилъ Григорій VII? Я не зналъ тогда этого и сказалъ, что въ XIII. Вы замѣтили мнѣ, что нѣтъ, и я сконфузился и покраснѣлъ, какъ сказавшій ужасную глупость и заслужившій отъ васъ невыгодное мнѣніе. Долго горѣлъ я отъ стыда, что показалъ предъ вами свое незнаніе, и только тогда немного успокоился, когда справившись увидѣлъ, что Григорій жилъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка. «Ну, еще это ничего» подумалъ я: «Иванъ Максимовичъ подумаетъ, что я какъ нибудь ненарочно смѣшалъ, одно столѣ-

---

(*) Здѣсь оторванъ уголъ листа, и мы не можемъ разобрать слова, первая половина котораго оторвалась; вѣроятно, что нибудь въ родѣ: «вызвали».

тіе ничего не значитъ». Такимъ образомъ, хоть ложными аргументами я на этотъ разъ успокоился.

Въ другой разъ приходили вы къ намъ на латинскій классъ, 23 января 1852 г. Въ этотъ разъ вы также спрашивали меня переводить и замѣтили, что не нужно очень скоро читать, и что не въ этомъ состоитъ достоинство хорошаго чтенія. Это было для меня очень чувствительно, потому что дѣйствительно до этого времени я полагалъ, по крайней мѣрѣ частію, и въ этомъ достоинство хорошаго чтенія. По латинѣ я зналъ хорошо, и перевелъ тогда не дурно, но все-таки не отличился. А отличиться чѣмъ нибудь въ вашихъ глазахъ было необходимою потребностью души моей. Но отличиться было нечѣмъ. Тщетно искалъ я случая и возможности, тщетно придумалъ разныя глупыя средства. Здравый смыслъ всегда меня удерживалъ при одникъ предположеніяхъ. За то случай какъ-то представился самъ: я встрѣтился съ вами въ четвергъ на масляницѣ, 7 февраля 1852 г., въ коридорѣ. Не знаю, слышали ли вы что нибудь обо мнѣ, знали ли моего папеньку, или просто такъ заговорили со мной, но вы заговорили, и я вдругъ исполнился какого-то восторга и, кажется, чрезвычайно поглупѣлъ и растаялъ.—Я снялъ фуражку передъ вами въ почтительномъ отдаленіи (*), едва отвѣчая на вашъ вопросъ о томъ, гдѣ собрались ученики философіи. Вы замѣтили мнѣ, чтобъ я надѣлъ фуражку; но мнѣ казалось это нестерпимою дерзостью, и я продолжалъ стоять безъ фуражки, ничего не отвѣчая, такъ что вы усомнились, есть ли со мной фуражка, и спросили меня объ этомъ. Наконецъ я рѣшился послушаться васъ въ этомъ случаѣ,—и это, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаевъ, когда бы я не послушался васъ съ перваго слова. Потомъ вы начали говорить со мной такъ хорошо, но главное такъ ласково и откровенно, что я рѣшительно былъ внѣ себя отъ радости, и удовольствіе слушать васъ смѣшалось во мнѣ съ гордостью и самодовольствіемъ, оттого что я былъ и говорливъ съ вами. Это были счастливыя минуты для меня.

«15 января 1855 г.

«Но это была только заря благодатнаго дня. Послѣ этого слишкомъ четыре мѣсяца я не имѣлъ съ вами никакихъ отношеній, и не знали вы, проходя тогда мимо меня, съ какою любовью глядѣлъ я на васъ, какимъ участіемъ къ вамъ было наполнено это сердце. Я принималъ близко къ сердцу всякую перемѣну въ вашемъ положеніи, всякую, даже ничтожную вѣсть о васъ. Я, напримѣръ, страшился за васъ,

(*) Для незнающихъ семинарскаго быта замѣтимъ, что таково правило, котораго нарушать не дозволяется.

когда слышалъ о вашемъ будто бы близкомъ знакомствѣ съ А. А. К., когда говорили мнѣ, что драгоцѣнный нашъ О. П. невыгодно отзывался о васъ предъ архіереемъ, и т. п.; радовался, слыша о васъ хорошіе отзывы, когда, напримѣръ, васъ расхваливали всѣ ученики за первый экзаменъ, на которомъ вы были; когда моя тетушка Варвара Васильевна восхищалась вашимъ умомъ и образованіемъ. Но особенно безпокоился я о васъ во время вашей двукратной болѣзни, когда такъ хорошо заставили васъ, еще не совершенно здороваго, явиться на небывалый экзаменъ передъ Рождествомъ. На святкахъ, я нѣсколько разъ приходилъ въ семинарію, чтобы спросить подлѣкаря Сокол. о вашемъ здоровьѣ, и не могъ довольно нарадоваться, когда узналъ, что вы выздоровѣли. Но что же было со мной, когда наконецъ я сошелся съ вами ближе?... Но я не могу утерпѣть, чтобы не припомнить нѣкоторыхъ, скучныхъ для васъ, но интересныхъ собственно для меня, подробностей.

«Дѣло было такимъ образомъ. Мнѣ нужна была одна книжка «Христіанскаго чтенія» 1847 года, и я пошелъ въ библіотеку. Хозяинъ библіотеки Е. Понятовскій сказалъ мнѣ, что эта книга у васъ. Это представляло мнѣ прекрасный случай по крайней мѣрѣ побывать у васъ, и я рѣшился имъ воспользоваться. Но — увы!—рѣшительность моя тотчасъ исчезла, какъ только я пошелъ къ вамъ. Мнѣ представлялось это почему-то неловкимъ, дерзкимъ; я думалъ, что это можетъ быть непріятно для васъ. Съ половины дороги воротился я, и потомъ больше недѣли собирался сходить къ вамъ. Однажды встрѣтились вы мнѣ въ коррпдорѣ и я хотѣлъ спросить о книгѣ; но тотчасъ представилось мнѣ, что, «если И. М. скажетъ, что книги нѣтъ у него, — и только, то случай быть въ его квартирѣ опять потерянъ для меня, и можетъ быть невозвратимо». И хорошо, что не спросилъ я тогда. Наконецъ 17 іюня я рѣшился... Съ какимъ трепетомъ отворилъ я завѣтную дверь; какъ билось мое сердце, когда, вошедши въ прихожую, услышалъ я шаги ваши въ смежной комнатѣ!... Чуть слышнымъ дрожащимъ голосомъ объяснилъ я вамъ причину своего прихода и покраснѣлъ, когда вы сказали: нѣтъ... Съ смущеніемъ и сожалѣніемъ хотѣлъ уже я уйдти, какъ вдругъ,—не скажу неожиданно, но вопреки всѣмъ моимъ разсчетамъ,—вы пригласили меня посидѣть у васъ. Я давно уже мечталъ о знакомствѣ съ вами, и это была одна изъ любимѣйшихъ думъ моихъ; но я всегда и оставлялъ ее какъ мечту, несбыточную въ настоящемъ моемъ положеніи. Никакъ не полагалъ я, чтобы вы были столько снисходительны. Поэтому хотя ваше приглашеніе отвѣчало тайной мысли моего сердца, однако я съ удивленіемъ услышалъ ваши привѣтныя слова, смѣшался еще болѣе, а счастіе было такъ полно, что я не имѣлъ силъ притвориться, и остался у васъ, хо-

тя самъ не понимая хорошенько, что же изъ этого выйдетъ... Напрасно старался бы я описать весь тогдашній восторгъ мой, все счастье, которымъ я наслаждался, слушая васъ и смотря на благородныя черты лица вашего вблизи, такъ, что въ первый разъ тогда я хорошо разсмотрѣлъ васъ. Совершенно забывшись, внѣ себя отъ восторга, я часа четыре пробылъ у васъ, и уходя, не позаботился даже извиниться, даже не подумалъ, что я утомилъ васъ: я думалъ только о себѣ. Какъ великому счастью, какъ великой милости судьбы, радовался я тому, что могъ услужить вамъ, оставивши у васъ книжку «Современника». Притомъ, это открывало мнѣ возможность продолжать впередъ свои посѣщенія... Давно не радовался я такъ искренно и полно, какъ въ тотъ день.

«Къ сожалѣнію я недолго пользовался своимъ счастьемъ: черезъ мѣсяцъ наступили вакаціи, и вы уѣхали. Но прежде этого случилось еще одно обстоятельство, которое также надолго останется для меня памятнымъ. Это было на экзаменѣ. Спрашивали по вашему предмету: сидѣли вы и Андрей Егорычъ. Вызвали меня, и досталось мнѣ читать по психологіи о памяти: статья очень знакомая и простая сама по себѣ, но очень запутанная и отрывистая въ нашихъ лекціяхъ. Я сталъ читать, остановился, снова принялся, опять всталъ и сбился. А. Е. сидѣлъ какъ пень и что-то отыскивалъ въ конспектѣ. Вы мнѣ и давали вопросы и возраженія, и поправляли и выручали меня. Но о. ректоръ замѣтилъ, что я не твердо читаю, и спросилъ А. Е.: есть ли у меня память. При всемъ томъ, что я былъ въ довольно непріятномъ положеніи, не могъ я не улыбнуться, когда А. Е. вдругъ всталъ, вытаращилъ глаза на ректора, потомъ на меня, заикнулся и высунулъ языкъ... Такъ онъ и простоялъ, да промычалъ что-то; вы же замѣтили, что у меня болѣе развитъ разсудокъ. Не знаю, хотѣли ли вы только выручить меня, или въ самомъ дѣлѣ подмѣтили во мнѣ эту черту, но только вы сказали правду, и я въ ту же самую минуту пожелалъ только, чтобъ ваши слова были искренни.—Въ этотъ же день вы еще разъ показали свою внимательность ко мнѣ, когда меня спросили изъ латинскаго языка. Изъ нашего отдѣленія меня вызвали перваго, а между тѣмъ ректоръ хотѣлъ продолжать то же, что переводили ученики перваго отдѣленія. Я не могъ найти мѣста, о. ректоръ разсердился и хотѣлъ отослать меня, не спросивши; А. Е. забился куда-то въ уголъ; къ счастію, вы были тутъ: тотчас дали вы мнѣ въ руки свою книгу, указали мѣсто, и я сталъ переводить вмѣстѣ съ вами. За этотъ разъ я благодаренъ былъ вамъ, чуть ли не больше, чѣмъ за первый: тамъ не такъ досадно было срѣзаться, потому что уроковъ я дѣйствительно не училъ; но не отвѣтить изъ латинскаго языка, при хорошемъ знаніи его, было бы уже особенно досадно. Не смотря

на ваше заступленіе, я былъ очень недоволенъ этимъ экзаменомъ и особенно сокрушался о томъ, что вы будете уже нехорошаго мнѣнія о моихъ познаніяхъ... Но и эта мысль на другой же день была почти совсѣмъ уничтожена вами: вы такъ снисходительно отозвались о моемъ отвѣтѣ такъ хорошо успѣли оправдать меня, что я совершенно успокоился на этотъ счетъ...

«Не удалось мнѣ проводить васъ въ іюлѣ мѣсяцѣ на родину... Черезъ нѣсколько минутъ послѣ вашего отъѣзда вошелъ я въ вашу опустѣлую квартиру, пожалѣлъ, что не засталъ уже васъ, поговорилъ о васъ съ подлѣкаремъ Соколовымъ, отъ всего сердца пожелалъ вамъ мысленно счастливаго пути и благополучнаго возвращенія, и грустно пошелъ домой, раздумывая, что лучше было бы, если бы вы здѣсь остались... Да, лучше было бы!... Лучше, — можетъ быть вы и сами съ этимъ согласитесь...»

Теперь, милостивые государи, называвшіе нашего друга человѣкомъ безъ души и сердца, — теперь честь имѣю обратиться къ вамъ, и отъ имени моего, отъ имени каждаго прочитавшаго эти страницы, въ томъ числѣ и отъ вашего собственнаго имени, — да, и вы сами повторяете себѣ то, что я говорю вамъ, — теперь имѣю честь назвать васъ тупоумными глупцами. Вызываю васъ явиться, дрянные пошляки, — поддерживайте же ваше прежнее мнѣніе, вызываю васъ....

Вы смущены? Вижу, вижу, какъ вы пятитесь.

Помните же, милые мои, что напечатать имена ваши въ моей волѣ и что съ трудомъ удерживаю я себя отъ этого.

Продолжается дневникъ Николая Александровича:

«24 января 1853 г.

«Сегодня минуло мнѣ 17 лѣтъ, и потому я хочу написать что нибудь въ моихъ запискахъ, или memoires, какъ я называлъ ихъ годъ тому назадъ. Не знаю, что мнѣ писать здѣсь, но, по обыкновенію моему, думаю заняться разсмотрѣніемъ прошедшаго года въ отношеніи ко мнѣ. Но для этого надобно подумать, а я ничего не помышлялъ объ этомъ до сего часа.... Начну съ этихъ записокъ. Хоть передо мной и нѣтъ теперь первыхъ листовъ ихъ за прошлый годъ, но я помню ясно, что въ тотъ годъ я хуже писалъ: нынче у меня рука тверже, и какъ-то размашистѣе пишу я. Во-вторыхъ, я припоминаю, что въ началѣ прошлаго года я записалъ споръ свой и пораженіе В. С. (*); те-

(*) Этотъ споръ дѣйствительно записанъ былъ подъ 9 января 1852 г., на стр. 16 дневника; но онъ не интересенъ и потому мы не напечатали.

перь я иначе смотрю на это, и мнѣ стыдно, что обратилъ вниманіе на подобную мелочь. Нынче подобныхъ вещей со мной было уже съ десятокъ, но я не внесу ихъ сюда. Вотъ другое пріобрѣтеніе, довольно важное.—Потомъ, тогда я все собирался ѣхать въ университетъ и между тѣмъ ничего не дѣлалъ; нынче мои предположенія опредѣленнѣе, и я готовлюсь ихъ выполнить. Тогда мнѣ представлялось, что въ университетѣ лучше учиться, чѣмъ въ академіи. Но я считалъ тогда совершенно излишнимъ думать о томъ, что будетъ по окончаніи курса; теперь я подумалъ объ этомъ и нашелъ, что разница между тѣмъ и другимъ самая малая, а между тѣмъ сберегается въ 4 года около 1000 р. сер. — вещь немаловажная. Кромѣ того замѣтно даже мнѣ самому (впрочемъ это не диво: я люблю наблюдать за собой), что я сдѣлался гораздо серьёзнѣе, положительнѣе, чѣмъ прежде. Бывало, я хотѣлъ все исчислить, все понять и узнать; науки казались мнѣ лучше всего, и моей *страстью къ книгамъ* я хотѣлъ доказывать,—для себя самого, — безкорыстное служеніе и природное призваніе къ наукѣ. Нынѣ я въ своихъ мечтахъ не забываю и деньги и, разсчитывая на славу, разсчитываю вмѣстѣ и на барыши, хотя еще не могу отказаться отъ плана—употребить ихъ опять таки для пріобрѣтенія новой славы. Страсть мою къ книгамъ я не называю нынче влеченіемъ къ наукѣ, а настоящимъ ея именемъ, и вижу въ ней только признакъ того, что я большой библіофилъ, потому что я люблю книги, какого бы рода онѣ ни были, и сгараю желаніемъ, увидя книгу, не узнать то, что въ ней написано, но только узнать, что это за книга, какова и проч. Самому чтенію какой бы то ни было книги я большею частію предаюсь только для удовольствія сказать себѣ: я читалъ то и то; эта, и другая, и третья, и десятая книга мнѣ извѣстны... Поэтому-то я такъ люблю нынѣ читать журналы и преимущественно отдѣлъ библіографіи и журнальныя замѣтки. Недавно присоединилось сюда и другое побужденіе: я читаю иное для того, что это пригодится на пріемномъ экзаменѣ. Далѣе пока я не простираюсь. Литературныя цѣли мои достигаются пока только записываніемъ, списываніемъ и писаніемъ. Кстати замѣчу, что въ декабрѣ прошлаго года послалъ я 12 стихотвореній своихъ въ редакцію «Сына Отечества», принявъ поэтическое имя Владиміра Ленскаго. Нынче я уже не объявлялъ никакихъ требованій,—не то что въ ноябрѣ 1850 г., когда я просилъ отъ редакціи «Москвитянина» 100 рублей, обѣщая прислать 40 плохихъ стихотвореній. Это давно лежитъ у меня на совѣсти; и если когда нибудь выведутъ меня на чистую воду, то я не знаю, что еще можетъ быть для меня стыднѣе этого?... Писалъ я также три статейки для Нижегородскихъ Вѣдомостей; но одну цензоръ не пропустилъ,—невиннѣйшую статью — о погодѣ; другія двѣ, кажется, сгибли у редактора, по

крайней мѣрѣ я доселѣ остаюсь для нихъ, т. е. онѣ для меня остаются во мракѣ неизвѣстности. Но это все пока вздоръ; гораздо важнѣе для меня пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ положительныхъ познаній, кой-какой навыкъ—малый—въ нѣмецкомъ языкѣ и большая установленность или твердость взгляда и убѣжденій. Въ началѣ прошлаго года, я какъ-то все сбивался: хотѣлъ походить на Печорина и Тамарина, хотѣлъ толковать, какъ Чацкій, а между тѣмъ представлялся какимъ-то Вихляевымъ и особенно похожъ былъ на Шамилова. Изображеніе этого человѣка глубоко укололо мое самолюбіе, я устыдился, и если не тотчасъ принялся за дѣло, то по крайней мѣрѣ созналъ потребность труда, пересталъ заноситься въ высшія сферы,и мало по малу исправляюсь теперь. Конечно, много здѣсь подѣйствовало на меня и время, но не могу не сознать, что и чтеніе «Богатаго жениха» также способствовало этому. Оно пробудило и опредѣлило для меня давно спавшую во мнѣ и смутно понимаемую мною мысль о необходимости труда, и показало все безобразіе, пустоту и несчастіе Шамиловыхъ. Я отъ души поблагодарилъ Писемскаго. Кто знаетъ, — можетъ быть онъ помогъ мнѣ, чтобы я со временемъ лучше могъ поблагодарить его!?... Нужно замѣтить еще одно пріятное пріобрѣтеніе: я освободился наконецъ отъ вліянія В. Л—аго. Вообще, степенью моего уваженія и расположенія къ этому человѣку я измѣряю мои нравственные и умственные успѣхи. Было время, я какъ-то боялся его: замѣчалъ каждое его слово, которое могло имѣть отношеніе ко мнѣ, не смѣлъ противорѣчить его мнѣніямъ, любилъ выставлять себя предъ нимъ съ хорошей стороны и пр. Нынѣ я уже не имѣю къ нему столько уваженія, не смѣюсь его остротамъ, свободно могу высказывать при немъ свое мнѣніе, не боюсь показывать ему свои сочиненія, говорить съ нимъ о томъ, что я дѣлаю, смѣяться надъ тѣмъ, чѣмъ онъ восхищается, и уважать то, надъ чѣмъ онъ смѣется. Только еще, какъ памятникъ давно прошедшаго, осталось во мнѣ желаніе говорить съ нимъ о моей душевной жизни, и удовольствіе—пересказывать ему все, что встрѣтится мнѣ смѣшнаго. Но надѣюсь скоро избавиться и отъ этого. Чудное дѣло, какъ подумать, что значитъ школьный товарищъ. Не сойдись бы я съ нимъ, — я увѣренъ, что мое развитіе пошло бы совершенно иначе. Я-то на него, конечно, не имѣлъ вліянія; но онъ на меня — довольно значительное. Не могу еще рѣшить, хорошо или худо было это вліяніе, но оно состояло вотъ въ чемъ: онъ научилъ меня, по природѣ серьёзнаго, смѣяться надъ всѣмъ, что только попадется на глаза; онъ заставилъ меня, человѣка довольно основательнаго и медленнаго, смотрѣть на предметы поверхностно, произносить о нихъ сужденіе, посмотрѣвши только форму и не касаясь содержанія; изъ ума моего онъ сдѣлалъ остроуміе, изъ презрѣнія ко

многому—насмѣшку надъ этимъ многимъ, изъ внимательности — находчивость. Быть можетъ, это мнѣ и пригодится; но теперь это дурно, не говоря уже о томъ, что отъ этого страждетъ теперь мое необъятное самолюбіе. Но довольно о немъ; обращусь къ другому человѣку, другому знакомому прошлаго года, который успѣлъ оставить во мнѣ самое чистое, самое сладостное воспоминаніе. Это — Иванъ Максимычъ!... Я уже писалъ здѣсь о моей къ нему привязанности. Теперь могу только прибавить, что она не уничтожается съ теченіемъ времени, какъ я опасался, а продолжается все такъ же, какъ и прежде. Даже теперь я какъ будто все болѣе и болѣе начинаю понимать его, какъ будто въ отдаленіи онъ представляется мнѣ въ большемъ свѣтѣ, и я лучше могу разсмотрѣть превосходныя черты великой души его. Положа руку на сердце, говорю, что я не знаю никого лучше Ивана Максимыча, безъ всякихъ исключеній. Великость моей къ нему привязанности я могу выразить вотъ чѣмъ. Отъ природы добрый, но нестерпимо гордый, я не отвѣчаю обыкновенно на оскорбленія (разумѣется, дѣйствительное оскорбленіе, а не шутку какую нибудь или неосторожное слово), но мое молчаніе продолжается очень надолго, если не навсегда. Точно также, — если я замѣчу, что меня принимаютъ слишкомъ сухо и презрительно, я перестаю туда ходить и послѣ того не внимаю уже первому зову. Это у меня случается даже съ родными. Но въ отношеніи къ Ивану Максимычу, я чувствую совершенно не то. Я смѣло говорю, что еслибъ онъ меня обидѣлъ, — еслибъ случилось такое несчастіе,—то я заплакалъ бы отъ досады на себя, надѣлалъ бы кучу непріятностей другимъ; но ничего худаго не подумалъ бы объ Иванѣ Максимычѣ. Напротивъ, я постарался бы заслужить отъ него прощеніе въ томъ, что могъ заслужить отъ него упрекъ, могъ довести его до оскорбленія,—его, который такъ великодушенъ, такъ высоко—благороденъ. Если бы онъ не захотѣлъ принимать меня, то я, отложивъ гордость въ сторону, пришелъ бы къ нему со слезами умолять его, чтобы онъ позволилъ мнѣ снова наслаждаться его бесѣдой.... Многіе не поймутъ въ этомъ ничего; но человѣкъ, имѣющій въ себѣ гордость, пойметъ изъ этого всю великость моей привязанности. А что я не лгу—свидѣтель въ этомъ совѣсть моя. Что я не обманываюсь — свидѣтель мой разсудокъ, который, кажется, довольно уже окрѣпъ и довольно ясно различаетъ ложь отъ истины, по крайней мѣрѣ въ своей душѣ. — Я хотѣлъ еще записать кое-что; но это воспоминаніе такъ хорошо, этотъ предметъ такъ прекрасенъ для меня, что на немъ хочу я окончить нынѣшній день, съ желаніемъ, чтобъ и ночью посѣтило меня во снѣ мое прелестное видѣніе, мой идеалъ—въ образѣ Ив. Максимыча.

«15 марта 1853 г.

«Свершились желанія. Давно задуманное и жданное исполнено! Что же я такъ равнодушенъ, что же такъ холодно принялъ извѣстіе объ окончаніи моего дѣла? Или я привыкъ уже къ этой мысли, или сомнѣніе, все еще тревожащее меня, препятствуетъ мнѣ радоваться вполнѣ? Или я даже разочаровался?... Не знаю; я еще не разберу хорошенько своихъ чувствъ и мыслей касательно этого предмета. Вѣрно только то, что чувствъ, мнѣ кажется, совсѣмъ нѣтъ, а мыслей, непосредственно сюда относящихся, также немного.... Однако замѣчу здѣсь все, что нужно, и разскажу исторію моего дѣла.

Августъ и сентябрь прошлаго года были бурны для моей душевной жизни. Во мнѣ происходила борьба, тѣмъ болѣе тяжелая, что ни одинъ человѣкъ не зналъ о ней во всей ея силѣ. Конечно,—я не проводилъ ночей безъ сна, не проливалъ ведрами слезъ, не стоналъ и не жаловался, даже не молился; потому что подобныя выходки не въ моемъ характерѣ, а молиться — сердце мое черство и холодно къ религіи, а я тогда даже и не заботился согрѣть его теплотой молитвы. Это самое, вѣроятно, дѣлало еще тяжеле борьбу мою. Я совершенно опустился, ничего не дѣлалъ, не писалъ, мало даже читалъ.... Что-то такое тяготило меня и, указывая на всю суету мірскую, говорило: къ чему? Что тебя здѣсь ожидаетъ? Тебѣ суждено пройти незамѣченнымъ въ твоей жизни, и при первой попыткѣ выдвинуться изъ толпы, обстоятельства какъ ничтожнаго червя раздавятъ тебя.... И ничего ты не сдѣлаешь, ничего не можешь ты сдѣлать, несмотря на всю твою самонадѣянность, и припоминался мнѣ жолчный стихъ Лермонтова:

«Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!...»

«А между тѣмъ все дѣло было очень просто, причины такого состоянія очень нехитрыя. — Мнѣ непремѣнно хотѣлось поступить въ университетъ. Папенька не хотѣлъ этого, потому что при его средствахъ это было невозможно. Но онъ не говорилъ мнѣ этого, и представлялъ только невыгоды университетскаго воспитанія, и превосходство академическаго. Тогда этого рода доказательствами меня невозможно было убѣдить: я былъ непоколебимо увѣренъ, что если могу гдѣ нибудь учиться въ высшемъ заведеніи, то это только въ университетѣ. Но между тѣмъ я видѣлъ ясно, что для моего отца дѣйствительно очень трудно, почти невозможно было содержать меня въ университетѣ. Конечно, будь я порѣшительнѣе, я бы объявилъ, что хочу этого, и что проживу тамъ по 50 цѣлковыхъ въ годъ, только бы учиться въ университетѣ. Но я не хотѣлъ и не могъ этого; рѣшительнаго объясненія не было, а во мнѣ кровь кипѣла, воображе-

ніе работало, разсудокъ едва сдерживалъ порывы страсти. Счастье или несчастье мое, что у меня нѣтъ крѣпкой воли!... А то бы надѣлалъ я дѣла. Теперь же случилось такъ, что, по пословицѣ — «сила есть, да воли нѣтъ», — и все дѣло окончилось тѣмъ, что я раза три поговорилъ съ родными, такъ грустно и жалобно, съ такимъ отчаяннымъ видомъ, — который однакожь никого не тронулъ, — походилъ нѣсколько времени, повѣся носъ, помурлыкалъ про себя Кольцова:

«Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить?...»

да

«Путь широкій давно....»

да изъ Лермонтова:

«Не вѣрь себѣ....»

и

«Въ минуту жизни трудную....»

да еще изъ Баратынскаго:

«Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти....»

«Жутко было мнѣ тогда; но наконецъ папенька сказалъ, что мое желаніе выполнить невозможно, что тысячу рублей ассигнаціями въ годъ онъ мнѣ опредѣлить не можетъ, а меньше нельзя. Больше онъ слушать ничего не хотѣлъ, какъ ни увѣрялъ я его, что половины этой суммы для меня слишкомъ достаточно. И какъ только сказали, что этого нельзя, я успокоился, потому что добиваться невозможнаго я никогда не стараюсь. И стихи Гёте:

«Невозможное возможно
Человѣку одному....»

не для меня писаны.

«Но при всемъ томъ, я не могъ помириться съ мыслью—остаться еще на два года въ семинаріи, гдѣ ученье было очень незавидное. — Благородный отзывъ Ивана Максимовича о петербургской академіи рѣшилъ дѣло: ему первому сообщилъ я мысль отправиться туда; онъ сказалъ: «хорошо», и его одобренія было для меня очень довольно, чтобъ начать дѣло. На это дѣло папенька согласился легче; не было возраженій о трудности учиться, ни о возможности поступить туда; сказано было только нѣсколько словъ о моей молодости, но я представилъ, что молодому еще легче учиться, и дѣло было слажено.

До отъѣзда еще Ивана Максимовича, я могъ уже (въ началѣ ноября) сообщить ему, что я рѣшился непремѣнно ѣхать въ петербургскую академію. Превосходный этотъ человѣкъ съ участіемъ принялъ мои слова, далъ нѣсколько совѣтовъ и даже проговорилъ прошеніе, которое я долженъ былъ подать графу Протасову, такъ что я написалъ теперь прошеніе почти съ его словъ. Въ декабрѣ началъ приставать уже къ папенькѣ, чтобы сходилъ къ нашему о. ректору и спросился его. Но въ декабрѣ не собрались, а въ январѣ начали уже возникать сомнѣнія насчетъ выгодъ и пользы ученія въ петербургской академіи. Думали и сомнѣвались, рѣшались и передумывали, ходили къ ректору, не заставали его дома и опять раздумывали цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ 3-го февраля папенька сходилъ къ ректору, тотъ одобрилъ и мое желаніе, и меня самого. Въ этотъ же вечеръ написалъ я просьбу къ графу Протасову, оберъ-прокурору святѣйшаго синода; но долго еще лежала она безъ употребленія; наконецъ получилъ я приказаніе переписать ее, и 18 февраля папенька снова ходилъ къ о. ректору, показалъ просьбу и ректоръ нѣсколько поправилъ ее. 19 февраля папенька пошелъ къ архіерею, и просилъ также его благословенія на это дѣло. Преосвященный Іеремія принялъ даже участіе въ этомъ дѣлѣ и приказалъ принести къ нему просьбу, обѣщаясь послать ее отъ себя. 24 февраля папенька принесъ къ преосвященному мое прошеніе, онъ посмотрѣлъ и сказалъ: «хорошо; подавайте». — Папенька удивился такому обороту дѣла и сказалъ: «ваше преосвященство! эта просьба написана на имя графа; не прикажете ли перемѣнить и написать на ваше имя?» Тогда преосвященный еще посмотрѣлъ прошеніе и сказалъ, что «если ужь такъ, то нужно подать просьбу еще на мое имя. Вы уже подайте отъ своего имени». 26 числа, въ четвертокъ, на масляницѣ, папенька подалъ преосвященному просьбу къ нему о моемъ желаніи, приложивъ и мое прошеніе къ оберъ-прокурору. Въ это время былъ у преосвященнаго и отецъ-ректоръ семинаріи, они поговорили между собой, и преосвященный сказалъ моему отцу: «ваше желаніе будетъ исполнено». 27 числа, на другой день, архіерей сдалъ мое дѣло въ семинарское правленіе съ резолюціей: «представитъ мнѣ семинарское правленіе справку о его поведеніи и успѣхахъ обстоятельную». На первой недѣлѣ дѣлами преосвященный не занимался и потому эта справка, состоящая изъ моего аттестата, подана была ему уже 9 марта. 10 онъ сдалъ все дѣло въ консисторію, чтобы тамъ нѣкто Городковъ заготовилъ отъ него письмо обо мнѣ къ графу. Въ этотъ же день вечеромъ моя просьба была еще разъ переписана, потому что нашлась въ ней ошибка и каплюшка саломъ. 11 марта черновое письмо подано къ преосвященному, и онъ, исправивъ его, снова далъ въ консисторію переписать. 12 марта переписали и подали ему, 13 отослали съ

отходящей почтой въ С.-Петербургъ. Вотъ моя исторія, не длинная и не важная. По окончаніи дѣла мнѣ бы слѣдовало радоваться, а я очень равнодушенъ. Правду сказать, я и теперь еще не увѣренъ въ превосходствѣ академическаго образованія, и мысль поступить въ университетъ не оставляетъ меня. Впрочемъ это по обстоятельствамъ. Главнымъ образомъ соблазняетъ меня авторство, и если мнѣ хочется въ Петербургъ, то не по желанію видѣть сѣверную Пальмиру, не по разсчетамъ на превосходство столичнаго образованія: это все на второмъ планѣ, это только средство. На первомъ же планѣ стоитъ удобство сообщенія съ журналистами и литераторами. Прежде я безотчетно увлекался этой мыслью, а теперь уже начинаю подумывать, что

«То кровь кипитъ, то силъ избытокъ....»

Надежда на журналистовъ для меня очень плоха, потому что, не доучившись годъ въ семинаріи, я въ академіи долженъ буду заниматься очень сильно, и времени празднаго у меня не будетъ, и притомъ я не знаю новыхъ языковъ, слѣдовательно переводное дѣло уже не по моей части, а иначе какъ начать?... Подумаешь, подумаешь, пишешь стихотвореніе:

«Мучатъ сомнѣнія душу тревожную....»

и потомъ опять какая-то апатія нападаетъ на душу, какъ будто это до меня и не касается. Одна надежда на премудрый промыслъ поддерживаетъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ благодѣтельная увѣренность въ благости и неусыпной заботливости о насъ Божіей посѣтила меня, мнѣ кажется, что я даже несравненно легче снесу, если меня и прогонятъ назадъ въ Нижній изъ академіи. Этого я также имѣю причины опасаться, хотя и не теряю надежды сдать хоть кое-какъ пріемный экзаменъ. Много теперь нужно мнѣ трудиться, необычайная энергія требуется, чтобы поддержать себя, а между тѣмъ я какъ будто и не думаю объ этомъ, и едва-едва, потихоньку, принимаюсь готовиться. А тутъ еще классные уроки, задачи и пуще всего надоѣдающіе классы, особенно о. П., драгоцѣннаго моего инспектора и безцѣннаго преподавателя догматическаго богословія, съ присловьями Цицерона и Квинтиліана, съ анекдотами Суворова и Балакирева, съ допотопными понятіями о наукѣ и литературѣ, и при всемъ этомъ съ совершеннымъ отсутствіемъ здраваго смысла, съ пустѣйшей головой, съ отвратительной претензіей на подлое (плебейское) остроуміе и наконецъ съ положительной бездарностью преподаванія!... Скоро ли-то я избавлюсь отъ этого педанта, глупца изъ глупцовъ?... А что, ежели придется воротиться къ нему?...»

Этими словами кончается послѣдняя страница мемуаровъ, начатыхъ 1 января 1852 года.

О поступленіи Н. А. въ Педагогическій институтъ и объ институтской его жизни прислалъ въ редакцію «Современника» слѣдующую статью г. Радонежскій, бывшій товарищемъ Николая Александровича:

«Въ августѣ 1853 года, за Обводнымъ каналомъ въ Петербургѣ, противъ зданія духовной академіи, въ бѣдномъ трехъоконномъ домикѣ служителя Александро-Невской лавры, встрѣтилъ я въ первый разъ Николая Александровича на его квартирѣ, какъ теперь помню, съ исторіею Смарагдова въ рукахъ. Какъ онъ, такъ и я, и много другихъ семинаристовъ только-что пріѣхали въ Петербургъ, съ цѣлію поступить въ духовную академію....

«Въ то время, о которомъ я говорю, въ квартирѣ Добролюбова было человѣкъ пять такихъ кандидатовъ на академиковъ.... Семинаристы во всей неприкосновенности.... въ столицѣ.... предъ рѣшительными днями вступительныхъ экзаменовъ, имѣвшихъ рѣшить наше: «быть или не быть» — поддержать или уронить предъ академическимъ трибуналомъ честь своихъ семинарій, въ лицѣ нашемъ пославшихъ, каждая изъ своего разсадника, по одному лучшему экземпляру изъ своихъ развитыхъ растеній, на окончательную пробу, — всѣ мы, еще незнакомые между собою, собранные во едино волею начальства, робко выражали другъ-другу свои надежды и опасенія, говорили о томъ, когда какой экзаменъ, по какому предмету, строгъ ли тотъ или другой экзаменаторъ, и въ то же время каждый изъ насъ читалъ пытливымъ глазомъ на лицахъ товарищей-соперниковъ степень ума, развитія, подготовленности, жадно вслушиваясь въ каждое слово другаго.... Что до меня, — я съ перваго взгляда на свѣжее, молодое (Добролюбову въ то время было семнадцать лѣтъ) слегка румяное лицо Николая Александровича, — на очки, придававшіе его умной, строгой физіономіи какую-то оригинальную смѣлость, отличилъ его отъ прочихъ.... Особенно мнѣ бросились въ глаза очки на носу семинариста, по моему тогдашнему убѣжденію, такъ дерзко нарушавшіе законы скромной семинарской, а тѣмъ болѣе академической моды, — законы, по духу которыхъ ношеніе очковъ, пальто, сюртуковъ и панталоновъ, сшитыхъ не по казенной мѣркѣ семинарской, означало либерализмъ, заподозривало въ тенденціяхъ свѣтскихъ (*), далеко несогласныхъ съ идеаломъ истиннаго воспитанника семинаріи и тѣмъ болѣе воспи-

---

(*) «Эти *наружныя* тенденціи были причиною непоступленія многихъ въ число академическихъ студентовъ въ наше время....» Л. Р.

танника, избраннаго быть впослѣдствіи, по выходѣ изъ академіи, наставникомъ духовнаго юношества....

«Впечатлѣніе на первый разъ Добролюбовъ произвелъ на меня *особенное*, нежели всѣ другіе, видѣнные также въ первый разъ, будущіе мои товарищи.—«Какая умненькая физіономія!... не даромъ очки носитъ (не знаю, почему *очки это* доказывали)... еще такой молоденькой... Ужели и *онъ* въ академію?...» размышлялъ я. И мнѣ тотчасъ же захотѣлось познакомиться съ очками....

«— Вы изъ какой семинаріи?

«— Изъ нижегородской...,

«— Ваша фамилія — позвольте?

«— Добролюбовъ.

«— Надѣюсь, также въ академію? пыталъ я.

«— Да.... отвѣчалъ мнѣ какъ-то неохотно Добролюбовъ. Потомъ онъ повернулся къ окну, взглянулъ за каналъ на фасадъ академическаго зданія, какъ разъ противъ оконъ его квартиры. — «Смотрите», прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ мало скрытою ироніею и указывая глазами на академію: «въ академіи *тринадцать оконъ*, это что-то плохой знакъ.... Я едва ли буду держать экзаменъ тамъ.... Боюсь....

«И дѣйствительно, Добролюбовъ экзамена въ академіи не держалъ. Онъ могъ это сдѣлать; потому что пріѣхалъ на свой счетъ и потому жилъ на своей квартирѣ. Я и многіе другіе, присланные на казенный счетъ и потому жившіе уже въ академіи, должны были сдавать срашные экзамены.... Въ то время, когда мы держали экзамены, въ академіи пронесся слухъ, что нижегородскій студентъ (претенденты на академиковъ звались уже тогда студентами) держитъ отлично экзаменъ въ Педагогическомъ институтѣ. Чрезъ нѣсколько времени и самъ Добролюбовъ зашелъ въ академію къ намъ, уже испытывавшимъ неудобства затворнической жизни (прежде чѣмъ мы получили права ея адептовъ), и объявилъ, что онъ удачно кончилъ свои экзамены въ институтѣ.... Я вмѣстѣ съ другими, не обольщенными прелестями предстоявшей намъ жизни и карьеры, помню, отъ души позавидовали счастію Добролюбова....

«Наконецъ и наши экзамены въ академіи кончились. Перекликаны были имена *избранныхъ*, потомъ имена *только* званныхъ. Въ числѣ, кажется, пятнадцати именъ послѣднихъ, я скоро услышалъ и свое....

«Тогда же четверо изъ насъ «попяченныхъ назадъ академиковъ», какъ тогда мы себя и насъ называли другіе, отправились на квартиру къ Добролюбову....

— «И прекрасно, господа, — поступайте въ институтъ, утѣшалъ

насъ Добролюбовъ.—И тамъ не сладко, но по крайней мѣрѣ не будемъ сидѣть за 13 окнами....

«Въ тотъ же день мы, оскорбленные и униженные, поѣхали искать счастья въ институтъ....

«Насъ тамъ, сравнительно съ строгимъ академическимъ пріемомъ, очень вѣжливо и ласково встрѣтилъ бывшій тогда инспекторъ института А. Н. Тихомандритскій, поговорилъ съ каждымъ изъ насъ, далъ намъ необходимыя инструкціи, какъ приступить къ *новому*, еще болѣе рѣшительному экзамену.... На другой день мы экзаменовались въ институтѣ, а чрезъ нѣсколько времени намъ было объявлено, что мы приняты — мы спасены....

«Горькія, отчаянныя чувства убитости, униженія, испытанныя многими очень незаслуженно, отъ своей alma mater — академіи духовной, въ насъ быстро исчезли передъ восторгомъ отъ сознанія возстановленнаго самолюбія судомъ *свѣтскимъ*, — судомъ людей, которые въ глазахъ нашихъ стояли много выше, по своему образованію, нашихъ прежнихъ экзаменаторовъ. О радость! мы—студенты института, — мы, отверженные, неизвѣстно за что, нашею матерью! (*)

«Правда, много горя мы испытали и въ институтѣ; но что это горе въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало, если бы мы вернулись опять въ семинарію?!..

«Вскорѣ по пріемѣ въ институтъ, студентовъ, вновь принятыхъ, размѣстили по камерамъ. Насъ, «попяченныхъ академиковъ», какъ тогда насъ называли другіе студенты, записавшихся на одинъ филологическій факультетъ, помѣстили всѣхъ въ одну камеру, гдѣ къ великому моему удовольствію я прочелъ въ спискѣ студентовъ этой камеры, повѣшенномъ на стѣнѣ, и имя Н. Добролюбова, подчеркнутое рукою директора. А противъ фамиліи Добролюбова написано: «старшій» — тою же рукою. Старшимъ Добролюбова у насъ сдѣлали потому, что онъ отлично держалъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ, исключая математики и физики и французскаго языка. Съ французскимъ языкомъ Добролюбовъ уже познакомился въ институтѣ на второмъ году совершенно основательно по роману: Mystères de Paris. Цѣлыхъ два мѣсяца, не выпуская изъ рукъ, носился онъ съ «Парижскими Тайнами» и наконецъ-таки одолѣлъ многотомный романъ.

«Съ перваго дня нашей институтской жизни и до послѣдняго, я въ камерѣ сидѣлъ рядомъ за однимъ столомъ съ Николаемъ Александры-

(*) «Въ академіи балловъ, полученныхъ нами на пріемномъ экзаменѣ, не читали, и намъ доселѣ неизвѣстно, *почему* такъ рѣшили нашу судьбу.»

чемъ. Мнѣ было интересно слѣдить за ходомъ занятій его, скоро пріобрѣвшаго надъ своими товарищами большое вліяніе.... Скоро всѣ товарищи Добролюбова убѣдились въ его превосходствѣ надъ собою. Какъ у словесниковъ, у насъ часто заходили споры о литературѣ. Въ этихъ спорахъ скоро Добролюбовъ показалъ и свою начитанность, какую было трудно представить въ семинаристѣ, и силу горячаго убѣжденія, и недовѣрчивость къ словамъ съ каѳедры.... Все это дало намъ возможность замѣтить въ Добролюбовѣ раннюю самостоятельность. Помню, всѣ мы какъ-то неохотно приступали къ славянской филологіи.... Добролюбовъ съ первой же лекціи И. И. Срезневскаго полюбилъ и предметъ и профессора. Профессоръ впослѣдствіи самъ горячо полюбилъ своего слушателя и, не въ примѣръ прочимъ, иногда звалъ его на лекціи по имени и отчеству (*).

«Добролюбовъ владѣлъ особеннымъ искусствомъ на лету схватывать мысль профессора, и записывалъ такъ, что записки его по всѣмъ предметамъ, въ продолженіе всего курса, служили источникомъ, откуда каждый студентъ, обязанный поочередно составлять лекціи профессору, бралъ все необходимое. Черезъ годъ Добролюбовъ дошелъ до такого умѣнья записывать профессорскія лекціи, что не опуская въ нихъ ничего существенно важнаго, успѣвалъ еще пародировать иную лекцію. Эти пародіи иногда со смѣхомъ читались въ аудиторіяхъ и дортуарахъ....

«Если не всѣ любили Добролюбова, не всѣ соглашались съ нимъ, то положительно говорю—всѣ его уважали. Смѣло можно сказать: всѣ мы, его товарищи, обязаны многимъ и многимъ Николаю Александрычу, какъ студенту, откликавшемуся на все, за всѣмъ современнымъ слѣдившему. Бо́льшая часть изъ насъ у него искали разъясненія на многіе вопросы, съ которыми не могли сами совладѣть. Много было рѣзкаго въ его приговорахъ; но эти убѣжденія *его* были *свои*,—этотъ пылъ, эта искренняя откровенность — были всегдашнею неизмѣнною принадлежностію благородной натуры незабвеннаго Добролюбова, горячо оскорблявшагося всѣмъ, что, по его убѣжденію, не было добро и правда....

«Какъ-то вечеромъ, часовъ въ десять послѣ ужина, сидѣли мы въ своей камерѣ за столомъ: Добролюбовъ, я, и еще три студента. Добролюбовъ читалъ что-то, сдвинувши на лобъ очки. Является отъ знакомыхъ одинъ студентъ нѣкто N, считавшій себя аристократомъ между нами голышами, какъ помѣщикъ.... N сталъ разсказывать одному студенту новость: будто бы носятся слухи объ освобо-

---

(*) Въ институтскомъ дневникѣ Н. А. есть много теплыхъ словъ о г. Срезневскомъ, у котораго былъ онъ принятъ, какъ домашній, въ послѣднее время институтскаго курса. *Н. Ч.*

женіи крестьянъ (это было въ началѣ 1857 года). Передавая этотъ слухъ, N выразилъ оттѣнокъ неудовольствія, какъ помѣщикъ.... Добролюбовъ, не переставая читать, доселѣ довольно покойно слушалъ разсказъ N. Но когда N сказалъ, что подобная реформа еще не довольно современна для Россіи, и что интересъ его личный, интересъ помѣщичій, черезъ это пострадаетъ, — Добролюбовъ поблѣднѣлъ, вскочилъ съ своего мѣста и неистовымъ голосомъ, какого я никогда не слыхалъ отъ него, умѣвшаго владѣть собою, закричалъ: «господа, гоните этого подлеца вонъ! Вонъ, бездѣльникъ! Вонъ, безчестье нашей камеры!...» И выраженіямъ страсти своей и гнѣва Добролюбовъ далъ полную волю....

«Добролюбовъ, при отличныхъ способностяхъ, владѣлъ какимъ-то особеннымъ тактомъ въ занятіяхъ. Довольствуясь записываніемъ лекцій въ аудиторіи, онъ никогда не терялъ времени на *«черную»* работу, т. е. на переписку, на составленіе лекцій, на репитиціи, какъ бо́льшая часть студентовъ. Онъ читалъ, читалъ всегда и вездѣ, по временамъ внося содержаніе прочитаннаго (хотя онъ и безъ того хорошо помнилъ) въ имѣвшуюся у него толстую въ алфавитномъ порядкѣ писателей библіографическую тетрадь. Въ столѣ у него было столько разнаго рода замѣтокъ, рѣдкихъ рукописей, тетрадей, корректуръ, держа которыя въ первое время онъ заработывалъ себѣ копѣйку,—въ шкапѣ столько книгъ, что и ящикъ въ столѣ и полки въ шкапѣ ломились.... Но что̀ бы Добролюбовъ ни дѣлалъ, какимъ бы серьёзнымъ и срочнымъ трудомъ ни занимался, всегда онъ съ удовольствіемъ оставлялъ занятіе для живаго разговора, откровенной бесѣды, которыя при его участіи, начинаясь литературою или профессорскими лекціями, всегда сводились на вопросы житейскіе.... Онъ еще и тогда относился къ этимъ послѣднимъ слишкомъ строго для 17-тилѣтняго юноши.... Направленіе таланта Добролюбова, впослѣдствіи такъ ярко обнаруженное имъ въ напечатанныхъ статьяхъ, прорывалось еще очень рано.

«Если не ошибаюсь, въ февралѣ 1855 года я отправился въ лазаретъ. Въ лазаретѣ я нашелъ Добролюбова здоровымъ. Онъ по вечерамъ тамъ что-то писалъ и записывался иногда далеко за полночь. Я полюбопытствовалъ спросить: «что ты пишешь, Николай?...»

«— А вотъ слушай. И онъ мнѣ прочелъ отрывокъ изъ предполагаемаго романа. Отрывокъ этотъ составлялъ первыя главы. Въ нихъ, помню, дѣло шло о *воспитаніи* двухъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ аристократенокъ — маменькинъ сынокъ, другой пріемышъ— соединенный братъ, служившій компаньономъ барченку.... Мнѣ особенно памятны тѣ страницы, гдѣ авторъ говорилъ о деспотическихъ отношеніяхъ перваго къ послѣднему, — и сцена, гдѣ мальчикъ прі-

мышъ-сирота однажды отдалъ встрѣченной имъ на улицѣ дѣвушкѣ-нищей, босой, съ окровавленными ногами, свои сапоги, за что барыня-мать больно высѣкла своего пріемнаго сына.... Я долго слушалъ этотъ разсказъ, полный горячаго сочувствія къ сиротѣ, и читанный Добролюбовымъ съ большимъ одушевленіемъ.... На глазахъ у меня навернулись слезы.... Потомъ эти мальчики были отданы въ одно заведеніе учебное, вмѣстѣ учились, кончили курсъ удачно.—Барченокъ жилъ и учился съ протекціей.... Сирота — самъ собою, безъ помощи, всегда въ борьбѣ съ нуждою и людьми, подъ вліяніемъ чего характеръ послѣдняго выработался симпатичный, твердый, самостоятельный. Чтеніе, помню, кончено было (тутъ же былъ и конецъ рукописи будущаго большаго романа) на томъ мѣстѣ, когда эти два героя начинаютъ служебную карьеру, какъ и слѣдовало ожидать, различными путями. Маменькинъ сынокъ поступаетъ подъ крыло какого-то директора департамента, а сирота самъ гдѣ-то находитъ для себя мѣсто.... Заглавія этого романа мнѣ тогда Добролюбовъ не сказалъ, вѣроятно и самъ еще не зналъ, какъ его назвать; но замѣтилъ мнѣ, что пишется легко, что вовсе не такой трудъ, какъ онъ прежде думалъ, писать повѣсти.... Кажется, этой повѣсти или романа покойный Добролюбовъ такъ и не кончилъ.

«Когда Добролюбовъ кончилъ чтеніе, я спросилъ: «ужели ты, Николай, способенъ писать романы? Я считалъ тебя болѣе серьёзнымъ....»

«— Недаромъ у меня ничего и не выходитъ. «Воображенія» у меня вовсе нѣтъ. Я, замѣчаешь, резонерствую, а это скверно... Впрочемъ, покажу Чернышевскому, что онъ скажетъ, — отвѣчалъ мнѣ Добролюбовъ.

«На той же недѣлѣ онъ отправился, кажется, съ неоконченною повѣстью къ Чернышевскому. Послѣ того, онъ мнѣ передалъ результатъ литературнаго консиліума: «Чернышевскій мнѣ положительно сказалъ, чтобы я не совался въ беллетристику, что я пишу не повѣсть, а *критику* на сцены, мною *придуманныя*....» Это слова буквально-подлинныя Добролюбова.

«Сейчасъ приведенный фактъ очень важенъ въ жизни Добролюбова, какъ рѣшительный толчокъ, давшій литературному призванію его окончательное направленіе критическое....

«Первые два года пребыванія въ институтѣ у Добролюбова были отравлены двойнымъ ужаснымъ горемъ. Изъ частой переписки его въ то время съ родными, и особенно съ матерью, видно было, что онъ питалъ къ ней нѣжнѣйшую привязанность. Родители, въ свою очередь, до старости любили своего перваго сына и баловали его, какъ ребенка. Часто, бывало, Добролюбовъ получалъ съ почты при-

сылаемые изъ дому, изъ Нижняго-Новгорода, конфеты отъ матери, которыми онъ послѣ ужина угощалъ своихъ товарищей. Однажды, вечеромъ, Добролюбовъ получаетъ отъ отца письмо за черною печатью, извѣщавшее о смерти любимой имъ матери, которая скончалась отъ родовъ. Это ужасное извѣстіе такъ сильно подѣйствовало на Добролюбова, что всѣ товарищи приняли участіе въ его горѣ, и, кажется, этотъ ударъ много имѣлъ вліянія на самыя завѣтныя убѣжденія дорогаго нашего товарища....

«— За что такъ строга судьба? сказалъ мнѣ онъ однажды, перечитывая печальное письмо. — Матушка моя была такъ религіозна.... такъ набожна.... и такъ необходима малолѣтней семьѣ нашей..... Зачѣмъ было отнимать ее у насъ?.... Поневолѣ задумаешься....

«Не успѣла еще зажить, да едва ли и зажила когда эта рана въ сердцѣ Добролюбова, какъ новая, не менѣе глубокая, нанесена была судьбою его любящему сердцу.

«Въ 1854 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ экзаменовъ, мы втроемъ отправились на каникулы по желѣзной дорогѣ, *«вмѣстѣ съ волами»*, какъ выразился Добролюбовъ, — т. е. на тяжеломъ поѣздѣ, до Твери. Въ Твери мы сѣли на пароходъ, съ тѣмъ, чтобы отправиться по Волгѣ: я въ Ярославль, еще товарищъ въ Кострому, а Добролюбовъ — въ Нижній. Всю дорогу нашъ Николай Александровичъ былъ какъ-то особенно печаленъ. Къ тому же, онъ помѣстился на палубѣ, и его буквально испекло жаркимъ іюльскимъ солнцемъ. На пароходѣ съ нами ѣхали два болгарскихъ монаха; онъ съ ними всю дорогу проговорилъ о болгарскомъ языкѣ, о жизни болгаръ.... Оттого ли, что у Добролюбова не было денегъ, или онъ не хотѣлъ ихъ тратить, или ему наскучила дорога, или не былъ хорошо здоровъ, или его томило недоброе предчувствіе — не знаю; но онъ всю дорогу грустилъ, ничего почти не ѣлъ и не пилъ въ продолженіе двухъ сутокъ.... Послѣдствія оправдали его чуткую грусть; дома на этихъ каникулахъ посѣтило его семью новое горе.

Въ концѣ августа, на обратномъ пути изъ дома въ Петербургъ, я встрѣтилъ Добролюбова на желѣзной дорогѣ, уже ѣхавшаго на этотъ разъ съ какимъ-то бариномъ-землякомъ во II классѣ.

— Что новаго у васъ, Николай, въ Нижнемъ?

«— Отецъ умеръ, отвѣчалъ онъ.

«Въ холодномъ тонѣ отвѣта, сказаннаго Добролюбовымъ съ язвительною улыбкою, мнѣ послышалось проклятіе, посланное судьбѣ.... Да, онъ смѣялся, сообщая мнѣ эту грустную новость, но такъ смѣялся, что меня покоробило.

«Эти грустныя семейныя обстоятельства, быстро слѣдовавшія

одно за другимъ, имѣли сильное вліяніе на Николая Александровича. Съ этой минуты его душа навсегда простилась съ мечтами.... и жизнь, жизнь со всею ея реальностію стала предметомъ его изученія.

«Я, помню, восхищался при покойномъ только-что тогда напечатанныйъ въ «Современникѣ» «Пахаремъ» Григоровича. Добролюбовъ съ жаромъ принялся доказывать всю несостоятельность повѣсти, съ особеннымъ напоромъ указывая на идеализацію, съ которою авторъ описалъ послѣднія минуты умирающаго пахаря....

«Я любилъ стишки, иногда напѣвалъ романсы.... Однажды, въ минуту пѣвучаго настроенія, я запѣлъ, въ присутствіи Добролюбова, какой-то романсъ....

«Радонежскій! перестанешь ли ты сердечные романсы распѣвать? Ужели ты не имѣешь въ запасѣ для пѣнія чего нибудь получше? На вотъ пой....» И Добролюбовъ сунулъ мнѣ стихотворенія Некрасова.— «Оставь, пожалуйста, любовь и цвѣты, пой «жизнь» — или плачь: это одно и то же, — ну, свисти!...» Пѣсня, иногда пѣтая мною: «Не слышно шуму городскаго», особенно нравилась Добролюбову, и онъ, вообще нелюбившій пѣнія, очень часто просилъ меня ее пѣть и всегда слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ.

«Покойный Николай Александровичъ не любилъ фигуры нигдѣ и ни въ чемъ, не любилъ рисоваться, и всегда ратовалъ противъ наряднаго черезъ-чуръ мундира, особенно ловкаго поклона, заискивающаго разговора, подобострастнаго отношенія къ кому бы то ни было.... На танцклассѣ, куда онъ являлся въ четыре года можетъ быть пять разъ, смѣшилъ танцмейстера своею неловкостію, и мудростей кадриля французскаго не постигъ....

«Во время коронаціи, студентамъ института были присланы двѣ ложи даровыя въ Александринскомъ театрѣ. Бросили жребій, кому изъ студентовъ ѣхать. Добролюбову и мнѣ достались также мѣста. Давали «Парашу Сибирячку» и еще что-то. Въ одной изъ нихъ игралъ покойный Максимовъ. Во время дѣйствія, за нѣкоторые монологи, вызывали Максимова послѣ того, какъ онъ кончалъ свое явленіе. Максимовъ имѣлъ привычку выходить раскланиваться и, разумѣется, своимъ выходомъ нарушалъ художественную иллюзію.... Въ то время, когда всѣ хлопали явившемуся на вызовъ Максимову, хотя, по ходу дѣйствія, явленіе его не слѣдовало,—Добролюбовъ вставалъ съ своего мѣста, и высунувшись изъ ложи, кричалъ громко: «нейдѣтъ, лакей!» — шикалъ и свисталъ. (То же было съ Добролюбовымъ, когда Максимовъ въ другой разъ при немъ игралъ Чацкаго.) И всегда потомъ, если заходила рѣчь объ Александринскомъ театрѣ, онъ ругалъ Максимова...

«Добролюбовъ не скрывалъ никогда и ни къ кому своей антипатіи. Въ выраженіяхъ о нелюбимомъ лицѣ, и всегда нелюбимомъ за что нибудь особенно, по его убѣжденію, дурное, онъ не стѣснялся ничѣмъ. Тамъ, гдѣ дѣло шло о правдѣ, объ интересахъ студентовъ, — онъ первый бралъ на себя отвѣтственность протеста, рискуя потерять многое для себя....

«При выпускѣ Добролюбовъ не получилъ золотой медали....

«За то иная медаль, съ изображеніемъ покойнаго нашего общаго друга, осталась вычеканенною въ сердцѣ каждаго товарища его.... Не знаю, что жизнь сдѣлала съ Добролюбовымъ послѣ, внѣ института.... Но студенческое имя Николая Добролюбова для его товарищей, такъ его любившихъ, и прежде было, и долго будетъ самымъ свѣтлымъ, задушевнымъ, ободряющимъ, путеводнымъ голосомъ.... Немалую долю въ вынесенныхъ изъ студенческой жизни добрыхъ началахъ товарищи Николая Александровича заняли изъ его прекрасной, даровитой, любимой нами всѣми до страсти, благородной души. Не берусь рѣшить, что потеряла литература въ —*бовѣ*, но мы, товарищи по институту съ Николаемъ Александровичемъ Добролюбовымъ потеряли много смѣлыхъ надеждъ, много свѣтлыхъ упованій, потеряли красу и честь нашего молодаго студенческаго кружка, гордость и утѣшеніе нашего курса.»

Отъ времени институской жизни Н. А. сохранилась тетрадь дневника, начатаго 1 января и доведеннаго до 11 февраля 1857 г. На этотъ разъ Н. А. записывалъ совершенно послѣдовательно, не пропуская ни одного дня, и очень подробно: 42 дня занимаютъ 88 страницъ въ 4-ю д. л., исписанныхъ плотно, такъ что если бы напечатать весь дневникъ, онъ занялъ бы около 75 страницъ; на внутренней сторонѣ обертки тетради написано:

«Прошу всѣхъ, кому попадется въ руки эта тетрадь, положить ее на мѣсто, не читая, потому, что въ ней записалъ я нѣсколько тайнъ, не принадлежащихъ мнѣ и частію даже угаданныхъ мною».

По причинѣ, указываемой этою надписью, бо́льшая часть дневника должна пока остаться ненапечатанною, и только нѣкоторые, немногіе отрывки можно сообщить публикѣ теперь.

Сцена съ товарищемъ по случаю слуха объ освобожденіи крестьянъ разсказана въ дневникѣ Н. А. такъ:

«9 января. Въ теперешнемъ своемъ настроеніи я радъ всякой живой душѣ, которой могъ бы говорить о своихъ душевныхъ трево-

гахъ.... Чувства мои рвутся наружу съ страшной силой. И что, если я встрѣчу сочувствіе?... А между прочимъ, тревожное состояніе души моей выразилось вчера очень оригинальнымъ образомъ. Еще съ утра, на лекціи Срезневскаго, по поводу какого-то слова, совершенно ничтожнаго, у меня вдругъ родился цѣлый рядъ идей о томъ, какъ можно бы и какъ хорошо бы уничтожить это неравенство состояній, дѣлающее всѣхъ столь несчастными, или, по крайнѣй мѣрѣ, повернуть все вверхъ дномъ: *авось* потомъ *какъ нибудь* получше установится все. Этотъ странный порывъ, конечно, скоро былъ успокоенъ холоднымъ разсужденіемъ, доказавшимъ, что подобное намѣреніе глупо. Но все-таки въ душѣ осталось чувство, что надо же дѣлать, если дѣлать, что нечего сидѣть, сложа руки. Въ такомъ настроеніи былъ я, когда получилъ слѣдующее извѣстіе. Въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» напечатанъ былъ указъ, въ которомъ говорилось что-то о крѣпостныхъ. Вѣсть объ этомъ распространилась по городу, и извощики, дворники, мастеровые и т. п. толпами бросились въ сенатскую лавку— покупать себѣ *вольныя*.... Произошла давка, шумъ, смятенье. Указы перестали продавать. К. ходилъ вчера въ сенатскую лавку. Чиновникъ отвѣтилъ на его вопросъ объ указѣ касательно крѣпостныхъ: нѣтъ и не было.... Но тутъ же и въ тѣ минуты, которыя К. пробылъ въ лавкѣ и возлѣ, человѣкъ 15 разнаго званія приходили спрашивать объ этомъ указѣ, и всѣмъ тотъ же отвѣтъ. Говорятъ, что многіе извощики оставили своихъ хозяевъ, разсчитавъ, что теперь имъ оброку платить не нужно, и слѣдовательно отъ себя работать можно, что гораздо выгоднѣе. С. встрѣтилъ третьяго дня вечеромъ двухъ пьяныхъ мужиковъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ, что мы, дескать, вольные съ новаго года, а другой ему возразилъ: врешь, съ перваго числа.—Это меня возбудило и настроило какъ-то напряженно. Вечеромъ заговорили опять объ этомъ указѣ, и N., думая съострить, самодовольно замѣтилъ, что для студентовъ эта новость не можетъ быть интересной, потому что у нихъ нѣтъ крестьянъ. У. сталъ, по обычаю, очень тупо острить на этотъ счетъ, и я, видя, что дѣло, святое для меня, такъ пошло трактуется этими господами, я горячо замѣтилъ N. неприличіе его выходки. Онъ хотѣлъ что-то отвѣчать, и, по обычаю, заикнулся, и, стоя предо мной, только производилъ непріятное трещаніе горломъ. Я сказалъ, что его острота обидна для всѣхъ, имѣющихъ несчастіе считать его своимъ товарищемъ, и что между нами много есть людей, которымъ интересы русскаго народа гораздо ближе къ сердцу, нежели какой нибудь чухонской свиньѣ. Выговоривши это слово, я уже почувствовалъ что сдѣлалъ глупость, обративши вниманіе на слова пошлаго мальчишки; но начало было сдѣлано. N. сказалъ мнѣ самъ какую-то грубость, и я продолжалъ ругаться съ нимъ,

пока не заставилъ его замолчать грознымъ движеніемъ, которое можно было растолковать, какъ намѣреніе прибить N. Движеніе это было уже не искренно, а просто разсчитано. Черезъ пять минутъ я совсѣмъ эту исторію позабылъ, увлекшись теченіемъ мыслей» — — въ одной изъ статей первой книжки «Современника», которую сталъ читать, чтобы успокоиться.

Вотъ еще два отрывка, въ которыхъ высказывается сужденіе Николая Александровича о своемъ характерѣ и отчасти опредѣляются его тогдашнія убѣжденія и стремленія. 12 января, разсказывая о возстановленіи хорошихъ отношеній своихъ съ однимъ изъ товарищей, съ которымъ прежде былъ друженъ, потомъ на нѣкоторое время расходился, Н. А. говоритъ, что примиреніемъ съ этимъ товарищемъ онъ доволенъ, но прежняя дружба между ними не возстановится, и продолжаетъ:

«Каждая вещь, которую мы дѣлаемъ, основывается конечно на эгоизмѣ, — тѣмъ болѣе такая вещь, какъ дружба. Пріятно быть дружнымъ съ тѣмъ, кто намъ сочувствуетъ, кто можетъ понимать насъ, кто волнуется тѣми же интересами, какъ и мы. Въ этомъ случаѣ, мое самолюбіе удовлетворяется, когда я нахожу одобреніе моихъ мнѣній, уваженіе того, что я уважаю, и т. п. Но съ Z (*) у насъ общаго только честность стремленій, да и то немногихъ: въ послѣднихъ цѣляхъ мы расходимся. Я—отчаянный соціалистъ, хоть сейчасъ готовый вступить въ небогатое общество съ равными правами и общимъ имуществомъ всѣхъ членовъ; а онъ признаетъ неравенство правъ и состояній даже въ высшемъ идеалѣ человѣчества.... Я полонъ какой-то безотчетной, безпечной любви къ человѣчеству и уже привыкъ давно думать, что всякую гадость люди дѣлаютъ *по глупости*, и слѣдовательно нужно жалѣть ихъ, а не сердиться; противодѣйствуя подлостямъ, я дѣлаю это безъ гнѣва, безъ возмущенія (**), а просто по сознанію надобности и обязанности дать щелчокъ дураку. Z, напротивъ, отличается страстностью дѣйствій, и потому они принимаютъ у него всегда личный характеръ; все, затѣянное имъ, начиналось съ него и къ нему непосредственно относилось; все, затѣянное мной, касалось меня менѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ, потому что лично я никогда ничѣмъ не былъ обиженъ отъ нашего начальства.

«....Я болѣе люблю Поржницкаго (***), котораго 10 числа прово-

---

(*) Имя товарища, о которомъ идетъ рѣчь.

(**) То есть надобно подразумѣвать: «душевнаго, а съ хладнокровіемъ».

(***) Г. Поржницкій былъ тогда студентомъ медикохирургической академіи и долженъ былъ уѣхать въ Казань по неудовольствію начальства....

дилъ въ Казань. Это благородный человѣкъ, съ энергическимъ, постояннымъ желаніемъ добра и участіемъ къ бѣднымъ ближнимъ; онъ ужасно много потерпѣлъ, и пріобрѣлъ энергію и опытность, какихъ мнѣ, можетъ быть, никогда не удастся пріобрѣсти. Страшно, подумать, какъ мало во мнѣ жизни, какъ мало страсти! Хорошо еще, что попалъ я на благородныя, честныя убѣжденія.... Отсутствіемъ живаго начала въ моей натурѣ объясняю я и то, что разлука съ Порженицкимъ произвела на меня очень слабое впечатлѣніе, до того слабое, что на другой день я позабылъ о ней и не вписалъ даже ея въ свою тетрадь. А между тѣмъ мое уваженіе и любовь къ этому человѣку совершенно искренни, — и былъ горячъ поцалуй нашъ прощальный, крѣпко было пожатіе рукъ.»

25 января, замѣчая у другаго институтскаго товарища сходство съ собою по характеру, Н. А. продолжаетъ:

«Для него вопросы соціальные—вопросы внутренніе, стремленія души его, а никакъ не внѣшнія, навязанныя обстоятельствами увлеченія, какъ у большей части другихъ изъ намъ извѣстныхъ. Только у него натура ужасно слабая и способная къ увлеченіямъ, и я боюсь, что попавши въ дурной кружокъ, онъ легко распростится съ своими убѣжденіями. Этого бояться даже за самого себя я имѣю основаніе; но какъ же не сознаться — хоть и себѣ самому, — что во мнѣ (что ни говори Z) (*) внутреннихъ силъ гораздо больше, презрѣніе къ людскимъ авторитетамъ и къ житейскимъ выгодамъ гораздо сильнѣе, и что къ высшимъ вопросамъ, къ послѣднимъ рѣшеніямъ я подошелъ гораздо ближе, гораздо смѣлѣе взглянулъ имъ въ лицо, нежели N? Меня своротить съ моей дороги ужасно трудно, тѣмъ болѣе, что я до сихъ поръ не тратилъ своихъ силъ на серьёзную внѣшнюю борьбу, и въ случаѣ нужды могу явиться смѣлымъ и свѣжимъ бойцомъ. Кромѣ того, у меня есть еще шансъ: я уже успѣлъ себя очень хорошо поставить между людьми, которыхъ уваженіе мнѣ дорого. Если я сгибну, то они обо мнѣ искренно пожалѣютъ, и передъ концомъ меня не будетъ мучить мысль, что вотъ были у меня силы, да не успѣлъ я ихъ высказать и умираю безвѣстнымъ, безъ шума и слѣда.»

Тутъ мы видимъ, между прочимъ, повтореніе обычной укоризны Н. А. себѣ за холодность и безчувственность. Но теперь читатель уже знаетъ его натуру настолько, чтобы видѣть совершенную неосновательность его недовольства собою съ этой стороны. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно впечатлительный, страстный, и чувства его были

(*) Имя товарища, о которомъ шла рѣчь въ предъидущемъ отрывкѣ.

очень порывисты, глубоки, пылки. — Мнѣ довольно часто попадались люди, мучащіеся мыслью, что въ нихъ недостаетъ именно тѣхъ способностей или качествъ, которыя очень сильно развиты у нихъ. Напримѣръ, покойный И. И. Введенскій ужасно мучился тѣмъ, что у него слаба память. Но кромѣ общихъ впечатлѣній моихъ, свидѣтельствовавшихъ противное, я имѣлъ положительный случай видѣть, что память у него чрезвычайно сильна: когда онъ готовился къ магистерскому экзамену, онъ занялся при моемъ содѣйствіи славянскими нарѣчіями, о которыхъ не имѣлъ никакого понятія, и я видѣлъ замѣчательную быстроту и прочность, съ какою врѣзывалось у него въ памяти все, начиная отъ грамматическихъ мелочей до тонкаго подбора фактовъ для общихъ научныхъ соображеній. Точно такъ же находилъ довольно слабой свою память и Н. А., имѣвшій изумительную память. Разумѣется, мнимою слабостью своей памяти онъ не огорчался, потому что важность дѣла не въ томъ, какова память. Но подобно ему, бо̀льшая часть встрѣчавшихся мнѣ людей замѣчательно твердаго характера были мучимы недовольствомъ собою за безхарактерность.—Переходя отъ ложнаго недовольства собою за мнимые недостатки хорошаго къ подобнымъ примѣрамъ недовольства мнимымъ недостаткомъ дурнаго, каждый читатель можетъ припомнить, какъ много встрѣчалъ онъ людей изворотливаго и фальшиваго характера, недовольныхъ собою за мнимый недостатокъ изворотливости.—Только очень немногіе негодяи считаютъ себя негодяями; огромное большинство людей этого разряда приписываетъ всѣ свои неудачи въ жизни только недостатку подлости въ своемъ характерѣ. — Эта иллюзія относительно собственныхъ качествъ объясняется очень просто. Человѣкъ, у котораго есть сильная способность къ чему нибудь, имѣетъ очень ясное представленіе о томъ, что такое значитъ сила этой способности; онъ очень живо и рельефно представляетъ себѣ идеалъ ея, а передъ идеаломъ фактъ дѣйствительно не удовлетворителенъ; и вотъ онъ считаетъ себя слабымъ именно въ томъ, въ чемъ гораздо сильнѣе другихъ людей.—Разумѣется, такіе люди только въ этомъ послѣднемъ отношеніи ошибаются,—только въ томъ, что прилагаютъ къ себѣ мѣрку отвлеченнаго совершенства, пренебрегая мѣрять себя безпристрастнымъ сравненіемъ съ другими людьми по качеству, недостаткомъ котораго въ себѣ сокрушаются. Если они умны, то не трудно заставлять ихъ сознаваться въ этой ошибкѣ, уличая въ томъ, что качествомъ, за недостатокъ котораго они норицаютъ себя, они одарены сильнѣе, чѣмъ люди, признанные за богато одаренныхъ тѣмъ же самымъ качествомъ. Такъ бывало дѣлаемъ съ Н. А., когда онъ начнетъ слишкомъ печалиться своею «безчувственностью» или «безхарактерностью».—«Ну, вотъ возьмите г. N или г. NN,—они извѣстны какъ

люди впечатлительные, живые» или «какъ люди, твердые; ну, что же, какъ вы думаете объ вашихъ качествахъ сравнительно съ ними?» — «Еще бы сравнительно съ ними не казался я вамъ человѣкомъ живымъ и твердымъ. Разумѣется, я потверже ихъ, и чувства у меня посильнѣе». — «Ну, за что же вы браните себя въ такомъ случаѣ?» — «Да какое мнѣ утѣшеніе въ томъ, что другіе хуже меня? Я хотѣлъ бы быть такимъ, какимъ самъ хочу быть, какимъ мнѣ нужно быть для довольства собою.»

Но кромѣ этого общаго повода къ иллюзіямъ подобнаго рода, было у Н. А. другое, частное основаніе воображать себя холоднымъ и безчувственнымъ. Онъ имѣлъ чрезвычайно сильный характеръ. По обыкновенію людей, одаренныхъ такимъ характеромъ, онъ считалъ себя лишеннымъ твердой воли и, какъ я уже говорилъ, сильно мучился этимъ. Но какимъ бы ни считалъ онъ себя, я раскажу современемъ множество дѣлъ, доказывающихъ удивительную силу его характера, а теперь пока укажу на одинъ фактъ, извѣстный всей публикѣ: никто никогда не дѣйствовалъ съ такою полною независимостью отъ всѣхъ окружавшихъ, какъ онъ. Никакія личныя отношенія не могли поколебать его, когда онъ считалъ нужнымъ поступить такъ или иначе. Напримѣръ, ему извѣстно было, что я одобрялъ устройство диспута въ Пассажѣ между гг. Смирновымъ и Перрозіо. Онъ очень хорошо зналъ, какъ непріятно мнѣ будетъ обнаруженіе глупости этого дѣла, въ которомъ разъигралъ я самую жалкую роль. Публика могла не знать, но мы съ нимъ оба очень хорошо понимали, что его статья «Любопытный пассажъ» убійственнѣе для меня, нежели для кого бы-то ни было другаго. Перечитайте же эту статью, — смягчалась ли въ ней насмѣшка привязанностью ко мнѣ? А между тѣмъ онъ любилъ меня, я имѣю на это доказательства. — Но что указывать частные случаи? — Литературный міръ знаетъ, какъ неизмѣнно выдерживалъ онъ принципъ: не сближаться ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ не стоило сближаться по его убѣжденію. Тутъ напрасны были всякія просьбы. При этой твердости характера и при ранней привычкѣ къ обдуманному дѣйствованію, Н. А. очень рано пріобрѣлъ очень замѣчательную силу сдерживать внѣшнія проявленія своихъ чувствъ. Напримѣръ, въ теченіе четырехъ лѣтъ безпрестанныхъ свиданій съ нимъ (съ лѣта 1856 г. до отъѣзда заграницу) я только три раза былъ причиною или свидѣтелемъ того, что онъ измѣнился въ лицѣ, вспыхивалъ и возвышалъ голосъ; а разумѣется, были десятки случаевъ, въ которыхъ онъ сильно досадовалъ на тотъ или другой мой поступокъ, и были сотни случаевъ, когда разговоръ нашъ шелъ о предметахъ, волновавшихъ его. Кромѣ трехъ случаевъ (изъ которыхъ два уже разсказаны г. Пятковскимъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ»), я никогда не видѣлъ его теряющимъ власть надъ голосомъ, ни разу не ви-

дѣлъ дѣлающимъ тревожныя движенія. Эту сдержанность онъ принималъ за холодность, между тѣмъ какъ она только свидѣтельствовала о силѣ его воли.

Читатель видѣлъ страстность натуры Н. А. въ двухъ направленіяхъ чувства, — въ любви къ матери, и въ дружеской привязанности. Дневникъ, веденный въ Педагогическомъ институтѣ, заключаетъ въ себѣ много страницъ, относящихся къ собственно такъ-называемой любви. Разумѣется, мы не имѣемъ права печатать этихъ его воспоминаній, хотя въ нихъ нѣтъ ровно ничего предосудительнаго съ какой бы то ни было стороны для лицъ, которыя въ нихъ являются. Но надъ понятіями общества объ этихъ вопросахъ еще господствуетъ пошлость, требующая тайны. Тѣ отрывки институтскаго дневника, которые говорятъ о тогдашней любви Н. А., должны оставаться не напечатанными до той поры, когда никто не найдетъ ихъ обнародованіе нарушеніемъ общественныхъ условій, и мы печатаемъ только тѣ страницы, которыя показываютъ, какъ пробуждалась въ Н. А. жажда любви.

3 января, разсказавъ, что былъ въ театрѣ на «Ревизорѣ», Н. А. продолжаетъ:

«За ревизоромъ шла пьеса «Уѣдетъ или нѣтъ», дрянь какая-то гр. Ростопчиной, пьеса, которой бы никто смотрѣть не сталъ, если бы ее не играла N, на которую все время наведены были всѣ имѣвшіеся въ театрѣ бинокли. Она, дѣйствительно, очень хороша собой.—Странное дѣло: нѣсколько дней тому назадъ я почувствовалъ въ себѣ возможность влюбиться; а вчера, ни съ того, ни съ сего, вдругъ мнѣ пришла охота учиться танцовать.—Чортъ знаетъ, что это такое. Какъ бы то ни было, а это означаетъ во мнѣ начало примиренія съ обществомъ (*). Но я надѣюсь, что не поддамся такому настроенію: чтобы сдѣлать что нибудь, я долженъ не убаюкивать себя, не дѣлать уступки обществу, а напротивъ, держаться отъ него дальше, питать желчь свою. При этомъ разумѣется, конечно, что я не буду дѣлать себѣ насилія, а стану ругаться только до тѣхъ поръ, пока это будетъ занимать меня и доставлять мнѣ удовольствіе. Дѣлать то, что мнѣ противно, я не люблю. Если даже разумъ убѣдитъ меня, что то, къ чему имѣю я отвращеніе, благородно и нужно, — я тогда я сначала стараюсь пріучить себя къ мысли объ этомъ, придать болѣе интереса для себя этому дѣлу,—словомъ, развить себя до того, чтобы поступки мои, будучи согласны съ абсолютной справедливостью, не

(*) Точнѣе выразился бы Н. А., если бы сказалъ: «начало того, что я вмѣшиваюсь въ жизнь.»

были противны и моему личному чувству. Иначе, если я примусь за дѣло, для котораго я еще недовольно развитъ, и слѣдовательно не гожусь, то — во-первыхъ, выйдетъ изъ него — «не дѣло, только мука», а во-вторыхъ, никогда не найдешь въ своемъ отвлеченномъ разумѣ столько силъ, чтобы до конца выдержать пожертвованіе собственной личностью отвлеченному понятію, за которое бьешься.»

(8 января) за обѣдомъ въ одномъ семействѣ, гдѣ давалъ уроки Н. А., зашла рѣчь объ убійствѣ Сибура Вержесомъ, — случаѣ, надѣлавшемъ тогда много шума на цѣлую Европу. Ужаснѣе всего казалось, что Вержесъ совершилъ убійство открыто, въ публичномъ мѣстѣ, среди многолюдной толпы. Собесѣдники Н. А. говорили въ этомъ тонѣ.

«Я сказалъ, что оправдывать убійство вообще нельзя, но не нужно и такъ строго обвинять (Вержеса) только за то, что оно совершено открыто и честно, а не подло и скрытно. Отсюда разговоръ легко перешелъ, конечно, къ ослиной добродѣтели, которой Н. П. произнесла панегирикъ, а я захохоталъ. Смѣхъ мой ее озадачилъ и даже нѣсколько оскорбилъ. Начался споръ, въ которомъ я доказывалъ, что честный и благородный человѣкъ не можетъ и даже не имѣетъ права терпѣть гадостей и злоупотребленій, а обязанъ прямо и всѣми своими силами возставать противъ нихъ. Вмѣсто всякаго отвѣта на мою диссертацію въ этомъ смыслѣ, Н. П. только руками всплеснула: ахъ, какой онъ вольнодумецъ, Господи Боже мой! Скоро однако же она согласилась, что вольнодумство это очень благородно, но прибавила, что оно можетъ быть гибельно. Въ этомъ я съ нею согласился...

«В. А. стала просить меня прочесть что нибудь. Но читать было нечего. Обратились къ старымъ книжкамъ «Современника». С.П. сказалъ, что очень хороши «Записки Учителя Музыки», и В. А., вмѣстѣ съ Н. П., стали меня просить прочесть ихъ. Отказаться было нельзя; но я ихъ читалъ прежде, повторять не хотѣлось, и я озлился. Мгновенно но сталъ я мраченъ, въ сердцѣ была какая-то ярость, тяжело было, и чортъ знаетъ какое скверное расположеніе духа пришло при мысли о необходимости читать для другихъ то, чего бы я самъ не хотѣлъ читать. Я все старался оттянуть чтеніе.... Къ счастью, судьба бросила подъ руку В. А. первый томъ «Легкаго Чтенія»; я вызвался прочесть для нихъ «Дневникъ Лишняго Человѣка». Онѣ согласились, и въ ту же минуту дурное расположеніе мое прошло, мнѣ стало легко и спокойно. Но какъ я страдалъ, пріятно страдалъ, читая первую половину разсказа, никѣмъ не тревожимый и не прерываемый!... На половинѣ намъ помѣшали, и впечатлѣнія раздвоились. Пришелъ М.—fils, а потомъ М. — père; стали толковать о родовой чести, о потерѣ которой

онъ очень сожалѣлъ, чѣмъ возбудилъ во мнѣ желчный смѣхъ. Потомъ Н. П. отправилась дѣлать чай, и чтеніе на время прекратилось. Мы остались вдвоемъ съ В. А. и я сталъ ей говорить совершенно беззастѣнчиво о своей застѣнчивости, неловкости, незнаніи свѣтскихъ приличій, неумѣнья держать себя въ обществѣ и т. п. Она согласилась, что я дѣйствительно не боекъ, но утѣшала меня тѣмъ, что всѣ означенныя достоинства находятся во мнѣ не въ столь высокой степени, какъ я думаю. А въ самомъ дѣлѣ, какое-то ужасающее сходство нашелъ я въ себѣ съ Чулкатуринымъ. Я былъ внѣ себя, читая разсказъ; сердце мое билось сильнѣе, къ глазамъ подступали слезы, и мнѣ такъ и казалось, что со мной непремѣнно случится рано или поздно подобная исторія. Чувства же, подобныя чувствамъ Чулкатурина на балѣ, мнѣ приходилось не разъ испытывать. Вообще, съ нѣкотораго времени какое-то странное, совершенно новое, невѣдомое мнѣ прежде расположеніе души посѣтило меня. Я томлюсь, ищу чего-то, по пятидесяти разъ на день повторяю стихи Веневитинова:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай.

«Жизнь меня тянетъ къ себѣ, тянетъ неотразимо. Бѣда, если я встрѣчу теперь хорошенькую дѣвушку, съ которой близко сойдусь,— влюблюсь непремѣнно и сойду съ ума на нѣкоторое время...

«Итакъ вотъ она начинается, жизнь-то.... Вотъ время для разгула и власти страстей.... А я, дурачокъ, думалъ въ своей педагогической и метафизической отвлеченности, въ своей книжной сосредоточенности, что уже я «пережилъ свои желанья» и «разлюбилъ свои мечты».... Я думалъ, что выйду на поприще общественной дѣятельности чѣмъ-то въ родѣ Катона безстрастнаго или Зенона Стоика. Но вѣрно жизнь возьметъ свое. И какъ странно началось во мнѣ это тревожное движеніе сердца! Въ первый разъ шевельнулось оно во мнѣ, когда я услышалъ отъ Б. К., что кн. Трубецкая, очень бѣдная дѣвушка, выходила за Морни. Не могу опредѣленно вспомнить своихъ чувствъ въ ту минуту, но знаю положительно, что съ тѣхъ поръ я не знаю покоя, и соціальные вопросы переплелись въ моей головѣ съ мыслями объ отношеніяхъ моихъ къ обществу, въ которомъ мнѣ именно суждено жить. Вмѣсто теоретическихъ стремленій начинается какая-то лихорадочная жажда дѣятельности,—и дѣятельности живой, личной, а не книжной, неопредѣленно-безличной и отвлеченной. Что-то будетъ?... Можетъ быть конецъ моихъ учебныхъ подвиговъ совершенно испортится теперешнимъ моимъ расположеніемъ, но противиться ему я не въ силахъ....»

29 января, записавъ, что былъ въ театрѣ на представленіи «Горе отъ ума» и что пьеса шла дурно, Н. А. продолжаетъ:

«При всемъ томъ, я доволенъ, что видѣлъ «Горе», хотя въ другой разъ уже не пойду смотрѣть его, — развѣ для того, чтобы любоваться N. Она въ самомъ дѣлѣ поразительно — хороша, и ея красота именно въ моемъ родѣ: я всегда воображалъ себѣ такою мою будущую bien-aimée.... Эти тонкія, прозрачныя черты лица, эти живые, огненные, умные глаза, эти роскошные волосы, эта грація во всѣхъ движеніяхъ и неотразимое обаяніе въ каждомъ малѣйшемъ измѣненіи физіономіи — все это до сихъ поръ не выходитъ у меня изъ памяти. — Но впечатлѣніе, произведенное на меня N, именно подходитъ къ тѣмъ, которыя Пушкинъ называетъ «благоговѣньемъ богомольнымъ передъ святыней красоты». Смотрѣть на нее, слѣдить за чудными передвиженіями ея лица и игрою глазъ — есть уже для меня достаточное наслажденіе. Совсѣмъ другаго рода чувства волновали меня, когда танцовала Жебелева съ Богдановымъ мазурречку....

«30 января. Нѣсколько дней уже я ношусь съ Гейне и все восхищаюсь имъ. Ни одинъ поэтъ еще никогда не производилъ на меня такого полнаго, глубокаго, сердечнаго впечатлѣнія. Лермонтова, Кольцова и N читалъ я съ сочувствіемъ; но это было, во-первыхъ, скорѣе *согласіе*, нежели сочувствіе, и во-вторыхъ, тамъ возбуждались все отрицательныя.... чувства, желчь разливалась, кровь кипѣла враждой и злобой, сердце поворачивалось отъ негодованія и тоскливаго, безсильнаго бѣшенства: таково было общее впечатлѣніе. Гейне не то: чтеніе его какъ-то расширяетъ міръ души, его пѣснь отдается въ сердцѣ сладкой, тихой, задумчивой тоской.... У Гейне есть и.... страшныя, иронически-отчаянныя, насмѣшливо-безотрадныя пьесы.... но теперь не эти пьесы особенно поразили меня. Теперь съ особеннымъ мучительнымъ наслажденіемъ читалъ и перечитывалъ я intermezzo. Вѣрно и мнѣ пришла серьёзно пора жизни — полной, живой, съ любовью и отчаяніемъ, со всѣми ея радостями и горестями. Сердце мое бьется особенно сильно при мысли объ этомъ; я чего-то жду страстно и пламенно, и даже нахожу особенное удовольствіе въ томъ, чтобы себя экзальтировать.

«Сегодня утромъ я подумалъ о NN (*) и удивился, что сталъ такъ холоденъ къ ней. Вотъ что значитъ посмотрѣть на лучшее (**), послѣ котораго не нравится уже хорошее. «Ни одна не станетъ въ спорѣ кра-

(*) Имя дѣвушки, съ которой онъ былъ тогда въ дружбѣ.

(**) Это выраженіе надобно относить къ впечатлѣнію, оставленному наканунѣ театромъ.

сота съ тобой»—вотъ чего бы я хотѣлъ для моей bien-aimée. Дождусь ли когда нибудь такого счастья?...

«31 января. Впечатлѣнія смѣняются впечатлѣніями и зовутъ меня жить, бороться, наслаждаться....

«Два часа спустя я сидѣлъ у ZZ (*), и въ комнату вошли мать и сестра А. Я въ первый разъ увидѣлъ его сестру при свѣтѣ. Какъ-то разъ прежде я ее встрѣтилъ въ комнатѣ, но тогда было темно и еще не было подано свѣчей. Теперь я разглядѣлъ ее близко и хорошо.... Это чудо, что такое! Ей должно быть лѣтъ 15 или 17. Она — великолѣпная брюнетка, небольшаго роста, съ чрезвычайно выразительными чертами лица. Если я ее никогда больше не увижу, я никогда не забуду этого лица. Я былъ въ какомъ-то дикомъ опьяненіи восторга послѣ того, какъ она чрезъ три минуты вышла изъ комнаты. Она не сказала ни одного слова, она посмотрѣла на меня съ видомъ небрежнаго покровительства, но я не досадовалъ за это, потому что она съ-разу стала въ моемъ сердцѣ выше всякой досады. Впрочемъ, несмотря на всю силу моего очарованія, я довольно спокойно и разсудительно продолжалъ потомъ толковать съ А.»

Останавливаюсь пока на этомъ.

Ко всѣмъ бывшимъ товарищамъ Николая Александровича и къ его друзьямъ, обращаюсь я съ просьбою: сообщать мнѣ свои воспоминанія о немъ и передать мнѣ на время тѣ его письма и бумаги, которыя сохранились нихъ.

Смѣю увѣрить, что всѣми сообщаемыми мнѣ воспоминаніями и документами я буду пользоваться для печати лишь настолько, насколь- мнѣ будетъ разрѣшено лицомъ, сообщившимъ этотъ матеріалъ. Едва ли надобно прибавлять, что всѣ бумаги, доставленныя мнѣ, будутъ мною бережно сохранены и возвращены по желанію доставившаго. Письма и посылки прошу присылать на мое имя по слѣдующему адресу: въ Петербургъ, близь Владимірской церкви, въ домѣ Есауловой, Николаю Гавриловичу Чернышевскому.

(*) Въ домѣ ZZ Ник. Александровичъ былъ уже нѣсколько разъ; но только оффиціальнымъ образомъ, не будучи еще принятъ въ домашній кругъ.

ВАРІЯЦІИ.

(Н. А. НЕКРАСОВУ).

I.

Всѣмъ, застигнутымъ ненастьемъ,
Всѣмъ — кого межь нами нѣтъ —
«Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!»
Шлю сердечный я привѣтъ.
Пусть его умчитъ съ собою
Вѣтеръ въ дальніе края, —
Къ вамъ, житейскою волною
Унесенные друзья!

Всѣмъ врагамъ неправды черной,
Возстающимъ противъ зла,
Не склоняющимъ покорно
Передъ пошлостью чела, —
Всѣмъ привѣтъ, и всѣмъ желанье
Чтобъ и новый этотъ годъ,
Далъ вамъ силу на страданья,
Бодрый духъ среди невзгодъ!

II.

Пестрота и блескъ и говоръ....
Вся горитъ огнями зала;

«Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!»
Отовсюду зазвучало.

Сколько здѣсь приличья, такту,
И владѣть собой умѣнья!
Что за тонкіе оттѣнки
Въ рукожатьяхъ, въ поздравленьи!

Что изящнѣй, благороднѣй
Ихъ манеръ и разговора:
Ни движеній рѣзкихъ нѣту,
Ни заносчиваго спора!...

Вотъ оркестръ внезапно грянулъ;
Заглушая говоръ шумный;
Какъ досадно!... Насладиться
Не даетъ бесѣдой умной.

Вплоть до утра все бы слушалъ
Я, въ сердечномъ умиленьи,
Эти толки — о порокахъ
Молодаго поколѣнья.

Какъ правдиво негодуетъ
Убѣленный сѣдинами
Мужъ, что юноши смѣются
Нынче, даже.... надъ чинами!

Что прекрасное, святое
Все пятнать они готовы;
И что главнаго въ нихъ нѣту —
Нѣту нравственной основы.

Лѣзутъ въ Гракхи, разсуждаютъ
Про аграрные законы;
Небывалые повсюду
«Меньшихъ братій» слышатъ стоны.

Что за рѣчи золотыя!
Сердце радостно забьется —
Какъ подумаю, что слушать
Цѣлый годъ мнѣ ихъ придется!

III.

О, не забудь, что ты должникъ
Того, кто сиръ, и нагъ, и бѣденъ,
Кто подъ ярмомъ нужды поникъ,
Чей скорбный ликъ такъ худъ и блѣденъ;
Что отъ небесъ ему одни
Съ тобой даны права святыя,
На все, чѣмъ ясны наши дни,
На наши радости земныя!

И тѣхъ страдальцевъ не забудь,
Что обрѣли вѣнецъ терновый,
Толпѣ указывая путь —
Путь къ возрожденью, къ жизни новой!
И пусть въ дому твоемъ найдутъ
Борьбой измученные братья, —
Забвенье мукъ, отъ бурь пріютъ,
И брата вѣрныя объятья!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

31 декабря 1861.

ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Мм. гг. (*).

Намѣреваясь занять вниманіе ваше стихотвореніями Н. А. Добролюбова, я прежде всего долженъ напомнить, что стихотворенія эти стояли далеко не на первомъ планѣ въ дѣятельности покойнаго. Добролюбова должно изучать въ его критическихъ и полемическихъ статьяхъ, къ чему публика получитъ возможность только съ изданіемъ его сочиненій, къ которому уже приступлено. Тогда станетъ ясно для каждаго, какъ много, съ небольшимъ въ четыре года, успѣлъ сдѣлать этотъ даровитый юноша, соединявшій съ силою таланта глубокое чувство гражданскаго долга, составлявшее основную, отличительную черту покойнаго и какъ писателя, и какъ человѣка. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, сожалѣя объ иллюзіяхъ молодости, разлетѣвшихся при строгомъ анализѣ мысли, Добролюбовъ между прочимъ говоритъ:

Но безъ надеждъ и упованій
Я гордо снесъ мою печаль.

(*) Читано въ залѣ 1-й гимназіи, въ пользу бѣдныхъ студентовъ, 2 января 1862 года.

И безъ наивныхъ ожиданій
Смотря на жизненную даль,
На битву жизни вышелъ смѣло
И жизнь свободно потекла,
И дѣлалъ я благое дѣло
Среди царюющаго зла....

Вся литературная дѣятельность Добролюбова служитъ подтвержденіемъ этихъ словъ. Можно сказать болѣе, не рискуя впасть въ преувеличеніе: ихъ подтверждаетъ вся его жизнь. Онъ сознательно берегъ себя для дѣла; онъ, какъ говорится тоже въ одномъ изъ его стихотвореній: «не связалъ судьбы своей ни единымъ пристрастьемъ», устоялъ «передъ соблазномъ жизни» и остался «полнымъ господиномъ своего сердца», — все для того, чтобы ничто не мѣшало ему служить своему призванію, нести себя всецѣло на жертву долга, какъ онъ понималъ его. — Вотъ изъ какого свѣтлаго источника вытекала дѣятельность Добролюбова, вотъ почему онъ такъ спѣшилъ работать, такъ много успѣлъ сдѣлать! Ничто внѣ этой дѣятельности не существовало для него, ничто *не должно было существовать*, по его убѣжденіямъ. Мы нашли у него недоконченное стихотвореніе, гдѣ замѣчательны слѣдующія строки:

.... Для блага общаго назначенный служить,
Я смѣю чувствовать лишь сердцемъ гражданина,
Инстинкты юные я долженъ подавить....

Даже въ частной жизни, въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми, Добролюбовъ представлялъ между нами, русскими, нѣчто особенное. Съ дѣтства прививается къ намъ множество дурныхъ привычекъ, извѣстныхъ подъ именемъ: *умѣнья жить*. Мы отъ лѣни говоримъ «да» тамъ, гдѣ слѣдовало бы отвѣчать «нѣтъ»; улыбаемся, по слабодушію, тамъ, гдѣ слѣдовало бы браниться; прикидываемся внимательными къ какому нибудь вздору, на который слѣдовало бы отвѣчать смѣхомъ или даже негодованіемъ. Ничего подобнаго въ Добролюбовѣ не было. Онъ смѣялся въ лицо глупцу, рѣзко отворачивался отъ негодяя, онъ соглашался только съ тѣмъ, что не противорѣчило его убѣжденіямъ. Если къ этому прибавимъ, что онъ не только не заискивалъ у авторитетовъ, но даже избѣгалъ встрѣчъ съ ними, да припомнимъ ту независимость, съ которою онъ выска-

кывался печатно, то поймемъ, почему въ литературѣ его немногіе любили. Сила таланта и честной правды, впрочемъ, начинала уже брать свое: въ послѣднее время чаще и чаще стало слышаться мнѣніе, что этотъ человѣкъ *не безъ права* сталъ въ главѣ современнаго литературнаго движенія. Кто — по крайней мѣрѣ теперь — не согласится, что нуженъ былъ этотъ рѣзкій, независимый, отрезвляющій, на дѣло зовущій голосъ?

О, погоди еще! желанная, святая!
Помедли приходить въ нашъ боязливый кругъ!
Теперь на твой призывъ отвѣтитъ тишь нѣмая,
. . . .

Уже съ предчувствіемъ смерти въ груди, написалъ эти строки Добролюбовъ. Смерть, разумѣется, не подождала. Такова уже судьба русскаго народа: неживучи его лучшіе дѣятели....

Что касается до стихотвореній Николая Александровича (понятно, что я говорю здѣсь не о стихотвореніяхъ юмористическихъ, которыя Добролюбовъ помѣщалъ въ «Свисткѣ»), то онъ писалъ ихъ весьма рѣдко, урывками, и самъ не придавалъ имъ вовсе никакого значенія. Бо́льшая часть ихъ написана до начала журнальной дѣятельности Николая Александровича; стало быть тогда, когда ему было не болѣе двадцати лѣтъ. Увидавъ у него однажды случайно тетрадку, гдѣ онъ записывалъ свои стихотворенія, я съ трудомъ уговорилъ его напечатать что нибудь изъ нихъ. Мы выбрали десять пьесъ; лучшія четыре въ печать тогда не попали, а шесть помѣщены въ «Современникѣ» 1858 года, въ № IX, подъ псевдонимомъ: Волгинъ. Приступаю къ чтенію самихъ стихотвореній:

1.

ЖАЛОБА РЕБЕНКА.

Для чего связали вы мнѣ руки?
Для чего спеленали меня?
Для чего на житейскія муки
Обрекли меня съ перваго дня?

Еще много носить мнѣ придется
На душѣ и на тѣлѣ цѣпей;

Вкругъ кипучей груди обовьется
Много, много губительныхъ змѣй.

Стариной освященный обычай,
Человѣка пристрастный законъ, —
Предписанія модныхъ приличій....
Ими буду всю жизнь я стѣсненъ....

Дайте жь мнѣ хотя въ дѣтствѣ свободу,
Дайте вольно всей силой вздохнуть!...
Чтобъ я послѣ, въ тяжелые годы,
Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть.

2.

Когда, среди зимы холодной,
Лишенный средствъ, почти безъ силъ,
Больной, озябшій и голодный,
Я пышный городъ проходилъ;

Когда чуть не былъ я задавленъ
Четверкой кровныхъ рысаковъ,
И былъ на улицѣ оставленъ,
Для назиданія глупцовъ;

Когда, оправясь, весь разбитый,
Присѣлъ я гдѣ-то на крыльцо,
А въ уши вѣтеръ дулъ сердито
И мокрый снѣгъ мнѣ билъ въ лицо, —

О, сколько вырвалось проклятій,
Какая бѣшеная злость
Во мнѣ кипѣла противъ братій,
Которымъ счастливо жилось —

Средь этой роскоши безумной,
И для которыхъ — брата стонъ,
Веселымъ бѣгомъ жизни шумной
И звономъ денегъ заглушонъ.

.... Но пронеслись несчастій годы,
И, гордо мчась по мостовой,

Я радъ теперь, коль пѣшехода
Кнутомъ задѣнетъ кучеръ мой.

3.

СОНЪ.

Испытанный судьбой, въ тревожномъ снѣ моемъ
Не убаюканъ я роскошными мечтами,
Все буря снится мнѣ, все молнія и громъ
Какой-то темный сводъ, да изверги съ цѣпями....
Бываетъ изрѣдка, что грезится и мнѣ
Картина мирная довольства и покоя.
Мнѣ отчій домъ рисуется во снѣ....
Я вновь дитя съ довѣрчивой душою....
Подъ отческимъ надзоромъ я росту,
Не вѣдая ни страсти, ни сомнѣній;
Заботливой рукой лелѣемый, цвѣту,
Вдали отъ горя и людскихъ волненій.
Душа моя радушна и тепла,
Полна любви и вѣры благодатной....
Природа вкругъ меня спокойна и свѣтла
И дышетъ прелестью какой-то непонятной.
Тутъ все со мной, что въ свѣтѣ мило мнѣ....
И кажется въ душѣ нѣтъ мѣста для желанья....
Но въ глубинѣ душевной, и во снѣ,
Шевелится тревожное сознанье,
Что это все мечта, не истина, а сонъ....
И часто у меня, средь чуднаго видѣнья,
Вдругъ вырывается изъ груди тяжкій стонъ,
Душа тоскливо жаждетъ пробужденья.

4.

ВЪ ЦЕРКВИ.

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
Память минувшаго будитъ во мнѣ,

Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И беззаботная жизнь въ тишинѣ.

Въ ризахъ священныхъ отецъ мнѣ мечтается,
Съ словомъ горячей молитвы въ устахъ;
Умъ мой невольно раздумьемъ смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ.

Съ воспоминаньями, въ самозабвеніи,
Дѣтскими чувствами вновь я горю....
Только ужь губы не шепчутъ моленія,
Только рукой я креста не творю....

5.

СОЛОВЕЙ.

Тебя, средь простора лѣснаго,
Охотникъ въ силокъ изловилъ....
Чтобъ пѣснь твою сдѣлать звучнѣе,
Хозяинъ тебя ослѣпилъ.

И тянешь ты звонкую пѣсню
И звучныя трели ты льешь.
Въ восторгѣ твой толстый хозяинъ,
Что ты неумолчно поешь.

Но я твой языкъ разумѣю,
И чуткой душою моей
Я слышу рыданья и стоны
Въ мелодіи пѣсни твоей.

6.

СИЛА СЛОВА.

Моралистъ краснорѣчивый
Намъ о нищихъ говорилъ,
Рѣчью умной и правдивой
Помогать имъ насъ училъ:

Говорилъ о цѣли жизни,
О достоинствѣ людей,
Грозно сыпалъ укоризны
Противъ роскоши дѣтей....

Рѣчь его лилась такъ складно,
Былъ онъ такъ краснорѣчивъ,
Что ему внимали жадно
Всѣ, дыханье затаивъ, —

И, чтобъ не развлечь вниманья,
Отогнали двухъ старухъ,
Что на бѣдность подаянья
Подъ окномъ просили вслухъ....

7.

Пала ты, какъ травка полевая,
Подъ косой искуснаго косца;
И, ему себя всю отдавая,
Для него, съ любовью, умирая,
Ароматъ свой льешь ты безъ конца....

А ему — и небо помогаетъ
Наслаждаться гибелью твоей:
Тучъ своихъ оно не посылаетъ,
И твое паденье орошаютъ
Только слезы изъ моихъ очей.

8.

Не диво доброе влеченье
Въ душѣ невинной, молодой,
Не испытавшей обольщенья
Любви и радости земной.

Но кто соблазнамъ жизни трудной
Нуждою рано преданъ былъ,

Кто битву жизни безразсудной
Паденьемъ тяжкимъ заключилъ,

Кто въ искушеніяхъ разврата
Провелъ дни лучшіе свои,
Тому трудна стезя возврата
На голосъ правды и любви....

Но ты, мой другъ, мой ангелъ милый,
На мой призывъ отозвалась;
Любви таинственною силой
Ты освятилась и спаслась.

И не забуду я мгновенья,
Какъ ты, проклявъ свой прежній путь,
Полна и вѣры и смущенья,
Рыдая, пала мнѣ на грудь.

9.

ДОРОЖНАЯ ПѢСНЯ.

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой «Лучину», мой ямщикъ:
Этой жалобы протяжной
Такъ понятенъ мнѣ языкъ!...

Ты и я, всѣ наши братья,
Наши лучшіе друзья,
Всѣ узнали, безъ изъятья,
То, что такъ крушитъ тебя.

Пой, ямщикъ, твоя кручина
И во мнѣ волнуетъ кровь:
Вѣдь и мнѣ мою лучину
Облила водой свекровь.

А то, какъ было въ избушкѣ
Хорошо она зажглась....
Богъ проститъ моей старушкѣ:
Тьма по сердцу ей пришлась.

Мчитесь, кони, ночью влажной.
Пой «Лучину», мой ямщикъ:
Этой жалобы протяжной
Такъ понятенъ мнѣ языкъ!...

10.

БѢДНЯКУ.

Горькой жалобой, рѣчью тоскливой
Ты минуту отрады мнѣ далъ:
Я средь этой страны молчаливой
Ужь и жалобъ давно не слыхалъ.
Точно въ ночь средь кладбища глухаго,
Я могильною тишью объятъ,
Только тѣни страдальцевъ, безъ слова,
Предо мной на могилахъ стоятъ....
Ропотъ твой безотрадно-унылый
Былъ воскресная пѣснь для меня;
Точно, плача надъ свѣжей могилой,
Жизни вопль въ ней услышалъ вдругъ я.

11.

ОЧАРОВАНІЕ.

Съ душою мирной и спокойной
Гляжу на ясный божій міръ
И нахожу порядокъ стройный,
Добра и правды свѣтлый пиръ.
Нигдѣ мой взоръ не примѣчаетъ
Пороковъ, злобы, нищеты,
Весь міръ въ глазахъ моихъ сіяетъ
Въ лицѣ добра и красоты.
Всѣ люди кажутся мнѣ братья,
Съ прекрасной, любящей душой....
И я готовъ раскрыть объятья
Всему, что вижу предъ собой....

Мнѣ говорятъ, лечите зрѣнье,
Очки совѣтуютъ носить.
Спасибо! что за утѣшенье
Себя мнѣ счастія лишить!

12.

НА СМЕРТЬ ОСОБЫ.

Съ печальной вѣстью смерти новой,
Газеты чопорный листокъ
Не будитъ горести суровой
Въ душѣ исполненной тревогъ.
Въ какомъ-то радостномъ волненьи
Я каждый разъ внимаю вѣсть
О томъ, что въ старомъ поколѣньи
Еще успѣла жизнь отцвѣсть....
Чьей смерти прежде трепеталъ *я*,
Тѣхъ стариковъ ужъ нѣтъ давно;
Что въ старомъ мірѣ уважалъ *я*,
Давно все мной схоронено....
. . . .
. . . .

13.

— —

14.

ПОЭТУ.

Снова тучи сгустились на небѣ ночномъ
Звѣздъ и мѣсяца свѣтъ помрачили.
Снова вѣтеръ завылъ, загремѣлъ въ небѣ громъ,
И глаза всѣ отъ страха закрыли.

Но не бойся: пронесся давно ураганъ,
И тяжелая ночь ужъ проходитъ.

Тамъ, далеко, за моремъ, прорѣзавъ туманъ,
    Лучезарное солнце восходитъ....

Яркій свѣтъ упадетъ и сквозь мракъ густыхъ тучъ,
    На глаза отягченныхъ дремою.
И, людей разбудивши, живительный лучъ
    Ихъ подниметъ на дѣло благое....

15.

ТИХІЙ АНГЕЛЪ.

Кипѣлъ межъ нами споръ ужасный,
И бурно рѣчь гостей текла,
Когда ты къ намъ, съ улыбкой ясной,
Съ привѣтнымъ взоромъ подошла.

Вдругъ споръ замолкъ. Прервать молчанья
Никто какъ будто бы не смѣлъ;
Никто не сдѣлалъ замѣчанья:
Что «тихій ангелъ пролетѣлъ!»

16.

Еще недавно я неистовой сатирой
На цѣлый міръ безумно возставалъ,
И звукомъ бѣшенымъ своей нестройной лиры
Надежды и восторгъ во многихъ пробуждалъ....
Но утомился я цѣпнымъ, безплоднымъ лаемъ,
И вздумалъ, цѣпь забывъ, взглянуть на Божій свѣтъ....
И новымъ чувствомъ я теперь одушевляемъ:
Въ душѣ моей суровыхъ звуковъ нѣтъ....
Я понялъ красоту!... Душа полна любовью,
И мѣста нѣтъ для ненависти въ ней.
Мой стихъ запечатлѣнъ теперь не свѣжей кровью,
А развѣ тихою слезой любви моей.
Проклятій нѣтъ!... Они звучали бъ несогласно
Съ рѣчами милой; я жь согласья съ ней ищу.

Проклятій нѣтъ: она добра такъ и прекрасна,
Что, рядомъ съ ней, на зло смотрѣть и не хочу....
Проклятій нѣтъ.... Но, подождите, братья!...
Забывшись отъ любви, горя въ ней, какъ въ огнѣ,
Прекрасную къ груди своей стремлюсь прижать я....
Но — эти цѣпи видите-ль на мнѣ?...
Лишь только протяну я къ ней мои объятья,
Какъ эти цѣпи страшно загремятъ....
Пугливо отбѣжитъ она.... И вновь проклятья
На цѣлый міръ, какъ прежде, полетятъ.

17.

Напрасно ты отъ вѣтренницы милой
Отвѣта ждешь на гордое письмо:
Она знакома съ собственною силой,
Безсилье же твое сказалось ей само....
Повѣрь, твои отчаянныя строки
Она съ улыбкою небрежною прочтетъ,
И жалобы твои, угрозы и упреки —
Спокойно все она перенесетъ.
Она увидитъ въ нихъ порывъ любви несчастной,
Порывъ отчаянья и ревности твоей,
И будетъ ждать, когда, съ любовью страстной,
За примиреньемъ самъ ты явишься предъ ней.
И ты придешь, съ тоской своей влюбленной,
Къ ногамъ прекрасной робко ты падешь,
И ласковой ея улыбкой оживленный,
Забывши все, къ груди ея прильнешь....

18.

ПАМЯТИ ОТЦА.

Благословенъ тотъ часъ печальный,
Когда ошибокъ дѣтскихъ мгла
Вслѣдъ колесницы погребальной
Съ души озлобленной сошла!

Съ тѣхъ поръ . . . .
. . . .
И безразсудному роптанью
Себя на жертву не давалъ.
Но безъ надеждъ и упованій
Я гордо снесъ мою печаль
И, безъ наивныхъ ожиданій
Смотря на жизненную даль,
На битву жизни вышелъ смѣло!...
И жизнь свободно потекла....
И дѣлалъ я благое дѣло
Среди царюющаго зла....

19.

ДОРОГОЙ.

Ночью по снѣжнымъ сугробамъ иду я;
Холодъ все тѣло мнѣ жметъ и куетъ,
Вѣтеръ, мнѣ въ уши неистово дуя,
Снѣжною пылью лицо мнѣ сѣчетъ.
На неразумную силу природы
Силюсь возстать я всей силой души:
Силюсь представить, подъ ревъ непогоды,
Свѣтъ, и тепло, и бесѣду въ тиши.
Но застываетъ мечта и сознанье;
Движусь безъ мысли, какъ въ сонномъ бреду,
Смутно лишь чуя тупое желанье —
Сладко заснуть, какъ до мѣста дойду.

20.

НАПРАСНО!

Помню, нянюшка старушка,
Умывая разъ меня,
Такъ ворчала: «ну, на долго ль?
Вотъ опять пойдетъ возня.

На полу, въ сору да въ хламѣ;
Весь чумазый прибѣжишь....
Да пойдешь на солнце бѣгать,
Цыганенкомъ загоришь.»
Я молчалъ. Старушка стихла,
И потомъ, уже любя, —
«Ну, ужь пачкайся, сказала: —
Грязь-то смою я съ тебя.
Только шалостей не дѣлай:
Тѣхъ не смоешь ужь ничѣмъ....
Ручку вывихнешь аль сломишь,
Ножку вывернешь совсѣмъ,
Носъ расквасишь, глазъ засоришь.
Разобьешься, — кровь пойдетъ.
А коль больно зашалишься, —
Чортъ и рожки прикуетъ....
А дурачиться не будешь
Подростешь ты молодцомъ,
Всѣмъ возьмешь ты, мой красавчикъ
И дородствомъ и лицомъ,
Всѣмъ Господь тебя украситъ,
Всѣхъ съ ума собой сведешь,
И жену себѣ съ приданымъ
И красавицу возьмешь.»
Я съ довѣрьемъ слушалъ няню,
Я старался не шалить,
Чтобы вырости красавцемъ,
Чтобы съ рожками не быть.
Но, хоть скромникъ и разумникъ,
Безобразенъ выросъ я,
И лишь стоитъ мнѣ жениться,
Рожки будутъ у меня....

21.

РЕФЛЕКСІЯ.

О ней и о своей любви
Я думалъ съ грустью и боязнью.

Горѣла страсть въ моей крови,
А совѣсть мнѣ грозила казнью.
Не зная, чѣмъ мнѣ кончить съ ней,
Я проклиналъ свое безумье,
И плакалъ о любви своей,
Полнъ малодушнаго раздумья.
Вдругъ донеслися до меня
Изъ-за перегородки тонкой,
И рѣчи, полныя огня,
И поцалуй, и хохотъ звонкій.
Я зналъ ихъ. Какъ я съ ней, сошлись
Они случайно, — по влеченью
Сердецъ, безпечно предались,
Безъ думъ, безъ горя, наслажденью.
Счастливцы! Въ свѣтлой ихъ любви
Нѣтъ ни сомнѣнья, ни боязни,
Ихъ страсть — и въ сердцѣ и въ крови,
И совѣсть не сулитъ имъ казни.

22.

Мы не можемъ сказать, съ котораго года своей жизни Добролюбовъ началъ писать стихи; но знаемъ, что стихотворенія, сейчасъ прочтенныя нами, писаны до осени 1858 года. Съ конца 1858 года Николай Александровичъ сталъ писать стихотворенія юмористическія; онъ тогда вообще работалъ такъ много, что для лирическихъ пѣсенъ не оставалось у него времени, и по всей вѣроятности онъ уже не писалъ ихъ, пока не перебрался за границу, въ 1860 году. Такимъ образомъ слѣдующія четыре стихотворенія должно отнести къ 1860 и 1861 годамъ: писаны они частію за границей, частію на возвратномъ пути и частію уже опять въ Россіи, передъ самой смертію. Мы прочтемъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они по всей вѣроятности написались. Слѣдующая пьеса дастъ намъ понятіе о томъ, какія думы занимали Николая Александровича вдали отъ родины.

23.

Нѣтъ, мнѣ не милъ и онъ, нашъ сѣверъ величавый....
Тоски души моей и онъ не исцѣлитъ....
Не вылечусь я тѣмъ, что было мнѣ отравой,
Покоя не найду, гдѣ мой челнокъ разбитъ.
Скучая и томясь бездѣйствіемъ тяжелымъ,
Одинъ, для всѣхъ чужой, съ уныньемъ молодымъ,
Брожу я, какъ мертвецъ, на праздникѣ веселомъ
У моря теплаго, подъ небомъ голубымъ.
Брожу и думаю о родинѣ далекой,
Стараясь милое припомнить что нибудь....
Но нѣтъ.... и тамъ все тожь.... все тотъ же одинокій,
Безъ милой спутницы, безъ свѣтлой цѣли путь;
И тамъ я чуждъ всему, и тамъ ни съ чѣмъ не связанъ,
Для сердца ничего роднаго нѣтъ и тамъ....
Лишь выучилъ я тамъ, что строго я обязанъ,
Для блага родины, страдать по пустякамъ —
Что ужь таковъ у насъ удѣлъ разумной жизни....
Страдаю я и здѣсь, чего же мнѣ искать
Въ моей нерадостной, неласковой отчизнѣ?
Тамъ нѣтъ моей любви, давно въ могилѣ мать,
Никто тамъ обо мнѣ съ любовью не вздыхаетъ,
Никто не ждетъ меня съ надеждой и тоской,
Никто, какъ ворочусь, меня не приласкаетъ,
И не къ кому на грудь усталой головой
Склониться мнѣ въ слезахъ отраднаго свиданья.
Одинъ, какъ прежде, тамъ я буду прозябать....
Лишь свѣтомъ и тепломъ, и роскошью созданья
Не станетъ сѣверъ мой мнѣ нервы раздражать.

А вотъ пьеса написанная на возвратномъ пути....

24.

Необозримой, ровной степью
Поспѣшно я держу мой путь.

Зачѣмъ? Чтобъ вновь короткой цѣпью
Тамъ въ тѣсный кругъ себя замкнуть!

Кругъ заколдованный! За мною
Онъ всюду слѣдовалъ, какъ тѣнь:
Въ Парижъ, блестящій суетою,
И въ тишь швейцарскихъ деревень.

Въ уѣздный русскій городъ Ниццу,
По Итальянскимъ берегамъ,
И въ мусульманскую столицу,
И по роднымъ моимъ полямъ.

На кораблѣ, средь Океана,
Онъ отъ меня не отставалъ,
И въ высяхъ горнаго тумана
Меня собою оцѣплялъ....

Къ тому же періоду принадлежитъ слѣдующая пьеса:

25.

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой,
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.
Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ,
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья, — хочу быть вашимъ,
На трудъ и горе я готовъ,
Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
Живое дѣло, вмѣсто словъ.
Но если нѣтъ, — мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьметъ.
И сгибну ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ мирѣ съ пошлостью людской, —

Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я . . . .
. . . .
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ.

Наконецъ, вотъ и еще предсмертное стихотвореніе Добролюбова, — надо думать, послѣднее.

26.

Пускай умру — печали мало,
Одно страшитъ мой умъ больной:
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной:

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ.

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я,

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

P. S. Къ этому, по возможности, полному собранію стихотвореній Николая Александровича Добролюбова считаю не излишнимъ присоединить для читателей «Современника» слѣдующіе переводы его изъ Гейне.

ПѢСНИ ГЕЙНЕ.

1.

Къ груди твоей бѣлоснѣжной
Я голову тихо прижалъ,
И — что̀ тебѣ сердце волнуетъ,
Въ біеньи его угадалъ....
Чу, въ городъ вступаютъ гусары;
Намъ слышенъ ихъ музыки звукъ.
И завтра меня ты покинешь,
Мой милый, прекрасный мой другъ....
Пусть завтра меня ты покинешь;
За то ты сегодня моя....
Сегодня въ объятіяхъ милой
Вдвойнѣ хочу счастливъ быть я.

2.

Отъ насъ выступаютъ гусары....
Я слышу ихъ музыки звукъ
И съ розовымъ, пышнымъ букетомъ
Къ тебѣ прихожу я, мой другъ.
Тутъ дикое было хозяйство,
Толпа и погромъ боевой....
И даже, мой другъ, въ твоемъ сердцѣ
Большой былъ военный постой....

3.

Богъ вѣсть, гдѣ она сокрылась,
Сумасбродная моя!
Съ сердцемъ рыскалъ, въ дождь и слякость
Всюду по городу я.

Всѣ трактиры я обѣгалъ
За бѣглянкою моей.
Тщетно грубыхъ слугъ трактирныхъ
Все распрашивалъ о ней.
Вдругъ я вижу — мнѣ киваетъ
Съ звонкимъ смѣхомъ изъ окна.
Могъ-ли-жь думать я, чтобъ въ этотъ
Пышный домъ зашла она!...

4.

У тебя есть алмазы и жемчугъ,
Все, что люди привыкли искать, —
Да еще есть прелестные глазки....
Милый другъ! Чего больше желать?...
Я на эти прелестные глазки
Выслалъ цѣлую стройную рать
Звучныхъ пѣсенъ изъ жаркаго сердца....
Милый другъ! Чего больше желать?...
Эти чудные глазки на сердце
Наложили мнѣ страсти печать;
Ими, другъ мой, меня ты сгубила....
Милый другъ! Чего больше желать?...

5.

Будто въ самомъ дѣлѣ ты такъ разсердилась?
Будто совершенно ты перемѣнилась?
Цѣлому я свѣту жаловаться буду,
Что со мной ты, другъ мой, обошлась такъ худо....
Миленькія губки! Можно ль, чтобъ вы стали
Такъ неблагодарны, чтобъ о томъ сказали
Вы дурное слово, кто, въ любви прекрасной,
Васъ во дни былые целовалъ такъ страстно.

6.

Пѣсни мои ядовиты:
Какъ же въ нихъ яду не быть?

Цвѣтъ моей жизни отравой
Ты облила мнѣ, мой другъ!...
Пѣсни мои ядовиты:
Какъ же въ нихъ яду не быть?
Множество змѣй въ моемъ сердцѣ,
Да еще ты, милый другъ!...

7.

Живыя чувства разцвѣтаютъ
И отцвѣтаютъ въ свой чередъ;
И вновь цвѣтутъ.... и вянутъ снова....
И такъ до гроба все идетъ....
Я это знаю.... Мыслью этой
Смущенъ мой миръ, моя любовь,
И къ сердцу, умному некстати,
Тревожно приливаетъ кровь....

8.

О, перестань, мое сердце, крушиться;
Сердце мое, примирися съ судьбою!
Съ новой весною опять возвратится
Все, что зима унесла за собою.
И еще какъ тебѣ много осталось!
Сколько красотъ у природы и свѣта!
Еслибъ что милымъ тебѣ показалось,
Можешь ты все полюбить безъ запрета.

9.

Какъ горестный Атлантъ, я долженъ міръ носить:
Тотъ міръ — тяжелый міръ скорбей невыносимыхъ.
Подъ тяжестью его нѣтъ силъ мнѣ больше жить,
Мнѣ сердце рветъ въ груди отъ мукъ невыразимыхъ.
Ты, сердце гордое, само хотѣло ты
Иль въ счастьи быть, но въ безпредѣльномъ счастьи,
Иль въ горѣ безпредѣльномъ, — вотъ мечты
Твои исполнились: дано тебѣ несчастье....

10.

ВОПРОСЪ.

Ночью, надъ берегомъ дикаго моря,
Юноша грустный стоитъ,
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ,
Такъ онъ волнамъ говоритъ:
«О, разрѣшите мнѣ жизни загадку,
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ!...
Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
Сколько имъ муки принесъ!
«Головы въ іероглифныхъ кидарахъ,
Въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ,
Въ пудрѣ — и головы всякаго рода
Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ....
«Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайно отъ вѣка?
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?
. . . .
Катятся волны съ шумомъ обычнымъ;
Вѣтеръ несется и тучи несетъ;
Звѣзды мерцаютъ, въ безстрастьи холодномъ, —
Бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ.

11.

Въ мракѣ жизненномъ когда-то
Чудный образъ мнѣ свѣтилъ;
Но потускъ тотъ свѣтлый образъ,
Мракъ совсѣмъ меня покрылъ.
Дѣти, ежели въ потемкахъ
Ужасъ чувствовать начнутъ,
Чтобъ боязнь свою разсѣять,
Пѣсню громкую поютъ.
Такъ и я, ребенокъ глупый,
Я пою теперь въ потьмахъ.

Пѣснь моя звучитъ уныло,
Но разсѣянъ ей мой страхъ.

12.

Подождите терпѣливо:
Еще все изъ сердца рвется
Старой боли стонъ, и живо
Въ новыхъ пѣсняхъ отдается.
Подождите, въ жизни новой
Эхо боли расплывется, —
Изъ груди моей здоровой
Пѣснь весенняя польется.

13.

Когда я вамъ ввѣрялъ души моей мученья,
Вы молча слушали, съ зѣвотой утомленья;
Но въ звучное я ихъ излилъ стихотворенье,
И вы разсыпались въ хвалахъ и восхищеньи.

14.

Милая дѣвушка! Губки пурпурныя,
Кроткіе, свѣтлые глазки лазурные....
Милый мой другъ, дорогая, желанная!
Все о тебѣ моя мысль постоянная.
Длиненъ такъ вечеръ намъ въ зиму унылую.
Какъ бы хотѣлъ я съ тобою быть, милая!
Въ комнаткѣ тихой съ тобой, другъ плѣнительный,
Сидя, забыться въ бесѣдѣ живительной, —
Крѣпко къ губамъ прижимать эту нѣжную,
Милую ручку твою бѣлоснѣжную,
И на нее, эту ручку прекрасную,
Вылить въ слезахъ всю тоску мою страстную....

15.

Пусть на землю снѣгъ валится,
Вихрь крутитъ и буря злится,

Пусть стучитъ ко мнѣ въ окно....
Нужды нѣтъ, мнѣ все равно:
Образъ милой надо мною
Вѣетъ тихою весною....

16.

Солнце уже поднялось надъ горами,
Въ стадѣ овечки звонками звучатъ....
Другъ мой, овечка моя, мое солнце и радость, —
Какъ я еще разъ взглянуть на тебя былъ бы радъ!...
Съ жаднымъ томленьемъ гляжу я въ окошко....
«Другъ мой! Прощай! Я иду отъ тебя!»
Нѣтъ, все, какъ прежде, опущены сторы....
Спитъ еще все.... и во снѣ еще грежусь ей я....

17.

Другъ любезный! Ты влюбился....
Горе новое пришло....
Въ головѣ твоей туманно,
А на сердцѣ такъ свѣтло....
Другъ любезный! Ты влюбился,
Но не хочешь говорить....
Но я вижу — счастье сердца
Чрезъ жилетъ твой ужь сквозитъ....

18.

Стоялъ я въ забытьи тяжеломъ,
Въ портретъ ея взоръ мой вперилъ
И милый мнѣ образъ, казалось,
Таинственно жизнь получилъ.
Чудесно-живая улыбка
Явилась у ней на губахъ,
И скорбныя, скорбныя слезы
Блистали въ двухъ чудныхъ глазахъ.
И самъ я заплакалъ, и слезы
Катилися вдоль моихъ щекъ....

Я все не могу еще вѣрить,
Чтобъ я потерять тебя могъ!...

19.

Грустно вошелъ я въ густую аллею,
Гдѣ мы съ любезной обѣты шептали:
Гдѣ ея слезы въ то время упали,
Тамъ изъ земли теперь выползли змѣи.

20.

Кастраты все бранили
Меня за пѣснь мою,
И жалобно твердили,
Что грубо я пою.
И нѣжно всѣ запѣли;
Ихъ дисканты неслись....
И, какъ кристаллы, трели
Такъ тонко въ нихъ лились....
И пѣли о стремленьи
И сладости — любить....
И дамы въ умиленьи
Всѣ плакали на взрыдъ.

Теперь читателю извѣстно все, написанное и переведенное Добролюбовымъ стихами, — все, кромѣ нѣсколькихъ пьесъ, которыя могутъ явиться въ печати только впослѣдствіи. Напомнимъ снова, что бо̀льшая часть этихъ поэтическихъ опытовъ писана тогда, когда автору не было еще и двадцати лѣтъ, и что многія пьесы напечатаны нами съ черновыхъ листковъ, ожидавшихъ переработки и обдѣлки. Можетъ быть, мы лучше сдѣлали бы, если бъ исключили пьесы, слишкомъ не совершенныя по формѣ: впечатлѣніе было бы цѣльнѣе, но зато ускользнули бы отъ читателя нѣкоторыя черты, характеризующія личность покойнаго. А мы именно желали бы дать читателю возможность какъ можно ближе узнать эту личность, послѣ чего она уже сама собою запечатлѣлась бы въ его сердцѣ. Съ этой стороны

нельзя не порадоваться появленію «Матеріаловъ для біографіи Н. А. Добролюбова» (см. эту же книжку «Современника»). Рекомендуемъ эти матеріалы читателямъ, рекомендуемъ ихъ особенно тѣмъ, которые называли Добролюбова человѣкомъ безъ сердца — да устыдятся! Что касается до насъ, то мы во всю нашу жизнь не встрѣчали русскаго юноши столь чистаго, безстрашнаго духомъ, самоотверженнаго! Наше сожалѣніе о немъ не имѣетъ границъ, и едва ли когда изгладится. Еще не было дня съ его смерти, чтобъ онъ не являлся нашему воображенію, то умирающій, то уже мертвый, опускаемый въ могилу нашими собственными руками. Мы ушли съ этой могилы, но мысль наша осталась тамъ, и поминутно зоветъ насъ туда и поминутно рисуетъ намъ одинъ и тотъ же неотразимый образъ....

Ты схороненъ въ морозы трескучіе,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо, черезъ щели гробовыя,
Проступить не успѣла вода.
Ты лежишь, какъ сейчасъ похороненный,
Только словно длиннѣй и бѣлѣй
Пальцы рукъ, на груди твоей сложенныхъ,
Да сквозь землю проникнувшимъ инеемъ
Убѣлилъ твои кудри морозъ,
Да слѣды наложили чуть видные
Поцалуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутыя
И на впалыя очи твои....

2 янв. 1862 г.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА (*).

1.

Напиши на крыльяхъ бури,
На лучѣ златомъ луны,
На пескѣ, небесъ лазури,
На поверхности волны.
Хоть мгновенно начертанья
Исчезаютъ подъ рукой,
Но прочнѣй, чѣмъ обѣщанья,
Клятвы дѣвы молодой.

2.

Видалъ ли ты, какъ пляшетъ египтянка,
Какъ вихрь, она столбомъ взвиваетъ прахъ,
Бѣжитъ, поетъ какъ дикая вакханка,
Ея власы — какъ змѣи на плечахъ.

Какъ пѣсня вольности она прекрасна,
Какъ пѣснь любви она души полна,
Какъ поцалуй горячій сладострастна,
Какъ буйный хмѣль неистова она.

(*) Эти три стихотворенія, въ началѣ 30-хъ годовъ, получены отъ Льва Сергѣевича Пушкина — докторомъ Александромъ Прокофьевичемъ Куртусовымъ, въ Тифлисѣ; а отъ него въ 1835 году перешли къ Ольгѣ Прокофьевнѣ Горачко.

Она летитъ, какъ полный звукъ цѣвницы,
Она дрожитъ, какъ звонкая струна,
И пышетъ взоръ ея, какъ жаркій лучъ денницы,
И дышетъ грудь ея, какъ бурная волна.

3.

Какъ, египтянка, ты прекрасна,
Какъ полонъ чувства голосъ твой;
Признайся: страсти роковой
Служила ты, была несчастна!
Зачѣмъ на черные глаза
Нашла блестящая слеза?
Недаромъ смуглыя ланиты
Больною блѣдностью покрыты.
«Въ печальныхъ пѣсняхъ, въ грустномъ взорѣ
Прочелъ ты прежде мой отвѣтъ,
Зачѣмъ тебѣ чужое горе,
Иль своего на сердцѣ нѣтъ?
Моя тоска сжилась со мною,
Я ей дѣлиться не могла,
Она сроднилася съ душою,
Она лишь мнѣ одной мила».
Пусть съ равнодушными сердцами
Ты не дѣлилася слезами;
Но кто съ тобою слезы льетъ,
Кто тронутъ былъ твоею пѣснью,
Кому ты пѣсенъ всѣхъ прелестнѣй,
Цыганка, тотъ тебя пойметъ!
«Когда судьбы нещадная рука
Отниметъ у жены супруга,
То неизмѣнная тоска
Замѣнитъ ей утраченнаго друга.
Есть прихоти у пламенной любви,
Несчастье также прихотливо,
Не трогай же страданія мои,
Я ихъ люблю, я къ нимъ ревнива».

СОВРЕМЕННИКЪ

1862

№ II ФЕВРАЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА
(На Невскомъ, домъ Лихачева № 58)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Печатать позволяется. Марта 9-го дня 1862 года.
Исправляющій должность цензора *Ѳ. Еленев*.

1¹/₄

СОВРЕМЕННИКЪ выходитъ въ **1862** году ежемѣсячно книжками отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки: 15 руб. серебромъ.

съ пересылкою или доставкою: 16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкина дворца, въ домѣ Лихачева, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ***въ Контору Современника въ С. Петербургѣ.***

СОЧИНЕНІЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

4 тома. Цѣна 5 р., съ перес. 6 р.

12-го марта поступитъ въ продажу (въ магазинѣ Серно-Соловьевича, на Невскомъ проспектѣ, близь Казанскаго собора, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ) первый томъ. На остальные три тома, которые выйдутъ въ непродолжительномъ времени, выдается билетъ.

НЕКРОЛОГЪ

ИВАНА ИВАНОВИЧА ПАНАЕВА.

Въ воскресенье, 18 февраля, за двадцать минутъ до полуночи, скончался Иванъ Ивановичъ Панаевъ. Для многочисленныхъ его друзей и читателей не будетъ лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о его внезапной смерти. Ему было 50 лѣтъ (онъ родился въ 1812 году), но онъ до послѣдняго полугодія своей жизни былъ постоянно здоровъ и бодръ такъ, что возбуждалъ не безъ основанія чувство зависти въ людяхъ однихъ съ нимъ лѣтъ. Только въ послѣдніе мѣсяцы сталъ онъ иногда жаловаться на удушье; впрочемъ оно его не настолько безпокоило, чтобъ возбуждать серьёзныя опасенія въ немъ или въ комъ либо изъ окружавшихъ его. За двѣ недѣли до смерти (тоже въ воскресенье) съ нимъ сдѣлался ночью сильный и продолжительный припадокъ удушья, какого прежде не бывало; докторъ и близкія лица не отходили болѣе четырехъ часовъ отъ его постели. Послѣ этого Панаевъ два дня чувствовалъ слабость и оставался дома, а на третій день обратился къ обычному образу своей жизни: занятіямъ, про-

гулкѣ и т. п. Уступая убѣжденію близкихъ, онъ тогда позвалъ двухъ врачей, которые подвергли внимательному изслѣдованію его грудь и нашли у него органическое повреждение въ сердцѣ. Они дали это понять женѣ покойнаго, сказавъ, что Ивану Ивановичу нужно серьёзно беречься и лечиться, а ему замѣтили вскользь, что сердце у него не совсѣмъ въ порядкѣ. «Плохо, братъ», сказалъ Панаевъ за недѣлю до смерти одному изъ своихъ пріятелей, обѣдая у него:—«доктора не велятъ пить вина, ѣсть пряностей: кажется, они находятъ у меня аневризмъ». —Чтожь, славная смерть! отвѣчалъ ему пріятель.—«Конечно! ужь если умирать, такъ умирать вдругъ, нечаянно!» Оба смѣялись. По тону этого отвѣта и всего разсказа объ аневризмѣ видно было, что Панаевъ вѣрилъ докторамъ развѣ вполовину и вообще смотрѣлъ на это легко.

Въ день смерти Панаевъ до 3-хъ часовъ занимался у себя въ кабинетѣ и принималъ посѣтителей. Глядя на него, разговаривая съ нимъ, нельзя было и подумать, что смерть такъ близка къ нему. Обѣдалъ онъ не дома, сдѣлавъ до обѣда два или три визита по дѣламъ журнала. Вечеръ также провелъ у одного изъ знакомыхъ. Тамъ былъ веселъ и разговорчивъ, пока не почувствовалъ нѣкотораго стѣсненія въ груди. Хозяинъ дома (приходящійся ему сродни) сказалъ ему, что тутъ же, между гостями, есть докторъ. «Не безпокойтесь», отвѣчалъ Панаевъ: — «мнѣ стоитъ только выдти на воздухъ и все пройдетъ», и ушелъ. Это было въ половинѣ одинадцатаго. Домой воротился онъ въ 11 часовъ, безъ десяти минутъ; когда человѣкъ отворилъ дверь, онъ сказалъ ему: «веди меня, я не могу идти». Человѣкъ довелъ его до постели и раздѣлъ. Панаевъ приказалъ сдѣлать себѣ горчишники и поставилъ ихъ. Въ четверть 12-го воротилась изъ театра его жена и прошла прямо къ нему. Онъ сидѣлъ на постели. «Со мной опять припадокъ», сказалъ онъ ей: — «но пожалуйста не безпокойся и не посылай за докторомъ; этотъ припадокъ гораздо легче, нѣмъ былъ тотъ,—пройдетъ такъ». Это было сказано твердымъ

голосомъ. Однако, помня первый припадокъ, жена Панаева вышла и послала за докторомъ, а сама поспѣшила переодѣться. Отсутствіе ея изъ спальни мужа продолжалось не болѣе четырехъ минутъ, и когда она воротилась, Панаевъ уже не могъ говорить, онъ взялъ ея руку, прислонилъ къ ней голову, и съ нимъ началась агонія. Явились вслѣдъ одинъ за другимъ три доктора, но уже безполезны были всякія пособія: Панаевъ былъ мертвъ.

Иванъ Ивановичъ Панаевъ родился въ 1812 году, 15 марта, въ Петербургѣ, воспитывался въ бывшемъ благородномъ пансіонѣ, при с.-петербургскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1830 году, съ правомъ на чинъ 12-го класса. Службу свою началъ въ министерствѣ финансовъ, оттуда перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ до 1845 года состоялъ при редакціи этого журнала.

По происхожденію, по родству и связямъ, онъ могъ разсчитывать на блестящую служебную карьеру; понятія среды, въ которой онъ выросъ и воспитался, тогдашній взглядъ на литературу (далеко отличный отъ нынѣшняго), общее желаніе родныхъ, наконецъ и личный его характеръ, не чуждый въ молодости суетности и тщеславія, — казалось бы, все соединилось, чтобъ заставить Ивана Ивановича избрать эту терную дорогу, гдѣ ожидалъ его неизбѣжный и легкій успѣхъ. Однако, любовь къ литературѣ пересилила всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя: Панаевъ очень скоро оставилъ службу, и никогда уже не возвращался къ ней, и не жалѣлъ, что пренебрегъ служебной карьерой для литературы. Начало его литературнаго поприща легко прослѣдить по его собственнымъ сочиненіямъ, особенно по «Литературнымъ Воспоминаніямъ»; но теперь мы пишемъ не біографію Панаева, и потому скажемъ только, что Панаевъ, въ теченіе своего тридцатилѣтняго поприща, имѣлъ въ литературѣ нашей свою долю вліянія и блестящаго, заслуженнаго успѣха: его повѣсти «Дочь чиновнаго человѣка», «Раздѣлъ имѣнія», «Бѣлая

горячка», «Прекрасный человѣкъ», «Руccкій фельетонистъ», «Онагръ», «Актеонъ», «Тля», «Барышня», «Барыня», и др., помѣщавшіяся преимущественно въ «Отечественныхъ Запискахъ»,—читались съ жадностью. Когда, въ 1846 году, нѣкоторые сотрудники, задумавъ основать свой журналъ, покинули «Отечественныя Записки», то въ публикѣ и въ литературныхъ кружкахъ того времени говорили, что послѣ Бѣлинскаго важнѣйшею потерею для «Отечественныхъ Записокъ» будетъ потеря — Панаева. Публикѣ извѣстно, какія тѣсныя отношенія связывали Панаева съ Бѣлинскимъ, и какъ послѣдній любилъ въ Панаевѣ надежнаго товарища, даровитаго писателя и честнаго человѣка. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ фактъ потому, что Панаевъ, горячо любившій и уважавшій Бѣлинскаго, самъ любилъ припоминать о своихъ отношеніяхъ къ нему, онъ гордился ими. Вообще же говоря, Панаева любили всѣ, кто только зналъ его: столько было въ немъ доброты, мягкости и той привлекательности, которая сообщается человѣку преобладаніемъ въ немъ хорошихъ душевныхъ свойствъ. Разумѣется, были у него и враги.

Тернисто поприще журналиста, на которое вступилъ Иванъ Ивановичъ въ 1847 году и на которомъ простоялъ онъ въ теченіе 14 лѣтъ въ главѣ журнала, испытавшаго столько превратностей, любимаго публикою, нелюбимаго большею частію литературныхъ и журнальныхъ кружковъ, неискавшаго себѣ опоры ни въ чемъ, кромѣ убѣжденій, которыя признавалъ истинными и которымъ служить считалъ себя призваннымъ. На этомъ поприщѣ, при извѣстныхъ данныхъ, легко пріобрѣтаются друзья — между читателями, и еще легче и *неизбѣжно* пріобрѣтаются враги — между собратами по ремеслу и вообще пишущими. Если названіе враговъ для этихъ послѣднихъ слишкомъ громко, то назовемъ ихъ недовольными. Этихъ недовольныхъ Панаевымъ въ теченіе 14-ти лѣтъ, конечно, накопилось не мало. Всѣ, кому журналъ отказывалъ въ помѣще-

ціи ихъ статей и которыя потомъ находили пріютъ въ другихъ изданіяхъ, всѣ, о комъ журналъ отзывался неблагосклонно, а затѣмъ фаланга ихъ сочувствователей,—вотъ изъ кого составляются эти толпы недовольныхъ. Отсюда неоспоримая истина, что еслибъ явился журналистъ, соединяющій въ себѣ всѣ идеальныя совершенства, то и о такомъ журналистѣ въ общей массѣ текущихъ ежедневныхъ толковъ преобладало бы сужденіе неблагосклонное, невыгодное для его репутаціи. Соображая все это, мы должны сказать, что недоброжелательство, клевета и вообще всякія неблаговидныя посягательства коснулись Панаева даже менѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, въ его положеніи. А смерть мгновенно положила предѣлъ и этимъ посягательствамъ, пробудивъ сознаніе справедливости, присущее каждому. Глубокое всеобщее сожалѣніе, съ которымъ встрѣчена была внезапная вѣсть о смерти Панаева въ Петербургѣ (гдѣ онъ постоянно жилъ и гдѣ онъ былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей, каждому извѣстныхъ если не по дѣятельности, то хоть по имени); многочисленныя толпы народа, всѣхъ званій, отъ лицъ значительныхъ до простонародья, приходившія поклониться Панаеву въ теченіе трехъ дней, когда тѣло стояло въ его кабинетѣ; наконецъ огромное стеченіе публики, присутствовавшей при отпѣваніи тѣла покойника въ Преображенскомъ соборѣ и провожавшей гробъ его (несенный на рукахъ перемѣнявшимися почитателями Панаева до Невскаго монастыря), — все это показало, что истинныя заслуги покойнаго поняты и оцѣнены, что общество никогда не переставало уважать въ немъ даровитаго, честнаго дѣятеля, до послѣдняго дня жизни оставшагося вѣрнымъ своему призванію, по мѣрѣ силъ!

— Да, дѣйствительно,—независимо отъ даровитости, степень которой каждый вправѣ опредѣлять по своему, это былъ истинно-честный, кроткій, незлобивый человѣкъ. Какъ литераторъ, онъ представлялъ собою нѣчто особенное: онъ смотрѣлъ на дѣло, которому посвятилъ

свою жизнь, серьёзнѣе, чѣмъ многіе думаютъ, и постоянно работалъ надъ собою, стараясь о собственномъ совершенствованіи, — это фактъ, извѣстный всѣмъ, кто зналъ его долго и близко. Не о многихъ изъ людей, какъ бы богато ни были они одарены, — можно сказать то же самое. Убѣжденія его не застывали въ неподвижную форму съ приближеніемъ старости; симпатіи его въ 50 лѣтъ, какъ и въ 25, были на сторонѣ молодаго поколѣнія.

Вѣчная память тебѣ, честный, безкорыстный человѣкъ, добрый товарищъ, полезный общественный дѣятель! Увѣренность, что русское общество изъ глубины души повторитъ за нами эти слова, смягчаетъ нѣсколько горечь потери, которую мы оплакиваемъ. Насъ эта потеря застигла слишкомъ неожиданно и потрясла глубоко. Да! и ты умеръ рано, ты могъ бы еще жить и работать съ нами...!

За четыре мѣсяца до своей смерти, провожая на кладбище Добролюбова (положеннаго въ дубовый, необитый гробъ), Панаевъ между прочимъ замѣтилъ: «Я желалъ бы, чтобъ меня положили въ такой же гробъ». Это желаніе его было исполнено. Похороны Ивана Ивановича не сопровождались пышностью, кромѣ той, которая сообщается погребальной процессіи присутствіемъ многочисленной толпы, пришедшей добровольно, безъ зова отдать послѣдній долгъ любимому человѣку. Тѣло Панаева погребено на кладбищѣ Фарфороваго завода, гдѣ схоронены его отецъ и дѣти.

Когда будутъ разобраны бумаги покойнаго, мы сообщимъ читателямъ то, что можно будетъ напечатать изъ посмертныхъ трудовъ его. — Мы также приложимъ къ «Современнику» портретъ Ивана Ивановича. Само собою разумѣется, что мы употребимъ всѣ усилія, чтобъ этотъ портретъ былъ хорошъ. Онъ будетъ выгравированъ на мѣди, за границею.

ДВОРЯНСКІЕ ВЫБОРЫ.

СЦЕНЫ.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА I.

Комната большая, но не совсѣмъ опрятная. Стѣны окрашены желтою краскою, съ пунцовыми каемочками у карниза. На потолкѣ цвѣты и купидоны. Диванъ, кресла и стулья краснаго дерева, покрытые чѣмъ-то темненькимъ и старенькимъ, и набитые чѣмъ-то жесткимъ. Передъ диваномъ столъ краснаго дерева. Въ простѣнкѣ, между двумя окнами, зеркало, составленное изъ двухъ половинокъ, въ рамкѣ изъ краснаго дерева, съ черными уголками. Подъ зеркаломъ ломберный столъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

[illegible]андра Герасимовна Розонова, дама пожилыхъ лѣтъ, полная, слег[illegible] съ широкимъ, чуть тронутымъ рябинами лицомъ. Глаза оловянные; [illegible]имъ носомъ, надъ толстыми губами, пр[illegible]тся черненькіе усики. [illegible]тъ очень скоро и слегка пришепетывае[illegible]накоже не мѣшаетъ [illegible]рвой сплетнин[illegible]здѣ. — Сидитъ на[illegible] разливаетъ чай.

[illegible]а, старшая [illegible]ондинка, лѣтъ [illegible]ти, очень высокая [illegible]сти худая. [illegible]тно и некрасиво; [illegible]ого косятъ; зубы [illegible]еноватыми [illegible] — Раскладываетъ [illegible]нсъ

[illegible]шая [illegible]ой. Брюнетка, [illegible] и т[illegible] она [illegible]расива [illegible]ство всегда п[illegible]ув[illegible] Она [illegible]етъ фа[illegible]

[illegible]немъ, до[illegible]ъ неглиже.

Липочка. Нѣтъ, не выходитъ!

Розонова. Да что ты пустяки раскладываешь, лучше погадай на себя на бубновую даму.

Липочка (раскладываетъ карты, сперва пошептавъ надъ колодой). Что ужь, и гадать скучно! Знаю напередъ, что выпадутъ самыя дурныя карты! Видите?

Розонова (жадно устремляетъ глаза на карты). Что же? что же? Прекрасно, превосходно! Ахъ, Боже мой! Липочка! другъ мой! какихъ тебѣ еще картъ? какихъ картъ еще надобно? Посмотри: сердечное объясненіе съ молодымъ человѣкомъ, неожиданный разговоръ въ собственномъ своемъ домѣ, пріятныя собственныя свои мысли, перемѣнная жизнь, свадьба, деньги!

Катенька. Всего ей.... какъ не такъ!

Липочка (съ досадой). Смотрите, всему помѣшаетъ какая-то трефовая дама! и это всякій разъ у меня всякое благополучіе отнимаетъ. Кто эта противная дама, желала бы я знать!

Катенька. Извѣстно кто: Долотова, Марья Петровна.

Розонова. Да, она точитъ на насъ зубы, желаетъ намъ всѣхъ бѣдствій! Это ехидна просто! Но ничего, ничего! пусть только отецъ вашъ останется на службѣ, я ужь все устрою. Не безпокойтесь!

Катенька. Да, устроите, какъ же! жди отъ васъ! Всѣ выходятъ замужъ, только мы сидимъ въ дѣвкахъ. Весь уѣздъ смѣется!

Липочка. Ужь правда что! Намедни этотъ мерзавецъ, Козинъ, вѣдь за душою гроша нѣтъ, сахару по кусочкамъ къ чаю у лакея своего занимаетъ, по недѣлямъ жрать нечего,—а туда же зубы скалитъ. Мы идемъ, а онъ всякой сволочи говоритъ: а вотъ и невѣсты неневѣстныя! Каково этакій афронтъ вынести!

Катенька. Да ужь отъ этого Козина житья нѣтъ — просто! На вечерѣ у Козелкова я танцую съ секретаремъ уѣзднаго суда, а Козинъ смотритъ на меня, да во все свое свиное горло поетъ подъ музыку:

> Наша Катенька, съ подъячимъ,
> На Петровскомъ скачетъ, скачетъ;
> А Варвара слезно плачетъ,
> Что подъячій съ ней не скачетъ.

Я бы его убила, просто!

Липочка. Это ужасно, просто!... засидѣться въ дѣвкахъ! А вамъ, маменька, и горя мало!

Розонова. Развѣ я виновата? Кажется, домъ всегда полонъ гостей, для всѣхъ дверь отперта. Чуть кто въ городъ пріѣдетъ изъ новыхъ, отецъ сейчасъ бѣжитъ знакомиться и тащитъ съ себѣ. Вы сами, Богъ васъ знаетъ, не умѣете какъ-то найтись!

Катенька. Вы принять никого не умѣете, при гостяхъ сальные огарки считаете.

Розонова. Вотъ я же виновата! Стыдилась бы такія вещи матери говорить! Что же по вашему позволять все тащить изъ дому? Для васъ же каждый грошъ берегу! Дайте остаться отцу на мѣстѣ.

Липочка. А какъ папенька не останется?... Вѣдь онъ подъ уголовный судъ попалъ!

Розонова. Богъ дастъ останется. Не въ первый разъ, слава Богу, онъ подъ судомъ; выпутывался прежде, и теперь Господь смилуется, пронесетъ грозу мимо!

Катенька. Если бы Богъ далъ. Да ужь папенька слишкомъ! Весь уѣздъ въ одинъ голосъ трубитъ, что онъ съ живаго и съ мертваго деретъ!

Розонова. Отлично! прекрасно! Наградилъ Богъ дочерью! Нечего сказать!... Для кого онъ все это дѣлаетъ, служитъ, покою не имѣетъ? все для васъ же! А отъ васъ хороша благодарность!

Липочка. Что то ему Богъ дастъ, сегодня!

Розонова. Богъ милостивъ! Вотъ уже третій день за упокой губернатора, предводителя и предсѣдателя уголовной палаты за обѣдней поминаютъ; я подала. Это вѣрное, испытанное средство! Если вамъ придется когда нибудь просить кого нибудь, подайте только помянуть его за упокой за обѣднею, — онъ сейчасъ начнетъ тосковать, пока не исполнитъ вашей просьбы.

Липочка. Никакъ къ обѣднѣ благовѣстятъ, а я еще не одѣта! Матрешка! Матрешка!

Матрена (растрепанная, босая и грязная дѣвка). Чего изволите, сударыня?

Липочка. Что жь ты гладила платье?

Матрена. Сейчасъ выглажу.

Липочка (передразнивая ее). Сейчасъ выглажу! сейчасъ выглажу! Что же ты дѣлала до сихъ поръ, мерзавка? Вотъ тварь-то! спишь долго!... Я вотъ сейчасъ буду одѣваться, посмотрю, если что нибудь не приготовлено, я тебѣ всю косу выдеру!

Катенька. А мнѣ готово одѣваться?

Матрена. Сейчасъ, барышня, приготовлю! Вѣдь я одна, мнѣ не разорваться!

Катенька. Какъ же это тебѣ не стыдно? Ничего ты не хочешь сдѣлать! Одна! — встала бы пораньше!

Розонова. Еще разсуждаетъ, бестія! Я тебѣ вотъ дамъ не разорваться! Убирай самоваръ!

(Григорій Семеновичъ Розоновъ (*господинъ слонообразный по вышинѣ и дородству)* входитъ въ мундирѣ, запыхавшись, и съ разстроеннымъ видомъ).

Розонова. Ну что, моя пупочка?

Розоновъ. Уфъ! чортъ возьми, усталъ! (Отдувается и садится въ кресла; дочери подходятъ и цалуютъ у него руку). Здравствуйте, дѣти!

Розонова. Ну, что тебѣ Богъ далъ?

Розоновъ. Что! Плохо дѣло! Въ уголовной палатѣ за триста цѣлковыхъ оправдали, а губернаторъ и не принялъ даже....

Розонова. А у предводителя былъ?

Розоновъ. Былъ.

Розонова. Ну, что же?

Розоновъ. Чего отъ этого осла ожидать? Наговорилъ кучу глупостей.... Говоритъ, если губернаторъ не допускаетъ до балотировки, то и дѣлать нечего.

Розонова. Дуракъ онъ, вислоухій! Мы найдемъ, что дѣлать! Съѣзди къ Журавлеву попроси, чтобы онъ поддержалъ тебя своимъ вліяніемъ.

Розоновъ. Да что толку-то въ его вліяніи? Понимаешь, губернаторъ и слышать не хочетъ, чтобы я оставался исправникомъ.

Розонова. Это не твое дѣло! У губернатора выхлопатать я беру на себя. Съ дамой онъ не будетъ такъ невѣжливъ! Поѣзжай къ Журавлеву.

Розоновъ. Что ѣздить попусту, вѣдь не допустятъ до бал....

Розонова (съ досадой перебиваетъ его). Допустятъ! Это ужь мое дѣло! Что мнѣ съ тобою дѣлать, когда ты глупъ, какъ колода! Наградилъ Богъ муженькомъ, нечего сказать! Ничего сдѣлать не можетъ самъ! все я, да я! Отправляйся къ Журавлеву, а я поѣду къ губернатору. Дѣти, одѣньтесь, неравно кто нибудь зайдетъ! Матрешка! одѣваться!

Липочка. Такъ мы въ церковь не пойдемъ?

Розонова. Видишь, что некогда.

Липочка. Ну, такъ мы одни пойдемъ. По крайней мѣрѣ, маменька, купите мнѣ той матеріи на платье, что вчера смотрѣли.

Розонова. До платьевъ ли теперь! А ты, батюшка, чего разсѣлся? Отъ жиру поворотиться не можешь! Оплылъ весь! Поѣзжай же къ Журавлеву!

Розоновъ. Нечего ѣздить по пустякамъ. Еще успѣю, дай отдохнуть.

Розонова. Ну, наградилъ Богъ мужемъ, нечего сказать! Только и знаетъ, что отдувается! Скоро треснетъ отъ жиру! Подлецъ ты, подлецъ! тебѣ что ни говори, все какъ къ стѣнѣ горохъ! Тьфу, окаянный!

Розоновъ. Неужели нельзя отдохнуть? Еще успѣю къ Журавлеву!

Розонова. Успѣешь! Оттого-то такъ и идетъ все хорошо, что ты или жрешь, или дрыхнешь, или сидишь какъ чурбанъ! (Уходитъ. Изъ другой комнаты слышенъ ея голосъ). А ты, мерзавка, въ окошечко глядишь! Посмотрите, утюгъ простылъ, а платье не глажено! (Звуки пощечинъ).

Липочка, Катенька. Вѣрно мое! Ахъ, мерзавка! (Бѣгутъ за матерью).

Розоновъ. Расходилась! Ну жизнь, нечего сказать! Досталси мнѣ этотъ годокъ!... Фу, чортъ возьми, спать хочется! Умаялся! Думалъ соснуть немножко,—нѣтъ, поѣзжай! Зачѣмъ я поѣду, какого лѣшаго, прости Господи, дѣлать! Спина заболѣла кланяться.... Журавлевъ согласится, про это и говорить нечего. Я съ нимъ умѣю говорить, да ему другаго такого исправника не найти ни за что! Да губернаторъ-то не допуститъ до выборовъ, баллотироваться не позволитъ. Вотъ все и пропадетъ даромъ, только осрамишься! (Зѣваетъ). А хорошо бы было еще лѣтъ шесть потянуть службу! Ужь я бы не зѣвалъ! Устроился бы, а тамъ въ отставку. Ну пусть отдаютъ подъ судъ,—развѣ подъ судомъ люди не живутъ! Я богатъ, обезпеченъ, а тамъ суди себѣ! (Зѣваетъ). Спать смерть хочется, такъ ротъ и деретъ. Знаю, что даромъ проѣздусь, ее губернаторъ и на глаза къ себѣ не пуститъ! Нѣтъ, поѣзжай! Дорого бы далъ, чтобы вздремнуть минутъ десятокъ. Когда не надѣешься, такъ и дѣлать ничего не хочется, трудно съ мѣста подняться!... Батюшки мои, никакъ идетъ мое сокровище! (Вскакиваетъ и убѣгаетъ).

Розонова (въ другой комнатѣ). Смотрите же, не забудьте подать

за упокой раба Божія Павла. Это будетъ отлично; его будутъ поминать въ то самое время, когда я буду просить его.

СЦЕНА II.

Кабинетъ губернатора. Большая комната, оклеенная дорогими обоями. Мебель орѣховая, покрытая зеленымъ сафьяномъ. Письменный столъ заставленъ фарфоровыми куколками и разными бездѣлушками. Около стола этажерка съ кипами бумагъ. Губернаторъ сидитъ за столомъ, куритъ трубку и зѣваетъ. Его лицо довольно подержанное, волосы на головѣ, усахъ и бакенбардахъ черные съ просѣдью. На немъ шелковый халатъ, на шеѣ крестъ, на головѣ шапочка. Черезъ нѣсколько времени входитъ довѣренное лицо, небольшое существо съ остренькими глазками и плутовскою рожею.

Губернаторъ. А-а-а! Филатовъ! это ты, братецъ?

Довѣренное лицо. Здравія желаю, ваше превосходительство! Какъ ваше здоровье?

Губернаторъ. Все что-то поясница, братецъ, ломитъ! Ну, что новенькаго?

Довѣренное лицо. Ничего, ваше превосходительство, все по старому! Послѣ завтра у полиціймейстера балъ, — сегодня онъ пріѣдетъ просить ваше превосходительство.

Губернаторъ. Я думаю, много сволочи будетъ?

Довѣренное лицо. Не безъ того, ваше превосходительство, вы изволите знать, какое у насъ общество: знатныхъ и порядочныхъ очень мало. Ахъ, да! генералъ Власьевъ пріѣхалъ въ городъ.

Губернаторъ. Гмъ!... Давно?

Довѣренное лицо. Вчерашній день, ваше превосходительство. Я думаю, сегодня будетъ у вашего превосходительства. Говорятъ, вчера предсѣдателю Буркалову жена глазъ подбила.

Губернаторъ. Экая баба этотъ Буркаловъ! Вотъ баба-то! У него совершенно нѣтъ никакого характера,—изъ него что хотятъ, то и дѣлаютъ. Я ему сколько разъ говорилъ: посмотри на меня, Александръ Спиридоновичъ: у меня, что сказано, то свято! Я одинъ глава, властитель! Такъ ли, не такъ ли, не только никто передѣлывать, — не смѣетъ даже и пикнуть! А у него просто чортъ ногу переломитъ, республика какая-то, ни на что непохожие что дѣлается. Онъ скажетъ одно, жена повернетъ по своему,

секретарь по своему! Просто выходитъ хаосъ, Содомъ, демократія! Водятъ его за носъ, да и только. Баба просто—срамъ!

Довѣренное лицо. Ужь это точно, ваше превосходительство!

Губернаторъ. И препустой человѣкъ, —что въ немъ!

Довѣренное лицо (улыбаясь). Пустенекъ-то онъ очень! Многіе находятъ его умнымъ, а что тамъ умнаго!

Губернаторъ. Какой тамъ умъ, самъ шагу ступить не можетъ, его все на помочахъ водятъ, да за носъ.... Предсѣдателемъ еще везетъ кое-какъ, а вѣдь губернаторомъ не могъ бы быть?

Довѣренное лицо. Помилуйте, ваше превосходительство, какой онъ губернаторъ! Гдѣ ему быть! Чтобы занимать такой постъ, надобно и умъ, и твердый характеръ, и отмѣнныя способности.

Губернаторъ (съ видомъ кота, котораго пощекотали за ухомъ). А вѣдь онъ глупъ! Да чего тебѣ лучше. Третьяго дня играемъ мы у Волчкова въ преферансъ. Фуксъ покупаетъ къ червямъ, я удерживаю, — Фуксъ на безкозырей, я удерживаю, — Фуксъ на семь, я говорю — пасъ. Вогналъ голубчика! Фуксъ играетъ семь въ червяхъ, я хожу по первой въ пики и подвожу короля Фукса подъ обухъ. Что же, ты думаешь, Буркаловъ отвѣтилъ мнѣ? Ну, какъ ты думаешь, а?

Довѣренное лицо (глубокомысленно). Я думаю, онъ долженъ былъ отвѣчать.... Дѣло ясное...

Губернаторъ (торжественно). Нѣтъ-съ, онъ бацъ въ черви.... того бишь въ бубны, и Фуксъ выигралъ игру, а я долженъ былъ остаться безъ одной, какъ Богъ святъ! Вотъ тебѣ и умъ его!

Довѣренное лицо. Какой у него умъ! Ахъ, вотъ еще исторія. Изволите вы знать Селянова?

Губернаторъ. Знаю. У него еще жена красавица.

Довѣренное лицо. Точно такъ, ваше превосходительство. Такъ изволите ли видѣть: напротивъ ихъ поселился офицеръ: можетъ, изволите знать, гусаръ въ отпуску: Косолапъ-Михайловъ?

Губернаторъ. Знаю. Богатый человѣкъ, мотъ, картежникъ и пьяница!

Довѣренное лицо. Точно такъ, ваше превосходительство. Только Селянова ужасно полюбила пѣть съ гитарою, сидя на окошкѣ. Мужу шестьдесятъ слишкомъ, онъ уже глухъ, ничего

почти не слышитъ, ну такъ ей и раздолье. Сидетъ она, а напротивъ гусаръ и тоже съ гитарою. Вотъ онъ и начинаетъ: (поетъ съ ужимками, то теноромъ, то дискантомъ, въ послѣднемъ случаѣ закатывая глаза подъ лобъ и сжимая губы). «Все ли въ добромъ вы здоровьѣ?» Она отвѣчаетъ: «слава Богу, я здорова!» Онъ: «какъ бы съ вами повидаться?» Она: «извольте за сарай отправляться!» Онъ: «у васъ лихи тамъ собаки!» Она: «Марѳа васъ туда проводитъ!»

Губернаторъ (катаясь отъ смѣху). Ха, ха, ха! Эхъ, чортъ тебя задави! Уморилъ, братецъ, уморилъ просто! Ха, ха, ха! Какъ? какъ?

Довѣренное лицо (повторяетъ).

Губернаторъ. Ха, ха, ха! Извольте за сарай отправляться! Ха, ха, ха!

Довѣренное лицо. А мужъ сидитъ и приходитъ въ восторгъ, что жена его такъ хорошо поетъ, да табачокъ понюхиваетъ.

Губернаторъ. Съ рогами! Ха, ха, ха! Подурачился и я на своемъ вѣку! Меня теперь не проведешь, всѣ штуки самъ дѣлалъ! У васъ лихи тамъ собаки!

Молчаніе. Довѣренное лицо улыбаясь, смотритъ на губернатора и усиливается еще что нибудь выдумать для потѣхи его превосходительства. Вбѣгаетъ собачка и ласкается къ губернатору.

Губернаторъ (лаская ее). Ахъ ты шельма! Одалиска! Одалиска!

Довѣренное лицо (вынимаетъ изъ кармана конфетку и даетъ собачкѣ). Вотъ тебѣ, Одалиска, гостинецъ!

Губернаторъ. Это ты любишь, страстно любишь! Плутовка этакая! лакомка! А умная какая, ей Богу умнѣе Буркалова! Ну, Одалиска, служи, служи! Танцевъ, танцевъ!... Вотъ такъ.... Филатовъ съѣзди въ оранжерею, купи букетъ и отвези отъ меня Маріи Петровнѣ. На возвратномъ пути купи икры и балыку.

Довѣренное лицо. Слушаю, ваше превосходительство. Еще ничего не изволите приказать?

Губернаторъ. Пока ничего. Зайди къ женѣ, можетъ быть ей что нибудь нужно. Да вотъ что, мой милый, прикажи мнѣ дать трубку. Чортъ, скука такая, что ужасъ!

Филатовъ уходитъ. Лакей подаетъ трубку. Губернаторъ гладитъ собачку, куритъ трубку и зѣваетъ.

Губернаторъ. Чортъ знаетъ, что за тоска!... Марья Петровна не сдается, хоть бы и интрижку завести. Эхъ, вспомнишь бы-

лое, такъ сердце кровью обольется. Когда я былъ командиромъ полка, жизнь была совсѣмъ другая. Напримѣръ, Ерохинъ, что за почтительный былъ, прекрасный офицеръ! Женился нарочно для меня, что я неравнодушенъ къ Настѣ, а самъ такой почтительный и не зналъ жены, все мнѣ предоставилъ. За то былъ у меня казначеемъ, теперь полковникъ, увѣшанъ орденами... (Поетъ) У васъ лихи тамъ собаки, Мароа васъ туда проводитъ! (Молчаніе) Тоска!.., Одалиска, Одалиска! разбойница этакая! Дай я тебѣ ожерелье вырѣжу! (Вырѣзываетъ изъ бумаги сквозной кружокъ и надѣваетъ на шею собачонкѣ, та прыгаетъ и старается освободиться, — онъ хохочетъ) Одалиска, Одалиска! Прихотливое созданье!

Входитъ жена его, Анна Ивановна, молодая, красивая дама въ щелковомъ дорогомъ платьѣ.

Анна Ивановна. Bonjour, mon cher ami! Какъ ты здоровъ?

Губернаторъ. Merci, дружокъ! Ничего, поясница немножко пошаливаетъ,—ну да c'est tout-à-fait bagatelle!

Анна Ивановна. Очень рада! Вотъ что, mon cher, послѣзавтра балъ у полиціймейстера, я буду въ новомъ платьѣ, а тамъ у меня останется всего одно ненадеванное. Я слышала, что полицмейстерша и Буркалова выписали себѣ превосходныя платья; я не могу же быть хуже ихъ одѣта... Будутъ собранья, балы, мнѣ не въ чемъ выѣхать. Пошли привезти мнѣ платья три или четыре, да поскорѣе. Кого нибудь изъ чиновниковъ можно командировать по казенной надобности, что ли. Слышалъ? Faites cela aujourd'hui, непремѣнно. Dite à Filatof, чтобы онъ назначилъ кого нибудь un de ces pauvres tchinovniks; сегодня же все приготовь. Eh bien, что же ты молчишь?

Губернаторъ. Хорошо, хорошо, матушка!

Анна Ивановна. А я приготовлю записочку, что именно нужно. Не забудь же! Mais vous êtes tout-à-fait distrait aujourd'hui! Пришлите мнѣ Филатова, когда воротится; я сама прикажу, а то на васъ надежда плохая.

Губернаторъ. Хорошо!

Анна Ивановна. Хорошо, хорошо!—только и слышишь! Что вы не выспались сегодня, что ли? Старъ сталъ, какъ я вижу, изъ ума вышелъ, батюшка!

Уходитъ въ сильномъ гнѣвѣ.

Губернаторъ. Ну пошла! И чего разозлилась? Сегодня хоть на глаза не показывайся! Ну ужь характеръ, нечего сказать!

Прошу покорно жить съ такой женой! У насъ ужасно дурно, что нельзя прогнать жены, какъ у магометанъ. Вотъ теперь и терпи, переноси, да вынимай денежки. А тамъ прекрасно: забурлила которая, сейчасъ ее вонъ. А вѣдь славно быть турецкимъ пашею!... Чортъ возьми!.. Лучше чѣмъ губернаторомъ. Здѣсь примешь какую нибудь пару лошадей въ кои-то вѣки, да и то оглядываешься, не замѣтили ли, а тамъ дѣлай себѣ что хочешь... А какой бы я себѣ гаремъ завелъ — прелесть! Двадцать красавицъ, такихъ роскошныхъ, полногрудыхъ, огненныхъ!... Чортъ возьми! Пришелъ бы въ гаремъ, а онѣ, всѣ нагія, бросаются ко мнѣ, а Анна Ивановна сдѣлана рабою за буйный нравъ и разноситъ шербетъ.

Входитъ человѣкъ съ докладомъ: «госпожа Розонова».

Губернаторъ. А? Что тебѣ нужно?

Человѣкъ. Госпожа Розонова.

Губернаторъ. Какого ей чорта? Скажи—занятъ.

Человѣкъ. Я говорилъ. Просятъ доложить... Очепно, говорятъ, нужно.

Губернаторъ. Скажи занятъ! Этотъ Розоновъ мнѣ надоѣлъ! Она вѣрно явилась просить о мужѣ. Занятъ! Слышалъ? Нельзя сегодня, не принимаю.

Человѣкъ уходитъ.

Губернаторъ. Чортъ знаетъ, хоть была бы помоложе, получше, а то сатана сущая! Мужъ мерзавецъ, взяточникъ, достоинъ каторги, возись тутъ съ нею!... Ну, такъ я прихожу въ свой гаремъ... Это что такое? (Прислушивается).

Розонова (за дверью). Мнѣ необходимо видѣть его превосходительство!

Человѣкъ (за дверью, съ жаромъ). Вамъ, говорятъ, нельзя, заняты, не принимаютъ!

Розонова (за дверью, плаксиво). Какъ нельзя? Мнѣ нужно его видѣть, нашего отца и благодѣтеля!

Возня. Двери съ силою распахиваются. Розонова влетаетъ въ кабинетъ, чепчикъ ея нѣсколько на боку. Человѣкъ чуть не падаетъ, съ восклицаніемъ: «да что жь вы въ самомъ дѣлѣ!» Губернаторъ поспѣшно схватываетъ кипу бумагъ съ этажерки, собачонка лаетъ.

Губернаторъ (сердито). Что вамъ угодно, милостивая государыня? Какъ вы смѣете врываться ко мнѣ такимъ образомъ! Вамъ сказано нельзя, занятъ важными дѣлами! — а вы врываетесь! Ты, болванъ, зачѣмъ пускаешь, а?

Человѣкъ. Да что съ ними дѣлать! рвутся, чуть съ ногъ не сбили! (Выходитъ).

Розонова. Ваше превосходительство! Отецъ нашъ! Отъ кого же намъ ждать правды и защиты, какъ не отъ васъ, нашего благодѣтеля?

Губернаторъ. Мнѣ некогда, сударыня.

Розонова. Ваше превосходительство, одну минуточку! Ваше превосходительство! защитите невинныхъ! воззрите на сиротъ угнетенныхъ! Ей Богу несправедливо... люди злые оклеветали моего мужа!

Губернаторъ. Нельзя, сударыня, и не просите! Извольте выйти вонъ! Мнѣ некогда!

Розонова. Ваше превосходительство!

Губернаторъ. Вашъ мужъ преступникъ! Его въ Сибирь сослать нужно, на каторгу! А вы позволяете себѣ врываться безъ всякаго уваженія! Вы забываете, кто я? Вы забылись! Какъ вы смѣли рѣшиться на такую дерзость?... Это изъ рукъ вонъ! Не просите напрасно. Я сказалъ: не допускать его до выборовъ; а что я сказалъ, то свято, у меня уже такой характеръ. Я ни за что не перемѣню своего рѣшенія. Оставьте же меня!

Розонова. Ваше превосходительство, смилуйтесь!

Губернаторъ. Онъ подъ судомъ! Я еще вотъ посмотрю, какъ судъ рѣшитъ.

Розонова (говоритъ чрезвычайно быстро и не даетъ губернатору промолвить слова; тотъ стоитъ, разинувши ротъ, въ ожиданіи, когда ему можно будетъ заговорить). Судъ его оправдываетъ, онъ ей-Богу невиноватъ, ваше превосходительство, совершенно невиноватъ. Смилуйтесь, ваше превосходительство! Вы извольте только взглянуть на него. Наконецъ извольте пожалѣть себя, если уже насъ не жалѣете! Вы дѣлаете несправедливость; послѣ ваши же враги скажутъ: «вотъ онъ несправедливъ былъ къ Розонову.»

Губернаторъ (горячась все болѣе и болѣе). Не вамъ меня учить, сударыня! Извольте выйти вонъ! Нельзя, нельзя, нельзя, нельзя, нельзя! Слышали?

Розонова (съ умиленіемъ). Смилуйтесь, ваше превосходительство! (Плачетъ) Надъ слезами несчастныхъ сжальтесь!

Губернаторъ. Нельзя! Я что сказалъ, то свято, — у меня уже такой характеръ. Оставьте меня, мнѣ некогда.

Розонова. Ваше превосходительство!...

Губернаторъ (разражается бѣшенствомъ). Ничего не хочу слу-

шать! Извольте выйти вонъ! Какъ вы смѣете безпокоить меня? Кто вамъ позволилъ этакія вещи дѣлать! Какъ вы такъ забываетесь! Да знаете ли что я съ вами сдѣлаю? Я вамъ покажу, какъ обращаться такимъ дерзкимъ образомъ со мною! Вы забылись, къ кому вы пришли! Идите вонъ или я прикажу васъ вывести!

Розонова (падаетъ на колѣни и обхватываетъ его ноги). Никто меня не отгонитъ отъ васъ, ваше превосходительство! Я буду обливать слезами невинности ноги ваши.

Губернаторъ (совершенно растерявшись). Что вы дѣлаете, сударыня!... Ради Бога.... помилуйте!

Розонова. Ваше превосходительство, я не встану до тѣхъ поръ, пока вы не выслушаете меня, не защитите вашею милостью насъ, несчастныхъ. Мужъ мой невиноватъ и судъ его оправдываетъ....

Губернаторъ. Встаньте, Бога ради, сударыня!

Розонова. Нѣтъ, ваше превосходительство, я до тѣхъ поръ буду лобзать прахъ ногъ вашихъ, пока вы не смилуетесь! Онъ хоть служить не будетъ,—только снимите съ него это пятно, отмѣните ваше рѣшеніе. Ей Богу, клянусь вамъ дѣтьми моими, это клевета.... отъ злобы, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Встаньте, ради Бога, сударыня.... Я, право.... я готовъ слушать.... Встаньте, ради Бога встаньте!... Я все готовъ....

Розонова. Нѣтъ, дайте слово, ваше превосходительство! Ей Богу, все клевета, пощадите, защитите! (Прижимается губами къ сапогу).

Губернаторъ. Что вы, сударыня! Помилуйте!... Все сдѣлаю, что могу, только встаньте, сударыня!... Ради Бога!

Розонова. Онъ смягчается, отецъ нашъ! (Встаетъ). Все неправда, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Положимъ такъ; но его не желаютъ дворяне....

Розонова. Дворяне? Помилуйте, ваше превосходительство, всѣ этого только и желаютъ! И доказательство вамъ—выберутъ его непремѣнно. Его всѣ хотятъ, ваше превосходительство.

Губернаторъ. Его злоупотребленія....

Розонова. Все клевета... судъ его оправдываетъ, ваше превосходительство. Это желали лишить ваше превосходительство дѣятельнаго, полезнаго чиновника! Это враги порядка и враги моего мужа распустили эту низкую клевету!

Губернаторъ. Онъ попался во взяткахъ,—а я врагъ ихъ, врагъ несправедливости!

Розонова. Это знаютъ всѣ, ваше превосходительство! И другія губерніи смотрятъ съ завистью на насъ, за то, что мы имѣемъ отмѣнное счастіе жить подъ отеческимъ надзоромъ вашего превосходительства. А мало ли что наговорятъ враги порядка и правды! Все напраслина! Зло всегда возстаетъ противъ правды, ваше превосходительство! Моего мужа ненавидятъ враги за неподкупную правду и справедливость, за то, что онъ не допускаетъ неправды. Вотъ на него и клевещутъ.

Губернаторъ. Но есть факты....

Розонова. Все клевета, ваше превосходительство, и судъ нашелъ, что все это самая черная клевета. Какой онъ взяточникъ! Развѣ онъ похожъ на взяточника? Развѣ онъ можетъ быть взяточникомъ, когда онъ благоговѣетъ передъ именемъ вашего превосходительства, и утромъ и вечеромъ со слезами молитъ Бога, чтобы онъ помогъ ему исполнять волю вашу. Вотъ за что его не любятъ, за преданность его къ вашему превосходительству!.. Вашъ чиновникъ, господинъ Филатовъ, производилъ самое строгое слѣдствіе и нашелъ, что мужъ мой правъ, несмотря на всѣ ухищренія враговъ и клеветниковъ. Правда, онъ разъ согрѣшилъ, и то не взятку взялъ, ей Богу, просто на-просто укралъ, ваше превосходительство, ей Богу, укралъ!

Губернаторъ. Ну вотъ видите....

Розонова. Укралъ, изъ глубочайшаго почтенія къ вашему превосходительству. Онъ знаетъ, что вы охотники до собакъ: онъ и укралъ для вашего превосходительства собачку. Только до сихъ поръ не осмѣливался имѣть счастіе поднести вашему превосходительству. Рѣдкая собачка, ваше превосходительство: нельзя было удержаться, тѣмъ болѣе, что она была у старика безчувственнаго.

Губернаторъ. Очень благодаренъ! отчего же,—съ удовольствіемъ приму. Я собственно противъ вашего мужа ничего не имѣю. Мнѣ доложили, что его дворяне не желаютъ.

Розонова. Напротивъ, ваше превосходительство! Всѣ искренно желаютъ. Его просятъ и непремѣнно выберутъ. Это все вамъ наговорили, ваше превосходительство! Лучшаго и болѣе преданнаго слуги вы не изволите найти, ваше превосходительство. Онъ безъ слезъ умиленія не можетъ произнести священнаго имени вашего. Будьте же милостивы, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Я согласенъ съ своей стороны; я ничего не имѣю противъ вашего мужа, и если судъ его оправдаетъ и дворяне пожелаютъ....

Розонова. Истинно желаютъ, ваше превосходительство, — это одно ихъ общее желаніе! Такъ вы позволите на счетъ собачки?

Губернаторъ (съ пріятностью и прищуривая глаза). Маленькая?

Розонова. Вотъ такая крошечная.

Губернаторъ. А уши длинныя?

Розонова. Ужасно длинныя, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Хвостъ пушистый?

Розонова. До невѣроятности.

Губернаторъ. Я буду очень благодаренъ.

Розонова. Такъ смилуйтесь, ваше превосходительство, окажите справедливость! Я готова расцаловать ноги ваши! До тѣхъ поръ не отойду, пока ваше превосходительство не смилуетесь. Все буду стоять на колѣняхъ (становится на колѣни), буду цаловать ваши ножки, не выпущу ихъ. Это не я плачу, ваше превосходительство, — это дѣти мои плачутъ, невинные младенцы.

Губернаторъ. Встаньте, сударыня.... ради Бога.... Я согласенъ!

Розонова. Ваше слово?

Губернаторъ. Даю вамъ слово.

Розонова. Вотъ истинная справедливость! Награди васъ Господь Богъ! Великія дѣла видны на лицѣ вашего превосходительства!

Губернаторъ. Успокойтесь, сударыня, и скажите вашему мужу, что я противъ него ничего не имѣю, я даже расположенъ къ нему. Онъ можетъ балотироваться.

Розонова (хочетъ поцаловать его руку). Не знаю, какъ благодарить, ваше превосходительство.

Губернаторъ (прячетъ руки). Перестаньте, перестаньте! Справедливость—мой долгъ: у меня ужь такой характеръ!

Розонова. Рѣдкій характеръ, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Такъ длинныя уши?

Розонова. Длинныя, ужасно длинныя, ваше превосходительство.

Губернаторъ. Хорошо, я приму съ благодарностью. Прощайте, сударыня. Очень радъ, что могу сдѣлать для васъ. Оказать справедливость—мой долгъ.

Розонова. Благодѣтель нашъ! Жизни мало отблагодарить васъ. Пойду обрадовать сиротъ своихъ!

Уходитъ, поправляя чепецъ.

Губернаторъ. Что съ нею дѣлать! Не могу видѣть, когда женщина плачетъ, цалуетъ ноги, стоитъ на колѣняхъ. Иначе отъ нея не отдѣлаешься, ногъ не выпуститъ. Не дать же ей носомъ въ носъ! Да, такъ можетъ говорить и дѣйствовать только угнетенная невинность.... Я, слава Богу, понимаю людей, могу судить.... Они въ самомъ дѣлѣ прекрасные люди, почтительные.... Очень радъ, что могъ сдѣлать для нихъ. Что касается до подарка, такъ, признаться, онъ мнѣ очень пріятенъ. Подари онъ мнѣ три тысячи, я бы не былъ такъ радъ, какъ собачкѣ. Маленькія собачки—страсть моя. Надѣюсь, что это не взятка! Собаку, говорятъ, не грѣхъ украсть, не только принять въ подарокъ.... Гмъ! посмотрю, какая собачка, должно быть—прелесть!... Я давно искалъ такой, бредилъ имѣть такую!... Какое же дать ей имя?... Кадо!... нѣтъ, фи! что за Кадо!... Цезарь?... нѣтъ, мала для Цезаря.... Назову ее Роза!... Укралъ для меня! экая канальа!... Впрочемъ теперь рѣдки такіе преданные, почтительные чиновники!

СЦЕНА III.

Кабинетъ въ домѣ полиціймейстера. Прекрасно меблированная комната, украшенная цѣлыми коллекціями всевозможныхъ видовъ чубуковъ. Они разставлены на трехъ горкахъ, изъ которыхъ двѣ по угламъ комнаты, а третья у письменнаго стола. На письменномъ столѣ наставлено безчисленное множество пепельницъ, изъ нихъ торчатъ сигары и папиросы: кромѣ того на столѣ еще лежитъ много сигаръ и на углахъ стола стоятъ двѣ табачницы. Григорій, человѣкъ полиціймейстера, въ бѣломъ фартукѣ, стоитъ, опершись на половую щетку. Частный приставъ въ мундирѣ и со шляпою въ рукахъ.

Частный. Такъ это правда, Григорій Степановичъ, что Павелъ Михайловичъ на меня никакой претензіи не имѣютъ?

Григорій. Нѣтъ, говорятъ вамъ нѣтъ! А имѣли, можно сказать, крѣпкое ожесточеніе, такъ что и того васъ хотѣли (*дѣлаетъ выразительное движеніе ногою*) изъ службы... Понимаете? Ну ужь я уладилъ. Всегда для васъ стараюсь. Павелъ Михайловичъ и то ужь говорятъ, что это ты, Григорій, все за Пузанова? вы должно быть

вмѣстѣ плутуете!—А я говорю: вотъ у васъ все плутую, Павелъ Михайловичъ, — а вы безъ Пузанова будете какъ безъ рукъ.

Частный. Ну, что же онъ?

Григорій. Правда, говорятъ.

Частный. Такъ и сказалъ?

Григорій. Такъ и сказалъ.

Частный. Ой–ли, да правда ли это, Гриша?

Григорій. Что жь мнѣ лгать? Вы думаете, что взялъ отъ васъ пятьдесятъ рублей, такъ ужь и лгать буду. Да я тысячи не возьму, чтобы сказать неправду. А что я для васъ всегда какъ-есть стараюсь. Только, смотрите, уговоръ лучше денегъ, исполнить все въ точности.

Частный. Полно вамъ, Григорій Степановичъ, да я по дружбѣ этого не захочу. Я за ваше одолженіе ужь отблагодарю!

Слышенъ звонокъ.

Григорій. Послѣ поговоримъ. Никакъ Павелъ Михайловичъ пріѣхали.

Частный поправляетъ волосы, обтягиваетъ мундиръ, приставляетъ ногу къ ногѣ и вытягивается въ струнку. Григорій уходитъ отпирать.

Черезъ нѣсколько времени входитъ Полиціймейстеръ (*водный мужчина, съ большими усами и съ краснымъ лицомъ. При каждомъ его движеніи эполеты на плечахъ прыгаютъ и кисточки ихъ болтаются).* Частный кланяется въ поясъ.

Полиціймейстеръ. А-а-а! Пузановъ! Ну что, все благополучно?

Частный. Все исправно, ваше высокоблагородіе!

Полиціймейстеръ (разсматривая сигары и папиросы). Что бы это закурить такое? И то, и то хорошо. Попробую-ка новыхъ. Подлецъ Чернопятовъ навязалъ,—божется, ракалія, что малина, а не сигара! (Закуриваетъ сигару, болтаетъ ею въ воздухѣ и нюхаетъ дымъ. Частный слѣдитъ за его движеніями и мотаетъ головою за движеніемъ его руки). Въ самомъ дѣлѣ, кажется, не дурны! Запахъ довольно хорошъ. Ну, Пузановъ, а много ли у тебя купцовъ на цугундеръ взято?

Частный. Шестеро, ваше высокоблагородіе: трое за невѣрные вѣсы, двое за фальшивую мѣру и одинъ за продажу вредоносной рыбы.

Полиціймейстеръ. Небось все мелочь?

Частный. Извѣстно, мелочные торговцы, лабазники. Впрочемъ, двое капитальные.

Полиціймейстеръ. Ну, хорошо. У меня послѣ завтра балъ, такъ съ тебя слѣдуетъ провизія и вся закуска. Зайди сейчасъ къ

моей женѣ, она тебѣ составитъ реэстръ: чего и сколько надобно... Понимаешь? Ты сперва купцовъ попридави, а потомъ и выпусти, такъ и тебѣ еще останется. Вы, чортъ васъ знаетъ, праведники какіе-то! И что вы дѣлали при старомъ полиціймейстерѣ, — не знаю! Откуда онъ набралъ такихъ олуховъ,—да вѣрно и самъ былъ не умнѣе! Ничего это придумать не могутъ: я вотъ все изобрѣтай, да научай уму-разуму, а сами взять-то не умѣютъ! Дерутъ какъ будочники по гривнамъ, да по полтинамъ—и въ городѣ ни порядка, ни уваженія нѣтъ! Я люблю, чтобы все было по военному, вездѣ бы былъ порядокъ, жила дисциплина. Чтобы квартальный зналъ, что онъ не даромъ квартальный; частный — что онъ не даромъ частный; купецъ — что онъ на то и купецъ, чтобы наживать,—ну, наживай, да подѣлись и съ ближнимъ. Скажи Шепчугову, что съ него слѣдуютъ вина; вотъ на, отдай ему реэстръ, чтобы по немъ доставилъ въ точности; а если что тамъ будетъ лишнее противъ написаннаго, такъ тѣмъ лучше!

Входятъ два частныхъ и почтительно кланяются.

Полиціймейстеръ. А, Шепчуговъ и Ломовъ! Куда вы провалились, что васъ не дозовешься! Вотъ тебѣ, Шепчуговъ, реэстръ винъ, сегодня же прошу доставить Григорію; только смотри, чтобы вина были первый сортъ, а то тебѣ, пожалуй, всякой кислятины, да мерзости свалятъ. А съ тебя, Ломовъ, слѣдуетъ освѣщеніе, и деньгами для найма музыкантовъ и прочей дряни. Денегъ немного,—рублей съ сотнягу или около того. Ну, я увѣренъ, господа, что все будетъ отлично, что вы постоите за себя, отличитесь, не захотите замарать своего начальника! Не ударьте же лицомъ въ грязь,—чтобы у насъ былъ такой балъ, что чертямъ тошно! Чтобы никому не сдѣлать такого бала, понимаете? Дѣло идетъ на благородное соревнованіе. Ну, ступайте же, распоряжайтесь! Балъ будетъ послѣ завтра. Понимаете, что на балу будетъ вся губернія....

Частные. Постараемся, слушаемъ-съ.

Полиціймейстеръ. Ну, съ Богомъ!

Частные уходятъ. Полиціймейстеръ снимаетъ сюртукъ и надѣваетъ халатъ. Входитъ толстый купецъ, три раза крестится и потомъ низко кланяется.

Купецъ. Наше вамъ, со всякимъ благоговѣніемъ.

Полиціймейстеръ. А! Назаръ Өедуловичъ! Я тебя поджидалъ. (Садится къ столу).

Купецъ. Смѣемъ спросить, на счетъ, значитъ, какихъ ефто такихъ дѣловъ, вы, примѣрно, говорить изволите?

Полиціймейстеръ. Садись-ка, садись.

Купецъ. Ничаво-съ, и постоимъ! Значитъ, ноги не отвалятся, дома все сидѣли.

Полиціймейстеръ. Садись! (Купецъ садится на краю стула, вынимаетъ клѣтчатый платокъ и обтираетъ лицо) Ну, какъ дѣлишки?

Купецъ. Ничаво-съ! благодареніе Господу, значитъ, черезъ пень въ колоду валятся помаленьку-съ.

Полиціймейстеръ. Ну, хорошо!... Не хочешь ли трубочки?

Купецъ. Благодаримъ покорно! Съ измальства, то есть, не сдѣлали привычки. Покойный тятенька, дай Богъ имъ царствіе небесное, Боже упаси, на счетъ ефтаго предмета какое смотрѣніе имѣли.

Полиціймейстеръ. Ну, какъ хочешь,—вѣдь вы всѣ староверы.

Купецъ. Не то, чтобъ староверы, примѣрно, были, а такъ, значитъ, привычки не сдѣлали. Вѣдь ефто, какъ есть, баловство одно и баловствомъ зачинается.

Полиціймейстеръ. Ну, вотъ что, братъ, какъ бы это на счетъ того.... А водку ты пьешь вѣдь?

Купецъ. Употребляемъ, грѣшны-съ.

Полиціймейстеръ. Такъ хочешь водочки, а?

Купецъ. Нѣтъ-съ, благодаримъ и за ефто покорнѣйше, пить еще не пристало.

Полиціймейстеръ. Какъ не пристало?

Купецъ. То есть, значитъ, не время,—обѣдни не отошли.

Полиціймейстеръ. Ну, какъ знаешь! Такъ, я говорю, какъ бы это на счетъ того, на счетъ деньжонокъ, а? Мнѣ бы очень было нужно.

Купецъ. Прощенья просимъ-съ! то есть вотъ передъ Богомъ-съ говоримъ: совершенно нѣтъ; что называется, сами перебиваемся!

Полиціймейстеръ. Ну, ужъ у тебя нѣтъ,—такъ у кого же деньги?

Купецъ. Помилуйте, откудова имъ быть-то-съ? Народъ мы маненькой, дѣловъ хорошихъ нѣтъ-съ! Какая ефто торговля-съ,—то есть, можно сказать, только Бога гнѣвимъ, а не торговлю имѣемъ. На свѣчку, въ праздничный день, въ церковь, примѣрно, не

выторгуемъ. Вотъ тутъ и дѣлай какъ знаешь! Какимъ же тутъ деньгамъ быть?

Полиціймейстеръ. Эхъ, братъ! стыдился бы говорить! Вѣдь экая у тебя, истинно, жидовская, алчная душа, окаменѣлое сердце! Теперь какое время-то?

Купецъ. Какъ какое-съ?

Полиціймейстеръ. Да такъ же! жидъ ты! Вѣдь теперь выборы: ты съ помѣщиковъ, я чай, всю шкуру посдерешь! Ну, и дери, я ни слова, я всегда готовъ тебѣ помощь оказать, такъ ты долженъ же чувствовать.

Купецъ. Чувствительно благодаримъ-съ за все ефто и всегда съ нашимъ почтеніемъ-съ.

Полиціймейстеръ. Съ нашимъ почтеніемъ! Что это за почтеніе, огалтелый ты этакій! Пришлетъ тамъ ребятишкамъ на молочишко къ новому году, вотъ и все почтеніе. Развѣ ты столько въ годъ наторгуешь, а?... Развѣ я тебѣ мѣшаю? Ну, говори же! Не помогаю я тебѣ во всемъ, безобразная твоя утроба, ненавистная?

Купецъ. Завсегда, какъ есть, благодарны, и навсегда вашею милостію довольны.

Полиціймейстеръ. Знаю, что довольны, — еще бы вамъ быть недовольными! да благодарности-то у васъ на пятакъ мѣдный нѣтъ! Христо-продавцы этакіе! понятія не имѣете человѣческаго! Грабь, наживайся, да знай же и совѣсть! Подѣлись съ другими, вѣдь всѣ мы братья, ближніе! Другой бы самъ принесъ, а ты, ожесточенный, въ долгъ не даешь! Я, вѣдь, у тебя, у окаяннаго, взаймы прошу! Могъ бы, вѣдь, требовать, напакостить, по міру, ракалію, пустить!

Купецъ. Что же, воля ваша! мы люди какъ есть маленькіе.

Полиціймейстеръ. То-то, люди маленькіе, а въ пустыхъ деньгахъ отказываешь. Всего, вѣдь, пятьсотъ! Что это? дрянь! тьфу! не стоитъ разговоровъ имѣть! А на тебя, посмотри самъ, какое ожесточеніе нашло: ты, вѣдь, себя не помнишь? Эхъ, братъ! плохо вамъ потачку давать, — зазнаетесь больно.... Васъ бы за бороды таскать, да пакости вамъ дѣлать, тогда бъ вы знали! А я васъ по головкѣ глажу, на все смотрю сквозь пальцы. Ты думаешь, я ничего не вижу, не знаю? — нѣтъ, братъ, ты выжига, да я и самъ прожженный! Ты карманъ набиваешь и не думаешь подѣлиться, — ну, да чортъ съ тобой! дай хоть взаймы.

Купецъ. Мы, примѣрно, то есть, на счетъ того говоримъ, что денегъ въ настоящее время не имѣемъ.

Полиціймейстеръ. Ну что же, ты боишься, что я не отдамъ, — думаешь, что пропадутъ деньги твои поганыя?

Купецъ. Ефтого мы думать не могимъ и сумлѣнія никакого, то есть, имѣть не можемъ.

Полиціймейстеръ. Ну такъ что жь? Эй, братъ, не плюй въ колодезь, испить водицы пригодится!

Купецъ. То есть, а на долгое ли время вамъ потребно?

Полиціймейстеръ. Ну, при первыхъ деньгахъ отдамъ.

Купецъ. Сердечно бы желали, да, видитъ Богъ, не могимъ.

Полиціймейстеръ. Такъ не дашь?

Купецъ. Изъ чего дать-то? то есть, вѣрьте Создателю, не имѣемъ.

Полиціймейстеръ. Ну, хорошо же! Дамъ же я тебѣ торговлю! Анаѳема ты этакій ожесточенный, жидъ проклятый!

Купецъ. Съ нашимъ бы почтеніемъ, да что дѣлать-съ, рѣшительно, значитъ, не имѣемъ.

Полиціймейстеръ. Ладно! Это ужь, братъ, не по пріятельски! А я еще съ тобою, со свиньею, хлѣбъ-соль водилъ! Попляшешь же ты у меня, ракалія этакая!

Купецъ. На счетъ ефтого напрасно гнѣваться изволите!

Полиціймейстеръ. Хорошо, братъ,—запоешь иначе!

Купецъ. Какое тутъ пѣніе, вѣрьте Богу, до слезъ приходится! Вотъ все, что могимъ—сто рублевъ; только ужь если милость будетъ ваша, смѣемъ просить, на счетъ торговъ-то тѣхъ. Ужь не оставьте, явите хоть тѣмъ Божескую милость!

Полиціймейстеръ. Сто рублей, да торги! Я вижу, ты скотина! Пошелъ вонъ! Я съ тобой и разговаривать не хочу.

Купецъ. То есть, напрасно безпокоиться изволите!

Полиціймейстеръ. Что жь ты, оглохъ, что ли? Слышалъ! Убирайся къ чортову дѣду! Ну! (Топаетъ ногами, купецъ кланяется и исчезаетъ въ смущеніи и испугѣ). Экая скотина! бестія! ракалія! Ужь ты принесъ бы въ подарокъ и самъ, да некогда возиться. Пять сотъ бы отвалилъ, кланялся бы въ ноги, чтобъ только взялъ, да время не терпитъ. Эй! Назаръ Ѳедулычъ! Назаръ Ѳедулычъ!...

Купецъ (стоитъ топочетъ по сосѣдней комнатѣ и выставляетъ голову въ двери). Здѣсь.

Полиціймейстеръ. Ну прибавляй еще сотню, да и чортъ съ тобой!

Купецъ. Ей Богу, не могимъ. Двадцать пять еще можно-съ, а то какъ угодно!

Полиціймейстеръ. Что жь ты торговаться со мной будешь? Ахъ ты гадина, бычья морда! Двѣсти—или ты запоешь у меня Кузькину мать! (Купецъ со вздохомъ вытаскиваетъ бумажникъ).

СЦЕНА IV.

Номеръ въ лучшей гостинницѣ города. Довольно большая комната, но меблирована плохо. Журавлевъ, первый богачъ въ губерніи, сидитъ на диванѣ и пьетъ чай. На немъ бархатный халатъ. Физіономія его нѣсколько солдатская, но надутая и важная. Онъ не толстъ и не тонокъ. Назарьевъ, одинъ изъ помѣщиковъ партіи Журавлева, почтительно сидитъ на кончикѣ стула. Фигурка толстенькая, подленькая, съ моргающими глазками. Говоритъ сладко, вкрадчиво и почтительно.

Назарьевъ. Такъ вы изволили Кустова утвердить судьею, слушаемъ! А какъ насчетъ исправника, — кого прикажете выбирать?

Журавлевъ. Въ исправники?... Я еще не знаю.... Подумаю.

Назарьевъ. Никоновъ хочетъ балотироваться.

Журавлевъ. Никоновъ?

Назарьевъ (оробѣвъ). Я то-есть нисколько не держусь его стороны! Это рѣшительно все равно.... все равно для меня!... Кого прикажете, того и выберемъ. (Съ сладкою улыбкою) Вы вѣдь въ этомъ болѣе насъ знать можете, живя всегда среди просвѣщенія столицы и имѣя отмѣнное образованіе, до котораго намъ далеко.

Журавлевъ. Объ этомъ я подумаю и скажу вамъ, кого выбирать.... Г-нъ Розоновъ подъ судомъ, ему не позволяютъ балотироваться, да и подлецъ страшнѣйшій! Ухъ, какой подлецъ!

Назарьевъ. Ужаснѣйшій подлецъ! Просто грабитель! И такія мерзости дѣлаетъ.... Весь уѣздъ отъ него чуть не плакалъ! Взяточникъ, христопродавецъ! Онъ кажется, ошибкой, не рѣшилъ ни одного дѣла правильно, не сдѣлалъ ничего по справедливости.

Журавлевъ. Я вотъ посмотрю.... Чтобы послѣ завтра всѣ собрались ко мнѣ, передъ тѣмъ какъ ѣхать въ собраніе.

Назарьевъ. Слушаемъ-съ.

Журавлевъ начинаетъ что-то насвистывать. Назарьевъ переминается, сидя на стулѣ, наконецъ послѣ нѣкотораго молчанія встаетъ.

Журавлевъ. Ну, прощайте. Помните же, передъ собраньемъ.

Назарьевъ. Слушаю-съ! (Наклоняется нѣсколько впередъ и все время говоритъ съ особенною пріятностью) Иванъ Сергѣевичъ! у меня есть къ вамъ просьба.... то-есть, вотъ одолженіе такое.... по гробъ не забуду.

Журавлевъ. Ну говорите скорѣе, прямо.

Назарьевъ. Я хотѣлъ было побезпокоить васъ, не будете ли столь добры, не одолжите ли мнѣ деньжонокъ немного. Сами изволите знать, теперь время такое, необходимо и туда и сюда, и въ собранье, и въ театръ—дочери показать.... Все расходы: туалетъ, то, другое, нельзя же—дочь невѣста.

Журавлевъ. Кутишь много.

Назарьевъ. Помилуйте, кажется бьешься какъ рыба объ ледъ, концы сводишь. Дочь невѣста, что дѣлать-то! Хочешь, не хочешь, а кошелекъ развязывай.

Журавлевъ. Ну, сколько же нужно?

Назарьевъ (задыхаясь). Рублей пятьсотъ.

Журавлевъ. Серебромъ?

Назарьевъ. Я бы того.... попросилъ.... серебромъ.

Журавлевъ. Туда же серебромъ! А изъ какихъ средствъ заплатишь?

Назарьевъ. Великимъ постомъ набью масла конопляннаго, продамъ еще пеньку, хлѣба—и уплачу часть; а другую ужь отсрочьте, сдѣлайте милость до осени, я вамъ представлю свекловицею, на который прикажете изъ вашихъ сахарныхъ заводовъ.

Журавлевъ. Вы не должны ничего?

Назарьевъ. Долженъ пустяки: пятьдесятъ рублей. Я всѣ уплачу, сполна.

Журавлевъ. Ну хорошо, приготовьте росписку въ пятьсотъ рублей; изъ нихъ четыреста пятьдесятъ получите отъ Трофима деньгами, да пятьдесятъ прежняго долгу.

Назарьевъ. Не знаю, какъ благодарить васъ, Иванъ Сергѣевичъ!

Журавлевъ. Прощайте, не стоитъ благодарности.

Назарьевъ. Счастливо оставаться!

Пятится задомъ, раскланивается и исчезаетъ въ дверяхъ.

Журавлевъ (одинъ). Фу, какая тоска! Какъ гадко возиться съ этою дрянью, а что дѣлать!... Что за низкіе люди! Готовы продать все, самихъ себя, не только ближнихъ! Да впрочемъ,

кто въ нашъ вѣкъ не пожертвуетъ существенной пользѣ химерою, пустыми звуками: дружба, пріязнь, человѣчество!... Глупецъ, одинъ глупецъ только можетъ предпочесть эти пустые звуки дѣлу и упустить для нихъ существенную выгоду. Конечно, за мелочь не стоитъ продавать себя, надобно взять хорошую цѣну, чтобы стоило того. Впрочемъ нынче цѣны на честь и совѣсть человѣка значительно упали.... Справедливость требуетъ, чтобы я заботился о себѣ болѣе, чѣмъ о другомъ, и свои личныя выгоды предпочиталъ выгодамъ другихъ; — ясно, что я долженъ желать себѣ лучшаго. Если же я желаю себѣ лучшаго, то ужь черезъ это самое желаю другому худшаго!—Если я наживаю сто рублей, такъ вѣрно оттого, что ихъ кто нибудь прожилъ. Что же изъ этого?—Значитъ, я благоразумнѣе другихъ! Ну, если я себѣ изыскиваю способы помочь скорѣе нажить, а другому разориться—что же въ этомъ безнравственнаго?—Ровно ничего! Я только ускоряю обыкновенный процессъ обращенія цѣнностей и больше ничего. Я его ускоряю,—я не краду, не грабдю!—то дѣйствительно низко. А ужь этотъ процессъ начался, онъ совершается безпрерывно, такъ что же значитъ ускорить его? Тѣмъ болѣе, что если не я, такъ кто нибудь другой сдѣлаетъ то же самое. Непремѣнно!... Говорятъ, эгоизмъ—порокъ, а безъ эгоизма не можетъ быть порядка никакого. Эгоизмъ есть врожденное чувство, это инстинктъ свойственный всѣмъ живымъ существамъ, и безъ него не можетъ быть никакого благоустройства, — все рушится, падетъ! Съ какой стати и для чего я буду заботиться о выгодахъ другаго?—Да мнѣ-то что за дѣло до него! Такимъ образомъ ужь лучше всего отдай все состояніе свое, да и ступай самъ просить, чтобъ объ тебѣ заботились другіе. Вѣдь выдумали же эти философы такую дичь!... Ха, ха, ха! Экіе глупцы!... Впрочемъ мысль прекрасная и дѣльнымъ людямъ принесла много пользы. Кричишь о соціализмѣ, либерализмѣ, гуманности, о правдѣ вѣчной, трескотнею реторическою залѣпишь глаза, да за этими-то ширмами, за мыслями-то о высокомъ и удерешь какую нибудь штуку. Ее и не замѣтятъ,а безъ того сказали бъ: сдѣлалъ низость,—да и штука бы навѣрно не удалась, потому что хорошія штуки возможны только при хорошей довѣрчивости. Правда, что нѣсколько человѣкъ, которые посмышленѣе, смекнутъ въ чемъ дѣло, пожалуй станутъ доказывать, что сдѣлалъ подлость, — да остальные хоть будутъ видѣть, да не повѣрятъ. Масса слишкомъ пропитается уваженіемъ къ благородству и вольности мыслей, ей

какъ надуешь въ уши высокихъ идей, то у нея и голова пойдетъ кругомъ. Кричи громче — прослывешь великимъ человѣкомъ, благороднѣйшимъ, честнѣйшимъ, идеаломъ совершенства и добродѣтели!... Г-м! Есть же глупая, неразвитая толпа ничтожныхъ неучей, которые отъ души, совершенно по убѣжденію вѣрятъ въ эти пустые, громкіе звуки: честь, благородство, добродѣтель, гуманность!—вѣрятъ, восхищаются ими! Приходятъ въ восторгъ отъ всякой глупости, гдѣ по ихнему выразилась сколько нибудь эта идея. Кричи только громче о своемъ благородствѣ, — толпа повѣритъ, какъ вѣрили древніе римляне, что они грязь.... Правда, говорится въ какой то книгѣ, что люди честные — овцы, которыхъ умные стригутъ. Только вмѣсто «честные» надобно сказать «глупые», потому что людей честныхъ на землѣ нѣтъ! Всякій человѣкъ — подлецъ. Есть только люди умные и глупцы. Умный, истинно образованный человѣкъ, очистившійся отъ всякихъ предразсудковъ, разумѣется пойметъ, что только то и хорошо, что существенно полезно, и съумѣетъ эти бирюльки, мыльные пузыри пустить въ ходъ для пріобрѣтенія существенныхъ выгодъ. А тамъ другіе пусть себѣ восхищаются.—Да мнѣ смѣшно представить себѣ настоящаго благороднаго и добродѣтельнаго человѣка! Это должно быть чучело страшное! Какъ можно быть истинно благороднымъ и честнымъ?—Не понимаю!— Мнѣ выгодно такъ сдѣлать, а честь и всѣ эти вымышленныя, пошлыя правила требуютъ другаго;—да я буду глупецъ, болванъ, олухъ, если поступлю противъ своихъ выгодъ.—Разумѣется, если выгода большая, — а при незначительной выгодѣ, само собою, разсчетливѣе пренебречь выгодою,—потомъ это принесетъ тысячу процентовъ на сто. Честь и благородство—это такой товаръ, который надобно сохранять какъ можно дольше и тщательнѣе, а потомъ какъ представится случай разомъ и пустить въ продажу. Только надобно крѣпиться, ждать удобнаго случая, когда набьютъ цѣну, когда можно больше взять выгодъ. Да еще слѣдуетъ продать такъ, чтобъ другіе не знали, чтобы тотъ же товаръ опять можно было пустить въ ходъ, въ торговлю. Вотъ это умно, дѣльно! Толпа благоговѣетъ, готова присягнуть, что это честнѣйшій человѣкъ, могъ покривить душою вотъ въ такихъ-то и въ такихъ-то дѣлахъ, да пренебрегъ всѣми выгодами для правды; а того не знаетъ, что этотъ господинъ запряталъ свой товаръ и не хочетъ за гроши продавать своей чести и совѣсти. За то ужъ какъ представится случай, такъ вознаградитъ себя за все. И

что жь, — прекрасно, благоразумно. Жизнь есть торговля, коммерція, старатся долженъ всякій наторговать. — Мнѣ кажется, что въ глубинѣ души, каждый такъ же думаетъ, какъ я, и по наружности набиваетъ цѣну на свой товаръ. Непродажныхъ нѣтъ! Если не берутъ тысячи, возьметъ двѣ; не беретъ двухъ, такъ возьметъ пять, десять, двадцать! За сто тысячь продаетъ себя! Есть глупцы, которые не соображаютъ запроса съ требованіемъ и дѣйствительною стоимостью. Иные хотятъ слишкомъ дорого и цѣнятъ свои кривыя душонки не вѣсть какъ! — ихъ зовутъ благородными. Они такіе же мерзавцы, какъ и всякій человѣкъ; а только глупцы черезчуръ дорожатся, ну и ходятъ за то безъ сапоговъ, и ни на службѣ, — нигдѣ не годятся. Другіе же, вотъ какъ эти ослы Назарьевъ, да Розоновъ и всѣ имъ подобные, — берутъ слишкомъ дешево, точно открыли мелочныя лавочки и по частямъ, открыто, продаютъ свою совѣсть. Я бы ихъ назвалъ нерасчетливыми дураками, — а свѣтъ ихъ зоветъ подлецами, совершенно незаслуженно! Умный человѣкъ придерживается благоразумной середины, какъ опытный купецъ, понимающій сразу покупателя, и знающій и курсъ и цѣну товару!

Слуга (въ богатой ливреѣ). Господинъ Розоновъ.

Журавлевъ. Проси!... Этому что нужно. Вѣрно хочетъ, чтобы я просилъ за него губернатора. Нѣтъ, это дудки!

Розоновъ входитъ и низко кланяется.

Журавлевъ (величественно и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ). Здравствуйте! Что скажете, почтеннѣйшій?

Розоновъ (вкрадчиво, съ пріятною улыбкою и съ робостью). Находясь съ вами въ одномъ городѣ, долгомъ счелъ засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Журавлевъ. А! благодарю! Садитесь!

Розоновъ. Благодарю покорно! (Садится).

Журавлевъ играетъ кистями своего халата. Розоновъ пощипываетъ свою шапку. Молчаніе.

Журавлевъ. Ну, какъ ваши дѣла?

Розоновъ. Ничего, такъ себѣ! Палата меня оправдала по милости вашей, Иванъ Сергѣевичъ. Теперь вотъ вопросъ: если я правъ, такъ на какомъ основаніи губернаторъ не допускаетъ меня до выборовъ? Имѣетъ ли онъ на это право? Я самъ не хочу балотироваться, потому что служилъ, служилъ, наконецъ утомился, усталъ, надоѣло! Не допустить до выборовъ! — это согласитесь сами, Иванъ Сергѣевичъ, клеймо позора, въ нѣкото-

ромъ отношеніи. А какое онъ имѣетъ къ тому основаніе? Судъ меня признаетъ виновнымъ, тогда дѣлай, что хочешь; но когда судъ меня оправдалъ, это незаконно. И что я сдѣлалъ такое? Не угодилъ какимъ нибудь Головкинымъ, не дѣлалъ по ихнему, или другому надобно мѣсто исправника, такъ они заднимъ ходомъ пробралися къ губернатору, да натрубили ему въ уши Богъ-знаетъ-чего, а тотъ, не разузнавши дѣла, и хватилъ: не допускать до балотировки.

Журавлевъ. Но вѣдь, сознайтесь, было за вами довольно грѣшковъ.

Розоновъ. Развѣ по ошибкѣ, Иванъ Сергѣевичъ,—но вѣдь я человѣкъ, а не ангелъ. Люди всѣ могутъ ошибаться. А умышленно никогда я не кривилъ душою. Вся эта исторія вышла черезъ Головкина, а вы сами изволите знать, какой это зловредный человѣкъ....

Журавлевъ (дѣлаетъ гримасу). Да, это зараза уѣзда!

Розоновъ. Хуже желтой лихорадки. Онъ меня ненавидитъ за то, что я всегда готовъ угодить вамъ; говоритъ, что я для васъ продаю законъ и совѣсть, представилъ всѣ мои дѣйствія по вашимъ дѣламъ въ ужаснѣйшемъ видѣ. Но развѣ меня можно за это упрекнуть? Разумѣется, я не стану угождать ему, еще не заслужилъ этого. Вы—дѣло другаго рода. Вы несравненно стоите выше его и по уму, и по образованію, и по положенію въ свѣтѣ. Наконецъ вы—мой благодѣтель. Всѣ мои дѣйствія были, такъ сказать, лептою благодарности, а благодарность есть чувство и принадлежность душъ высокихъ.

Журавлевъ (съ неудовольствіемъ и дидактически). Да, но у меня не было и нѣтъ такихъ дѣлъ, за которыя бы васъ могла упрекнуть совѣсть. Первый долгъ человѣка — это соблюденіе вѣчной правды, неизмѣняемой справедливости и поддержаніе общественнаго порядка. Я держусь постоянно этихъ принциповъ и постоянно руководствуюсь ими во всемъ.

Розоновъ. Это точно-съ. Я говорю это не къ тому, а собственно хотѣлъ выразить, что все это клевета. Но согласитесь сами, обидно, что какой нибудь Головкинъ, съ своею шайкою, смѣетъ распоряжаться судьбою человѣка, класть на него пятно, — смѣетъ требовать къ себѣ уваженія; и когда не успѣлъ меня привлечь къ себѣ и возстановить на васъ, не успѣлъ заставить меня всѣми мѣрами вредить вамъ и дѣлать непріятности, такъ оклеветалъ и наложилъ такое посрамленіе.

Журавлевъ. Ну, мнѣ вредить какому нибудь Головкину мудрено.

Розоновъ. Да что вы думаете, Иванъ Сергѣевичъ,—онъ какъ собачонка, какъ дворняшка, готовъ лаять на слона. Конечно, большаго вреда не сдѣлаетъ, а непріятностей кучу. Мало ли на что меня склоняли! Вотъ новаго исправника выберутъ, тогда изволите увидѣть сами. Всѣ эти Никоновы и тому подобные вамъ кланяются, обѣщаютъ золотыя горы, чтобы попасть на мѣсто, а сами потихоньку стовариваются съ Головкинымъ; всѣ эти кандидаты, тайно или явно, принадлежатъ къ его шайкѣ. Сами же смѣются: пусть, говорятъ, выберетъ насъ только Иванъ Сергѣевичъ, мы его уважимъ.

Журавлевъ (вспыхнувъ). Это вздоръ! Быть не можетъ.

Розоновъ. Чего же мнѣ лгать, Иванъ Сергѣевичъ! Клянусь вамъ моими дѣтьми, будь я проклятъ, не дойди до дому, чтобъ мнѣ дѣтей моихъ не видать, если это не правда.

Журавлевъ (встаетъ и прохаживается съ досадой по комнатѣ, Розоновъ тоже встаетъ). Не можетъ быть!

Розоновъ. Угодно, я вамъ образъ поцалую, Иванъ Сергѣевичъ? Чего же мнѣ лгать, я служить болѣе не намѣренъ, послѣ всего этого. Для меня кто ни будь исправникомъ—все равно; но цѣня ваши благодѣянія, я долженъ предупредить, что всѣ кандидаты изъ шайки Головкина. Вы сами извольте взять въ соображеніе, что всѣми, не принадлежащими къ вашей партіи, управляетъ Головкинъ. Въ немъ видятъ какого-то молодца, генія, что онъ осмѣлился лаять на васъ, или, какъ онъ говоритъ, бороться съ вами. Они не понимаютъ, что вы по милости своей только не раздавили его, какъ мошку. Наконецъ, если вы выберете человѣка порядочнаго, который и радъ бы постараться былъ сдѣлать что нибудь для васъ, да у него не хватитъ умѣнья. Здѣсь нужна опытность, Иванъ Сергѣевичъ! Вотъ, какъ я прослужилъ двѣнадцать лѣтъ, такъ ужь могу сказать, знаю дѣло: меня не обморочитъ Головкинъ, да и секретарь за носъ не поведетъ.

Журавлевъ. Ну, что же, еще на шесть лѣтъ хочешь? (Садится).

Розоновъ (садится тоже). Нѣтъ, Иванъ Сергѣевичъ, я больше служить не могу и не хочу. Пора отдохнуть.

Журавлевъ. Врешь, вѣдь хочешь. Я по глазамъ вижу; наконецъ, къ чему ты все это несъ, столько чепухи нагородилъ, если не хочешь самъ въ исправники.

Розоновъ. Ей-Богу не хочу, Иванъ Сергѣевичъ. Говорилъ я изъ моего усердія къ вамъ и искренней благодарности.

Журавлевъ. Что жь, карманъ, значитъ, набилъ довольно?

Розоновъ. Гдѣ набилъ, Иванъ Сергѣевичъ! Что у меня есть? Только что по міру не пойду.

Журавлевъ. А деревни, а домъ?

Розоновъ. Много ли тутъ всего-то! Вотъ извольте посмотрѣть, какъ другіе будутъ набивать карманы; въ двѣнадцать-то лѣтъ не столько пріобрѣтутъ. А я что нажилъ? А не хочу служить такъ потому, что надоѣло, потому что видишь однѣ только непріятности.

Журавлевъ. Вѣрно бока болятъ, били много?

Розоновъ. Кого? меня?

Журавлевъ. Да.

Розоновъ. Нѣтъ, не приводилъ Господь дожить до этого!

Журавлевъ. Небось попадало?

Розоновъ. Бить меня не бивали, а доложу вамъ, вотъ гусаръ какой-то, на Угости мерзостей надѣлалъ.

Журавлевъ (улыбаясь.) Ну, что же онъ сдѣлалъ?

Розоновъ (довольный, что вызвалъ улыбку на лицѣ своего патрона). Пріѣхалъ разъ я на слѣдствіе въ Угость и остановился на станціи. Послѣ обѣда, знаете, прилегъ отдохнуть за перегородкой. Сплю. Только вдругъ колокольчикъ. Слышу, какой-то проѣзжающій ввалился въ большую комнату, шумъ поднялъ на всю деревню, хоть святыхъ вонъ унеси, кричитъ, ругается. По голосу слышно, что выпивши должно быть. Только смотритель, чтобы, знаете, усмирить его и говоритъ: «тише, не извольте шумѣть! здѣсь капитанъ-исправникъ отдыхаетъ!» Чортъ его за языкъ потянулъ обо мнѣ сказать, каналью! Проѣзжающій и заревѣлъ: «а-а-а! капитанъ-исправникъ! а гдѣ этотъ куроцапъ?» — Здѣсь, за перегородкой! говоритъ смотритель. Идетъ, слышу, ко мнѣ. Я лежу, притаился, будто сплю. Вошелъ онъ, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, да и говоритъ: «экая свинья какая! отъѣлся какъ! Тьфу ты, скотина! весь курами набитъ! Треснетъ отъ жиру! Эй ты, куроцапъ!» Я лежу—ни гугу, даже всхрапываю. Что, думаю, отзываться, авось отвяжется. Не тутъ-то было! Принялся онъ на меня плевать. Плюетъ да приговариваетъ: «ахъ ты скотина, свинья! боровъ откормленный! Проснись ты, сало свиное!» Я все молчу. Встать, такъ надобно отстаивать свою честь, пожалуй прибьетъ или, чего добраго, и убить такому сорванцу не

долго. Наплевался онъ вдоволь, наконецъ подошелъ поближе и сдѣлалъ такую мерзость, что и сказать совѣстно.

Журавлевъ (захлебываясь—хохочетъ, что очень нравится Розонову). Ну, а вы что? Ха-ха-ха!

Розоновъ. Я лежу. Что жь тутъ съ нимъ дѣлать, не стрѣляться же! Хотѣлъ я позвать сотскихъ, да думаю, только пошевельнусь, такъ искалѣчитъ. И знаете, не хорошо было явиться въ мокромъ видѣ. Къ счастію, тутъ сказали ему, что лошади готовы. — «Ну прощай, говоритъ, скотина, некогда мнѣ теперь съ тобой возиться!» Сѣлъ и уѣхалъ. Посмотрѣлъ я въ книгу: какой-то гусарскій корнетъ проѣхалъ въ домовой отпускъ, а нашумѣлъ хоть бы генералу....

Журавлевъ. Ну, а Пансовъ какъ побилъ?

Розоновъ. Это ужь напрасно, Иванъ Сергѣевичъ: точно, онъ на базарѣ разъ меня кнутомъ перепоясалъ, да и только; ну и я его тоже.

Журавлевъ. А говорятъ, что онъ вскочилъ къ тебѣ въ коляску да задалъ такую вытрепку, что чудо. А потомъ, когда онъ тебя отпустилъ и хотѣлъ соскочить изъ коляски, ты вырвалъ у кучера кнутъ да и ударилъ его, а онъ кнутъ отнялъ и выколотилъ изъ тебя пыль отличнѣйшимъ образомъ.

Розоновъ. Напрасно, Иванъ Сергѣевичъ. Конечно, я неповоротливъ такъ, какъ онъ. Такъ въ немъ чуть душа держится.

Журавлевъ. За что это онъ тебя?

Розоновъ. Все по вашему дѣлу, Иванъ Сергѣевичъ. На его мужика пало подозрѣніе, что онъ съ вашего завода сахаръ крадетъ. Трофимъ вашъ какъ написалъ, я сейчасъ и налетѣлъ, да ничего не нашелъ, а мужика все-таки отпоролъ для страха; за это у насъ и началась ссора... Вотъ посмотримъ, кто для васъ такъ будетъ стараться, какъ я.

Журавлевъ. Да, а Порожневу продалъ меня....

Розоновъ (съ чувствомъ обиженнаго достоинства).. Продалъ! Помилуйте, Иванъ Сергѣевичъ, какъ же я могу васъ продать? что я за подлецъ такой! Тварь безчувственная, что ли? И наконецъ, что мнѣ Порожневъ,—тьфу сущее! Что онъ? Сегодня до него коснулось дѣло, такъ онъ, пожалуй, радъ золотыя горы сулить, а завтра ищи его; а вы всегда съ нами. Вы—дворянинъ, украшеніе нашего уѣзда, а онъ что? — дрянь! Нельзя было ничего сдѣлать; тогда вашъ Трофимъ ошибку сначала сдѣлалъ, а потомъ Голов-

Кивнулъ такъ глаза уставилъ и уши навострилъ, что ужасъ. Нельзя было никакъ отвертѣться..

Журавлевъ. Ужь этотъ мнѣ Головкинъ!

Розоновъ. Смотрите, что теперь будетъ, когда исправника выберутъ изъ его шайки!

Журавлевъ. Ну, Никоновъ благородный человѣкъ.

Розоновъ. Онъ на это мѣсто не годится. Онъ, я вамъ доложу, будетъ все исполнять по мертвой буквѣ закона.

Журавлевъ. Да и важенъ слишкомъ для этого мѣста. Такъ Головкинъ хотѣлъ, чтобы я поддержалъ кого нибудь изъ его партіи — и потомъ осмѣять, одурачить меня?

Розоновъ. Клянусь вамъ, Иванъ Сергѣевичъ.

Журавлевъ. Ну ты — хочешь быть исправникомъ?

Розоновъ. Нѣтъ-съ, Иванъ Сергѣевичъ....

Журавлевъ. Полно врать! Говори безъ притворства, а то не велю выбирать. Да впрочемъ, тебѣ вѣдь губернаторъ запретилъ балотироваться.

Розоновъ. Это я надѣюсь уладить.

Журавлевъ. Только я уже просить не буду. Мы съ нимъ не въ такихъ отношеніяхъ, чтобы я могъ его просить.

Розоновъ. Я самъ улажу это дѣло. Такъ и быть, чтобы услужить вамъ, еще лѣтъ шесть промаюсь.

Журавлевъ. Для меня?

Розоновъ. Ей-богу, собственно изъ желанія услужить вамъ, Иванъ Сергѣевичъ, чтобы уничтожить вашихъ враговъ и не дать имъ торжествовать.

Журавлевъ. Теперь ты такъ говоришь, а тамъ Головкину угождать будешь.

Розоновъ. Нѣтъ, не дожить ему до этой чести, чтобъ я ему поклонился. Онъ врагъ вамъ, а потому и мой: ваши враги и мнѣ враги, Иванъ Сергѣевичъ. А вотъ увидите, какъ я скручу Головкина, какъ буду исправникомъ. Я его доѣду!

Журавлевъ. Да теперь-то все обѣщаешь, а выберутъ, такъ другое запоешь.

Розоновъ. Вотъ вамъ Богъ, клянусь вамъ Создателемъ, чтобъ мнѣ дѣтей не видать, будь я проклятъ отцомъ и дочкой, если только что нибудь подумаю, не только сдѣлаю не по вашему. Чтобъ провалиться мнѣ сквозь землю! Слуга буду просто за благодѣянія ваши! Вѣдь я не каверзь, Иванъ Сергѣевичъ!

Журавлевъ. Велю тебя балотировать и поддержку и въ

губернскомъ правленіи и въ Петербургѣ, только смотри, у меня держи ухо востро, не то подъ судъ упеку.

Розоновъ. Покорно васъ благодарю. (Бросается цѣловать руки, Журавлевъ не даетъ. Розоновъ цѣлуетъ полу его халата), Увидите сами, какъ я заслужу.

Журавлевъ. Отъ Трофима получать будешь шестьсотъ рублей по прежнему, за особыя дѣла — особый разсчетъ. Только смотри, чтобы Порожневыхъ не было.

Розоновъ (въ припадкѣ восторга). Повѣрьте ужь.... Увидите! Не знаю, какъ и благодарить васъ! Ну, да на дѣлѣ увидите.

Журавлевъ. Заѣзжай ко мнѣ послѣ завтра передъ выборами.

Розоновъ. Слушаю.

Журавлевъ. Ну, прощайте!

Розоновъ. Награди васъ Господь Богъ, за ваши благодѣянія. (Уходитъ.)

Журавлевъ. Негодяй.... А другаго такого исправника не найдешь. Во-первыхъ, Головкинъ его терпѣть не можетъ. Они враги и не покумятся; во-вторыхъ, онъ совершенно какъ слуга мнѣ. Я имъ могу располагать какъ крѣпостнымъ, онъ въ моихъ рукахъ. Онъ знаетъ, что я его могу въ бараній рогъ согнуть, если онъ что нибудь сдѣлаетъ не по моему.

СЦЕНА V.

Общая зала въ трактирѣ, довольно грязная, довольно закопченная; нѣсколько отдѣльныхъ столиковъ съ грязными судками, съ уксусомъ, горчицею и проч. На потолкѣ виситъ люстра старинной формы и ваза, покрытая пылью. У одной стѣны машина. Зала наполнена помѣщиками. Кто обѣдаетъ, кто пьетъ, кто куритъ. Половые бѣгаютъ. Машина заливается русскими пѣснями, въ особенности мятелицею и комаринскою.

Молодой человѣкъ въ очкахъ (со стаканомъ вина въ рукахъ). Да это правда, предводитель лицо важное! его надобно выбирать подумавши.

Нѣсколько голосовъ. Эхъ Андреянъ Сергѣевичъ! Надобно же ему было умереть! Вотъ былъ предводитель такъ предводитель!

Переученый (молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ университетѣ, и по мнѣнію сосѣдей переучившійся такъ, что завирается. Онъ склоненъ къ отрицанію всего существующаго въ уѣздномъ мірѣ.) Что же онъ сдѣлалъ?

Нѣсколько голосовъ. Хлѣбосолъ былъ, добрякъ! Обѣды дѣлалъ такіе, что прелесть просто! Любилъ поѣсть!

ОТДѢЛЬНЫЕ ГОЛОСА.

— Нѣтъ-съ, я вамъ скажу, любилъ угостить!

— Что дѣлалъ? кормилъ насъ превосходно!

— А доброта-то какая! вѣжливость!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Это вещь важная. Вотъ я вамъ скажу случай со мною. Когда я принялъ въ управленіе имѣніе свое, я любилъ уже черезъ-чуръ, знаете, того... кутнуть. Ну-съ, Розоновы и тому подобные крикъ подняли, что я промотаю все. Вотъ кто-то надоумилъ Андреяна Сергѣевича, — вѣдь глупъ былъ покойникъ,—что онъ, дескать, предводитель, и долженъ остановить меня. Хорошо. Присылаетъ онъ ко мнѣ приглашеніе. Я пріѣзжаю, а дѣло, надобно вамъ сказать, было зимою. Онъ встрѣчаетъ меня,—ужь знаете, какъ всегда встрѣчалъ Андреянъ Сергѣевичъ! Душа человѣкъ! Наконецъ, поговоривши о томъ о другомъ, вѣдь онъ не хуже Розоновой любилъ посплетничать,—переминается этакъ и говоритъ: вы, говоритъ, молодой человѣкъ, позвольте мнѣ, старику, вамъ посовѣтовать.... вы, говорятъ, того.... то есть.... водку пьете?.... Я говорю: какъ же, пью, Андреянъ Сергѣевичъ, пью! Покорно благодарю, не откажусь, холодно! Я прозябъ и съ удовольствіемъ выпью! Тотъ дѣлать нечего—позвонилъ, велѣлъ подать водки, я выпилъ рюмку, заставилъ и его выпить, и попросилъ графинчикъ поставить возлѣ меня на столикъ. Ну-съ, вижу, опять Андреянъ Сергѣевичъ жмется, точно животъ у него разболѣлся. Вы, говорятъ, началъ онъ опять, въ карточки любите поиграть?... Съ большимъ удовольствіемъ, говорю я, сыграемте, сыграемте! Я люблю перебросить картишки. Да и дѣлать-то больше нечего: такъ сидѣть скучно! Покойникъ растерялся и не опомнился, какъ очутился за столомъ и заложилъ мнѣ банкъ. Я взялъ съ него семьсотъ рублей, пообѣдалъ, выпилъ и уѣхалъ!

Общій смѣхъ и восклицанія: «браво! отлично! великолѣпно!»

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Вотъ не забылъ же человѣкъ долга гостепріимства! Другой бы вѣдь надѣлалъ пожалуй непріятностей; а этотъ сейчасъ понялъ, что взялся не за свое

дѣло. А каково хлѣбосольство-то, вѣдь онъ никогда въ карты не игралъ, а тутъ сѣлъ!

ГОЛОСА.

— Превосходный, чудный человѣкъ!

— Прекрасная душа!

— Гостепріимство какое!

— Кто у насъ его замѣнитъ!

Перекученый. Вѣдь сами же сознаетесь, что онъ былъ глупъ.

ГОЛОСА.

— Такъ что же?

— Недалекъ!

— Просто глупъ!

— Развѣ предводителю нуженъ умъ?

— Развѣ по уму предводителя выбираютъ?

— Зачѣмъ намъ умъ?

Перекученый. Какъ же предводитель дуракъ?

Пожилой господинъ съ бородавкой (съ жаромъ). И прекрасно! Батинька, развѣ вы не знаете, что отъ предводителя требуется, во-первыхъ, хорошій столъ, чтобы онъ кормилъ хорошо и почаще давалъ обѣды, и для этого—второе: чтобы онъ имѣлъ состояніе, потому что безъ состоянія невозможно кормить хорошо. Ну, такъ здѣсь ума не надобно.

Перекученый. Но какъ же дѣла?

Пожилой господинъ съ бородавкой. Какія дѣла? Развѣ предводитель станетъ корпѣть надъ бумагами, какъ приказный, что это вы? Что нужно и письмоводитель сдѣлаетъ; экая какая фигура — бумаги! дѣла! Да чортъ ихъ побралъ бы!

Перекученый. Да вѣдь вы сами отъ этого терпите. Вы жалуетесь на неправосудіе, зачѣмъ же вы выбираете такихъ лицъ въ судьи и предводители, которыя васъ не хотятъ и не могутъ защитить, а напротивъ, еще терзаютъ васъ. Это все равно, что набрать змѣй, обвить ими все тѣло и потомъ жаловаться, что онѣ жалятъ!

ГОЛОСА.

— Это фразы!

— Экъ куда хватили!

— Это вы начитались въ книгахъ, а на дѣлѣ не такъ!

— Тутъ не философія, а практика.

— Не нами началось!

— Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ!

— Эй, малый! бутылку портвейну.

— Бери, ты, тетеря, да давай, что тамъ еще.

— Бутылку шампанейки!

Господинъ красной наружности. Развѣ мы выбираемъ? Выбираютъ богатые, Журавлевы, а мы здѣсь для баласту, — ничего не значимъ. Отъ этого и выбираютъ извѣстныхъ негодяевъ, потомъ отъ нихъ и плачь. Они во всемъ угождаютъ богачамъ, а насъ давятъ.

ГОЛОСА.

— Кого же намъ выбрать въ предводители?

— Кого же въ самомъ дѣлѣ?

Одинъ голосъ. Лапина!

ГОЛОСА.

— Вотъ нашли!

— Скупердяй!

— Подавился отъ скупости надъ деньгами.

— Хлѣбъ одинъ жретъ.

— Да у него и повара-то нѣтъ!

Другой голосъ. Сомова!

ГОЛОСА.

— Что въ немъ?

— Триста душъ,—какой это предводитель!

— Да и мудренъ больно, все говоритъ объ ученыхъ предметахъ.

— Тоже столъ плохонекъ.

— Да и не знатенъ, живетъ себѣ въ глуши, какъ таракавъ за печкою.

— Зачитался!

— Переучился! Ха, ха, ха!

— Порцію бифштекса!

— Водки!

— Трубку!

— Огня!

— Эй, малый, катай мятелицу.

Голосъ. Генерала Власьева!

ГОЛОСА.

— Вотъ это такъ!

— Вотъ хлѣбосолъ, вотъ истинно русская душа!

— Ангелъ, а не человѣкъ!

— Вотъ онъ можетъ быть представителемъ нашего дворянства!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Позвольте, господа, позвольте! Его выбрать — съ нашей стороны будетъ глупость. Позвольте, я сейчасъ объяснюсь. Дѣло въ томъ, что мы и безъ того пьемъ и ѣдимъ у него когда хотимъ, — такъ что за находка если онъ будетъ предводителемъ? Журавлеву врядъ ли понравится этотъ выборъ. Надобно выбрать кого нибудь другаго, чтобъ можно было поѣсть и тамъ, и у Власьева.

ГОЛОСА.

— Правда!

— Дѣльно!

— Умно!

— Но кого же выбрать?

— Мулова!

Назарьевъ. Его Иванъ Сергѣевичъ не захочетъ.

ГОЛОСА.

— Хитеръ.

— Іезуитъ!

— Бѣденъ и скупъ!

— Жена всегда растрепана и въ ситцевомъ платьѣ.

— Ну кого же? И выходитъ, что некого!

Назарьевъ. А Козелкова!

ГОЛОСА.

— Ба! въ самомъ дѣлѣ!

— Богатъ и будетъ кормить хорошо.

— Прекрасно! Лучше и искать нечего.

— Это будетъ такой предводитель, что ай, разлюли, малина!

— Прелесть!

— Вѣдь онъ не хуже покойнаго Андреяна Сергѣевича будетъ!

— Нѣтъ-съ, почище!

— Пожалуй, что лучше.

— Эй, малый! пусти-ка «Лучинушку»!

— Нѣтъ, лучше какой нибудь тамъ маршъ побѣдный!

— Трубку!

— Кофею!

— Браво, вотъ такъ предводитель!

— Ну что вы пропали всѣ, никакъ васъ не дозовешься! два часа битыхъ я не могу себѣ допроситься вина!

— Огня! Экая скотина!

— Что это за гадость мнѣ подали? Пошелъ перемѣни!

— Да, предводитель рѣдкій.

Назарьевъ. Его Иванъ Сергѣевичъ очень любитъ. Онъ черезъ Ивана Сергѣевича можетъ все сдѣлать.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Онъ человѣкъ-то съ вліяніемъ, только глупъ, глупъ непроходимо, въ головѣ — шаль, опалѣла Магдалина, да и по наружности страховина и гробовина! А ничего, предводитель будетъ отличный!

Перучевый. Вы говорите, что онъ глупъ?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Какъ сто свиней!

Всѣ. Ха, ха, ха!

Перучевый. Какой же онъ будетъ предводитель?

Нѣсколько голосовъ. Кого жь по вашему?

Перучевый. Ну хоть Головкина.

Всѣ (съ ужасомъ). А Иванъ Сергѣевичъ-то что скажетъ?

Перучевый. А что вамъ до него? Вѣдь для васъ нуженъ предводитель, для вашихъ нуждъ,—ну и выбирайте для себя.

ГОЛОСА.

— Идти противъ Ивана Сергѣевича!

— Вы просто съума сошли!

— Это ужь изъ рукъ вонъ!

Перучевый. Козелковъ хорошъ предводитель! Представитель всего дворянства!

Пожилой господинъ съ бородавкою (съ жаромъ). Потягайтесь-ко съ нимъ подите! Онъ васъ съ вашею физикою, да астрономіею туда запрячетъ, что у-у! Вотъ и глупъ, а вы умны, учены, а ничего не сдѣлаете съ нимъ. За него вонъ Журавлевъ, а въ Петербургѣ знакомая танцовщица на содержаніи у одного графа и дѣлаетъ изъ него, что хочетъ. Козелковъ слово ей, она графу— такъ вашего не останется и праху!

ГОЛОСА.

— Ха, ха, ха! Славно!

— Ха, ха, ха! Браво!

— Да что тутъ толковать — Козелкова!

— Предложить ему!

Назарьевъ. Господа! прежде предложить надобно Ивану Сергѣевичу, онъ откажется—тогда Козелкова. Знаете, честь сдѣлать надобно.

ГОЛОСА.

— Отлично!

— Поднести ему шары на рукахъ.

— Дѣло рѣшено!

— Что же ты маршъ, эй тетеря, зафилософствовался!

Музыка играетъ маршъ, помѣщики чокаются, пьютъ, шумятъ и курятъ. Въ этомъ хаосѣ невозможно ничего разобрать. Все общество раздѣлилось на отдѣльныя групы. Група 1-я: Назарьевъ и три толстыхъ господина.

Назарьевъ (тихо, съ таинственнымъ видомъ). Вотъ бы удрать штуку: упросить Сомова балотироваться въ предводители, да и пустить черняками; знаете, чтобы посбить спѣси-то, а то вишь онъ ученый, а мы неучи!

Толстый господинъ съ сапомъ. Это будетъ въ самомъ дѣлѣ мастерская штука. Это надобно устроить.

Два другіе. Мы объ этомъ похлопочемъ.

Толстый господинъ съ сапомъ. Отличная штука! Пусть-ка тогда отпуститъ свою ученую насмѣшку. Одурачить его! Вотъ воображаю, будетъ важничать-то, когда ему предложатъ балотироваться въ предводители; носъ задеретъ, а тутъ его черняками, черняками!

Назарьевъ. Безъ прогоновъ прокатимъ на вороныхъ, такъ что небо съ овчинку покажется!

Толстый господинъ съ сапомъ. Иванъ Сергѣевичъ, я думаю, будетъ очень доволенъ,—вѣдь онъ его не любитъ.

Назарьевъ. Еще бы! Что такое Сомовъ? — дрянь, и никогда не хочетъ поклониться Ивану Сергѣевичу, покориться. А какъ хотите, господа, такихъ настоящихъ вельможъ какъ Журавлевъ—не много. Вельможа, настоящій вельможа! Вѣдь шутка ли, около милліона серебромъ получаетъ доходу въ годъ; въ Петербургѣ всѣ министры, графы и князья—друзья съ нимъ, онъ съ ними за панибрата! А и насъ не отвергаетъ, бѣдныхъ дворянъ.... Ну, что я передъ нимъ такое? А онъ и со мною говоритъ, допускаетъ меня къ себѣ, я осмѣливаюсь бывать у него. Право, какъ подумаешь, кто онъ, и кто я,—такъ на сердцѣ, знаете, сдѣлается какъ-то того.... (Дѣлаетъ движеніе рукою). Самъ даже въ своихъ глазахъ увеличиваешься, ростешь, умножаешься!

Толстый господинъ съ сапомъ. Это совершенно справедливо. А какія онъ дѣлаетъ геніальныя вещи! Вѣдь онъ просто геній, Маркъ Игнатьевичъ!

Назарьевъ. Геній, Константинъ Давыдовичъ! Я никогда не забуду, какъ горѣлъ его теткинскій заводъ. Пріѣзжаетъ онъ на пожаръ. Пламя такъ океаномъ и разливается, пламя такъ и по-

жираетъ бурно все—и заводъ, и произведенія художества. Другой бы растерялся, не зналъ что дѣлать, впалъ бы въ уныніе. А онъ окинулъ все своимъ взглядомъ, велѣлъ собирать изъ ближайшихъ деревень плотниковъ и возить лѣсъ. Пожаръ свирѣпствуетъ, а тутъ уже возятъ лѣсъ для постройки новаго завода! Только успѣли растащить старый обгорѣлый заводъ, какъ заложилъ уже новый на горячей золѣ, чуть не на пылающихъ угляхъ. Геній!

Одинъ изъ помѣщиковъ. Ему можно такъ дѣйствовать, когда лѣсу строеваго всегда наготовѣ пропасть, рукъ не нанимать—слишкомъ двадцать тысячъ душъ и милліонъ рублей годоваго дохода. Чего тутъ унывать! Я бы самъ не унылъ. А вотъ пусть-ка у него загорится послѣдній домишка, да построить не на что и некѣмъ, вотъ тогда поневолѣ уныніе найдетъ.

Назарьевъ. Нѣтъ, вы бы такъ не распорядились—дай вамъ вдесятеро больше.

Тотъ же помѣщикъ. Дѣло естественное: чѣмъ скорѣе отстроишь заводъ, тѣмъ скорѣе доходъ съ него опять получишь; тутъ каждая минута дорога, тысячи приноситъ.

Назарьевъ. Все это хорошо на словахъ, а на дѣлѣ вы бы такъ не распорядились. Теперь, это вы скажете не геніальность: сидитъ онъ за столомъ, не кончилъ обѣда, вдругъ онъ встаетъ: лошадей! — Лошади у него всегда готовы, у жены всегда день и ночь уложены особенныя вещи для дороги въ чемоданахъ, тамъ гардеробъ и прочее. Едва успѣетъ жена его надѣть шляпку, какъ они уже летятъ въ Петербургъ, въ Парижъ, а черезъ двѣ недѣли они уже опять дома, въ деревнѣ.

Тотъ же помѣщикъ. Вотъ это, я согласенъ, геніальность....

Назарьевъ. Нѣтъ-съ, далеко намъ до него. Милліонъ дохода—и принимаетъ насъ и говоритъ съ нами. Дайте мнѣ милліонъ, да я бы, кажется, не взглянулъ бы ни на кого!

Толстый господинъ съ сапомъ. Ну, время и домой.

Назарьевъ. Что дѣлать дома-то? Не метнемъ ли банчишку, а то вы вѣдь меня какъ липку обобрали.

Толстый господинъ съ сапомъ. Сперва коммерческую.

Назарьевъ. Пулечку? Ну, ладно. Экая проклятая восьмёрка, до сихъ поръ забыть не могу!

Другая группа: Молодой человѣкъ въ очкахъ, [illegible]. Пожилой господинъ съ бородавкою, Помѣщикъ Пестриковъ, кушающій съ нечеловѣческимъ аппетитомъ и съ большою жадностью; и два высокихъ, худыхъ брата Мартыновичи, извѣстные подъ именемъ «Мартышекъ».

Пожилой господинъ съ бородавкою. Наконецъ отыскали предводителя!.. Эка бѣдный какой уѣздъ подумаешь, некого и выбрать. . . . .

Пестряковъ (отрывисто). Будетъ кормить!... Поѣдимъ! (жуетъ такъ, что за ушами трещитъ).

Пожилой господинъ съ бородавкою. А вліяніе-то, вліяніе, вы упускаете изъ виду!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Гдѣ это онъ познакомился съ этою танцовщицею?

Пожилой господинъ съ бородавкою. Да, вотъ толкуйте, что глупъ, а онъ глупъ-то глупъ, а себѣ на умѣ, — отмочитъ такую исторію, выкинетъ такую штуковинку, что и умному любо дорого выдумать! Поѣхалъ онъ въ Питеръ, знаете, кутнуть: должно быть тамъ дураковъ не видали. Ну нашелъ тамъ знакомаго, сына Дудковскаго предводителя, онъ тамъ въ лейбъ-гусарахъ служитъ; ну, они тамъ вмѣстѣ кутили, ѣздили это вездѣ. Какъ-то они повстрѣчали эту танцовщицу, тотъ ей представилъ Козелкова. Танцовщица умирала-смѣялась, говоря съ нимъ, а вѣроятнѣе всего надъ нимъ, потому что онъ какъ только разинетъ ротъ, такъ и совретъ страннѣйшую глупость; — такихъ болвановъ, я думаю, въ Петербургѣ съ основанія его не бывало. Только Козелковъ разсказываетъ съ восторгомъ, что онъ имѣлъ честь говорить съ этой танцовщицею, которая привыкла быть въ избранномъ обществѣ аристократіи, такъ что у ней бываютъ только графы съ князьями, да министры. И преуморительно разсказываетъ, — вѣдь вы знаете, какъ онъ шепелявитъ и плюется, когда говоритъ. — Малый, трубку! — Ну-съ, на другой день Козелковъ не будь простъ, ни съ того, ни съ сего, хлопъ ей подарокъ въ полторы тысячи! А? каково? — вотъ вамъ и глупъ!

Пестриковъ. Молодецъ!

Пожилой господинъ съ бородавкой. Еще бы не молодецъ! Вотъ и познакомился, и имѣетъ сильную руку. . . . . .

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Что же онъ за нею — волочился? . . . .

Пожилой господинъ съ бородавкой. Ну ужъ и волочился! Его ли рылу волочиться, да еще за графскими.... Онъ вонъ у своей Матрешки цѣлый годъ благосклонности искалъ, снисхожденія просилъ: беретъ, плутовка, подарки — и ни съ мѣста, только смѣется надъ нимъ; такъ ужъ онъ ее на конюшнѣ отпоролъ, такъ добился. Оказалось, что кучеръ Михѣйка его опередилъ. Онъ

тогда и Михейку въ солдаты сдалъ. А то, за графскими!.. Нѣтъ, батюшка, намъ туда нечего соваться, — а и то честь, когда позволятъ познакомиться, зайти, поклониться! — и то дѣлаетъ много. Вотъ просто на улицѣ встрѣтилъ да поклонился, такъ ужь тебя иначе глядятъ, сейчасъ увидишь къ себѣ почтеніе. Нашему брату, деревенщинѣ, въ передней постоять у такой особы — и то честь; а то еще волочиться! Да обратитъ ли она вниманіе, и какъ смѣть передъ графомъ!... Нѣтъ-съ, это несообразное дѣло. Вотъ онъ былъ вѣжливъ, почтителенъ и имѣетъ сильную руку.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. А она имѣетъ большой вѣсъ?

Пожилой господинъ съ бородавкой. Чтó скажетъ графу, то и свято. А графъ и самъ по себѣ лицо важное, и имѣетъ, разумѣется, и связи, и знакомства.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Чортъ возьми!

Мартышка № 1. Да, счастливецъ Ковелковъ! Подумайте, какое знакомство!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Я бы не то сдѣлалъ! Я бы приволокнулся за нею такъ, что чертямъ стало бы тошно!

Мартышка № 2. За графской-то!

Мартышка № 1. А графъ бы что сказалъ? Что бы онъ съ вами сдѣлалъ? Нѣтъ-съ!

Пожилой господинъ съ бородавкой. Да и она на васъ не обратила бы вниманія.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ну, это я бы увидѣлъ! Я ужь на что, на что, а на это мастеръ! Какой хотите женщинѣ голову вскружу, такъ что она будетъ безъ ума просто! Ужь это наше дѣло! На томъ стоимъ, что пьемъ да ѣдимъ.

Пожилой господинъ съ бородавкой. Ну, ужь тутъ ничего бы не сдѣлали, — разумѣется, и она не безъ грѣха: ужь танцовщица, извѣстно!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ага! Ну вотъ видите ли! Надобно только найтись, знать, съ какой стороны подъѣхать, — словомъ, умѣть взяться за дѣло. У меня не одна такая была!

Мартышка № 1. Счастливецъ вы!

Пожилой господинъ съ бородавкой. Только это не вамъ графъ на ней хочетъ жениться.

Въ одинъ голосъ.

Мартышка № 1. На танцовщицѣ!

Мартышка № 2. На актрисѣ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. На содержаніѣ!

Пестриковъ. Срамъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Это уже не пристало совершенно графу,—фи! Я бы отъ него отвернулся, а ей бы надѣлалъ дерзостей.

Мартышка № 1. И этакая дрянь будетъ графинею, вотъ счастье-то! Не лучше ли ему осчастливить какую нибудь бѣдную дворянку!

Мартышка № 2. Это низость, просто!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Нарочно поѣду въ Петербургъ, чтобы только надѣлать ей дерзостей! Терпѣть не могу, когда люди забываются и садятся не въ свои сани. Неужели же ее будутъ принимать гдѣ нибудь? Кто ее захочетъ знать тогда!

Пестриковъ. Теперь же кланяются, уважаютъ ее?

Пожилой господинъ съ бородавкой. Теперь дѣло другое! Но жениться такъ графу,—фи! совершенно не идетъ. Да если бы мой сынъ женился не на равной себѣ, не на дворянкѣ, я бы его проклялъ! — А то графу и на актрисѣ! Вѣдь согласитесь только съ тѣмъ, что всякій, кто только является на судъ публики, уже публичный человѣкъ, ждетъ одобренія, нуждается въ похвалахъ. Всякій о немъ можетъ судить и рядить, хвалить и осуждать. Всѣ эти актеры, актрисы, писатели, сочинители—люди болѣе или менѣе публичные! Съ ними, кто говоритъ, можно быть знакомымъ, поощрять ихъ таланты, такъ какъ они обязаны забавлять насъ, занимать; но вступать въ союзъ, родниться!—воля ваша, не слѣдуетъ. Очень весело имѣть родныхъ гаеровъ, которыхъ хлопаютъ и свищутъ, которые только и живутъ, чтобы потѣшать публику. Онъ публичный человѣкъ и живетъ ужь не для себя, а для другихъ, чтобъ другимъ было весело. Онъ долженъ стараться потѣшать насъ отъ-нечего-дѣлать. Это, такъ сказать, игрушки для взрослыхъ.

Мартышка № 1-й. Совершенно справедливо-съ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Это такъ-съ! Но я люблю этотъ кругъ, чортъ возьми, артистическій, свободный. Знаете, тамъ душа на распашку и жизнь какъ-то совершенно другая, прелесть просто: веселье, любовь, вино, женщины! Эхъ, чортъ возьми! вспомнишь, такъ сердце вотъ такъ — тукъ-тукъ-тукъ и заколотитъ. Да, я таки видѣлъ на своемъ вѣку!.. А вотъ и вамъ скажу, какъ я разъ отбилъ у одного старика жену, вотъ подъ носомъ у него подцибрилъ. А онъ, не забудьте, генералъ... Малый, водки!

Мартышка № 2-й. Что же онъ съ нами сдѣлалъ?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ровно ничего, онъ еще былъ другомъ моимъ. Да, мы таки искутили, пошалили на своемъ вѣку! Постойте, постойте о чемъ пари? (Подбѣгаетъ, шатаясь, къ двумъ помѣщикамъ, которые размахиваютъ руками и спорятъ).

Нѣкоторые разошлись. Оставшіеся большею частію навеселѣ. Два помѣщика въ одномъ углу залы сидятъ почти совершенно пьяные.

Помѣщикъ, потолще. Нѣтъ, нѣтъ, Андрей Севастьянычъ!.. вы только подумайте, что намъ предстоитъ!... Вы подумайте!.. Вѣдь мы грѣшники? А? грѣшники?

Помѣщикъ, потоньше. Какъ же, какъ же, Кузьма Демьяныч!.. Извѣстное дѣло, я вотъ старосту посѣкъ, каналью...

Помѣщикъ, потолще. Да не въ томъ дѣло.... Выпьемъ-ка! (Пьютъ). Что староста,—тьфу!... А вотъ мы — грѣшники... Такъ что ли я говорю? Отвѣчай, чортъ!

Помѣщикъ, потоньше. Такъ, такъ, Кузьма Демьянычъ!

Помѣщикъ, потолще. Намъ предстоитъ геенна огненная!... Понимаешь ты?... Идѣже огнь неугасимый!... мученія вѣчныя, такъ, что ли? Да говори, сатана,—а то вотъ графиномъ пущу... Я хочу, чтобъ слушали, когда я говорю... Я за это же—ну отмолотилъ!... Пей... Ну такъ геенна огненная? (Пьютъ).

Помѣщикъ, потоньше. Геенна... Кузьма Демьянычъ!

Помѣщикъ, потолще (со слезами). Вотъ что меня сокрушаетъ. Я часто плачу о грѣхахъ своихъ... И ты плачешь?.. Плачь о грѣхахъ... а не то, скотина, графиномъ рожу расшибу!.. Я терпѣть этого не могу... Плакать, такъ плакать!... (Бьетъ себя въ грудь). Грѣшники мы... окаянные!.. адъ... подумай, вѣдь адъ... каналья ты этакой... адъ, а ты и въ усъ не дуешь!... Слышь ты, Порфирій!.. вѣдь ты въ адъ, негодяй, лѣзешь!. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!... Читай акаѳистъ Богородицѣ... слышь, станемъ молиться и плакать!... (Рыдаетъ).

Группа посрединѣ залы. Мало по малу всѣ собираются сюда. Въ срединѣ группы Шкстовъ, высокій черный мужчина, довольно красивой наружности, и Костылевъ, рябой, маленькій человѣкъ, похожій на гада. Оба въ подпитіи.

Шкстовъ. Ей Богу, вѣдь я тебя, ей Богу, подлеца люблю!.. А за что?.. за то, что у тебя откровенная душа, послѣдняя копейка ребромъ. Ты нескрытенъ!

Костылевъ. Нѣтъ, зачѣмъ быть скрытнымъ...

Шкстовъ. Слушай! Я говорю; ты нескрытенъ... всегда го-

тобъ угостить, какъ можно больше. Чокнемся! (Чокаются и пьютъ). Послѣдній грошъ пропьемъ... Вотъ это я люблю!... Кутнуть въ компаніи съ очарователемъ!... Книгъ не купишь!..

Костылевъ. Не куплю!

Шестовъ. И я говорю, дряни этой не купишь, на вздоръ денегъ не бросишь, а пропьемъ какъ слѣдуетъ съ пріятелемъ!.. За то я тебя люблю... Угостить умѣешь... всегда когда, ночуешь у тебя, раздѣвать приходитъ хорошенькая дѣвочка.—Честь тебѣ дѣлаетъ твое хлѣбосольство.... Самъ ни одной женщинѣ спуску не даешь во всей деревнѣ... Вотъ я тебя за что люблю! Дай поцалую, подлецъ! (Тянется поцаловать его и опрокидываетъ столъ). Ничего! колоти все! Для друга можно! (Машина играетъ комаринскую).

Шестовъ. Вотъ люблю!... вотъ лихо! (Поетъ) «Ахъ собачій сынъ, комаринскій мужикъ!» (Пускается въ присядку). Ану, братцы, жеганемъ трепака!.. Эхъ, жаль, что не деревня!... Бабъ нѣтъ, а то откололь бы!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Я сейчасъ актрисъ привезу! Мерзлякова лихо трепака откалываетъ.

Всѣ. Везите, везите!

Шестовъ. Эхъ, ходи браво! (Самъ поетъ.)

Костылевъ. Ходи браво! (Пускается трепака, подбочениясь. Онъ выдѣлываетъ колѣнца передъ Шестовымъ; тотъ, подбочѣнясь, подергиваетъ плечами и потопываетъ ногой.)

Всѣ. Браво! браво! лихо! (Затягиваютъ хоромъ). «Ахъ собачій сынъ, комаринскій мужикъ!»

Помѣщикъ, потолще. Я тебѣ говорилъ... Порфирій!.. въ адъ, подлецъ, лѣзешь... Плачь!.. Не хотѣлъ меня слушать! Вотъ тебѣ!.. (Пускаетъ въ него бутылкой; бутылка падаетъ на полъ, за нею валится онъ самъ.) Геенна!... адъ!..

Порядочный (*). Жалѣть ли ихъ, иль презирать? Вотъ русское дворянство! Вотъ образчики ихъ мнѣній и понятій! Что же это? Невѣжество ли, необразованье такъ исковеркало ихъ понятія, изуродовало мысли, опошлило, унизило,—или, страшно и подумать, въ нихъ заснуло, умерло на вѣки чувство чести и долга, сознаніе человѣческаго достоинства, потребностей? Разсудокъ ихъ оставилъ, онъ затемненъ виномъ и обжорствомъ. Въ сужденіяхъ, въ поступкахъ—во всемъ низость! Подлость, лесть предъ

(*) Онъ говоритъ [illegible].

всякимъ генераломъ, предъ богачемъ, имъ почетъ и уваженье. Они скажутъ какую нибудь глупость, ихъ слова разносятъ и повторяютъ какъ-Богъ-вѣсть какую мудрость, и въ тоже время готовы смотрѣть съ презрѣніемъ на міровой талантъ, на генія искусства, если только у него не крупный чинъ и не полные карманы! Честность, благородство, умъ, — это все лишній грузъ для нихъ, не стоящій ни гроша! Ну вотъ пріѣхали на выборы, вѣдь знаютъ другъ друга отлично, могли бы выбрать людей достойныхъ: чтобъ правосудіе было въ присутственныхъ мѣстахъ, чтобъ это были дѣйствительно храмы закона, а не рынки, на которыхъ продается совѣсть, законъ, ближній, — гдѣ чуть не съ аукціона продается неправосудіе. И тотъ всегда правъ, кто больше дастъ. Будь предводитель дѣльный, настоящій предстaвитель дворянства—сколько бы добра-то было! Какъ бы сильнемъ и силенъ былъ голосъ русскаго дворянства! А теперь, Боже мой, да люди ль это? Какъ ихъ уважать, какъ ихъ слушать! Съѣдутся на выборы—послѣднюю копѣйку, кровавымъ потомъ мужика добытую, въ счетъ будущихъ доходовъ занятую, ребромъ ставятъ. Опухшіе отъ лѣни и отъ пьянства, съ тяжелой головой, съ желудкомъ, испорченнымъ обжорствомъ, въ какомъ-то хаосѣ, подъ вліяніемъ богатыхъ и крупныхъ, производятъ выборы. Стараются угодить, а объ себѣ не думаютъ. Забываютъ, что судья нуженъ именно для того, чтобъ защитить слабаго передъ сильнымъ, бѣднаго передъ богатымъ, что предводитель долженъ заботиться о бѣдныхъ. А они, холопы, своихъ притѣснителей и выбираютъ. Дасъ генераломъ же, въ самомъ дѣлѣ, не оспорить! богатому какъ смѣть противорѣчить! Они что сказали, то свято! Съ поклонами принимаютъ, выбираютъ кого приказано, а бѣднѣйшіе-то, которыхъ больше давятъ, которымъ больше достается, не имѣютъ и голоса! Потомъ пойдутъ жалобы, плачъ, стоны, въ судахъ нѣтъ правды; взятки—того разорили, того пустили по міру! Смѣшно, и досадно, и больно слушать! Вѣдь сами же выбирали отчаянныхъ негодяевъ, извѣстныхъ подлецовъ! На нихъ какая-то напала одурь: играютъ въ карты, пьютъ, ѣдятъ, спятъ и больше ничего. Вонъ избиратели въ присядку пляшутъ и скверныя пѣсни горланятъ. Ну, что тутъ можетъ быть хорошаго! Да, Козелковъ ихъ настоящій представитель! У нихъ голова совершенно лишняя часть тѣла: зачѣмъ думать, зачѣмъ разсудокъ? Онъ безпокоитъ, не даетъ жить спокойно, безпечно тонуть въ омутѣ, въ тинѣ! Они живутъ желудкомъ, живутъ, чтобъ ѣсть, пить и спать!

Желудокъ — господинъ всего: Задай обѣдъ, всѣ сбѣгутся; корми почаще, пой допьяна, будешь въ почетѣ, будутъ любить и уважать. Лишь бы былъ полонъ карманъ, а до головы нѣтъ дѣла. Я всегда дивлюсь, что за эластичныя у нихъ спины, какъ гнутся передъ всякимъ богачемъ и титулованнымъ. А въ деревнѣ-то грязный развратъ, мерзости! Опомнись, русское дворянство! проснись и посмотри ты на себя! Пора себя поставить такъ, чтобъ тебя бы уважали, чтобъ слушали твой голосъ! Довольно спать и угождать желудку, и золотымъ болванамъ поклоняться! Дай вѣсъ уму, наукѣ мѣсто и уваженье долгу. Проникнись ты мыслію и честью! Живи разсудкомъ, а желудокъ пора уже отодвинуть на второе мѣсто. Вступи на путь, который тебѣ укажетъ честь, наука, мысль, — и чтобъ благородство дворянина тебя въ пути руководило! Чтобъ ты дѣйствительно отличалось честью, и званье *благородный* было не звукъ пустой, а заслуженное названіе, девизъ всей жизни! Да, начинается движенье понемногу! Впередъ, впередъ, дворяне! Но далеко еще тебѣ идти, Россія..

СЦЕНА VI.

Квартира Розоновыхъ. Та же комната, что въ первой сценѣ.

Розоновъ (входитъ). Ну, вотъ таскался къ Журавлеву, тотъ согласился поддержать меня своимъ вліяніемъ. Еще бы онъ не согласился! Пусть-ка поищетъ другаго такого исправника, какъ я. (Садится). Фу, усталъ! А что проку! Бѣгалъ, кланялся, просилъ, а губернаторъ не допустилъ до балотировки. Охъ, ужъ этотъ мнѣ губернаторъ! Онъ на меня ожесточенъ, какъ хищный звѣрь! Съѣлъ бы, кажется, если бы только могъ! Враги мои ему надули въ уши, наговорили страстей Господнихъ! Особенно дѣло съ лошадями скверно, изъ рукъ вонъ гадко! Губернаторъ, говорятъ, твердитъ одно: Розоновъ исправникомъ, а братъ его лошадей по всему уѣзду крадетъ, да въ другую губернію перепродаетъ; а онъ его покрываетъ. Грозился меня за это въ Сибирь сослать, да и съѣлъ шишъ съ масломъ — я по слѣдствію и суду вышелъ чище стеклышка! А все-таки подозрѣніе, пятно!.. Вотъ тутъ-то и помогай роднымъ! Братъ вѣдь родной, нельзя не покрыть. Не обвинить же его въ воровствѣ, не поймать же съ поличнымъ

на дѣлѣ! Поневолѣ молчишь, — думаешь, братъ въ свою очередь побережетъ и меня, обдѣлаетъ все шито-крыто! А онъ разворовался явно, такъ что весь уѣздъ знаетъ и кричитъ въ голосъ.... Очень мнѣ нужны его полторы тысячи, которыя онъ мнѣ далъ. Да за такую штуку, за такой скандалъ, менѣе пяти тысячъ нельзя взять гроша!... Что дѣлать? — братъ!... Враги мои между тѣмъ не дремлютъ, подняли шумъ, сумбуръ, гвалтъ! Сколько ихъ набралось съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что мнѣ не дозволяютъ баллотироваться. И кто же самые ожесточенные? — тѣ, которые прежде казались нѣжными, преданными друзьями. Я говорю: пока человѣкъ имѣетъ хоть маленькое вліяніе, всѣ кланяться ему готовы; а вотъ поскользнись немножко, такъ всякая козявка, букашка, мошка вылѣзетъ изъ-за щели и усами на тебя замахаетъ, готова затоптать, укусить, опакостить. Въ прежнее время сидѣла забившись въ щель, чтобъ ее только не тронули, не задавили, а теперь — куда тебѣ? норовитъ выбрать мѣсто повиднѣе: знай молъ нашихъ; смотрите, и я умѣю кусать и пакостить! Всякій оселъ лягается! Свались только, такъ заклюютъ, забьютъ совсѣмъ! Сейчасъ Назарьевъ, Дурноумовъ и Покровскій ѣдутъ, смотрятъ въ глаза, смѣются и не кланяются. Даже отвернулись, когда я имъ поклонился. А давно ли, подлецы, были друзьями-пріятелями, чуть не дневали, не ночевали у меня! Эхъ, если бы мнѣ остаться исправникомъ! На зло бы имъ!... Кто-то подъѣхалъ? (Смотритъ въ окно). Жена!... Ухъ, сердце замираетъ!... Знаю, увѣренъ, что пріѣхала ни съ чѣмъ, а все-таки волнуюсь!... (Идетъ къ дверямъ).

Голосъ Розоновой (за сценой). Бога ты не боишься, разбойникъ! право, разбойникъ! За что тутъ двугривенный! Вѣдь тутъ два шага!... (Сиплый голосъ извощика что-то говоритъ, словъ разобрать невозможно). Христіанства въ тебѣ нѣтъ!... Довольно, довольно съ тебя гривенника, за глаза довольно! Не десять верстъ везъ. Другой бы изъ христіанской души посадилъ бы, да довезъ. Видишь, бѣдная женщина, одна, скользко. А тебѣ гривенника мало.

Голосъ извощика (за сценой). Хоть пятнадцатывничекъ положите. Прибавьте, матушка, по совѣсти, Христа-ради. Грѣхъ, матушка, обижать такъ.

Розонова (за сценой). Сказала больше не дамъ!

Голосъ извощика. Грѣхъ у животины отнимать, она хоча говорить не можетъ, а Богу жалится, что вы ее обсчитали. Пожалѣйте лошадку, прибавьте пятачокъ, матушка.

Розонова. Пошелъ вонъ! Я велю тебѣ шею наколотить, болванъ этакій! Матрена, возьми салопъ, скорѣе же! Гдѣ ты сидишь, я тебѣ дамъ, шельма эдакая! (Показывается въ дверяхъ).

Розоновъ. Ну, что?

Розонова (торжественно). Ну, слава Богу, обдѣлала дѣлишки! Поздравляю! губернаторъ согласился!

Розоновъ. Быть не можетъ!

Розонова. Сперва упрямился, потомъ растаялъ, пустился въ комплименты, говоритъ: передайте вашему мужу, что я противъ него ничего не имѣю, я даже расположенъ къ нему, онъ можетъ балотироваться!

Розоновъ. Ты шутишь!... Что, не принялъ?

Розонова. Тьфу! ты дубина, прости Господи, пень осиновый! Говорятъ тебѣ, губернаторъ дозволилъ балотироваться и даже пустился въ комплименты.

Розоновъ. Да можетъ ли быть?

Розонова. Говорятъ тебѣ, — ахъ ты Боже мой!

Розоновъ. Ай да молодецъ! ай да душенька моя! Да правда ли? Это такое счастіе, что мнѣ не вѣрится!

Розонова. Для чего жь я тебя буду обманывать?

Розоновъ. Ты у меня дипломатъ! молотокъ!... А-а-а-а! теперь враги мои держитесь! Теперь я церемониться не буду. Прослужу послѣднія шесть лѣтъ, а тамъ меня хоть разсуди — вѣдь и подъ судомъ живутъ же люди!

Розонова. Ты смотри, не вздумай отдыхать на лаврахъ. Помни, что еще тебѣ надобно позаботиться о шарахъ. Да еще намъ многое осталось сдѣлать. Дѣтей устроить, пора вѣдь!

Розоновъ. Знаю, знаю! Не безпокойся, матушка, все сдѣлаю. Теперь я убѣжденъ, что буду исправникомъ, мнѣ недоставало только согласія губернатора!

Розонова. Что Журавлевъ?

Розоновъ. Сказалъ, что меня выберутъ, если губернаторъ позволитъ балотироваться (Уходитъ въ другую комнату).

Розонова. Ну, слава Богу! Господь оглянулся на насъ бѣдныхъ! Мои горячія слезы не пропали даромъ!

Липочка и Катенька входятъ.

Липочка. Ну, что вамъ Богъ далъ?

Катенька. Ахъ, маменька! Ну, что?

Розонова. Слава Богу, все уладилось: губернаторъ позволилъ балотироваться и Журавлевъ обѣщалъ выбрать Гришу.

Липочка и Катенька (прыгаютъ отъ радости и кричатъ). Ги, ги, ги!

Розонова. Оглянулся на насъ Творецъ небесный, теперь у насъ все пойдетъ, какъ по маслу!

Липочка. Только, маменька, купите мнѣ то платье, что мы смотрѣли, и шаль, — а то у всѣхъ есть шали. Нынче всѣ носятъ шали.

Катенька. Да ужь нечего сказать—дрожите надъ всякою копѣйкою, а намъ надѣть нечего, поневолѣ думаютъ, что мы голыя невѣсты!

Липочка. А сами-то какъ ходите? — просто срамъ! въ какомъ-то ватномъ капотѣ, точно изъ стараго одѣяла передѣлали.

Розонова. Кто на меня старуху смотритъ! что ни надѣну,— все хорошо!

Катенька. Вы все отговаривались, что не знаете, останется ли папенька на мѣстѣ. Теперь папенька остается исправникомъ; надѣюсь, что насъ можно одѣть и вывозить.

Липочка. Разумѣется! Что мы дома-то толкаемся, какіе тамъ женихи. Вотъ здѣсь—другое дѣло, поѣхать бы въ собраніе; въ театръ.

Катенька. Вы мнѣ еще должны купить брильянтовое колье.

Липочка. И мнѣ тоже.

Катенька. У тебя же есть съ лирой и со стрѣлами.

Липочка. То старое.

Катенька. А у меня такъ никакого нѣтъ.

Липочка. И я хочу имѣть новое. Можешь сама тогда надѣвать старое.

Розонова. Ну, все теперь понадобилось. А деньги-то гдѣ?

Липочка. Вѣдь папенька исправникомъ будетъ, — мало ему носятъ!

Катенька. У васъ все денегъ нѣтъ!

Розонова. Откуда ихъ взять-то? Бьешься какъ рыба объ ледъ, чтобы какъ нибудь концы съ концами свести, да вамъ что нибудь съэкономить.

Липочка. Съ живаго и съ мертваго дерутъ, а дочерямъ ничего не хотятъ сдѣлать; нечего сказать, хороши родители!

Розонова. Что жь, мало для васъ дѣлаютъ? Стыдилась бы говорить! Отъ платьевъ сундуки ломятся!

Липочка. Ну ужь платья! Тряпки! На базарѣ покупали!

Розонова. Приданаго, слава Богу!

Липочка. Да уж приданое, нечего сказать! Будочникъ больше дастъ за дочерью. Все небось на свое имя въ ломбардъ-то кладете!

Розонова. Что же, по твоему, намъ ничего не имѣть? Да какъ же мы будемъ жить на старости? Вы насъ въ шею вытолкаете. Намъ умирать съ голоду, просить подъ окнами придется. Теперь вотъ зубъ за зубъ грызетесь, мать не уважаете, а дай вамъ все....

Липочка. Много надавали! нечего сказать, много отъ васъ увидишь! Есть за что уважать васъ!

Розонова. Что же мало вамъ? Отецъ съ двадцатью душами на службу поступилъ, а теперь у него четыреста! Себѣ только двѣсти оставляемъ, за каждой по сту душъ даемъ, по пятнадцати тысячъ серебромъ сверхъ того. Мало вамъ этого, что ли? А умремъ, съ собой ничего не возьмемъ, — все вамъ останется.

Катенька. Да, жди когда еще вы умрете!

Розонова. Покорно благодарю! Хороша дочь! Одолжила, нечего сказать! Матери смерти желаетъ!

Катенька. И не воображала! По мнѣ живите, пожалуй, хоть сто лѣтъ, для меня это все равно! Я къ тому только говорю, что вы на каждомъ шагу глаза колете вашимъ наслѣдствомъ.

Розонова. Да ужь нечего, хороша дочка! Оттого-то вамъ Богъ и счастья не даетъ.

Липочка. Еще бы, когда вы на всякомъ шагу проклинаете!

Катенька. Есть за что уважать васъ, только проклятія и слышишь!

Розонова. Замолчи ты, безстыдница, дрянь ты этакая!

Липочка. Ну, ужь ругаться начала! Не хотите ли поколотить насъ. Этого только не доставало. Хороша матушка!

Розонова. Хороши дочки! Не угодилъ Богъ дѣтками!

Липочка. Не угодилъ Богъ матушкою! Эхъ вы, матушка!

Катенька. Только ругательства да проклятья и слышишь!

Розонова. Постойте, повезу я васъ куда нибудь! Въ четырехъ стѣнахъ у меня просидите!

Липочка. Мы и такъ сидимъ! Не возите, благодаримъ покорно! Оттого мы въ дѣвкахъ и сидимъ.

Розонова. Мало мы выѣзжаемъ и у насъ бываютъ?

Катенька. Выходите сами за уѣздныхъ стракулистовъ!

Липочка. Хорошо у насъ знакомство, нечего сказать! Да и

изъ этихъ-то никто не женится. Вы насъ одѣть порядочно не хотите.

Катенька. У тебя все-таки хоть что нибудь есть, а у меня ровно ничего.

Липочка. Да вотъ тебѣ все надобно!

Катенька. А то небось тебѣ!

Липочка. Очень нужно одѣваться для твоего Вильгельмана. Стоитъ онъ!

Катенька. Ну ужь ты, гусарша, молчи.

Липочка. Да, гусарша! Разумѣется, не пойду за сапожника-нѣмца.

Розоновъ (входитъ съ блинцомъ въ одной рукѣ, съ кускомъ жареной говядины въ другой). Что тутъ такое?

Розонова. Ничего, мы такъ говорили между собою. Что ты, моя купочка, проголодался? Кушай, папочка мой, я нарочно велѣла сегодня для тебя блинцы сдѣлать; думаю: папочка мой устанетъ, надобно ему приготовить покушать.

Липочка. У папа ужасный вкусъ! Онъ ничего не любитъ такого деликатнаго, изящнаго; а самое грубое.

Розоновъ. Что жь, по вашему, кремы да жилеи ѣсть? Побудьте-ка на моемъ мѣстѣ. Пріѣдешь куда нибудь въ деревню, въ глушь, въ трущобу, гдѣ тутъ жилеи справлять. Досталъ яицъ, молока да масла, и слава Богу! Яичница, блинцы и есть.

Розонова. Вотъ что, Гриша, какъ бы ты постарался достать билетъ на балъ къ полицмейстеру, а то тамъ всѣ будутъ кромѣ насъ.

Розоновъ. Да что тамъ и дѣлать-то?

Розонова. Перекрести лобъ-то, батюшка, да протри глаза: видишь, двѣ дочери сидятъ, кипучая юность, имъ хочется повеселиться, да пора ужь и замужъ. За кого онѣ выйдутъ, если будутъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ.

Липочка.
Катенька. } Папа, душечка, достаньте пожалуйста.

Розоновъ. Хорошо, хорошо, постараюсь.

Розонова. Нечего тутъ стараться, а надобно достать непремѣнно! Да возьми ложу въ театръ, надобно же имъ показать свѣтъ. А тамъ я думаю сдѣлать вечеринку. Обѣдъ, разумѣется, само собою, для шаровъ.

Розоновъ. Хорошо, дѣлай что хочешь.

Розонова. Ну, что же ты?

Розоновъ (ставя прикосенную провизію). Что?

Розонова. А билеты къ полицмейстеру и въ театръ.

Розоновъ. Я думалъ сперва пообѣдать.

Розонова. Успѣешь еще нажраться, батюшка, нечего тутъ! Налопаешься, такъ послѣ захочешь дрыхнуть. Отправляйся, прогуляйся! Это тебѣ здорово!

Розоновъ (съ досадой). Оставь мое здоровье въ покоѣ. Вотъ жизнь-то, минуты не дадутъ отдохнуть, хуже собаки на побѣгушкахъ.

Розонова. Подлецъ ты, подлецъ! Безсовѣстный, право! Этого-то ты для дочерей не можешь сдѣлать!

Розоновъ. Иду, иду, иду! (Въ дверяхъ) Вы безъ меня не обѣдайте, блинцы холодные ни къ чорту не годятся.

Розонова. Не безпокойся, будутъ горячіе, только достань билеты, да объ шарахъ похлопочи.

Розоновъ (махаетъ рукой). Прощай! (Уходитъ).

СЦЕНА VII.

Номеръ въ другой гостинницѣ Покровскій—небольшое, жирное и красное существо, по праву хозяина въ халатѣ. Дурноумовъ, молодой помѣщикъ, вышедшій изъ пятаго класса гимназіи. Галкинъ, отставной ротмистръ, высокій и худой, но съ толстымъ сизобагровымъ носомъ. Роговъ, недоросль изъ дворянъ; его движенія рѣзки, говоритъ онъ громко и еще громче смѣется. На столѣ водка, вино и закуска, состоящая изъ селедки, сыра и хлѣба.

Роговъ. Что это Гаврюкова не видно?

Дурноумовъ. Онъ остался дома. До выборовъ ли ему, когда онъ занятъ любовью!

Роговъ. Что жь, это дѣло хорошее.... А въ кого онъ влюбленъ?

Дурноумовъ. Въ дочь нашего частнаго пристава.

Роговъ. Фи! свинья! (Пьетъ водку, при чемъ дѣлаетъ гримасу и не прежде приводитъ физіономію въ нормальное состояніе, какъ закусивши).

Покровскій. Да вѣдь она недурна собой и довольно образованна: по французски говоритъ, на фортепьянахъ играетъ, получаетъ журналъ «Моду». А онъ-то что?

Роговъ. Да все, знаете, дочь частнаго, фи, фуй! скверно подумать.

Покровскій. Онъ, кажется, безъ памяти влюбленъ. Говорятъ, они съ частнымъ перепьются, въ особенности когда частный бываетъ у Гаврюкова, подерутся, а все-таки дѣло кончается тѣмъ, что Гаврюковъ становится на четвереньки и везетъ на себѣ по улицамъ частнаго, въ знакъ своего уваженія къ нему и любви къ неоцѣненной Мари (*).

Роговъ. Скотина! Я какъ въ первый разъ его увижу, то заставлю его возить себя по всему городу. Чѣмъ же я хуже частнаго?

(Молчаніе).

Дурноумовъ. Розоновъ совершенно запалъ.

Покровскій. Присмирѣлъ баринъ!

Роговъ. Осадили голубчика.

Дурноумовъ. А то задралъ носъ, шестомъ не достанешь. Поди ты, я-де въ Петербургѣ сильную руку имѣю, губернатора отрѣшу отъ должности, если захочу!

Покровскій. Такого подлеца поискать. Слава Богу, что мы отъ него избавились. Да, впрочемъ, его бы и безъ того не выбрали. По крайней мѣрѣ, я бы ни за что ему не положилъ направо.

Роговъ. Да я бы шею наколотилъ тому, кто посмѣлъ бы ему класть направо. А ему бы рожу разбилъ, еслибъ онъ явился балотироваться.

Дурноумовъ. Кого теперь выберутъ? Впрочемъ, чортъ задави ихъ душу, кого ни выберутъ—все равно: кто ни попъ, тотъ батька.

Роговъ. Чортъ съ ними! Ко мнѣ такъ ни одинъ исправникъ носу не смѣетъ показать. А становой пять верстъ объѣдетъ вокругъ моей деревни. Пріѣзжаетъ ко мнѣ разъ Нефедьевъ, говоритъ: «вотъ недоимочка за вами да взыскальице». Это меня взбѣсило. Какъ, я говорю, смѣлъ ты, скотина, явиться ко мнѣ съ такимъ вздоромъ? Розогъ! Растянулъ я его, бестію, да такъ всприснулъ, что по гробъ будетъ помнить.

Дурноумовъ. Будто такъ и высѣкли?

Роговъ. А то смотрѣть буду! Какъ же! Нѣтъ, у меня держи ухо остро!

Дурноумовъ. А тутъ распустили слухъ, что вы едва уплелись отъ десятскихъ!

(*) Списано съ натуры.

Роговъ. Не на таковскаго, батенька, напали! Точно, десятскіе сперва было за него, а я имъ шепнулъ, что дамъ каждому на лѣто по десятинѣ земли, у Козьяго Брода, только, чтобы они помогли мнѣ обработать эту каналью. Живо принялись за дѣло. Я говорю: качайте въ мою голову, свидѣтелей нѣтъ, а пойдетъ на спросъ, я не выдамъ, съумѣю отписаться.

Дурноумовъ. А что имъ въ той землѣ?

Роговъ. Въ какой?

Дурноумовъ. Да у Козьяго Брода.

Роговъ. Какъ что?

Дурноумовъ. Да такъ же. Тамъ одна глина.

Роговъ. Эхъ куда хватили! Знаете же вы! Это по ту сторону Козьяго Брода глина, а на моей сторонѣ черноземъ такой, что прелесть. Это лучшая моя земля. Въ прошломъ году тамъ у меня родилась пшеница самъ двадцать одинъ, зерно крупное, такое, что всѣ ахали, а въ четверти тянуло двѣнадцать пудовъ тридцать девять съ половиною фунтовъ и сорокъ два золотника.

(Пьетъ съ такими же гримасами).

Дурноумовъ. Ну ужь самъ двадцать одинъ!

Роговъ. Будь я подлецъ, если не правда; да чего мнѣ врать! Это вотъ вы скрытный человѣкъ, вмѣстѣ никогда не выпьете. Ну-те-ка чокнемтесь. (Наливаетъ).

Дурноумовъ. Пожалуй, выпьемъ.

Роговъ. Только чуръ съ церемоніей. А вы что же? Хозяинъ, хозяинъ! Ты, Галка? Вижу, что хочешь. Церемонишься, подлецъ, а то бы весь графинъ выжралъ. Ну, на! Не таращи глазъ! (Наливаетъ). Ну, берите рюмки. Слушать! Ты, Галка, каналья, дальше носъ-то; не дождавшись очереди, выпить хочешь. Экій посыга, такъ въ рюмку и смотритъ, такъ и загибается. Слушать!

(Поетъ).

Благожеланная сивуха!
Многострадальная горѣлка!
Прошла ты черезъ огонь и воду
И мѣдныя трубы,
И черезъ руки жида—мучителя-винокура,
Явилась очищенная намъ
На мѣдномъ блюдѣ
Въ стеклянномъ сосудѣ,
А мы и выпьемъ! (Пьютъ).
И хлѣбцемъ закусимъ! (Закусываютъ).
Тѣлу во здравіе, душѣ во спасеніе!

А все-таки Галкинъ носъ прежде всѣхъ заглянулъ въ рюмку.

Дурноумовъ. А все-таки у васъ не родило самъ двадцать одинъ!

Роговъ. Фу ты, Господи! Такъ спросите у моего старосты, Михѣйки, если не вѣрите. Да и что жь я, по вашему, лгунъ? Самъ не знаю, что говорю?

Дурноумовъ. Нѣтъ, я этого не говорю; вы такъ, для краснаго словца хватили грѣха на душу.

Роговъ. Такъ я по вашему лгунъ? Хорошо! Только мнѣ такихъ вещей не говорятъ. Я за такія штуки, знаете что!

Покровскій. Полноте, господа! Перестаньте, стоитъ ли ссориться.

Роговъ. Я ничего. Я только замѣтилъ этому свинопасу, чтобы онъ поудержалъ язычокъ, если хочетъ, чтобы шкура на спинѣ была цѣла.

Дурноумовъ. Кто кого скорѣе вспоретъ?

Роговъ. Хотите пари? Ну, двѣсти цѣлковыхъ.

Дурноумовъ. Я безъ пари вспорю.

Роговъ. Нѣтъ,пари! Отчего же вы не хотите пари? Пойдемте на пари.

Дурноумовъ. Пари я не хочу.

Роговъ. То-то! Знаетъ, что проиграетъ, баринъ. Ну, а ты, Галка, что? а?

Галкинъ. Я ничего, Андрей Васильевичъ.

Роговъ. А много у тебя жеребятъ заперто? Эхъ ты, голова! (Хлопаетъ его по затылку). Пустой шкаликъ! Его Парашута какой устроила скандальный спектакль. Вѣдь она всѣмъ домомъ заправляетъ; его, Галку-то, вотъ этого подлеца (тыкаетъ его въ лобъ пальцемъ), колотитъ, ей-Богу колотитъ. Вѣдь баба, я вамъ доложу, здоровенная, даромъ что хромая! Ну, поднесетъ,—такъ Галка своихъ не узнаетъ. Завелись у нихъ деньги, рожь что ли продали, чортъ ихъ знаетъ. Ну деньги есть, какъ ихъ не промотать въ городѣ. Собирается Парашута, распоряжается всѣмъ. Выдала на недѣлю всего, что было нужно; но корму жеребенку не довѣрила никому, говоритъ, пропьютъ негодяи! не будутъ его кормить! — Ну-съ, поставила его въ конюшню, насыпала корму на недѣлю, налила воды, заперла, запечатала конюшню и умчалась въ городъ. А жеребенокъ сдуру возьми да и съѣшь все въ одинъ

день. Парашута пріѣзжаетъ, бѣжитъ въ конюшню, а жеребчикъ лежитъ кверху ножками — околѣлъ (*)!

Всѣ смѣются.

Дурноумовъ. Какъ это вы допустили, Павелъ Николаевичъ? А еще кавалеристъ!

Галкинъ. Да что мнѣ съ Пашей дѣлать!

Роговъ Да ужь нечего! За васъ все другіе дѣлаютъ. Ну, послѣ мельника, съ кѣмъ еще поймалъ жену, а?

Галкинъ. Ни съ кѣмъ, ей-Богу, ни съ кѣмъ.

Роговъ. Ну говори правду, скотина! Эка лѣшій! А за что ей жидъ Борька всякій разъ даритъ то серьги томпаковыя, то кольца?

Галкинъ. Ей-Богу неправда. Она сама его даритъ, то есть сама покупаетъ....

Роговъ. Пошелъ ты къ чорту! А что, господа, мы даромъ теряемъ золотое время, по зеленому бы полю пройтись, а?

Покровскій. Пожалуй.

Роговъ. Банчикъ маленькій.

Покровскій. Эй, малый, Митька! Кто тамъ! Подлецъ!

Митька (черноволосый, черномазый. Весь въ дырахъ и заплатахъ). Чего изволите?

Покровскій. Гдѣ ты бываешь, черномазый? Вотъ бы выпороть слѣдовало. Поставь столъ, да карты подай. Ворчи себѣ подъ носъ! Я тебѣ поворчу!

Порхавкинъ (входя). Наше вамъ сорокъ одно почтеніе!

Покровскій. Здравія желаемъ, Алексѣй Яковлевичъ! Водочки съ холодку.

Роговъ. Вистъ (Наливаетъ).

Порхавкинъ. Покорнѣйше благодарю. Вино веселитъ сердце человѣка (Пьетъ).

Покровскій. Закусите, сырку, селедочки.

Порхавкинъ. Ничего, не безпокойтесь, закушу языкомъ, всегда съ собой во рту ношу. А вы слышали?

Всѣ. Что?

Порхавкинъ. Розонову губернаторъ позволилъ балотироваться.

(*) Необыкновенное происшествіе.

ВМѢСТѢ.

— Роговъ. Брешешь!

— Покровскій. Нѣтъ!

— Дурноумовъ. Быть не можетъ!

— Галкинъ. Вотъ тебѣ и разъ!

Порхавкинъ. Это я знаю изъ самаго вѣрнаго источника.

Покровскій. Неужели этого подлеца опять выберутъ!

Дурноумовъ. Черняками его, негодяя!

Роговъ. Выбить его изъ собранія!

Галкинъ. Пропалъ я!

Роговъ. А тебѣ что?

Галкинъ. Онъ меня въ ложкѣ воды утопить готовъ.

Роговъ. Очень нужно ему на такую сволочь, какъ ты, вниманіе обращать.

Галкинъ. Онъ на меня золъ за то, что я встрѣтилъ его брата съ крадеными лошадьми у Сиваго Овражка и разсказалъ объ этомъ въ городѣ.

Роговъ. Ну, братъ, постой, — онъ тебя доѣдетъ!

Дурноумовъ. Какъ же это губернаторъ?

Порхавкинъ. Извѣстно — розиня, розмазня. У него была Розонька.

Роговъ. Сашута?

Порхавкинъ. Да! Въ ногахъ валялась....

Роговъ. Эдакая бестія эта Сашута! вотъ бы на конной отодрать!

Галкинъ. Воръ-баба!

Порхавкинъ. А губернаторъ хуже бабы, распустилъ нюни! Всякая подстега Герасимовна изъ него дѣлаетъ, что хочетъ. Вотъ я вамъ доложу, батенька, былъ губернаторъ, такъ губернаторъ — князь Ерыгинъ. Я вамъ скажу, умѣлъ держать въ рукахъ. Вѣдь распусти тоже возжи — такъ проку не будетъ. Бывало взглянетъ князь, такъ служишь ли ты или не служишь, — все равно, такъ и задрожишь, поджилки такъ и затрясутся. Такой взглядъ имѣлъ орлиный, можно сказать. А лихой былъ какой! Скачетъ по улицѣ бывало, а сзади жандармъ и два козака. И бывало князь не смотритъ, дворянинъ ли ты или какого тамъ званья — все равно, въ тюрьму, въ острогъ упрячетъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Разъ, я помню, ему какой-то совѣтникъ въ губернскомъ правленіи началъ говорить, что такъ сдѣлать, какъ приказываетъ князь, невозможно, — вишь, не по закону. Батюшки мои! какъ

вскочитъ князь (вскакиваетъ и махаетъ руками)—затопалъ ногами: «я, говоритъ, вамъ законъ! Прошу не умничать! Извольте дѣлать, что приказываютъ!» Такъ и былъ порядокъ, я вамъ доложу. Въ самомъ дѣлѣ, посудите сами, законъ всего предусмотрѣть не можетъ! На что же и власти, какъ не для того, чтобы онѣ дѣйствовали. А дѣлать все по закону, такъ и властей не надо! (Садится).

Галкинъ. Совершенно справедливо.

Дурноумовъ. Позвольте, господа! Законъ долженъ дѣйствовать, а власти только должны смотрѣть за строгимъ исполненіемъ законовъ.

Порхавкинъ. Ну, нѣтъ-съ! на то и власть, чтобъ дѣйствовать, какъ ей угодно.

Покровскій. Сядемте, господа, что терять золотое время.

Роговъ. Я заложу вамъ, господа;—триста рублей въ банкѣ.

Дурноумовъ (распечатываетъ колоду и обертку кладетъ подъ себя): Сразимся!

Покровскій. Митька, картъ!

Розоновъ (входитъ). Мое почтеніе, господа!

Покровскій. Григорій Семеновичъ!

Розоновъ. Что это вы — сражаетесь?

Покровскій. Да вотъ только-что садимся. Не угодно ли и вамъ съ нами?

Розоновъ. Благодарю покорно. Вѣдь я не играю.

Покровскій. Что новенькаго слышно?

Розоновъ. Ничего.

Дурноумовъ. Десять рублей.

Покровскій. Позвольте, и я карточку поставлю. Пять цѣлкачей.

Порхавкинъ. Идетъ пяточекъ, пятокъ.

Роговъ. Ну, а ты, Галка?

Галкинъ. Я, — нѣтъ-съ.

Роговъ. Парашута прибьетъ?Мало она тебя дуетъ! (Мечетъ). Эка идетъ неподходящая! Вона, вона! Всѣ далъ! Ну талійка, чтобъ-те пусто было.

Дурноумовъ. Транспортъ съ кушемъ и по полтинѣ око.

Порхавкинъ. Иди кривая! уголъ!

Покровскій. Уголокъ.

Розоновъ. Можете себѣ представить, сегодня присылаетъ за мною Журавлевъ.—Прихожу. Только онъ вдругъ начинаетъ

просить меня быть исправникомъ. Я говорю, что служить больше не желаю. Нѣтъ, пристаетъ, говоритъ: «кто же у насъ, кромѣ васъ, исправникомъ будетъ?» — Я отвѣчаю, что мало ли у насъ дворянъ достойныхъ. — «Такъ-то такъ, говоритъ, Журавлевъ-то, — да опытности-то вашей, вашего знанія дѣла у нихъ недостаетъ».—Ну приставалъ, приставалъ,—нечего дѣлать, долженъ былъ согласиться. Точно я виноватъ, что другіе не знаютъ дѣла. Не хочешь, а служи.

Покровскій. Да отчего же вамъ и не служить, Григорій Семеновичъ?

Розоновъ. Усталъ, непріятности! Вотъ хоть бы послѣдняя исторія. Я зналъ, что все дѣло кончится ничѣмъ. Во-первыхъ, потому, что я правъ; во-вторыхъ, если бы и былъ въ чемъ виноватъ, такъ всегда найду себѣ поддержку и въ губернскомъ правленіи, и въ Петербургѣ. Пусть попробуютъ что нибудь мнѣ сдѣлать! У меня и губернаторъ съ мѣста слетитъ! Онъ это хорошо понимаетъ. Теперь самъ опомнился, извиняется, другомъ такимъ, пріятелемъ. А все непріятность была,—слова изъ пѣсни не выкинешь.

Роговъ. Вотъ это хозяйственная талія. Вы, господа, заслушались Григорія Семеновича и не видите, что ваши всѣ карты биты.

Розоновъ. Я вѣдь это говорю, между нами, попріятельски. Я знаю, что вы всѣ господа считаете меня за человѣка порядочнаго и кажется, я могу сказать, что со всѣми здѣсь пріятель.

ВМѢСТѢ.

— Дурноумовъ. Разумѣется!

— Роговъ. Еще бы!

— Покровскій. Помилуйте, Григорій Семеновичъ, можете ли вы сомнѣваться!

— Порхавкинъ. Мы это цѣнимъ, Григорій Семеновичъ, повѣрьте.

Розоновъ. Ну, враги мои пусть теперь берегутся! Терпѣніе мое лопнуло; ихъ выходки просто невыносимы! Я ихъ скручу! Я имъ покажу себя! они у меня по міру пойдутъ! Надобно же уничтожить эту заразу общества.

Покровскій. Это правда ваша!

Порхавкинъ. Безпокойные люди.

Дурноумовъ. Я всегда говорилъ, что кромѣ васъ некому у

насъ быть исправникомъ. Вотъ у насъ недавно былъ разговоръ, спросите.

Порхавкинъ. Ну что, я вамъ говорилъ правду про губернатора?

Покровскій. Да, если бы онъ этого не сдѣлалъ, я бы настоялъ, чтобы весь уѣздъ нашъ протестовалъ противъ этого. Его бы заставили допустить Григорія Семеновича до выборовъ.

Розоновъ. Пожалуйста, господа, безъ церемоніи, не нужно ли кому чего? Можетъ быть, кто нибудь изъ васъ хочетъ баллотироваться, я съ удовольствіемъ поддержу своимъ вліяніемъ, только скажите. Извѣстное дѣло: рука руку моетъ и обѣ чисты бываютъ.

Дурноумовъ. Покорно васъ благодаримъ.

Порхавкинъ. Мы съ своей стороны за удовольствіе почтемъ....

Покровскій. Собственный нашъ интересъ заставляетъ насъ служить вамъ; знаете, какъ-то странно было бы другаго и назвать исправникомъ.

Роговъ (все это время подтасовывалъ карты). Ну, господа, ставьте, ставьте, можно говорить и дѣло дѣлать.

Дурноумовъ. Да что ставить, право, не знаю! Двадцать пять. Измѣнитъ коварная.

Порхавкинъ. Пятокъ.

Покровскій. Пять.

Розоновъ. У насъ на какія низости рѣшаются! какой только клеветы не распустятъ! Напримѣръ, что выдумали про моего брата? Ужасъ! Какъ можно такъ марать людей.

Галкинъ. Я ей Богу ничего не говорилъ, Григорій Семеновичъ. Я только сказалъ, что имѣлъ удовольствіе встрѣтить вашего братца у Сиваго Овражка,—это совершенно справедливо. А болѣе ничего не говорилъ, убей Богъ, не говорилъ. Ни объ лошадяхъ, ни объ чемъ не говорилъ, — это все выдумали.

Роговъ. Дама бита.

Дурноумовъ. Чтобъ тебя ободрало, проклятая! (Рветъ карту на мелкіе кусочки).

Роговъ. Семерка бита.

Порхавкинъ. И побита каменьями! Чтобъ ей пусто было! Три раза въ руки лѣзла подъ рядъ, анаѳема проклятая.

Роговъ. И десятка бита.

Покровскій. Что дѣлать! Колотитъ безпощадно.

Роговъ. Чтобы вы не баловались. Надобно держать васъ въ рукахъ.

Покровскій. Григорій Семеновичъ, позвольте васъ побезпокоить просьбою.

Розоновъ. На счетъ шаровъ?

Покровскій. Нѣтъ. Будьте такъ добры, выньте карточку на счастіе.

Розоновъ. Извольте! (Вынимаетъ).

Покровскій. Эта карточка дорогая, я на нее побольше кушъ поставлю. Идетъ двадцать пять рублей.

Дурноумовъ (Рогову). Дайте я подрѣжу.

Роговъ. Извольте. Не люблю я этихъ причудъ!

Дурноумовъ. Мало ли что! (Подрѣзываетъ).

Роговъ. Что у васъ?

Дурноумовъ. Перечеркните двадцать пять. Уголъ.

Порхавкинъ. Десяточекъ.

Розоновъ. Такъ я могу разсчитывать на васъ, господа?

ВМѢСТѢ.

— Дурноумовъ. Какъ же, помилуйте!

— Покровскій. За особенную честь поставимъ.

— Роговъ. Это нашъ священный долгъ.

— Порхавкинъ. Еще бы! Кого же намъ выбрать.

Розоновъ. Съ своей стороны, я къ вашимъ услугамъ, и надѣюсь не только оправдать вашу довѣренность, но и отблагодарить васъ. Ради Бога, господа, обращайтесь ко мнѣ, я употреблю все свое вліяніе, чтобъ услужить вамъ; не стѣсняйтесь и дайте мнѣ средство принести вамъ, такъ сказать, лепту благодарности и....

Дурноумовъ (Рогову). Те, те, те, те! Батенька! А зачѣмъ вы передернули?

Роговъ. Коего чорта я передернулъ?

Дурноумовъ. Карту. Нѣтъ, батенька, у насъ такъ не играютъ!

Роговъ. Да что вы брешете?

Дурноумовъ. Я не брешу. Брешутъ собаки, а я имѣю уголъ, потому что вы передернули.

Роговъ. Нѣтъ, не имѣете.

Дурноумовъ. Нѣтъ, имѣю.

Роговъ. А вотъ посмотримъ.

Дурноумовъ. Нечего смотрѣть. Вы передернули.

Роговъ. Вотъ привязался. Въ глазахъ должно быть двоится! Пусть меня передернетъ, если я передернулъ!

Дурноумовъ. Разумѣется, передернули.

Роговъ. Смотрите, чтобы я васъ не дернулъ. Вы знаете, у меня не долго!

Дурноумовъ. Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, мошенничаете да еще позволяете себѣ!

Покровскій. Господа, господа!

Роговъ. Помилуйте, какъ же онъ смѣетъ!

Дурноумовъ. Я садился играть на честь, а онъ извѣстный плутъ.

Роговъ. Что вы сказали?

Дурноумовъ (отодвигаясь и поблѣднѣвъ). Что?—То, что вы мошенникъ!

Роговъ (пускаетъ въ него картами). Вотъ тебѣ, скотина!

Дурноумовъ (старается закрыться Покровскимъ). Да что вы, въ самомъ дѣлѣ!

Роговъ (пускаетъ въ него другою колодою). Вотъ тебѣ!

Дурноумовъ (присѣвъ за Покровскаго). Ну смотри, я и самъ!

Роговъ. А! Вотъ же тебѣ, мерзавецъ! (Бросаетъ мѣломъ).

Покровскій. Перестаньте, господа! Ей-богу непріятно: Григорій Семеновичъ здѣсь, и вдругъ такая сцена!

Дурноумовъ. Да помилуйте, я ничего.... Я только сказалъ такъ, а онъ драться лѣзетъ.

Роговъ. А ты брешешь, да дерзости говоришь! Можетъ быть у меня нечаянно карта свалилась.

Порхавкинъ. Чаянно или нечаянно, а мы имѣемъ.

Роговъ. Но позвольте, господа....

Порхавкинъ. Свалилась карта, смѣшалась колода, не дометана талія — все равно, за все отвѣчаетъ банкометъ.

Роговъ. Вѣдь можно было сказать благородно, а не помужицки, не ругаться какъ этотъ свинопасъ. Привыкъ возиться съ свиньями....

Дурноумовъ. Братцы вы мои! Самъ же лѣзетъ драться, ругается, а на меня говоритъ. Я ничего не сдѣлалъ.

Покровскій. Ну, перестаньте! Полно вамъ!...

Дурноумовъ. Я ничего. Я всегда готовъ.... вижу, человѣкъ въ горячности.

Роговъ. Ну, эта талія не въ счетъ.

Порхавкинъ. Нѣтъ, мы запишемъ.

Роговъ. За что же вы запишете?

Порхавкинъ. За то, что вы не дометали.

Роговъ. Григорій Семеновичъ, будьте судьею.

Порхавкинъ. Прекрасно! Григорій Семеновичъ, разсудите насъ.

Розоновъ (про себя). Вотъ задача! Кто изъ нихъ имѣетъ болѣе вліянія?

Порхавкинъ. Вѣдь банкометъ отвѣчаетъ за талію?

Покровскій. Вольно же ему было не дометать!

Розоновъ. Ну что жь, уступите Андрей Васильевичъ, уступите. Я собственно не знаю законовъ карточной игры, а говорю такъ потому, что большинство того требуетъ! Вотъ и я не хотѣлъ служить, а балотируюсь изъ угожденія обществу.

Роговъ. Ну хорошо! Согласенъ! Только ты смотри, скотина, въ оба!

Порхавкинъ. Я самъ буду смотрѣть.

Розоновъ. До свиданія, господа!

Покровскій. Куда же вы? Посидѣли бы, право, съ нами Григорій Семеновичъ,—мы такъ давно не имѣли удовольствія васъ видѣть. Извините, что случилась при васъ такая сцена.

Розоновъ. Ничего, помилуйте. Будьте здоровы!

Покровскій. Покорно васъ благодарю, что не забыли. (Идетъ его провожать).

Роговъ. Экій подлецъ этотъ Розоновъ!

Порхавкинъ. Разбойникъ!

СЦЕНА VIII.

Передняя въ домѣ полиціймейстера. Григорій сидитъ, важно развалясь; передъ нимъ будочникъ.

Григорій. Ну что же, если платитъ деньги, такъ отпусти, чортъ съ нимъ! Экая невидальщина, что старухѣ карманы пообчистилъ.

Будочникъ. Какъ прикажете, Григорій Степановичъ! Я на счетъ частнаго, то есть, въ сумлѣніи....

Григорій. Экій болванъ! Говорятъ тебѣ—плюнь на частнаго твоего. Ничего не будетъ! Ужь ты слушай, что тебѣ говорятъ, голова!

Будочникъ. Какъ прикажете.

(Звонокъ).

Григорій. Ступай, кто-то пріѣхалъ. Если это баринъ и неравно спроситъ, зачѣмъ? — скажи, молъ, къ Григорію Степановичу, на счетъ, молъ, песку.

(Отворяется дверь, входитъ господинъ среднихъ лѣтъ, съ печальною наружностью).

Григорій. Кого вамъ?

Господинъ. Павелъ Михайловичъ дома?

Григорій. Уѣхали.

Господинъ. Фу, ты досада! А скоро будетъ?

Григорій. Часа черезъ три, раньше не пріѣдутъ.

Господинъ. Что тутъ дѣлать?

Григорій. Да что вамъ угодно? Можетъ, и безъ Павла Михайловича сдѣлать можно?

Господинъ. Такъ часа черезъ три будетъ?

Григорій. Да, къ вечеру.

Господинъ уходитъ, что-то ворча.

Григорій. Ну, туда тебѣ и дорога. Еще, видно, не тертый, съ холопомъ говорить не хочетъ. Не знаетъ, что черезъ холопа скорѣе все сдѣлаетъ. Ну-ка поди, попляши теперь. Приходи двадцать разъ, все для тебя дома не будетъ.

Будочникъ. Такъ я выпущу, Григорій Степановичъ?

Григорій. Ну выпускай! (Будочникъ уходитъ). Эхъ, чортъ возьми! житье мое было бы ничего, если бы у Павла Михайловича была не такая лапа, а то какъ царапнетъ, такъ не опомнишься. Деньги есть, почетъ тебѣ и уваженіе, и баринъ ничего, хорошій баринъ. (Звонокъ). Кто это опять? Цѣлый день точно колокольня, содомъ, прости Господи! Руки заболѣли, мозоли вонъ натеръ отворявши. (Отворяетъ).

Розоновъ. Дома Павелъ Михайловичъ?

Григорій. Никакъ нѣтъ, — уѣхали.

Розоновъ. Вотъ что, братецъ, я хотѣлъ сказать: у Павла Михайловича балъ, такъ когда раздаютъ билеты?

Григорій. Сегодня хожалые разносятъ и завтра будутъ разносить.

Розоновъ. Какъ бы мнѣ попасть въ то число съ семействомъ?

Григорій. Не могу знать.

Розоновъ. Похлопочи-ка, братъ, какъ нибудь. Вотъ тебѣ (даетъ рублевую бумажку), а за билетъ особенно получишь.

Григорій. А какъ ваша фамилія?

Розоновъ. Розоновъ, Барановскій исправникъ.

Григорій. Извольте пообождать немного. (Уходитъ).

Розоновъ (одинъ). Уфъ, усталъ, чортъ возьми! Да, тяжела житейская дорога, въ особенности съ такимъ грузомъ, какъ мое семейство! Трудишься, работаешь, какъ волъ. Слоняешься до того, что спина заболитъ, а безъ поклоновъ нельзя,—что съ ними дѣлать, когда они такіе подлецы, что привыкли и любятъ поклоны! Чортъ знаетъ, что такое! чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже вѣкъ, тѣмъ труднѣе становится нажить копѣйку и выйти въ люди своимъ трудомъ и искусствомъ. Вѣдь что ни говори эти модники, а нажить себѣ состояніе — искусство: надобно пользоваться всѣмъ, всякій случай умѣть обратить въ свою пользу. Дай-ка этимъ модникамъ, ей-Богу не съумѣютъ! не съумѣютъ ни за что на свѣтѣ! Ну и кричатъ съ досады; дескать, намъ нельзя взять, такъ пускай же никому не достается. Чистыя дворняжки!

Григорій (входя). Вотъ вамъ билетъ-съ.

Розоновъ. Спасибо, братецъ, вотъ тебѣ. (Суетъ ему въ руку и поспѣшно уходитъ).

Григорій. Экій сквалыга навязался,—еще дворянинъ, баринъ! Тьфу, скотина! Этого нашъ братъ, холопъ, не сдѣлаетъ! Полтинникъ! и поднялась у него рука! Полтора рубля за билетъ. Вотъ тутъ дѣлай для нихъ! Стоило хлопотать за полтора рубля. Сунулся бы самъ! Ужь видно, что сквалыга, шаромыжникъ! Что мнѣ эти деньги—тьфу! (Бросаетъ деньги съ негодованіемъ, садится на лавку и ковыряетъ въ носу).

СЦЕНА IX.

Лучшая улица въ городѣ; на одномъ изъ домовъ вывѣска: *Магазинъ Полуграблева*. Изъ магазина по временамъ выглядываютъ прикащики. Прохожіе идутъ взадъ и впередъ. Кукакиринъ, молодой человѣкъ, раздушенный, напомаженный и завитой, какъ баранъ; на встрѣчу ему Поэтъ, тоже молодой человѣкъ, непредставительной наружности, въ движеніяхъ небрежность, въ одеждѣ умышленный безпорядокъ

Кукакиринъ. А, mon cher, здорово! Что тебя такъ давно не видать? Не боленъ ли?

Поэтъ. Merci! У меня это время множество дѣла. Я измучился, mon cher, истомился совершенно!

Кукакиринъ. Что же случилось? Ты меня пугаешь, шерочка!

Поэтъ. Я чувствую, что не проживу долго; подобныя томленья и терзанья такъ изнуряютъ, убиваютъ.—Я задумалъ поэму въ семнадцати пѣсняхъ съ прологомъ и эпилогомъ, обдумалъ планъ и характеры лицъ. Ты знаешь, я пишу не какъ нибудь, а сперва выстрадаю самъ, перечувствую и потомъ пишу. Радость и горе волнуютъ меня, какъ мои собственныя; эти переходы, внутреннія метаморфозы убиваютъ меня, и я могу сказать, что въ каждый стихъ кладу частицу жизни.

Кукакиринъ. Это плохо, mon cher! Какъ можно такъ глубоко чувствовать!

Поэтъ. Ахъ, я завидую тебѣ, mon cher!—твоей безпечности счастливой. Ты, какъ бабочка, живешь настоящимъ, не думая о будущемъ, не тревожась прошедшимъ. Танцуешь, волочишься,—и счастливъ, и доволенъ.

Кукакиринъ. Кто же мѣшаетъ и тебѣ то же дѣлать?

Поэтъ (грозно). Мнѣ?—мнѣ танцовать? Мнѣ? когда меня тревожитъ все, когда въ груди моей злоба и адъ негодованія и желчи! Мнѣ веселиться! танцовать!... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, mon cher!

Кукакиринъ. Такъ пиши скорѣе и дѣло въ сторону!

Поэтъ. Я радъ бы былъ писать, но не даетъ покою происходящее вокругъ. Меня терзаютъ пороки общества и недостатки человѣка. Могу ль я, напримѣръ, быть спокоенъ, когда папа въ Римѣ еще пользуется свѣтскою властью? (Бьетъ себя въ грудь). Нѣтъ, жизнь пуста, глупа.... Соображаться съ предразсудками я не могу и не хочу. Послушай, я тебѣ прочту начало моей поэмы, чтобъ ты могъ узнать мои стремленья и заглянуть глубоко въ мое сердце. Слушай! (Декламируетъ съ величайшимъ выраженіемъ, переходя отъ гробоваго голоса къ неистовому воплю, и размахивая руками).

ПРОМЕТЕЙ.

ПОЭМА.

ПРОЛОГЪ.

1.

На небесахъ торжественно и чудно.
Онѣ, какъ сводъ раскинутъ въ вышинѣ,

Блестятъ звѣздами съ мѣсяцемъ въ спокойной тишинѣ.
Земля же точно храмъ, обширный, многолюдный!
Да! велико, прекрасно мірозданье!
А въ немъ и я живу ничтожная песчинка,
По волѣ Божества возросшая былинка,
И озираю все божественное зданье.
Вокругъ меня, какъ океана волны,
Толпа людей тѣснится и шумитъ
И, въ мелочахъ погрязши, въ даль спѣшитъ.
И люди всѣ ничтожества такъ полны!
Остыло въ нихъ къ высокому стремленье,
Прекрасное въ нихъ умерло иль спитъ
И все въ нихъ ясно говоритъ:
Что продолжительно ихъ будетъ усыпленье!
Они рабы приличья, предразсудка!
Они рабы — я говорю,
Они рабы — я повторю:
Въ нихъ нѣтъ свободы и разсудка.

2.

Рабы они нужды! Вѣдь люди жь прежде жили
Не въ душныхъ, тѣсныхъ городахъ,
Въ тѣни лѣсовъ, въ дубравахъ, на поляхъ,
И счастливѣй, здоровѣй тогда были.
Такъ прочь же! Прочь вы, душныя жилища!
Одежды прочь! Онѣ насъ тяготятъ
И насъ чахоткою, болѣзнями дарятъ.
Отрава просто — наша пища!
Рабы приличья и условій свѣта!
Они рабы — и могутъ жить,
Себя мечтою веселить,
И быть дѣтьми въ солидны лѣта!

и такъ далѣе. Очень хорошо тамъ дальше сказано и разгромлено современное общество. Да, имъ нипочемъ страданія другихъ, они хладнокровно смотрятъ кругомъ на происходящее. Ихъ оно не убиваетъ! Но кто сочувствуетъ глубоко высокому, какъ я, тотъ можетъ только страдать и горю предаваться.

Кукакиринъ. А что такое? Я, признаться, ничего не слыхалъ.

Поэтъ. Намъ угрожаетъ ужасная бѣда!

Кукакирин. Вѣрно поджигатели опять появились?

Поэтъ. Фи, mon cher, что значитъ нѣсколько купеческихъ лавокъ и лачугъ для общества! Нѣтъ, весь міръ долженъ проливать горячія слезы! Страшное горе всему міру!

1 мѣщанка (другой идущей съ нею). Постой, Абрамовна! постой, родимая! Охъ, тошнехонько! Слышь, что говоритъ?—Знать антихристъ народился.

Кукакиринъ (сконфузясь). Я, право, не соображаю. (Про себя) Чортъ! терпѣть не могу говорить съ умными людьми! Дуракъ дуракомъ выходишь! Ни бельмеса не понимаешь!

Поэтъ (осмотрѣвъ его мрачнымъ взглядомъ, говоритъ гробовымъ голосомъ). Мы всѣ погибнемъ!

1 мѣщанка. Слышь, Абрамовна! Согрѣшили мы, окаянные!

Поэтъ. Быть равнодушными зрителями невозможно! По крайней мѣрѣ я не могу; душа моя болитъ, сердце обливается кровью, кровь стынетъ, грудь горитъ адскимъ огнемъ!

Кукакиринъ. Я не понимаю, что тебя тревожитъ.

Поэтъ. Какъ что? И это ты говоришь, mon cher, такъ наивно! (Торжественно) А посмотри, что дѣлается!

Кукакиринъ (боязливо оглядываясь). Гдѣ?... Что?

2 мѣщанка. Ахти, Савишна, никакъ пожаръ! (Бѣгутъ обѣ).

Поэтъ. Гдѣ? (Покачавъ головою). Во Франціи!... Чудакъ! — Что тамъ дѣлается? Это ужасъ! Развѣ это не возмущаетъ? Я спрашиваю тебя, mon cher, развѣ это не возмущаетъ? Посуди! Я противъ сословій, противъ званій, противъ чиновъ, противъ всего на свѣтѣ!

Кукакиринъ (подходящему Козину). Дмитрій Павловичъ, мое почтеніе! Вы незнакомы? Вотъ нашъ извѣстный поэтъ Василій Николаевичъ Простоквашинъ. Горячая и свѣтлая голова! Либералъ страшнѣйшій!

Козинъ. Очень пріятно познакомиться.

Кукакиринъ (поэту). Дмитрій Павловичъ Козинъ.

Поэтъ. Ахъ, очень радъ! Я много объ васъ слышалъ!

Кукакиринъ. Теперь поэму пишетъ.

Козинъ. Какого содержанья?

Поэтъ. Я сокрушаю предразсудки, бичую общество....

Козинъ. Прекрасная тема!

Поэтъ. Да! Не знаю только, удастся ли напечатать....

Козинъ. Вы много печатали?

Поэтъ. Нѣтъ-съ, мало, то-есть пока еще ничего.... Вообще

моихъ сочиненій цензура не пропускаетъ. Меня считаютъ человѣкомъ опаснымъ.

(Папочкинъ, генералъ, командующій безсрочными, небольшой красненькій человѣкъ, съ важною наружностью и съ кривымъ носомъ. На головѣ у него шляпа треугольная съ бѣлыми перьями, несмотря на то, что такая форма уже отмѣнена. За нимъ его адъютантъ Карандышевъ, молодой человѣкъ довольно красивой наружности, въ гвардейскомъ мундирѣ. Оба гремятъ саблями).

Поэтъ. Ахъ, ваше превосходительство! Какъ ваше здоровье?

Папочкинъ. Merci! Мое почтенье, Дмитрій Павловичъ, monsieur Кукакиринъ!

(Оба молча кланяются, Козинъ слегка, Кукакиринъ довольно низко. Карандышевъ дружески имъ жметъ руки).

Поэтъ. Позвольте, ваше превосходительство, поднести вамъ мое посланіе.

Папочкинъ. Благодарю васъ. Да вотъ что, мой милый, Карандышевъ досталъ мнѣ книжку въ стихахъ. Что бишь это такое? Карандышевъ, какую ты мнѣ досталъ, братецъ, книжку?

Карандышевъ. Орлеанскую дѣву, Жуковскаго.

Папочкинъ. Да. Приходите, прочитайте мнѣ ее, вы такъ хорошо стихи читаете.

Поэтъ. За особенную честь сочту явиться къ вашему превосходительству.

Папочкинъ. Пойдемте теперь. Будемте чай пить вмѣстѣ, вы намъ расскажете что нибудь, посмѣшите насъ, а то такая тоска.

Поэтъ. Покорно благодарю, ваше превосходительство. Съ удовольствіемъ. (Уходитъ).

Козинъ. Эхъ, какъ вашего либерала согнули генеральскія эполеты! Ну, какъ вы поживаете?

Кукакиринъ. Ничего, помаленьку.

Козинъ. Вездѣ приняты какъ нельзя лучше, вездѣ смотрятъ какъ на жениха, стараются завербовать, угождаютъ! Право, ваша завидная судьба! У полицмейстера будете?

Кукаринъ. Какъ же!

Козинъ. Къ нему сегодня везутъ цѣлые обозы. Весь городъ, говорятъ, обложенъ данью. А вотъ тащится Сапута Розонова съ своими подъвинками. Экая бочка! Каверза! Мое почтенье, Александра Герасимовна, Катерина Григорьевна, Олимпіада Григорьевна! Какъ ваше здоровье?

Розонова. Покорно васъ благодарю, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ! Катя, Анна, вамъ кланяется почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ.

(Барышни присѣдаютъ).

Козинъ. Ахъ, Боже мой, Александра Герасимовна! Что это у васъ? Губы замараны чѣмъ-то чернымъ и блестящимъ, точно будто ваксой!

Розонова. Ахъ, Боже мой, гдѣ? (Вынимаетъ платокъ весьма неопрятный, плюетъ въ него и вытираетъ губы).

Козинъ. Еще, еще! Сильнѣе трите! Не отстаетъ скоро проклятая вакса, должно быть генеральская! У генераловъ только такая хорошая вакса! Скоро не ототрете. Ахъ, кстати о генералахъ. Я вамъ скажу по секрету. Сейчасъ я видѣлъ генерала Папочкина, онъ кажется очень неравнодушенъ къ Олимпіадѣ Григорьевнѣ. Онъ, знаете, какъ военный, любитъ вытянутыхъ въ струнку. Только на бѣду вашу какой-то поэтъ здѣшній, Простокваша, пошелъ ему читать пасквиль на ваше семейство.

Розонова. Это вы ему написали?

Козинъ. Нѣтъ, онъ самъ. Вѣдь онъ самъ поэтъ.

Розонова. Это безбожно, согласитесь сами, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ, это безбожно! Задѣвать дѣвицъ невинныхъ, которыя ему ничего не сдѣлали, которыхъ онъ въ глаза не знаетъ.

Козинъ. Ваша правда. Но особенно досталось вамъ. Вы знаете, его просила написать этотъ пасквиль одна дама.

Розонова. Знаю, знаю. Долотова Марья Петровна.

Козинъ. Совсѣмъ нѣтъ! Ошибаетесь!

Розонова. Кто же эта скверная женщина?

Козинъ. Не угадаете, ни за что на свѣтѣ. (Тихо) Губернаторша!

Розонова. Можетъ ли быть? За что же это? Ахъ, Боже мой!

Козинъ. Она васъ приревновала къ мужу. Вы съ нимъ были долго наединѣ сегодня въ его кабинетѣ.

Розонова. Боже мой! Почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ! Что это вы говорите! Этого еще недоставало!

Козинъ. Будьте осторожнѣе. Оно еще, знаете, ничего бы, но ея подозрѣнія возбудилъ Филатовъ.

Розонова. Ахъ Боже мой! Чего не выдумаютъ люди!

Козинъ. Куда это вы собрались?

Розонова. Иду вотъ въ магазинъ, купить кое-что дѣтямъ, на платья надо, шали. Только ни къ чему приступу нѣтъ совер-

жение! Купцы такіе безсовѣстные, въ-три-дорога за все ломятъ. Нѣтъ, чтобъ уступить! Видятъ, что дѣвицы молодыя хотятъ принарядиться, можно было бы по христіанству уступить!

Козинъ. Ахъ, да! Долотова какую шаль получила изъ Петербурга, прелесть! Самая новомодная! Представьте, вмѣсто бахромы, обшита морскимъ котикомъ.

Розонова. Ахъ это прелесть! Слышите, Липа, Катя! Шаль и вмѣсто бахромы обшита морскимъ котикомъ. Это прелестно! Скажите, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ, какой ширины котики?

Козинъ. Въ ладонь съ пальцемъ.

Розонова. Знаете что, Липа, Катя, мы купимъ шали и дома обошьемъ.

Липочка. Да можетъ быть Дмитрій Павловичъ шутятъ!

Козинъ. Нѣтъ, я говорю серьёзно! Увидите сами на балу у полицмейстера. Вѣдь вы будете?

Розонова. Не знаю, право.

Козинъ. Какъ можно не быть, помилуйте!

Розонова. Ахъ, Боже мой! Филатовъ, Филатовъ! Это ужасно! Пойдемте, дѣти. Не забывайте насъ, почтеннѣйшій, добрѣйшій Дмитрій Павловичъ.

Входятъ въ магазинъ Полуграблева.

Козинъ. До свиданья, Александра Герасимовна. Ха-ха-ха! Вы знаете, она сегодня цѣлый часъ у губернатора въ ногахъ валялась, сапоги цаловала, и таки-выпросила позволенье балотироваться мужу своему. Этакая гадина! Имъ много помогъ этотъ мерзавецъ Филатовъ. Ну, да я дружбу ихъ покончу.

Князь (*худая, длинная, сильноиздержанная фигура. Физіономія довольно пасквильная, говоритъ на-распѣвъ и смотритъ не иначе, какъ въ стеклышко.*) Bonjour, messieurs! comment vous va?

Козинъ. Здравствуйте, князь!

Кукакиринъ. Bonjour mon prince, comment votre precieuse santé?

Князь. Merci beaucoup! Я здоровъ, насколько можно быть здоровымъ въ этомъ адскомъ климатѣ. N'est ce pas, que c'est un climat de barbares. C'est le pays des ours! On ne peut pas vivre ici pour les hommes bien policés. Пойдемте, господа, къ Леблану, онъ получилъ свѣжія устрицы.

Кукакиринъ. Пойдемте! Наконецъ и у насъ порядочное заведеніе!

Князь. Oui. Mais entre nous, здѣсь трудно завести что нибудь порядочное. Здѣшнее общество такъ мало развито, не имѣетъ порядочныхъ маньеръ, новѣйшаго вкуса, такъ что это у насъ не прививается. Вы думаете, много найдется просвѣщенныхъ людей, которые, оставя предразсудки, пойдутъ ѣсть устрицы? Очень не много! Большинство будетъ смотрѣть на это съ отвращеніемъ, какъ на что-то нечистое.

Кукакиринъ. O! vous avez raison.

Князь. Намъ далеко до западной Европы! Ахъ, если бы вы побывали во Франціи, тогда бы увидѣли, какая страшная разница!

Козинъ (весьма серьёзно). Помилуйте, тамъ каждый мужикъ говоритъ по-французски!

Князь. А этотъ языкъ облагороживаетъ. Vous savez que cette langue est une langue des nobles! Онъ даетъ какое-то достоинство, чувство самосознанія, какую-то независимость. Идемте же къ Леблану! Vous partez aussi avec nous, monsieur Козинъ?

Козинъ. Нѣтъ, у меня есть кое-какія дѣла, да я и до устрицъ не охотникъ.

Трофимъ, управляющій Журавлева, изъ его крѣпостныхъ людей; онъ въ синей суконной чуйкѣ, поверхъ ея надѣтъ лисій тулупъ, крытый синимъ же сукномъ. Онъ мужикъ высокій, волоса на головѣ и на бородѣ черные съ просѣдью. Черты лица крупны, глаза плутовскіе.

Князь. А! Трофимъ Ивановичъ! мое почтеніе! какъ поживаете, что подѣлываете?

Трофимъ. Помаленьку, ваше сіятельство,—благодаримъ покорно. Живемъ, пока Господь Богъ милуетъ.

Князь. Пойдемте, я вамъ бутылочку шампанскаго поставлю.

Трофимъ. Благодарю покорно.

Князь. Пойдемте, пойдемте! Я такъ радъ васъ видѣть! Allons, Кукакиринъ.

Уходятъ.

Козинъ. Экій сіятельный оселъ!

Рововнева (выходя съ дочерями изъ магазина). Семьдесятъ рублей, матушки больно! Слышите, почтеннѣйшій, семьдесятъ рублей!

Приказчикъ (на порогѣ). Послушайте, сударыня, послушайте, ей-богу даромъ безпокоиться изволите. Послушайте, пожалуйте, пожалуйте. Вотъ если угодно, рѣшительно свою цѣну

беру, для васъ уже: сто сорокъ. Меньше, повѣрьте совѣсти, гроша не могу.

Розонова. Нѣтъ, семьдесять рублей, ей-богу гроша прибавить не могу.

Прикащикъ. Пожалуйте, пожалуйте, сударыня; напрасно безпокоиться изволите, дешевле нигдѣ не найдете. Замѣтьте только, какая доброта, какія цвѣта! Настоящая шерсть! Если кто вамъ грошъ дешевле продастъ — отдаю даромъ-съ. Даромъ отдаю, если дешевле гдѣ достанете такой доброты.

Розонова. Нѣтъ это дорого, больше не могу.

Прикащикъ. Совсѣмъ не дорого! замѣтьте, какая кайма, вещь первый сортъ, цвѣтъ самый нѣжный, шаль настоящая индѣйская, первый сортъ; возьмите въ руку, настоящій пухъ, вѣсу два золотника. Сто сорокъ-съ!

Розонова. Нѣтъ, больше не могу.

Прикащикъ. Съ васъ надо бы запросить триста, такъ вы бы дали сто сорокъ.

Скрывается.

Розонова. Что тутъ дѣлать! Шали, кажется, хороши.

ВМѢСТѢ.

— Липочка. Превосходныя. Купите, маменька.

— Катинька. Прелесть просто, и это не дорого.

Розонова. Прескверный магазинъ! Какъ запросили съ перваго слова, такъ только двадцать рублей скинули! Никакого уваженія къ покупателямъ не имѣютъ. Развѣ прибавить полтинникъ?

Липочка. По моему сто можно дать.

Розонова. Да, сто! А деньги гдѣ? У меня не бѣшеныя деньги бросать по сту рублей. Посудите сами, добрѣйшій, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ, сто рублей за двѣ шали! Возможно ли это!

Козинъ. Прибавьте трехрублевый — отдастъ.

Розонова. И я тоже думаю. (Отворяетъ дверь). Семьдесятъ съ полтиной, почтеннѣйшій, семьдесятъ съ полтиной!

Прикащикъ. Себѣ дороже стоитъ. Вѣрьте совѣсти — не могу. Пожалуйте, не извольте безпокоиться, сто сорокъ, это дарома. Если гдѣ дешевле найдете, весь магазинъ безъ гроша денегъ отдаю.

Розонова. Да это плечамъ будетъ больше надѣюсь чѣмъ

шали. Въ нихъ ногъ не потащишь. Еще такъ и быть четвертакъ.

Прикащикъ. Мы бы изъ четвертака разговаривать не стали.

Розонова. Отдавайте, почтеннѣйшій! Посмотрите, какъ имъ хочется имѣть шали. Больше вамъ никто не дастъ. Отдавайте.

Прикащикъ. Нельзя-съ! Цѣна несообразная.

Розонова. Семьдесятъ одинъ.

Прикащикъ. Нельзя-съ!

Затворяетъ дверь.

Козинъ. Что это вы! Передали!

Розонова. Въ самомъ дѣлѣ? Ну, что дѣлать!.. (Отворяетъ двери). Семьдесятъ одинъ, отдавайте почтеннѣйшій, семьдесятъ одинъ.

Прикащикъ (затворяя дверь). Крайняя цѣна! Для вечера!

Розонова. Семьдесятъ одинъ!... Пойдемте, дѣти!

Лидочка. Купите, маменька!

Катенька. Вотъ вы всегда такъ!

Розонова. Нельзя же сразу. Посмотримъ завтра!... Прощайте, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ!

(Филатовъ, довѣренное лицо губернатора, проходитъ торопливо).

Козинъ. Мосье Филатовъ, мое почтеніе!

Филатовъ. Мое почтеніе!

Козинъ. О чемъ это вы хлопочете?

Филатовъ. Да вотъ, ея превосходительству лентъ надобно, никакъ не подберу подъ цвѣтъ.

Козинъ. Я удивляюсь вашей дѣятельности! Вы завалены порученіями. — Вполнѣ чиновникъ по особымъ порученіямъ.

Филатовъ. Подобныя порученія доставляютъ мнѣ удовольствіе,—я такъ обязанъ ихъ превосходительствами... До свиданія, Дмитрій Павловичъ.... А вы что тутъ подѣлываете?

Козинъ. Гулялъ, да встрѣтилъ кое-кого и заболтался... Розонова-то допустили до балотировки?

Филатовъ. Что съ нимъ дѣлать! Мастеръ, мошенникъ, хоронить концы... До свиданія! (Уходитъ).

Розоновъ и Мухоморовъ *(полный помѣщикъ, довольно красивой наружности, въ медвѣжьей шапкѣ).*

Розоновъ. Смотрите же, мнѣ направо!... Скажите всѣмъ, что у меня шары будутъ мѣчены. Я буду знать, кто мнѣ положитъ черный, тогда тому ужь лучше и не жить на свѣтѣ.

Мухоморовъ. Ужь я постараюсь!

Розоновъ. Ну смотрите... Скажите же вашимъ знакомымъ.

Вы видите, что меня не одолѣть. Вѣдь выше лба не будешь! — Пойдете противъ меня, такъ значитъ противъ Журавлева пойдете. А вдвоемъ мы всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ! — Въ узелъ завяжемъ и вытянемъ.

Мухоморовъ. Ужь повѣрьте, Григорій Степановичъ. Только вы не оставьте, — смирите моихъ-то, приведите въ повиновеніе.

Розоновъ. Всѣхъ передеру, дайте срокъ только!

Козинъ. Мое почтеніе, Григорій Семеновичъ! Ну какъ вы охотитесь?

Розоновъ. Кто? я? Я на охоту не хожу.

Козинъ. Будто бъ! А мнѣ сейчасъ князь разсказывалъ, что вы удачно бьете.

Розоновъ. Князь пошутилъ.

Козинъ. Ему разсказывали, что вы на тетеревой очень удачно охотитесь: какъ ударите по какой-нибудь тетери, такъ шаръ и есть.

Розоновъ. У! злой языкъ!

Козинъ. Я говорю зло, другіе дѣлаютъ зло.

Розоновъ. Конечно. Вотъ мои враги какихъ мнѣ не дѣлаютъ мерзостей!... Готовы были бы съѣсть меня живаго.

Козинъ. Князь сейчасъ упрекалъ наше общество за дурной вкусъ. Онъ говоритъ, что здѣсь никто не любитъ устрицъ, а всѣ страшнно падки до свинины.

Розоновъ. Что жь, свинина вещь хорошая; а устрицы, согласитесь сами, гадость.

Козинъ. Вотъ докторъ любитъ устрицъ и всякую гадость.

Розоновъ. Какой докторъ?

Козинъ. Вилькельманъ. Онъ очень неравнодушенъ къ Олимпіадѣ Григорьевнѣ, или, то есть, къ Катеринѣ Григорьевнѣ. До свиданія, я заболтался!

(Уходитъ).

Розоновъ. Ну, язычокъ! Вѣдь голь, а туда жь острится!

ДЕНЬ ВТОРОЙ.

(спустя сутки послѣ перваго.)

СЦЕНА I.

Комната въ квартирѣ Журавлева. Назарьевъ, Шиповаловъ (*помѣщикъ, похожій на тавлинку*), Дудочкинъ, Ласточкинъ, Покровскій, Господинъ съ сапомъ, Мартышка № 1, Мартышка № 2 стоятъ въ мундирахъ и перешептываются.

Розоновъ (прокрадываясь на цыпочкахъ, говоритъ шопотомъ). Что, не выходилъ еще?

Назарьевъ. Нѣтъ, еще. Сейчасъ выйдетъ.

Розоновъ. Ну, слава Богу!... А я испугался, думалъ, что опоздалъ.

Покровскій (Назарьеву). Такъ вы говорите, что Иванъ Сергѣевичъ отсюда ѣдетъ прямо въ Петербургъ?

Назарьевъ. Да.

Покровскій. Хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть, какъ въ Петербургѣ люди живутъ!

Назарьевъ. Не нашему рылу въ калачный рядъ соваться!.. Тамъ надобно что нибудь изъ двухъ: или отмѣнное просвѣщеніе, или состояніе... Одно слово—столица!

Дудочкинъ (Ласточкину). Вѣдь экій пролаза этотъ Назарьевъ: втерся-таки въ довѣренность къ Журавлеву.

Ласточкинъ. Да, онъ, говорятъ, пользуется большимъ довѣріемъ Ивана Сергѣевича. Вы замѣтьте, — всѣ помыслы его знаетъ.

Дудочкинъ. Пожалуй, въ люди выйдетъ.

Ласточкинъ. Подлипалы всегда выиграютъ!

Назарьевъ (Розонову и Покровскому). Господа! я хотѣлъ бы быть выбраннымъ въ засѣдатели; надѣюсь, что вы поможете! Въ свою очередь я у Ивана Сергѣевича похлопочу за васъ.

Розоновъ. } Помилуйте! располагайте нами.
Покровскій. }

Назарьевъ (прочимъ). Господа! Иванъ Сергѣевичъ желаетъ, чтобы я былъ засѣдателемъ. Надѣюсь, что вы не будете противъ этого?

Господинъ съ сапомъ. Иванъ Сергѣевичъ предупредилъ желанье наше.

(Входитъ еще нѣсколько дворянъ; они раскланиваются, жмутъ руки; за ними входитъ Трофимъ. Его обступаютъ съ низкими поклонами).

Назарьевъ. Трофимъ Ивановичъ! Почтеннѣйшій Трофимъ Ивановичъ! Какъ ваше драгоцѣнное здоровье?

Господинъ съ сапомъ. Трофимъ Ивановичъ! Вашу ручку! Сколько лѣтъ, сколько зимъ мы не видались!

Розоновъ. Трофимъ Ивановичъ! Какъ поживаете? Опять мы заживемъ старыми друзьями!

Трофимъ. Здравствуйте! мое почтеніе! (Розонову). Нешто опять исправникомъ будешь?

Розоновъ. Да. Старый другъ лучше новыхъ двухъ.

Трофимъ. Какъ не другъ! Тебѣ въ годъ тысячи полторы переплатишь! Только смотри, опять не выкинь колѣнца, какъ съ Порожневымъ. Вѣдь знаешь, что Иванъ Сергѣевичъ любитъ, чтобы все по его было—и шабашъ. Такъ ты долженъ пильновать (*) угодить ему. Ну да я тебя люблю по крайности за то, что хоша не гордъ, спасибо! Не то, что другіе: въ карманѣ шишъ, а туда же носъ гнетъ, — дворянская кровь! поди ты. Туда жь дворянинъ, а самъ и пашетъ, и оретъ и съ крестьянъ оброкъ беретъ!

Розоновъ. Правда ваша, Трофимъ Ивановичъ.

Покровскій. Трофимъ Ивановичъ! наше вамъ!...

Дудочкинъ. Здравствуйте, Трофимъ Ивановичъ!

Ласточкинъ. Почтеннѣйшій, добрѣйшій Трофимъ Ивановичъ! Какъ живется, можется?

Трофимъ. Здравствуйте, здравствуйте!

Шиповаловъ. Трофимъ Ивановичъ! Много лѣтъ здравствовать!

Мартышка № 1. Мое почтеніе, Трофимъ Ивановичъ!

Мартышка № 2. Трофимъ Ивановичъ! Мое нижайшее почтеніе!

(*) *Пильновать — стараться (провинц. слово).*

Трофимъ. И вы здѣсь?

Мартышка № 1. Какъ же!

Трофимъ. Тише, тише! Иванъ Сергѣевичъ газету читаютъ. Если въ тѣ поры, какъ они читаютъ, кто громко говоритъ, такъ они осерчаютъ больше. Разсердятся—такъ святыхъ вонъ унеси! Нечего сказать, ужь онъ добръ, рѣдкостно добръ, характеру самаго херувимскаго, а ужь когда осерчаетъ—такъ бѣда просто. Онъ готовъ тутъ убить, засѣчь человѣка, значитъ горячи больно. (Розонову) Да помнишь, въ позапрошлый годъ, онъ те чуть трепки не задалъ. Я такъ въ тѣ поры и думалъ, что онъ зашибетъ тебя.

Розоновъ. Что это вы, Трофимъ Ивановичъ, у насъ до того не доходило.

Трофимъ. Да толкуй теперь! А въ тѣ поры сблѣднѣлъ—что твое полотно. Бѣдовый! На твое счастье тогда Петька попался подъ руку, такъ Иванъ Сергѣевичъ его поколотилъ. Вотъ и я, грѣшный, какъ что не такъ—лажу подставить кого нибудь или пойду, пока кого не потреплетъ или на конюшню не стащитъ. Ну тогда идешь смѣло, поругаетъ,—тѣмъ дѣло и кончится. А безъ того унеси ты, Боже!

Назарьевъ. А все-таки рѣдкой доброты душа!

Трофимъ. Добръ-то добръ, грѣхъ сказать, что недобръ. Мы за него всегда Богу молимъ. Вотъ при его батюшкѣ покойномъ всѣ управляющіе были изъ дворянъ. А Иванъ Сергѣевичъ всѣхъ отпустилъ, изъ своихъ крестьянъ поставилъ. Что жь вѣдь дѣла-то, слава Богу, не хуже, чѣмъ въ тѣ поры,—какъ дворяне-то были. Жалованье намъ меньше выходитъ, мы и рачительнѣе. Дворянинъ,—коли что не такъ, взялъ шапку да и раскланялся, его не выпорешь. А мы завсегда здѣсь, его крѣпостные: что хочетъ, то и сдѣлаетъ съ нами. Такъ мы должны пильновать.

Мартышка № 1. Пусть бы меня сдѣлали управляющимъ, я бы позволилъ себя высѣчь, если бы провинился.

Трофимъ. Высѣчь-то тебя, пожалуй, отчего не высѣчь. Только такого управляющаго намъ не надо. Не годишься.

Мартышка № 1. Отчего же, Трофимъ Ивановичъ?

Трофимъ. А вотъ отчего я тебѣ скажу. Я люблю правду говорить. Ты вѣдь того.... въ стракулятникахъ былъ, такъ лапа у тебя куда грабаста, да и носъ у тебя и того смотритъ, чтобъ въ рюмку заглянуть.

Господинъ съ сапомъ. Ну вѣдь и вамъ перепадаетъ Трофимъ Ивановичъ!

Трофимъ. Ну, да нашъ братъ, мужикъ, я тебѣ доложу, столько не украдетъ, какъ вашъ братъ—дворянинъ. Извѣстное дѣло, наши и нужды мужицкія. Сто рублей для насъ—капиталъ. А ты сто рублей считаешь—тьфу! дрянь! Тебѣ подай тысячу, вонъ наровишь имѣнье купить. Всѣ наши управляющіе имѣнья понакупили. Иванъ Сергѣевичъ такъ и разсчитали, говорятъ: свой меньше поживится, а если и поживится, такъ все же свой. Иванъ Сергѣевичъ рѣдкой правды человѣкъ. Порядокъ и справедливость Боже упаси какъ наблюдаютъ. Въ запрошлую весну пожималъ онъ это спускать барки. Я ему говорю, молъ, не суйтесь больно!—Куда тебѣ, суетится это, кричитъ, самъ работаетъ, распоряжается. Только тянутъ это канатъ. Васька Гундявый какъ-то не остережется, зацѣпилъ канатомъ—Иванъ Сергѣевичъ бултыхъ въ воду! Мы такъ и ахнули, какъ увидѣли, что батюшка нашъ перекувырнулся въ воду. Пошла тутъ суматоха: кто за канатъ, кто за багоръ, кто за что; а Васька Гундявый, что съ канатомъ-то былъ, не будь простъ, хлопъ въ воду,—вытащилъ! Вытащилъ онъ его на берегъ, а у него и глазки закрыты,—только дышатъ, а вотъ ни перстомъ не шевелятся. Было такъ сиверко, больно еще студено, ледъ мѣстами шелъ. Вытерли мы его водой, влили въ ротъ, глядимъ очнулся. Какъ очнулся—сталъ на ноги, сейчасъ первое слово: кто «говоритъ, меня вытащилъ?»—Говорятъ: Васька Гундявый.—«Поди сюда!» это Иванъ Сергѣевичъ то.—Тотъ подходитъ.—«Ну говоритъ, молодецъ!» Сейчасъ обернулись: «Трофимъ! вольную ему и двѣсти цѣлковыхъ.»

Мартышка № 1. Двѣсти цѣлковыхъ!

Мартышка № 2. Боже мой, сколько! Хоть бы Богъ далъ на мое счастіе ему еще разъ упасть, а я бы его вытащилъ!

Трофимъ. Я говорю: слушаю-съ, молъ, Иванъ Сергѣевичъ.—«А кто, говоритъ, съ канатомъ былъ?»—Васька Гундявый.—«Такъ это ты, говоритъ, мерзавецъ! Дать ему триста розогъ!» Тутъ же его сейчасъ и растянули и отпороли жестоко; я думаю, по сей часъ не забылъ, спина чешется. На другой день вольную и двѣсти цѣлковыхъ въ руки и ступай на всѣ четыре стороны. Такъ вотъ какой порядокъ наблюдаютъ! Ужь наградить—наградятъ, за то ужь и виновнаго накажутъ.

Розоновъ. Это самое лучшее.

Шиповаловъ. А говорятъ, покойнаго Сергѣя Андреевича больше любили.

Трофимъ. Въ томъ души не чаяли, просто. Этого за новые

порядки не такъ любятъ. Знамо дѣло: мужикъ — совограбъ, на на то и есть хамово отродье, чтобы работать для господъ, примѣрно. Но долженъ же онъ и свое отдохновеніе имѣть. Не такъ ли? На работѣ указывай пожалуй, и спину твою, коли за дѣло. А дома мужикъ—хозяинъ, его ужь не тронь! Онъ себѣ порядокъ наблюдаетъ. Иванъ Сергѣичъ выстроили всѣмъ каменныя избы: оно хорошо, да по хозяйству, по мужицкому, несподручно. Требуютъ, чтобъ это чистота была, а тутъ надобно и теленочка и яловку помѣстить. Курочкѣ мѣсто надо. Нигдѣ это ничего. Требуютъ чистоты,—гдѣ же держать? Хворму завели эту, чтобъ мужикъ въ синемъ армякѣ, въ красной кумачевой рубашкѣ былъ. И образцы далъ, и съ какой штуки и какъ шить. Бабамъ тоже хворма,—въ будни одна, въ праздникъ другая. Встрѣтитъ не въ хвормѣ, такъ и святыхъ унеси. Одежду эту оборветъ, сожжетъ, самаго отдеретъ. Вотъ это больно трудно. По воскресеньямъ не смѣй и на себя работать, до обѣда пѣсенъ не пой,—все это дѣлай по приказанью.

Журавлевъ (входитъ). Мое почтеніе, господа! (Всѣ кланяются) Садитесь, господа, сдѣлайте одолженіе. Благодарю васъ за довѣріе ко мнѣ, я это вполнѣ цѣню! Будьте увѣрены, что если я указываю вамъ того ли избрать, или другаго, такъ это потому, что имѣя больше вашего дѣлъ и столкновеній, я могу судить лучше о достоинствахъ избранныхъ лицъ. Надѣюсь, что вы меня настолько знаете, что не усомнитесь въ строгой справедливости моего выбора по личному достоинству каждаго избираемаго. По своему состоянію, по положенію въ свѣтѣ, я стою выше мелкихъ разсчетовъ, ничтожнаго пристрастія, которое можетъ руководить человѣка съ состояніемъ ограниченнымъ. Мнѣ нечего гнаться за моими личными разсчетами и выгодами. Безъ всякихъ ложныхъ притязаній я получаю столько съ моихъ имѣній и фабрикъ, что не погонюсь за какимъ нибудь ничтожнымъ интересомъ, который могу получить притѣсненіемъ моего сосѣда. Это будетъ такая мелочь, какъ капля въ морѣ, сравнительно съ моимъ состояніемъ. Это я говорю къ тому, чтобъ вы убѣдились, что мнѣ нѣтъ нужды иначе дѣйствовать, какъ въ видахъ пользы общей и потому предложу достойнѣйшихъ. Я не буду, какъ другіе, руководствоваться мелкими, личными выгодами. По моему мнѣнію судьею можетъ быть вполнѣ Мидидовъ. Какъ вы находите?

ГОЛОСА.

— Совершенно согласны!

— Прекрасный судья!

— И мы его желаемъ!

— Достойнѣйшій человѣкъ!

Журавлевъ. Очень пріятно слышать. Исправникомъ я бы желалъ видѣть г. Розонова. Несмотря на нелѣпые слухи и нѣкоторые его недостатки, его неутомимая дѣятельность и, главное, знаніе дѣла служатъ ручательствомъ, что лучшаго исправника трудно найти. Повѣрьте, знаніе дѣла и опытность чрезвычайно важны. Я убѣдился въ этомъ. Могу судить, имѣя помѣстья въ различныхъ мѣстахъ имперіи и путешествуя за границей.

ГОЛОСА.

— Прекрасно!

— Мы съ удовольствіемъ изберемъ его!

— Почтеннѣйшій Григорій Семеновичъ, какъ мы рады!

Журавлевъ. Остальнымъ списки раздастъ вамъ Трофимъ, чтобы не вышло путаницы, какъ на прошедшихъ выборахъ. Надѣюсь, господа, услужить вамъ такими чиновниками. Надѣюсь, что и они въ свою очередь постараются оправдать наше довѣріе и избраніе!

Розоновъ. Постараюсь всѣми силами.

Назарьевъ. Вѣдь мы не дерево, слѣдовательно чувствуемъ.

Журавлевъ. Еще два слова, господа! Сѣйте свекловицы больше, не бойтесь за сбытъ. Если весь уѣздъ засѣете, я все-таки скуплю всю. Мало будетъ этихъ заводовъ, я поставлю хоть десять новыхъ. Получайте списки отъ Трофима и поѣдемте!

Кланяется и уходитъ.

СЦЕНА II.

Залъ въ дворянскомъ собраніи. Дворяне мало-по-малу съѣзжаются и образуютъ разныя группы. Жученко, отставной капитанъ, старый драбантъ, сухого сложенія, брюнетъ съ просѣдью, съ солдатскою физіономіею, съ длинными усами. Одѣтъ въ старинный пѣхотный мундиръ съ узенькими, длинными фалдами и съ высокимъ, краснымъ воротникомъ, отъ котораго приливаетъ кровь въ лицо. — Мѣшковскій, капитанъ драбантъ, блондинъ, пониже и потолще Жученки, физіономія

солдатская, но на другую колодку. Усы рыжіе, коротко подстриженные, мундиръ такой же. Оба говорятъ на о, съ грубымъ малороссійскимъ нарѣчіемъ.

Жучвнко. Ба! Да это ты, братъ (*)!
Мѣшковскій. Я! — А это ты, братъ?
Жучвнко. Я!
Мѣшковскій. Да ты какъ сюда попалъ?
Жучвнко. А ты какъ сюда попалъ?
Мѣшковскій. Я, братъ, въ отставкѣ и женился.
Жучвнко. Да вѣдь и я же, братъ, въ отставкѣ и женился!
Мѣшковскій. О-о-о-о-о! Во-какъ!
Жучвнко. Да!
Мѣшковскій. Что же ты помѣстье взялъ?
Жучвнко. Взялъ! — А ты тоже помѣстье взялъ?
Мѣшковскій. Взялъ! — Такъ ты помѣщикъ?
Жучвнко. Помѣщикъ! — И ты хозяинъ?
Мѣшковскій. Хозяинъ!
Жучвнко. Вотъ какъ! — Такъ ты, братъ, хозяинъ?!
Мѣшковскій. Хозяинъ! — Такъ и ты, братъ, хозяинъ?
Жучвнко. Хозяинъ!
Мѣшковскій. Во-какъ!
Жучвнко. Да.
Мѣшковскій. О-о-о-о! Славно, славно! А много у тебя душъ-то?
Жучвнко. Сто три по ревизіи; да прахъ ихъ возьми — разбойники!
Мѣшковскій. О-о-о! Разбойники?
Жучвнко. Разбойники! шельмы такіе, что страсть!
Мѣшковскій. Во-какъ!
Жучвнко. Да.
Мѣшковскій. Драть ихъ!
Жучвнко. Да я и то ихъ, ракалій, по военному!
Мѣшковскій. О-о-о! по военному?!
Жучвнко. Такъ что жь ты думаешь, братъ? — Разбѣжались!
Мѣшковскій. Разбѣжались?!
Жучвнко. Разбѣжались, шельмы! канальи!

(*) Этюдъ съ натуры.

Мѣшковскій. Такъ ты, братъ, хозяинъ!

Жученко. Хозяинъ! — И ты братъ хозяинъ?!

Мѣшковскій. Хозяинъ! — Во-какъ!

Жученко. Да. А у тебя сколько душъ?

Мѣшковскій. У меня по ревизіи сто двадцать.

Жученко. А на лицо?

Мѣшковскій. А на лицо душъ тридцать! — Разбѣжались!

Жученко. А-а-а! Вишь ты, — разбѣжались!?

Мѣшковскій. Да. — Разбойники!

Жученко. Я жь тебѣ говорю: разбойники!

Мѣшковскій. Такъ ты, братъ, хозяинъ?!

Жученко. Хозяинъ! — И ты, братъ, хозяинъ?

Мѣшковскій. Хозяинъ! — Во-какъ!

Жученко. Да! — Знаешь, я у себя завелъ: чуть что — драть, какъ Сидорову козу. А не то, разбойники! — убьютъ!

Мѣшковскій. Да, убьютъ же и есть!

Жученко. Это бестіи такіе, что съ ними только и можно розгой. А каковъ у тебя староста?

Мѣшковскій. Мошенникъ! разбойникъ! воръ!

Жученко. Ха, ха, ха, ха! Вѣдь и у меня тоже!

Мѣшковскій. Каналья!

Жученко. Плутъ естественный!

Мѣшковскій. Я своего сѣку каждый божій день!

Жученко. Ха, ха, ха, ха! Вѣдь и я тоже!

Мѣшковскій. А не то обворуетъ! убьетъ!

Жученко. А-а-а? Убьетъ? — Это братъ не то, что фельдфебель въ полку!

Мѣшковскій. Да въ полку и жизнь другая!

Жученко. Рота бывало идетъ — душа ростетъ просто!

Мѣшковскій. А ты давно въ отставкѣ?

Жученко. Десять лѣтъ.

Мѣшковскій. Во-какъ!

Жученко. Да. — А ты братъ давно въ отставкѣ?

Мѣшковскій. А во на Знаменье девять лѣтъ было!

Жученко. Такъ ты, братъ, хозяинъ?!

Мѣшковскій. Хозяинъ. — И ты, братъ, хозяинъ?

Жученко. Хозяинъ.

Мѣшковскій. Во-какъ!

Жученко. Да!

Мѣшковскій. Славно!

Жученко. Небось службу забылъ?!

Мѣшковскій. Нѣтъ, братъ, не забылъ!

Жученко. А ну съ Рекрутской школы! Дѣлай-ка примѣрно!

Мѣшковскій. Изволь.

Жученко (командуетъ). Подъ к-у-у-у — *роко*! Да вотъ же и забылъ (*).

Мѣшковскій. Гдѣ жъ забылъ?

Жученко. А ну еще разъ! (Командуетъ) Подъ к-у-у-у—*роко*! Ну, и есть забылъ.

Мѣшковскій (съ жаромъ оскорбленнаго достоинства). Нѣтъ, не забылъ!

Жученко. А въ первомъ пріемѣ палецъ гдѣ?

Мѣшковскій. Какой палецъ?

Жученко (торжественно). Да большой же!—Ты берешь въ обхватъ!

(Неркучевый подходитъ къ [illegible]).

Мѣшковскій (съ досадой). Ну въ обхватъ!

Жученко (торжественно). Ну и забылъ!

Мѣшковскій (съ жаромъ). Да въ обхватъ же!

Жученко. А да нѣтъ! На шурупѣ! (*)

Мѣшковскій (съ запальчивостью). Въ обхватъ!

Жученко (съ чувствомъ превосходства). А посмотри въ уставъ!

Мѣшковскій. Да я же каждый день уставъ читаю!

Жученко. Вѣрно плохо!

Мѣшковскій. Нѣтъ, не плохо! А это ты, братъ, забылъ!

Жученко. И я тоже каждый день читаю!

Мѣшковскій. И я читаю. Посмотришь по хозяйству, оборешь этихъ бестій, да отъ-нечего-дѣлать за уставъ!

Жученко. Ну и я то же.

Мѣшковскій. Такъ въ обхватъ же!

Жученко. На шурупѣ!

Мѣшковскій. Пойдемъ ко мнѣ! Рекрутская школа со мной!

Жученко. Взгляни!

Мѣшковскій. Вотъ сейчасъ пойдемъ! Еще успѣемъ сбѣгать. Я стою не далеко.

(*) Окончательная команда, напечатанная курсивомъ, произносится коротко.

(*) *Шурупъ* винтъ въ ружьѣ. Дѣло идетъ о винтѣ, придерживающемъ ружейный замокъ.

Жученко. Пойдемъ!

(Поспѣшно уходятъ.)

Первучкный (грустно, смотря имъ вслѣдъ). Вопросъ чрезвычайной важности! И главное—имъ время заниматься! Точно нѣтъ вопросовъ животрепещущихъ, необходимыхъ, которые на сердцѣ наболѣли, измучили всю душу. Когда-жь, какъ не теперь, ихъ разрѣшить удобно,—здѣсь собрано дворянство всей губерніи, — Богъ вѣсть, что занимаетъ ихъ, составились кружки, всѣ съ жаромъ говорятъ, точно въ самомъ дѣлѣ въ нихъ есть огонь, точно будто кровь течетъ въ ихъ жилахъ, а не какая-то холодная лимфа! Послушаю пойду! Мнѣ хочется знать главнѣйшее настроеніе умовъ.

1-я Группа: Пестриковъ, Медидовъ (судья, исправляющій вмѣстѣ съ тѣмъ и должность предводителя. Маленькій человѣчекъ съ большимъ, слегка рябымъ лицомъ, и съ огромнымъ брюхомъ. Онъ чрезвычайно любитъ спорить и противорѣчить, но только на словахъ; въ сущности онъ очень добрый человѣкъ и на дѣлѣ крайне уступчивъ. Говорятъ, что его волосы и щеки въ полномъ владѣніи его жены, а носъ подъ неограниченною властію секретаря). *Нѣсколько помѣщиковъ.*

Пестриковъ (дидактически). Ужь я вамъ говорю: хозяйка, такъ хозяйка! Какіе у нея огурцы соленые и копченая рыба! — Объяденье! Я нигдѣ не ѣдалъ такихъ. Моя жена взяла у нея рецепты. Во-первыхъ, надобно перемыть огурцы, потомъ взять бочку, выпарить ее...

Медидовъ. Пока будете бочку парить—огурцы завянутъ!

Пестриковъ. Фу, Боже мой! Ну прежде выпарьте бочку, положите рядъ листьевъ дубовыхъ, смородиновыхъ и кленовыхъ...

Медидовъ. Эхъ, куда заѣхали!—Кленовыхъ не кладутъ.

Пестриковъ. Нѣтъ, кладутъ! Потомъ положите рядъ огурцовъ, рядъ листьевъ, рядъ огурцовъ, рядъ листьевъ, такъ до верху. Засыпьте сверху листьями, укропомъ, ястрогономъ, положите нѣсколько головокъ чесноку...

Медидовъ. Сохрани васъ Боже класть чесноку! Огурцы будутъ вонять сапогами!

Пестриковъ. Можно и не класть,—кто какъ любитъ.

Медидовъ. Да кто же будетъ любить огурцы, которые воняютъ извощицкими сапогами! Нѣтъ, батенька, не мастеръ вы, я вижу, солить огурцы! Вотъ у меня, батенька, огурцы, такъ огурцы!

Пестриковъ. Далеко вашимъ до этихъ! Это сласть!—коп-

сета! Ну-съ, потомъ уложивши такъ, обдайте самымъ крутымъ кипяткомъ....

Медидовъ. Ну что-жь—и выйдетъ дрянь! Обдавать кипяткомъ не должно!

Пестриковъ. Нѣтъ, должно!

Медидовъ. Нѣтъ, не должно!

Пестриковъ (съ досадой). Да вѣдь вы не ѣли этихъ огурцовъ!

Медидовъ. И ѣсть не стану такой мерзости!

Пестриковъ. Вы сперва попробуйте...

Медидовъ. И пробовать такой дряни не хочу!

Переученый. Желудки!.. Боже мой, сойти съума! Неужели я не услышу ни одного живаго слова, ни одной мысли здравой? Тяжело и горько слушать! Вотъ о чемъ-то съ жаромъ разсуждаютъ. Послушаю!

2-я Группа: Господинъ съ бородавкою, Ласточкинъ, Шиповаловъ, Мухоморовъ и другіе.

Мухоморовъ. Ну, а овесъ у васъ въ нынѣшнемъ году какъ?

Шиповаловъ. Плохъ, очень плохъ! На сѣмя не сберешь.

Ласточкинъ. Дождей совершенно не было!—все погорѣло.

Мухоморовъ. Я не знаю, какъ у васъ, господа, а у меня въ нынѣшнемъ году овесъ поспѣлъ совершенно не во время, такъ что я не успѣлъ его убрать и вѣрно половина зерна вытекла.

Господинъ съ бородавкой. И у меня тоже. А ужь чего не дѣлали, чтобъ дождичка Богъ послалъ, и вокругъ полей ходили, и лягушекъ били и по деревьямъ вѣшали, — ничто не помогло. Все погорѣло.

Ласточкинъ. У меня тоже не успѣли во время убрать.

Шиповаловъ. Говорятъ, есть машина такая, что живо все сожнетъ. Вотъ еслибы такая машина у насъ была!

Господинъ съ бородавкой. Сохрани васъ Господь Богъ и видѣть-то ее, а не только что имѣть!

Шиповаловъ. Отчего же?

Господинъ съ бородавкой. Отчего? — Оттого, что это вздоръ, выдумки! Пустая теорія и вольнодумство этихъ умниковъ, а на практикѣ, батенька, не то. На практикѣ чистое разоренье: купите машину, заплатите за нее собачьи деньги, а она у васъ поработала нѣсколько дней, а тамъ и стой. И все ужь не сработаетъ такъ, какъ человѣкъ! Наконецъ и грѣхъ тяжкій! Вѣдь не показано собирать хлѣба и работать машинами. Значитъ, мы должны трудиться, исполнять Господню волю. Вѣдь

не сказано машинами съѣшь хлѣбъ твой,—ну и значитъ это грѣхъ. Вѣдь Богъ это въ наказаніе за грѣхи опредѣлилъ трудиться для хлѣба, а мы говоримъ, молъ выдумали машины, теперь нѣтъ и наказанья Божьяго для насъ! Вѣдь это вотъ что!

Мухоморовъ. Именно что грѣхъ! Братцы вы мои, какъ народъ-то нынче умудряется—страсть! Выше Бога хотятъ быть!

Господинъ съ бородавкой. Вотъ то-то и плохо!... Послѣднія времена приходятъ;—прежде, какъ люди жили въ простотѣ нравовъ, не мудрили такъ, не превозносились, и было все лучше: и благорастворенiе воздуховъ, и плодородіе плодовъ земныхъ! А теперь вотъ неурожаи, бѣды, скорби! Все это въ наказаніе за гордость человѣческую, за то, что мы хотимъ слишкомъ много знать. Вѣдь чуть башни вавилонской не строятъ!

Шиповаловъ. Ну, просвѣщеніе полезно!

Господинъ съ бородавкой (съ жаромъ). А зачѣмъ оно? Вотъ мой дѣдушка, царствіе ему небесное, читать не умѣлъ, а какъ жилъ! Гдѣ намъ со всѣмъ просвѣщеніемъ такъ жить! И что это въ мірѣ дѣлается? Страсть и ужасъ! Пошли вредныя идеи, безбожіе, вольнодумство! Все это просвѣщеніе! Вдругъ выдумали простой народъ грамотѣ учить. Да развѣ этихъ скотовъ можно чему нибудь выучить! И для чего имъ науки и просвѣщеніе? Они должны работать, они созданы для работы! То-то эти машины! Прежде народъ трудился, такъ и зналъ Бога, а теперь—машины, ну, машины и въ головахъ пошли! Я бы ихъ всѣхъ и съ машинами! И все это вздоръ, не вѣрьте! Эти машины хороши за границею гдѣ нибудь, въ Германіи. Тамъ цѣлое королевство меньше моего имѣнія. Такъ,—тьфу!—бородавка, а не государство! Ну, въ такихъ-то владѣніяхъ и королю некому служить; вѣдь надобно тоже дворъ, прислуга, войско, чины разные, управленія, власти; сосчитайте-ка все и выходитъ, что всѣ на службѣ, а на частныхъ владѣльцевъ и работать некому. Поневолѣ, хочешь, не хочешь, запрягай машину, да отдавай душу въ пекло. А у насъ чего? Слава Богу, есть кому работать! Вонъ у меня дворни одной, не знаешь куда и дѣвать, даромъ живутъ, имъ и дѣлать нечего, работы для нихъ не выдумаешь, а обожрали совсѣмъ. Вѣдь онъ лопаетъ столько же, какъ и работникъ.

Мухоморовъ. Да, ужь его подай ему. Корми! Онъ не разсуждаетъ, что онъ ничего не дѣлаетъ. Вонъ у меня Ермолай, старъ сталъ, какъ собака, ходить не можетъ, ужь ровно ничего не дѣлаетъ, а ты его все-таки корми—жретъ какъ молодой!

Господинъ съ бородавкой. Ну, вотъ то-то и есть! Зачѣмъ намъ машины, когда у насъ и людямъ-то дѣлать нечего!

Поперечный (не выдержавъ). А зачѣмъ у васъ столько дворни?

Господинъ съ бородавкой (насмѣшливо осматриваетъ его съ ногъ до головы). Гмъ! Зачѣмъ у меня столько дворни?.... Ха, ха, ха! Затѣмъ, что Богу угодно было дать мнѣ такой достатокъ! У другаго пахать некому, комнатъ вытопить некому, а у меня дѣлать людямъ нечего, такъ ихъ много! А зачѣмъ? это спросите у Бога. Такъ про что мы говорили-то?... Да! Ну, выдумаешь нарочно какую нибудь работу, тамъ, горку срыть, или еще что нибудь, знаете, только чтобы они даромъ на печи не лежали, чтобъ не даромъ кормить ихъ. Ну, зачѣмъ же тутъ машины?! Впрочемъ, знаете, — стыдно сказать, а нельзя не признаться! — вѣдь и меня разъ отуманили. Поѣхалъ я къ управляющему Давида Сергѣевича, онъ мнѣ и разсказываетъ, что Давидъ Сергѣевичъ изъ Петербурга пишетъ, купилъ, пишетъ, машину и отправляетъ сюда. Машина, изволите видѣть, паровая, она паромъ будетъ и муку молоть, и крупу обдирать, и сукно валять, и молотить, и не вѣсть что дѣлать, — все одна. И нѣмца мастера для устройства прислалъ. Одолѣлъ и меня врагъ, засѣла у меня въ головѣ машина. Пріѣхалъ я домой, моя мельница стоитъ, — воды нѣтъ, молоть нечѣмъ! Свои мужики привезли рожь, сосѣдніе, — нѣтъ воды да и только! Шабашъ! Стоитъ мельница. А меня врагъ такъ и толкаетъ: поставь машину, молоть будетъ, крупу драть, сукно валять! Просто одурѣлъ! Ну, думаю, куда ни шло, поставлю! А потомъ опять раздумье беретъ. Что тутъ дѣлать? Помолился я усердно Богу, чтобы Онъ меня надоумилъ что сдѣлать. Вотъ-съ на другой день пришла мнѣ въ голову мысль: дай, молъ, погадаю! Взялъ я Соломона, бросилъ восковой шарикъ, — что же вы думаете, вышло? «*Не превозносися, человѣче, чтобы не потерять и послѣдняго даннаго Богомъ таланта!*» Тутъ на меня и нашло просвѣтленіе. Боже мой, что же это я дѣлаю! Бросилъ я изъ головы это все. Ну, а Давидъ Сергѣичъ и поставилъ машину, и вышла гадость. Его машина поработаетъ въ годъ мѣсяца четыре или пять, а тамъ и стоитъ. А моя мельница тихо, тихо, а все цѣлый круглый божій годъ работаетъ.

Ласточкинъ. Хорошо, что вы вздумали погадать!

Господинъ съ бородавкой. Богъ надоумилъ!

Поперечный. Машина работаетъ четыре мѣсяца и все-таки

въ сто разъ больше сдѣлаетъ и принесетъ пользы, нежели ваша мельница, работая годъ.

Господинъ съ бородавкой. Ну, это еще вeслами на водѣ писано, вы въ моемъ карманѣ не считали! Вы еще молоды! У васъ въ головѣ все идеи, да воздушные замки, а ужь я, батюшка, посѣдѣлъ надъ дѣломъ-то. Знаю, какъ на практикѣ! Нѣтъ-съ, машины — гибель, вредъ!

Шиповаловъ. А, напримѣръ, желѣзная дорога?

Господинъ съ бородавкой (презрительно). Что же въ ней полезнаго?

Шиповаловъ. Во-первыхъ, европейское образованіе....

Господинъ съ бородавкой. Какое тамъ образованіе! Наконецъ, что въ немъ? Жили люди и безъ него, безъ европейскаго вашего образованія, еще лучше, чѣмъ теперь, — богаче, спокойнѣй, счастливѣй!

Шиповаловъ. Во-вторыхъ: скорость сообщенія....

Господинъ съ бородавкой. А зачѣмъ она? Что такъ приспичило летѣть, сломя голову?

Шиповаловъ. Товары перевозить!

Господинъ съ бородавкой. Товары перевозить? На то Господь создалъ скота—лошадь. А ваши машины только народъ развращаютъ. У троечниковъ — мужичковъ-ямщиковъ — хлѣбъ отняли, а пользы отъ нихъ никакой! Что я буду скакать, какъ угорѣлый? Мнѣ пріятнѣе отдохнуть когда хочу, и постоять сколько пожелается, и пообѣдать, и чаю напиться, гдѣ вздумается. Ѣду я на лошадяхъ, я полный себѣ господинъ! Захотѣлъ всталъ, прошелся, опять сѣлъ: пошелъ! Захотѣлъ ѣду, захотѣлъ—стою! А тутъ уложатъ какъ вещь и везутъ сломя голову, словно на пожаръ! Я бы всѣхъ этихъ, кто машины выдумалъ и ѣздитъ на нихъ, пересѣкъ и спросилъ: куда и зачѣмъ они летѣли? Эхъ вы, умники, умники! А небось, у васъ скотъ-то весь выпалъ!

Шиповаловъ. Что жь дѣлать? Эпидемія.

Господинъ съ бородавкой. Ну, а у меня такъ не падалъ. Я вотъ не пошелъ къ университетскимъ умникамъ спрашивать: что дѣлать? А у меня скотница Химка больше ихъ всѣхъ знаетъ. Вотъ и въ университетѣ не была, а спасла скотъ—тѣ бы вѣдь не съумѣли!

Ласточкинъ. Какъ же она спасла?

Господинъ съ бородавкой. А, говоритъ, прикажите, ба-

ринъ, на воротахъ и на всѣхъ углахъ написать дегтемъ: «нѣту дома, приди вчера».

Мухоморовъ. Какъ? какъ?

Господинъ съ бородавкой. Нѣтъ дома, приди вчера.

Мухоморовъ. И больше ничего?

Господинъ съ бородавкой. Больше ничего! Разумѣется, держали его на скотномъ дворѣ, не выпускали, курили навозомъ, поили изъ колодца, хотя колодезь дальше чѣмъ рѣка, да отецъ Іоаннъ освятилъ въ колодезѣ воду.

Мухоморовъ. И ни одна не упала?

Господинъ съ бородавкой. Ни одна. Да вотъ я вамъ скажу примѣчаніе, замѣтьте сами: съ тѣхъ поръ, какъ на нашей рѣчкѣ кожевникъ поставилъ проклятую машину, какъ часто пошли падежи!

Ласточкинъ и Мухоморовъ. Правда, правда!

Шиповаловъ. Случай!

Господинъ съ бородавкой. Нѣтъ, не случай, а машина проклятая! Отчего? Оттого что, правду говоритъ отецъ Іоаннъ, Господь отвернулся отъ водъ и онѣ стали зловредны!

Искреученый. Оттого, что на вашей рѣчкѣ поселился кожевникъ; онъ вымачиваетъ кожи въ рѣкѣ, а между кожами есть съ зараженнаго скота. Черезъ это внизъ по теченію и пошли падежи. Вотъ, когда вы будете избирать исправника, такъ и ткните его въ это носомъ.

Господинъ съ бородавкой. Это такъ, по вашему, по ученому. Вѣдь вы не признаете божьяго промысла! А по нашему, по христіанскому, это божье попущеніе, наказаніе за грѣхи.

Шиповаловъ. Ваша правда: это божье попущеніе за грѣхи наши! Но, знаете, мнѣ кажется, и въ ихъ словахъ много справедливаго.

Господинъ съ бородавкой. Ну ужь, батюшка, поздравляю съ этой справедливостью! Это гиль, дичь, вздоръ!

Господинъ съ сапомъ, Медведовъ, Пестриковъ и другіе подходятъ.

Господинъ съ сапомъ. Петръ Васильевичъ! почтеннѣйшій Петръ Васильевичъ! Какъ ваше драгоцѣнное здоровье? Игнатій Николаевичъ! Семену Андреичу мое нижайшее! Павелъ Петровичъ! Петръ Павловичъ! Какъ живете, можете?

(*Здороваются.*)

ГОЛОСА.

— Благодарю покорно!

— Вы какъ поживаете?

— Что это васъ не видно?

— Анна Дмитріевна какъ здорова?

— Дѣточки ваши?

Господинъ съ сапомъ. Покорно благодарю! Всѣ здоровы.

ГОЛОСА.

— Ну, слава Богу!

— Здравствуйте!

— Мое почтеніе!

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Господинъ съ сапомъ (господину съ бородавкой). О чемъ это вы спорили?

Господинъ съ бородавкой. Да вотъ молодой человѣкъ набрался въ университетѣ всякой дряни! У него зашелъ умъ за разумъ просто! Несетъ такую гиль, что уши вянутъ!

Медидовъ. Что такое? Что они говорятъ?

Господинъ съ сапомъ. Въ чемъ дѣло?

Господинъ съ бородавкой. Извѣстно что! Безбожіе, вольнодумство, ниспроверженіе порядка, вредныя идеи.... Напримѣръ, хочетъ мужиковъ учить грамотѣ, давать имъ образованіе.

Господинъ съ сапомъ. Не въ университетъ ли ихъ?

Перучебный. Отчего же нѣтъ? Если кто изъ нихъ пожелаетъ и дѣйствительно предастся наукѣ—пусть идетъ въ университетъ. Намъ надобно давать имъ средства учиться.

ВМѢСТѢ.

— Пестриковъ. Ну, ужь это черезчуръ!

— Господинъ съ бородавкой. Слышите?

— Господинъ съ сапомъ. Эхъ, куда хватили! Конюшня— вотъ ихъ университетъ!

— Медидовъ. Попалъ пальцемъ въ небо!

Шиповаловъ. Ужь это совершенно излишне! Нѣтъ никакой надобности давать имъ такое образованіе. Зачѣмъ мужику лѣзть не въ свои сани, въ университетъ, съ шитымъ рыломъ, бородѣ!

Перучебный. Вы говорите—нѣтъ надобности? Есть надобность! Большая! Насущная потребность! Посмотрите, какъ въ наше время измельчали люди! Гдѣ у насъ міровые геніи, или, по крайней мѣрѣ, великіе таланты? Ихъ нѣтъ! Нигдѣ вы не найдете

человѣка съ огромнымъ дарованіемъ. Нѣтъ у насъ мыслителей великихъ, писателей, поэтовъ геніальныхъ, изобрѣтателей, ученыхъ, великихъ дѣятелей на поприщѣ гражданскомъ, великихъ полководцевъ! Ни въ чемъ, нигдѣ нѣтъ человѣка, который бы значительно превосходилъ другихъ! А отчего?

Медидовъ. Гдѣ жь имъ быть у насъ въ Россіи?

Шиповаловъ. Россія молода еще! Мы пока должны учиться у иностранцевъ!

Переученый. Въ самомъ дѣлѣ, какія мы дѣти! Малютки! Тысячу лѣтъ Россія существуетъ, а что мы сдѣлали? Какую пользу принесли мы человѣчеству? Какой вопросъ мы разрѣшили въ жизни народовъ? Мы даромъ бременимъ землю. Вы говорите: мы должны учиться у иностранцевъ! Неужели мы дѣти и должны ходить на помочахъ? Перенимать чужое, не жить своимъ умомъ? Пора намъ возмужать, понять себя и перестать гордиться тѣмъ, чего стыдиться бы было надо. А вы сказать могли, гдѣ явиться человѣку съ дарованіемъ въ Россіи.... Что жь, у насъ развѣ быть не можетъ талантовъ? Нѣтъ, были у насъ Сперанскіе, Суворовы, Пушкины, Лермонтовы, Гоголи, Грибоѣдовы и другіе. Я вѣрю въ русскій умъ: въ него нельзя не вѣрить. Пора же заявить его предъ свѣтомъ. Въ Россіи много силъ, пора имъ дѣйствовать на пользу и удивленье всего міра. Пускай проснутся эти силы и русскій умъ нашъ развернется! Тогда мы много совершимъ, мы создадимъ великое, и человѣчество съ благодарностью и съ удивленіемъ къ намъ придетъ учиться!

Господинъ съ бородавкой. Пошелъ!...

Господинъ съ сапомъ. Экую понесъ ахинею!

ДРУГЪ ДРУГУ.

— Медидовъ. Темно какъ....

— Пестриковъ. Я ни чорта не понимаю!

— Мухоморовъ. Вотъ наговорилъ!

— Шиповаловъ. Сколько у него мысли!... Нѣтъ, дѣльно говоритъ.

— Ласточкинъ. Нѣтъ, слишкомъ мудрено ужь!

Переученый (*продолжаетъ съ жаромъ, не обращая вниманія на ихъ перешептыванія*). Не можетъ быть, подумайте вы сами, чтобъ изъ семидесяти милліоновъ не было у насъ великихъ, міровыхъ талантовъ, когда мы, русскіе, и всѣ славяне, одарены такъ щедро отъ природы! Теперь мы выродились—и только! Въ жизни государства принимаютъ участіе не семьдесятъ милліоновъ, а двѣсти

тысячъ. Изъ нихъ, пока, являлись всѣ таланты, имъ пока доступно просвѣщенье, но двѣсти тысячъ не могутъ же производить все геніевъ, талантовъ! Мы выродились, породы измельчали; но въ массѣ остальной, милліонной, есть геніи, таланты, но нѣтъ для нихъ дороги. Они подъ палкой вашей, въ тинѣ невѣжества, необразованья гибнутъ. Вотъ почему для насъ, для нашего отечества, для человѣчества всего необходимѣе открыть и мужикамъ дорогу къ просвѣщенью.

ВМѢСТѢ.

— Господинъ съ бородавкой. Галиматья!

— Господинъ съ сапомъ. Досадно слушать!

— Медидовъ. Дичь несетъ!

Мухоморовъ. Кто же тогда будетъ работать, если мужиковъ учить?

Перкученый. Они же,—мужики!

Господинъ съ бородавкой. Вы же ихъ хотите засадить въ университетъ!

Господинъ съ сапомъ. Ихъ на конюшню!—вотъ университетъ! Да розги вмѣсто наукъ: какъ вспрыснешь, такъ и научишь уму-разуму! Вотъ имъ какое надо просвѣщенье!

Перкученый (господину съ бородавкой). Въ университетъ пойдетъ милліонная, можетъ быть, доля; а остальные останутся работать! Знаніе грамоты пахать нашимъ мужикамъ не помѣшаетъ, какъ не мѣшаетъ нѣмцамъ.

ДРУГЪ ДРУГУ ГОВОРЯТЪ ВМѢСТѢ.

— Пестриковъ. То нѣмцы!

— Мухоморовъ. Да. А это наши русскіе мужики!

— Ласточкинъ. Братцы мои!... Да какъ учить мужика и къ чему это? Развѣ это ему нужно?

— Шиповаловъ. Дворовыхъ еще—такъ, пожалуй, необходимо учить читать и писать.

Господинъ съ бородавкой. Когда же имъ читать, когда работать надо!

Перкученый. Зимой! Наконецъ всегда, когда идетъ въ кабакъ онъ.—Онъ пьяница отъ невѣжества и скуки. Развейте его понятія,—онъ нравственнѣе будетъ. Онъ не пойдетъ въ кабакъ, а станетъ читать книгу.

Господинъ съ сапомъ. Фразы, фразы, фразы! Дичь! гиль! Экъ, куда заѣхали!... Досадно даже слушать!

Господинъ съ бородавкой. Да развѣ можно ихъ выучить чему нибудь? Изъ русскаго мужика вы ничего не сдѣлаете!

Переученный. Нѣтъ, русскій мужичекъ уменъ, понятливъ и способенъ! Вы на него не клевещите!

Господинъ съ саномъ. Хамово отродье!

Переученный. Отчего же хамово отродье? Мы всѣ одного рода, одного происхожденія! Наши предки вышли изъ такихъ же мужиковъ, холопьевъ, хамова отродья! Насъ такъ же пальцами другіе дули. Наконецъ, рѣдко заслугами, а чаще подлостью, они выслуживались, освободились и надъ другими возвысились сами. Тутъ они забыли все, какъ ихъ давили и оскорбляли. Забыли трудъ и стали жить въ праздности и лѣни, другихъ давя и оскорбляя. Современемъ на спинахъ ихъ завели рубцы, руки побѣлѣли, потому что ихъ на черную и трудную работу не употребляютъ. Мы не жаримся по цѣлымъ днямъ на полѣ и носимъ тонкія одежды, оттого у насъ мягче и бѣлѣе кожа. И въ то время, какъ крестьянинъ трудится, мы въ праздности живемъ, ѣдимъ и пьемъ неумѣренно, спимъ полжизни, развратничаемъ; поронимъ продаемся, — вотъ мы и благородные — дворяне!

Пестриковъ. Что жь, и намъ прикажете работать?

Переученный. Разумѣется! Если за васъ трудятся другіе матеріально, физически,—вы также должны неутомимо работать головой. Въ противномъ случаѣ, они напрасно для васъ трудились и вы живете на счетъ ихъ. Вы чужеядное животное!—хуже! Вы упыри—потъ и кровь всю жизнь изъ другихъ сосете, а сами, ничего не дѣлая, толстѣете. И сверхъ того, еще презрѣніе и отвращеніе на каждомъ шагу показываете къ мужикамъ. Вы ихъ должны любить и уважать, благодарить должны.

Господинъ съ саномъ. Мужиковъ-то!

Переученный. Да! По чьей же милости вы такъ живете? Вѣдь вы живете на чужой счетъ. Сами вы ничего не дѣлаете, не трудитесь; кто же вамъ даетъ средства жить въ праздности, полжизни спать, объѣдаться и мотать! Мужикъ,—вѣдь вы на счетъ его труда живете. Если сыты вы съ семействомъ, одѣты и довольны — всѣмъ мужику обязаны. Не забудьте, что это платье и каждая въ немъ нитка — потъ кровавый мужика! Каждая копѣйка, которую вы готовы на вѣтеръ бросить — потъ кровавый мужика; каждый кусокъ хлѣба, который вы ѣдите — орошенъ былъ потомъ мужика! Каждая капля вина, когда вы пьянствуете—потъ кровавый мужика! Мужикъ такой же человѣкъ, какъ

вы, онъ братъ вашъ! Лежа въ праздности, въ теплѣ и нѣгѣ, объѣдаясь до болѣзни, не забудьте вы долгiй, знойный, душный, лѣтнiй день, палящiй какъ огонь, и вспомните, что братья ваши весь этотъ день въ полѣ надъ трудною работой изнывали. Представьте себѣ весь этотъ тяжелый трудъ до изнеможенья, весь потъ и жажду, для утоленiя которой нѣтъ чаевъ и прохладительныхъ напитковъ, а только грязная и теплая вода. Представьте себѣ голодъ, хлѣбъ съ мякиной и со жмакой (*), хлѣбъ, который и свинья ваша навряд ли станетъ жрать. Зимою вспомните вы стужу, и непогоду весной и осенью. Припомните и грубыя одежды, лапти, всю эту жизнь труда, лишенiй, кроваваго пота. И такъ живутъ *десятки*, *сотни* вашихъ братьевъ и трудятся до истомленья только для того, чтобъ вы *одни* могли жить въ праздности и лѣни, въ обжорствѣ и развратѣ, мотать и на вѣтеръ бросать то, что стоило другимъ такъ много трудоваго пота! Вы вспомните, что братья ваши, отъ бѣдности и отъ труда для васъ, потеряли все человѣческое и сдѣлались одной физическою силой. Вы вспомните, что ихъ способности не развились, понятiя загрубѣли — и все это для васъ, для вашего излишества! Для васъ однихъ десятки, сотни вашихъ братьевъ осуждены на страшныя лишенiя и тяжкiй трудъ! Когда вы вспомните все это, поймите, что жить для нихъ значитъ — на васъ работать и доставлять вамъ удобства и средства къ жизни. — Тогда вы его не наградите за все это розгой, толчками и презрѣньемъ; вы не скажете ему хамово отродье — Митька, Ванька! какъ будто бы для нихъ нѣтъ имени человѣческаго. Нѣтъ, вамъ стыдно, больно станетъ за трудъ его, за вашу лѣнь и праздность, вамъ горько будетъ! (Съ величайшимъ увлеченiемъ и чувствомъ) Вы скажете тогда: братъ мой! несчастный братъ! Цѣню твой трудъ, твой потъ, твое изнеможенье. Ты для меня трудился, для моего удобства, для моей лѣни. Ты все принесъ мнѣ въ жертву: силы, способности, время, кровавый потъ, достоинства, понятiя человѣка, всю жизнь ты мнѣ принесъ. Ты для меня живешь великодушно, а не на счетъ труда чужаго, какъ я. Ты выше, братъ, почтеннѣе меня! Благодарю тебя, мой братъ, кормилецъ мой, благодарю! — И съ удовольствiемъ взглянете тогда вы на морщинистыя руки, загрубѣвшiя въ работѣ для васъ, и сердце ваше горько и тяжело сожмет-

(*) *Жмака* — выжимки изъ конопляныхъ зеренъ, когда бьютъ масло. Ихъ подмѣшиваютъ въ муку.

ся отъ грубой одежды ихъ, отъ скверной пищи. И выростетъ передъ вами Ванька иль Петрушка въ гиганта терпѣнія и самоотверженія; въ эмблему мученика, труда и любви братской! Все мило и уваженія достойно покажется въ немъ вамъ: и грязь его, и грубость!

Господинъ съ бородавкой. Вы нездоровы!

Перкучкный. Нѣтъ, это вы больны и близоруки. Гордитесь же вы древностью рода. — Чѣмъ родъ длиннѣй, тѣмъ больше угнеталъ онъ, тѣмъ больше жилъ на счетъ другихъ. На немъ тѣмъ больше пятенъ. Для него пролито болѣе кроваваго пота, онъ большихъ слезъ, проклятій большихъ стоитъ!... Гордитесь, господа, гордитесь древностью дворянства!

ВМѢСТѢ ГОВОРЯТЪ ДРУГЪ ДРУГУ.

— Пестриковъ. Разумѣется, гордимся!

— Мухоморовъ. Еще бы не гордиться!

— Шиповаловъ. Ну ужь, это дичь!

— Ласточкинъ. Черезъ край заѣхалъ!

— Медидовъ. И слушать нечего. Вѣдь вотъ навороль-то человѣкъ!

— Господинъ съ бородавкой. Ей Богу въ желтый домъ пора! Вотъ какъ науки извращаютъ человѣка! Вотъ вамъ примѣръ: вѣдь умненькій былъ мальчикъ!—такой острый. А теперь!

— Медидовъ. Повихнулся! — умъ зашелъ за разумъ!... А впрочемъ, говоритъ такъ складно и умно.

Господинъ съ сапомъ. Охъ, эти умники! не доведутъ насъ до добра! Господа, вы слышали?— только, пожалуйста, это между нами!

Медидовъ. Что такое? что такое? Скажите мнѣ, вы знаете, я ужъ не проболтаюсь!

Господинъ съ сапомъ. Говорятъ, — это только слухи и, по всей вѣроятности, пустые. Я, знаете, такъ слышалъ стороною, — или сказать вамъ правду, — племянникъ мнѣ писалъ изъ Петербурга. Сегодня я письмо вотъ получилъ.

Медидовъ. Что жь такое? Говорите скорѣй, не мучьте!

Господинъ съ сапомъ. По моему это невѣроятно! Совершенный вздоръ!

Медидовъ. Война?

Господинъ съ сапомъ (оглянувши всѣхъ значительно, говоритъ тихо и съ таинственностью). Говорятъ, что крестьянъ хотятъ освободить.

СО ВСѢХЪ СТОРОНЪ ВОСКЛИЦАНІЯ.

— Быть не можетъ!

— Неужели?

— Вотъ-те и разъ!

— Вздоръ!

— Гиль!

— Галиматья!

— Эти слухи давно ужь!

— Поболтаютъ и перестанутъ!

— Вѣдь это смерть!

— Это все ученье, университеты!—Они проповѣдуютъ!

— Вотъ какую дичь несутъ!

— Неправда!

— Что жь, намъ умирать съ голоду?

— Самимъ работать, что ли?

— Чѣмъ жить?

— Не можетъ быть!—Это противузаконно!

— Это противъ смысла!

Перекученый. Неужели? — Давно пора! Наконецъ-то двинется впередъ Россія!

Господинъ съ сапомъ. Я этому и самъ не вѣрю!

Медидовъ. Откуда вы вздоръ этотъ выкопали? Ну, можетъ ли быть это?

Перекученый. И можетъ быть, и должно быть!

Господинъ съ бородавкой. А на основаніи какихъ законовъ?

Перекученый. А на основаніи какихъ законовъ вы владѣли вашимъ братомъ, какъ скотомъ, какъ вещью,—могли его дарить, терзать, продавать? Какъ вы это смѣли дѣлать?... Развѣ онъ не человѣкъ такой же? Чѣмъ онъ виноватъ, что родился отъ честнаго труженика, а не отъ полусгнившаго развратника-лѣнтяя! Какія ваши права на нихъ? За что они осуждены на васъ работать даромъ? Вы чѣмъ ихъ лучше?—Свободу имъ, свободу! Права имъ человѣка! Ихъ они трудомъ, терпѣніемъ и потомъ заслужили!

Господинъ съ сапомъ. Экъ,—чего вы разоралисъ? Я вамъ говорю, что это слухи, а вы кричите. Еще услышатъ, скажутъ: распространитель вредныхъ толковъ, тогда и мѣста не найдешь!

Перекученый. Нѣтъ, это будетъ непремѣнно. Безъ этого

теперь обойтись невозможно! Это одна изъ главныхъ бьющихся жилъ жизни нашей!

Господинъ съ бородавкой (махаетъ рукой). Пойдемте, господа! Его не вразумишь, а толковать съ нимъ тошно! Ну, можетъ ли все это быть?

Расходятся.

Медидовъ (останавливая нѣкоторыхъ за фалды и за пуговицы). Постойте, господа, постойте! Послушайте! Вотъ говорятъ, что мужикамъ даютъ свободу. Это я вамъ скажу,—слухи; злонамѣренные люди давно ихъ распускаютъ для произведенія волненія и безпорядковъ. У насъ недавно было въ судѣ дѣло и, я вамъ скажу, тоже о свободѣ. Какъ ихъ плетьми отодрали — перестали искать свободы.

Господинъ съ бородавкой. Разумѣется!

Група 3: Молодой человѣкъ въ очкахъ, Роговъ, два Мартышки и другіе.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Хороша и смородиновка,— кто говоритъ! Особенно, знаете, съ перепоя, когда въ головѣ того.... ошалѣла Магдалина!

Роговъ. Да, пожалуй!—вѣдь она кисленькая! А то, знаете, еще что хорошо! Имбирное пиво съ коньякомъ. То есть, я вамъ говорю, языкъ проглотишь. А какъ прохлаждаетъ! — изумительно! Это я помню, какъ теперь, на ярмаркѣ въ Погарѣ, собралась насъ компанія: играли мы и пили цѣлую ночь. Время прошло восхитительно: вино, знаете, женщины,—словомъ, чего хочешь, того просишь. Меня жестоко отъутюжили, карманы просто выворотили и привели въ запустѣніе и забвеніе. На другой день просыпаюсь—въ головѣ, чортъ знаетъ, крысы въ чехарду играютъ; во рту мерзость, хуже чѣмъ эскадронъ переночевалъ; въ желудкѣ возмущеніе, бунтъ, тошнитъ, тянетъ, мракъ, голова кружится, въ виски стучитъ, въ глазахъ темно, двоится и точно все прыгаетъ. Хватилъ я имбирнаго съ коньячками, закусилъ соленою, невымоченою селедкой съ уксусомъ, и что же? — какъ рукой сняло! Очувствовался совсѣмъ. Заложилъ и ужь друзей приголубилъ. Все отъигралъ; обобралъ до нитки ихъ; часы, перстни,— все посnялъ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. А какъ я тебя встрѣтилъ безъ всего?

Роговъ. Это дорогою меня купеческій сынокъ, собачій сынъ, обработалъ. Ну, чортъ съ нимъ, проклятый шулеръ, — пьянымъ притворился! — А вотъ у него наливки такъ наливки! Врядъ ли во всемъ уѣздѣ у кого такія есть. Это у Ивана Макаровича; а жоночка то его, — у-у-у! славная какая, цыпочка, мамаська!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да, лакомый кусочекъ. Она, знаете, для любви такой, какъ ее тамъ называютъ, не годится. А аппетитная штучка, за нею стоитъ того.... пріударить!

Роговъ. А мы зѣваемъ, что ли? У мужа выпьемъ наливки, и къ женѣ закусить: дескать, подсластите, — горько!

Мартышка № 1. Такъ вотъ какъ! А я думалъ, она дама скромная.

Роговъ. А что, не хочешь ли приволокнуться! Эй, братъ, смотри! Забылъ яму?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Какую яму?

Роговъ. Да вотъ съ Мартышкой приключилась притча во языцѣхъ! Въ прошломъ году идемъ мы ночью по городу, только слышимъ: гу-у-у-у-у! гу-у-у-у-у! Что за чортъ? А надобно вамъ сказать, это случилось зимою, холодъ страшный, морозъ трескучій. Мы прислушались, кричитъ кто-то. И не то, чтобы кричалъ, а то стонетъ, не стонетъ, поетъ не поетъ, просто не почеловѣчески голоситъ. Пошли мы въ ту сторону, подошли къ оврагу; слышимъ изъ оврага голосъ. Спрашиваемъ; кто тутъ? А онъ: гу-у-у-у-у! Эка лѣшій! Вытащили — Мартышка! — пьяный, избитый, раздѣтый. Это его солдатъ какой-то поймалъ въ волокитствѣ за своей любезной, отмолотилъ, раздѣлъ и посадилъ въ яму, въ снѣгъ, — прохладить пылъ чувствъ. Простылъ дружокъ! закоченѣлъ, совсѣмъ ноги отморозилъ, руки, рожу! Не бѣгай впередъ! Вѣдь околѣлъ бы, еслибъ не мы. Что, пожимаешься до сихъ поръ, — видно не согрѣлся, а?

Мартышка № 1. Это просто грабители напали!

Роговъ. Толкуй грабители! Онъ послѣ того, какъ завидитъ солдата, такъ бокомъ, бокомъ!... Нѣтъ, братъ, не тебѣ къ Марьѣ Ивановнѣ соваться!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да и ты брешешь!

Роговъ. Чего мнѣ врать?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Разумѣется, врешь. Ужь у тебя языкъ такой собачій — не можешь не брехать.

Роговъ. Чего брехать! Эка невидальщина Марья Ивановна! Мы не такихъ видали!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Все брешешь, собака; врешь, какъ сивый меринъ!

Роговъ. Ну, давай пари!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Давай! — Двѣ дюжины шипучки.

Роговъ. Давай! Да ты вѣдь не повѣришь,—какъ тебѣ доказать?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. То-то и есть!

Роговъ. Эка чѣмъ вздумалъ удивить. Вѣдь добродѣтельныхъ женщинъ нѣтъ, и всякая женщина будетъ моею.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ну, на это, братъ, надобно имѣть особенное искусство, да и физіономію-то, физіомордію нѣсколько другую. А ты ужь тлѣнью предаешься! Страховня, дѣлаешься страховнею, сущая гробовня. Страхъ, мерзость и запустѣнье!

Розовъ. Ну еще постоимъ за себя!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Постоишь! А за Машей дьяконской пріударилъ—да съ носомъ и отъѣхалъ....

Роговъ. Кто?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да ты!

Роговъ. Я? Эхъ ты тетеря! Съ носомъ! Я ее увезъ.... Она бѣжала со мною ночью. Я ее продержалъ съ мѣсяцъ да и прогналъ къ чорту.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Когда же это было?

Роговъ. Когда было?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да.

Роговъ. Въ іюлѣ, если хочешь знать.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Врешь! брешешь! Тьфу собака! Она была дома!

Роговъ. Ты ее видѣлъ, что ли?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Видѣлъ.

Роговъ. Когда, котораго числа?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Числа я не помню. Да постой, постой! Я тогда къ Ильѣ Игнатьевичу на именины ѣхалъ, —значитъ девятнадцатаго числа.

Роговъ. Ну то-то и есть девятнадцаго! А мы бѣжали съ ней двадцатаго, въ самый Ильинъ день,—и вотъ тебѣ доказательство: помнишь, въ Ильинъ день была гроза; мы какъ разъ съ ней тутъ и выѣхали послѣ обѣда. Еще дьяконъ легъ спать. Насъ еще у Поповой рощи гроза застала: она перепугалась, кричитъ, плачетъ, молнія блещетъ, громъ какъ горохъ сыплется,—просто страсть! Я согналъ кучера долой, взялъ возжи и мы поскакали. Черезъ полчаса, мы уже были дома.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Вѣдь вишь, какъ брешешь! Тлетворный ты, злокачественнный! Я на другой день именинъ ѣхалъ назадъ и опять заѣзжалъ къ дьякону испить прохладительную чару, и видѣлъ Машу. Она грибы намъ жарила на закуску!

Роговъ. На другой день она точно ѣздила за платьемъ и за бѣльемъ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. За тридцать пять верстъ! Ну, братъ, несешь неоколесную. Все равно, что ты проскакалъ отъ Поповой рощи до дому двадцать пять верстъ въ полчаса.

Роговъ. И проскакалъ! Ты знаешь мою тройку забубенную! И я самъ еще правилъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Толкуй, такъ и повѣрили!

Мартышка № 2. А вотъ вы слышали? Медвѣдевъ увезъ гувернантку у Липовыхъ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Экъ когда хватился! Вотъ новость-то сказалъ! А кто ему далъ эту мысль, если не я? Онъ было и носъ на квинту опустилъ. Я, знаете, самъ того.... приволакивался.... то есть понимаете? Ну, думаю, чтобы не было послѣдствій, надобно оставить, а тутъ подвернулся Медвѣдевъ. Она больше оттого и уѣхала, что я устраивалъ это дѣло. Она все воображала, что ко мнѣ ѣдетъ.

Роговъ. Славно живетъ эта скотина, Липовъ! Чортъ его задави! Вотъ ужь живетъ въ свое удовольствіе! Какія у него дѣвки—букетъ! малина! Одна другой лучше, канашки! А какъ поютъ и пляшутъ, такъ чортъ задави ихъ душу! Особенно Стешка—король-дѣвка!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Нѣтъ, Танька лучше!

Роговъ. Ну ужь ей далеко до Стешки!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Нѣтъ, Стешкѣ до Таньки далеко! Танька—огонь! Какъ пойдетъ, да присвистнетъ, такъ

у нея всѣ суставчики и заговорятъ! Плечи! Фу ты, роскошь! А глаза, глаза—огонь! адъ! А Стешка что?—ледъ!

Роговъ. А легка, граціозна! Сильфида! Просто вѣтеръ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Танька пойдетъ, такъ горишь весь! Эхъ дѣвка!

Роговъ. Ступа!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Нѣтъ, это Стешка истуканъ!

Перкучный. Тошно слушать! Вино, развратъ, мерзость! Фу ты, Боже мой!

Группа 4. Порхавкинъ, Дурноумовъ, Дудочкинъ и другіе.

Порхавкинъ. Это что за протодьяконъ — дрянь! Голосъ точно разбитый! Вотъ у покойнаго преосвященнаго былъ протодьяконъ, такъ протодьяконъ! Въ эту дверь не пролѣзетъ, высокій, толстый; головища вотъ этакая, курчавая, а голосище, я вамъ скажу, страсть! Какъ, бывало, хватитъ конецъ евангелія или многолѣтіе, такъ церковь задрожитъ, стѣны ходуномъ заходятъ, чуть не развалятся. Густой такой голосъ, точно изъ бочки или изъ пропасти.

Дудочкинъ. Да, чудный былъ протодьяконъ! Жаль, спился и голосъ потерялъ!

Порхавкинъ. Вотъ, я вамъ доложу, Вавиловскій дьяконъ, вы видѣли? Прелесть! Служитъ превосходно! Съ чувствомъ служитъ! Я вамъ скажу, чудо! Походка этакая, руку подниметъ, станетъ, скажетъ! — ну, отдай все, да мало! Голосъ славный, — ему бы вотъ протодьякономъ быть! Да жаль, тоже испиваетъ.

Порхавкинъ. Это правда, но за то и между ними есть такіе гордецы, что не приведи Богъ! Вотъ у меня былъ Андрей.

Дурноумовъ. Помню, славный, кажется, священникъ.

Порхавкинъ. Умный, — правда, но гордый страшно. Ужь никому, бывало, не поклонится и не уступитъ. Его мужики не любили и, какъ вамъ сказать, не то, чтобъ уважали, а какъ будто боялись. Онъ держалъ себя такъ важно и далеко. Бывало, лучше просидитъ голодный, нежели пойдетъ сбирать по мужикамъ; я ему помогалъ, бывало: хлѣба дашь, того, другаго, третьяго. Казалось бы могъ и меня уважать! Нѣтъ! Иной разъ я еще сплю, а онъ къ обѣдни звонитъ. Все дѣлалъ по своему, точно хозяинъ. Я на него прикрикнулъ разъ; иной бы смирился,

попросилъ бы извиненья, а онъ куда тебѣ, говоритъ: «не забывайтесь, я священнослужитель и вашъ отецъ духовный!» Я жъ его упекъ, голубчика, за это! Составилъ отъ всего прихода жалобу и подалъ архіерею. Ну, его на покаяніе и взяли. Потомъ онъ нашелъ мѣсто въ бѣднѣйшемъ приходѣ. Богъ его наказалъ за гордость: вскорѣ жена его померла, а потомъ и онъ за нею. Вѣдь былъ наказанъ, могъ бы перемѣниться. Нѣтъ, все остался такимъ же гордымъ до самой смерти! Теперь у меня старикъ... за то покорный. Иной разъ спишь до двѣнадцати, случается до часу,—онъ ни за что обѣдни не начнетъ!

Переученый. Вотъ еще одна изъ болячекъ нашихъ! Священникъ исполняетъ долгъ свой,—его считаютъ гордецомъ, не терпятъ, гонятъ, онъ долженъ терпѣть лишенія, голодъ, или унизиться, забыть свой санъ и потерять уваженіе къ себѣ, къ своему служенію. Пора, пора ихъ обезпечить и въ матеріальномъ отношеніи освободить. Изъ всѣхъ зависимостей тяжеле нѣтъ нужды въ насущномъ хлѣбѣ! Имъ надо бы награды завести; конечно, ихъ награда тамъ, но и здѣсь не лишнее бываетъ поощренье. Онъ человѣкъ, онъ слабъ! Въ борьбѣ его съ нуждой, съ соблазномъ поддержите, хотя не для него, а для его служенія.

Группа 5. Назарьевъ, Покровскій, Роговъ, Молодой человѣкъ въ очкахъ.

Назарьевъ. Это что! А вотъ, я вамъ скажу, я помню вечеръ, такое дьявольское несчастіе! Напримѣръ, у меня: тузъ, король, дама, валетъ червей; тузъ, король, дама, валетъ пикъ; тузъ, король бубенъ,—сколько играть?

Роговъ. Въ рукѣ?

Назарьевъ. Во второй рукѣ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Восемь.

Роговъ. Всегда девять!

Покровскій. Девять.

Назарьевъ. Ну-съ, я былъ осторожнѣе, игралъ всего восемь, и остался безъ двухъ!

Всѣ. Быть не можетъ!

Назарьевъ. Я вамъ говорю. Первый ходъ въ пики, я кладу туза, въ третьей рукѣ, хлопъ козыремъ,—я игралъ въ червяхъ, отвѣчаютъ въ бубны. Въ первой рукѣ бьютъ козыремъ, опять въ бубны, и я безъ двухъ!

Роговъ. Это чортъ знаетъ что такое!

Назарьевъ. Итакъ весь вечеръ. Знаете, я не считаю несчастіемъ, когда нейдетъ просто карта. Тутъ только крѣпись, имѣй терпѣніе, такъ много не проиграешь. А вотъ несчастіе, когда идетъ игра за игрой, одна другой лучше: кажется, самая вѣрная, а смотришь, чортъ разложитъ такъ, что безъ одной и безъ двухъ.

Роговъ. Бываетъ хуже! Карты, я вамъ скажу, это цѣлый міръ! Ихъ надобно изучить, наблюдать.

Группа 6. Долотовъ, Никоновъ и другіе; потомъ подходитъ и Первучный.

Долотовъ. Постановили они рѣшеніе. Читаю я — дичь страшная! Говорю этому старому дураку, псу беззубому, — судьѣ: «что вы это, я говорю, сдѣлали?» Объясняю все какъ слѣдуетъ. Ну, а тотъ сидитъ и хлопаетъ глазами, подозвалъ секретаря, — бестія этотъ секретарь, такая выжига! «Какже, говоритъ, это секретарь-то, наше рѣшеніе вполнѣ справедливо. Наконецъ, мы ни въ какомъ случаѣ измѣнить своего постановленія не можемъ. Жалуйтесь гражданской палатѣ». Я говорю, къ чему это ссора, дрязги? «Какая, говоритъ, ссора, вѣдь вы не на насъ будете жаловаться, а на рѣшеніе суда. Мы же своего опредѣленія ни въ какомъ случаѣ перемѣнить не можемъ». Я въ гражданскую палату расписалъ. Отправилъ. Долго тамъ что-то было! Случилось мнѣ здѣсь быть самому. Захожу въ палату, только мнѣ столоначальникъ и говоритъ: «ваше дѣло идетъ туго оттого, что безъ смазки.» Далъ я ему взятку, десять цѣлковыхъ. Потомъ явился помощникъ столоначальника, потомъ писецъ. Чего вамъ? Они прямо говорятъ: «у насъ даромъ никто со стула не поднимется. Да что дѣлать! жалованье, говорятъ, у насъ такое маленькое, что имъ существовать рѣшительно невозможно, поневолѣ станешь брать.» Ну-съ, пробылъ я тогда здѣсь недѣли полторы, передъ отъѣздомъ захожу справляться; говорятъ: въ столѣ кончено. Но секретарю тамъ, протоколисту, чорту, дьяволу, надо подсунуть, а они уже, какъ голодные собаки, такъ вокругъ меня и шныряютъ; глаза свои запускаютъ въ карманы. Ну, думаю, дѣло мое правое, въ столѣ—сдѣлали что слѣдуетъ: за что я буду давать? Не дамъ! — Пріѣхалъ я домой: жду, нѣтъ дѣла, наконецъ черезъ шесть недѣль является. Объявляютъ мнѣ,—самъ еще Розоновъ и привозилъ. Что же

вы думаете, палата сдѣлала? Ни то, ни се, рѣшеніе суда и не отмѣнила и не утвердила, а отвѣчаетъ, что по такимъ-то и по такимъ-то объясненіямъ господина Долотова, видно, что судъ не имѣлъ при заключеніи своего опредѣленія въ виду того-то и того-то; а потому пересмотрѣть дѣло вновь. Я являюсь къ секретарю; думаю: чтожь—плетью обуха не перебьешь!» — далъ ему пятнадцать цѣлковыхъ, а противникъ мой далъ двадцать пять. Ну и опредѣлили: «предоставить мнѣ право отыскивать гдѣ надлежитъ». Что это за опредѣленіе, ужь я не пойму! Нѣтъ, я вамъ говорю: пока Медидовъ будетъ судьею, ничего толку не будетъ.

Никоновъ. То ли еще дѣлается! Вы посмотрите въ опекахъ, что творится, страсть! Предводитель почти всегда дуракъ, вотъ въ родѣ Козелкова или Ваксина. Дѣла не смыслитъ, дѣломъ не занимается, а тутъ что хотятъ, то и творятъ,—своя рука владыка! Будь опекунъ дѣйствительно хорошъ, веди дѣла какъ слѣдуетъ, заботься о пользѣ малолѣтнихъ, составь имъ изъ ничего состоянье — опека придерется, найдетъ виновнымъ, отрѣшитъ, предастъ суду, если съ нею онъ не подѣлится. Будь опекунъ мошенникъ, грабь малолѣтняго, расточай его имущество, да дѣлись только съ ними,—все будетъ отлично: отчеты утвердятъ и все найдутъ законнымъ. Оттого-то у насъ опекуны и опекаютъ. Имѣніе послѣ опеки все равно, что послѣ нашествія галловъ и съ ними дванадесяти языковъ! А подставные-то опекуны! Есть господа, которые опеками живутъ, въ опеки платятъ положенную подать, и за то ужь гдѣ откроется опека, сейчасъ подставнаго и назначаютъ; а онъ ужь, разумѣется, грабитъ. Замѣтьте, у насъ всеобщіе опекуны—кто? Караловъ да Баничъ. Всюду ихъ назначаютъ, грабителей, мерзавцевъ, негодяевъ. Зло страшное у насъ опеки!

Перкучный. Идея хороша, да примѣненье скверно! А во многомъ, кто какъ не мы, сами виноваты? Все терпимъ, ни на что вниманія не обращаемъ. Не думаемъ мы ни о чемъ. Пусть будетъ, что будетъ съ нами!.. Вотъ здѣсь прислушивался я цѣлый часъ къ спорамъ, къ толкамъ, и не нашелъ я ни одной идеи здравой, живой и новой! Толкуютъ все о пустякахъ, о постороннемъ; ни малѣйшаго сочувствія ко всеобщимъ интересамъ. Всякій занятъ своими дѣлами! Своя рубашка ближе къ тѣлу! — вотъ корень-то вреда въ этой поговоркѣ. «Своя рубашка ближе къ тѣлу», мы говоримъ, когда съ другаго снимаютъ послѣднюю рубашку. «Мнѣ что за дѣло, пусть дѣлаютъ съ другими, что хо-

тать. А мнѣ чего мѣшаться! Что я за указчикъ!» — Вотъ наше разсужденье! Того не соображаемъ, что сегодня сняли съ одного рубашку, а завтра съ меня снимутъ, что надобно здѣсь защищать не личность, а идею — законъ всеобщій! У насъ нѣтъ общества, а только сборища пустыя! Никто не сознаетъ потребностей; насъ тяжелые вопросы не тревожатъ! — Оно и лучше! — пищевареніе свободнѣй и безпечнѣе живется! У насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, которое бы карало отдѣльно отъ закона. Оттого-то Розоновы и терзаютъ насъ; они передъ закономъ правы, умѣютъ отвертѣться, законъ перетолковать иначе, концы умѣютъ хоронить отлично. Но судъ общественнаго мнѣнья ихъ покаралъ бы безпощадно! Теперь они свирѣпствуютъ спокойно, безъ боязни, на двери присутствія и канцеляріи билеты поприклеятъ: *входъ постороннимъ воспрещается*! И за этими дверями идетъ постыдный торгъ: честь, благородство, справедливость, законъ и правда,—все продается съ аукціона! Неуваженье къ правдѣ, неуваженіе къ закону, позорное попранье человѣка! Поруганіе надъ высокою идеею правосудія! Сознанія долга, чести нѣтъ у насъ! Оттого все это и творится! Болѣзнь жестокая, общественная язва! Да мало ль этихъ язвъ? Татарщина, насильно привитая личина просвѣщенья испортили въ насъ кровь и породили общественныя язвы! Мы съ жадностью, съ какимъ-то безумнымъ увлеченіемъ стараемся къ себѣ привить болѣзни Запада. А силъ его здоровыхъ, а цѣлительныхъ, полезныхъ соковъ и знать мы не хотѣли. Мы безъ парусовъ и безъ руля отъ берега роднаго оттолкнулись. По волѣ вѣтра мы несемся—куда? за чѣмъ?—не понимаемъ и не хотимъ понять! Удушливъ воздухъ, надъ головами тучи, бури и громы свирѣпствуютъ кругомъ. Мы въ полуснѣ спокойно смотримъ, какъ разбиваются вокругъ родные челноки, какъ гибнутъ братья наши, и— молчимъ. Отъ подлой трусости языкъ у насъ отнялся! Мы не спасаемъ братьевъ нашихъ! Нѣтъ, мы спокойно смотримъ, какъ братъ нашъ погибаетъ. «Мнѣ что! мы говоримъ: еще меня вѣдь не задѣло!» Мы другъ на друга враждебно даже смотримъ, точно будто бы мѣшаемъ жить одинъ другому. Въ насъ нѣтъ.

Козинъ и Козелковъ (господинъ средняго роста, черномазый, лицо вытянуто, каріе глаза безумно блуждаютъ. Носъ въ видѣ запятой, улыбка глупая и смѣхъ, свойственный юродивымъ и идіотамъ; говоритъ пришепетывая, картавитъ и плюется).

Козинъ. Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Какъ ваше драгоцѣнное здоровье?

Козелковъ. И, ги, ги, ги, ги! Благодарю покорно!

Козинъ. Да! У васъ прекрѣпкое сложеніе, особенно голова крѣпка!

Козелковъ (съ самодовольною улыбкой). Это точно-съ. Я, знаете, лбомъ могу разбить орѣхъ!

Козинъ. Прекрасное, завидное дарованіе! Вы молодецъ, Николай Ивановичъ. Ну, а вы слышали, что китайскій престолъ послѣ смерти китайскаго императора будетъ розыгрываться въ лотерею? Вотъ возьмите-ка билетъ! Вѣдь если вы выиграете, такъ сдѣлаетесь китайскимъ императоромъ.

Козелковъ. Вы шутите! Неправда!

Козинъ. Я вамъ говорю! Французы и англичане наложили на Китай дань: ее китайцы не выплатили, — вотъ они и разыгрываютъ въ лотерею престолъ китайскій, чтобы пополнить недоимку.

Козелковъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

Козинъ. Ну, ей-Богу! Чего же я стану лгать? Только, смотрите, это тайна! Билеты у губернатора, онъ молчитъ нарочно, себѣ хочетъ оставить всѣ!

Козелковъ. А почемъ билетъ?

Козинъ. Дорого, тысяча цѣлковыхъ! Губернаторъ старается, чтобы никто не зналъ и никому не говоритъ. А вы требуйте: онъ сперва будетъ отговариваться, что никакихъ билетовъ не знаетъ; вы приставайте — дастъ! Не дать не смѣетъ!

Козелковъ. А другіе берутъ?

Козинъ. Никто еще не знаетъ.

Козелковъ. А вы почемъ узнали?

Козинъ. Какіе вы любопытные! Ну, скажу вамъ по секрету: мнѣ сказала Розонова. Она вѣдь, знаете, теперь лицо какое?

Козелковъ. Какое?

Козинъ. Не знаете! Въ нее по уши влюбленъ губернаторъ, и.... и.... Понимаете?... Недавно пробылъ съ нею два часа наединѣ.

Козелковъ. Быть не можетъ!

Козинъ. Спросите у самого Розонова. Губернаторша изъ себя выходитъ, просто.

Козелковъ. А она знаетъ?

Козинъ. Еще бы! Это всѣмъ извѣстно! Ну такъ губернаторъ

подарилъ ей билетъ на лотерею, я у ней и увидѣлъ! Если хотите, просите билетъ.

Козелковъ. Я не думалъ, чтобъ Александра Герасимовна попала въ такую честь.

Козинъ. Еще новость!... Журавлевъ получилъ за свои изделья отъ французскаго правительства знаки траво-форсе (*).

Козелковъ. Какіе?

Козинъ. Траво-форсе. Вы не забудьте его поздравить. Я уже его поздравлялъ.

Козелковъ. Траво-форсе?

Козинъ. Да.

Козелковъ. Экое счастье Журавлеву!

Козинъ. Онъ этого вполнѣ заслуживаетъ! Не забудьте же: Траво-форсе.

Козелковъ (твердитъ). Траво-форсе, траво-форсе, траво-форсе!

(Пріѣзжаютъ новыя лица, въ томъ числѣ Журавлевъ, Головкинъ и Выксинъ).

Выксинъ (губернскій предводитель дворянства. Лицо со связями; богатъ. Толстѣйшій изъ всѣхъ помѣщиковъ, сильно заикается). Гооспъ-ода! Т.... т.... трехлѣтіе, то.... т... то есть шшшести.... ти.... ти.... лѣтье на.... нашей слууужбы по.... пю.... по выбъ-орамъ.... ко.... къ-окончилось! Те.... те.... перь мы, то.... то.... оооесть ввы, бу.... бу.... будете и.. изб.... бирать ввввновь до.... до.... достъ-оойн.... н.... нѣйш.... ш....шихъ. Ммсы изъ вв.... в....в... всѣхъ ссилъ старррралась о... п.... п....прррравввдать вваше дддъ-овѣ-ррріе, дль....ль....ля пр....р....р.... реуспѣ.... пѣ.... пѣя....нія гррражд... д.... дъанствен....н.... носсти, ц.... ц.... цивввиилиль из.... з.... заціи, п.... п.... пррръ-освввѣщен.... н.... нія и....и.... и.... и ррраз.... з....вввитія ннна п.... п.... пъ-уут.... тти п.... п....прррогрррь-ессса! (Видя, что зарапортовался, дѣлаетъ движеніе рукою) Ааа.... а тт....тепъ-ерь, ж.... ж.... желл.... ла...лая прррости.... ти.... титься съ вввамммм пъокоррнѣйше н.... поп.... п....пръ-ош.... ш....шшу къ-о мнѣ по...роослѣ зз... зъавтра къ к.... къ ооообъ-эду!

(Всѣ отвѣчаютъ разомъ. Шумъ такой, что ничего нельзя понять. Выксинъ переходитъ въ другой уѣздъ).

(*) *Траво-форсе*—клеймо каторжной работы во Франціи. На клеймѣ двѣ буквы: Т. и F. (travaux forcés).

Переученый. Господа, господа! Позвольте нѣсколько словъ!

Нѣсколько голосовъ. Что? Что такое?

Переученый. Господа! въ настоящее время, когда все движется впередъ, разработываются и развиваются вопросы огромной важности, не слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ мірѣ и особенно у насъ въ Россіи—непростительно, невозможно! Мы отстанемъ далеко отъ вѣка, явимся уродами, выродками. Единственное средство слѣдить за развитіемъ идей, за общимъ движеніемъ впередъ — это читать, читать, читать! Но одному невозможно получать всѣ журналы и газеты, а потому я предлагаю сложиться и на собранныя деньги устроить кабинетъ для чтенія.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Неподходяще!

Роговъ. По моему, если платить деньги, такъ ужь лучше устроить собраніе — потанцовать, или клубъ—играть въ карты!

ГОЛОСА:

— Разумѣется!

— Очень нужны книги!

— Да я и знать не хочу, что тамъ дѣлается!

— Я не политикъ!

— Какіе тамъ вопросы!

— Плевать я хотѣлъ на ваши вопросы и движенье!

— Съ насъ довольно знать, что дѣлается въ полѣ, по хозяйству!

— Вы сперва посмотрите, что дѣлаетъ у васъ староста!

ГОЛОСА:

— Денегъ некуда дѣвать!

— Ишь, ему понадобились книги, такъ онъ на нашъ счетъ читать хочетъ!

— Ловокъ баринъ!

— Выписывай самъ, если приспичило читать и философствовать!

— Я предлагаю! Экая важная птица! Я предлагаю!—точно предводитель!

Головкинъ. Положимъ, васъ не интересуетъ, господа, что дѣлается въ мірѣ. Вы не политики! Вопросы умственной дѣятельности для васъ не важны! Оставимъ ихъ всторонѣ, желающимъ ими заниматься. Я хочу вамъ сказать нѣсколько словъ о васъ самихъ, о вашемъ положеніи. Подумайте о томъ, чтобы вамъ можно было спать спокойно. Господа! помните, что вы должны себѣ избрать защитниковъ и судей... А вы находитесь подъ чьимъ вліяніемъ?—Человѣка, который, пользуясь своимъ

богатствомъ и значеніемъ, готовъ васъ утѣснить, отнять послѣднее. Вы не найдете себѣ защиты противъ его вліянія и дѣйствій потому, что судьями будутъ выбраны вами его же слуги, которые, по одному его слову, готовы васъ ограбить. Неужели вы это не понимаете? Вамъ житья не будетъ! И знаете ли, кто вашъ идеалъ, которому вы такъ слѣпо довѣряете? Вотъ этотъ господинъ! (Указываетъ на Журавлева). Нѣтъ низости, которой онъ бы постыдился. Разсмотрите всѣ его дѣянія. Хотите, я вамъ представлю больше сотни дѣлъ низкихъ, черныхъ, гдѣ онъ безъ всякой совѣсти, забывши чинъ свой, состояніе и уваженіе всеобщее, за грошъ готовъ былъ снять послѣднюю рубашку съ бѣдняка. Вотъ примѣръ его дѣяній....

Журавлевъ. Ну ужь это слишкомъ! — Вы оскорбляете собраніе!

ВМѢСТѢ.

— Назарьевъ. Онъ сошелъ съума!

— Господинъ съ сапомъ. Онъ забывается!

— Господинъ съ бородавкой. Это скандалъ!

— Молодой человѣкъ въ очкахъ. Это неуваженье къ намъ!

— Порхавкинъ. Это чортъ знаетъ, что такое!

— Мартышка № 1. Это ересь!

— Мартышка № 2. Это святотатство!

— Мухоморовъ. Страшно слушать!

— Покровскій. Какъ можно позволять себѣ!

— Розоновъ. Вольнодумство! изъ рукъ вонъ!

ГОЛОСА:

— Это ужь черезъ-чуръ!

— Это дерзость!

— Откуда у него взялось духу?

— Его надобно заставить замолчать!

— Ха, ха, ха! Отпечаталъ!

— Молодецъ!

— Непростительная выходка!

— Заставить его извиниться!

— Боже мой! что это онъ говоритъ!

— Что теперь съ нимъ будетъ!

— Какъ это осмѣлиться такъ говорить съ такимъ лицомъ!

— Онъ того.... свихнулся!

Головкинъ. Позвольте, господа! Я еще разъ повторяю, что

вы дѣлаете выборы подъ вліяніемъ этого господина (указываетъ на Журавлева), а онъ, я это ему говорю въ глаза при всѣхъ, не только недостоинъ такого довѣрія и уваженія, но недостоинъ званія благороднаго человѣка, недостоинъ быть здѣсь въ собраніи дворянъ. Хотите доказательствъ, стоитъ только перечислить дѣянія этого господина, разсуждающаго чуть не со слезами о высокомъ, о прогрессѣ. (Журавлеву) Хотите, я начну пересчитывать ваши низости? Иль, можетъ быть, въ васъ остались искры самолюбія и вы сами оставите собраніе!

Отъ него всѣ пятятся, кромѣ Перучинаго.

Журавлевъ. Вы думаете, что я буду отвѣчать вамъ? Вы думаете, что я унижусь до разговора съ вами? Слишкомъ много чести!—Я васъ не знаю! Я могъ бы растоптать васъ, но не хочу мараться!

Головкинъ. Вы, замаранный своими низостями, вы думаете, что этими фразами....

Журавлевъ. Онъ дѣлаетъ вамъ всѣмъ, господа, честь! Въ вашихъ собраніяхъ только можно встрѣтить подобныя вещи!...

Перученый (Головкину). Вашу руку!

ВМѢСТѢ.

— Назарьевъ. Замолчите!

— Розоновъ. Вывести его!

— Господинъ съ бородавкой. Онъ драться лѣзетъ!

— Господинъ съ сапомъ. Онъ не въ своемъ умѣ!

— Молодой человѣкъ въ очкахъ. Убрать его отсюда!

ГОЛОСА:

— Убрать его!

— Вывести его! Вывести его изъ собранія!

— Это скандалъ!

— Это неуваженье!

— Это дерзость!

— Это бунтъ!

— Пожалуйте вонъ изъ собранія!

— Медидовъ! Владиміръ Ростиславичъ. Вы за предводителя у насъ — предложите оставить собраніе!

Головкинъ. Господа! послушайте!

ГОЛОСА:

— Извольте выйти вонъ!

— Вывести его!

— Вы оскорбили насъ!

Назарьевъ. Не впускать его въ собраніе!

Розоновъ. И не принимать въ общество!

Головкинъ. Извольте, господа, я выйду! Мнѣ еще пока не мѣсто здѣсь. (Журавлеву) А ты, мерзавецъ, помни, что за тобой я буду слѣдить за каждымъ твоимъ шагомъ, не пропущу ничего! Ни на минуту не закрою глазъ! Какую бы низость ты ни сдѣлалъ: ограбишь ли сосѣда или сироту, обманешь ли, оберешь гувернера, обкрадешь ли казну на подрядахъ, мужика ль обидишь, все я буду знать и за все, и за всѣхъ, я потащу тебя къ суду. Пусть слуги твои судятъ! пусть употребятъ всю свою низость, чтобъ оправдать тебя! Настанетъ время, когда и у нихъ для тебя оправданіе будетъ невозможно! Тогда у всѣхъ откроются глаза! Они поймутъ тебя и пожалѣютъ, что теперь я ухожу изъ собранія, а не ты! Прощайте, господа! Вы скоро разочаруетесь въ вашемъ идеалѣ.

Козинъ.
Первученый.
Сомовъ.
Никоновъ.
} Браво, браво! Справедливо и благородно!

ГОЛОСА:

— Вонъ! вонъ! Подите вонъ!
— Мы всѣ оскорблены!
— Это чортъ-знаетъ-что такое!
— Молодецъ!
— Забыть такъ приличіе!
— Вотъ такъ! — Проваливай!
— Съ Богомъ по морозцу! (Головкинъ уходитъ).
— Ошалѣла Магдалина!
— У него въ головѣ крысы въ чехарду играютъ!
— Пусть остынетъ!
— Горячъ больно!
— Какой скандалъ затѣялъ!
— Что ему теперь будетъ?

Назарьевъ. Иванъ Сергѣевичъ, извините! Намъ совѣстно, что между нами такой нашелся!

Розоновъ. Иванъ Сергѣевичъ! Наше уваженье служитъ....

Порхавкинъ. Ей—богу, мы невиноваты!

ГОЛОСА (Журавлеву).

— Извините!
— Простите, Иванъ Сергѣевичъ! Такой скандалъ!

— Это оскорбленье намъ всѣмъ!

— Мы съ нимъ незнакомы!

— Воззрите милостивымъ окомъ! — Мы непричастны!

— Это все университетскіе умники!

— Онъ не въ своемъ разсудкѣ!

— Тише, тише, господа! Иванъ Сергѣевичъ говорить изволить!

— Тсъ, тише! Слушайте!

Журавлевъ. Господа, мнѣ это очень прискорбно! Не потому, чтобы я былъ оскорбленъ. Я, благодаря Бога, стою такъ высоко, что меня какой нибудь Головкинъ оскорбить не можетъ. Мало ли что наговорить можетъ пьяный мужикъ или полоумный! Но въ этомъ вы всѣ оскорблены. Это неуваженье къ обществу, это нарушеніе идеи, принциповъ нашихъ собраній! Это.... это.... словомъ, поступокъ, марающій дворянство! Я самъ дворянинъ и меня оскорбляетъ, шокируетъ, что дворянинъ одного со мной уѣзда рѣшился на такую штуку. Онъ еще такъ молодъ! Я при своемъ чинѣ и положеньи въ свѣтѣ, могъ бы быть ему полезнымъ!

Козинъ (Козелкову). Что же вы? Поздравляйте!

Козелковъ. Какой орденъ-то?

Козинъ. Не орденъ, а знаки траво-форсе!

Козелковъ. Траво-форсе! Траво-форсе! (Журавлеву) Иванъ Сергѣевичъ! Это что! Васъ вполнѣ цѣнятъ! Честь имѣю поздравить! Очень радъ!

Журавлевъ (Козелкову съ досадой). Что вы хотите сказать?

Козелковъ. Ясъ.... я-съ честь имѣю васъ поздравить!... Вы вполнѣ заслужили это! Какъ ихъ?... Да знаки траво-форсе! Вы вполнѣ достойны! Отъ души поздравляемъ!

Мальчиковъ (вспыхнувъ). Ну ужь это черезъ-чуръ! И этотъ, картавый, туда же!

Голоса. Губернаторъ! губернаторъ! Его превосходительство!

(Всѣ бѣгутъ къ дверямъ. Губернаторъ и Довѣренное лицо входятъ).

Губернаторъ. Мое почтенье, господа! (Съ важностью). На основаніи закона, вы, господа, имѣете право избирать должностныхъ лицъ! Надѣюсь, что вы оправдаете довѣріе правительства и добросовѣстно исполните, то есть, добросовѣстно и безпристрастно будете избирать. Надѣюсь, что вы, господа, дадите мнѣ прекрасныхъ чиновниковъ, которые будутъ по-

могать мнѣ въ неусыпныхъ трудахъ по управленію Всемилостивѣйше ввѣренною мнѣ губерніею. Нечего говорить, что я требую честности, безкорыстія и нелицепріятія. Я врагъ несправедливости, неисполненія своего долга и обязанности. Прошу избранныхъ служить честно. За злонамѣренность я буду неумолимъ. Со свѣта сгоню! Въ землю закопаю! Служить хочешь, такъ служи какъ слѣдуетъ! А нѣтъ,—такъ не берись! Я не пощажу! Даю вамъ слово! Я что сказалъ, то свято! У меня ужъ такой характеръ. Я не потерплю безпорядка и слабости! Когда начальникъ сидитъ, а его за носъ водятъ, что хотятъ, то и дѣлаютъ! Я этого самъ не допускаю и не терплю въ другихъ! Прошу у меня служить, какъ слѣдуетъ, безъ разсужденій! Зарубите же это себѣ на носу! Прошу помнить, а не то со мной не раздѣлаетесь! Я вамъ покажу, какъ служить спустя рукава! Подумайте объ этомъ! Надѣюсь, что вы меня не заставите прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ! Будете служить какъ должно, я съумѣю цѣнить заслуги! А теперь, господа, по русскому обычаю, начнемъ молитвою! Я васъ приглашаю въ соборъ къ молебну. Помолимся и начнемъ съ Божьей помощью! Вы присягнете по закону. Пойдемте!

Довѣренное лицо (тихо, губернатору). Удивительно, какая сила, какой даръ слова у вашего превосходительства!

Губернаторъ. Я говорю всегда отъ сердца, по убѣжденію! (Журавлеву). Мое почтеніе, Иванъ Сергѣевичъ! Какъ здоровье ваше? Пойдемте! (Беретъ его подъ руку). Что я вамъ разскажу! (Выксину, который низко кланяется). А, Василій Михайловичъ, здравствуйте! (Киваетъ головой и уходитъ. За нимъ идутъ дворяне).

ШЕПОТОМЪ ДРУГЪ ДРУГУ:

— Ну, задалъ гонку!

— У меня душа ушла въ пятки!

— Говорятъ, что слабъ, — нѣтъ, видно, что начальникъ.

— Вотъ бы посмотрѣлъ Головкинъ, съ кѣмъ онъ осмѣлился тягаться! Ивана Сергѣевича какъ губернаторъ уважаетъ!

— Прекрасно говоритъ!

— Что онъ на насъ кричалъ, въ самомъ дѣлѣ!

— Экій бѣшеный! Я не на службѣ, за что же онъ распекаетъ?

— Вотъ это голосъ истиннаго начальника!

— Такъ и слѣдуетъ!

— Ко мнѣ сегодня, Павелъ Петровичъ, въ картишки перебросить!

Первучевный. Идутъ съ улыбкою, спокойно, чтобы прися-

гнуть, что будутъ избирать не по пристрастью, справедливо! А на дѣлѣ, что будетъ? Вѣдь знаютъ, что присяги не исполнять, а идутъ такъ спокойно! Скажи любому, что онъ принялъ ложную присягу, — не повѣритъ! А между тѣмъ всѣ они клятвопреступниками будутъ. Нѣтъ, въ нихъ не безсовѣстность, не подлость говоритъ. Они не понимаютъ, что творятъ, не хотятъ въ свои поступки вникнуть. Они не видятъ въ этомъ преступленія; для нихъ присяга одинъ обрядъ, а выборы — другой, отдѣльный! Безъ сознанья, точно дѣти, присягою, словомъ и честію играютъ! Грустно видѣть такое отсутствіе сознанія своихъ поступковъ и долга! Дѣти, просто дѣти! Когда же, наконецъ, для нихъ наступитъ возмужалость?...

(Уходитъ вслѣдъ за другими. Зала пустѣетъ).

СЦЕНА III.

БАЛЪ У ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА

Зала въ домѣ полиціймейстера. Въ двухъ стѣнахъ окна съ прекрасными занавѣсками. Въ другихъ двухъ стѣнахъ двери: въ одну дверь, въ задней стѣнѣ, видна анфилада комнатъ, другая дверь ведетъ въ корридоръ; въ другой стѣнѣ: одна дверь въ переднюю, другая въ комнату, гдѣ помѣщается музыка. Комнаты ярко освѣщены. — Серафима Ивановна, жена полиціймейстера, дама молодая, полная и довольно красивая; блондинка съ голубыми глазами. — Григорій, человѣкъ полиціймейстера, во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ. — Ломовъ, частный приставъ, въ мундирѣ и съ треугольной шляпой подъ мышкой. Хотя введены уже давно въ полиціи каски, но Ломовъ, для баловъ и собраній, всегда употребляетъ шляпу, считая ее приличнѣе для подобныхъ обстоятельствъ.

Серафима Ивановна (Григорью). Ты смотри, Григорій, будь порасторопнѣе! да смотри за другими! Порядочнымъ гостямъ, лицамъ важнымъ, подноси почаще, а мелюзгѣ, сволочи разной — порѣже... Съ подносомъ не застаивайтесь, а проходите скорѣе, — а то остановитесь, такъ они рады будутъ случаю: пойдутъ хватать и выбирать! Полные карманы набьютъ, чуть не съ мѣшками ѣздятъ! Удивительно, что за жадность такая! — точно конфектъ не видали!

Ломовъ. Живутъ-съ по деревнямъ-съ, — такъ имъ, дѣйствительно, въ диковинку-съ!

Серафима Ивановна. Ну, ужь и здѣшніе тоже хороши!

Такіе же! (Григорью) Тоже, Григорій, пожалуйста, смотри за оршадомъ и лимонадомъ.

Григорій. Слушаю-съ!

Серафима Ивановна. Получше, могуще, чтобы досталось хорошимъ гостямъ, а остальнымъ можно и похуже, — и тѣмъ должны быть довольны!

Григорій. Ужь это какъ водится! Ужь мы знаемъ, — слава Богу, не въ первый разъ служить!

Серафима Ивановна (Ломову). А вы ужь, пожалуйста, присмотрите за винами и закусками.

Ломовъ. Слушаю-съ!

Серафима Ивановна. Да Шепчугова, пожалуйста, близко не подпускайте, а то напьется опять, какъ въ прошлый разъ.

Ломовъ. Да, это точно-съ, онъ нѣсколько на этотъ счетъ слабъ и во хмѣлю-съ, Богъ съ нимъ, нехорошъ-съ!

Серафима Ивановна. Да, очень нужно его поить! точно для его поганой глотки поставлено. Да завтра, не забудьте, купцовъ привести, чтобы они взяли, что останется.

Ломовъ. Слушаю-съ! Поищу-съ!

Серафима Ивановна. Что тутъ искать! Приведите тѣхъ, у кого брали. Вѣдь я имъ по десяти копѣекъ скидываю съ каждой бутылки, противъ той цѣны, что на ярлыкѣ означена; — кажется, довольно?

Ломовъ. Помилуйте-съ! Чего же еще!

Серафима Ивановна. Нѣтъ, — наше купечество скоты!

Ломовъ. Точно такъ-съ.

Серафима Ивановна. Все недовольны, — ворчатъ! Какъ въ прошломъ году, этотъ мерзавецъ Свинкинъ: «мы, говоритъ, отпустили даромъ, а намъ возвращаютъ за деньги!» Точно ему не все равно, у кого купить. Вѣдь для погреба же покупаетъ вина, выписываетъ! — не все же самъ дѣлаетъ! Кажется, даешь десять копѣекъ барыша съ бутылки, чего еще имъ? Рожна, что ли, надо!

Ломовъ. Это совершенно справедливо-съ!

Серафима Ивановна. Нѣтъ, это какая-то ужь ехидность! Чтобъ вотъ начальнику ихъ не доставалось! Этакіе жиды, алчные!

Ломовъ. Необразованность такая ужь у нихъ! — Одно слово, загрубѣлость въ чувствіяхъ-съ!

Серафима Ивановна. Какія у нихъ чувства! Развѣ этотъ народъ чувствуетъ! — Они только надъ каждымъ грошемъ тря-

сутся!... Ахъ, да! Смотрите, пожалуйста, чтобы бутылокъ не били, вѣдь каждая три копѣйки стоитъ!

Ломовъ. Слушаю-съ!

Серафима Ивановна (Григорью). Это ты, Гришка, все таскаешь бутылки! Я тебѣ дамъ, пострѣлъ!

Григорій. Куда же мнѣ таскать?... Что ими дѣлать? — На носъ, что ли, надѣвать?

Серафима Ивановна. Продашь, мерзавецъ!

Григорій (съ досадой, грубо). Есть что тамъ продавать! Не видалъ я вашихъ трехъ копѣекъ!... Я на эту дрянь плевать хочу! Стану трястись надъ всякой дрянью!

Серафима Ивановна. Опять грубишь!

Григорій. Грубишь! У васъ все воръ! обокралъ!... Какъ же, бутылки пропали, три копѣйки, — да еще какой дуракъ дастъ за нихъ три копѣйки-то?... Разорили совсѣмъ!

Серафима Ивановна. Замолчишь ли ты, мерзавецъ?

Григорій. Вотъ и молчи, какъ начнешь дѣло говорить! А это ни почемъ—обидѣть человѣка, назвать воромъ! Есть что красть! бутылки! Плевать я на эту дрянь хочу, — трехъ копѣекъ-то не видалъ! Да я свои пять копѣекъ готовъ отдать!

Серафима Ивановна (Ломову). Вотъ какъ его избаловалъ Павелъ Михайловичъ,—изъ рукъ вонъ! Я ему слово, а онъ мнѣ десять! Слышите! Ну, скажите сами?

Ломовъ (растерявшись и съ опасеніемъ поглядывая на Григорія). Конечно, Павелъ Михайловичъ по добротѣ души своей-съ и мягкости характера-съ!...

Серафима Ивановна. А Пузановъ на кухнѣ?

Ломовъ. На кухнѣ-съ.

Серафима Ивановна. То-то, чтобы онъ не отходилъ ни на шагъ, а то эти, бестіи, повара сейчасъ стянутъ что нибудь!

Ломовъ. Это такъ-съ.—Имъ учинить похищеніе вошло уже въ характеръ-съ!

Серафима Ивановна. Намедни, я вхожу въ кухню, смотрю, у поваренка Сеньки раздулись щеки и слезы на глазахъ. Я говорю: «что съ тобой?»—Молчитъ и перебираетъ во рту что-то. Я говорю: «покажи, разбойникъ, что ты жрешь? Разинь ротъ!»— Что же вы думаете,—онъ, своими погаными лапами, стащилъ со сковороды котлетку и хотѣлъ сожрать; въ это время вхожу я,, онъ испугался и забилъ ее всю въ ротъ. Котлета горячая, съ огня, съ самаго пыла! Какъ засадилъ онъ ее всю въ ротъ и про-

жевать не можетъ. Изжется весь—и по дѣломъ, не воруй! А то, въ прошломъ году, я нашла подъ полотенцемъ у повара кусище телятины и бисквиты. Я вамъ говорю, отъ нихъ глазъ нельзя отвести! А что, на ледникѣ, гдѣ варятъ мороженое, сидитъ квартальный?

Ломовъ. Сидитъ-съ.

Серафима Ивановна. Надежный ли?—Пожалуй уйдетъ, а эти пострѣлы все сожрутъ и нальютъ воды.

Ломовъ. Офицеръ надежный! Я еще объявилъ ему, что если онъ хоть шагъ сдѣлаетъ оттуда, такъ на двѣ недѣли подъ арестъ.

Серафима Ивановна. То-то! Пожалуйста, посмотрите за этимъ. Раза два потрудитесь заглянуть на ледникъ — тамъ ли онъ? Ему можно послать рюмки двѣ водки и тамъ закусить чего нибудь, чтобъ только сидѣлъ.

Ломовъ. Будетъ сидѣть-съ! Онъ всегда ревностно исполняетъ возложенныя на него порученія.

Серафима Ивановна. Все-таки ему водки пошлите, только не много, чтобъ онъ не опьянѣлъ. Можно будетъ его и покормить, что тамъ останется отъ ужина. Формы носить сюда съ булочниками, чтобы дорогой не покрали; пусть Шепчуговъ при себѣ разложитъ... Да за десертомъ, ради Бога, смотрите!

Ломовъ. Слушаю-съ!

Серафима Ивановна (тихо). Когда будете давать музыкантамъ водки, такъ спросите у Григорья стаканчики, — нарочно для нихъ и для городовыхъ заведены. Знаете, на видъ большіе, а стѣнки у нихъ и дно толстыя, такъ входитъ меньше, чѣмъ въ рюмку. А то перепьются и понесутъ дичь!

Ломовъ. Слушаю-съ! Ужь не извольте безпокоиться-съ!

Серафима Ивановна. Ахъ, Боже мой! кто-то подъѣхалъ!.. Экъ обрадовались!—Пріѣхали чѣмъ свѣтъ. Гришка! посмотри, что это—сюда?

Григорій (бросается къ окну). Сюда-съ!

Серафима Ивановна. Гдѣ Павелъ Михайловичъ?... Паша! Паша! Экій чурбанъ! Куда онъ дѣлся! Никогда его нѣтъ, когда нужно. Вѣчно пропадетъ, копается сто лѣтъ. Гришка! Гришка! бѣги, скажи барину: гости пріѣхали. Ломовъ, скажите, чтобъ курили... Что они до сихъ поръ дѣлали! Гдѣ Васька? Васька! Васька!... Бѣгите же, Ломовъ, распорядитесь!... Гдѣ музыка?... Паша! Паша!... Павелъ Михайловичъ!... Ахъ, Боже мой!—Кто-то ужь дверь отворяетъ, а тутъ даже не курили!... Васька! Васька!

Васька (мальчишка, лѣтъ тринадцати, одѣтый казачкомъ, вбѣгаетъ, сильно топая). Чего изволите?

Серафима Ивановна. Гдѣ ты сидишь, мерзавецъ? Я тебя посижу. Жралъ что-то!... Разинь-ка ротъ! Говорятъ тебѣ: разинь ротъ! Ну, слышишь ли, что тебѣ приказываютъ! (Васька разѣваетъ ротъ). Ну, такъ и есть! (Хватаетъ его за волосы и сильно деретъ) Вотъ тебѣ, пострѣлъ! Не жри, не жри, не жри!...

Васька (сквозь слезы). Я ничего не ѣлъ!

Серафима Ивановна. А отчего во рту бѣло? Миндаль укралъ, мерзавецъ! Кури скорѣй, подлецъ!

Полиціймейстеръ (выбѣгаетъ изъ корридора, выпускаетъ изо рта и изъ носа струи табачнаго дыма и торопливо застегивается). Что? Съѣзжаются?... Гдѣ квартальные? Я велѣлъ, чтобъ одинъ встрѣчалъ у дверей на улицѣ, другой въ передней.

(Входитъ градскій голова Дементій Прохоровичъ Харчковъ, толстый купецъ, съ огромнымъ брюхомъ и съ свинообразною физіономіей. Въ рукахъ у него большой свертокъ. Одѣтъ онъ въ довольно длинный сюртукъ, въ пеструю жилетку, на которой видна цѣпочка часовъ, съ привѣшенными стальными печатками. Каждая печать посвящена отдѣльному дню недѣли).

Харчковъ. Наше вамъ всенижайшее почтеніе, батюшка, Павелъ Михайловичъ! Со днемъ рожденія вашей супружницы имѣемъ честь васъ поздравить!... Со днемъ вашего рожденія, матушка, Серафима Ивановна! Много лѣтъ здравствовать! Жить вамъ поживать, да добра наживать-съ!

Серафима Ивановна. Благодарю васъ, Дементій Прохоровичъ!

Полиціймейстеръ. Спасибо, братъ, Дементій Прохоровичъ!

Харчковъ. Не осудите, прощенья просимъ-съ! не осудите на милость! Позвольте ефто, чѣмъ Богъ послалъ!—Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!... Не побрезгуйте! Съ нашимъ почтеніемъ-съ! Хе, хе, хе!... Новорожденной на пеленочки!

(Развертываетъ кусокъ матеріи на платье).

Серафима Ивановна. Благодарю васъ, Дементій Прохоровичъ!... Ахъ, какая миленькая матерія, — очарованье! прелесть!...

Полиціймейстеръ. Къ чему вы ее такъ балуете? Зачѣмъ это!

Харчков. Позвольте-съ!... Не безпокойтесь!... Не побрезгайте!... Съ нашимъ почтеніемъ-съ!—А вотъ и мои-съ!

(Жена головы, Наталья Кузминишна, толстая купчиха, одѣтая довольно богато, но безъ вкуса и довольно странно. За нею двѣ дочери, — всѣ въ бантахъ и съ огромными букетами на груди).

Настасья Кузминишна (молится на иконы, потомъ кланяется на три стороны, хотя тамъ никого нѣтъ. Она говоритъ тихо и нѣсколько жалобно). Тысячу лѣтъ здравствовать! Со днемъ вашего рожденія!... съ новорожденною!.. Всякаго благополучія!

Серафима Ивановна. Благодарю васъ, Наталья Кузьминишна. Садитесь, пожалуйста, — а насъ извините, намъ надобно на минутку еще кое-чѣмъ распорядиться!

Харчковъ. Покорнѣйше просимъ-съ, покорнѣйше просимъ-съ!

Настасья Кузминишна. Не безпокойтесь!.. Посидимъ-съ!

Полицiймейстеръ. Пойдемъ-ка, братъ, Дементій Прохоровичъ, курнемъ-ка трубочки!

Харчковъ. Оно, признательно сказать, грѣшно, — въ писаніи нигдѣ не сказано ефтого, значится, курить табакъ. Да что дѣлать! грѣшимъ иногда, не токмо что, а единственно по слабости человѣческой.

(Уходятъ черезъ корридоръ, а Серафима Ивановна въ двери, ведущія въ другія комнаты).

Настасья Кузминишна. Ну, садитесь же! Охъ-хо-хо! Господи помилуй насъ грѣшныхъ! (Вздыхаетъ и тяжело опускается на стулъ). Садитесь же, вотъ по бокамъ у меня!

Феня (старшая дочь Харчковыхъ, недурненькая, курносая дѣвушка, но очень полная, притомъ бѣлая и рыжая, въ полномъ смыслѣ слова: кровь съ молокомъ). Какъ же намъ сѣсть? Мы сомнемся!

Настасья Кузминишна. Ничего! Сядьте поосторожнѣе, стоять же все нельзя! Вы должны себя держать по благородному. Вѣдь тутъ енаральство будетъ, самъ губернаторъ,—такъ вы должны чувствовать и претензію показывать.

(Дочери оправляются и садятся на край стула, вытянувшись какъ будто проглотили аршинъ).

Настасья Кузминишна. Ну, вотъ такъ! Руки-то повыше! Одну, вотъ ефтакъ, по платью пустите, а другую вотъ надъ поясомъ-то, на грудь положите. Вотъ такъ... платочекъ-то, пла-

точекъ-то повыше держите. Да смотрите, будьте невжеманностей, не по просту! Вѣдь здѣсь не то что.... а надобно показать себя! Эхъ вы, мои кралечки, королевны размалеванныя!

(Васька куритъ).

Феклуша (меньшая дочь Харчковыхъ, въ родѣ своей сестры, но не такъ красива и еще болѣе курноса). Славно какъ запахло!

Настасья Кузминишна. Важно, амбреей подпустили!... Вы вотъ смотрите, замѣчайте, какъ и что другіе будутъ... Да съ кавалерами говорите по французскому.

Феня. Что жь мы будемъ говорить?

Настасья Кузминишна. О чемъ, тамъ, матерія выйдетъ!.. Волосы-то поправьте... Да когда танчить будете, платочки-то наотмашь держите.

Квартальный (высовываетъ голову изъ дверей передней и кричитъ, какъ будто его душатъ). Съѣзжаются! гости съѣзжаются! Павелъ Михайлычъ! Страфима Ивановна—гости съѣзжаются! гости!

Серафима Ивановна и полиціймейстеръ показываются изъ разныхъ дверей.

Серафима Ивановна. Фу, Паша! Хотя бы ты на это время бросилъ свою соску! Вѣдь смерть, какъ отъ тебя разитъ табакомъ. Кому нибудь еще дурно сдѣлается!

Полиціймейстеръ. Ну вотъ ужь и дурно! Что за слабонервность такая! Этотъ запахъ и пріятенъ, и здоровъ!

Входятъ гости. Пріѣздъ продолжается во весь первый моментъ бала. Сперва пріѣзжаютъ мелкотравчатые, побѣднѣе, потомъ все знатнѣе и богаче.

МОМЕНТЪ ПЕРВЫЙ.

СЪѢЗДЪ.

Гости входятъ, раскланиваются съ хозяевами.

ГОСТИ.

— Мое почтеніе!
— Здравствуйте, Павелъ Михайловичъ!
— Со днемъ вашего рожденія, Серафима Ивановна!
— Съ новорожденною, Павелъ Михайловичъ!
— Много лѣтъ здравствовать!
— Дай Богъ вамъ всего лучшаго!

Полиціймейстеръ. Мое почтеніе! Покорно васъ благодарю!

Серафима Ивановна. Весьма много благодарю! Merci beaucoup!

Новый наплывъ гостей. Хозяева принимаютъ поздравленія. Начинаются разговоры. Мужчины пожимаютъ руки, многія дамы цалуются. Составляются отдѣльные кружки. Дамы садятся преимущественно у дверей гостиной или уходятъ въ гостиную, говорятъ пискливо, смѣются звонко. Мужчины толпятся около оконъ.

ГОСТИ ГОВОРЯТЪ ДРУГЪ-ДРУГУ:

— Дама съ запахомъ фіалки. Bonjour, ma chère!

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. Bonjour! Ахъ, какое славное у васъ платье, чудесная матерія! У кого брали?

— Дама съ запахомъ фіалки. У Полуграблева!

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. По чемъ аршинъ?

— Дама съ запахомъ фіалки. Угадайте!

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. Право, не знаю. Рубля по полтора.

— Дама съ запахомъ фіалки. Не угадали!

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. По рублю семидесяти пяти!

— Дама съ запахомъ фіалки. По рублю десяти.

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. Скажите, какъ дешево! Мастерица вы покупать!

— Дрожащій старецъ. Матрена Савишна!

— Слезливая старушка (въ трехъ-ярусномъ чепцѣ, съ лицомъ, похожимъ на печеное яблоко). Здравствуй, голубчикъ мой!

— Дрожащій старецъ. Когда же наша свадьба?

— Слезливая старушка. А вотъ подожди! Тебѣ стукнетъ черезъ полгода семьдесятъ, а мнѣ шестьдесятъ пять, тогда и подъ вѣнецъ! Ха, ха, ха, ха!

— Дрожащій старецъ. Ха, ха, ха, ха!

Оба кашляютъ.

— Господинъ, похожій на вьюна. Мое почтеніе! Очень радъ! Очень пріятно встрѣтить! Дочери ваши?

— Госпожа пожилыхъ лѣтъ, но одѣтая, какъ молоденькая дѣвушка. Онѣ здѣсь.

— Господинъ, похожій на вьюна. Матушка ваша, Ва-

силиса Кондратьевна, тетушка Лизавета Кондратьевна? Всѣ ли въ добромъ здоровьѣ?

— Госпожа пожилыхъ лѣтъ. Всѣ здоровы. Благодарю васъ!

— Господинъ, похожій на вьюна. Очень радъ! очень пріятно слышать!

1-й и 2-й помѣщики другаго уѣзда и молодой человѣкъ въ очкахъ.

1-й помѣщикъ. Не уродился у меня хлѣбъ въ нынѣшнемъ году! А ужь, кажется, чего ни дѣлалъ: навозу навалилъ страсть сколько, пахалъ, какъ слѣдуетъ — по печатному, а все ничего!

2-й помѣщикъ. Нынѣшній годъ у всѣхъ плохо!

1-й помѣщикъ. Но у меня въ особенности! Мнѣ, кажется, оттого, что мелко пахалъ! Вотъ-съ, я вамъ скажу, вѣрьте послѣ этого газетамъ! Читаю въ нашихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статью какого-то Лаврова: *о томъ, какъ слѣдуетъ пахать, чтобы всегда былъ урожай, не менѣе, какъ самъ восемь.* Написано такъ бойко, точно въ самомъ дѣлѣ опытный и благонамѣренный человѣкъ писалъ. Доказывается очень убѣдительно, что причина неурожаевъ — глубокая вспашка. Господинъ Лавровъ говоритъ, что у него въ прежніе годы были частые неурожаи, онъ началъ пахать мелко, и съ тѣхъ поръ, въ самый дурной годъ, снимаетъ не менѣе, какъ самъ восемь, а въ хорошіе года — самъ двадцать, даже самъ двадцать пять. Въ концѣ говорится, что по опытамъ его слѣдуетъ пахать на полвершка или ужь никакъ не глубже, какъ на вершокъ. Я сдуру и послушайся. Что жь вы думаете? — сѣмянъ не собралъ! — Вотъ эти книги! Читай ихъ! слушай! Чтобъ этому Лаврову добра не было, окаянному!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ха, ха, ха! Попались же вы! Вѣдь эта статья въ насмѣшку написана.

1-й помѣщикъ. Какъ въ насмѣшку?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. У насъ есть нѣкто Лавровъ, глупъ страшно, просто ошалѣла Магдалина! Козинъ написалъ статью, которая прямо бросается въ глаза своею несообразностью и глупостью, и напечаталъ ее подъ именемъ: Лаврова.

1-й помѣщикъ. Къ чему же это?

— Молодой человѣкъ въ очкахъ. Такъ, шалость! Захотѣлось подурачиться, посмѣяться! Лаврову привезли статью, удивлялись ей, восхищались ею, провозгласили его геніемъ и поздрав-

лали съ блистательнымъ вступленіемъ на литературное поприще. Просто потѣха! Лавровъ даже загордился. Козинъ накупилъ самаго сквернаго коленкора, у всѣхъ сосѣдей просилъ дѣвокъ шить манишки и прислалъ ихъ Лаврову, какъ будто бы отъ губернатора въ благодарность, за статью, помѣщенную имъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

2-й помѣщикъ. Ха, ха, ха! Умора!

1-й помѣщикъ (передразнивая его). Ха, ха, ха! Умора! Очень смѣшно, нечего сказать! Чортъ знаетъ, что такое! Они смѣйся такъ, чтобы ближнему не было вреда. Хочешь смѣяться, ну и подпиши, что эта статья, дескать, не статья, а насмѣшка, да хоть тамъ лопни со смѣху! А то имъ смѣшки, а другимъ вредъ, горе! Кошки игрушкѣ, а мышкѣ слезки!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Кто же зналъ, что вы повѣрите, — вѣдь это чистая галиматья!

1-й помѣщикъ. Да какъ же не повѣрить? Вѣдь это было напечатано и пропущено, и одобрено цензурой. Чему же вѣрить, если и печатное несправедливо? Послѣ этого ужь и «Сѣверной Пчелѣ» не вѣрить, и «Московскимъ Вѣдомостямъ» не вѣрить!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Не всякому слуху вѣрьте.

2-й помѣщикъ. А шутникъ долженъ быть этотъ Козинъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Развѣ вы его не знаете?

2-й помѣщикъ. Нѣтъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Какъ же, его вся губернія знаетъ! Выдумщикъ такой, что страсть. Онъ что сдѣлалъ съ этимъ же Лавровымъ? Одинъ изъ курскихъ помѣщиковъ, Сухосѣновъ, выстроилъ въ своемъ селѣ церковь, и на освященіе ея приглашалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ Николая Ивановича Пущева. Въ то время, когда Пущевъ получилъ билетъ, у него былъ Козинъ. Выпросилъ онъ у Пущева билетъ, подскоблилъ фамилію, передѣлалъ ее вмѣсто Пущеву, Николаю Ивановичу Лаврову, и сверхъ того приписалъ, что недостаточнымъ помѣщикамъ, которые пріѣдутъ за двѣсти или болѣе верстъ, будутъ выданы прогоны; сверхъ того, каждый мужчина получитъ темнозеленаго сукна на фракъ, дама каждая — штуку матеріи на платье и сверхъ того дѣти ихъ будутъ опредѣлены въ корпуса и институты. Лавровы достаютъ коляску у сосѣдей, запрягаютъ мужицкихъ клячъ и пускаются въ путь на долгихъ. Когда они наконецъ доплелись, уже освященіе кончилось и всѣ

разъѣхались. Тѣмъ не менѣе они являются къ Сухосѣндову и просятъ его, чтобы онъ выдалъ имъ прогоны, на фракъ и на платье, несмотря на то, что они опоздали. Тотъ увѣряетъ, что этого никогда не было, а господа Лавровы, думая, что онъ скупится, пристаютъ, канючатъ, просятъ, увѣряютъ въ своей готовности поспѣть во время и наконецъ добавляютъ: «однимъ фракомъ, или платьемъ, больше выдать для васъ нечего; а мы люди бѣдные; другимъ выдаютъ, выдайте же и намъ. Богъ наградитъ васъ!»

Голоса. Тсъ! Тише! Слушайте! Слушайте!

Поэтъ (становится въ трагическую позу, ерошитъ волоса и декламируетъ глухимъ мрачнымъ голосомъ, то поднимая руки кверху, то колотя себя въ грудь. Онъ реветъ на весь домъ).

О, музы, Аполлонъ, и весь Олимпъ! скорѣй
Въ меня вдохните пѣснопѣнье!
Дай сладкозвучіе свое, Орфей!
Чтобъ могъ достойно я рожденье
Воспѣть сей сладостной жены,
Которой нѣтъ сравненья въ мірѣ,
Богини коей лишь равны,
Звучатъ хвалы въ стихахъ и въ лирѣ!
Желалъ бы я, чтобъ каждый стихъ
Мой обратился бы въ алмазы,
Тогда бы тартаръ весь затихъ,
Въ цвѣточны обратяся вазы!
Она родилась! — и съ тѣхъ поръ
Надъ нами солнце возсіяло;
Она богинь рѣшила споръ,
Венеры первенство пропало!
Она родилась! — и поля
Покрылись яркими цвѣтами,
Взыграли радостью моря
И мѣсяцъ восплясалъ съ звѣздами!
Въ ней красота души и тѣла,
Она по имю Серафимъ!
Архангелъ на словахъ и въ дѣлѣ,
Она по сердцу Херувимъ!
Привѣтствуемъ твое рожденье,
Ты намъ отрадная заря!
Въ тебѣ отъ бѣдъ намъ утѣшенье
И мы кричимъ: ура! ура!

(Подаетъ въ трубку свернутую бумагу, перевязанную розовою ленточкою съ бантомъ).

Присутствующая. Ура! Ура! Браво! Браво!

Серафима Ивановна. Благодарю васъ! Какъ вы любезны, мосье Простоквашинъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ошалѣла Магдалина!

Роговъ. Нѣтъ, ничего! Хорошо! Я вамъ скажу, у него есть талантъ! Вѣдь это, знаете, это въ родѣ Державина!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Пошелъ ты! Похожа свинья на коня, да только шерсть не та!

Роговъ. Нѣтъ, по мнѣ хорошо! Ну, да что за поэзія! Пойдемъ-ка, поищемъ прохладительнаго — сердцеутѣшительнаго.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Прекрасно! Вотъ это поэзія! Приложимся къ чижичкамъ, да не мѣшало бы метнуть банчишку или ландцушку!

Роговъ. Да что, въ самомъ дѣлѣ, терять золотое время!

Идутъ въ корридоръ.

Розонова (входитъ съ мужемъ и съ дочерьми). Не рано ль мы пріѣхали? Нѣтъ, народу довольно! Какое освѣщеніе! Какое освѣщеніе, Боже мой! Липочка, Катенька! посмотрите, посмотрите, сколько свѣчей зажжено! Вездѣ свѣчи! Свѣтло, точно днемъ! Прелестный балъ! Кажется, еще не танцуютъ! (Одному изъ гостей) Скажите, почтеннѣйшій, еще не начинали танцовать?

Одинъ изъ гостей. Нѣтъ еще, сударыня!

Розонова. Благодарю васъ! Липочка, Катенька! Успокойтесь, радуйтесь! Еще танцовать не начинали. Боже мой, какое общество собралось! Посмотрите, какое общество собралось! Это прелесть! Садитесь, Липочка, Катенька!

Соломкинъ, Киндѣевъ и Чечулинъ, офицеры одного изъ армейскихъ полковъ.

Киндѣевъ. Экіе бобры собрались!

Чечулинъ. Да, рожи порядочныя!

Соломкинъ. Видите, господа, вонъ сидятъ въ бантахъ-то! Это богатыя невѣсты, дочери головы. А вотъ эти два смертные грѣха, съ толстымъ чортомъ подъ бокомъ, — Розоновы. Отецъ ихъ исправникомъ. Говорятъ, за каждой по полтораста душъ чистаго имѣнья и тысячъ по пятнадцати серебромъ денегъ!

Чечулинъ. Это надобно замотать на усъ!

Киндѣевъ. Надобно пріударить, чортъ возьми!

Соломкинъ. Надобно теперь дамъ ловить, а не то останутся бобры, тогда и танцуй въ пользу бѣдныхъ.

Киндѣевъ. Правда! Пойду къ Розоновымъ полюбезничать; хоть гадки, чортъ ихъ возьми, да прилагательное-то хорошо!

Чечулинъ. А я займусь по части Харчковыхъ.

Соломкинъ. Эхъ вы! Охота вамъ съ уродами возиться! Мы такъ пробѣжимся на счетъ хорошенькихъ!

Чечулинъ (подходитъ къ Харчковымъ и, обращаясь къ Феклушѣ, говоритъ, прежде поправляетъ галстухъ и закручиваетъ усы). Позвольте васъ, сударыня, ангажировать на первую кадриль.

Феклуша взглядываетъ на мать и закрывается платкомъ.

Настасья Кузминишна. Что же ты? Отвѣчай же господину офицеру! (Тихо) Платочекъ же опусти! Головку на-бочекъ держи! Головку на-бочекъ! вотъ такъ!

Чечулинъ. Ву не зетъ па ангаже?

Феклуша (отвѣчаетъ едва слышно, смѣясь и закрываясь). Нонъ, еще!

Чечулинъ. Такъ вамъ угодно танцовать со мною первую кадриль?

Феклуша (шепотомъ). Будемте, пожалуй!

Чечулинъ (Фенѣ). А васъ позвольте просить на вторую.

(Феня закрывается платкомъ и смотритъ на мать).

Настасья Кузминишна. Что же? Будь позвантажнѣе! Отвѣчай!

Феня (шепотомъ). Извольте!

Чечулинъ (злодѣйски закручивая усы). Вы любите балы?

Феня. } Любимъ—съ!
Феклуша. }

(Взглядываютъ на мать и закрываются платками).

Настасья Кузьминична (тихо, дочерямъ). Платочки опустите! Платочки! Будьте же пожеманистѣй! Головку-то на-бочекъ, головку-то! Вотъ такъ!

Чечулинъ. Такъ я надѣюсь имѣть удовольствіе танцовать съ вами?

Феня. } Надѣйтесь!
Феклуша. }

Чечулинъ. Же сюи аншанте! Сегодня мнѣ счастіе благопріятствуетъ! Недаромъ я, знаете, ѣхалъ сюда съ предчувствіемъ какого-то особеннаго удовольствія, точно будто зналъ, что мнѣ выпадетъ завидный жребій танцовать съ вами!

(Феня и Феклуша улыбаются и краснѣютъ).

Киндѣевъ (подходитъ къ Розоновымъ и обращается къ Лѣночкѣ).

Позвольте васъ ангажировать на первую кадриль! (Кланяется, сильно пристукнувъ каблукъ о каблукъ).

Липочка. Изводьте!

Киндѣевъ (Катенькѣ). А васъ на вторую!

Катенька. Съ удовольствіемъ!

(Молчаніе. Киндѣевъ покашливаетъ и вертитъ головою, выправляя шею изъ галстуха).

Киндѣевъ. Какой прекрасный балъ!—Не правда-ли?

Липочка. Да, освѣщеніе какое!

Катенька. И какъ много! Не то, что наши провинціальные балы!

Киндѣевъ. Это что за балъ! Вотъ еслибы вы видѣли, какіе у насъ бываютъ вечера и балы въ полку! Ну такъ балы! Я помню, какъ мы одно время веселились! Вообразите, какъ-то разъ сошлось вмѣстѣ: именины полковаго командира, свадьбы двухъ нашихъ офицеровъ, и общество офицеровъ дѣлало отъ себя балъ по подпискѣ. Вообразите, мы шесть дней сряду танцовали, до упаду просто. Даже ноги заболѣли у меня. Знаете, со мной очень любили у насъ танцовать! Ни минуты мнѣ не давали отдохнуть дамы. Пристаютъ, что вы, мосье Киндѣевъ, не танцуете? Пойдемте!—Ну, дѣлать нечего,—дамы приглашаютъ и идешь. Въ особенности на мазуркѣ мнѣ доставалось.—Вы любите мазурку?

Липочка. Очень.

Катенька. Да, люблю!

Киндѣевъ. Я такъ ее обожаю! И, знаете, не могу ее танцовать, какъ другіе танцы, хладнокровно. Знаете, танцую съ жаромъ, съ увлеченіемъ этакимъ, чортъ возьми! Вы видали, какъ поляки танцуютъ мазурку?

Липочка. Нѣтъ.

Киндѣевъ. Я, знаете, стоялъ въ Польшѣ съ полкомъ, ну такъ и видѣлъ. А ужь польки, я вамъ говорю, такія огненныя, ухарскія, хоть кого расшевелятъ! Особенно въ одной цукернѣ была Михашенька! То-есть, я вамъ говорю, чортъ ее задери совсѣмъ просто!—Ну-съ, такъ я тамъ выучился мазурку танцовать у пановъ, по настоящему, по польскому, и смѣю вамъ доложить—танцую-съ хорошо. Безъ меня въ полку ни одинъ балъ, ни одинъ вечеръ не могъ клеиться!

Липочка. Въ полку должно быть весело?

Киндѣевъ. Очень-съ! Конечно есть, которые и скучаютъ; ну да тѣ сами виноваты. Придешь, знаете, на квартиры, сейчасъ

и помчалъ по помѣщикамъ: у одного потанцуешь, у другаго въ карты поиграешь, у третьяго такъ поболтаешь, и не видишь, какъ время идетъ пріятно. Надобно, знаете, самому-то быть понаходчивѣе, поразвязнѣе; вотъ-съ меня вездѣ любили, съ радостью встрѣчали, не знали, какъ принять, какъ угостить. Потому что я веселилъ всегда компанію, а не сидѣлъ въ углу букою. А другіе забьются въ углы, въ избы, и сидятъ, ну разумѣется и скучно имъ. Или одинъ у насъ офицеръ бывало, все, знаете, ноетъ, что ему скучно, не чѣмъ заняться, нѣтъ книгъ, того-сего! Ну, кто же виноватъ!

(Входитъ откупщикъ Куриковъ, толстая, довольно гаденькая фигура, но съ большими претензіями).

Полиціймейстеръ (бѣжитъ къ нему на встрѣчу). Прохоръ Парамоновичъ!

Куриковъ. Здравствуйте, Павелъ Михайловичъ! Все ли въ добромъ здоровьѣ? Съ новорожденною!

Полиціймейстеръ. Благодарю васъ!

Куриковъ. А новорожденная гдѣ?

Полиціймейстеръ. А вотъ она съ дамами.

Куриковъ. Пойдемте къ ней! (Тихо). Получили на зубокъ?

Полиціймейстеръ. Ну, ужь и не знаемъ, какъ благодарить васъ! (Жметъ откупщику руку, улыбается и смотритъ ему въ глаза съ невыразимою пріятностью).

Куриковъ. Да что это у васъ-то самихъ новорожденныхъ нѣтъ, а? Пора-бы! Господа! вотъ я говорю: что это у Павла Михайловича-то новорожденныхъ нѣтъ? Скупится, должно быть, справлять крестины! А у меня ужь давно на зубокъ готово! Или, можетъ быть, того... вы не мастеръ, а? Ха, ха, ха!

Полиціймейстеръ (съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ). Что дѣлать! не даетъ Господь! И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ!

Куриковъ. Инь ты! Просто не хочется крестинъ справлять! Кажется, вы бы должны по военному.... того.... каждый годъ двухъ! Ха, ха, ха! Это, знаете, я вамъ скажу, женился одинъ нѣмецъ на русской: черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы ему и далъ Богъ сына. Нѣмецъ побѣжалъ на базаръ купить корзинку, да купилъ двѣнадцать штукъ и несетъ. На дорогѣ ему встрѣчается другой нѣмецъ, пріятель, и говоритъ: «здорово!» Ну здорово! — «Что несешь?» — Корзины. — «Зачѣмъ?» — Да вотъ женился на русской фини, каждый мѣсяцъ рожаетъ, такъ я ужь разомъ на цѣлый годъ

корзинъ-то накупилъ! Ха, ха, ха! Вѣдь вотъ нѣмчура! Ха, ха, ха! Въ толкъ-то не взялъ, въ чемъ суть! Ха, ха, ха!

(Всѣ смѣются).

Полиціймейстеръ. Чего не выдумаетъ, Прохоръ Парамоновичъ!

Куриковъ. Гдѣ же новорожденная? Надо ей пойти попенять, что она намъ новорожденныхъ не даетъ!

Полиціймейстръ. Пойдемте, пойдемте, Прохоръ Парамоновичъ!

(Идутъ въ гостиную; многіе здороваются съ откупщикомъ и пожимаютъ ему руки, съ низкими поклонами).

Куриковъ. Мое почтеніе! Здравствуйте!

ГОЛОСА, ПОКА ОНИ ПРОХОДЯТЪ:

— Прохоръ Парамоновичъ! Мое почтеніе!

— Почтеннѣйшій Прохоръ Парамоновичъ!

— Какъ ваше здоровье?

— Мое почтеніе!

— Наконецъ-то я имѣю удовольствіе видѣть Прохора Парамоновича!

ГОЛОСА ПО УХОДѢ:

— Толстый боровъ!

— Откормленная свинья! Вишь, какого туза изъ себя корчитъ.

— Воду продаетъ вмѣсто водки!

— Онъ чудеса дѣлаетъ: обращаетъ воду въ вино!

— Нѣтъ, вино въ воду!

— Табакомъ насъ угощаетъ, ей-Богу! Вѣдь они набухаютъ воды, увидятъ, что водка стала слаба, ну и настоятъ табакомъ, чтобы она была позабористѣй, дурманила бы.

Квартальный (кричитъ изъ дверей). Павелъ Михайловичъ! Ихъ превосходительство, генералъ Власьевъ, изволили пріѣхать.

(Полиціймейстеръ и Серафима Ивановна бѣгутъ къ дверямъ. Входитъ отставной генералъ Власьевъ, совершенная развалина. Онъ подслѣповатъ и глуховатъ).

Полиціймейстеръ. Ваше превосходительство, Галактіонъ Парфеньічъ!

Власьевъ. Покорно васъ благодарю! Поздравляю, поздравляю! Не безпокойтесь!

Серафима Ивановна. Покорно васъ благодарю! Я не знаю, какъ благодарить васъ, ваше превосходительство, за милость и вниманіе, что вы удостоили посѣтить насъ!

Власьевъ (не расслыхавъ, что ему говорили). Слава Богу! Слава Богу! Теперь лучше.

Серафима Ивановна. Пожалуйте въ гостиную.

Власьевъ. Вы изволите говорить отчего? Все старыя раны, старыя раны. Въ турецкую кампанію я былъ очень израненъ, подъ Варною.

Полиціймейстеръ (женѣ). Серафима! Говори громче, ты знаешь, его превосходительство тугъ на ухо!

Власьевъ. Ась? Что вы изволите говорить? У меня, знаете, послѣ контузіи въ голову — все шумъ въ ушахъ.

Полиціймейстеръ (кричитъ). Позвольте просить ваше превосходительство въ гостиную!

(Въ это время дверь растворяется, появляется Шепчуговъ, за нимъ Григорій и другіе люди съ подносами, уставленными стаканами и чашками съ чаемъ. За ними мальчики съ сухарями и кренделями).

Полиціймейстеръ (Григорью, который, не разсмотрѣвъ, что въ комнатѣ генералъ, началъ подавать другимъ гостямъ). Григорій! Гришка! Куда же ты? Чего разинулъ ротъ, какъ тотъ!... Я тебѣ дамъ! (Подмигиваетъ на Власьева. Григорій поспѣшно отходитъ отъ господина, протянувшаго уже руку за чаемъ).

Полиціймейстеръ (кричитъ). Ваше превосходительство! Чайку! Позвольте васъ просить!

Серафима Ивановна (въ другое ухо кричитъ). Съ чѣмъ угодно вашему превосходительству? Сливочки, лимонъ, варенье, ромъ!

Власьевъ. Благодарю васъ! Позвольте ужь лимончику и ромцу!

Полиціймейстеръ (кричитъ въ ухо). Не угодно ли сигарочки или трубочки?

Серафима Ивановна (въ другое ухо). Кренделько въ! Булочекъ! Вотъ бріошки, ваше превосходительство. Позвольте этихъ миндальныхъ.

Власьевъ. Благодарю васъ, благодарю, довольно!

Полиціймейстеръ. Позвольте я подержу вамъ стаканчикъ!

Серафима Ивановна. Ваше превосходительство, пожалуйте въ гостиную, на диванчикъ! Тамъ вамъ будетъ спокойнѣе! Мы вамъ подъ ноги скамѣечку подставимъ!

Власьевъ. Благодарю васъ! Не безпокойтесь!

(Уходятъ въ гостиную. По одну сторону Власьева идетъ Полиціймейстеръ съ чаемъ, по другую Серафима Ивановна съ кренделями. Оба поддерживаютъ генерала).

Феклуша (матери). Что жь? Чай подають, а хозяйка не ходитъ, не проситъ, не поштуетъ?

Настасья Кузминишна. Она вишь, съ енаралами занята!

Феклуша. А какъ же брать, когда не поштуютъ? Вѣдь это стыдно!

Настасья Кузминишна. Видишь, другіе берутъ, и ты бери!

Розонова (мальчику съ сухарями). Постой, постой, почтеннѣйшій! Куда ты бѣжишь? Я еще себѣ возьму сухариковъ! (Ставитъ чашку на стулъ возлѣ себя, одною рукою держится за лотокъ съ сухарями, другою забираетъ ихъ къ себѣ на колѣни). Постой, вотъ еще себѣ возьму! Славные сухарики! Прелестные! Липочка, Катенька! берите побольше! Вы попробуйте! Отличные сухарики! Вотъ этихъ-то миндальныхъ! Постой, постой, почтеннѣйшій, я не взяла вотъ еще такого манера. Липочка, Катенька! Берите же! Ну, теперь довольно, мой милый!

(Данило Ильичъ Буркаловъ, предсѣдатель казенной палаты съ женою и дочерью. Жена его полная, здоровая дама, но вѣчно жалуется на болѣзни; дочь ихъ—небольшое, блѣдненькое, худенькое существо, съ недурненькимъ личикомъ, на которомъ свѣтятся голубыя жилки. Обѣ нѣсколько кобенятся и смотрятъ съ полуснисходительнымъ презрѣніемъ).

Полиціймейстеръ. Данило Ильичъ! Мое почтенье! Митродора Степановна! Нимфодора Даниловна!

Буркаловъ. Здорово! Поздравляю!

Серафима Ивановна. Митродора Степановна!

Митродора Степановна. Bonjour! Поздравляю васъ!

Серафима Ивановна. Какъ ваше здоровье?

Митродора Степановна. Merci! Ничего. Только нервы, удивительно меня безпокоятъ, круженіе головы.... Вотъ далеко ли проѣхалась, а совсѣмъ закачало! А у васъ миленькій вечерокъ! Довольно много! Жаль, что общество-то.... все больше деревенскіе помѣщики, c'est dommage!

Серафима Ивановна. Пойдемте въ гостиную! Прошу покорно.

Митродора Степановна (осматривая общество въ лорнетъ). Nimphodore! Il y a ici quelqu'un, vous pouvez danser aujourd'hui!

Нимфодора Даниловна. Oui! voila par exemple monsieur Koukakirin! (Кукакирину, который кланяется) Bonjour, monsieur! (Уходятъ въ гостиную).

Буркаловъ. А что враги собрались?

Полиціймейстеръ. Нѣтъ, еще.

Буркаловъ. Вы меня съ кѣмъ посадите?

Полиціймейстеръ. Съ губернаторомъ, Фуксомъ и съ откупщикомъ.

Буркаловъ. Не люблю я играть съ губернаторомъ! Онъ, между нами сказать, глупъ и для карточной даже игры! Наконецъ, играетъ съ претензіями, думаетъ, что онъ губернаторъ и въ картахъ, что ему и карты должны повиноваться!

Фуксъ (всеобщій знакомый, знающій всѣхъ и все). Мое почтеніе, Павелъ Михайловичъ! Поздравляю васъ! Что зрю?! О, боги! Вѣдь точно магнитъ тянетъ, а это Данило Ильичъ!

Буркаловъ. А-а-а! злосмрадно, бренно тѣло! Всякій чортъ Иванъ Ивановичъ! Ха, ха, ха!

Фуксъ. Онъ самый! Ну, какъ здоровье?

Буркаловъ. Ничего, скриплю помаленьку!

Фуксъ. Я слышалъ, что казенная палата деньги получила! Пожалуйте-ка теперь на зеленое поле! А то получилъ деньги да и прячется! Вѣдь мы дня четыре уже какъ не играли.

Буркаловъ. Да, четыре дня!

Фуксъ. Ну что жь? Можно и за дѣло!

Буркаловъ. Вотъ еще этого нѣтъ — губернатора.

Фуксъ. Значитъ, игра-то будетъ превосходительная! А четвертый, кто?

Полиціймейстеръ. Откупщикъ.

Фуксъ. Куриковъ? Мы жь его сегодня объегоримъ! Вотъ люблю играть съ этимъ человѣкомъ! — Я не помню, чтобъ онъ когда нибудь выигралъ.

Буркаловъ. Съ нимъ презанимательно играть! А вы читали въ газетахъ?—Сомягинъ-то получилъ Владиміра на шею. Вотъ-то пошелъ въ гору! Давно ли былъ совѣтникомъ у меня въ палатѣ!

Фуксъ. Да ужь это кому повезетъ фортуна слѣпая!

Полиціймейстеръ. Пойдемте-ка курнемъ съ чайкомъ.

Буркаловъ. Дѣльно! Я у васъ люблю покурить. Вы удивительно тонкій знатокъ и каждую сигарку вашего выбора стоитъ, знаете, покупать на вѣсъ золота.

(Уходятъ въ корридоръ).

Квартальный (изъ дверей). Его превосходительство, генералъ Папочкинъ!

(Входитъ Папочкинъ, за нимъ Карандышевъ).

Полиціймейстеръ (подбѣгаетъ къ дверямъ, расталкивая гостей). Ваше превосходительство! Александръ Ивановичъ!

Папочкинъ. Честь имѣю васъ поздравить! (Подходящей Серафимѣ Ивановнѣ) Je vous felicite, madame! Желаю вамъ всего лучшаго: здоровья, богатства, всего, всего!

Серафима Ивановна. Merci bien, mon général! Вы такъ любезны, внимательны можно сказать, осчастливили нашъ вечеръ своимъ присутствіемъ.

Карандышевъ. Честь имѣю васъ поздравить, прелестная новорожденная!

Je vous souhaite d'être si heureuse, que vous êtes belle!
D'être riche, paisible bien portante et heureuse!
Je vous souhaite, je vous supplie, d'ètre moins cruelle
A ceux, qui vous adorent, qui sont de vous amoureux?

Серафима Ивановна. Благодарю васъ, мосье Карандышевъ!

Козинъ (въ толпѣ мужчинъ). У него на всякій случай есть куплеты.

Папочкинъ (Полиціймейстеру). Павелъ Михайловичъ! Слышите, что вашей-то женѣ напѣваютъ! Какъ вы позволяете?

Полиціймейстеръ (съ такою пріятною улыбкою, какъ будто бы получалъ деньги). Что дѣлать, ваше превосходительство! гдѣ медъ — тамъ и мухи!

Серафима Ивановна (Карандышеву). А мосье Простоквашинъ мнѣ сегодня поднесъ оду.

Карандышевъ. О-о-о! Ну, да вѣдь онъ поэтъ, ему и книги въ руки! Я думаю, бѣдняжка не ѣлъ, не спалъ недѣлю! А вѣдь мы такъ, что взбредетъ прямо въ голову. При видѣ васъ нельзя не вдохновиться! Вы сегодня восхитительны! При видѣ васъ заговорятъ и камни! Глазки, въ особенности глазки, — животворныя свѣтила!

Серафима Ивановна. Перестаньте, несносный!

Карандышевъ. Ну, развѣ несправедливо, когда ослы вѣщаютъ цѣлыя оды!

Серафима Ивановна. Злой языкъ!

Папочкинъ. Не слушайте его, Серафима Ивановна, молодость, пылъ, непостоянство, вѣтренность. Вотъ мы, люди солидные, другое дѣло!

Серафима Ивановна. Ваше превосходительство, пожалуй-

те въ гостиную! Мосье Карандышевъ, вы всегда душа общества, предоставляю вамъ и прошу васъ одушевить и оживить мой вечеръ.

Карандышевъ. Помилуйте, гдѣ мнѣ! Вамъ стóитъ взглянуть, чтобъ одушевить камень!

Серафима Ивановна. Несносный человѣкъ! Все комплименты! Я вамъ поручаю моихъ гостей.

Карандышевъ. Мой долгъ повиноваться! Но за то кадриль и мазурка за вами!

Серафима Ивановна. Merci bien! Извольте! — Я для васъ оставила мазурку и двѣ кадрили, первую и четвертую! Пойдемте въ гостиную, ваше превосходительство.

(Идутъ въ гостиную. Папочкину всѣ кланяются, даже дамы встаютъ и присѣдаютъ. Карандышева наперерывъ окружаютъ папеньки и маменьки, у которыхъ есть взрослыя дочки).

Розонова. Липочка, Катенька, посмотрите какой красавецъ офицеръ! Гвардеецъ, Боже мой! Что за прекрасный народъ эти гвардейцы!

Розоновъ (подходитъ къ ней и говоритъ тихо). Дѣло плохо! Сомовъ и многіе дворяне хотятъ выбрать Никонова, Журавлевъ почти перешелъ на ихъ сторону!

Розонова. Надобно работать, стараться! Еще время есть, не зѣвай, не зѣвай, Гриша, а то вся дрянь, которую ты запугалъ, возстанетъ.

Розоновъ. Посмотримъ, кто кого перехитритъ!

Розонова (указывая на господина съ сапомъ). Скажи мнѣ, что на Иванѣ Петровичѣ есть недоимочка? Дѣла его плохи?

Розоновъ. Да.

Розонова (господину съ сапомъ). Почтеннѣйшій, Иванъ Петровичъ! Какъ ваше здоровье?

Господинъ съ сапомъ. А! мое почтеніе, Александра Герасимовна! Григорій Семеновичъ, Олимпіада Григорьевна, Катерина Григорьевна!

Розонова. Скажите, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, вы хотите оставить наши мѣста?

Господинъ съ сапомъ. Какъ это?

Розонова. Вы продаете ваше имѣнье?

Господинъ съ сапомъ. Не думаю!

Розонова. Можетъ ли быть? Слышите, Липочка, Катенька,

почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ и не думаетъ продавать имѣнія! Скажите, какія выдумки!

Господинъ съ сапомъ. Кто это вамъ сказалъ?

Розонова. Какъ же! Никоновъ вездѣ хвастается, что ваше имѣніе не минуетъ его рукъ!

Господинъ съ сапомъ. Что же это ему вздумалось?

Розонова. А-а-а! теперь я понимаю! Теперь я понимаю! Его хотятъ выбрать въ исправники, такъ онъ думаетъ стѣснить васъ и заставить продать ему.

Господинъ съ сапомъ. Напрасныя надежды!—не удастся!

Розонова. Вотъ вамъ прославленная честность! Боже мой, что дѣлается! Что только дѣлается на свѣтѣ! Какъ можно распускать такіе слухи!

Господинъ съ сапомъ. Мерзавецъ онъ, вашъ Никоновъ! Еще не залѣзъ въ исправники, а ужь начинаетъ пакостить!

Квартальный (Васькѣ, который разноситъ гостямъ попроще бѣлый хлѣбъ). Бѣги, скажи Павлу Михалычу, что пріѣхалъ губернаторскій чиновникъ, вѣрно и губернаторъ скоро будетъ.

Васька бѣжитъ. По всему собранію проходитъ говоръ: *губернаторъ, губернаторъ сейчасъ будетъ!* Нѣкоторые откашливаются, другіе оправляются. Дамы обтягиваютъ платья, поправляютъ волосы, перчатки, ленты и цвѣты. Всеобщее ожиданіе. Входитъ довѣренное лицо.

Полиціймейстеръ (подбѣгаетъ къ нему). Андрей Андреевичъ!

Довѣренное лицо. Поздравляю васъ, Павелъ Михайлычъ! Его превосходительство поручилъ мнѣ поздравить васъ и вашу супругу, передать, что они сейчасъ будутъ съ ея превосходительствомъ и просить не стѣсняться, открыть безъ нихъ балъ.

Полиціймейстеръ. Мы лучше подождемъ! Безъ ихъ превосходительствъ намъ и вечеръ не въ вечеръ, и веселье не въ веселье!

Довѣренное лицо. Нѣтъ, они просили начинать, благодарятъ, что ожидали! Но, знаете, они не любятъ пріѣзжать къ началу, а въ самый разгаръ удовольствій.

Полиціймейстеръ. Воля ихъ превосходительствъ — для насъ законъ! Пожалуйте къ намъ въ гостиную! Откушайте чайку! Вы, я думаю, прозябли, почтеннѣйшій Андрей Андреевичъ!

Довѣренное лицо. Благодарю васъ. Да, стало холодненько!

Полиціймейстеръ. Мы васъ согрѣемъ! Мосье Карандышевъ! Александръ Петровичъ! Будьте такъ добры и любезны, примите на себя трудъ распоряжаться танцами!

Карандышевъ. Съ большимъ удовольствіемъ. Музыканты! Вальсъ!

МОМЕНТЪ ВТОРОЙ.

БАЛЪ.

Музыка играетъ вальсъ. Папочкинъ выходитъ съ Серафимой Ивановной и открывается балъ. Всѣ начинаютъ вальсировать съ какимъ-то ожесточеніемъ, какъ ѣстъ голодный, дорвавшійся до вкусной пищи. Пары носятся по всѣмъ направленіямъ, сталкиваются одна съ другою. Киндяевъ мчится какъ буря, сокрушая все на пути. Онъ сбиваетъ съ ногъ чиновника, выплясывающаго отъ всей души и въ простотѣ сердечной. Чиновникъ падаетъ вмѣстѣ съ дамой, а Киндяевъ несется далѣе, расталкивая и разметывая всѣхъ въ стороны, спиною своей дамы.

Чиновникъ (поднимаясь). Экъ его несетъ! Точно лѣшій скачетъ! Извините. сударыня! Вы не ушиблись?

Дѣвица съ голубымъ поясомъ. Нѣтъ, ничего!

Чиновникъ. Будемте продолжать, или вамъ угодно сѣсть?

Дѣвица съ голубымъ поясомъ. Все равно!

Продолжаютъ вальсировать.

Матушка дѣвицы съ голубымъ поясомъ (очень почтенная старушка ворчитъ). Вѣдь ишь ты какой! Глазъ нѣтъ! Осторожности не имѣетъ! У нынѣшней молодежи мало вѣжливости! Это просто неуваженье! Самъ упалъ и мою дочь уронилъ! Стракулистъ проклятый! вотъ я скажу столоначальнику, Михайлѣ Семенычу, чтобъ онъ его подъ арестъ посадилъ дня на два, чтобъ онъ зналъ, какъ долженъ приказный танцовать съ дочерью статскаго совѣтника!

Настасья Кузминишна (Феклушѣ, которую кавалеръ приглашаетъ танцовать). Задокъ-те побольше отпять! видишь какъ у всѣхъ, когда танчутъ. Еще, еще! вотъ-такъ! Ахъ ты моя царевна-королевна, вишь выписываетъ, вишь выписываетъ, что твоя благородная!

Козинъ (Козелкову). Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Что же вы не танцуете?

Козелковъ. Ги, ги, ги! Я–съ!... Нѣтъ–съ!

Козинъ. Не забудьте же спросить у губернатора билетикъ!

Козелковъ. А вы что жь сами?

Козинъ. Дорого, денегъ нѣтъ!

Козелковъ. И я не хочу, дорого! Пожалуй, не выиграешь, и деньги пропали!

Козинъ. Эхъ вы! А были бы китайскимъ императоромъ! Что вы не женитесь? Вѣдь вы знаете, что съ будущаго года съ холостыхъ будутъ штрафъ брать.

Козелковъ. Постойте, я еще не видалъ Александры Герасимовны, а она теперь много можетъ сдѣлать.

Козинъ. Еще бы! Что скажетъ губернатору, то и свято! А вотъ отгадайте–ка шараду: первое *ла*, второе *фитъ*, а цѣлое въ погребахъ стоитъ.

Козелковъ (задумывается). Ахъ, отгадалъ! Лафитъ.

Козинъ. Вѣрно вы знали?

Козелковъ. Нѣтъ, ей-богу нѣтъ!

Козинъ. Ну, молодецъ же вы! Право, вамъ бы жениться. Вотъ, напримѣръ, танцуетъ съ Карандышевымъ дочь Буркалова, чѣмъ не невѣста? — богата, отецъ на хорошей дорогѣ. Подите–ка, пріударьте!

Козелковъ. Въ самомъ дѣлѣ!

Вальсъ кончается. Всѣ усаживаются отдыхать.

Розоновъ (подходитъ къ Хорькову, одному изъ помѣщиковъ партіи Никонова). Степанъ Ивановичъ! мое почтеніе!

Хорьковъ. Здравствуйте!

Розоновъ (тихо). Позвольте нѣсколько словъ. Я знаю, вы хотите ваши два шара положить Никонову!

Хорьковъ. Да!

Розоновъ. Ну вотъ видите! А вы знаете этого человѣка?

Хорьковъ. Знаю. Человѣкъ благороднѣйшій, честнѣйшій!

Розоновъ. Совершенно справедливо! Я самъ очень уважаю Андрея Филипповича, но въ немъ, какъ въ лицѣ должностномъ, будутъ большіе недостатки!

Хорьковъ. А именно: онъ не будетъ брать взятокъ! Будетъ дѣлать все по закону, по совѣсти!

Розоновъ. Совершенно справедливо! Но онъ слишкомъ щепетиленъ! Его совѣсть щекотлива, и онъ будетъ строго и буквально исполнять законъ!

Хорьковъ. Чего же лучше!

Розоновъ. Ну, тутъ есть маленькія, своего рода неудобства! Законъ надобно исполнить, конечно; но надобно же смотрѣть на лицо, на его положеніе. Надобно строгую букву закона, такъ сказать, проводя черезъ сердце, смягчать, дѣлать нѣкоторыя уступки, не выходя, разумѣется, изъ строгой справедливости закона. Надобно имѣть сострадапіе! Напримѣръ, взысканіе... ну вотъ хоть съ васъ въ настоящее время имѣется взысканьице въ восемьсотъ рублей серебромъ; — я долженъ его произвести немедленно, а у васъ нѣтъ денегъ. Спрашивается: потеряетъ ли сколько нибудь законность и справедливость, если я вмѣсто немедленнаго взысканія подожду съ мѣсяцъ? Вы заплатите безъ хлопотъ, безъ разоренія!—взысканіе будетъ произведено! И волки будутъ сыты, и овцы цѣлы! Не правда ли?

Хорьковъ. Конечно! Въ этомъ случаѣ и Никоновъ давить не будетъ.

Розоновъ. Ну, это бабушка на двое сказала! Онъ слишкомъ щепетиленъ, и если ему предпишутъ немедленно произвести взысканіе, такъ сдѣлайте ваше одолженіе: онъ перетолковывать себѣ закона не позволитъ. А я, оставляя прямую букву, стараюсь понять, такъ сказать, духъ закона. Я понимаю этотъ случай такъ: надобно произвести взысканіе, а не сдѣлать бѣдствія какому нибудь лицу, ну и дѣйствую въ этомъ духѣ. Наконецъ, между нами, ей–богу, будучи исправникомъ, плевое дѣло внести за своего помѣщика восемьсотъ рублей.

Хорьковъ. Вы бы внесли?

Розоновъ. Ей-Богу бы внесъ! Провались я сквозь землю! Не сойди съ этого мѣста! Будь я проклятъ,—внесъ бы! Вѣдь когда нибудь отдадите! А не будете въ состояніи—такъ что за счеты между пріятелями! А ваши шарики были бы для меня истинно пріятельской услугой! Да что за околичности! Будемъ говорить прямо. Мнѣ выгоднѣе быть исправникомъ и внести за васъ восемьсотъ рублей, нежели не вносить и лишиться мѣста! Ваши шары дадутъ перевѣсъ той или другой сторонѣ. Положите мнѣ бѣлые, Никонову—черные, и я внощу за васъ.

Хорьковъ. Надуешь, отецъ!

Розоновъ. Я?! Да что вы, Степанъ Ивановичъ! За такую

услугу? Да разрази меня Богъ! Чтобъ мнѣ не видать дѣтей моихъ! Чтобъ мнѣ не дождаться завтрашняго утра! Вѣдь вы меня облагодѣтельствуете! Я вамъ буду всѣмъ обязанъ! Клянусь вамъ! даю честное слово! готовъ присягнуть! Ну, хотите, завтра прiѣду къ вамъ и натощакъ поцалую образъ! Ну, будь я подлецъ! Будь я анаѳема-проклятъ! Тогда публично мнѣ плюньте въ глаза, разбейте рожу!

Хорьковъ. Ну, смотрите!

Розоновъ. Такъ рѣшено? Я вношу за васъ восемьсотъ рублей, а вы за то мнѣ направо, а Никонову налѣво?

Хорьковъ. Да.

Розоновъ. Честное слово?

Хорьковъ. Честное слово!

Розоновъ. Благодарю васъ! Вы мой благодѣтель! (Указывая на свое семейство). За нихъ благодарю васъ! Теперь они будутъ молиться за васъ! Какъ только поднесутъ кусокъ ко рту, я сейчасъ буду говорить: «дѣти! этотъ кусокъ даетъ вамъ Степанъ Иванычъ, мы ему обязаны своимъ существованiемъ!»

Хорьковъ. Это ужь слишкомъ! Вы исполните обѣщанiе-то!

Розоновъ. Присягнуть готовъ! Завтра же внесу!

(Хорьковъ отходитъ отъ него. Розоновъ идетъ къ своей женѣ).

Розоновъ (Александрѣ Герасимовнѣ). Дѣло на мази! Клеится! У меня явилась чудная мысль! Я непремѣнно буду исправникомъ!

Квартальный (изъ дверей). Его превосходительство, господинъ начальникъ губернiи!

(Всѣ разговоры замолкаютъ. Полицiймейстеръ и Серафима Ивановна бѣгутъ къ дверямъ, за ними спѣшитъ Довѣренное лицо. При всеобщемъ молчанiи, изъ передней ясно слышны голоса).

ВЪ ПЕРЕДНЕЙ.

— Полицiймейстеръ. Ваше превосходительство! Наконецъ-то мы дождались вашего превосходительства!

— Губернаторъ. Поздравляю тебя, братъ, поздравляю! Серафима Ивановна, со днемъ вашего рожденiя!

— Анна Ивановна (жена губернатора). Bonjour, ma chère! Поздравляю васъ! Ахъ, какъ сегодня холодно! je crains de me refroidir!

— Полицiймейстеръ (губернатору). Покорно васъ благодарю, ваше превосходительство! (Губернаторшѣ) Позвольте вашъ салопъ, ваше превосходительство!

— Анна Ивановна. Bien merci!

— Полиціймейстеръ. Квартальный, мой милый! Помоги же его превосходительству снять теплые сапоги, видишь, они безпокоятся! (Губернаторшѣ) Позвольте имѣть счастіе прислужить вашему превосходительству! Поставьте вашу ножку ко мнѣ на колѣно.

Козинъ (въ залѣ). Какъ это трогательно! Господа, неужели мы не прослезимся! Слѣдовало бы, чтобы музыка играла торжественный маршъ, когда бренные останки его превосходительства будутъ входить въ залъ.

ВЪ ПЕРЕДНЕЙ.

— Полиціймейстеръ. Вашъ платочекъ, ваше превосходительство!

— Анна Ивановна. Merci!

— Полиціймейстеръ. Пожалуйте, ваше превосходительство! А мы васъ ждали съ нетерпѣніемъ.

— Губернаторъ. Нельзя, любезнѣйшій, было! Ты знаешь, дѣла! Вѣдь у меня цѣлая губернія!

— Полиціймейстеръ. Знаю, ваше превосходительство! Но наше желаніе было имѣть счастіе скорѣе видѣть ваше превосходительство! Мы бы и танцовать не начали, если бы ваше превосходительство не изволили приказать начинать. Безъ вашихъ превосходительствъ и танцы были бы не въ танцы. Ей-богу! (Входятъ въ залу. Всѣ встаютъ и кланяются, дамы присѣдаютъ).

Губернаторъ (киваетъ нѣкоторымъ головою въ отвѣтъ на ихъ низкіе поклоны, и вдругъ останавливается передъ судьею, не того уѣзда, въ которомъ Розановъ). А у васъ прескверное дѣло! Я все знаю! У меня такъ служить нельзя! Это грабежъ открытый, слышите ли вы? Понимаете?

Судья другаго уѣзда. Ваше превосходительство!

Губернаторъ. Извольте молчать, когда я говорю! Что, вы хотите оправдываться, а? Оправдываться въ то время, когда на васъ поступили такія жалобы! Ну, извольте оправдываться!

Судья другаго уѣзда. Ваше превосходительство, я не знаю въ чемъ дѣло!

Губернаторъ. Не знаете въ чемъ дѣло! Это-то и скверно! Вы дѣлъ не знаете и знать не хотите! Что вы сдѣлали по дѣлу съ Брюхановой, а? Что вы сдѣлали?

Судья другаго уѣзда. Ваше превосходительство!

Губернаторъ. Извольте молчать! Вы со мною грызетесь

зубъ за зубъ, такъ что же вы съ просителями! Что вы сдѣлали съ несчастной женщиной? Она у меня сегодня рыдала, какъ сумасшедшая! Все взятки! взятки! взятки! Я покажу вамъ взятки! Отчего вы не исполнили ея прошенія, а? Отчего?

Судья другаго уѣзда. Она неправа....

Губернаторъ. Молчать! Какъ вы смѣете разсуждать! Я знаю, я вижу, что она права, а вы смѣете противорѣчить! Вы правы, что ли? Вы правы? Я васъ спрашиваю, вы правы?

Судья другаго уѣзда. Она....

Губернаторъ. Молчать у меня! Я знаю все! Извольте безъ объясненій! Вы грабитель, взяточникъ! Я сказалъ, что не стерплю несправедливости, неисполненія своего долга! А что я сказалъ, то свято! У меня ужь такой характеръ! У меня расправа коротка! Дѣло говоритъ само за себя! Вы думаете, что можно забраться къ чорту въ болото и дѣлать что угодно, никто не узнаетъ? Нѣтъ-съ, я все вижу, все знаю! Я сказалъ, что не стерплю, раздавлю такихъ господъ! Извольте же у меня убираться къ чорту! Слышите? Чтобъ духу вашего не было на службѣ!

Судья другаго уѣзда. За что же....

Губернаторъ (въ неистовствѣ). Вы еще разсуждать стали, за что? почему? Я такъ хочу, слышите,—я такъ хочу! Я съ такими, какъ вы, служить не могу, не хочу! Въ отставку у меня извольте убираться, завтра же! сейчасъ! сію минуту! Я видѣть васъ не могу! Я не могу терпѣть такихъ людей! Павелъ Михайловичъ! мнѣ, право, непріятно встрѣчаться съ такими гусями, какъ этотъ баринъ! Я долженъ буду уѣхать, чтобъ не быть съ нимъ вмѣстѣ. Я съ такими людьми не могу быть подъ одною кровлею! Я съѣсть его готовъ! У меня ужь такой характеръ!

Полиціймейстеръ (судьѣ, вполголоса). Не раздражайте его превосходительства понапрасну. Со временемъ обойдется, а теперь, знаете, ихъ превосходительство раздражены! Я бы вамъ совѣтовалъ уѣхать!

Судья другаго уѣзда. Извольте, я уѣду! мнѣ самому непріятно! Извините, что я обезпокоилъ его превосходительство! (Уходя). Господа! Брюханова продала триста десятинъ строеваго лѣсу купцу Столбину; пока совершалась купчая, она вырубила и вывезла всѣ деревья, оставила покупщику одни пни. Я рѣшилъ дѣло въ пользу Столбина, остальное вы слышали! (Уходитъ).

Губернаторъ. Я вамъ дамъ! Экой закоснѣлый! грабитель, взяточникъ! крючкодѣй! (Идетъ далѣе).

Розонова (забѣгая впередъ). Ваше превосходительство!

Губернаторъ. А-а! мое почтенье! (Тихо ей) Merci за собачку! Очарованіе! прелесть!

Козинъ (Козелкову). Видите? Шепчутся! Ну что, я правду говорилъ?

Козелковъ. Я знаю!

Губернаторъ (Фуксу). А-а-а! Иванъ Иванычъ!

Фуксъ. Мое почтеніе, ваше превосходительство! Какъ ваше здоровье?

Губернаторъ. Благодарю, братецъ! Ну наготовь карманы выворачивать, расплачиваться.

Фуксъ. Сегодня другая жертва, ваше превосходительство, съ нами четвертый—Куриковъ.

Губернаторъ А-а-а! съ нимъ пріятно играть. Только, знаете, онъ немножко мужиковатъ, все дегтемъ, знаете, и кабакомъ пахнетъ!

Фуксъ. Да ужь это непремѣнно!

Губернаторъ. Породы не скроешь. Моя тетушка графиня Безголово-Кулькова говоритъ, что она по взгляду угадаетъ—человѣкъ порядочной ли крови? (Буркалову) Здравствуйте, Данило Ильичъ! Читали вы что дѣлается въ Италіи?

Буркаловъ. Нѣтъ съ, я, признаться сказать, до газетъ не охотникъ.

Губернаторъ. У меня Филатовъ, спасибо ему, читаетъ, а потомъ разсказываетъ, что есть замѣчательнаго.

Буркаловъ. Вотъ я читалъ въ газетахъ, мнѣ показывалъ сосѣдникъ, Сомягинъ, Владиміра получилъ на шею.

Губернаторъ. Я бъ ему далъ въ шею! Этакая дрянь.

Фуксъ. А въ Италіи дѣла, кажется, серьёзныя.

Губернаторъ. Серьёзныя! Что тамъ серьёзнаго! Серьёзныя отъ неумѣнія распорядиться. Послали бы меня туда губернаторомъ! Я бы имъ показалъ волненія, да прогрессы и принципы! У меня бы не шелохнулись!

Буркаловъ. Кончится ничѣмъ.

Губернаторъ. Разумѣется! Когда понадоѣдятъ, ну и захватятъ крикуновъ и коноводовъ: кого повѣсятъ, кого засадятъ, кого сошлютъ, остальныхъ посѣкутъ просто, и дѣло съ концемъ! И къ чему эта поблажка? все ожидаютъ, не опомнятся ли? Гдѣ тутъ опомниться, когда разсуждать начали! То не такъ, другое не по-ихнему, то имъ тяжело, то неудобно, нашли тамъ зло, невыноси-

мость своего положенія, — и пошла писать! Начали обсуживать распоряженія властей, разсуждать! Ужь это значитъ все идетъ на изворотъ! Ждать нечего. По моему, надобно сейчасъ собрать жандармовъ, войска, бунтовщиковъ схватить и наказать. Ты разсуждаешь? — значитъ бунтовщикъ, бери его! Мигомъ бы поприсмирѣли. Перестали бы разсуждать, а начали бы слѣпо повиноваться. А то съ ними тамъ какъ съ барышнями. Вишь имъ безпокойно, трудно жить! Не такъ ими управляютъ, власти дѣла своего не знаютъ, точно властямъ только и заботы, что объ нихъ, чтобъ имъ было хорошо и спокойно жить, точно мы, начальствующіе, для нихъ поставлены, а не для надзора за ними. Слѣдовало бы, чтобъ всякій зналъ, что если хочешь разсуждать — разсуждай, но готовься на висѣлицу или на каторгу. Я вамъ скажу, тамъ губернаторы — тьфу! бабы! И ничего не будетъ у нихъ путнаго!

Фуксъ. Это дѣйствительно!

Губернаторъ. И чего церемониться? Вы посмотрите, кто шумитъ, буйствуетъ? — голь, дрянь! Безпокойные люди смотрятъ только, чтобъ произвести безпорядокъ, нарушить спокойствіе, низпровергнуть законы и благочиніе, да самимъ въ мутной водѣ половить рыбы. Вотъ этимъ вольникамъ не стоитъ давать пощады; слабость къ нимъ есть преступленіе, святотатство! Порядочный человѣкъ, занимающій мѣсто порядочное, идущій по хорошей дорогѣ, шумѣть не станетъ, а заботится о своей карьерѣ, какъ бы дослужиться до степеней извѣстныхъ. Такой человѣкъ не станетъ разсуждать, драть горла и показывать глупой фанаберіи; что дѣлать, — смолчитъ, снесетъ, поклонится, угодитъ, покарается, какъ слѣдуетъ порядочному благонамѣренному человѣку. А вотъ эта голь, которой дѣться некуда, которая живетъ въ праздности, — она и бурлитъ отъ-нечего-дѣлать. Посмотрите, кто шумитъ? — дрянь, чинишка у него маленькій или вовсе нѣтъ, изъ службы за неповиновеніе и буйство выгнанъ, — ну бьетъ шабберды да бурлитъ отъ-нечего-дѣлать!

Фуксъ. Это точно! Человѣкъ, занимающій хорошее мѣсто или поставленный хорошо въ обществѣ, не станетъ искать перемѣны, онъ самъ заинтересованъ въ общественномъ устройствѣ, а голь, дрянь — другое дѣло! — авось, говоритъ, лучше будетъ.

Губернаторъ. Я бы ихъ не выгонялъ изъ службы за праздность и бурленіе, а училъ бы дисциплинѣ и повиновенію! Ихъ въ солдаты отдавать! въ палки ставить!

Довѣренное лицо. Совершенно справедливо, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Отправимтесь сражаться! Только, господа, пожалуйста, вниманіе. Я люблю, чтобъ дѣло дѣлалось какъ слѣдуетъ, не спустя рукава!

(Уходятъ черезъ гостиную въ третью комнату, гдѣ поставленъ столъ для картъ).

Карандышевъ. Господа, приглашайте дамъ! Кадриль!

(Музыка играетъ, пары устанавливаются).

Карандышевъ. (Серафимѣ Ивановнѣ). Вы сегодня восхитительны!

Серафима Ивановна. Опять, несносный, противный человѣкъ!

Карандышевъ. Чѣмъ же я виноватъ, что я отъ васъ въ восторгѣ, что я счастливъ, когда могу прикоснуться къ ручкѣ вашей! Я завидую Павлу Михайлычу; но онъ не умѣетъ цѣнить своего счастія: онъ не постигаетъ его!

Серафима Ивановна. Ахъ не говорите! Вы не знаете, какая у него жесткая натура! Онъ привыкъ возиться съ солдатами, съ купцами, съ разною сволочью! У него нѣтъ нѣжнаго чувства, нѣтъ сердца!

Карандышевъ. И такимъ людямъ выпадаетъ такое счастіе! Судьба несправедлива!

Серафима Ивановна. Мужчины всѣ такіе, бездушные! Имъ интересъ, дѣла, служба, заботы. Они не могутъ жить сердцемъ! Въ нихъ нѣтъ той потребности любви, какъ въ женщинѣ.

Карандышевъ. Напротивъ, мужчина способенъ любить сильнѣе, пламеннѣе и неистовѣе: мужчина забываетъ все для любви.

Серафима Ивановна. Да это и видно! Павелъ Михайлычъ первый примѣръ.

Карандышевъ. Павелъ Михайлычъ — исключеніе; это рыба! Но другіе....

Серафима Ивановна. Другіе тоже! На словахъ всѣ пылки и готовы любить, а на самомъ дѣлѣ!... Что жь дѣлать бѣдной женщинѣ?

Любить? — Но кто любовь оцѣнитъ?
Кто сердцу сердцемъ дастъ отвѣтъ?
Кто не разлюбитъ, не измѣнитъ
Намъ въ продолженьи многихъ лѣтъ?

Карандышевъ. Это говоритъ мужчина о женщинахъ! Повѣрьте, найдутся такіе, которые готовы на все за одинъ взглядъ, за одно ласковое слово!

Серафима Ивановна. Вы сегодня расположены къ сердечнымъ изліяніямъ!

Карандышевъ. Я говорю отъ сердца, потому что не могу не говорить,—оно переполнено! Ваши глаза сегодня въ состояніи зажечь ледъ, не только что довести до невозможности давно пылающій пожаръ.

Серафима Ивановна (полузакрывая глаза, томно и вполголоса). Перестаньте!

Карандышевъ. Вы очаровательны, восхитительны! Васъ нельзя видѣть, чтобъ не боготворить, не приходить въ восторгъ, не терять разсудка!

Серафима Ивановна. Полноте, замолчите! Что вы со мной дѣлаете!

Карандышевъ (въ восторгѣ). Я говорю о томъ, что давно у меня на сердцѣ! Вы давно угадали, видите, знаете, что я безъ ума отъ васъ; что я тогда только счастливъ, когда вижу, говорю съ вами, прикасаюсь къ вашей ручкѣ! Этотъ день для меня верхъ блаженства! Я живу этими мгновеніями и для этихъ мгновеній.

Серафима Ивановна. Замолчите, ради Бога!

Карандышевъ. Моя любовь перешла границы, перешла мѣру. Я именно люблю васъ знойно, неистово! Вы вѣдь это знаете?

Серафима Ивановна (опустивъ глаза, шопотомъ). Знаю!

Карандышевъ. И вы могли говорить, зная мою любовь, что мужчины холодныя созданія?... Я все готовъ принести вамъ въ жертву! Отъ моей любви растаялъ бы ледъ. А вы? вы чѣмъ за нее заплатили? Скажите, вы женщина, ну способны ли вы оцѣнить эту любовь, предаться вполнѣ страсти, забывши все на свѣтѣ? Скажите, чего мнѣ ждать? Отъ васъ зависитъ моя жизнь или смерть! Чего жь мнѣ ждать?

(Серафима Ивановна молчитъ и смотритъ въ землю).

Карандышевъ. Вы молчите? Ради Бога, не мучьте!.. сжальтесь! Одно слово, чего мнѣ ждать? Могу ль я надѣяться?

Серафима Ивановна (шопотомъ). Зачѣмъ вы меня спрашиваете?

Карандышевъ. Говорите! Умоляю васъ, говорите!

Серафима Ивановна (также). Довольно, перестаньте.... я не могу....

Карандышевъ. Договаривайте! Вы говорите, что женщины способны на страстную любовь, на самопожертвованіе и останавливаетесь въ такую минуту передъ пустымъ предразсудкомъ! Передъ ложнымъ стыдомъ! Передъ дѣтской, робкой застѣнчивостью! Когда отъ одного слова, отъ одного движенія губъ зависитъ цѣлая будущность счастія! Рай восторговъ! Скажите же?

Серафима Ивановна. Что же мнѣ вамъ сказать?

Карандышевъ. Неужели на всѣ мои слова, на всѣ мои чувства вы не найдете ни одного звука въ отвѣтъ! Ни одного движенія губъ! Вы не находите что сказать?

Серафима Ивановна. Что вы хотите?

Карандышевъ. Слышать свой приговоръ! Любите ли вы меня? Можете ли вы любить?

(Серафима Ивановна взглядываетъ на него и опять опускаетъ глаза въ землю).

Карандышевъ. Вы меня сводите съ ума! Ради Бога, ради моей безумной любви хотя одно слово.

Серафима Ивановна (съ улыбкой смотритъ ему въ глаза). Вы хотите знать, могу ли я любить?

Любить? — Но кого же? на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!

Вамъ начинать третью фигуру!

Карандышевъ. И вы можете шутить! Играть такъ высокимъ, святымъ чувствомъ! (Танцуютъ).

Карандышевъ (по окончаніи фигуры, усаживаясь возлѣ Серафимы Ивановны). Вы шутите, а говорили о страстной любви!...

Серафима Ивановна (зѣвая). Говорите что-нибудь другое! Это скучно!

Карандышевъ. Ужасная женщина! Вамъ ни по чемъ мои страданья, моя люб...

Серафима Ивановна. Александръ Петровичъ! не знаете ли, гдѣ достать болонку?

Карандышевъ. Это изъ рукъ вонъ! Не знаю—съ!

Серафима Ивановна. Вы сердитесь? Всему же долженъ быть конецъ! Вы подекламировали, и довольно! Вы спрашиваете, могу ли я любить? Должно быть могу, потому что очень люблю — моего мужа!

Карандышевъ. Вотъ всѣ вы такія женщины!

Серафима Ивановна. Ха, ха, ха! Если бы кто нибудь могъ слышать нашъ разговоръ—пресмѣшно! Скажите еще что-нибудь, только о другомъ и новенькое! вы такъ хорошо говорите!

Розонова и Вилькельманъ, докторъ изъ нѣмцевъ. Онъ довольно полонъ, красенъ лицомъ, глаза его сѣро-оловянные, носъ довольно длинный съ горбомъ, совершенно нѣмецкій, волосы бѣлые какъ ленъ. Одѣтъ онъ всегда со щепетильностью. Онъ имѣетъ большую практику, и говорятъ, что успѣлъ составить себѣ порядочное состояніе. Съ чисто нѣмецкою скользкостью, онъ умѣетъ влѣзть въ душу человѣка и проскальзывать на лучшія мѣста и получать высшія назначенія.

Розонова. Мое почтеніе, почтеннѣйшій Карлъ Карловичъ! Что это васъ давно не видать?

Вилькельманъ. Мое поштеніе! Какъ ваша сторофье?

Розонова. Благодарю васъ! Вы какъ поживаете?

Вилькельманъ. Нишего. Слафа Богу!

Розонова. Вы насъ совсѣмъ забыли!

Вилькельманъ. Это фремя польныхъ ошень многа. Неможка нѣтъ фремя!

Розонова. А знаете ли, мой мужъ опять остается исправникомъ!

Вилькельманъ. Я эйто не зналъ. Пострафляю фасъ!

Розонова. Какъ же! остается! Это, знаете, не для насъ счастіе, а для дѣтей нашихъ. Теперь мы въ состояніи дать за ними порядочное приданое. За каждой даемъ по полтораста душъ и по пятнадцати тысячъ серебромъ.

Вилькельманъ. О! это карошо!

Розонова. Какже, помилуйте! Теперь бы нашелся человѣкъ хорошій, солидный, а смотрѣть на состояніе мы не будемъ! У нихъ свое есть, все свое! Полный домъ дадимъ, какъ чаша. У нихъ ужь есть много жениховъ, надобно только выбрать.

Вилькельманъ. И у мамзель Катеринъ есть немножко?

Розонова. Какъ же! есть и у Катеньки, только они, знаете, ей не очень нравятся. Приходите къ намъ, Карлъ Карловичъ!

Вилькельманъ. Сафтра пришелъ я немножко за дѣломъ.

Розонова. За какимъ?

Вилькельманъ. Будете видѣть.

Киндяевъ и Липочка (танцуютъ).

Липочка. Вы здѣсь давно?

Киндѣевъ. Гдѣ это-съ? Въ городѣ?

Липочка. Да.

Киндѣевъ. Нѣтъ, недавно.

Липочка. Вы въ отпуску?

Киндѣевъ. Мы здѣсь по обязанностямъ службы. Знаете, велѣно было назначить надежнѣйшихъ, исправнѣйшихъ и достойнѣйшихъ офицеровъ. Насъ и назначили!

Липочка. Это дѣлаетъ вамъ честь! У васъ тутъ много знакомыхъ?

Киндѣевъ. Гдѣ? Здѣсь въ залѣ?

Липочка. Да, здѣсь, и вообще въ городѣ.

Киндѣевъ. Нѣтъ еще-съ. Знаете, некогда еще было знакомиться. А вы не постоянныя жительницы здѣшнія?

Липочка. Нѣтъ, мы живемъ въ уѣздномъ городѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ.

Киндѣевъ. Весело проводите время?

Липочка. Да. Въ особенности лѣтомъ. Поѣдемъ въ деревню, тамъ идутъ постройки, папа и мнѣ и сестрѣ по новой усадьбѣ строитъ! А тамъ, знаете, гулянья, лѣса, собираешь грибы, ягоды, купаешься, ловишь бабочекъ, — просто прелесть!

Киндѣевъ. Въ деревнѣ зимой рай! То есть, я хотѣлъ сказать, лѣтомъ рай. Такъ у васъ своя есть усадьба?

Липочка. Да, прехорошенькая! Вокругъ садикъ, прелесть просто!

Киндѣевъ. Очень пріятно.

Липочка. А зимою живемъ въ городѣ. У насъ много бываетъ, да знаете, все такіе какіе-то! Главное, у насъ мало военныхъ.

Киндѣевъ. А вамъ нравятся военные?

Липочка. Они, знаете, какъ-то развязнѣе, любезнѣе! Какъ же можно сравнить—офицеръ или приказный!

Киндѣевъ. Очень пріятно слышать! Я горжусь, что принадлежу къ числу тѣхъ, которые вообще заслужили ваше расположеніе.

Липочка. Есть чѣмъ гордиться! Что вамъ до моего расположенія?

Киндѣевъ (со вздохомъ). Очень много-съ. Я за него готовъ бы былъ отдать все на свѣтѣ.

Липочка. Полите вы! Насмѣшники!

Киндѣевъ. За что жь вы меня такъ считаете?

Липочка. Да извѣстно, всѣ мужчины насмѣшники!

Киндѣевъ. Напротивъ, я говорю всегда отъ чистаго сердца.

Липочка. Только не теперь.

Киндѣевъ. Отчего-же?

Липочка. Такъ.

Киндѣевъ. Я постараюсь познакомиться съ вашими родителями.

Липочка. Сдѣлайте одолженіе! Имъ будетъ очень пріятно!

Киндѣевъ. Тогда вы увидите, что я составляю исключеніе. Когда мы познакомимся покороче, я вамъ докажу на дѣлѣ, что я всегда говорю отъ чистаго сердца.

Липочка. Посмотримъ.

Киндѣевъ. Впрочемъ, что вамъ замѣчать! Я слишкомъ ничтоженъ, чтобъ обратить на себя вниманіе.

Липочка. Отчего же?

Киндѣевъ. Человѣкъ я не богатый, наружность не замѣчательная; правда, что у меня слава Богу, есть голова, я стою на хорошей дорогѣ, меня въ полку считаютъ лучшимъ офицеромъ, ей-богу!

Липочка. Ну вотъ видите. Это важнѣе всего.

Киндѣевъ. Наружнаго-то мало-съ! Пока меня раскусятъ, что я за птица!

Липочка. Скажите, вы ротный командиръ?

Киндѣевъ. Да-съ! Впрочемъ, я скоро надѣюсь быть батальоннымъ, а потомъ и полковымъ.

Липочка. А потомъ можно быть и генераломъ!

Киндѣевъ. Непремѣнно-съ, если Богъ продлитъ вѣку!

Липочка. Генераломъ быть хорошо, только, знаете, долго служить въ военной службѣ опасно.

Киндѣевъ. Отчего же?

Липочка. Хорошо теперь миръ, а вдругъ опять война!

Киндѣевъ. Такъ что же?

Липочка. На войнѣ страшно! Чего добраго, еще убьютъ.

Киндѣевъ. Что жь?—ничего! Самъ не будешь чувствовать!—а плакать некому!

Липочка. У васъ нѣтъ родныхъ?

Киндѣевъ. Нѣтъ-съ, я одинъ-одинешенекъ! Тяжко, знаете, одному жить въ мірѣ, когда некого любить и самого тебя любить некому. Мнѣ кажется, если бы нашлось такое существо, я бы привязался къ нему всѣми силами души, я бы боготворилъ его,

былъ бы рабомъ! Я, знаете, люблю иногда мечтать: какъ-бы хорошо было, если бы я женился, у меня, знаете, есть тысченокъ десятокъ, я бы купилъ имѣньице и окружилъ жену свою всѣми попеченіями. Жили бы мы мирно, счастливо, какъ въ раю!

Липочка. Отчего же вы не женитесь?

Киндѣевъ. Помилуйте! Кто же пойдетъ за меня?

Липочка. Мнѣ кажется, всякая съ удовольствіемъ!

Киндѣевъ. Теперь вы смѣетесь.

Липочка. Совсѣмъ нѣтъ, я говорю отъ чистаго сердца.

Киндѣевъ. Увидимъ-съ!

Липочка. Когда познакомитесь получше, увидите, что я всегда говорю отъ чистаго сердца.

(Кадриль кончается. Киндѣевъ подводитъ Липочку къ Розоновой, раншаркивается и сажаетъ на стулъ).

Киндѣевъ (раскланивается передъ Розоновой и вытягивается, какъ солдатъ на часахъ передъ проходящимъ офицеромъ). Честь имѣю рекомендоваться! Капитанъ Максимъ Трифоновъ Киндѣевъ. Сюда для важныхъ порученій по службѣ командированъ.

Розонова. Очень пріятно познакомиться! Очень рада, почтеннѣйшій Максимъ, какъ васъ, извините, забыла!

Киндѣевъ. Трифоновъ.

Розонова. Очень рада, почтеннѣйшій Максимъ Трифоновичъ! Мы тоже здѣсь люди заѣзжіе, пока здѣсь, заходите къ намъ безъ церемоніи, по-просту, очень будетъ пріятно. И я, и дочери мои, и мужъ, мы всѣ, знаете, любимъ военныхъ!

(Киндѣевъ садится возлѣ Липочки, и пускается въ любезности. Козинъ и Дурноумовъ останавливаются вблизи отъ Розоновыхъ и говорятъ такъ, что тѣ могутъ все слышать. Черезъ нѣсколько времени къ нимъ подходитъ довольно много съ шопотомъ: *Козинъ серенаду даетъ Розоновымъ*! Кружокъ составляется довольно большой).

Козинъ. Смотрите-ка! Сашута поймала новую птицу!

Дурноумовъ. Льва.

Козинъ. Бекаса! Приманку, кажется, сыплютъ хорошую, а все не ловится добыча.

Дурноумовъ. Не везетъ имъ!

Козинъ (подвигается еще ближе). Спѣть вамъ мой любимый романсъ, серенаду?

Дурноумовъ. Спойте.

Козинъ. Слушайте! (Поетъ).

Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйскій—
Цаплѣ руку предложилъ,
При дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ!
Онъ просилъ дѣтей, какъ дара,
Вопль услышанъ его словъ—
Родилася цаплей пара,
Не родилось пѣтуховъ.
Цапли выросли, скучая
Отъ младенческихъ годовъ,
Длинны, очень длинны стали (Указываетъ на Липочку),
И глядятъ на куликовъ.

Розонова. Почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ! Дмитрій Павловичъ!

Козинъ (продолжаетъ, будто не слыша ее).

Кулички же къ нимъ летали
Изъ сосѣднихъ, дальнихъ мѣстъ,
Но лишь кормъ одинъ клевали,
Не глядѣли на невѣстъ!
Цапли сохли! Цапли вяли!
Наконецъ, скажу вздохнувъ,
На болотѣ попропали,
Носикъ въ перья завернувъ.

(Всѣ хохочутъ, смотря на Розоновыхъ. Музыка играетъ польку, пары носятся, всѣ танцуютъ—только идетъ громъ и трескъ).

Полиціймейстеръ (нѣкоторымъ кавалерамъ). Господа! Берите дамъ, вотъ сидятъ! (Указываетъ на пожилыхъ дамъ и дѣвицъ, сидѣвшихъ цѣлый вечеръ).

Квартальный (торопливо подбѣгая къ полиціймейстеру). Иванъ Сергѣевичъ, Журавлевъ пріѣхали!

Полиціймейстеръ. Скажите женѣ моей!

(Бѣжитъ къ дверямъ и встрѣчается съ Журавлевымъ).

Журавлевъ. Мое почтеніе, Павелъ Михайловичъ!

Полиціймейстеръ. Иванъ Сергѣевичъ! Наконецъ-то вы насъ вспомнили!

Журавлевъ (Серафимѣ Ивановнѣ). Мое почтеніе! Поздравляю васъ со днемъ вашего рожденія.

Серафима Ивановна. Благодарю васъ! А мы ужь думали, что вы забыли насъ: не будете!

Журавлевъ. Я собирался къ вамъ давно, но меня задержало важное извѣстіе изъ Петербурга! (Обращаясь къ окружающимъ) Господа! Это касается всѣхъ!

(Всѣ окружаютъ его).

Журавлевъ. Я сейчасъ получилъ письмо изъ Петербурга, что крѣпостнымъ людямъ будетъ непремѣнно дана свобода!

ГОЛОСА:

— Можетъ ли быть?

— Это ужасно!

— Вотъ-те и разъ!

— Какъ же это?

Журавлевъ. Имъ будетъ дана личная свобода и сверхъ того ихъ надѣлятъ землею.

ГОЛОСА.

— Это разореніе!

— Это невѣроятно!

— За что же это!

— Чѣмъ же намъ жить?

— Кто же намъ будетъ работать?

Журавлевъ. Для опредѣленія Положеній по этому предмету, будутъ составлены особые комитеты, по выбору отъ дворянства, въ каждой губерніи. Скоро объ этомъ будетъ объявлено оффиціально. Господа! Намъ надобно подумать объ этомъ! Это дѣло касается насъ всѣхъ! Надобно, чтобы каждый составилъ свое мнѣніе, представилъ свой проэктъ.

ГОЛОСА:

— Какъ ни составляй мнѣнія, а все это разореніе!

— Наше мнѣніе оставить все по-старому, какъ было!

Журавлевъ. Это невозможно! Во-первыхъ, это желаніе и воля Государя императора, которая для каждаго изъ насъ, какъ для русскаго дворянина, всегда священна! Во-вторыхъ — пора же и намъ идти въ уровень съ вѣкомъ, съ Европой!

ГОЛОСА.

— Богъ съ ней, Европа!

— Мы все обезьянничаемъ!

— У насъ должно быть все русское, свои нравы, свои обычаи!

— Зачѣмъ намъ гнаться за Европой? Тамъ условія жизни другія!

— У насъ нѣтъ патріотизма!

— Мы обнѣмечились!

— Мы все перенимаемъ съ Запада, точно сами жить не можемъ!

— Вѣдь жили же прежде безъ Европы!

Журавлевъ. Господа! Тутъ ужь ничего сдѣлать нельзя!

Голоса. Написать просьбу на высочайшее имя отъ всего дворянства!

Журавлевъ. Нельзя же намъ явиться варварами! Надобно идти съ вѣкомъ. Мы это должны дѣлать во имя справедливости, гуманности и прогресса! Но обязаны, по чувству самосохраненія, придумать средства, чтобы не потерять при этомъ, при этой реформѣ, много,—а даже, если можно, извлечь пользу. Это будетъ тоже заслуга съ нашей стороны. Истинно образованный человѣкъ изъ всего долженъ извлекать пользу, или по крайней мѣрѣ, стараться уменьшить вредъ необходимыхъ вредныхъ вліяній. Слѣдственно, вотъ надъ чѣмъ мы должны работать. Во имя гуманности, мы должны освободить крѣпостныхъ....

ГОЛОСА:

— Да! Чего намъ будетъ стоить эта гуманность!

— Сколько мы потеряемъ!

— Вѣдь это разоренье!

— Хорошо жертвовать гуманности, когда есть изъ чего!

Журавлевъ. Я теряю отъ этого болѣе всѣхъ. У меня все фабрики! На нихъ работаетъ двадцать тысячъ человѣкъ безплатно. Когда же крѣпостные отойдутъ на волю, я долженъ буду нанимать! — Разница огромная! Но я готовъ все принести въ жертву августѣйшей волѣ монарха и идеѣ гуманности, прогресса, справедливости и цивилизаціи. Съ другой стороны, я долженъ въ тоже время думать и о себѣ, о своихъ дѣтяхъ! О всемъ нисходящемъ поколѣніи! За себя я готовъ отказаться отъ всего, но на мнѣ лежитъ обязанность пещись о своемъ потомствѣ; я опекунъ его, повѣренный, и обязанъ заботиться о его пользѣ, если я только честный человѣкъ и истинный отецъ семейства! Я не смѣю жертвовать интересами моего потомства. Эти интересы мнѣ не принадлежатъ, они чужіе! Вотъ два вопроса, двѣ противоположныя стихіи, два различныхъ требованія, два долга, двѣ обязанности, которые мы должны опредѣлить, разсмотрѣть и согласить. Значитъ, вопросъ по моему приводится къ тому, чѣмъ я могу пожертвовать какъ гражданинъ, не нарушая своихъ обязанностей къ своему потомству и его интересамъ, какъ отецъ семейства,

какъ корень будущихъ поколѣній, которыхъ жизнь я долженъ обезпечить.

ГОЛОСА:

— Ну, это трудно согласить!

— Особенно когда и самъ плохо обезпеченъ!

— Просто хоть волкомъ вой!

— Объ этомъ надобно подумать!

— Вы, Иванъ Сергѣевичъ, лучше знаете! Какъ вы, такъ и мы!

— Какъ вы посовѣтуете, такъ мы и сдѣлаемъ.

Составляются отдѣльныя группы. Говоръ сливается въ общій гулъ.

Господинъ съ сапомъ. Ну что, я правду говорилъ?

Медидовъ. Я давно это предвидѣлъ и во всѣхъ рѣшеніяхъ суда по этимъ вопросамъ соображался съ этими предположеніями.

Господинъ съ сапомъ. Вы же сегодня оспаривали!

Медидовъ. Когда? когда? Что вы! Я всегда говорилъ, что это будетъ. Всѣ спорили со мной!

Господинъ съ сапомъ. Да ужь полноте, ничего вы не предвидѣли.

Медидовъ. Нѣтъ, предвидѣлъ. Разсмотрите всѣ мои рѣшенія!

Господинъ съ сапомъ. Подите вы съ вашими рѣшеніями! Теперь надобно подумать, что съ нами будетъ!

Розоновъ (Журавлеву, тихо). Иванъ Сергѣичъ!

Журавлевъ (небрежно). А! здравствуйте!

Розоновъ (еще тише). Иванъ Сергѣичъ, знаете, что я придумалъ: вамъ надобны рабочіе; если я буду исправникомъ, я берусь доставить вамъ много рукъ.

Журавлевъ. Какимъ образомъ?

Розоновъ. Ужь это мое дѣло! Не безпокойтесь, ужь будутъ рабочіе.

Журавлевъ. Вы скажите, откуда?

Розоновъ. Очень просто! Развѣ мало бѣглыхъ? Собирать ихъ.

Журавлевъ. Гмъ!... Это отчасти хорошо, да дѣло-то скверное!

Розоновъ. Ужь я все беру на себя. Вы ничего знать не будете. Вы знаете, какъ я готовъ служить вамъ.

Журавлевъ. Мы объ этомъ поговоримъ съ вами!

Розоновъ. Только вы ужь не оставьте своею милостью, поддержите меня.

Журавлевъ. Хорошо!

Розоновъ. И хоть я бы отказался на отрѣзъ, не измѣняйте вашего рѣшенія, пусть все-таки мнѣ кладутъ направо, а моимъ противникамъ налѣво.

Журавлевъ. Хорошо, хорошо!

Козинъ (Козелкову). Почтеннѣйшій Николай Иванычъ, вотъ случай вамъ отличиться! Смотрите же не ударьте въ грязь лицомъ.

Козелковъ. Какъ?

Козинъ. Вѣдь вы знаете, что васъ хотятъ избрать въ предводители?

Козелковъ. Знаю.

Козинъ. Ну такъ вы должны же показать себя!

Козелковъ. Какъ же я покажу себя? Ги, ги, ги! Развѣ меня не видали?

Козинъ. Васъ видятъ и знаютъ, но вы должны показать себя достойнымъ этого званія! Напишите-ка проэктъ и мнѣніе ваше объ освобожденіи крестьянъ, да и прочтите дворянству.

Козелковъ. Въ самомъ дѣлѣ! Что же мнѣ написать?

Козинъ. Ну, какого вы мнѣнія объ этомъ предметѣ?

Козелковъ. Я думаю, что освобождать не нужно.

Козинъ. Сохрани васъ Богъ писать это! Вы напишите, что необходимо освободить крестьянъ и изложите ваше мнѣніе, какъ и на какихъ основаніяхъ, вы думаете, можно освободить ихъ.

Козелковъ. А я почемъ знаю!

Козинъ. Эхъ вы! Прислушайтесь, что будетъ говорить большинство, сдѣлайте экстрактъ и выведите свое заключеніе.

Козелковъ. Гдѣ же мнѣ прислушаться?

Козинъ. Какъ гдѣ? Ну хоть завтра на выборахъ.

Козелковъ. А когда же прочесть?

Козинъ. Ну ужь это ваше дѣло выбрать время.

Козелковъ. Я послѣ выборовъ, послѣ собранія дѣлаю обѣдъ; на обѣдѣ можно?

Козинъ. Чего же лучше? — Да у васъ просто ума палата!

Козелковъ. А это вы въ самомъ дѣлѣ хорошо придумали.

Козинъ. Еще бы! Вѣдь вы первые голосъ подадите. Поведете дворянъ за собою въ этомъ вопросѣ, именно уже будете предводитель!

Полиціймейстеръ. Ну, господа, завтра потолкуете объ дѣлахъ, а сегодня всѣ заботы прочь, танцовать, веселиться! Иванъ Сергѣевичъ! Пожалуйте въ гостиную!

(Музыка играетъ, танцы продолжаются)

ДЕНЬ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА I.

ВЫБОРЫ.

Зала дворянскаго собранія, та же что въ первой сценѣ втораго дня. Утро. Помѣщики съѣзжаются въ мундирахъ и со шпагами. Переученый и Никоновъ сидятъ всторонѣ.

Никоновъ. Я согласенъ съ вами: въ насъ много ложнаго, въ нашей жизни много заблужденій, зла, недостатковъ, много дурнаго, все это надобно искоренить, уничтожить. Но мнѣ кажется и вы неправы! Вы разрушаете самыя основанія нашей жизни, нашихъ убѣжденій, вы отрицаете все! Согласитесь, это невозможно, это тяжело, невыносимо! Гдѣ же примиреніе, цѣль, куда намъ стремиться? Этого у васъ нѣтъ!

Переученый. Примиреніе!...

Никоновъ (перебивая его). Виноватъ, я перебью васъ! Позвольте докончить, уяснить мою мысль сравненіемъ, сдѣлать ее болѣе осязательной. Вы, примѣрно, пріѣхали въ деревню и нашли домъ, подъ кровомъ котораго родились и умерли ваши отецъ и дѣдъ, старымъ, развалившимся, сырымъ, вреднымъ для здоровья,—словомъ, со всѣми недостатками. Вы удивляетесь даже, какъ можно было жить въ этой развалинѣ. Но вы сознали, увидѣли всѣ недостатки потому, что пріѣхали со стороны, свѣжій человѣкъ! Вы не дряхлѣли вмѣстѣ съ домомъ день за днемъ постепенно, незамѣтно, какъ прежніе владѣльцы. Каждая новая щель въ домѣ рождалась съ новою сѣдиною въ головѣ, съ новою морщиною на лицѣ хозяина. Ну-съ, замѣтивши недостатки, вдругъ начинаете ломать домъ, разрушать все. Вотъ тутъ-то ваша и ошибка, господа! Надобно, кажется, сперва составить планъ будущаго крѣпкаго и красиваго зданія и уже съ опредѣленною цѣлью начать осторожную, постепенную разборку, зная

что создается изъ этого матеріала, а не ломать всего безъ опредѣленной цѣли, безъ плана, чтобъ не остаться безъ всего подъ открытымъ небомъ. Гдѣ же вашъ планъ? ваша новая жизнь? — Вы видите, что примиреніе необходимо.

Переученый. Вы кончили? Въ вашихъ словахъ, въ вашемъ сравненіи, въ основѣ вашихъ убѣжденій лежитъ ошибка!

Никоновъ. Какая?

Переученый. Во-первыхъ: живой процессъ общественной жизни, убѣжденій, мысли, трудно, да и нельзя въ точности сравнивать съ мертвой массой строенія, какъ живой, дѣйствующей силы съ бездушнымъ тѣломъ. Гдѣ человѣку — этому пигмею, взяться за великое строеніе жизни будущихъ поколѣній! Развѣ въ моментъ короткій, почти неуловимый, который мы называемъ жизнью поколѣнія, можно начать и кончить это зданіе, — когда какое нибудь замѣчательное каменное зданіе, хоть, напр., соборъ Петра въ Римѣ, создается *вѣками*. А вы такъ самонадѣянны, что думаете въ моментъ сдѣлать то, что можетъ сдѣлать вѣчность, дѣлаете карточные домики и говорите: вотъ наша вѣчная постройка. Каждому поколѣнію на долю выпадаетъ своя работа въ великомъ дѣлѣ жизни человѣчества. Нашей жизни, я вамъ говорю, не хватитъ на то, чтобы разрушить и создать! Не хватитъ даже и на то, чтобы разрушить вполнѣ. Я облеку свою мысль тоже въ образы.—Жизнь человѣчества—это поле и жатва. Наше поколѣніе теперь пахари, мы должны приготовить, вспахать поле, поднять землю и уничтожить сорныя, вредныя и безполезныя травы, уничтожить ихъ совершенно. Пусть даже слѣдующее поколѣніе продолжаетъ нашу работу, это дѣло трудное, великое! Дальнѣйшимъ поколѣніямъ предстоитъ сѣять, взростить и собрать жатву. Вы говорите, что мы все разрушаемъ и, наконецъ, останемся безо всего, подъ открытымъ небомъ; но развѣ земледѣлецъ, въ извѣстный періодъ времени, не долженъ оставаться съ пустыми, вспаханными полями, на которыхъ нѣтъ и слѣда растительности? Вѣдь мы не человѣчество, мы только одно поколѣніе, одна страница огромной книги, одна песчинка во вселенной, одно мгновеніе въ вѣкахъ. Человѣчество не останется вѣчно съ этимъ! Человѣчество — это земледѣлецъ; оно посѣетъ, оно взроститъ и соберетъ жатву, только не нашими руками! Вы боитесь отстать отъ старыхъ вѣрованій и предразсудковъ, потому что не нажили новыхъ. Вамъ скучно, вамъ страшно безъ нихъ, васъ пугаетъ рѣшительный шагъ, вы

привыкли къ этимъ кандаламъ. Вы чувствуете себя затерянными на чистомъ воздухѣ, потому что привыкли къ испорченному воздуху; предразсудки и невѣжество не пропускали къ вамъ свѣта, и свѣтъ рѣжетъ вамъ глаза. Вы готовы кое-что оставить старое, что сами же признаете въ душѣ ложнымъ, готовы обмануть себя и принять это за истинное! Къ чему эта робость? Лучше все несчастіе знанія, ослѣпляющій яркій свѣтъ, нежели самообольщеніе, ложь, обманъ и мракъ!... Я не хочу блуждать въ потьмахъ! Я хочу свѣта, свѣта! Пусть онъ озаритъ тьму вокругъ меня,— лохмотья, грязь, я все гордо сброшу! Я смѣло отрѣшусь отъ всего. Мы привыкли къ застою, въ немъ спокойнѣе! Залѣзли въ тину по уши и сидимъ въ ней. Если проходящій замѣтитъ намъ это, будетъ насъ уговаривать выбраться изъ заплѣсневѣлаго болота, мы скажемъ: безпокойный человѣкъ! Соглашать отжившія, старыя убѣжденія съ новыми, искать примиренія, сліянія—ошибка! Это значитъ вводить въ новое строеніе половину старыхъ, сгнившихъ бревенъ, обратившихся въ совершенный прахъ; сшивать одежду изъ лохмотьевъ и новаго. Надобно сдѣлать рѣшительный шагъ, сбросить совсѣмъ старыя лохмотья и надѣть новое платье. Зачѣмъ же намъ примиреніе? Вѣрьте, въ этомъ и состоитъ жизнь человѣчества, въ этомъ условіе усовершенствованія, движенія впередъ: поколѣнія создаютъ, трудятся; является слѣдующее поколѣніе съ болѣзненной, горькой улыбкой смотритъ на это обветшавшее уже зданіе и изъ измученной груди его вырывается вопль отрицанія. Нашъ періодъ — періодъ отрицанія. Изъ этой борьбы только и можетъ родиться истина! Какъ устроится наша будущая жизнь? къ чему мы придемъ? — не знаю, это зависитъ отъ многаго! Но знаю, что отрицая теперь старое, я принимаю живое и дѣльное участіе въ жизни человѣчества, что мы совершенствуемся, идемъ впередъ. Въ этомъ все возможное примиреніе въ границахъ благоразумія. Такъ впередъ же, впередъ!

Козинъ (подходитъ къ нимъ). Мое почтеніе, господа! (Подаетъ имъ руку).

Первучный. Здравствуйте, Дмитрій Павловичъ!

Никоновъ. Ну что новенькаго?

Козинъ. Вчера былъ балъ у полиціймейстера.

Никоновъ. Ну что жь?

Козинъ. Сначала все шло чинно, ну, а подъ конецъ подгадилось. Долотовъ поссорился очень крупно съ Иваномъ Петровичемъ.

Никоновъ. За что?

Козинъ. Право, не знаю! Потомъ Марья Петровна Долотова съ Розонихой расплевались и наконецъ схватились въ рукопашную!

Никоновъ. Кто же одолѣлъ?

Козинъ. Жаль, что скоро розняли, такъ что побѣдитель неизвѣстенъ! Но, судя по трофеямъ, Розонова побѣдила. Долотова сбила съ нея чепчикъ и нѣсколько подрумянила подъ лѣвымъ глазомъ, а Розонова сорвала съ Марьи Петровны чепчикъ и при этомъ вырвала клокъ волосъ, оцарапала носъ и порядочно нагрѣла щеки! Я теперь Александру Герасимовну называю индѣйской Бобелиной. Она оскальпировала свою противницу, я ей вчера совѣтовалъ, по индѣйскому обычаю, заткнуть эти волосы за поясъ и носить, какъ трофеи. Разсердилась страшно!

Никоновъ Прекрасно! Ай да барыни!

Козинъ. Потомъ Роговъ подвыпилъ и началъ приставать къ дамамъ, шумѣть, врать, приплясывать, такъ что его увели въ другую комнату и тамъ уже его споили до положенія ризъ, такъ что онъ ужь не могъ двигаться. Губернаторъ страшно разсердился на своихъ партнеровъ за то, что проигралъ имъ. Въ особенности досталось откупщику. Только одинъ Фуксъ какъ-то уцѣлѣлъ, а выигралъ больше всѣхъ.

Никоновъ. Лисица — этотъ Фуксъ, — вотъ ужь по шерсти-то и кличка!

Козинъ. Ему быть министромъ финансовъ! Вѣдь онъ живетъ хорошо, а доходовъ никакихъ. Да! я вамъ не сказалъ самаго главнаго! Вчера Журавлевъ объявилъ на балу, что онъ получилъ письмо изъ Петербурга отъ знакомыхъ: крестьянъ освободятъ отъ крѣпостной зависимости съ землею!

Первучвный. Въ самомъ дѣлѣ?

Козинъ. Да! Журавлевъ сказалъ при этомъ преуморительную рѣчь, потолковалъ, знаете, о прогрессѣ, о цивилизаціи, объ необходимости освобожденія, а между тѣмъ по всему видно, что оно у него поперегъ горла стало. Онъ проповѣдывалъ о своей готовности жертвовать всѣмъ, если бы могъ и смѣлъ; а то онъ, изволите ли видѣть, опекунъ будущихъ поколѣній и обязанъ трудиться для нихъ и заботиться объ ихъ интересахъ.

Мухоморовъ, Галкинъ. Мартышка № 1 и Мартышка № 2.

Мартышка № 1. Каковъ Головкинъ-то? Какая дерзость!

Мартышка № 2. Какъ онъ осмѣлился тамъ противъ Ивана Сергѣича! Непостижимо!

Мухоморовъ. Я ушамъ своимъ не вѣрилъ!

Мартышка № 1. Что теперь съ нимъ сдѣлаетъ Иванъ Сергѣичъ?

Галкинъ. Извѣстно что! Захочетъ такъ погубитъ, на вѣкъ несчастнымъ сдѣлаетъ! А смилуется, ну такъ какъ съ Надеждинымъ распорядится.

Мартышка № 1. Съ которымъ Надеждинымъ?

Мухоморомъ. Съ Павломъ Алексѣевичемъ.

Мартышка № 2. А что съ нимъ сдѣлали?

Мухоморовъ. Это исторія всѣмъ извѣстна! Надеждинъ пріѣхалъ на заводъ къ Журавлеву въ Теткино, да и повздорилъ съ управляющимъ Трофимомъ. Тотъ пошелъ къ Ивану Сергѣевичу, а Ивану Сергѣевичъ говоритъ: «что жь ты зѣваешь! — распорядись!» Вотъ его раба божія растянули и вспрыснули розгами такъ, что небу жарко стало, небо съ овчинку показалось.

Мартышка № 1. Ну что жь Надеждинъ?

Мухоморовъ. Что жь будешь дѣлать? — Утеръ кулакомъ слезы да и уѣхалъ!

Мартыщка № 2. За что же у нихъ дѣло началось?

Мухоморовъ. Надеждинъ послалъ человѣка за чѣмъ-то на заводъ Ивана Сергѣича.

Мартышка № 1. Въ Теткино?

Мухоморовъ. Да. Ну тотъ пріѣхалъ и купилъ у рабочаго какую-то вещь, бездѣлицу. Трофимъ узналъ и безъ церемоніи распорядился высѣчь этого человѣка и заставить *шуровать*. (*). Надеждинъ пріѣхалъ его выручать, да самъ и попался. Сдѣлалъ бы безъ шуму,—нѣтъ, полѣзъ шумѣть, какъ смѣли его человѣка тронуть. Въ самомъ дѣлѣ, точно съ своимъ равнымъ, затѣялъ тягаться съ Иваномъ Сергѣичемъ. Вѣдь все, что ни дѣлается, все дѣлается съ вѣдома и по приказанію Ивана Сергѣича.

Галкинъ. Ну, я бы не позволилъ себя высѣчь!

Мартышка № 1. Ну что жь бы вы сдѣлали?

Галкинъ. Не позволилъ бы! Попробовали меня тронуть! Да я бы разразилъ всѣхъ!

Мухоморовъ. Толкуйте!

(*) *Шуровать* — колоть дрова, топить печи, носить воду — вообще исправлять всѣ черныя работы при заводѣ.

Мартышка №2. Нашлись бы люди, повалили и высѣкли!

Галкинъ. Какъ бы они смѣли?

Мартышка № 1. Иванъ Сергѣевичъ приказали бы!

Мухоморовъ. А ужь люди его не посмѣютъ ослушаться! Да и самъ Надеждинъ понимаетъ, что получилъ достойное вознагражденіе: потомъ онъ смирился, продалъ свое имѣніе Ивану Сергѣичу и они опять сошлись, — ничего!

Мартышка № 1. А съ чѣмъ это вчера поздравлялъ Иванъ Сергѣича Козелковъ?

Мухоморовъ. Съ какимъ-то траверсе, что ли.

Мартышка № 2. А что это значитъ?

Мухоморовъ. А чортъ его знаетъ! Должно быть орденъ. Да вотъ намъ Дмитрій Ивановичъ скажетъ. Дмитрій Павловичъ, Дмитрій Павловичъ!

Козинъ. Я—съ! Къ вашимъ услугамъ.

Мухоморовъ. Что значитъ траверсе, что ли, съ чѣмъ вчера Козелковъ поздравлялъ Журавлева? Вы слышали?

Козинъ. Знаки траво-форсе.

Мухоморовъ. Да, да!

Козинъ. Траво-форсе — по русски каторжная работа, а знаки—каторжное клеймо! Это презабавно! Козелковъ увѣрялъ, что Иванъ Сергѣичъ вполнѣ заслужилъ эти знаки.

Мухоморовъ. Что жь это такое! Вѣдь это дерзость?

Мартышка № 1. Какъ же это онъ?

Мартышка № 2. Да что онъ съума сошелъ, что ли?

Галкинъ. Каковъ Николай Иванычъ!

Машковскій и Жученко.

Жученко. Такъ-то, братъ!

Машковскій. Такъ-то!

Жученко. Что, будешь со мной теперь спорить? а? Ужь я уставъ знаю, какъ свои пять пальцевъ! Иногда пойду на охоту, да дорогой отъ-нечего-дѣлать все пріемы ружьемъ дѣлаю.

Машковскій. Я не знаю какъ я позабылъ!

Жученко. Ужь я знаю, что на шурупѣ!

(Ласточкинъ, Дурноумовъ и Покровскій подходятъ къ нимъ. Козелковъ и Перечуеный, нѣсколько въ сторонѣ прислушиваются).

Дурноумовъ. Вы слышали, господа?

Ласточкинъ. Что?

Дурноумовъ. Журавлевъ получилъ изъ Петербурга достовѣрное извѣстіе, что крѣпостныхъ освобождаютъ съ надѣломъ землею!

Ласточкинъ. Можетъ ли быть?

Дурноумовъ. Навѣрное!

Покровскій. Вѣдь это гибель! — мать!

Ласточкинъ. Кто жь будетъ работать?

Покровскій. Какъ же у насъ землю отберутъ? За какую это благодать?

Дурноумовъ. Вѣрно за все заплатятъ!

Жученко. Какъ вы сказали? — Этихъ канальй на волю выпускаютъ?

Дурноумовъ. Да.

Жученко. Какъ же это можно? Вѣдь они разбойничать пойдутъ!

Мѣшковскій. Всѣ какъ есть пойдутъ!

Жученко. Всѣ разойдутся!

Мѣшковскій. Да они и теперь почти разошлись!

Жученко. Чортъ ихъ знаетъ, гдѣ сидитъ! А тогда ужь ни одного не останется!

Мѣшковскій. Да ни одного же, какъ есть!

Покровскій. Это правда! Никто работать не станетъ!

Жученко. Всѣ въ разбойники пойдутъ!

Мѣшковскій. Непремѣнно пойдутъ. Во-какъ!

Жученко. Да. Стало быть помѣщикъ ихъ ужь и знать не будетъ!

Дурноумовъ. Должно быть! Сказано, будутъ свободны!

Покровскій. Работать не станутъ! Вѣдь русскій мужикъ, какъ понимаетъ волю? — Если онъ вольный, такъ, значитъ, можетъ не работать или лежать на печи, или сидѣть въ кабакѣ, пьянствовать, дебоширничать, бунтовать!

Жученко. Ну, такъ же и есть!

Покровскій. Вы посмотрите теперь, кто первый пьяница? — вольноотпущенный! Кто первый воръ? — вольноотпущенный! Дерзки, грубы, пьяны, воры, бунтовщики, сущіе разбойники — все вольноотпущенные!

Жученко. Я же говорю, разбойниками сдѣлаются!

Мѣшковскій. Да они и теперь разбойники!

Жученко. Такъ-то, братъ! Что жь ты тутъ будешь дѣлать?

Мѣшковскій. А ты что будешь дѣлать?

Жученко. Да я ужъ и не придумаю!

Покровскій. Все это хорошо, только зачѣмъ и за что имъ даютъ землю?

Ласточкинъ. Шутка ли это? Всѣмъ надобно дать землю!

Жученко. А что, и бѣглымъ будутъ давать землю?

Покровскій. За что же имъ? Не думаю!

Жученко. То-то и есть.

Покровскій. Тогда вамъ будетъ хорошо! У васъ почти всѣ въ бѣгахъ и земли отдавать придется не много.

Дурноумовъ. Да! Но только я думаю, что и бѣглыхъ надѣлятъ землею!

Покровскій. За что же? Послѣ этого и мертвымъ будутъ давать землю!

Дурноумовъ. И мертвымъ, которые числятся по ревизіи.

Ласточкинъ. Значитъ, такъ же какъ подушные?

Дурноумовъ. Да.

Жученко. Вѣдь они же не работали, а разбойничали,—за что же имъ земля!

Мѣшковскій. Вмѣсто того, чтобы работать, они по лѣсу съ кистенями ходятъ!

Жученко. Да такъ же и есть!

Мѣшковскій. А землю станутъ давать,—небось, всѣ придутъ!

Жученко. Да придутъ же непремѣнно!

Мѣшковскій. Это чортъ-знаетъ что! Я до сихъ поръ опомниться не могу!

Жученко. Да вѣдь и я тоже!

Мѣшковскій. Меня злость беретъ, какъ подумаешь, что этихъ бестій, каналій вольными дѣлаютъ! Да ихъ въ кандалы заковать! на каторгу сослать нужно, а не на волю выпустить!

Жученко. А вотъ я какъ пріѣду домой, такъ доберусь до нихъ! Я имъ покажу, какъ на волю выходить.

Мѣшковскій. Вѣдь это все равно, что роту безъ ротнаго командира оставить!

Жученко. Все равно же и есть!

Покровскій. Теперь надобно ухо востро держать, не запускать недоимокъ! Нечего думать, чтобъ поддерживать дворы. Чортъ съ ними! Вѣдь теперь не наши!

Дурноумовъ. Разумѣется! Чтобъ намъ своего-то не упустить, а объ нихъ ужь нечего заботиться!

Покровскій. Я заведу теперь тамъ: обложу всѣхъ оброкомъ, бабъ пряжею, полотномъ, ягодами, грибами и всякою всячиною. И ужь тамъ, хоть лопни, а чтобъ было все представлено. Мирволить не стану! Не представилъ во время, недѣли сроку, а потомъ, если не исправилъ всего, что слѣдуетъ, — лошадь, рогатый скотъ на барскій дворъ. Тамъ какъ хочешь!

Дурноумовъ. Разумѣется! Церемониться нечего! Надобно теперь стараться извлекать всѣ доходы, какіе только возможно! Вѣдь уйдутъ, спасибо не скажутъ, все равно, и все унесутъ съ собою!

Ласточкинъ. Да, теперь что захватилъ, то и ладно!

Жученко. Да вѣдь они по большимъ дорогамъ грабить пойдутъ!

Мешковскій. Разбойничать!

Господинъ съ бородавкой, Шиповаловъ, Пестриковъ, Медидовъ, потомъ Переученый.

Господинъ съ бородавкой. Каково времячко?!

Пестриковъ. Ужь и не говорите!

Господинъ съ бородавкой. Просто хоть ложись, да умирай!

Пестриковъ. Живи, какъ и чѣмъ хочешь!

Господинъ съ бородавкой. А это все ученые, умники!

Медидовъ. А мнѣ такъ кажется, что теперь лучше будетъ!

Господинъ съ бородавкой. Что жь тутъ лучшаго? Что они работать не станутъ?

Медидовъ. Отчего же не станутъ?

Господинъ съ бородавкой. Кто же ихъ заставитъ?

Пестриковъ. Чортъ имъ далъ тогда работать!

Господинъ съ бородавкой. Вѣдь это отпѣтый народъ!

Медидовъ. Право, лучше будетъ!

Господинъ съ бородавкой (съ досадой). Да полно вамъ, право! Вѣдь вы говорите только такъ, чтобъ поспорить! А теперь, право, не до того.

Пестриковъ. А вѣдь, знаете, и мужикамъ хуже будетъ!

Господинъ съ бородавкой. Разумѣется, хуже!

Шиповаловъ. Отчего вы такъ думаете?

Господинъ съ бородавкой. Во-первыхъ, они обни-

щаются, потому что примутся пьянствовать, перестанутъ трудиться, не станутъ работать!

Шиповаловъ. Ну, этого я не думаю! Будутъ изъ нихъ такіе, конечно, что запьются, загуляютъ, — ну, да эти и теперь не работники! А остальные для себя, охъ, какъ готовы трудиться!

Ласточкинъ. Да для себя они работаютъ хорошо!

Господинъ съ бородавкой. Положимъ, не всѣ! Но согласитесь, что число пьяницъ и лѣнивцевъ удвоится!

Шиноваловъ. Пожалуй!

Господинъ съ бородавкой. А ихъ теперь на половину, значитъ и выйдутъ всѣ! Во-вторыхъ, теперь онъ зналъ только помѣщика, дѣлалъ свое дѣло и только; а тогда его будутъ обирать всѣ: и сотскіе, и десятскіе, и добросовѣстные, и безсовѣстные, и всѣ!

Пестриковъ. Совершенно справедливо!

Первученый подходитъ, Козелковъ нѣсколько въ сторонѣ.

Господинъ съ бородавкой. Въ-третьихъ, самое главное, теперь онъ во всемъ къ помѣщику обращается, что ему нужно. Неурожай, хлѣба нѣтъ, кто ему поможетъ? — помѣщикъ! Лошадь пала, кто поможетъ? — помѣщикъ! Не собрался подушныхъ заплатить, не справился — помѣщикъ внесетъ! Въ чемъ только ни нуждается — во всемъ помѣщикъ поможетъ!

Шиповаловъ. Это такъ!

Господинъ съ бородавкой. А теперь, когда они будутъ вольные, кто имъ поможетъ въ нуждѣ, когда хлѣба нѣтъ?

Первученый. Теперь они за то и не будутъ такъ нуждаться.

Медиковъ. Отчего?

Первученый. Оттого, что будутъ больше имѣть средствъ къ жизни. Будутъ заработывать! Дѣйствительно — добродѣтель, благодѣяніе съ вашей стороны купить лошадь мужику, чтобъ онъ на ней вамъ же пахалъ, или дать взаймы, до новой жатвы, хлѣба, когда онъ всю жизнь на васъ работаетъ! Великій подвигъ! Есть чѣмъ хвалиться! Какъ вы ни превозносите своего великодушія, вѣдь вы тоже кормите лошадей, на которыхъ ѣздите и коровъ, которыхъ доите.

Господинъ съ бородавкой. Такъ можно все растолковать! Да, по мнѣ, что въ нихъ! Пусть ихъ возьмутъ, лишь бы ихъ обязали работать, — мнѣ же будетъ лучше! Мнѣ тогда дѣла не

будетъ, что у него ѣсть нечего, или лошади нѣтъ! Я ужъ помогать не стану! Слава Богу, — хлопотъ меньше! Но за что я имъ земли дамъ, вотъ что!

Переученый. А какъ же ихъ безъ земли выпустить нищими! Чѣмъ же они будутъ жить?

Господинъ съ бородавкой. Могутъ наниматься у помѣщиковъ, нанимать землю!

Переученый. Да тогда имъ придется умирать съ голоду, или работать за грошъ въ годъ!

Господинъ съ бородавкой. А съ землей онъ работать не пойдетъ вовсе! Скажетъ: у меня есть чѣмъ жить! зачѣмъ еще буду работать? — Опахалъ свою землю, и довольно!

Переученый. Не безпокойтесь! Если онъ теперь работалъ даромъ, такъ за плату работать не откажется!

Господинъ съ бородавкой. Какъ же! Вѣдь это лѣнтяи, имъ какъ бы на печи лежать, да ничего не дѣлать!

Переученый. Работать тогда возможно, когда трудъ вознаграждается! А то за какую же благодать работать, работать всю жизнь и безъ ничего! Поневолѣ будешь лѣнивъ!

Господинъ съ бородавкой. Развѣ они теперь даромъ работаютъ? Мы же ихъ кормимъ! даемъ имъ землю!

Шиповаловъ. Что вы говорите! Я, напримѣръ, купилъ имѣніе. Вѣдь я платилъ деньги за всю землю? Вѣдь я платилъ и за нихъ деньги, чтобъ они работали мнѣ! Значитъ, они обязаны мнѣ работать, и вся земля моя, потому что за все это я заплатилъ чистыя деньги.

Переученый. Кто же вамъ далъ право продавать и покупать себѣ подобныхъ людей и чужой трудъ?

Шиповаловъ. Всѣ же покупали, значитъ имѣли право!

Господинъ съ бородавкой. Это ужъ, батюшка, не нами завелось!

Переученый. Мало ли что не мы выдумали! Воровать не мы изобрѣли; чтожъ изъ этого? — развѣ слѣдуетъ, что воровать хорошо и позволительно? Вѣдь другіе же воруютъ!

Господинъ съ бородавкой. То совсѣмъ другое дѣло.

Шиповаловъ. Пожалуй, пусть возьмутъ крестьяне и землю; только пусть же заплатятъ за нихъ, что слѣдуетъ, за сколько я могу ихъ продать.

Переученый. Значитъ, каждаго спрашивать, сколько онъ хочетъ?

Шиповаловъ. А разумѣется! Кто же можетъ распоряжаться чужою собственностью?

Первучный. Не послушайте!

Господинъ съ бородавкой. Вы ужъ, пожалуйста, не говорите! Вся ваша философія и политика въ этомъ случаѣ ни къ чорту не годится!

Шиповаловъ. Нечего слушать!

Медвѣдовъ. Мы и слушать не хотимъ! Вѣдь дичь понесете!

Господинъ съ сапомъ (подходитъ). Каково? Освобождаютъ крестьянъ! Отнимаютъ работниковъ, да еще дай имъ земли! Вѣдь это нарушеніе правъ собственности! Нарушеніе нашихъ правъ, правъ дворянства! Къ чему же служатъ права, данныя дворянству грамотой императрицы Екатерины II, двадцать перваго апрѣля тысяча семьсотъ восемьдесятъ пятаго года, и подтвержденіе ихъ двадцать шестаго апрѣля восемьсотъ шестнадцатаго года? Все пошло на вѣтеръ!

Господинъ съ бородавкой. За что у насъ землю-то берутъ? Люди ужь куда ни шли!

Господинъ съ сапомъ. А крестьянъ за что берутъ? Ими владѣли мы, отцы наши, дѣды и прадѣды!

Первучный. Да, цѣлыя поколѣнія работали вамъ и все-таки не заработали свободы и правъ человѣка! И теперь, когда имъ возвращаютъ человѣческое достоинство, вы недовольны, вамъ кажется это нарушеніемъ вашихъ правъ. Вамъ надобно было бы стыдиться этихъ правъ, давно отъ нихъ самимъ бы отказаться! Вѣдь это вамъ позорное клеймо! Вы говорите: земля ваша; что дать ее крестьянину нельзя, несправедливо! Неужели же они ничего не заслужили? — даже клочка земли! Неужели, работая всю жизнь и сотни лѣтъ, они ничего не выработали и ничего не заслужили? Вы имъ не можете въ свободѣ отказать! Ихъ рабство вѣдь противно и божескимъ, и человѣческимъ законамъ! противно разуму! И вы хотѣли бъ, за всю ихъ службу, отпустить безъ ничего! Обобрать у нихъ все и выпустить, или, точнѣе сказать, выгнать на всѣ четыре стороны безъ всякихъ средствъ къ существованію! Заставить умирать отъ голода, безъ крова, безъ пристанища! Ну, есть ли у васъ сердце? Ну, есть ли хотя капля человѣческаго чувства? Вспомните, отцы ваши, дѣды, прадѣды, вы сами жили на ихъ счетъ, трудами ихъ! И за все это еще послѣдняя награда: выгнать ихъ безъ всякихъ средствъ, пустить по-міру! Вы сами чувствуете несправедливость вашу, но у васъ другой разсчетъ: тогда его за

грошъ [illegible]! — купить его [illegible], да только подешевле! Свобода безъ земли не будетъ свободою для нихъ, крѣпостныхъ, тяжеле, хуже, нежели теперь, безъ всякаго сравненія! Тогда они ужъ нигдѣ защиты не найдетъ! За право чуть-чуть не умирать съ голоду, за короткую корку хлѣба вы въ руки [illegible] себѣ забрали бы! И страхомъ голодной смерти заставили бы сносить все, всему покориться, что вздумалось бы вамъ только сдѣлать!

Шиповаловъ. Это почему? Въ ихъ волѣ всегда согласиться на мои условія, или нѣтъ?

Ласточкинъ. Разумѣется!

Переученый. Что дѣлать несчастному мужику безъ всякихъ средствъ къ существованію? А тутъ еще на шеѣ семейство, дѣти, — ну поневолѣ пойдетъ въ рабство и всѣмъ вашимъ условіямъ долженъ будетъ подчиниться. А вы уже поставите условія! Нѣтъ, безъ земли свобода невозможна! Безъ земли онъ все не человѣкъ. Безъ земли придать ему нельзя человѣческаго достоинства, значенія и права. Съ землей другое дѣло, онъ можетъ разсматривать условія, принять ихъ или отвергнуть, онъ можетъ дѣйствовать, мыслить, желать — онъ можетъ жить. Съ землей онъ человѣкъ!

Господинъ съ сапомъ. Ну, положимъ такъ. Дайте имъ земли, только надобно же за нее заплатить помѣщику, надобно, чтобы они заплатили за то, что они пользовались ею!

Господинъ съ сапомъ. Мы все-таки должны отстаивать свои права, свои интересы!... Что жь, въ самомъ дѣлѣ, имъ отдать все, а самому идти по-міру! Слишкомъ ужь будетъ великодушно!

Пестриковъ. Пусть жертвуетъ и теряетъ, кому охота! А я отказываюсь!

Господинъ съ сапомъ. Разумѣется, мы должны требовать своего, — заботиться о своихъ интересахъ!

Господинъ съ бородавкой. У насъ тоже дѣти, семейства! Какъ говоритъ, Иванъ Сергѣичъ, мы тоже должны подумать и о будущихъ поколѣніяхъ!

Господинъ съ садомъ. Что я буду имъ благодѣтельствовать? Что я за благодѣтель такой выискался! — Давай имъ земли, да права человѣчества! — Очень нужно!... Большая мнѣ надобность!... Мнѣ что до другихъ, — я сперва долженъ подумать о себѣ!

Постниковъ. Что тутъ за жалость, за сострадание, когда самимъ приходится идти по-міру!

Молодой человѣкъ въ очкахъ (подходитъ къ нимъ). Мое почтеніе!... Вы никакъ все объ освобожденіи толкуете?

Господинъ съ бородавкой. Извѣстно, что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да это-то вздоръ! такой вздоръ, что имъ не стоитъ и тревожиться.

Господинъ съ бородавкой. Помилуйте, какъ не стоитъ тревожиться?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да такъ!... Знаете ли, что это такое за освобожденіе?

Господинъ съ бородавкой. Что?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Мыльный пузырь!...

Господинъ съ сапомъ. Хорошъ мыльный пузырь, — въ немъ лопнетъ все наше.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да полноте! Если бы дѣйствительно хотѣли ихъ сдѣлать вольными и дать земли, ну и объявили бы указомъ, что, дескать, крестьяне всѣ свободны и имъ дается столько и столько-то земли, — вотъ и конецъ! А то пока объявятъ, пока соберутся комитеты для разсужденій, — въ комитетахъ же будутъ дворяне, ну, разумѣется, выкажутъ свое неудовольствіе, такъ дѣло и кончится, или, если будетъ свобода, такъ развѣ при внукахъ нашихъ.

Шиповаловъ. А до тѣхъ поръ сто разъ забудется!

(Журавлевъ входитъ, его окружаютъ помѣщики съ низкими поклонами).

Журавлевъ. Господа! Вамъ, вѣроятно, уже всѣмъ извѣстно извѣстіе, которое я вчера получилъ изъ Петербурга. Еще разъ повторяю, нельзя не сочувствовать этой реформѣ, вполнѣ человѣческой, гуманной! — реформѣ въ духѣ нынѣшняго времени, въ духѣ цивилизаціи и прогресса! Наконецъ, это воля Августѣйшаго Монарха, всегда священная для каждаго русскаго, въ особенности же для русскаго дворянства! И такъ, вполнѣ признавая благотворность, необходимость и гуманность предстоящей реформы, сочувствуя ей, мы, чрезъ то самое, должны стараться дать ей полезное и выгодное развитіе, то есть извлечь возможную пользу и отвратить всякій вредъ. Мы должны стараться всячески избѣжать потерь! — Дать волю крестьянамъ и не потерять самимъ средствъ къ существованію! Я, съ своей стороны, готовъ всѣми

средствами содѣйствовать вамъ въ этомъ. Надѣюсь, что мы уладимъ это дѣло!... Еще, господа, теперь банки уменьшили проценты; вы знаете, какъ я готовъ всегда всѣми силами служить вамъ, вносите ваши капиталы ко мнѣ въ контору, на пять процентовъ. Вы знаете, что капиталы у меня всегда найдутъ оборотъ! Что касается до вѣрности, то вамъ извѣстно, что мои квитанціи ходятъ какъ деньги и капиталы по нимъ выдаются немедленно по предъявленіи.

Перѣучный (Кому). Ловкій оборотъ! Славный заемъ!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ:

— Покорно васъ благодаримъ!

— Непремѣнно будемъ адресоваться къ вамъ!

Розоновъ и уполномоченные отъ дворянъ, имѣющихъ менѣе 100 душъ (*). — Всѣ эти господа выбраны подъ вліяніемъ Розонова и Журавлева, изъ мелкотравчатыхъ дворянъ, притомъ изъ самыхъ ничтожныхъ, слабыхъ, необразованныхъ, невоздержныхъ въ наслажденіяхъ, преимущественно по части питія и пищи, съ шаткими нравственными правилами и съ твердыми убѣжденіями въ превосходствѣ и правотѣ того, кто ихъ кормитъ и поитъ. Лица большею частію опухлыя, носы сине-багровые, одежда грязная и въ безпорядкѣ, подбородки не бритые. Всѣ эти господа пріѣхали въ губернскій городъ и живутъ въ немъ на счетъ Журавлева, а частію и на счетъ Розонова, которыхъ считаютъ благодѣтелями и милостивцами. Понятно, что шары, которые они имѣютъ, находятся въ совершенномъ распоряженіи Журавлева и Розонова. Такимъ образомъ и случается часто, что на дворянскихъ выборахъ выбираютъ не дво-

---

(*) Дворяне, которые не имѣютъ ста душъ крестьянъ, или трехъ тысячъ десятинъ земли, но за коими состоитъ въ одной губерніи не менѣе пяти душъ, поселенныхъ крестьянъ, или же ста пятидесяти десятинъ удобной, хотя незаселенной, земли, избираютъ въ должности посредствомъ уполномоченныхъ, назначенныхъ ими изъ среды себя.

Число таковыхъ уполномоченныхъ опредѣляется числомъ, состоящихъ за всѣми совмѣстными дворянами, крестьянъ или десятинъ земли удобной, хотя незаселенной; то есть на каждыя сто душъ и на каждыя три тысячи десятинъ земли полагается одному по уполномоченному.

Если, за назначеніемъ по одному уполномоченному на каждыя сто душъ или на каждыя три тысячи десятинъ земли, окажется изъ всей сложности остатокъ, не менѣе пятидесяти душъ или тысячи пяти сотъ десятинъ земли, то на сей остатокъ полагается еще одинъ уполномоченный.

Уполномоченные имѣютъ на выборахъ голосъ, во всемъ равный съ дворянами, избирающими въ должности непосредственно.

(Сводъ Законовъ издания, томъ III, раздѣлъ I, глава II).

ране, а Журавлевы, потому что всегда лягаютъ передъ въ шарахъ. Незначительное число уполномоченныхъ находится на иждивеніи и другихъ дворянъ.

Розоновъ (тихо). Ну, что, господа, кушали?

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Завтракали! покорно васъ благодаримъ!

— Какъ же-съ, попировали, дай Богъ вамъ здоровья.

— Покорнѣйше васъ благодаримъ!

— Всякаго благополучія и много лѣтъ здравствовать вамъ и Ивану Сергѣевичу. Очень довольны, очень довольны.

(При ихъ отвѣтахъ распространяется сильный запахъ спирта. Многіе изъ нихъ слегка пошатываются).

Розоновъ. Довольно ли вамъ давали водочки и вина?

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Пили!

— Пили, покорнѣйше васъ благодаримъ!

— Премного довольны!

— Дай Богъ вамъ здоровья!

Розоновъ. Ну, смотрите же, дѣлать свое дѣло какъ слѣдуетъ, и вамъ будетъ тогда хорошо... Да скажите и другимъ вашимъ братіямъ, чтобы ухо держали востро! Я буду непремѣнно исправникомъ, и кто мнѣ положитъ налѣво, пусть ужь не безпокоится!—только ему и жить на свѣтѣ. Слышите?

Уполномоченные. Слушаемъ-съ!

Розоновъ. Кто будетъ за меня, за того и я готовъ, всегда помощь готовъ оказать, подождать недоимку,—словомъ все. Хоть что я не буду говорить дворянамъ, отказываться отъ должности, отъ службы,—вы ничего не должны слышать, а дѣлайте свое дѣло: всѣмъ налѣво, а мнѣ направо. Понимаете?

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Понимаемъ, Григорій Семеновичъ!

— Все будетъ сдѣлано, какъ прикажете.

Розоновъ. Ну, смотрите!... За то послѣ выборовъ собирайтесь всѣ,—ну, хоть въ Берлинъ!

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Позвольте лучше въ Лиссабонъ.

— Въ Лиссабонѣ лучше.

— И водка лучше, и машина, и билльярдовъ два, а не одинъ!

Розоновъ. Ну, все равно, въ Лиссабонъ! Гдѣ этотъ Лиссабонъ?

Одинъ изъ уполномоченныхъ. А въ переулочкѣ-то, какъ идти отъ вашей квартиры на Большую улицу.

Розоновъ. А знаю! Ну, такъ я угощаю васъ послѣ выборовъ въ Лиссабонѣ, можете кушать и ѣсть, сколько вамъ угодно.

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ.

— Покорнѣйше благодаримъ!

— Премного довольны!

— Постараемся заслужить!

— Мы за васъ въ огонь и въ воду!

— Вы только моргните, а ужь мы смекнемъ и потрафимъ.

Козинъ (Перучевому). Вотъ избиратели Розонова! (указываетъ на уполномоченныхъ). Вотъ армія-то, достойная своего предводителя! Это баши-бузуки!

Перучевый. Закупленное, запуганное этими мерзавцами и задавленное нуждой дворянство! И грустно, и гадко смотрѣть на нихъ! Готовы исполнить всякое приказаніе, готовы избрать кого велятъ, и послѣ сами жь будутъ горько плакать! Я имъ прощаю! Они не понимаютъ сами, что творятъ. Но остальные! Вотъ имъ-то непростительно! Зачѣмъ дозволяютъ избирать такихъ уполномоченныхъ? Вѣдь они настолько развиты, настолько образованы, что могутъ понимать! И тутъ душой кривятъ, пристрастны, готовы подличать передъ богатымъ, знатнымъ, ему во всемъ угождать и покоряться. Нѣтъ, русское дворянство еще не сознаетъ себя, потребностей и нуждъ своихъ, въ немъ направленья нѣтъ, стремленья къ лучшему! Посмотримъ, что-то скажетъ намъ молодое поколѣніе!

Выксинъ входитъ и раскланивается, за нимъ губернскій прокуроръ и секретарь дворянства.

Выксинъ. Га.... га.... га....ссспада.... начнем....мы.... мы....мте!

(Переходитъ въ другой уѣздъ).

Журавлевъ (Медидову). Владиміръ Ростиславичъ, вамъ теперь надобно предложить дворянамъ, пока вы у насъ за предводителя!

Медидовъ. Господа! начнемте!

Розоновъ. Господа, позвольте нѣсколько словъ!

Журавлевъ. Сдѣлайте одолженіе, мы слушаемъ!

(Дворяне садятся за уѣздный столъ. Стулъ, назначенный для предводителя, за неимѣніемъ его, остается незанятымъ).

Розоновъ. Господа! Нѣкоторые изъ васъ удостоили меня чести предложить балотироваться мнѣ въ исправники: благодарю

отъ души за такое довѣріе, за такую честь васъ, Иванъ Сергѣичъ, и всѣхъ удостоившихъ меня! Но, господа, я служилъ уже довольно, не щадя трудовъ, не щадя здоровья и усилій! Время мнѣ и отдохнуть, я усталъ, здоровье мое разстроилось; въ неусыпныхъ попеченіяхъ о дѣлахъ общественныхъ, я забывалъ свои дѣла, и они пришли въ запущеніе! Время мнѣ подумать о себѣ. Къ тому же нѣкоторые не желаютъ меня видѣть на этомъ мѣстѣ, а потому, не желая быть причиною разномыслія, особенно теперь, когда намъ необходимо полное единодушіе, я, принося искреннюю благодарность за довѣріе удостоившихъ меня вниманія, прошу вмѣстѣ съ тѣмъ уволить меня отъ этой должности!

ГОЛОСА:

— Это что значитъ?

— Что это за самопожертвованіе!

— Это благородно!

— Ай, да Григорій Семенычъ! Не ожидалъ я!

— Прекрасно!

— Набилъ карманъ, да на покой!

— Это разсчетъ! Онъ понялъ, что его не выберутъ, и удаляется самъ.

— Черняковъ струсилъ.

Розоновъ. Господа! За то одна просьба! Вы знаете, какъ ко мнѣ былъ несправедливъ господинъ начальникъ губерніи, а потому онъ можетъ подумать, что онъ былъ правъ, что меня никто не желалъ видѣть на этомъ мѣстѣ, что я потерялъ совершенно ваше довѣріе и расположеніе. Чтобы доказать ему противное, я прошу у васъ одного снисхожденія, одной, можно сказать, милости: выберите въ исправники достойнѣйшаго и способнѣйшаго меня, хотя, напримѣръ, господина Никонова. Андрей Филипповичъ! примите увѣреніе въ моемъ уваженіи, я первый желаю васъ на этомъ мѣстѣ, я не хочу соперничать съ вами и препятствовать вамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ всѣхъ, господа, позволить мнѣ балотироваться въ кандидаты въ исправники, и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этомъ и поможете доказать губернатору, что онъ неправъ, что я самъ удаляюсь. Я служить не буду, не хочу! Но хочу доказать, что я не вооружилъ противъ себя всѣхъ до такой степени, чтобы вы меня забросали черными шарами! Надѣюсь, что человѣка, который служить не хочетъ и не можетъ, марать нечего! Если кто на меня сердитъ, если

я кого обидѣлъ, прошу великодушнаго прощенія! Могу ли я надѣяться, что вы изберете меня въ кандидаты?

ГОЛОСА:

— Съ удовольствіемъ!

— Отчего же?

— Извольте!

— Отчего ему не положить направо!

— Пусть будетъ кандидатомъ, Богъ съ нимъ!

— Я не понимаю, что онъ дѣлаетъ!

— Что это значитъ?

— Что это за штука?

— Неужели мы отъ него избавимся!

— Не можетъ быть, чтобъ онъ не былъ исправникомъ!

— Гдѣ намъ отъ него спастись!

— Наконецъ-то мы отдохнемъ!

— Хорошо, что самъ отказывается, а то бы кто смѣлъ идти противъ него и противъ Ивана Сергѣича!

— Я готовъ ему положить направо два раза, лишь бы избавиться отъ него!

Никоновъ (подавая руку Розонову). Повѣрьте, Григорій Семеновичъ, что я вполнѣ цѣню ваше великодушіе и не знаю, какъ благодарить васъ! Разумѣется, и говорить нечего, что я и всѣ мои добрые пріятели положатъ вамъ направо.

Розоновъ. Благодарю васъ. А вамъ благодарить меня не за что, я вамъ не соперникъ! Пора мнѣ ужь и на отдыхъ, усталъ! А служить теперь, въ такія хлопотливыя времена, еще пожалуй выйдетъ опять какая нибудь гадость! Мнѣ ужь, признаться сказать, надоѣло возиться!

Медидовъ. Начнемте, господа; въ другихъ уѣздахъ вездѣ начались уже выборы.

Журавлевъ. Начнемте. Вы вѣдь за предводителя у насъ, Владиміръ Ростиславичъ!

Медидовъ. Господа, начнемте повѣрку ящика и шаровъ. Ящикъ, какъ вы изволите видѣть, настоящій, число дворянъ, имѣющихъ голоса или, лучше сказать, число голосовъ нашего уѣзда, сорокъ два, какъ видно изъ списковъ; теперь повѣримте шары.

(Беретъ вазу съ шарами и считаетъ ихъ).

Медидовъ. Шаровъ тоже сорокъ два, совершенно вѣрно!

Теперь, господа, мы должны приступить къ выбору предводителя.

ГОЛОСА:

Назарьевъ. Господа!...

— Берите шары!

— Поднесемте на рукахъ!

— Это запрещено закономъ!

— Ничего! Берите! Пойдемте!

— Владиміръ Ростиславичъ, говорите!

Дворяне разбираютъ шары и подносятъ ихъ на рукахъ Журавлеву.

Журавлевъ. Что это, господа?

Медидовъ. Иванъ Сергѣевичъ, дворянство, уважая васъ, цѣня ваши заслуги, вашъ умъ, ваши достоинства ... и.... и....

Роговъ (позади его). Что? Зарапортовался, старый хрычъ! старая собака!

Медидовъ. И признавая васъ человѣкомъ вполнѣ....

Роговъ. Все врешь, старый песъ! Изъ ума выжилъ!

Медидовъ. Перестаньте, Роговъ!

Роговъ. Что жь вы чепуху несете?

Медидовъ. Вамъ что за дѣло! (Журавлеву) Иванъ Сергѣевичъ, всѣ дворяне единодушно подносятъ вамъ шары безъ баллотировки и умоляютъ васъ удостоить ихъ честью быть ихъ предводителемъ!

Роговъ. Ахъ ты старая кляча! Вѣдь вишь чего нагородилъ!

ГОЛОСА:

— Иванъ Сергѣевичъ! Сдѣлайте одолженіе!

— Мы всѣ васъ просимъ!

— Удостойте!

— Осчастливьте!

— Не отвергните!

Сомовъ, Кофинъ, Перчучный и Никоновъ остаются на своихъ мѣстахъ.

Журавлевъ. Благодарю васъ, господа, за честь! Весьма благодаренъ, но, извините, предводителемъ быть не могу!

ГОЛОСА:

— Отчего же?

— Иванъ Сергѣевичъ! Сдѣлайте одолженье!

— За что же вы лишаете вашихъ милостей!

— Удостойте насъ чести!

— Отчего же вы не хотите?

— Чѣмъ мы прогнѣвали васъ!

Журавлевъ. Во первыхъ, я служить по выборамъ не желаю; во-вторыхъ, мнѣ некогда, вы знаете, сколько у меня заботъ, а въ третьихъ, господа, не скрою, что я.... что меня просили и другіе уѣзды и я буду балотироваться въ губернскіе предводители!

ГОЛОСА:

— Ура!

— Превосходно!

— Очень рады!

— А все жаль, что вы не будете нашимъ предводителемъ!

— Не смѣемъ утруждать васъ!

Нервичный. Какая трогательная сцена!

Козинъ. Журавлевъ совершенно счастливъ!

Назарьевъ (перемигнувшись съ нѣкоторыми). Господа, обратимся къ другимъ. (Сомову) Семенъ Ивановичъ! Позвольте васъ просить быть нашимъ предводителемъ!

ГОЛОСА:

— Да, Семенъ Ивановичъ! Сдѣлайте одолженіе!

— Мы будемъ очень рады!

— Позвольте васъ просить!

— Что жь это? Вѣдь не его хотѣли!

— А Николай Ивановичъ Козелковъ?

— Молчите! До него дойдетъ очередь!

Сомовъ. Благодарю васъ, господа; хоть я не заслужилъ этой чести, но если вы удостоите меня вашимъ выборомъ, я всѣми силами постараюсь оправдать ваше довѣріе. Благодарю васъ!

Господинъ съ бородавкой. Странно, какъ такіе господа, какъ Назарьевъ, ничего незначущіе,—ни чина у него, ни состоянія, ни ума,—туда же осмѣливаются говорить и дѣлать предложенія помимо старшихъ и достойныхъ уваженія лицъ!

Медидовъ. Господа! въ предводители дворянства балотируется Семенъ Ивановичъ Сомовъ. Потрудитесь брать шары!

Дворяне берутъ шары; первымъ кладетъ Журавлевъ, за нимъ остальные.

Назарьевъ и нѣкоторые другіе изъ партіи Журавлева (ходятъ и говорятъ тихонько дворянамъ).. Господа! Иванъ Сергѣевичъ не желаетъ видѣть Сомова предводителемъ! Прокатите его на вороныхъ!—Это избраніе противъ Ивана Сергѣевича.—Ивану Сергѣевичу это непріятно!

Медидовъ. Иванъ Сергѣевичъ! Потрудитесь вы сосчитать шары.

Журавлевъ. Считайте сами.

Медидовъ (считаетъ). Бѣлыхъ—девять, черныхъ.... черныхъ тридцать.

Журавлевъ. Что же это? Число шаровъ невѣрно!

Медидовъ. Семенъ Ивановичъ располагаетъ тремя шарами!

ГОЛОСА:

— Ха, ха, ха!

— Вотъ прокатили-то на вороныхъ!

— Жарко стало!

— У-у-у! Унеси ты мое горе!

— Отдѣлали!

— Предали запустѣнью!

— А онъ уже было и носъ задралъ!

— Каковъ! Въ предводители мѣтилъ!

Журавлевъ (Козелкову). Теперь позвольте васъ просить!

ГОЛОСА:

— Николай Ивановичъ!

— Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ!

— Это наше всеобщее желаніе!

— Сдѣлайте одолженіе!

Козелковъ. Ги, ги, ги, ги! Какъ вамъ угодно!

(Дворяне кладутъ шары).

Перевученый. Этого вотъ выберутъ!

Козицъ. Непремѣнно! Ужь это рѣшено!

Никоновъ (Сомову). Вамъ бы отказаться! Я вамъ говорилъ, что Козелкова выберутъ!

Сомовъ. Я не ожидалъ такой низости! И кажется не заслужилъ!

Никоновъ. Это изъ угожденія Журавлеву!

Медидовъ (считаетъ шары). Бѣлыхъ двадцать девять — черныхъ—двѣнадцать! Поздравляю васъ, Николай Ивановичъ!

Журавлевъ. Позвольте, еще надобно выбрать двухъ! Господа! я предлагаю его превосходительство Галактіона Парфеновича!

ГОЛОСА:

— Браво!

— Чего же лучше!

— Прекрасно!

— Вотъ это такъ!

Власьевъ. Благодарю васъ, господа! Я старъ, не могу!

ГОЛОСА:

— Сдѣлайте одолженіе!

— Ваше превосходительство, удостойте!

— Позвольте васъ просить!

— Сдѣлайте намъ честь!

Власьевъ. Не могу, не могу! Благодарю васъ! Гдѣ ужь мнѣ! Мнѣ надобенъ покой! Ужь не тревожьте моей старости. Того.... подъ Варной, я былъ крѣпко израненъ, вотъ съ тѣхъ поръ и началъ чувствовать! Особенно къ погодѣ!

Журавлевъ (кричитъ ему на ухо). Такъ позвольте, ваше превосходительство, просить васъ записать первымъ кандидатомъ.

Власьевъ. Благодарю васъ! Это, пожалуй! Знаете, если бы не раны!

Журавлевъ. Какъ вы думаете? Согласны вы, чтобы генералъ Власьевъ былъ первымъ кандидатомъ?

ГОЛОСА:

— Еще бы!

— Согласны!

— Разумѣется!

— Мы во всемъ съ вами согласны!

— Ужь вы не предложите дурнаго!

— Сдѣлайте одолженіе!

— Распоряжайтесь!

Журавлевъ. Я думаю, и балотировать нечего, а поставить ему число баловъ избирательныхъ однимъ менѣе противъ Николая Ивановича. Это, знаете, будетъ скорѣе и проще. А то къ чему понапрасну тянуть время!

ГОЛОСА:

— Разумѣется!

— Самое лучшее!

— Кто ни кандидатъ—все равно!

— Да вѣдь онъ служить не будетъ, такъ что жь тутъ церемониться!

Журавлевъ (Медидову). Владиміръ Ростиславичъ! Вы ставьте генералу Власьеву двадцать восемь бѣлыхъ, и тринадцать черныхъ.

Медидовъ. Очень хорошо! А еще кого, господа? Надобно другаго кандидата.

ГОЛОСА:

— Кого же еще?

— Мы не знаемъ!

— Развѣ Лапина!

— Мулова!

— Лапина!

— Лапина лучше!

— Помилуйте, господа! Куда онъ годится!

Журавлевъ. Балотировать ихъ обоихъ!

Медидовъ. Господа, Мулова!

(Дворяне кладутъ шары).

Медидовъ (считаетъ). Бѣлыхъ двадцать три, черныхъ девятнадцать! Теперь Лапина.

(Дворяне кладутъ шары).

Медидовъ (считаетъ). Бѣлыхъ девять, черныхъ двадцать три!

Журавлевъ. Поздравляю васъ, Николай Ивановичъ!

ГОЛОСА:

— Поздравляемъ васъ, Николай Ивановичъ!

— Почтеннѣйшій, Николай Иванычъ!

— Желаніе наше исполнилось!

Первучиный. По Сенькѣ и шапка! Предводитель вполнѣ ихъ стоитъ!

Козелковъ. Благодарю васъ!... Покорнѣйше прошу всѣхъ ко мнѣ сегодня откушать!

ГОЛОСА:

— Непремѣнно!

— Покорно васъ благодаримъ!

— Съ удовольствіемъ!

— Очень пріятно!

Пестриковъ. Ужь я говорилъ, что мы у Николая Иваныча поѣдимъ на славу!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Поѣдимъ и выпьемъ!

Роговъ. Еще бы! на славу выпьемъ!

Первучиный. Желудки безъ голосы!

Журавлевъ. Николай Иванычъ, садитесь-ка сюда! (Указываетъ на стулъ предводителя).

Козелковъ. Ги, ги, ги!

Козинъ. А что, Николай Иванычъ, вы сосчитаете до сорока-то, а?

Козелковъ. Васъ не попрошу!

Журавлевъ (Медидову). Владиміръ Ростиславичъ! позвольте васъ просить быть вновь нашимъ судьею.

Медидовъ. Помилуйте!.. Благодарю!.. Съ удовольствіемъ!.. Вполнѣ цѣню!

Роговъ. Экая старая водовозная кляча!

Журавлевъ. (Козелкову). Прочтите-ка кандидатовъ!

Козелковъ (читаетъ, запинаясь). Въ судьи: Медидовъ, Жученко, Пестриковъ, Афанасьевъ и Тарасьевъ.

Журавлевъ (Козелкову). Ну, предложите шары дворянамъ и кладите первые.

ГОЛОСА:

— Кто балотируется?

— Кому класть?

Журавлевъ. Владиміръ Ростиславичъ!

(Дворяне кладутъ шары).

Розоновъ (Хорькову, тихо). Смотрите же, помните уговоръ! Никонову налѣво, а мнѣ направо.

Хорьковъ. Вѣдь вы же не хотите служить!

Розоновъ. Тсъ! Вамъ что за дѣло! Вы только должны исполнить уговоръ!

Хорьковъ. Ничего не понимаю!

Розоновъ (Журавлеву). Иванъ Сергѣичъ!

Журавлевъ. Что тебѣ?

Розоновъ. Будьте милостивы! поддержите меня!

Журавлевъ. Вѣдь ты служить не хочешь?

Розоновъ. Какъ не хотѣть! Служить-то я буду! Вы ужъ увидите! Только сдѣлайте вашу милость, подтвердите, чтобы Никонову-то и всѣмъ налѣво, а мнѣ направо!

Журавлевъ. Къ чему же ты отказывался?

Розоновъ. Увидите! А ужь я постараюсь! заслужу! Насчетъ бѣглыхъ, фабрикъ, насчетъ всего! Ужь будете довольны! Сдѣлайте милость! А Никоновъ для васъ не годится.

Журавлевъ. Ну хорошо, хорошо! Позови ко мнѣ кого нибудь!

Розоновъ. Кого прикажете?

Журавлевъ. Все равно! Ну хоть Назарьева, что ли!

Розоновъ. Сейчасъ!

Долотовъ (нѣкоторымъ). Ну я, господа, Медидову вороненькихъ! Что это за судья!—съ нимъ хоть плачь!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да плохъ, тлѣнью предается! Онъ, знаете, съ дуринкой.

Роговъ. У него въ головѣ крысы въ чехарду играютъ, такъ ему, что ни толкуй, онъ ничего не понимаетъ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да, ему хоть колъ на головѣ теши! Ошалѣла Магдалина! Глупъ, глупъ, глупъ! Непроходимо глупъ! и старъ, вѣдь! Совершенная гробовня! Тлѣнью предается! — прахомъ покрывается! — Червяками его!..

Журавлевъ (Козелкову). Считайте шары.

Козелковъ (считаетъ, нѣсколько разъ сбиваясь). Бѣлыхъ тридцат одинъ, черныхъ девять.

Журавлевъ. Теперь кто тамъ далѣе?

Козелковъ. Г. Жученко.

(Выборы продолжаются. Всѣ заняты ими, разговоровъ мало. Большинство шаровъ въ судьи на сторонѣ Мидидова. Жученко выбранъ первымъ кандидатомъ. Молодой человѣкъ въ очкахъ и Порхавкинъ — въ засѣдатели уѣзднаго суда).

Козелковъ (читаетъ). Въ исправники: Розоновъ, Никоновъ и Ѳоминъ.

Розоновъ. Господа, я желаю балотироваться послѣ всѣхъ!

Журавлевъ. Это все равно. Значитъ, теперь господина Никонова.

Голоса. Кто балотируется?

Козелковъ. Андрей Филипычъ Никоновъ.

(Дворяне кладутъ шары).

Власьевъ (Назарьеву). Во что балотируютъ?

Назарьевъ (кричитъ на ухо). Въ исправники!

Власьевъ. А-а! въ исправники! А кого?

Назарьевъ. Розонова!

Власьевъ. Спасибо, батюшка! (Кладетъ шаръ налѣво).

Козелковъ (считаетъ). Бѣлыхъ двадцат шесть, черныхъ— пятнадцать.

Журавлевъ. Теперь господина Ѳомина.

(Дворяне кладутъ шары).

Козелковъ (считаетъ). Бѣлыхъ двадцат два, черныхъ—девятнадцать!

Розоновъ (Никонову). Поздравляю васъ, Андрей Филипычъ! Весь уѣздъ можно поздравить съ такимъ исправникомъ. Поздравляю! Поздравляю отъ души! Позвольте по пріятельски. (Цалуетъ его три раза.)

Козинъ. Цѣлованіемъ ли предаеши мя, Іуда?

Журавлевъ. Поздравляю васъ, Андрей Филиповичъ! Очень радъ.

ГОЛОСА:

— Поздравляю васъ!

— Ахъ, какъ я радъ!

— Ну, по крайней мѣрѣ можно быть спокойнымъ.

— Слава Богу, исправникомъ порядочный и честный человѣкъ!

— Славный будетъ исправникъ!

— Избавились наконецъ мы отъ Розонова!

— Гора съ плечъ свалилась!

— Теперь можно жить!

— Слава Богу!

— Не вѣрится, что такое счастье!

Сомовъ. Двадцать лѣтъ нога моя не бывала въ земскомъ судѣ, какъ въ чемъ-то нечистомъ; теперь я могу взойти туда—Никоновъ исправникомъ!

Розоновъ. Господа! Не оставьте теперь меня милостивымъ вниманіемъ вашимъ. Позвольте мнѣ оставить должность добровольно и доказать господину начальнику губерніи, что онъ очень ошибся въ вашемъ расположеніи ко мнѣ! Я не буду служить; но меня не забросали же, какъ говорилъ онъ, черняками, и хотя не выбранъ я въ исправники, все-таки я кандидатъ! Меня не вывели изъ собранія, какъ онъ обѣщалъ! Служить не могу, не смотря на просьбы многихъ! Не могу! — Усталъ! Да и для чего? У васъ вмѣсто меня прекрасный и дѣльный человѣкъ!

Журавлевъ. Наша обязанность благодарить васъ, за вашу прошлую службу, за ваши труды! Я надѣюсь, что всѣ господа дворяне будутъ вамъ признательны!

Козинъ. Какъ же! Мы чувствуемъ вполнѣ и цѣнимъ! Мы обязаны весьма многимъ Григорію Семеновичу. Онъ эти года былъ совершенно отцомъ нашимъ! (Никонову) Вотъ и вы, Андрей Филиповичъ, берите примѣръ съ Григорія Семеновича! Служите честно, благородно и, главное, безкорыстно! — словомъ, какъ онъ, и Богъ благословитъ и васъ, какъ его! Вы взгляните, какая благодать за честную и благородную службу, за его безкорыстіе:—изъ сорока душъ сдѣлалось четыреста! — Изъ пятидесяти рублей, пятьдесятъ тысячъ!

(Всѣ смѣются).

Розоновъ. Что вы хотите этимъ сказать? Димитрій Павловичъ, напрасно вы терзаете меня! Я вѣдь удаляюсь!

Козинъ. Я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ...

Журавлевъ. Начнемте, господа!

(Дворяне кладутъ шары).

Власьевъ (Назарьеву). Кого теперь балотируютъ?

Назарьевъ (кричитъ ему въ ухо). Никонова!

Власьевъ. А-а! (Кладетъ направо).

Розоновъ. Ухъ, въ глазахъ мутится!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Розоновъ струсилъ! Чего не балотировался!

Долотовъ. Да вѣдь онъ же балотируется!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да служить-то не будетъ!

Долотовъ. Зналъ, что его черняками прокатятъ! Тогда бы вѣдь стыдно было!

Козелковъ (считаетъ шары). Господину Розонову бѣлыхъ тридцать девять, черныхъ два.

Розоновъ. Какъ-съ!

Козелковъ! Бѣлыхъ, того..., тридцать девять, черныхъ два!

Розоновъ (съ выраженіемъ восторга и со слезами радости). Неужели! Возможно ли такое единодушіе! Благодарю васъ отъ души, господа! — Я тронутъ до слезъ..., не могу выразить моей признательности! Я боялся поселить разномысліе, но видя такое единодушное избраніе, желаніе всеобщее, я не могу, я не долженъ, я не смѣю отказаться! За все это я могу отблагодарить своими трудами, я обязанъ на дѣлѣ оправдать вашъ выборъ. Всеобщимъ голосомъ я не смѣю пренебрегать. Я готовъ жертвовать всѣмъ: здоровьемъ, трудами, состояніемъ! Я, господа, остаюсь! я буду служить! Я принимаю, господа, ваше избраніе!

ГОЛОСА:

— Что жь это такое!

— Браво, браво!

— Вѣдь мы васъ балотировали только въ кандидаты!

— Вы же говорили, что служить не будете!

— Что жь это за комедія!

— Я такъ и зналъ, что онъ останется!

— Гдѣ ужь намъ отъ него избавиться!

— Что жь это, надуванье!

— Вотъ штука-то!

— Ну теперь онъ насъ приберетъ къ рукамъ!

— Кто ему что сдѣлаетъ! За него Иванъ Сергѣевичъ!

— Да онъ по міру пуститъ, кто противъ него!

— Онъ никого не боится; говоритъ: захочу, такъ у меня и губернаторъ слетитъ!

— Вѣдь вотъ въ чемъ человѣкъ не попался—и подъ судомъ былъ, а все ничего не сдѣлали!

— Съ нимъ губернаторъ не могъ совладать, а ужъ какъ хотѣлъ утопить! А намъ ужъ гдѣ!

Журавлевъ. Поздравляю васъ, Григорій Семенычъ!

ГОЛОСА:

— Поздравляемъ васъ!

— Очень рады!

— Вы опять съ нами!

— Честь имѣемъ васъ поздравить!

— Не оставьте вашимъ расположеніемъ!

Переученый (Розонову). Вѣдь вы же балотировались въ кандидаты, а не въ исправники!

Розоновъ. Вы вотъ много учились, а того не знаете, что балотируютъ не въ кандидаты, а въ исправники. У кого болѣе шаровъ, тотъ и исправникъ, а двое слѣдующихъ за нимъ, по большинству шаровъ, первый и второй кандидаты!

Сомовъ. Вы не хотѣли служить!

Розоновъ. Да! Но такой единодушный выборъ не позволяетъ мнѣ отказаться. Это съ моей стороны будетъ дерзость, неуваженіе, неблагодарность!

Сомовъ. Васъ надо перебалотировать.

Журавлевъ. Зачѣмъ?

Сомовъ. За тѣмъ, что здѣсь вышло недоразумѣніе.

Журавлевъ. Надобно было думать прежде!

Сомовъ. Этотъ выборъ недѣйствителенъ!

Журавлевъ. Отчего такъ?

Сомовъ. Оттого, что онъ незаконный!

Журавлевъ. Нѣтъ, вполнѣ законный!

Сомовъ. Нѣтъ, незаконный, онъ основанъ на обманѣ!

Никоновъ. Это обманъ!

Переученый. Это подлость!

Долотовъ. Разумѣется!

Козинъ. Подленькая уловка!

Сомовъ. Дворяне были обмануты клятвами этого госпо-

дина, что онъ не будетъ служить, а потому выборъ недѣйствителенъ!

Журавлевъ (горячась). Нѣтъ, дѣйствителенъ!

Сомовъ. Сначала его надобно перебалотировать!

Журавлевъ. Какъ это?

Сомовъ. Пусть его выбираютъ въ исправники, а не въ кандидаты! Тогда посмотримъ.

Журавлевъ. Въ кандидаты не выбираютъ. На это нѣтъ закона! Выбираютъ въ исправники!

Сомовъ. Это обманъ! Это незаконно!

Козинъ.
Никоновъ. } Выборъ недѣйствителенъ!
Перкученый.

Журавлевъ (Козину и Переученому). Господа, вы не въ числѣ избирателей, и не только не можете подавать голоса, но даже не имѣете, по настоящему, права быть здѣсь! Вы напрасно шумите.

Перкученый. Мой долгъ замѣтить, что это незаконно! Этого права у меня никто не отниметъ. Господа, васъ публично всѣхъ обманули, а потому выборъ недѣйствителенъ.

Журавлевъ (съ бѣшенствомъ). Вамъ говорятъ дѣйствителенъ!

ГОЛОСА ДВОРЯНЪ ПРОТИВНОЙ ПАРТІИ:

— Это обманъ!
— Перебалотировать вновь!
— Онъ надулъ насъ всѣхъ!
— Онъ осмѣлился публично лгать!
— Выборъ недѣйствителенъ!
— Перебалотировать его!

Журавлевъ. Два раза не балотируютъ!

ГОЛОСА ДВОРЯНЪ ПРОТИВНОЙ ПАРТІИ:

— Мы протестуемъ!
— Пишите журналъ!
— Пусть губернаторъ разсмотритъ и утвердитъ, кого знаетъ!
— Мы протестуемъ!

ГОЛОСА ПАРТІИ ЖУРАВЛЕВА:

— А мы протестуемъ противъ васъ!
— Мы протестуемъ противъ вашихъ дѣйствій!
— Выборы законны!
— Выборъ дѣйствителенъ!

Журавлевъ. Даю вамъ слово, что Розановъ будетъ утвержденъ.

Сомовъ. Его перебаллотируютъ!

Журавлевъ. Не перебаллотируютъ!

ГОЛОСА ДВОРЯНЪ ПРОТИВНОЙ ПАРТІИ:

— Пригласить сюда губернскаго прокурора!

— Это безсовѣстный обманъ!

— Дерзость!

— Насиліе!

— Мы протестуемъ!

— Это противузаконно!

Журавлевъ. Что жь вы, господа, думаете, что я поддерживаю незаконное, несправедливое? Вы осмѣливаетесь публично обвинять меня въ этомъ! Увидимъ! пусть насъ разсудятъ! Здѣсь, въ Петербургѣ, вездѣ, гдѣ хотите, вамъ докажутъ, что я правъ! Вы слишкомъ много себѣ позволяете! Надобно говорить обдуманно, быть осмотрительнѣе въ словахъ! Какъ вы смѣете говорить про меня подобныя вещи?

ДВОРЯНЕ ПРОТИВНОЙ ПАРТІИ (оробѣвъ):

— Помилуйте, Иванъ Сергѣичъ!

— Какъ вы можете думать!

— Мы никогда!

— Мы такъ сказали!

— Мы согласны съ вами!

— Помилуйте, если вы изволите говорить, что законно, значитъ — законно.

— Мы не можемъ спорить съ вами!

Сомовъ. Нѣтъ, незаконно! Я протестую!

Переученый. Я протестую!

Никоновъ. Я протестую!

Сомовъ. Пригласить сюда губернскаго прокурора!

Журавлевъ. Прекрасно! Господа, васъ трое противъ всѣхъ дворянъ.

Сомовъ (дворянамъ). Что же вы, господа?

ГОЛОСА:

— Мы ничего!

— Что жь намъ дѣлать!

— Видно, ничего не сдѣлаешь!

— Ужь до слѣдующихъ выборовъ!

— Кричи не кричи — все одно!

Сомовъ (дворянамъ). Вѣдь вы согласны, что это противузаконно, что это обманъ?

ГОЛОСА:

— Что жь дѣлать!

— Насъ обманули!

— Теперь, видно, ничего не сдѣлаешь!

— Сила солому ломитъ!

— Плетью обуха не перешибешь!

— Выше лба не будешь!

Переученый. Не смѣйте же плакать, когда васъ будутъ давить, грабить! Не смѣйте жаловаться за несправедливость! Вы сами для себя связали пученъ розогъ! Ну и терпите! Какіе тутъ разговоры! Вы не смѣете слова сказать о незаконности, вы сами первые нарушили законъ! Вы пренебрегаете вашимъ долгомъ, благородствомъ, честью! Гдѣ надобно стоять за убѣжденія, за свои права, за свою честь, за свое слово, вы изъ робости отступаете! Вы трусите, боитесь быть твердыми и благородными!

Сомовъ. Нашъ протестъ записать въ журналъ!

Журавлевъ. Очень хорошо! Его разсмотрятъ!

Никоновъ. Какая подлая штука!

Козинъ. Страшнѣйшая низость!

Сомовъ. Ну, каково у васъ дворянство? Съ нимъ можно дѣлать все, что угодно, — смолчитъ!

Переученый. Еще поклонится!

Никоновъ. Я зналъ, что Розоновъ подлецъ, но такой штуки не ожидалъ!

Журавлевъ (тихо, Розонову). Ну, выкинулъ ты штуку!

Розоновъ. Такъ-то ихъ, дураковъ, и надуваютъ!

Журавлевъ. Будемте продолжать, господа!

Сомовъ. Нѣтъ, позвольте! Вопросъ не конченъ!

Журавлевъ. Его разберутъ! А теперь, господа, я думаю продолжать?

Всѣ. Разумѣется, продолжать!

Выборы продолжаются при всеобщемъ волненіи. Вездѣ говорятъ, спорятъ, шумятъ.

Назарьевъ. Поздравляю васъ, Григорій Семенычъ!

Порхаркинъ. Поздравляю васъ! Ахъ, какъ я радъ, что вы побѣдили!

Мухоморовъ. Богъ услышалъ мою молитву: я все время

молился, чтобы вы, Григорій Семеновичъ, у насъ остались исправникомъ.

Розоновъ. Благодарю васъ, господа!

Хорьковъ. Поздравляю васъ, Григорій Семеновичъ! Ну, я сдержалъ свое слово! Теперь за вами очередь!

Розоновъ. Въ чемъ это?

Хорьковъ. А обѣщаніе ваше?

Розоновъ. Какое?

Хорьковъ. На счетъ того.... Помните?

Розоновъ. Ей-богу, не помню.

Хорьковъ. Какъ? вы ужь забыли?

Розоновъ. Извините, ей-богу не помню.

Хорьковъ. Еще честное слово дали!

Розоновъ. Не помню, въ чемъ дѣло-то?

Хорьковъ. Вы обѣщали мнѣ — внести за меня восемьсотъ рублей.

Розоновъ. Восемьсотъ рублей? За васъ?

Хорьковъ. Да.

Розоновъ. Когда же я обѣщалъ?

Хорьковъ. Чтожь, это неправда?

Розоновъ. За какую же это благодать я внесу за васъ?

Хорьковъ. Я же вамъ положилъ направо!

Розоновъ. Мало ли кто положилъ мнѣ направо!

Хорьковъ. Вѣдь вы же дали честное слово, клялись, божились!

Розоновъ. Въ чемъ?

Хорьковъ. Въ томъ, что если я положу вамъ направо, а Никонову налѣво, то вы внесете за меня восемьсотъ рублей!

Розоновъ. Что это вы на меня, какъ на мертваго клеплете!

Хорьковъ. Такъ этого не было?

Розоновъ. Вамъ вѣрно во снѣ пригрезилось!

Хорьковъ. Нѣтъ, не во снѣ!

Розоновъ. Дорого же вы цѣните ваши шары! Только они для меня ничего не стоятъ, я и безъ нихъ былъ бы выбранъ!

Хорьковъ. Обманомъ же! Такъ вы не внесете?

Розоновъ. Разумѣется, нѣтъ!

Хорьковъ. Какой же вы подлецъ, Григорій Семенычъ! Вы сами дали мнѣ право назвать васъ при всѣхъ подлецомъ, вы помните! Другимъ же правомъ—разбить вамъ, какъ вы выразились, рожу,—я воспользуюсь послѣ!

Розоновъ. Отъѣзжайте! Проваливайте!

Хорьковъ (возвышаетъ голосъ, чтобы всѣ могли его слышать). Господа, господа! Вотъ этотъ негодяй (указываетъ на Розонова) далъ мнѣ честное слово, если я положу ему направо, а Андрею Филиппычу налѣво, внести за меня восемьсотъ рублей недоимки. Вы знаете, что меня обстоятельства, можно сказать, скрутили, а потому, грѣшный человѣкъ, я согласился на эту низость, а теперь, когда я исполнилъ свое обѣщаніе, онъ отказывается исполнить свое!

Розоновъ. Врете вы! Вамъ хочется взять съ меня взятку за шары, вы думаете, что меня будутъ еще разъ балотировать? Но согласитесь, вы хотите за ваши два шара слишкомъ дорого, когда весь уѣздъ положилъ мнѣ даромъ.

Хорьковъ. Вы у всѣхъ украли шары, а у меня шары и восемьсотъ рублей!

Розоновъ. Это вамъ будетъ впередъ урокомъ: не рѣшайтесь на низости!

Хорьковъ. Постойте! Мы съ вами разсчитаемся!

Косолапъ-Михайловъ (гусаръ въ отпуску, съ закрученными усами; съ самоувѣреннымъ выраженіемъ лица и съ стеклышкомъ въ глазу. Онъ переходитъ изъ другаго уѣзда и подходитъ къ Журавлеву). Здравствуйте, Иванъ Сергѣичъ!

Журавлевъ. Ростиславъ Кузмичъ, мое почтеніе!

Косолапъ-Михайловъ. Что это у васъ за шумъ? Точно парламентскія пренія! Бурный у васъ уѣздъ!

Журавлевъ (со вздохомъ и съ сокрушеніемъ сердца). Что дѣлать! Страшно необразованные люди. Я, знаете, измучился съ ними! Все хочу вдохнуть въ нихъ что-нибудь благородное, внушить имъ, что они должны дѣйствовать по внушенію чести! Нѣтъ, все напрасно! Ничего съ ними не сдѣлаешь! Скотъ на скотѣ, дуракъ на дуракѣ, подлецъ на подлецѣ!

Косолапъ-Михайловъ. Я слышалъ, что у васъ опять выбрали Розонова!

Журавлевъ. Да!

Косолапъ-Михайловъ. И вы поддержали его?

Журавлевъ. Да. Я, знаете, собственно и вытащилъ его.

Косолапъ-Михайловъ. Что же это вы! Развѣ вы не знаете, что онъ страшнѣйшій негодяй, мерзавецъ и подлецъ?

Журавлевъ. Знаю.

Косолапъ-Михайловъ. Такъ, какъ же вы на него промѣняли такого благороднаго человѣка, какъ Никоновъ?

Журавлевъ. Сказать ли вамъ всю правду?

Косолапъ-Михайловъ. Скажите.

Журавлевъ. Я знаю, что Никоновъ благородный человѣкъ, а Розоновъ подлецъ! Никоновъ ко мнѣ пріѣдетъ, я долженъ его принять, какъ равнаго, подать ему руку, посадить у себя въ гостиной, говорить съ нимъ, какъ съ равнымъ. Это, знаете, неудобно. А Розоновъ у меня посидитъ въ передней, при мнѣ не осмѣлится сѣсть, я ему могу приказать, закричать на него! Мнѣ такого исправника и надо! Никоновъ съ меня не возьметъ и будетъ дѣлать дѣла по-своему, а Розонову положено жалованье и сверхъ того за всякое дѣло такса; онъ дѣлаетъ все по-моему, какъ я хочу. Вотъ почему я долженъ былъ поддержать Розонова.

Примѣчанія къ 1-й сценѣ Третьяго дня.

1. Штука Розонова, когда онъ обманываетъ все дворянство, что не будетъ служить, а хочетъ быть только кандидатомъ въ исправники, нами не выдумана, а случилась на самомъ дѣлѣ. Вліяніе богатаго помѣщика, въ родѣ Журавлева, поддержало его. Онъ былъ утвержденъ въ похищенной имъ должности.

2. Исторія Розонова и Хорькова тоже не выдумана и случилась такъ же. Хорьковъ располагалъ двумя шарами, и поддался на удочку Розонова, какъ и всѣ дворяне.

3. Отзывъ Журавлева Косолапу-Михайлову о причинахъ, заставившихъ его предпочесть Розонова Никонову, извѣстенъ былъ всей губерніи.

4. Что касается до вліянія Розонова на мелкихъ дворянъ, то это тоже фактъ. Изъ адреса, поднесеннаго однимъ изъ уѣздовъ губернскому предводителю о недопущеніи ихъ исправника до балотировки, видно: что этотъ господинъ исправникъ держалъ весь уѣздъ въ страхѣ, дѣйствовалъ деспотически, приводилъ въ разоренье дворянъ, противившихся ему, и успѣлъ поселить мнѣніе, что ему не только они, но и губернское начальство ничего не можетъ сдѣлать.

СЦЕНА II.

Квартира Козлякова. Нѣсколько небольшихъ комнатъ заставлено столами. Слуги, нанятые изъ трактировъ, суетятся вокругъ столовъ. Дворяне съѣзжаются.

Пестриковъ. Славный будетъ предводитель!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Только глупъ непроходимо, какъ сто свиней!

Медиловъ. Онъ вовсе не такъ глупы!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Кто? Ковалевъ-то не глупы?

Медиловъ. Да чѣмъ же онъ глупѣе другихъ?

Роговъ. Ну ужь вамъ-то объ умѣ не толковать!

Медиловъ. Отстаньте отъ меня!

Роговъ. Старая, водовозная кляча! А что, господа, пора бы и обѣдать!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да, мнѣ хотѣлось бы пропустить чиничка.

Пестриковъ. Чего же ждутъ?

Роговъ. А кто ихъ знаетъ! Пожалуй, придется прождать, какъ у Лавровыхъ въ прошломъ году.

Дурноумовъ. У Лавровыхъ?

Роговъ. Да.—Это штука Дмитрія Павловича.

Дурноумовъ. Козина?

Роговъ. Да.—Развѣ вы не знаете?

Дурноумовъ. Нѣтъ.

Роговъ. Это презабавная исторія! Лавровы, вы знаете, немогутъ обойтись безъ того, чтобы на званомъ обѣдѣ у нихъ не былъ кто нибудь изъ богатыхъ и знатныхъ,—словомъ, изъ того кружка, въ которомъ они не бываютъ. Звали они на обѣдъ, кажется, по случаю полученія манишекъ за статью о земледѣліи. Знаете?

ГОЛОСА:

— Знаемъ!

— Еще бы не знать!

— У меня ихъ шили!

— Я поздравлялъ Николая Иваныча.

— Я же увѣрялъ, что онъ негодяй!

Роговъ. Ну-съ! Собираются гости. Лавриха посылаетъ просить Сомова, а у того, на бѣду, сидѣлъ въ это время Козинъ. Они отвѣчаютъ посланному, что пріѣдутъ тогда только, если самъ хозяинъ явится просить ихъ. Лавровъ отправляется. Его, знаете, занимаютъ разговоромъ, а потомъ сажаютъ завтракать. Николай Ивановичъ радъ случаю, подпиваетъ себѣ да подливаетъ, и къ концу завтрака у него въ головѣ крысы заиграли въ чехарду—налимонился до чертиковъ. Лавриха посылаетъ человѣка за мужемъ, за Сомовымъ и за Козинымъ. Человѣка задерживаютъ, между тѣмъ время садиться обѣдать. Лавриха въ от-

чаяніи посылаетъ одного гонца за другимъ, а у Сомова ихъ всѣхъ задерживаютъ. Мы всѣ собрались, ѣсть смерть хочется, а кушать не даютъ. Сидимъ, ждемъ, въ желудкѣ революція, чортъ знаетъ что такое, просто! Наконецъ начинаемъ поговаривать, что у насъ въ животѣ пусто. Лавриха извиняется, просить подождать еще немножко, одну секундочку, и шлетъ гонца за гонцомъ. Наконецъ насъ посадили за столъ въ девять часовъ вечера и за неимѣніемъ прислуги сама Лавриха подавала. А Лавровъ и гонцы пріѣхали уже на другой день (*).

(Всѣ смѣются).

Дурноумовъ (Козину). Дмитрій Павлычъ! Дмитрій Павлычъ!

Козинъ. Я, собственной своей персоной.

Дурноумовъ. Скажите, дадутъ намъ обѣдать?

Козинъ. Я думаю.

Дурноумовъ. Вы скажите правду. Не выкинули ли вы какого нибудь колѣнца и здѣсь, какъ у Лавровыхъ?

Козинъ. Нѣтъ, нѣтъ, господа! Я самъ ѣсть хочу! Тогда другое дѣло, я отлично пообѣдалъ у Сомова и могъ проказничать.

Дурноумовъ. Ну, это было по крайней мѣрѣ утѣшительно.

Козинъ. А вотъ, господа, Жученко скоро будетъ давать обѣдъ.

ГОЛОСА:

— По какому случаю!

— Не можетъ быть!

— Онъ и самъ-то врядъ ли обѣдаетъ!

— Ну ужь этого не дождаться до втораго пришествія!

Козинъ. Безъ шутокъ!

Роговъ. Что это съ нимъ случилось?

Козинъ. А видите, когда онъ ѣхалъ на выборы, такъ чтобы не прожиться, онъ взялъ съ собой разной провизіи изъ деревни и кормился ею. Теперь у него еще осталось много, а потому онъ хочетъ кутнуть, угостить всѣхъ. Ему отпустили солонины, двухъ жареныхъ гусей, жареныхъ куръ и пироговъ. Все это протухло, воняетъ страшно, а онъ ѣстъ да похваливаетъ! Теперь видитъ, что домой не довезти, сгніютъ, ну и хочетъ просить васъ всѣхъ доѣдать!

Дурноумовъ. Пусть кушаетъ самъ.

(*) Истинное происшествіе.

ГОЛОСА:

— А я думалъ въ самомъ дѣлѣ!

— Я удивился!

— Ну развѣ можетъ это быть!

Роговъ. А сегодня были жаркіе выборы!

Дурноумовъ. Да!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. А каковъ Розановъ? Вотъ сочинилъ–то штуку! Хоть бы не ему!

Роговъ. Да, выкинулъ колѣнце!

Дурноумовъ. Вѣдь экая бестія!

Покровскій. Подлецъ ужасный!

Порхавкинъ. Вотъ онъ всегда такъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. А какъ за него стоялъ Журавлевъ!

Назарьевъ. Да, онъ успѣлъ снискать расположеніе Ивана Сергѣича!

Господинъ съ бородавкой. Это, господа, что! Все это суета суетъ! Теперь главное—освобожденіе крестьянъ. И что имъ это вздумалось! Вѣдь это чистое непониманіе дѣла! Какая это зависимость? Какое рабство? Вѣдь это союзъ! Вѣдь помѣщики были все равно, что отцы, а крестьяне все равно, что дѣти!

Козинъ. Разумѣется! Я съ вами вполнѣ согласенъ! Только наши мужики не понимаютъ идиллій, знаете, необразованы, грубый народъ! Они никакъ не могли понять, что вы ихъ драли какъ дѣтей отцы, что они сидѣли на діетѣ для здоровья, работали постоянно для васъ, для развитія силъ и тѣлодвиженья, и не получали за это ничего, а жили нищими, потому только, что вы не хотѣли, чтобы роскошь развратила ихъ нравы!

Господинъ съ бородавкой. Вы все шутите!

Козинъ. Нѣтъ, не шутя! Особенно Жученко и Мѣшковскій пресердобольные родители.

(Козелковъ подходитъ къ нимъ).

Господинъ съ бородавкой. Ну что, Николай Иванычъ?

Козелковъ. Ничего–съ! ги, ги, ги! все по старому!

Господинъ съ бородавкой. Господинъ предводитель!

Козелковъ (Козину). Я написалъ проэктъ!

Козинъ. Ну, такъ читайте!

Козелковъ. Теперь?

Козинъ. Ну да!

Козелковъ. Какъ же это?

Козликъ. Я вамъ это сейчасъ устрою! Господа, господа! послушайте! Почтеннѣйшій Николай Иванычъ написалъ проэктъ!

ГОЛОСА:

— Какой проэктъ?

— О чемъ?

— Что такое?

Козелковъ. Господа, я написалъ проэктъ объ освобожденіи крестьянъ!

ГОЛОСА:

— Читайте!

— Прочтите, почтеннѣйшій Николай Иванычъ!

— Мы слушаемъ!

— Это любопытно!

— Вотъ должно быть письмо!

ПРОЭКТЪ (*).

Между тѣмъ я въ душѣ убежденъ что крѣстьянинъ конечно невежиственъ иногда праздный, почти всегда нищій все человѣкъ, имеетъ право на жизнь и сочуствіе, и заслуживаетъ лутшей участи той которой теперь находится но;, такъ же всѣму свету извѣстно, что Русское Дворянство всегда Вѣрою и Правдою служило Царю и Отечеству. Я не смѣю утруждать Господъ Членовъ Комитета Исторіи Правъ Дворянства грамотой Императрицы Екатерины II 21 Апреля 1785 года торжественное повтореніе О не нарушимости правъ Дворянства 26 Апрѣля 1816 года и томъ Свода законовъ Россійской Имперіи достаточно, что бы удержать Господъ Дворянъ отъ пожертвованія чужой собственности Подавая этотъ проэктъ (**) которымъ, протестую противъ нарушимости правъ собственности, между тѣмъ сочувствуя этой реформѣ, я считаю возможнымъ уволить моихъ крестьянъ на волю, надѣливъ земли по шести дѣсятинъ на тегло и вознагражденіи 250 руб. сер. за кажную душу, положенной за мной десятой ревизіи, считая въ это число дворовыхъ людей.

(*) Этотъ проэктъ былъ представленъ въ губернскій комитетъ по крестьянскому дѣлу. Сохраняемъ знаки препинанія и правописаніе подлинника.

(**) Въ подлинникѣ здѣсь слѣдуетъ: *«въ —скій губернскій комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ которымъ»* и т. д.

Деньги должны быть уплачены правительствомъ которые взыщетъ съ крестьянъ слѣдуемыя за ихъ свободу деньги. Сему помѣщику и землевладѣльцу. Крестьяне, слишкомъ долго были, подъ властію Дворянства чтобы питать къ нѣму благопріятные чуства и при первомъ удобномъ случаи гатовы на все. По крайнѣй мерѣ хотя поэтому будетъ обеспечина жизнь будущему моему поколѣнію которое не упрѣкнетъ, меня въ томъ что Его оставили безъ средствъ къ жизни и воспитанію. На подлинномъ Губернскій Секретарь Николай Ивановъ Козелковъ руку приложилъ.

Козинъ. Браво! О, да вы великій человѣкъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ума палата!

Роговъ. Молодецъ, Николай Ивановичъ!

ГОЛОСА:

— Браво, браво! Ха, ха, ха!
— Отлично! Чушь страшная!
— Эка напоролъ!
— Ну, проэктъ!
— Вотъ башка-то!

Козинъ. Вотъ не даромъ губернаторъ поклонился вчера съ особеннымъ почтеніемъ!

Человѣкъ. Кушать готово!

Козелковъ. Прошу покорно, господа!

Роговъ. Дѣльно!

ГОЛОСА:

— Вотъ это проэктъ!
— Это лучше всѣхъ проэктовъ!
— Это лучше всего!
— Это хорошо!

Молодой человѣкъ въ очкахъ (Рогову). Посмотри-ка: чижички-то,—сердцу сладительные, точно невѣсты стоятъ цѣломудренныя!

Роговъ. А вотъ мы ихъ попробуемъ. Ты подливай мнѣ, а я тебѣ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Я за такими красоточками готовъ пріударить.

Роговъ. А мнѣ надобно опохмѣлиться; послѣ вчерашняго въ головѣ того....

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ошалѣла Магдалина, что за Юду пошла!

(Подаютъ водку. Присутствующіе пьютъ, закусываютъ и садятся за столъ).

СЦЕНА III.

Внутренность провинціальнаго театра, зала освѣщена маленькою люстрою, которая даетъ столько же копоти, сколько и свѣта. Ложи оклеены бумажками, на занавѣсѣ нарисованы какія-то колонны, за которыми протянутъ занавѣсъ съ золотомъ, обшитый горностаевымъ мѣхомъ, одного цвѣта съ колоннами. Нѣсколько человѣкъ растрепанныхъ, не бритыхъ музыкантовъ копошится въ грязной загородкѣ, изъ-за которой несется нестройный звукъ настроиваемыхъ инструментовъ и запахъ водки и луку. Въ ложахъ сидятъ преимущественно помѣщики, въ томъ числѣ въ бенуарѣ Розоновы. Въ креслахъ кавалеры лорнируютъ дамъ и разговариваютъ. Раекъ пыхтитъ отъ тѣсноты и жара. Кукакиринъ и князь Зацѣпинъ стоятъ прислонившись задомъ къ загородкѣ музыкантовъ.

Князь (зѣваетъ). Какая тоска!—Смерть!

Кукакиринъ. Да, скучно!

Князь. Тебѣ, mon cher, что!... Ты здѣсь родился, выросъ и жилъ постоянно. Tu n'as pas vu другой жизни, другаго свѣта, другихъ людей!

Кукакиринъ. Я непремѣнно собираюсь въ Москву съѣздить.

Князь. Въ Москву?

Кукакиринъ. Да.

Князь. Это за чѣмъ?

Кукакиринъ. Какъ же!... Посмотрѣть людей! Свѣтъ!

Князь. Ну, не стоитъ труда!

Кукакиринъ. Отчего же?

Князь. Фи! Помилуй! Развѣ въ Москвѣ свѣтъ! Кто это въ бель-этажѣ?

Кукакиринъ. Гдѣ?

Князь. Вотъ третья ложа отъ губернаторской.

Кукакиринъ. А-а-а! Это мадамъ Селянова!

Князь. Elle est très gentille!

Кукакиринъ. Oui!

Князь. Я не думалъ, чтобъ здѣсь были такія лица!

Кукакиринъ. У насъ много хорошенькихъ!

Князь. Да! Пожалуй! Но все это лица обыкновенныя, деревенскія, русскія.

Кукакиринъ. Да, это правда!

Князь. А вѣдь это европейское лицо! О чемъ мы говорили-то?

Кукакиринъ. Когда?

Князь. Да! вы собираетесь въ Москву! Развѣ, mon cher, Москва городъ европейскій? Это Азія, татарщина! Еще Петербургъ—такъ сякъ, полуевропейскій городъ! Но если бы вы были за границей! —Вотъ гдѣ образованность, вотъ гдѣ свѣтъ, вотъ гдѣ люди.

Кукакиринъ. Ну ужь, я думаю!

Князь. Вы бы тогда сказали, что здѣсь варварство! Здѣсь живутъ каннибалы! Я какъ сюда пріѣхалъ, то все боялся, чтобы меня не съѣли! Ma parole! Посмотрите, вотъ собралась лучшая публика! Вѣдь это людоѣды, готтентоты!

Кукакиринъ. Это правда.

Князь. Ахъ! за границей, что за общество! Что за жизнь! Что за нравы!

Кукакиринъ. Еще бы за границей! Особенно, я думаю, въ Парижѣ!

Князь. Въ Парижѣ? — Да; но главное Лондонъ — вотъ городъ! Англія — вотъ страна! Я теперь убѣжденъ, что разговаривать можно только въ Парижѣ; а жить,—понимаете ли: жить!—можно только въ Лондонѣ. Повѣрьте, что мы тогда только будемъ счастливы, когда всю жизнь нашу устроимъ по англійски,—примемъ англійскіе обычаи, нравы, костюмы—словомъ, сдѣлаемся совершенными англичанами. Безъ Англіи намъ нѣтъ спасенья! И, знаете, какъ странно: находятся люди, кажется, довольно образованные, которые толкуютъ о самобытности! Вѣдь это совершенная дичь. Къ чему развивать наши силы, самобытность? Вѣдь это лишнее. И какая тамъ самобытность: квасъ, лукъ, капуста, щи! И что еще выйдетъ изъ этого развитія?—Богъ знаетъ! Развѣ мы выдумаемъ что нибудь порядочное! Наконецъ къ чему выдумывать, когда уже есть прекрасное устройство и намъ остается только ввести его: образовать жизнь на манеръ Англіи и дѣло съ концемъ! Ne c'est pas?

Кукакиринъ. Да разумѣется.

Князь. Я всячески проповѣдую это! Меня зовутъ англоманомъ—и я горжусь этимъ. Теперь я завожу у себя совершенно англійскую жизнь, крестьянъ устроиваю по англійски и посмотрите, какъ они будутъ счастливы, когда англійскіе нравы и англійская жизнь привьется къ нимъ. Теперь они не понимаютъ, противятся, но у меня славный управляющій и я надѣюсь, что онъ скоро ихъ сдѣлаетъ совершенными англичанами. Я, знаете, далъ ему полную свободу и требую одного, чтобъ онъ ихъ поставилъ

на такую ногу, чтобы я каждому изъ нихъ безъ отвращенія могъ подать руку, какъ англійскому фермеру. Они пришли было ко мнѣ жаловаться, что онъ ихъ разоряетъ, я ихъ прогналъ — и съ тѣхъ поръ пошло лучше. Ахъ, теперь у меня лѣса обращены въ парки! я завелъ грумовъ, жокеевъ!

Кукакиринъ. Это прекрасно!

Князь. Пора же начать новый порядокъ.

Кукакиринъ. А сегодня славная пьеска идетъ.

Князь. Ну, ужь! Помилуйте! развѣ можно на нашемъ тривіальномъ нарѣчіи выразить что нибудь, создать такое.... знаете! Наконецъ, что это за актеры! Что за труппа!

Кукакиринъ. Нѣтъ, знаете, труппа — ничего!

Князь. Ихъ всѣхъ бы заставить дрова таскать, а не играть. Это пародія, уродство! И что за театръ—курятникъ!

(Роговъ и Дурноумовъ.)

Роговъ. А, знаете, Михайлова очень недурна!

Дурноумовъ. Да, славная, канашка!

Роговъ. Особенно глазки... и играетъ съ такимъ жаромъ!— Должно быть, горячая женщина!

Дурноумовъ. Представляетъ прекрасно!.. И голосокъ славный—поетъ хорошо!.. Съ кѣмъ это вы кланялись?

Роговъ. Когда? сейчасъ?

Дурноумовъ. Да.

Роговъ. Это князь Зацѣпинъ, недавно пріѣхалъ изъ-за границы и все устроиваетъ у себя по-англійски.

Дурноумовъ. А! это тотъ, про котораго говорилъ Козинъ, что прививаетъ къ мужикамъ англійскую жизнь!

Розонова (въ своей ложѣ). Липочка! Катенька! посмотрите, посмотрите! Это, кажется, онъ!

Липочка. Кто?

Розонова. Тотъ молодой человѣкъ, у котораго мы торговали шали!

Липочка. Гдѣ онъ?

Розонова (указывая на прикащика изъ магазина Полуграблева. Прикащикъ этотъ, раздушенный, распомаженный до того, что съ головы чуть не каплетъ сало, сидитъ отъ ихъ ложи черезъ одно кресло, въ партерѣ. Въ это время онъ съ важностію лорнируетъ дамъ). Вотъ, вотъ стоитъ... въ трубку-то смотритъ.

Липочка. Кажется, онъ.

Розонова (перевѣшивается черезъ барьеръ ложи и громко кричитъ) (*). Почтеннѣйшій! почтеннѣйшій! послушайте!

(Всѣ оборачиваются къ ихъ ложѣ).

Липочка. Что вы, маменька, помилуйте!

Катенька. Ахъ, маменька, перестаньте, ради Бога!

Розонова. Что жь тутъ такого? Вѣдь еще представлять не начинали! (Кричитъ прикащику) Послушайте, послушайте, почтеннѣйшій! Я вамъ, вамъ говорю! Хотите за тѣ шали, что, помните, вы торговали—восемьдесятъ рублей? Восемьдесятъ рублей! — ни гроша больше!... Отдавайте, почтеннѣйшій!

(Прикащикъ смотритъ на нее злобно).

Розонова. Восемьдесятъ рублей! Отдавайте, пожалуйста! Посмотрите какъ имъ, Липочкѣ и Катенькѣ, хочется имѣть шали! Вонъ у всѣхъ есть шали, у нихъ только нѣтъ!... Отдавайте, почтеннѣйшій! Восемьдесятъ рублей! Восемьдесятъ рублей! ни гроша больше!... Знаю что передала! Много передала! Ну, ужь нечего дѣлать! Восемьдесятъ рублей!

(Прикащикъ быстро исчезаетъ изъ театра).

Розонова. Вѣдь ишь ушелъ, ушелъ! и говорить не хочетъ. Развѣ это мало, господа,—за двѣ шали восемьдесятъ рублей!

ГОЛОСА ВЪ ПАРТЕРѢ:

— Браво, браво!
— Фора, фора!
— Бисъ, бисъ!
— Славно!
— Отлично!
— Фора, фора!
— Не надо и комедію!
— Браво, браво, браво!
— Брависсимо!

ГОЛОСА ИЗЪ РАЯ:

— Брава, брава!
— Хвора, хвора!
— Ату его, ату его!
— Наяривай, ребята, наяривай!
— Важно, важно! Эхъ, малина!

(*) Да не обвинятъ насъ читатели въ невозможности слѣдующей сцены. Спѣшимъ увѣрить, что это колѣнце выкинула одна изъ дамъ нашей губерніи въ московскомъ театрѣ. Буквально передаю сцену, какъ она была.

— Кому тамъ ребра ломаютъ!

— Подъ микитки его! Хорошенько!

— По сусаламъ-то, по сусаламъ! Не зѣвай!

— Эхъ, носки вмѣстѣ, пятки врозь,—знай наяривай, небось!

— Кузька! глядись, что тамъ?

— Знать комедь начали!

— Не напирайте такъ!

Пронзительный женскій голосъ въ раю. Ахъ, батюшки мои! раздавили совсѣмъ!... Тише, невѣжи! необразованные! мужичье!

ГОЛОСА ВЪ РАЮ:

— Ха, ха, ха!

— Ишь ты, дворянка!

— Королевна!

— Барыня!

— Притисни ее!

— Пронзительный женскій голосъ изъ рая. Тише ты, обломина, мужикъ, дуракъ этакій,—ты знай, съ кѣмъ имѣешь дѣло!

Сиплый голосъ. Не извольте гнѣваться! Мы такіе же деньги заплатили!

ГОЛОСА ВЪ РАЮ:

— Орѣшковъ не прикажете ли?

— Не гнѣвайтесь, барышня!

— Не кричите такъ, — осипните!

— Хорошенько!

Пронзительный женскій голосъ въ раю. Отстаньте! Говорятъ—не налегайся!.. Еще не заслужилъ, чтобъ я орѣхи твои ѣла! Больно востеръ!... Ай, подлецъ! что ты меня?... Ей-богу барынѣ скажу! Вонъ она сидитъ!

ГОЛОСА ВЪ РАЮ:

— Ау! у лю, лю, лю!

— Эй, голова! щи упустилъ, щи упустилъ!

— Заткни перстомъ! Перстомъ-то заткни!

— Ермохъ, а Ермохъ?

— Что же? коего чорта, лѣшій, глотку дерешь?

— А вѣдь важно!

— Поднимай гардину!

— Разлюли малина!

Полиціймейстеръ (входитъ въ кресла). Это что за шумъ? Ломовъ, усмирить у меня праведниковъ!

Ломовъ. Слушаю-съ!

Полиціймейстеръ. Какъ тебѣ не стыдно допускать этакій беспорядокъ!

Ломовъ (квартальному). Подхалимовъ! вели городовымъ унять этихъ каналій, — лупить ихъ по головамъ безъ разбора!

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(черезъ недѣлю).

СЦЕНА I.

(Комната въ квартирѣ Розоновыхъ та же самая, которая въ первой сценѣ перваго дня).

Александра Герасимовна передъ зеркаломъ чешетъ голову, Липочка что-то шьетъ, Катенька раскладываетъ карты. Дѣвицы причесаны, но не совсѣмъ еще одѣты.

Розонова. Катенька! Ты бы мнѣ въ головѣ поискала.

Катенька. Что тамъ завелось?

Розонова. Ничего! А я смерть люблю, когда въ головѣ ищутъ.

Катенька. Ну присядьте на диванѣ, да положите голову ко мнѣ на колѣни!

(Розонова ложится на диванъ, Катенька перебираетъ у ней въ головѣ).

Розонова. Ну что, я правду говорила, что молитесь только Богу, чтобы отецъ остался на мѣстѣ, а то ужъ все устроится!

Катенька. Правду!

Розонова. Вотъ, слава Богу, Царю Небесному, Заступницѣ милосердой! Всѣ дѣла обдѣлались! Богъ услышалъ мои молитвы! Вотъ ужъ правда-то, что сиротскія слезы не пропадутъ даромъ!

Липочка. Я обѣщалась, если все кончится хорошо, поститься цѣлый годъ по пятницамъ!

Катенька. А я дала обѣщаніе пѣшкомъ сходить въ Красноберезкую пустынь, и отслужить тамъ молебенъ Взысканію погибшихъ!

Розонова. Ну вотъ видите, наши молитвы и услышаны, отецъ вашъ исправникомъ, а вы обѣ невѣсты!

Липочка. Гдѣ это папа?

Розонова. Мало у него дѣла! Послѣ праздниковъ свадьбы, а мы завтра уѣзжаемъ; я думаю, надобно все передѣлать!

Липочка. Только пожалуйста, маменька, въ Москвѣ покупать, а не здѣсь!

Розонова. Мы такъ и говорили съ отцомъ!

Катенька. Только вы, маменька, не скупитесь, сдѣлайте хорошее приданое, а то вы дадите срамное какое нибудь!

Розонова. Вѣдь читали реэстръ! Сами составляли!

Катенька. Да чтобъ вещи-то были хорошія! Особенно мнѣ. А то Липочкѣ хорошо: ей ужь женихъ надарилъ цѣлковыхъ на полтораста!

Розонова. Ты бы своему намекнула!

Катенька. Я ему не только намекала, да и вещи показывала! Не понимаетъ мой нѣмчура! хвалитъ только, точно не понимаетъ въ чемъ дѣло!

Липочка. Вотъ что значитъ выходить за сапожника!

Катенька. Ну ужъ ты, офицерша!

Липочка. Еще бы! Толи дѣло офицеръ! Видно, что ужь человѣкъ благородный, дѣльный, ну и въ поступкахъ и въ словахъ такой!

Матрена (вбѣгаетъ въ попыхахъ). Женихъ, женихъ пріѣхалъ!

Липочка. Чей? Мой?

Катенька. Мой?

Матрена. Барышни Лимпіады Григорьевны!

Липочка. Ай, Боже мой! а мы не одѣты, ай, ай!

(Убѣгаютъ).

(Киндяевъ входитъ, охорашивается передъ зеркаломъ, поправляетъ волосы, закручиваетъ усы, смачивая пальцы слюнями; вытягиваетъ галстухъ. Потомъ проходитъ два раза взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ, насвистывая что-то. Останавливается передъ картиною, изображающею Павла съ выпученными глазами и Вергинію съ кривымъ носомъ. Посмотрѣвши съ минуту на картину и въ особенности на рамку, краснаго дерева съ бронзовымъ ободкомъ, продолжаетъ ходить и говорить самъ съ собою).

Киндяевъ. Чортъ возьми! славное дѣло!... а вдругъ неудастся!... Впрочемъ, отчего же не удастся! должно удасться!... Теперь я задолжалъ на подарки невѣстѣ, подъ залогъ невѣсты же и свадьбы, двѣсти рублей!... Ну, что жь! Самый худшій исходъ дѣла, что я долженъ буду жениться! Не хотѣлось бы на такомъ уродѣ! Вѣдь этакій грѣхъ смертный! Всѣ внутренности воротитъ, какъ

на нее взглянешь! А туда же думаетъ, что она можетъ нравиться. Если я на ней женюсь, я ей каждый день буду задавать трепку, авось она чурится! Разумѣется, сперва надобно поминдальничать и перевести все на свое имя! Чортъ возьми, однакоже,— жениться на такой сатанѣ! — Слуга покорный! — Па си бетъ! Надобно, чтобы удалось! — Мысль славная, вдохновеніе просто! Получить шестигодовое жалованье за разъ! Правда, что не совсѣмъ-то благородно, да что дѣлать — обстоятельства! Говорятъ, самъ Розоновъ страшнѣйшій подлецъ, а съ подлецами чиниться нечего!... Отличная карта! Безпроигрышная! Чортъ возьми, что лучше въ самомъ дѣлѣ: жениться ли на чортѣ и взять пятнадцать тысячъ и полтораста душъ, или ни за что, ни прочто положить двѣ тысячи въ карманъ. Послѣднее мнѣ больше по вкусу, аппетитнѣе!.... Подорожная въ карманѣ, сегодня же удрачу! а тамъ поминай, какъ звали!... Дескать, знать не знаю и вѣдать не вѣдаю, не думалъ, не воображалъ.... Кто это идетъ? Моя нареченная! Фу какая мерзость!

(Липочка входитъ, разряженная и раздушенная)

Киндѣевъ (подбѣгаетъ къ ней). Олимпіада Григорьевна! Позвольте вашу ручку!

Липочка (кокетничая). Хоть обѣ!

(Киндѣевъ цѣлуетъ обѣ руки ея; она цѣлуетъ его въ лобъ).

Киндѣевъ. Какъ ваше здоровье?

Липочка. Благодарю васъ! Садитесь, пожалуйста!

Киндѣевъ. Покорно васъ благодарю!

Липочка. Какова сегодня погода?

Киндѣевъ. Кажется, холодно!

Липочка. Только кажется?

Киндѣевъ. Я говорю кажется, потому что не знаю навѣрное.

Липочка. Какъ не знаете?

Киндѣевъ. Я возлѣ васъ.

Липочка. Ну такъ что же?

Киндѣевъ. А то, что мнѣ тепло, жарко!

Липочка. Вотъ что!

Киндѣевъ. Вѣдь вы мое солнышко! — Да?

Липочка. Нѣтъ!

Киндѣевъ. Нѣтъ, солнышко! — Да? — скажите да!

Липочка. Нѣтъ!

Киндѣевъ. Постойте-ка, дайте вашу ручку!

Липочка. Извольте обѣ.

Киндѣевъ (нѣсколько разъ цалуетъ ея руки). Ну что? солнышко вы мое? — Да?

Липочка. Нѣтъ, нѣтъ!

Киндѣевъ. А-а! (опять цалуетъ ея руки). Солнышко вы мое?

Липочка. Нѣтъ! (Подавая мизинецъ) Вотъ вы его не попаловали!

Киндѣевъ. Малюточку! Вотъ его за это пять разъ! (Цалуетъ). Ну теперь солнышко вы мое?

Липочка. Солнышко!

Киндѣевъ. Наконецъ-то! Ахъ, если бы вы могли любить меня въ десятую долю противъ того, какъ я люблю васъ! Я былъ бы совершено счастливъ!

Липочка. Я люблю васъ больше, чѣмъ вы меня!

Киндѣевъ. Нѣтъ, Олимпіада Григорьевна! У меня вотъ все сердце переболѣло!

Липочка. А я развѣ не люблю васъ!

Киндѣевъ. И намъ надобно разстаться!

Липочка. Вѣдь вы говорите не надолго?

Киндѣевъ. Какъ только устрою дѣла, получу позволеніе, сейчасъ же прилечу къ вамъ! Сердце мое будетъ служить мнѣ парусомъ, а любовь попутнымъ вѣтромъ!

Липочка. Можетъ быть это долго будетъ!

Киндѣевъ. Нѣтъ, недѣли двѣ! Но и это ужасно!

Липочка. Вы меня забудете!

Киндѣевъ. Такая любовь не забывается!

Липочка. Будто вы меня любите?

Киндѣевъ. За сомнѣніе, въ наказаніе, ручку!

Липочка. Извольте!

(Киндѣевъ цалуетъ ея руки, входитъ Розоновъ).

Розоновъ. Два голубка! Вы ее избалуете, Максимъ Трифонычъ!

Киндѣевъ. Мое почтеніе, папаша! (Цалуетъ у Розонова руку, потомъ цалуетъ его въ губы).

Розоновъ. Здравствуйте! Здравствуй, Липа!

Липочка. Здравствуйте, папа!

Розоновъ. Садитесь, Максимъ Трифонычъ!

Липочка. Да! Максимъ Трифонычъ уѣзжаетъ!

Розоновъ. Нельзя же, когда надобно!

Киндѣевъ. Человѣкъ служащій!

Розоновъ. Вы когда же къ намъ навѣрное?

Киндяевъ. Къ Крещенью непремѣнно!

Розоновъ. Васъ ничто не задержитъ?

Киндяевъ. Ничто! Рапортъ ужь я послалъ.

Липочка. Смотрите же, къ Крещенью.

Киндяевъ. Вотъ вы будете гадать наканунѣ Крещенья, бросите башмачокъ и попадете прямо ко мнѣ въ сани!

Липочка. Я буду осторожнѣе бросать, чтобы не ушибить васъ!

Розоновъ. Вы прямо въ Москву?

Киндяевъ. Да-съ!

Розоновъ. У насъ есть къ вамъ просьба!

Киндяевъ. Какая? Приказывайте! распоряжайтесь мною!

Розоновъ. Это дѣло касается и васъ!

Киндяевъ. Всякое дѣло ваше близко моему сердцу!

Розоновъ. Благодарю васъ! Я вижу ваше родственное расположеніе!

Киндяевъ. Помилуйте, папа! (Цалуетъ его руку).

Розоновъ. Полноте, Максимъ Трифонычъ!

Киндяевъ. Я такъ люблю Олимпіаду Григорьевну, что и васъ люблю и уважаю, ей-богу, больше своихъ собственныхъ родителей!

Розоновъ (цалуетъ его). Благодаримъ васъ! Мы это видимъ, понимаемъ и цѣнимъ!

Киндяевъ. Что же вамъ угодно приказать?

Розоновъ. Вы были такъ добры, что вызвались исполнить наши коммиссіи въ Москвѣ и совѣтовали купить тамъ все приданое. Вы совершенно правы! Здѣсь все дорого, а порядочнаго ничего не найдешь!

Киндяевъ. Помилуйте, что здѣсь! Въ Москвѣ все лучше и дешевле!

Розоновъ. А потому мы будемъ просить васъ принять на себя трудъ купить по реэстру, какъ Липочкѣ, такъ ужь и Катенькѣ. Сдѣлайте такое одолженіе. Извините, что утруждаемъ васъ!

Киндяевъ (цалуя у него руку). Помилуйте, папа! Что это вы! Что за церемонія между родными! Мнѣ очень пріятно!

Розоновъ. Мы составили реэстры.

Киндяевъ. И прекрасно!

Розоновъ. Каждой тысячи на полторы!

Киндяевъ. Тамъ на эти деньги много можно сдѣлать!

Розоновъ. Если останутся деньги, прибавьте еще чего нибудь.

Киндѣевъ. А именно?

Розоновъ. Это отъ васъ зависитъ! Мы полагаемся на васъ, на вашъ вкусъ!

Киндѣевъ. Очень хорошо! Теперь я съ вами хотѣлъ поговорить!

Розоновъ. Что прикажтее?

Киндѣевъ. Вы знаете, я человѣкъ небогатый.

Розоновъ (смотря въ уголъ). Да-съ!

Киндѣевъ. У меня, конечно, есть пустяки.... тамъ тысячъ десять!

Розоновъ. Этого, слава Богу, довольно! Съ Лининымъ приданымъ это составитъ славное состояньице!

Киндѣевъ. Знаете, я не хотѣлъ бы трогать состоянія Олимпіады Григорьевны! Оно для меня неприкосновенно! Я бы, по своей любви къ нимъ, хотѣлъ, чтобы онѣ жили на мое состояніе! Я хотѣлъ бы окружить ихъ всѣми удобствами на свой собственный счетъ, собственно отъ себя! Но десять тысячъ не деньги!

Розоновъ (смотритъ ему въ глаза). Разумѣется!

Киндѣевъ. Я хотѣлъ бы посовѣтоваться съ вами, какъ бы пристроить эти деньги.

Розоновъ. Объ этомъ, знаете, надобно подумать!

Киндѣевъ. Вотъ видите, какой представляется случай: у моего двоюроднаго брата есть прекрасное подмосковное имѣніе.

Розоновъ. Да!

Киндѣевъ. На самой Москвѣ-рѣкѣ, сто двадцать душъ, прекрасная усадьба, довольно много земли, роща для гулянья, три прекрасныхъ дачи, которыя онъ отдаетъ каждое лѣто въ наемъ и еще небольшая ситцевая фабрика.

Розоновъ. Такъ-съ!

Киндѣевъ. Теперь это имѣніе братъ продаетъ за двѣнадцать тысячъ рублей. Знаете, онъ кутила страшнѣйшій, проигрался, пропился, промотался, ну такъ деньги ему и нужны. Кредиторы его за горло схватили. А онъ такой хорошій родной, дай Богъ ему здоровья, пишетъ ко мнѣ, лучше, говоритъ, продать своему родному, нежели чужимъ! Мнѣ, говоритъ, пріятно будетъ, если ты купишь, по крайней мѣрѣ имѣніе изъ нашего рода

не вышло! Такъ какъ вы думаете, папа, не купить ли этого имѣнія?

Розоновъ. Если оно дѣйствительно такъ хорошо, какъ вы говорите!

Киндѣевъ. Помилуйте, папа, къ чему же мнѣ говорить неправду! Вѣдь это все равно, что себя обманывать самого! Я прошу вашего совѣта.

Розоновъ. Заложено?

Киндѣевъ. Да, въ опекунскомъ совѣтѣ, теперь осталось на немъ, кажется, тысячи три или четыре.

Розоновъ. Можетъ быть много частныхъ долговъ?

Киндѣевъ. На этомъ имѣніи нѣтъ! У него вѣдь еще есть имѣнія! Я, знаете, думаю внести ему сперва десять тысячъ, потомъ достать гдѣ нибудь двѣ съ половиною тысячи, и дѣло кончено.

Розоновъ. Да вотъ получите за Липой!

Киндѣевъ. И прекрасно! Только я ужь и имѣніе куплю на имя Олимпіады Григорьевны.

Розоновъ. Покорно васъ благодарю! Липа, благодари же!

Липочка. Премного благодарна вамъ!

Киндѣевъ. Помилуйте, за что же! Не только все мое—ваше, я самъ — вашъ!

Липочка. Вѣдь и я же ваша!

Киндѣевъ. Ручку! Merci!

Липочка. Это въ награду?

Киндѣевъ. Да.

Липочка. И въ награду, и въ наказанье—одно и то же!

Киндѣевъ. Все равно! (Цалуетъ ея руки). Такъ вы совѣтуете, папа?

Розоновъ. Разумѣется! Только мнѣ кажется, что-то слишкомъ дешево!

Киндѣевъ. Ему деньги нужны. Хуже, если станутъ описывать, да продавать съ аукціона.

Розоновъ. Нѣтъ ли тутъ чего?

Киндѣевъ. Помилуйте! Я знаю его хорошо. Онъ шелопай, вѣтрогонъ, мотъ,—но человѣкъ честный.

Розоновъ. Ну, такъ чего лучше!

Киндѣевъ. Внесу ему десять тысячъ, а остальныя подождетъ!

Розоновъ. Разумѣется. Можно и меньше дать!

Киндѣевъ. Нѣтъ, ему непремѣнно надобно десять тысячъ!

Розоновъ. Вы, смотрите же, совершите крѣпость.

Киндѣевъ. Я знаю.... Только надобно торопиться, а то, пожалуй, продастъ!

Розоновъ. То–то и есть! Прямо поѣзжайте къ нему!

Киндѣевъ. Я такъ и хочу!

Розоновъ. Давно онъ къ вамъ писалъ?

Киндѣевъ. Я получилъ письмо вчера. Пишетъ, что деньги нужны до зарѣзу!

Розоновъ. И прекрасно, не упускайте случая! Въ жизни всегда надобно пользоваться случаемъ; въ этомъ, повѣрьте, заключается вся человѣческая мудрость, умѣнье жить, искусство, чтобы было хорошо на свѣтѣ. Хватайтесь за все, и вылѣзете въ гору; а будете церемониться, да раздумывать—пропало все! просто хоть не живите на свѣтѣ! Бѣда быть слишкомъ щекотливому и разборчивому—чистое бѣдствіе! По моему, надобно держаться правила прежде всего позаботиться о себѣ, а потомъ ужь о другихъ. Повѣрьте, что на свѣтѣ хорошо жить только тому, у кого карманъ полонъ, ну, да если притомъ онъ выбрался на видное мѣстечко... Состояніе—вотъ главное въ жизни, а остальное все второстепенное и легко пріобрѣтается при состояніи. За деньги все покупается, все получается. Уваженіе и почетъ въ свѣтѣ все деньгамъ!

Киндѣевъ. Это справедливо!

Розоновъ. Жить безъ денегъ—совершенное наказаніе. Нѣтъ въ мірѣ хуже казни, какъ бѣдность! Съ состояніемъ все ни почемъ,—не жизнь, а наслажденіе! Все есть, всякое желаніе исполняется! Отъ всѣхъ почетъ и уваженіе!... Такъ чего тутъ щепетильничать; надобно не пренебрегать никакими средствами къ пріобрѣтенію состоянія. Будьте вы идеально честны, вамъ никто спасибо не скажетъ, никто не поблагодаритъ, никто не поможетъ, не скажетъ, если у тебя нечего ѣсть, потому что ты былъ до глупости честенъ,—вотъ тебѣ за то, возьми, ѣшь, пей и живи порядочно!

Киндѣевъ. Разумѣется!

Розоновъ. Такая штука хороша на словахъ, а на дѣлѣ глупость! А какъ будете пользоваться всякимъ случаемъ, право, лучше! И жить лучше, и уважать будутъ больше! Экая штука, что какой нибудь фанфаронъ скажетъ: «такой-то нечестный человѣкъ!» Да я плевать хочу на его аттестацію! Мнѣ съ нимъ не

дѣтей простить!... У меня въ карманѣ полно, я и живу себѣ припѣваючи!... Знать ничего не хочу, да еще другому помогу.

Киндѣевъ. Я съ вами совершенно согласенъ!

Розоновъ. Нынче только тотъ и можетъ жить на свѣтѣ, у кого есть средства, а безъ состоянія, хоть кто будь, пропадетъ ни за что! Не упускайте этого случая, мой вамъ совѣтъ; послѣ спасибо скажете!

Киндѣевъ. Какъ можно! помилуйте!

Розоновъ. Мало ли живетъ съ сознаньемъ, что онъ идеально честенъ, да чортъ ли въ этомъ сознаніи! Лишняя мука, да голодъ, да лишенія. Лучше ѣздить, чѣмъ ходить пѣшкомъ, лучше помочь другому, нежели самому просить помощи! Мало ли честныхъ-то нечестнымъ изъ-за куска хлѣба кланяются.

Киндѣевъ. Что дѣлать-съ!

Розоновъ. Разумѣется, быть подлецомъ скверно. Это крайность! А пользоваться случаемъ—это благоразуміе. Экая штука, что я поклонюсь какому нибудь Журавлеву, прислужусь ему. Чортъ его возьми, если онъ, подлецъ, любитъ это! Вѣдь голова не отвалится, а смотришь—польза! Во всемъ выигрышъ!

Киндѣевъ. Разумѣется!

Розоновъ. Только вотъ въ чемъ дѣло... Какъ намъ это сладить?

Киндѣевъ. Что это?

Розоновъ. Я васъ хотѣлъ просить, чтобы вы сдѣлали покупки на свои деньги, мы бы разсчитались, когда вы бы пріѣхали. Ну, а теперь вы этого сдѣлать не можете!

Киндѣевъ. Да, пожалуй, упустишь имѣніе!

Розоновъ. Въ томъ-то и дѣло! Придется здѣсь покупать!

Киндѣевъ. Что это вы, папа, какъ это можно?

Липочка. Ну, вотъ еще? Очень нужно дряни!

Розоновъ. Что жь дѣлать?

Киндѣевъ. Я лучше имѣнія не куплю!

Липочка. Ахъ, нѣтъ! Покупайте!... Какъ это можно!

Киндѣевъ. Жаль упустить, имѣнье-то славное!

Липочка. Вѣдь мы тамъ жить станемъ?

Киндѣевъ. Тамъ.

Липочка. И часто будемъ ѣздить въ Москву?

Киндѣевъ. Хоть каждый день, — тамъ близко!

Липочка. А что, тамъ птички есть?

Киндѣевъ. Какія птички?

Липочка. Разныя, что лѣтомъ въ садахъ и въ лѣсахъ поютъ?

Киндѣевъ. Есть!—такъ и поютъ!

Липочка. А бабочки есть?

Киндѣевъ. И бабочекъ много.

Липочка. Ахъ какъ хорошо!.. Мы будемъ ловить бабочекъ?

Киндѣевъ. Непремѣнно! Я этакую сѣтку куплю!

Липочка. Купите, купите непремѣнно!

Киндѣевъ. Слушаю-съ.

Липочка. А это вздоръ! у папа есть свои деньги!

Розоновъ. Да съ собой-то нѣтъ столько!

Липочка. Полторы тысячи найдется!

Розоновъ. А надобно три.

Липочка. Ну, Катенькѣ, если хотите, дѣлайте здѣсь, а мнѣ непремѣнно купите все въ Москвѣ!

Розоновъ. Не все ли равно!

Липочка. Нѣтъ, не все равно!—Тамъ все дешевле и лучше!

Розоновъ. Право, не знаю, какъ тутъ сдѣлать!

Липочка. Чего тутъ не знать! Вынули изъ кармана, да отдали Максиму Трифоновичу, вотъ и все знанье!

Розоновъ. Да понимаешь, столько денегъ съ собой нѣтъ!

Липочка. У васъ все денегъ нѣтъ!

Розоновъ. Пойду поговорю съ женой!

Уходитъ.

Липочка. Вотъ они всегда такіе!

Киндѣевъ. Можетъ быть у нихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ съ собою!

Липочка. Слушайте вы ихъ! Они надъ каждымъ грошемъ трясутся, давятся!

Киндѣевъ. Такъ-то! Мы переѣдемъ въ подмосковную!

Липочка. Прелесть просто! А что, садъ есть?

Киндѣевъ. Какъ же! Что же за деревня безъ саду! Садъ фруктовый, цвѣточный и паркъ.

Липочка. И паркъ есть?

Киндѣевъ. Я вамъ говорю все: и паркъ, и теплицы, и ранжиреи, — все!

Липочка. Отлично!

Киндѣевъ. Какъ же! Имѣнье смѣло стоитъ шестьдесятъ тысячъ!

Липочка. Какъ же это онъ продаетъ за двѣнадцать?

Киндѣевъ. Кутила-мученикъ! мотъ! Ему все трынь-трава! Все ни почемъ!

Липочка. Онъ богатъ?

Киндѣевъ. Да, съ состояніемъ! У него во Владимірской губерніи душъ пятьсотъ, да въ Саратовской, кажется, тысячи полторы душъ!

Розоновъ (входитъ). Ну-съ, мы вамъ дадимъ деньги.

Киндѣевъ. Разумѣется!

Розоновъ. Пожалуйста покупайте для обѣихъ, для Катеньки и для Липочки одинаковыя вещи.

Киндѣевъ. Непремѣнно!

Розоновъ (подаетъ деньги). Вотъ-съ тысяча рублей и билетъ съ бланковою надписью, московскаго опекунскаго совѣта! Потрудитесь сосчитать.

Киндѣевъ (считаетъ). Вѣрно! (Кладетъ деньги въ боковой карманъ).

Розоновъ. Потрудитесь только дать росписочку.

Липочка. Фи! папа!

Киндѣевъ. Росписочку?

Розоновъ. Что жъ? Дружба дружбой, а служба службой! — Денежки счетъ любятъ!

Киндѣевъ. Да!... Разумѣется!

Розоновъ. На простой бумажкѣ!

Киндѣевъ. Извольте.

Розоновъ (подаетъ бумагу, чернильницу и огрызокъ пера). Вотъ, пожалуйте!

Киндѣевъ (пишетъ). Не знаю, такъ ли! Не умѣю писать ихъ! Въ жизни въ первый разъ случается!

Розоновъ (читаетъ). «На покупку вещей получилъ три тысячи, Максимъ Киндѣевъ!» Ну, не совсѣмъ-то такъ!

Киндѣевъ. Все равно! Теперь надобно ужь и съ Олимпіады Григорьевны росписочку!

Липочка. Какую?

Киндѣевъ. А что вы получили мое сердце.

Липочка. Нѣтъ, это съ васъ надобно крѣпость, что вы мнѣ его отдали въ вѣчное владѣніе.

Киндѣевъ. И то правда!

Розоновъ. Росписочку слѣдовало бы переписать.

Липочка. Еще что? Вамъ ужь не вексель ли дать!

Розоновъ. Оно, разумѣется, все равно.... но знаете.... какъ-то, того....

Липочка. Все равно! Перестаньте, папа! Что вы не вѣрите, что ли?

Розоновъ. Сохрани Богъ! Я вполнѣ довѣряю Максиму Трифоновичу.

Киндѣевъ. Пожалуйте, папа! (Цалуетъ его руку). Жизнь моя принадлежитъ вамъ.

Липочка. А не мнѣ?

Киндѣевъ. Вамъ, разумѣется, прежде всѣхъ.

Липочка. Я хочу быть одна владѣтельницею!

Киндѣевъ. Извольте.

Розоновъ. Вы когда же ѣдете?

Киндѣевъ. Я думаю завтра, проводивши васъ!

Липочка. Смотрите же, наканунѣ Крещенья я васъ жду.

Киндѣевъ. Непремѣнно! Живой или мертвый, черезъ огонь и воду, а буду у васъ.

Розоновъ. Выпьемте-ка наливочки, у меня, кажется, осталась бутылочка трехъ-годовалой! А ты, Липочка, распорядись, чтобы намъ съ Максимомъ Трифонычемъ дали закусить.

Липочка. Сейчасъ.

Оба уходятъ.

Киндѣевъ. Вотъ они!... Въ карманѣ! Три, три, три! Ловко! Я думалъ выконючить двѣ тысченки, а тутъ сами дали три! Прекрасно! Вотъ что значитъ задолжать во время двѣсти цѣлковыхъ. Не надари я столько, вѣдь не получилъ бы сегодня трехъ тысячъ. Сказали бы — голь. Правду этотъ подлецъ говорилъ, состояніе великое дѣло! Самъ же совѣтовалъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ. Вотъ случай пріобрѣсти три тысячи, и мы его не упустимъ, чортъ возьми совсѣмъ! Пока двѣ тысячи спрячу, разумѣется, изъ банка выну, а третьей тысячи протру въ Москвѣ глаза! А тамъ ищи, свищи! Поѣду я къ твоимъ смертнымъ грѣхамъ, къ уродамъ. Какъ же, держи карманъ! Надобно мнѣ очень съ ними бабочекъ ловить! держи! Да меня съ собаками теперь не найдешь! Сегодня же уѣду, благо подорожная въ карманѣ. Прощай, отвратительная, мерзѣйшая Липа! Только ты меня и видѣла.... А мастерская штука! Ей-богу! Надуть этого бестію! Теперь закусить, да и тягу,

Липочка входитъ, припрыгивая.

Киндѣевъ. Царица души моей!

Липочка. Послушайте. Вы смотрите, намъ вещи получше

выбирайте и платите подороже, а Катенькѣ такія же, да подешевле. Ей все равно за сапожника идти.

Князьковъ. Непремѣнно!

СЦЕНА II.

Зала въ трактирѣ. Машина играетъ, слуги суетятся. Козинъ и Никоновъ.

Козинъ. Вы вчера были въ собраніи?

Никоновъ. Нѣтъ! А вы?

Козинъ. Я былъ.

Никоновъ. Много было?

Козинъ. Изъ дамъ никого.

Никоновъ. Какъ это?

Козинъ. Такъ же. Не было ни одной дамы.

Никоновъ. Значитъ, не танцовали!

Козинъ. Роговъ устроилъ трепака. Поплясали, попьянствовали и разошлись.

Никоновъ. Что жь это дамы-то?

Козинъ. Онѣ зато покатались вокругъ. Ни одна не рѣшалась идти первою. Подъѣдетъ экипажъ, остановится, ну и посылаютъ узнать, есть ли кто? говорятъ: нѣтъ еще. Экипажъ отправляется ѣздить вокругъ собранія; такъ же другой, третій и вообразите— ни у кого недостало духа взойдти первой.

Никоновъ. Такъ собраніе и не состоялось?

Козинъ. Такъ и не состоялось.

Роговъ (подходитъ къ нимъ). А-а-а! Дмитрій Павлычъ! Андрей Филипычъ!

Козинъ. Здравствуйте!

Роговъ. Чортъ знаетъ что! Въ головѣ просто крысы въ чехарду играютъ! Эти дни что-то пьется. Вѣрите ли, не могу никакъ очувствоваться, просто бѣда! Надобно опохмѣлиться.

Молодой человѣкъ въ очкахъ (подходитъ). Опохмѣлиться, не дурно! Эй, малый, водки!

Роговъ. Куда же вы, Дмитрій Павловичъ? Андрей Филипычъ?

Никоновъ. Мы ѣдемъ вмѣстѣ домой!

Роговъ. Уже? Я думалъ, что мы разопьемъ шипучки бутылочку. Мнѣ, знаете, повезло вчера: сотенъ восемь зашибъ.

Козинъ. Поздравляю! Прощайте!

(Уходитъ съ Никоновымъ).

Роговъ (молодому человѣку въ очкахъ). А что, не заложить ли намъ опять половинный?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Пожалуй.

Роговъ. Только, смотри! Заговаривай хорошенько, когда я буду тасовать, а то я вчера чучь-чуть не попался.

(Подходитъ къ группѣ помѣщиковъ, между которыми Назарьевъ, Дурноумовъ, Покровскій и другіе).

Роговъ. А что на прощанье не метнуть ли намъ?

Назарьевъ. Можно.

Дурноумовъ. Кто будетъ метать?

Роговъ. Да пожалуй хоть я!

Дурноумовъ. Да вѣдь вы кудесникъ!

Роговъ. Какъ кудесникъ?

Дурноумовъ. У васъ карты бѣгаютъ въ колодѣ сверху внизъ, снизу вверхъ.

Роговъ. Подите вы! У меня просто вчерашній выигрышъ оттянулъ карманы.

Назарьевъ. А мы ихъ поочистимъ.

Покровскій. Постараемся облегчить.

Роговъ. Такъ идетъ?

ГОЛОСА:

— Идетъ!

— Что жь дѣлать-то?

— Метнемъ отъ-нечего-дѣлать!

— Что терять-то даромъ время!

Роговъ. Эй, малый!

Половой. Что требуется?

Роговъ. Столъ, картъ, мѣлу и шампанскаго.

Половой. Слушаю-съ! Только, господинъ, здѣсь играть не позволено.

Роговъ. Пошелъ вонъ, дуракъ! Кто не позволяетъ?

Половой. Полиція.

Роговъ. Плевать мы хотѣли на твою полицію!

Половой. Какъ угодно-съ!

Роговъ. Ты давай картъ.

Половой. Сейчасъ.

Роговъ. Садитесь, господа! (Вынимаетъ деньги) Господи благослови! Пятьсотъ въ банкѣ.

(Усаживаются вокругъ стола, и распечатываютъ карты).

Роговъ. Эй, малый, возьми къ чорту бокалы! Что намъ дѣлать этими наперстками. Давай стакановъ!

(Наливаетъ шампанское).

Назарьевъ. Не везетъ, чортъ возьми, это время!

Роговъ. Ставьте, ставьте, господа!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. А какую намъ гонку задалъ губернаторъ на присягѣ!

Роговъ. Да, небу стало жарко!

Дурноумовъ. Двадцать пять цѣлковыхъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ (Дурноумову). Позвольте взглянуть вашу карточку, мы кажется на одной.

Дурноумовъ (на ухо ему). Король.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. А-а-а! Нѣтъ. У меня идетъ *тринадцать* рублей!

Роговъ. Чортова дюжина? Эхъ, выбралъ кушъ!

(Мечетъ и по второй бьетъ короля).

Дурноумовъ. Чортъ знаетъ, что такое!

Роговъ. Самый главный врагъ побитъ!

(Киндѣевъ входитъ и торопливо спрашиваетъ обѣдъ).

Роговъ (Киндѣеву). Не угодно ли шампанскаго стаканчикъ?

Киндѣевъ. Благодарю васъ. (Пьетъ).

Роговъ. Не угодно ли карточку? Теперь болѣе пятисотъ въ банкѣ!

Киндѣевъ. Я тороплюсь! Мнѣ надобно ѣхать!

Роговъ. Карточку, пока вамъ подадутъ кушать.

Киндѣевъ. Развѣ рискнуть? Десять рублей! (Садится къ столу въ шубѣ).

Роговъ. У васъ, господа, что?

ГОЛОСА:

— Десять!
— Пять!
— Пятнадцать!
— Уголъ отъ пяти!
— Пять!
— Восемь!
— На пе!
— Пять и по рублю око.

Роговъ. Темныхъ не бью! Эхъ, напусти Богъ смѣлости! (Мечетъ)

Погубитъ меня этотъ валетъ, халдей проклятый! (Киндѣеву) Ваша! Я такъ и зналъ! Да пейте, пожалуйста.

(Игра продолжается. Киндѣевъ пьетъ и горячится. Онъ сперва выигрывалъ, потомъ началъ проигрывать, а потому удвоиваетъ куши).

Киндѣевъ. Экая скверность! Бита и бита! (Пьетъ).

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Не робѣйте только! Не уменьшайте кушей. Разомъ все вернете!

Киндѣевъ. Я самъ тоже думаю!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Дайте, я вамъ выберу на счастье. Ну вотъ, восьмерка.

Киндѣевъ. Ладно. Я проигралъ ужь пятьсотъ: развѣ на пе?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Разумѣется! Чѣмъ больше трусить, тѣмъ хуже!

Киндѣевъ. Пятьсотъ!

Роговъ. Ухъ! вотъ кушъ-то! Морозъ пробираетъ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Что, братъ, сплоховалъ? Носъ на квинту опустилъ! А посмотрите, господа, шампанское-то поддѣльное!

Дурноумовъ. Отчего?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да посмотрите, какое клеймо на пробкѣ!

(Всѣ бросаются смотрѣть на пробку).

ГОЛОСА:

— Клеймо обыкновенное!

— Всегда такое бываетъ!

— Да шампанское, говорятъ, всегда поддѣльное!

— Я слышалъ, что настоящаго едва хватаетъ по дворамъ.

— Пробка обыкновенная!

Роговъ. Ставьте, ставьте, господа!

ГОЛОСА:

— Двадцать пять!

— Пятьдесятъ!

— Десять.

— Уголъ отъ десяти.

— Транспортъ съ кушемъ.

— Пятнадцать.

Роговъ. Ухъ талія! Пронеси Господи! (Мечетъ) Восьмерка, восьмерка, такъ въ глазахъ и скачетъ. Уголъ битъ!... двадцать

пять дано!... Транспортъ битъ!... Восьмерка бита! А-а-а! Это я вамъ скажу!

Киндѣевъ. У-у-у! проклятая! (Разрываетъ карту въ клочки) Придется на чортѣ жениться.

Назарьевъ. Славную карточку убили.

Дурноумовъ. Да, не глупую!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Его черти на рукахъ покачали, когда онъ родился!

Киндѣевъ (пьетъ). Чортъ-знаетъ, что за несчастіе! Вѣдь съ шулерами игралъ и не проигрывалъ, а тутъ не везетъ! И чортъ меня дернулъ сѣсть. Ѣхалъ бы теперь да ѣхалъ, вонъ моя и тройка стоитъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Не робѣйте! Ставьте на пѐ.

Киндѣевъ. Вы думаете?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Разумѣется! Когда же нибудь дадутъ!

Киндѣевъ. Разумѣется! Тысяча!

Роговъ. Ой, несчастная, горемычная моя головушка! Послушайте! Вы слишкомъ ужь большіе куши ставите!

Дурноумовъ. Что, нагнали холоду!

Роговъ. Посѣкутъ!

Назарьевъ. Вотъ молодцомъ играетъ! Не то, что мы! по военному!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ну, идите послѣднія, неразмѣнныя! Вѣдь всего обобралъ, и англичанина поставлю. Господа, вы видѣли англійскія деньги?

ГОЛОСА:

— Нѣтъ!

— Покажите!

— Откуда вы достали?

Смотрятъ монету. Роговъ быстро подтасовываетъ.

Роговъ. Ну же, господа!

Киндѣевъ. Стойте! Вы передернули карту.

Роговъ. Гдѣ?

Дурноумовъ. Я говорю, что кудесникъ!

Киндѣевъ. Сейчасъ сдѣлали вольтъ!

Роговъ. Врете!

Киндѣевъ. Нѣтъ, не вру! Я видалъ на своемъ вѣку! Знаю!

Роговъ. Врете!

Киндѣевъ. Я играть съ вами не хочу!

Роговъ. Какъ хотите! Только той карты я не позволю снять!

Киндѣевъ. А я играть не хочу!

Роговъ. Мало ли чего!

Киндѣевъ. Вы и тѣ деньги также выиграли! Отдайте ихъ!

Роговъ. Деньги-то?

Киндѣевъ. Да.

Роговъ. Ну, ужь это дудки. Анекдоты на заячьемъ мѣху!

Киндѣевъ. Отдайте, я вамъ говорю!

Роговъ. Идиллія съ масломъ! Аркадія!

Киндѣевъ. Такъ вотъ же тебѣ!

Пускаетъ ему карты въ лицо, хватаетъ со стола деньги и проворно убѣгаетъ.

Роговъ. Что это? Караулъ! грабежъ! держи!

Всѣ бѣгутъ за Киндѣевымъ. На улицѣ раздается звонъ колокольчика.

Дурноумовъ (возвращаясь). Вотъ удралъ-то штуку!

Покровскій (возвращаясь). Ну, исторія!

Дурноумовъ. Ну что?

Покровскій. Погнались за нимъ!

Назарьевъ (входя). Какъ же, догонишь его! Полетѣлъ сломя голову. А тутъ на бѣду ни одного извощика.

Дурноумовъ. Ну что жь, господа. А намъ-то за что терять! Вѣдь мы могли бы выиграть!

Назарьевъ. Разумѣется!

Дурноумовъ. Такъ чтобъ не быть въ накладѣ, разберемъ что осталось да и по домамъ.

Назарьевъ. И то дѣльно.

Разбираютъ остальныя деньги и уходятъ.

Половой. Господа, господа! А за карты? Эхъ! а еще дворяне!

Нѣсколько купцовъ входятъ.

Сѣдая борода. Эй, малый! Порцію чаю-съ.

Половой. Сейчасъ.

Сѣдая борода. Да ты стой, голова. Бѣсъ тебя вертитъ, что ли? Ты выслушай толкомъ. Къ чаю графинчикъ рому, да алимонъ.

Половой. Сейчасъ!

Сѣдая борода. Ну, садитесь.

Всѣ садятся.

Сѣдая борода. Такъ вотъ отъ ефтихъ самыхъ дѣлъ и торговлю радъ бросить.

Черная борода. Ефто такъ-съ. Извѣстно, примѣромъ сказать, наше дѣло такое, въ долгъ не дать, такъ не продать. А дашь въ долгъ, такъ послѣ и не получишь. Ходишь, ходишь изъ-за своихъ денегъ, кланяешься, а все ни шиша.

Сивая борода. И отъ денегъ готовъ отступиться. Намедни набрала у меня, ефто, полковница-то. Заплачу, говоритъ, къ Святой. Ну ладно. А счетъ-то вона какой! Сотъ на девять. Пришла Святая, ничего. Хожу — то дома нѣтъ, то спитъ, то обѣдаетъ, то бѣсъ ее знаетъ, прости Господи, грѣхъ тяжкій, что дѣлаетъ. Надоѣло мнѣ больно, а тутъ по осени платежи подошли. Иду я....

Половой приноситъ чай.

Сѣдая борода. Откушайте, сдѣлайте честь.

Сивая борода. Не извольте безпокоиться. Чувствительнѣйше благодаримъ-съ, съ нашимъ почтеніемъ-съ.

Сѣдая борода. Ромцу! Алимончику!

Сивая борода. Напрасно, ей-Богу, напрасно!

Сѣдая борода. Иванъ Давыдычъ, откушайте!

Сивая борода. Съ нашимъ удовольствіемъ-съ! Благодаримъ всепокорнѣйше! Такъ-съ, иду я къ ней. Говорятъ, кушать сѣли.

Сѣдая борода. Ефто, значитъ, причина, что денегъ нельзя получить.

Сивая борода. Стало быть такъ-съ. А нашего брата не спрашиваютъ-съ, говорятъ: подай!

Сѣдая борода. Вотъ то-то и оно!

Сивая борода. Ну я говорю, коли кушаютъ, подождемъ. Сижу ефто я, думаю, не уйду, пока не будетъ одинъ конецъ. Откушали, легли опочивать. Вотъ тутъ и дѣлай, что хошь! Ахъ ты! Ажно злость меня взяла! Сижу я все. Что не спрошу, все спятъ. Что ты тутъ будешь дѣлать? Наступилъ ефто вечеръ. Слышу въ залѣ гомонятъ, я посмотрѣлъ въ двери, — они. Я, зна-

читъ, ефто и вхожу въ залъ, помолился какъ должно на иконы, кланяюсь. Она ефто шасть съ дивана. Что, говоритъ, тебѣ надобно? Чего ты лѣзешь въ залу?

Черная борода. Хорошо! Какъ деньги отдавать, такъ что тебѣ надобно?

Сивая борода. Да вѣдь эфто завсегда! Я говорю: вы мнѣ дайте одинъ, значится, конецъ, порѣшите меня!—«Подожди!» говоритъ.—Какъ, я говорю, еще то ждать, довольно ждать, годъ ждали, къ Святой обѣщали!—Какъ вскинется она, а тутъ сынъ ея подбѣжалъ. Ахъ ты, говоритъ, борода! Смѣешь въ залу ломиться, шумъ поднимать! — Я говорю, какой такой шумъ, за своимъ пришелъ, десять верстъ бы обошелъ, чтобъ мимо-то не пройти, не токма къ вамъ. Да нужда гонитъ! — Что жь ты думаешь! Вѣдь ефто и договорить не далъ, въ шею, въ шею, такъ и съ лѣстницы спустилъ! Такъ и по сіе мѣсто сидятъ мои денежки. Пропадай они совсѣмъ! Ефто за какія же блага, за свои же деньги да и въ шею наклали!

Черная борода. Вотъ-те и барыши!

Рыжая борода. Какіе тутъ барыши! Тутъ смотришь, дѣловъ нѣтъ, покупатель только что слава что покупатель, а ефто совсѣмъ наплевать, дрянь! Навернется, купитъ на мѣдный пятакъ, а перебуравитъ на рубль. Одинъ какъ есть грѣхъ, а не покупатель, и наровитъ какъ бы за свою цѣну купить. А тутъ нашъ-то самъ имянинникъ, то жена, то рожденье, то балъ. Дуненьку всю довытянулъ.

Сѣдая борода. Да, озорновать! Ефтакой оторвы еще и не бывало. Выжига — грѣхъ тяжкій, и гдѣ онъ только такой царь Иродъ народился. А ужь она еще милѣе!

Черная борода. Ишь голова! Хуже еще его!

Сѣдая борода. Куда ему до ней! Вотъ тутъ и торгуй. Анамнясь забрали ефто вотъ къ балу, къ рожденью-то, вина. Ну, отпустили, пропадай модъ! чтобъ-те глотку залить, а тутъ еще бѣда; осталось вино, надобно назадъ получать. Пришелъ квартальный, гонитъ; дѣлать нечего, иду. А она, что жь вы думаете, забирала даромъ, а назадъ, чего значитъ не выпили, такъ давай значитъ деньги!

Сивая борода. Вотъ и порядокъ!

Сѣдая борода. Я говорю: какъ же ефто? Брали безъ денегъ, а назадъ за деньги. А она закричитъ: ахъ ты сякой, такой, разъедакій! Вѣдь ты покупаешь вино? — Покупаемъ-съ! говорю: неужто же сами дѣлаемъ! — Ну такъ говоритъ, развѣ тебѣ не все равно купить у кого! Я тебѣ гривенникъ съ бутылки сбрасываю!

Сивая борода. Эка добрая!

Сѣдая борода. И не говори! Ну что жь едва черезъ силу выторговалъ по гривнѣ съ рубля.

Сивая борода. Какъ же ефто она цѣну-то назначала!

Сѣдая борода. А на билетѣ и на пробкѣ на смолѣ цѣна проставлена. Да еще бутылку квасу въ то число втерла! И какъ неусмотрѣлъ—Не знаю! Да гдѣ тутъ! Сердце все кровью облилося, не токма что; ей, ей, внутренности перевернулись!

Рыжая борода. Что и говорить!

Сѣдая борода. Ефто не то, что у васъ съ хлѣбомъ.

Черная борода. У насъ-то?

Сѣдая борода. Да! Вотъ былъ хлѣбъ то въ цѣнѣ, славный барышъ былъ.

Черная борода. Да неча Бога гнѣвить! Въ неурожай–то дѣла шли ни што! Тоже поборы велики!

Сѣдая борода. Вишь ты.

Черная борода. Ефто съ кажнаго куля заплати! Не думай и говорить, что куль два раза въ день изъ рукъ въ руки перейдетъ.

Сѣдая борода. Вотъ тутъ и барыши!

Рыжая борода. Согрѣшили мы грѣшные!

Сивая борода. Именно, что за грѣхи попущенье!

Сѣдая борода. Будьте благообразны, выкушай-те еще по чашечкѣ!

СЦЕНА III.

Квартира Головкина. Небольшая комната, плохо меблированная. Головкинъ и Перучиный.

Головкинъ. Такъ вы уѣзжаете?

Перучиный. Да.

Головкинъ. Надолго?

Перучиный. Я думаю навсегда!

Ф. ЗИНОВЬЕВЪ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВО ФРАНЦІИ.

Въ настоящемъ случаѣ мы предлагаемъ короткій очеркъ этого вопроса въ современной Франціи (*). Мы не имѣемъ въ виду подробностей школьнаго устройства, методовъ преподаванія и такъ далѣе; напротивъ, желаемъ, сколько возможно, остаться на общей точкѣ зрѣнія, чтобы остановиться на существенномъ значеніи современной французской системы, и именно системы второй имперіи. Эта система нѣкоторыми пунктами своими весьма существенно отличается отъ прежняго порядка и дала новый видъ народному образованію, наблюденіе котораго для насъ не лишено интереса. Для изученія ея мы воспользовались прежде всего законодательствомъ второй имперіи по народному образованію, но необходимо должны были дополнить объясненіе его практическими наблюденіями спеціалистовъ или людей политическихъ и нѣкоторыми собственными замѣтками. Оффиціальная и бюрократическая форма закона очень часто даетъ очень мало понятія о практическомъ его приложеніи, въ которомъ однакоже и состоитъ вся сущность дѣла; законодатель очень часто не высказываетъ своей настоящей мысли, но она понимается исполнителями его идей и по-

---

(*) Источниками были у насъ: «Loi sur l'enseignement expliquée et commentée par ses motifs, les actes législatifs et la jurisprudence». Par MM. Nau et Delalain. Paris (2-me édit.) 1854; «De la loi de l'enseignement, commentaire théorique et administratif», par Eugène Rendu. Само собою разумѣется, что эти книги комментируютъ законъ съ правительственной точки зрѣнія; Dr. Holzapfel, «Mittheilungen über Erziehung und Unterricht in Frankreich». Magdeburg, 1853; «Westminster Review», октябрь, 1853 «France unter Louis-Napoleon», и друг.

тому часто на дѣлѣ выходитъ совершенно не то, о чемъ говоритъ буква закона. Такъ случилось отчасти и здѣсь, впрочемъ только отчасти, потому что, какъ мы увидимъ, даже въ буквѣ закона ясно высказывались тѣ цѣли, къ которымъ собственно стремился законодатель, хотя и не рѣшался, конечно, объявить ихъ открыто.

Ниже мы будемъ нѣсколько подробно приводить нѣкоторые пункты новаго законодательства о народномъ образованіи, дѣйствующаго теперь во Франціи. Читатель убѣдится, что при всей осторожности выраженій, при всей мягкости фразъ, льстившей только-что проходившему революціонному движенью, правительство Луи-Наполеона уже въ то время имѣло ясно опредѣленный планъ реформы народнаго образованія, основанный на чисто политическихъ видахъ и разсчетахъ. Конечно, эти политическіе разсчеты были разсчеты внутренней политики, которая вообще крайне занимала новое правительство; на этихъ разсчетахъ была основана возможность его существованія. Мы не считаемъ нужнымъ припоминать читателю обстоятельства возвышенія Луи-Наполеона и возстановленія имперіи; мы предполагаемъ ихъ извѣстными. Обѣ цѣли были достигнуты; правительство Луи-Наполеона обнаружило при этомъ много практической ловкости; оно съумѣло приготовить народъ, подѣйствовать на умы славными воспоминаніями первой имперіи и именемъ Наполеона, сохранившимъ фантастически увлекательный смыслъ въ глазахъ французскаго простолюдина, то есть цѣлой огромной массы,—а участіе ея было такъ полезно при suffrage universel, которымъ и рѣшилось дѣло впослѣдствіи. Для того, чтобы рѣзкая перемѣна республики въ имперію не слишкомъ бросилась въ глаза ревностнымъ республиканцамъ, новое правительство постоянно ссылалось на такъ называемые принципы 89-го года; конституція 14 января 1852 года положительно говорила, что эти принципы она подтверждаетъ и гарантируетъ (garantit et confirme). Это было неизбѣжной необходимостью, посредствомъ которой нужно было удовлетворить людей, серьёзно дорожившихъ этими принципами: со временъ первой революціи масса французскаго общества привыкла видѣть въ нихъ первое установленіе своей свободы, первое объявленіе «человѣческихъ правъ»; въ этихъ принципахъ, исторически отозвавшихся на цѣлую Европу, она привыкла видѣть свою славу и не могла потому отказаться отъ нихъ. Оттого такъ нужно было обойтись съ ними осторожно, говоря съ французской націей. Правительство Луи-Наполеона обошлось съ ними дѣйствительно осторожно, и имѣло, вообще говоря, успѣхъ; немногіе, положительно не вѣрившіе ему, эмигрировали или покорились силѣ; масса была удовлетворена. Новая имперія основалась: она повторила 18 брюмера, но въ новой конституціи оставались тѣ представительныя формы, кото-

рыя нужны были для исполненія буквы условій. На дѣлѣ правительство Луи-Наполеона могло совершенно обойтись и въ самомъ дѣлѣ обходилось безъ нихъ: личность одного человѣка совмѣстила въ себѣ всю власть; чтобы утвердить свое вліяніе, она выставила на видъ демократическій характеръ своего происхожденія (suffrage universel) и объявляла, что забота о народѣ будетъ главной цѣлью его стремленій. Но при этомъ съ самого начала обнаружилось важное затрудненіе. Новое правительство присвоило себѣ исключительную диктатуру, которая нужна была ей и для исполненія ея плановъ и для ея самосохраненія: она хотѣла освободить націю отъ всѣхъ ея заботъ о прогрессѣ и благосостояніи, и хотѣла взять эту многотрудную задачу на себя; съ другой стороны широкій объемъ вліянія, который давала диктатура, долженъ былъ вполнѣ обезпечить сохраненіе правительства. Расширеніе власти давало возможность захватить въ свои руки всѣ стороны народной дѣятельности, пріобрѣсти вліяніе на всѣ проявленія общественнаго духа,—но это стремленіе, которое съ перваго взгляда можно было замѣтить въ новой диктатурѣ, должно было однако встрѣтить въ обществѣ сильное сопротивленіе. Масса общества не могла легко отказаться отъ инищіативы, владѣть которой она привыкла въ предъидущую эпоху болѣе или менѣе свободной конституціонной жизни; вся болѣе образованная часть Франціи привыкла думать, что общественныя реформы, народное благо, усовершенствованія гражданской жизни,—словомъ, всѣ существенныя отправленія въ жизни націи, должны совершиться на основаніи или съ участіемъ общественнаго мнѣнія. Прежній порядокъ, если не вполнѣ, то въ значительной степени обезпечивалъ эту силу и свободу общественнаго мнѣнія; интересы и желанія имѣли своихъ представителей въ парламентскихъ учрежденіяхъ и въ прессѣ. Этотъ порядокъ очевидно противорѣчилъ стремленіямъ второй имперіи и она должна была неизбѣжно стать въ враждебное отношеніе къ требованіямъ общественнаго мнѣнія; но парламентскія учрежденія, одно изъ орудій его — стали уже при ней чисто номинальными, журналистика одна оставалась бы еще независимымъ органомъ и правительство второй имперіи дѣйствительно начало съ ней открытую борьбу. Журнальная пресса представляла вдвойнѣ опаснаго противника: въ рукахъ ея было оружіе не только противъ правительственной системы, безъ сомнѣнія не свободной отъ недостатковъ, но и противъ самой династіи: роялисты имѣли значительную массу своихъ представителей въ журналахъ.

Борьба противъ оппозиціи общественнаго мнѣнія въ прессѣ обнаружилась рѣзкими мѣрами противъ газетъ тотчасъ послѣ coup d'état 2 декабря. Не вдаваясь теперь въ подробности о положеніи французской журналистики въ этомъ отношеніи,—о чемъ мы думаемъ сказать

при другомъ случаѣ,—упомянемъ только, что послѣ 2-го декабря запрещено было множество газетъ, имѣвшихъ политическое вліяніе; въ слѣдующемъ году новый декретъ стѣснилъ учрежденія газеты и не допускалъ основанія новыхъ газетъ безъ разрѣшенія правительства— назначеніе и выборъ редактора сдѣлались возможны только съ согласія и утвержденія правительства. Журналистика, кромѣ того, подверглась крайнимъ стѣсненіямъ отъ системы предупрежденій (avertissement), которыя правильно давались каждый разъ, когда печаталось что нибудь не въ правительственномъ смыслѣ, и за которыми также правильно слѣдовала потомъ остановка (suspension) или окончательное запрещеніе (suppression) газеты.

Такимъ образомъ правительство поставлено было въ необходимость бороться противъ литературы, то есть въ сущности противъ всего передоваго въ обществѣ; то, къ чему вело развитіе общества, къ чему приходили самые свѣтлые умы его, подвергалось контролю и часто строгому осужденію, преслѣдованіямъ и политическимъ наказаніямъ. Многочисленныя исторіи съ журналами, процессы противъ книгъ и авторовъ, обнаруживаютъ это слишкомъ ясно. Но если правительству не нравилось самостоятельное направленіе общественнаго мнѣнія и его попытки, оно необходимо должно было обратить вниманіе и на тѣ органы, которыми подготовлялось это направленіе, которые развивали въ обществѣ стремленіе къ критическому взгляду и самобытной инищіативѣ. Этимъ органомъ была вся система народнаго образованія, которая въ высшихъ и въ низшихъ учрежденіяхъ своихъ имѣла существенное вліяніе на развитіе понятій въ разныхъ слояхъ общества. Всѣмъ открытый, богатый извѣстными профессорами Collège de France былъ почти такой же трибуной самостоятельной общественной жизни, какъ журналъ, и долженъ былъ возбудить тоже неудовольствіе; элементарная школа, дававшая образованіе массѣ, столько же должна была привлекать вниманіе осторожнаго правительства, искавшаго распространенія своихъ взглядовъ. Оттого вообще вся система народнаго образованія очень скоро подверглась вліянію новаго правительства и уже въ 1850 г. приняты были мѣры къ радикальнымъ реформамъ и въ системѣ обученія, и въ выборѣ наставниковъ. Само собою разумѣется, что правительство не могло начинать открытой войны противъ образованія; это было бы слишкомъ нагло въ наше время, но оно приняло свои дѣйствительныя мѣры, чтобы дать образованію именно то направленіе, какое было ему нужно; чтобы оно приносило именно тѣ плоды, на которые разсчитывали. Правительство дѣйствовало осторожно, но весьма положительно.

Передавая читателю положеніе самаго дѣла, мы приведемъ существенные пункты новой французской системы народнаго просвѣщенія

и тѣ практическія слѣдствія, которыя проистекали изъ законодательства второй имперіи.

Преподаваніе во Франціи раздѣляется на три степени: первоначальное, среднее и высшее. Первоначальное преподаваніе опять имѣетъ три степени, изъ которыхъ каждой соотвѣтствуетъ особый родъ школъ. Почти во всѣхъ маленькихъ деревняхъ есть училища перваго разряда, въ которыхъ учатъ чтенію, письму, ариѳметикѣ, географіи, краткой французской и священной исторіи и основаніямъ практической геометріи. Школы втораго разряда находятся въ селеніяхъ средней величины и предметы преподаванія въ нихъ почти тѣ же самые, только въ объемѣ нѣсколько болѣе обширномъ. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ первоначальныя школы, находящіяся во всѣхъ городахъ и большихъ мѣстечкахъ, потому что онѣ даютъ здоровое практическое образованіе, дѣлающее молодаго человѣка способнымъ идти по какой ему угодно дорогѣ промышленной жизни. Кромѣ предметовъ, преподаваемыхъ въ другихъ школахъ, здѣсь преподается довольно подробно французская исторія, геометрія, въ связи съ геометріею алгебра, естественная исторія, рисованіе и музыка. Изъ парижскихъ училищъ этого рода два, Ecole Turgot и Ecole Chaptal достигли замѣчательной извѣстности; любимою заботою просвѣщеннѣйшихъ людей во Франціи, когда они имѣли вліяніе на правительство, было содѣйствовать размноженію подобныхъ училищъ, считавшихся лучшими питомниками здороваго народнаго воспитанія. Всѣ первоначальныя школы, различныхъ разрядовъ раздѣляются на публичныя и свободныя (écoles publiques et écoles libres), — иначе на общинныя, коммунныя, и школы частныя. Коммунныя школы имѣютъ начальника или учителя, назначаемаго сельскими или городскими властями, по рекомендаціи чиновника, завѣдующаго учебнымъ округомъ (ректора академическаго округа). Учители, назначаемые такимъ образомъ, находятся въ полной зависимости отъ правительства и получаютъ жалованье вообще чрезвычайно скудное, — рѣдко болѣе 300 руб. сер., а часто меньше. Свободныя или частныя школы управляются своими основателями, которые, впрочемъ, подчинены надзору инспектора, находящагося въ каждомъ департаментѣ. Но кромѣ этого надзора, существуютъ для свободныхъ школъ и другія стѣсненія. Никто не можетъ открыть училища, не представивъ по начальству удостовѣреніе въ томъ, что онъ выдержалъ учительскій экзаменъ. Отъ начальства совершенно зависитъ, отказать или не отказать ему въ просьбѣ открыть школу въ извѣстномъ мѣстѣ, а потомъ начальство всегда когда угодно можетъ закрыть его школу, не объясняя даже особенныхъ поводовъ къ такому рѣшенію. Нынѣшняя система неутомимо ведетъ борьбу и противъ свободныхъ, и противъ коммунныхъ

училищъ. Рѣшившись изгнать изъ національнаго преподаванія все, питающее духъ самостоятельности и замѣнить его духомъ субординаціи, оно старается удалить изъ первоначальныхъ училищъ элементы, кажущіеся ему непріятными, и замѣнить ихъ другими, согласными съ его вкусомъ. Первое было ему очень легко, при чрезвычайныхъ правахъ на училищами. Какъ только преподаватель оказывался или казался имѣющимъ независимый образъ мыслей, безотвѣтственная власть изгоняла его. Часто это сопровождалось закрытіемъ школы. Газеты, служащія органами правительства, много разъ протестовали противъ обвиненія его въ систематическомъ стремленіи уменьшить число и понизить достоинство школъ, воспитывающихъ народъ. Разумѣется, не было издано оффиціальныхъ статистическихъ документовъ, по которымъ бы можно было сравнить число общинныхъ и частныхъ первоначальныхъ школъ въ десять лѣтъ, отъ 1848 до 1858 года, когда новая система успѣла оказать свое дѣйствіе; но можно поручиться за достовѣрность того факта, что противъ этихъ школъ неослабно велось гоненіе по всевозможнымъ случаямъ, подъ всѣми предлогами, и можно думать, что если считать вновь учрежденныя школы въ замѣнъ уничтоженныхъ 70, все-таки надобно полагать уменьшеніе общаго числа болѣе чѣмъ на 500 школъ. А надобно замѣтить, что новыя училища вовсе не похожи на прежнія, въ замѣнъ которыхъ являются. Правительство, чувствуя надобность замѣстить чѣмъ нибудь пустоту, производимую разрушеніемъ, вступило въ союзъ съ духовенствомъ, какъ лучшимъ помощникомъ своихъ намѣреній. Конгрегація братьевъ христіанскаго ученія (Frères de la Doctrine chrètienne), исключительно занимающаяся первоначальнымъ обученіемъ, и много другихъ конгрегацій этого рода,—были избраны въ союзницы правительства. Эти братства, богатыя преподавателями и деньгами, быстро распространяютъ свои училища при содѣйствіи правительства. Школы конгрегацій занимаютъ мѣста уничтожающихся коммунныхъ училищъ. Мы приведемъ дальше подробности о томъ, какими законодательными мѣрами дано было духовнымъ конгрегаціямъ это вліяніе, и какимъ образомъ они пользовались своимъ положеніемъ.

Далѣе, среднія училища, самыя важныя во всей системѣ преподаванія, потому что черезъ нихъ долженъ пройти каждый, желающій быть медикомъ, адвокатомъ или чиновникомъ, и потому что обширный курсъ ихъ преподаванія обнимаетъ тѣ годы жизни, когда образуется характеръ въ человѣкѣ, — эти училища въ послѣдніе годы совершенно преобразованы. Курсъ ученія въ среднихъ школахъ содержитъ подробнѣйшее преподаваніе предметовъ первоначальнаго обученія; сверхъ того, въ нихъ преподаются языки греческій и латинскій, одинъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ, англійскій или нѣмецкій,

по выбору учащагося, реторика, философія, французская литература, математика, естественныя науки; такимъ образомъ ученикъ получаетъ классическое и литературное образованіе и знакомится съ точными науками. Училища этого класса — лицеи, бывшіе королевскіе коллегіумы и частныя школы. Для надзора за ними Франція раздѣлена на округи, называющіеся академіями; предсѣдатель каждой академіи, т. е. администрація учебнаго округа, называется ректоромъ. Изъ этого мы видимъ, что академіею называется во Франціи не какое нибудь особенное учебное учрежденіе, а совокупность лицеевъ, коллегіумовъ и частныхъ училищъ, подвѣдомственныхъ одному ректору; — незнакомство съ этимъ особеннымъ смысломъ, приданнымъ во Франціи слову «академія», часто бывало причиною ошибокъ въ разсужденіяхъ иностранцевъ о французскихъ училищахъ. Всѣ лицеи содержатся правительствомъ, и слѣдовательно професcора ихъ — чиновники правительства. Но многіе изъ общинныхъ коллегіумовъ можно назвать почти совершенно частными училищами: община даетъ помѣщеніе или выдаетъ пособіе учредителю коллегіума и онъ, какъ хозяинъ, содержитъ школу на свой счетъ. Частнаго училища не можетъ открыть никто безъ свидѣтельства о томъ, что онъ имѣетъ степени баккалавра и лиценціата; кромѣ того онъ подвергается особенному экзамену и потомъ представляетъ на утвержденіе секретарю академическаго округа конспектъ курсовъ, какіе будутъ читаться въ его заведеніи; курсы эти непремѣнно должны содержать въ себѣ предметы лицейскаго преподаванія; кромѣ всего этого онъ долженъ представить планъ внутренняго расположенія его школы. Въ восьмой, низшій классъ этихъ училищъ воспитанники поступаютъ 11 лѣтъ; и до послѣднихъ измѣненій, о которыхъ мы скажемъ ниже, они проводили по одному году въ каждомъ классѣ, поступая въ высшій, называвшійся классомъ реторики, 18 лѣтъ. По окончаніи этого курса надобно было провести еще годъ въ дополнительномъ классѣ философіи; для людей, посвящающихъ себя математикѣ и естественнымъ наукамъ послѣ класса философіи надобно было провести еще годъ въ классѣ высшей математики. Такимъ образомъ воспитанникъ кончалъ курсъ средняго образованія не раньше 20 лѣтъ, и на степень баккалавра литературы, бывшую необходимымъ условіемъ для вступленія на ученую и адвокатскую карьеру, онъ могъ держать экзаменъ не иначе, какъ выслушавъ курсъ философіи. Кромѣ степени баккалавра литературы, существуетъ во Франціи степень баккалавра точныхъ наукъ; но прежде она давалась только людямъ, имѣвшимъ уже степень баккалавра литературы, безъ которой нельзя было получить никакого другаго ученаго диплома. Для допущенія къ экзамену на степень баккалавра литературы требовалось, чтобы молодой человѣкъ учился въ заведеніи, под-

чиненномъ правительственному надзору или, по французскому выраженію, университетскому надзору. Исключеніе допускалось только для молодыхъ людей, воспитывавшихся въ родительскомъ домѣ; но они должны были представить свидѣтельство отъ отца и отъ мэра своей общины, что учителемъ ихъ былъ человѣкъ, получившій отъ университета ученую степень. Притомъ это свидѣтельство освобождало только отъ обязанности быть въ первыхъ осьми классахъ лицея. Высшіе классы реторики и философіи все-таки должно было посѣщать по цѣлому году, тотъ и другой. Экзаменъ на степень баккалавра литературы соотвѣтствовалъ объему лицейскаго курса. Предметы его: латинскій и греческій языки, одинъ изъ новыхъ языковъ, по выбору экзаменующагося, реторика, философія, всеобщая исторія, французская исторія, ариѳметика, геометрія, алгебра, физика и химія. Развитіе политической жизни во Франціи еще такъ слабо, что человѣкъ, сошедшій со школьной скамьи, обыкновенно весь погружается въ свои частныя дѣла и, не будучи въ постоянномъ соприкосновеніи съ высшими интересами общественной жизни, не имѣлъ ни надобности, ни возможности подвигаться впередъ въ умственномъ развитіи, довольствуясь тѣмъ запасомъ свѣдѣній, какія успѣлъ пріобрѣсти, приготовляясь къ экзамену. Потому лучшіе люди во Франціи обширный объемъ серьёзнаго преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ считаютъ вѣрнѣйшимъ залогомъ умственнаго развитія своей націи и думаютъ, что только обширность лицейскихъ курсовъ можетъ снабдить молодаго человѣка достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и умственныхъ интересовъ, чтобы онъ совершенно не опошлѣлъ въ своей послѣдующей жизни, мало способной пробуждать дѣятельность мысли. Нынѣшняя система также видѣла, что главный источникъ просвѣщенія и прочныхъ убѣжденій для французской націи составляетъ воспитаніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; потому она стала неусыпно хлопотать, чтобы понизить уровень этого преподаванія и уменьшить важность его для націи. Въ 1848 году были уничтожены прежнія стѣснительныя постановленія о необходимости имѣть особенное разрѣшеніе правительства для основанія частной школы и о необходимости въ теченіе двухъ лѣтъ слушать высшіе курсы университетскихъ лицеевъ для допущенія къ экзамену на степень баккалавра. Первое изъ этихъ измѣненій скоро было уничтожено, но второе Луи-Наполеонъ удержалъ съ тѣмъ, чтобы оно служило ему для цѣлей совершенно противныхъ тѣмъ, съ какими было сдѣлано. Луи-Наполеонъ стремился къ тому, чтобы истребить духъ независимости и самоуваженія, какимъ было проникнуто сословіе преподавателей, и уменьшить ихъ вліяніе на общество; потому его правительство въ 1849 году горячо поддерживало въ на-

ціональномъ собраніи предложеніе Монталамбера, сдѣланное католическимъ ораторомъ для того, чтобы увеличить силу духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія. Прежде Франція раздѣлялась на 22 академическіе округа; Монталамберъ предложилъ, чтобы каждый департаментъ былъ особеннымъ академическимъ округомъ. Луи-Наполеонъ въ уменьшеніи объема видѣлъ только средство наказать тогдашнихъ ректоровъ и другихъ чиновниковъ народнаго просвѣщенія, за ихъ непокорность, уменьшеніемъ важности ихъ должностей, не замѣчая того, что проектъ Монталамбера противорѣчитъ и его собственнымъ выгодамъ. Собственно говоря, Луи-Наполеону было нужно не то, чтобы унизить непріятныхъ ему людей, — а то, чтобы народное образованіе во всемъ своемъ великолѣпіи и величіи явилось покорнымъ служителемъ его системы. Но когда вѣдомство академическаго ректора было ограничено однимъ департаментомъ и когда жалованье ректора было уменьшено соразмѣрно уменьшенію круга его дѣйствій, изъ важнаго сановника ректоръ вдругъ сдѣлался неважнымъ чиновникомъ, совершенно неспособнымъ возвеличивать правительство блескомъ своей подчиненности. Вмѣстѣ съ униженіемъ оффиціальнаго представителя заботъ правительства о народномъ просвѣщеніи, союзникъ правительства, епископъ, возвысился такъ, что сталъ соперникомъ правительству. Воспользовавшись неразсчетливымъ покровительствомъ, располагая обширными денежными средствами и цѣлою толпою ревностныхъ помощниковъ въ монашескихъ конгрегаціяхъ, епископы съ униженіемъ ректоровъ пріобрѣли чрезвычайную важность. Но система Луи-Наполеона не можетъ допустить никакой другой власти, сколько нибудь самостоятельной. Покровительствуя духовенству, она хотѣла сдѣлать его только своимъ служителемъ и почувствовала безпокойство, когда оно стало стремиться къ независимости. Потому въ 1852 году былъ изданъ новый законъ, уничтожавшій ошибку, только что сдѣланную принятіемъ прежняго, но старавшійся замаскировать эту ошибку тѣмъ, что вмѣсто прежнихъ 22 округовъ было учреждено 16. Ректоры изъ своего униженія были возведены на вершину оффиціальнаго блеска. Ихъ жалованье увеличено съ 15 до 25 тысячъ франковъ и власть, ввѣренная покорному ихъ храненію, была расширена до размѣровъ, уничтожавшихъ всякую возможность самостоятельной оппозиціи.

Проводя новое законодательство по народному просвѣщенію, правительство не думало, конечно, о политическихъ послѣдствіяхъ усиленія духовенства, и прежде, чѣмъ эта случайность могла оказаться на дѣлѣ, вліяніе духовенства на народное образованіе уже доставило правительству тѣ ближайшія выгоды, которыхъ оно отъ того ожидало. Существенной выгодой было уже то, что духовенство стало въ

особое, независимое отношеніе, къ такъ называемому *Университету*, имя котораго во французской терминологіи означаетъ администрацію, завѣдывающую преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ разрядовъ. До временъ диктаторства Луи-Наполеона университетъ былъ самобытнымъ учрежденіемъ, которое имѣло достойныхъ представителей, свободно дѣйствовало на общественное развитіе своими органами и могло представить сильную оппозицію въ случаѣ, если бы дѣло народнаго просвѣщенія подвергалось серьезному стѣсненію и вреднымъ вліяніямъ чужихъ элементовъ. Еще незадолго до второй имперіи университетъ твердо поддерживалъ свободное преподаваніе, котораго такъ боялись ультрамонтаны, и которое производило такой энтузіазмъ въ молодыхъ поколѣніяхъ. Университетъ былъ остаткомъ старыхъ либеральныхъ учрежденій и правительству очень важно было ослабить его вліяніе: преподаваніе прямо дѣйствуетъ на развитіе молодежи, и если оно не соотвѣтствовало видамъ правительства, ему тотчасъ же слѣдовало положить границы или остановить его. Такъ и было сдѣлано.

Чтобы яснѣе показать читателю, въ какое отношеніе къ этому университету поставлено было теперь духовенство мѣрами новаго законодательства, мы укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію ихъ прежнихъ отношеній.

Французскій университетъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы сейчасъ объяснили, т. е. въ смыслѣ совокупности учебныхъ учрежденій, организованныхъ государствомъ и отъ него зависящихъ, основанъ былъ первымъ Наполеономъ. Онъ составилъ особую корпорацію, къ которой принадлежала и вся администрація народнаго просвѣщенія, и всѣ учебныя заведенія, подлежавшія правительственному надзору, — словомъ, вся образовательная дѣятельность, выходившая изъ тѣснаго круга семейства. При основаніи французскаго университета дѣйствительно имѣлась въ виду мысль, чтобы внѣ университета не могли существовать заведенія, дающія *общее* образованіе; но впрочемъ мысль не была выдержана съ строгой послѣдовательностью: различныя отрасли знанія и различныя потребности жизни требовали особыхъ учебныхъ заведеній,—военныхъ, горныхъ, художественныхъ и т. д.,—которыя бы не зависѣли отъ университета. Такихъ особенныхъ учрежденій требовала и церковь.

Эти духовныя или церковныя заведенія основались подъ именемъ семинарій, и цѣлью ихъ опредѣлено было образованіе будущихъ духовныхъ лицъ. Французскія семинаріи не были похожи на нѣмецкія семинаріи, конвикты и богословскіе факультеты въ университетахъ, потому что въ послѣднихъ принимаются уже люди, окончившіе первоначальное воспитаніе, болѣе или менѣе зрѣлые и способные опредѣ-

лить себѣ дѣятельность въ жизни. Французскія семинаріи, напротивъ, устроены были въ смыслѣ постановленій тридентскаго собора: будущіе священники поступали въ заведеніе въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, и уже съ самаго начала получали совершенно особенное образованіе, разсчитанное на ихъ будущее званіе. По уставамъ тридентскаго собора воспитанники должны были дѣлиться на классы по ихъ возрасту и по степени церковнаго образованія, прежде чѣмъ перейдутъ къ непосредственному служенію церкви. Французская церковь примѣнила это требованіе къ своимъ заведеніямъ такимъ образомъ, что кромѣ простаго раздѣленія на классы совершенно отдѣлила высшее богословское образованіе отъ низшаго приготовительнаго обученія, и вмѣсто одного устроила два разряда заведеній: petits séminaires и grands séminaires, и въ то же время начала стараться о томъ, чтобы привлечь въ «малыя семинаріи» и такихъ молодыхъ людей, которые нисколько не предназначали себя къ духовному званію.

Такимъ образомъ духовныя школы переставали быть спеціальными заведеніями, и потому теряли право быть независимыми отъ свѣтскаго надзора университета. Императорскіе декреты 1808—1810 г. дѣйствительно подчинили ихъ свѣтской власти и потребовали, чтобы наставники семинарій держали экзаменъ въ Сорбоннѣ, богословскомъ факультетѣ, принадлежащемъ къ университету. Съ этого времени начинается борьба церкви съ университетомъ, до сихъ поръ еще не конченная. Церковь покорилась правилу, которое считала стѣсненіемъ, но послѣ паденія имперіи, уже въ 1814 г. успѣла освободиться отъ свѣтскаго надзора; политическое значеніе церкви воротилось снова, и она достигла того, что завѣдываніе духовными школами было предоставлено исключительно епископамъ и нѣкоторымъ духовнымъ конгрегаціямъ. Правительство хотя и удержало еще нѣкоторыя правила, ограничивавшія ихъ притязанія, но въ тоже время предоставило имъ выгоды, которыхъ духовныя школы не имѣли прежде, напримѣръ, воспитанникъ семинаріи могъ являться къ экзамену на степень баккалавра, которая прежде ограничена была вѣдомствомъ университета. Эта выгода имѣла большое значеніе въ порядкѣ тогдашняго образованія и помогла духовенству привлечь въ семинаріи множество недуховныхъ воспитанниковъ; кромѣ того, обученіе давалось въ семинаріяхъ безплатно, и это также дѣйствовало на семейства, которыя затруднялись платой. Политическое вліяніе ультрамонтановъ въ эпоху реставраціи еще болѣе помогло духовнымъ заведеніямъ распространиться до тѣхъ предѣловъ, которыхъ собственно не допускала буква закона: іезуитское воспитаніе и ультрамонтанскіе вкусы были тогда во всей своей силѣ.

Все это нарушало права университета и вызвало наконецъ разум-

ную реакцію. Правительство рѣшилось возвратить духовныя школы къ ихъ спеціальному назначенію и освободить воспитаніе отъ ультрамонтанскихъ вліяній. Декретомъ 1828 г. закрыто было восемь іезуитскихъ семинарій; іезуитамъ и другимъ конгрегаціямъ, которыя не были признаны государствомъ, запрещено было участіе въ воспитаніи юношества; число воспитанниковъ духовныхъ заведеній ограничено было 20,000, и пріемъ постороннихъ учениковъ запрещенъ; съ 14 лѣтъ воспитанники должны были надѣвать духовное платье; дипломъ баккалавра они получали только принявши посвященіе. Повидимому эти мѣры должны были совершенно измѣнить положеніе дѣла; но духовенство было довольно сильно для того, чтобы ускользнуть до нѣкоторой степени отъ исполненія закона; аристократическіе приверженцы старшей линіи Бурбоновъ разсчитывали на участіе духовенства въ своихъ планахъ и съ своей стороны поддерживали его стремленіе, такъ что новый порядокъ духовныхъ училищъ мало удалялся отъ прежняго: архіепископъ парижскій строго запретилъ духовнымъ воспитанникамъ посѣщать лекціи университета; семинаріи опять имѣли постороннихъ, недуховныхъ слушателей.

Въ этихъ натянутыхъ обстоятельствахъ вспыхнула іюльская революція. Духовенство не могло ожидать отъ нея большихъ выгодъ, но на дѣлѣ оно почти выиграло. Конституція 1830 г. объявила свободу преподаванія, чтобы оно не ограничивалось монополіей университета и чтобы была возможность независимаго образованія. При организованіи низшихъ школъ, на которыя мало обратило вниманія законодательство перваго Наполеона и которыми занялись теперь, надзоръ за школами предоставленъ былъ не университету, а мѣстнымъ властямъ, и церковь получила при этомъ возможность проводить свои собственные интересы. Затѣмъ начался вопросъ о среднихъ заведеніяхъ. Министерскій проэктъ (Виллымена), и здѣсь такъ же, какъ въ элементарныхъ школахъ, допускалъ къ преподаванію каждаго француза съ незапятнанной нравственностью, но требовалъ, чтобы знанія свои онъ доказалъ посредствомъ государственнаго экзамена, а этотъ экзаменъ онъ предоставлялъ корпораціи университета. Эта мѣра должна была распространиться на всѣ среднія заведенія, въ томъ числѣ и на духовныя семинаріи, и потому духовенство страшно возстало противъ проэкта, несмотря на то, что въ вознагражденіе ему проэктъ предлагалъ отмѣну ограниченій, павшихъ на семинаріи въ 1828 г.

Духовенству казалось послѣднимъ дѣломъ подчиниться университету, который никогда не смотрѣлъ благопріятно на ультрамонтановъ и не хотѣлъ допускать въ зависѣвшихъ отъ него школахъ клерикальныхъ тенденцій. Поэтому духовенство употребило всѣ средства, явныя и тайныя, какія только были въ его рукахъ, чтобы помѣшать проэкту

Вилльмена. Началась ожесточенная полемика противъ университета, ультрамонтаны настроивали всѣхъ своихъ приверженцевъ противъ министерства, въ палаты поступало множество просьбъ о полной свободѣ преподаванія, которую духовенство толковало въ свою пользу. Проэктъ дѣйствительно былъ взятъ назадъ. Сальванди, смѣнившій Вилльмена въ министерствѣ, хотѣлъ примирить враждующія стороны,—хотя это было вовсе не легко. Объявить свободу преподаванія въ томъ обширномъ смыслѣ, какого желало духовенство, значило бы просто отдать народное образованіе въ руки церкви, которая горячо къ этому стремилась изъ собственныхъ видовъ и владѣла на то значительными средствами. Уступая ему, надобно было идти противъ университета. Сальванди сдѣлалъ эту уступку тѣмъ, что измѣнилъ составъ высшаго совѣта народнаго просвѣщенія, имѣвшаго существенное значеніе въ министерствѣ. Этому совѣту предоставлено было совершенно самостоятельное вліяніе въ дѣлахъ министерства; составленный исключительно изъ людей одной профессіи, онъ постоянно руководился однимъ корпоративнымъ духомъ и крѣпко держался своихъ цѣлей. Такъ онъ съ самаго учрежденія своего боролся противъ усилій церкви и клерикаловъ. Сальванди уничтожилъ замкнутость этой корпораціи—состоявшей изъ членовъ только пожизненныхъ,—и измѣнилъ ее прибавкой членовъ, которые должны были назначаться министромъ на одинъ годъ (1845). Такимъ образомъ онъ уничтожалъ упреки въ корпоративномъ пристрастіи, которые дѣлало духовенство высшему совѣту, — но на дѣлѣ совѣтъ оставался съ тѣмъ же характеромъ, какимъ и прежде отличалось вліяніе университета. Въ 1847 году Сальванди дѣлалъ другую уступку; онъ предложилъ проэктъ закона, уничтожавшаго ограниченія 1828 года противъ духовныхъ школъ, впрочемъ онъ удерживалъ изъ нихъ весьма важные пункты—ограниченіе числа воспитанниковъ и недопущеніе къ преподаванію іезуитовъ.

Февральская революція привела совершенно иной порядокъ вещей. Духовенство вдругъ выиграло все то, къ чему оно такъ долго стремилось. Съ президентства Луи-Наполеона и второй имперіи наступилъ для системы народнаго просвѣщенія новый періодъ. Клерикальная партія должна была быть его политическимъ союзникомъ, и для нея сдѣланы были всѣ уступки, которыхъ она желала для себя въ дѣлѣ народнаго образованія. Цѣли правительства и церкви сходились впрочемъ, какъ мы видѣли, очень близко; помогая духовенству, правительство дѣлало и свою выгоду: подавить университетъ значило подавить и свободу народнаго развитія,—этого только и было нужно. Эта мѣра шла параллельно съ другими: стѣсненіемъ политической свободы, уничтоженіемъ парламентскихъ учрежденій и свободы печати.

Тенденціи новаго правительства обнаружились очень ясно въ законѣ 15 марта 1850 года, который составляетъ основу новаго законодательства о народномъ просвѣщеніи, дѣйствующаго теперь во Франціи. Мы увидимъ, что правительство достигало въ этомъ обѣихъ цѣлей, и положительнаго ослабленія университета и возвышенія духовенства, епископовъ и духовныхъ конгрегацій. Бартелеми Сентъ-Илеръ, имѣвшій возможность близко слѣдить за составленіемъ закона, уже тогда говорилъ, что «явная цѣль закона состоитъ въ томъ, чтобы разрушить, если возможно, университетъ, и замѣнить свѣтское образованіе церковнымъ,» что «малыя семинаріи и іезуиты при этомъ законѣ получаютъ то, въ чемъ всегда отказывали имъ Наполеонъ, реставрація и Луи-Филиппъ, т. е. господства надъ воспитаніемъ націи» (*). Для людей, понимавшихъ дѣло, и тогда уже видны были тайныя побужденія и цѣли правительства.

Не смотря на явное желаніе заслонить университетъ и выдвинуть на первый планъ духовныя конгрегаціи, правительство старалось вездѣ дать приличный видъ своимъ нововведеніямъ. Основной принципъ законодательства былъ высказанъ въ демократически-свободной формѣ, и первымъ пунктомъ закона была поставлена полная свобода преподаванія (l'enseignement est libre), какой и слѣдуетъ, конечно, быть въ либеральномъ государствѣ. Министерское наставленіе, посланное ректорамъ академій при введеніи закона, объясняетъ, что «въ этомъ законѣ нѣтъ тѣхъ заставъ, которыя ставило прежнее правительство,» что новый законъ «освящалъ вмѣстѣ и свободу отца семейства и свободу гражданина, который могъ съ этихъ поръ безъ предварительнаго разрѣшенія заниматься воспитаніемъ юношества;» министръ требовалъ «благосклонности и покровительства ректоровъ ко всѣмъ заведеніямъ, гдѣ юношество будетъ воспитываться по началамъ *порядка*, нравственности и добродѣтели» (**).

Слово *порядокъ* въ употребленіи министра имѣло уже въ себѣ тотъ смыслъ, какой оно получило потомъ въ цѣлой системѣ второй имперіи; этотъ мнимый порядокъ оправдывалъ потомъ всѣ стѣснительныя мѣры правительства; во имя этого порядка искоренялись потомъ всѣ непріятныя правительству явленія французской общественной жизни.

Съ самаго начала обсужденія вопроса въ коммиссіи, назначенной для редакціи органическаго закона 15 марта, обнаружился тотъ новый элементъ, который долженъ былъ теперь получить силу въ системѣ народнаго воспитанія. Первая реформа касалась высшаго совѣта на-

---

(*) Barth. de St.-Hilaire, Loi sur l'instruction publique, 1850, pp. 4, 17, 23 и др.
(**) Instruction ministérielle, adressée aux recteurs, 27 avr. 1850.

роднаго просвѣщенія (conseil supérieur de l'instruction publique). Составъ его былъ совершенно измѣненъ: вмѣсто прежнихъ членовъ, знавшихъ свое дѣло и вѣрныхъ своей профессіи, въ совѣтъ введены посторонніе люди, больше изъ важныхъ сановниковъ, и между прочимъ четыре католическихъ епископа, такъ что прежніе спеціальные члены совѣта (теперь уже впрочемъ зависѣвшіе отъ правительства) остались въ слабомъ меньшинствѣ. Безсмѣнные члены совѣта должны были назначаться правительствомъ. Когда при обсужденіи этого правила, одинъ изъ оппозиціонныхъ членовъ коммисіи выразилъ желаніе, чтобы безсмѣнные члены совѣта выбирались по крайней мѣрѣ изъ представителей разныхъ отраслей знанія, министръ возразилъ, что выборъ ихъ не долженъ быть *ничѣмъ* стѣсняемъ для правительства, и что назначеніе ихъ будетъ находиться подъ отвѣтственностью министра и *президента республики*. Въ томъ же смыслѣ устроено было провинціальное управленіе академій, и такимъ образомъ вліяніе прежняго университета и его тенденцій было подорвано въ самомъ корнѣ.

Но чѣмъ же выразилось духовенство при вступленіи своемъ въ область прежняго университета? Монсеньоръ Паризисъ, одинъ изъ членовъ коммисіи, съ самаго начала заявилъ, что присутствіе членовъ французскаго духовенства въ высшемъ совѣтѣ вовсе не будетъ значить, что они «должны будутъ помирить свое чистое и непоколебимое ученіе съ тѣмъ, что они считаютъ заблужденіемъ.» Онъ прямо возсталъ противъ «союза философіи и религіи», когда другіе хотѣли этой любезной фразой объяснить сильное представительство клерикаловъ въ высшемъ совѣтѣ,—которое въ первое время особенно поражало своимъ контрастомъ съ прежнимъ независимымъ университетомъ, еще такъ недавно стоявшимъ въ открытой борьбѣ съ клерикалами и іезуитами. Монсеньоръ Паризисъ выразилъ свое понятіе о будущей роли духовенства въ слѣдующей фразѣ:

«Не знаю, правильно ли я понимаю наше положеніе во Франціи; но мнѣ казалось, что религіозныя преслѣдованія невозможны между нами. Я думалъ поэтому, что еслибы католическіе епископы объявили этому высшему совѣту, что *введеніе той или другой книги*, той или другой *программы* было бы въ обученіи молодыхъ католиковъ нарушеніемъ ихъ религіи, — то другіе не захотѣли бы, не могли бы опечалить, преслѣдовать убѣжденіе ихъ совѣсти».

Само собою разумѣется, что преслѣдовать ихъ совѣсти никто не изъявилъ желанія, и фраза была принята собраніемъ. Опредѣленіе книгъ, допускаемыхъ въ школы, было однако дѣло очень важное, и ясно, что ультрамонтанскій епископъ, который не хотѣлъ ни за что мириться съ тѣмъ, что онъ считалъ заблужденіемъ, могъ крайне вредить

разумному преподаванію. Вліяніе его въ этомъ случаѣ могло быть очень рѣшительное: хотя оффиціальный комментарій закона и говорилъ, что указаніе не-ортодоксальности въ книгѣ, со стороны епископа, еще не обязывало бы совѣтъ *тотчасъ* отвергнуть ее, не прибѣгая къ большинству голосовъ, но изъявлялъ надежду, что когда епископъ сдѣлаетъ это указаніе, то министру нужно будетъ только «обратиться къ чувствамъ совѣсти и приличія другихъ членовъ совѣта и что большинство совѣта *конечно* не откажется отвергнуть книгу». Мы увидимъ дальше, что возможны были даже и религіозныя притѣсненія, которымъ не хотѣлъ вѣрить монсеньоръ Парьевъ.

Вторымъ важнымъ для правительства пунктомъ въ этомъ дѣлѣ было возвышеніе духовныхъ конгрегацій. Это было сдѣлано статьями 25, 31, 53 и 60 новаго законодательства, которыя впрочемъ не представляли съ виду никакихъ клерикальныхъ тенденцій; все существенное было сказано въ комментаріяхъ. Первая изъ этихъ статей объявляла, что каждый французъ, старше 21 года, представившіи доказательства своей способности, могъ свободно убучать во всей Франціи; служитель церкви не нуждался и въ доказательствахъ. Это совершенно развязывало руки духовнымъ конгрегаціямъ, которыя прежде ограничены были по большей части извѣстными округами и мѣстностями, гдѣ находились ихъ учрежденія: теперь членъ конгрегаціи, не имѣвшій права выходить за предѣлы своего округа, свободно являлся всюду, — не какъ членъ конгрегаціи, а «какъ французъ болѣе 21 года». Комментарій ко второй статьѣ далъ право муниципальнымъ совѣтамъ приглашать учителей изъ духовныхъ обществъ по собственному усмотрѣнію: совѣтъ просто обращался къ суперьору такой конгрегаціи, который и представлялъ своего кандидата. Затѣмъ члены конгрегацій получили право открывать частныя училища, не только низшія, но и среднія. Въ комментаріяхъ высчитано четырнадцать разныхъ конгрегацій, получившихъ теперь это универсальное право народнаго воспитанія. Это были Frères de la doctrine chrétienne разныхъ округовъ; Frères de l'instruction chrétienne, также въ нѣсколькихъ округахъ; Frères St. Antoine, St. Ioseph, Petits frères de Marie и т. д.

Наконецъ 60-я статья, возбудившая самые сильные споры, давала права обученія лицамъ, которыя бы даже принадлежали къ обществамъ, непризнаннымъ отъ правительства. Дѣло явнымъ образомъ касалось іезуитовъ, которые еще недавно вызывали противъ себя ожесточенныя филиппики, встрѣчавшія полное одобреніе лучшей части общества, литературы и молодаго поколѣнія. Коммисcія, составлявшая проэктъ закона, холодно и недовѣрчиво отзывалась о «старомъ спорѣ, который бы напрасно кто нибудь вздумалъ возобновить», и утверждала, что республика не должна ни стѣснять корпо-

рацій, ни покровительствовать имъ; она должна видѣть передъ собой только наставниковъ и гражданъ, «у которыхъ никто не имѣетъ права спрашивать то, что должны вѣдать только Богъ и ихъ совѣсть». Требованіе оппозиціи, чтобы конгрегаціи, желающія получить право обученія, обнародовали свои статуты, встрѣтило горячія возраженія и не было принято;—у іезуитовъ вовсе не было охоты печатать статутовъ ордена. Коммиссія, въ которой духовенство было очень сильно, объясняла впрочемъ весьма откровенно новый законъ:

«Провозглашая всеобщее право обученія,—писалъ одинъ изъ членовъ ея, — законъ въ особенности имѣлъ въ виду общество Іисуса, которое довело до высшей степени совершенства искусство образовывать молодыя сердца для служенія истинѣ и справедливости, и которое одно владѣетъ тайной вводить *идеи порядка* въ духъ высшихъ классовъ общества. Послѣ изгнанія, почти вѣковаго, которое было самымъ громкимъ успѣхомъ ненависти и лжи, это общество нашло наконецъ благосклонный законъ, подъ тѣнью котораго оно можетъ излечить свои старыя раны, наточить своё оружіе и идти къ еще болѣе великимъ успѣхамъ».

Мы уже упоминали прежде о томъ постановленіи закона, вслѣдствіе котораго общины и департаменты могли, если бы вздумали, передавать свои школы епископамъ. Въ этомъ случаѣ епископъ дѣйствовалъ просто въ качествѣ частнаго покровителя школы; онъ назначалъ всѣ лица и самаго директора школы, но отвѣтчикомъ за школу, если бы это оказалось необходимо, оставался одинъ директоръ. Такимъ образомъ епископъ оставался наружно въ сторонѣ, но очевидно, что школа была совершенно въ его рукахъ. Для среднихъ духовныхъ школъ молча уничтожены были всѣ стѣсненія 1828 года, и по 70-й статьѣ они оказались въ самомъ выгодномъ положеніи: директоры и наставники свободно могли принадлежать къ непризнаннымъ корпораціямъ, — ихъ объ этомъ не спрашивали; число воспитанниковъ не ограничивалось; они не обязывались надѣвать духовнаго платья; въ школы свободно допускались экстерны; воспитанники могли получать дипломъ баккалавра ès-lettres, наравнѣ съ воспитанниками другихъ заведеній.

Чѣмъ обнаружилось вліяніе этого закона, мы уже говорили. Оно обнаружилось очень скоро; одинъ нѣмецкій педагогъ (Гольцапфель), наблюдавшій французскія школы въ 1852 году, жалѣлъ уже объ упадкѣ университета и не сомнѣвался, что послѣ онъ будетъ упадать еще больше. Въ какіе нибудь два года, по введеніи закона, до двадцати свѣтскихъ гимназій уже перестали существовать или переданы были іезуитамъ; о низшихъ школахъ нечего и говорить. Разнаго рода «братья» больше и больше захватываютъ школы въ свои руки. Под-

держиваемые своими богатыми средствами, братья могутъ содержать воспитанниковъ только за половину той платы, какую берутъ частные пансіоны, содержащіеся одною платою за воспитаніе. Эта депеша заставила многія общины, затрудненныя своими денежными дѣлами, освободиться, съ одобренія правительства, отъ всякихъ расходовъ на училища передачею ихъ братьямъ, которые охотно принимаютъ на себя всѣ издержки. Такимъ способомъ идетъ попытка — безъ шума окинуть сѣтью монашескаго воспитанія, по всей Франціи, обученіе низшаго класса и уничтожить первоначальное свѣтское образованіе. Такова судьба коммунальныхъ школъ. Частныя училища, разумѣется, подвергаются истребленію еще быстрѣе: у нихъ нѣтъ никакой защиты отъ произвольнаго закрытія. Союзъ между правительствомъ и католическимъ духовенствомъ породилъ преслѣдованіе протестантовъ. Ихъ училища подъ предлогомъ общественной пользы безпощадно закрываются. Мы приводимъ одно изъ запрещеній. Читатель обратитъ вниманіе на выраженія, напечатанныя у насъ курсивомъ.

«Академическій совѣтъ Варскаго департамента. Принимая въ соображеніе, что г. Гибо, прибывъ *для* учрежденія частнаго протестантскаго училища въ Лагодскую общину, гдѣ не было ни одного лица, по своему происхожденію *принадлежащаго къ протестантскому вѣроисповѣданію и объявляющаго себя таковымъ*, ввергнулъ сѣмя раздора въ означенную общину, съ той поры подвергавшуюся несогласіямъ и раздорамъ;

«Принимая въ соображеніе, что закрытіе означенной школы требуется многими лицами *и особенно всѣми властями, облеченными правомъ попеченія о порядкѣ и общественной нравственности*, какъ единственное и необходимое средство возстановить спокойствіе и тишину въ означенной общинѣ;

«Находя, что *необходимо и полезно истолковать и примѣнить въ этомъ смыслѣ* право запрещенія *по требованію общественной нравственности*;

«Призвавъ означеннаго Гибо, совѣтъ безъ апелляціи полагаетъ на основаніи статьи 28, закона 15 марта 1850 года, и единогласно постановляетъ:

«1) Вышеозначенное требованіе принимается въ уваженіе;

«2) Вышеупомянутая школа должна быть немедленно и навсегда закрыта;

«13 января 1851 года».

Свидѣтели, на которыхъ въ особенности указываетъ приведенный нами декретъ — агенты правительства; судьи, произносящіе декретъ, — также агенты правительства, ежегодно назначаемые мини-

строгъ народнаго просвѣщенія и выбираемые почти исключительно изъ чиновниковъ получающихъ жалованье; кромѣ этихъ чиновниковъ, непремѣнные члены академическаго суда—епископы того округа; предсѣдатель суда, ректоръ, — административный начальникъ одного изъ учебныхъ округовъ. Такимъ образомъ первоначальное преподаваніе, поставленное въ полную зависимость отъ академическихъ совѣтовъ, находится совершенно въ рукахъ правительства.

Уже одна передача народнаго воспитанія въ руки клерикаловъ способна была произвести въ немъ тѣ результаты, которыхъ ожидало правительство. Мы видѣли, что клерикалы съ самаго начала стали напирать на идеи порядка, которыя они станутъ внушать обществу Но важнѣйшія измѣненія происходили въ самой системѣ преподаванія. Тутъ правительство старалось по возможности искоренить предметы, внушающіе уму общія понятія, какъ напримѣръ, философію, исторію и всеобщую литературу. Оно желало замѣнить образованныхъ людей дрессированными спеціалистами, лишенными всякаго знакомства съ предметами, касающимися нравственныхъ и политическихъ вопросовъ. Потому степень баккалавра литературы перестала быть необходимымъ условіемъ для полученія другихъ дипломовъ. Воспитанники, дошедшіе до четвертаго класса лицейскаго преподаванія, могутъ освобождаться отъ слушанія другихъ курсовъ, объявивъ, что посвящаютъ себя точнымъ наукамъ. Эта мѣра подраздѣленія курсовъ и слишкомъ рано начатой спеціальности воспитанія осуждается просвѣщеннѣйшими и опытнѣйшими людьми, какъ смертельный ударъ нравственнымъ успѣхамъ націи. Она дала мальчикамъ законную возможность уклоняться отъ большей части ученія въ тѣ годы, когда умственный трудъ кажется скучнымъ, и въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ еще не способенъ къ разсудительному выбору карьеры, — дала имъ произволъ подъ именемъ свободы, которая отнята у взрослыхъ людей. Вредныя послѣдствія этой мѣры уже обнаруживаются очень сильно, а если она продержится долго, — сдѣлаются еще болѣе гибельными. Изученіе предметовъ, дающихъ человѣку истинно гуманное образованіе, уже ослабѣло во Франціи. Не довольствуясь тѣмъ, что сдѣлали для большинства молодыхъ людей ненужнымъ пріобрѣтеніе степени баккалавра литературы, обрѣзали и исказили курсы, изучаемые молодыми людьми, которые приготовляются къ этой степени. При Бурбонахъ, исторія, непользовавшаяся расположеніемъ правительства, не имѣла особеннаго профессора и преподавалась какимъ нибудь учителемъ другаго предмета. При Луи-Филиппѣ эта несообразность была отмѣнена, и исторія сдѣлалась предметомъ спеціальнаго изученія, которое произвело школу замѣчательныхъ писателей. Нынѣ начали возвращаться къ тому правилу,

какое было при Бурбонахъ. Въ школахъ, гдѣ находился только одинъ преподаватель исторіи, онъ еще остался; но, тамъ, гдѣ преподавателей исторіи было нѣсколько, число ихъ сокращено, и въ низшихъ классахъ преподавателю словесныхъ наукъ вмѣнено въ обязанность и преподаваніе исторіи, безъ увеличенія однакожь числа его уроковъ. Имя философіи запрещено, какъ слово равносильное съ понятіемъ о революціонныхъ тенденціяхъ; классъ, опредѣленный для ея изученія, получилъ средневѣковое названіе класса логики, и объемъ преподаванія въ немъ ограниченъ самыми тѣсными размѣрами. Греческій языкъ исключенъ изъ преподаванія, такъ что непосредственное знакомство съ греческими понятіями ослаблено. Въ экзаменѣ на степень баккалавра сдѣланы такія же измѣненія; вопросы изъ исторіи и философіи сокращены въ числѣ, и предметы эти лишены прежней важности; кромѣ того, преподаватели обѣихъ подозрительныхъ отраслей знанія подвергнуты строжайшему надзору. Былъ, напримѣръ, слѣдующій случай, достовѣрность котораго несомнѣнна. Преподаватели исторіи были однажды приглашены къ своимъ начальникамъ и получили отъ нихъ приказаніе преподавать въ католическомъ духѣ (catholiquement enseigner), внушать религіозные и политическіе принципы «великаго вѣка», grand siècle, Людовика XIV, и удерживаться отъ цитированія историковъ новой школы, въ особенности Огюстена Тьерри и Минье.

Третью или высшую степень образованія составляютъ факультеты, въ которыхъ пріобрѣтаются ученыя степени. Ихъ пять: филологическій, точныхъ наукъ, богословскій, юридическій и медицинскій. Факультеты эти разбросаны по всей Франціи, и кромѣ Парижа нѣтъ ни одного города, который бы имѣлъ всѣ пять факультетовъ. Жалованье профессоровъ среднимъ числомъ простирается до 5,000 франковъ; дополнительнымъ жалованьемъ за экзамены оно увеличивается отъ 6 до 8 тысячъ франковъ въ провинціяхъ, и отъ 10 до 15 тысячъ въ Парижѣ. Въ отношеніи къ высшему образованію имѣлись въ виду тѣ же самыя цѣли, какъ относительно среднихъ и первоначальныхъ училищъ: повсюду сокращался и обрѣзывался объемъ преподаванія. Достаточно будетъ привести одинъ замѣчательный примѣръ. Когда Жюль Симонъ отказался дать присягу, потребованную послѣ 2 декабря, и сложилъ съ себя званіе профессора исторіи древней философіи въ парижскомъ словесномъ факультетѣ, эта важная каѳедра осталась навсегда вакантною въ такомъ учрежденіи, которое считается первымъ въ ряду высшихъ учебныхъ учрежденій; въ замѣнъ ея была учреждена филологическая каѳедра.

Изъ спеціальныхъ заведеній, входящихъ въ составъ французскаго университета, болѣе всего заслуживаетъ вниманія Нормальная

школа. Цѣлью ея учрежденія было приготовленіе наставниковъ и, по плану ея основателей, она должна была имѣть всѣ средства къ доставленію обширнаго образованія. Ея студенты, допускаемые не иначе, какъ съ дипломомъ баккалавра и по выдержаніи конкурса, оставляютъ заведеніе послѣ трехълѣтняго курса, не получая никакихъ привилегій, кромѣ естественнаго отличія, пріобрѣтаемаго молодымъ человѣкомъ, доказавшимъ свои способности. Воспитанникъ Нормальной школы, желающій получить должность преподавателя, обязанъ подвергаться конкурсу наравнѣ со всѣми другими кандидатами на это званіе; но достоинства этого заведенія заслужили всеобщее уваженіе и потому молодые люди посѣщаютъ его собственно для того только, чтобы получить основательное образованіе, не имѣя въ виду никакихъ выгодъ. Чтобы увеличить пользу, приносимую такимъ училищемъ, и пріобрѣсть способныхъ преподавателей для низшихъ учебныхъ заведеній, при Луи-Филиппѣ началось учрежденіе начальныхъ нормальныхъ школъ, и распространеніе ихъ считалось предметомъ первой важности. Правительство Луи-Наполеона, напротивъ, не благорасположено къ нимъ. Что касается до провинціальныхъ нормальныхъ школъ, вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать ихъ распространенію, правительство принимаетъ рѣшительныя мѣры къ уменьшенію ихъ числа, такъ что на восемь или на десять департаментовъ не приходится часто ни одной нормальной школы.

Сверхъ учебныхъ учрежденій, составляющихъ университетъ, Франція имѣетъ два учебныя учрежденія съ оригинальнымъ характеромъ и независимымъ устройствомъ, отъ котораго они пріобрѣтаютъ чрезвычайную важность, — это Collège de France, учебное учрежденіе, и Institut, ученое общество. Collège de France, не входящій въ составъ университета, пользуется особенными привилегіями, и долго былъ не только знаменитымъ училищемъ для молодыхъ людей, но и мѣстомъ ученой дѣятельности знаменитѣйшихъ французскихъ мыслителей. Тутъ были въ первый разъ сообщены свѣту, въ видѣ лекцій, блестящія изслѣдованія, которыми прославились Гизо, Мишле, Кузенъ, Кине и другіе, — эти изслѣдованія, которыя сдѣлались литературною славою Франціи и предметомъ изученія для изслѣдователей цѣлой Европы. Благодаря этому, французскій коллегіумъ пріобрѣлъ громкую знаменитость, — и заслуги, принадлежавшія его профессорамъ, какъ ученымъ, получали нѣкоторое вознагражденіе въ привилегіяхъ, предоставленныхъ ихъ званію. Глава коллегіума, называвшійся его администраторомъ, избирался профессорами, которые сами, правда, назначались министромъ народнаго просвѣщенія, но непремѣнно только изъ числа двухъ кандидатовъ, представленныхъ на вакантное мѣсто, — одинъ по избранію профессоровъ коллегіума,

другой по избранію Института. Коллегіумъ пользовался также правомъ назначать исправляющихъ должность профессоровъ въ замѣну тѣхъ профессоровъ, которые не имѣли времени сами читать лекцій. Это знаменитое учрежденіе, бывшее пріютомъ духа независимыхъ и неутомимыхъ изслѣдованій, обезпеченное въ своей самостоятельности такими обширными правами, конечно, было несносно для нынѣшней системы, и она нарушила его прежнія права. Когда Бартелеми Сентъ-Илеръ отказался отъ званія администратора, правительство лишило профессоровъ права выбора и назначило администраторомъ Станислава Жюльена. Прежняя форма — предлагать министру двухъ кандидатовъ, потеряла силу, потому что министръ освобожденъ отъ обязанности назначить профессоромъ одного изъ этихъ двухъ кандидатовъ. Наконецъ, коллегіумъ лишенъ права назначать исправляющихъ должность профессоровъ. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Фортуль, чтобы избавиться отъ непріятности видѣть избираемыми въ кандидаты людей, неудобныхъ для правительства, назначалъ читать курсы въ коллегіумѣ своихъ кліентовъ, не давая имъ имени профессоровъ и называя ихъ просто chargés des cours. Однимъ изъ первыхъ распоряженій его преемника, Рулана, нынѣшняго министра просвѣщенія, было объявленіе, что эти незаконныя назначенія уничтожаются, но черезъ нѣсколько недѣль самъ же онъ вздумалъ назначить профессоромъ латинской поэзіи молодаго человѣка, въ пользу котораго нельзя было пріобрѣсть голосовъ ни въ институтѣ, ни въ коллегіумѣ; а начать свою министерскую дѣятельность неуваженіемъ къ ихъ рекомендаціи министру не хотѣлось; потому онъ рѣшился формально измѣнить своему обѣщанію и прибѣгнулъ къ уловкѣ своего предшественника. Потомъ Руланъ еще не одинъ разъ имѣлъ случай повторить этотъ оборотъ. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ стѣсненій было то, что Collège de France сталъ сильно упадать при второй имперіи: лучшіе профессора его должны были сойти со сцены или даже совсѣмъ эмигрировать изъ Франціи, какъ Эдгаръ Кинè, и мѣста ихъ заняты людьми, совершенно незначительными и конечно безопасными для правительства, въ родѣ Филарета Шаля. Люди независимыхъ мнѣній, какъ Лабуле, которыхъ еще не могло или не хотѣло вытѣснить правительство, въ сущности мало опасны по умѣренности ихъ цѣлаго образа мыслей, и оппозиція ихъ ограничивается безвредными намеками. Измѣнилась и аудиторія; Collège de France, въ 40-ые года полный восторженной и свѣжей молодежью, большею частью бываетъ почти пустъ или наполняется, у немногихъ любимыхъ профессоровъ, толпой слушателей изъ иностранцевъ, пожилыхъ буржуа, и habitués, которымъ нечего дѣлать. Настоящій классъ студентовъ появляется рѣдко въ аудиторіи.

Французскій институтъ по своему положенію и привилегіямъ — единственное учрежденіе подобнаго рода въ цѣлой Европѣ. Государство признало его независимымъ представителемъ науки и мысли. По своему уставу онъ совершенно освобожденъ отъ всякаго вмѣшательства правительства, самъ избираетъ своихъ членовъ, и формально признавался одною изъ главныхъ составныхъ частей государства: конституція 1830 года положительно упоминаетъ объ институтѣ, какъ одной изъ корпорацій, которыя должны служить питомниками палаты перовъ. Ясно, какъ ненавистно для нынѣшней системы должно было казаться учрежденіе, столь независимое, проникнутое живымъ сознаніемъ своего достоинства, огражденное отъ постороннихъ вмѣшательствъ, являвшееся народу памятникомъ того, какъ уважалось предками просвѣщеніе, храмомъ котораго было оно. Но даже нынѣшняя система, при всей своей отважности, считаетъ иногда нужнымъ щадить общественное мнѣніе, и до сихъ поръ не осмѣливалась открыто нарушать права института, довольствуясь выказываніемъ пренебреженія къ его членамъ, часто бывающимъ предметами пошлыхъ и мелочныхъ оскорбленій. Такъ, министръ народнаго просвѣщенія Руланъ подвергъ профессоровъ музея естественной исторіи, которые всѣ члены института и составляютъ славу науки, инспектированію молодыхъ и темныхъ людей, обнаружившихъ при этой инспекціи свое невѣжество нелѣпыми промахами, возбудившими смѣхъ всей Европы. Въ то же время правительство пытается подъ именемъ «Историческаго комитета» основать зависимое отъ власти ученое учрежденіе, которое бы отняло у института его первенствующее положеніе въ мірѣ науки. Предсѣдателемъ тутъ министръ народнаго просвѣщенія, назначающій его членовъ, въ число которыхъ вошли и тѣ члены института, которые допустили склонить себя къ тому. Этотъ комитетъ долженъ руководить всѣ ученыя и литературныя общества Франціи, даже тѣ, которыя не получаютъ никакого пособія отъ государства, и наблюдать за ними. При открытіи «Историческаго комитета», Руланъ обратился къ его членамъ съ рѣчью, въ которой открыто высказалъ цѣль его учрежденія и позволилъ себѣ множество намековъ на то, что институтъ — учрежденіе обветшалое, лишенное ученыхъ достоинствъ.

Неудивительно, что система, стремящаяся внушить націи чувство безотчетной субординаціи, стремящаяся возвратить времена Людовика XV, искала союза съ католическимъ духовенствомъ, которое по своей натурѣ всегда было опорою подобныхъ принциповъ, вѣрнымъ ратоборцемъ насильнаго подчиненія. Противъ такого союза было одно возраженіе: съ 1789 года основною чертою государственнаго устройства Франціи сдѣлалась независимость государственной вла-

ёти отъ католическихъ вмѣшательствъ, а Луи-Наполеонъ постоянно провозглашалъ свою вѣрность принципамъ 1789 года. Но это сомнѣніе было совершенно отстранено тѣмъ воспоминаніемъ, что Наполеонъ I, какъ только началъ трудиться надъ пріобрѣтеніемъ себѣ безграничной власти, сталъ думать, что возстановленіе блистательной католической іерархіи — одна изъ необходимыхъ принадлежностей его идеала, такъ, чтобы блескъ французскаго католичества озарялъ своими лучами его престолъ и внушалъ почтительный страхъ народу. Кромѣ того, самое положеніе Луи-Наполеона дѣлало необходимостью для него союзъ съ французскимъ духовенствомъ. Его система провозглашала себя обновительницею народной жизни; надобно было проповѣдывать народу ея доктрину, а съ принципами умственной жизни Луи-Наполеонъ сталъ въ непримиримую вражду, и не откуда ему было заимствовать нужныхъ ему матеріаловъ для его доктрины, кромѣ, какъ изъ круга идей, поддерживаемыхъ католическимъ духовенствомъ. Потому вторая имперія приняла его въ свое благорасположеніе и осыпала милостями, надѣясь заглушить въ немъ стремленія касты и купить у его эгоизма искреннюю и постоянную приверженность. Епископы получили почести, давшія имъ высочайшее политическое значеніе въ епархіяхъ; кардиналы были по самому своему сану объявлены членами сената. Но надежда обратить нынѣшнее французское духовенство въ сословіе, одушевленное національнымъ чувствомъ или какою нибудь политическою привязанностью, кромѣ папства, — явное заблужденіе. Французскіе монахи — не французы, а римляне папской куріи; — они всѣ примкнули къ ней по сознанію, что опасности, грозящія католичеству и католическому духовенству, могутъ быть отвращены только неразрывнымъ союзомъ всѣхъ его членовъ. Съ каждымъ годомъ мнѣнія, принятыя только немногими фанатиками въ то время, когда де-Местръ первый высказалъ ихъ, распространялись между французскимъ духовенствомъ и теперь считаются столь же необходимыми для его членовъ, какъ вѣрованіе въ основные догматы католичества. При Луи-Филиппѣ правительство старалось дѣлать епископами людей умѣренныхъ и расположенныхъ къ терпимости; несмотря на то, за немногими исключеніями, всѣ епископы были защитники ультрамонтанизма. Они чувствуютъ, что идетъ борьба за существованіе съ усиливающимся духомъ вѣка, враждебнымъ для нихъ, и потому соединять силы — и вести войну, — вотъ неослабная мысль католическаго духовенства, равнодушнаго ко всему другому и не пренебрегающаго никакими маневрами, могущими содѣйствовать достиженію этой цѣли. Прочность правительствъ не имѣетъ никакого интереса для французскаго духовенства, которое смотритъ на ихъ разрушеніе и возстановленіе только по отношенію къ своей

собственной выгодѣ, не выражая даже признательности за прежнее покровительство тѣмъ, которые лишились власти 24 февраля 1848 года. Едва Луи-Филиппъ оставилъ Тюльери, архіепископъ парижскій приказалъ своему духовенству пѣть: «Domine salvum fac populum», а главная католическая газета «Univers» называла революцію 1848 года дѣйствіемъ божественнаго промысла; и если вторая имперія падетъ, французское духовенство не подвергнетъ опасности свое могущество рыцарскою преданностью къ благодѣтелю, который, пока еще обладаетъ властью, служилъ предметомъ безпредѣльной лести съ его стороны. Въ сущности ультрамонтанизма есть нѣчто несовмѣстное съ искреннимъ признаніемъ какой бы то ни было свѣтской власти, независимой отъ папы. Вторая имперія думала, что увлекла собою духовную власть, но принуждена покупать этотъ необходимый союзъ уступками столь огромными, что въ сущности не духовенство служитъ ей, а напротивъ она своими руками загребаетъ жаръ для іерархіи. Вотъ два замѣчательные примѣра подобныхъ уступокъ: всѣмъ судамъ дана строгая инструкція, запрещающая начинать слѣдствія, которыя могутъ обнаружить, что члены католическаго духовенства бываютъ виновны въ нарушеніи нравственности. Правительство Луи-Филиппа начало печатать драгоцѣнное собраніе историческихъ памятниковъ. Изданіе продолжается и теперь; но издатели, назначаемые министромъ, получили предписаніе не дѣлать никакихъ замѣчаній въ осужденіе убійствъ Варѳоломеевской ночи и отмѣны Нантскаго эдикта. Нельзя не сказать, что неутомимыя усилія католическаго духовенства вознаграждаются успѣхомъ, и что много не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ мѣстностей, извѣстныхъ прежде свободнымъ образомъ мыслей, теперь кажутся подчинившимися вліянію монаховъ. Но это возрастаніе католичества — возрастаніе искуственное, и тепличныя растенія не могутъ выдержать соприкосновеній съ чистымъ воздухомъ, когда разрушается душная теплица: примѣровъ тому много въ исторіи іезуитизма, могущество котораго разрушалось отъ одного удара въ то самое время, когда повидимому достигало своего зенита и когда, повидимому, предотвращены были всѣ опасности.

Теперь воспитанникамъ іезуитовъ былъ открытъ свободный доступъ къ политической карьерѣ, и духовенство, не теряя времени, употребило всѣ свои силы на расширеніе іезуитскихъ училищъ. Эти ловкіе педагоги одержали надъ частными школами въ среднемъ образованіи такую же побѣду, какъ братья христіанскаго ученія въ первоначальномъ преподаваніи. Съ 1849 года іезуитскіе коллегіумы стали быстро размножаться. Они уже основаны въ Мецѣ, Пуатье, Нантѣ, Амьенѣ, Ліонѣ, и не будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ, что въ

каждомъ сколько нибудь важномъ французскомъ городѣ или уже процвѣтаетъ, или основывается іезуитское училище: но западные и южные департаменты представляютъ особенно благопріятную іезуитамъ почву. Въ этихъ коллегіумахъ всѣ профессоры должны быть изъ членовъ ордена. Случалось, что за недостаткомъ іезуита, пригоднаго для какой нибудь каѳедры, она отдавалась свѣтскому преподавателю; но какъ только пріискивался іезуитъ, способный занять ее, прежняго учителя прогоняли безъ всякаго уваженія къ его заслугамъ. Образованіе тутъ дается очень обширное, и воспитанники могутъ приготовляться къ слушанію даже курсовъ въ политехнической школѣ, въ Сенъ-Сирской военной школѣ и другихъ спеціальныхъ учрежденіяхъ. Обширность курсовъ основана именно на желаніи іезуитовъ удержать юношу какъ можно дольше подъ своимъ руководствомъ. Богатыя денежныя средства, которыя даютъ Братьямъ христіанскаго ученія возможность дешево брать за уроки, находятся также и въ распоряженіи іезуитовъ и также служатъ для нихъ оружіемъ противъ свѣтскихъ второстепенныхъ училищъ, убиваемыхъ дешевизною іезуитскаго преподаванія, такъ что множество общинныхъ коллегіумовъ передано въ ихъ руки. А съ другой стороны, частныя школы подвергаются ожесточенному гоненію, особенно когда въ нихъ преподавателемъ или директоромъ католическій священникъ, не принадлежащій къ ультрамонтанской партіи и подозрѣваемый въ расположеніи къ терпимости мнѣній. Такъ, напримѣръ, въ Мецѣ было превосходное училище аббата Брауна, почтеннаго и благочестиваго старика, искренно преданнаго своему исповѣданію и обязанностямъ, но по мнѣніямъ своимъ принадлежавшаго къ умѣреннымъ духовнымъ прошлаго поколѣнія. Эта школа, пользуясь большимъ уваженіемъ, казалась затрудненіемъ для іезуитовъ, хлопотавшихъ объ основаніи собственнаго училища въ Мецѣ. Аббата Брауна стали со всѣхъ сторонъ осаждать всевозможными просьбами и предложеніями, склоняя его закрыть школу, и наконецъ стѣснительными мѣрами епископа онъ былъ принужденъ передать свое училище іезуитамъ. Послѣдствіемъ могущественнаго соперничества іезуитовъ оказывается, что школы для средняго образованія теперь ограничиваются, можно сказать, только лицеями и іезуитскими коллегіумами, потому что общинные и частные коллегіумы или куплены, или разорены сильнымъ и богатымъ врагомъ. Потому совершенный обманъ — слова наполеоновскихъ агентовъ, выставлявшихъ увеличеніе числа учениковъ въ лицеяхъ за доказательство того, что французское образованіе не перешло въ руки іезуитовъ, — это чистѣйшій обманъ, потому что когда частныя училища закрылись, всѣ отцы, не желающіе отдавать дѣтей къ іезуитамъ, лишены уже всякаго выбора и принуждены посылать дѣтей въ лицеи.

Изъ всего, сказаннаго нами, достаточно опредѣлится характеръ системы, господствующей теперь въ дѣлѣ народнаго образованія во Франціи. Характеръ этотъ стѣснительный; система очевидно направлена къ тому, чтобы точно такъ же искоренить въ народномъ образованіи возможность живаго политическаго развитія, какъ искореняется она въ литературѣ. Сама по себѣ эта система уже способна, конечно, возбудить негодованіе, потому что служитъ личнымъ интересамъ одного человѣка въ ущербъ правамъ цѣлой націи. Стѣсненіе средствъ развитія есть, конечно, одно изъ самыхъ дурныхъ злоупотребленій власти. Но кромѣ этой нравственной лжи, падающей обвиненіемъ на систему, она не достигаетъ и той политической цѣли, во имя которой дѣйствуетъ. Останавливая народное развитіе, можно, конечно, довести общество до извѣстной степени отупѣнія, подорвать энергію дѣятельныхъ личностей; можно запугать людей, но запугать цѣлую общественную мысль невозможно, особенно тамъ, гдѣ она уже работала прежде и еще продолжаетъ работать при всѣхъ трудностяхъ своего существованія. Этого послѣдняго нельзя не сказать о современной Франціи: ей могутъ предрекать гибель люди, находящіе, что и вся западная Европа отжила свое время,—но она еще недавно высказала, да и теперь еще высказываетъ иногда идеи, производившія впечатлѣніе въ цѣлой Европѣ, и невозможно думать, чтобы онѣ вдругъ могли оставить ее окончательно. Есть другіе люди, думающіе вмѣстѣ съ правительствомъ современной Франціи, что нынѣшній порядокъ есть лучшій для нея порядокъ, что она должна пойти и пойдетъ по той дорогѣ, которую указываютъ ей наполеоновскія идеи, — но это положеніе также фальшиво: достаточно сравнить недавніе факты ея общественной жизни, ея прежнюю многозначительную литературу съ современной дѣйствительностью, чтобы видѣть, что отношенія между прежнимъ и нынѣшнимъ натянуты, насильственны, и что рано или поздно они должны оборваться. Этой будущей развязки не уничтожатъ никакія стѣснительныя мѣры, никакія запрещенія. Странно думать, что запрещеніе можетъ быть дѣйствительно тамъ, гдѣ приходится налагать его каждую минуту; чѣмъ сильнѣе и чаще запрещенія, тѣмъ сильнѣе, стало быть, та масса людей, противъ которыхъ они направляются; но чѣмъ сильнѣе эта масса, тѣмъ опаснѣе становятся запрещенія, потому что тѣмъ больше они раздражаютъ.

Такъ же мало удовлетворительна другая сторона дѣла въ системѣ нынѣшняго французскаго правительства. Его рѣшеніе—рѣшиться передѣлать общественныя воззрѣнія Франціи посредствомъ системы воспитанія,—есть способъ дѣйствій весьма макіавеллическій, хотя придумать его было вовсе немудрено. Но этотъ способъ никакъ не можетъ

считаться вѣрнымъ; онъ неприложимъ тамъ, гдѣ остаются еще люди инаго воспитанія, и гдѣ его дѣйствіе можетъ быть тотчасъ парализировано другими тенденціями, тѣмъ болѣе, что никогда невозможно держать воспитаніе подъ строгимъ контролемъ. Результаты воспитанія ускользаютъ отъ самыхъ положительныхъ разсчетовъ, и оно достигаетъ часто совершенно иныхъ послѣдствій, чѣмъ можно было бы ожидать: уловить и опредѣлить его вліяніе,—какъ извѣстную административную мѣру,—невозможно, потому что приходится имѣть дѣло съ самымъ неуловимымъ предметомъ—разнообразіемъ человѣческой природы и дарованіемъ. Всѣ усилія такой придуманной системы давленія—ничтожны противъ духа времени и фактовъ общественной жизни: Руссо воспитался безъ вліянія школы; Вольтеръ учился въ школѣ іезуитовъ. Какъ бы ни были прочны повидимому мѣры нынѣшней искуственной системы воспитанія во Франціи, стремящейся въ самомъ зародышѣ дать извѣстный образъ мыслей молодому поколѣнію,—это воспитаніе оканчивается въ сущности чѣмъ нибудь изъ двухъ: или іезуитское воспитаніе внушаетъ дѣйствительно свои принципы, отупляетъ молодежь и дѣлаетъ ее неспособной къ настоящей дѣятельности (какъ, напримѣръ, бываетъ неспособна іезуитская ученость, которая ограничивается одними сухими знаніями и памятью), или она совершенно не успѣваетъ сдѣлать этого, когда въ ея руки попадаетъ сильное дарованіе, и тогда тѣмъ сильнѣе бываетъ реакція свѣжей мысли, которая возмущается стѣсненіемъ.

Въ примѣненіи къ французскимъ обстоятельствамъ, система стѣсненія имѣетъ еще одну невыгодную сторону: правительство можетъ ошибиться и уже ошиблось отчасти въ своихъ разсчетахъ на духовенство. Оно надѣялось видѣть въ немъ вѣрнаго союзника, потому что характеръ его дѣйствій на общество соотвѣтствовалъ тѣмъ желаніямъ, какія имѣло само правительство второй имперіи. Но правительство не разсчитало духа касты, которая въ сущности стремится къ своимъ особеннымъ цѣлямъ; до извѣстной поры они шли вмѣстѣ, но когда политическія событія заставили правительство разойтись съ клерикальной партіей, она тотчасъ дала ему почувствовать свою власть: ультрамонтанскіе епископы и іезуиты, на которыхъ оно надѣялось, обнаружили явно, что ихъ политическій принципъ совершенно иной, и что они хлопотали только о своемъ интересѣ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Еще не такъ давно (а, можетъ быть, даже и совсѣмъ не «давно») мы не только съ снисходительностью, но даже съ крайнимъ равнодушіемъ взирали на гражданскія и нравственныя убѣжденія людей, съ которыми намъ приходилось идти бокъ-о-бокъ въ обществѣ. Намъ сдавалось, что убѣжденія составляютъ нѣчто постороннее, сложившееся силою внѣшнихъ обстоятельствъ, силою фатализма, и отнюдь не причастное личной жизненной работѣ каждаго изъ насъ. Совѣсть наша затруднялась мало, смущалась еще менѣе. Если требовалось опредѣлить признаки извѣстнаго явленія, сдѣлать оцѣнку извѣстнаго поступка, мы, безъ излишнихъ хлопотъ, посылали эту покладистую совѣсть въ тотъ темный архивъ, въ которомъ хранилась попорченная крысами и побитая молью мудрость вѣковъ, и безъ труда отыскивали на пожелтѣвшихъ столбцахъ ея все, что было нужно для удовлетворенія неприхотливыхъ нашихъ потребъ.

Тамъ, въ этомъ мрачномъ хранилищѣ нашихъ жизненныхъ повѣрій лежали всегда готовыми къ нашимъ услугамъ связки старыхъ дѣлъ, надписи на которыхъ гласили: убѣжденія дворянскія, убѣжденія мѣщанскія, убѣжденія холопскія. Кодексъ мудрости, общежитія и приличій, кодексъ условной нравственности, условной истины и условной справедливости былъ весь тутъ на лицо: стоило только заглянуть въ него, и мы навѣрное знали,

какъ слѣдуетъ поступить намъ въ данномъ случаѣ, какъ слѣдуетъ вести себя вообще. Такимъ образомъ мы узнавали, что дворянину, напримѣръ, не полагалось приличнымъ заниматься торговлею, промыслами, сморкаться безъ помощи платка и т. п., и не полагалось неприличнымъ поставить на карту цѣлую деревню и промѣнять дѣвку Аришку на борзаго щенка; что крестьянину полагалось неприличнымъ брить бороду, пить чай и ходить въ сапогахъ, и не полагалось неприличнымъ пропонтировать сотню верстъ пѣшкомъ съ письмомъ отъ Матрены Ивановны къ Авдотьѣ Васильевнѣ, въ которомъ Матрена Ивановна усерднѣйше поздравляетъ свою пріятельницу съ днемъ ангела, и извѣщаетъ, что она, слава Богу, здорова.

Въ эти недавнія, счастливыя времена, мы знакомились другъ съ другомъ, заводили дружескія связи, женились и посягали по соображеніямъ, совершенно не имѣющимъ никакого дѣла до убѣжденій. То есть, коли хотите, они и были, эти убѣжденія, но то были, такъ сказать, убѣжденія брюшной полости, убѣжденія затылка, но отнюдь не убѣжденія мысли. Тотъ, напримѣръ, кто пилъ водку зорную и закусывалъ маринованнымъ грибкомъ, улыбался и подмигивалъ, и вообще чувствовалъ себя особенно радостно лишь при видѣ человѣка, который тоже предпочитаетъ зорную всякимъ другимъ настойкамъ, и тоже закусывалъ грибкомъ. Между этими двумя индивидуумами была живая связь, существовала возможность обмѣна мыслей и чувствъ. Тотъ, кто игралъ въ ералашъ по три копѣйки, подыскивалъ себѣ въ общество такихъ именно людей, которые также играли въ ералашъ и также по три копѣйки, и на приверженцевъ преферанса смотрѣлъ хотя и не непріязненно, но и безъ сердечнаго участія. И всѣ убѣжденія заключались тутъ въ томъ, что одинъ игралъ рискованно, другой подсидисто, одинъ отъ туза-короля самъ-шестъ начиналъ ходить съ маленькой, другой же прямо лупилъ съ туза и короля.

Даже въ томъ безвѣстномъ, но крѣпко сплоченномъ духовными узами меньшинствѣ людей мыслящихъ, на которомъ съ любовью отдыхаетъ взоръ послѣдователя явленій нашей общественной жизни, въ тѣхъ немногочисленныхъ кружкахъ, которые въ самыя безотрадныя эпохи исторіи, несмотря на существующую окрестъ слякоть и темень, все-таки прорываются тамъ и сямъ, какъ зеленѣющіе оазисы будущаго на печальномъ фонѣ картины настоящаго, въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ необходимость нравствен-

наго убѣжденія, какъ внутренняго смысла всей жизни, признается за безспорную истину, гдѣ члены относятся другъ къ другу, съ точки зрѣнія убѣжденій, съ крайней строгостью и взыскательностью,—даже тамъ существовала какая-то патріархальная снисходительность въ сужденіяхъ о лицахъ, стоящихъ внѣ жизни и условій кружка, и пользующихся какимъ нибудь значеніемъ на поприщѣ общественной дѣятельности.

Говоря объ NN, мы не давали себѣ труда изслѣдовать, какого разряда принципъ вноситъ въ общество дѣятельность этого человѣка, но справлялись единственно о томъ, добрый ли онъ малый или злецъ. И если онъ оказывался добрымъ, то мы приходили въ восторгъ, а если еще при этомъ онъ пускалъ намъ въ носъ фразу, въ родѣ того, что «нельзя, господа, не сочувствовать тому честному направленію, которое характеризуетъ дѣятельность нынѣшняго молодаго поколѣнія», то мы готовы были вылизать его всего, отъ головы до пятокъ.

Слѣдствіемъ такой патріархальной простоты нравовъ было то, что многіе люди очень нелѣпые пошли чуть не за геніевъ, многія рѣчи очень глупыя стали чуть не на ряду съ изреченіями мудрости. Попробовалъ бы кто нибудь изъ «нашихъ» отпустить такую штуку, что «нельзя дескать не сочувствовать» и т. д., всякій изъ здѣ-сидящихъ зажалъ бы ему уста, сказавши: «охота вамъ, почтеннѣйшій другъ, предаваться такому дремучему празднословію!» — но такъ какъ этимъ празднословіемъ занялся NN, существо въ нѣкоторомъ смыслѣ неразумное, существо, съ трудомъ выговаривающее пàпа и мàма, то въ его устахъ самый позывъ къ празднословію болѣе или менѣе человѣчному, болѣе или менѣе не изукрашенному обычными ингредіентами нашего древняго краснорѣчія, уже казался поступкомъ, который мы спѣшили запечатлѣть въ нашихъ благодарныхъ умахъ, гдѣ мы тщательно собирали лепестки для будущихъ вѣнковъ героямъ нашихъ сердечныхъ вожделѣній.

И мы, члены этого строгаго и взыскательнаго, члены этого воистину нравственнаго меньшинства, до такой степени искренно восторгались убогими нашими героями, что потребность лизаться упорно засѣла въ насъ даже по сю пору, когда, повидимому, нѣтъ уже и побудительныхъ причинъ ни для лизанья, ни для телячьихъ восторговъ.

Ошибка горькая и обильная послѣдствіями самаго тлетворнаго свойства, ибо она отнимала у нашихъ убѣжденій ту без-

поворотную крѣпость и силу, безъ которой немыслимо никакое дѣятельное вліяніе на общество, ибо она была причиной безчисленныхъ стачекъ съ неправдою, безобразіемъ холопей общественной нравственности, ибо она успокоивала насъ въ той пассивной роли наблюдателей-сводниковъ, которую мы сами себѣ навязали.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, ошибка и не необъяснимая. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему прилѣпиться, какъ распознать истину отъ лжи, при существованіи всеобщей, почти эпидемической путаницы понятій и представленій? И какъ не примкнуть, напримѣръ, къ NN., который, по крайней мѣрѣ, умѣетъ конфузиться и краснѣть, тогда какъ, рядомъ съ нимъ, какой нибудь MM. нахально несетъ свою плоскодонную морду, безнаказанно ставя ее поперекъ всему благородно мыслящему? Мысль человѣческая съ трудомъ выноситъ одиночество, а чувство и вовсе не терпитъ его. Это свойство человѣческой природы, эта общительность человѣка сообщаютъ нѣчто роковое всей его дѣятельности, вынуждая его, независимо отъ него самого, признавать за добро то, что, въ сущности, представляетъ собой лишь меньшую сумму зла. Сквозникъ-Дмухановскій не только во снѣ, но и на-яву видѣлъ кругомъ себя только свиныя рыла: что̀ мудренаго, что онъ и Хлестакова призналъ за человѣка? Наши публицисты такъ долго видѣли то же самое, что видѣлъ и вышеупомянутый градоначальникъ: что̀ мудренаго, что въ настоящее время они съ остервененіемъ приглашаютъ согражданъ лобзать даже въ такихъ случаяхъ, когда, по совѣсти, слѣдовало бы приглашать ихъ плевать?

Скажутъ, быть можетъ: «зачѣмъ же члены этого добродѣтельнаго, этого взыскательнаго меньшинства не поищутъ образцовъ гражданской доблести среди самихъ себя, зачѣмъ они вторгаются въ ту сферу, гдѣ властвуютъ свиныя рыла?» Отвѣтъ на это простой: затѣмъ, что мысль человѣческая никакъ не можетъ признать кружка за міръ. Какъ бы ни были для насъ милы и симпатичны люди кружка, какъ бы хорошо ни чувствовали мы себя среди ихъ, все-таки мы не можемъ совершенно обрѣзать тѣ нити, которыя привязываютъ насъ къ міру, все-таки мы сознаемъ, что дѣло, настоящее дѣло, не въ кружкѣ, а внѣ его, и именно въ той темной области, въ которой живутъ и дѣйствуютъ Сквозники-Дмухановскіе.

Но въ особенности мудрено было не ошибиться въ выборѣ

героевъ въ послѣднее время. Россіяне такъ изолгались въ какіе нибудь пять лѣтъ времени, что рѣшительно ничего нельзя понять въ этой всеобщей хлестаковщинѣ. Въ публичныхъ мѣстахъ нѣтъ отбоя отъ либераловъ всевозможныхъ шерстей, и только слишкомъ чуткое и привычное ухо, за шумихою пустозвонныхъ фразъ, можетъ подмѣтить старинную заскорузлость воззрѣній и какое-то лукавое, чуть сдерживаемое приурочиваніе вопросовъ общихъ, историческихъ къ помпленькимъ интересамъ скотнаго двора своей собственной жизни.

Ѣдете ли вы, напримѣръ, по желѣзной дорогѣ, присмотритесь, сдѣлайте милость, къ тому, что кругомъ васъ дѣлается, прислушайтесь къ тому, что говорится въ вагонахъ. И рѣчи, и морды—все, кажется, протестуетъ! И протестуетъ въ какомъ-то плюхопросящемъ, минорномъ тонѣ, какъ будто такъ и суетъ всѣмъ и каждому и въ носъ и въ ротъ, и въ глаза, что я-дескать самъ по себѣ ничего, я червь, я слякоть, я клопъ постельный, а вотъ отечество-то, за что страдаетъ!

Вы входите въ вагонъ и садитесь на избранное вами мѣсто; передъ вами располагается почтенный старецъ, украшенный усами, и словно чувствующій себя неловко въ новомъ партикулярномъ платьѣ, которое на немъ надѣто. Идетъ общая суматоха, всегда сопряженная съ первоначальнымъ прилаживаньемъ и усаживаньемъ; какая-то дама, вся блѣдная и разстроенная, чуть-чуть не каждому пассажиру готова пожаловаться, что ее Grégoire опять-таки потерялъ свой mouchoir de poche; какой-то господинъ съ крестомъ на шеѣ застѣнчиво увѣряетъ своего знакомаго, что онъ вообще орденовъ не носитъ, но въ дорогу всегда надѣваетъ крестъ, потому что у насъ безъ этого нельзя. Проходятъ еще нѣсколько почтенныхъ старцевъ, также съ усами и также въ новыхъ партикулярныхъ платьяхъ.

— Какъ! и вы тоже! восклицаетъ вашъ сосѣдъ, ловя за руку одного изъ проходящихъ усачей.

— На травяное продовольствіе! отвѣчаетъ проходящій, и уныло усмѣхнувшись, отправляется далѣе.

Но вотъ поѣздъ трогается. Быстро пролетаетъ передъ глазами пассажировъ всякая чушь и гиль: паршивые лѣсочки, чахлые лужочки, чуть дышущіе ручеечки. Сосѣда вашего замѣтно начинаетъ коробить.

— Ну посмотрите, что это за пейзажъ такой! обращается онъ къ вамъ съ какимъ-то желчнымъ озлобленіемъ.

Вслушайтесь въ его голосъ, и вы безъ труда поймете, что въ этомъ голосѣ есть трещина, и что въ этой трещинѣ засѣла кровная обида.

— Ну, на кой чортъ поѣздъ стоитъ здѣсь десять минутъ! ораторствуетъ усачъ на одной изъ промежуточныхъ станцій!— за границей на обѣдъ только пять минутъ даютъ;—нѣтъ, видно, далеко еще намъ до нихъ!

И вплоть до самыхъ Ушаковъ не умолкаютъ бунтовскія рѣчи усатаго сосѣда, и только великолѣпная вилла либеральнаго fermier Василія Александрыча Кокорева на минуту смягчитъ его непреклонное сердце и заставитъ раздвинуться густо разросшіяся его брови.

Для васъ этотъ усачъ — явленіе совершенно новое. Обращаясь къ воспоминаніямъ прожитыхъ лѣтъ, вы отыскиваете въ нихъ образы усачей совершенно особаго рода, усачей съ клубами пѣны у рта, усачей не внимающихъ и не разсуждающихъ, усачей, снабженныхъ волчьей пастью, и употребляющихъ лисій хвостъ лишь въ виду матеріальной, грубой силы, которая одна имѣла привилегію смирять ихъ бѣшенство. И вотъ сердце ваше начинаетъ мало-по-малу мякнуть и расползаться; вы съ любопытствомъ и даже съ пріятнымъ изумленіемъ прислушиваетесь къ бунтовскимъ рѣчамъ сосѣда, и находите, что онѣ.... того.... такъ себѣ.... ничего! Вы не замѣчаете ихъ нелѣпости и пустоты, вы оставляете безъ изслѣдованія даже ту трещину въ голосѣ, о которой говорено выше: до того васъ поражаетъ новость положенія и неожиданность встрѣчи съ старцемъ, который чѣмъ-то недоволенъ, который почему-то ругается, но ругается безъ прежнихъ раскатистыхъ переливовъ, въ которыхъ такъ и слышалось нахальство и сознаніе ничѣмъ несокрушимой силы.

«Эге!» думаете вы: — «вотъ оно что! вотъ даже въ какія каменоломни пустили свои корни либеральныя тенденціи вѣка!»

И вслѣдствіе этого разсужденія, начинаете смотрѣть на вашего сосѣда, если не съ любовью, то непремѣнно съ отеческою снисходительностью. Смѣю, однакожъ, увѣрить васъ, что вы горько ошибаетесь, и что каменоломни все-таки остаются каменоломнями, несмотря ни на какія тенденціи вѣка.

Представьте себѣ, что въ то самое время, какъ вы услаждаете слухъ либеральными рѣчами сосѣда, въ вагонѣ, сверхъ чаянья, отыскивается такой шутникъ, прозорливый знатокъ надтреснутыхъ голосовъ и сердецъ человѣческихъ, который

находитъ для себя забавнымъ высвистать мнимаго либерала. Вотъ онъ полегоньку подкрадывается къ нему, вотъ онъ шепчетъ ему на ухо:

— А знаете ли, Иванъ Антонычъ, сейчасъ получено извѣстіе, что князь Петръ Мартынычъ предлагаетъ вамъ занять мѣсто начальника таможеннаго округа?

Господи! какимъ пиковымъ валетомъ вывертывается вдругъ Иванъ Антонычъ изъ своего либерализма! какія муравы, какіе водопады внезапно начинаютъ вертѣться въ глазахъ его! И не придетъ ему даже въ голову, что полученное извѣстіе — пуфъ, что въ вагонѣ, и въ особенности «сейчасъ», невозможно было даже получить его!

— Вотъ и насъ, стариковъ, вспомнили! вотъ и насъ, старыхъ слугъ, не забыли! восклицаетъ онъ съ какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ, внезапно переходя изъ либерализма ругательнаго въ либерализмъ хвалительный.

Положительно завѣряю васъ, что еслибъ былъ просторъ, и поднесъ ему Василій Александрычъ рюмочку, онъ охотно пустился бы въ присядку.

А въ другомъ углу вагона завязывается, между тѣмъ, иного сорта либеральный разговоръ. Женоподобный, укутанный пледами господинъ, какъ дважды два четыре, доказываетъ сидящему съ нимъ рядомъ путешественнику французу, что мы отупѣли, и что причину этого отупѣнія слѣдуетъ искать въ непомѣрномъ преобладаніи бюрократіи и въ несносной страсти къ регламентаціи.

— Vous croyez donc que si l'on donnait plus d'essort à la libre initiative des pomeschiks?... спрашиваетъ французъ, который желаетъ доказать, что онъ отлично хорошо умѣетъ все понимать à demi-mots.

— Voilà, отвѣчаетъ женоподобный господинъ.

— Monsieur est donc pour le système du selfgovernment? продолжаетъ французъ.

— Voilà, отвѣчаетъ женоподобный господинъ, и горделиво оглядываетъ нищихъ духомъ, сидящихъ въ отдѣленіи вагона.

А нищіе духомъ разѣваютъ рты отъ умиленія, и начинаютъ подозрѣвать, что между ними сидитъ, по малой мѣрѣ, самъ знаменитый публицистъ и защитникъ свободы Ржевскій, путешествующій инкогнито въ скромномъ образѣ господина Юматова (Юпитеръ въ образѣ лебедя).

Вы, конечно, не раздѣляете мнѣнія нищихъ духомъ; быть можетъ, вы даже находите, что идея о помѣщичьемъ selfgovernment вовсе не такъ смѣла и нова, какъ кажется съ перваго взгляда, ибо она достаточно проявила свои достоинства въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Но благодушіе, при пособіи сравнительнаго метода и нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній, опять-таки беретъ верхъ надъ всѣми соображеніями. Вы не слыхали до сихъ поръ, чтобы слово «selfgovernment» произносилось гдѣ нибудь, внѣ вашего кружка; и вдругъ оно произносится громогласно, и гдѣ же? въ вагонѣ! и кѣмъ же? какимъ-то золотушнымъ отрыскомъ нашихъ древнихъ псарей-богатырей! Вы готовы вообразить себя въ Икаріи, гдѣ безпечально ходятъ нагіе люди, и непринужденно выбрасываютъ изъ себя всякій вздоръ, который взбредетъ имъ въ голову; вы отнюдь не хотите вѣрить, что находитесь въ любезномъ отечествѣ, гдѣ ходятъ все люди одѣтые, и гдѣ законами общежитія дозволяется изрекать только умныя рѣчи. Васъ это трогаетъ; въ порывѣ умиленія, вы не замѣчаете, что, въ сущности, васъ поражаетъ здѣсь не дѣло, а только звукъ; что точно также смякло бы ваше сердце, если бы кто нибудь изъ этихъ посторонних для васъ людей вдругъ произнесъ имя родной Заманиловки, гдѣ протекло ваше безмятежное дѣтство, и напомнилъ вамъ старую няню Іоновну, тѣшившую васъ сказочками про бабу-ягу-костяную ногу, про козляточекъ-маляточекъ.... Что за славная, что за благодатная картина встала бы вдругъ въ душѣ вашей! Какимъ тепломъ, какою яркостью лучей и красокъ охватило бы все ваше существо! И съ какою любовью взглянули бы вы на этого незнакомца, который, самъ того не вѣдая, ударилъ по самой чувствительной струнѣ вашего сердца, который заставилъ васъ еще и еще разъ произнести: «о моя юность! о моя свѣжесть!»

Милостивый государь! слово, столь глубоко васъ тронувшее, имѣетъ въ настоящемъ случаѣ именно то самое значеніе, какое имѣло бы нечаянное упоминовеніе родной Заманиловки. Вся разница заключается только въ томъ, что чувствительность, проявляемая по поводу Заманиловки, весьма невинна и ни къ чему не обязываетъ, а чувствительность, проявляемая по поводу произнесеннаго въ упоръ хвастливаго словечка, весьма непохвальна, ибо кромѣ неопрятности, производимой глазами и носомъ, ведетъ къ затмѣнію и страшной путаницѣ.

Я знаю, вы утѣшаете себя мыслью, что еще немножко, еще

одну капельку—и золотушный юноша самъ собой станетъ на ту прямую дорогу, которая такъ складно рисуется въ вашемъ воображеніи. Анъ нѣтъ, онъ гораздо дальше отъ этой прямой дороги, нежели его предки, псари-богатыри. Тѣ просто ломили себѣ впередъ, какъ ломитъ впередъ Михайло Иванычъ Топтыгинъ, пролагая пути сообщенія сквозь чащу лѣсную, а золотушный юноша впередъ не ломитъ, столѣтнихъ сосенъ не валитъ, а злобствуетъ тихимъ манеромъ, какъ прилично человѣку благовоспитанному, то есть показывая кукишъ въ карманѣ. Тѣхъ можно было попросту гнуть въ бараній рогъ, тѣхъ можно было взять за плечи и поставить на прямую дорогу, если они добровольно на нее не становились, а съ золотушнымъ юношей такъ поступить нельзя. Онъ ужь понахватался кой-чего, онъ уже развратилъ свою мысль десяткомъ-двумя заборпстаго свойства словечекъ, онъ уже покрылся извѣстнаго рода слизью, по милости которой схватить его безъ перчатокъ дѣло весьма затруднительное и щекотливое.

Нѣтъ, вы поразмыслите хорошенько, да подивитесь природѣ-матери, которая допускаетъ, что въ одной и той же головѣ помѣщаются рядомъ такія понятія, какъ selfgovernment и la libre initiative des poméschiks!

Но вотъ и въ третьемъ углу засѣли либералы, и въ третьемъ углу ведется живая и многознаменательная бесѣда.

— А что вы скажете о нашей дорогой новорожденной? вѣдь просто, батюшка, сердце не нарадуется! говоритъ очень чистенькій, съ виду весьма похожій на мышинаго жеребчика старичокъ, бойко поглядывая по сторонамъ, и какъ бы заявляя всѣмъ и каждому: «не смотрите, дескать, что наружность у насъ тихонькая, и мы тоже не прочь войдти въ задоръ... Какъ же-съ!»

Вы знаете, что на языкѣ нашихъ мышиныхъ жеребчиковъ, подъ именемъ «дорогой новорожденной» слѣдуетъ разумѣть гласность, и что гласность въ настоящее время составляетъ ту милую бонничку сердца, о которой всѣ говорятъ дрожащими отъ радостнаго волненія голосами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтно перекосивши рыло на сторону.

— Удивительно, отвѣчаетъ другой такой же бодренькій, румяненькій старичокъ:—мы вчера читаемъ съ Петромъ Иванычемъ, да только глаза себѣ протираемъ!

— А помните ли, прежде-то! Получишь, бывало, книжку журнала: либо тебѣ «Труфель» подносятъ, либо «Двумя словами

о происхожденіи славянъ» подчуютъ... Просто, можно сказать, засоряющая зрѣніе литература была!

— Недавно я, Степанъ Сергѣичъ, статью господина Юматова въ одной газетѣ прочиталъ — просто такъ-таки и говоритъ: облагородить, говоритъ, все это нужно, джентри англійскую завести нужно; силу, говоритъ, силу намъ дайте, да гордости маленько прибавьте, а мы ужь проберемъ сзади проборъ любезному отечеству!

— Неужто такъ и написано?

— Именно такъ, Степанъ Сергѣичъ! и даже, какъ бы вы думали, даже не въ Петербургѣ и не въ Москвѣ писано, а такъ въ какомъ-то Сердобскѣ — уму непостижимо!

— Изъ рыбарей...

— Именно изъ рыбарей-съ! И что же-съ? книжки тоже почитываютъ... Гнейста тамъ... Такъ-таки прямо и говоритъ: я, говоритъ, Гнейста читалъ; жаль, говоритъ, что не всѣ его прочитали...

— Н-да; а вѣдь главное—что утѣшительно, Ѳедоръ Алексѣичъ, это-то, что вѣдь всякую штуку на свой манеръ обработываютъ!

— Да ужь насчетъ чего другаго, а на счетъ смётки это именно, что противъ русскаго другому не выдти. Возьмемъ, напримѣръ, хоть простаго плотника...

Начинаются разсказы о плотникахъ, строящихъ самоучкой великолѣпные дворцы, перекидывающихъ по глазомѣру диковинные мосты и проч. Извѣстно, что анекдоты подобнаго рода еще въ великомъ ходу въ обширной Россійской имперіи, и что они составляютъ тотъ незыблемый фундаментъ, на которомъ мышиные жеребчики созидаютъ славу и надежды Россіи.

— Утѣшительно это, Ѳедоръ Алексѣичъ! какъ себѣ хотите, а утѣшительно это!

— Какъ же-съ, какъ же-съ! вотъ и господинъ Юматовъ: Гнейстъ-то Гнейстомъ, однако и объ совѣтникахъ губернскихъ правленій упомянулъ: это, говоритъ, не джентри, потому что безъ сапогъ къ намъ приходятъ, а вотъ предводители и засѣдатели — тѣ джентри, потому что въ сапогахъ ходятъ, хоть и нѣтъ у нихъ ни силы, ни гордости...

— Смекалка, значитъ, есть: про чужое читаемъ, а свое тоже примѣчаемъ!

«Добрые люди!» разсуждаете вы мысленно: «и до вашихъ

мозговъ коснулся лучъ свѣта! и ваши сердца растворились жаждою гласности! Хотъ уморительно, хоть черезъ пень колоду, а все же вы разсуждаете, все же въ головахъ вашихъ копошится какое-то вождѣленіе! Да, и это ужь шагъ впередъ!» Но въ сущности, этого шага впередъ нѣтъ, и вы очень неосновательно думаете, что въ старыхъ, мѣстами продырявленныхъ мѣхахъ можетъ заключаться новое вино. Я думаю даже, что добродѣтельное ваше разсужденіе, безъ ущерба для истины, можетъ быть заключено слѣдующимъ: «глупые люди! и до вашихъ мозговъ коснулась эпидемія болтовни! и вы получили способность извергать изъ себя цѣлые потоки словъ, лишившихся, по милости вашей, смысла и значенія!» и проч. и проч. На мой взглядъ, вы были бы правы. Подумайте, что такое, въ самомъ дѣлѣ, эти люди, на которыхъ вы взираете съ такою отеческою заботливостью! Вѣдь это тѣ самые, которые еще вчера хихикали и радовались, видя, какъ краснорѣцкій буй-туръ Рыковъ треснаетъ по зубамъ благоговѣйно взирающихъ на него обывателей («строгонекъ, но часть свою въ порядкѣ держитъ!» говорили они); это тѣ самые, которые еще вчера съ умиленіемъ и неизрѣченною душевною сладостью бесѣдовали о томъ, какъ извѣстный магикъ и чревовѣщатель Ударъ-Ерыгинъ услѣдилъ что-то такое, грозящее общественному спокойствію (то самое, что они теперь такъ сладостно привѣтствуютъ подъ именемъ давно желаннаго новорожденнаго), какъ онъ все это искусно накрылъ, раздулъ по мѣрѣ силъ своихъ, и приподнесъ кому слѣдуетъ; вѣдь это тѣ самые, которые и завтра будутъ кланяться какому угодно тельцу, и даже не изъ выгодъ, а только потому, что «не нами заведено, не нами и кончится». Вѣдь это не люди, а дрянные людишки, у которыхъ можно позаимствоваться огнемъ для сигары, но въ смыслъ рѣчей которыхъ вслушиваться не только безполезно, но даже вредно, по той простой причинѣ, что занятіе подобнаго рода вливаетъ въ существованіе человѣка отраву праздности и чревоугодничества.

Я предполагаю, что весь этотъ умственный маскарадъ, вся эта путаница понятій и представленій происходитъ оттого, что мы вступаемъ, такъ сказать, въ эпоху конфуза. Я не могу сообщить положительныхъ свѣдѣній насчетъ того, какимъ образомъ и откуда занесено къ намъ это новое въ русской жизни явленіе. Извѣстно, что мы прежде не только совсѣмъ никогда не конфузились, но, напротивъ того, съ самою любезною откровен-

ностью приступали ко всякаго рода задачамъ. Знаменитая русская поговорка: «тяпъ да ляпъ—и карабь» столь долго служила основаніемъ нашей общественной и политической дѣятельности, что нынѣшній конфузъ составляетъ явленіе несомнѣнно новое и невольно обращающее на себя вниманіе. Вотъ все, что можно сказать положительнаго насчетъ происхожденія конфуза; затѣмъ, что касается до деталей, то несмотря на всю новость этого явленія, несмотря на то, что оно пришло къ намъ, такъ сказать, на нашихъ же глазахъ, исторія его, благодаря запутанности сопровождавшихъ ее обстоятельствъ, уже представляется весьма темною. Мнѣ, напримѣръ, всегда казалось, что истиннымъ насадителемъ конфуза былъ почтенный нашъ писатель И. С. Тургеневъ, который еще въ сороковыхъ годахъ предрекалъ его господство своими Рудиными и Гамлетами Щигровскаго уѣзда, но съ другой стороны, нѣкоторые достойные полнаго вѣроятія помѣщики положительно и даже подъ оболочкою тайны (извѣстно, что секретныя свѣдѣнія всегда вѣрнѣе несекретныхъ) удостовѣряютъ, что первый, бросившій сѣмена стыдливости въ сердца россіянъ, былъ императоръ французовъ, Людовикъ Наполеонъ. Предоставляю читателю разсудить между этими двумя мнѣніями; я же нахожу для себя удобнѣйшимъ обратиться къ самому явленію. Откуда бы ни происходилъ нашъ конфузъ, но несомнѣнно, что мы сконфузились и оплошали почти поголовно. Конфузъ проникъ всюду: конфузъ въ сердцахъ помѣщиковъ, конфузъ въ соображеніяхъ почтеннаго купечества, конфузъ въ литературѣ и журналистикѣ, конфузъ въ умахъ администраторовъ. Послѣдніе сконфузились сугубо — и за себя и за другихъ. Они почему-то сообразили, что все бремя эпохи конфуза лежитъ на ихъ плечахъ, и что слѣдовательно имъ предстоитъ учетверить свою собственную конфузливость, дабы укрѣпить корни этого невиданнаго у насъ растенія въ сердцахъ прочихъ человѣковъ. Зубатовъ видимо оторопѣлъ. Ударъ-Ерыгинъ, какъ муха, наѣвшаяся отравы, сонно перебираетъ крыльями. Оба видятъ, что на смѣну имъ готовится вдали генералъ Конфузовъ, и оба изъ кожи лѣзутъ, чтобъ предъявить кому слѣдуетъ, что они ничего, что они и сами способны сконфузиться настолько, насколько начальство прикажетъ.

Величественный Зубатовъ! ты, который до сихъ поръ представлялъ собой римлянина Катона, расхаживающаго въ вицмундирѣ по каменистому полю глуповской администраціи! ты,

который все подчищалъ и подмывалъ, въ твердомъ уповании, что сможешь, наконецъ, самую жизнь, и будешь себѣ гулять одинъ-одинешенекъ по травкѣ-муравкѣ, среди животныхъ и птицъ домашнихъ! Что съ тобой сдѣлалось? Куда дѣвался твой «delenda Carthago», переведенный по русски: «въ бараній рогъ согну?»

Боже! и онъ застыдился, и вслѣдствіе того помолодѣлъ и помилѣлъ! Все подпрыгиваетъ, все «хи-хи-хи» да «ха-ха-ха», не то что прежде: «го-го-го» да «ге-ге-ге!» Все провиниться боится, все циркуляры пишетъ: «бери дескать примѣръ съ меня, съ меня, ангела кротости! взятокъ ни-ни! въ зубы ниже-ни! а съ откупщикомъ амуриться — сохрани тебя Боже!» О крутыхъ мѣрахъ исполнительности и думать забылъ. Когда ему докладываютъ, что такой-то исправникъ не соскочилъ съ колокольни, не утонулъ въ стаканѣ воды, не пролѣзъ сквозь ушко иглиное, онъ не ржетъ какъ озаренный: «подъ судъ! подъ судъ его!» а кротко замѣчаетъ: «ахъ, любезный! надо еще справиться: можетъ быть, у него резоны свои есть!» Когда ему объясняютъ, что такой-то Замухрышкинъ цѣлый уѣздъ грабитъ, онъ предварительно полюбопытствуетъ, сколько у него дѣтей, и получивши свѣдѣніе, что шестеро, молвитъ: oh, les enfans! les enfans! ils font commettre bien des crimes!» причемъ непремѣнно погладитъ по головкѣ своего Колю.

За это всѣ Замухрышкины въ одинъ голосъ величаютъ его ангеломъ, а корреспонденты «Московскихъ Вѣдомостей»—«нашимъ справедливымъ и благодушнымъ начальникомъ». Просители тоже отъ него безъ ума. Всѣмъ-то пообѣщаетъ, всѣхъ-то утѣшитъ, а если и откажетъ кому, то такъ откажетъ, что отъ удовольствія растеряться можно. Только и слышишь: «ахъ, какъ мнѣ жаль!» да «зачѣмъ вы не пожаловали ко мнѣ раньше!» Стонъ стоитъ въ Глуповѣ по случаю учтиваго обращенія.

— И не видывали мы, сударь! говоритъ обыватель Анемподистъ Өедотычъ: — и не видывали такого! Бывало, начальникъ-то позоветъ: «а ну-те, говоритъ, чистопсовые! а знаете ли, говоритъ, что васъ всѣхъ правъ состоянія лишить велѣно?» Такъ мы, сударь, такъ, бывало, всѣ ходуномъ и ходимъ передъ нимъ! А этотъ просто даже и на начальника непохожъ! на стулъ-это сажаетъ, папироску подаетъ: «разскажите, говоритъ, какая у васъ статистика!»

Вновь спрашиваю я тебя, величественный Зубатовъ! ты

ли это? Если это ты, то помни, что конфузъ входитъ пудами, а выходитъ золотниками, и что однажды опоенную лошадь никакія человѣческія усилія не въ силахъ возвратить къ прежней лошадиной бодрости и нестомчивости! Что, если вновь когда нибудь приказано будетъ не конфузиться? Что, если вновь приказано будетъ по десяти разъ въ день утопать въ стаканѣ воды и по сту разъ соскакивать съ колокольни? Дрожать за тебя или нѣтъ? Воспрянешь ты, или.... но нѣтъ, меня объемлетъ ужасъ при одномъ предположеніи.... нѣтъ, я не сказалъ, я даже не предполагалъ ничего подобнаго!

И ты, дитя моего сердца, ты любострастный магикъ и чревовѣщатель Ударъ-Ерыгинъ! Ты, подсмотрѣвшій у Апфельбаума (даже не у Германа) нѣсколько дешевыхъ фокусовъ, и удивлявшій ими добродушныхъ соотечественниковъ во время артистическихъ путешествій твоихъ по глуповскимъ палестинамъ, — и ты повѣсилъ голову, и ты о чемъ-то задумался! Я, который вижу насквозь твою душу, я знаю, что ты задумался о томъ, какъ бы примирить инстинкты чревоугодничества съ требованіями конфуза. Я знаю, что ты увидѣлъ грошъ въ карманѣ твоего ближняго, и что тебя терзаетъ мысль, какимъ бы образомъ такъ устроить, чтобъ выкрасть его. Какъ сдѣлать, чтобъ добрые люди не догадались, что ты занимаешься воровскимъ ремесломъ? Какъ устроить, чтобы добрые люди, даже и догадавшись, все-таки продолжали относиться къ тебѣ, какъ къ человѣку честному? И вотъ ты замышляешь какой-то новый, неслыханный фокусъ, — но увы! кромѣ глотанья ножей, ничего изобрѣсти не можешь, потому что и въ этомъ искусствѣ ты не пошелъ дальше Апфельбаума, и въ этомъ искусствѣ ты еще не научился давать представленія безъ помощи стола, накрытаго сукномъ, подъ которымъ сидитъ душка Разбитной, сей нелицемѣрный холопъ и блюдолизъ всѣхъ Чебылкиныхъ, Зубатовыхъ и Ударъ-Ерыгиныхъ, и подаетъ тебѣ, по востребованію, жареныхъ голубей.

Да; усилія твои тщетны, ибо зеленое сукно, которымъ накрытъ былъ столъ, велѣно сдернуть. Разбитнаго застали врасплохъ подъ столомъ въ то самое время, какъ онъ, весь потный отъ духоты, совсѣмъ было состряпалъ въ шляпѣ яичницу. Двугривенный, бывшій у тебя въ рукахъ, такъ и остался двугривеннымъ, и не превратился ни въ апельсинъ, ни въ полуимпе-

ріалъ.... Тебѣ не воспрещается дѣлать фокусы, но дѣлай ихъ безъ сукна, глотай шпаги на чистоту!

А такъ какъ ты еще недостаточно искусенъ для этого, такъ какъ ты трусъ и боишься подавиться, то, очевидно, что грошъ, видѣнный тобой въ карманѣ ближняго, тамъ и останется. Да, ты самъ сознаешь, что останется, ты до такой степени сознаешь это, что даже скрѣпя сердце рѣшаешься бросить мысль о благопріобрѣтеніи его. Признаюсь тебѣ, меня очень радуетъ такое самоотверженіе съ твоей стороны; я съ любопытствомъ наблюдаю, какъ ты пріучаешься къ твоей новой роли, какъ ты, по старой привычкѣ, все еще лебезишь около чужихъ кармановъ, какъ ты похотливо расширяешь ноздри, заглядывая въ нихъ, и какъ, въ то же время, не смѣешь простереть подергиваемую воровской судорогой руку, чтобъ стяжать чужое достояніе. Другъ! ты до такой степени мило все это дѣлаешь, что добросердечные глуповцы серьёзно начинаютъ безпокоиться, ужь не хочешь ли ты подарить имъ самимъ по двугривенному изъ твоей собственной «неистощимой» шкатулки (помнишь ли фокусъ, который показывалъ ты въ Крутогорскѣ, подъ названіемъ: «неистощимая шкатулка, или крутогорскіе откупщики—основатели женскихъ гимназій?»). Истинно говорю тебѣ, что это самый отчаянный фокусъ изъ всѣхъ, которые ты когда либо показывалъ въ теченіе твоей многотрудной жизни, и что еще долго послѣ тебя, твои многочисленные послѣдователи будутъ показывать его почтеннѣйшей публикѣ, подъ названіемъ: «укрощенная страсть къ мошенничеству, или конфузъ — руководитель администраціи».

Но если Зубатовы и Ударъ-Ерыгины восчувствовали и помигѣли, то какимъ образомъ долженъ дѣйствовать самъ господинъ Конфузовъ? Очевидно, онъ долженъ источать безконечные источники слезъ умиленія, при видѣ тѣхъ задатковъ самостоятельности, которые успѣли проявить въ послѣднее время россіяне; очевидно, онъ долженъ восторженно размокать и съ каждой минутой все болѣе и болѣе обращаться въ сырость, подъ знойными лучами гласности!

Поборники конфуза — а ихъ не мало, и большая часть принадлежитъ къ тому достойному меньшинству, о которомъ говорено выше — удостовѣряютъ, что преобладаніе въ жизни этого элемента все-таки лучше, нежели господство нахальства и грубой физической силы. Когда въ отношеніи къ жизни, говорятъ они,

примѣшивается нѣкоторое чувство стыдливости, то само собой разумѣется, что и самое развитіе жизни происходитъ безпрепятственнѣе, нежели въ то время, когда отъ неуклюжихъ прикосновеній къ ней остаются лишь слѣды грязныхъ медвѣжьихъ лапъ.

Въ этомъ силлогизмѣ есть, однакожь, страшная недомолвка. Во-первыхъ, мы принимаемъ на вѣру, что нашъ конфузъ есть конфузъ дѣйствительный, конфузъ разумный, что въ немъ заключается сознательная попытка къ освобожденію жизни отъ одуряющаго попечительства различныхъ непріязненныхъ ея развитію началъ. Но мы ошибаемся. Нашъ конфузъ — временный; нашъ конфузъ, въ переводѣ на русскій языкъ, означаетъ неумѣніе. Мы конфузимся, такъ сказать, скрѣпя сердце; мы конфузимся, и въ то же время помышляемъ: «ахъ, какъ бы я тебя жамкнулъ, кабы только умѣлъ!» Отъ этого, въ нашемъ конфузѣ нѣтъ ни послѣдовательности, ни добросовѣстности; завтра же, если мы «изыщемъ средства», мы жамкнемъ, и жамкнемъ съ тѣмъ ужасающимъ прожорствомъ, съ какимъ принимается за сытный обѣдъ человѣкъ, много дней удовлетворявшій свой аппетитъ одними черными сухарями. Во-вторыхъ, конфузъ, проводя, въ сущности, тѣ же принципы, которые проводило и древнее нахальство, даетъ имъ болѣе мягкія формы, и, при помощи красивой внѣшности, совершенно заслоняетъ отъ глазъ постороннихъ наблюдателей ничтожество и даже гнусность своего содержанія. Силѣ можно отвѣтить силою же; глупости и пустословію отвѣчать нечѣмъ. Отношенія дѣлаются натянутыми и безнравственными. Чувствуешь, что жизненныя явленія мельчаютъ, что и умы и сердца изолгались до крайности, что въ воздухѣ словно дымъ столбомъ стоитъ отъ вранья, сознаешь, что между либеральнымъ враньемъ и либеральнымъ дѣломъ лежитъ цѣлая пропасть, чувствуешь и сознаешь все это, и за всѣмъ тѣмъ, какъ бы колдовствомъ какимъ, приходишь къ оправданію вранья, приходишь къ убѣжденію, что это вранье есть истина минуты, придумываешь какую-то «переходную» эпоху, въ которую будто бы дозволяется безнаказанно нести чушь, и на которую, безъ зазрѣнія совѣсти, сваливаешь всякую современную нечистоту, всякое современное безобразіе!...

Согласитесь: ну, не страшная ли это недомолвка, и не лучше ли, не безопаснѣе ли для самаго дѣла къ лжи относиться, какъ къ лжи, а не придумывать различныхъ оправдательныхъ ухищ-

реній, которыя могутъ только продлить зловредное торжество ея?

Итакъ, противодѣйствовать вранью, обличать его несостоятельность отнюдь еще не значитъ противодѣйствовать стремленіямъ къ самостоятельности и независимости дѣйствій. Если и у дѣйствительнаго либерализма есть свои характеристическія оттѣнки, дѣлающіе проявленія его крайне разнообразными и имѣющими между собой мало общихъ точекъ соприкосновенія, то тѣмъ большая неизмѣримость разстоянія легла между либерализмомъ, разсматриваемымъ, какъ результатъ цѣлой жизненной работы, и либерализмомъ, не уходящимъ въ глубь далѣе оконечностей языка. Если, чтобъ дѣйствовать сознательно въ томъ или другомъ смыслѣ, необходимо прежде всего опознаться въ многоразличіи убѣжденій, необходимо уяснить себѣ истинное ихъ значеніе, то тѣмъ болѣе необходимо умѣть различать убѣжденія искренніи отъ убѣжденій, вызванныхъ прихотью минуты и большимъ или меньшимъ желудочнымъ засореніемъ. Скажу болѣе: чѣмъ сильнѣе и настоятельнѣе сказывается уму и сердцу чувство уваженія къ первымъ, тѣмъ живѣе сознается въ то же время необходимость отрицанія послѣднихъ. Да, именно отрицанія, упорнаго, безпощаднаго отрицанія, потому что эти безсмысленныя фіоритуры либерализма, которыми, какъ древле кашею, наполнены въ настоящее время рты россіянъ, мѣшаютъ разслушать простой и честный мотивъ его.

Заглянемъ, напримѣръ, въ нашу текущую литературу — что за зрѣлище представляется очамъ нашимъ! Увы! это ужь не то доброе старое время, когда ратовали исключительно наши кондовые, наши цеховые мастера! Увы! даже Корытниковы, даже «Проѣзжіе» и «Прохожіе», несмотря на недавность ихъ появленія, — и тѣ перестаютъ производить впечатлѣніе, и составляютъ уже скромное меньшинство! Увы! литературная нива обмірщилась, литературная нива сдѣлалась простымъ выгономъ, на которомъ властительно выступаютъ Ноздревы, Чертопхановы и Пѣночкины! Ноздревъ! ты ли это, mon cher? Если это ты, то почему ты смотришь такимъ Лафайэтомъ? Или у насъ нынче масляница, а объ масляницѣ тебѣ неловко оставаться самимъ собою? Или, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, тебѣ выгоднѣе быть Лафайэтомъ, нежели прежнимъ, сорви-головой Ноздревымъ?

Каждый часъ, каждая минута вызываютъ новыя требованія, ведутъ за собою новыхъ дѣятелей. Еще вчера Глуповъ былъ по-

лонъ хвалебныхъ гимновъ, а нынче онъ ужь грубитъ, онъ почти ругается! Давно ли кн. Черкасскій торжественно защищалъ розгу, а нынче.... розга, гдѣ ты? По крайней мѣрѣ, Ноздревъ не только отвергаетъ пользу ея, но даже стыдится и краснѣетъ при одномъ воспоминаніи, что это орудіе составляло когда-то одно изъ самыхъ существенныхъ опредѣленій глуповской гражданственности.

Всѣ «рыбари», которые доселѣ занимались сокрушеніемъ зубовъ и челюстей человѣческихъ, покинули это занятіе изъ опасенія получить сдачи. Но занятіе было выгодно, ибо, съ помощью его, пріобрѣталось право преобладанія въ такъ-называемомъ обществѣ. Безъ него чувствовалась тоска и одиночество; безъ него, земля исчезала подъ ногами, права попирались и видимо истаявали. Какъ быть? Гдѣ, въ какомъ иномъ принципѣ, искать основанія къ сохраненію драгоцѣннаго права? Рыбари недоумѣвали, потому что до сихъ поръ они спокойно отдыхали себѣ подъ тѣнью своихъ смоковницъ (такъ называли они навозныя кучи своихъ скотныхъ дворовъ), и даже сновъ никакихъ не видѣли. Къ счастію, на выручку подоспѣлъ графъ Монталамберъ, который, въ русскомъ извлеченіи, побѣдоноснымъ образомъ доказалъ, что унывать и недоумѣвать не слѣдуетъ. «Воззрите на Англію, сказалъ онъ нашимъ рыбарямъ,—вѣдь и вы тѣ же лорды, и вы та же джентри, только безъ гордости и силы: старайтесь добыть и то и другое, и все пойдетъ, какъ по маслу!» Шутка сказать, однакожь: добыть гордость и силу! Гдѣ ихъ возьмешь? Вѣдь ихъ не добудешь ни бранью ямскою, ни зубосокрушеніемъ! Вѣдь гордость и сила составляютъ продуктъ исторіи, а гдѣ она? Но «рыбари», разъ рѣшившись, не задумались и надъ этими вопросами. «Чортъ съ ней, съ исторіей!» сказали они другъ-другу, — «обходились же безъ нея наши отцы — коллежскіе ассессоры, наши отцы — татарскіе выходцы, наши отцы — эмигранты,—обойдемся какъ нибудь и мы!» И не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отчасти пустили шипъ по змѣиному, отчасти защелкали по соловьиному.

И вотъ отчего, въ настоящую минуту, нѣтъ того болота на всемъ пространствѣ глуповскихъ палестинъ, въ которомъ не слышалось бы щелканье соловья-либерала.

Увлеченія мысли, равно какъ и движенія страсти, дѣйствуютъ на людей весьма разнообразно. Однихъ доводятъ они до отчаянія и крайняго упадка нравственныхъ силъ — картина

скорбная, но не внушающая, однакожъ, ни отвращенія, ни даже непрощеннаго сожалѣнія къ паціенту, а, напротивъ того, почти всегда возбуждающая искреннюю симпатію къ нему. Ибо въ сегодняшнемъ истощеніи еще чуется вчерашняя сила, ибо и самое разрушеніе имѣетъ здѣсь горькій и полный мучительныхъ невзгодъ смыслъ. Въ другихъ, борьба, посредствомъ которой мысль искупляетъ будущее торжество свое, производитъ не атонію силъ, а общее ихъ возбужденіе, доходящее до героизма. Мысль, сдѣлавшаяся страстною, мысль, доведенная до энтузіазма—вотъ та волканическая сила, которая изъ сокровенныхъ нѣдръ толпы выбрасываетъ историческихъ дѣятелей, вотъ та неистощимая струя, которая, капля по каплѣ, неотступно долбитъ камни невѣжества и предразсудковъ. Въ-третьихъ, наконецъ, всякое волненіе душевное разрѣшается лишь прыщами и подозрительною накожною сыпью.

Всѣ эти рекламы либерализма, о которыхъ шла рѣчь выше, не больше какъ прыщи, посредствомъ которыхъ разрѣшилось долго сдерживаемое умственное глуповское худосочіе. Я не говорю, чтобъ прыщи были безполезны, я даже не отрицаю законности ихъ существованія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу не скорбѣть душою, когда меня увѣряютъ, что дѣло такъ и должно кончиться одними прыщами, и что прыщи составляютъ вѣнецъ исторіи. Исторія, думаю я, должна привести къ просвѣтлѣнію человѣческаго образа, а не къ посрамленію его, и съ этой точки зрѣнія, необычайное изобиліе накожной сыпи и упорная ея устойчивость не только не радуютъ меня, но, напротивъ того, до глубины души огорчаютъ. Я положительнымъ образомъ протестую противъ претензіи прыщей на право безконечнаго господства въ жизни и противъ того безнравственнаго девиза, съ которымъ они являются въ мірѣ, и въ силу котораго абсолютная истина жизни представляется опасною и недостижимою химерой, а вмѣсто ея предлагается въ руководство другая истина, заключающаяся въ болѣе или менѣе проворномъ эскамотированіи одной лжи посредствомъ другой.

При этомъ я прибѣгаю къ сравненію, и спрашиваю себя: если я свой старый синій камзолъ окрашу въ зеленый цвѣтъ, убавится ли оттого непрочность самой ткани? если я, относительно затхлаго, отжившаго принципа, ограничусь только перенесеніемъ его съ одного лица на другое, измѣнится ли оттого вредоносная сущность его? Не только не измѣнится, но я не получу даже удовольствія обмануть самого себя, ибо, въ первомъ случ-

чаѣ, я тотчасъ же убѣжусь, что невинная моя забота повлекла за собой лишь трату денегъ на окраску негоднаго платья, а во второмъ — результатомъ моихъ усилій можетъ быть даже болѣзненное сотрясеніе.

Очевидно, слѣдовательно, что прыщи не обладаютъ тѣми условіями, съ которыми сопрягается мысль на господство надъ истиной. Ихъ существованіе законно и даже необходимо, но оно обусловливается бо̀льшимъ или меньшимъ накопленіемъ худосочія. Слѣдовательно, для насъ собственно весь вопросъ приводится къ тому, какую именно сумму историческаго худосочія благопріобрѣли мы до настоящей минуты возрожденія, и на основаніи этого даннаго опредѣлить время, когда начнутъ подсыхать прыщи. Къ сожалѣнію, мы не привели еще въ извѣстность перваго, и потому не можемъ отвѣчать вполнѣ удовлетворительно и на второе.

Однако, признаки подсыханія начинаютъ уже сказываться. Исторія не останавливаетъ своего хода, и не задерживается прыщами. Событія слѣдуютъ одни за другими съ быстротою молніи, и мгновенно засушиваютъ волдыри самые злокачественные. То, что вчера было лишь смутною надеждой, нынче является уже фактомъ совершившимся, является побѣдою жизни надъ смертью. Вчерашній либерализмъ сегодня оказывается уже отсталостью. Наступаетъ день разсчета, настаетъ пора общаго покаянія.

Если вчера позволительно было ораторствовать и заявлять о сочувствіи, если вчера умѣстно было толковать о необходимости возрожденія, то тѣмъ болѣе умѣстно и позволительно *нынче* окончательно разсчитаться съ прежнею жизнью, разсчитаться не только оконечностями языка, но и самимъ дѣломъ. Но во всякомъ случаѣ, не только умѣстно, а даже совершенно необходимо объясняться съ полною откровенностью, безъ утайки и удержанія, и говоря объ чемъ нибудь языкомъ утвердительно, не произносить въ то же время мысленно частицы *не*.

Ибо, какъ ни любезно прошедшее, какъ ни привлекательно приволье дней минувшихъ, но оно невозвратимо.

Да, милостивые государи! оно невозвратимо, и я отлично хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ ваши сердца при этой мысли. Вы уязвлены сугубо: не только въ вашей нелѣпой претензіи остановить жизнь, но и въ вашемъ самолюбіи. Вы пѣли и щелкали, все въ чаяньи, что отъ вашего щелканья ту-

манъ въ болотѣ поднимется, — однако туманъ не поднялся. Вы прикидывались свободолюбцами, все въ чаяньи, что распущенность мысли и обиліе словоизверженія отведутъ глаза, — однако глаза не отведены. Мысль обмірщилась, сѣмя брошено, и, какъ ни хлопочите вы, оно фаталистически должно пройти всѣ фазисы своего развитія. Конечно, оно можетъ дать плодъ и сторицею, и можетъ уродиться самъ-другъ, но все-таки желанный плодъ будетъ — это вѣрно. Это другое зерно скуднаго урожая также падетъ на землю и также дастъ плодъ. Истинно вамъ говорю, милостивые государи, что я отлично хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши!

Вы видите, что жизнь ускользнула у васъ промежъ пальцевъ, что вы, бывшіе до сихъ поръ въ самомъ центрѣ жизненнаго круга, внезапно, какъ бы колдовствомъ какимъ, очутились внѣ его. Вы ли не пѣли жизни диѳирамбовъ, вы ли не обращались къ ней льстивыми голосами, вы ли не угрожали ей распаденіемъ, если она не приметъ васъ въ руководители, вы ли, наконецъ, не доносили, не клеветали на нее! И вотъ, однакожь, не помогли ни диѳирамбы, ни угрозы: равнодушно катятся-себѣ да катятся волны жизни, и съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой откатываются отъ васъ все далѣе и далѣе, къ далекимъ берегамъ того безпредѣльнаго океана будущаго, который вы не хотѣли и не умѣли изслѣдовать. Истинно вамъ говорю, что я отлично хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши!

Вы припоминаете ваше прошлое, и сравниваете съ нимъ пустыню настоящаго, — это первая причина скорби.

Вы припоминаете ваши недавнія, еще неостывшія попытки обмануть жизнь; вы чувствуете, съ невольной краской на лицѣ, что на время сдѣлались ренегатами и, что больнѣе всего, ренегатами неудавшимися; что вы безполезно посрамили свои могилы сочувствіемъ къ какимъ-то новымъ началамъ жизни, — это вторая причина скорби.

Вы сознаете, что васъ никто не уважаетъ, что объ васъ никто даже не скорбитъ, ибо для всѣхъ стала ясна арлекинская пестрота вашей одежды. Вамъ нельзя помянуть добромъ ваше прошлое, а отъ будущаго отказались вы сами; прошлое не принимаетъ васъ, потому что дверь въ него заперта напливомъ новой жизни и вашимъ собственнымъ ренегатствомъ; будущее не принимаетъ васъ, потому что таковъ ужь законъ исторіи, что

соръ и нечистота фаталистически отметаются ею въ царство тѣней, — это третья причина скорби.

Однимъ словомъ, разсчитывая по пальцамъ, и принимая въ соображеніе, что дважды-два, какъ ни вертись, все будутъ составлять четыре, а не пять, вы приходите къ тому убѣжденію, что для васъ остается одно только приличное убѣжище: смерть,— это четвертая причина скорби.

Истинно вамъ говорю, милостивые государи, что я отлично хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши!

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я столько же хорошо понимаю и тѣ ругательства, которыми полны ваши души. Горечь ихъ такъ велика, что вы уже не въ силахъ таить ихъ, не въ силахъ долѣе выдержать вашу роль. «Умремъ, но напакостимъ!» восклицаешь ты, авторъ золотушныхъ фельетоновъ-рекламъ, — ты, идолъ Ноздревыхъ и Чертопхановыхъ! «Ни полъ-пальца ! ни четверть шага!» вторитъ взбудараженный тобой юный англоманъ, Сеня Бирюковъ: «car il faut, à la fin,que nous ayons le courage de notre opinion!» «Ayons le courage de notre opinion!» поютъ хоромъ полосатые, выдохшіеся потомки Буеракиныхъ и Оболдуй-Таракановыхъ.

Сеня, мой милый Сеня! я согласенъ, что это своего рода гражданское мужество; но ежели ты думаешь, что тебѣ первому принадлежитъ честь открытія его, то горько ошибаешься.

Не знаю, какъ въ твоихъ палестинахъ, а въ моемъ родномъ городѣ Глуповѣ такого рода гражданское мужество давно ужъ въ ходу. Мы только не отдавали ему надлежащей справедливости и даже не выводили изъ него тѣхъ великихъ рекламъ къ будущему, какія выводили славянофилы изъ всероссійскаго смиренія и послушливости, но оно существуетъ — это вѣрно. Да не можетъ быть, чтобъ и въ твоихъ палестинахъ оно не водилось, это гражданское мужество. Стоитъ только, не краснѣя за себя, потревожить свои воспоминанія, а геройскаго хлама, навѣрное, найдется въ нихъ весьма достаточно.

Сколько разъ, напримѣръ, колотилъ ты своего Петрушку за то, что онъ спитъ на твоей шубѣ, покуда ты до упаду отплясываешь съ дочерьми Матрены Ивановны, или съ племянницами Анфисы Петровны, а онъ и до сихъ поръ продолжаетъ высыпаться на той же шубѣ,—это ли не гражданское мужество?

Сколько разъ ты сѣкъ свою маленькую, курчавую суку Джипси за то, что она связывается съ разными неблагообразными

дворовыми валетками и барбосами, а она и до сихъ поръ связывается,—это ли не courage de son opinion?

Сколько разъ ты посылалъ въ часть поваренка Никитку, за то, что въ твоемъ супѣ поочередно появляются то таракань, то мочалка, а таракань и мочалка и до сихъ поръ продолжають составлять неизбѣжную приправу твоего dîner de garçon,—это ли не доблесть безпримѣрная, доблесть неслыханная, доходящая до аскетизма, до горькой насмѣшки надъ собственной спиной ея обладателя?

Слѣдовательно, и въ этомъ дѣлѣ, ты и твои единомышленники: Гриша, Сережа и Коля являетесь не новаторами, а лишь слѣпыми подражателями Петрушки, Никитки и Дэмпси, съ тою только разницей, что васъ, за ваше гражданское мужество, не будутъ ни колотить, ни сѣчь, ни посылать въ часть.

Тѣмъ не менѣе, откровенность ваша, друзья мои, мнѣ нравится. Во-первыхъ, она отнюдь никому не вредитъ; во-вторыхъ, веселѣе какъ-то смотрѣть на васъ теперь, когда вы начистоту ругаетесь, нежели въ то время, когда вы подольщались, грустили и клянчили, и выпрашивали себѣ копѣечку; и въ-третьихъ, я не могу не держать въ памяти и того, что вы находитесь наканунѣ смерти, а въ такомъ интересномъ положеніи всякая дикость въ жилу. Спросите у меня стаканъ воды со льдомъ, спросите у меня буженины съ чеснокомъ, спросите клюквы, спросите грибовъ — я охотно дамъ вамъ всего этого, ибо знаю, что воздержаніе не подаритъ вамъ ни одной лишней минуты, а удовлетвореніе прихоти утѣшитъ васъ, и вы отойдете въ царство тѣней съ улыбкою, а не съ искривленнымъ ртомъ и стиснутыми зубами.

Итакъ, въ минуту разсчета, въ минуту отпущенія грѣховъ, пестрая риза ложнаго либерализма упала сама собою, фраза значительно похудѣла и утратила свою одутловатость, реклама стушевалась.... Очень пріятно!

И, Боже! какъ просто, какъ безхитростно совершилась эта внезапная перемѣна диверсіи! Почти механически. Мы не дали себѣ труда даже оговориться, мы даже не почтили публику соблюденіемъ самыхъ простыхъ приличій, обыкновенно употребляемыхъ при подобнаго рода метаморфозахъ. Что за дѣло до того, что насъ уличатъ въ двоегласіи; что за дѣло до того, что насъ назовутъ безстыдниками! Чувствуя и цѣня только боль физическую, мы не гонимся за выраженіями, не гонимся даже за толчками, памятуя правило пресловутаго Расплюева, что жало-

ваться слѣдуетъ тогда только, когда хватишь, что называется, до безчувствія.

Но эта безхитростность, эта ковкая способность обращаться безцеремонно съ самыми деликатными предметами, имѣютъ и свою полезную сторону. По крайней мѣрѣ, мы, люди меньшинства, которые съ такою сердечною тревогой внимали либеральнымъ упражненіямъ ревнителей тьмы; мы, которые сгоряча повѣрили, что каменоломни раскаяваются и изъявляютъ искреннее желаніе сдѣлаться цвѣтущими и благоухающими садами; мы, которые неусыпно вплетали миртъ и лавръ въ вѣнки героевъ, снисходительно улыбавшихся нашей юношеской горячности,— мы убѣдились, наконецъ, что не отъ гробовъ повапленныхъ предстоитъ ждать слова жизни, что не на нихъ должны покоиться наши упованія.

Эти упованія, эти надежды должны быть обращены къ намъ самимъ. Въ нашихъ собственныхъ убѣжденіяхъ, въ жизненности нашихъ собственныхъ силъ должны мы исключительно искать для себя опоры, и ни въ чемъ иномъ.

Но если поколѣніе, къ которому обращаются эти строки, хочетъ сдѣлаться достойнымъ своего призванія, пускай оно не пугается исключительности, пускай оно и въ мысляхъ, и въ выраженіяхъ, и въ дѣйствіяхъ соблюдаетъ ту опрятность и даже брезгливость, которая одна можетъ обезпечить дѣйствительный успѣхъ въ будущемъ.

Повторяю: мы, люди глуповскаго міра, слишкомъ податливы, слишкомъ покладисты. Мы во всякой средѣ легко уживаемся, со всякимъ явленіемъ миримся почти безъ сопротивленія. И потому изъ насъ можно лѣпить всякую фигуру, и даже безъ большихъ издержекъ: стоитъ только по головкѣ погладить или чайкомъ побаловать. Удивительная способность таять и обращаться въ сырость умерщвляетъ въ насъ всякую иниціативу, всякую попытку къ самодѣятельности. И вѣдь не то горько, что мы таемъ, а то, что мы таемъ искренно, что мы при этомъ кривляемся и хихикаемъ, что мы чувствуемъ себя столь же счастливыми, сколь счастливыми чувствовали себя наши достославные предки, когда ихъ трепали по плечу ихъ добрые начальники.... И вотъ плоды: роковая случайность, какъ господствующая стихія въ жизни, неприличный сумбуръ въ понятіяхъ и представленіяхъ и полное отсутствіе серьёзности въ обращеніи съ предметами....

Отъ всего этого добра насъ можетъ спасти только упоминаемая выше опрятность мысли, опрятность чувства. До тѣхъ поръ, покуда мы будемъ направо и налѣво раздавать poignées de main встрѣчному и поперечному, болѣе принимая въ соображеніе покрой жилета, нежели покрой мысли, до тѣхъ поръ мы будемъ слабы, мы будемъ нелѣпы, мы будетъ презрѣнны, до тѣхъ поръ наше слово будетъ подобно писку кулика-поручейника, несойлино, но безслѣдно раздающемуся надъ пустынными берегами кормилицы-поилицы рѣки Большой Глуповицы.

Да; только доведенная до героизма мысль можетъ породить героизмъ и въ дѣйствіяхъ! Да, только непреклонности логики дана роковая тайна совершать чудеса!

Итакъ, вотъ къ какому пришли мы результату, любезный сынъ Глупова!

Но, договорившись до такого заключенія, я чувствую, что сердце мое поражено смущеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что мы освободились отъ всякихъ глуповскихъ обязательствъ, что въ глазахъ нашихъ ужь нѣтъ героевъ, что руки и умы у насъ развязаны, что мысль наша не робѣетъ и не ползаетъ въ прахѣ передъ авторитетами, — что жь дальше?

Вѣдь, навѣрное мы изъ того съ тобой хлопочемъ и бьемся, читатель, что у насъ есть въ запасѣ какая нибудь жизненная мысль, что у насъ имѣются въ виду какія-то новыя жизненныя основы, которыми мы хотѣли бы замѣнить прежнія, пораженныя ржавчиной пружины, еще и донынѣ заставляющія дѣйствовать старый глуповскій механизмъ. А если все это есть, то неужто же сидѣть намъ, въ скромномъ безмолвіи, надъ нашими сокровищами, неужто жь прятать намъ ихъ для себя и для пріятелей? Нѣтъ, не сидѣть и не прятать,—это ясно, во-первыхъ, потому, что было бы безсмысленно обладать сокровищемъ и въ то же время съ умысломъ уничтожать его цѣнность, а во-вторыхъ, потому, что еслибъ и хотѣли мы смирно сидѣть — не усидимъ ни за что въ свѣтѣ! Другъ! у мысли есть сила особенная, которая такъ и подталкиваетъ человѣка впередъ да впередъ, такъ и шепчетъ ему въ ухо: «разскажи да разскажи!»

Итакъ мы будемъ, мы обязаны дѣйствовать. Отлично!

Гдѣ же, въ какой средѣ будемъ мы проводить нашу мысль? Памятуешь ли ты, что арена твоей дѣятельности не въ пространствѣ и времени, а все въ томъ же миломъ Глуповѣ, гдѣ

нынче такъ сладко свищутъ соловьи-либералы, что ты никогда и никуда не уйдешь отъ Глупова, что онъ будетъ преслѣдовать тебя по пятамъ, доколѣ не загонитъ въ земныя пропасти, что онъ до тѣхъ поръ будетъ всасываться тебѣ въ кровь, покуда не доведетъ ее до разложенія?

Если ты это памятуешь, то долженъ также знать, что хотя Глуповъ и безспорно хорошій городъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, городъ, любящій жить въ мирѣ съ дѣйствительностью, и откровенно, даже почти неприлично трусящій при малѣйшемъ намекѣ на разладъ съ нею. Мы, люди стараго глуповскаго закала, любимъ, чтобъ во «всемъ этомъ» было легкое, постепенное и нетороплливое впередъ поступаніе, и притомъ чтобъ поступаніе это существовало преимущественно въ нашихъ общественныхъ діалогахъ, и только самую чуточку переходило въ практику. Ибо подъ практикой мы разумѣемъ только самую настоящую, дѣйствительную практику, а не химеры. Мы охотно, напримѣръ, пожертвуемъ какимъ нибудь фестончикомъ, мы охотно побесѣдуемъ между собой на счетъ разныхъ этихъ усовершенствованьицъ, мы даже не прочь шепнуть другъ-другу на ушко que la position n'est plus tenable («совсѣмъ-таки мелкихъ денегъ достать нельзя — просто смерть!»), но чтобы въ соображенія наши входили какія нибудь эдакія абстрактности — отъ этого упаси насъ Боже! И главное безъ скандала, mon cher, безъ скандала! Ибо согласіе съ дѣйствительностью представляетъ свои безконечныя удобства, ибо согласіе съ дѣйствительностью вноситъ миръ и благоволеніе въ сердца человѣковъ. Mon cher! мнѣ очень пріятно видѣть васъ, человѣка съ широкими, непреклонными убѣжденіями; я вамъ сочувствую, и не только съ удовольствіемъ, но даже съ учащеннымъ біеніемъ сердца прислушиваюсь къ рѣчамъ, горячимъ потокомъ льющимся изъ устъ вашихъ; но оставьте же меня наслаждаться этимъ сладкимъ біеніемъ сердца въ спокойствіи, не тормошите, не огорчайте меня, не отрывайте меня такъ насильственно и грубо отъ раковины, въ которой я, съ такимъ удобствомъ, обмялъ себѣ мѣсто! Пусть слушая васъ, я буду воображать себя въ театрѣ, — на это я согласенъ; но чтобы я призналъ за вами право втискивать и меня въ число хористовъ — это ужь извините! Внимая вамъ, я мысленно созерцаю процессію, несущую съ торжествомъ Іоанна Лейденскаго, я слышу маршъ, я слышу хоръ толпы — все это очень хорошо, все это раздражаетъ мои нервы, и раздражаетъ,

могу сказать, въ самомъ благородномъ смыслѣ; но не могу же я.... не могу же я.... согласитесь, что вѣдь я не могу?

Такова наша глуповская политика, такова наша глуповская философія. И если ты не хочешь дѣйствовать въ пустотѣ, если ты желаешь, чтобъ мы, глуповцы, внимали тебѣ, ты долженъ поддѣлаться подъ нашу масть, ты долженъ признать насъ всецѣло, съ нашею политикой и нашею философіей.

И такимъ образомъ, для твоей дѣятельности представляется два пути: или ты рѣшишься самъ притвориться глуповцемъ, съ тѣмъ чтобъ сначала пріучить насъ къ музыкѣ рѣчей, а потомъ, неожиданнымъ движеніемъ руки, и не давши намъ, такъ сказать, опомниться, вдругъ снять съ насъ дурацкій колпакъ, или же прямо пойдешь на проломъ, прямо схватишься за кисточку колпака и будешь тянуть его прочь съ головы.

Если ты послѣдуешь первому пути—ты пропалъ! Во-первыхъ, люди, которыхъ дѣятельность основана на уступкахъ и нравственномъ сводничествѣ, не уважаются. Это ничего, что сами глуповцы первѣйшіе сводники въ мірѣ, и что не пропадаютъ же они отъ этого! Развѣ они уважаютъ другъ-друга? да развѣ они и нуждаются въ уваженіи? развѣ знаютъ они, что такое уваженіе? Они живутъ — и больше ничего. А для тебя уваженіе нужно, ибо ты имѣешь претензію снять дурацкій колпакъ, ибо, не пріобрѣтя уваженія, ты не «притворишься» глуповцемъ, а сдѣлаешься имъ дѣйствительно. Во-вторыхъ, мы, глуповцы, хотя и простодушный народъ, но имѣемъ чутье острое и цѣпкое. Мы какъ разъ подлюхаемъ, что ты не впрямь глуповецъ, а только прикидываешься имъ. А поднюхавши, мы скажемъ другъ-другу: «эге! да онъ мошенникъ! да къ тому же, слава Богу, и трусъ!» И вѣдь натѣшимся же мы въ ту пору надъ тобой! Мы вышлемъ на тебя Зубатова, который, замѣтивъ въ твоей физіономіи нѣчто угрюмое, неподходящее къ дѣтской беззаботности, требуемой правилами глуповскаго этикета, подступитъ къ самому твоему лицу и тономъ, нетерпящимъ отговорокъ, потребуетъ, чтобъ ты сдѣлалъ «хи-хи!» (И сдѣлаешь, mon cher! и получше тебя люди бывали — и тѣ «хи-хи» дѣлывали!) Мы вышлемъ на тебя Ударъ-Ерыгина, который, видя, что ты принялъ образъ жалкой, отощавшей кошки, робко пробирающейся по стѣнѣ, чтобъ стащить со стола кусокъ мяса, подстережетъ тебя и ловко ошпаритъ горячими помоями! А мы-то будемъ надрываться отъ смѣху! а мы-то будемъ вэапуски швырять въ тебя, кто камешкомъ,

а кто и полѣнцемъ, въ то время, какъ ты весь въ язвахъ, будешь, подпрыгивая отъ боли, удаляться отъ насъ въ пустыню!

Если ты пойдешь вторымъ путемъ — ты пропалъ сугубо. Представь себѣ, въ самомъ дѣлѣ, какая комическая можетъ выйти изъ этого штука! Съ одной стороны — ты, глуповскій реформаторъ, со всѣмъ энтузіазмомъ убѣжденія, со всею непреклонностью мысли и дѣйствія; съ другой стороны — мы, добродушные глуповскіе граждане, съ нашимъ «потихоньку да полегоньку», съ нашимъ «поспѣшимъ да людей насмѣшимъ», мы, воспитанные на административныхъ фокусахъ Ударъ-Ерыгина.... а какъ бы ты думалъ, развѣ мы не заклюёмъ тебя?

Заклюёмъ. Это, какъ святъ Богъ, заклюёмъ. Ишь вѣдь чего захотѣлъ: снять съ насъ дурацкій колпакъ! Да знаешь ли ты, что колпакъ этотъ не столько внѣшнее украшеніе, сколько таинственный продуктъ нашего внутренняго существа? Да чуешь ли ты, что колпакъ этотъ не снимается, а соскабливается, и что соскоблить его съ насъ не иначе можно, какъ выскобливъ предварительно самую жизнь нашу? Да ишь ты начальникъ какой нашелся! Да ишь ты пророкъ какой выискался!

И много острыхъ и исполненныхъ праведнаго негодованія словъ пошлемъ мы тебѣ на встрѣчу — и выживемъ-таки тебя, синьоръ! Если ты съ перваго же раза не убѣдишься, если ты съ перваго раза не бѣжишь съ поля, мы выживемъ тебя постепенными мѣрами, мы исподволь лишимъ тебя огня и воды, мы будемъ выдергивать изъ подъ тебя стулъ, въ то время, какъ ты будешь садиться, мы будемъ внезапно открывать траппы подъ твоими ногами, мы будемъ подсыпать песку въ твое кушанье.... Однимъ словомъ, нехитростными, вполнѣ глуповскими, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вполнѣ дѣйствительными мѣрами, изведемъ-таки тебя! Достанетъ ли всего твоего ума, чтобъ противостоять страшной силѣ нашей глупости? Достанетъ ли всего твоего героизма, чтобъ посвятить твою жизнь на предугадываніе тѣхъ остроумныхъ сюрпризовъ, которые наше глуповское досужество будетъ изготовлять тебѣ на каждомъ шагу?

Но ты, быть можетъ, усумнишься въ истинѣ моихъ словъ; быть можетъ, ты возразишь, что не все же глуповское общество предано умственному распутству, что и въ этомъ обществѣ, вѣроятно, найдутся элементы свѣжіе, неподкупленные прошедшимъ, которыхъ явная выгода будетъ заключаться въ томъ, чтобы внять твоему голосу и поддержать его.

На это скажу тебѣ: я со всевозможнымъ тщаніемъ изучалъ Глуповъ, и хотя въ немъ дѣйствительно имѣются указываемые тобой элементы, тѣмъ не менѣе свѣжесть ихъ весьма и весьма сомнительна. Другъ! вѣдь и надъ ними прошла исторія, вѣдь и они не вчера рожденные, а тоже позатаскавшіеся въ пыли вѣковъ, и притомъ такъ сильно позатаскавшіеся, что эта вѣковая пыль, что этотъ навозъ вѣковой сдѣлались существенною частью ихъ самихъ, и едва ли не извратили ихъ внутренняго смысла. Поразскажу тебѣ, что знаю, о нашихъ глуповскихъ «элементахъ».

Два сорта есть глуповцевъ: глуповцы старшіе, кушающіе сладко, почивающіе мягко, щеголяющіе въ полосатыхъ одеждахъ и носящіе разнообразныя имена и фамиліи, и наконецъ, глуповцы меньшіе, извѣстные подъ общимъ названіемъ «Иванушекъ».

Первыхъ ты знаешь — это народъ отпѣтый. Это тѣ самые, которые такъ занозисто шумаркаютъ въ вагонахъ, которые, въ сущности, ничего никогда не чувствовали, ничему никогда не сочувствовали, ни о чемъ не мыслили, которые не жили, а такъ сказать ѣли жизнь, какъ нѣчто съѣдобное, какъ сочный, еще дымящійся кровью кусокъ говядины! Глуповъ кишитъ ими, этими поборниками матеріализма, видящими въ матеріализмѣ только удовлетвореніе требованіямъ человѣческой похоти. Посмотри на всѣхъ этихъ полосатыхъ, выдохшихся и выродившихся потомковъ Буеракиныхъ и Оболдуй Таракановыхъ (а быть можетъ, и ихъ куаферовъ), посмотри на этихъ румяныхъ, плечистыхъ и кремнистоголовыхъ представителей славяно-куаферской нашей производительности, и суди самъ, можетъ ли проникнуть какая нибудь мысль сквозь эту плотную каменную обшивку?

Други! пріятели! Сеня Бирюковъ! Бернгардъ Форбрикеръ! Ѳедя Козелковъ! обнимемъ другъ-друга и прольемъ слезы умиленія!

Прежде всего, полюбуемся другъ на друга! Да, мы все тѣ же, какими были восемь лѣтъ тому назадъ, когда всѣ вмѣстѣ, шумною толпой, оставили школьную скамью! да, мы не измѣнили своимъ убѣжденіямъ, мы каждый день по два раза мѣняли на себѣ бѣлье, мы не позволяли себѣ донашивать разорванныя или потускнѣвшія перчатки, мы остались вѣрными требованіямъ и правиламъ хорошаго тона!

Потомъ, помянемъ воспитателей, охранителей нашей юности! Помянемъ и профессоровъ, хотя — помнишь, Сеня? — про-

фессоръ исторіи и ставилъ тебѣ единицу за то, что ты никогда не могъ различить Геродота отъ Гомера («чортъ ихъ знаетъ! оба на г.... начинаются!» объяснялъ ты намъ въ свое оправданіе, и какъ мы помирали со смѣху при этомъ!).

Помянемъ Луизу бѣлолонную, помянемъ Берту чернобровую, помянемъ Мину свѣтлокудрую, этихъ истинныхъ, дѣйствительныхъ наставницъ нашей юности!

Но не забудемъ и Бертона, у котораго мы научились прекраснѣйшимъ манерамъ и обольстительному comme il faut!

Выпьемъ, друзья, выпьемъ!

И потомъ отправимся «туда»!

Однако, стой, Сеня! Я не хочу, чтобъ ты меня какъ нибудь «тамъ» осрамилъ: дай-ко я проэкзаменую тебя, не позабылъ ли ты что изъ наукъ, которыя намъ преподавались?

— А позвольте, милостивый государь, узнать, кто нынче первый портной въ Петербургѣ?

— Лѣтъ десять тому назадъ, первымъ портнымъ почитался Сарра, но вскорѣ пальму первенства перенялъ у него Шармеръ. Платье Шармера легко и удобно; человѣкъ, одѣтый этимъ портнымъ, нерѣдко впадаетъ въ недоумѣніе, дѣйствительно ли онъ одѣтъ. Впрочемъ, въ послѣднее время многіе указываютъ на Дюмигрона, какъ на достойнаго соперника Шармеру.

— Bene. А позвольте узнать, гдѣ можно пріобрѣсти, въ Петербургѣ, лучшее мужское бѣлье?

— Все у Лепретра, все у того же несравненнаго Лепретра, или, лучше сказать, у достойнаго преемника его генія, Левека. Нѣкоторые указываютъ на Дюбюра, но, по мнѣнію моему, это парадоксъ. Рубашки послѣдняго отстаютъ отъ груди, скоро вытягиваются сверху, и вообще такъ плохи, что могутъ быть носимы только людьми средняго рода.

— Charmant. Но такъ какъ человѣкъ не можетъ существовать безъ сапоговъ....

— Понимаю вашу заботливость. Въ этомъ отношеніи Зеннерманъ можетъ вполнѣ удовлетворить васъ, хотя, нельзя не сознаться, что мѣсто стараго Пэля до сихъ поръ остается еще незанятымъ.

— Bravo! Но я хотѣлъ бы съѣсть что нибудь.... легонькое этакое что нибудь....

— Идите къ Мартену — vous y trouverez d'excellentes choses! Можете прибѣгнуть также къ Донону или къ Шотану, но при

этомъ не забудьте погрустить о тѣхъ, которые обязываются утолять свой голодъ у Палкина и Еремѣева!

— Shame! shame! восклицаютъ хоромъ Бернгардъ Форбрихеръ и Ѳедя Козелковъ.

— Bravissimo! Я вижу, Сеня, что ты не измѣнилъ наукѣ, да и наука не измѣнила тебѣ! Идемъ же съ миромъ, и вкусимъ отъ уготованныхъ намъ «тамъ» сладостей!

Вотъ тебѣ старшій нашъ Глуповъ. Надѣюсь, что ты съ перваго же слова поймешь, что тутъ ни на Сеню, ни на Ѳедю, ни на Бернгарда разсчитывать нечего. Но, если ты настолько наивенъ, что будешь упорствовать въ своихъ видахъ на насъ, то предупреждаю тебя: будь остороженъ, ибо мы какъ разъ на тебя и пожалуемся!

Въ самомъ дѣлѣ, сообрази хорошенько: вѣдь мы счастливы, счастливы настолько, насколько мыслительная наша сила способна понимать идею счастья, а счастливому человѣку что нужно? Счастливому человѣку нужно, чтобъ его оставили въ покоѣ, чтобъ его не развлекали на мысли горькія, на картины печальныя, чтобъ весь онъ могъ сосредоточиться въ законномъ наслажденіи принадлежащимъ ему счастіемъ. Счастливый человѣкъ не любитъ даже, чтобы, во время его прогулки, ему попадался на встрѣчу нищій, и, для огражденія себя отъ подобной непріятности, онъ или велитъ убрать назойливаго нищаго куда слѣдуетъ, или же торопливо суетъ ему въ руку гривенникъ, и потомъ цѣлый часъ улыбается, наслаждаясь мыслью, что сдѣлалъ однимъ счастливцемъ на свѣтѣ больше. Съ какой же стати ты заявляешь претензію на наше вниманіе, ты, который хочешь потревожить спокойное, роковое теченіе нашей жизни, ты, который ищешь, чтобъ жизнь поступилась въ твою пользу частью, или даже и всѣмъ своимъ историческимъ достояніемъ! Mon cher! если хочешь, вотъ тебѣ цѣлый полтинникъ, но не приставай къ намъ, не вынуждай, чтобъ мы велѣли куда нибудь тебя убрать!

Что касается до Иванушекъ, то, прежде всего, я долженъ сдѣлать общее, но весьма справедливое замѣчаніе. Можно мыслить, можно развиваться и совершенствоваться, когда духъ свободенъ, когда брюхо сыто, когда тѣло защищено отъ неблагопріятныхъ вліяній атмосферы и т. п. Но нельзя мыслить, нельзя развиваться и совершенствоваться, когда мыслительныя способности всецѣло сосредоточены на томъ, чтобъ какъ нибудь не лопнуть съ голоду, а будущее сулитъ только чищеніе сапоговъ

и ношеніе подносовъ («смотри, подлецъ! не урони подноса: морда отвѣчать будетъ!» кричитъ господинъ, имѣющій возможность развиваться и совершенствоваться).

Руководясь этими мыслями, наши Иванушки успокоились. Они не смотрятъ ни вверхъ, ни по сторонамъ, а все въ землю и въ землю, справедливо разсуждая, что смотрѣть по сторонамъ и парить подъ облаками — дѣло не ихнее, а Сени Бирюкова, которому на это и крылья даны.... И знаешь ли что? я полагаю, что они даже очень рады тому, что у нихъ выработалась подъ ногами такая солидная историческая почва, потому что, опираясь на нее, они не только освобождаются отъ тѣхъ безчисленныхъ и горькихъ тревогъ, исходъ которыхъ, если не совсѣмъ безнадеженъ, то, во всякомъ случаѣ, крайне сомнителенъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтаютъ для себя всегда готовую и даже весьма приличную отговорку.

Спроси у глуповца: отчего ты неразвитъ, грубъ и невѣжественъ? Онъ отвѣтитъ тебѣ: а оттого, что тятька и мамка съ молоду мало сѣкли. Спроси еще: отчего ты имѣешь лишь слабое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ? отчего такъ охотно лѣзешь цаловать въ плечико добрыхъ благодѣтелей? и пр. и пр. Онъ отвѣтитъ: а вотъ у насъ Сила Терентьичъ есть — такъ тотъ онамеднись, какъ его выстегали, еще въ ноги поклонился, въ благодарность за науку!

Въ самомъ дѣлѣ, что мы за выскочки такіе, чтобъ учить другихъ! Мы находимся на исторической почвѣ — и знать ничего не хотимъ. И какъ ты тамъ ни ломайся, какъ ты тамъ ни глумись надо мной, а глуповецъ все-таки останется правъ, спокоенъ и доволенъ... потому что онъ объяснился, и объясненіе это вполнѣ снимаетъ гнетъ съ его совѣсти.

Другое дѣло, если ты примешься поплотнѣе, если ты спросишь глуповца, зачѣмъ же онъ не соскочитъ съ этой неудобной исторической почвы? О, въ такомъ случаѣ.... въ такомъ случаѣ, онъ нѣсколько сконфузится и покраснѣетъ, и.... все-таки постарается свернуть рѣчь на историческую почву.

А впрочемъ, онъ и объясняться-то съ тобой не станетъ! Нашъ Иванушка врядъ ли даже сознаетъ, что подъ нимъ есть какая-то историческая почва. Мнѣ кажется, что онъ просто напросто носитъ эту почву съ собой, какъ часть своего собственнаго существа, и даже не подозрѣваетъ, чтобъ тутъ настояла надобность въ чемъ-то оправдываться, что-то объяснять.

По этому поводу считаю не лишнимъ разсказать тебѣ нѣкоторый глуповскій анекдотъ.

Однажды весной, въ самое половодье, подъѣзжалъ я къ родному моему Глупову. День былъ базарный, и та часть рѣки Большой Глуповицы, гдѣ была устроена паромная пристань, была буквально усыпана народомъ. Требовался порядокъ; а если требовался порядокъ, то, натурально, ощущалась потребность и въ начальствѣ. Оно и было тутъ на лицо, и на этотъ разъ заблагоразсудило распорядиться такъ, чтобъ ни одна изъ плывущихъ по рѣкѣ барокъ и лодокъ отнюдь не осмѣливалась переплывать за паромный ходъ, покуда не свалитъ весь народъ. Сказано—сдѣлано; барки и лодки остановились и оцѣпенѣли, какъ очарованныя. Однако, одна лодка соскучилась; къ величайшему своему несчастію, она обладала способностью анализа, и на этомъ основаніи рѣшила, что разсужденіе начальства неудовлетворительно, и что, покуда машина нагружается, сотни лодокъ могутъ очутиться по другую сторону паромнаго хода. Но начальство немедленно подняло гвалтъ, и откомандировало своего дантиста для преслѣдованія и наказанія ослушника. До сихъ поръ все въ порядкѣ вещей, и я, конечно, не остановился бы на такомъ общеизвѣстномъ и общепонятномъ фактѣ, еслибъ, рядомъ съ формальнымъ его проявленіемъ, не раскрывался и внутренній его смыслъ, высказавшійся какъ въ положеніи, принятомъ преслѣдуемымъ, такъ и въ отношеніи къ нему толпы, тѣснившейся на паромѣ.

Преслѣдуемый, какъ только завидѣлъ дантиста, не пустился на утёкъ, какъ можно было бы ожидать, но показалъ рѣшимость духа изумительную, то есть пересталъ грести, и сложивъ весла, ожидалъ. Мнѣ показалось даже, что онъ заранѣе и инстинктивно далъ своему тѣлу наклонное положеніе, какъ бы защищаясь только отъ смертнаго боя. Ну, натурально, дантистъ орломъ налетѣлъ, и черезъ минуту воздухъ оглашался воплями раздирающими, воплями, выворачивающими наизнанку человѣческія внутренности.

А толпа была весела, толпа развратно и подло хохотала. «Хорошень его! хорошень его!» неистово гудѣла тысячеустая. «Накладывай ему! накладывай! вотъ такъ! вотъ такъ!» вторила она мѣрному хлопанью кулаковъ. Только одинъ нашелся честный старикъ, который не вытерпѣлъ и прошепталъ: «разбойники!» но и тотъ, замѣтивъ, что я разслышалъ невольный его вздохъ,

какъ-то измѣнился въ лицѣ, и сталъ робко пробираться сквозь толпу на ту сторону парома.

Разберемъ этотъ фактъ логически.

Ни слова о дѣйствіи паромнаго начальства: оно поступило здѣсь... какъ бы потемнѣе выразиться?.. ну да, поступило по соображенію съ обстоятельствами дѣла и идеею собственнаго своего величія...

Изслѣдованію нашему подлежатъ собственно два предмета: положеніе преслѣдуемаго и отношеніе толпы къ происшествію.

Для чего преслѣдуемый не пошелъ на утёкъ, для чего онъ сложилъ вёсла? Для того, что онъ фаталистъ, что онъ видитъ вдали силу, и впередъ убѣжденъ, что отъ силы не скрыть ему своего тѣла нигдѣ. Почему онъ фаталистъ, почему онъ вѣритъ въ вѣчное, неотразимое торжество силы, онъ самъ этого не объясняетъ себѣ, но онъ чувствуетъ паническое ошеломленіе при одномъ появленіи силы, но онъ, какъ кроликъ при видѣ боа, сидитъ недвижимъ и какъ бы очарованъ до тѣхъ поръ, поча чудовище не поглотитъ его.

Однако, и онъ вздумалъ же однажды протестовать, и, не смотря на запрещеніе, все-таки переплылъ по ту сторону паромнаго хода? Что означаетъ этотъ фактъ? А то, и только то, что ему небезъизвѣстно изъ практики, что не всегда сила дерется, но иногда и улыбается, что иногда она благодушна и согласна удовольствоваться тѣмъ, что обругаетъ непотребно, но до зубовъ не коснется: вотъ на эту-то пріятную случайность, на эту-то возможность улыбки онъ и разсчитывалъ.

Но для чего же онъ даетъ своему тѣлу наклонное положеніе, и притомъ такое, чтобы голова, то есть именно та часть тѣла, которая всего болѣе представляетъ шансовъ для смертнаго боя, была по возможности защищена? Неужели смерть не составляетъ для него высшаго блага? Неужели и онъ еще дорожитъ жизнью? Нѣтъ, онъ не дорожитъ ею съ разумной точки зрѣнія, то есть не видитъ въ ней блага, одному ему принадлежащаго, блага, которымъ никто посторонній не имѣетъ права располагать по своему произволу; но онъ дорожитъ ею инстинктивно, дорожитъ, потому что жилъ вчера, живетъ нынче, надо же и завтра жить. Онъ трусъ, и не пойдетъ открыто навстрѣчу смерти, но встрѣтитъ смерть равнодушно, когда она сама придетъ къ нему, откуда бы и почему бы она ни пришла (время ли тутъ справляться, когда умирать надо!) и еще равнодушнѣе, или, лучше ска-

зать, ходчѣе, натуральнѣе встрѣтить, если она придетъ къ нему, какое логическое послѣдствіе цѣлаго ряда фактовъ, каковы, напримѣръ, побои. Возьмемъ хотя настоящій случай: здѣсь преслѣдуемый укрываетъ отъ ударовъ свою голову, но почему? потому, и только потому, что онъ еще не знаетъ, потребуется ли она. Потребуйся эта голова — ничего! онъ и ее вытащитъ, и будетъ только охать да взывать къ батюшкамъ и матушкамъ, но защищаться не станетъ ни подъ какимъ видомъ — слишкомъ учтивъ! И выйдетъ тутъ умертвіе — и больше ничего!

Отъ преслѣдуемаго перейдемъ къ толпѣ.

Скажите, Бога ради, благосклонный читатель, отчего ее не прорвало при видѣ этой гнусной расправы съ однимъ изъ своей среды? Ужели она не доросла, по крайней мѣрѣ, до того сознанія, что нельзя же наказывать не только смертнымъ, но и никакимъ боемъ, и не только такое преступленіе, какъ напримѣръ нарушеніе безсмысленнаго приказанія паромнаго унтеръ-офицера, но и всякое другое преступленіе, хотя бы оно было во сто разъ тяжеле, хотя бы отданное приказаніе было не безсмысленно и отдалъ его не унтеръ-офицеръ, а самъ Ударъ-Ерыгинъ? Положа руку на сердце, я полагаю, что именно оттого ее и не прорвало, что она не доросла даже до этого понятія. Опять-таки повторяю: такого рода понятіе доступно вамъ, любезные читатели, вамъ, которые занимались самоусовершенствованіемъ въ тиши кабинета, въ сообществѣ книжекъ или сочувственныхъ вамъ людей, подъ условіемъ взаимнаго обмѣна мыслей и чувствъ, — но недоступно грубой толпѣ, которая, изъ-за куска насущнаго хлѣба, потѣла и выбивалась изъ силъ, вскидывая вилами навозъ на телеги, и потомъ раскидывая его по полямъ.

Но, сверхъ того, толпа имѣетъ ту же непреклонную вѣру въ роковую неизбѣжность силы, какъ и самъ преслѣдуемый. Она вѣритъ не подъ вліяніемъ умозрѣній, но подъ вліяніемъ дѣйствія эмпириковъ и шарлатановъ, которые научили ее горькому житейскому опыту.

Одинъ утѣшительный фактъ — это старикъ, который вздохнулъ: «разбойники!» Но нѣтъ, и онъ безобразенъ. Какъ онъ подло струсивался, какъ только замѣтилъ, что вздохъ его кѣмъ-то разслушанъ! какъ робко, съ какимъ наивно-гнуснымъ видомъ сталъ онъ и подмигивать, и подсмѣиваться, и тишкомъ-тишкомъ пробираться на другую сторону парома, чтобъ не обвинили

его въ христіанскомъ сочувствіи къ ближнему! Положимъ, что въ его понятіяхъ я былъ однимъ изъ тѣхъ, противъ которыхъ онъ осмѣлился протестовать — что жь изъ этого? Или протестовать можно только втихомолку? Или ужь такая печать роковая положена, въ силу которой самое праведное негодованіе разрѣшается лишь кукишемъ въ карманѣ?

Вотъ тебѣ младшій нашъ Глуповъ, вотъ тебѣ нашъ Иванушка! . . . .

По этому случаю, мнѣ вспомнился другой анекдотъ, разсказанный мнѣ когда-то нѣкоторымъ глуповскимъ старожиломъ. «Жили да были въ нашемъ Глуповѣ два сосѣда: Иванъ богатый да Иванъ бѣдный. Много было добра всякаго у Ивана богатаго, а еще больше было у него зависти; у Ивана же бѣднаго только и богатства было, что лошадь пѣгая. Вотъ только и полюбись Ивану богатому этотъ пѣгашко; присталъ къ сосѣду: продай да продай своего живота. Однако, Иванъ бѣдный заупрямился: не размыслилъ, стало быть, по началу, что если сильному да богатому чего захочется, такъ ужь, значитъ, тому такъ и быть. «Ладно же, говоритъ Иванъ богатый, не хочешь за деньги отдать —отдашь даромъ; не хочешь честью раздѣлаться—раздѣлаешься безчестьемъ!» И возненавидѣлъ онъ его, сударь мой, пуще ворога лютаго, и сталъ съ тѣхъ поръ наше общество на него напущать. Соберемся, бывало, на сходку—сборщика или тамъ добросовѣстнаго выбирать,—кого выбрать?—А чего жь лучше Ивана бѣднаго? говоритъ Иванъ богатый. — «Катай Ивана бѣднаго!» вопятъ глуповцы. Случится ли воровство по сосѣдству (ужь и лихи же наши глуповцы воровать-то!) —на кого подозрѣнье положить? «Ужь это безпремѣнно Иванъ бѣдный укралъ!» говоритъ Иванъ богатый: — «потому, онъ человѣкъ неимущій, и, кромѣ его, некому промежь насъ этимъ ремесломъ заниматься!» Одно слово: тошно стало жить Ивану бѣдному; прежде былъ онъ неимущъ, а теперь и вовсе разорился. Выйдетъ, бывало, за ворота, лохматый да испитый, глазами впередъ упрется, словно самъ дивуется, какъ это еще жизнь въ немъ держится. Наши глуповскіе ребята про все это знали, и очень Ивана бѣднаго жалѣли. И сколько разъ жалѣючи ему говаривали: «пади ты, Ванюша, своему ворогу; проститъ онъ, это вѣрно — проститъ!» Однако, онъ все еще крѣпился; скажетъ, бывало, совѣтчикамъ: «подлецы вы!» и отойдетъ прочь. Хорошо. Вотъ только пала, однажды, къ намъ вѣсть о рекрутчинѣ; собралась это сходка, и, натураль-

но, прежде всѣхъ за недоимщиковъ принялись. Горланилъ больше Иванъ богатый. «Эти недоимщики, говоритъ, всему нашему обществу поношеніе: отъ Ивана-то бѣднаго, люди, лѣтъ за пять уплаты никакой нѣтъ!» Стали судить да рядить, и приговорили Ивана бѣднаго, какъ гражданина нерадиваго и порочнаго, отдать въ солдаты безъ очереди. Узналъ это нашъ Ванюшка, словно съ колокольни спрыгнулъ. Прибѣжалъ это на сходку: и прощенья-то проситъ, и обзываетъ-то недотребно; однако ребята наши тоже на своемъ стали: «отдать да отдать Ивана въ солдаты!» твердятъ. А у Ивана жена въ нетопленной избѣ голосомъ голоситъ, а Ивана малыя дѣтки верезгомъ верезжатъ... Смирился-отъ. Не только пѣгашку Ивану богатому на дворъ свелъ, а сказываютъ, даже не мало въ ногахъ у него убивался. И вотъ, сударь, живетъ теперь нашъ Иванъ припѣваючи, и сталъ онъ даже Иванычемъ. Иванъ-то богатый, за смиренство, не токмо что предерзость прежнюю простилъ, а даже за мѣсто благодѣтеля ему сдѣлался... Анъ и выходитъ, что ласковое-то теля двѣ матки сосетъ, а гордому-то да строптивому и одна сосать не даетъ»...

Анъ и выходитъ... выходитъ что ли, достойный сынъ Глупова?

А можетъ быть ты скажешь мнѣ, что при такихъ условіяхъ жить невозможно. «Невозможно» — это несовсѣмъ такъ, а что «противно» жить—это вѣрно.

. . . .

Вотъ, однакожъ, до чего мы договорились съ тобой. Мнѣ стало грустно, да и читателю, быть можетъ, не совсѣмъ весело. А между тѣмъ, мнѣ не хочется оставлять читателя въ мрачномъ расположеніи духа, мнѣ хочется, во что бы то ни стало, развеселить его.

И въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего тебѣ мучиться, благосклонный мой читатель! И безъ того слишкомъ одолѣваютъ тебя мелочи и дрязги жизни, мелочи и дрязги дѣйствительные, дающіе себя знать и пощипываніями и покалываніями, чтобы къ нимъ прибавлять еще дрязги воображаемые, какіе-то дрязги будущаго. Ты берешь книгу въ руки, чтобъ развлечься, чтобъ отогнать отъ себя жизненный кошмаръ, который такъ аккуратно давитъ тебя, а тебя подчуютъ новыми кошмарами, тебя приглашаютъ о чемъ-то добезпокоиться, надъ чѣмъ-то задуматься, а пожалуй и помучиться...

Итакъ, будемъ смѣяться.

Передо мной вереницей проходятъ мимо мои отставные герои, мои Фейеры, Живновскіе, Чебылкины, Порфиріи Петровича — то-то смѣшные люди… Ха-ха!

Передо мной проходитъ Аринушка, но уже безъ сумы, потому что ее укралъ Фейеръ, чтобы воспользоваться объѣдкомъ пирога, который кинула въ нее рука нищелюбиваго купца Хрептюгина… Ха-ха!

Передо мной проходитъ мой скитникъ, бѣжавшій отъ міра прелестнаго въ пустыни и разсѣдины земныя, и мирно оканчивающій свой подвигъ въ острогѣ… Ха-ха!

Передо мной проходитъ мой глубокомысленный критикъ, который обвиняетъ меня въ томъ, что я вывожу наружу плутни становыхъ (какъ будто я что нибудь вывожу, какъ будто я кого нибудь обличаю, или обрываю, или упрекаю, или бью по щекамъ, а не просто описываю и изображаю… о милый Глуповъ!) а не вывожу наружу плутней повыше… Ха-ха!

Передо мной проходитъ моя собственная персона, возражающая вышеупомянутымъ критикамъ: «кто же вамъ мѣшаетъ, друзья, прикидывать, сравнивать и прилагать? дерзайте, дѣти, дерзайте!»… Ха-ха!

Глуповъ! милый Глуповъ! отчего надрывается сердце, отчего болитъ душа, при одномъ упоминовеніи твоего имени? Или есть невидимое, но крѣпкое нѣкоторое звено, приковывающее мою судьбу къ твоей, или ты подбросилъ въ питье мое зелья, которое безвозвратно приворожило меня къ тебѣ? Кажется, и не пригожъ ты и не слишкомъ уменъ; нѣтъ въ тебѣ ни природы могучей, ни воздуха вольнаго; нищета, да убожество, да дикость, да насиліе… плюнулъ бы и пошелъ прочь! Анъ нѣтъ, всѣ сердца къ тебѣ несутся, всѣ уста поютъ хвалу твою! Странная какая-то творится тутъ штука: подойдешь къ тебѣ поближе, вкусишь отъ винограда твоего — тошнитъ; чувствуешь, какъ въявѣ дуракомъ дѣлаешься; уйдешь отъ тебя — плачешь: чувствуешь, что вдругъ становишься словно не самимъ собою!

Отчего же несутся къ тебѣ сердца? отчего же уста сами собой такъ складываются, что поютъ хвалу твою? А оттого, милый Глуповъ, что мы всѣ, сколько насъ ни есть, мы всѣ плоть отъ плоти твоей, кость отъ костей твоихъ. Всѣхъ-то ты прикормилъ, всѣхъ-то ты воспиталъ, всѣхъ-то ты напоилъ отъ многообильныхъ водъ рѣки Большой Глуповицы,—какъ же намъ не любить тебя! Это нужды нѣтъ, что иногда словно тошнитъ:

тошнота-то, милый человѣкъ, вѣдь своя, родная, прирожденная, такъ-сказать, тошнота! Ну, потошнитъ-потошнитъ да и пройдетъ! Это нужды нѣтъ, что временемъ словно обухомъ по головѣ тебя треснетъ: обухъ-то вѣдь свой, глуповскій обухъ, тотъ самый обухъ, который дѣйствуетъ по пословицѣ: «кого люблю, того и бью»,—бери же его благоговѣйно въ руки и цалуй! Свое и бьетъ какъ-то не больно, и смердитъ не совсѣмъ, чтобы неестественно! А все оттого, милый ты человѣкъ, что любовность вездѣ въ очію присутствуетъ, что и сѣчемъ-то мы не зря, а тоже приговариваемъ: «не груби, не балуй, сударь, сиди смирно, будь послушливъ!»

Многимъ это не нравится; многіе предпочли бы, пожалуй, чтобъ было поменьше любовности, да побольше разсчетливости въ дѣйствованіи обухомъ; для многихъ обухъ даже вовсе не составляетъ прелести... Дивлюсь развращенности вкусовъ и не возражаю! Но не могу, однакожь, умолчать, что я, съ своей стороны, признаю мой Глуповъ всецѣло, со всѣми его особенностями и даже съ его собственнымъ запахомъ. Какой же это былъ бы Глуповъ, спрашиваю я, еслибъ обитателей его не тошнило, если бъ они не были слегка пришибены? И были ли бы мы, сыны Глупова, такъ безмятежно благополучны, такъ отвратительно счастливы, еслибъ намъ предлагали какіе-то «проклятые» вопросы, еслибъ насъ заставляли дѣлать сочиненія на тэмы въ родѣ: «восходъ солнца въ Глуповѣ» или «сила любви къ Глупову»?

И какіе могли бы мы дать отвѣты на вопросы, кромѣ того, что «отвѣтовъ, по тщательному розыску, въ городѣ Глуповѣ не оказалось», или: «отвѣты были, но въ пожаръ, случившійся въ такомъ-то году, сгорѣли»? А сочиненія? Возьмемъ для примѣра хоть тэму «восходъ солнца» — что такое восходъ солнца? Мы не знаемъ, восходитъ ли солнце и какъ восходитъ въ городахъ Умновѣ и Буяновѣ, а въ Глуповѣ это тотъ самый моментъ, когда, попреимуществу, сгущаются въ жилыхъ покояхъ ночные звуки — и больше ничего. Коли хотите, это опредѣленіе голо и какъ-то пахуче-просто, но за то оно наглядно и точно, но за то тутъ ни одной черты нельзя ни убавить, ни прибавить. Объ чемъ же тутъ сочинять? Или опять на счетъ любви — что такое любовь къ Глупову? Откуда любовь? гдѣ ея сѣдалище? за что любовь? почему любовь? А кто жь его знаетъ, откуда, гдѣ, за что и почему! Любимъ—и все тутъ! Глуповъ, высиживая насъ, не говорилъ: люби меня за то, что я-дескать —

Хорошъ,
Пригожъ,
Прекрасенъ суть, —

а приказывалъ:

Ахъ, люби меня безъ размышленій....

(да и «ахъ» не говорилъ, а попросту выражался: «люби не люби, а подплясывай»!)—вотъ мы и любимъ безъ размышленья: родители любили, и мы любимъ!

Что тутъ думать! я твоя, ты мой!

Какія же тутъ могутъ быть еще сочиненія?

Повторяю: Глуповъ нравится мнѣ всецѣло, со всѣми особенностями. Я открыто, передъ лицомъ цѣлой вселенной, признаю себя гражданиномъ Глупова, и ничего-таки не стыжусь, потому что это дѣло уладили papa и maman, а я только съ благодарностью принялъ его послѣдствія. Я знаю Глуповъ, и Глуповъ меня знаетъ, и мы любимъ другъ-друга, и мы счастливы! Мы взглянемъ другъ на друга—и разсмѣемся.—«Ты чему, дурашка, смѣешься?» спроситъ меня Глуповъ. — «А ты чему, тятька, смѣешься?» спрошу и я въ свою очередь. И оба удовлетворимся, и оба вздохнемъ легонько.

Или опять: Глуповъ покажетъ мнѣ палецъ—я зарадуюсь; я покажу Глупову палецъ—онъ зарадуется.—«Ну, чему ты, дурашка, радуешься?» спроситъ меня Глуповъ.—«А ты чему, тятька, радуешься?» спрошу и я въ свою очередь. И опять оба довольны, и опять вздохнемъ легонько. Нѣтъ, воля ваша, а я именно счастливъ, что papa и maman вздумалось въ лицѣ моемъ подарить Глупову лишняго гражданина!

Und ich war in Arcadien geboren....

Да, и я сынъ Глупова, и я катался, какъ сыръ въ маслѣ, что, какъ извѣстно, и составляетъ настоящую, неподдѣльную глуповскую Аркадію. Я жилъ этою жизнью, я упивался производящимъ сгустѣніе крови виномъ ея; нѣтъ того мѣста въ моемъ организмѣ, которое не было бы всладцѣ удовлено тобою, о Глуповъ!

Не вѣрьте же, добрые мои сограждане, не вѣрьте тому супостату, который станетъ внушать вамъ, будто я озлобленъ про-

тивъ васъ, будто я поднимаю васъ на смѣхъ! Во-первыхъ, я столько разъ повторялъ вамъ: люблю, люблю и люблю, что сомнѣніе въ истинности моихъ чувствъ было бы даже обидно: не лгу же я въ самомъ дѣлѣ? А во-вторыхъ, откуда возьму я злобы противъ того, что составляло и составляетъ основу моего существованія? Откуда возьму я силы отречься отъ прошлаго, которое, какъ корровивный меркурій, проникаетъ всѣ поры моего настоящаго? Успокойтесь же, глуповцы, и внимайте мнѣ съ благодушіемъ.

Если я посвящаю вамъ досуги свои, если я подношу вамъ свои сочиненія, я дѣлаю это потому, что желаю порадовать васъ моими успѣхами, желаю, чтобъ вы погладили меня по головкѣ, чтобъ вы сказали: вотъ молъ, какой у насъ сынишка шустрый ростетъ, книжки самъ сочиняетъ! А если въ этихъ книжкахъ вы замѣтите что нибудь.... то, Бога ради, не останавливайтесь на этой горькой мысли! вѣрьте, отцы мои, что это только отъ усердія, что, въ сущности, всѣ мои усилія направлены только къ тому, чтобъ пощекотать у васъ брюшко! Въ этомъ заключается вся моя претензія, и дальше ея я нейду.

Да еслибъ я и хотѣлъ идти—кто меня пуститъ? Вы, глуповцы, народъ хоть и смирный, но съ другой стороны и упрямый. Вы охотно допустите, чтобы кто ни на есть (разумѣется, тотъ, кому на это право дано) собственноручно въ вашей физіономіи симметрію поправилъ, но не очень долюбливаете, когда кто нибудь вамъ очень близко въ душу заглянетъ, да, пожалуй, еще посягнетъ на ваше лучшее достояніе—на вашъ сонъ. Чего добраго, вы соберетесь съ силами да и пожалуетесь!

Итакъ, примите меня благосклонно, и не думайте, что я домогаюсь чести быть вашимъ учителемъ! Я только заношу, что между вами происходитъ, я описываю ваши нравы и обычаи, ваши горести и увеселенія, ваши досуги и сновидѣнія,—сдѣлайте же милость, почивайте себѣ съ миромъ, и не фискальте на меня!

Я отнюдь не упрекаю васъ за то, что вы не заводите въ средѣ своей общества трезвости, и отнюдь не настаиваю на томъ, чтобъ вы прониклись духомъ благодѣтельной устности! Я только заявляю, что въ васъ нѣтъ ни трезвости, ни устности, и даже не прибавляю отъ себя, нахожу ли этотъ фактъ печальнымъ или радостнымъ (откупщикъ находитъ его радостнымъ). Сдѣлайте же милость, не считайте меня зараженнымъ какимъ-то новымъ духомъ и не фискальте на меня!

О новомъ духѣ, признаюсь вамъ, я даже понятія не имѣю. Слышалъ я, правда, какъ генералъ Зубатовъ кому-то изъ приближенныхъ говорилъ:

— Толуютъ тамъ: новымъ духомъ вѣетъ! новымъ духомъ вѣетъ! Какимъ это новымъ духомъ, желалъ бы я знать! Только лакеи стали грубить, а то все остается по старому.

И больше ничего я объ этомъ новомъ духѣ не знаю и не слыхалъ.

Итакъ, будемъ жить въ мирѣ и добромъ согласіи. Пусть младшіе уважаютъ старшихъ, а старшіе утѣшаются младшими. Пусть старшіе, взирая на младшихъ, говорятъ: «кость отъ костей нашихъ», а младшіе отвѣчаютъ: «какъ прикажете-съ!» Да не будетъ между нами ни раздоровъ, ни распрей, да не будетъ ничего подобнаго тому, что случилось онамеднись за морями, въ городѣ Буяновѣ, гдѣ, сказываютъ, сынъ отцу въ глаза сказалъ: «не дури, тятька! разобью зубы!» Да не будетъ! да не будетъ!

Ну вотъ, ты и засмѣялся, читатель!

Н. ЩЕДРИНЪ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ССЫЛЬНО-КАТОРЖНАГО.

IV.

АКАТУЙ.

До открытія карійскихъ золотыхъ промысловъ этотъ рудникъ считался самымъ ужаснымъ мѣстомъ ссылки, не столько по тяжести работъ, сколько по своей, удаленной отъ всякаго жилья, строгой тюрьмѣ. Отъ Александровскаго завода, по лѣвому берегу Газимура, тянется высокій хребетъ и недалеко отъ него другой; на разстояніи 10 верстъ дорога изъ Александровскаго завода идетъ въ гору, а хребты по сторонамъ ея все сближаются и наконецъ соединяются вмѣстѣ, составляя собою такимъ образомъ замкнутое ущелье и горный узелъ. Тамъ на вершинѣ стоитъ горный Акатуй, находящійся отъ Александровскаго завода въ 16 верстахъ. Онъ состоитъ изъ двухъ десятковъ, разбросанныхъ на отклонахъ ущелья, самыхъ жалкихъ хижинъ, въ которыхъ находятъ себѣ пріютъ выпущенные, послѣ долгаго заключенія въ тюрьмѣ, арестанты. Тамъ же есть казенный домъ, гдѣ прежде жилъ приставъ, казенный амбаръ и рудникъ. Внизу, у подошвы, въ разстояніи полуверсты, стоитъ тюрьма или замокъ, состоящій изъ

двухъ каменныхъ корпусовъ, съ деревянными пристройками, обнесенный высокимъ, толстымъ и прочнымъ полисадомъ, или, какъ тамъ называютъ, палями. Напротивъ замка, казарма для военнаго отряда. Далѣе въ одной верстѣ книзу, тянется селеніе Закраекъ, въ двѣ улицы, также съ жалкими домиками; отъ конца Закрайка до завода считается только 14 верстъ. Зимою Акатуй производитъ самое грустное впечатлѣніе; но кратковременнымъ лѣтомъ, когда горы одѣнутся лѣсомъ и покроются цвѣтами, этотъ забытый уголокъ не лишенъ прелести, и только сожалѣешь, что на томъ мѣстѣ, гдѣ одиноко стоятъ замокъ и казарма, нѣтъ свѣтлаго, синяго озера.

По пріѣздѣ въ Акатуй я остановился у своего бывшаго кавказскаго товарища, Прямикова; онъ занимался мелкою работою мѣдныхъ колечекъ, серегъ, поясковъ на манеръ черкесскихъ, уздечекъ и т. п., и всегда былъ окруженъ ссыльными горцами. Сильно онъ измѣнился противъ прежняго: прекрасные голубые глаза его впали, грудь опустилась, онъ страшно кашлялъ и по временамъ харкалъ съ кровью; но казалось совершенно былъ равнодушенъ къ физическимъ страданіямъ: порѣжетъ ли палецъ до кости, обожжетъ ли—и вниманія онъ никакого не обращаетъ, да еще самъ себѣ дѣлаетъ операціи и рѣжетъ свое тѣло, какъ будто бы это былъ какой нибудь сапожный товаръ. И шелъ онъ къ близкой смерти, прямо глядя ей въ глаза, и жилъ онъ какъ будто по обязанности. Онъ мнѣ очень обрадовался и какъ будто ожилъ. Вскорѣ я посѣтилъ моихъ шилкинскихъ знакомыхъ; они жили въ Горномъ Акатуѣ и, не получая отъ родныхъ своихъ давно пособія, состояли на пищѣ святаго Антонія: хлѣбъ, вода и, въ видѣ лакомства, наваръ изъ капусты, картофеля, свеклы и брюквы, разумѣется безъ говядины и масла,—вотъ изъ чего состояла и будничная и праздничная ихъ пища. На состояніе ихъ духа это не имѣло никакого вліянія; но странно, что они совѣстились часто бывать въ тѣхъ домахъ, гдѣ можно было напиться чаю или закусить что нибудь, такъ что офицеръ, завѣдывавшій военною командою, замѣтивъ это, придумалъ предлогъ заманивать къ себѣ хоть два раза въ недѣлю одного изъ нихъ: именно онъ увѣрилъ его въ своемъ желаніи изучить геодезію.

Скажемъ нѣсколько словъ объ акатуйскомъ замкѣ. Онъ строился для другой цѣли; но потомъ нашли, что это мѣсто неудобно. Но такъ какъ уже два каменныхъ корпуса были построены, то къ нимъ сдѣлали еще нѣкоторыя деревянныя пристройки и обратили новый замокъ въ мѣсто заключенія самыхъ важныхъ преступниковъ, преимущественно цѣпныхъ, то-есть прикованныхъ на 10 лѣтъ къ стѣнѣ, а по новому положенію — къ тачкѣ. Прикованные къ стѣнѣ жили въ отдѣльныхъ каютахъ и не употреблялись въ работы. Это, по

моему мнѣнію, были настоящіе маніаки; вотъ, напримѣръ, одинъ безногій (ноги онъ потерялъ на разбоѣ) былъ жестоко наказанъ и наконецъ выпущенъ на пропитаніе. Его пріютила къ себѣ женщина и, казалось, онъ искренно полюбилъ ее; но въ одинъ прекрасный день онъ наточилъ ножикъ, успѣлъ заложить дверь и, какъ звѣрь, кинулся на спавшую на полу хозяйку; прежде, однако, чѣмъ зарѣзать, онъ ее разбудилъ. И для чего совершилъ онъ преступленіе? Для того, чтобы видѣть ужасъ своей жертвы, слышать мольбы и насладиться предсмертными страданіями. Я видѣлъ его, когда онъ досиживалъ послѣдній пятнадцатый годъ; но правосудіе, кажется, ждало его за порогомъ тюрьмы; онъ былъ неизвѣстно кѣмъ зарѣзанъ неподалеку отъ Александровскаго завода чрезъ мѣсяцъ послѣ выпуска. Увѣряли, что это сдѣлано было изъ корысти; шелъ слухъ, что въ деревяшкахъ, на которыхъ онъ ходилъ, были деньги, и дѣйствительно они найдены были разломанными.

Замѣчателенъ разсказъ объ одномъ изъ первыхъ приставовъ акатуевскаго рудника. Говорятъ, что разбойники, содержавшіеся въ замкѣ, обращались къ нему по временамъ съ просьбою—отпустить ихъ погулять,—и онъ ихъ отпускалъ недѣли на двѣ, на три; они возвращались къ сроку и честно отдавали половину своей добычи; впрочемъ, показываютъ въ его бывшемъ домѣ подполье, въ которомъ онъ будто бы морилъ тѣхъ, которые не умѣли воспользоваться своею временною свободою или не честно раздѣлывались. Разсказъ почти невѣроятный, но очень хорошо характеризующій взглядъ самыхъ разбойниковъ на начальство въ доброе старое время.

Еще послѣднее слово и объ Акатуѣ и о цѣпныхъ. Эти несчастные, какъ особенной милости, просятъ всегда позволеніе у начальства имѣть какое нибудь животное, напримѣръ, пѣтуха, кошку, собаку, и очень заботятся о нихъ. Если они зашумятъ, то лучшее средство усмирить ихъ — отнять это животное; такъ сильно чувствуетъ самый жестокій человѣкъ потребность любить кого нибудь и находиться въ обществѣ живыхъ существъ! Какъ злоупотребленіе стражи, можно привести дозволеніе цѣпнымъ растворять двери; тогда ближайшіе сосѣди по казематамъ ложатся головами къ дверямъ и начинаютъ *майданить* (то-есть играть въ юлу, карты и т. п.); но и въ этомъ незаконномъ дозволеніи нельзя не видѣть нѣкотораго сердоболія русскаго простолюдина-солдата. Акатуевская тюрьма вообще отличалась усиленной строгостью; но замѣчательно, что при всякомъ посѣщеніи начальника подавались доносы на пристава и на стражу, и хотя на нихъ никто не обращалъ вниманія и по большей части доносчики получали плети, но это нисколько ихъ не останавливало. Особенно отличал-

ся ими мой старый тобольскій знакомецъ Н.: бывало обыщутъ его предъ посѣщеніемъ начальства—ничего нѣтъ; но явится начальство—и бумага выростетъ изъ его рукъ, какъ у фокусника.

Конечно, не похвальное слово доносу хочу я сказать, но не могу не замѣтить, что поводомъ къ этому своего рода самоотверженію была не одна месть къ своимъ сторожамъ, но также—и да явится истина!

Глубоко падаетъ иногда человѣчество, но смутное чувство и потребность справедливости, кажется, не оставляютъ его и въ самой безднѣ.

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ ЗАВОДЪ.

Недалеко отъ устья рѣчки Телмана, впадающей въ Газимуръ, на правомъ берегу, въ широкой долинѣ, расположенъ Александровскій заводъ, имѣвшій въ описываемое время около 3 тысячъ населенія; а на лѣвомъ берегу Телмана стояла фабрика, то-есть серебросвинцовый плавильный заводъ. Въ Шилкѣ мнѣ представляли Александровскій округъ, какъ землю, кипящую если не медомъ, то по крайней мѣрѣ млекомъ; въ самомъ же дѣлѣ я встрѣтилъ здѣсь такую же бѣдность, какъ и въ другихъ заводахъ; впрочемъ тогда только что начиналось разореніе: рабочихъ мало-по-малу угоняли на только что открывшійся шахтаминскій золотой промыселъ; но заводъ все еще работалъ, а потому большая часть рабочихъ-домохозяевъ была оставлена на мѣстѣ.

Въ заводѣ жило не мало чиновниковъ и офицеровъ; туда переведенъ былъ также штабъ вновь сформированнаго своднаго казачьяго баталіона. По своей учительской профессіи, я попалъ въ высшее общество. Здѣсь у меня уже не было учениковъ изъ семействъ ссыльно-каторжныхъ, но только дѣти чиновниковъ и почтенныхъ, въ томъ числѣ и двѣ дѣвочки; плата также возвысилась до трехъ и даже до пяти рублей за каждаго, но труда прибавилось, потому что ученики были съ чрезвычайно различными познаніями: такъ, случалось въ одно и тоже время заниматься и нумераціею, и дробями, и тройными правилами и просматривать рѣшеніе уравненій 2-й степени.

Жилъ я въ Александровскомъ заводѣ довольно весело: между офицерами и чиновниками я встрѣтилъ людей очень образованныхъ, любезныхъ и умныхъ, которые понимали очень хорошо несостоятельность системы, которой должны были держаться. Жаль только, что

нѣкоторые молодые люди прямо со школьной скамейки попали въ заводы и совершенно не знали свѣта; отъ этого у нѣкоторыхъ изъ нихъ развилась неумѣстная обидчивость, ложное понятіе приличія, и выходили иногда небольшіе скандальчики. Другою бѣдою былъ домъ стараго чиновника, женатаго впрочемъ на молодой и доброй женщинѣ. Въ этомъ домѣ молодые люди могли всегда напиться; хозяинъ радъ былъ всякому гостю, потому что могъ сказать: «Катенька! водочки!» и потомъ начиналось: «пожалуйте!» да «помилуйте!» при чемъ старикъ и самъ жаловалъ себя, и такъ напоболивался, что къ обѣду и къ ужину напивался пьянъ. Смѣшнѣе всего, что онъ жаловался на приливы крови въ головѣ, и никакъ не хотѣлъ вѣрить, что это было отъ водки. Молодежь, которая презирала его, однакожь была такъ слаба, что посѣщала частенько его домъ и выходила отъ него съ болью въ головѣ и съ желаніемъ выпить еще водочки.

Бывали тамъ вечеринки, на которыхъ рядомъ съ французскою кадрилью и вальсомъ хоть и не танцовалась восьмерка, но пла хоромъ:

Подушечка, подушечка!
Бѣла пуховая!

По большей же части гости подвизались на зеленомъ полѣ. — Что господа дѣлаютъ? спросишь бывало у слуги. — «Извѣстно что: бастонятъ!»

Только одно лѣто проведено было почти безъ картъ и очень весело; мы безпрестанно дѣлали parties de plaisir въ полѣ, на покосахъ; двѣ, три дамы всегда участвовали въ нашихъ прогулкахъ, а потому все было прилично. Чтобы имѣть болѣе свободы, мы даже не брали съ собой прислугу, но сами рубили дрова, раскладывали костры, варили, жарили и ставили самовары, вслѣдствіе чего происходили преуморительныя сцены. Причиною такого сближенія молодежи была опала начальника. Вотъ въ чемъ дѣло: вышелъ споръ о содержаніи золота на шахтаминской разсыпи; и начальникъ и подчиненный конечно не могли ясно доказать своихъ разсчетовъ, потому что золото капризно; разсчеты подчиненнаго были однако благоразумнѣе и осторожнѣе; но начальникъ приказалъ, и все пошло по его. Подчиненный, разумѣется, поохладѣлъ къ дѣлу; начальникъ же, чтобы выполнить положенный имъ высокій нарядъ на золото, требовалъ настоятельно, чтобы изъ Александровскаго завода выслали какъ можно болѣе людей на Шахтаму. При одномъ изъ такихъ требованій, начальникъ, между прочимъ, въ своей бумагѣ писалъ: «Непреложные законы великой науки, политической экономіи, предписываютъ: оставлять то производство, которое даетъ менѣе выгоды, и заниматься тѣмъ, которое доставляетъ болѣе прибыли.» Подчиненный, объясняя, почему онъ не можетъ исполнить тре-

бованіе начальника, заключилъ свою бумагу слѣдующимъ образомъ: «Что же касается до упрека, который ваше высокоблагородіе мнѣ дѣлаете за незнаніе непреложныхъ законовъ великой науки — политической экономіи, то на сіе имѣю честь почтительнѣйше объяснить, что я въ этомъ не виноватъ; ибо ваше высокоблагородіе изъ моего формулярнаго списка можете усмотрѣть, что я оной наукѣ не обучался и слѣдовательно предписаній ея знать не могу.» Это, конечно, взорвало самолюбиваго начальника. За опалою послѣдовало мщеніе, т. е. смѣщеніе съ должности молодаго человѣка, вполнѣ способнаго, обладавшаго большимъ запасомъ знаній и умнаго. Кончилось однако тѣмъ, что когда онъ вынужденъ былъ обстоятельствами опять сойтись съ начальникомъ, то, не видя обѣщанной ему поддержки сверху, прямо сказалъ: теперь я понимаю въ чемъ дѣло: отъ насъ требуютъ, чтобы мы ликовали, все находили хорошимъ, своего мнѣнія не высказывали, — чтожъ, это гораздо легче!

Работы на заводѣ были нетрудныя, хотя съ перваго раза онѣ могли показаться ужасными въ сравненіи съ промыслами; дѣйствительно, жара и удушливый паръ мышьяковистой кислоты дѣлали фабрику — адомъ въ глазахъ непривычнаго человѣка; но никто изъ рабочихъ не промѣнялъ бы ее добровольно на золотые промыслы: организмъ скоро привыкалъ и къ жару и къ чесночному запаху, да за то работы нельзя было усилить: печь не земля, въ нее больше чѣмъ можно не засыплешь, —а той вѣкъ не перекопаешь. Замѣчательно, что пары мышьяка при вѣтрѣ распространялись по всему заводу, но не только не вредили здоровью людей, но даже предохраняли отъ многихъ болѣзней; такъ, напримѣръ, въ заводахъ перемежающіяся лихорадки были почти неизвѣстны, чахотка тоже; даже ссыльные, приходившіе съ зачатками этой болѣзни, на заводахъ выздоравливали. Въ одномъ только Кутомарскомъ заводѣ, гдѣ фабрика стояла посреди селенія, вредное вліяніе мышьяковистыхъ паровъ обнаруживалось только на телятъ, почему жители этого завода обыкновенно и отсылали своихъ коровъ передъ отелѣніемъ въ ближайшія деревни.

Лѣтомъ заводы обыкновенно останавливались для поправокъ, а рабочіе, особливо ссыльныя женки, употреблялись для сѣнокосовъ; это тоже дѣлало жизнь ихъ гораздо сноснѣе, чѣмъ на промыслахъ, и заставляло предпочитать заводскую работу промысловой. Впрочемъ на счетъ женокъ замѣчу, что вообще на Нерчинскихъ заводахъ ихъ не употребляли, или по крайней мѣрѣ очень рѣдко, на земляныя и огненныя работы, а занимали мытьемъ половъ въ казенныхъ зданіяхъ и бѣлья въ госпиталяхъ, шитьемъ больничныхъ вещей, сѣнокосами и

иногда рудоразборной работой, довольно легкой, на которую употреблялись также и малолѣтки.

ОПЯТЬ НЕРЧИНСКІЙ ЗАВОДЪ.

Съ переводомъ нѣкоторыхъ чиновниковъ въ большой заводъ и меня стали приглашать туда; я согласился и вскорѣ былъ туда переведенъ.

Пять лѣтъ не былъ я тамъ, и нашелъ значительныя измѣненія: базаръ былъ пустъ, общество уменьшилось, новыя казачьи власти были въ разладѣ съ горными; но тѣмъ не менѣе большой заводъ все-таки жилъ городскою жизнью. Здѣсь по преимуществу пришлось мнѣ заниматься съ дѣвочками, и къ числу предметовъ обученія присоединились танцы. Матеріальное положеніе мое значительно улучшилось: я получалъ до 60 руб. въ мѣсяцъ. Въ заводѣ былъ очень хорошій оркестръ, и вечеринки здѣшнія имѣли видъ настоящихъ баловъ. Почти совершенное отсутствіе каторжныхъ, за прекращеніемъ работъ на фабрикѣ вслѣдствіе истощенія рудниковъ, давало особенный видъ заводу. Такъ какъ здѣсь былъ центръ управленія и было много чиновниковъ, получавшихъ значительное содержаніе, и купцовъ, то жили вообще богаче; только зданіями большой заводъ не щеголялъ: старыя ветшали, а новыхъ не строили; казенныхъ—за недостаткомъ денегъ въ казнѣ, частныхъ—по той же причинѣ, а еще болѣе потому, что всѣ чувствовали себя непрочными на своихъ мѣстахъ. Одни только купцы да отставные ссыльные рѣшались если не строить новые дома, то по крайней мѣрѣ поддерживать прежніе въ благообразномъ видѣ. Между послѣдними были личности довольно замѣчательныя.

Старикъ Травникиковъ, изъ купцовъ, былъ уже въ Нерчинскомъ заводѣ лѣтъ пятьдесятъ; сосланъ онъ былъ за фальшивыя ассигнаціи. Надобно замѣтить, что онъ занимался этимъ дѣломъ рѣшительно изъ любви къ искусству, потому что былъ достаточно богатъ. Изъ его словъ видно, что его интересовалъ сначала секретъ самой выдѣлки, а потомъ таинственность дѣла; онъ даже не находилъ въ этомъ ничего дурнаго. «Чтожь, я пускалъ только деньги въ оборотъ», говорилъ онъ наивно. Въ описываемое время у него было три дочери красавицы, вышедшія впослѣдствіи замужъ за купцовъ, но въ то время привлекавшія къ себѣ молодежь изъ торгующаго класса, да и самъ старикъ былъ для нихъ занимателенъ, какъ оригинальный разсказчикъ. У него также жилъ, нѣчто въ родѣ Санчо-Пансы, товарищъ его по дѣлу, который былъ при-

лазалъ къ нему какъ собака, безпрестанно ворчалъ на него, но въ то же время выняньчилъ его дѣтей. У Травникова была страсть разбирать и чинить часы, органы и т. п., и не мало перепортилъ онъ ихъ на своемъ вѣку. Онъ былъ чрезвычайно оригиналенъ, какъ типъ купца временъ Екатерины.

Другой оригиналъ изъ водворившихся тамъ ссыльныхъ былъ Вальцовъ, замѣчательный своею претензіею на знаніе химіи, механики, минералогіи и ботаники. Онъ выдѣлывалъ мадеру (разумѣется, отвратительную), варилъ краски, собиралъ и продавалъ минералы, составлялъ гербаріи и проч., и все у него было необыкновенное. Приходитъ онъ разъ ко мнѣ и съ таинственнымъ видомъ разсказываетъ, что онъ за Аргунью, на китайской сторонѣ, нашелъ жинь-шень и показываетъ корешокъ, который онъ вѣроятно досталъ у купцовъ К. Принесъ онъ и семяна, и спрашиваетъ у меня совѣта, какъ ихъ переслать въ Петербургъ, чтобы извѣстно сдѣлалось, что нашелъ, дескать, жинь-шенъ Вальцовъ. — Ладно, отвѣчалъ я ему; можно похлопотать будетъ у начальства, только прежде посадимъ въ горшокъ—я два зернушка, да ты два—и посмотримъ что выйдетъ.—«Да тутъ какое сумнѣніе! я вамъ говорю, что это жинь-шень».—Ну такъ чтожь, еще лучше, если мы увѣримся.—Онъ почесалъ затылокъ, но согласился. Вышла разумѣется негодная трава. Но любопытно, что онъ одинъ разъ надулъ извѣстнаго проѣзжаго минералога: приноситъ онъ желтоватый топазъ очень чистый, а знаменитый минералогъ ужь укладывался; увидавъ такой рѣдкій въ Нерчинскомъ краѣ камень, потому что такошніе топазы, или какъ ихъ называютъ, «тяжеловѣсы» безцвѣтны, минералогъ спрашиваетъ о цѣнѣ. — «Да я вашимъ высокоблагородіемъ доволенъ, вы уже много у меня изволили купить, это въ презентъ отъ меня примите,» отвѣчаетъ Вальцовъ. «Спасибо, спасибо!» говоритъ самодовольно ученый:—«однако, братецъ, все же возьми,» и даетъ ему 5 рублей.—Въ Екатеринбургѣ ученый захотѣлъ похвастаться своимъ топазомъ, и что же оказалось?—это былъ кусокъ леденца. Судите, какою дрянью надѣлялъ онъ вновь пріѣзжавшихъ казачьихъ офицеровъ, придавая особенное значеніе и называя рѣдкостью такіе каменья, которые въ Нерчинскомъ краѣ пригодны развѣ для того, чтобы въ собакъ кидать. Въ строгомъ смыслѣ, это—мошенничество, но Вальцовъ видѣлъ въ этомъ совсѣмъ другое. «Надо дураковъ учить», говаривалъ онъ, и тщеславіе и самолюбіе, которыми онъ былъ зараженъ, удовлетворялось тѣмъ, что въ такъ-называемомъ образованномъ классѣ онъ находилъ людей невѣжественнѣе себя. Впрочемъ нельзя отнять отъ него, что онъ очень хорошо склеивалъ изъ кристалловъ маленькіе гроты, и составлялъ довольно искусно группы кристалловъ.

Наконецъ, тамъ живъ истинный художникъ, Деникъ, который превосходно лѣпилъ изъ глины (онъ тоже нѣкогда занимался фальшивыми бумажками изъ любви къ искусству). Особенно хорошо выходила его собственная фигура, прикованная къ тачкѣ, и вазы, усаженныя мелкими мушками и насѣкомыми.—Въ настоящее время, несмотря на свои 90 лѣтъ, онъ работаетъ еще лучше сына, которому передалъ свое художество.

Въ Нерчинскомъ заводѣ мнѣ было хорошо, и хотя отъ хорошаго лучшаго не ищутъ, но я не послушался этого мудраго изреченія, и по просьбѣ одного изъ служащихъ въ Петровскомъ заводѣ, согласился на то, чтобы меня туда перевели.

ПЕТРОВСКІЙ ЗАВОДЪ.

Этотъ заводъ хотя и принадлежитъ къ управленію Нерчинскихъ заводовъ, но находится слишкомъ въ 700 верстахъ отъ него, въ Верхнеудинскомъ округѣ. Съ одной стороны онъ примыкаетъ къ кочевьямъ Хоринскихъ бурятъ, а съ другой къ богатымъ старовѣрческимъ селеніямъ. Это положеніе дѣлаетъ его очень хорошимъ мѣстнымъ рынкомъ. Опредѣленная работа, задѣльная плата и осѣдлость работниковъ поставили этотъ заводъ въ довольно благопріятныя условія, и жители его хорошо обстроились. Заводъ могъ проплавлять до 90 т. пудовъ чугуна и выковывать до 70 т. пудовъ желѣза; впрочемъ Балягинскій рудникъ, огромная глыба магнитнаго желѣзняка, могъ бы дать пищу и гораздо большему производству, но къ сожалѣнію заводъ находился въ казенномъ управленіи: отсюда дороговизна его издѣлій и даже не совсѣмъ хорошее ихъ качество, да еще къ тому и дальній провозъ къ мѣстамъ потребленія, — все это дѣлало то, что частныхъ заказовъ было немного, преимущественно же заводъ исполнялъ нарядъ желѣзныхъ вещей, необходимыхъ для Нерчинскихъ заводовъ. Нельзя сказать однако, чтобы инженеры, управлявшіе этимъ заводомъ, были люди несвѣдующіе, или пренебрегавшіе своимъ дѣломъ; но повторяю, такова сила дурной системы, что и съ хорошими людьми нельзя ни до чего путнаго добиться. Будь этотъ заводъ въ частныхъ рукахъ, онъ давно бы и удешевилъ свои произведенія и вытѣснилъ бы съ рынковъ Восточной Сибири уральское желѣзо: прикащики владѣльца завода, вѣроятно, были бы и въ Енисейскѣ, и въ Минусинскѣ и на Ленѣ, и получали бы прямо заказы отъ золотопромышленниковъ или продавали бы тамъ заводскія издѣлія; а теперь онъ — жалкая лавочка при коммиссіонерствѣ Нерчин-

скихъ заводовъ въ Иркутскѣ и Читѣ, да и въ тѣхъ не всегда найдешь желѣза того сорта, какого надобно потребителю.

Особенностью Петровскаго завода было то, что въ немъ много евреевъ; по страсти этого племени къ золоту, ихъ никогда не посылаютъ на золотые промыслы, и въ Нерчинскихъ заводахъ мнѣ случалось встрѣчать только отдѣльныя личности, которыя воображали себя политическими преступниками потому, что были сосланы за переходъ за границу и за контрабанду; здѣсь же я встрѣтилъ ихъ въ массѣ. Они, по обыкновенію, жили очень дружно между собою, и сыновья, жены и родственники успѣли, какъ и всегда, забрать въ свои руки мелкую торговлю, занимались мыловареніемъ въ маломъ видѣ, побойкою скота и другими рукомеслами. Впервые я сошелся съ нѣкоторыми изъ евреевъ и встрѣтилъ между ними честныхъ и добрыхъ людей. Семейство богатаго Ѳары было даже принято въ высшемъ обществѣ Петровскаго завода, и Ципы и Рохи, превосходившія всѣхъ дѣвицъ своею античною красотою, держали себя, право, не хуже православныхъ. Тутъ я понялъ, какъ несправедливо угнетеніе этого народа и какъ естественны и недовѣренность ихъ и, пожалуй, нѣкоторое мошенничество противъ несправедливыхъ притѣсненій. Упорство въ ихъ религіозномъ фанатизмѣ мнѣ объяснилось очень просто: религія была ихъ утѣшительницею и подпорою въ несчастіи. Нельзя же, чтобы они ее не любили до безумія и не питали бы ненависти къ другимъ, имъ лично враждебнымъ. Въ Петровскомъ заводѣ ихъ никто не преслѣдовалъ и они были вполнѣ человѣчны.

Здѣсь я встрѣтилъ также одного изъ бывшихъ моихъ знакомыхъ на Кавказѣ, и въ какомъ печальномъ еще положеніи! Незадолго передъ этимъ онъ прибылъ въ заводъ, осужденный на 4 года въ работу, за неосторожное убійство, а главное, за нарушеніе приказаній начальства во время венгерскаго похода. Ему позволили жить на свободѣ; но получивъ печатную бланку, въ которой записывалось полученіе провіанта и жалованья, съ титуломъ ссыльно-каторжнаго, онъ такъ этимъ огорчился, что взялъ ружье у своего хозяина, страстнаго охотника, и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ. По несчастію, весь зарядъ, пробивши небо, вышелъ въ глазъ, и такимъ образомъ онъ лишился не жизни, а только глаза. Хорошо, что медикъ, его освидѣтельствовавшій, отвергъ намѣреніе самоубійства, а подтвердилъ показаніе раненаго, что онъ, взявъ на себя чистку ружья, дулъ въ стволъ, чтобы попробовать не заряжено ли оно, а въ это-то время послѣдовалъ выстрѣлъ, черезъ полости надутыхъ щекъ. Странная судьба этого молодаго человѣка! Кажется вся жизнь его была непрерывною цѣпью неудачъ, до самого покушенія на самоубійство. Воспитываясь въ одномъ изъ военно-учеб-

ныхъ заведеній, онъ достигъ предпослѣдняго класса; но въ это время воспитанники старшаго класса сдѣлали какую-то непростительную шалость; чтобы избавить ихъ отъ серьезной отвѣтственности, нѣкоторые воспитанники изъ предпослѣдняго класса, въ томъ числѣ и мой знакомецъ, приняли ее на себя, въ надеждѣ отдѣлаться отъ бѣды физическою болью тѣлеснаго наказанія; но они ошиблись: шалость ли была такъ важна, или строгость такъ велика, но ихъ послали рядовыми на Кавказъ. Три года тянулъ онъ тамъ лямку, но наконецъ былъ произведенъ въ офицеры. Красивый и застѣнчивый, молодой человѣкъ полюбилъ жену своего полковаго командира платоническою страстью, которую добрая женщина и не подозрѣвала. Чтобы имѣть случай сдѣлать ей что-нибудь пріятное, мой герой вздумалъ поднести ей, какъ записной курильщицѣ, въ день ея именинъ, тысячу папиросъ своей работы; но надобно же бѣдѣ случиться, чтобы одинъ изъ товарищей сталъ пересыпать порохъ надъ табакомъ, изготовленнымъ для папиросъ, и еще бѣдѣ, чтобы тѣ самые папиросы, въ которыя попали порошинки, первыми взяла, очень довольная подаркомъ, именинница. Вспышка на полъ-папироскѣ, смущеніе нашего героя породили даже подозрѣніе—не сдѣлано ли это было въ насмѣшку, а это такъ огорчило его, что онъ слегъ въ постель и долго прохворалъ. Наконецъ, передъ походомъ въ Венгрію, находясь на границахъ Польши, онъ поѣхалъ, по приглашенію своихъ товарищей, на ротный праздникъ верстъ за 40, тогда какъ далѣе 26 верстъ отлучаться было невозможно, и прибывъ туда, былъ принужденъ товарищами выпить залпомъ нѣсколько стакановъ вина, чтобы, какъ они увѣряли, «догнать ихъ». Затѣмъ, какъ пѣвецъ, по просьбѣ ихъ онъ отправился отыскивать гитару. Въ этихъ поискахъ ему подвернулся фельдфебель и что-то сказалъ; это показалось ему, съ-пьяну, грубостью, и онъ замахнулся на него ружьемъ, но промахнулся и ударилъ прикладомъ о стѣну; ружье выстрѣлило и убило наповалъ валявшагося на диванѣ пьянаго шляхтича. Тутъ онъ отрезвился, но было уже поздно. Зная все это, я почти со слезами на глазахъ слушалъ, во время выздоровленія его отъ раны, съ аккомпаниментомъ злополучной гитары, пѣсню имъ самимъ сочиненную, начинавшуюся словами:

И скучно мнѣ, грустно сидѣть одинокому
Въ сыромъ казематѣ моемъ,
И слезы горючія о счастіи утраченномъ, и проч.

и оканчивавшуюся, послѣ воспоминанія о родителяхъ и дѣтской жизни, стихами:

Не зная, что злая фортуна готовитъ,
Вблизи устилая мнѣ терніемъ путь,

Что, вставши однажды съ моей колыбели,
Спокойно лишь могъ я въ могилѣ уснуть.

Вскорѣ послѣ моего прибытія, случилось въ Петровскомъ заводѣ и другое трагическое происшествіе. Одинъ кузнецъ былъ сосланъ за то, что изъ ревности убилъ любимую имъ жену. Въ партіи и въ заводѣ онъ былъ постоянно грустнымъ и задумчивымъ, но работалъ, кажется, за десятерыхъ; наконецъ не сладилъ со своею тоскою, и въ одинъ прекрасный день, когда всѣ пошли обѣдать, кинулся сверху подъ колесо и найденъ былъ раздробленнымъ на чугунномъ помостѣ.

Много можно было бы еще извлечь изъ разсказовъ моего знакомаго, но мы ограничимся сказаннымъ. Многія лица живы и говорить о нихъ, какъ хорошее, такъ и дурное, мы вовсе не желаемъ, потому что не обличеніе этихъ лицъ, къ которымъ разскащикъ сохранилъ признательность за то участіе, которое они въ немъ принимали, было предметомъ нашихъ выдержекъ изъ воспоминаній, а желаніе познакомить, хотя нѣсколько, съ послѣднею ступенью, на которую спускается нашъ православный людъ. Да простятъ мнѣ тѣ, которыхъ я можетъ быть неосторожно затронулъ въ моемъ разсказѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ. — ПЕНИТЕНЦІАРНАЯ СИСТЕМА.

Большая часть криминалистовъ, по моему мнѣнію, ошибаются, считая преступника трупомъ или автоматомъ, надъ которымъ совершается удовлетвореніе общественной человѣческой справедливости. Да, преступникъ есть трупъ, когда казнятъ его на площади: насильственная смерть оканчиваетъ его существованіе; или страшное тѣлесное наказаніе причиняетъ ему боль, а онъ не можетъ противодѣйствовать гнетущей его силѣ. Но если преступникъ послѣ казни остался живъ, то онъ перестаетъ быть трупомъ и стремится всѣми способами къ пріобрѣтенію человѣческихъ правъ. Если лишеніе свободы располагать своею дѣятельностью такъ строго, что всѣ его стремленія къ ней остаются безплодными, то онъ или приходитъ въ отчаяніе, или при первомъ удобномъ случаѣ бѣжитъ отъ гнета, или начинаетъ лукавить. Это совершенно вѣрно относительно отдѣльной личности. Но когда продолжительное наказаніе преступниковъ совершается въ массѣ, то они по закону необходимости составляютъ тѣсную ассоціацію, въ которой развивается значительная сила, противодѣйствующая карательной силѣ закона. Тѣмъ, которые не поску-

чали прочитать эти выдержки изъ воспоминаній ссыльнаго, заключенія наши, мы полагаемъ, должны быть очевидны. Слѣдовательно, борьба между преступниками и обществомъ, при наказаніи цѣлой массы, не только не прекращается, но въ извѣстномъ отношеніи усиливается: преступники получаютъ новую, зловредную силу при своей ассоціаціи и дѣлаются еще къ тому хитрѣе, осмотрительнѣе, а слѣдовательно и опаснѣе для общества. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ каторжные совершенно разъединены съ обществомъ, гдѣ порваны всѣ связи, которыми они съ нимъ соединялись, какъ напримѣръ, во Франціи, тамъ освобожденные галерники составляютъ настоящую язву, питомникъ, разсадникъ злоумышленниковъ противъ общества. У насъ въ Россіи это не совсѣмъ такъ; но не совершенство нашихъ законоположеній тому причиною, а самая жизнь народа и непреодолимыя обстоятельства, препятствующія точному исполненію закона.

Другою ошибкою криминалистовъ я считаю почти общепринятую систему наказаній принужденною, тяжелою работою (travaux forcés)... Какъ! работа, этотъ великій двигатель человѣчества, работа, которая служитъ основою благосостоянія государствъ, работа, которую безпрестанно ищутъ всѣ честные граждане, — это наказаніе?

Если работа производительна и выгодна для преступника, то она не наказаніе, а награда. Въ противномъ же случаѣ она не доставляетъ выгоднаго результата, какъ и всякій обязательный и насильственный трудъ, да кромѣ того довершаетъ нравственное паденіе преступника, вселяя въ него отвращеніе къ труду и возбуждая его на борьбу противъ гнетущей силы общества.

Каторжная работа — это не удовлетвореніе справедливости, а безполезная месть общества! И чѣмъ она продолжительнѣе и строже, тѣмъ менѣе имѣетъ она смысла, какъ для самаго общества, такъ и для преступника, котораго она нисколько не исправляетъ.

Обратимся еще разъ къ наказанію.

Наказаніе, говорятъ всѣ, есть видимое удовлетвореніе справедливости и возстановленіе права, нарушеннаго преступнымъ дѣяніемъ. Но справедливость уже удовлетворяется самымъ гласнымъ и публичнымъ осужденіемъ въ судилищѣ, и такимъ же возстановленіемъ нарушеннаго права, если это бываетъ возможно.

Другіе прибавляютъ, что наказаніе есть справедливое возмездіе или даже месть общества, сопряженная съ физическимъ страданіемъ, за оскорбленіе, сдѣланное преступникомъ обществу въ лицѣ одного изъ его членовъ. Но мнѣ кажется, что нравственныя правила, кото-

ратели должны руководствоваться отдѣльныя личности, прилагаются точно также и къ цѣлому обществу, а слѣдовательно месть, и тѣмъ болѣе употребленіе насилія для произведенія физическаго страданія, ему такъ же непозволительны, какъ и частному человѣку. И мы видимъ, что исполнители приговоровъ, палачи, не только не пользуются уваженіемъ, котораго бы они заслуживали, если бы эта точка зрѣнія была справедлива, напротивъ того — ихъ всѣ презираютъ.

Третьи говорятъ, что жестокое наказаніе необходимо для устрашенія другихъ; но это совершенно несправедливо: жестокія наказанія никогда еще никого не удерживали отъ преступленій, потому что самыя преступленія совершаются людьми отъ неумѣнья или невозможности выйти изъ безвыходнаго положенія, создавшагося или случайными обстоятельствами, или общественными условіями, или наконецъ страстями, достигшими maximum своего напряженія, которое въ свою очередь происходитъ отъ общественныхъ условій, напримѣръ, отъ воспитанія, бѣдности и вообще окружающей обстановки. Дракоковы законы, судебники Іоанновъ, ужасы инквизиціи — развѣ остановили ходъ преступленій? Не были ли мы сами свидѣтелями, какъ воришки обчищали карманы толпы, собравшейся смотрѣть, какъ бьютъ плетьми за воровство?

Наконецъ четвертые къ общему понятію о наказаніи прибавляютъ, что оно должно служить къ исправленію преступника. Но, Боже мой! Плеть, кнутъ, а тѣмъ болѣе гильотина или петля внушаютъ только страхъ, а страхъ, какъ извѣстно, изгоняетъ любовь, при помощи которой и возможно только исправленіе. А насильственный трудъ изъ-подъ палки еще менѣе къ тому пригоденъ.

Что же остается дѣлать? Неужели не наказывать преступниковъ?

По нашему мнѣнію, главное наказаніе заключается въ публичномъ и гласномъ осужденіи преступнаго дѣянія и возстановленіи нарушеннаго права. Въ очень многихъ случаяхъ оно одно можетъ быть достаточнымъ.

Далѣе, наказаніемъ можетъ быть лишеніе нѣкоторыхъ правъ, которыя даетъ общество, или исключеніе преступнаго члена изъ своей среды.

Наконецъ, если преступленіе такъ важно, что оставленіе преступника въ обществѣ было бы соблазномъ, или можно прямо опасаться продолженія его преступныхъ дѣяній, то — лишеніе свободы, сопряженное съ одиночнымъ заключеніемъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки, и наконецъ вмѣстѣ съ тѣмъ — ссылка въ отдаленныя мѣста.

Два послѣднія наказанія, то есть одиночное заключеніе и ссылка, должны служить вмѣстѣ съ тѣмъ и средствами къ исправленію преступника и къ прекращенію борьбы его съ обществомъ.

Послѣ совершенно уединеннаго заключенія, смотря по важности преступленія, отъ 6 недѣль до 6 мѣсяцевъ, должно, по моему мнѣнію допускать къ преступнику наставника, который бы старался внушить арестанту, что заключеніе его есть, во-первыхъ, необходимость, требуемая самосохраненіемъ общества, а во-вторыхъ, что оно должно послужить въ пользу самому преступнику: собственная совѣсть въ совершенномъ уединеніи должна еще строже, чѣмъ судьи, осудить преступное дѣяніе, а лишеніе общества — показать на опытѣ, какъ тяжело человѣку это лишеніе, или какъ необходимо ему общество и какъ долженъ онъ имъ дорожить. Разумѣется, эти внушенія должны дѣлаться кротко, вовсе не настаивая на томъ, чтобы преступникъ раскаялся, не показывая недовѣрія даже и въ томъ случаѣ, когда заключенный отвергаетъ свою виновность; тогда наставникъ даже долженъ измѣнить свой тонъ и съ состраданіемъ утѣшать въ несчастіи, представляя, что злоба людская происходитъ преимущественно отъ глупости, невѣжества и непониманія истинныхъ своихъ интересовъ, которые всегда требуютъ мира, взаимной любви, помощи и довѣрія. Однимъ словомъ, надобно стараться въ этихъ бесѣдахъ помирить человѣка съ общественною жизнью и показать, что изъ всякаго отчаяннаго положенія, съ присутствіемъ духа, можно найти хорошій и достойный человѣка выходъ.

Иногда чтеніе главы изъ Евангелія, апостольскихъ посланій или какой нибудь книги можетъ замѣнить всю бесѣду. Потомъ, по мѣрѣ умиротворенія человѣка, можно, но не иначе, какъ по просьбѣ самаго арестанта, дозволить ему работать, а также учить его грамотѣ, если онъ ея не знаетъ, или какому либо ремеслу, именно такому, которое можетъ понадобиться на новомъ мѣстѣ его ссылки.

Исправительныя тюрьмы должны быть устроены въ тѣхъ самыхъ округахъ, гдѣ жили преступники, и, по моему мнѣнію, отчасти на счетъ самыхъ жителей этого округа, потому что несомнѣнно они всѣ посредственно или непосредственно виноваты, что въ средѣ ихъ совершаются преступленія.

По истеченіи срока заключенія, арестанты, въ числѣ 200 или 300 душъ обоего пола, но разными партіями, слѣдуютъ безостановочно на перемѣнныхъ лошадяхъ къ мѣсту поселенія при одномъ наставникѣ и наставницѣ. Тамъ уже къ этому времени долженъ быть построенъ домъ для наставника и наставницы, временное помѣщеніе для аре-

стантовъ и магазины съ необходимыми запасами, инструментами и орудіями для продовольствія, построекъ и земледѣлія. По прибытіи на мѣсто составляется тотчасъ община съ выборными и старостой. Наставникъ даетъ необходимыя средства на обзаведеніе хозяйствомъ, на посѣвъ, на постройку и проч., записывая все это долгомъ на поселенцахъ. Въ это время онъ старается соединить брачными узами арестантовъ обоего пола, а при недостаткѣ женщинъ — посылаетъ подъ наблюденіемъ своихъ помощниковъ холостыхъ, и, разумѣется, желающихъ. для выбора невѣстъ въ сосѣднія деревни. Наставникъ также заботится о заведеніи общественной запашки, какъ для уплаты выданной напередъ суммы, такъ и для общественныхъ магазиновъ; причемъ онъ внушаетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они уплатятъ весь долгъ, устроятъ магазины и сдѣлаются исправными поселянами, они освободятся отъ постояннаго надзора и войдутъ въ разрядъ свободныхъ крестьянъ съ однимъ только ограниченіемъ для нихъ самихъ — не удаляться изъ Сибири; но что стѣсненіе это не распространится на ихъ дѣтей.

Въ помощь къ наставнику и наставницѣ, которые должны пробыть во все время устроенія новой общины, то есть отъ 10 до 12 лѣтъ, даются, смотря по величинѣ поселенія, два или три помощника и помощницы, которые присылаются на два или три года для подготовленія въ будущіе наставники и наставницы. Обязанность всѣхъ этихъ лицъ состоитъ не въ управленіи, которое должно лежать на выборныхъ общины и вообще на администраціи, а въ нравственномъ примѣрѣ и вліяніи на поселенцевъ, въ предстательствѣ предъ мѣстною властію и въ направленіи общественной дѣятельности въ новомъ поселеніи къ добру. Однимъ словомъ, они должны служить новымъ, неполноправнымъ гражданамъ истинною поддержкою и стараться дать первое воспитаніе ихъ дѣтямъ. Что же касается до того, какой у нихъ будетъ видъ землевладѣнія, общинной или частной собственности, — это, по моему мнѣнію, рѣшительно все равно для дѣла и должно быть предоставлено благоусмотрѣнію поселенцевъ. Главное, надобно пріучить ихъ къ самоуправленію.

Въ первое время продажи и покупки внѣ поселенія должны совершаться довѣренными отъ общества подъ надзоромъ помощника наставника, для того, чтобы люди эти не могли предаться пагубному пороку пьянства, и въ самыхъ поселеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе 20 лѣтъ, питейные домы должны быть запрещены.

Долгъ отъ затраты на первое обзаведеніе долженъ быть уплаченъ или казнѣ, или обществу, которое пожертвовало своими капиталами, съ прибавкою 1 или 2% для того, чтобы возможно было увеличивать

средства новыхъ поселеній. Разумѣется, что то вспомоществованіе, которое теперь производится отъ государства поступающимъ на поселеніе, не должно входить въ счетъ этого долга.

Но откуда взять людей въ наставники?

Безъ самоотверженія невозможно ни одно доброе дѣло. Слѣдовательно, прежде всего надобно это живительное начало. Но неужели нравственный уровень общества русскаго и вообще европейскаго такъ низокъ, что не найдется подобныхъ людей? Съ вѣрою говоримъ—найдется! Въ послѣднее время многіе набожные люди жалуются на религіозный индифферентизмъ; но они сами не замѣчаютъ, что изрѣдка сіяютъ истинные свѣтильники міру изъ-подъ монашескаго клобука или изъ-подъ священнической ризы. Созерцательная жизнь, искусственное изможденіе плоти, постъ, долгія молитвы, безбрачіе и прочіе подвиги — для нашего поколѣнія уже не подвиги. Было время, когда нужно было это все: надобно было первымъ христіанамъ и созерцаніе для обновленія своего духа отъ грязной, безнравственной, чувственной жизни древняго міра; полезны были эти высокіе примѣры воздержанія, добровольнаго страданія и отреченія отъ міра—и гордымъ сластолюбцамъ, и униженному, доведенному до рабства народу, и наконецъ самымъ подвижникамъ, вышедшимъ изъ той же среды. Церковь тогда боролась, должна была, такъ сказать, сосредоточить свои силы и проявиться совершенно оригинальнымъ образомъ, чтобы заслужить и удивленіе, и любовь, и довѣріе къ своимъ началамъ. Но не таково настоящее время: власти не противятся церкви, не гонятъ ее, а напротивъ, покровительствуютъ. Святой трудъ сдѣлался девизомъ новыхъ обществъ, и только бѣдность и неравноправность большинства гражданъ ростутъ еще въ нихъ грознымъ призракомъ, которому въ извѣстные историческіе моменты вдругъ сообщается плоть и кровь и — тогда горе! Но пока общая гроза не соберется, эти два гнета — бѣдность и неравноправность и соединенные съ ними пороки: невѣжество, зависть, ревность, лукавство и пр. — порождаютъ частныя преступленія, которыя нарушаютъ миръ общества. Въ наше время подвижничество стараго времени не возбуждаетъ удивленія, — такихъ подвижниковъ много. Созерцаніе безполезно тамъ, гдѣ все кипитъ, все стремится къ жизни и даже, въ преполненіи сдержанныхъ силъ, повременамъ разрываетъ плотины и разливается губительнымъ потокомъ. Кого увлечетъ, напримѣръ, монашество въ наше время? Можетъ быть и бываетъ, что подъ монашескою рясою бьется дѣйствительно сердце, полное высокой христіанской любовью къ Богу и человѣчеству; но гдѣ же плоды этой любви? — теперь мы ихъ не видимъ, а было время, когда они выро-

стали предъ очами всѣхъ людей. Нѣтъ, не нужно намъ теперь множество обителей для успокоенія, не нужны намъ кротовыя подземныя работы. Намъ нужны явные нравственные дѣятели для обновленія общества! И вотъ точки соприкосновенія людей съ самоотверженіемъ, набожныхъ, религіозныхъ и мірскихъ филантроповъ и утилитаристовъ: Іисусъ Христосъ сказалъ, что добрый пастырь оставилъ 99 овецъ, чтобы найти сотую заблудшую. Въ притчѣ о блудномъ сынѣ онъ показалъ радость небеснаго Отца при возвращеніи человѣка въ честной жизни. Въ наставленіи ученикамъ своимъ онъ обѣщалъ вѣчную славу тому, кто научитъ меньшихъ братій хоть единой заповѣди закона, который весь есть любовь къ истинѣ и человѣчеству. И кѣмъ окруженъ былъ божественный Учитель, съ кѣмъ любилъ онъ проводить время? — Съ явными грѣшниками! Вотъ вамъ примѣръ, благочестивые! А вы, филантропы, разглагольствуете очень хорошо, но перстомъ своимъ не подвигнете павшее человѣчество! Вы, утилитаристы! вотъ достойный предметъ вашей дѣятельности: сдѣлайте отверженцевъ общества полезными членами! Всѣ вы, мужчины и женщины, съ нѣжнымъ сердцемъ, теплою душею, съ огромнымъ запасомъ любви, проливающіе слезы при чтеніи романовъ и представленіи драмъ; всѣ вы, пострадавшіе въ вашихъ привязанностяхъ,—примитесь-ка за дѣло! Тутъ не потребуется отъ васъ ни обѣтовъ безбрачія, ни совершеннаго нестяжанія, ни даже особеннаго смиренія; не будутъ обязательны изнурительный постъ и земные поклоны по уставу; — нужно будетъ только поработать надъ собою, поучиться кое-чему и, приготовившись, приняться за дѣло исправленія преступниковъ, сперва въ тюрьмахъ, а потомъ при устройствѣ новыхъ общинъ, въ которыя вы должны будете вдохнуть нравственное живительное начало любви, вмѣсто прежней ненависти, господствовавшей въ отдѣльныхъ личностяхъ.

Составьте общество на подобіе сестеръ милосердія для попечительнаго ухода за нравственными страдальцами.

Но прежде чѣмъ дѣйствовать, вы должны поучиться и психологіи, и физіологіи, и ознакомиться съ технологіею, и съ сельскимъ хозяйствомъ. Вы займетесь этимъ серьёзно, потому что отъ знанія этого ваши добрыя намѣренія и могутъ только осуществиться.

Опыты ваши, съ соизволенія правительства, вы можете начать въ упраздненныхъ и упраздняемыхъ монастыряхъ. Истинно набожные и благотворительные люди вамъ помогутъ. Можетъ быть и само правительство, убѣдясь въ полезности вашей дѣятельности, передастъ въ ваше распоряженіе часть суммъ, которыя оно теперь употребляетъ на тюрьмы, на арестантовъ и на ихъ препровожденіе.

Конечно, вы должны будете отказаться отъ свѣтскихъ удовольствій, или по крайней мѣрѣ пользоваться ими рѣдко, чтобы посвятить себя самоусовершенствованію и своему великому служенію; но у васъ будетъ всегда дружескій кружокъ, изъ котораго не будетъ изгнана ни литература, ни музыка, ни другія изящныя искусства.

Не налагайте на себя только обѣтовъ не по силамъ, и лучше откажитесь отъ своего намѣренія, если оно было слѣдствіемъ временнаго увлеченія, нежели исполняйте принятую вами обязанность небрежно.

Управляйтесь совѣтомъ, безпрестанно сообщайте другъ-другу и успѣхъ и неуспѣхъ вашей трудной работы; но полицейскаго надзора на себя не берите: ваша сила вся только въ убѣдительномъ словѣ и въ вашей собственной жизни.

Живите общиною; пусть будетъ у васъ общая трапеза, она будетъ дешевле и вы сбережете больше денегъ для дѣла.

На заведеніе поселеній не скупитесь; хорошо если между вами будутъ богатые и вы признаете ихъ достойными и способными быть основателями колоній; но бѣдныхъ и достойныхъ своихъ членовъ не отстраняйте отъ этого и обезпечьте ихъ во время самаго большаго ихъ подвига — устройства поселенія на новомъ мѣстѣ.

Чтобы приготовить будущихъ основателей колоній, посылайте молодыхъ членовъ своихъ помощниками въ заводимыя поселенія года на два, на три; имѣйте съ ними постоянныя сношенія, и по возвращеніи испытывайте ихъ и сами поучайтесь.

Не думайте, чтобы это было невозможно: были же истинные друзья человѣчества — Овенъ, напримѣръ, которые достигали самыхъ утѣшительныхъ результатовъ.

Утопистъ! утопистъ! воскликнетъ серьезный, положительный читатель.—Можетъ быть, отвѣтимъ мы; но вотъ пожалуй и другой проэктъ совершенно удобоисполнимый, который можетъ впрочемъ одновременно существовать и съ первымъ, если средствъ будетъ недостаточно, чтобы развиться ему вполнѣ.

Пусть мѣстомъ ссылки, какъ и теперь, будутъ заводы и рудники; но пусть тамъ построятъ хорошія тюрьмы. Арестанты будутъ содержаться въ нихъ въ одиночномъ заключеніи до тѣхъ поръ, пока не захотятъ работать; лучше даже, если это позволеніе будетъ дано имъ не вдругъ, а въ видѣ награды за хорошее поведеніе во время препровожденія ихъ и на мѣстѣ. Срокъ содержанія въ общей тюрьмѣ долженъ быть уменьшаемъ пропорціонально количеству заработка, а непремѣннымъ условіемъ освобожденія будетъ скопленіе извѣстной суммы, необходимой для обзаведенія хозяйствомъ. Лѣность и нерадѣніе, т. е. невыполненіе условій работы, непослушаніе и т. п. наказываются ли-

лишеніемъ права на работу на нѣкоторое время, а слѣдовательно и увеличеніемъ срока заключенія. Разумѣется, что при этомъ распорядители работъ не будутъ имѣть никакого начальническаго вліянія на заключенныхъ и на тюремныя власти, которыя конечно надобно выбирать съ разборомъ и обезпечить достаточнымъ содержаніемъ. Доказывать превосходство этой системы предъ существующею послѣ всего сказаннаго я считаю излишнимъ.

Ѳ. ЛЬВОВЪ.

СОЛДАТЪ ДА СОЛДАТКА.

....Почти весь косогоръ, усѣянный кое-гдѣ кустарникомъ, былъ покрытъ копнами только-что скошеннаго сѣна.

Возлѣ небольшаго рукава рѣки, протекавшаго внизу, варили ужинъ. Дымъ поднимался прямо кверху и исчезалъ понемногу въ воздухѣ, надушенномъ сѣномъ. Было очень тихо—воды протока стояли, какъ зеркало... Мальчишка, котораго послали съ котелкомъ за водой, стоялъ на берегу и пускалъ въ воду засохшіе комья грязи, мало заботясь о томъ, что его давно ждали.

— Эй ты, баловень, крикнулъ старикъ-крестьянинъ, варившій кашу:—давай воду-то. Полно баловаться-то, а то я такъ вихоръ-тѣ надеру, что и матери не скажешь...

— Заразъ, отвѣчалъ мальчишка, и отворотивъ большую глыбу земли, спихнулъ ее въ воду. Вода отшатнулась отъ берега и замутилась. Мальчишка взялъ котелокъ за дугу и, зачерпнувъ мутной воды, тотчасъ же напился изъ него.

— Экой баловень, баловень! проговорилъ старикъ, когда мальчикъ принесъ воду:—погляди, какую мутную воду ты принесъ.

— Ничего, возразилъ мальчикъ.—Лучше нѣту.

— Нѣту?.. А ты вотъ не дурилъ бы такъ, такъ лучше было бы... Кличь ребятъ-то!...

Мальчишка побѣжалъ по косогору съ припрыжкой, ударяя себя правой рукой, куда слѣдовало, и вскрикивая: «валяй, Матюшка, валяй!»

Совсѣмъ завечерѣло, когда ребята собрались къ ужину. Съ ними пришелъ какой-то мѣщанинъ, въ длинной чуйкѣ, концы которой онъ свертѣлъ и держалъ въ рукѣ.

— Вотъ, дѣдъ, гостя къ тебѣ привели, сказалъ парень, указывая на мѣщанина.

Дѣдъ поглядѣлъ на мѣщанина и сказалъ: «добро пожаловать».

— Въ Илишовку идетъ, сказалъ тотъ же парень.

— Да-съ, въ Илишовку, выговорилъ мѣщанинъ.—Мы тамъ торгуемъ... Да вотъ ночь ужь,—такъ я и думаю переночевать здѣсь. Можно?

— Отчего нѣтъ? Можно, ночуй... Слободнаго мѣста — ишь колько!..

Ребята поужинали. Старикъ сейчасъ же растянулся на землѣ и уснулъ, прикрывшись своимъ халатомъ.

Ребята еще не ложились... Одинъ изъ нихъ опять сталъ варить кашу.

— Скоро ли дѣвки это придутъ?

— Должно скоро. Тутъ недалеко отъ Симоновой-то поляны.

— Погляди, малый, какъ будетъ каша готова, такъ и придутъ...

— А что на Симоновой они дѣлаютъ? спросилъ мѣщанинъ.

— Гребутъ...

— Такъ. А село-то ваше знатное—шелъ, шелъ, ажно упрѣлъ.

— Большое.

— Глядишь, ежели бъ помѣщицкое было, много бы доходу давало барину.

— Аль тебѣ этого хотца?

— Нѣтъ, я къ примѣру.

— А что, ребята, дѣвокъ-то будемъ ждать?

— Ну ихъ! сказало двое парней.

— Отчего не подождать! подхватило нѣсколько голосовъ.—Подождемъ... Вотъ дядя Матвѣй про солдата скажетъ, что обѣщалъ-то давеча.

А дядя Матвѣй будто не слышитъ.

— Вотъ онъ, ребята, сказалъ Матвѣй, кивая головой на мѣщанина:—говорилъ, что, молъ, не господскіе мы. А старики сказываютъ, будто село-то наше чуть въ аренду кому не досталось. хотѣли, значитъ, енаралу какому-то въ аренду отдать... Только, слышь, въ тѣ поры крестьяне-то ужь больно буйны были—тожъ въ бунтовщикахъ и значились по книгамъ тамъ. Енаралъ, знаешь, поглядѣлъ въ эту книгу-то, да и говоритъ: «я человѣкъ смирный, и мнѣ съ такими буянами не совладать. Мнѣ, говоритъ, лучше мордву тамъ, или черемисовъ — тѣ, говорятъ, безотвѣтные». Ну, ему мордву и дали.

— А ты, дядя, скажи про солдата-то...

— Уморился... Ну ихъ...

— Вотъ... Вѣдь самъ обѣщалъ—да языкъ-то тѣ не тянули...

— Скажи, дядя... Все одно—дѣлать нечего... А дѣвокъ ждать надоть...

— Чего ихъ ждать-то? Ложились бы...

— Чего?.. Все одно — придутъ,—разорутся такъ, да разбулуются—разбудятъ.

— Говори, дядя!..

— Ну, изволь...

«Въ тѣ поры, ребята, я съ Дуняшкой, съ солдаткой, возжался, а жилъ у отца протопопа въ работникахъ. Дуняшка эта жила въ свое удовольствіе, значитъ, подъ началомъ ни у кого не состояла, и такая, братцы, шельма была, что сладу никакого съ ней не было. Потому, первое—щеголиха, другое—ненасытная душа. Подавай ты ей теперче всего, чего ни потребуетъ, словно баба брюхатая да привередливая. Ежели ты ионѣ ей сережки далъ, либо-што, думаешь, завтра она тѣ такъ оставитъ, и ублатворитъ? Ошибаешься, другъ. Ты лучше и губы не разставляй—она и завтра у тѣ вымозжитъ что ни на есть, и все, братцы мои, одной лаской,—замучитъ тѣ лаской, а вымозжитъ.

«Это, какъ дурь-то нашла на меня, такъ я совсѣмъ склялся съ ней, и сколько этого грѣха на душу принялъ—такъ и говорить даже тошно... Право-слово!..

«А ужь и бойка была, да шустра, братцы. Идетъ теперче, словно тѣ пава какая, разряженная, да разубранная. Въ хороводахъ, везде, значитъ, напереди, и какъ это пѣсню затянетъ, такъ супротивъ ея никому не вывести. Голосъ-то у ней былъ не то чтобъ звонкій, и не то чтобъ тонкій, а самый, значитъ, средственный. И таково-то энтимъ самымъ голосомъ выводила она, что

будь ты умнѣющій теперче человѣкъ — она изъ тебя дурака сотворитъ. Захочетъ — заплачешь, а то захочетъ — взаметъ нахохочешься... Это я вамъ, ребята, какъ есть истинно говорю, потому, однова самъ становой, Яковъ Кирилычъ, и тотъ ею прельстился.

«Только, ребята, и самъ я въ тѣ поры развоюемъ выглядывалъ. Пошире, значитъ, раздвигайся, да примасли, да приголубь. Тоже вѣдь виды-то видалъ я всякіе—живали у хорошихъ людей, да знакомство не послѣднее важивали.

— Что и говорить, перебилъ Матвѣя съ усмѣшкой мѣщанинъ:—чай у губернатора въ подворотню безъ докладу глядѣлъ?

«— Не токма въ подворотню, а мы и самаго губернатора въ ликъ видѣли, и даже однова и бабъ къ нему, къ этому губернатору, водили. Одначе я тѣ не изъ чего прочаго говорю это, а все единственно, что подневольные мы люди. Прикажутъ — сполняй, а разговаривать, значитъ, не твое дѣло, особливо, когда государево око тѣ удостоитъ.

«Ну, ребята, докладываю вамъ, что баба эта была не чета городскимъ мѣщанкамъ—отнюдь не сухопарая, да не поджарая. А баба, какъ надоть быть всякой бабѣ,—ни тонка, ни толста, а румяна, такъ ужь это, какъ есть во всю щеку. Одно, говорю, жадна ужъ была, погибели на нее нѣтъ. Какъ спознался я съ ней, и почала она тянуть съ меня. Чего-чего я ей не передавалъ, какими ужъ манерами не ублатворялъ ей — такъ это уму непостижимо. Истинно, говорю вамъ: бывало, это закрома у отца протопопа, трещатъ только. Пойдешь за овсомъ лошадямъ, да лишній мѣшокъ и нагребешь, да на базаръ съ вѣрнымъ человѣкомъ и сунешь. А такой вѣрный человѣкъ былъ у меня.. Только, братцы мои, и замѣтъ это отецъ протопопъ...

— Вонъ оно какъ!..

«— Истинно. А человѣкъ, говорю, важнецъ былъ, такъ отцомъ протопопомъ и величали всѣ, а имя-то ему отецъ Миронъ было. Это, какія онъ проповѣди по праздникамъ говаривалъ — такъ не роди меня мать на свѣтъ! Бывало, бабы даже ревъ подымутъ, какъ о страшномъ судѣ онъ почнетъ росписывать. Умнѣющій человѣкъ былъ. Только вотъ что скажу вамъ, ребята,—что бралъ я изъ амбара у отца протопопа овесъ себѣ — это точно, а чтобъ это я за воровство счелъ — никогда. Потому по самому, ежели я теперче мірское беру, развѣ это воровство? Отецъ протопопъ откуда овесъ взялъ?—съ міра собралъ. Кто съ отцомъ про-

топопомъ [illegible] по селу? — Я. — Кто приналъ съ мужиками овесъ? — Я же. Стало быть гдѣ жь тутъ воровство это самое? Я отъ избытка бралъ у отца протопопа, а грабить его — не грабилъ отнюдь...

— Однако, ты довно того... то есть на счетъ воровства-то, замѣтилъ одинъ парень.

«— Ничего, малый, тутъ дурнаго нѣтъ, а говорю я тѣ, какъ есть одно дѣло. Такъ?

—Такъ, такъ, подтвердило нѣсколько голосовъ.—Дѣло, дядя Матвѣй, дѣло... Ты... это дѣло...

«—Ну, а сжели дѣло, то и толковать нечего... Замѣтилъ, говорю, отецъ протопопъ, и говоритъ:

«— Что это, говоритъ, Матвѣй, у насъ овса больно много выходитъ?

«— Я, говорю, не знаю, отецъ протопопъ. Только лошадкамъ я вволю даю, потому, зачѣмъ же животину морить? Животина кормъ любитъ.

«Покачалъ отецъ протопопъ головой, да съ этого дня ключь-то отъ амбара и прибралъ къ себѣ. Надеть теперче кормъ лошадкамъ выдавать, онъ и идетъ отпущать самъ. Ну, при немъ-то, вѣстимо, болѣ припорціи не возьмешь... А Дунянка, подлая, какъ на грѣхъ, все пуще пристаетъ. Что тутъ дѣлать?.. Понесъ я, братцы, кормъ лошадямъ, высыпалъ его въ кормушку при отцу протопопу, и почали лошадки уплетать тотъ овесецъ... Ушелъ отецъ протопопъ къ себѣ въ горницу, къ протопопицѣ своей, Марьѣ Гавриловнѣ, а въ меня, братцы мои, и вселись нечистый духъ. Истинно, говорю вамъ. Вселился въ меня этотъ духъ нечистый, и нашептываетъ на ухо мнѣ и дудитъ:

«— Выгреби, говоритъ, Матвѣй, овесъ-то у лошадей!..

«— Нѣтъ, говорю, грѣхъ скотинку обижать. Скотина, говорю, совсѣмъ безотвѣтная... Какъ ее обидѣть?

А онъ опять:

«— Выгреби, говоритъ, Матвѣй Иванычъ, ей-богу, выгреби. Скотина и такъ съ жиру полошается, съ сѣна съ одного.

«— Нельзя, говорю, съ однимъ сѣномъ. А ты говорю, Матвѣй-то Иванычемъ не кличь меня, потому, съ роду меня никто такъ не кликалъ.

«А онъ опять:

«— Какъ же, говоритъ, скотину прировнялъ ты къ человѣку? Разѣ, говоритъ, лошади-то тѣ жалче Дунянки? а?.. Выгреби,

говоритъ; Матвѣй Иванычъ, ей-богу выгреби. Тутъ вѣдь овса не болѣ, чѣмъ на гривенникъ...

«Осѣтилъ, братцы, этотъ нечистый меня... Такъ, братцы, осѣтилъ меня, что совсѣмъ я разъярился, словно образа человѣческаго нѣтъ на мнѣ. Подхожу я къ комягѣ, разъярившись-то, и зачалъ овесъ выгребать себѣ въ полу, а сѣрко—меренка такъ одного звали—даже въ морду съѣздилъ... Все, знаешь, лѣзъ онъ къ овсу-то...

«Выгребъ, братцы, это овесъ я, а лошадки, гляжу, словно пріуныли, головушки это повѣсили, да такъ жалостливо-жалостливо глядятъ на меня. Ну, вотъ только не говорятъ: «злодѣй, молъ, злодѣй ты. Зачѣмъ ты, злодѣй, пищи лишилъ насъ?..» Кобылка была такъ одна, по четвертому годочку только, — такъ она, братцы мои, какъ заржетъ, какъ заржетъ!.. Да такъ заунывно ржетъ-то, что меня даже слезыньки прошибли.... Ну, тутъ ужъ я не совладалъ съ собой... «Эхъ, говорю, пропадай ты пропадомъ, а только не обижу я животинку... Человѣка обидишь, такъ онъ самъ тѣ обидитъ, а скотинка отместки не знаетъ», да и швыркнулъ опять овесъ въ комягу. И съ этой поры со времени, братцы мои, я ужъ и не трогалъ овесъ у отца протопопа. А продалъ, что было лишнее изъ платья, да и ублатворилъ Дунюшку... Только не надолго насытилъ я ненасытную ея душу. Опять, погибели на нее нѣтъ, прорвало ее... Подавай ей пять рублевъ, хоть тамъ душу ты заложи, а выложь ты ей эти деньги, потому надобенъ ей кокошникъ новый.

«Думалъ я, думалъ промежду собой, горевалъ-горевалъ, да и пошелъ къ Архипычу... А Архипычъ, братцы мои, важный былъ человѣкъ. Завсегда тѣ одолжитъ, и даже не спроситъ, зачѣмъ то-есть ты и просишь у него... Только ты ужъ къ сроку ему приставь...

«У насъ это завсегда такъ было. Занялъ деньги — приноси къ сроку, а то какъ разъ съ бирки тѣ срѣжетъ....

— А это вамъ и съ руки, небось, было? мѣщанинъ-то сказалъ, непріятельски эдакъ глядючи на разсказчика.

«— То есть, что же это ты не дѣлю говоришь, другъ? спросилъ Матвѣй, и тоже съ укоромъ на мѣщанина поглядѣлъ.

— А какъ же иначе?... Съ бирки срѣзалъ, значитъ ты ужъ и не должникъ. Значитъ, онъ тѣ и знать не хочетъ.

«— Значитъ.... Ну, дальѣ-то что?

— А тоже.... Чего тутъ печалиться-то?

«— А я тебѣ скажу сейчасъ, господинъ мѣщанинъ, такую притчу. У васъ тамъ можетъ оно такъ и слѣдуетъ, коли кто вамъ долгъ проститъ, а у насъ этого не водится. А почему не водится? А потому и не водится, что у насъ міръ. Ты это, господинъ мѣщанинъ, пойми, что значитъ міръ-то..... Теперче, ежели онъ тебя, мужикъ-то, у кого, значитъ, ты занималъ, съ бирки срѣжетъ, такъ ты совсѣмъ пропащій человѣкъ... Тебѣ и довѣрія николи ни отъ кого не будетъ....: Вотъ что, малый.... У насъ, ежели должникъ тѣ придетъ съ покаянною-то, въ срокъ, значитъ, не приставитъ, такъ его Архипычъ, али другой кто, не токма бить, а и ругать не станетъ. А только пригрозитъ: «съ бирки, скажетъ, срѣжу, малый».... Такъ должникъ-то въ ногахъ наваляется, отцомъ роднымъ тысячу разъ назоветъ, только не срѣзывай ты его. Вотъ у насъ, какъ дѣла-то дѣлались, господинъ мѣщанинъ, вотъ что міръ-то значитъ! А ты говоришь — «съ руки вамъ»... Нѣтъ, братецъ ты мой, тутъ такимъ козломъ завизжишь, что ахъ ты горе-гореваньице .... У насъ на-чистоту все въ мірѣ-то. Это вотъ теперь маленько пошвыпались, да кабаки доканали насъ, а прежде — ты и не говори. Такъ-то-съ.... Чего не разумѣешь, того не говори....

Остановился маленько, Матвѣй, махнулъ на мѣщанина рукой, да и продолжалъ:

«— Ну, братцы мои, далъ мнѣ Архипычъ денегъ....

— Далъ?

«— Далъ, и ни слова не сказалъ. Опять, значитъ, заликовался съ Дуняшкой, и не видя до сроку доликовался. Надоть безпремѣнно деньги несть, а денегъ нѣту-ти.... Говорю про это Дунишкѣ.

«— Хочешь, говоритъ, достану денегъ?...

«— Достань, говорю. Только, гдѣ жь ты достанешь?

«Она засмѣялась и закрылась рукавомъ.

«— Чего жь, говорю, ты смѣешься?

«— А такъ, говоритъ. Коли хошь — достану, только ты ужь не серчай у меня, и опять засмѣялась, да рукавомъ и закрылась.

«А мнѣ все это не вдомекъ.... Допрашиваю ее....

«— А къ шишовскому, говоритъ, управляющему разика три схожу....

«— Эхъ, говорю, безпутная, безпутная. Разѣ это можно?... Ты ужь, ежели любить, такъ одного люби.... Отговорилъ ее, а

до сроку всего одна неделя. Сижу это я разъ такъ-то вечеромъ у воротъ, да думаю, гляжу, подходитъ ко мнѣ Николай Антиповъ.

«— Хочешь, говоритъ, кладъ рыть ѣхать? Мы, говоритъ, ѣдемъ съ Микитой Черепковымъ.... Въ долю, говоритъ, возьмемъ. Парень ты хорошій — такъ ужь мы тѣ десятую долю отвалимъ»....

«А мнѣ о ту пору, не то что кладъ, а даже еслибы у волка его достать можно было, такъ и къ нему бы пошелъ.... Согласились ѣхать на Шиповъ курганъ. Тамъ безперечь рыли, только все кладъ-то не давался. Ну, а Николай завѣрилъ: Микита, говоритъ, Черепковъ всякія эдакія словеса знаетъ, и ужь кладъ, говоритъ, безпремѣнно добудемъ.

«Только, братцы мои, какъ теперче это помню. Ночь эдакая лѣтняя, славная. Ни единой тучки, а горитъ это все небо звѣздами. А мы это, знаешь, ѣдемъ.... Ѣхали-ѣхали такъ-то, и молчимъ все. Скучновато стало, я и началъ говорить, а Микита-то и радъ....

«— Скажи, говорю, на милость, Микита Петровичъ, отчего это въ иную ночь мѣсяцъ, а въ иную его нѣту-ти?...

«— Ущербъ, говоритъ....

«— Знаю, говорю, что ущербъ.... А только гдѣ же этотъ мѣсяцъ дѣвается?

«— Неужто, говоритъ, не знаешь?

«— Нѣтъ, братъ.... Что жь, прямо тѣ говорю....

«— Это, говоритъ, ты доброе дѣло дѣлаешь, коли прямо говоришь; потому по самому, что врать нашему брату не приходится....

«— То-то, говорю, я самъ тоже мѣкаю....

«— Это, говоритъ, ты хорошо.... Что хорошо, говоритъ не скажешь — худо. Видишь, говоритъ, Матвѣй Иванычъ, скажу я тѣ по истинѣ по истинской на счетъ то-есть сумлѣнія твово. Есть такія книжицы, и въ тѣхъ книжицахъ про все про это прописано.... Какъ, значитъ, земля зачалась, какъ это люди перва жили.... Царей, знаешь, этихъ не было, ни единаго царя не было.... Необразованность, говоритъ, значитъ.... А были, говоритъ, патріархи — духовенство то есть.... И хоша, говоритъ, этихъ царей не было, а жили, говоритъ, всегда по братски, по пріятельски....

«— Ты, говорю, про мѣсяцъ-то....

«— И про мѣсяцъ я тѣ доложу, говоритъ. Время теперче слободное—куражится Микита-то: — обо всемъ доложить я могу....

Примѣчалъ ты, Митрій Ивановичъ, говоритъ, такую оказію, что ежели теперче на небѣ мѣсяцъ — звѣздъ менѣ, а ежели того мѣсяца нѣту-ти — звѣздъ болѣ....

«— Это, говорю, я точно примѣчалъ.

«— Ну, а примѣчалъ, говоритъ, такъ значитъ, что и толковать намъ съ тобой. Теперче все дѣло, какъ на ладонкѣ видно.

«— Ну, говорю....

«— Истинно, говоритъ. Потому, ты теперче скажи, отчего, ежели мѣсяца нѣту, звѣздъ болѣ?

«— Не знаю, говорю, малый.

«— Хорошо, говоритъ. Теперче ты отвѣчай: отчего, ежели мѣсяцъ свѣтитъ, звѣздъ менѣ?

«— Точно, говорю, что менѣ, а отчего менѣ — не знаю.

«— Не знаешь говоритъ.... Ну, хорошо. Ты такъ мнѣ все въ акуратъ и говори, потому я тѣ всѣ резонты подведу. Ежели мѣсяца нѣтъ, а звѣздъ болѣ, значитъ куда же этотъ мѣсяцъ идетъ? Идетъ онъ, другъ мой милый, на потребу. А на какую на потребу? — Сейчасъ и это я тѣ скажу. На звѣзды, другъ милый, крошатъ его.... И крошатъ его, братецъ ты мой, говоритъ, ангели Божіи, и крошатъ по маленьку. Потому, Господь-то и ихъ утруждать-то не хочетъ. «Крошите, говоритъ имъ Господь, да не нудьте себя».

«— Ишь вѣдь, говорю, какъ!... Что значитъ милостивый Господь-то...

«— Истинно, говоритъ, говорю тебѣ. Вотъ мѣсяцъ-то и крошатъ по маленьку. Нынѣ малую толику, завтра маленько — такъ и искрошатъ весь. Опосля Господь-то и скажетъ ангеламъ: «славословьте, говоритъ, меня!» они и славословятъ, потому дѣла-то, значитъ, имъ теперче нѣту, вотъ и славословятъ. А тамъ опять крошить зачнутъ, и такъ, говоритъ, другъ ты мой милый, дѣется во вѣки вѣченскіе и до скончанія міра.

«Ведемъ это мы эдакую разумную бесѣду, и пріѣхали. Отмѣрилъ Микитка сколько-то шаговъ: «тутъ», говоритъ, и зачали мы копать. Меня, братцы, сперво-начала ужъ оторопь взяла — рою, ально потъ съ меня валитъ, а ужъ въ сторону, да на рѣчку и не взгляну. А рѣчка-то, знаете, какъ разъ возлѣ Шипова — и куга это по ней, камыши... Подуетъ вѣтерокъ, зашумитъ камышами-то, а я такъ и вздрогну, и пуще рыть зачинаю... Только, братцы мои, какъ заревётъ кто-то, такъ зычно-зычно... Точно и корова

будто, и не корова, а не вѣсть что. У меня руки такъ и опустились. Словно сговорившись, глянули мы на рѣку-то, а тамъ, братцы мои, вѣдмедище... да такой-то здоровый, да такой-то черный... Вылѣзъ изъ воды, да и отряхивается. А стоитъ, знаешь, на заднихъ лапахъ, и ревнетъ-ревнетъ этакъ-то. Видно, клада-то жаль стало... Перва-то, стоимъ мы, словно угорѣлые, и что дѣлать — не сообразимъ. А тамъ, какъ пустимся съ кургана, да въ телегу, да по лошадямъ... А за нами кто-то: скокъ-скокъ... скачетъ.... Уткнулъ я, братцы, рыломъ-то въ мѣшокъ, и такъ возлѣ села только и очухался.

— Кто жь это гнался-то? спросили ребята.

«— Кто?.. Вамъ еще сказать!.. Тутъ, братцы, такая исторія случилась, что просто — уму непостижимо... Право-слово. А все Богъ... Онъ, братцы мои, вездѣ съ премудростью-то своей... Бога-то ты николи не минуешь...

— Да кто же это, дядя, ты скажи...

«— Кто?... Лапоть — вотъ кто...

— Лапоть?

«— Ну, да... Чего бѣльмы-то выпучили? Говорю — лапоть, такъ ты и понимай.

— Да какъ же это, дядя, лапоть?.. Развѣ онъ-то въ лаптѣ?..

«— *Онъ*-то?.. Совсѣмъ не *онъ*, а какъ есть настоящій Микиткинъ лапоть... Въ этомъ-то вся и причина. Какъ Микитка-то бѣжалъ, у него лапоть-то и соскочи, и волочется за нимъ — оборки-то вокругъ ноги держались... Ввалился Микитка въ роспуски — мы въ роспускахъ ѣхали-то, — а лапоть-то наружѣ, да и скачетъ по землѣ-то, а то и по колесамъ шлепнетъ... Поняли?... Вотъ оно, малый, что значитъ Богъ-то. Ты его не испытуй — онъ тѣ вездѣ найдетъ, и ни тѣмъ, такъ инымъ накажетъ... Микитка-то чуть сказать не лишился. Недѣль съ шесть все хворалъ, и волоса-тѣ всѣ выпали... А кто натыривалъ кладъ рыть? — Микитка. Кто уговаривалъ? — Микитка. Кто на курганѣ ворожилъ? — Опять онъ, Микитка же. Вотъ Богъ-то и нашелъ его... Вы это, ребята, помните, что значитъ Богъ-то...

— А Архипычу-то какъ ты заплатилъ? спросилъ Пронька.

— Нѣтъ, ты скажи, дядя, сказалъ Андрей, — откуда этотъ вѣдмедище взялся? Въ нашей сторонѣ, кажись, и слыхъ чего другаго, а вѣдмедей что-то не слыхивать.

«— Въ этомъ-то, малый, и задача вся. У насъ, говоришь, вѣд-

медей нѣту—точно нѣту, а медвѣдь вдругъ нашелся. Вотъ тутъ-то ты и раскорми умомъ-то...

«— Чудно!

«— Истинно, что чудно. А Архипычу я деньги внесъ, только не въ энтотъ срокъ...

— Откуда жь ты взялъ?

«— А ты слухай, что дальше будетъ. Самъ увидишь откуля.

«Показался въ нашемъ селѣ солдатикъ, отставной. Такъ не мудренькій изъ себя-то... Разъ я съ нимъ встрѣтился:

«— Ты, говорю, откуда служивый?

«— Я, говоритъ, отставной.

«— Изъ нашего села?

«— Нѣтъ, говоритъ, я изъ свово села...

«— Такъ, говорю. А какими, говорю, примѣрно, дѣлами займаетесь?

«— Насчетъ, говоритъ, кладовъ.

«— Что жь, говорю, и находить случалось?

«— Еще бы, говоритъ, нѣтъ. На томъ стоимъ. Теперь, говоритъ, такой нашелъ, что серебро мѣрками загребать надоть...

«— Одно, говорю, серебро?

«— Одно, говоритъ. Есть и золото.... Только на золотѣ зарокъ-то тысяча лѣтъ.

«— Какъ, говорю, примѣрно, вы все евто узнали?

«— А это, говоритъ, ужь наше дѣло...

«— Такъ, говорю, — и разошлись мы.

«— А Дуняшка-то, погибели на нее нѣтъ, гляжу, ходить ко мнѣ перестала. Словно въ воду канула—нигдѣ ты ее и не сустренешь... Что бы это такое значило? думаю. Навѣдывался разика два къ ней — домашніе говорятъ: «а *тотъ*-то ее знаетъ. Завѣялась-завихрилась, и не слышимъ. Совсѣмъ отъ рукъ отбилась». Ужь не унесло ли ее, въ самомъ дѣлѣ, къ шишовскому управляющему? промежду собой-то разговариваю. Баба-то она непутящая — завсегда свихнуться можетъ... Прошло этакъ близу недѣли... Пошедъ я въ садъ разъ опосля обѣда—у отца протопопа садище важнѣющій былъ — и задралъ въ куренѣ ноги. Мухъ, значитъ, нѣтъ, прохлада — и уснулъ... Долго-ль, коротко ли спалъ я—врать не хочу, а только какъ проснулся, слышу голосъ матушки протопопицы Маѳы Гаврильевны, да еще капитаньши Вороновской... Сидятъ они подъ яблоню, возлѣ самаго куреня, и

прохладную такую бесѣду ведутъ. А капитанша эта — жена вороновскаго капитана. Капитанъ-то, значитъ, перво мужикомъ былъ, но а послѣ въ некруты взяли его, — онъ въ капитаны-то и вылѣзъ. да и взялъ у отца Льва, покойника, дочь. Такъ эта самая дочь-то поповская, Львовна-то, значитъ, и есть капитанша. Сидятъ, говорю, это матушка протопопица Марѳа Гавриловна, да Львовна, капитанша-то, значитъ, и разговоры это разговариваютъ, а я слухаю. Капитанша-то и говоритъ:

«— Такъ это, говоритъ, кума, такъ и будетъ?

«— Такъ, такъ, кума, увѣрительно этакъ протопопица-то ей. Ужь вы, говоритъ, кума, не сумлѣвайтесь. Какъ я вамъ говорю— это вѣрно...

«— Вы сами, капитанша-то опять, — съ нимъ говорили?

«— Сама, говоритъ, сама, вотъ какъ съ вами теперче. И стала это протопопица ей все расписывать, а я слухаю. Сначала, говоритъ, солдатку прислалъ — то есть пожелаю ли я, значитъ, его видѣть, на счетъ этого дѣла, и все, какъ слѣдственно уговорится. Матушка протопопица солдаткѣ-то говоритъ: можно, только, когда отецъ протопопъ на службѣ въ церкви будетъ, въ самую, значитъ, вечерню. Солдатъ пришедъ, а матушка протопопица съ нимъ сейчасъ въ садъ, будто яблоки ему продавать, а сама, значитъ, всю эту матерію и разузнала. Какой, говоритъ капитаншѣ-то, почтительный, кума — сейчасъ видѣнъ хорошій человѣкъ, даромъ что солдатъ. Мнѣ-то, говоритъ, «ваше высокоблагословеніе, матушка протоіерейша» —ей-Богу не вру. Это, говоритъ, у нихъ въ Питерѣ завсегда такъ. И отцу протопопу «ваше высокоблагословеніе» и протопопицѣ тоже «ваше высокоблагословеніе»—та же честь. Вотъ что значитъ питерцы, я-то думаю. А матушка-то дальше. И вѣдь, знаешь, говоритъ, чтò, кума? Самъ, говоритъ, царь-то извѣстенъ объ немъ. Ей-же-ей... Говоритъ: я съ царемъ самимъ, какъ все одно теперче съ вами, разговаривалъ, и въ палатахъ его бывалъ. Первая-то палата, говоритъ, серебряная, вторая-то палата вся изъ золота, литого, кума, золота, а третья-то палата — земчужная. А ужь четвертая, говоритъ, палата—такъ и не разберешь... Такъ солдатъ-то матушкѣ и сказывалъ—описать, говоритъ, не можно, ваше высокоблагословеніе, потому—не разберешь—сіяетъ, а чтò сіяетъ—неизвѣстно. Все одно, говоритъ, ежелибъ теперче солнце. И въ палатѣ въ этой днемъ и быть нельзя — глаза ужь больно ѣстъ свѣтомъ-то, а бываютъ только по вечерамъ. И такое это тамъ сія-

ніе, что ужь и свѣчекъ не зажигаютъ, свѣтло и безъ нихъ отъ этого сіянія-то.» Все это матушка протопопица росписываетъ, и говоритъ, что будто самъ царь этому солдату изъ своихъ царскихъ ручекъ пожаловалъ сто золотыхъ. «Только, приставь, говоритъ, мнѣ сто мѣрокъ серебра. Царь-то, видишь, по золотому за мѣрку ему отвалилъ».

«А капитанша опять спрашиваетъ: — Что жь, говоритъ, объ кладѣ-то онъ, кума, говорилъ?

«— Ну, говоритъ матушка протопопица, то и говорилъ. Кладъ, говоритъ, и такой говоритъ, кладъ, что ежели вырыть, такъ весь свѣтъ купишь. Теперче, говоритъ, царю онъ долженъ сто мѣрокъ приставить, только это, говоритъ, ничего, потому на всѣхъ достанетъ. За каждый, говоритъ, цѣлковый—мѣрку серебра. И чѣмъ кто пожелаетъ—мелочью, али рублями. Кладъ-то, говоритъ, кума, ужь больно глубоко лежитъ, такъ одного народу колько ему надоть—все вѣдь найми: Пять, говоритъ, тысячъ ему надоть рублевъ.... Вы, кума, чѣмъ, говоритъ, желаете получить —мелочью, али рублями?

«А капитанша-то ей: «я ужь, говоритъ, и не знаю, кума, чѣмъ? А ну, ежели онъ обманетъ?...

«— Что вы, что вы, кума? протопопица-то ей. Какъ же ему обмануть, когда самъ, значитъ, царь тутъ. Нѣтъ, кума, обмануть ему нельзя никакъ. Беретъ деньги и обманетъ.... Ни-ни, я это и въ мысли не держу.

«А капитанша-то опять сумлѣвается. «Въ человѣка, говоритъ, не влѣзешь. Хоть бы обманулъ-то на полмѣрки, такъ, говоритъ, Богъ съ нимъ.

«—Что вы, что вы? матушка-то протопопица опять: —легко ли на полмѣрки?... Ни-ни, отнюдь не обманетъ.... Я, говоритъ, объ томъ только и помышляю — дала мало — всего пять цѣлковыхъ — болѣ-то побоялась взять, не равно еще отецъ протопопъ запримѣтитъ.

«— А я, говоритъ капитанша, всего-то два, и такъ-то жалостливо она это выговорила, что мнѣ даже сердце повернуло. Ей-богу. Хорошо, говоритъ, вамъ—ваше дѣло протопопское, а мое дѣло капитанское.

«А протопопица сейчасъ и утѣшать. — И прекрасное дѣло, говоритъ,—вотъ вы такъ солдату и скажите—одну мѣрку чтобъ рублями приставилъ, а другую, значитъ, мелочью...

«Ну, тутъ еще поболтали они маленько объ томъ, кто кого умнѣе? Мужики ли бабъ, али бабы мужиковъ. И вышло у нихъ, братцы, что бабы не въ примѣръ мужиковъ умнѣе, потому по самому, что бабы теперче серебро будутъ мѣрками отмѣривать, а мужикамъ будетъ шишъ. И объ томъ говорили еще, какъ это мужички будутъ просить у нихъ серебра, и какъ онѣ ихъ водить станутъ.

«— Ужь, говоритъ, поводимъ, матушка-то протопопица глаголетъ.

«— Безпремѣнно поводимъ, капитанша за ней...

«— Ужь напляшутся они, протопопица опять...

«— Безпремѣнно напляшутся, капитанша опять.

«— Ужь такъ, говорятъ обѣ, поводимъ, что ахти.... Узнаютъ, говорятъ, Кузькину мать въ поршняхъ!...

«Долговько еще они тутъ пересмѣивались, да шептались. Ну, а тамъ и пошли... Вышелъ и я изъ куреня. Вышелъ и думаю— вѣдь это, должно, все тотъ солдатъ заварилъ, что повстрѣчалъ-то я. А ужь и брешетъ онъ, думаю, какъ песъ... Идѣ же онъ только серебра возьметъ, и станетъ еще съ нимъ царь возжаться? Будто у царя енараловъ нѣту, что ли? Онъ енарала бы сейчасъ... Ужь не Дуняшка ли, думаю все, эта солдатка-то съ нимъ? Охъ, чортова, чортова баба... Исколочу, нахолочаю я тѣ, поскуду, какъ собаку бѣшеную... Ужь натѣшу свою душеньку... Ей-богу.

«А Дуняшка-то, гляжу, подъ вечеръ приходитъ и приноситъ пять рублевъ...

«— На, говоритъ, заплати...

«— Идѣ, говорю, ты пропадала?

«— А, говоритъ, съ солдатомъ связалась — такъ, знаешь, прямо мнѣ...

«— Ты бы, говорю, хочь говорить-то постыдилась такія рѣчи...

«— Что жь, говоритъ, стыдиться мнѣ правды-то?

«Я было бить ее... А она и ничего: — «Бей, говоритъ, бей! Авось, говоритъ, дурь-то изъ меня выбьешь, потому я сама, говоритъ, не знаю, что со мной дѣется. Околдовалъ этотъ солдатъ меня, совсѣмъ околдовалъ....

«— Не брехи, говорю, покрайности, на деньги жадна ты— вотъ что!... Она клянется — нѣтъ, говоритъ: я такъ полюбила!

И опять клянется... Что будешь тутъ дѣлать? Хошь — вѣрь, хошь — не вѣрь, сладости все одно мало... И вѣдь что? Прощенья у меня стала просить...

«— Прости, говоритъ, Матюша. Съ своимъ сердцемъ, говоритъ, не совладаешь. А ежели, говоритъ, хошь — побей меня. Мнѣ, говоритъ, ужь такъ жалко тебя, такъ жалко... Авось у тѣ отъ сердца-то отлегнетъ, какъ побьешь-то... Ей-богу такъ и говоритъ... Ну, я, извѣстно, бить не сталъ, потому, что прокуто? Видно, говорю, судьба наша такая... Такъ она и ушла... И что хорошаго нашла она въ солдатѣ — и не знаю...

«Дня, этакъ, черезъ три, гляжу, опять приходитъ.

«— Что, говорю, пришла?

«— Проститься, говоритъ. Я съ нимъ ѣду.

«— Куда? говорю.

«— А куда, говоритъ, повезетъ...

«Я было такъ и такъ ей — уговариваю — не слухаетъ...

«Такъ и простились...

«Погоревалъ я по ней, дюжó таки погоревалъ. Свыкся, знаешь, — хоть и не законная, а все пожалуй и законную за поясъ заткнетъ. — А солдатъ этотъ, братцы, колько бабъ обдулъ на этомъ кладѣ, такъ и счету нѣтъ. — Черезъ годъ, гляжу, приходитъ Дуняшка. Солдатъ-то какъ липку обобралъ ее и истиранилъ... Куда и красота дѣвалась! — Я было опять къ ней... такъ, куда тебѣ?

«— Нѣтъ, говоритъ, Митюша, не трожь, будетъ... Будетъ, говоритъ, золотой мой. Отжила я жисть свою, отжила—отпировала... Теперче и на покой пора.

«А у самой слезы на глазахъ.

«Спрашиваю ее, какъ это было?... Ужь и поразсказала она мнѣ про этого солдата—вотъ голова-то забубенная... Болѣ вѣдь тысячи собралъ онъ на кладъ на этотъ... Можетъ и того бы собралъ болѣ, да въ одномъ селѣ захватили его... Пронюхали какъ-то мужики про эти его обманы, и пристали: «гдѣ, говорятъ, кладъ?» Онъ было шуткой отъ нихъ наровилъ — такъ нѣтъ.... «Укажи», говорятъ.... Онъ было имъ то и это.... «Врешь», говорятъ.... Взяли де связали его... «Виноватъ», говоритъ.... Да міру-то пять ведеръ и поставилъ.... Окромя этого, міръ-то и присудилъ воротить имъ сольскимъ бабамъ, что обобралъ у нихъ.... Такъ, что жь вы думаете? — бабы то — чтобъ спасибо міру-то сказать—ревъ подняли.... Ей-богу....

«— Это, говорятъ, злоба одна да злыдня.... Имъ бы, говорятъ, только вино трескать.... Вислоухіе!... Домовые!... Поклониться-то намъ не хочутъ—черти проклятые.... *Тотъ-то* сожралъ бы васъ, вислоухіе, и съ ногами совсѣмъ.... Обошлись бы и безъ васъ.... Много васъ, чертей-то!...

«И такую, братцы мои, это онѣ брань подняли, хочь святыхъ выноси—ей-богу!... И кольно это въ тѣ поры мужья женъ избили, такъ чай одной не осталось, чтобъ не бита была....

«А солдатъ съ деньгами-то въ губернію пріѣхалъ, да и пошелъ, знаешь, по трактирамъ-кабакамъ, по запретнымъ домамъ,—ей-богу.... Нонѣ пьянъ, значитъ, а завтра и того пьянѣе.... Дѣвокъ началъ таскать съ собой на кватеру-то, а Дуняшка угощай ихъ!... Вотъ домовой-то, погибели на него нѣтъ....

«— А ужь бивалъ-то, Дуняшка говоритъ, смертнымъ боемъ бивалъ, и чѣмъ ни попадя—палкой, такъ палкой, ключомъ, такъ ключомъ... И за что билъ-то? Не люба, говоритъ, ты мнѣ, и почнетъ ругать, да позорить, да заразъ и за косу.... А я только плачу...

«— Говоритъ это Дуняшка, а меня на нее злоба беретъ....

«— Да чего жь ты, говорю, не убѣжала отъ него?

«— Ахъ, говоритъ, Матюша, и не спрашивай!.. Ежели бъ не прогналъ онъ, такъ и теперь чай валандалась бы тамъ.... Тамъ бы и смёрточку принять мнѣ.... Ужь любила-то я его, подлеца, любила-то я его не по-людски ужь....

«— Да вѣдь, сама, говорю, говоришь, какія пакости онъ дѣлалъ, и билъ.

«— Что жь, говоритъ, что билъ? Кто нашу сестру не бьетъ?... Насъ всѣ бьютъ.... Все думала—авось перемѣнится.... Я завсегда вѣдь ему, Матюша, угождала. Я съ него, говоритъ, Матюша, и денегъ не бирала. Только и выпросила, что пять рублей тебѣ тогда....

«Что тутъ говорить еще? Жаль было бабенку.... Въ церкву стала ходить.... Домашніе-то никакъ ею не нахвалятся—такая, говорятъ, послушная, да усердная—золото-баба....

«А тутъ, къ зимѣ-то, мужъ письмо ей прислалъ — на Кавказъ требовалъ....

«— Безъ бабы, говоритъ, мнѣ никакъ нельзя.... Потому, говоритъ, черкесы и прочее.... А командеръ, говоритъ, у насъ — ничего...

«А гдѣ было Дуняшкѣ на Капкасъ? — заходится иномѣсть, да кровью и захаркаетъ.... Должно, въ грудь-то ужь солдатъ колотилъ ее много.... Словно воскъ, братцы мои, таяла.... Даже глядѣть теперче—жалости подобно.... Ей-богу! — Какой тутъ Капкасъ?...

«Пришла весна. Разъ поѣхалъ я на рѣку за водой на самоваръ.... Матушка протопопица Мароа Гавриловна чайку напиться захотѣла съ капитаншею.... Это, должно, съ горя она, что солдатъ-то надулъ — послѣдній срокъ вышелъ, а Дуняшкѣ-то онѣ не вѣрили.... Такъ пріѣзжаю я за водой, знаешь, гляжу, Дуняшка рубахи моетъ.... Ко мнѣ подходитъ....

«— Я, говоритъ, на Капкасъ пойду....

«— Эхъ, не дури, говорю, дѣвка. Какой тебѣ Капкасъ?... Живи тутъ....

«— Нѣтъ, говоритъ, мужъ опять письмо прислалъ — безпремѣнно чтобъ шла.... Пойду, Матюша....

«— Куда жь, говорю, идти тебѣ? Ну, погляди, на что ты похожа?

«— Я, говоритъ, славу Богу теперче... Безпремѣнно пойду...

«А на завтра и померла...»

Ребята молчали. Тишина такая настала—слышно, какъ дѣдъ подъ халатомъ сопитъ.... Каша сварилась, и паръ отъ нея шелъ...

— Эхъ, дѣла, дѣла, проговорилъ одинъ парень.

— Да, малый, дѣла Божьи — судъ царевъ....

— А что, Матвѣй, какъ теперче эта Дуняшка — въ раю ли ей быть, али въ аду?

— А Богъ ее знаетъ.... Тутъ, парень, разумомъ не возьмешь.... Дѣло, братъ, Божье.

— Ну, по человѣчеству ежели?

— А что жь по человѣчеству-то? Чай, слышалъ.... Жила она безъ притворства, безъ обмана. По совѣсти все дѣлала, — что, значитъ, ей совѣсть — то и она.... А впрочемъ, кто ее знаетъ?... Дѣло, говорю, Божье....

Вдругъ, въ тихомъ ночномъ воздухѣ разсыпалась-разметалась, и пошла по рѣкѣ, да по лѣсу звонкая пѣсня:

Вечоръ меня милый цаловалъ, миловалъ.
Цаловалъ—миловалъ, за себя не взялъ,
Только на смѣхъ подмялъ....

— Ребята, дѣвки идутъ!... Ишь, орутъ-то!...
— Пойдемъ на встрѣчу....
— Пойдемъ, ребята, пойдемъ!...
— Ишь, заливаются.... Голосищи-то, голосищи-то!...
— Важно!...

А. СУВОРИНЪ.

ПРОГРЕССЪ.

ИЗЪ БАРБЬЕ.

Напрасно столѣтья встаютъ передъ нами
И предковъ угрюмыя лица;
Напрасно пугаетъ кровавыми снами
Исторіи прошлой страница!

Какіе уроки въ кострахъ погребальныхъ
Отжившаго гнета и муки!
Но ту же дорогу отъ дѣдовъ печальныхъ
Наслѣдуютъ блѣдные внуки....

Давно ли оковы, обвивши цвѣтами,
Какъ дѣти, въ невѣдѣньи дивномъ,
Съ восторженнымъ плескомъ, омыты слезами,
Свободу мы встрѣтили гимномъ?

Но чудная дѣва съ улыбкой страданья
Прошла, какъ волшебная сказка,
Лишь памятны намъ роковыя лобзанья
И дѣвы мертвящая ласка.

Гдѣ жь сны золотые? гдѣ новое знамя
Народнаго счастья и славы?

Надъ нами въ дыму, сквозь зловѣщее пламя
Всталъ призракъ свободы кровавой.

Дни черные встали: свистъ ядеръ, картечи,
Вопль смерти взывающій внятно,
И труповъ простертыхъ безъ звука и рѣчи
Багровыя, черныя пятна.

Кровавой рѣзней опьяненные люди,
Убійцъ не дрожавшія руки,
Штыками пробитыя женскія груди,
Дѣтей окровавленныхъ муки.

Все дряхлое, сгнившее стараго міра
Опять поднялось сквозь обломки,
И станутъ, какъ предки, у праха кумира,
Кумиръ свой разбивши потомки.

ДМ. МИНАЕВЪ.

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА.

«За скорымъ отъѣздомъ распродаются: мебель, зеркала, фарфоровыя и фаянсовая посуда, ножи, вилки и все принадлежащее къ хозяйству. Въ такой-то улицѣ, домъ Воронина, № такой-то, по парадной лѣстницѣ».

«Полицейскія Вѣдомости».

Надо поѣхать — статья подходящая!
Слышится въ этомъ нужда настоящая,
Не попадется ли что нибудь дешево?
Вотъ и поѣхалъ я. Много хорошаго:
Бронза, картины, портьеры все новыя,
Мягкія кресла, диваны отмѣнные.
Только у барыни очи суровыя,
Рѣчи короткія, губы надмѣнныя;
Видимо чѣмъ-то она озабочена,
Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой геніальной обточено
Смуглое личико. Все въ ней плѣнительно:
Тянутъ назадъ ея голову милую

Чорные волосы, сѣткою сжатые,
Дышутъ какою-то сдержанной силою
Ноздри красивыя, въ-верхъ приподнятыя.
Видно, что жгучая мысль безпокойная
Въ сердцѣ кипитъ, на просторъ порывается.
Вся соразмѣрная, гордая, стройная,
Мнѣ эта женщина часто мечтается....

Я отобралъ себѣ вещи прекрасныя,
Но оказалися цѣны ужасныя!
День переждалъ, захожу — то же самое!
Меньше предложишь, такъ даже обидится!...
— Барыня эта — созданье упрямое:
Съ мужемъ, подумалъ я, надо увидѣться.—

Мужъ — господинъ красоты замѣчательной,
Въ гвардіи годъ прослужившій отечеству,
Былъ человѣкъ разбитной, обязательной,
Склонный къ разгулу, къ игрѣ, къ молодечеству, —
Съ нимъ у насъ дѣло какъ разъ завязалося.
Странная драма тогда разыгралася:
Мужа застану — поладимъ скорехонько;
Барыня выйдетъ — ни въ чемъ не сторгуешься,
(Только глазами ея полюбуешься).
Нечего дѣлать! вставалъ я ранехонько
И пока барыня сномъ наслаждалася —
Многое сходно купить удавалося.

У дому ждутъ ломовые извощики,
Въ домѣ толпятся вещей переносщики,
Окна ободраны, стѣны ужь голыя,
У покупателей лица веселыя.
Только у няни глаза заслезилися:
«Вотъ и съ приданымъ своимъ мы простилися»!
Молвила няня.... — Какое приданое?
«Все это взялъ онъ за барышней нашею,
«Вмѣстѣ весной покупали съ мамашею:
«Какъ любовались!...»

Открытие нежданное!
Сказано слово — и все объяснилося!
Вотъ почему такъ она дорожилася!
Бѣдная женщина! Въ позднемъ участіи,
Я проклинаю торгашество пошлое.
Все это куплено съ мыслью о счастіи,
Съ этимъ уходитъ — счастливое прошлое!
Здѣсь ты свила себѣ гнѣздышко скромное,
Каждый здѣсь гвоздикъ вколоченъ съ надеждою....
Ну, а теперь ты созданье бездомное,
Порабощенное грубымъ невѣждою!
Гдѣ не остылъ еще слѣдъ обаянія
Дѣвственной мысли, мечты обольстительной,
Тамъ совершается торгъ возмутительной.
Какъ еще можешь сдержать ты рыданія!
Въ очи твои голубыя, красивыя
Нагло глядятъ торгаши непривѣтные.
Осквернены твои думы стыдливыя,
Проданы съ торгу надежды завѣтныя!...

Няня межь тѣмъ заунывныя жалобы
Шепчетъ мнѣ въ ухо: «Распродали дешево —
«Лишь до деревни доѣхать достало бы.
«Что ужь тамъ будетъ? не жду я хорошаго!
«Баринъ, поди, загуляетъ съ сосѣдями,
«Барыня будетъ одна-одинехонька,
«День-то не веселъ, а ночь-то чернехонька.
«Рядомъ лѣсище — съ волками, съ медвѣдями.»

— Смолкни ты, няня! созданье болтливое,
Не надрывай мое сердце пугливое!
Намъ ли въ диковину сцены тяжелыя?
Каждому трудно живется и дышется.
Чудо, что есть еще лица веселыя,
Чудо, что смѣхъ еще временемъ слышится!...

Баринъ пришелъ — поздравляетъ съ покупкою,
Барыня бродитъ такая унылая;
Съ тихо воркующей, нѣжной голубкою

Я ее сравнивалъ, деньги постылыя
Ей отдавая.... Копѣйка ты бѣдная!
Горе ты, горе! нужда окаянная....

Чуть надъ тобой не заплакалъ я, бѣдная!
Вотъ одолжилъ бы.... Прощай, безталанная!...

Н. НЕКРАСОВЪ.

V.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРОЭКТЪ ПРАВИЛЪ

ДЛЯ НАЙМА СЕЛЬСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Всѣ знаютъ теперь, что значеніе основы, на которой строится весь остальной процессъ политической и гражданской жизни, должно принадлежать экономическимъ отношеніямъ, потому что только чрезъ организацію труда можно установить общественное благосостояніе на прочныхъ началахъ, и что помимо этого никакія политическія и административныя мѣры, ни даже совершенства суда и полиціи, не приведутъ къ разумнымъ результатамъ. Правда, смотря на ходъ европейской политики въ отношеніи къ рабочему, трудно сказать, чтобы законодательства дѣйствовали сообразно такимъ убѣжденіямъ. Вопросъ о работникѣ вездѣ стараются только отстранить, а не рѣшить.

Но вовсе не вѣра въ совершенство своихъ законодательствъ заставляетъ западныя общества поддерживать ихъ ложныя основанія. Вѣра эта давно исчезла, остались привилегированные слои общества, готовые защищать до конца свои интересы; но ни одинъ изъ нихъ не признаетъ, въ глубинѣ совѣсти, справедливости выгоднаго ему быта. Защищаетъ ее развѣ только купленная схоластика, пользующаяся подаяніями того общества, которое само ей не вѣритъ, хоть и будетъ поддерживать ее до конца.

При такомъ положеніи дѣла ясно, что западныя законодательства относительно рабочихъ классовъ неудовлетворительны.

Такъ ли была понята наша задача въ русской ученой литературѣ, знаетъ самъ читатель. Сводимъ счеты и съ тяжелымъ чувствомъ убѣждаемся, что діапазонъ, данный въ самомъ началѣ крестьянскаго дѣла помѣщикомъ Бланкомъ и публицистомъ Ржевскимъ, остался неизмѣненъ. Только какъ будто уменьшилось въ послѣднее время общее сочувствіе къ трудамъ, совершаемымъ въ духѣ этихъ публицистовъ. Вотъ и вся капля утѣшенія, которую можно извлечь изъ взгляда на ходъ практическихъ вопросовъ. Будемъ видѣть въ этомъ фактѣ слабый признакъ, что если неспособны къ развитію наши ученые представители практическихъ улучшеній, то можетъ перерости ихъ большинство читателей; а пока будемъ дѣлать что возможно, чтобы способствовать такой перемѣнѣ. Лучшимъ доказательствомъ безплодности направленія, которое мы отвергаемъ, служатъ практическіе труды, выработываемые при непосредственномъ содѣйствіи нашихъ ученыхъ авторитетовъ. Въ нихъ приходится постоянно бороться съ однимъ и тѣмъ же недостаткомъ — безотчетнымъ списываніемъ западныхъ установленій, и встрѣчать совершенный разладъ между цѣлію и средствами. Такъ было съ трудами коммиссіи о земскихъ банкахъ, потомъ съ трудами коммиссіи для устройства податей и земскихъ сборовъ, тоже наконецъ повторилось и въ проэктѣ правилъ для найма сельскихъ рабочихъ, который теперь передъ нами.

Проэктъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ составлялся въ виду предстоящей замѣны издѣльной повинности вольнонаемнымъ трудомъ. Потому кругъ устроиваемаго улучшенія въ бытѣ работника былъ ограниченъ при самомъ постановленіи вопроса. Вольнонаемный трудъ, сколько извѣстно, не составляетъ еще удовлетворительной экономической формы, онъ не равносиленъ труду хозяина. Но мысль о замѣненіи вольнонаемнаго труда трудомъ хозяина называется утопіей, и потому мы принуждены разбирать проэктъ съ точки зрѣнія такъ-называемыхъ возможныхъ улучшеній, чтобы убѣдиться, насколько и эти возможныя улучшенія оказываются неосуществимыми, благодаря тому направленію, которому мы обязаны статьями о средствахъ къ развитію пролетаріата и проч.

Коммиссія, составлявшая проэктъ, повидимому, признавала въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ о наймѣ слѣдующіе главные недостатки:

1) Стѣснительность нашей паспортной системы; 2) непризнаніе силы словесныхъ договоровъ и затруднительность формальнаго заключенія договоровъ письменныхъ, и наконецъ 3) произволство

дѣлъ о нарушеніи письменныхъ договоровъ общимъ полицейскимъ и судебнымъ порядкомъ.

Этимъ тремъ предметамъ соотвѣтствуютъ главные отдѣлы проэкта.

Для избѣжанія этихъ трехъ существенныхъ недостатковъ, проэктъ полагаетъ сдѣлать слѣдующія измѣненія въ нынѣ дѣйствующихъ общихъ правилахъ относительно найма:

1) Ввести рабочія книжки и рабочіе листы, не замѣняя однако ими паспортовъ; 2) придать силу словеснымъ договорамъ наравнѣ съ письменными, и не стѣснять заключенія послѣднихъ особыми формальностями; 3) производство дѣлъ по найму сельскихъ рабочихъ подчинить вѣдомству мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ.

Относительно подчиненія дѣлъ по найму разбирательству мировыхъ посредниковъ слѣдуетъ замѣтить, что мѣра эта, вытекая сама собой изъ существа мировыхъ учрежденій, была уже, такъ сказать, предрѣшена высочайше утвержденными Положеніями 19 февраля 1861 г., и потому не составляетъ въ сущности нововведенія; затѣмъ остается разсмотрѣть только предположенія проэкта: 1) о введеніи рабочихъ книжекъ; 2) о разрѣшеніи словесныхъ договоровъ и облегченіи порядка совершенія письменныхъ условій найма. Начинаемъ съ рабочихъ книжекъ.

Вольнонаемный трудъ, каковы бы ни были у насъ до сихъ поръ его отношенія къ труду обязательному и крѣпостному, несомнѣнно существовалъ не только среди городскаго и промышленнаго, но также и среди сельскохозяйственнаго быта. Онъ никакъ не можетъ быть названъ нововведеніемъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, богатыхъ землей и бѣдныхъ руками, онъ давно уже составлялъ на ряду съ крѣпостнымъ трудомъ существенную поддержку помѣщичьихъ хозяйствъ. Такъ весь новороссійскій край издавна привлекалъ къ себѣ ежегодно значительное число работниковъ, жнецовъ и землепашцевъ изъ другихъ, даже весьма отдаленныхъ губерній. Кромѣ того нѣкоторыя мѣстности имперіи, давно уже и при крѣпостномъ правѣ, высылали на извѣстное время въ году весьма значительную долю своего крестьянскаго населенія въ заработки по спеціальнымъ промысламъ, находящимся въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ. Такъ отдѣльныя мѣстности поставляли едва ли не на всю Россію землекоповъ, каменщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ и т. д. Крайняя неравномѣрность средствъ къ пропитанію была конечно главной причиной развитія такого порядка. Въ областяхъ, имѣвшихъ избытокъ и дешевизну рукъ, при недостаткѣ ихъ въ другихъ частяхъ государства, оброкъ сдѣлался выгоднѣйшимъ для по-

мѣщика средствомъ полученія доходовъ. Крестьянинъ, вынужденный бѣдностію земли, поневолѣ уходилъ куда могъ на сторону искать вспомогательныхъ средствъ существованія во время свободное отъ мѣстной домашней работы, а оставшаяся за нимъ осѣдлость, семья и поле возвращали его назадъ къ извѣстному сроку. Такъ среди полнаго дѣйствія крѣпостнаго права образовалась у насъ, сама собою, особая система вольнонаемнаго труда и свой общественный типъ работника, въ одно и то же время и кочеваго и осѣдлаго. На Западѣ этотъ типъ развитъ гораздо менѣе. Западный сельскій работникъ вообще только работникъ; у насъ классъ бобылей или батраковъ весьма ограниченъ; по этому одному личность нашего сельскаго работника представляла болѣе нравственныхъ и политическихъ гарантій, чѣмъ личность западнаго, а потому и меньше нуждалась въ полицейскихъ стѣсненіяхъ. Паспортная система у насъ имѣла только фискальный и крѣпостной смыслъ, давая доходъ казнѣ и обезпеченіе помѣщику и общинѣ въ исправной уплатѣ оброка и отправленіи барщины. Гораздо менѣе интереса представляла паспортная система для лицъ, нуждавшихся въ работникахъ, и потому нарушалась ими тѣмъ легче, чѣмъ необходимѣе были рабочія руки. Такъ она оставалась на дѣлѣ почти мертвой буквой для цѣлаго новороссійскаго края, служа тамъ лишь источникомъ незаконныхъ доходовъ для мелкихъ властей и для составителей фальшивыхъ видовъ. Но и для самыхъ помѣщиковъ врядъ ли паспортъ служилъ существеннымъ обезпеченіемъ; главнымъ ихъ обезпеченіемъ было во всякомъ случаѣ то, что у отлучавшагося оставались неотъемлемый кровъ, поле и семья, къ которымъ онъ возращался, и эта семья оставалась во всякомъ случаѣ въ распоряженіи владѣльца. Съ упраздненіемъ крѣпостнаго права не отмѣнились эти условія, дѣлавшія изъ нашей паспортной системы излишнее ярмо; напротивъ, они должны получить еще болѣе значенія.

Если крѣпостной кровъ, поле и усадьба служили достаточной притягательной силой для работника, отправляющагося въ заработки, и дѣлали его все-таки осѣдлымъ человѣкомъ, то нѣтъ причины думать, чтобы свободный клочокъ земли и свободная усадьба могли служить меньшимъ отводомъ отъ бродяжничества. А съ упраздненіемъ крѣпостнаго права естественно долженъ увеличиться запросъ на вольнонаемный трудъ, потому и усилится неразборчивость нанимателей относительно полицейскихъ формальностей.

Вслѣдствіе такихъ причинъ наша паспортная система не могла быть удержана безъ явнаго стѣсненія; она и подвергнута въ настоящее время пересмотру особой коммиссіи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

При такомъ положеніи дѣла, введеніе какихъ либо новыхъ до-

полнительныхъ видовъ, или спеціальныхъ рабочихъ свидѣтельствъ можетъ быть допущено, конечно, только съ крайней осмотрительностію: ясно, что, въ случаѣ удержанія паспортовъ въ какомъ бы то ни было видѣ, вводить новыя, независимыя отъ паспортовъ рабочія свидѣтельства значило бы прямо усложнять паспортную систему, облегченіе которой было первой задачей проэкта. Если же предположить совершенную отмѣну паспортовъ съ замѣной ихъ новымъ спеціальнымъ видомъ рабочихъ свидѣтельствъ, то эти свидѣтельства въ свою очередь могли бы стать настолько же, или даже болѣе стѣснительными, чѣмъ прежніе паспорты, и самое дѣло чрезъ это не было бы подвинуто ни на шагъ впередъ.

Ближе разсматривая постановленія проэкта, не трудно убѣдиться, что дѣйствительно таковы должны быть послѣдствія рабочихъ книжекъ, если онѣ будутъ введены въ томъ видѣ, какъ онѣ предположены.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о паспортахъ, проэктъ полагаетъ обязать собственно сельскихъ рабочихъ, на случай найма, брать особыя рабочія книжки, выдаваемыя изъ волостныхъ правленій, ратушъ и думъ, съ платою по 5 к. с. Книжки эти должны быть о двухъ графахъ: въ первой означается—когда и у кого нанялся работникъ, и во второй ставится отмѣтка хозяина о томъ, что онъ правильно разсчитался. Книжки не замѣняютъ паспортовъ, и только должны служить рабочимъ вмѣсто видовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по дѣйствующимъ законамъ не полагалось требовать паспортовъ отъ рабочихъ.

Итакъ по проэктированной системѣ въ одномъ случаѣ работникъ обязанъ будетъ имѣть два свидѣтельства, вмѣсто одного достаточнаго прежде; во второмъ — человѣкъ, вовсе не стѣсненный до сихъ поръ обязанностью имѣть какой либо видъ, будетъ подчиненъ теперь этой обязанности. Въ этомъ ли будетъ состоять облегченіе?

Кромѣ того проэктъ предположилъ ввести еще новый видъ актовъ въ формѣ разсчетныхъ листовъ, которые должны выдаваться каждый разъ нанимателемъ работнику взамѣнъ рабочихъ книжекъ, остающихся на все время найма въ рукахъ нанимателя.

Итакъ отношенія, для которыхъ прежде считалось достаточнымъ одного акта, т. е. *паспорта*, будутъ требовать трехъ отдѣльныхъ письменныхъ свидѣтельствъ.

Среди народа, между которымъ столь мало распространена грамотность, такое усложненіе письменныхъ формальностей, конечно, трудно назвать облегченіемъ. Спрашивается затѣмъ, насколько нововведенія эти могутъ быть оправданы своими особыми основаніями съ точки зрѣнія самихъ рутинистовъ.

Рабочія книжки вводятся съ цѣлію обезпечить правильный разсчетъ работника съ хозяиномъ, но цѣль эта могла быть достигнута и безъ особенныхъ книжекъ: можно дѣлать тѣ же отмѣтки на паспортѣ, не затрудняя волостныя правленія ни заготовкой особыхъ бланковъ, ни особымъ дѣлопроизводствомъ. Но нельзя одобрить и самой цѣли, для которой вводятся книжки: отмѣтки этого рода, въ какомъ бы видѣ ни были допущены, дали бы рѣшительный просторъ произволу нанимателя и отдали бы крестьянина въ новую крѣпостную зависимость. Наниматель можетъ сдѣлать отмѣтку во вредъ работнику, или даже отказаться дать ее вовсе подъ разными предлогами. Онъ можетъ заявить, напримѣръ, что хотя рабочій и пробылъ у него извѣстное число дней, но работалъ меньшее число часовъ въ сутки противъ условленнаго. Такія стѣсненія повлекутъ за собою судебное разбирательство, которое, какъ бы ни было быстро, потребуетъ извѣстнаго времени, а между тѣмъ дѣло можетъ происходить въ горячую рабочую пору, и работникъ можетъ быть уже ранѣе обязался прибыть на новую работу къ извѣстному сроку. Онъ не исполнитъ обязательства, это неисполненіе обратится и ему и новому нанимателю въ явный ущербъ, который трудно вознаградить какимъ бы-то ни было искомъ объ убыткахъ.

Если старая система паспортовъ оказалась уже и при прежнемъ порядкѣ вещей стѣснительною и даже почти вовсе непримѣнимою къ цѣлому краю, если она вела только къ напраснымъ злоупотребленіямъ, то при увеличивающейся потребности на рабочія руки, вдвое или втрое усложненная система останется еще болѣе безъуспѣшною. Она осталась бы безъуспѣшною и тогда, еслибы ради упрощенія всей системы при введеніи рабочихъ книжекъ отмѣнены были паспорты. Поддѣлка документовъ стала бы еще болѣе легкою, и обезпеченіе нанимателей въ правильномъ разсчетѣ осталось бы однимъ канцелярскимъ обольщеніемъ. Контроль въ этомъ случаѣ, возможный надъ городскимъ или фабричнымъ работникомъ, положительно невозможенъ надъ сельскимъ работникомъ, особенно у насъ, гдѣ работникъ можетъ обходить значительныя пространства, увѣренный вездѣ почти найти заработки.

Этотъ контроль возможенъ лишь въ мѣстахъ густо населенныхъ, гдѣ существуетъ избытокъ рабочихъ рукъ, гдѣ дальнее передвиженіе представляетъ мало выгодъ, гдѣ работники болѣе связаны своимъ настоящимъ мѣстомъ работы. Но тамъ это самое обстоятельство служитъ ручательствомъ правильныхъ разсчетовъ рабочихъ съ хозяевами. Поэтому Англія не нуждается ни въ какихъ разсчетныхъ книгахъ для своихъ работниковъ. Мы сказали, что контроль этотъ возможенъ у насъ только надъ городскими и фабричными работни-

цами, которые должны вмѣститься въ одномъ мѣстѣ, такъ что обиженный хозяинъ всегда имѣетъ возможность преслѣдовать неисправнаго работника на ближайшей фабрикѣ. Спрашивается, какой контроль будетъ возможенъ среди нашихъ селъ при пятидесятиверстномъ разстояніи отъ усадьбы до усадьбы, или, возможенъ ли онъ надъ бѣлорусскимъ работникомъ, который копалъ колодезь въ Крыму, потомъ переѣхалъ въ Одессу и возвратился на родину?

Даже и на Западѣ, въ странахъ гораздо болѣе заселенныхъ, какъ напримѣръ Франція—откуда коммиссія очевидно взяла предположеніе о рабочихъ книжкахъ,—книжки эти, имѣя по закону 1854 г. силу паспортовъ, введены лишь для городскихъ и фабричныхъ работниковъ. То же установленіе относительно сельскихъ работниковъ здѣсь было предлагаемо нѣсколько разъ, и каждый разъ отвергалось, стало быть были въ этихъ проэктахъ неудобства, непозволявшія дать имъ дальнѣйшаго хода.

Кромѣ того, даже во Франціи, гдѣ подобныя книжки введены только для фабричныхъ работниковъ, онѣ существуютъ на условіяхъ гораздо менѣе стѣснительныхъ, чѣмъ предположено для насъ. Тамъ, во-первыхъ, положительно воспрещается хозяину дѣлать въ книжкахъ какія либо аттестаціи о поведеніи работника; въ нашемъ проэктѣ объ этомъ умалчивается. Далѣе, тамъ хозяинъ, принявшій работника безъ книжки, облагается штрафомъ отъ 1 фр. до 15 фр., между тѣмъ какъ по нашему проэкту хозяинъ подвергается или взысканію штрафа, равняющагося суммѣ, слѣдующей рабочему за все незажитое имъ у прежняго нанимателя время, или же, если прежній наниматель признаетъ этотъ штрафъ недостаточнымъ, то отвѣтствуетъ въ понесенныхъ имъ чрезъ самовольную отлучку рабочаго убыткахъ. Такая отвѣтственность превосходитъ, конечно, всякую мѣру строгости.

Наконецъ, во Франціи законъ избавляетъ отъ обязанности имѣть книжки тѣхъ работниковъ, которые состоятъ членами общества взаимнаго вспомоществованія. Спрашивается, насколько обязательны должны быть по нашему проэкту рабочія книжки при работахъ, отправляемыхъ артелями отъ сельскихъ обществъ? На этотъ вопросъ проэктъ не даетъ отвѣта.

Во Франціи, гдѣ введены книжки для фабричныхъ работниковъ, употребленіе книжекъ не сопряжено съ тѣми неудобствами въ случаѣ ихъ потери или вообще необходимости замѣнять старую книжку новой, съ какими оно должно быть сопряжено у насъ: тамъ, гдѣ мѣсто осѣдлости работника почти всегда совпадаетъ съ мѣстомъ его работы, замѣна старой книжки новою представляется, конечно, гораздо болѣе легкой, чѣмъ у насъ, гдѣ работникъ отходитъ для зара-

ботокъ за сотни верстъ отъ мѣста своего постояннаго водворенія. Между тѣмъ въ проэктѣ обстоятельство это совершенно упущено изъ вниманія. Онъ предполагаетъ постановить, что когда испишется первая рабочая книжка, то рабочему выдается новая, а рабочій, потерявшій рабочую книжку, обязанъ немедленно заявить о томъ мѣстной полиціи и указать мѣсто послѣдняго найма. Полиція, по надлежащемъ удостовѣреніи, выдаетъ рабочему свидѣтельство съ обозначеніемъ отзыва послѣдняго нанимателя; это свидѣтельство рабочій представляетъ въ то мѣсто, откуда была выдана прежняя книжка, для полученія новой.

Положимъ теперь, что работникъ изъ Тульской или Орловской губерніи зашелъ въ Херсонскую или Екатеринославскую, что случается довольно часто, и здѣсь у него исписалась или утратилась книжка. Спрашивается, въ какое онъ поставленъ положеніе означенными правилами? По смыслу приведенной статьи онъ долженъ явиться въ екатеринославскій земскій судъ и заявить о пропажѣ. Судъ будетъ требовать отъ помѣщика, у котораго онъ работалъ, удостовѣреніе о пропажѣ книжки, и за тѣмъ напишетъ рабочему свидѣтельство о томъ, что онъ дѣйствительно кончилъ разсчетъ, и что книжка его затерялась. Сколько пройдетъ на это времени, и что въ это время долженъ дѣлать рабочій, не имѣя возможности по закону наняться въ другомъ мѣстѣ за неимѣніемъ книжки? Наконецъ, по полученіи свидѣтельства, рабочій вмѣсто того, чтобы продолжать заработки, долженъ будетъ отправиться изъ Екатеринославля, положимъ, въ каширскій уѣздъ Тульской губерніи для полученія новой рабочей книжки.

Но вѣдь рабочій заранѣе могъ заключить условіе, по которому обязался начать работу съ извѣстнаго числа у другаго хозяина. И такъ онъ долженъ будетъ нарушить это условіе по случаю потери книжки; а новый наемщикъ, который нарочно законтрактовалъ его ранѣе, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить себя въ рабочихъ рукахъ, понесетъ убытокъ, котораго будетъ вправѣ искать съ работника, особенно если новое условіе было обезпечено неустойкой. Сколько должно произойти отсюда убытковъ и стѣсненій для обѣихъ сторонъ, и кѣмъ и когда будетъ исполняться такой порядокъ?

Ясно, что предположенная проэктомъ система можетъ только стать усложненіемъ паспортнаго порядка и отдать крестьянъ въ новую крѣпостную зависимость всякому нанимателю; что эта система книжекъ, списанная съ тѣснаго крупа городскаго фабричнаго быта, и непримѣненная къ сельскому ни однимъ европейскимъ законодательствомъ, рѣшительно несовмѣстна съ широкой, кочевой системой заработковъ, развившейся въ Россіи. Теперь самъ собой возникаетъ

наконецъ вопросъ: есть ли, дѣйствительно, какая либо основательная причина вводить, не говоря уже о рабочихъ книжкахъ, какія либо полицейскія мѣры подобнаго порядка и было ли бы это даже справедливо?

Исключительная цѣль проэкта—обезпеченіе правильнаго разсчета работника съ нанимателемъ. Спрашивается: насколько интересъ нанимателя не обезпечивается въ этомъ случаѣ другими средствами? До сихъ поръ эти средства дѣйствительно считались недостаточными съ точки зрѣнія нанимателей; законъ вовсе не ограждалъ словесныхъ сдѣлокъ, между тѣмъ какъ всѣ наймы совершались на дѣлѣ словесно. Тутъ единственнымъ огражденіемъ правильнаго разсчета служилъ паспортъ, который на время найма оставался въ рукахъ нанимателя; но часто наймы обходились и безъ такой предосторожности. Теперь предполагается дать законную силу словеснымъ сдѣлкамъ, облегчить договоры письменные и оградить тѣ и другіе ускореннымъ разбирательствомъ. Словомъ, нанимателямъ предоставляются тѣ гражданскія гарантіи, которыя можетъ дать законодательство, не выходя изъ обыкновеннаго круга гражданскихъ мѣръ; а нововведеніе въ родѣ рабочихъ книжекъ было бы выходящей изъ обыкновеннаго порядка полицейской мѣрой, стѣсняющей одинъ классъ,—классъ самый бѣдный, классъ работниковъ въ пользу класса нанимателей, и безъ того во всѣхъ отношеніяхъ болѣе обезпеченнаго. Какой чрезвычайной необходимостью оправдывалась бы такая мѣра, которая на другой день дарованія крестьянамъ общихъ гражданскихъ правъ налагала бы на эти права новыя стѣсненія?

Переходимъ теперь къ предположеніямъ проэкта о томъ, какъ облегчить порядокъ совершенія договоровъ по найму.

Проэктъ допускаетъ заключеніе словесныхъ договоровъ въ присутствіи свидѣтелей, и за тѣмъ представляетъ рядъ правилъ о заключеніи письменныхъ договоровъ.

Чтобы опредѣлить, въ какой степени проэктируемыя правила могутъ достигнуть своей цѣли, коммиссіи прежде всего предстояло рѣшить вопросъ: какого рода сдѣлки, письменныя или словесныя, болѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ сельскихъ наемщиковъ и работниковъ, и на этомъ основаніи сообразить, которымъ изъ нихъ должно принадлежать главное мѣсто въ дѣйствительности. Отъ разрѣшенія этого вопроса должна была зависѣть степень вниманія проэкта къ сдѣлкамъ того или другаго рода. Такъ, если совершеніе письменныхъ актовъ можетъ стать дѣйствительно общимъ порядкомъ въ дѣлахъ по найму, то нѣтъ необходимости давать особенный просторъ сдѣлкамъ словеснымъ, и наоборотъ; въ противномъ случаѣ должно быть обращено особенное вниманіе на опредѣле-

ные порядки словесныхъ сдѣлокъ. При этомъ, повидимому, нельзя было забыть, что заключеніе письменныхъ договоровъ съ сельскими работниками, даже въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе распространена грамотность, какъ напримѣръ въ Англіи, составляетъ рѣдкость. Въ этихъ странахъ, гдѣ осѣдлость работника опредѣляется мѣстомъ его насущной работы и вся земля обработывается чужими руками, гдѣ всякій землепашецъ есть непремѣнно чей нибудь работникъ, установились свои обычные сроки и условія найма, которыя дѣлаютъ излишнимъ заключеніе письменныхъ договоровъ. Въ Англіи наемъ сельскихъ работниковъ считается обыкновенно отъ Михайлова дня до Михайлова дня слѣдующаго года, а наемъ слугъ помѣсячно. Во Франціи точно такъ же наемъ сельскихъ работниковъ существуетъ почти исключительно въ одной словесной формѣ; даже условія съ рядчиками заключаются обыкновенно безъ письменныхъ формальностей. Мы уже говорили, что у насъ существовалъ до сихъ поръ вольнонаемный трудъ въ довольно значительномъ размѣрѣ, и существовалъ также безъ письменныхъ договоровъ, несмотря на то, что законы наши отказывались до сихъ поръ отъ всякаго обезпеченія словесныхъ сдѣлокъ.

А если взять въ разсчетъ отношенія грамотности у насъ и на Западѣ, то очевидно будетъ, что письменные договоры едва ли могутъ получить серьёзное примѣненіе въ нашемъ сельско-хозяйственномъ бытѣ, и что одни лишь облегченія формальной стороны, къ которымъ стремился проэктъ, не могутъ быть достаточнымъ побужденіемъ къ предпочтенію письменныхъ сдѣлокъ словеснымъ. Какъ бы ни были облегчены формальности заключенія письменной сдѣлки, она всегда будетъ представлять болѣе хлопотъ и затрудненій, и нужно, чтобы хлопоты эти вознаграждались какими нибудь преимуществами. Особенно явны должны быть эти преимущества у насъ, гдѣ заключеніе всякаго письменнаго акта справедливо представляется для крестьянина рискомъ, потому что гдѣ замѣшана письменность, тамъ грамотный естественно будетъ имѣть перевѣсъ передъ неграмотнымъ. Крестьянинъ инстинктивно долженъ поэтому быть недовѣрчивъ къ письменнымъ сдѣлкамъ. И склонить его въ ихъ пользу могутъ лишь слишкомъ осязательныя прямыя выгоды. Выгоды же эти заключаются не въ одномъ облегченіи внѣшнихъ формальностей, но и въ существѣ правъ, предоставленныхъ договорами той и другой изъ договаривающихся сторонъ. Внѣшнія формальности письменныхъ сдѣлокъ дѣйствительно облегчаются проэктомъ, но подробнѣе разсматривая предположенныя правила со стороны ихъ сущности, нельзя не замѣтить, что въ нихъ не только не уравновѣшиваются положенія двухъ договаривающихся сторонъ, но

даже дается замѣтное преимущество нанимателю. Въ этомъ отношеніи, однимъ изъ самыхъ важныхъ и затруднительныхъ вопросовъ при опредѣленіи договорныхъ отношеній законодательнымъ порядкомъ составляетъ вопросъ о преждевременномъ кассированіи договора.

Особенно важенъ этотъ вопросъ у насъ, при вошедшемъ въ обычай отсутствіи всякаго признанія неприкосновенности договора, возбуждавшемъ до сего времени жалобы со стороны нанимателей. По новому проэкту такое кассированіе предоставлено въ извѣстныхъ случаяхъ мировому посреднику, и однимъ изъ такихъ случаевъ признано: когда наниматель, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не въ состояніи содержать прежняго числа работниковъ или служителей.

Правило это взято изъ фабричнаго порядка. Оно существуетъ въ Англіи, гдѣ положеніе сельскаго работника, по густотѣ заселенія и по самому характеру земледѣлія, весьма близко подходитъ къ положенію работника фабричнаго. Оно существуетъ на томъ одностороннемъ основаніи, что фабриканты подвержены ежедневнымъ непредвидѣннымъ коммерческимъ кризисамъ, среди которыхъ вдругъ останавливаются работы по извѣстному отдѣлу производства; но даже и въ Англіи это правило, какъ бы оно ни было несправедливо само по себѣ, все-таки обезпечивается положительнымъ запрещеніемъ хозяину замѣнять отходящихъ работниковъ новыми; а условія фабричнаго производства и судебныя средства страны даютъ работникамъ въ этомъ случаѣ извѣстную возможность контроля надъ хозяиномъ и удовлетворенія въ случаѣ его злоумышленности. Въ нашемъ проэктѣ это право нанимателя не ограничивается никакими условіями. Понятно, какія послѣдствія должно имѣть для крестьянъ такое право нанимателя въ нашемъ быту. Иными словами: тутъ постановляется ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что нанявъ работника по письменному договору, наниматель будетъ вправѣ всегда уволить его подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ лишній. Мало того, онъ можетъ сдѣлать лучше. Нанявъ крестьянина за извѣстную плату, онъ можетъ пользоваться этимъ правомъ, какъ угрозой, чтобы заставить крестьянина во всякое время согласиться на сбавку. Онъ можетъ нанять въ чужой губерніи цѣлую артель, которая къ нему придетъ за нѣсколько сотъ верстъ, и потомъ отозваться невозможностію содержать ее. Словомъ, означенной статьей работникъ отдается совершенно въ руки нанимателя. Йза-за какихъ выгодъ или гарантій послѣ этого крестьянинъ предпочтетъ письменный договоръ словесному? что онъ выиграетъ отъ этого? Кажется, что давъ такое право нанимателю, коммиссія уже вовсе не могла разсчитывать, чтобы письменные договоры стали у насъ въ большомъ ходу, несмотря на

тѣ формальныя облегченія, которыми она старалась ихъ обставить. Главное и, вѣроятно, почти исключительное значеніе будутъ имѣть договоры *словесные*. Но если за нанимателемъ сохранится возможность во всякое время уничтожить договоръ, то врядъ ли крестьянинъ будетъ побужденъ держаться своего слова крѣпче, чѣмъ это было у него до сихъ поръ въ обычаѣ. Всякое преимущество нанимателя будетъ вести крестьянина къ слабому исполненію обязанности, и только совершенная равноправность обѣихъ сторонъ можетъ дать какую нибудь нравственную силу условіямъ; иначе крестьянинъ или будетъ прямо не исполнять условленнаго, или вовсе отказываться отъ всякихъ договоровъ, что вмѣсто пользы обратится во вредъ самимъ нанимателямъ.

Обращаясь спеціально къ постановленію проэкта о словесныхъ договорахъ, замѣтимъ, что словесные договоры уже и прежде составляли у насъ главное основаніе вольнонаемнаго труда, а потому одно ихъ введеніе въ законную силу не представляетъ еще само по себѣ ощутительнаго облегченія, если придавая формальную силу этимъ условіямъ и распространяя ее на всѣ виды наймовъ, законъ не сообразитъ и не предупредитъ тѣхъ невыгодныхъ для той или другой изъ договаривающихся сторонъ послѣдствій, которыя могутъ проистекать изъ особаго характера той или другой словесной сдѣлки, по неизбѣжной неопредѣленности словесныхъ договоровъ вообще. Слѣдовало обратить вниманіе прежде всего на тѣ различные виды словесныхъ наймовъ, которые существуютъ уже на практикѣ, то есть, на различіе простыхъ наймовъ отъ подрядныхъ, издѣльныхъ и наймовъ артелями. Это было бы тѣмъ легче для коммиссіи, что иностранныя законодательства, гдѣ словеснымъ условіямъ давно данъ большой просторъ, также дѣлаютъ нѣкоторое различіе между наймомъ личнымъ на всякаго рода работу и наймомъ подряднымъ на издѣльную работу.

Въ этомъ отношеніи, у насъ слѣдовало обратить вниманіе на особый родъ найма черезъ рядчиковъ, чтобы оградить крестьянъ отъ ихъ злоупотребленій. Нынѣшній порядокъ этого рода наймовъ представляется крайне неудовлетворительнымъ. Всѣ условія заключаются непосредственно между нанимателями и рядчикомъ, который обязуется поставить отъ себя къ извѣстному сроку рабочихъ и забираетъ на нихъ деньги. Случается, что рядчикъ или не въ состояніи будетъ нанять рабочихъ за цѣну, на какую разсчитывалъ, и потому обѣщавъ имъ высшую, не въ состояніи бываетъ съ ними разсчитаться,—или принявъ забранныя деньги, вовсе не разсчитываетъ рабочихъ, а деньги оставляетъ у себя.

Судя по характеру нашего сельскаго быта, коммиссія могла ду-

мать, что значительная часть собственно сельскихъ работъ будетъ отправляться у насъ по найму подряднымъ порядкомъ цѣлыми огулами, артелями или такими рядчиками, которые будутъ уже поставлять рабочихъ отъ себя, а обыкновенный наемъ будетъ имѣть почти исключительное значеніе въ наймѣ прислуги.

На эти виды найма должно было бы потому обратить особенное вниманіе. Между тѣмъ въ проэктѣ объ нихъ упоминается только между прочимъ, а о наймѣ чрезъ рядчиковъ даже не упоминается вовсе. Неполнота эта можетъ повести къ безпрестаннымъ недоразумѣніямъ и ущербамъ.

Сознавая всю существенную важность словесныхъ наймовъ и необходимость дать имъ какъ можно болѣе простора, нѣкоторые рутинисты изыскивали особыя средства придать какъ можно болѣе формальной силы и опредѣленности этого рода наймамъ, безъ отягощенія договаривающихся, и тѣмъ хотя на первое время сдѣлать вполнѣ удовлетворительными словесныя сдѣлки по всякаго рода наймамъ, какъ для нанимателей, такъ и для работниковъ. Въ этомъ отношеніи обращали вниманіе на 107 ст. XI Т. Уст. фабр., которая предоставляетъ на волю хозяину заключать съ работниками письменныя условія, или замѣнять ихъ выдачей работникамъ разсчетныхъ листовъ. Этотъ упрощенный способъ условій весьма распространенъ и на фабрикахъ, и въ наймахъ для другихъ работъ. Книжки изготовляются въ полицейскомъ управленіи и продаются по доступной цѣнѣ (10 к. с.). На заглавномъ листѣ между бланками означаются вкратцѣ каждый разъ условія найма, книжки находятся въ рукахъ работниковъ и представляются каждый разъ нанимателю или конторщику для разсчетныхъ отмѣтокъ.

Несложная форма условій этого рода и довѣріе, которымъ онѣ пользуются въ рабочемъ классѣ, служили для нѣкоторыхъ доказательствомъ, что онѣ приспособлены къ надобностямъ рабочихъ. Этими книжками полагали воспользоваться, какъ дополненіемъ словесныхъ сдѣлокъ, которое давало бы послѣднимъ силу письменныхъ условій; думали такимъ образомъ безъ всякихъ стѣсненій мало по малу вытѣснить изъ употребленія чисто словесные наймы. Если бы при томъ употребленіе разсчетныхъ книжекъ было необязательно, то онѣ можетъ быть и вошли бы въ обычай между сельскими рабочими, давая словесному договору всѣ выгоды письменныхъ сдѣлокъ и почти вовсе не усложняя словесныхъ сдѣлокъ.

Но въ проэктѣ опять упущено изъ виду то существенное значеніе, которое другіе думали придать разсчетнымъ книжкамъ. Правда, вводятся разсчетные листы, но значеніе ихъ совершенно другое. Они вовсе не замѣняютъ письменныхъ условій и даже не имѣютъ ихъ

характера. Выдавать ихъ постановляется безразлично всѣмъ работникамъ, независимо отъ того, работаютъ они по письменному или словесному условію. Они не свидѣтельствуютъ объ условіяхъ, на которыхъ наняты рабочіе, а служатъ лишь для повѣрки разсчетовъ между хозяиномъ и работникомъ, составляя какъ бы вторую подробную рабочую книжку, не болѣе. Въ такомъ видѣ они, конечно, не могутъ отвѣчать требованіямъ, которыя нами указаны.

Изложенныя соображенія имѣли цѣлью показать, что всѣ условія, необходимыя съ точки зрѣнія самой рутины для достиженія цѣлей коммиссіи, упущены изъ виду въ проэктѣ. Права договаривающихся сторонъ опредѣляются въ немъ очень неравномѣрно, такъ что крестьяне должны подвергнуться полному произволу нанимателей.

Таковы главныя положенія проэкта; нужно ли входить въ его подробности и упоминать, напримѣръ, о постановленіяхъ, которыя предписываютъ работнику обходиться почтительно съ хозяиномъ, а хозяина убѣждаютъ платить за то человѣколюбіемъ. Не говоря о томъ, что такія постановленія врядъ ли могутъ служить къ чему нибудь, невольно спрашиваешь: отчего же въ одномъ случаѣ предписывается почтеніе, а въ другомъ человѣколюбіе? Какъ же согласить это различіе съ общими постановленіями о сословной равноправности?

Но мы не хотимъ вдаваться въ мелочи. Пусть по главнымъ чертамъ проэкта, разобраннымъ нами, разсудитъ самъ читатель: станетъ ли легче русскому рабочему отъ подобныхъ правилъ, или станетъ ему можетъ быть хуже. Дальнѣйшія же подробности проэкта предоставимъ разбирать другимъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МОСКОВСКОЕ СЛОВЕНСТВО.

(Сочиненія *И. Кирѣевскаго*. Т. I. II. Москва. 1861.
Сочиненія *А. Хомякова*. Т. I. Москва. 1861.
Сочиненія *К. Аксакова*. Т. I. Москва. 1861.)

Хомяковъ, два Кирѣевскихъ, два Аксаковыхъ, — вотъ краеугольные камни и столпы литературной партіи, которую у насъ обыкновенно называютъ славянофильскою; эти имена составляютъ ея гордость и славу. Они собрали изъ разныхъ источниковъ славянофильскія мысли и составили изъ нихъ кодексъ воззрѣній и убѣжденій, которыхъ держится вся партія; они формулировали ея стремленія, опредѣлили ея задачу и цѣль, представили рѣшеніе существенныхъ вопросовъ научныхъ и житейскихъ, съ которымъ соображались и сосоображаются теперь всѣ ихъ послѣдователи. Узнать убѣжденія названныхъ нами личностей, значитъ узнать сполна всю славянофильскую партію; да собственно говоря, только они одни и составляютъ эту партію, съ прибавленіемъ гг. Кошелева, Самарина, Тертія Филипова и доктора Панезица; такъ-называемые панслависты, въ родѣ г. Погодина, принадлежатъ уже къ другой породѣ, къ другому оттѣнку. Поэтому славянофиловъ собственно нельзя назвать и партіей; это просто небольшой кружокъ, состоящій изъ лицъ единомышленныхъ и близкихъ между собою, друзей, пріятелей и даже родственниковъ. Правда, и другія наши литературныя партіи не могутъ похвалиться особенною полнотою и многочисленностью своихъ рядовъ; но всѣ они представляютъ только подраздѣленія и оттѣнки одной партіи, очень силь-

ной и многочисленной, имѣютъ много общаго и много точекъ соприкосновенія; поэтому на нихъ и можно смотрѣть, какъ на одну партію, противоположную славянофильству, очень своеобразному въ своихъ убѣжденіяхъ. Расходясь между собою во многихъ пунктахъ, они всѣ сходятся въ сужденіи о славянофильствѣ, въ отрицаніи его.—Что же такое славянофилы? Вопросъ повидимому излишній; всѣ знаютъ ихъ очень хорошо, знаютъ, что они терпѣть не могутъ Запада, любятъ все древне-русское, носятъ даже платье особаго покроя, которое такъ и называется славянофильскимъ. А кромѣ этого, едва ли что нибудь извѣстно о славянофилахъ большинству публики; можно смѣло сказать, что весьма немногіе знаютъ сущность славянофильства, его основной принципъ, его главную тенденцію и ту область, въ которую онъ старается затащить насъ. Не мѣшаетъ поэтому заглянуть въ самый корень славянофильства, разсмотрѣть главную ось, на которой оно все вертится; кстати же вотъ выходитъ полное собраніе сочиненій его вожаковъ. Правда, вышли еще не всѣ томы; но для нашей цѣли достаточно и вышедшихъ, а необходимыя дополненія можно будетъ заимствовать и изъ другихъ источниковъ.

Славянофилы буквально значитъ—любящіе славянъ, названіе нисколько не выражающее сущности дѣла, поэтому мы и не рѣшились поставить его въ заглавіи нашей статьи; славянофилы считаютъ это названіе насмѣшкой. «Нѣкоторые журналы», говоритъ Хомяковъ, «называютъ насъ *насмѣшливо* славянофилами, что въ русскомъ переводѣ означаетъ славянолюбцевъ». Сами же себя славянофилы характеризуютъ вотъ какъ. И. Кирѣевскій говоритъ: «въ уголкѣ нашей литературы начинается важное измѣненіе. Я говорю о томъ *славяно-христіанскомъ* направленіи, которое подвергается пристрастіямъ и преслѣдуетъ насмѣшками». Г. Кошелевъ, издатель Кирѣевскаго, выражается о славянофильствѣ такимъ образомъ: «отвѣтная статья Кирѣевскаго (Хомякову) принадлежитъ къ его позднѣйшему направленію, которое впослѣдствіи онъ самъ называлъ *православно-славянское*. Два сборника, изданные Валуевымъ—первыя по времени книги, которыя вполнѣ принадлежатъ *московскому славянскому* направленію». Эти названія дѣйствительно гораздо лучше; они даютъ болѣе опредѣленное понятіе о тенденціяхъ славянофиловъ; кромѣ любви къ славянамъ, они указываютъ еще на два характеристическіе признака, рѣзко оттѣняющіе славянофильство. Эпитетъ «московское» также очень характеристиченъ и указываетъ на то дѣйствительно замѣчательное обстоятельство, что славянофильство образовалось и получило осѣдлость въ Москвѣ, поддерживалось и подогрѣвалось ея златыми верхами и колокольнымъ звономъ, связывалось съ нею самыми крѣпкими привязанностями и пристрастіями. Кажется, славянофиль-

ство только въ Москвѣ и могло существовать, только здѣсь было для него постоянное возбужденіе и пища. Все въ ней располагало къ славянофильству, все невольно тянуло мысль и сердце къ старинѣ; какова бы она ни была, а все-таки возбуждала родственныя чувства привязанности къ себѣ, какъ дѣло и наслѣдіе отцевъ и праотцевъ. Кирѣевскій до своего обращенія въ славянофильство говорилъ: «московское общество имѣетъ совершенно особенный характеръ, составляющій средину между уѣзднымъ кумовствомъ и безвкусіемъ, и столичною искательностію и роскошью. Почти нѣтъ дома въ Москвѣ, который бы чѣмъ нибудь не обнаружилъ просвѣщенному иностранцу нашей недообразованности, и если не въ гостиной, не въ кабинетѣ, то хоть въ прихожей найдетъ онъ какое нибудь разногласіе съ европейскимъ бытомъ и согласіе съ бытомъ московскимъ». Во всемъ ученіи славянофиловъ ясно отразился характеръ Москвы; они тоже хотѣли соединить новую европейскую жизнь и науку съ старымъ московскимъ бытомъ и древними русскими повѣрьями, мѣшали французское съ московскимъ, нѣмецкое съ китай-городскимъ. Отъ этого смѣшенія произошло что-то очень разнокалиберное и странное, страшный безпорядокъ и путаница, въ которой ничего не разберешь и въ которой совершенно заблудишься, какъ въ московскихъ неправильныхъ улицахъ и переулкахъ. Система ихъ воззрѣній походитъ совершенно на ту безобразную и ненавистную для нихъ мозаику, какую представляла Русь въ первое время Петровскихъ преобразованій. Славянофилы, —это научные и литературные раскольники-староверы; отстаивая старыя отеческія преданія, обычаи, привычки и стремленія, въ которыхъ дѣйствительно было кое-что и хорошее, они вмѣстѣ съ тѣмъ возвращались и къ старому невѣжеству, къ воззрѣніямъ, порожденнымъ этимъ невѣжествомъ, отъ которыхъ непремѣнно отказалась бы старина, если бы она достигла развитія современнаго нынѣшнимъ славянофиламъ. Мы высказываемъ такое сужденіе о славянофильствѣ, даже имѣя въ виду и тѣ услуги, какія оно оказало нашей наукѣ, особенно исторической. Славянофилы въ значительной степени содѣйствовали разъясненію нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ и вопросовъ историческихъ; они, напримѣръ, возставали противъ ученія о родовомъ бытѣ древней Руси, уясняли понятіе объ общинѣ и ея значеніи историческомъ и современномъ; своими крайними и пристрастными сужденіями о реформѣ Петра дали поводъ къ болѣе точному опредѣленію ея настоящаго историческаго смысла. Но эти частности не выкупаютъ общаго безобразія ихъ воззрѣній философскихъ и историческихъ; удачное рѣшеніе нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ славянофилами ничего не говоритъ въ пользу ихъ основныхъ взглядовъ и историческаго пониманія, вообще очень узкаго. Мы

не распространяемся объ заслугахъ славянофильства; онѣ всѣми признаны и оцѣнены; значеніе ихъ даже стали преувеличивать нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ. Они говорятъ, будто славянофилы измѣнили направленіе науки русской исторіи, будто по ихъ милости она эманципировалась отъ вліянія и господства нѣмецкихъ ученыхъ, то есть русскихъ нѣмцевъ, и обратилась къ изученію народа, его исторической жизни и быта. Между тѣмъ измѣненіе въ направленіи русской исторіи обнаружилось гораздо раньше выступленія на сцену славянофиловъ, и славянофильство было вызвано тою историческою школой, противъ которой оно возставало, и первый толчокъ, обративъ славянофиловъ къ изученію собственно народной жизни, данъ былъ такъ-называемыми западниками, что признаютъ и сами славянофилы.

Поэтому, и помня заслуги московскаго словенскаго направленія, мы все-таки говоримъ, что это направленіе въ существѣ своемъ чрезвычайно странно; и эта странность во многихъ случаяхъ доходитъ до совершенной дикости и безобразія; мы встрѣчаемъ въ немъ понятія и взгляды, которые просто невѣроятны въ головѣ сколько нибудь развитаго и мыслящаго человѣка; и все это не въ мелочахъ какихъ нибудь и частностяхъ, а въ самомъ принципѣ, въ самомъ корнѣ направленія, въ его основномъ характерѣ. Существенная тенденція, можетъ-быть и безсознательная, заключалась въ томъ, чтобы убить всякую самостоятельность мысли, отнять у ней то, что она пріобрѣла во все продолженіе своего историческаго развитія, воротить ее назадъ, подчинить случайному авторитету, затянуть ее въ старую узкую рамку, дать ей одинъ опредѣленный кодексъ, развитіемъ котораго она должна заниматься и никакъ не выходить изъ его предѣловъ. Читатели съ перваго раза даже не повѣрятъ намъ, если мы скажемъ, что славянофилы въ своихъ воззрѣніяхъ и тенденціяхъ совершенно сходились съ «Маякомъ», а въ частности въ области философіи и исторіи крѣпко держались того ограниченнаго круга понятій, въ которомъ вращаются нѣкогда разсмотрѣнные нами философы «стараго типа». Однакожь это совершенно вѣрно, въ чемъ безъ труда убѣдятся и сами читатели. Признаемся откровенно, мы сами имѣли нѣсколько лучшее понятіе о славянофилахъ до появленія въ печати полнаго собранія ихъ сочиненій. Нѣкоторые изъ нихъ слыли по молвѣ за людей ученыхъ, философски образованныхъ, сильныхъ, непобѣдимыхъ въ діалектикѣ. То обстоятельство, что славянофилы писали мало и рѣдко, препятствовало правильной оцѣнкѣ ихъ ученій; отрывочное чтеніе ихъ статей, появлявшихся однѣ послѣ другихъ въ длинные промежутки, не производило полнаго славянофильскаго впечатлѣнія и не давало цѣльнаго образа славянофильства; ни у кого не доставало охоты сличать однѣ статьи съ другими; о славянофильствѣ

судили больше по слухамъ, да по воспоминаніямъ. Теперь же, когда сокровища славянофильской премудрости собраны во едино, представилась возможность однимъ взглядомъ окинуть все славянофильство; оно является намъ законченнымъ, въ полномъ своемъ видѣ, со всѣми характеристическими особенностями, сгруппированными вмѣстѣ на одной небольшой картинѣ. При созерцаніи этой картины даже больно становится глазамъ отъ тѣхъ дикихъ контрастовъ и вопіющихъ несообразностей, изъ которыхъ она состоитъ; это настоящая суздальская картина стараго русскаго «пошиба», оскорбляющая всякій сколько нибудь развитой вкусъ своимъ безобразіемъ, невѣрностью фигуръ и очертаній и грязью набойчатыхъ красокъ. Теперь оказывается также, что у славянофиловъ подъ неблаговидными словами скрывались неблаговидныя вещи, въ противность прежнему предположенію нѣкоторыхъ. Въ этомъ читатели убѣдятся несомнѣнно, если обратятъ вниманіе преимущественно на мысли Кирѣевскаго.

Обыкновенно думаютъ, что славянофильская школа возникла самостоятельно, образовалась сама собою, и основатели ея сами собственнымъ умомъ добрались до своихъ принциповъ. Это несправедливо. Первымъ и самымъ ревностнымъ проповѣдникомъ славянофилизма былъ «Маякъ»; съ фанатическою яростію возставалъ онъ противъ Запада и западнаго образованія, доказывалъ необходимость народности, всегда и вездѣ указывалъ на то основаніе, на которомъ, по его мнѣнію, должно было воздвигнуться зданіе русскаго просвѣщенія. Такія же мысли и чувства воодушевляли и славянофиловъ; стоитъ только вспомнить статьи Бурачка о Западѣ, католичествѣ и протестанствѣ и о началахъ русской философіи и сличить ихъ съ мыслями Хомякова и Кирѣевскаго о тѣхъ же предметахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что славянофильство есть прямое и законное дитя «Маяка», только не такъ фанатичное и менѣе сокрушающееся о грѣховности рода человѣческаго, чѣмъ его батюшка. За то «Маякъ» былъ послѣдовательнѣе въ своихъ сужденіяхъ и гораздо больше приближался къ народности, если разумѣть подъ народностью то, на что указываютъ славянофилы согласно съ «Маякомъ». Многія положенія «Маяка» были ужь слишкомъ нелѣпы; онъ называлъ грѣховною прелестью всякую поэзію, за исключеніемъ его собственныхъ повѣстей; славянофилы менѣе послѣдовательны, но если будутъ послѣдовательны, должны будутъ согласиться съ «Маякомъ» въ его сужденіяхъ о всѣхъ видахъ грѣховной прелести и объяснять съ народной точки зрѣнія хоть кликушъ напр.—Собственно славянофильскія идеи, нѣсколько отличныя отъ идей «Маяка», были формулированы братьями Кирѣевскими и прежде всего вѣроятно Петромъ Кирѣевскимъ, который соблазнилъ

потомъ въ славянофильство и Ивана. У И. Кирѣевскаго эти идеи заимствовали и развивали подробно Хомяковъ и К. Аксаковъ.

Славянофиловъ, также точно, какъ нашихъ современныхъ почвенниковъ, сгубила несчастная фраза о народности, пущенная въ ходъ «Маякомъ». «Что это такое въ самомъ дѣлѣ?—разсуждали славянофилы:—куда ни посмотришь, вездѣ у насъ все чужое, заграничное и иностранное, въ наукѣ, въ искусствѣ и даже въ жизни; пища, питіе, одежда и жилище—все передѣлано у насъ на иностранный ладъ и манеръ. Что мы за несчастные люди такіе,—ужели мы не въ состояніи придумать что нибудь собственнымъ русскимъ, хоть бы даже и заднимъ умомъ, выработать что нибудь свое, народное?» Мысли, какъ видите, самыя невинныя и позволительныя; отчего, въ самомъ дѣлѣ, не погоревать о своей несчастной долѣ и не помечтать о средствахъ къ ея улученію? «Я,—мечталъ юный И. Кирѣевскій,—буду имѣть вѣсъ въ литературѣ, и дамъ ей свое направленіе. Всѣ тѣ, которые совпадаютъ со мною въ образѣ мыслей, будутъ моими сообщниками. Мы возвратимъ права истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностію (ну вотъ «Маякъ» тоже считалъ изящное несогласнымъ съ нравственностью), возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ, и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога.» Мечта его осуществилась только на половину; вѣса въ литературѣ онъ не имѣлъ и не далъ ей своего направленія; но сообщники у него нашлись и пошли вмѣстѣ съ нимъ къ одной цѣли. Прежде всего они стали трудиться надъ тѣмъ, какъ бы придумать что нибудь свое, отличное отъ иностраннаго, какъ бы передѣлать науку и жизнь сообразно съ требованіями русскаго народнаго духа. Само собою разумѣется, они сейчасъ же принялись разыскивать русскую народность и тѣ обнаруженія, которыми проявилъ себя русскій духъ. Казалось бы, славянофиламъ не было никакой нужды далеко ходить за этимъ и много мудрить; все, что совершалось передъ ихъ глазами, что окружало ихъ со всѣхъ сторонъ, было народно въ высшей степени; даже то, что было заимствовано у иностранцевъ, носило на себѣ ясный отпечатокъ русской народности и сильно припахивало русскимъ духомъ. Для этого стоило только сличить заимствованное и переведенное русскими съ подлинными иностранными оригиналами; разница вышла бы поразительная, а эта разница и была бы величиною, опредѣляющею русскую народность. Русскія академіи, университеты и гимназіи, положимъ, были заимствованы у Запада; но они нисколько не походили на западные и въ существѣ своемъ оставались чисто русскими народными. Русскій человѣкъ въ нѣмецкомъ платьѣ, въ французскихъ перчаткахъ, съ англійскимъ проборомъ на головѣ, все-таки оставался русскимъ; нѣмецкое пиво, французскія вина, англійскій портеръ не

измѣнили его русской натуры. Или вотъ, напримѣръ, славянофилы считаютъ Петербургъ отщепенцемъ и пасынкомъ Руси, называютъ его не русскимъ городомъ. К. Аксаковъ говоритъ: «Петербургъ забавенъ съ своимъ патріотизмомъ. Забавнѣе всего, что онъ упрекаетъ Москву въ недостаткѣ патріотизма. Да у насъ и вовсе нѣтъ того патріотизма, какой у него. Но разница въ томъ, что Москва русскій городъ, городъ народный, которому и въ голову не придетъ доказывать свой руссицизмъ. Да за нее громко говоритъ исторія и народъ русскій. О Sanctpeterbürger'цы! вспомните ваше имя, добровольно вамъ данное и посмотрите, не утверждаетъ ли вашъ патріотизмъ за вами значеніе не русскаго города?» Конечно, лестно было бы для Петербурга считать себя европейскимъ городомъ; но увы! онъ долженъ сознаться, что онъ не европейскій, а русскій городъ, и гораздо больше имѣетъ сходства и родственной связи съ Москвою, чѣмъ съ Берлиномъ, или Парижемъ. Въ Петербургѣ такія же мостовыя, извощики, тѣ же темные и грязные переулки, какъ и въ Москвѣ; у нихъ обоихъ есть гостинные дворы съ торговцами, запрашивающими въ-три-дорога и торгующимися не на животъ, а на смерть; въ Петербургѣ есть мазурики, — совершенное подобіе московскихъ жуликовъ; въ Петербургѣ тотъ же порядокъ, устройство и благочиніе, какъ и въ Москвѣ, тѣ же чиновники военные и гражданскіе, тѣ же униформы, тѣ же кокарды, каски и сабли, что и въ Москвѣ; Петербургъ такъ же точно, какъ и Москва, любитъ и постоянно созерцаетъ драки, и мордобитія; петербюргерцы потребляютъ водку, чай и квасъ въ такомъ же количествѣ, какъ и московскіе словене; первые такъ же охотно снимаютъ шапки и гнутъ спины, какъ и послѣдніе; въ Петербургѣ есть такіе же баричи и такія же широкія натуры, какъ и въ Москвѣ; въ Петербургѣ все есть московское, исключая развѣ славянофильства. Однимъ словомъ, Петербургъ русскій городъ и родной братъ Москвѣ, хоть онъ и носитъ нерусское имя; славянофилы и всѣ вообще любители русской народности удобно могутъ наблюдать въ немъ главныя основанія и всѣ черты русскаго народнаго духа. Такъ-то вотъ оно вездѣ и во всемъ; смотришь на что-нибудь, съ виду кажется какъ будто иностранное, а вглядишься попристальнѣе, оказывается, что оно русское и Русью пахнетъ. Нѣтъ, Русь остается Русью, даже принявши западный видъ. А славянофилы вообразили, что реформа Петрова совершенно переродила русскаго человѣка, что онъ утратилъ всѣ свойства своей природы и, одѣвшись по нѣмецки, покушавши западной пищи, поучившись западнымъ языкамъ, сталъ другимъ существомъ, которое по классификаціи Панезица нужно отнести къ породѣ западно-европейцевъ, а не русскихъ; они не сообразили того, что типы и виды народностей очень упорны

и довольно постоянны, что они съ большимъ трудомъ перерождают-ся одни въ другіе, и даже вовсе не перерождаются, если между ними существуетъ такая поразительная разность, какую находятъ славянофилы между западно-европейцами и словено-руссами. Лошадь легко могла переродиться въ мула, или наоборотъ; но не такъ легко было бы ей переродиться въ корову. А славянофилы признали дѣйствительность подобнаго перерожденія образованнаго русскаго въ европейца. Вслѣдствіе этого, для опредѣленія народности, они принялись разви-вать непочатую Русь, не тронутую реформой и образованіемъ, съ полною увѣренностію найти въ ней чистѣйшій самородокъ русской народности. Должно быть долго они копались въ твердой, каменистой почвѣ, и все-таки не встрѣчали ни одного осязательнаго признака, ни одного нагляднаго качества, которымъ можно было бы охарактеризовать русскую народность; прослѣдить ее въ мелочахъ, въ ежедневныхъ явленіяхъ, уловить ее въ едва замѣтныхъ проявленіяхъ, не бросающихся въ глаза съ перваго раза, но тѣмъ не менѣе существенныхъ и важныхъ, — у нихъ не доставало силъ и умѣнья. Имъ нужно было что нибудь, хоть и не важное, но большое, крупное, наглядное, на что можно было бы указать пальцемъ. Тутъ снова помогъ имъ «Маякъ». Они, подобно ему, остановились на системѣ воззрѣній, получившихъ хоть и народную, но грубую форму. Что бы ни дали древней Руси, какую бы систему воззрѣній ни сообщили ей, она непремѣнно отлила бы ихъ въ эту самую форму. Первоначальный видъ воззрѣній, заимствованныхъ Русью, отчасти сохранился по рутинѣ только въ самомъ ограниченномъ меньшинствѣ, къ которому примыкаютъ и славянофилы. Такимъ образомъ, они сами себѣ противорѣчатъ и отрицаютъ въ этихъ воззрѣніяхъ именно то, что есть въ нихъ чисто народнаго, и стоятъ за то, что въ нихъ совершенно случайно, и что привзошло извнѣ, не изъ Руси; на это случайное они постоянно и указываютъ, какъ на существенное выраженіе русской народности. Славянофилы бранятъ нѣкоторыя системы за ихъ неудовлетворительность, и видятъ счастіе и залогъ будущей блестящей судьбы русскаго народа въ томъ обстоятельствѣ, что онъ не принялъ этихъ системъ. Но если бы историческимъ обстоятельствамъ угодно было сообщить ему одну какую нибудь изъ этихъ системъ, онъ принялъ бы и ее, но за то передѣлалъ бы ее по своему, и изъ нея вышло бы то же самое, что есть у него теперь, съ незначительной разницей.

Но какъ бы то ни было, основной принципъ и признакъ русской quasi-народности отрытъ, искомая народность найдена, и за тѣмъ все пошло у славянофиловъ, какъ по маслу. Съ помощію найденнаго талисмана, они принялись сочинять и выдумывать все свое, чисто русское, и сочинили такое столпотвореніе вавилонское, что Боже упаси. О

чемъ бы они ни заговорили, какую науку ни взяли, какой бы вопросъ ни рѣшали, они непремѣнно съѣдутъ на измышленный ими основной принципъ русской народности, какъ «старые» наши философы всегда съѣзжаютъ на идеи, такъ что это наконецъ становится несноснымъ. И просто невольно досадуешь на этихъ людей, зачѣмъ они и говорятъ о разныхъ предметахъ, и толкуютъ свысока о разныхъ наукахъ, когда въ ихъ рѣчахъ повторяется одна и та же старая пѣсня даже безъ всякихъ варіацій, которую можно услышать и не въ наукѣ, и которую приходилось слышать всѣмъ тысячу разъ изъ другихъ устъ, не вооруженныхъ орудіями и инструментами славянофильства, хоть бы напр. изъ устъ «Маяка», или «Философскаго Лексикона». И чтобы скрыть внутреннюю неосновательность своихъ построеній и какъ нибудь сгладить ихъ странныя рѣзкости, славянофилы прибѣгали къ фразамъ, къ туманному восторженному краснорѣчію, къ выраженію своихъ чувствъ, а не мыслей. Въ этомъ искусствѣ особенно ловокъ былъ Хомяковъ, въ противоположность Кирѣевскому. Кирѣевскій всегда говорилъ откровенно, прямо, высказывалъ свою мысль точно, безъ всякихъ сомнительныхъ оговорокъ и околичностей. Хомяковъ же никогда не становится прямо предъ своимъ вопросомъ, и всегда какъ нибудь извернется и уклонится отъ прямаго отвѣта, пускается сначала въ отрицанія, и какъ только дойдетъ дѣло до собственныхъ положеній, онъ почти всегда бросается въ реторику, отпускаетъ свое мнѣніе гомеопатическими дозами и постоянно разбавляетъ и смягчаетъ его водою ограничительныхъ фразъ.

Славянофилы славились своими философскими познаніями и, какъ выражается г. Кошелевъ, обладали «врожденными философическими способностями»; естественно, что они прежде всего занялись сочиненіемъ русской народной философіи, или проведеніемъ въ философію народности и народнаго духа, такъ названнаго ими любомудрія.

Основныя понятія славянофиловъ о томъ, какова должна быть новая русская философія въ духѣ народности или любомудрія въ общихъ чертахъ совершенно вѣрны и основательны; противъ нихъ возражать нельзя; можно сдѣлать развѣ одно только замѣчаніе, не касающееся впрочемъ сущности дѣла. Дѣйствительно, у русскихъ должна быть своя философія и она, можетъ быть, и будетъ со временемъ и въ ней отразится непремѣнно народный характеръ и складъ русскаго ума. Каждый изъ передовыхъ народовъ Европы имѣетъ своеобразную философію: англійская философія не походитъ, напр., на нѣмецкую, а нѣмецкая отличается отъ французской; но онѣ разнятся между собою по характеру, по формѣ, по степени глубины и отвлеченія, а никакъ не по содержанію, по предмету и по источникамъ по-

знанія. Зачѣмъ же и будущей народной философіи русской давать заранѣе опредѣленное, характеристическое и отличное отъ содержанія всѣхъ другихъ философій; зачѣмъ предписывать ей программу и указывать путь, по которому она должна идти неуклонно; зачѣмъ требовать отъ нея, чтобы она черпала свои знанія изъ одного исключительнаго источника, тогда какъ у ней есть много и другихъ. Вѣдь это и значитъ стѣснять свободу мысли и уничтожать философію въ самомъ ея зародышѣ и основаніи, какъ вы ни увертывайтесь и ни ограничивайте ваши положенія смягчающими фразами. Какое основаніе имѣютъ славянофилы для своей увѣренности, съ какою они указываютъ русской философіи извѣстный кругъ понятій, въ которомъ она должна безвыходно вращаться? Они предписываютъ ей одинъ путь, которымъ шла мысль древней Руси. А что, если русская философія не пойдетъ по вашему пути, который вы признаете единственно надежнымъ и исключительно истиннымъ; тогда вы станете тащить ее насильно, какъ дѣлаютъ всегда люди, считающіе всѣ системы кромѣ своей ложными и гибельными, и потому одобряющіе нѣкоторыя насильственныя и принудительныя мѣры, въ родѣ хирургическихъ ампутацій, чтобы спасти заблуждающихся отъ конечной гибели. Или вы станете называть ее не народною, а заимствованною? Бѣда не большая; можно навѣрное сказать, что она скорѣе рѣшится подвергнуться упреку въ недостаткѣ народности, чѣмъ откажется отъ своей самостоятельности, отъ возможности собственнаго развитія, и ни за что не согласится рабски слѣдовать вашимъ указаніямъ. Славянофилы хотятъ соблазнить насъ легкостію выполненія составленнаго ими проэкта русской философіи. «Для развитія самобытнаго мышленія не требуется особой геніальности. Напротивъ, геніальность, предполагающая непремѣнно оригинальность, могла бы даже повредить полнотѣ истины.» Ну вотъ видите; геніальность и оригинальность вредны для русской философіи; для ней требуется самая жалкая посредственность. Что же это за философія такая, скажите пожалуйста: для ней признается вреднымъ то, что считается необходимымъ и вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха во всякой области наукъ и во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Можно вообразить, какой жалкій и рутинный видъ она будетъ представлять, когда въ ней преслѣдуется всякая оригинальность, безъ которой невозможна самобытность. Ужели славянофилы думаютъ, что русскій умъ до того тупъ и ограниченъ, что согласится принять предлагаемую ими философію и удовольствуется ею? Такое мнѣніе унизительно и оскорбительно для русскаго ума, который повидимому такъ восхваляется славянофилами. Они даютъ ему философію, очерчиваютъ для него опредѣленный кругъ дѣятельности, въ которомъ, по снисходительному

повелѣнію А. С. Хомякова, ему предоставляется «нѣкоторая свобода»; но какъ только онъ перейдетъ за назначенную черту, захочетъ сказать что нибудь оригинальное, славянофилы тотчасъ же останавливаютъ его, хватаютъ за шиворотъ и ставятъ на свое мѣсто: «ты-де, любезный, ужь слишкомъ заумствовался, тебѣ бы и вовсе не слѣдовало приниматься за любомудріе, потому что ты геніаленъ и только можешь попортить все дѣло». Если бы славянофилы согласились, что эта философія есть ихъ собственное изобрѣтеніе, что она измышлена ими для себя, для своего домашняго обихода, — какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ,—тогда никто и слова не сказалъ бы имъ. Пусть они наслаждаются тѣмъ, что̀ имъ нравится; ужь коли для ихъ философіи вреденъ геніальный умъ, такъ и пусть они сами занимаются ею; стало быть они будутъ для ней полезны, и имъ какъ разъ по плечу такая философія. Любомудріе боится геніальности и оригинальности, — лучшей характеристики для любомудрія не могъ бы придумать самый отчаянный врагъ ея; то обстоятельство, что она придумана славянофилами, ручается за ея несомнѣнную вѣрность; имъ оно очень хорошо извѣстно. Но вѣдь вотъ въ чемъ дѣло: славянофилы выдаютъ свою философію за народную; мало того, видятъ въ ней основной характеръ русской народности, говорятъ, что она-то и составляетъ народность, что другая философія въ русскомъ народѣ невозможна; онъ не способенъ придумать и понять что нибудь другое. Что это, читатели,—клевета на русскій народъ, оскорбительная для него, или въ самомъ дѣлѣ правда, горькая для него? Какъ бы кто ни отвѣчалъ на этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ славянофильское любомудріе дѣло очень не хорошее; если оно выраженіе народности, то Богъ съ нею, съ такою народностью; если же клевета на русскую народность, то мы можемъ только удивляться безстыдству, съ какимъ славянофилы взводятъ ее на русскій народъ.—Такимъ образомъ, изъ-за пустой фразы о народности славянофилы пятятся назадъ, приносятъ въ жертву свою мысль, свой здравый смыслъ, и хотятъ соблазнить на это же всю русскую науку, всѣхъ образованныхъ мыслящихъ людей. Что за странная фантазія, — вишь чего захотѣли! «Когда мы сообразимъ», говоритъ Кирѣевскій, «какъ неудовлетворительность западной философіи требуетъ новаго начала,—то намъ не то кажется сомнительнымъ, скоро ли разовьется, но то удивительнымъ, отчего до сихъ поръ не развилось у насъ это новое сознаніе ума, такъ настоятельно требуемое всею совокупностью нашей умственной и нравственной образованности». Вотъ то-то и есть; рѣшительно нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ваши фантазіи не осуществились и никогда не осуществятся; это-то и должно убѣдить васъ, что они ни больше, ни меньше, какъ фантазіи и притомъ самыя дикія. Если бы

славянофильское начало дѣйствительно составляло сущность русской народной жизни, если бы наша умственная и нравственная образованность требовала проэктируемой ими философіи, она бы давно явилась сама собою и безъ ихъ воплей и рыданій, и проповѣдуемая ими принималась бы вездѣ, какъ необходимое удовлетвореніе существеннымъ потребностямъ русскаго ума. Но жизнь-то именно идетъ какъ разъ наперекоръ имъ.

Сочинивши народную русскую философію, славянофилы окончательно размечтались, пришли въ воинственный азартъ, стали думать, да гадать о томъ, нельзя ли забрать въ руки всю западную философію, не съ тѣмъ впрочемъ, чтобы только показать надъ нею свою власть, но поработить ее себѣ для ея же собственнаго блага, чтобы спасти Европу отъ умственной погибели и помочь ей въ ея бѣдственномъ положеніи.

Такимъ образомъ, западная философія и вся вообще образованность по необходимости, условливающей самое ея существованіе и дальнѣйшее развитіе, должна подчиниться нашему любомудрію, соотвѣтствующему русской народности. Все это совершенно вѣрно и справедливо съ теоретической точки зрѣнія; но мы не знаемъ навѣрное, согласится ли западная философія на такое подчиненіе нашему народному любомудрію, потому что намъ неизвѣстно, дѣлали ль ей славянофилы лично такое предложеніе. Но судя по всѣмъ вѣроятностямъ, можно думать, что западная философія съ презрѣніемъ отвергнетъ наше любомудріе; она, къ несчастію своему, слишкомъ горда и самостоятельна, и вообще не любитъ подчиняться кому бы то ни было, кромѣ самой себя; она увѣряетъ, будто бы она собственнымъ горькимъ опытомъ убѣдилась, какъ гибельно для ней подчиненіе, какого бы рода оно ни было. Западной философіи, по словамъ славянофиловъ, ничего не остается дѣлать; она погибла;—такъ, но какъ знать, можетъ быть она найдетъ себѣ дѣло, западно-европейскій умъ вѣдь славится своею изобрѣтательностію. Живая мысль, какою она бываетъ у живыхъ людей, всегда дѣйствуетъ, если она возбуждена и если есть для ней питательные матеріалы. И западная мысль, кажется, не отказывается отъ работы, и матеріаловъ у ней запасено довольно; поэтому, если она сознала, какъ увѣряютъ славянофилы, неудовлетворительность и недостаточность прежняго направленія своей дѣятельности, она выработаетъ и приметъ другое, новое направленіе, и выработаетъ его изъ себя самой, изъ своихъ собственныхъ началъ, а не пойдетъ искать его куда нибудь за тридевять земель. И что за несчастная страстишка у славянофиловъ все подчинять и покорять себѣ! — Славянофилы стоятъ за народное любомудріе, потому только, что оно народно; Западъ съ большею основа-

тельностію можетъ отстаивать свою народную раціональную философію, которою онъ жилъ нѣсколько вѣковъ, и живетъ еще доселѣ; она существенно принадлежитъ его духу и составляетъ его самобытное произведеніе. А вы думаете, что онъ вдругъ промѣняетъ его на ваше любомудріе, воображаете, что западный умъ такъ же тупъ и непостояненъ, какимъ вы представляете себѣ русскій умъ, который будто бы, какъ говорите, во время реформы отказался отъ своей народности и охотно промѣнялъ ее на чужую. Нѣтъ, западный умъ постоитъ за себя, какъ стоялъ и русскій; онъ не посрамитъ земли западной, и костьми ляжетъ за нее, не хуже вашего Святослава. Но вы непремѣнно требуете, чтобы онъ отказался отъ своей философіи и принялъ вашу, иначе де ты пропалъ. Вотъ видите ли, вы стремитесь къ такой комбинаціи, которую сами же порицаете въ другихъ случаяхъ; западная философія, какъ вамъ кажется, негодится для Россіи; также точно и Западъ скажетъ, что ваше любомудріе для него не годится, тѣмъ болѣе, что его философія все-таки выше нашего любомудрія. Вы хотите произвести на Западѣ реформу гораздо насильственнѣе и безтолковѣе той, какую, по вашему мнѣнію, произвелъ въ Россіи Петръ I; это желаніе обнаруживается у васъ вездѣ и въ наукѣ, и въ жизни, и въ международныхъ отношеніяхъ. Гдѣ же ваше уваженіе къ чужимъ народностямъ,—или вы уважаете только свою московскую? Вотъ то-то и бѣда ваша, для васъ только и свѣтъ, что въ окошкѣ. «Москва», говоритъ К. Аксаковъ, «выработываетъ русскую мысль (то есть московскую). Все значеніе Москвы — это единство, совокупленіе, цѣлость Руси, — значеніе Москвы есть значеніе всея Руси. Отсюда многое и все существенное объясняется» (стр. 230). Дѣйствительно, отсюда объясняется и происхожденіе московскаго словенскаго направленія. Въ лицѣ славянофиловъ сохранились до нашего времени экземпляры москвичей, какими они были встарину при Иванѣ I, при Иванѣ III и Иванѣ IV. Вотъ какъ живуча русская и въ частности московская народность!

Надѣемся, читатели получили совершенно вѣрное понятіе о славянофильской философіи или любомудріи; вѣроятно она уже успѣла надоѣсть имъ, и они очень желали бы проститься съ нею. Нѣтъ-съ, позвольте; не угодно ли вамъ еще выслушать славянофильскую исторію философіи и познакомиться съ взглядами словенскаго направленія на новую всемірную исторію; гдѣ же ваше уваженіе къ русской мысли, русской наукѣ и ея почтеннымъ представителямъ, Кирѣевскому, Хомякову и К. Аксакову? Это, необходимое въ каждомъ русскомъ и вообще славянскомъ человѣкѣ, уваженіе обязываетъ васъ терпѣливо и внимательно выслушать разсужденія о развитіи Запада

съ его философіей, и о противоположномъ ему развитіи Востока съ его любомудріемъ. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ: на Западѣ все дурно, а на Востокѣ все хорошо; тамъ все шло и развивалось ложнымъ путемъ, а здѣсь истиннымъ; тамъ вездѣ господствуетъ знаніе, раціонализмъ, здѣсь и сердечное убѣжденіе.

Затѣмъ мы предоставляемъ уже ученымъ историкамъ-спеціалистамъ опредѣлить достоинство и значеніе возрѣній Хомякова, который утверждаетъ, что движеніе новой исторіи и развитіе человѣчества совершалось преимущественно, если не исключительно, на Востокѣ; что Западъ, напротивъ, исказился, развратился умственно и нравственно и внутренно умеръ; онъ не развивался, а только приготовлялъ горькіе плоды, которые созрѣли наконецъ въ XIX вѣкѣ. Передовою же страною во все продолженіе исторіи былъ Востокъ; на немъ была сцена исторіи; онъ жилъ умственно и нравственно, приготовлялъ для человѣчества жизненную пищу. Они же, ученые спеціалисты, должны рѣшить, отчего это нѣмцы, обыкновенно столь любознательные и живота своего нещадящіе для удовлетворенія любознательности, обнаруживаютъ слѣпую ненависть и невѣжественную невнимательность къ Востоку, и не хотятъ признать его заслугъ, хоть впрочемъ, правду сказать, они написали довольно сочиненій по исторіи Востока и имѣли возможность сдѣлать ему настоящую оцѣнку. Мы съ своей стороны только замѣтимъ, что всѣ эти возрѣнія Хомякова не новы и не оригинальны, что его предупредилъ въ нихъ «Маякъ», и напомнимъ читателямъ возрѣнія Бурачка, который тоже говорилъ, что Западъ развратился и исказился умственно и нравственно. Только Бурачекъ былъ снисходительнѣе Хомякова и утверждалъ, что искаженіе Запада началось не съ первыхъ дней его существованія, а только со времени такъ-называемаго возрожденія наукъ, — момента, когда западная Европа пошла ретроградньімъ путемъ, назадъ, къ тьмѣ и невѣдѣнію древняго язычества; потому и самое возрожденіе наукъ онъ называлъ возрожденіемъ язычества. Въ сужденіяхъ же о значеніи Востока и о качествахъ нѣмцевъ Бурачекъ совершенно сходился съ Хомяковымъ, говоря строго, безъ всякихъ натяжекъ и преувеличеній.

Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ вся славянофильская философія, исторія философіи и философія исторіи; мы теперь, къ общему нашему удовольствію, и разстанемся съ философіей, а перейдемъ къ изложенію славянофильскихъ возрѣній на русскую исторію и жизнь, на русскій народъ, на современное положеніе и потребности Россіи,— сюжеты болѣе интереснаго и привлекательнаго свойства, чѣмъ философія. Предупреждаемъ читателей, что они и здѣсь услышатъ ту же старую пѣсню, какая имъ уже извѣстна, и просимъ ихъ не досадо-

зать на насъ за это; мы вѣдь нисколько невиноваты въ томъ, что всѣ славянофилы твердятъ вездѣ и во всемъ одно и то же, даже одними и тѣми же фразами.—Приступая къ разсужденіямъ о русской исторіи и жизни, славянофилы по обыкновенію начинаютъ съ Запада; не будь этого несноснаго Запада, имъ, кажется, нечего было бы и говорить; и потому ихъ ненависть къ Западу представляется намъ самою черною неблагодарностію. Въ составъ западной жизни, по ученію славянофиловъ, вошли три элемента: римская церковь, образованность древняго языческаго міра и наконецъ особенный общественный бытъ, который вездѣ въ Европѣ возникъ изъ борьбы, изъ угнетенія завоевателей и изъ противодѣйствія завоеванныхъ. Въ Россіи этихъ элементовъ не существовало: не было римской церкви, не было древней языческой образованности, а общественный бытъ русскій возникъ не изъ борьбы и завоеваній, а изъ любви и мира. Но этотъ древній русскій бытъ, основанный на любви и мирѣ, разрушенъ вліяніемъ запада. Какъ же возстановить его? — Это очень просто, по мнѣнію Кирѣевскаго: надобно подчинить западное просвѣщеніе принципамъ нашего стариннаго быта.

Хомяковъ, по своему обыкновенію, отдѣлывается фразами отъ вопроса, такъ ясно и рѣшительно поставленнаго Кирѣевскимъ; онъ требуетъ возвращенія къ старой Руси, но такъ это у него выходитъ, что ничего и разобрать нельзя; его фразы можно понимать какъ угодно; ясно только то, что онъ хвалитъ себя и другихъ словянофиловъ за любовь къ старинѣ.

Восхваливши себя самихъ за любовь къ старинѣ, славянофилы, начинаютъ ораторствовать о народѣ и восхвалять его за то, что и онъ также до сихъ поръ остался вѣренъ началамъ древней Руси. Въ простомъ народѣ славянофилы видятъ воплощеніе старины; онъ дорогъ и любезенъ имъ, какъ рѣдкій старинный памятникъ; они восхищаются имъ, какъ археологъ восхищается какимъ нибудь папирусомъ, этрусской вазой, или вещицей, найденной въ Помпеѣ; они дорожатъ имъ, какъ зоологи зубромъ, порода котораго, того и гляди, что переведется совсѣмъ. Они относятся непріязненно и даже фанатически непріязненно къ тѣмъ изъ народа, которые стряхиваютъ съ себя старинный хламъ и старинную грязь, и стремятся къ новому образованію. Они сами, наконецъ, не дѣлаютъ того, чего требуютъ отъ другихъ и что они желали бы видѣть сохраненнымъ, но только опять въ жизни другихъ, а никакъ не въ своей собственной. Впрочемъ, сердце человѣческое глубоко, и какъ знать, можетъ быть славянофилы дѣйствительно любятъ простой народъ искренно и неподдѣльно; но во всякомъ случаѣ къ этой любви все-таки примѣшивается у нихъ археологическая любовь къ древности, къ старинѣ.

Вотъ и полное міросозерцаніе славянофильства, весь запасъ выработанныхъ имъ идей, воззрѣній и взглядовъ, всѣ его стремленія и тенденціи! Гдѣ же исполненіе хвастливыхъ обѣщаній, на которыя не скупились славянофилы, и которыя, давались съ такою самоувѣренностію; гдѣ русская народная наука со всѣми ея благами и благотворными дѣйствіями; гдѣ по крайней мѣрѣ слѣды славянофильскаго вліянія? Московскому направленію, какъ увѣряли его послѣдователи, суждено занять «не послѣднее мѣсто въ судьбѣ нашего просвѣщенія»; оно есть «поворотное движеніе» русскаго просвѣщенія. Куда же и кого оно поворотило? Извѣстно всѣмъ, что славянофильство почти исключительно ограничивалось Москвою и не выходило за ея предѣлы; большинство образованной публики никогда ему не сочувствовало, ясно понимая его несостоятельность, фантастичность и «поворотное движеніе» назадъ. Съ теченіемъ времени оно не усиливалось, а постоянно ослабѣвало; и теперь существуютъ только жалкія развалины славянофильской партіи; послѣдній изъ московскихъ могикановъ, «День» только повторяетъ зады, пренаивно увѣряя, что его знамя есть знамя русской народности, понятой и опредѣленной Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, К. Аксаковымъ и всей такъ-называемою славянофильскою школой (хороша народность!); редакторъ его только пережевываетъ фразы своего покойнаго брата, ясно показывая этимъ невозможность еще чего нибудь въ славянофильскомъ духѣ. Но эти фразы «Дня» уже разсмотрѣны подробно и оцѣнены по достоинству другими, а потому мы и оставляемъ ихъ въ покоѣ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о развитіи и странномъ измѣненіи убѣжденій И. Кирѣевскаго, съ тѣмъ, чтобы показать, до чего можетъ довести славянофильство даже умнаго человѣка, какъ оно способно запутать его и затемнить его понятія. Отъ Кирѣевскаго можно было ожидать чего нибудь дѣльнаго, судя по его первымъ статьямъ, въ которыхъ обнаруживался свѣтлый взглядъ и были мысли очень оригинальныя. Путешествуя по Европѣ, онъ увидалъ вблизи западное образованіе, понялъ его значеніе и составилъ опредѣленный взглядъ на то, какимъ образомъ оно могло быть усвоено и должно было усвоться Россіей. Но разныя славянофильскія обстоятельства, о которыхъ разсказываетъ г. Кошелевъ въ біографіи Кирѣевскаго, спутали его понятія и наконецъ совершенно измѣняли ихъ. Бѣдный Кирѣевскій, — право, очень жаль его! Мы хотѣли было сказать г. Кошелеву нѣсколько веселыхъ словъ за его излишнюю внимательность къ родословной Кирѣевскаго, которую мы считаемъ вещью, нестоющею никакого вниманія (должно быть потому, что сами не имѣемъ славной родословной) и за изображенія красоты Долбина, имѣнія Кирѣевскаго; по грустная судьба Кирѣевскаго не рас-

полагаетъ къ веселости.— Въ 1831 году И. Кирѣевскій началъ издавать журналъ, подъ названіемъ «Европеецъ»; уже одно названіе указываетъ на его тогдашній образъ мыслей. Въ немъ онъ напечаталъ свою статью «XIX вѣкъ», гдѣ онъ развивалъ такую мысль: въ жизни Россіи были тѣ же элементы, что и въ жизни Европы, недоставало только классическаго древняго міра; этотъ недостатокъ былъ причиною того, что наше образованіе шло медленно; мы не обращались, подобно Европѣ, къ своимъ умственнымъ праотцамъ, къ древнему Риму и Греціи, которые содѣйствовали развитію Европы. Только со времени нашего сближенія съ Европой начало у насъ распространяться и просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ этого слова; «отдѣльное, китайски особенное развитіе замѣтно у насъ было и прежде; но оно не могло имѣть успѣха общечеловѣческаго, ибо ему недоставало одного изъ необходимыхъ элементовъ всемірной прогрессіи, ума», т. е. классической древности (а впослѣдствіи онъ, бѣдный, самъ считалъ счастіемъ для Россіи отсутствіе этого элемента). Онъ защищалъ реформу Петра, и утверждалъ, что просвѣщеніе не иначе могло придти къ намъ, какъ посредствомъ перелома въ нашемъ развитіи. И наконецъ высказалъ такую мысль:

«Такъ образованность европейская является намъ въ двухъ видахъ: какъ просвѣщеніе Европы прежде и послѣ половины восьмнадцатаго вѣка. Старое просвѣщеніе связано неразрывно съ цѣлою системою своего постепеннаго развитія, и чтобы быть ему причастнымъ, надобно пережить снова всю прежнюю жизнь Европы. Новое просвѣщеніе противоположно старому и существуетъ самобытно. Потому народъ, начинающій образовываться, можетъ заимствовать его прямо и водворить у себя безъ предыдущаго, непосредственно примѣняя его къ своему настоящему быту. Вотъ почему и въ Россіи, и въ Америкѣ просвѣщеніе начало примѣтно распространяться не прежде восьмнадцатаго и особенно въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

«Европейца» вышло только двѣ книжки, разсказываетъ г. Кошелевъ; «все, что было въ этихъ книжкахъ самого Кирѣевскаго, нынѣ перепечатано вполнѣ. Читатель можетъ ясно видѣть, что въ статьяхъ сихъ нѣтъ ничего возмутительнаго. Но у Кирѣевскаго было много враговъ литературныхъ, которымъ не нравился успѣхъ новаго журнала, и которые не могли забыть его прежнихъ критическихъ разборовъ. Статья его «XIX вѣкъ» была перетолкована. Далѣе разборъ представленія «Горе отъ ума» признанъ за самую непристойную выходку противъ находящихся въ Россіи иностранцевъ. Посему продолженіе журнала воспрещено.

«Счастливы мы, прибавляетъ г. Кошелевъ, что живемъ въ такія времена, когда не только возможно перепечатать статьи, вполнѣ безвредныя, не только возможно разсказать о тогдашней цензурной придирчивости, но когда подобныя цензурныя дѣла перешли уже въ область преданія, которому вѣрится съ трудомъ, стали дѣлами давно минувшихъ

дней, глубокою стариною, которой, слава Богу, конечно, не суждено уже возродиться».—«Подлѣ Кирѣевскаго, неразлучно съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣтства, былъ его братъ Петръ Васильевичъ. Они были связаны такою нѣжною, горячею дружбою, которая бываетъ рѣдка даже между братьями. Иванъ Васильевичъ высоко цѣнилъ своего меньшаго брата, но въ эпоху запрещенія «Европейца», взгляды ихъ во многомъ были несходны. Щедро одаренный отъ природы, Петръ Васильевичъ, съ молоду, съ особенной любовью сосредоточилъ всѣ свои силы надъ изученьемъ русской старины и выработалъ свой самостоятельный взглядъ—глубокое убѣжденіе въ безусловномъ вредѣ насилія петровскаго переворота, въ этомъ отступничествѣ дворянства отъ коренныхъ началъ русской народной жизни. Онъ долго оставался одинокъ съ своими убѣжденіями, они казались чудачествомъ, непослѣдовательностью въ человѣкѣ, который искренно былъ преданъ свободѣ и просвѣщенію, и Ивану Кирѣевскому трудно было согласить свои европейскія мнѣнія съ упорнымъ славянствомъ брата. Ихъ разномысліе въ такомъ жизненномъ вопросѣ выражалось почти что въ ежедневныхъ, горячихъ спорахъ; состояніе это не могло не быть крайне тяжелымъ для того и другаго; чтобы уцѣлѣла вполнѣ ихъ единодушная дружба, необходимо было, чтобы одинъ изъ нихъ пересоздалъ свой образъ мыслей о русскомъ народѣ. Кажется, можно съ увѣренностью сказать, что при непрерывномъ, страстномъ обмѣнѣ мыслей и свѣдѣній, взглядъ старшаго брата постепенно измѣнялся, по мѣрѣ того, какъ несокрушимо-цѣльное убѣжденіе младшаго укрѣплялось и опредѣлялось изученіемъ современной народности и древней, вѣчевой Руси.

«Въ 1834 году исполнились давнишнія сердечныя желанія Кирѣевскаго. Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ помолвилъ и 29 апрѣля женился на Натальѣ Петровнѣ Арбеневой. Вскорѣ послѣ ея свадьбы онъ познакомился съ схимникомъ Новоспасскаго монастыря, отцомъ Филаретомъ, и когда впослѣдствіи короче узналъ его, сталъ глубоко уважать и цѣнить его бесѣды. Во время предсмертной болѣзни старца, Кирѣевскій ходилъ за нимъ со всею заботливостію преданнаго сына, цѣлыя ночи просиживалъ въ его кельѣ надъ постелью умирающаго. Конечно, это короткое знакомство и бесѣды схимника не остались безъ вліянія на его образъ мыслей и содѣйствовали утвержденію его въ томъ новомъ направленіи, которымъ были проникнуты его позднѣйшія статьи. Долбино въ 40 верстахъ отъ Козельской Оптинской пустыни. Сюда уѣзжалъ Кирѣевскій и проводилъ здѣсь цѣлыя недѣли, душевно уважая многихъ старцевъ святой обители и особенно отца Макарія, бесѣды котораго онъ высоко цѣнилъ. Здѣсь же онъ занимался приготовленіемъ къ изданію разныхъ душеспасительныхъ сочиненій, переводимыхъ въ обители монашествующими братіями» (стр. 100).

НОВЫЯ КНИГИ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1861. іюль — сентябрь. Книга третья. Москва. 1861.

Всегда съ какимъ-то недовѣріемъ принимаешься за изданія и труды нашихъ ученыхъ обществъ, особенно, если еще къ названію ихъ прибавлено «Россійскій». Такъ часто подобныя общества обманывали наши надежды и ожиданія, и вмѣсто настоящей, живой науки предлагали намъ мертвую ученую гиль, нестоющую вниманія. Посмотрите на «Русскую академію», на любителей россійской словесности, на россійскихъ экономовъ, скотоводовъ, садоводовъ, россійскихъ «испытателей природы», «энтомологовъ и т. д. и т. д., и въ васъ невольно ослабѣетъ вѣра въ россійскія ученыя общества. Однако въ сторону всѣ эти предубѣжденія и недовѣрія; посмотримъ третью книжку «Чтеній»; можетъ быть въ ней найдутся и дѣльныя вещи.— Въ отдѣлѣ «Отечественныхъ матеріаловъ» мы прежде всего встрѣчаемъ: «Царевичъ Алексѣй Петровичъ, по свидѣтельствамъ вновь открытымъ. Разсужденіе М. П. Погодина.» Какъ ни интересенъ предметъ разсужденія, но мы невольно останавливаемся на заглавной страничкѣ и не сводимъ глазъ съ имени автора: общій взглядъ его на Алексѣя Петровича извѣстенъ, а самъ-то онъ, самъ—что такое? Вотъ куда рвется непослушная мысль. «Погодинъ, Погодинъ! какъ много думъ наводитъ онъ!» При его имени всегда невольно задумаешься: самыя разнообразныя мысли и воспоминанія встанутъ и зашевелятся въ головѣ, и никакъ не прогонишь отъ себя — хоть и щекотливаго,

но неотвязчиваго вопроса,—что это за человѣкъ такой? Искусный ли онъ протей и хамелеонъ, или просто ни то ни сё, ни рыба ни мясо, ни тепелъ ни холоденъ? То онъ пишетъ ученыя сочиненія и разсужденія, затѣваетъ ученые диспуты, составляетъ и подаетъ разныя записки, содѣйствуетъ печатанію забористыхъ сочиненій, участвуетъ въ заносливой газетѣ, дерзко бранитъ всѣхъ за равнодушіе къ славянскому дѣлу, нарочно ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы въ университетѣ сказать, «что мы созрѣли», а въ Пассажѣ потребовать Петра Великаго предъ очи своей ученой критики; — то вдругъ разливается слезными раскаяніями и извиненіями, проситъ пардону, жалобно вопитъ: возблагоговѣемъ предъ В. А. Кокоревымъ! — сочиняетъ разные проэкты, расписываетъ «красныя яички», раздаетъ «грамотки», отдаетъ на отсѣченіе свою голову вмѣстѣ со смысломъ.

Ужели все это дѣлалъ одинъ и тотъ же человѣкъ, и у него достало искусства раздвоиться такимъ ужаснымъ образомъ? Или онъ, по простотѣ души своей, не вѣстъ что творитъ? Думаешь, думаешь объ этомъ долго, и наконецъ мысль, утомленная однообразною работою, отъ Погодина переносится и къ другимъ московскимъ ученымъ и публицистамъ, и чудится ей, будто очень многіе изъ нихъ походятъ на Погодина, будто онъ рѣзкій и вполнѣ законченный типъ московскаго ученаго, и вообще всего древнерусскаго, московскаго, или сосредоточеннаго въ Москвѣ. Появится въ Москвѣ свѣтлая голова, блестящая точка, и броситъ отъ себя нѣсколько яркихъ эффектныхъ лучей; взоры всей Россіи обращаются на эту точку, всѣ ожидаютъ и увѣрены, что она превратится въ великое свѣтило, въ путеводную звѣзду, которая укажетъ намъ дорогу и неуклонно поведетъ по ней. Веди, веди насъ, сердце наше-Москва! мы охотно послѣдуемъ за тобою и твоими чадами,—умиленно говорятъ всѣ. Но вдругъ, къ общему удивленію, свѣтлая голова мрачится, свѣтлая точка меркнетъ, и вмѣсто блестящихъ лучей испускаетъ изъ себя какой-то неопредѣленный дымъ и сомнительный чадъ, и мы страдаемъ отъ горькаго разочарованія. Конечно, подобные случаи бываютъ и въ сѣверной Пальмирѣ; но въ Москвѣ они повторяются какъ-то чаще, особенно въ послѣднее время. Вспомните первые, юные годы «Русскаго Вѣстника»: чье сердце не дрожало при чтеніи его страницъ! сколько онъ пробудилъ въ насъ надеждъ и ожиданій самыхъ отрадныхъ и упоительныхъ! вотъ гдѣ жизнь и живое слово, вотъ кто раскроетъ намъ глаза, выведетъ насъ изъ апатіи и подвигнетъ къ энергической дѣятельности,—думали мы, и жадно, до самозабвенія впивались и вчитывались въ его статьи. Очарованные наставникомъ, мы вполнѣ раздѣляли его увлеченія, вмѣстѣ съ нимъ восхищались отрадными явленіями — гласностью,

желѣзными дорогами, «уничтоженіемъ шлагбаумовъ». Но времена измѣнились, мы немножко поохладѣли, жаръ увлеченія простылъ, сами наконецъ догадались, что дѣло не ладно, что нужно кое-что другое; а наставникъ все тянулъ старую пѣсню, продолжалъ увлекаться, разнѣжился и развалился въ самодовольствіи, и сталъ даже оправдывать самодовольствіе, находя его вполнѣ основательнымъ и законнымъ. При имени «Русск. Вѣстника» невольно припоминается цѣлая плеяда именъ, блестѣвшихъ нѣкогда подобно солнцу. Что говорили прежде Бабстъ, Чичеринъ, Леонтьевъ? какъ волновали и наполняли радостію и надеждами наши юныя сердца? и что они говорятъ теперь, какія мысли возбуждаютъ въ умахъ и чувства въ сердцахъ? А Аксаковъ? онъ ли не обѣщалъ намъ многаго? Сколько онъ представилъ залоговъ и ручательствъ своей просвѣтительной дѣятельности, какъ прекрасно зарекомендовалъ себя! Съ какою самоувѣренностью онъ говорилъ въ объявленіи объ изданіи своей газеты, что его убѣжденія и взгляды такъ извѣстны всѣмъ, что о нихъ и толковать нечего, и что направленіе его газеты будетъ прекрасно, — это ужь само собою разумѣется. Ну, какъ не повѣрить, и какъ не надѣяться? Но заговорилъ Аксаковъ, и тѣ, которые нетерпѣливо желали слушать его, закрыли уши, чтобы не слушать, разинули рты отъ изумленія, и тоже въ горькомъ разочарованіи повѣсили носы и опустили головы. Догадливый читатель можетъ самъ увеличить число подобныхъ примѣровъ, гдѣ люди начинаютъ за здравіе, а оканчиваютъ за упокой. Да, Погодинъ, ты (извините, — этого требуетъ ораторское движеніе) не одинъ, и ты не исключеніе; взгляни на сонмъ окружающихъ тебя ученыхъ московскихъ, и ты убѣдишься въ этомъ непремѣнно! Въ Петербургѣ подобныя метаморфозы понятны, они легко объясняются непостоянствомъ климата и погоды; а чѣмъ объяснить московскія превращенія, чѣмъ? чѣмъ?... Видно, намъ не разрѣшить этого вопроса; и потому мы перевертываемъ заглавную страницу погодинскаго разсужденія и переходимъ къ самому разсужденію. — Оно составлено на основаніи документовъ, найденныхъ г. Есиповымъ въ архивахъ. Вотъ результаты, извлеченные изъ нихъ г. Погодинымъ:

«Около царевича, съ самыхъ молодыхъ его лѣтъ, находилось нѣсколько лицъ, составлявшихъ какое-то особое дружеское общество; они имѣли свои виды и дѣйствовали сообща, въ отдаленіи отъ прочихъ, наблюдая разныя предосторожности: говорили между собою, а иногда и переписывались, языкомъ условнымъ, употребляли тайныя азбуки (1). Дѣло о постриженной царицѣ поднято, безъ всякаго сомнѣнія, по отношенію, какое она и ее окружавшіе имѣли къ царевичу. Всѣ они захвачены и привезены въ Москву, лишь только начался розыскъ. Между тѣмъ, во всемъ этомъ дѣлѣ, во всемъ розыскѣ, нѣтъ

ни слова о царевичѣ. Выбраны для осужденія ихъ совсѣмъ другія вины — оставленіе монашескаго платья, поминаніе на эктеніяхъ, связь съ Глѣбовымъ. Всѣ эти вины такого рода, что не могли влечь за собою подобнаго уголовнаго наказанія. Они извѣстны были прежде и оставлялись безъ вниманія. Предать ихъ теперь суду, счесть ихъ достойными такого страшнаго наказанія,—было дѣйствіемъ другаго разсчета и вмѣстѣ совершеннаго произвола — новое разительное доказательство искуственности, недобросовѣстности процесса. Еслибъ Петръ рѣшилъ кончить дѣло съ женою и сыномъ самъ по себѣ, безъ суда, безъ манифестовъ, безъ цитатъ изъ св. писанія, изъ уложенія, то его оправдать, или, по крайней мѣрѣ, собрать circonstances atténuantes въ его пользу, объяснить, было бы для безпристрастнаго изслѣдователя гораздо легче (VI). Всего важнѣе въ добытыхъ нами результатахъ *время*, къ которому они относятся. Мы теперь знаемъ положительно, что уже въ 1704 г., слѣдовательно, когда царевичу было едва 14 лѣтъ, ожидалась перемѣна обстоятельствъ; что въ 1706 году были уже тайныя свиданія, употреблялся условный языкъ, соблюдалась осторожность, выражалось неудовольствіе, происходили пированья и т. д.» (XVII). — Нѣсколько крупицъ, но и они интересны, и важны для дѣла.

Очень интересно также письмо одного помѣщика къ губернатору, подъ такимъ заглавіемъ: «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества». Можно не раздѣлять мыслей, изложенныхъ въ письмѣ, но нельзя не уважать его за послѣдовательность, за строгое и стройное проведеніе одной общей мысли.

«Въ юности», писалъ помѣщикъ, «я не избѣжалъ соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота, который не токмо до губерніи нашей, но и до глубины самой Сибири простеръ свое вліяніе на молодые умы. Обманутое воображеніе наше носилось въ мечтательномъ мірѣ, который предполагаетъ людей совершенными, достойными вольности неограниченной, и власть дѣлаетъ только выраженіемъ общей воли. Разсѣялась сія мечта для всѣхъ и для меня; власть, въ умахъ, самыхъ предубѣжденныхъ противъ нея, стала тѣмъ, чѣмъ была она искони, то есть однимъ изъ первѣйшихъ средствъ, Провидѣніемъ употребляемыхъ для нашего счастія, не выраженіемъ общей воли, но изліяніемъ самаго божества, которое на единоначаліи и постепенно нисходящей подчиненности основало всю природу. — По истинѣ должно удивляться, что нѣкоторые слѣды прошедшаго исступленія имѣютъ еще и понынѣ мѣсто. Люди, впрочемъ, почтенные,

признавая необходимость монархіи въ большихъ массахъ, продолжаютъ отвергать оную въ меньшихъ, изъ коихъ первыя состоятъ. Какъ будто могутъ быть, въ одномъ и томъ же отношеніи вещей между собою, начала различныя? — Политическія истины, коль скоро онѣ признаны таковыми, *необходимо должны быть повсюду и во всѣхъ приложеніяхъ истинами*. Признавать, что самодержцы, а не національные конвенты, нужны для большихъ обществъ, государствами называемыхъ, и въ то же время воображать, яко бы общества селеній (крестьянскихъ) могутъ быть на республиканскихъ началахъ (самоуправленіе) — это совершенно то же, какъ притягательную силу признавать во всей солнечной системѣ, но отвергать ее въ каждой планетѣ» (стр. 173). — «Сокращаю мои разсужденія. Но образъ мыслей, который на нихъ основывается, есть слѣдующій: въ государствѣ монархическомъ всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія же; одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго тѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь. И слѣдовательно, помѣщики, для благоденствія селеній земледѣльческихъ, почти столько же нужны, сколько монархъ для подданныхъ вообще» (стр. 139). — «Помѣщика я разумѣю наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому верховная власть, давъ землю для населенія, чрезъ то ввѣрила ему попеченіе о людяхъ (крестьянахъ), на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами, — однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству, онъ есть ихъ генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ» (стр. 141). — «Крестьяне, конечно, мнѣ принадлежатъ, но не въ иномъ смыслѣ, какъ дѣти принадлежатъ своимъ отцамъ и подданные во всякомъ монархическомъ правленіи своимъ государямъ» (стр. 141). — «Россійскіе помѣщики, по разуму законовъ своего отечества, не что иное, какъ намѣстники своихъ великихъ государей, каждый по ввѣренной ему наслѣдственно части. Право на пожалованныя имъ въ собственность земли соединено съ правами полиціи и суда въ той же окружности. Слѣдовательно, предметъ сихъ послѣднихъ, люди, должны необходимо и преимущественно приниматься въ разсужденіе» (стр. 142). — «Гіерархическая зависимость есть древняя, до нынѣ въ буряхъ вѣковъ и перемѣнъ въ Россіи уцѣлѣвшая нить, связующая государя съ послѣднимъ изъ его подданныхъ. Политическія истины наши основываются не на Парижской Энциклопедіи, но на Энциклопедіи, которая несравненно старѣе, — на Библіи. Цари наши не суть репрезентанты народовъ: нелѣпое и вмѣстѣ безчеловѣчное мечтаніе! но репрезентанты того, который владѣетъ царствами, и ему же хощетъ, даетъ. Въ нашей системѣ каждый членъ великой лѣствицы существъ

представляетъ для подчиненныхъ себѣ то первообразное лицо, которое его на грезу поставило. Симъ обезпечивается подчиненность, а благоговѣйною такою подчиненностію обезпечивается общій порядокъ въ государствѣ. Государь, средоточіе подчиненности и порядка, приводящее постепенно все въ движеніе, озаряющее собою все, есть уже послѣдній предметъ, который могутъ видѣть бренныя очи. Но гіерархическая нить, и скрываясь отъ насъ, еще восходитъ. Она кончится тамъ, у престола монарха міровъ. Покланяюсь тебѣ, величественная простота началъ предвѣчныхъ! Ты удовлетворяешь меня болѣе, нежели всѣ хитросплетенія человѣческія» (стр. 175).—«Наши Россійскіе законы въ существѣ своемъ превосходны. При ближайшемъ разсматриваніи, смыслъ ихъ совершенно согласенъ съ истинами религіи. И если время сдѣлало нужнымъ нѣкоторое ихъ преобразованіе, то сіе преобразованіе должно быть не перемѣна (сохрани насъ отъ того, великій Боже!), а только изложеніе ихъ устами человѣколюбія. Москва, 1810 года» (стр. 176).

Отголоски славянской поэзіи. Москва. 1861.

Панславизмъ никакъ не хочетъ угомониться и рѣшительно не даетъ намъ покою; куда ни посмотришь, вездѣ заявляются панславистскія тенденціи, имѣющія цѣлью снова подогрѣть и воспламенить уже было остывшія радужныя мечты о соединеніи великаго славянскаго племени во едину семью, главою которой и оплотомъ будемъ мы, взлелѣенные судьбою, отлично воспитанные и приготовленные къ своей будущей роли—отцовъ славянской семьи. Вотъ даже поэзію обращаютъ въ орудіе панславизма; отголосками пѣсней славянской музы хотятъ растрогать наши каменныя сердца, исторгнуть изъ нихъ ненависть къ славянамъ, и пробудить сочувствіе и любовь къ нимъ. «Въ настоящую пору», говоритъ составитель и переводчикъ, «Отголосковъ славянской поэзіи», «когда славянскій міръ начинаетъ пробуждать сочувствіе въ русскомъ обществѣ—въ Европѣ ужь давно интересуются славянами—можетъ быть нелишнимъ и появленіе настоящей книжки. Въ Австріи очень нерѣдко выходятъ подобные сборники нѣмецкихъ переводовъ изъ славянскихъ поэтовъ. Въ этомъ отношеніи намъ не стыдно было бы хоть не отстать даже и отъ австрійскихъ славянофиловъ.... М. П—ій.» Эко чѣмъ вздумали соблазнять насъ, примѣромъ австрійскихъ славянофиловъ; куда какая большая честь—состязаться съ ними! Напротивъ, въ томъ-то и бѣда наша, что мы понимаемъ панславизмъ съ австрійской точки зрѣнія и стремимся къ нему по методѣ австрійской. Вѣдь всѣ австрійцы, нельзя сказать, чтобы они ненавидѣли славянъ; совершенно напротивъ, они любятъ славянъ, дорожатъ ими

какъ можно больше, и употребляютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы быть съ ними во единой великой семьѣ австрійской. А славяне желаютъ прервать съ ними семейныя связи, чѣмъ и возбуждаютъ неудовольствіе въ австрійцахъ, не желающихъ нарушать цѣльность семьи. Задумавши жить своимъ домомъ и особой семьей, славяне стараются обзавестись всѣмъ необходимымъ для самостоятельной жизни, готовятъ и запасаютъ для себя языкъ, литературу, поэзію, пѣсни. Австрійцы же стараются препятствовать такимъ приготовленіямъ и уничтожать эти запасы, явно клонящіеся къ разрыву общей единой семьи, и естественно, не любятъ славянскихъ языковъ и литературы. Не имѣя славяне никакихъ заднихъ мыслей, разрушительныхъ для единства семьи, австрійцы любили бы ихъ поэзію и литературу, восхищались бы ихъ народною рѣчью и пѣснями.—Мы—не австрійцы, наше дѣло сторона, и потому мы любимъ славянъ совершенно безкорыстно; вѣдь странно же въ самомъ дѣлѣ предположить, что мы питаемъ къ нимъ ненависть такъ себѣ ни съ того–ни съ сего; это дьявольское, а не человѣческое чувство. И человѣкъ можетъ ненавидѣть, но только тогда, когда есть для этого какая нибудь причина, а вообще-то говоря, онъ склоненъ больше къ любви, чѣмъ ненависти; онъ можетъ быть равнодушнымъ, а все-таки не станетъ ненавидѣть людей, которые ему ничего не сдѣлали худаго, какъ намъ славяне. Мало того, мы сочувствуемъ славянамъ, потому что мы знаемъ ихъ страданія, ихъ бѣдственное положеніе, легко можемъ представить себѣ, какъ горько ихъ житье. Это все очень естественно; всякое страданіе вызываетъ наше участіе и сострадание; намъ жаль страждущихъ и угнетаемыхъ племенъ, хоть бы даже они и не были славянскими. Тѣмъ болѣе намъ должно быть жаль славянъ; они все-таки приходятся съ-родни намъ; мы сочувствуемъ имъ, желаемъ имъ всякаго добра, и очень рады были бы помочь имъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи, если бы только для того были у насъ средства. А безъ средствъ, все наше сочувствіе и сострадание совершенно напрасно и рѣшительно не принесетъ никакой пользы славянамъ. Принимая во вниманіе эти соображенія, мы рѣшительно не можемъ понять, изъ-за чего хлопочутъ и чего добиваются панслависты. Зачѣмъ они взываютъ къ намъ о помощи и сочувствіи страждущимъ славянамъ, когда мы никакимъ образомъ не въ состояніи помочь имъ, зачѣмъ они стараются разжечь въ насъ любовь и сострадание къ славянамъ трогательнымъ изображеніемъ ихъ несчастной доли, когда эта любовь и безъ того есть у насъ, и мы хорошо знаемъ и понимаемъ ихъ несчастія? Это одно показываетъ, что панслависты хотятъ возбудить въ насъ любовь къ славянамъ не обыкновенную, а австрійскую, требуютъ, чтобы мы заботились о славянахъ такъ, какъ заботятся о нихъ австрійцы,

чтобы мы выражали дѣятельное желаніе быть съ славянами въ одной общей семьѣ; и это требованіе предлагают не намъ только, существамъ слабымъ и безсильнымъ, но и тѣмъ, которые посильнѣе насъ и побольше имѣютъ средствъ къ тому, чтобы свое сердечное сострадание выразить въ дѣятельной помощи такъ или иначе обобщить и округлить семью славянскую. Такимъ образомъ въ своихъ планахъ панслависты нисколько не измѣняютъ и не облегчаютъ участи славянъ; изъ одной семьи славяне попадаютъ въ другую, и все-таки имъ не удастся пожить своимъ домомъ и насладиться прелестями собственнаго и самостоятельнаго хозяйства и хозяйничанья. Теперь панслависты любятъ, вопреки австрійцамъ, славянскую поэзію; но въ случаѣ осуществленія ихъ плановъ, когда все славянство соединится въ «единую великую семью», они сами будутъ косо посматривать на попеченія славянъ о своей поэзіи, будутъ, подобно австрійцамъ, видѣть въ этихъ попеченіяхъ попытки къ самостоятельному житью и нарушенія на цѣлость семьи, и къ концу концовъ славянамъ придется жить не припѣваючи и самостоятельно, а съ покорностью и подчиненіемъ. Этого не понимаютъ и не предвидятъ славянскіе поэты и всѣ вообще славяне; а потому и сочувствуютъ панславистамъ, видя въ нихъ своихъ благодѣтелей, горячо принимаютъ къ сердцу панславистскія тенденціи и планы, ожидая своего спасенія отъ осуществленія ихъ. Дружба и любовь славянскихъ поэтовъ къ панславистамъ основывается такимъ образомъ на недоразумѣніи. Славянскіе и русскіе поэты поютъ повидимому согласно, но вслушавшись со стороны въ ихъ пѣніе, вы легко замѣтите диссонансы, неслышные для нихъ самихъ. Первое стихотвореніе, помѣщенное въ «Отголоскахъ» и, вѣроятно принадлежащее самому собирателю, называется «Славянскій поэтъ русскому.» Въ немъ славянскій поэтъ завидуетъ русскому, воображая, что ничего на свѣтѣ не можетъ быть лучше положенія русскаго поэта; ты, говоритъ, собратъ, получаешь лавровые вѣнки, ты ловишь милліоны братій, у тебя вездѣ и просторно и свѣтло, не то что у насъ; ты веселъ и беззаботенъ, поешь какъ птичка на вѣточкѣ:

Пой, молодой пѣвецъ! Твой не напрасенъ трудъ:
Твои слова милльоны братій ловятъ!
Твои соотчичи давно поэтовъ ждутъ
И имъ вѣнцы лавровые готовятъ.
У насъ — у насъ вездѣ и тѣсно и темно:
Былаго тяжкаго, знать, не сорвешь *печати!*
Удѣлъ униженныхъ — отчаянье одно!
Какую пѣснь теперь для нихъ затянешь *кстати?*

И славянскій поэтъ, конечно, доволенъ своимъ стихотвореніемъ,

воображая, что онъ сказалъ сущую правду, что его мадригалъ есть чистая монета, и русскій поэтъ вполнѣ съ нимъ согласится. Другой славянскій поэтъ Челаковскій обращается уже не къ русскому поэту, а ко всѣмъ дѣтямъ Руси съ такою пѣсней:

Подъ Москвой святой, подъ родимою,
Много храбраго войска русскаго,
Много воинства и французскаго
Ко сырой землѣ клонитъ голову....
Дѣти вѣрные родной матери,
Вы защитники милой родины,
Вы заступники царя добраго!

Мы совершили, говорятъ, «панихиду вамъ», какой свѣтъ не видалъ; у насъ не было много свѣчей и воску яраго, а потому мы зажгли только одну свѣчку и поставили ее во храмѣ Божіемъ:

Лишь одну свѣчу — Москву-матушку....
Вамъ, друзьямъ нашимъ, въ упокой души,
А врагамъ лихимъ — къ посрамленію.

И славянскій поэтъ воображаетъ, что онъ сказалъ друзьямъ своимъ отчаянный комплиментъ. Третій славянскій поэтъ предлагалъ панславистамъ условія и способъ соединенія всѣхъ славянъ въ одну семью, простодушно воображая, что панслависты согласятся на нихъ безпрекословно. Можетъ быть, какой нибудь панславистскій поэтъ и увѣрилъ его въ этомъ и въ стихахъ согласился принять предложенныя условія, хотя его собратья панслависты на дѣлѣ никогда не примутъ ихъ и потребуютъ другаго способа соединенія. Вотъ что именно говорилъ этотъ простодушный славянскій поэтъ, Антоній Сова (Желиговскій).

Собратія мои по духу и по крови —
Хоть въ *разныхъ вѣрахъ* мы отцами крещены,
Хоть мы и *разошлись* между собою *въ словѣ*, —
Мы всѣ въ одной цѣпи быть звѣньями должны!

....Но то для сердца больно,
Что помрачаются дѣянія людей!
Какой-то злобный духъ надъ ними своевольно
Распространяетъ мракъ темнѣе и темнѣй.

Тамъ знамя «лжи» считается народнымъ,
И возбуждаетъ лишь безсмысленный восторгъ,
Святое все слыветъ отверженнымъ, безплоднымъ,
И честь дешевая выносится на торгъ.

Теперь сознали мы — къ какой стремимся требѣ:
Теперь не *надо намъ чужихъ земель*, знаменъ,
Мы всѣ нуждаемся въ одномъ насущномъ хлѣбѣ,
И тотъ насущный хлѣбъ — *есть счастіе племенъ!*

На то, чтобы всѣмъ быть «въ одной цѣпи», въ одной семьѣ, панслависты согласятся; но на другія условія — ни за что, держимъ какое угодно пари. Братья по духу должны быть братьями по вѣрѣ, имѣть одну вѣру; братья же по крови не должны расходиться въ словѣ, а иначе будетъ существовать постоянная опасность для цѣлости и нераздѣльности семьи. Далѣе, панслависты знамя «лжи» именно считаютъ народнымъ и съ большимъ трудомъ откажутся отъ этого знамени, если только откажутся. Наконецъ, славяне, по словамъ Антонія Совы, не хотятъ «чужихъ земель»; главная цѣль ихъ стремленій «есть счастіе племенъ»; тогда какъ главная цѣль панславистскихъ стремленій есть панславизмъ, соединеніе и цѣлость семьи, съ австрійской точки зрѣнія. Будутъ ли счастливы племена или нѣтъ, объ этомъ, какъ показалъ опытъ, панслависты не думаютъ; забота ихъ главнымъ образомъ устремлена на то, чтобъ всѣ славянскія племена соединились въ одну семью, большую и грандіозную. Инымъ племенамъ придется жутко, неудобства совокупной семейной жизни возрастутъ для него до ужасныхъ размѣровъ; но они все должны переносить спокойно и терпѣть благодушно, и изъ-за этого не нарушать общаго единства; всякое покушеніе на цѣлость семьи, всякая попытка уйти отъ семейныхъ непріятностей и высвободиться изъ-подъ семейнаго гнета, есть преступленіе и безуміе. — дѣло совершенно противное коренному славянскому духу, семейственному и общинному. У малоруссовъ, какъ извѣстно, семьи дробятся слишкомъ и распадаются скоро. Отецъ имѣетъ, напримѣръ, одного женатаго сына; какъ только у сына выйдутъ непріятности съ отцомъ, или у его жены—съ свекровью, онъ тотчасъ же удаляется отъ отца, оставляетъ старую семью и заводитъ свой домъ, новую семью; хоть это бываетъ иногда сопряжено съ издержками, но сынъ не обращаетъ на нихъ вниманія, только бы избавиться отъ постоянной, вѣчной вражды и ссоръ. Но вѣдь за то «День» и не долюбливаетъ малоруссовъ, какъ плохихъ представителей славянскаго начала. У великоруссовъ, истыхъ славянъ, бываетъ не такъ. У иного отца пять сыновей, и всѣ они женатые; съ отцомъ у нихъ отношенія самыя натянутыя, постоянно встрѣчаются недоразумѣнія, непріятности; снохи грызутся между собою, какъ собаки, изъ-за нихъ перессорятся и братья; — настоящій адъ. Однако всѣ живутъ вмѣстѣ, строго блюдутъ цѣлость и неприкосновенность семьи. Таковъ и у панславистовъ идеалъ обще-славянской семьи. Славяне имѣютъ совершенно противоположный идеалъ, у нихъ на

первомъ планѣ не цѣлость и величина семьи, а счастіе племенъ. А они между тѣмъ воображаютъ, что совершенно сходятся съ панславистами, и думаютъ, что идутъ съ ними къ одной цѣли. И такихъ недоразумѣній множество; поэзія и восторженность съ той и съ другой стороны мѣшаютъ раскрытію и разъясненію такихъ недоразумѣній.

Но какова бы ни была цѣль панславизма, посмотримъ, какъ достигаютъ этой цѣли «Отголоски славянской поэзіи», способны ли они пробудить въ русскомъ обществѣ сочувствіе къ славянскому міру и его поэзіи. Если въ славянской поэзіи нѣтъ произведеній лучше тѣхъ, какія переведены въ «Отголоскахъ», и если переведенныя также хороши и въ оригиналѣ, какъ въ переводѣ, то дѣйствительно славянская поэзія достойна жалости, и «Отголоски» ея способны возбудить состраданіе къ ней, а не то что сочувствіе. Почти всѣ собранныя въ нихъ стихотворенія имѣютъ такой сюжетъ: *онъ*, милый, обращается къ *ней*, милой, и всегда фамильярно на *ты*, и всегда обращается затѣмъ, чтобы сказать ей какіе нибудь пустяки,—и говоритъ, говоритъ-то какъ.... Да вотъ послушайте сами какъ:

«Долой изъ памяти!...» Нѣтъ! Этого завѣта
Невластны выполнить — ни я, ни даже *ты*.
Чѣмъ далѣе предметъ поставленъ колоссальный,
Тѣмъ больше за собой отбрасываетъ тѣнь;
Чѣмъ дальше буду я, тѣмъ образъ мой печальный
Скорѣе омрачитъ тоской твой ясный день!

РАЗГОВОРЪ.

«О милый другъ, зачѣмъ съ тобою *говорю я*,
Когда себя хочу я высказать вполнѣ?
Зачѣмъ души моей въ твою *не перелью я*, и т. д.
Какъ въ летаргіи, я рѣшительно не въ силахъ
Дать знать, что кровь еще струится въ этихъ жилахъ, и проч.

СОМНѢНІЕ.

«*Ты* покоя жаждешь? *Ты* желаешь *счастья*?
Я за нихъ радъ—въ битву, радъ за нихъ хоть *пасть я*, и проч.

СОНЪ.

«Пусть съ вечера, предъ утромъ (?) разставанья,
Послѣдніе часы незримо пролетятъ
Въ любви.... лишь при концѣ послѣдняго свиданья
Ты дашь отравы мнѣ (?): я жадно выпью ядъ, и т. д.

ЭЛЕГІЯ.

«Нѣтъ! въ глубь души моей *ты* загляни сначала;
На днѣ ея найдешь немало перловъ *ты*:
Тамъ есть чувствительность, тамъ много *доброты*», и т. д.

Отгадайте, чьи это такія стихотворенія; это все Мицкевича; да,

его, — хорошъ вкусъ у нашего панслависта, нашелъ, чѣмъ воспользоваться отъ Мицкевича. А вотъ образчикъ и отголосокъ Сыромятии:

«Хочу я быть съ *тобой* при всѣхъ, всегда открыто,
И ручки жать твои, не муча и врага
Сокрытой тайною, сомнѣньемъ ядовитымъ....
Хочу при всѣхъ сказать — какъ *ты* мнѣ дорога! и т. д.

А они упорно путь мой устилали *терномъ:*
Все во мнѣ—и умъ, и чувство—имъ казалось *чернымъ*.
И за что мнѣ этимъ платятъ?... всюду ставятъ сѣти?
Вѣдь и мнѣ немножко счастья надобно жь на свѣтѣ», и т. д.

СЛЕЗЫ.

(*Изъ Одыньца*).

«Жаркія слезы въ часы разставанья
Жгутъ, словно пламень, ланиты:
Только послѣднее наше свиданье,
Милый мой другъ, вспомяни *ты*....» и т. д.

Что за странность такая? все ты, да ты, мой другъ; ужели нѣтъ въ славянской поэзіи какихъ нибудь другихъ мотивовъ, болѣе глубокихъ и болѣе серьёзныхъ. Гдѣ же выраженія тѣхъ страданій, которыя терпятъ наши братья по духу и по крови; гдѣ поэтическіе стоны, которые невольно вырывались изъ ихъ растерзанной груди? И удивительное дѣло, даже въ народныхъ пѣсняхъ славянскихъ, переведенныхъ въ «Отголоскахъ», ничего нѣтъ, кромѣ того же «ты». Вѣроятно, переводчикъ нарочно выбиралъ ихъ, потому что ему хорошо удаются риѳмы на *ты*, да еще на *я*. Вотъ, напримѣръ, чешская народная пѣсня:

«И куда, мой другъ, *ты* ѣдешь?
Тамъ вѣдь нѣтъ и слѣду!...
Но куда ни повернешь *ты* —
Я съ тобой поѣду.»

А вотъ пѣсни сербскія.

1.

«Помнишь, милая, когда моей *ты* стала,
Какъ рыдала *ты*, къ моей припавши груди,
Какъ сквозь слезы *ты* мнѣ говорила»: и проч.

2.

«— Неужели *ты* ужь вышла замужъ?»
— Вышла, милый.... у меня ужь сынъ есть», и т. д.

3.

«Ахъ *ты*, роза, *ты* румяная!
Что такъ рано распустилась *ты*?

Для кого же мнѣ сорвать тебя?
Для родимой сорвала бы я,
Да лежитъ она въ сырой землѣ;
Для сестрицы сорвала бы я,
И для брата сорвала бы я», и проч. и проч.

Хороши «Отголоски»; и «появленіе настоящей книжки не лишне».

Этюды. Популярныя чтенія Шлейдена. Переводъ съ нѣмецкаго, профессора московскаго университета *Калиновскаго*. Москва. 1861.

Шлейденъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ ученомъ мірѣ своими трудами и открытіями по части ботаники и растительной физіологіи; а публикѣ неученой онъ извѣстенъ, какъ авторъ популярнаго сочиненія «Растеніе и его жизнь». Ботаника, какъ видите, это его специальность; ею онъ занимался съ успѣхомъ, пріобрѣлъ себѣ порядочную репутацію, какъ знатокъ своего дѣла, отлично владѣлъ микроскопомъ и анатомическимъ ножичкомъ, умѣлъ слѣдить за растительною пылью и плодотворными крупинками, — кажется, чего же больше? И слѣдовало бы ему всегда подвизаться на этомъ поприщѣ, гдѣ онъ былъ какъ дома, какъ въ своей тарелкѣ; такъ нѣтъ же, область ботаники показалась ему тѣсною, онъ рванулся въ другія области и другія сферы, воображая, что и здѣсь ему будетъ такъ же привольно какъ въ ботаникѣ, и здѣсь онъ не окомпрометируетъ себя и сдѣлается мастеромъ дѣла. Слѣдствіемъ такого порыва и были многія неботаническія статьи Шлейдена, нѣсколько скандализировавшія его ученость, въ томъ числѣ и настоящіе «Этюды». Содержаніе ихъ самое разнообразное: душа растеній, мечтаніе естествоиспытателя въ лунную ночь, Валленштейнъ и астрологія, волшебство и суевѣріе, природа звуковъ и звуки въ природѣ и т. д. Но самый интересный этюдъ, это — Сведенборгъ и суевѣріе; уже одно имя Сведенборга невольно танетъ вниманіе къ этому этюду.

Сведенборгъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный по своей странной судьбѣ и по тому перевороту, который случился въ его головѣ. Въ свое время онъ былъ знаменитымъ первоклассныммъ ученымъ, отлично зналъ математику, астрономію, физику и другія естественныя науки; не одна теоретическая сторона этихъ наукъ занимала его; онъ трудился надъ ихъ практическимъ примѣненіемъ, писалъ практическія и техническія сочиненія, сдѣлалъ много разныхъ улучшеній въ производствахъ и промышленности, усовершенствовалъ и почти совершенно преобразовалъ горное дѣло въ своемъ отечествѣ, Швеціи.

Никакъ нельзя было ожидать отъ такого практическаго человѣка какихъ нибудь мечтательныхъ странностей. И вдругъ въ 1747 году онъ удалился отъ всѣхъ дѣловыхъ занятій, сталъ часто уединяться и увѣрялъ всѣхъ, что душа и духовное тѣло его иногда отрѣшаются отъ естественной плоти. Въ этомъ состояніи онъ будто бы могъ путешествовать по планетамъ и другимъ небеснымъ тѣламъ, могъ видѣть и слышать все, что тамъ дѣлается. Онъ издавалъ описанія своихъ путешествій и въ нихъ разсказывалъ свои наблюденія; говорилъ, что духи на небесахъ ведутъ ученые диспуты о предметахъ, занимающихъ и насъ земнородныхъ, что на нѣкоторыхъ планетахъ живутъ существа, непохожія на людей, имѣющія шарообразную форму, а на другихъ совершенно схожія съ людьми, но только неумѣющія произносить буквы «и» и «е»; видалъ онъ тамъ и умершихъ людей, ихъ занятія, образъ жизни и развлеченія, разговаривалъ и толковалъ съ ними, бесѣдовалъ съ Лютеромъ, Магометомъ и другими. Какъ ни странны были его разсказы и увѣренія, однакожъ нашлись люди, которые отъ всей души повѣрили имъ, признали Сведенборга за духовидца и человѣка необыкновеннаго, и образовали большую секту, которая существуетъ и до сихъ поръ, твердо вѣруя въ истину словъ Сведенборга, и которая, говорятъ, въ послѣднее время даже сильно стала увеличиваться. — Сведенборгъ не единственное явленіе въ своемъ родѣ; исторія представляетъ много личностей, подобныхъ ему, которыя тоже проповѣдывали и выдавали за истину разныя сказки и несбыточныя фантазіи, говорили то, что совершенно противно здравому смыслу и всей природѣ человѣка. Однакожъ имъ вѣрили, и многіе изъ нихъ пріобрѣтали многочисленные кружки и секты послѣдователей. Что же это за личности такія, и что имъ за охота была проповѣдывать разныя небылицы и увѣрять людей въ очевидныхъ нелѣпостяхъ? «При размышленіи о Сведенборгѣ», говоритъ Шлейденъ, «невольно рождается вопросъ: былъ ли онъ плутъ, трунившій надъ простотою легковѣрныхъ читателей, былъ ли обманщикъ, подъ личиною религіознаго мечтательства набиравшій послѣдователей для корыстныхъ цѣлей? На это мы отвѣчаемъ съ полною увѣренностью: нѣтъ, онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ.» Въ доказательство онъ указываетъ на честный и благородный характеръ Сведенборга и на все его поведеніе. То же самое можно сказать и о всѣхъ другихъ мечтателяхъ, имѣвшихъ послѣдователей, подобно Сведенборгу; они не были ни обманщиками, ни плутами, отличались строгостью жизни, честнымъ характеромъ и безукоризненнымъ поведеніемъ. Но этого мало; если бы Сведенборгъ и ему подобные дѣйствовали обманомъ, они бы не имѣли послѣдователей. Человѣкъ, говорящій неискренно, если и можетъ увлечь кого нибудь, то во всякомъ случаѣ не надолго;

сѣти обмана очень непрочны; кто нибудь изъ обманутыхъ можетъ рано или поздо замѣтить ихъ и образумить другихъ, и тогда горе обманщику, довѣріе къ нему теряется навсегда. Легковѣріе удобно поддается обману, но также удобно и оставляетъ его. Только искренность убѣжденія даетъ человѣку силу, покоряющую умъ и сердце другаго. «Кто же былъ Сведенборъ?» спрашиваетъ Шлейденъ. «Скажемъ отвѣчаетъ онъ же, категорически: помѣшанный, но добродушный и совершенно безвредный. Если бы онъ клялся всѣмъ для него священнымъ, что онъ подлинно видѣлъ и слышалъ все, о чемъ разсказываетъ, то это нисколько не мѣшаетъ ему оставаться въ то же время вполнѣ честнымъ и правдивымъ человѣкомъ». Это вполнѣ можетъ быть примѣнено и къ другимъ восторженнымъ мечтателямъ въ родѣ Сведенборга. Они твердо были убѣждены въ томъ, что проповѣдывали, и говорили то, что хотя и было въ существѣ дѣла нелѣпостью и вздоромъ, но имъ казалось истиной вслѣдствіе ихъ умственнаго разстройства; всѣ необыкновенные случаи, происходившіе только въ ихъ разстроенномъ воображеніи, представлялись имъ, по той же причинѣ, дѣйствительными фактами. Поэтому они твердо стояли за свою истину, готовы были жертвовать для нея всѣмъ, даже самою жизнію; это-то и сообщало ихъ словамъ убѣдительность и силу, которой трудно было противиться. Но эта истина есть истина для нихъ, людей нездоровыхъ умомъ; а для другихъ, для здраваго ума, она есть ложь, которой не слѣдуетъ вѣрить, несмотря на всѣ ихъ клятвы и жертвы, такъ соблазнительно дѣйствующія на сердце. Строго говоря, они обманывали другихъ, потому что обманывались сами, и такимъ образомъ, вмѣсто истины, или вмѣстѣ съ частицей истины, распространяли въ большомъ количествѣ ложь и неправду, которая соблазняла и губила многихъ, такъ какъ она противорѣчила основнымъ началамъ здраваго смысла. Поэтому ихъ никакъ нельзя назвать «безвредными»; они стѣсняли человѣческій разумъ и колебали его довѣріе къ своимъ силамъ. Разумъ видѣлъ въ ихъ словахъ противорѣчіе своимъ законамъ и не могъ принять ихъ положеній; но чувство, увлеченное искренностію проповѣди, невольно влекло и его къ принятію этихъ положеній; онъ начиналъ сомнѣваться въ вѣрности своихъ законовъ, наконецъ совершенно отказывался отъ нихъ, подчиняясь чувству и нерѣдко приходилъ къ такому заключенію, что законы и требованія чувства вѣрнѣе и обязательнѣе законовъ и требованій ума даже въ той области, которая исключительно принадлежитъ уму. Все это должно было чрезвычайно замедлить развитіе ума. — Отчего же происходитъ то, что мечтатели несуществующіе предметы признаютъ дѣйствительными, и откуда у нихъ самихъ берется увѣренность въ дѣйствительномъ бытіи этихъ предметовъ? На это Шлейденъ отвѣчаетъ такъ:

«Вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія (въ чемъ бы оно ни заключалось, положимъ даже въ одномъ только нарушеніи равновѣсія нервной силы въ отдѣльныхъ частяхъ нервной системы, что легко можетъ произойти отъ односторонняго упражненія извѣстныхъ группъ нервныхъ волоконъ), дѣятельность мозговыхъ волоконъ, обусловливающая представленіе опредѣленнаго предмета, можетъ быть до того жива, что распространяется на зрительный нервъ и, какъ скоро это случилось, человѣкъ теряетъ единственную возможность отличать мысленныя изображенія отъ дѣйствительныхъ. Тогда происходитъ то, что научно называютъ галлюцинаціями, или обманами чувствъ. Человѣкъ видитъ несуществующіе передъ нимъ предметы такъ ясно и отчетливо, какъ дѣйствительные, слышитъ голоса тамъ, гдѣ никто не говоритъ, а самого себя почитаетъ въ то же время лишь пассивнымъ зрителемъ всей этой фантасмагоріи.

«Это-то и было съ Сведенборгомъ. Получивши уже въ ранней молодости ложное направленіе, по своей юношеской впечатлительности и потому, что отецъ его тоже имѣлъ большую наклонность къ мистической теософіи, Сведенборгъ поддерживалъ это направленіе, предаваясь непомѣрнымъ богословскимъ занятіямъ, и неосторожно углубляясь въ философскія изслѣдованія. Усиленный трудъ, ночныя занятія, постоянное умственное напряженіе должны были произвести, даже и въ его желѣзномъ организмѣ, нѣкоторыя разстройства; наивно разсказанная имъ самимъ комическая сцена перваго его видѣнія наводитъ насъ на причину умственнаго его разстройства, заключавшуюся въ брюшныхъ завалахъ. Поужинавъ плотно поздно вечеромъ въ одномъ лондонскомъ трактирѣ, къ концу ужина онъ увидѣлъ передъ собою облако, а вокругъ комнаты ползающихъ отвратительныхъ пресмыкающихся, змѣй и жабъ. Вскорѣ затѣмъ этотъ мракъ разсѣялся, и тогда, въ углу комнаты, посреди яснаго блестящаго свѣта, онъ увидалъ человѣка, который страшнымъ голосомъ закричалъ ему: «не ѣшь такъ много». Этими явными признаками сильныхъ приливовъ крови къ головѣ, повторявшихся потомъ при всѣхъ его видѣніяхъ, началось его помѣшательство; оно продолжалось цѣлые 27 лѣтъ, составляя въ полномъ смыслѣ слова счастіе его жизни. Вслѣдствіе этого особеннаго вида умственнаго разстройства, онъ невольно принималъ результаты пытливыхъ своихъ изслѣдованій и собственнаго здраваго разума за сообщенія постороннихъ, имъ самимъ созданныхъ образовъ; а потому онъ твердо вѣрилъ во все чудесное и невѣроятное.»

Это объясненіе совершенно справедливо и въ приложеніи ко всѣмъ мечтателямъ, принимавшимъ свои фантазіи за истину. Если бы намъ извѣстна была жизнь каждаго изъ нихъ съ такими исторически вѣрными подробностями, какія мы знаемъ о Сведенборгѣ, то мы могли бы найти объясненіе и истолкованіе ихъ фантазій въ разныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ ихъ жизни, могли бы прослѣдить, какъ они постепенно все болѣе и болѣе увлекались своими меч-

тами и какъ наконецъ дошли до того, что эти мечты имъ показались дѣйствительностію.

Но Сведенборгъ представляетъ еще одну особенность, отличающую его отъ другихъ подобныхъ ему мечтателей. Всѣ они были совершенно помѣшанные, разстройство ихъ умственныхъ способностей было полное, они рѣшительно на все смотрѣли съ своей фантастической точки зрѣнія; тогда какъ Сведенборгъ разсуждалъ совершенно здраво, если дѣло не касалось спеціальныхъ предметовъ его помѣшательства. Описывая свои путешествія по планетамъ, онъ сообщалъ совершенно вѣрно тѣ научные факты, которые извѣстны были астрономіи въ его время, и говорилъ въ этихъ случаяхъ такъ, какъ сказалъ бы самый ученый и здравомыслящій астрономъ того времени; и за тѣмъ уже передавалъ бредъ своей больной фантазіи. Эта особенность Сведенборга тоже нерѣдкость, ее часто можно замѣчать у самыхъ ученыхъ людей. Иной ученый объ одномъ предметѣ разсуждаетъ вѣрно и судитъ здраво, но за то о другихъ предметахъ говоритъ точно помѣшанный, высказываетъ нелѣпости похуже бредней Сведенборга. Шлейденъ говоритъ: «всѣмъ извѣстно распространенное явленіе, что люди въ нѣкоторыхъ, даже можетъ быть во многихъ, отношеніяхъ весьма умные о другихъ предметахъ судятъ не особенно здраво, даже быть можетъ нелѣпо. Тихо де-Браге смѣло измѣрялъ системы небесныхъ тѣлъ, но робко возвращался домой, когда заяцъ перебѣгалъ ему дорогу». Стало быть ученый Шлейденъ не можетъ оскорбиться, и мы нисколько не унизимъ его ученыхъ заслугъ, если скажемъ, что и самъ онъ принадлежитъ къ разряду подобныхъ людей, и много смахиваетъ на Сведенборга. Въ области ботаники онъ умный человѣкъ, о ботаническихъ вещахъ онъ судитъ вѣрно и здраво; но какъ только коснется другихъ предметовъ, сейчасъ же пускается въ такія фантазіи, въ которыхъ замѣчается совершенное отсутствіе здраваго смысла. Читая его этюды о суевѣріи или о душѣ растеній, никакъ не хочешь вѣрить, чтобы ихъ написалъ Шлейденъ, авторъ сочиненія «Растеніе и его жизнь». Въ этихъ этюдахъ онъ пускается въ какую-то странную мистику, повидимому что-то усиливается сказать, а между тѣмъ изъ его словъ рѣшительно ничего не выходитъ. Мы увѣрены, что даже переводчикъ его, г. профессоръ Калиновскій, самъ не понималъ этихъ этюдовъ. Шлейденъ какъ будто вооружается противъ суевѣрія, но потомъ защищаетъ его, старается найти какую-то разницу между суевѣріемъ вѣрнымъ и невѣрнымъ; отвергаетъ «столовыхъ» духовъ, но горячо стоитъ за другихъ духовъ, вызываемыхъ магіей, хотя и вооружается въ то же время противъ волшебства; говоритъ, что наука естествовѣдѣнія не разрушаетъ суевѣрія и не можетъ его разрушить, а потому самъ же соглашается, что изученіе законовъ природы разо—

гнало цѣлый облакъ суевѣрій. Вотъ на пробу нѣсколько мѣстъ изъ «Этюдовъ» Шлейдена:

«Я придаю большое значеніе естествознанію, но говорю съ полнымъ убѣжденіемъ, что естественныя науки не избавили и никогда не избавятъ насъ отъ суевѣрія. — Мало того, я смѣло прибавляю, что суевѣріе неизбѣжно въ каждомъ хорошемъ человѣкѣ, и только совершенно бездушный, углубляясь въ себя, могъ бы сказать, что совершенно свободенъ отъ суевѣрія» (стр. 173).

«Мы можемъ дѣлать различіе между неизвинительнымъ и извинительнымъ, между грубымъ и утонченнымъ суевѣріемъ; но мы не можемъ освободиться отъ него вовсе, если не хотимъ отказаться отъ всей силы моральныхъ идей» (стр. 286). «Мы видимъ постоянно въ исторіи, что по мѣрѣ возрастающихъ человѣческихъ знаній, мало по малу распадается и превращается въ прахъ фантастическое громадное зданіе суевѣрія (значитъ, наука разрушаетъ суевѣрія). Но вообще я сомнѣваюсь, чтобъ въ настоящее время наука могла имѣть вліяніе на подобныя вещи (?). Но не существовало еще привидѣніе, которое бы устояло противъ полицейской власти, какъ скоро она преслѣдовала его неподкупно. Я, съ своей стороны, отдѣлался бы отъ докучливаго привидѣнія, прося помощи не у заклинателей духовъ и философовъ, но у современныхъ Фуше (то есть министровъ полиціи; стр. 311)».

Отчего же происходитъ такая странность у людей ученыхъ и умныхъ вообще, отчего они о нѣкоторыхъ предметахъ разсуждаютъ умно и здраво, а о другихъ совершенно безтолково и нелѣпо? На этотъ вопросъ Шлейденъ отвѣчаетъ такъ:

«Ни одна часть нашего тѣла не имѣетъ такого сложнаго устройства и такой чувствительности, какъ нервная система. Сотни тысячъ волоконъ, составляющихъ нервную систему, можетъ быть не болѣе одного раза въ теченіе тысячелѣтія имѣютъ такое совершенное строеніе и развитіе у человѣка, что всѣ вмѣстѣ служатъ одинаково и превосходно для отправленій духа. Большею частію большія или меньшія партіи ихъ остаются недоразвитыми; вслѣдствіе этого духъ не можетъ, сообразно высшему своему развитію, проявляться нормально въ соотвѣтственныхъ частяхъ; можетъ случиться, что это явленіе будетъ еще замѣтнѣе, чѣмъ болѣе развиты другія части къ большему ущербу общей гармоніи. На этомъ основывается общеизвѣстное явленіе, что люди умные о нѣкоторыхъ предметахъ судятъ не здраво, даже нелѣпо.»

Этимъ можно объяснить и странности самого Шлейдена; видно у него меньшія ботаническія партіи нервовъ развиты хорошо, а большія, такъ сказать философскія, остались недоразвитыми; вслѣдствіе чего онъ и запутался во мракѣ суевѣрія и даже считаетъ его необходимымъ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

сезонъ 1861—1862 года.

НОВЫЕ ПѢВЦЫ. — СОСТАВЪ НЫНѢШНЕЙ ТРУППЫ. — «ОСАДА ГЕНТА». — «ЭРНАНИ». — ШУМЪ ВО ВРЕМЯ СПЕКТАКЛЕЙ. — СВѢДѢНІЯ О ГРАЦІАНИ. — «ПУРИТАНЕ». — АРТИСТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА Г-ЖИ ФЬОРЕТТИ. — АРТУРЪ. — ТРЕБОВАНІЯ ПОВТОРЕНІЙ. — «ПОЛІЕВКТЪ». — «РИГОЛЕТТО». — «СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ». — «ТРАВІАТА». — «ТРУБАДУРЪ». — «ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ» — ОБЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕРѢ. — «ВОЛШЕБНЫЙ СТРѢЛОКЪ». — «НОРМА». — «МАСКАРАДЪ». — СЮЖЕТЪ ЕГО. — РАЗБОРЪ ИСПОЛНЕНІЯ. — ДОСТОИНСТВА КОМПОЗИЦІИ. — НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ФЕЛЬЕТОНИСТА «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ». — ПОСТАНОВКА «МАСКАРАДА». — ВЫЗОВЫ МАЭСТРО». — ХАРАКТЕРЪ СОЧИНЕНІЙ ВЕРДИ. — НОВАЯ ОПЕРА, НАПИСАННАЯ ДЛЯ ПЕТЕРБУРГСКАГО ТЕАТРА. — «АЛЕКСАНДРЪ СТРАДЕЛЛА». — СОДЕРЖАНІЕ ОПЕРЫ. — ХОДЪ ЕЯ НА СЦЕНѢ. — МОЛИТВА, СОЧИНЕНІЯ САМОГО СТРАДЕЛЛЫ. — СВѢДѢНІЯ ОБЪ АРТИСТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КАЛЬЦОЛАРИ. — ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ НАСТОЯЩАГО СЕЗОНА. — ОЖИДАЕМЫЯ ОПЕРЫ.

Въ прошломъ году «Современникъ» напечаталъ въ № 2 только весьма бѣглый очеркъ дѣятельности петербургской оперной труппы.—Въ нынѣшній сезонъ, когда сцена итальянскаго театра замѣтно оживилась, мы постараемся дать нашимъ читателямъ, интересующимся музыкой, болѣе обстоятельный отчетъ какъ о новыхъ, такъ и о болѣе выдающихся прежнихъ операхъ настоящаго репертуара.

Прежде всего укажемъ на двухъ вновь ангажированныхъ пѣвцовъ — Граціани и Анджелини. Кто хоть разъ слышалъ пѣніе г. Граціани, тотъ уже знаетъ, какую цѣну имѣетъ новое пріобрѣте-

ніе нашей сцены; остальныхъ же читателей мы познакомимъ ниже съ этими молодыми артистами. Кромѣ ихъ, составъ оперной труппы почти не измѣнился; тѣ же прима-донны (Фьоретти, Бернарди, Лагруа, Доттини, Нантье-Дидье), тѣ же тенора и басы (Тамберликъ, Кальцолари, Монджини, Беттини, Дебассини, Эверарди, Марини и Полонини).

Итальянскія представленія открылись 11 сентября мейерберовскимъ «Пророкомъ», по нашему «Осада Гента». Театральная зала была совершенно полна, и при выходѣ г-жи Дидье, и въ особенности Тамберлика, огласилась дружными рукоплесканіями обрадованныхъ меломановъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что опера эта, давно знакомая петербургской публикѣ, никогда не возбуждала въ ней восторженнаго одобренія. Несмотря на неотъемлемыя музыкальныя красоты и вдохновенное исполненіе роли Іоанна (Тамберликъ), «Осада Гента», растянутая въ оригиналѣ на 5, у насъ на 4 акта, всегда утомляетъ слушателей. Безпрерывно повторяемое монотонное тріо анабаптистовъ, продолжительный балетъ, и вообще-то нелюбимый меломанами, катанье на конькахъ (les patineurs), предлинный церемоніалъ коронованія Іоанна — за кулисами, и другія быть-можетъ очень эффектныя, какъ спектакль, сцены,—все это притупляетъ музыкальную впечатлительность публики, опера прослушивается вообще апатично, многими не дослушивается до конца, и никогда ни одинъ нумеръ не бываетъ повторенъ auf verlangen.

Второе представленіе было гораздо оживленнѣе перваго; давали «Ernani», и въ роли Карла долженъ былъ рекомендоваться нашей публикѣ молодой, но уже прославленный баритонъ, Граціани, а въ роли Сильвы—Анджелини. Надо замѣтить, что большинство слушателей, имѣя въ виду громадный успѣхъ г. Граціани на парижской сценѣ, ожидало отъ новаго пѣвца очень многаго: его приняли шумными аплодисментами, и послѣ перваго же акта, всѣ убѣдились, что артистъ превосходитъ самыя преувеличенныя ожиданія. Необыкновенно-пріятнаго звука высокій баритонъ, далеко входящій въ теноровый регистръ, мягкій, гибкій, хорошая школа, напоминающая методу Ронкони d'antichissima memoria, бездна музыкальнаго вкуса и смысла, сила и нѣжность глубокаго чувства, увлеченіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поразительное умѣнье владѣть голосомъ,—все это невольно вызывало восклицаніе меломановъ: Questo e il vero canto!

Оживленная игра, простота и скромность манеръ, наконецъ высокій ростъ и счастливая наружность артиста, удачно дополняли прекрасное впечатлѣніе его голоса.

Величественная роль Карла V какъ нельзя болѣе идетъ г-ну Граціани. — Надо видѣть и слышать, какъ вкрадчиво обращается онъ

къ Эльвирѣ, въ дуэтѣ 1-го акта, съ какою гордостью въ то же время отвѣчаетъ на ея недовѣріе:

Che favelli! Un re non mente,

и какъ тотчасъ же разнѣживается:

Vieni meco!... Vien, mi segui,
Ben vedrai quant'io t'amo.

Къ концу этого дуэта Карлъ окончательно расположилъ въ свою пользу всѣхъ.

По окончаніи пьесы, восторженнымъ, единодушнымъ апплодисментамъ не было конца; съ перваго же знакомства Граціани по справедливости занялъ мѣсто въ числѣ любимцевъ нашей публики, увлеченіе которой дошло до того, что она во весь вечеръ, казалось, вовсе не слушала другихъ исполнителей. Къ сожалѣнію, впослѣдствіи г. Граціани пѣлъ въ этой оперѣ какъ-то неохотно, особенно въ финалѣ перваго акта, гдѣ у него большая и самостоятельная партія.

Роль злополучной Эльвиры г-жа Бернарди исполняетъ весьма недурно. Прекрасная наружность этой артистки обезпечиваетъ преимущественно за нею право представлять женщину, которую вырываютъ другъ у друга и король, и престарѣлый герцогъ, и пылкій бандитъ. Притомъ партія эта не требуетъ глубокаго драматизма; умѣнье же держать себя на сценѣ, чистый голосъ и вѣрное пѣніе г-жи Бернарди не подлежатъ сомнѣнію, такъ что публика постоянно относится къ ней одобрительно. А что такое одобреніе молодая пѣвица умѣетъ цѣнить, это доказывается тѣмъ, что она продолжаетъ серьёзно заниматься, и къ нынѣшнему сезону замѣтно усовершенствовалась: игра ея уже не такъ холодна, вокализируетъ она смѣлѣе и съ большимъ вкусомъ, и нѣкоторыя ноты ея голоса, въ особенности низкія, доставляютъ истинное удовольствіе. Несмотря на это, нѣкоторые господа позволяютъ себѣ шикать при ея появленіи. Не говоримъ уже о крайнемъ неприличіи такого обращенія съ скромной и робкой женщиной; но замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ шиканье просто не имѣетъ никакого смысла. Г-жа Бернарди не беретъ высоко-драматическихъ ролей, всѣ свои партіи исполняетъ старательно, всегда дорожитъ мнѣніемъ публики и съ усердіемъ занимается усовершенствованіемъ своей методы пѣнія; если присоединить къ этому ея хорошія природныя средства, то каждый согласится, что пѣвицу эту слѣдуетъ поощрять, а не обезкураживать.

О другомъ дебютантѣ мы не будемъ распространяться; скажемъ только, что г. Анджелини не безъ искусства владѣетъ хорошимъ и обширнымъ басомъ (отъ нижняго ге́ до верхняго sol). Но въ голосѣ его мы ни разу не замѣтили тѣхъ полныхъ и глубокихъ низкихъ

нотъ, которыя составляютъ важную принадлежность настоящаго basso profondo; — къ тому же тембръ его вообще не довольно звученъ и въ усиленныхъ нотахъ не совсѣмъ пріятенъ. — Тѣмъ не менѣе нельзя не порадоваться этому новому пріобрѣтенію нашей сцены, на которой давно недоставало удовлетворительнаго баса. Всѣ исполняемыя г-мъ Анджелини роли доказываютъ, что онъ серьёзно смотритъ на искусство и обладаетъ какъ музыкальнымъ, такъ и сценическимъ талантомъ.

Заговорившись о Граціани, Бернарди и Анджелини, мы было и забыли, что въ «Эрнани» есть еще одно дѣйствующее лицо — самъ Эрнани. Но какъ уже было упомянуто, что роль его исполняетъ г. Монджини, то, полагаемъ, этимъ сказано, если не все, то очень много. Что въ его партіи есть прекрасные нумера,—это знаютъ всѣ: «Эрнани» не новая опера. — Ка̀къ исполняетъ свои роли г. Монджини — это тоже знаетъ петербургская публика: пѣвецъ этотъ ея «старый другъ», хотя ужь никакъ не лучше новыхъ двухъ.

Въ заключеніе же нашей бесѣды объ «Эрнани» мы охотно послѣдуемъ примѣру публики Большаго театра, которая постоянно, по окончаніи оперы, растроганная кончиной героя, дружно вызываетъ Граціани. Возвратимся же и мы къ нему.

Франческо Граціани родился въ 1829 году, въ Фермо, небольшомъ городкѣ Церковной области, degl'antichi Stati Papali, какъ говорятъ оптимисты итальянцы. Въ 1852 г. онъ дебютировалъ на Мачератскомъ театрѣ въ вердіевской оперѣ «Masnadieri», вмѣстѣ съ г-жею Фьоретти. Потомъ онъ пѣлъ во Флоренціи, а съ 1855 г. до пріѣзда сюда прожилъ въ Лондонѣ и Парижѣ, гдѣ и упрочилъ за собою славу первокласснаго артиста.

Третьей, по порядку, пьесой текущаго сезона были «Пуритане», которые и въ прошломъ году, благодаря Кальцолари и Фьоретти, были одною изъ наиболѣе посѣщаемыхъ оперъ. Въ нынѣшнемъ же интересъ ея еще болѣе усилился, такъ какъ роль Ричарда исполнялъ Граціани, а Георга — Анджелини. Въ прошлогодней замѣткѣ нашей объ оперѣ («Совр.» 1861 г. № 2. Совр. обозр. стр. 86) мы довольно подробно говорили о «Пуританахъ», а потому не будемъ разбирать исполненіе ролей Артура и Эльвиры (Кальцолари и Фьоретти), блистательное какъ и прежде. Но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи напомнить, что прелестный, чистый, настоящій сопрано г-жи Фьоретти въ нынѣшнемъ году по достоинству оцѣненъ нашей публикой; всегда и вездѣ пѣвица эта отличается строжайшею вѣрностью интонаціи (замѣтно отсутствіе ея въ нашей другой примадоннѣ), отчетливостью даже въ труднѣйшихъ пассажахъ, и серебристымъ. чрезвычайно пріятнымъ звукомъ своего обработаннаго голо-

ея. Будемъ надѣяться, что молодая артистка не остановится на полъ-дорогѣ и къ блестящимъ свойствамъ голоса и замѣчательно тонкой вокализаціи присоединитъ выразительность исполненія, тотъ священный огонь, безъ котораго пѣніе какъ бы оно ни нравилось, не можетъ увлекать.

Елена Фьоретти родилась въ 1837 г. Въ то время отецъ ея, Антоніо, управлялъ оркестромъ небольшаго театра въ Macerata, неподалеку отъ Анконы, гдѣ и занимался преподаваніемъ уроковъ скрипичной игры. Музыкальныя способности его дочери обнаружились въ самомъ раннемъ ея возрастѣ. Семи лѣтъ она уже вѣрно и бѣгло играла на скрипкѣ, и съ этого же времени начинается наглядное знакомство ея со сценой, такъ какъ отецъ постоянно бралъ ребенка съ собою въ театръ. Собственно вокальное образованіе г-жи Фьоретти началось нѣсколько позже, именно въ 1849 году. Инниціативой въ этомъ дѣлѣ она обязана артистической проницательности нашего соотечественника.

Въ 1847 г. извѣстный теноръ Ивановъ, проѣздомъ через Мачерату, случайно познакомился съ Антоніо Фьоретти. Услыхавъ пѣніе 10-тилѣтней его дочери, и съ разу замѣтивъ, что въ ея дѣтскихъ упражненіяхъ слышится зародышъ прекраснаго голоса, задатки несомнѣннаго таланта, — Ивановъ съ полною увѣренностью предсказалъ ей добрый успѣхъ на сценѣ. Убѣжденный доводами знаменитаго пѣвца, Антоніо пригласилъ заняться начальною обработкою голоса его дочери мѣстнаго учителя пѣнія, Доминика Конкордіа, въ школѣ котораго начали свое аристическое образованіе: Фреццолини, Крешн (баритонъ), Граціани, Анджелини и др.; лѣтомъ 1852 г., она успѣшно дебютировала на сценѣ роднаго города въ «Весталкѣ» Меркаданте, а въ 1854 году, на королевскомъ туринскомъ театрѣ, исполнила роль Берты въ мейерберовскомъ «Пророкѣ». Возвратясь во Флоренцію, она пѣла на тамошней сценѣ. 1856 и 1857 г. она провела въ Ливорно, въ Пизѣ, въ Римѣ и въ Венеціи, гдѣ ее въ первый разъ слышалъ Верди, и откуда она была приглашена въ Неаполь. Послѣ перваго же дебюта на театрѣ Санъ-Карло ей предложено было остаться тамъ еще на 3 сезона. Съ каждою новою ролью она все болѣе и болѣе пріобрѣтала расположеніе публики и обращала на себя вниманіе серьёзныхъ цѣнителей искусства. Весной 1859 г. г-жа Фьоретти была ангажирована въ Вѣну, гдѣ вышла замужъ за г. Чамполи.

Съ сентября 1860 года г-жа Фьоретти поетъ на нашей сценѣ и, какъ мы выше замѣтили, пользуется большимъ расположеніемъ публики.

Мы разговорились о г-жѣ Фьоретти по поводу отличнаго испол-

ненія ею роли Эльвиры въ «Пуританахъ». Дѣйствительно, до сихъ поръ это лучшая роль ея репертуара, роль, вполнѣ соотвѣтствующая ея средствамъ и тщательно отдѣланная ею въ мельчайшихъ подробностяхъ. Кстати замѣтимъ здѣсь, что напрасно г-жа Фьоретти постоянно пропускаетъ въ 3-мъ актѣ очень граціозный дуэттино съ Артуромъ:

Da quel di che ti mirai.

Правда, въ этомъ актѣ и безъ того много работы ей и г-ну Кальцолари; но исполненіе этого нумера, кажется, вовсе неутомительно, между тѣмъ къ нему какъ нельзя болѣе подходятъ ихъ голоса.

Объ исполненіи роли Артура мы, какъ сказали выше, не будемъ распространяться. Высокое искусство г-на Кальцолари, его поистинѣ художественное пѣніе, всѣми понимающими дѣло и чувствующими музыкальныя красоты давно оцѣнены по достоинству. Надо видѣть, какъ настойчиво вызываютъ его по окончаніи оперы. Все это такъ; но нельзя утаить, что не рѣдко наша оперная публика, по преимуществу новички, меломаны en herbe, злоупотребляетъ своимъ правомъ требовать повторенія любимыхъ нумеровъ. Зачастую такой участи подвергаются пять, шесть нумеровъ оперы; утомленному артисту крайне тяжело исполнить подобное требованіе; онъ думаетъ умилостивить публику трогательными изъявленіями признательности за ея «лестное вниманіе»; оркестръ спѣшитъ къ пѣвцу на выручку и начинаетъ слѣдующій нумеръ;—не тутъ-то было: крики bis, bis, bis! заглушаютъ музыку и, нечего дѣлать, приходится возвращаться назадъ.

Право, когда подумаешь при этомъ, что сплошь и рядомъ продолжительные аплодисменты молодцовъ прерываютъ нумеръ на половинѣ, когда припомнишь, что зачастую насильно заставляютъ повторять куплетъ, за которымъ и безъ того слѣдуетъ второй, тождественный съ первымъ, когда навѣрное знаешь, что не дадутъ дослушать прекраснаго дуэта или тріо потому только, что въ серединѣ его пѣвецъ ловко, даже неловко, взялъ высокую ноту,—словомъ, когда наслушаешься этихъ неумѣстныхъ «bravo» и «bis», безъ разбора посылаемыхъ пѣнію и воплямъ, таланту и бездарности, сценической игрѣ и кривляньямъ, балету, декораціямъ, костюму и проч., то нельзя не заподозрить нашихъ тапажеровъ въ томъ, что цѣль ихъ не поощреніе артиста, а исключительно процессъ хлопанья и кричанья. Нигдѣ въ Европѣ не шумятъ и не кричатъ въ спектаклахъ такъ, какъ у насъ. Апплодируютъ вездѣ, иногда и вызываютъ артистовъ для заявленія имъ благодарности, изрѣдка заставляютъ ихъ повторять лучшіе нумера; но тамъ на все есть своя мѣра.

Мы выше сказали уже, что въ нынѣшнемъ году роль Ричарда въ «Пуританахъ» исполняетъ г. Граціани; выходную арію:

Ah! per sempre io ti perdei,

да вообще всю свою партію онъ поетъ весьма хорошо, несмотря на то, что мѣстами она очевидно низка для его голоса.

Въ «Пуританахъ» же впервые появилась на нашей сценѣ г-жа Микелли. По незначительности ея роли (Генріэтты) трудно было опредѣлить достоинства ея голоса; но за то весьма легко, даже пріятно, было замѣтить черты ея лица, замѣчательную красоту которыхъ густой вуаль Генріэтты не могъ скрыть отъ публики.

Послѣ «Пуританъ» шла «Лукреція». Не будемъ разбирать красотъ композиціи, которыхъ, конечно, не мало въ оперѣ Доницетти; промолчимъ также и объ ея исполненіи. Впрочемъ и тутъ нашлись охотники апплодировать; да имъ должно быть все равно: пой какъ хочешь, только крикни погромче, протяни ноту подолѣе, размахнись пошире, — ну и брависсимо! Герою мелодрамы они даже умереть не даютъ спокойно; его поощряютъ до того, что во время агоніи, онъ запутывается и въ мотивѣ своей аріи, и въ шлейфѣ своей преступной матери. Говоря такъ о «Лукреціи», мы, конечно, не имѣемъ въ виду ни заслуженаго г. де-Бассини, ни г-жу Нантье-Дидье, отчетливо исполненныя роли которыхъ всегда стоятъ внѣ упрека. Но два другія дѣйствующія лица должны раздѣлить между собою успѣхъ этого представленія. Да и поквитались же они: по содержанію пьесы Лукреція губитъ Дженнаро, а по исполненію Дженнаро губитъ «Лукрецію».

И такъ нынѣшній сезонъ открылся Мейерберомъ, за нимъ шелъ Верди, тамъ Беллини, потомъ Доницетти. Не доставало Россини... но вотъ и онъ со своимъ Теллемъ, или съ «нашимъ» Карломъ Смѣлымъ.

Обстановка этой лучшей оперы итальянскаго репертура та же, что и въ прошломъ году, слѣдовательно тѣ же достоинства и недостатки ея исполненія. Прибавить можно развѣ то, что г-жа Бернарди теперь исполняетъ роль Матильды съ бо́льшимъ противъ прежняго одушевленіемъ.

Не мѣшало бы пополнить нашего «Карла Смѣлаго» согласно оригинальной партитурѣ, да вмѣстѣ съ тѣмъ, пора бы ужь ему сбросить свой псевдонимъ.

Къ чести нашей публики надо замѣтить, что она умѣла вѣрно оцѣнить музыкальныя и драматическія красоты геніальнаго произведенія Россини; зала почти всегда бываетъ полна, и надо видѣть, какое глубокое сочувствіе возбуждаютъ въ слушателяхъ Родольфъ и Арнольдъ Мельхталь, съ какимъ искреннимъ восторгомъ одобряетъ публика выразительную игру ихъ и энергическое пѣніе....

2 октября дали наконецъ «Поліевкта», который еще въ прошломъ году появился было на афишахъ, но тщетно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на нашей сценѣ былъ уже «Поліевктъ», но тотъ оказался самозванцемъ; настоящее названіе той оперы — «Мученики».

Говорить подробно о музыкѣ этого произведенія Доницетти мы не рѣшаемся. Въ оба раза, что мы, не безъ скуки, слушали оперу, она показалась намъ сочиненіемъ слабымъ, натянутымъ, безъ малѣйшаго признака вдохновенія. Шуму много, быть можетъ есть какія нибудь техническія тонкости въ оркестровкѣ; но это, признаемся, не по нашей части. Строгая, выдержанная игра г-на Тамберлика въ роли Поліевкта проникнута религіознымъ экстазомъ, мученическая твердость христіанина первыхъ вѣковъ слышится въ каждомъ его словѣ; тѣмъ не менѣе, это далеко не первая его роль, какъ увѣряли парижскіе музыкальные критики. Г-жа Лагруа исполнила свою роль съ обычною страстностью и съ обычнымъ отсутствіемъ художественной отдѣлки. Впрочемъ она вѣроятно понравилась публикѣ, если судить по поднесенному ей букету. Роль г-на Граціани въ «Поліевктѣ» не велика и, откровенно говоря, не выгодна для него.

За «Poliuto» слѣдовалъ «Rigoletto» съ сюрпризомъ: роль герцога, вмѣсто Тамберлика, исполнялъ г-нъ Монджини, и этого мы полагаемъ довольно, чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе о характерѣ представленія. Г. Монджини совершенно забываетъ, что подъ его мундиромъ солдата долженъ скрываться король-рыцарь XVI вѣка: своими жестами онъ скорѣе напоминаетъ какого-то франта.

Представте же, что и тутъ нашлись *знатоки*, которые апплодировали.

Не безъ особеннаго удовольствія переходимъ мы къ оперѣ, которую каждый изъ меломановъ слушалъ десятки разъ [illegible] нѣе охотно слушаетъ ее и теперь. Мы говоримъ о [illegible] «Il Barbiere», вдохновенная увертюра котораго, его ж[illegible] мотивы, нѣжныя мелодіи, кажется, никогда не опошля[illegible] дутъ производить свѣжее впечатлѣніе. Въ нынѣшнемъ [illegible] роли этой оперы удержали прежнихъ исполнителей; т[illegible] Донъ Базильо пѣлъ г. Анджелини вмѣсто г. Марини, ис[illegible] роль Бартоло, впрочемъ уже не въ первый разъ. Нельзя ск[illegible] опера выиграла отъ этой замѣны: прежніе исполнители б[illegible] не хуже г. Анджелини, котор[illegible]ъ показался слишкомъ [illegible] нымъ для этой плутовской ро[illegible] уже объ игрѣ, само[illegible] его было не совсѣмъ удовлет[illegible] La calunnia, ко[illegible] онъ спѣлъ хорошо. Обработав[illegible] и оживле[illegible] веселая игра его очень идутъ к[illegible]

Дона Бартоло заслуженый голосъ г. Марини видимо недостаточенъ. Въ незначительной роли старой ключницы мы смотрѣли, виноватъ, мы слушали молоденькую г-жу Микелли. Пѣла она не дурно; г-жа Наитье-Дитье, при несомнѣнныхъ достоинствахъ голоса и, главное, методы пѣнія, въ граціозной роли Розины казалась намъ не на своемъ мѣстѣ: жесткія контръ-альтовыя ноты, которыми любитъ щеголять эта пѣвица, такъ же идутъ къ Розинѣ, какъ нѣжный фальцетъ къ Моисею или Оровезу. И потомъ, что за костюмъ, что за выборъ пьесъ для урока пѣнія. Право, нельзя одобрить этотъ безсмѣнный, однообразный «Люби меня», да и вальсъ Arditi: «Il bacio» пора бы замѣнить чѣмъ нибудь. — Разумѣется, «Barbiere», обязанъ успѣхомъ именно исполнителю роли графа Альмавивы г. Кальцолари. Это хорошо извѣстно всѣмъ, и петербургская публика въ наибольшемъ числѣ посѣщаетъ всѣ представленія, въ которыхъ участвуетъ г. Кальцолари. Припомните, напримѣръ, много ли было пустыхъ мѣстъ въ «Травіатѣ» которую въ первый разъ по возобновленіи давали вскорѣ послѣ «Barbiere.» — Ихъ не было вовсе, не смотря на то, что послѣ Бозіо опера эта утратила большую часть своего очарованія. Мы повторяемъ это и теперь, несмотря на то, что г-жа Фьоретти исполнила роль Віолетты съ замѣчательнымъ искусствомъ и не малымъ успѣхомъ.

Да, говоря безотносительно, г-жа Фьоретти хорошо исполнила роль Травіаты и вполнѣ заслужила одобренія, выраженнаго ей публикой. Исполненіе роли Альфреда отличалось тѣми высокими достоинствами, которыми отмѣчены всѣ роли г-на Кальцолари. Недостатокъ силы его голоса въ громкомъ финалѣ 2-го акта онъ выкупаетъ мастерскимъ исполненіемъ всего остальнаго. Внимательно слѣдившіе за теноровой партіей, конечно, не могли не замѣтить, что въ нынѣшнемъ году г-нъ Кальцолари пѣлъ даже лучше прежняго, и въ двухъ мѣстахъ весьма удачно измѣнилъ партитуру. Въ отлично исполненной имъ аріи:

De' miei bollenti spiriti,

вставленое имъ, на заключительной фразѣ:

Io vivo quasi in ciel,

украшеніе обратило на себя всеобщее вниманіе, и публика дружно потребовала повторенія нумера.

Граціани въ роли отца показался намъ не на своемъ мѣстѣ. Мы не хотимъ сказать, что партія эта ему не по плечу; напротивъ, онъ слишкомъ силенъ для этой небольшой и пассивной роли, ему тѣсно въ стариковской оболочкѣ.

Теперь въ порядкѣ представленій намъ слѣдуетъ говорить о «Трубадурѣ». Начнемъ нашъ разсказъ съ героини оперы, Леоноры. Г-жа Лагруа исполнила роль эту неудовлетворительно. Излишній драматизмъ ея пѣнія, неумѣстная страстность игры искажаютъ симпатичный характеръ Леоноры, а невѣрная, особенно въ adagio, интонація ея голоса подъ часъ сильно рѣжетъ ухо. Само собою разумѣется, что объ изящной отдѣлкѣ фразъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Въ каватинѣ перваго акта:

Tacea la notte placida,

и въ аріи четвертаго:

D'amor sull'alirosee

наша прима-донна не оставляетъ сомнѣнія, что такихъ тонкихъ требованій она не можетъ исполнить. Слѣдующая за этой аріей сцена, въ которой задушевное пѣніе г-на Тамберлика такъ глубоко трогаетъ слушателей, по милости Леоноры утратила бóльшую часть своего интереса. Г-жа Лагруа поетъ слишкомъ громко, тяжело, натянуто, и эффектъ низкихъ нотъ, на словахъ:

«Di te scordarmi!... Sento mancarmi,

пропадаетъ. Роль Азучены исполняетъ г-жа Нантье съ обычнымъ своимъ искусствомъ; но на нашъ взглядъ, въ двухъ, трехъ мѣстахъ она излишне горячится и постоянно поетъ съ однообразіемъ, за нарушеніе котораго, особенно въ окончаніяхъ низкими нотами, многіе изъ слушателей были бы ей несказанно благодарны. Новый исполнитель роли графа ди Луна, къ удивленію многочисленныхъ поклонниковъ его таланта, не вполнѣ удовлетворилъ ихъ ожиданіямъ. Говорятъ, что въ Парижѣ Граціани имѣлъ въ «Трубадурѣ» огромный успѣхъ; у насъ же, не знаемъ почему, пѣлъ слишкомъ сдержанно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже просто небрежно. Лучшая роль въ «Трубадурѣ» остается попрежнему за г. Тамберликомъ, талантливая натура котораго постоянно встрѣчаетъ восторженное сочувствіе всѣхъ людей съ сердцемъ, одаренныхъ музыкальнымъ слухомъ. Но напрасно этотъ знатокъ своего дѣла уступаетъ неразборчивому вкусу массы, апплодирующей только внѣшнимъ эффектамъ; въ концѣ пресловутаго, но несноснаго allegro:

Di quella pira l'orrendo foco,

ему слѣдуетъ брать только si, а онъ беретъ do, и фраза выходитъ еще менѣе музыкальна. Зачѣмъ же славный артистъ прибѣгаетъ къ такому натянутому эффекту, когда роль его и безъ того представляетъ не мало случаевъ показать и силу голоса, и умѣнье пѣть, и музыкаль-

ный вкусъ? И дѣйствительно, всѣ остальные номера исполняетъ онъ съ тѣмъ твердо-выработаннымъ искусствомъ, которое составило его прекрасному, симпатичному голосу такую громкую славу; мало того, въ этой роли Тамберликъ опять-таки выказываетъ совершенно достаточную силу не только въ верхнемъ регистрѣ голоса, но и въ среднихъ, даже въ низкихъ нотахъ. Публика наша очень хорошо понимаетъ это, всегда радушно встрѣчаетъ Тамберлика и постоянно восхищается энергическимъ пѣніемъ безспорно перваго изъ современныхъ tenori di forza. Но есть и такіе господа, которые, Богъ вѣсть почему, только и твердятъ, даже печатно, что голосъ этого пѣвца слабѣетъ. Что сорокалѣтній возрастъ человѣка вообще не есть его цвѣтущая пора, въ этомъ никто не сомнѣвается; слѣдовательно, вопросъ только въ томъ, успѣлъ ли пѣвецъ сохранить въ голосѣ своемъ силу, достаточную для того, чтобы нравиться слушателямъ, даже приводить ихъ въ восторгъ. Если, наперекоръ общему мнѣнію, вы относительно Тамберлика рѣшаете этотъ вопросъ отрицательно, то по крайней мѣрѣ не должны уклоняться отъ обязанности указать тѣ партіи и нумера, въ которыхъ сказывается его несостоятельность. А то вѣдь на-слово, пожалуй, не повѣрятъ.

Вотъ, напримѣръ, фельетонистъ «Отечественныхъ Записокъ» также сѣтуетъ на упадокъ голоса г. Тамберлика. «Да, восклицаетъ онъ («Отечественныя Записки» 1861 г. № II. Замѣтки праздношатающагося; стр. 19), Мо(а)нрико-Тамберликъ замѣтно не тотъ, «что былъ когда-то. Впрочемъ, арія за сценой Deverta sul la terra, «(то есть Deserto sulla terra) и знаменитая di quella pira съ ut diez'омъ «исполнены имъ были почти такъ же, какъ въ цвѣтущее его время». Представьте же себѣ, что именно вздорное allegro en question, знаменитая, какъ сказано, Di quella pira, исполнено было *не такъ*, какъ въ цвѣтущее время: прежде, видите ли, Тамберликъ бралъ si, а теперь беретъ выше, ut, и все-таки не diez, какъ пишетъ г-нъ М-р-ъ, даже и не dièse, какъ слѣдуетъ писать.

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ ut diez'ы эти слышутъ?

Знать это тѣмъ болѣе интересно, что въ нынѣшній сезонъ Тамберликъ еще ни разу не бралъ этой ноты, а г. фельетонистъ увѣряетъ, «что нынѣшніе ut diez'ы г. Тамберликъ беретъ какъ-то особенно съ крикомъ». Вотъ куда ведетъ безсознательное повтореніе битыхъ, пошлыхъ фразъ.

Что касается до нынѣшней обстановки «Волшебнаго стрѣлка», то мы увѣрены, что кромѣ южнаго происхожденія всѣхъ актеровъ, успѣху оперы мѣшали еще индивидуальные недостатки нѣкоторыхъ

Между этими послѣдними первое мѣсто безспорно принадлежитъ Максу (г. Монджини).

Убѣжденіе г. Монджини, что онъ идетъ впередъ, къ несчастію, поддерживается въ немъ малочисленными, правда, но голосистыми клакерами, которые всегда готовы шумѣть и апплодировать самому всякому его пассажу.

Посмотрите, напримѣръ, съ какою вѣрностью воспроизводитъ онъ типъ гордаго римскаго проконсула въ «Нормѣ»! Послушайте, что сдѣлалъ онъ изъ божественныхъ мотивовъ беллиніевской музыки! Послѣ Тамберлика—роль Полліона узнать нельзя.

Роль Нормы, какъ извѣстно, конекъ г-жи Лагруа.

Не знаемъ, болѣзни ли пѣвицы, или чему нибудь другому, болѣе постоянному, надо приписать то обстоятельство, что въ оба представленія (8 и 11 декабря) г-жа Лагруа пѣла свою партію не совсѣмъ въ ладъ съ оркестромъ (иногда безъ малаго на $1/4$ тона выше) и другими голосами. Не только музыканты чувствовали это, но даже профаны замѣтили рѣзкіе диссонансы, особенно въ нѣжныхъ пассажахъ. Въ сценическомъ пѣніи вѣрность интонаціи первое дѣло, и недостатокъ ее не можетъ выкупаться ни силою голоса, ни драматизмомъ игры. Будемъ надѣяться, что трехнедѣльный отдыхъ, которымъ пользовалась г-жа Лагруа послѣ двухъ представленій «Нормы», возвратитъ голосу и слуху ея то качество, отсутствіе котораго — крайняя бѣда для оперной артистки. Г-жа Бернарди исполнила роль Адальджизы не безъ одушевленія и, какъ всегда, пѣла отчетливо, несмотря на то, что въ дуэтахъ съ Нормой въ первомъ актѣ «Sola furtiva, al tempio», и во второмъ «Mira, o Norma!» сохранять строгую вѣрность нотъ, по вышеизложенной причинѣ, было не такъ-то легко. Партію Оровеза въ нынѣшнемъ году пѣлъ г. Анджелини. Отдавая справедливость его тщательной работѣ при изученіи ролей и всегда старательному ихъ исполненію, мы скажемъ однако, что нынѣшнему Оровезу недоставало тѣхъ густыхъ, глубокихъ нотъ, которыя такъ украшаютъ басовыя партіи вообще, и въ особенности партію маститаго жреца въ «Нормѣ»; но въ тѣхъ morceaux d'ensemble, въ которыхъ нужна сила высокихъ нотъ, г. Анджелини заслуживаетъ почти всеобщее одобреніе.

17 ноября былъ данъ наконецъ давно ожиданный петербургскою публикою «Маскарадъ» («Un ballo in maschera»), трехактная мелодрама Верди. Это послѣднее произведеніе любимѣйшаго изъ современныхъ итальянскихъ maestri, было написано имъ въ началѣ 1859 года, для театра Санъ-Карло, въ Неаполѣ; но, по причинамъ, какъ говорится, *независящимъ отъ композитора*, оперѣ этой не суждено было впервые усладить слухъ неаполитанцевъ.

Въ мартѣ 1859 г., вмѣсто Неаполя, «Маскарадъ» въ первый разъ исполненъ былъ въ Римѣ, на театрѣ Apollo. Первое же представленіе новой оперы Верди въ Парижѣ, на итальянскомъ театрѣ, было $^1/_{13}$ января 1860 г.

Сюжетъ оперы тотъ же самый, что въ извѣстной оперѣ Обера «Густавъ III»; но либреттистъ оперы «Un ballo in maschera», исправивъ поэму Скриба, перенесъ мѣсто дѣйствія,—куда бы вы думали?... въ Америку, въ Бостонъ, а время—лѣтъ на 100 назадъ отъ историческаго событія. Губернаторъ Бостона, Ричардъ, графъ Ворвичъ, большой шалунъ, крѣпко ухаживаетъ за Аделіей, женой друга и вице-губернатора Ренато. Та, съ своей стороны, не остается холодною къ нѣжному вниманію начальства; но, боясь ревности мужа-креола, хочетъ избавиться отъ «тайнаго недуга, возбужденнаго, какъ гласитъ переводъ либретто, въ ней любовью». Съ этою цѣлью отправляется она къ ворожеѣ Ульрикѣ, которая и рекомендуетъ Аделіи какую-то спасительную траву, растущую «въ страшномъ мѣстѣ». Какъ ни труслива Аделія, но она отправляется ночью въ это страшное мѣсто. Но Ловеласъ-губернаторъ, подслушавшій разговоръ Аделіи съ Ульрикой, — тутъ, какъ тутъ. Вь то время, какъ они изъясняются во взаимной любви, прибѣгаетъ туда же Ренато съ роковымъ извѣстіемъ, что толпа убійцъ отыскиваетъ Ричарда. Убѣжденный доводами друга и мольбами Аделіи, графъ убѣгаетъ, взявъ съ Ренато клятву, что онъ не будетъ подсматривать подъ вуаль поручаемой ему женщины. Заговорщики не заставляютъ себя долго ждать и схватываются съ Ренато. Въ этой схваткѣ испуганная Аделія открываетъ свое лицо, и только тутъ Ренато узнаетъ, каковъ гусь его другъ и начальникъ!— Далѣе, оскорбленный мужъ пристаетъ къ заговору, съ цѣлью отомстить вѣроломному другу самымъ рѣшительнымъ образомъ. Жребій благопріятствуетъ Ренато: изъ трехъ заклятыхъ враговъ губернатора на его именно долю выпадаетъ свершеніе убійства, которое онъ и исполняетъ въ самомъ разгарѣ маскарада, въ великолѣпномъ дворцѣ Ричарда. Умирая, этотъ послѣдній объявляетъ, что хотя онъ и любилъ Аделію, но никогда не посягалъ на честь своего друга. «Клянусь тебѣ небомъ, говоритъ губернаторъ, что она невинна», и простившись на вѣки съ «любезной Америкой», —

Addio.... diletta America!

умираетъ. — Вся эта исторія раздѣлена въ партитурѣ на три акта, а у насъ на четыре, заключающихъ въ себѣ 29 нумеровъ. Главную роль «Ричарда» исполнялъ г. Тамберликъ, и хотя она не вполнѣ подходитъ подъ свойства его голоса и методы, но тѣмъ не менѣе, отличный артистъ этотъ съумѣлъ истолковать публикѣ всѣ музыкаль-

нья красоты своей большой партіи. Послѣ хора, слѣдующаго за небольшой инструментальной прелюдіей, пажъ Оскаръ (г-жа Бернарди) подаетъ графу списокъ лицъ, приглашенныхъ на балъ. Увидѣвъ въ немъ имя Аделіи, графъ воспѣваетъ ея красоту:

La rivedra nell'estasi
Raggiante di pallore.

Простой, но теплый мотивъ этого романса производитъ очень хорошее впечатлѣніе, которому, конечно, много помогаетъ страстное выраженіе въ голосѣ пѣвца. Входитъ Ренато (г. Граціани) и добродушно предупреждаетъ безпечнаго графа о грозящей ему опасности.

Кантилена его:

Alla vita che t'arride

проникнута спокойнымъ чувствомъ дружбы и сознанія долга, и къ ней очень идетъ мягкій и звучный голосъ исполнителя. Конечно, будь этотъ голосъ полнѣе — было бы еще лучше. Во время секретарскаго доклада графъ узнаетъ, что подвѣдомственныя ему власти преслѣдуютъ какую-то колдунью; на вопросъ его объ этой старухѣ, хорошенькій пажъ ловко отвѣчаетъ граціозной пѣсенкой изъ двухъ куплетовъ:

Volta la terrea
Fronte alle stelle.

Развеселившійся графъ тотчасъ же замышляетъ потѣху: нарядитесь, говоритъ онъ своимъ придворнымъ, въ разные костюмы и отправимся къ ворожеѣ. Это приглашеніе возбуждаетъ во всѣхъ присутствующихъ веселость, а въ заговорщикахъ, Самуилѣ и Томѣ (гг. Анджелини и Эверарди), надежду убить графа при такомъ удобномъ случаѣ. Все это сливается въ дружный хоръ, которымъ и оканчивается первый актъ. Второе дѣйствіе происходитъ въ жилищѣ колдуньи; Ульрика (г-жа Нантье-Дидье) вызываетъ духовъ и предсказываетъ будущность собравшимся къ ней посѣтителямъ, между которыми показывается и самъ губернаторъ въ костюмѣ неаполитанскаго рыбака. При появленіи Аделіи (г-жа Фьоретти) народъ расходится, а Ричардъ быстро взбѣгаетъ на лѣстницу и прячется за полуоткрытою дверью. Во время же совѣщанія Аделіи съ колдуньей онъ, не слышно для нихъ, но слышно для публики, выражаетъ свою нѣжность къ Аделіи. Изъ этого составляется терцетъ:

Della citta all'occaso.

Небольшой нумеръ этотъ съ перваго раза не произвелъ на публику глубокаго впечатлѣнія; но если внимательно слѣдить за всѣми

его партіями, то онъ непремѣнно доставитъ высокое удовольствіе. Исполнѣнная грусти мелодія сопрано—преобладаетъ надъ двумя другими, изъ которыхъ каждая постоянно удерживаетъ свой особый характеръ. Въ концѣ тріо, когда Аделія поетъ:

Ah! consentimi, o Signore!

всѣ голоса сливаются въ прелестную гармонію, исполненную истиннаго драматизма. Полному согласію этого прекраснаго тріо не мало, какъ намъ показалось, мѣшаютъ «дистанціи огромнаго размѣра» сцены нашего театра: дѣйствующимъ лицамъ приходится стоять очень далеко другъ отъ друга. По уходѣ Аделіи, Ричардъ оставляетъ свою засаду и, въ присутствіи вновь собравшагося народа и переодѣтыхъ придворныхъ, спрашиваетъ колдунью о своей будущности:

Di'tu se fedele il flutto m'aspetta....

Эту dolce canzone съ припѣвомъ хора Тамберликъ поетъ выразительно, но не такъ легко и игриво, какъ бы то слѣдовало. Оканчиваетъ же онъ очень ловко, и одобряя всѣхъ присутствующихъ, сильно говоритъ:

Nell'anime nostre non entra terror!

Взглянувъ на ладонь Ричарда, ворожея объявляетъ, что онъ скоро умретъ. «Если на полѣ чести, возражаетъ тотъ, то спасибо.»

No.... per man d'un amico

говоритъ прорицательница и повергаетъ въ смятенье и ужасъ всѣхъ присутствующихъ, въ особенности милаго юношу Оскара. Одинъ Ричардъ, что называется, и ухомъ не ведетъ. — Эхъ вы! легковѣрные,смѣясь говоритъ онъ своимъ окружающимъ. А злоумышленники, Самуилъ и Томъ, перемигиваются между собой, говоря: «а вѣдь ловко попала старая вѣдьма.» Изъ этихъ различныхъ положеній образуется прекрасный квинтетъ для сопрано, контръ-альто, двухъ басовъ и тенора, который весело начинаетъ:

E scherzo od è folia si fata profezia,
Ma come fa da ridere la lor credulità!...

Преобладающая тема въ этомъ замѣчательномъ квинтетѣ — партія сопрано, для которой голосъ г-жи Бернарди недостаточно высокъ, такъ что нѣкоторыя ноты ей приходится слишкомъ усиливать. Но вообще говоря, всѣ пять исполнителей вели свои партіи очень вѣрно и удачно, такъ что весь нумеръ непремѣнно, каждое таки представленіе, повторяется по единодушному требованію публики. При всемъ томъ, мы позволимъ себѣ высказать наше мнѣніе, что квинтетъ «Маскарада» уступаетъ вдохновенному квартету въ «Rigoletto»; тамъ

положенія очерчены опредѣленнѣе, тамъ гораздо болѣе соотвѣтствія мотива съ настроеніемъ каждаго изъ участвующихъ и общее впечатлѣніе музыки глубже и полнѣе. Въ заключительной сценѣ 2-го акта мы не замѣтили ничего особенно выдающагося.

Но за то финалъ слѣдующаго дѣйствія представляетъ замѣчательныя красоты какъ въ музыкальномъ, такъ и въ драматическомъ отношеніи. Выходную арію свою въ этомъ актѣ:

Ma dall'arido stelo divulso

г-жа Фьоретти исполняетъ, конечно, безукоризненно въ смыслѣ чистоты и вѣрности; но ей не удается вполнѣ передать слушателямъ тѣ тяжелыя ощущенія, которыя въ эти минуты должны волновать сердце бѣдной Аделіи. — Равнымъ образомъ, въ слѣдующемъ за тѣмъ дуэтѣ съ предметомъ своей страсти Аделія далеко отстаетъ отъ него въ силѣ и выразительности пѣнія. Тріо этихъ двухъ лицъ съ прибѣжавшимъ Ренато удачно выражаетъ душевную ихъ тревогу и исполняется безукоризненно. Но что г. Граціани исполняетъ въ совершенствѣ — это сцена ужаса и оцѣпенѣнія, гдѣ Ренато узнаетъ преступную жену. Шпага, которою онъ собирался защищать невѣрную, выпадаетъ изъ его рукъ, съ быстротою свирѣпаго тигра бросается онъ на Аделію и, какъ громомъ пораженный, останавливается; упрекъ и проклятіе дрожатъ на его губахъ. Онъ остолбенѣлъ, молчитъ; а Самуилъ и Томъ съ товарищами сдержанно, но злодѣйски трунятъ надъ его крайнимъ несчастіемъ. «Ха! ха! ха! позорятъ они его: то-то заговорятъ въ городѣ объ этомъ странномъ происшествіи.» — Опомнившись нѣсколько, Ренато вводитъ въ общій мотивъ хора свои восклицанія, клокочущія адской злобой противъ коварнаго друга; въ нихъ слышатся и страшные упреки Аделіи, которая, оплакивая свою участь, тоже пристроивается къ голосамъ хора. Съ самаго начала до конца квартетъ этотъ:

Ve'se di notte qui colla sposa,

производитъ потрясающее впечатлѣніе; всѣми пѣвцами ведется онъ отлично, въ особенности же г-мъ Граціани, энергическая игра котораго, его задушевные возгласы и стоны — художественно вѣрны. Честь и слава композитору, умѣвшему связать съ чрезвычайно пріятнымъ мотивомъ столько разнородныхъ ощущеній. Повторяемъ, сцена эта исполнена высокихъ музыкальныхъ красотъ и живаго драматизма.

Въ началѣ 4-го акта разгнѣванный Ренато грозитъ женѣ смертью, Аделія, оправдывая себя, клянется Богомъ, что не измѣнила своему долгу. Но новый Отелло неумолимъ; разве отъ небесъ отвѣчаетъ онъ, но отъ меня не дождешься ты милости! — Тогда несчаст-

ная Аделія на колѣнахъ умоляетъ мужа о дозволеніи ей проститься съ сыномъ:

Morrò, ma prima in grazia
Deh! mi consenti almeno.

Арія эта не отличается свѣжестью мотива, но проникнута искреннимъ чувствомъ грусти; надо отдать справедливость г-жѣ Фьоретти: въ пѣніи ея тутъ слышится боль растерзаннаго сердца, и на послѣднихъ словахъ:

Sugl'occhi d'una madre
Che mai piu non vedra,

она вѣрно выражаетъ страданія несчастной матери.—Даже самъ Ренато сжалился надъ ней и, отпустивъ ее къ сыну, наединѣ разражается гнѣвомъ на истиннаго виновника своего горя. «Твоей крови жажду!» восклицаетъ онъ, обращаясь къ портрету Ричарда. Слѣдующая за тѣмъ арія:

Eri tu che macchiavi quell' anima,

представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенство сценической музыки. Переходъ отъ ожесточенныхъ укоровъ измѣнившему другу къ воспоминанію объ утраченномъ счастіи въ высшей степени трогателенъ.

O dolcezze perdute! o memorie,

съ грустью поетъ г. Граціани, подъ тихій аккомпаниментъ двухъ флейтъ и арфы,— и въ голосѣ его слышатся слезы и рыданія. «Все кончено», говоритъ онъ въ глубокомъ отчаяньи,

Non siede che l'odio
E la morte nel vedovo cor!

И снова оплакиваетъ потерянную любовь! Отлично! превосходно! За то какіе громы рукоплесканій, восторженныхъ криковъ раздаются по окончаніи этой аріи, и утихаютъ только тогда, когда пѣвецъ рѣшается повторить ее. Терцетъ заговора (три баса въ униссонъ) не дуренъ на своемъ мѣстѣ. Въ слѣдующемъ за нимъ квинтетѣ весьма удачна партія Оскара, приглашающаго Ренато «съ супругой» на придворный балъ-маскарадъ. Наивный разсказъ пажа о предстоящемъ веселіи,

Ah! Di che fulgor, che musiche,

составляетъ эффектную противоположность съ мрачнымъ настроеніемъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Слѣдующая сцена представляетъ «роскошный», какъ сказано въ либретто, кабинетъ графа; но вся роскошь его состоитъ изъ стула и письменнаго стола, на ко—

торомъ Ричардъ, скрѣпя сердце, подписываетъ отправленіе Ренато въ Англію.

Ah l'ho segnato il sacrifizio mio!

отчаянно восклицаетъ онъ; тутъ слѣдуетъ романсъ:

Ma se m'è forza perderti per sempre,

который г. Тамберликъ пропускаетъ, считая его здѣсь неумѣстнымъ и не безъ основанія полагая, вѣроятно, что послѣ сильнаго эффекта аріи Ренато, элегическое andante прошло бы незамѣченнымъ. Къ тому же, вниманіе публики занято въ это время ожиданіемъ блестящаго зрѣлища бала, огни котораго просвѣчиваютъ сквозь занавѣсъ кабинета. Слышавшіе «Un ballo in maschera» въ Парижѣ и въ Лондонѣ подтверждаютъ справедливость такого соображенія. Ни Маріо, ни Джулини не удалось привлечь вниманіе публики на этотъ нумеръ; а вѣдь послѣдній изъ этихъ теноровъ еще славится своимъ искусствомъ исполнять именно романсы.

Но раздаются веселые звуки бальной музыки, и вѣтреный графъ забываетъ свое горе, ни мало не смущаясь и вѣстью, принесенною пажемъ, что на балу его ожидаетъ смерть. «Да, я увижу Аделію», говоритъ онъ на мотивъ романса своего въ 1 актѣ, и

Anco una volta l'anima
D'amor mi brillerà!

Эту фразу Тамберликъ произноситъ съ такимъ одушевленіемъ, что увлеченный слушатель отъ всей души готовъ простить ему не только пропускъ одного нумера, но и всѣ его сценическіе грѣхи, прошедшіе и будущіе. Да, сердцемъ измѣряется сила этихъ задушевныхъ звуковъ, а не сонометрами или акустическими приборами Каньяръ-Латура. «А все-таки его голосъ слабѣетъ», перебьютъ насъ музыкальные педанты. — Ладно, ладно, отвѣчаемъ мы; такъ не слушайте Арнольда Мельхталя, а наслаждайтесь силою голоса Макса или Дженнаро. Здѣсь кстати замѣтимъ еще одно важное достоинство Тамберлика: никто изъ современныхъ артистовъ не говоритъ серьёзныхъ речитативовъ такъ выразительно, какъ онъ; даже самъ Рубини уступалъ ему въ этой важной части искусства. Не говоримъ уже о его безукоризненной чистотѣ итальянскаго произношенія — достоинство, которымъ на нашей сценѣ, кромѣ его да г. Кальцолари, никто не можетъ похвалиться. — Но пора намъ въ «Маскарадъ», куда уже отправился и самъ хозяинъ, бостонскій губернаторъ.

Между танцующими парами разнообразно-костюмированныхъ гостей Ренато отыскиваетъ Оскара и допрашиваетъ его, здѣсь ли

графъ и во что онъ одѣтъ. Пажъ хоть и не подозрѣваетъ злаго умысла, но увертывается отъ отвѣта и дразнитъ Ренато:

Saper vorreste
Di che si veste.

Эту канцону, исполненную граціи и юношеской веселости, г-жа Бернарди исполняетъ очень мило, такъ что, не смотря на повтореніе куплета въ партитурѣ, публика нерѣдко съ настойчивостью кричитъ ей: bis!

Tra la la, да tra la la, поетъ и приплясываетъ шалунъ Оскаръ, да и проболтался, что черное домино графа украшено розовымъ бантомъ; а Ренато этого и надо было—теперь онъ будетъ выжидать только удобной минуты. — И за этимъ дѣло не стало. Подъ удачно-согласованные мотивы двухъ оркестровъ, изъ которыхъ одинъ играетъ менуэтъ, выходитъ на аванъ-сцену Ричардъ, ведя подъ руку Аделію, которая умоляетъ его удалиться для спасенія своей жизни. Тотъ и слышать не хочетъ; люблю, говоритъ, тебя, Аделія,

E l'universo oblio.

Хотя партія тенора въ этомъ прелестномъ дуэтѣ не совсѣмъ по характеру Тамберликова пѣнія, но весь ensemble этой сцены доставляетъ слушателю много удовольствія. Выразительный, нѣжный мотивъ, прерываемый шумомъ праздника, весьма удачный акомпаниментъ, вѣрный, серебристый голосъ г-жи Фьоретти, страстное пѣніе г-на Тамберлика, особенно послѣднія слова прощанія его съ Аделіей:

Anco una volta, addio!
L'ultima volta, addio!

—все это дѣлаетъ большую честь композитору и талантливымъ исполнителямъ его произведенія. Это «addio» было для Ричарда дѣйствительно послѣднимъ: мстительный Ренато наносить ему смертельную рану, злобно восклицая:

E tu ricevi il mio!

Большой оркестръ выражаетъ всеобщій ужасъ, а тамъ вдали еще слышны звуки танца. Аделія и Оскаръ въ отчаяніи; замаскированные гости поддерживаютъ раненаго; другая толпа брасается къ убійцѣ съ крикомъ: смерть ему!

No..... lasciate lo.... lasciate!

останавливаетъ ихъ слабымъ голосомъ графъ и объявляетъ другу, что Аделія не измѣняла своему долгу;—Ренато горько раскаявается, но уже поздно: жертва его ревности умираетъ. Всю эту сцену г. Тамберликъ ведетъ съ большимъ искусствомъ и тактомъ; безъ обыч-

ныхъ театральныхъ кривляній онъ выражаетъ предсмертныя муки, и спокойнымъ, но раздирающимъ душу голосомъ, произнося последнія слова:

Addio, miei figli.... per sempre.... addi....

Занавѣсъ опускается.

Если это послѣднее твореніе Верди и не свободно отъ тѣхъ недостатковъ, въ которыхъ добросовѣстные критики давно упрекаютъ плодовитаго маэстро, то тѣмъ не менѣе должно сказать, что «Маскарадъ» задуманъ весьма удачно и выполненъ съ большимъ искусствомъ. Важное преимущество этой оперы надъ прежними произведеніями Верди заключается уже въ томъ, что вся партія оркестра отдѣлана здѣсь съ особеннымъ тщаніемъ и съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Не говоря уже, что бо̀льшая часть вокальныхъ нумеровъ оперы глубоко прочувствована и исполнена правды, нельзя не замѣтить, что въ этой главной части задачи Верди обнаружилъ много разнообразія, смѣлой находчивости и благоразумной умѣренности. Но есть господа, которые не согласны съ нашимъ мнѣніемъ. Такъ, извѣстный фельетонистъ «Отечественныхъ Записокъ», въ декабрьской книжкѣ этого журнала (стр. 48) высказался въ обратномъ смыслѣ. Мы бы совѣтовали меломану-читателю заглянуть на эту страничку остроумнаго фельетона; — она навѣрно его позабавитъ. Тамъ можно прочесть, напримѣръ, что «покамѣсть новая опера явится, г. Верди иногда собственноручно дирижируетъ оркестромъ нашей итальянской оперы (ктоже это подшутилъ надъ вами? ни разу, таки ни одного разу, Верди не дирижировалъ нашимъ оркестромъ; да и съ какой стати будетъ онъ заниматься не своимъ дѣломъ), гдѣ теперь идетъ и повторяется одно изъ поставленныхъ имъ на сцену произведеній Balla in maschera». Но что убѣдительнѣе всего — такъ это заключеніе, противорѣчащее высказанному нами мнѣнію объ оригинальности мотивовъ «Маскарада.» «Въ оперѣ однакожь слы«шатся часто знакомые звуки (а вы бы хотѣли незнакомыхъ *звуковъ*) «и мотивы, и вслушиваясь въ нихъ, даже незаписной меломанъ (какъ видите, on peut être grand et modeste) узнаетъ, что онъ слышалъ «ихъ въ другихъ операхъ этого композитора. — Такъ вся партія «Фьоретти *въ 4 актѣ* кажется цѣликомъ взята изъ Травіаты съ не«большими только перемѣнами; иногда напоминается вамъ Труба«дуръ, а раза два.... но это, быть можетъ, мнѣ показалось, тѣмъ не «менѣе раза два послышались мотивы и изъ чужихъ оперъ.» А изъ какихъ напримѣръ? ну-ка, скажите. Не будемъ ужь говорить, въ какой степени позволительно наводить на композитора это послѣднее подозрѣніе, безъ малѣйшаго основанія, безъ всякихъ доказательствъ, и обратимся къ тому, на что представлены доказательства.

Партія Фьоретти въ 1 актѣ цѣликомъ взята изъ Травіаты — не такъ ли? Да какая же партія? Партія молчанія, что ли? Вѣдь у г-жи Фьоретти *нѣтъ ни одной ноты въ 1 актѣ*, она даже на сцену не показывается. Вотъ и вѣрь послѣ этого вашимъ словамъ. — Если даже, говоря «въ 1 актѣ» вы разумѣли наши первые два акта (т. е. 1 актъ по партитурѣ), то все-таки вамъ плохо приходится: во 2 актѣ г-жа Фьоретти только и поетъ, что въ тріо:

Della cita all'occaso,

несомнѣнныя и вполнѣ оригинальныя красоты котораго, въ особенности его сопрановой, какъ на грѣхъ, партіи, признаны всѣми, слышавшими оперу.

Постановка «Маскарада» на нашей сценѣ не оставляетъ ничего больше желать; костюмы, если и не соотвѣтствуютъ эпохѣ и мѣсту дѣйствія, то тѣмъ не менѣе богаты, красивы и даже изящны, за весьма небольшими исключеніями. Всѣ декораціи очень хороши; въ 3 актѣ искусно написанный ландшафтъ, при лунномъ освѣщеніи, представляетъ эффектную картину, полную дикой поэзіи; обстановка самаго маскарада великолѣпна. — Опера разучена тщательно и подробно; съ перваго же раза оркестръ исполнялъ свое дѣло съ строгимъ согласіемъ и точностью. Понятно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ послѣднее произведеніе г. Верди, по справедливости, заняло мѣсто въ числѣ любимѣйшихъ пьесъ нашего итальянскаго репертуара. До 3-го января «Маскарадъ» давали семь разъ, и всякій разъ театръ былъ почти полонъ, а рукоплесканіямъ и вызовамъ артистовъ, казалось, конца не будетъ. Конечно, не малая часть такого завиднаго успѣха должна быть приписана исполнителямъ; такіе таланты, какъ Тамберликъ, Граціани, Фьоретти и Нантье-Дидье могутъ заставить васъ прослушать съ удовольствіемъ даже посредственное произведеніе. Но главную причину успѣха этой оперы мы, съ полною увѣренностью, полагаемъ въ сочувствіи лучшаго большинства нашихъ меломановъ (не педантовъ) къ таланту г. Верди и въ несомнѣнныхъ красотахъ послѣдняго его произведенія. — Не далѣе, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ, театральная публика наша представила ясное на то доказательство: съ 24 ноября, т. е. со дня пріѣзда г. Верди въ Петербургъ, всякое представленіе его оперъ: «Травіаты» (4-го декабря), «Трубадура» (6-го), «Маскарада» (9-го), непремѣнно оканчивалось громогласными, многогласными, но тщетными вызовами композитора. Одаренный общительнымъ характеромъ, un uomo aggradevole, sociale, какъ говорятъ его пріятели-итальянцы, веселый собесѣдникъ въ кругу друзей, но всегда скромный, Верди избѣгаетъ офиціальныхъ изъявленій сочувствія, уклонятся отъ овацій; легко можетъ быть и то, что въ упомянутые вечера маэстро

не былъ въ театрѣ, такъ какъ онъ, сколько извѣстно, охотнѣе слушаетъ чужія произведенія. Мы хотимъ сказать только, что при этихъ вызовахъ дѣло не обошлось одинъ разъ безъ комическаго недоразумѣнія, а въ другой—безъ странной, чтобы не сказать откровеннѣе, выходки. Въ среду, 6 декабря, вызовы Верди были особенно упорны; голосъ Тамберлика, объявившаго, что maestro нѣтъ въ театрѣ, былъ совершенно заглушенъ усиленными требованіями. Чтобы прекратить напрасные крики, принуждены были выслать заслуженнаго суфлера нашей итальянской оперы, г. Гариньяни, съ тѣмъ же извѣщеніемъ. Едва только многочисленные вердисты увидали на сценѣ человѣка не въ костюмѣ, а въ обыкновенномъ сюртукѣ, какъ на него посыпались громы: bravo Verdi! evviva il maestro! bravissimo! Какъ ни старался г. Гариньяни объяснить знаками и словами, что онъ не Верди, — все было напрасно: восторженныя рукоплесканія такъ и проводили его за кулисы. По правдѣ сказать, двадцатилѣтняя служба нашего суфлера, въ его скромной, но весьма важной для гладкаго хода оперы обязанности, заслуживаетъ полной признательности меломановъ; тѣмъ не менѣе это qui pro quo вышло очень забавно.

Въ субботу же, 9 декабря, тотъ же г. Гариньяни опять объявилъ публикѣ, вызывавшей Верди, что его нѣтъ въ театрѣ, — и на этотъ разъ нѣкоторые господа позволили себѣ отвѣчать вовсе незнакомому имъ человѣку хохотомъ. Какъ вамъ нравится эта выходка образованной оперной публики? Къ чести абонентовъ надо сказать, что скандалъ произошелъ во время представленія *не въ счетъ абонемента*; но досадно то, что нельзя было опредѣлить, изъ какихъ угловъ преимущественно раздавался этотъ нелѣпый, ужь чисто пѣтуховскій смѣхъ.

Г. Гейне изъ Тамбова недоволенъ операми Верди; на этого г. Гейне изъ Тамбова не стоитъ обращать вниманія, но какъ въ нашемъ обществѣ есть еще люди, съ небольшею, чѣмъ онъ, основательностью судящіе о музыкѣ Верди *«единственно по личному впечатлѣнію»*, то мы позволимъ себѣ высказать здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній о характерѣ произведеній талантливаго композитора.

Главнѣйшая причина повсемѣстнаго успѣха его оперъ заключается, по нашему мнѣнію, въ разнообразіи и задушевности его мотивовъ, въ прелести мелодіи и аккомпанимента, но только въ andante, отнюдь не въ allegro, и, главное, въ постоянномъ соотвѣтствіи музыки съ содержаніемъ оперы, каждой фразы съ даннымъ драматическимъ моментомъ. Если прибавимъ къ этому, что Верди выбираетъ для своихъ оперъ сюжеты, имѣющіе отношеніе къ современнымъ общественнымъ вопросамъ, и изъ нихъ, по преиму-

ществу, сильные, съ рѣзко-очерченными характерами лицъ, съ ясно опредѣленными положеніями, то мы поймемъ причину вліянія ихъ на массы слушателей. Музыка его часто говоритъ яснѣе самаго либретто; а эта внятность, осязательность музыкальнаго языка не составляетъ ли одной изъ главныхъ задачъ мелодрамы, оперы? А что такое свойство — неотъемлемая принадлежность большей части вердіевскихъ оперъ, это доказывается тою легкостью, съ которою онѣ понимаются не одними только присяжными музыкантами, но огромнымъ большинствомъ простыхъ смертныхъ, ищущихъ въ музыкѣ одного наслажденія. Какъ современная цѣль науки—просвѣтлять толпу и служить интересамъ народа, такъ современная цѣль искусства—благородно услаждать досуги большинства, а не избранныхъ только, и удовлетворять эстетическимъ потребностямъ массы. Избранные пусть разработываютъ науку, двигаютъ ее впередъ; другіе пусть изучаютъ законы искусства, распространяютъ его предѣлы,—но нельзя оставлять массу безъ умственной и душевной пищи. Мы, не обинуясь, отдадимъ преимущество той музыкѣ, которая приводитъ въ восторгъ всю аудиторію, передъ тѣми произведеніями, высокія красоты которыхъ могутъ быть оцѣнены только меньшинствомъ техниковъ, спеціалистовъ. Вотъ какимъ масштабомъ надо измѣрять достоинство сочиненій популярнѣйшаго итальянскаго композитора, не забывая при томъ, что его музыка, во-первыхъ, вокально-сценическая, не чисто инструментальная, не духовная, а во-вторыхъ, итальянская, не нѣмецкая. Тутъ совсѣмъ другія условія, другія требованія. Содержаніе этой музыки — житейская драма, человѣческія доблести и пороки, земное счастіе и невзгоды; цѣль—дѣйствовать на непосредственное чувство. Итальянская оперная музыка не должна выходить изъ этихъ предѣловъ; въ нихъ она сильна и могуча. Смѣйтесь въ партитурѣ надъ простотой и вульгарностью чисто-итальянской мелодіи, но будь она хорошо истолкована живымъ голосомъ, — на нее отзовется всякая полная и глубокая душа. Измѣрять же современную итальянскую музыку исключительно нѣмецкимъ масштабомъ—это все равно, что измѣрять время единицами вѣса.

Переходя отъ этихъ общихъ разсужденій объ итальянской музыкѣ къ г. Верди собственно, нельзя умолчать, что въ произведеніяхъ его много и такихъ красотъ, которыя удовлетворяютъ самымъ общимъ музыкальнымъ требованіямъ. Вдохновенные нумера нѣкоторыхъ его оперъ, напримѣръ: квартетъ въ Rigoletto, тріо въ I Lombardi, септуоръ въ Ernani, финалъ 3-го акта въ «Маскарадѣ» и еще нѣсколько признаны самыми глубокими знатоками за произведенія геніальныя.

Было, правда, время, когда многіе находили сомнительнымъ талантъ даровитаго маэстро; но вѣдь было же и такое время, когда послѣ музыки Porpora, Cimraoza, Pergolèse и др., называли Россини безталаннымъ композиторомъ галоповъ, вальсовъ и экоссезовъ. А этотъ безталанный взялъ да и написалъ «Вильгельма Телля», «Моисея», «Севильскаго цирюльника»!... Что въ многочисленныхъ произведеніяхъ Верди есть недостатки, въ этомъ и спора быть не можетъ. Но что это талантъ самобытный, сильный, разнообразный, что большая часть его произведеній глубоко прочувствованы, исполнены выразительныхъ, прямо въ душу льющихся мотивовъ, съ удачными аккомпаниментами, что въ его morceaux d'ensemble видно много искусства и техническихъ познаній, — словомъ, что оперы его представляютъ много истинныхъ красотъ, какъ музыкальныхъ, такъ и драматическихъ, все это стоитъ внѣ сомнѣнія каждаго добросовѣстнаго судьи, всякаго человѣка, одареннаго музыкальнымъ слухомъ, смысломъ и развитымъ сердцемъ. А ужь эти избитыя, именно *модныя* фразы о шумѣ и громѣ вердіевскихъ оперъ, о пошлости его мотивовъ, объ одуряющемъ свойствѣ его эфектовъ—надо предоставить существамъ, награжденнымъ отъ природы только ушами, но не слухомъ.

Мы понимаемъ очень хорошо, что заслуженная, прочная слава г. Верди не нуждается въ нашей защитѣ.

Іосифъ Верди родился въ 1814 г., въ Буссето (Roncolo di Busseto), небольшомъ городкѣ Пармской провинціи.

Первую оперу свою «Oberto di San Bonifacio» молодой маэстро поставилъ на сцену театра la Scala, въ 1839 году. Опера эта понравилась миланской публикѣ, чего никакъ нельзя сказать о второмъ его произведеніи: «Un giorno di regno», или все равно, «Il finto Stanislao» провалилась съ перваго же раза, и никогда болѣе не появлялась на сценѣ. Съ тѣхъ поръ Верди навсегда бросилъ оперу bouffe, къ которой драматическій талантъ его вовсе несроденъ. Съ 1842 года плодовитый маэстро ставилъ на сцену ежегодно по одной, даже по двѣ оперы, такъ что до настоящаго времени онъ написалъ всего 24 пьесы.

Мы здѣсь перечислимъ всѣ его произведенія въ хронологическомъ порядкѣ и назовемъ болѣе извѣстныхъ артистовъ, для которыхъ предназначались главнѣйшія въ нихъ роли:

№ 3 1842 въ Миланѣ. . . Nabucco (въ 4 акт.) — г-жа Стреппони.
» 4 1843 — Миланѣ. . . I Lombardi (въ 4 акт.) — г-жа Фреццолини, г. Гуаско.
» 5 1844 — Венеціи. . . Ernani (въ 4 акт.) — г-жа Лёве, г. Гуаско.

№ 6	1843	въ Римѣ	I due Foscari (въ 3 акт.) — г-жа Барбьери, г. де-Бассини.
» 7	1845	— Миланѣ. . .	Giovanna d'Arco (въ 4 акт.) г-жа Фреццолини, г. Колини
» 8	»	— Неаполѣ. . .	Alzira (въ 3 акт.) — г-жа Тадолини, г. Фраскини.
» 9	1846	— Венеціи. . .	Attila (въ 4 акт. — г-жа Лёве, г. Гуаско.
» 10	1847	— Флоренціи.	Macbeth (въ 4 акт.) — г-жа Барбьери.
» 11	»	— Лондонѣ. .	I Masnadieri (въ 4 акт.) — г-жа Женни-Линдъ, г. Лаблашъ.
» 12	»	— Парижѣ. . .	Jérusalem (передѣлка «I Lombardi», въ 4 акт.) — г-жа Гельдеръ, г. Дюпре.
» 13	1848	— Тріестѣ . . .	Il Corsaro (въ 3 акт.) — г-жа Барбьери, г. Фраскини.
» 14	1849	— Римѣ. . . .	Battaglia di Legnano (въ 3 акт.)—гг. Фраскини и Колетти.
» 15	»	— Неаполѣ. ..	Luisa Miller (въ 3 акт.) — г-жа Гаццанига, г. де-Бассини.
» 16	1850	— Тріестѣ . . .	Stiffelio (въ 3 акт.) — гг. Фраскини и Колини.
» 17	1851	— Венеціи. . .	Rigoletto (въ 4 акт.) — г-жа Брамбилла.
» 18	1853	— Римѣ	Il Trovatore (въ 4 акт.) — г-жа Пенко.
» 19	»	— Венеціи . .	La Traviata (въ 3 акт.)—г-жа Донателли.
» 20	1855	— Парижѣ. . .	I Vespri Siciliani (въ 5 акт.) г-жа Крувелли, г. Геймаръ.
» 21	1856	— Парижѣ. . .	Le Trouvère (передѣлка «Il Trovatore», въ 4 акт.) — г-жа Геймаръ.
» 22	1857	— Венеціи . .	Simon Boccanegra (въ 4 акт.)—г. Негрини.
» 23	»	— Римини. . .	Aroldo (передѣлка «Stiffelio» (въ 4 акт.)—г-жа Лотти.
» 24	1859	— Римѣ. . . .	Un Ballo in maschera (въ 3 акт.)—г-жа Дежанъ, г. Фраскини.

Лучшими произведеніями Верди всѣ понимающіе дѣло признаютъ: №№ 17, 24, 4, 6, 3, 5, 15, 19 и 18.

Кстати, приведемъ здѣсь удивившее насъ обстоятельство: Верди только теперь, въ Петербургѣ, познакомился и впервые слышалъ на сценѣ Тамберлика, талантъ котораго такъ много содѣйствовалъ успѣху вердіевскихъ оперъ: въ Европѣ и Америкѣ знаменитый пѣвецъ этотъ исполнялъ главныя роли въ двѣнадцати (№№ 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 15, 17, 18, 19 и 24 по вышеприведенному списку) операхъ Верди.

На днихъ талантливый гость нашъ отправляется посмотрѣть Москву.

При разборѣ «Маскарада» мы уже говорили объ отличительномъ характерѣ сочиненій его автора; теперь скажемъ о немъ нѣсколько словъ, не касающихся музыки. Верди женатъ на знаменитой пѣвицѣ 30—40-хъ годовъ, Стреппони (Josephine Strepponi). — Въ 1861 году Іосифъ Верди былъ избранъ, отъ дистрикта Пармской провинціи Borgo-San-Donino, въ депутаты итальянскаго парламента, гдѣ съ правдивостью добраго гражданина, d'un buon cittadino, честно оправдалъ довѣріе своихъ избирателей.

Въ прошломъ году поставлена на нашу итальянскую сцену еще новая, третья въ нынѣшній сезонъ пьеса: 30-го декабря, въ бенефисъ Кальцолари, дана была опера Флотова—«Александръ Страделла».

До представленія многіе сомнѣвались, чтобы это произведеніе нѣмецкаго композитора, исполненное итальянцами, возбудило интересъ въ нашей публикѣ, привыкшей восхищаться по преимуществу страстными итальянскими мотивами или эффектными операми Мейербера. Но съ перваго же представленія опасенія эти оказались совершенно напрасными: опера имѣла полный и совершенно заслуженный успѣхъ. Такое пріятное явленіе можно объяснить себѣ только отличнымъ истолкованіемъ всѣхъ ролей. Съ самаго начала до конца всѣ пять партій были ведены—мало сказать безукоризненно; оркестръ исполнилъ свое дѣло въ совершенствѣ. Мы не помнимъ, чтобы какая нибудь новая опера съ перваго же раза шла такъ гладко и согласно, какъ «Страделла».

Содержаніе этой оперы весьма простое: Страделла, при помощи своихъ друзей, похищаетъ въ Венеціи любимую имъ дѣвушку, Леонору, отправляется съ нѣй на родину и тамъ справляетъ свадьбу. Опекунъ Леоноры, брюзгливый старикъ Басси, подкупаетъ двухъ бродягъ, закоснѣлыхъ злодѣевъ, Мальволіо и Барбарино, убить Страделлу. Тѣ принимаютъ предложеніе, отправляются на поиски и находятъ скромное жилище молодой, счастливой четы; они ловко втираются въ ихъ домъ и уже готовы совершить преступленіе, но талантъ пѣвца, добродушіе и ласковое гостепріимство хозяина удерживаютъ ихъ рѣшимость. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, Басси является самъ въ Римъ, застаетъ бандитовъ въ этой нерѣшимости, и обѣщая имъ горы золота, снова заставляетъ ихъ взяться за ножъ. Выждавъ удобную минуту, когда Страделла, оставшись одинъ, репетируетъ гимнъ для пѣнія въ церкви, убійцы подкрадываются къ нему; но растроганные до глубины души его вдохновеннымъ пѣніемъ, они не въ силахъ поднять на него руку; смягченные злодѣи признаются пѣвцу въ своемъ замыслѣ, и цалуя его одежду, въ слезахъ раскаянія, умоляютъ простить ихъ. Добрый Страделла, ра-

зумѣется, не заставляетъ себя долго просить и торжественно благодаритъ Бога за избавленіе отъ вѣрной смерти.

Основаніемъ для такого сюжета Флотовской оперы послужило истинное происшествіе. Страделла (Alessandro Stradella), знаменитый итальянскій пѣвецъ и композиторъ XVII вѣка, былъ однажды дѣйствительно обязанъ своему таланту и голосу спасеніемъ жизни, которой угрожалъ вражескій кинжалъ. Но на дѣлѣ-то самъ убійца имѣлъ личныя причины мщенія. Страделла отбилъ у него хорошенькую венеціанку, по имени Гортензію, на которой и женился. Обманутый женихъ рѣшился убить своего счастливаго соперника; но когда услыхалъ пѣніе Страделлы, исполнявшаго вмѣстѣ съ другими, ораторію собственнаго сочиненія: S. Giovanni Battista, a cinque voce, con stromenti (1676), то изъ ожесточеннаго врага пѣвца сдѣлался его другомъ и умолялъ Страделлу остерегаться мести старика, бывшаго опекуна Гортензіи. — Къ несчастію такое предостереженіе не спасло знаменитаго пѣвца: въ 1678 году, въ Генуѣ, Страделла былъ убитъ наемникомъ злопамятнаго венеціанца, опекуна Гортензіи.

Какъ видитъ читатель, сюжетъ вновь поставленной пьесы не заключаетъ въ себѣ сильнаго драматизма, не представляетъ ни одной патетической сцены.—Но вся эта романтическая опера проникнута тѣмъ счастливымъ спокойствіемъ, тѣмъ пасторальнымъ характеромъ и сельскою простотою, которые навѣваютъ на душу миръ и тихую отраду.

Симфонія, открывающая оперу, довольно удачно настроиваетъ слушателя; основной мотивъ ея—гимнъ Страделлы, долженствующій разжалобить убійцъ его, разработанъ съ большимъ искусствомъ. При поднятіи занавѣса сцена представляетъ прелестный видъ Венеціи, Canale Grande, при вечернемъ освѣщеніи во время карнавала. Къ берегу причаливаетъ украшенная цвѣтными фонарями гондола, изъ которой выходитъ Страделла, и съ аккомпаниментомъ хора своихъ учениковъ поетъ хвалу Венеціи:

O Venezia! tu sei bella,
Quando il sole allegra il ciel. —

Эта прелестная канцона, въ особенности начало ея, производитъ очень пріятное впечатлѣніе. — Роль Страделлы исполняетъ г. Кальцоляри. Она какъ нельзя болѣе подходитъ и къ артистическимъ свойствамъ и къ личному характеру любимца нашей публики. Добродушіе, благочестіе сельскаго пѣвца, спокойную совѣсть человѣка, благоговѣніе къ искусству истиннаго артиста, тихую, но теплую любовь, восторженныя чувства вѣры, — словомъ, всю возвышенную, ...плую натуру Страделлы, этого il primo Apollo della musica, какъ

называли его современники, г. Кальцолари воспроизводитъ съ поразительною вѣрностью и возбуждаетъ живую симпатію къ этой поэтической личности.

Самая наружность артиста, пріятная и выразительная, его спокойно серьёзное и доброе лицо, его скромныя манеры весьма удачно соотвѣтствуютъ идеалу вдохновеннаго пѣвца XVII вѣка. — Всѣ костюмы его въ этой роли весьма красивы и, въ то же время, исторически вѣрны (*).

Серенада Страделлы, которую онъ поетъ подъ балкономъ своей возлюбленной, чтобы вызвать ее изъ дому:

Cara, il tuo bene a te sen viene,

производила бы, думаемъ мы, еще большее впечатлѣніе, еслибъ оркестръ аккомпанировалъ нѣжному голосу пѣвца не такъ громко.— При появленіи Леоноры, Страделла поетъ съ ней notturno:

Per colline e valli erbose;

нумеръ этотъ проникнутъ истиннымъ чувствомъ, и, при счастливомъ соотвѣтствіи голосовъ г. Кальцолари и г-жи Фьоретти, исполняется весьма успѣшно.—Финалъ 1 акта заключаетъ въ себѣ веселый хоръ карнавала и неизбѣжную въ такихъ случаяхъ тарантеллу. На вызовъ Страделлы, многіе изъ толпы гуляющихъ предлагаютъ ему свои услуги для избавленія Леоноры отъ ненавистнаго ей опекуна; веревочная лѣстница принесена и дѣло слажено: счастливый пѣвецъ со своей невѣстой садятся въ гондолу и уѣзжаютъ. Ошеломленный старикъ Басси (г. Полонини) суетится, умоляетъ, бранится—все напрасно: разгульная толпа закружила его и прогнала домой.

Коротенькая прелюдія 2-го акта очень музыкальна. Сцена пред-

(*) Въ фотографическомъ заведеніи Левицкаго (противъ Казанскаго собора № 28) на дняхъ отлично исполненъ, въ разныхъ форматахъ, портретъ г. Кальцолари въ живописномъ костюмѣ Страделлы. — Въ этомъ же заведеніи мы видѣли портреты и карточки другихъ итальянскихъ артистовъ; всѣ они сдѣланы очень хорошо, но особенно удачно вышли карточки г-жи Фьоретти и гг. Кальцолари, Граціани и Анджелини. Кстати, мы слышали, что хозяинъ этого заведенія, М. Н. Кучаевъ, предпринимаетъ изданіе по возможности полныхъ коллекцій фотографическихъ портретовъ-карточекъ извѣстныхъ писателей, художниковъ и сценическихъ артистовъ. Эти портреты, всѣ приблизительно одинаковаго характера и по большей части снабженные автографами изображенныхъ лицъ, будутъ продаваться серіями. При этомъ издатель предполагаетъ, со всѣхъ суммъ, выручаемыхъ отъ такой продажи, отдѣлять болѣе или менѣе значительный процентъ въ кассу литературнаго фонда, или же въ пользу бѣдныхъ художниковъ, актеровъ и хористовъ.

ставляетъ домъ Страделлы, вблизи сельской церкви. Все готово къ свадьбѣ; Леонора, въ подвѣнечномъ нарядѣ, ожидая жениха, поетъ свою любовь и радость:

Della gioja che il seno m'innonda.

По окончаніи аріи раздается звонъ колокола, приходитъ Страделла, проситъ благословенія Бога, и ведетъ свою невѣсту въ церковь, сопровождаемый друзьями-поселянами. — Когда сцена остается пуста, являются, одинъ за другимъ, Мальволіо (г. Эверарди) и Барбарино (г. Беттини); не узнавъ другъ-друга, они было подрались, но потомъ, расхохотавшись, начинаютъ братски обниматься и взаимно распрашиваютъ о семейныхъ дѣлахъ. Когда же смекнули, что порученіе убить Страделлу играетъ между ними роль кости, брошенной собакамъ, они опять зубъ-за-зубъ; но и тутъ скоро поладили: «такъ и быть, говорятъ; раздѣлимъ между собой и деньги и опасность»,—и снова давай обниматься.

По окончаніи свадебнаго обряда гости привѣтствуютъ молодую чету; къ нимъ пристроиваются Мальволіо и Барбарино. Изъ этого составляется очень хорошій квартетъ съ хоромъ; начинается пиръ. Страделла радушно угощаетъ всѣхъ гостей, въ особенности двухъ незваныхъ, этихъ buoni cristiani, какъ они себя называютъ,—и даже предлагаетъ имъ пріютъ у себя. Имъ только того и надо; они пьютъ, поютъ и пляшутъ. — Финальную пѣсню двухъ пьяницъ:

Dal tino sgorga il vin, il vin,

гг. Эверарди и Беттини исполняютъ такъ ловко, съ такою искреннею веселостью, что весь театръ смѣется и всякій разъ требуетъ повторенія этого забавнаго нумера; жалко только, что голосъ г. Беттини слабоватъ: нѣкоторыя ноты его совсѣмъ пропадаютъ. Слѣдующіе за этой сценой танцы весьма кстати оживляютъ сельскій праздникъ.

Хотя мы и не раздѣляемъ чичиковскаго вкуса къ «балетамъ и другимъ пряностямъ», но должны здѣсь сказать, что характерный танецъ съ кастаньетами, исполненный такою стройною, граціозною танцовщицей, какъ г-жа Кошева, доставляетъ весьма пріятное развлеченіе. — Развеселившіеся гости просятъ хозяина пѣть, и Страделла поетъ три куплета о томъ, какъ Сальваторъ-Роза былъ остановленъ абруцкими разбойниками, которые, узнавъ, что плѣнникъ ихъ — знаменитый художникъ, прославившій отечество, тотчасъ же отпустили его. «Да, и разбойникъ умѣетъ уважать талантъ», заключаетъ Страделла свой разсказъ, который наводитъ раздумье на Мальволіо и Барбарино; тѣмъ не менѣе они пользуются его гостепріимствомъ и вмѣстѣ съ хозяевами входятъ въ домъ.

Въ послѣднемъ актѣ дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Страделлы, гдѣ новые гости расположились, какъ у себя дома. Вмѣстѣ съ хозяевами они воспѣваютъ красоты Италіи, и каждый изъ нихъ по своему выхваляетъ родную страну. Квартетъ этотъ

Oh! cara Italia!
Oh dolce terra de'padri miei.

исполняется итальянцами, какъ и должно ожидать, съ особеннымъ одушевленіемъ; увлеченіе ихъ, въ особенности г-на Кальцолари, видимо сообщается слушателямъ, которые постоянно требуютъ повторенія этого прекраснаго нумера:

Конечно, эффектъ былъ бы еще сильнѣе, еслибъ г. Кальцолари пѣлъ полнымъ голосомъ; но онъ благоразумно приберегаетъ его къ главной своей аріи, а потому почти всю свою партію въ квартетѣ исполняетъ à mezzavoce, но съ удивительнымъ искусствомъ. — Въ это время за сценой раздается молитва пилигримовъ; Страделла и жена его благоговѣйно вторятъ ей, а Барбарино съ Мальволіо продолжаютъ себѣ горячо дуться alla mora.—Затѣмъ всѣ уходятъ и на сцену прокрадывается Басси, который возобновляетъ переговоры съ измѣнниками и за quatro cento ducati дѣло улаживается. Здѣсь кстати замѣтимъ, что для вторыхъ ролей нельзя желать лучшаго пѣвца, какъ г. Полонини. Вмѣсто слѣдующаго затѣмъ вдохновеннаго гимна Флотова:

O santa, o pia del ciel regina!

г. Кальцолари поетъ церковную арію, сочиненія самого Страделлы, написанную два вѣка тому назадъ. Эта арія:

Pieta Signore! di me dolente,

исполнена такихъ высокихъ красотъ, что она одна даетъ уже автору право на безсмертіе. — Надо отдать справедливость нашей публикѣ, вовсе неприготовленной къ такого рода музыкѣ: она вѣрно оцѣнила достоинства этой мелодіи. — Правда и то, что въ современной Европѣ нѣтъ пѣвца,который бы соединялъ въ себѣ такъ много условій для передачи подобнаго сочиненія, какъ г. Кальцолари.—Серьёзное и основательное музыкальное образованіе, обширное знакомство съ великими твореніями старой школы, отличная метода пѣнія, мягкій и достаточно сильный голосъ, глубокое чувство и тонкое пониманіе искусства, дѣлаютъ этого пѣвца незамѣнимымъ въ исполненіи такихъ произведеній. Впрочемъ признательность свою г-ну Кальцола-

ра [illegible] прежде всѣхъ. По окончаніи «Страделлы» вызывали его одного, и съ товарищами, [illegible] и опять повторено.

Одаренный отъ природы прекраснымъ голосомъ и [illegible] музыкальными способностями, онъ еще ребенкомъ началъ свое художественное образованіе въ домѣ отца, пармскаго негоціанта.

Талантливая натура молодаго ученика развивалась весьма быстро; въ апрѣлѣ 1837 г., четырнадцати лѣтъ отъ роду, онъ уже участвовалъ въ публичномъ концертѣ пармской академіи изящныхъ искусствъ.

Первою ролью, которую исполнилъ Кальцолари на театральной сценѣ, была роль Эрнани. Это было въ 1845 г., на театрѣ La Scala.

Въ томъ же году г. Кальцолари былъ ангажированъ въ Вѣну, гдѣ и пѣлъ особенно успѣшно въ операхъ Россини и Беллини, къ которымъ такъ хорошо подходитъ его нѣжный, тонко обработанный голосъ. Съ этихъ поръ до 1853 г. Кальцолари, съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ, пѣлъ въ Тріестѣ, въ Мадритѣ, въ Брюсселѣ, въ Лондонѣ, на королевскомъ театрѣ и наконецъ въ Парижѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ онъ оставилъ по себѣ добрую память, какъ граціозный, весьма пріятный теноръ, какъ замѣчательный сценическій талантъ, какъ добросовѣстный и трудолюбивый художникъ и, главное, какъ вокалистъ строгаго вкуса и отличной школы. — Чтобы дать понятіе о разнообразіи таланта, трудолюбіи и музыкальныхъ способностяхъ г. Кальцолари, мы скажемъ, что репертуаръ его состоитъ изъ 47 оперъ. Ангажированный къ намъ въ 1853 г., г. Кальцолари постоянно поетъ на нашей сценѣ, и не переставая замѣтно совершенствоваться съ каждымъ годомъ, успѣлъ заслужить глубокое уваженіе всѣхъ понимающихъ дѣло судей и единодушную любовь публики.

Разобранное нами представленіе «Страделлы» въ бенефисъ Кальцолари было послѣднимъ въ истекшемъ (1861) году, въ которомъ съ сентября мѣсяца дано было всего 14 оперъ. Изъ нихъ дали по 7 разъ вновь поставленныя пьесы: «Poliuto» и «Un ballo in maschera», 6 разъ «Травіату», 5 разъ «Эрнани», по 4 раза «Puritani» и «Barbiere», по 3 раза «Осаду Гента», «Лукрецію», «Карла Смѣлаго», «Риголетто» и «Фрейшюца», по 2 раза «Трубадура» и «Норму» и 1 разъ «Страделлу».

Въ ближайшемъ будущемъ нашихъ меломановъ ожидаетъ удовольствіе слушать «Отелло», «Донъ-Жуана», и, наконецъ одно изъ лучшихъ произведеній геніальнаго Россини «Моисей» (Зора), который, въ первый разъ по возобновленіи, пойдетъ въ бенефисъ г-жи Фьоретти. Давно, съ 1858 г., петербургская публика была лишена

этого высокаго наслажденія. Тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ она бенефиса любимой прима-донны и заранѣе благодаритъ ее за такой хорошій выборъ. Въ успѣшномъ исполненіи этой оперы трудно сомнѣваться; кромѣ г-жи Фіоретти, въ ней примутъ участіе гг. Тамберликъ, Анджелини и Эверарди.

М. Л—Л—ВЪ.

3 января 1862.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Одно слово по поводу новаго года. — Петербургскіе трескучіе морозы. — Риторическое описаніе петербургской зимы. — Два слова о знаменитомъ петербургскомъ джентльменѣ съ несравненными бакенбардами. — Новая драма «Ребенокъ» и положеніе г-жи Снѣтковой въ этой драмѣ. — Открытіе шахматнаго клуба. — Воспоминаніе о прежнемъ клубѣ. — Первый вечеръ въ новооткрытомъ клубѣ. — Скромное устройство клуба. — Маскарадъ художниковъ. — Литературныя чтенія и спектакли. — Библіотека для чтенія и книжный магазинъ г. Серно-Соловьевича.

Новый годъ!... Сколько, по обыкновенію, прелестныхъ и остроумныхъ страницъ пишутся ежегодно по этому поводу въ нашихъ журнальныхъ и газетныхъ фельетонахъ! Къ этимъ прелестнымъ страницамъ я въ этотъ разъ не прибавлю отъ себя ни одной строчки и даже не принесу моему благосклонному читателю обычнаго поздравленія съ новымъ годомъ. Я считаю это теперь совершенно безполезнымъ—во первыхъ, потому, что годъ, прожившій слишкомъ двадцать дней, пересталъ уже быть новымъ годомъ, а во-вторыхъ, что за радость, что человѣкъ постарѣлъ еще однимъ годомъ, когда на плечахъ его и безъ того нависли десятки тяжелыхъ годовъ!... Съ чѣмъ поздравлять тутъ?

Въ нынѣшніе рождественскіе и крещенскіе дни Петербургъ пред-

ставлялъ настоящее царство зимы. Трескучій морозъ рисовалъ картины удивительныя!... Дымъ изъ трубъ днемъ и ночью подымался надъ городомъ густыми бѣлыми клубами. Минерва, сидящая надъ Публичной библіотекой, покрытая инеемъ, какъ бѣлыми мерлушками, красовалась ежедневно въ часъ заката на багровомъ небѣ, предвѣщавшемъ еще сильнѣйшій морозъ. Сумерки тонули въ густомъ морозномъ парѣ; газъ чуть-чуть мелькалъ сквозь кору льда, наросшую на стеклахъ фонарей... За то луна и звѣздное небо сіяли ровнымъ яркимъ свѣтомъ, одинаково для богатыхъ для бѣдныхъ — для жителей Невскаго проспекта и Морскихъ, для обитателей Петербургской и Выборгской сторонъ, гдѣ въ темную ночь можно глазъ выколоть... Лицъ вовсе не было видно на улицахъ, ни мужскихъ ни женскихъ; однѣ только заиндѣвѣвшія шубы съ поднятыми воротниками, оледѣнѣвшіе салопы и вуали съ бѣлыми кружками у губъ..... Вся роскошь Петербурга исчезла: ледяныя узорчатыя шторы задернули зеркальныя стекла магазиновъ.... Морозъ треща торжествовалъ и владычествовалъ безпощадно, спирая человѣческое дыханіе, сжимая мозгъ, окоченяя и одуревая....

Это реторическое описаніе Петербурга зимою можно бы распространить еще на нѣсколько страницъ; но такъ какъ краснорѣчіе временъ Н. Ф. Павлова давно вышло изъ моды, то я умолкаю....

Не шутя, во время этихъ страшныхъ морозовъ, всѣ мы, петербургскіе джентльмены, какъ-то немножко отупѣли и стали еще болѣе апатичны. Я сдѣлалъ эти наблюденія надъ самимъ собою и надъ нѣкоторыми изъ моихъ друзей.... Одинъ изъ нихъ.... Его знаетъ весь Петербургъ; онъ пользуется въ нашемъ свѣтѣ значительною извѣстностію; имя его повторяютъ всѣ — и чѣмъ бы, — какъ бы вы думали, онъ пріобрѣлъ эту лестную извѣстность? — очаровательнѣйшими бакенбардами, чудной изящной формы. Дамы наши ощущаютъ трепетъ и волненіе, когда эти бакенбарды приближаются къ нимъ. Такихъ бакенбардовъ нѣтъ ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, — за это я ручаюсь. Представьте себѣ: свѣтлокаштановыя, съ золотистымъ отливомъ, длинныя, нѣсколько вьющіяся и какъ-то граціозно разлетающіяся въ стороны... волосокъ къ волоску, легко и едва колеблющіяся какъ пухъ отъ дуновенія петербургскихъ зефировъ, и притомъ распространяющія благоуханіе. У моего друга-джентльмена, которому принадлежатъ эти восхитительныя бакенбарды, прекрасный тонкій носъ, аквамариновые глаза на выкатѣ, множество другихъ достоинствъ: но всѣ эти красоты меркнутъ передъ его несравненными бакенбардами съ золотистымъ отливомъ... Они достались ему однако не легко. Онъ постепенно отпускалъ, отращивалъ ихъ, холилъ, за-

завертывалъ на ночь въ умащенныя полотенцы, и т. д., и при началѣ ихъ не могъ предвидѣть, до какого идеала дойдутъ онѣ, какъ далеко превзойдутъ всѣ его ожиданія, и сколько блаженствъ доставятъ ему!.. Петрарка не дорожилъ такъ своею Лаурою, Кавуръ своею министерскою властію, Гарибальди единствомъ Италіи, г. Краевскій своимъ домомъ или своимъ журналомъ, какъ мой другъ-джентльменъ дорожитъ своими бакенбардами.

Не думайте впрочемъ, чтобы бакенбарды поглощали всѣ его умственныя способности. О, нѣтъ! бакенбарды не мѣшаютъ ему быть человѣкомъ вполнѣ современнымъ. Онъ ораторствуетъ противъ крѣпостнаго права, онъ прекрасно разсуждаетъ объ высокой обязанности мировыхъ посредниковъ, объ геніѣ Наполеона III, о невѣжествѣ нашего народа, о министерствѣ Рикасоли, о томъ, что «noblesse oblige» должно быть девизомъ каждаго русскаго дворянина. Онъ за гласность, онъ большой либералъ, но конечно не до того, чтобы торжественно передъ лицомъ всего міра отказаться отъ своихъ дворянскихъ правъ, по вызову И. С. Аксакова.

Развивая эти насущные современные вопросы, онъ, впрочемъ, и въ эти минуты не забываетъ своего лучшаго украшенія.... Онъ говоритъ, говоритъ и въ то же время слегка и любовно поглаживаетъ бакенбарды своей бѣлою рукою, съ розовыми, прекрасно выточенными ногтями....

Говорятъ, что одни бѣдные страдаютъ отъ этихъ варварскихъ морозовъ. Это несправедливо.... Для богатыхъ джентльменовъ эти морозы такъ же нестерпимы. Вообразите, въ теченіе цѣлаго мѣсяца мой джентльменъ не могъ украшать Невскаго проспекта своими бакенбардами, плѣнять и удивлять ими.... До бакенбардъ ли было, когда носа нельзя было высунуть изъ подъ шубы, когда демократическій морозъ безъ разбору одинаково посягалъ на извощичьи и на джентльменскіе носы, и покрывалъ одинаково инеемъ и ледяными сосульками невѣжественныя и всклокоченныя бороды мужиковъ и изящно разчесанныя, цивилизованныя бороды, усы, бородки и бакенбарды, умащенныя различными косметиками, венгерскими помадами и такъ далѣе?... Во все время этихъ варварскихъ морозовъ джентльменъ мой былъ не въ своей тарелкѣ, почти не говорилъ о современныхъ вопросахъ, только проклиналъ климатъ своего отечества, совершенно разстроивавшій гармонію его бакенбардъ, и все съ безпокойствомъ смотрѣлся въ зеркала, поправляя разстроенные волоски....

— Въ этихъ гиперборейскихъ странахъ жить нѣтъ никакой воз-

можности, chèr ami! говорилъ онъ мнѣ, поглаживая свои бакенбарды. — Не правда ли?... Это ужасъ что за морозы!

— Да, безобразный холодъ! отвѣчалъ я.

— Именно *безобразный*. C'est le mot!

Минутъ десять мы все говорили о морозѣ.... Онъ отзывался о морозѣ съ большой ироніей.

Этотъ интересный разговоръ происходилъ въ одинъ изъ антрактовъ бенефиса г. Бурдина.

Надобно замѣтить, что изящные джентльмены, подобные моему джентльмену съ несравненными бакенбардами, удостоиваютъ посѣщать изрѣдка Александринскій театръ въ бенефисы нѣкоторыхъ изъ его артистовъ—отчасти, конечно, для поощренія бенефиціантовъ, но главное по причинамъ совершенно постороннимъ, вовсе не касающимся драматическаго и сценическаго искусствъ, объяснять которыя я почитаю нескромностію.

Такіе джентльмены смотрятъ обыкновенно болѣе въ какую нибудь изъ ложъ бель-этажа, чѣмъ на сцену....

Кстати о бенефисѣ Бурдина.... Я ужь скажу о немъ два слова, — не о бенефисѣ собственно, а о новой драмѣ, которая между прочимъ дана была въ этотъ бенефисъ.... Читатель,—я питаю себя этою пріятною надеждою, — не будетъ слишкомъ взыскателенъ ко мнѣ за мою непослѣдовательную болтовню.... Я брошу моего джентльмена съ бакенбардами, на минуту, а можетъ быть и на всегда.... Отъ этого читатель не будетъ въ потерѣ.

Итакъ я перехожу отъ изящныхъ бакенбардъ, украшающихъ клубы, театры и Невскій проспектъ, отъ красивѣйшаго изъ джентльменовъ, къ только-что народившемуся на сценѣ Александринскаго театра «Ребенку», который надрываетъ сердца у чувствительной публики этого театра своими стонами, слезами и вздохами въ теченіе 4-хъ актовъ!

Что же это за «Ребенокъ»?

Я сейчасъ буду имѣть честь объяснить это.

«Ребенокъ» — плодъ фантазіи молодаго драматическаго писателя г. Боборыкина, автора «Однодворца».... Ребенка зовутъ Вѣрочкой. Вѣрочка дочь помѣщика 2,000 душъ, г. Хлѣбоѣдова. Хлѣбоѣдовъ человѣкъ лѣтъ подъ 50,—то, что называется ci-devant bel homme, подкрашивающій сѣдину на вискахъ и усы, еще съ сильнымъ поползновеніемъ нравиться прекрасному полу. Онъ вѣроятно началъ свое поприще въ военной службѣ, я убѣжденъ въ этомъ. У него, кромѣ

ребенка Вѣрочки (ребенку лѣтъ 16), еще сынокъ Дмитрій, лѣтъ 17,— пустѣйшій мальчишка, современный Митрофанъ, больная супруга (за кулисами), которая надоѣла супругу, и молодая вдова—дальняя родственница, Евгенія Александровна, *бель-фамъ*, очень эффектно выступающая по сценѣ и разыгрывающая первую роль въ домѣ. — Кромѣ этихъ лицъ, въ пьесѣ есть еще три лица, ходящія и болѣе или менѣе говорящія: учитель Хлѣбоѣдовыхъ — университетскій кандидатъ, — старая горничная больной жены и 50-лѣтняя дѣвица Коробова, родственница, въ роли приживалки. Собственно дѣйствующее лицо въ драмѣ одно — ребенокъ Вѣрочка; остальные, начиная съ самаго ея папеньки, введены только для того, чтобы *дѣлать реплики* милому «ребенку»....

Дѣйствіе открывается въ саду въ деревни.... Вѣрочка, какъ настоящій ребенокъ, прыгаетъ, скачетъ, гоняется за бабочками и не замѣчаетъ ничего, что дѣлается вокругъ ея. А между тѣмъ маменька ея близка къ смерти, а между тѣмъ папенька ея все шепчется съ молодой вдовой, а братецъ болтаетъ невыносимыя пошлости и безпрестанно укоряетъ рѣзвую сестрицу за дурной тонъ (онъ, какъ всѣ слабоумные, только и бредитъ *хорошимъ тономъ*).... Учится онъ плохо и не терпитъ своего учителя, къ которому, напротивъ, очень расположена Вѣрочка, потому что учитель все толкуетъ ей о *прогрессѣ* и *развитіи*. Въ концѣ перваго акта маменька умираетъ, а папенька, кажется, очень довольный этимъ, поглаживая свои накрашенные усы, утѣшаетъ дочку тѣмъ, что молодая вдова Лидія Ѳедоровна замѣнитъ ей мать. — Онъ вскорѣ женится на вдовѣ.

Смерть матери сильно поражаетъ Вѣрочку. Жизнь коснулась ея. Изъ шаловливаго ребенка она вдругъ дѣлается серьёзной дѣвушкой и начинаетъ не на шутку задумываться о своемъ положеніи. Въ это время старая горничная ея умершей маменьки, которая все хныкаетъ и покачиваетъ головою, пробалтывается барышнѣ, что ея маменька всегда была несчастлива съ папенькой, что папенька всегда притѣснялъ ее и свелъ преждевременно въ могилу, и что въ домѣ послѣднее время имѣла полную власть Евгенія Александровна. Муки сомнѣнія заброшены въ сердце бѣдной дѣвушки, все измѣнилось и приняло другой колоритъ въ глазахъ ея; ложь жизни нарушила ея внутреннюю гармонію.... Съ этой минуты до самаго конца пьесы, она, несчастная, мечется, стонетъ, плачетъ, доискивается у всѣхъ правды и наконецъ рѣшается идти къ папенькѣ, и допросить его самого обо всемъ....

. . . .

Папенька, покручивая усы, приходитъ, конечно, въ большое волне-

ніе, отвѣчаетъ ей недовольнымъ тономъ и полусловами, и наконецъ, выведенный ея настойчивостію изъ терпѣнія, говоритъ, что маменька-то ея была передъ нимъ не совсѣмъ права, и имѣла грѣшки за собою...— Это еще болѣе поражаетъ и спутываетъ Вѣрочку: уваженіе ея къ папенькѣ поколеблено, на память нѣжно-любимой ею маменьки наброшена тѣнь. Она не хочетъ вѣрить отцу и допытывается правды у старой родственницы-проживалки, которая сначала говоритъ: «да успокойтесь, мой голубчикъ, да не мучьте себя, моя родная»; но Вѣрочка наступаетъ на нее рѣшительно и проживалка-родственница вынуждена сознаться, что дѣйствительно и маменька не была права противъ папеньки.... Все внутри дѣвушки порвано и оскорблено. Ея вѣрою, ея идеаломъ остался только одинъ кандидатъ-учитель, толкующій ей общія мѣста о *прогрессѣ* и *развитіи*.... Между тѣмъ молодая вдова, сдѣлавшаяся ее мачихой, требуетъ, чтобы учитель былъ выгнанъ и упрекаетъ Вѣрочку въ томъ, что она ведетъ себя неприлично съ учителемъ. Учитель однако остается до самаго конца пьесы, и Вѣрочка умираетъ на сценѣ, въ чахоткѣ, сжимая его руку. Папенька съ своей молодой супругой—являются въ минуту ея кончины; папенька проливаетъ нѣсколько слезъ и благословляетъ дочь.... Затѣмъ занавѣсъ опускается....

Если бы это самое содержаніе было послѣдовательно и серьёзно развито авторомъ въ формѣ повѣсти, мнѣ кажется, такая повѣсть могла бы произвести впечатлѣніе и возбудить со стороны читателей участіе къ героинѣ. Въ драматической же формѣ новое произведеніе г-на Боборыкина неудалось совсѣмъ, надо сказать правду. Нѣтъ никакой возможности въ теченіе четырехъ актовъ видѣть на сценѣ непрерывно стоны, слезы, муки сомнѣнія, тоску, отчаяніе и такъ далѣе, при отсутствіи всякаго драматическаго движенія. Если бы хоть по крайней мѣрѣ этотъ учитель походилъ сколько нибудь на живое лицо, если бы онъ могъ сколько-нибудь заинтересовать собою зрителя, а то это какое-то жалкое, безцвѣтное, безхарактерное существо, — его даже и существомъ-то нельзя назвать,—это тѣнь существа, намекъ на существо, болтающій что-то неопредѣленное о развитіи и прогрессѣ! На него смѣшно и жалко было смотрѣть. Изъ этой роли сдѣлать что нибудь было невозможно; разыгрывалъ ее г. Малышевъ. Въ сценахъ объясненія съ Вѣрочкой слезливый голосъ, выраженіе лица, жесты его были неудачны. Къ довершенію всего, въ этотъ вечеръ у него было, казалось намъ, нѣчто въ родѣ флюса.

Мнѣ было искренно жаль г-жу Снѣткову 3. Она играла «Ребенка» съ большою тщательностію, съ большою старательностію; она одна

несла на себѣ всю тягость пьесы: она говорила, страдала, плакала, металась одна за всѣхъ въ теченіе четырехъ актовъ, — и несмотря на все это, она никакъ не могла придать живости и движенія пьесѣ. Это уже не была вина ея. Она сдѣлала все, что могла, и признательная публика вызывала ее послѣ каждаго акта....

Я такъ настрадался въ теченіе этой пьесы и за г-жу Снѣткову 3, и за благородныя, но тщетныя усилія автора создать драму изъ содержанія вовсе не драматическаго, что уже не могъ долѣе оставаться въ театрѣ и поспѣшилъ выдти на свѣжій воздухъ....

Къ тому же, я долженъ былъ посѣтить открывшійся въ этотъ день возобновленный *шахматный клубъ*, помѣщавшійся нѣкогда въ отелѣ Демута и ознаменовавшій свое существованіе великолѣпнымъ пиромъ въ честь Тотлебена, только что возвратившагося въ Петербургъ....

Этотъ патріотическій пиръ я помню такъ живо, какъ будто онъ происходилъ вчера. Сколько горячихъ рѣчей произнесено было за обѣдомъ, сколько продекламировано пламенныхъ стиховъ! Зала задрожала отъ рукоплесканій и криковъ, когда появился нашъ знаменитый поэтъ А. Н. Майковъ, и остановился передъ лицомъ севастопольскаго героя; но когда онъ кончилъ свои стихи, произнесенные нѣсколько дрожащимъ, исполненнымъ внутренняго волненія голосомъ, — энтузіазмъ присутствующихъ дошелъ до послѣднихъ предѣловъ: многіе плакали, прижимали другъ друга къ сердцу. Тотлебенъ и князь Васильчиковъ жали руку поэта, обнимали его и цаловали. Литература едва ли не первый разъ такъ близко сходилась съ сановниками. Сановники отзывались съ лестными похвалами о литературѣ.... И давно ли все это было?... Майкова заставляли повторять его стихи нѣсколько разъ....

Наконецъ разстроганый, взволнованный, утомленный всѣми этими оваціями, спичами, стихами, рѣчами, импровизаціями, чтеніями и проч., севастопольскій герой вышелъ изъ-за стола, напутствуемый кричащею толпою, отправился въ читальную комнату, чтобы отдохнуть немного и заснулъ на диванѣ....

Но и здѣсь не оставили его въ покоѣ. Многіе изъ тѣхъ, которые не могли видѣть его близко за столомъ, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы посмотрѣть поближе героя, и подкрадывались къ дивану, на которомъ онъ спалъ; наклонившись къ нему, разсматривали его въ подробности, и такимъ образомъ вполнѣ насыщали свою любознательность.... Сонъ виновника этого пиршества долженъ былъ быть очень тревоженъ: въ комнатѣ была духота нестерпимая, — а

тутъ еще нѣсколько человѣкъ дышали надъ нимъ своимъ горячимъ дыханіемъ!...

На этомъ трогательномъ патріотическомъ пирѣ обошлось, разумѣется, и не безъ комическихъ сценъ. Одного ученаго вздумали качать разгулявшіеся его ученики; другой ученый принялъ эту выходку за оскорбленіе науки, разгорячился, поднялъ шумъ, но его удалили въ маленькую комнату и заперли дверь на ключъ; ключъ пропалъ и ученый долженъ былъ просидѣть подъ неожиданнымъ арестомъ болѣе часу, покуда явился слесарь съ инструментами, для того, чтобы выпустить его....

Несмотря однако на то, что шахматный клубъ находился подъ особымъ покровительствомъ одного очень богатаго и знатнаго человѣка, несмотря на то, что въ началѣ множество извѣстныхъ и чиновныхъ господъ были его членами, — клубъ пришелъ въ невозможность существовать за недостаткомъ средствъ, и послѣднею его вспышкою передъ кончиной былъ обѣдъ въ честь Тотлебена. Извѣстно, что *карты* между прочимъ много способствуютъ къ поддержанію клубовъ; а карты — увы! — исключены изъ шахматнаго клуба....

Между членами стараго шахматнаго клуба было довольно извѣстныхъ литераторовъ, ученыхъ и журналистовъ; въ нынѣшнемъ возобновленномъ клубѣ еще болѣе преобладаетъ въ немъ ученый и литературный элементъ.

Клубъ помѣщается у Полицейскаго моста, въ домѣ Елисѣева, во 2 этажѣ. — Первый годъ члены вносятъ 30 р. с. и затѣмъ будутъ ежегодно вносить по 15 р.

Дорогою отъ Александринскаго театра до клуба я успѣлъ нѣсколько освободиться отъ тяжелыхъ впечатлѣній, произведенныхъ на меня «Ребенкомъ», но еще долго стоны г-жи Снѣтковой раздавались въ ушахъ моихъ.... Я забылъ упомянуть, что въ ту минуту, когда бѣдная дѣвушка говоритъ (кажется въ 3 актѣ), захлебываясь отъ тоски, что-то въ родѣ этого: «ложь, говоритъ, во всемъ: ложь въ семейныхъ отношеніяхъ, ложь.... не помню еще въ чемъ-то», — какой-то шутникъ въ партерѣ произнесъ вполголоса: — «да это изъ аксаковскаго *Дня*!»... Эти слова вызвали всеобщую улыбку у сидѣвшихъ около шутника, и они, до сихъ поръ смотрѣвшіе на пьесу серьёзно, начали подсмѣиваться надъ нею....

«Это такъ всегда бываетъ», началъ было размышлять я, но кучеръ мой остановился у подъѣзда возобновленнаго клуба. У подъѣзда сто-

го не было ни одного экипажа, никакихъ признаковъ движенія.... Если бы открывался какой нибудь аристократическій клубъ, — какой бы шумъ надѣлало въ городѣ это открытіе, — какую великолѣпную палатку выстроили бы у подъѣзда, какого толстаго и важнаго швейцара поставили бы у дверей, какую булаву дали бы ему въ руку, какое стеченіе экипажей было бы у подъѣзда, какой коверъ разослали бы по лѣстницѣ и такъ далѣе. А тутъ ни швейцара, ни экипажей....

Въ одно время со мной подъѣхалъ какой-то господинъ на убогомъ извощикѣ и мы вмѣстѣ вошли на лѣстницу. У первыхъ дверей втораго этажа господинъ позвонилъ.—«Здѣсь клубъ?» спросилъ онъ у отворившаго дверь. — Здѣсь! отвѣчалъ лакей. Я вошелъ вслѣдъ за этимъ господиномъ. Узенькая передняя, вправо двѣ довольно большія комнаты окнами на улицу — залъ и читальная комната, возлѣ читальной небольшая комната, гдѣ помѣщается контора; влѣво отъ передней— небольшія четыре комнаты въ рядъ, изъ коихъ послѣдняя столовая. Меблировка самая скромная, зеркалъ вовсе нѣтъ....

«Ну, что!» подумалъ я, прохаживаясь по этимъ комнатамъ: «если бы привести въ этотъ клубъ моего джентльмена съ очаровательными бакенбардами?...» При этой дикой мысли я даже улыбнулся невольно....

«Что подумалъ бы онъ объ этомъ клубѣ? что сказалъ бы онъ, взглянувъ на эти голыя стѣны, на этотъ смиренный столъ съ закусками въ столовой, на отсутствіе ковровъ, бронзъ, зеркалъ, карселей и зеленыхъ столовъ съ четырьмя свѣчами, на эту толпу *неизвѣстныхъ*, прохаживающихся взадъ и впередъ, съ простыми, грубыми бородами, съ волосами, къ которымъ никогда не прикасались щипцы артиста-куафёра, съ бакенбардами какой-то допотопной формы?...»

Я воображаю, какой взглядъ бросилъ бы на все это мой джентльменъ сквозь свое стеклышко, съ какимъ бы ужасомъ бѣжалъ онъ изъ этого клуба и съ какою ядовитою ироніею разсказывалъ бы о немъ другимъ джентльменамъ, своимъ сочленамъ Англійскаго клуба или Яхтъ-клуба!

Ему, бѣдному, привыкшему судить обо всемъ по внѣшности, по одному наружному блеску, не могло бы и прійти въ его завитую, надушенную и прекрасно расчесанную голову, что эти *неизвѣстные*, на которыхъ онъ бросилъ, по своей свѣтской наивности, такой презрительный взглядъ — все ученыя и литературныя знаменитости, что все это философы, поэты, романисты, журналисты, политико-экономы, историки, все коноводы общественнаго мнѣнія....

Попасть въ такую среду ума, талантовъ, знаній — величайшее счастіе, и по мѣрѣ того, какъ эта мысль овладѣвала мной, я благословлялъ судьбу, допустившую меня въ эту среду, и вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалъ нѣкоторую невольную робость. Въ клубѣ было въ этотъ вечеръ человѣкъ до полутороста: тутъ сошлись два литературныя и ученыя поколѣнія—отживающее поколѣніе, уже порастратившее свои силы, поистощившееся въ борьбѣ съ жизнію, и молодое—полное энергіи, жаждущее дѣятельности, чувствующее преизбытокъ силъ. Когда я сталъ вглядываться въ сидящія и ходящія группы, въ которыхъ отживающее поколѣніе перемѣшивалось съ новымъ, мнѣ показалось, что между всѣми этими людьми безбородыми юношами и зрѣлыми мужами съ просѣдью на головѣ, царствуетъ несокрушимое единодушіе, полное согласіе, что всѣ они одинаково проникнуты идеею общественнаго блага; что молодое поколѣніе смотритъ съ уваженіемъ на отживающее поколѣніе, потому что продолжаетъ дѣло, имъ начатое, и что отживающее поколѣніе, въ свою очередь, смотритъ съ любовію на молодое поколѣніе; что всякія мелкія, личныя отношенія и взгляды совершенно чужды имъ, что клеветы, сплетни и различныя эгоистическія пошлости, разъединяющія обыкновенныхъ людей — непонятны этимъ благороднымъ жрецамъ науки и искусства.

Я сѣлъ на стулъ, всторонѣ отъ всѣхъ, и долго съ какимъ-то наслажденіемъ прислушивался къ ученому и литературному гулу, который казался мнѣ величественнѣе шума морскихъ волнъ.

Мнѣ стало легко и весело, хотя въ комнатахъ было до 25 слишкомъ градусовъ тепла и дышать было нѣсколько трудновато. Самое скромное ламповое освѣщеніе, застилаемое притомъ табачнымъ дымомъ, казалось мнѣ ярче солнечнаго.

«Въ какомъ другомъ клубѣ можно найти такое единомысліе, такую гармонію?» думалъ я. — «Въ богатыхъ и раззолоченыхъ клубахъ джентльмены обыкновенно сходятся и сближаются изъ видовъ; корысти всѣ ихъ тайные и явные союзы основаны на этой постыдной страсти. Тамъ на первомъ планѣ одни только *деньги*: каждый неопытный или горячій господинъ съ туго-набитымъ карманомъ, появляющійся въ раззолоченый клубъ, дѣлается сейчасъ цѣлью. За нимъ охотятся, какъ за звѣремъ, ловятъ его въ сѣти, и по счастливомъ окончаніи охоты дѣлятъ добычу.... Тамъ одинъ существенный интересъ — карты; тамъ на людей не играющихъ въ карты смотрятъ какъ на пустыхъ и безполезныхъ членовъ. Въ одномъ изъ таковыхъ клубовъ нѣсколько глубокомысленныхъ джентльменовъ, не играющихъ въ карты, а собирающихся въ особой комнатѣ, для разсужденія

о литературныхъ и библіографическихъ вопросахъ и вообще для обмѣна мыслей, прозваны остальными своими собратами по клубу *библіографиками* и *чернокнижниками*!»

Въ возобновленномъ шахматномъ клубѣ все по большей части чернокнижники. Это совершенно чернокнижный клубъ, съ точки зрѣнія картежныхъ клубовъ. Чернокнижіе и *шахматы* — краеугольные камни, на которыхъ зиждется онъ.... Кстати о шахматахъ. Гдѣ-то наши великіе шахматисты-игроки — Петровъ и Яннишъ — ex professeur de l'Institut.... и такъ далѣе?... Я воображаю, какъ сердца ихъ должны возрадоваться при вѣсти о возобновленіи шахматнаго клуба!

— Да-съ, нельзя не порадоваться открытію этого клуба, сказалъ мнѣ одинъ поэтъ, недавно прибывшій изъ провинціи, подходя ко мнѣ, крѣпко пожимая мнѣ руку и смотря на меня съ пріятнѣйшею улыбкою: — вотъ не будь клуба, я можетъ быть и не имѣлъ бы случая встрѣтить васъ....

«Въ самомъ дѣлѣ», подумалъ я, «это была бы великая потеря для меня!»

Поговоривъ съ поэтомъ, я отправился ужинать съ однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ мыслителей. Ужинъ оказался неудачнымъ, хотя блюда по наружности и особенно издали имѣли видъ довольно приличный. Для шахматнаго клуба взялся приготовить обѣды и ужины поваръ сосѣдственнаго съ клубомъ Благороднаго собранія. Обѣды ежедневные стоятъ 50 к., по четвергамъ обѣдъ въ 1 р. с. Въ первый четвергъ обѣдъ, говорятъ, былъ приготовленъ, человѣкъ на 60, а сошлось неожиданно болѣе 100 человѣкъ; впрочемъ, благодаря распорядительности дежурнаго старшины, всѣ ученые, поэты и беллетристы были достаточно насыщены....

Я не знаю, какъ другимъ, но мнѣ по крайней мѣрѣ и въ голову не приходитъ въ тѣ минуты, когда я нахожусь въ сонмѣ нашихъ передовыхъ людей, — о какихъ нибудь пустякахъ: о порядочномъ обѣдѣ, о комфортѣ и о тому подобномъ. Когда есть пища для головы — желудокъ можно заставить молчать.... Да здравствуетъ же и да процвѣтаетъ шахматный клубъ!

Я убѣжденъ, что въ шахматномъ клубѣ никогда не случится ничего подобнаго тому, что случилось нѣсколько лѣтъ назадъ тому въ одномъ избранномъ кружку тогдашнихъ передовыхъ людей. — Въ одинъ вечеръ является неожиданно среди обычнаго кружка весьма неглупый господинъ, никогда непринадлежавшій къ кружку, впрочемъ знакомый каждому изъ его членовъ. «Господа», говоритъ онъ, «я надѣюсь, что вы мнѣ позволите провести съ вами вечеръ. Меня упре-

каютъ постоянно за то, что я всю жизнь вожусь съ дураками. Когда узнаютъ, что я бываю у васъ, въ вашемъ обществѣ — эти упреки прекратятся». Господинъ этотъ былъ принятъ всѣми очень любезно. Начались обычные толки и пренія о разныхъ современныхъ вопросахъ и о возвышенныхъ предметахъ. Надо замѣтить правду, что пренія на этотъ разъ были вялы и скучны. Гость не выдержалъ. Онъ на половинѣ вечера всталъ, взялъ шляпу, привѣтливо со всѣми раскланялся и произнесъ: «нѣтъ, господа, ужь я лучше поѣду къ дуракамъ!»

Я въ прошломъ году подробно говорилъ о *пятницахъ* въ академіи художествъ и о маскарадѣ художниковъ. — Въ нынѣшнемъ году эти пятницы продолжаются на прежнемъ основаніи — и въ 10 пятницу (15 декабря) былъ данъ въ залахъ академіи великолѣпный балъ — маскарадъ. Билеты на этотъ маскарадъ, раздававшіеся сначала по 5 р. с., возвысились, говорятъ, потомъ до 75 и до 100 р. сер.

Въ 1-й античной галлереѣ былъ расположенъ театръ, на которомъ были устроены живыя картины и сцены. Послѣ одной изъ такихъ сценъ открылось шествіе костюмированныхъ художниковъ въ танцовальную залу.... Разнообразіе и пестрота костюмовъ были удивительныя: рыцари и между ними знаменитый Донъ-Кихотъ съ Санчо-Пансо, кармелиты, арлекины, цыганки, арабы и т. д. Процессія снова возвратилась въ театральную залу, гдѣ представлены были три живыя картины: *Нюренбергъ ночью*, поставленная г. Боголюбовымъ, *Карлъ V и Тицiанъ*, поставленныя г. Бруни, и *Итальянское семейство*, поставленная гг. Бруни и Привацци....

По окончаніи живыхъ картинъ начались танцы. Танцовальная зала представляла самое пестрое, разнообразное и одушевленное зрѣлище.

Глазъ разбѣгался между этими жницами съ серпами, офеліями, минервами, феями, маркизами, мордовками, малороссіянками и россіянками, не зная, на которой изъ нихъ остановиться.... Мужскіе костюмы были также очень разнообраны и оригинальны.

Танцы снова были прерваны представленіемъ пантомимы: «Современный споръ или волшебный колодезь», и возобновившись, уже не прерывались до глубокой ночи.

Балъ-маскарадъ окончился не задолго до разсвѣта; въ залахъ было, говорятъ, до 1000 посѣтителей.

Литературныя чтенія даются чуть не ежедневно въ пользу разныхъ воскресныхъ школъ, бѣдныхъ студентовъ и т. д. Послѣднее чтеніе въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ было особенно замѣчательно: г. Островскій прочелъ своего *Минина*. — Объ этомъ замѣчательномъ произведеніи намъ нечего говорить; читатель прочтетъ драматическую хронику г. Островскаго въ этой же книжкѣ «Современника».

Г-жа Ристори заключила свои представленія въ Петербургѣ трагедіею «Норма» въ бенефисъ свой. Въ роли «Нормы» она превосходна. Въ настоящую минуту г-жа Ристори находится въ Москвѣ.

Въ бенефисъ г-жи Розатти данъ былъ новый балетъ г. Сен-Жоржа: *Дочь Фараона*. Балетъ этотъ, какъ и большая часть балетовъ, отличается пестротою и путаницею въ содержаніи; пересказывать это содержаніе было бы неприлично. Въ этомъ балетѣ между скачущими танцовщиками и прыгающими танцовщицами появляются львы, верблюды, обезьяны и мухи. Балетъ длится около пяти часовъ. Сколько терпѣнія надо имѣть, сколько внутренней пустоты, чтобы высиживать до конца такія представленія!

Мой джентльменъ съ очаровательными бакенбардами въ совершенномъ восторгѣ отъ этого балета. Какъ ех-театралъ и великій знатокъ хореграфическаго искусства, онъ говоритъ, что «Дочь Фараона» одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ балетовъ, которые когда либо появлялись на нашей сценѣ; что г-жа Розатти превзошла самое себя, что у нея *классическій стиль и неподражаемая мимика* (эти фразы мой другъ джентльменъ заимствовалъ, кажется, изъ какого-то фельетона); что г-жа Кошева, Кемереръ и еще, не помню, какая-то танцовщица, составляютъ *славу* нашей балетной труппы; что эта труппа первая въ Европѣ—и такъ далѣе.... Онъ упрекаетъ меня въ холодности къ изящнымъ искусствамъ, потому что я не ѣзжу въ балетъ, и прибавляетъ, что мы, русскіе, не имѣемъ достаточнаго патріотизма, иначе мы *гордились* бы нашими танцовщицами.

Онъ даже разгорячился по этому поводу, въ противность всѣмъ законамъ свѣтскости, и для успокоенія его я обѣщалъ ему впередъ гордиться нашими хореграфическими знаменитостями...

Объ итальянской оперѣ я не буду говорить ни слова, потому что въ этой же книжкѣ нашего журнала представляется подробный отчетъ объ ней; я же отъ хореграфіи перейду къ наукѣ.

Публичнымъ лекціямъ нѣтъ конца:

Г. Петрушевскій читаетъ лекціи *химіи*, а кн. Голицынъ *о практическихъ способахъ землеизмѣренія*, въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

Г. Лесгафтъ читаетъ въ таможнѣ для чиновниковъ лекціи *товаровѣдѣнія*.

Г. Иллишъ читаетъ въ думѣ лекціи о *винокуреніи*, для будущихъ чиновниковъ по управленію акцизной продажи питей. — Приводимъ любопытныя данныя, представленныя г. Иллишемъ:

«Распространеніе употребленія вина вело за собой увеличеніе, по этой статьѣ, и государственныхъ доходовъ. Въ 1750 г. сборъ питейныхъ пошлинъ равнялся 2,666,909 р., въ 1800 — 12,623,949 р., въ 1850 г.—52,433,337 р., а въ 1859—127,769,480 р.

«Общее количество потребляемаго въ Россіи, ежегодно, вина можно предположить приблизительно въ 60 мильйоновъ ведеръ полугара. Если бы ведро продавалось по 3 р. с. только, какъ это предписывается правительствомъ, то цифра дохода отъ вина составляла бы 180 мильйоновъ. Но въ дѣйствительности доходъ этотъ слѣдуетъ утроить, потому что только весьма малое количество вина продается въ видѣ полугара, т. е. по 3 р. с. съ ведра, для домашняго употребленія, между тѣмъ большая часть потребляется народомъ подъ различными названіями въ мелочной торговлѣ, по цѣнамъ, гораздо высшимъ. Такъ, полугаръ, среднимъ числомъ, отъ 6 до 7 р. 50 к.; въ отдѣльной же продажѣ, въ ресторанахъ, трактирахъ и подобныхъ заведеніяхъ, платящихъ большіе сборы въ пользу откупа, гдѣ рюмка кюмелю стоитъ отъ 20 до 30 к., рюмка водки 10 и 15 к.,—продажная цѣна ведра составляетъ 30, 50 и даже 80 р. с. Такимъ образомъ, цифра получаемаго отъ продажи вина сбора, приблизительно, составляетъ отъ 550 до 600 мильйоновъ р. с., т. е. почти по 10 р. с. на душу населенія Россіи. Вычтя изъ этого общаго количества сбора 129 мильйоновъ, платимыхъ откупомъ правительству, увидимъ, что чистая прибыль откупа и занимающихся мелочною продажею составляетъ до 413 мильйоновъ!»

А между тѣмъ кончающійся откупъ, вспыхнувъ передъ смертью, хотѣлъ наложить на петербургскихъ трактирщиковъ, рестораторовъ, кандитеровъ и проч. въ 1862 г. за продажу водки — еще болѣе прежняго стѣснительныя условія. — И всѣ трактирщики, рестораторы, кандитеры, за исключеніемъ весьма немногихъ, рѣшились обойтись безъ водки, пива и портера. Посѣтители этихъ заведеній поневолѣ должны довольствовать себя одними виноградными винами.

Профессора, находящіеся нынѣ за штатомъ, съ дозволенія г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, будутъ также читать публичныя лекціи.

Литературныхъ новостей довольно. Журналистика ростетъ съ каждымъ годомъ. Въ нынѣшнемъ году появились три ежедневныя политическія и литературныя газеты — «*Сѣверная Почта*» (газета министерства внутреннихъ дѣлъ), «*Сынъ Отечества*» (превратившійся изъ еженедѣльной газеты въ ежедневную) и «*Наше Время*» (изъ газеты неопредѣленно выходившей и недоданной въ прошломъ году подписчикамъ также въ ежедневную). Слухи носятся, что Н. Ф. Павловъ, издатель и редакторъ этой газеты, съумѣлъ въ этомъ году обезпечить ея существованіе въ новомъ видѣ, независимо отъ подписки, и какъ истинный джентльменъ удовлетворитъ прошлогоднихъ своихъ подписчиковъ за недоданные имъ нумера. Это чрезвычайно благородно...

Но объ новыхъ изданіяхъ мы поговоримъ впослѣдствіи, а теперь обратимъ вниманіе нашихъ читателей на второе изданіе «*Обломова*», исправленное авторомъ и только что появившееся въ книжныхъ лавкахъ. — И. А. Гончаровъ и на этотъ разъ еще не совсѣмъ, вѣроятно покончилъ съ своимъ Обломовымъ... Мы убѣждены, что ему придется держать корректуры и третьяго изданія.

Закончимъ наши замѣтки очень утѣшительною новостью.

И. А. Серно-Соловьевичъ, имя котораго должно быть извѣстно читателямъ журналовъ, открылъ *Книжный магазинъ и библіотеку для чтенія* на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, въ той самой квартирѣ, гдѣ помѣщался нѣкогда книгопродавецъ Лури.— Библіотека, пріобрѣтенная г. Серно-Соловьевичемъ, принадлежала нѣкогда Ольхину. Она состоитъ изъ значительнаго количества книгъ и журналовъ.

Помѣщеніе прекрасное. — Въ комнатѣ для чтенія посрединѣ огромный круглый столъ, ярко освѣщенный газовой лампою въ нѣсколько рожковъ.—Эта комната отличается и уютностію и просторомъ вмѣстѣ. — Г. Соловьевичъ выписываетъ до сорока повременныхъ изданій и въ томъ числѣ нѣсколько иностранныхъ журналовъ. — Библіотека его будетъ пополняться съ каждымъ годомъ и дѣла новой книжной лавки будутъ ведены съ знаніемъ дѣла, съ отчетливостію и аккуратностію, за что ручается намъ уже одно имя просвѣщеннаго владѣльца библіотеки, къ которому всѣ наши извѣстные литераторы и журналисты имѣютъ полную довѣренность и обѣщали ему свое содѣйствіе.—У г. Серно-Соловьевича будутъ главныя конторы всѣхъ изданій гг. Тиблена, Огрызко, Бабста, Кулиша, «Русскаго Слова», перевода Всемірной Исторіи Шлоссера и такъ далѣе.

Но что всего замѣчательнѣе — въ магазинѣ г. Соловьевича конторскими текущими дѣлами будетъ между прочимъ заниматься *дама*, принадлежащая къ обществу, которая, отвергнувъ общественные предразсудки, рѣшилась взять на себя эту обязанность, для того, чтобы быть полезной своему семейству. — Это новость утѣшительнѣйшая изъ всѣхъ нашихъ новостей и имѣющая большое значеніе.

Мы отъ всей души сочувствуемъ предпріятію г. Серно-Соловьевича и искренно желаемъ ему полныхъ успѣховъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРЕОБРАЗОВАНІЯ, ПРОЕКТИРОВАННЫЯ ПО РАЗНЫМЪ ЧАСТЯМЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.—ПЕРЕДАЧА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ ИЗЪ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ ВЪ ОБЩІЯ ИНСТАНЦІИ УПРАВЛЕНІЯ, СЪ ПРЕДОСТАВЛЕНІЕМЪ КРЕСТЬЯНСКИМЪ *обществамъ* НѢКОТОРЫХЪ НОВЫХЪ ПРАВЪ *самоуправленія*. — ВЫГОДЫ НАЧАЛА *самоуправленія* ВЪ УПРАВЛЕНІИ СЕЛЬСКИМЪ НАСЕЛЕНІЕМЪ И ВРЕДЪ ЦЕНТРАЛИЗАЦІИ. — ПЕТЕРБУРГЪ НЕ УЛУЧШАЕТСЯ. — ПЕТЕРБУГСКОЕ БЕЗДЕНЕЖЬЕ. — ПЕТЕРБУРГСКОЕ И МОСКОВСКОЕ ЗАКЛАДНЫЯ ОБЩЕСТВА.

Новый годъ принесъ намъ пріятныя извѣстія изъ міра правительственнаго. Въ скоромъ времени совершится преобразованіе всѣхъ болѣе важныхъ частей управленія въ государствѣ. «Сѣверная Почта» передаетъ за достовѣрное, что въ настоящее время *находятся уже въ окончательномъ разсмотрѣніи* высшихъ государственныхъ учрежденій слѣдующія работы:

1) О главныхъ началахъ преобразованія всей вообще судебной части. Предположенія по сему важному предмету обнимаютъ: а) судоустройство; б) судопроизводство гражданское; в) судопроизводство по преступленіямъ и проступкамъ и г) переходныя мѣры отъ порядка существующаго къ порядку новому.

2) О преобразованіи всей городской и земской полиціи вообще.

3) О порядкѣ составленія, разсмотрѣнія, утвержденія и исполненія государственнаго бюджета, а также частныхъ смѣтъ доходовъ и расходовъ всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій.

4) О преобразованіи всего вообще управленія государственныхъ

имуществъ и о примѣненіи къ государственнымъ крестьянамъ тѣхъ положеній 19 февраля 1861 года, которыя касаются сельскаго общественнаго управленія.

5) О примѣненіи сихъ положеній къ крестьянамъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній.

6) Объ устройствѣ народныхъ школъ и вообще о системѣ народнаго образованія.

Мы не знаемъ, въ какомъ именно родѣ совершатся всѣ эти преобразованія, тѣмъ не менѣе ожидаемъ ихъ съ нетерпѣніемъ.... Нужда обновленія многихъ частей нашего управленія, и преимущественно тѣхъ, относительно которыхъ предположены преобразованія, чувствуется уже давно. Каковы бы ни были ожидаемыя преобразованія, во всякомъ случаѣ они принесутъ намъ что нибудь лучшее прежняго. Есть нѣкоторыя основанія думать, что они совершатся болѣе или менѣе именно въ томъ направленіи, въ какомъ ожидаетъ ихъ современное общество. Недавно обнародовано *Обозрѣніе дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ съ 1837 по 1861 годъ.* Въ обозрѣніи этомъ, составленномъ по высочайшему повелѣнію и представленномъ Государю императору 23 ноября 1861 года, отчасти высказываются ожидаемыя преобразованія относительно государственныхъ имуществъ.

Извѣстно, что министерство государственныхъ имуществъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время, было учрежденіемъ временнымъ. Оно учреждено было главнымъ образомъ для того, чтобы развить *внутреннюю самостоятельность и самоуправленіе въ сельскихъ обществахъ государственныхъ крестьянъ.* По достиженіи этой главной цѣли оно необходимо должно было принять другое устройство, *преобразоваться.* Теперь именно и наступило для него это время. О цѣли учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, о его неутомимыхъ дѣйствіяхъ въ видахъ достиженія этой цѣли, о результатахъ этихъ дѣйствій мы имѣемъ прекрасную статью бывшаго товарища министра государственныхъ имуществъ Д. Н. Хрущова, написанную имъ *въ защиту министерства государственныхъ имуществъ 1838 года* и напечатанную въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1860 года. Чтобы дать возможность уразумѣть читателю смыслъ и направленіе проектированныхъ вновь преобразованій въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, мы находимъ нужнымъ познакомить его съ статьею г. Хрущова, который былъ товарищемъ министра государственныхъ имуществъ до 1857 года и потому хорошо знакомъ съ духомъ и дѣйствіями этого министерства.

По изысканіямъ г. Хрущова, со временъ отдаленной древности рус-

скіе крестьяне находились всегда въ самомъ жалкомъ положеніи по причинѣ притѣсненій отъ имѣвшихъ къ нимъ отношеніе чиновниковъ,—и всѣ наши государи, какъ до реформы Петра, такъ и послѣ реформы, обращали свое заботливое вниманіе на жалкое положеніе крестьянъ и старались, насколько могли, оградить ихъ отъ безчисленныхъ притѣсненій и злоупотребленій.

«До императора Николая, въ теченіе многихъ лѣтъ, также постоянно доходили самыя горькія жалобы на притѣсненія государственныхъ, или, какъ тогда они обыкновенно назывались, казенныхъ крестьянъ. Въ 1826 году учреждено было образцовое управленіе въ губерніяхъ Санктпетербургской и Псковской. Недоимки въ податяхъ и сборахъ съ государственныхъ имуществъ продолжали возростать въ значительной пропорціи, такъ что къ 1837 году недоборъ простирался до 33 милліоновъ рублей.

«Такое положеніе дѣлъ сильно озабочивало государя, который искалъ средствъ и человѣка для исполненія необходимой реформы».

Выборъ государя палъ на графа Киселева, который прежде всего, еще до учрежденія министерства, нашелъ нужнымъ изслѣдовать тогдашнее положеніе государственныхъ крестьянъ.

«Изслѣдованія эти показали совершенно хаотическое состояніе крестьянъ и имуществъ. Управленія собственно на дѣлѣ не было; все предоставлено было произволу земской полиціи и неопредѣленнаго съ точностію сельскаго начальства, назначавшагося подъ непосредственнымъ вліяніемъ исправниковъ и казенныхъ палатъ: общественное устройство существовало только по имени, а на шумныхъ и безпорядочныхъ мірскихъ сходкахъ, около кабаковъ собиравшихся, распоряжалось деспотически нѣсколько крикуновъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ кощтановъ и міроѣдовъ. Казенныя земли и лѣса оставались большею частію въ неизвѣстности; подати попадали вмѣсто казначействъ въ карманы земской полиціи, и такъ называемые темные расходы окончательно разоряли народъ. Словомъ, вездѣ былъ безпорядокъ и хаосъ.

«Конечно, корень зла лежалъ главнѣйше *въ неустройствѣ вообще полиціи, судовъ и всего мѣстнаго управленія*. Прямое и повидимому самое простое средство состояло, слѣдовательно, въ реформѣ всѣхъ этихъ важныхъ частей нашего гражданскаго быта. Но въ то время правительственныя понятія, а можетъ быть и средства, не достигли еще того развитія, той зрѣлости, которая нынѣ даетъ возможность приступить къ кореннымъ и общимъ преобразованіямъ. По господствовавшимъ въ то время понятіямъ, лучшимъ средствомъ исправить недостатки какой либо части управленія признавалось: *ввѣсть въ нее общаго порядка, учредить опеку*. Такъ поступлено было съ казен-

ными крестьянами и имуществами. Въ отношеніи собственно крестьянъ, такъ какъ зло происходило главнѣйшимъ образомъ отъ своеволія чиновниковъ и неустройства крестьянскихъ обществъ, то министерство *поставило себѣ задачей: развивать самостоятельность сихъ послѣднихъ и постепенно устранять непосредственное вмѣшательство чиновниковъ въ мірскія дѣла*».

Составленное въ этомъ смыслѣ положеніе о новомъ министерствѣ было учреждено высочайшею властію. Но при примѣненіи его на дѣлѣ встрѣтилось не мало затрудненій.

«Общественное управленіе не существовало; крестьяне не имѣли никакой самостоятельности. Въ каждой мѣстности нѣсколько болѣе зажиточныхъ крестьянъ деспотически управляли дѣломъ, пользуясь всякими недозволенными выгодами и притѣсняя прочихъ бѣдныхъ и слабыхъ.

«Чтобы поставить на ноги общественное управленіе, дать ему жизнь и силу, недостаточно было опредѣлить его внѣшнюю форму; надобно было еще тщательно и бдительно слѣдить за постепеннымъ его развитіемъ, за порядкомъ и свободой выборовъ, за правильностію мірскихъ сходовъ, за правильностію отношеній сельскаго начальства къ крестьянамъ, удерживать однихъ отъ вкоренившейся привычки къ насилію, другихъ возбуждать къ непривычной общественной дѣятельности; однимъ словомъ: воспитывать общину, и вмѣстѣ съ тѣмъ защищать ее слабую отъ безпрерывныхъ нападеній и набѣговъ разныхъ внѣшнихъ властей, столько лѣтъ привыкшихъ распоряжаться казенными имуществами и крестьянами, какъ вотчиной. Какимъ образомъ было возможно исполнить эту трудную, но необходимую задачу, если министерство было обязано вывести наконецъ казенныхъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости чиновниковъ и міроѣдовъ? Надлежало учредить прочную опеку, подъ покровительствомъ которой крестьянскія общества могли бы постепенно развиться *до степени твердой самостоятельности и правильнаго самоуправленія*. Но изъ кого могла быть составлена такая опека? Разумѣется, изъ чиновниковъ же, назначаемыхъ съ возможною разборчивостію, съ возможною гарантіей въ ихъ честности и пониманіи высокой цѣли управленія.»

Но кромѣ, опеки, на министерствѣ лежали заботы чисто хозяйственныя, главная цѣль которыхъ заключалась въ извлеченіи возможно большаго дохода для казны, безъ отягощенія народа.

Въ исполненіи этихъ задачъ министерству служила по губерніямъ центральная губернская власть въ видѣ палатъ государственныхъ имуществъ. Но между этою центральною властію и сельскими обществами были учреждены еще другія посредствующія единицы.

«Эти посредствующія единицы были двоякаго рода: однѣ, состав-

ленныя исключительно изъ крестьянскаго элемента, ближайшія къ общинамъ, служили для наблюденій за ихъ развитіемъ и для обезпеченія хозяйственнаго управленія; другія, болѣе отдаленныя, представляли правительственный элементъ, опеку, защиту, и казенный интересъ.»

Первыя единицы представляли собою волостныя правленія; вторыя —окружные начальники и помощники ихъ.

«Окружные начальники и помощники ихъ служили въ особенности органами правительственной опеки надъ возникавшими общинами. Они должны были лично содѣйствовать на мѣстахъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ у общинъ недоставало умѣнья или силы для охраненія своихъ интересовъ или для исполненія своихъ обязанностей; ихъ роль была вмѣстѣ блюстителей и воспитателей. Сверхъ того имъ было ввѣрено мѣстное управленіе казенными имуществами, при содѣйствіи волостныхъ правленій.»

Созданное на такихъ основаніяхъ, въ 1838 году, министерство государственныхъ имуществъ «существовало и слѣдовало однимъ началамъ въ теченіе почти двадцати лѣтъ. Достигло ли оно тѣхъ результатовъ, для которыхъ было создано?—Общественное мнѣніе, которому, впрочемъ, трудно быть безпристрастну къ странѣ, лишенной печатной гласности (мы говоримъ о прошедшемъ времени), сложилось не въ его пользу. Но многіе ли вникли въ сущность затрудненій, съ которыми министерство государственныхъ имуществъ вынуждено было бороться на указанномъ ему пути?

«Кому неизвѣстенъ общій характеръ нашего управленія и тяжелое вліяніе развившейся у насъ централизаціи въ ущербъ быстраго теченія дѣлъ и скораго удовлетворенія мѣстныхъ потребностей?

«Мы никому не ставимъ этого въ вину; это зло есть *неизбѣжное послѣдствіе физическаго роста* огромнаго государства, и въ этомъ отношеніи, благодаря Бога, мы достигли уже въ настоящее время той поворотной точки, *отъ которой начинается необходимость коренной реформы*. Но въ теченіе минувшихъ двадцати лѣтъ, это зло имѣло громадное вліяніе на дѣйствія всѣхъ частей управленія,—и министерство государственныхъ имуществъ не избѣгло, конечно, общей участи. Многіе изъ первоначальныхъ усердныхъ дѣятелей должны были постепенно охладѣть, и на мѣсто ихъ часто являлись люди, для коихъ личный интересъ стоялъ выше общественнаго. Общіе недостатки нашего чиновничества отразились и на министерствѣ государственныхъ имуществъ, которое *не имѣло особыхъ средствъ создавать людей способныхъ и безкорыстныхъ* и отклонять отъ нихъ соблазнительную силу откупной винной системы и иныхъ подобныхъ увлеченій. Надзоръ на огромномъ пространствѣ имперіи, *при безглас-*

ности, и преслѣдованіе зла, при общей неудовлетворительности производства и слабой служебной отвѣтственности, одинаково были затруднительны для министерства государственныхъ имуществъ, какъ и для прочихъ управленій, а потому неуспѣхи его вообще не составляли исключительнаго явленія.

«Относительно *опеки, составляющей основной характеръ министерства государственныхъ имуществъ, по отношенію его къ крестьянамъ*, слѣдуетъ еще замѣтить, что особенное свойство ея порождало въ этомъ случаѣ большія и часто неодолимыя препятствія. Дѣло шло, какъ сказано выше, не объ одномъ охраненіи, не объ одной защитѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и гораздо болѣе *о возбужденіи внутренней дѣятельности общинъ и объ умѣреніи враждующихъ элементовъ* въ нихъ самихъ. Племенные ли недостатки, низкая ли степень просвѣщенія и грубость нравовъ, долговременное ли давленіе мѣстныхъ властей, а можетъ быть, и всѣ эти причины вмѣстѣ привели постепенно крестьянъ ко времени учрежденій министерства, въ такое положеніе, что имъ была необходима помощь, чтобы стать на ноги, и, такъ сказать, придти въ себя. Въ этомъ заключалось главное призваніе опеки. Но чтобы понять такое призваніе, и въ особенности, чтобы приводить оное въ исполненіе, сколько нужно было терпѣнія, любви, умѣнья въ чиновникахъ, на которыхъ возлагалось это трудное дѣло. Только время могло медленно и при постоянной, частію безплодной борьбѣ приводить къ желаемой цѣли. А между тѣмъ безпрестанно приходилось удовлетворять поспѣшныя и нетерпѣливыя требованія администраціи, казны, военнаго вѣдомства, вознаграждать время, потерянное отъ дурныхъ дорогъ и недостатковъ средствъ къ переѣзду и т. п. Наконецъ, сами крестьяне слишкомъ часто подавали поводъ къ замѣнѣ общиннаго начала личнымъ распоряженіемъ чиновниковъ, болѣе быстрымъ и окончательнымъ, а потому болѣе согласнымъ съ нравами нашего народа. Все это, конечно, сознавалъ графъ Киселевъ; но, какъ сказано выше, тогдашнія правительственныя понятія не допускали еще возможности коренныхъ реформъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, и *опека, при всѣхъ ея несовершенствахъ, оставалась единственнымъ средствомъ хотя нѣсколько оградить крестьянъ отъ произвола и положить начало самостоятельности общинъ*. Отъ неполнаго средства нельзя было ожидать полнаго успѣха; но въ томъ, что сдѣлало, видны все-таки плоды свѣтлаго ума и твердой воли.

«Справедливость требуетъ сказать, что вездѣ, гдѣ опека досталась въ руки людей добросовѣстныхъ, понявшихъ свое призваніе, общинное самоуправленіе развилось и укрѣпилось. Примѣровъ этому можно привести много, если смотрѣть безпристрастно, и истина его нисколько не опровергается весьма ходячимъ у насъ упрекомъ, что министер-

ство государственныхъ имуществъ не обогатило казенныхъ крестьянъ. Если министерство, вслѣдствіе вышеприведенныхъ причинъ, не могло одними своими способами развить въ желаемой степени самостоятельность крестьянскихъ общинъ, то тѣмъ болѣе оно было безсильно къ безусловному умноженію богатства крестьянъ, которое зависитъ, какъ и для всѣхъ прочихъ сословій, отъ общихъ условій нашего гражданскаго быта. А какія сословія отличаются у насъ не только богатствомъ, но даже довольствомъ?»

Читатель видитъ, что какъ ни незначительны были результаты, которыхъ достигло министерство государственныхъ имуществъ со времени своего открытія 1838 по 1858 годъ, встрѣтивъ для выполненія своихъ благихъ намѣреній неодолимыя препятствія не только въ неспособности и корыстолюбіи чиновниковъ, которымъ ввѣрена была опека надъ крестьянами, но и въ тупости и неразвитости самой среды, не умѣвшей понять цѣли опеки надъ нею, — тѣмъ не менѣе министерство въ теченіе двадцати лѣтъ слѣдовало неуклонно однажды принятымъ имъ началамъ: *развить самостоятельную дѣятельность сельскихъ общинъ, ввести правильное самоуправленіе въ нихъ, устраненіе вмѣшательство чиновниковъ въ ихъ дѣла.*

Послѣдствіемъ этого постояннаго твердаго стремленія министерства къ предположенной цѣли было то, что съ 1857 г. оказалась возможность ослабить опеку надъ крестьянами. Съ назначеніемъ въ этомъ году новаго министра государственныхъ имуществъ, г. Муравьева, «кореннымъ началомъ и исходною точкою всѣхъ распоряженій министерства относительно крестьянскихъ обществъ было:

«*Преобразовать и упростить управленіе государственными крестьянами сообразно потребностямъ времени и приготовить ихъ, посредствомъ уничтоженія излишняго надъ ними попечительства, къ сознательному завѣдыванію собственными ихъ дѣлами, вліяніе на которыя должностныхъ лицъ предположено ограничить необходимымъ наблюденіемъ или сообщеніемъ имъ, въ данныхъ случаяхъ, извѣстнаго направленія.*»

«Въ 1858 году послѣдовало высочайшее соизволеніе на современное и постепенное преобразованіе управленія государственными имуществами, съ *возможнымъ ограниченіемъ попечительства надъ сельскими обывателями и сокращеніемъ излишней по всѣмъ инстанціямъ переписки*. Вслѣдствіе этого, до ноября прошедшаго года были упразднены сельскія управленія и расправы въ 34 губерніяхъ, 40 окружныхъ управленій и 24 должности помощниковъ окружныхъ начальниковъ.»

Нынѣ министерство государственныхъ имуществъ нашло благовременнымъ снять съ государственныхъ крестьянъ свою опеку, пре-

доставивъ ихъ собственному самоуправленію, и оставить въ своемъ завѣдываніи только *управленіе собственно вещественными государственными имуществами.*

Составленныя въ этихъ видахъ предположенія представлены уже въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія и заключаютъ въ себѣ слѣдующіе отдѣльные проэкты:

1) «Проэктъ отдѣленія завѣдыванія государственными крестьянами отъ управленія собственно вещественными государственными имуществами, съ сокращеніемъ состава послѣдняго сообразно уменьшенію круга предстоящей ему дѣятельности.»

2) «Проэктъ примѣненія къ государственнымъ крестьянамъ тѣхъ именно началъ положенія 19 февраля 1861 года, которыя могутъ способствовать улучшенію быта сельскихъ обывателей, посредствомъ положительнаго опредѣленія условій постояннаго пользованія ими казенною землею; посредствомъ облегченія имъ возможности пріобрѣтать эту землю въ собственность; посредствомъ ближайшаго означенія имѣющихъ быть отбываемыми крестьянами, за предоставленную имъ въ пользованіе землю, государственныхъ повинностей; и наконецъ *посредствомъ предоставленія имъ нѣкоторыхъ новыхъ правъ въ отношеніи передвиженія и самоуправленія.*»

3) «Подробный проэктъ правилъ для выкупа государственными крестьянами предоставленныхъ имъ въ пользованіе земельныхъ угодій», — и

4) «Проэктъ самой передачи управленія государственными крестьянами въ общія инстанціи, *съ сохраненіемъ за первыми нѣкоторыхъ, основанныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ полезныхъ учрежденій* и съ соблюденіемъ извѣстной постепенности, которую министры государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ признаютъ, по взаимному соглашенію, необходимою въ виду предстоящаго еще устройства общихъ уѣздныхъ управленій, могутъ принять въ свое завѣдываніе массу населенія въ 10 милл. душъ.»

Изъ всего доселѣ сказаннаго видно, что по самой идеѣ учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ имѣло въ своемъ управленіи государственныхъ крестьянъ только временную цѣль, единственно ту, чтобы помочь стать на ноги угнетеннымъ, забитымъ сельскимъ общинамъ, научить ихъ самоуправленію. Такъ какъ эта цѣль, нисколько возможно было при безчисленныхъ препятствіяхъ, встрѣченныхъ при ея исполненіи, предполагается теперь по крайней мѣрѣ отчасти достигнутою, то бывшая доселѣ опека министерства государственныхъ имуществъ надъ государственными крестьянами уничтожается и управленіе ими передается въ общія инстанціи, но *съ сохраненіемъ за ними нѣкоторыхъ, основанныхъ министерствомъ государственныхъ*

имуществъ полезныхъ учрежденій и съ предоставленіемъ имъ нѣкоторыхъ новыхъ правъ въ отношеніи передвиженія и самоуправленія.

Но такъ какъ самое предоставленіе министерству государственныхъ имуществъ опеки надъ государственными крестьянами, по объясненію бывшаго товарища министра государственныхъ имуществъ г. Хрущова, было мѣрою временною, допущенною только въ видѣ изъятія изъ общаго правила, по необходимости, потому только, что *при неустройствѣ вообще полиціи, судовъ и всего мѣстнаго управленія*, нельзя было иначе охранить ихъ отъ своеволія; притѣсненій, вмѣшательства въ ихъ дѣла разныхъ чиновъ, какъ отдавъ въ опеку особаго учрежденія, — то съ освобожденіемъ крестьянъ государственныхъ изъ опеки министерства государственныхъ имуществъ съ одной стороны, а съ другой съ освобожденіемъ крестьянъ помѣщичьихъ изъ опеки помѣщиковъ, съ поступленіемъ тѣхъ и другихъ въ завѣдываніе общихъ инстанцій управленія, но съ предоставленіемъ тѣмъ и другимъ извѣстныхъ правъ самоуправленія, необходимо требовалось новое устройство полиціи, судовъ и вообще мѣстнаго управленія. Отсюда для насъ дѣлается понятнымъ не только одновременное появленіе многочисленныхъ реформъ, охватывающихъ почти всѣ важнѣйшія части государственнаго управленія, но отчасти выясняется и то направленіе, которое они примутъ. Ибо, имѣя въ виду все вышесказанное, есть все основаніе думать, что въ какихъ бы формахъ ни совершились предположенныя преобразованія, но они должны организоваться такъ, что на будущее время не будетъ надобности для огражденія крестьянъ отъ своеволія и притѣсненія чиновниковъ прибѣгать къ чрезвычайной мѣрѣ изъятія крестьянскихъ обществъ изъ общаго управленія, что при новомъ устройствѣ полиціи, судовъ и вообще мѣстнаго управленія, крестьяне будутъ имѣть полную возможность развить самостоятельность общинъ и свободно пользоваться дарованными имъ правами самоуправленія.

Другимъ необходимымъ условіемъ для развитія самостоятельности самыхъ общинъ и правильнаго ихъ самоуправленія представлялось образованіе; ибо весьма трудно, да едва ли и возможно предполагать, чтобы крестьяне когда нибудь могли освободиться отъ притязательности чиновниковъ, если они не будутъ сами въ состояніи вести и повѣрять своихъ письменныхъ дѣлъ, не будутъ знать своихъ правъ и степени своей зависимости отъ разныхъ властей. А это все возможно единственно при распространеніи между ними грамотности. Нельзя сказать, чтобы о распространеніи грамотности между крестьянами не заботилось и министерство государственныхъ имуществъ во время опеки своей надъ ними, на столько, на сколько то было возможно при тѣхъ многочисленныхъ препятствіяхъ, которыя оно

встрѣчало вообще въ исполненіи своихъ благихъ намѣреній относительно крестьянъ. За 1959 годъ —

Училищъ въ селеніяхъ государственныхъ считалось 2,134; учащихся 93,218,

въ томъ числѣ дѣвочекъ 14,697.

Съ предположеніемъ освобожденія крестьянъ изъ опеки министерства, дѣятельность его по предмету распространенія просвѣщенія между крестьянами значительно усилилось. Въ теченіе 1860 года число штатныхъ училищъ и вновь учрежденныхъ начальныхъ школъ грамотности увеличилось на 600, а учащихся на 35,000 чел. Нѣтъ сомнѣнія, что между прочимъ причиною этой усиленной въ 1860 году заботливости министерства объ открытіи сельскихъ школъ, была особенно настоятельно почувствованная нашимъ обществомъ всюду потребность народнаго образованія.... Замѣчательно, что въ это время измѣненъ даже самый способъ устройства сельскихъ школъ, которого доселѣ держались. Вмѣсто прежнихъ, опредѣленныхъ точно штатами и правилами школъ, велѣно было открывать всюду, гдѣ представится возможность, школы въ такихъ размѣрахъ и формахъ, какія укажутъ мѣстныя потребности; притомъ, при открытіи ихъ имѣть въ виду и желаніе крестьянъ на учрежденіе у нихъ школы. Въ 1-мъ № «Московскихъ Вѣдомостей» въ статьѣ: *Мѣры къ распространенію народнаго образованія въ Россіи въ 1861 году*, напечатанъ между прочимъ циркуляръ управляющаго рязанской палатой государственныхъ имуществъ къ окружнымъ начальникамъ и чиновникамъ особыхъ порученій. Циркуляръ этотъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ знакомитъ насъ съ вновь принятымъ порядкомъ учрежденія сельскихъ школъ. Это уже не тотъ порядокъ, который мы знали прежде. Не примѣтно въ немъ заботы о постройкѣ красиваго зданія для училища, нѣтъ помину ни о формѣ, ни о правилахъ, ни о штатахъ и т. п. Одно требованіе, чтобы крестьянскихъ дѣтей учить вездѣ, гдѣ только откроется возможность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ простой взглядъ на дѣло, на дѣлѣ самый удобопримѣнимый, выработала въ обществѣ, а отсюда и въ администраціи настоятельная потребность распространенія грамотности въ народѣ. Глубоко сознавая эту потребность, мы наконецъ-то поняли, что ни красивыя зданія, ни формы, ни правила, ни предписанія не помогутъ дѣлу, если крестьяне не примутся сами за него и не устроятъ его такъ, чтобы было оно имъ сподручно и признаваемо было ими самими за полезное, — и заговорили о школахъ вотъ что:

«Съ настоящаго времени организація сельскихъ училищъ должна получить совершенно иной характеръ. Такъ-называемыя казенныя училища должны составлять теперь только исключеніе. Обществъ же

правиломъ должно быть принято то, что суммы общественнаго сбора назначаются только какъ пособіе къ мірскимъ сборамъ. Вмѣстѣ съ симъ должно исчезнуть то формальное однообразіе, съ которымъ заводились училища мимо всѣхъ соображеній съ частными и мѣстными потребностями и средствами крестьянъ; эти потребности и средства должны быть теперь уже приняты за основаніе всѣхъ распоряженій администраціи по устройству училищъ. Такъ какъ изъ приговоровъ сельскихъ сходовъ обнаруживается все разнообразіе потребностей и средствъ крестьянъ для обученія дѣтей грамотѣ, то лица, обязанныя содѣйствовать успѣшному распространенію первоначальнаго образованія между крестьянами, должны въ настоящее время примѣняться къ этому разнообразію и ко всѣмъ частнымъ случаямъ различныхъ мѣстностей и селеній, и затѣмъ усилить свое вниманіе и свою дѣятельность въ опредѣленіи способовъ содержанія училищъ и наставниковъ и въ наблюденіи, чтобы самые мелкіе расходы употреблялись по ихъ дѣйствительному назначенію. Однообразныхъ и общихъ распоряженій по цѣлой губерніи не должны ожидать окружные начальники: циркулярныя предписанія не помогутъ дѣлу тамъ, гдѣ все зависитъ отъ искренняго къ нему сочувствія, при которомъ и самыми малыми средствами пріобрѣтаются наибольшіе, по возможности, успѣхи. Насильственныя дѣйствія и вмѣшательства, кои замѣчаются въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ чиновниковъ по поводу данныхъ имъ порученій о распространеніи грамотности, въ настоящемъ дѣлѣ, кромѣ вреда, ничего принести не могутъ. Такъ нѣкоторые доносили о согласіи приходскихъ священниковъ обучать дѣтей безплатно, или принимать на себя расходы по содержанію помѣщеній для училищъ, между тѣмъ какъ эти же священники, являясь потомъ ко мнѣ, прямо предъявляли, что согласіе было только вынужденное. Другіе заявляютъ о желаніи крестьянъ обучать дѣвочекъ грамогѣ и доводятъ всѣми средствами цифру обучающихся до 153, съ тѣмъ, чтобы наставницы получали по 75 р. жалованья, между тѣмъ какъ на дѣлѣ дѣвочекъ бываетъ менѣе въ училищѣ. На такихъ непрочныхъ основаніяхъ дѣло народнаго образованія никакъ не можетъ идти успѣшно. Я поэтому могу только повторить вамъ, чтобы все вниманіе было обращено на согласованіе дѣйствительныхъ потребностей крестьянъ въ образованіи ихъ дѣтей, съ тѣми средствами, какія сами они предлагаютъ въ видѣ мірскихъ сборовъ, или платы за обученіе каждаго мальчика, и какія могутъ быть обращены имъ въ пособіе изъ суммъ общественнаго сбора, по недостатку ихъ собственныхъ средствъ, равно какъ для поддержанія и дальнѣйшаго развитія благихъ начинаній.

«Для нѣкоторыхъ изъ казенныхъ училищъ крестьяне не согла-

сялись ни на какой мірской сборъ. Въ этомъ случаѣ вы могли бы дѣйствовать сообразно тѣмъ причинамъ, отъ которыхъ послѣдовалъ отказъ: вслѣдствіе ли дѣйствительной бѣдности крестьянъ, временнаго неурожая, падежей, градобитія и т. п., или вслѣдствіе замѣчено малыхъ успѣховъ дѣтей, что весьма часто вызываетъ недовѣріе къ пользѣ существующей школы; или вслѣдствіе недостаточно ощущаемой потребности къ распространенію между ними грамотности. Соотвѣтственно этимъ различнымъ поводамъ, вы могли бы оставить училище въ настоящемъ положеніи или объявить крестьянамъ, что правительство считаетъ себя обязаннымъ помогать преимущественно тѣмъ крестьянамъ, которые согласившись содержать училище на мірской сборъ, выразили этимъ самымъ сознаніе въ пользѣ грамотности, а не тѣмъ, которые дѣтей своихъ сами не желаютъ видѣть грамотными, и представить въ палату о переводѣ и распредѣленіи суммъ, ассигнованныхъ *для* этого училища, въ другія, гдѣ надо ожидать большихъ успѣховъ и большаго числа учащихся, или наконецъ представить о замѣщеніи наставника другимъ, болѣе способнымъ и дѣятельнымъ» и проч.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ министерство государственныхъ имуществъ усилило свою заботливость о распространеніи образованія въ народѣ, и духовное начальство обратило на тотъ же предметъ самое дѣятельное вниманіе. Еще въ 1836 году, октября 29 дня святѣйшимъ синодомъ были преподаны слѣдующія правила касательно образованія поселянскихъ дѣтей:

1) «Обязанность первоначальнаго обученія поселянскихъ дѣтей относится къ обязанностямъ приходскаго духовенства, которое симъ средствомъ и случаемъ должно воспользоваться для исполненія своей безпрекословной обязанности наставлять дѣтей въ вѣрѣ и благочестіи.

2) «Сіе обученіе производить домашнимъ образомъ въ домѣ одного или двухъ изъ членовъ причта, смотря по способности и по надежности.

3) «Для обученія приходскихъ дѣтей назначается, по усмотрѣнію епархіальнаго архіерея, мѣстный священникъ или діаконъ, а иногда и причетникъ, по нуждѣ и способности.

4) «Онъ не только принимаетъ для обученія желающихъ, но и располагаетъ къ сему родителей и дѣтей, чему способствуютъ и прочіе члены причта совѣтами и представленіями полезности; принимаетъ же безъ всякаго договора и безъ требованія возмездія.

5) «Обучать чтенію церковной и гражданской печати; а желающихъ и письму. Между тѣмъ учащіеся должны изучать на память молитву Господню, «Символъ Вѣры», десять заповѣдей, стихи: «Бо-

гореніе: «Дѣво радуйся», къ чему учащій присовокупитъ краткое и самопростѣйшее изъясненіе оныхъ изъ катихизиса и главнѣйшія сказанія изъ священной исторіи, передавая сіе изъясненіе и сіе сказаніе въ видѣ разговоровъ и разсказовъ, по временамъ и случаямъ возобновляемыхъ безъ школьной принужденности и буквальнаго вытверживанія на память.

6) «Оказавшимъ успѣхи въ церковномъ чтеніи, въ праздничные дни, давать мѣсто въ церкви на клиросѣ, пріохочивать ихъ къ церковному пѣнію и, по возможности употреблять къ церковному чтенію, дабы очевидность успѣховъ ихъ служила въ утѣшеніе родителямъ ихъ и въ поощреніе прочихъ къ ученію.

7) «Смотря по удобности, можно къ предметамъ ученія присовокупить начала ариѳметики.

8) «Постоянное время ученія должно продолжаться отъ кончанія осеннихъ полевыхъ работъ до начатія весеннихъ, и примѣрно отъ 1-го сентября по 1-е мая; въ лѣтніе мѣсяцы ученики могутъ собираться по праздникамъ въ послѣобѣденное время для повторенія молитвъ и ученія катихизическаго и священной исторіи, а въ будничные дни чаще или рѣже, какъ позволятъ сельскія занятія. На іюнь, іюль и августъ ученіе совсѣмъ прекращается.

9) «Учебныя книги, азбука, часословъ, псалтирь и начатки христіанскаго ученія могутъ быть заведены на счетъ церковной кошельковой суммы и считаться церковными.

«Въ сентябрѣ 1860 г., исправляющій должность оберъ-прокурора, князь Урусовъ, предлагалъ святѣйшему синоду о вмѣненіи всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ въ обязанность узнавать о тѣхъ лицахъ духовнаго званія, которыя съ особенною ревностью и успѣхомъ занимаются преподаваніемъ въ сельскихъ и городскихъ первоначальныхъ училищахъ, или заводятъ у себя школы, съ тѣмъ, чтобы дѣйствія сихъ лицъ, не для превозношенія ихъ, а для примѣра другимъ, были помѣщаемы въ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ, и могли служить духовному начальству основаніемъ къ безпристрастному сужденію объ участіи лицъ духовнаго званія въ дѣлѣ народнаго воспитанія. На это святѣйшій синодъ 17-го сентября опредѣлилъ: подтвердивъ преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ о доставленіи требуемыхъ указами святѣйшаго синода, отъ 29-го октября 1836 года, свѣдѣній о лицахъ духовнаго званія, занимающихся обученіемъ поселянскихъ православныхъ и раскольническихъ дѣтей, предписать имъ, преосвященнымъ, чтобы они, вмѣстѣ съ тѣмъ собирали и доставляли свѣдѣнія и о тѣхъ духовныхъ лицахъ, которыя по собственному усердію, съ ревностью и успѣхомъ занимаются преподаваніемъ въ

сельскихъ и городскихъ первоначальныхъ училищахъ, или заводятъ у себя школы.

«Лѣтомъ 1861 года, святѣйшій синодъ обратилъ вниманіе на то:

«1) Что при церквахъ Вологодской епархіи, въ 1860 году, состояло 56 сельскихъ школъ и въ нихъ учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ 3,162.

«2) На то, что для доставленія городскому и сельскому духовенству средствъ къ успѣшнѣйшему образованію народа со стороны святѣйшаго синода, въ 1860 году, сдѣлано уже распоряженіе о разсылкѣ въ весьма значительномъ числѣ экземпляровъ по всѣмъ епархіямъ, для продажи, по самой дешевой цѣнѣ (6 коп.) составленнаго по распоряженію синода букваря, который, кромѣ церковныхъ и гражданскихъ буквъ, заключаетъ въ себѣ утреннія и вечернія молитвы, краткую священную исторію, катихизисъ, краткое нравоученіе, начертаніе цифръ и таблицу умноженія, и

«3) На то, что въ томъ же 1860 г. святѣйшимъ синодомъ предписано епархіальнымъ архіереямъ обратить особенное вниманіе на преуспѣяніе народнаго образованія и доносить святѣйшему синоду о тѣхъ духовныхъ лицахъ, которыя съ особенною ревностію занимаются обученіемъ дѣтей.

«Святѣйшій синодъ о вышеизложенныхъ свѣдѣніяхъ по Вологодской епархіи и распоряженіяхъ своихъ по дѣлу народнаго образованія, опредѣленіемъ 15-го апрѣля 1861 года, предоставилъ оберъ-прокурору, графу Толстому, довести на высочайшее его императорскаго величества воззрѣніе.

«На всеподданнѣйшемъ докладѣ по сему предмету его величеству благоугодно было, въ 4-й день іюля, собственноручно написать: «Объ успѣхахъ по этому дѣлу и по прочимъ епархіямъ доносить мнѣ ежемѣсячно».

Надобно думать, что отъ совокупныхъ стараній святѣйшаго синода и министерства государственныхъ имуществъ число сельскихъ школъ въ прошедшемъ году возросло очень сильно. Авторъ статьи: *Мѣры къ распространенію народнаго образованія въ Россіи въ 1861 г.*, вѣроятно, житель Рязанской губерніи, говоритъ: «по отношенію къ образованію крестьянскаго народонаселенія въ этой губерніи истекшій годъ можно назвать безъ преувеличенія эпохой. Для доказательства довольно указать на число сельскихъ училищъ и число въ нихъ учащихся въ 1860 году и на то же число учениковъ и школъ, состоявшихъ на лицо къ ноябрю нынѣшняго года. Къ 1861 году въ нашей губерніи было крестьянскихъ школъ вольныхъ 37, въ нихъ наставниковъ 49, учениковъ 1092, ученицъ 235. Къ тому же году казенныхъ училищъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ было 79, въ нихъ

наставниковъ 108, учениковъ 3946, ученицъ 477. Всѣхъ школъ 116; учащихся обоего пола 5750.... Но эти цифры учащагося поколѣнія въ теченіе 1861 года совершенно измѣнились. Количество казенныхъ школъ возросло не много, именно къ ноябрю ихъ числилось 84. За то частныя школы умножились на огромную цифру. Къ 1-му прошедшаго ноября ихъ было 575, въ нихъ учащихся мальчиковъ 12,465 дѣвочекъ 1449. Такимъ образомъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ вольныхъ сельскихъ училищъ прибавилось 538 и учениковъ обоего пола 12,587.»

Такому быстрому, можно сказать, неимовѣрному умноженію школъ и учащихся нельзя было бы не порадоваться, если бы только было можно вполнѣ убѣдиться въ прочности дѣла и въ несомнѣнной пользѣ его для крестьянъ. А въ этомъ-то именно и очень трудно убѣдиться.

То, что было бы очень хорошо прежде, теперь не будетъ и просто хорошо. Въ наше время народное образованіе непремѣнно должно быть поставлено въ неразрывной, органической связи съ общимъ образованіемъ въ государствѣ, такъ чтобы сельскія школы, удовлетворяя мѣстнымъ потребностямъ, пролагали вмѣстѣ съ тѣмъ путь къ дальнѣйшему образованію тѣмъ изъ учащихся, которые бы пожелали имъ воспользоваться. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по мѣрѣ того, какъ будетъ распространяться между крестьянами грамотность, въ нихъ все болѣе и болѣе будетъ пробуждаться потребность знанія, и способнѣйшіе изъ нихъ пожелаютъ сами познакомиться съ наукою въ тѣхъ ея святилищахъ, въ которыя доступъ въ настоящее время имъ почти совершенно закрытъ. Препятствовать имъ въ ихъ благородныхъ стремленіяхъ къ пріобрѣтенію знаній было бы не только антигуманно, но и противно прямымъ пользамъ государства. Мы прожили уже тысячу лѣтъ, и пора намъ понять, что природа не хочетъ знать нашихъ сословныхъ предразсудковъ, что она, при раздачѣ своихъ умственныхъ даровъ, никогда не придерживается нашей табели о рангахъ, а напротивъ, надѣляетъ талантами, кого, и сколько хочетъ, и что большею частію въ этихъ случаяхъ бываетъ благосклонною къ людямъ незначительнаго происхожденія, чѣмъ къ людямъ породы. А какъ сами мы, при всей нашей мудрости, не въ силахъ создать ни одного таланта, то не отыскивать тѣхъ счастливцевъ, которыхъ надѣлила умственными своими дарами природа, оставлять безъ развитія, въ пренебреженіи такихъ людей, какъ Кулибинъ, Хитринъ и другіе, тѣмъ болѣе преграждать имъ пути къ образованію, когда они сами ищутъ ихъ, — значитъ, не только не желать добра своему отечеству, но и намѣренно вредить успѣхамъ его развитія. Поставить просвѣщеніе въ государствѣ на такомъ широкомъ основаніи, чтобы оно, распространяя повсюду элементарныя

свѣдѣнія, необходимыя для всякаго въ будничной, ежедневной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ высшихъ откровеніяхъ было доступно для всѣхъ желающихъ, безъ различія того или другаго ихъ сословнаго положенія, — такова потребность нашего времени. Кажется, что эту потребность времени сознаютъ и нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей, и потому есть нѣкоторый поводъ ожидать, что новая система народнаго образованія будетъ чужда духа сословнаго партикуляризма. Недавно, въ 4 № «Московскихъ Вѣдомостей», мы не безъ удовольствія прочли слѣдующее извѣстіе: «государственные крестьяне Зубцовской и Ламской волости, Орловской губерніи, по первому предложенію г. управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, М. С. Богомольца, объ увольненіи изъ ихъ среды двухъ круглыхъ сиротъ, Ивана Мальцева, Зубцовской волости, и Степана Шевырева, Ламской (приготовлявшихся при палатѣ къ писарской должности), для поступленія въ орловскую гимназію,—не только дали увольненіе, но еще изъявили въ своемъ постановленіи полную готовность отчислять изъ мірскихъ капиталовъ ежегодно по 100 рублей на содержаніе каждаго изъ нихъ до тѣхъ поръ, пока они будутъ продолжать образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ. Фактъ этотъ обратилъ на себя вниманіе бывшаго министра государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьева, и онъ, въ видахъ поощренія крестьянъ къ содѣйствію въ дѣлѣ народнаго образованія, объявилъ циркулярно по ввѣренному ему министерству благодарность крестьянамъ Зубцовской волости». Кстати мы можемъ здѣсь присовокупить, что во время управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева составленъ особымъ комитетомъ, учрежденнымъ при министерствѣ, *проэктъ положенія о распространеніи между государственными крестьянами образованія*, находящійся теперь въ разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ учрежденій. Думаемъ, что мы не ошиблись, когда сказали, что новая система народнаго образованія будетъ чужда духа сословнаго партикуляризма.

Во всякомъ случаѣ, мы просимъ читателя твердо помнить, что все это только наши гаданія.... Какъ гаданія наши личныя, онѣ легко могутъ и не исполниться. Но гадать такъ или иначе позволительно всякому. Каждый изъ насъ составляетъ всѣ свои гаданія непремѣнно подъ вліяніемъ своего настроенія. Такъ точно бываетъ и въ гаданіяхъ относительно отечества. Мы всѣ любимъ свое отечество, можетъ быть, и равно горячо, но міросозерцанія о его благоденствіи у всѣхъ весьма различны. Мы, впрочемъ, такъ откровенны съ читателемъ, что не будемъ скрывать отъ него, подъ вліяніемъ какого настроенія, независимо отъ высказанныхъ уже нами данныхъ, составились наши гаданія.

Былъ недавно новый годъ,—замѣчательнѣйшій для насъ изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ новыхъ годовъ, нѣкоторымъ образомъ эпоха въ нашей государственной жизни, потому что имъ начинается новое тысячелѣтіе нашего политическаго бытія. Всѣ,—и имущіе, и неимущіе,—встрѣтили его несомнѣнными надеждами на всевозможное лучшее въ будущемъ. Но вѣдь должны же быть какіе нибудь залоги надеждъ?—Въ чемъ же усматриваются эти залоги нашего будущаго благоденствія и процвѣтанія?

Въ томъ ли, что наше государство занимаетъ громадныя пространства, что оно имѣетъ огромное населеніе, что въ его обладаніи находится безчисленное множество натуральныхъ богатствъ?—Но вѣдь были же въ древности огромныя государства, съ многочисленнымъ населеніемъ, владѣнія и большими богатствами, которыя падали совершенно неожиданно для нихъ самихъ, и падали не всегда отъ перевѣса матеріальной внѣшней силы надъ ними, а часто отъ превосходства умственнаго и нравственнаго враговъ. Припомнимъ при этомъ хоть Персидское государство, павшее отъ оружія грековъ. Не можемъ же вѣдь и мы думать, чтобы нашей огромной матеріальной силѣ не могла быть противопоставлена не только равная внѣшняя сила, а еще и большая нашей. Объ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ многихъ другихъ народовъ надъ нами и говорить нечего. Но положимъ, что мысль о насильственномъ паденіи въ наше время огромнаго и цивилизованнаго государства походитъ на пародоксъ. Но вѣдь отъ паденія до процвѣтанія неизмѣримая бездна. Какъ и гдѣ отыскать такую мѣру, которою бы можно было безошибочно опредѣлить: идемъ ли мы впередъ, или нѣтъ?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что огромная территорія государства, многочисленное населеніе, обиліе натуральныхъ богатствъ страны не имѣетъ никакого вліянія на внутреннее процвѣтаніе государства. Живое и самое блестящее доказательство этого представляетъ собою Китай. Обращаясь къ древней исторіи, мы видимъ даже такую странность, что здѣсь благоденствіемъ самымъ блестящимъ, самымъ прочнымъ, во все продолженіе своего существованія, пользовались именно государства маленькія. Возьмемъ, напримѣръ, хоть финикіянъ. Вѣдь что такое была Финикія? Клочокъ земли, при Средиземномъ морѣ, имѣвшій въ длину не болѣе 30 миль, а въ ширину отъ 1 до 2 миль. Земля не имѣла особенныхъ натуральныхъ богатствъ, не была даже настолько плодородна, чтобы прокармливать живущее на ней народонаселеніе. И однакожь въ древности не было ни одного народа, который достигъ бы такой степени совершенства въ промышленности, велъ такую обширную торговлю, вообще пользовался такимъ неизмѣннымъ благосостояніемъ, какимъ пользовались финикіяне во все время ихъ суще-

ствованія. Если разсматривать даже ихъ историческое значеніе, то немного найдемъ въ древности народовъ, которые принесли бы столько пользы человѣчеству, сколько принесли финикіяне. Конечно, зачатки заложенной ими цивилизаціи въ однихъ мѣстахъ были подавлены прежде, чѣмъ успѣли развиться и утвердиться прочно; въ другихъ, послуживъ ступенью къ дальнѣйшему развитію, потеряли впослѣдствіи финикійское клеймо. И можетъ быть, если бы исторія одной изъ финикійскихъ колоній, Кароагена, не сдѣлалась намъ извѣстною по знаменитымъ войнамъ съ римлянами, мы бы и не знали, что финикіяне, основывая свои торговыя колоніи, старались вмѣстѣ съ тѣмъ насадить въ нихъ и благодѣтельныя учрежденія своей страны, которыя возвышали впослѣдствіи ихъ колоніи на такую степень матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія, на какой находился Кароагенъ во время войны своей съ римлянами. Если угодно, слѣды финикійской цивилизаціи въ общей исторіи цивилизаціи стерлись, исчезли, не оставивъ по себѣ ничего замѣтнаго. Но вѣдь въ общей исторіи цивилизаціи остались безслѣдными даже и такія огромныя государства, какъ Ассирійское, Вавилонское, Египетское, да и вообще всѣ древне-азіатскія государства. Базисомъ европейской цивилизаціи послужила почти исключительно цивилизація греческая. Многочисленные памятники образованнѣйшаго въ древности государства, какъ египетское, не имѣютъ ничего общаго съ духомъ этой цивилизаціи, и изучаются только какъ предметы любопытства. А кто можетъ основательно доказать: древне-азіатская цивилизація имѣла ли какое нибудь вліяніе на развитіе греческаго духа? — И даже вотъ что: древне-азіатскія государства заботились ли когда нибудь во время своего существованія о томъ, чтобы передать другимъ странамъ плоды своего образованія? — Сколько извѣстно, замкнутость въ самихъ себѣ, полная отчужденность отъ другихъ странъ была общимъ ихъ характеромъ; народы знакомились другъ съ другомъ единственно посредствомъ войнъ, и только войнами пріобрѣли себѣ мѣсто въ исторіи. Финикіяне, хотя отъ нихъ и не оставалось ничего замѣтнаго въ суммѣ общей цивилизаціи человѣчества, должны стать выше другихъ древнихъ народовъ уже по тому одному, что среди всеобщихъ враждебныхъ отношеній народовъ другъ къ другу, при всюду господствовавшемъ самомъ узкомъ національномъ партикуляризмѣ, они одни вступали со всѣми, съ кѣмъ могли, въ дружелюбныя сношенія, перенося вмѣстѣ съ торговлею и плоды образованія въ самыя отдаленныя отъ центровъ древней цивилизаціи страны, куда другимъ путемъ не могъ бы проникнуть ни одинъ лучъ свѣта. Миніатюрная земелька, съ незначительнымъ сравнительно народонаселеніемъ, была въ свое время единственнымъ центромъ, изъ котораго вѣяніе между народами

бразія могли получать какой нибудь свѣтъ. Колоніи финикіянъ были весьма многочисленны, въ особенности на островахъ и берегахъ Средиземнаго моря. Торговлю вели они не только со всѣмъ извѣстнымъ тогда міромъ, но и съ странами, которыя тогда были никому неизвѣстны. Они торговали съ недоступнымъ ни для кого Египтомъ, съ Ниневіей; изъ Египта и гаваней Чермнаго моря имѣли торговыя сношенія съ Нубіей, Аравіей, Индіей; другими путями проникали до земель Евфрата и до Персидскаго Залива; вели торговлю съ странами, лежавшими при Черномъ морѣ и внутри Малой Азіи; но въ особенности была значительна ихъ торговля на Западѣ съ Греціей, Италіей, почти всѣми островами и берегами Средиземнаго моря; на Западѣ Европы они доходили даже до Британскихъ острововъ.

Возьмемъ и еще маленькое государство, Аѳинское, сравнительно съ другими современными ему государствами самое незначительное по народонаселенію, по пространству, по богатствамъ природы. Аттика былъ небольшой полуостровъ, заключавшій въ себѣ вмѣстѣ съ лежавшими близь него островами, Саламиномъ и Еленою, всего 40 квадратныхъ миль, съ 500,000 жителей, въ числѣ которыхъ было 350,000 невольниковъ. Страна была гористая, въ высшей степени неплодородная, неимѣвшая даже достаточнаго количества прѣсной воды. Аѳины, этотъ поистинѣ міровой городъ всего человѣчества, которому суждено остаться навсегда безсмертнымъ въ лѣтописяхъ науки и искусства, въ которомъ каждый камень иностранная археологія осматриваетъ съ такимъ благоговѣніемъ и вниманіемъ, съ какимъ извѣстный намъ археологъ г. Ундольскій не разсматриваетъ даже старинныхъ крюковъ нашего нотнаго пѣнія, — этотъ великій городъ въ самую цвѣтущую эпоху своего существованія не имѣлъ болѣе 21,000 свободныхъ гражданъ, а всѣхъ вообще жителей не болѣе 70 тысячъ. Если присовокупимъ къ этому, что постройка частныхъ домовъ въ немъ была самая незавидная, улицы неправильныя, то и выйдетъ—Аѳины былъ городъ самый ничтожный не только въ сравненіи съ древнею Ниневіей, но даже въ сравненіи съ современною намъ Москвою. Мы говоримъ даже; ибо какъ ни гордится современная намъ Москва тѣмъ, что она растянулась на необозримыя пространства, что она имѣетъ много пустырей, толстыхъ городскихъ стѣнъ, башень, — а древняя Ниневія далеко ее во всемъ этомъ превосходила. Ибо по сказанію древнихъ, древняя Ниневія имѣла въ окружности 14 нѣмецкихъ миль, стѣны ея были такъ широки, что по нимъ могли ѣхать три экипажа рядомъ, на стѣнахъ было 1500 башень, изъ которыхъ каждая была вышиною въ 200 футовъ. Несмотря на такое ничтожество, какое представляли собою Аттика и Аѳины, народъ, населявшій ихъ, въ лучшія времена

своего политическаго существованія наслаждался такимъ цвѣтущимъ благосостояніемъ, какого не имѣлъ ни одинъ изъ современныхъ ему народовъ. Аѳины были блестящимъ центромъ и источникомъ истинно эллинскаго образованія, разсадникомъ всѣхъ наукъ и искуствъ, двигателемъ торговли, промышленности, — и неувядаемый блескъ своей славы сохранили во всей ея свѣжести даже до нашего времени.

Вѣроятно потому самому, что въ древности большія государства азіатскаго происхожденія или характера не представляли въ себѣ ничего привлекательнаго, что цвѣтущимъ благосостояніемъ наслаждались государства маленькія, лучшіе греческіе философы проводили въ своей философіи такую мысль, что благоденствіемъ истиннымъ можетъ наслаждаться только государство, имѣющее небольшое число жителей и вмѣстѣ съ тѣмъ небольшую территорію.

«Число, самое не большое, по нашимъ понятіямъ, именно тысяча собственно такъ называемыхъ гражданъ (т. е. свободныхъ), по мнѣнію *Платона*, уже достаточно для того, чтобы составить государство. Вообще онъ требуетъ, чтобы государство относительно своего состава и пространства было ни великимъ, ни малымъ, и всегда имѣло надлежащую величину и сохранялось единымъ.»

По ученію *Аристотеля*, «количество собственно такъ называемыхъ гражданъ въ совершеннѣйшемъ государствѣ опредѣляется на основаніи слѣдующихъ соображеній. Государство слишкомъ малолюдное не можетъ быть самодовольнымъ. Напротивъ, государство слишкомъ многолюдное не можетъ быть благоустроеннымъ; дать порядокъ большому числу людей въ состояніи одна божественная сила, которою держится цѣлый міръ. Итакъ для государства достаточно уже того числа гражданъ, при которомъ оно начинаетъ дѣлаться самодовольнымъ. Переступивъ сей предѣлъ, оно можетъ еще оставаться государствомъ; но это не простирается въ безконечность. Для лучшаго отправленія суда, для распредѣленія правительственныхъ должностей по достоинству и проч. граждане должны знать другъ друга; посему наибольшее число гражданъ для государства есть то, которое легко бы могло быть обозрѣно. Впрочемъ число 5040, какое въ *Законахъ* назначаетъ Платонъ для своего государства, Аристотель находитъ уже слишкомъ великимъ.»

«Наилучшею по качеству землею для государства *Аристотелю* представляется та, которая изобилуетъ всѣмъ нужнымъ. По пространству она должна быть такъ велика, чтобы граждане отъ ея произведеній могли и сами жить умѣренно, и оказывать другимъ гостепріимство.» (Соч. Невол, Т. I).

Мы приводимъ эти мнѣнія не потому, чтобы мы сами были съ ними

согласны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобныя мнѣнія выработались путемъ самаго узкаго эмпиризма, который не видѣлъ въ извѣстныхъ въ его время большихъ государствахъ ничего привлекательнаго, и напротивъ находилъ болѣе истиннаго благосостоянія въ тогдашнихъ маленькихъ государствахъ. Мы видимъ въ наше время, что и государства большія могутъ не только процвѣтать, но процвѣтаютъ гораздо лучше, чѣмъ государства маленькія. Всматриваясь однако ближе въ приведенныя нами мнѣнія двухъ великихъ философовъ, нельзя не примѣтить, что въ словахъ ихъ есть своя доля истины. Если мы обратимъ вниманіе на процвѣтаніе большихъ государствъ нашего времени, то увидимъ, что между процвѣтаніемъ однихъ изъ нихъ и процвѣтаніемъ другихъ есть большая разница. Процвѣтаетъ, напримѣръ, въ наше время и Англія, процвѣтаетъ и Франція. Но всѣ мы увѣрены твердо, что если завтра не станетъ королевы Викторіи, то Англія будетъ все-таки процвѣтать попрежнему; и между тѣмъ никто изъ насъ не скажетъ даже приблизительно: будетъ ли процвѣтать Франція, будетъ ли процвѣтать лучше или хуже, чѣмъ теперь, или даже и вовсе не будетъ процвѣтать, если завтра не станетъ Наполеона? — Боже сохрани, чтобы мы думали, что различіе процвѣтаній этихъ двухъ государствъ зависитъ только отъ различія формы ихъ правленія. Дѣло состоитъ не въ формѣ, а во внутреннемъ порядкѣ. Аристотель между прочимъ требуетъ, чтобы граждане въ государствѣ, для лучшаго отправленія суда, для распредѣленія правительственныхъ должностей по достоинству и проч. знали другъ друга.

Это послѣднее требованіе и составляетъ ту долю истины въ его мнѣніи, о которой мы сказали выше.

Аристотель хочетъ сказать, что какъ бы ни было попечительно правительство о благѣ народа, какія бы усилія оно ни употребляло для того, чтобы доставить ему благоденствіе, но оно не можетъ этого сдѣлать, если самъ народъ не будетъ содѣйствовать ему въ этихъ усиліяхъ. И хорошіе судьи, и хорошіе администраторы, и другіе органы правительства выходятъ изъ народа же. Само собою разумѣется, что лица, вполнѣ понимающія нужды и положеніе народа, и слѣдовательно вполнѣ способные органы, въ рукахъ правительства для народа будутъ только тогда, когда народъ самъ будетъ ревностно заботиться о своихъ общественныхъ дѣлахъ, когда онъ будетъ знать всѣхъ способныхъ къ дѣлу управленія, суда и т. д. въ своей средѣ и будетъ представлять ихъ правительству, какъ лучшіе для общественнаго благосостоянія органы власти. Такое познаніе обо всѣхъ и каждомъ въ своей средѣ для народа возможно, по мнѣнію Аристотеля, только тогда, когда государство будетъ состоять изъ небольшаго числа членовъ. Но въ этомъ именно и состоитъ ошибка великаго философа. Вопросъ здѣсь не въ томъ:

велико ли или обширно государство по своей территоріи, многочисленно или малочисленно по своему населенію—а въ томъ: въ какой мѣрѣ народъ содѣйствуетъ правительству въ заботахъ объ общемъ благѣ государства? Если такое содѣйствіе проявляется дѣятельно въ самомъ огромномъ государствѣ, то государство необходимо распадается на безчисленное множество народныхъ обществъ или общинъ, которыя ни по числу народонаселенія, ни по пространству своего района не превышаютъ идеала аристотелева государства и въ которыхъ, слѣдовательно, каждый членъ общины можетъ хорошо знать всѣхъ своихъ сочленовъ. Таковы точно наши крестьянскія общины. Средняя цифра населенія каждой общины до 2,000 человѣкъ мужескаго пола. Каждая община представляетъ небольшой, замкнутый въ себя, мірокъ, имѣющій извѣстныя права собственнаго управленія, суда, полиціи. Если мы предположимъ, что права самоуправленія, суда и т. п. въ этихъ міркахъ будутъ значительно расширены, какъ предположено въ проэктированныхъ преобразованіяхъ; если предположимъ затѣмъ, что каждый членъ общины, зная твердо права и обязанности всѣхъ и каждаго въ своей общинѣ, будетъ слѣдить внимательно за теченіемъ дѣлъ общинныхъ, будетъ стараться устранять всякое незаконное вмѣшательство въ дѣла общины лицъ постороннихъ, равно какъ и неправильныя дѣйствія самыхъ членовъ общины; будетъ принимать заблаговременно мѣры для отклоненія отъ общины какого-нибудь чуждаго вреднаго вліянія, то нѣтъ сомнѣнія, что и наше огромное государство, да и всякое другое, какихъ бы оно размѣровъ ни было, можетъ точно также благоденствовать, какъ и государство маленькое. Мѣра благоденствія будетъ завиѣсть отъ знанія и опытности членовъ каждой общины въ попеченіи о дѣлахъ общины. Чѣмъ болѣе въ какой нибудь общинѣ члены общины привыкнутъ къ попеченію о самихъ себѣ, чѣмъ болѣе пріучатся мыслить и разсуждать о своихъ дѣлахъ, чѣмъ болѣе пріобрѣтутъ посредствомъ знанія и опытности силы для охраненія своихъ правъ, въ предѣлахъ, разумѣется, закономъ имъ дарованныхъ, тѣмъ прочнѣе будетъ ихъ благоденствіе и тѣмъ менѣе оно можетъ измѣняться отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Такъ мы видимъ это въ настоящее время въ Англіи.

Общинное самоуправленіе, права котораго хочетъ расширить въ настоящее время наше правительство, есть древнѣйшая форма управленія нашего народа, сохранившаяся чрезъ всю нашу исторію до настоящаго времени. Никакія стѣсненія этой формы народнаго управленія, бывавшія въ разныя эпохи нашего государства, не могли не только уничтожить, но даже и ослабить въ народѣ любви къ этой формѣ. Напротивъ, можно сказать, что они-то именно служили къ ея закрѣпленію. Въ древнія времена нашего государства, по неустрой-

ству его вообще, преимущественно же по финансовому неустройству, разныя области, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и общины отдавались въ *кормленіе*, съ отнятіемъ въ большей или меньшей мѣрѣ у общинъ правъ самоуправленія. Пока кормленщикъ былъ, — община волей, неволей подчинялась новому порядку; но едва прекращалось *кормленіе*, все возвращалось къ прежнему общинному устройству. Оно, впрочемъ, такъ и должно было быть. Кормленщики ѣхали на кормленіе не для того, чтобы творить судъ и правду, а чтобы собирать доходы. «Волости и деревни пустѣли отъ ихъ кормленія, столько же, сколько отъ лихихъ людей и разбойниковъ; крестьяне разбѣгались и шли безсрочно и безъ отказа въ монастыри, единственныя въ то время убѣжища; недоборы въ царскихъ податяхъ увеличивались; суда намѣстниковъ избѣгали, какъ заразы; ихъ людей встрѣчали, какъ непріятелей. Не дешево доставалось правосудіе, и земля стала думать, какъ бы отдѣлаться отъ тяжелаго гнета. Естественно, что подобное стремленіе всего ранѣе выразилось въ передовомъ бойцѣ древней Руси, въ Великомъ Новгородѣ. Его волости стали откупаться отъ суда мѣстнаго управленія, покупать себѣ право не подлежать ему въ теченіе нѣкотораго времени. Это было тѣмъ легче, что обычай отдавать судъ на откупъ существовалъ въ областяхъ новгородскихъ. Въ Московскомъ государствѣ такое движеніе началось позже, но выразилось почти въ той же формѣ. Поднялись челобитья государю, поклепы и тяжбы великія; областные начальники съ своей стороны жаловались, что посадскіе и волостные люди подъ судъ имъ не даются, бьютъ ихъ и не платятъ имъ кормовъ. Какъ скоро намѣстникъ съѣзжалъ съ кормленья, начинались безконечные иски; иногда кормленщикъ расплачивался за свои злоупотребленія и родовымъ своимъ имѣніемъ, и жизнью. Необходимость измѣнить такое управленіе была настоятельная».

Посадскіе и волостные люди стали просить выборнаго управленія, со взносомъ за него въ казну денегъ. Такое управленіе и было дано Грознымъ. «Управленіе это удовлетворяло двумъ главнымъ потребностямъ эпохи: одной правительственной, другой народной. Надобно было съ одной стороны не лишить намѣстниковъ и волостелей ихъ законныхъ кормовъ и пошлинъ; съ другой — замѣнить ихъ третейскую расправу между волостями другою, менѣе обременительною, но сохраняющею тотъ же характеръ безучастія или равнаго участія къ интересамъ лицъ подсудныхъ. Первой потребности удовлетворить было не трудно. Естественнымъ средствомъ къ тому былъ *откупъ*; извѣстная денежная сумма платимая волостями за *присудъ*, за тѣ пошлины, которыя получалъ намѣстникъ. Чтобы совершенно оградить волости отъ его вмѣша-

тельства, этотъ откупъ или оброкъ вносился въ государеву казну самими крестьянами. Для другой цѣли, то есть, чтобы сдѣлать земское управленіе совершенно безпристрастнымъ, оно составлено изъ представителей всѣхъ свободныхъ общинъ того округа, изъ котораго оно избиралось. Эти избранные начальники носили разныя названія. Они назывались излюбленными головами, земскими судьями и мирскими выборными судейками. Округи, для которыхъ они назначались, были неравные. Мы находимъ ихъ и въ цѣлой волости, и въ стану, и въ слободахъ, и въ волосткахъ. Надобно сказать, что судьи назначались безсрочно, но подъ условіемъ смѣны, когда ими были недовольны подчиненные. Въ такомъ случаѣ выборы производились снова.... Предѣлы власти избранныхъ судей были неравные, и сообразовались, повидимому, съ тѣмъ географическимъ пространствомъ, которымъ они управляли. Такъ полиція всегда принадлежала имъ, но если они назначались для цѣлой волости или стана, то обязанность ихъ состояла только въ верховномъ наблюденіи; непосредственный полицейскій надзоръ былъ дѣломъ подчиненныхъ начальниковъ: старостъ, сотскихъ и пятидесятскихъ. Дѣла уголовныя они судили въ такомъ случаѣ, когда въ одномъ съ ними округѣ не было губныхъ старостъ. Разумѣется, это бывало только тогда, когда излюбленные судьи назначались для цѣлой волости или стана: въ силу начала единства, лежавшаго въ древнемъ управленіи, имъ вручалось тогда и губное право. Если же они управляли одною слободкою или нѣсколькими селами, то губное право, которое обыкновенно простиралось на все протяженіе волости, имъ не принадлежало... Относительно уголовной власти земскихъ судей, источники представляютъ только два ограниченія: 1) они не имѣли права выдать головою истцу отвѣтчика безъ доклада; но по дѣламъ гражданскимъ это было имъ дозволено; 6) по суду о дѣлахъ разбойныхъ они никого не могли обвинить безъ доклада. Гражданскій судъ ихъ былъ, кажется, совершенно неограниченъ. Докладъ былъ предоставленъ ихъ волѣ: они посылаютъ судный списокъ въ Москву, «когда имъ управы учинити будетъ не мочно», то есть, когда они сами затрудняются рѣшеніемъ дѣла.... На судѣ земскихъ судей мы видимъ и духовенство.... Инородцы пріѣзжавшіе въ волость судились ими же, по крайней мѣрѣ по дѣламъ о грабежѣ и воровствѣ. Въ случаѣ столкновенія между посадскими и волостными людьми двухъ различныхъ волостей происходилъ судъ смѣстный; а когда искъ вчинался жителями другой области (княжества), то дѣло разсматривалось въ московскомъ приказѣ.... Съ суда своего излюбленные судьи не брали сначала никакихъ пошлинъ, потому что съ одной стороны эти пошлины были уже разъ заключены въ казну въ видѣ откупной суммы; съ другой же — расправа земскихъ судей состо-

вляла не право ихъ, а обязанность, и потому не требовала вознагражденія. Какъ члены общины, они были обязаны служить ей. Единственнымъ отступленіемъ отъ этого взгляда были нѣкоторыя льготы, объщанныя имъ въ жалованныхъ грамотахъ съ цѣлью побудить ихъ къ добросовѣстному исполненію долга: если управа ихъ была «люба всемъ и государю», то выти ихъ освобождались отъ государственныхъ податей.... Земскіе суды судили при лучшихъ людяхъ или цѣловальникахъ, которые наблюдали за справедливостію суда: «чтобъ отъ нихъ никому ни въ чемъ силы и обиды и продажи безлѣпичныя не было». Дѣло записывалось при судныхъ мужахъ. Цѣловальники, кромѣ присутствія на судѣ, имѣли еще и другую обязанность: они употреблялись для разсылокъ. Канцелярія волостнаго суда тоже состояла изъ лицъ выборныхъ, именно изъ земскаго дьячка и земскаго пристава. Они избирались или вмѣстѣ съ выборными судьями, и тогда съ ними же приводились къ присягѣ въ Москвѣ, или послѣ судей особо, и тогда присягали на мѣстѣ. Судьи подлежали отвѣтственности за дьячка и пристава. Такъ, если земскій дьячокъ, не при нихъ и лучшихъ людяхъ писалъ судный списокъ или держалъ его у себя, не отдавая судьѣ, то взысканіе равно падало и на виновныхъ и на судью». (*Исторія судебныхъ инстанцій*, соч. Ѳ. Дмитріева).

На такомъ широкомъ основаніи поставлено было наше земское самоуправленіе. Разсматривая его съ своей точки зрѣнія, г. Ѳ. Дмитріевъ говоритъ, что оно было худо тѣмъ, что въ немъ не было общей центральной власти. «Оно основывалось на децентрализаціи: волости были отторгнуты отъ своихъ мѣстныхъ центровъ и поставлены въ прямое отношеніе къ общему государственному средоточію, къ Москвѣ. Губные старосты и приказные люди, судившіе и управлявшіе въ городахъ, не были начальниками выборныхъ судей и, кромѣ особенныхъ царскихъ предписаній, совершенно не вмѣшивались въ дѣла волостныя. Но время, попреимуществу, требовало централизаціи: земля собиралась, ея военныя и политическія обстоятельства вынуждали постоянныя и правильныя сношенія волостей съ городомъ, города съ Москвою. Замѣтимъ, что именно государственныя потребности, кромѣ финансовыхъ, не удовлетворялись существовавшими учрежденіями. Понятно поэтому, что надъ прежнимъ управленіемъ должно было возникнуть другое, болѣе центральное, какъ скоро усилилась чисто политическая дѣятельность правительства».

Такъ образовалось центральное управленіе надъ народомъ. Г. Дмитріевъ смотритъ на централизацію въ управленіи народомъ, какъ на необходимость. Но изъ приводимыхъ имъ соображеній видно, что она была не болѣе, какъ временная мѣра, вызванная извѣстными обстоятельствами государства, и потомъ случайно оставле-

на на долгое время, по миновании этихъ обстоятельствъ. Такъ думаетъ и бывшій товарищъ министра г. Хрущовъ, раскрывая взглядъ нашего правительства на принятый порядокъ управленія вообще и государственными крестьянами въ частности. Приписывая медленность теченія дѣлъ, своеволіе чиновниковъ, неустройство крестьянскихъ обществъ и другіе безпорядки *тяжелому вліянію развившейся у насъ централизаціи*, онъ говоритъ: «мы никому не ставимъ этого въ вину; это зло есть неизбѣжное послѣдствіе физическаго роста государства, и въ этомъ отношеніи, благодаря Бога, мы достигли уже въ настоящее время той поворотной точки, отъ которой начинается необходимость коренной реформы».

Въ наше время странно смотрѣть на существующую у насъ въ управленіи сельскимъ населеніемъ, во вредъ его общиннаго устройства, централизацію не какъ на зло, оставшееся въ наслѣдство отъ прежнихъ временъ, а какъ на нормальный порядокъ вещей. Подобный взглядъ въ личностяхъ, которыя его держатся, можно объяснить какими-нибудь частными и притомъ застарѣлыми пристрастіями, напримѣръ, пристрастіемъ къ какимъ-нибудь ученымъ, хотя и ложнымъ идеямъ. Конечно, во внѣшнемъ своемъ дѣйствіи централизація представляетъ, повидимому, даже нѣкоторыя преимущества передъ общиннымъ самоуправленіемъ. Удобство подобнаго управленія, видимая быстрота и точность въ исполненіи всего предписываемаго, видимый порядокъ во всемъ — съ перваго взгляда привлекаютъ легко къ себѣ неопытный глазъ. Но стоитъ только вникнуть во внутреннюю сторону этого управленія, чтобы видѣть все зло его.

«Заботливость», говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, «объ истинномъ — духовномъ и телесномъ благѣ подданныхъ есть существенный признакъ христіанскаго государства. Для этого необходимо, чтобы правительство имѣло самыя точныя свѣдѣнія о состояніи и нуждахъ народа. Но этихъ свѣдѣній оно не будетъ имѣть никогда, если оно будетъ довольствоваться мѣсячными или третьными отчетами подчиненныхъ ему мѣстъ, или донесеніями своихъ чиновниковъ, представляемыми по особо даваемымъ имъ порученіямъ. Чиновники обыкновенно стоятъ слишкомъ далеко отъ народа, чтобы могли правильно понимать его нужды, да они и слишкомъ заняты своимъ письмоводствомъ и слишкомъ мало обращаютъ вниманія на народъ, чтобы могли войдти съ теплымъ участіемъ въ его интересы,—а между тѣмъ такое именно участіе и необходимо для правильнаго пониманія народа и его нуждъ. — Понимать народъ и его нужды могутъ только люди, которые сами живутъ среди народа, которые знаютъ и любятъ свое отечество искренно, дѣйствуя не въ видахъ личныхъ интересовъ, не въ чаяніи полученія отличій

или тем лицъ мѣсточекъ, которые не боятся ни лишеній, ни насмѣшекъ, которые стоять твердо и независимо и имѣютъ гражданское мужество высказать передъ кѣмъ угодно свои убѣжденія».

Мы не можемъ не радоваться, что вредъ централизаціи въ управленіи сельскимъ населеніемъ сознанъ наконецъ нашимъ обществомъ и правительствомъ, и *самоуправленіе* обществъ закладывается въ основу жизни нашего народа. При какихъ условіяхъ самоуправленіе можетъ развиваться правильно въ народѣ, — и устранить нѣкоторыя изъ многочисленныхъ препятствій, съ которыми находило трудныи бороться даже министерство государственныхъ имуществъ во время опеки своей надъ крестьянами, объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ. Теперь ради новаго года скажемъ нѣсколько словъ о Петербургѣ.

Новый годъ и даже новое тысячелѣтіе не подарили ничѣмъ Петербурга. Напрасно мрачный и угрюмый, всѣмъ недовольный съ самаго своего основанія, онъ злится на всѣхъ и все. Напрасно стоустыми жерлами своихъ журналовъ, газетъ, газетокъ неумолкно гремитъ онъ противъ разныхъ злоупотребленій, безпорядковъ, неустройствъ... Его никто не слушаетъ.... Идетъ, все, какъ шло всегда и какъ, можетъ быть, пойдетъ еще очень долго.

Петербургъ продолжаетъ пить сверную воду. Хотя нѣкоторые лѣтописцы и увѣряютъ, что это бѣдствіе скоро кончится, потому, дескать, что «въ прошломъ году общество *водопроводовъ* окончило постройкою водоподъемное зданіе, проложило трубы на протяженіи 91 в. и произвело пробу впуска воды въ Литейной части, что испытаніе дало удовлетворительный результатъ, и поэтому правленіе этого общества съ наступленіемъ весны надѣется приступить къ соединенію всей сѣти водопроводныхъ трубъ: первоначально въ Литейной, Московской, Нарвской, 3-й Адмиралтейской, а потомъ въ остальныхъ частяхъ города, равно какъ къ впуску воды и промывкѣ трубъ, такъ чтобы въ первыхъ четырехъ частяхъ водоснабженіе могло быть начато въ серединѣ лѣта, а по всей сѣти трубъ нынѣшнею осенью»; но—другіе лѣтописцы, не менѣе достовѣрные, увѣряютъ, что ничего этого не будетъ и быть, дескать, не можетъ такъ скоро, потому, что соединеніе всей сѣти водопроводныхъ трубъ вовсе не такая легкая вещь, какъ представляетъ ее общество, и что, дескать, вѣрить обѣщаніямъ общества водопроводовъ послѣ трехлѣтнихъ печальныхъ опытовъ его неудачъ очень трудно, тѣмъ болѣе, что общество, давая такія пріятныя обѣщанія, вмѣстѣ съ тѣмъ очень ловко дѣлаетъ приглашеніе всѣмъ желающимъ нынѣ же дѣлать заказы на проводъ воды въ дома.... Кому вѣрить?

Освѣщается Петербургъ газомъ попрежнему все въ *знатнѣйшихъ* улицахъ, — и то нельзя сказать, чтобы блистательно. Конечно, на

освѣщенныхъ газомъ петербургскихъ улицахъ предметы можно различать гораздо съ большею явственностью, чѣмъ въ губернскихъ городахъ; но это потому, что на улицахъ губернскихъ городовъ нельзя различать никакихъ предметовъ, какъ скоро дневное свѣтило сокрываетъ отъ земли ликъ свой. Въ наше время, — время поднятія и разрѣшенія всевозможныхъ вопросовъ, доселѣ не подняты вопросъ о томъ: для чего въ губернскихъ городахъ на улицахъ ставятся столбы съ фонарями? — Ставятся ли они во свидѣтельство несомнѣнной цивилизаціи города, такъ что каждый фонарь какъ бы такъ говоритъ взирающему на него днемъ чужестранцу: «ночью ты не увидишь меня; но теперь ты видишь.... Помни же твердо и ночью, когда меня зрѣть не будешь, что здѣсь живетъ народъ цивилизованный, который понимаетъ очень хорошо, что городъ долженъ освѣщаться, — и если онъ не освѣщается ночью, то потому только, что нѣтъ у граждамъ его способнаго для этого матеріалу?» Или ставятся они въ видѣ спасительныхъ «memento mori» для самихъ гражданъ, непрестанно напоминая имъ, что какъ они ни увлекаются прогрессивными идеями и мечтами о комфортѣ общественной жизни, но далеко не ускачутъ! Зане кратковременно есть житіе наше на земли, а путь исторіи на ней горестенъ и труденъ. Каждый фонарь вопіетъ гражданину: «гражданинъ! ты умрешь, не увидѣвъ ночью свѣта на улицахъ своего роднаго города; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что ты сынъ великой страны и достоинъ даже ночнаго освѣщенія.... Въ противномъ случаѣ ты не видалъ бы меня и днемъ».

Мостовыя въ Петербургѣ такія же, какъ и были прежде. Не то, чтобъ ѣзда по нимъ сопряжена была съ такими же опасностями, съ какими соединена ѣзда по московскимъ улицамъ, — но зато ушибиться на петербургскихъ мостовыхъ, даже и легко, очень непріятно, потому что утѣшенія никакого. — Въ Москвѣ, даже вывалившись изъ экипажа въ какомъ нибудь ухабѣ, можно сейчасъ припомнить какое нибудь историческое событіе: «вотъ я, дескать, вывалился тутъ, на той улицѣ, по которой шелъ съ ополченіемъ Пожарскій на защиту отечества, или, дескать, вотъ на той, по которой ѣхалъ Донской съ куликовской битвы» и т. п. По тѣсной связи души съ тѣломъ пріятныя отечественныя воспоминанія не могутъ не облегчать тѣлесныхъ страданій. Въ Петербургѣ ничего подобнаго. А вспомнишь развѣ, что вотъ тутъ, дескать, провозили кукельванъ для отравленія пива, и т. п. Потому Петербургу нечего надѣяться на историческія, а надобно непремѣнно позаботиться и примыслить какія нибудь радикальныя мѣры для устройства мостовыхъ. Одесса вотъ съ основанія своего все мостилась, наконецъ догадалась, что если она и еще столько же лѣтъ

будетъ моститься сама, то толку все-таки никакого не будетъ; потому и отправилась за море и призвала варяговъ на помощь.... Не послѣдовать ли и Петербургу примѣру Одессы?

Общественныя кареты, о которыхъ когда-то мечталъ Петербургъ, такъ мечтой и остались.... Петербургъ продолжаетъ все ѣздить на прежнихъ *ванькахъ*, надувая ихъ и взаимно ими надуваясь, какъ было и встарь, несмотря на благодѣтельное пособіе таксъ....

О квартирахъ и говорить нечего. Дорожаютъ съ каждымъ днемъ, а лучше не дѣлаются. Даже и Комитетъ петербургскаго здравія оказывается безсильнымъ выкурить изъ Петербурга тотъ сирадъ, который чувствуетъ каждый петербургскій гражданинъ, не только подымаясь на лѣстницы квартиръ, не имѣющихъ парадныхъ ходовъ съ швейцарами, но и при входѣ во дворы многихъ домовъ на знатнѣйшихъ улицахъ Петербурга.

Даже *невыразимые кабинеты*, о постройкѣ которыхъ на петербургскихъ улицахъ такъ много шумѣли въ газетахъ и въ постройкѣ которыхъ такъ всѣ были заинтересованы, доселѣ что-то не строятся. Хотя мы и не думаемъ, чтобы они такъ же были необходимы для жителей Петербурга, какъ хорошая вода или хорошія квартиры, тѣмъ не менѣе мы сердечно сожалѣемъ, что они доселѣ не строятся. Все-таки нѣкоторымъ образомъ они служили бы украшеніемъ Петербурга, а главное свидѣтельствовали, что мы ни въ чемъ не отстаемъ отъ иностранцевъ—ни въ наукѣ, ни въ искусствахъ, ни въ комфортѣ жизни.

Но главное зло, которымъ страдаетъ теперь Петербургъ, есть безденежье, рѣшительное, всеобщее безденежье. Не будь этого зла, я, можетъ быть, и не упомянулъ бы о вышеисчисленныхъ мною маленькихъ неудобствахъ.... Они вѣдь были и прежде, а Петербургъ жилъ же, — даже еще какъ жилъ-то? — Но безденежье для Петербурга бѣдствіе не легче чумы.... Оно портитъ хорошее расположеніе духа у всѣхъ. Петербургскіе лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что въ прошедшемъ 1861 году участники сорока-восьми главныхъ русскихъ акціонерныхъ компаній понесли убытку на 16,000,000. Очень почтенная цифра! Но что всего удивительнѣе, денегъ къ новому году оказалось мало даже у винныхъ откупщиковъ; потому они и начали *примучивать* трактиры, рестораны и прочія подобныя заведенія, положивъ на нихъ такую дань, какой не возлагали прежде варяги на славянъ, а впослѣдствіи татары на московскихъ князей.... Но варяговъ можно было изгнать, что и сдѣлали славяне, — отъ монголовъ можно было отдѣлываться иногда поклонами. Откупщиковъ изгнать никакъ нельзя, — а о поклонахъ и думать нечего. Требуютъ непремѣнно налич-

ной монетой. Потому отъ *прижученія* откупщиковъ вопль и стенанія въ Петербургѣ стоятъ страшныя! — О безденежьѣ остальнаго петербургскаго люда и говорить нечего. Недавно я зашелъ къ одному моему задушевному пріятелю занять небольшую сумму денегъ. Не далъ! Теперь, говоритъ, финансовый кризисъ, — и денегъ ни у кого нѣтъ. Да не подумаетъ кто нибудь, что я отношусь къ числу тѣхъ литераторовъ-моншеровъ, которые берутъ деньги съ тѣмъ, чтобы никогда не отдавать.... Напротивъ, пріятель вѣритъ въ меня такъ, какъ можетъ быть не вѣритъ г. Громека въ солидарность своихъ историческихъ изслѣдованій съ изслѣдованіями г. Щапова. А что г. Громека имѣетъ нерушимую вѣру въ эту солидарность, то ясно уже изъ того, что онъ помѣстилъ свои изслѣдованія не только въ одномъ журналѣ, но даже въ одной и той же декабрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» съ изслѣдованіями г. Щапова. Говорю я это къ тому, что пріятель мой не считаетъ вовсе меня моншеромъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что нынѣ относительно денегъ плохо стало не только моншерамъ, но и людямъ порядочнымъ. Прежде, бывало, благородный человѣкъ, если онъ имѣетъ собственность только движимую, то беретъ изъ нея то, что менѣе прочаго потребно ему въ жизни, напримѣръ, часы, мундиръ, верхнее платье, въ которомъ по соображенію съ вѣчными законами природы скорой надобности не могло открыться, лишнія подушки, даже и вещи нужныя, но не первой необходимости, безъ которыхъ по соображенію съ климатическими условіями можно было обойтись извѣстное время,—идетъ со всѣмъ этимъ къ какому нибудь благодѣтельному мужу, у котораго все это пріемлется и пріемлется съ наложеніемъ гуманнаго процента,—и оттуда радостный и съ деньгами возвращается домой. Благородный человѣкъ, имѣвшій недвижимую собственность, доставалъ деньги еще съ бо̀льшимъ удобствомъ. Онъ бралъ *узаконеннымъ* образомъ приготовленные для заклада этой собственности документы, несъ ихъ въ установленное казенное учрежденіе, и возвращался оттуда, не слыша подъ собою ногъ, съ цѣлыми кипами кредитныхъ всѣхъ цвѣтовъ. Если же по какимъ нибудь обстоятельствамъ означенныхъ узаконеннымъ образомъ составленныхъ документовъ имѣть скоро было нельзя, то онъ отправлялся въ какой нибудь галантерейный богатый магазинъ, бралъ тамъ въ кредитъ на нѣсколько тысячъ дорогихъ вещей, отправлялся съ ними въ установленное кредитное учрежденіе, — и возвращался оттуда все-таки съ деньгами, слѣдовательно все-таки довольный.... Оборотъ былъ, конечно, невыгодный.... Но что же дѣлать, когда бываютъ такія обстоятельства, что деньги требуются, что называется, до зарѣзу. Хорошо, что можно было сдѣлать и такой оборотъ.

Нынѣ совсѣмъ не то. Тяжело стало всѣмъ въ Петербургѣ, какъ имѣющимъ собственность движимую, такъ въ особенности недвижимую. Относительно движимости собственной должно замѣтить, что установленныя кредитныя учрежденія берутъ изъ этой собственности только самую прочную, т. е. золото, серебро и т. п. Съ мундирами, фраками и тому подобными болѣе тлѣнными вещами туда нечего и соваться. Значитъ, *движимымъ собственникамъ*, обладающимъ большею частію вещами тлѣнными, одно прибѣжище — вышеупомянутые благодѣтельные мужи. Но съ того времени, какъ насталъ финансовый кризисъ или, выражаясь проще, общее безденежье, благодѣтельные мужи ожесточились противъ тлѣнныхъ вещей почти такъ же, какъ и кредитныя учрежденія. Или вовсе не пріемлютъ подобныхъ вещей, или пріемлютъ съ такимъ ужаснымъ *рѣзомъ*, что вещь, пролежавъ незначительное время, становится неудобною къ изъятію отъ нихъ. Потому многіе благородные люди въ Петербургѣ остаются въ настоящее время безъ верхняго платья, нынѣшнюю холодную зиму ходили болѣе въ легкихъ пальто, и чувствовали себя очень холодно; другіе остаются безъ мундировъ и безъ надежды выкупить ихъ къ свѣтлому Христову дню, когда мундиръ дѣлается вещью самою необходимою для принесенія должнаго начальству поздравленія. Однимъ словомъ, *движимые* собственники претерпѣваютъ неизъяснимыя бѣдствія отъ финансоваго кризиса.

Собственники недвижимой собственности находятся едва ли не въ худшемъ положеніи. Съ преобразованіемъ системы кредитныхъ учрежденій недвижимая собственность въ этихъ учрежденіяхъ въ залогъ не пріемлется. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ блестящихъ галантерейныхъ магазинахъ кредитъ для недвижимыхъ собственниковъ упалъ значительно, — болѣе, чѣмъ на половину. Потому многіе изъ благородныхъ людей, владѣющихъ недвижимой собственностью, имѣющихъ иногда крайнюю нужду въ деньгахъ, напримѣръ, сдѣлать сюрпризъ примадоннѣ или спрыснуть достодолжно полученіе густыхъ эполетъ, не могутъ сдѣлать даже такого оборота, какой дѣлали прежде, т. е. позаимствоваться на время въ магазинѣ цѣнными вещами и заложить ихъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Однимъ словомъ, жить стало плохо всѣмъ. Землевладѣльцы еще питаютъ надежды на скорое появленіе земскихъ банковъ.... Что касается до собственниковъ городскихъ, до домовладѣльцевъ, то они совершенно опустили носы. Сначала, признаемся, мы были въ восторгѣ, потому что — homo sum et nihil humanum a me alienum puto, — какъ хотите, а для всякаго истинно гуманнаго человѣка нашего времени пріятно видѣть, что владѣлецъ 70 домовъ въ Петербургѣ находится въ томъ же безкредит-

номъ положеніи, въ какомъ находится благородный человѣкъ, имѣющій только одну лишнюю вещь, мундиръ. Водимые этимъ чувствомъ, мы возрадовались еще болѣе, когда прочли въ 270 № «Сѣверной Пчелы», что составилось какое-то закладное общество въ Петербургѣ для принятія въ закладъ недвижимой собственности въ Петербургѣ и что общество это, по полученіи разрѣшенія на открытіе, само, по обстоятельствамъ, не признало выгоднымъ приводить своего предпріятія въ исполненіе и отказалось отъ него.

Но когда хозяинъ того дома, въ которомъ мы живемъ, надѣявшійся взять подъ залогъ своего дома значительную сумму денегъ изъ устроявшагося закладнаго общества и озлобленный тѣмъ, что общество не состоялось, набавилъ цѣну на квартиры во всемъ своемъ домѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и на нашу, то мы сердечно пожалѣли о бѣдныхъ петербургскихъ домовладѣльцахъ. Намъ стало прискорбно, что эти достойные люди, укрывающіе подъ своимъ кровомъ всю столицу, не имѣютъ теперь, гдѣ главу приклонить, чтобы позаимствовать даже малую толику денегъ. Намъ стало жаль нашихъ меньшихъ братій, изъ которыхъ многіе не имѣютъ, быть можетъ, и столько, сколько мы имѣемъ, и на квартиры которыхъ между тѣмъ тѣ достойные люди сдѣлаютъ также надбавку, какъ сдѣлали и на нашу. Мы стали собирать свѣдѣнія о томъ: кто были тѣ добрые люди, которые хотѣли основать закладное общество въ Петербургѣ, въ какихъ видахъ хотѣли они его составить, отчего отказались отъ своего прекраснаго намѣренія... Наши изысканія увѣнчались полнымъ успѣхомъ.... Мы узнали все: какъ, что было, какимъ образомъ и почему?—Свѣдѣнія эти мы сообщаемъ здѣсь въ тѣхъ видахъ, что по разсмотрѣніи ихъ, можетъ быть, найдутся и еще люди, которые рѣшатся основать закладное общество и тѣмъ сдѣлаютъ петербургскихъ домовладѣльцевъ благосклонными относительно квартиръ какъ къ намъ лично, такъ и ко всѣмъ меньшимъ братіямъ.

Въ прошедшемъ году тайный совѣтникъ М. К. Цеймернъ, потомственный дворянинъ и с.-петербургскій 1-й гильдіи купецъ К. К. Фелейзенъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Варникъ, генералъ-майоръ Заржецкій, генералъ-майоръ Плаутинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ И. А. Гонзаго-Павличинскій и лондонскій негоціантъ Д. Н. Фалькенгагенъ-Залескій,—просили подлежащее начальство объ исходатайствованіи разрѣшенія на открытіе акціонерной компаніи подъ названіемъ «с.-петербургскаго городскаго ипотечнаго товарищества», для производства банковыхъ операцій по ссудамъ, подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ. Почти одновременно съ

этимъ поступила отъ нѣкоторыхъ лицъ просьба объ учрежденіи совершенно такой же акціонерной компаніи, для производства банковыхъ операцій подъ залогъ домовъ въ Москвѣ.

По надлежащемъ разсмотрѣніи этихъ просьбъ было предположено, вмѣсто ипотечныхъ товариществъ, учредить въ С.-Петербургѣ и Москвѣ закладныя общества, для производства исключительно операцій по выдачѣ ссудъ подъ залогъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ: каменныхъ и деревянныхъ домовъ, огородовъ, садовъ и незастроенныхъ земель, на слѣдующихъ основаніяхъ:

Ссуды имѣютъ производиться заемщикамъ, частію наличными деньгами (на $^1/_{10}$ часть каждой ссуды), и главнѣйше закладными облигаціями, которыя получаются заемщиками изъ Общества по нарицательной цѣнѣ и по собственному усмотрѣнію обращаются ими въ наличныя деньги, посредствомъ продажи капиталистамъ по вольной цѣнѣ. Каждый заемщикъ обезпечиваетъ ссуду залогомъ своего недвижимаго имущества и выплачиваетъ обществу: 1) 1% на всю сумму ссуды (въ видѣ единовременной преміи) при самомъ полученіи ссуды; 2) 5% интересовъ, ежегодно, въ теченіе всего срока займа, на уплату процентовъ по облигаціямъ (этотъ размѣръ процентовъ интереса опредѣляется лишь на первое время и можетъ быть впослѣдствіи измѣняемъ по постановленіямъ общихъ собраній акціонеровъ); 3) погасительные проценты, ежегодно, для постепеннаго выкупа изъ обращенія облигацій въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ различнымъ срокамъ, на кои заключаются займы (отъ 10-ти до 26-ти лѣтъ), и 4) $^3/_4$% на всю сумму ссуды, также ежегодно, для покрытія расходовъ Общества по управленію и въ вознагражденіе за коммиссію. Количество ссуды ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать $^3/_4$ оцѣночной суммы подъ каменные дома, $^2/_3$ подъ каменные съ надстройкою деревяннаго этажа, $^1/_2$ подъ деревянные, и $^3/_4$ подъ огороды, сады и незастроенныя земли. Оцѣнка закладываемыхъ имуществъ производится на основаніи матеріальной цѣнности средняго ежегоднаго чистаго дохода, мѣстныхъ обстоятельствъ и наконецъ большей или меньшей вѣроятной прочности имуществъ. Во всякомъ случаѣ, оцѣнка не должна превышать десятилѣтней сложности чистаго дохода для каменныхъ имуществъ, восьмилѣтней для полукаменныхъ и шестилѣтней для деревянныхъ; а равно и суммы, въ которую имущество застраховано. Посредствомъ выпуска акцій, каждое изъ двухъ Обществъ собираетъ складочный капиталъ, раздѣляющійся на основный и оборотный. Основный капиталъ служитъ для обезпеченія исправности об-

щества обязательствамъ принятымъ имъ на себя, то есть неисправности въ уплатѣ какъ процентовъ по облигаціямъ, такъ и капитала на все количество облигацій, подлежащихъ ежегодному выкупу изъ обращенія, въ случаяхъ неисправности въ платежахъ процентовъ и погашенія со стороны заемщиковъ Общества. Этотъ капиталъ, хранимый въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ и употребляемый исключительно на спеціальное свое назначеніе, долженъ во всякое время составлять не менѣе одной двадцатой части капитала, представляемаго облигаціями Общества, находящимися въ обращеніи (по нарицательной ихъ цѣнѣ). Оборотный капиталъ служитъ на выдачу $^1/_{10}$ части каждой ссуды чистыми деньгами до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ израсходованъ, согласно этому назначенію. Весь складочный капиталъ каждаго общества опредѣляется въ 2.000,000 руб. или 20,000 акцій (по 100 руб. каждая), въ томъ числѣ 1.500,000 основнаго капитала и $^1/_2$ милл. запаснаго. Изъ всего числа 20,000 акцій каждое общество выпускаетъ первоначально 10,000, а остальныя 10,000, смотря по развитію операцій, вдругъ или по частямъ. При подпискѣ на акціи вносится по 50 руб. на каждую, а остальные взносы производятся впослѣдствіи, по требованію правленія. Закладныя облигаціи, выпускаемыя обществами для выдачи ссудъ лицамъ, закладывающимъ свои недвижимыя имущества, обезпечиваются всѣмъ достояніемъ каждаго общества, оплачиваются процентами (по 5%) полугодно, надписываются по 100 руб. каждая и постепенно выкупаются Обществами изъ обращенія, какъ посредствомъ тиража (уплатою надписаннаго капитала по облигаціямъ вышедшихъ по жребію номеровъ), такъ и покупкою облигацій по вольной цѣнѣ. Такимъ образомъ ежегодно должно быть выкуплено изъ обращенія, или погашено облигацій, никакъ не менѣе того количества, какое соотвѣтствуетъ суммѣ всѣхъ погасительныхъ платежей, ежегодно слѣдующихъ отъ заемщиковъ. За тѣмъ облигаціи могутъ быть выпускаемы лишь для выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, и капиталъ, представляемый облигаціями, находящимися въ обращеніи, долженъ (сверхъ обезпеченія $^1/_{20}$ части основнымъ акціонернымъ капиталомъ) быть, во всякое время, обезпеченъ рубль за рубль запрещеніями, лежащими на означенныхъ недвижимыхъ имуществахъ. Управленіе дѣлами каждаго общества возлагается, согласно порядку, существующему во всѣхъ акціонерныхъ компаніяхъ, на общее собраніе акціонеровъ и на правленіе (изъ 3-хъ директоровъ). Сверхъ того, избирается общимъ собраніемъ особый наблюдательный комитетъ, для надзора за дѣйствіями правленій. Правленія обществъ обязаны представлять ежегодно общимъ собраніямъ подробные отчеты о своихъ дѣйствіяхъ и

публиковать ихъ во всеобщее свѣдѣніе, независимо опубликованія два раза въ годъ своихъ финансовыхъ балансовъ. Каждое общество начинаетъ дѣйствія по ссудамъ, когда цѣнность всѣхъ предъявленныхъ ему къ залогу имуществъ, по городской оцѣнкѣ, достигнетъ 2.000,000 рублей.

Въ этихъ проэктахъ закладнымъ обществамъ присвоялись слѣдующія преимущества:

1) Выпускъ въ публичное обращеніе процентныхъ бумагъ или закладныхъ облигацій именныхъ и на предъявителя (§ 65).

2) Право принимать залоги и производить ссуды по свидѣтельствамъ гражданскихъ палатъ и вообще примѣняясь къ порядку установленному для залога недвижимыхъ имуществъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ (ст. 323—358 Уст. Кред. Св. Зак. Т. XI), то есть не въ порядкѣ, указанномъ общими законами (Св. Зак. Т. X. ч. 1 ст. 1642—1653) для совершенія закладныхъ актовъ между частными лицами (§ 68).

3) Взысканіе долговъ съ залоговъ неисправныхъ заемщиковъ, съ сокращеніемъ сроковъ и съ освобожденіемъ отъ формальностей, установленныхъ общими законами о порядкѣ описи, оцѣнки и публичной продажи заложенныхъ имуществъ (Св. Зак. Т. X. ч. 2), примѣняясь отчасти къ порядку, установленному для бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій (Св. Зак. Т. XI. Уст. Кредит. ст. 456—542); но съ тѣмъ, что публичная продажа просроченныхъ залоговъ будетъ производиться не въ самыхъ правленіяхъ обществъ, какъ это было допущено для государственныхъ кредитныхъ установленій, а въ присутственныхъ мѣстахъ, производящихъ публичную продажу недвижимыхъ имуществъ по искамъ частныхъ лицъ, то есть въ с.-петербургской управѣ благочинія и въ московскомъ губернскомъ правленіи.

4) Присвоеніе закладнымъ облигаціямъ нѣкоторыхъ преимуществъ, и именно: а) пріемъ ихъ сохранными казнами въ уплату за долги, числящіеся на заложенныхъ въ оныхъ домахъ, при передачѣ займовъ въ закладныя общества; б) пріемъ облигацій въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ (согласно съ 1655 ст. Св. Зак. Т. X. ч. 1); в) дозволеніе обращать въ эти облигаціи такіе капиталы разныхъ казенныхъ и общественныхъ учрежденій, которые уже назначены на пріобрѣтеніе билетовъ государственной коммиссіи погашенія долговъ и г) производство подъ залогъ облигацій денежныхъ ссудъ изъ государственнаго банка и его конторъ (согласно съ 72 ст. Уст. Государств. Банка §§ 131 и 132).

Но такъ какъ подобныя преимущества были уже предоставлены другимъ обществамъ, а именно:

1) Выпускъ закладныхъ облигацій разрѣшенъ высочайше утвержденнымъ въ 1859 году положеніемъ комитета министровъ акціонерному обществу Церера, учрежденному для выдачи ссудъ подъ залогъ земель въ губерніи Лифляндской, не говоря уже о томъ, что земскія кредитныя общества въ Остзейскихъ губерніяхъ издавна пользуются тѣмъ же правомъ.

2) Городскимъ частнымъ и общественнымъ банкамъ разрѣшено принимать въ залогъ городскія имущества по свидѣтельствамъ мѣстныхъ магистратовъ или гражданскихъ палатъ и вообще руководствоваться при этомъ порядкомъ, установленнымъ для государственныхъ кредитныхъ установленій.

3) Въ случаѣ просрочки, имущества, заложенныя въ городскихъ банкахъ (см. Уст. Соликамскаго банка 1859 г., Зарайскаго 1847 г., Ростовскаго 1847 г., Казанскаго 1847 г., и т. д.), продаются въ присутствіи правленій оныхъ при членѣ магистрата, думы и при уѣздномъ стряпчемъ; а если продажа въ банкѣ не состоится, то переводится въ губернское правленіе.

4) Многія акціонерныя общества пользуются правомъ пріема ихъ акцій, а нѣкоторыя и ихъ облигацій (пароходное общество Самолетъ, главное общество желѣзныхъ дорогъ) въ залоги по казеннымъ поставкамъ и подрядамъ, то начальство, разсматривавшее проэктъ *закладныхъ* обществъ, не находя въ этихъ проэктахъ никакихъ монопольныхъ или исключительныхъ привилегій въ пользу обществъ, представило означенные проэкты на разсмотрѣніе и утвержденіе установленнымъ порядкомъ.

«По разсмотрѣніи проэктовъ Обществъ, признано нужнымъ произвесть въ нихъ нѣкоторыя измѣненія очень существенныя.

Въ § 88 устава, представленнаго учредителями, сказано было: «въ числѣ годовыхъ платежей заемщикъ долженъ вносить въ Общество на расходы по управленію и за коммисію по производству ссудъ $^3/_4$% на капитальную сумму долга.»

Сей параграфъ измѣненъ такимъ образомъ:

«На расходы по управленію Общества и за коммисію по производству ссудъ, заемщикъ вноситъ ежегодно $^3/_4$% на капитальную сумму долга, если количество всѣхъ ссудъ не превышаетъ 5 мил. руб., $^1/_2$% если количество ссудъ простирается свыше 5 мил. руб. и $^1/_4$% когда она превзойдетъ 10 мил. руб.»

Вникнувъ въ это новое правило, учредители общества нашли, что въ силу его, они на прикрытіе своихъ ежегодныхъ расходовъ по управленію получать будутъ:

При 5 милл. руб. ссуды	. . . . . .	37,500 руб.
— 10 —	—	50,000 —
— 15 —	—	37,000 —
— 20 —	самая высшая цифра, до которой можетъ достигнуть ссуда при двухъ банкахъ въ Петербургѣ	50,000 —
а по исчисленію учредителей ежегодный расходъ банка будетъ не менѣе	. . . .	60,000 —

Между тѣмъ, по уставу, закладныя общества должны были еще собрать капиталъ въ 1 милл. руб. для обозначенія исправной уплаты % по облигаціямъ своимъ и безостановочнаго погашенія ихъ по тарифу, въ случаѣ неисправной уплаты заемщиковъ. Хотя часть сего капитала и могла бы храниться въ государственныхъ кредитныхъ бумагахъ и доставлять %, но другая часть не приносила бы никакихъ интересовъ. Полагая даже, что весь капиталъ могъ быть обращенъ въ государственныя бумаги, кто, при теперешнемъ дисконтѣ, согласился бы положить свой капиталъ въ частное предпріятіе изъ 4 или 5%? Если бы кто и согласился довольствоваться % доставляемыми государственными кредитными бумагами, то онъ конечно предпочтетъ лучше взять ихъ самъ на свой капиталъ, а не положить въ частное предпріятіе изъ-за тѣхъ же %, не имѣя ничего болѣе въ виду.

Сообразивъ все это, учредители нашли невозможнымъ основать свое предпріятіе при сдѣланномъ въ проэктѣ ихъ измѣненіи, а потому были вынуждены отказаться отъ него.

Учредители очень сожалѣютъ, что имъ неудалось привести своего полезнаго предпріятія въ исполненіе; сожалѣютъ тѣмъ болѣе, что все дѣло получило неблагопріятный исходъ—по ихъ мнѣнію — отъ недоразумѣнія. Уставомъ с.-петербургскаго кредитнаго общества, имѣющаго ту же цѣль, предоставлено ему право взимать съ заемщиковъ въ пользу банка ежегодно по $^1/_2$% на капитальную сумму долга безъ ограниченія количества ссудъ, хотя сіе общество имѣетъ въ отношеніи къ расходамъ, то преимущество предъ закладными с.-петербургскимъ и московскимъ, что оно пользуется безденежно кварти-

рой въ думѣ и не имѣетъ складочнаго капитала, требующаго дивиденда.

Не можемъ мы не пожалѣть вмѣстѣ съ почтенными учредителями, что имъ не удалось ихъ предпріятіе. «Homo sum et nihil humanum a me alienum puto. Что, если нашъ домохозяинъ вздумаетъ и еще учинить подбавку цѣнъ на квартиры?

ПОЛИТИКА.

РОЛЬ ПАЛЬМЕРСТОНА ВЪ ДѢЛѢ О ВЫДАЧѢ АРЕСТОВАННЫХЪ ЭМИССАРОВЪ ЮЖНЫХЪ ШТАТОВЪ. — НЕИЗБѢЖНОЕ ПАДЕНІЕ ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫХЪ ПЛАНТАЦІЙ ВЪ ЮЖНЫХЪ ШТАТАХЪ. — ЖЕЛАНІЕ ПАЛЬМЕРСТОНА ПРІИСКАТЬ НОВЫЙ ПРЕДЛОГЪ ДЛЯ ВОЙНЫ СЪ СѢВЕРНЫМИ ШТАТАМИ. — ОТНОШЕНІЯ УМѢРЕННОЙ ПАРТІИ И АБОЛИЦІОНИСТОВЪ ВЪ СѢВЕРНЫХЪ ШТАТАХЪ. — ПОЛОЖЕНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЛЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. — МЕХИКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ. — АВСТРІЙСКІЕ ФИНАНСЫ. — НЕПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЛИБЕРАЛОВЪ, ПОРИЦАЮЩИХЪ АВСТРІЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗА ДЕФИЦИТЪ. — ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА.

I.

Мы не находили ничего важнаго въ шумѣ, поднятомъ газетами по случаю арестованія двухъ эмиссаровъ Южныхъ Штатовъ на англійскомъ пароходѣ капитаномъ военнаго парохода Сѣверныхъ Штатовъ. Оно и точно: войны изъ этого дѣла не вышло. Но если оно оказалось пустымъ съ той стороны, о которой шумѣли публицисты и маловажность которой мы доказывали, то явилось оно очень замѣчательнымъ съ другихъ сторонъ, обнаружившихся въ немъ уже послѣ его развязки.

Пока дѣло тянулось, дипломатическіе акты, относящіеся къ нему, хранились по заведенному порядку въ секретѣ. Не зная депешъ американскаго правительства, Англія и вся Европа воображали, что англійскому правительству необходимо было употребить самыя крайнія

угрозы, поддерживаемыя самыми быстрыми энергическими мѣрами, для принужденія вашингтонскаго кабинета загладить обиду, нанесенную англійскому флагу. Всѣ находили очень благоразумнымъ то, что лордъ Пальмерстонъ, не теряя ни минуты, сталъ посылать войска въ Канаду и эскадру за эскадрой къ сѣверо-американскимъ берегамъ. Газета, служащая органомъ лорда Пальмерстона, до послѣдней минуты, утверждала, что вашингтонскій кабинетъ упрямо противится требованіямъ Англіи, что надежда на мирную развязку очень слаба, и даже эта слабая надежда основывается только на томъ, что Сѣверные Штаты будутъ запуганы быстрыми приготовленіями Англіи къ войнѣ. Что же открывается?—Какъ только пришло въ Лондонъ извѣстіе объ арестѣ эмиссаровъ Южныхъ Штатовъ, американскій посланникъ сказалъ Пальмерстону и Росселю, что сколько онъ можетъ угадывать намѣренія вашингтонскаго правительства, случай этотъ не поведетъ къ непріятностямъ. Не смотря на то, Пальмерстонъ прямо началъ грозить войною, какъ будто предполагалъ, что Линкольнъ и Сьюардъ не имѣютъ никакой готовности дружелюбно покончить дѣло. Но гораздо раньше, чѣмъ пришла въ Вашингтонъ его грозная депеша, была уже послана оттуда въ Англію отъ Сьюарда депеша, отнимавшая всякую возможность ждать непріятной развязки. Дѣло въ томъ, что, какъ только получено было въ Вашингтонѣ извѣстіе объ арестѣ эмиссаровъ, кабинетъ Линкольна рѣшилъ смотрѣть на этотъ случай тѣми же самыми глазами, какими взглянули на него англичане. Американское правительство всегда защищало неприкосновенность нейтральнаго флага противъ англійскаго правительства, поступавшаго съ нейтральными кораблями, точно такъ, какъ американскій капитанъ поступилъ съ пароходомъ, который везъ эмиссаровъ. Поэтому вашингтонскій кабинетъ отступился бы отъ собственнаго принципа, если бы отказался признать неправильнымъ поступокъ своего капитана. Такимъ образомъ Сьюардъ тотчасъ же отправилъ къ американскому посланнику въ Лондонъ депешу, говорившую, что вашингтонское правительство готово удовлетворить всѣ претензіи Англіи по случаю неправильнаго ареста эмиссаровъ и ждетъ только того, какія требованія представитъ Англія, чтобы исполнить ихъ. Пароходъ, который везъ эту депешу въ Англію, уже приближался къ Европѣ, когда отправился въ Америку пароходъ съ угрожающею депешею Пальмерстона. Слухъ о полученіи изъ Америки депеши, отклонявшей всякую возможность вражды, распространился въ Лондонѣ. Но Morning Post, служащій органомъ лорду Пальмерстону, поспѣшилъ объявить, что нельзя ждать мирной развязки. Англійскія войска и военные корабли продолжали отправляться къ американскимъ берегамъ. Но изъ Америки шли слухи о невозможности иной развязки, кромѣ мирной; извѣ-

стія о дружеской депешѣ подтверждались. Газета, служащая органомъ лорда Пальмерстона, объявила, что англійское правительство не получало отъ американскаго никакой депеши подобнаго содержанія. Теперь, когда она обнародована, такое обманчивое отрицаніе показалось англійской публикѣ слишкомъ дурнымъ коварствомъ, и почти всѣ газеты потребовали у Morning Post объясненія. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ чрезъ свою газету, что миролюбивая депеша не была получена англійскими министрами, то есть не была оставлена у нихъ въ копіи американскимъ посланникомъ, а что онъ только прочелъ имъ ее. Такимъ образомъ, по формальному смыслу словъ, газета Пальмерстона осталась права; но относительно сущности дѣла слишкомъ ясно обнаружилось, что Пальмерстонъ, желая раздражать въ англичанахъ расположеніе къ войнѣ съ Америкою, преднамѣренно вводилъ ихъ въ ошибку объявленіемъ, опровергавшимъ справедливый слухъ о миролюбивыхъ намѣреніяхъ вашингтонскаго кабинета. Желаніе устроить войну съ Америкой доходило въ Пальмерстонѣ до того, что онъ повторилъ эту фальшь даже и въ такое время, когда она была уже слишкомъ нелѣпа. Угрожающая депеша его очень затруднила вашингтонскому кабинету исполненіе желаній, на которыя уже заранѣе соглашалось вашингтонское правительство. Оно ждало только, чтобы Англія выразила желаніе обратной выдачи захваченныхъ эмиссаровъ. Но желаніе было высказано такимъ повелительнымъ тономъ и сопровождалось такими угрожающими демонстраціями, что исполнить его теперь значило подать слишкомъ сильный поводъ къ истолкованію, оскорбительному для самолюбія Сѣверныхъ Штатовъ: ихъ правительство выдало англичанамъ захваченныхъ эмиссаровъ не потому, что находило справедливымъ это требованіе Англіи, а потому, что испугалось ея угрозъ. Линкольнъ и Сьюардъ не отступили однакожъ отъ своего прежняго рѣшенія и объявили англійскому посланнику въ Вашингтонѣ, что они просятъ его назначить время и мѣсто для передачи плѣнниковъ въ его руки. Почтовый пароходъ, съ которымъ было отправлено извѣстіе о такой развязкѣ дѣла, прибылъ въ ирландскую гавань Квинстонъ и отправилъ въ Лондонъ телеграммы. Нѣкоторыя изъ нихъ были адресованы къ банкирамъ, сообщившимъ ихъ биржѣ, и газеты напечатали, что дѣло совершенно улажено. Пальмерстонъ отличился и тутъ. Почта изъ Квинстона въ Лондонъ идетъ часовъ 16 или 18. Пальмерстонъ воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобы объявить въ Morning Post, что правительство не получало никакихъ оффиціальныхъ извѣстій о дружелюбномъ окончаніи переговоровъ, о которомъ газеты говорятъ по биржевымъ слухамъ. Лондонъ снова встревожился. Къ чему могла послужить эта вторичная продѣлка? Вѣдь Пальмерстонъ зналъ, что на другой день надобно бу-

детъ признаться ему въ неудачѣ военныхъ замысловъ на этотъ разъ.

Англійская публика была раздражена этимъ двойнымъ обманомъ. Видно, что сердились на Пальмерстона и нѣкоторые изъ его товарищей по министерству, особенно лордъ Россель, органъ котораго Daily News съ особенною точностію обнаруживалъ фальшивыя манёвры Morning Post. Нѣкоторыя газеты предсказывали отпаденіе довольно значительнаго числа отъ депутатовъ лорда Пальмерстона, который и безъ того располагаетъ въ палатѣ общинъ только большинствомъ, очень слабымъ. Дѣло еще не дошло до такого разрыва; но то вѣрно, что Пальмерстонъ сильно повредилъ себѣ излишнимъ коварствомъ. Впрочемъ онъ такой изворотливый человѣкъ, такъ умѣетъ подлаживаться подъ всѣ капризы публики, что скоро съумѣетъ возстановить свою популярность. Не что уже хуже было той бѣды, которую въ 1858 г. послѣ орсиніевскаго дѣла навлекъ онъ на себя трусостью передъ угрозами императора французовъ, требовавшаго, чтобы удалены были изъ Англіи враждебные ему эмигранты. Что же,—черезъ годъ Пальмерстонъ опять былъ первымъ министромъ и популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи.

Въ нынѣшній разъ онъ сдѣлалъ свои неудачные манёвры также по вліянію парижскаго кабинета. Мы уже говорили въ прошлый разъ, что французское правительство желало вовлечь Англію въ войну съ Америкой, чтобы получить болѣе простора въ распоряженіи европейскими дѣлами. Французскія полуоффиціальныя газеты громче англійскихъ кричали о необходимости омыть кровью обиду, нанесенную англійскому флагу. Съ такимъ же усердіемъ доказываютъ онѣ, что Англія не можетъ допускать продолженіе блокады портовъ въ Южныхъ Штатахъ и должна начать войну, чтобы открыть подвозъ хлопка, безъ котораго нечего будетъ дѣлать и ѣсть работникамъ манчестерскихъ фабрикъ. Въ этомъ случаѣ многіе хлопчато-бумажные фабриканты въ самой Англіи сначала раздѣляли мысль французскаго правительства, и Пальмерстонъ хотѣлъ угодить имъ еще больше, чѣмъ императору французовъ, когда старался устроить войну изъ простаго дѣла объ аресть эмиссаровъ.

Вопросъ о хлопкѣ дѣйствительно очень важенъ для Англіи. Нынѣшній запасъ хлопка въ ливерпульскихъ кладовыхъ еще равняется обыкновенному количеству запаса въ это время года. Но цѣна хлопка уже поднялась въ полтора раза, и если не будетъ новаго усиленнаго подвоза, къ веснѣ поднимется она еще вдвое, а къ іюлю мѣсяцу весь прежній запасъ истощится. Легко было бы пособить дѣлу, позаботившись съ прошлой весны объ увеличеніи привоза хлопка въ Англію изъ Остъ-Индіи. Хлопчатая бумага уже воздѣлывается тамъ на огромныхъ пространствахъ; населеніе готово увеличить свои плантаціи до

всякаго размѣра, лишь бы имѣть сбытъ. Годъ тому назадъ, англичане очень много говорили о томъ, что замѣнятъ американскій хлопокъ остъ-индскимъ. Въ надеждѣ на это было уже и отправлено изъ Индіи количество хлопка, гораздо большее обыкновеннаго. Но весь этотъ планъ на первый разъ рушился силою пристрастія манчестерскихъ фабрикантовъ къ американскимъ сортамъ хлопка. Не смотря на недостатокъ въ нихъ, сбыты остъ-индскаго хлопка въ Англіи не увеличивались, отпускъ изъ Индіи снова ослабѣлъ и плантаціи у индійцевъ остались пока еще не расширившимися. Дѣйствительно ли Остъ-Индія не можетъ производить такихъ высокихъ сортовъ хлопка, какъ лучшіе изъ американскихъ, — этого мы не знаемъ. Но самъ по себѣ остъ-индскій хлопокъ довольно хорошъ, въ этомъ согласны всѣ, и англійскія хлопчато-бумажныя фабрики могли бы пользоваться имъ. Всему помѣшала только рутина, которая повсюду очень упряма и не допускаетъ ничего новаго иначе какъ вслѣдствіе крайней необходимости. Почувствовавъ недостатокъ матеріала, хлопчато-бумажная фабрикація въ Англіи разстроилась и вотъ какими черными красками изображаетъ ея положеніе Times:

«Съ промышленной точки зрѣнія графство Ланкастерское составляетъ какъ будто провинцію Соединенныхъ Штатовъ. Въ Южной Америкѣ жгутъ и топятъ хлопокъ или оставляютъ его на поляхъ неубранныхъ, а Манчестеръ несетъ свою долю этого бѣдствія. Много тысячъ людей въ немъ остались вовсе безъ работы, у другихъ работы лишь на столько, чтобы не совсѣмъ стояли безъ дѣла машины и могли сами они кое-какъ таскать ноги. Фабриканты собираются въ лондонскихъ клубахъ и объявляютъ, что заперли свои фабрики. Будущее мрачно, и если Сѣверные Штаты будутъ продолжать войну съ Южными, дѣло станетъ еще гораздо хуже. Не Южная Каролина, а Ланкастерское графство подвергается блокадѣ, потому что не тамъ, а здѣсь чувствуется вредъ ея. Камни, которыми завалена чарльстонская гавань, испортили не ее, а ливерпульскую гавань».

Но что же дѣлать? — продолжаетъ Times: начинать ли войну для прекращенія блокады? Этого хотятъ многіе; Times еще не рѣшается поддерживать ихъ желанія. «Подождемъ», говоритъ онъ. — Въ самомъ дѣлѣ начинать войну съ Сѣверными Штатами для полученія хлопка изъ Южныхъ было бы самымъ нелѣпымъ безразсудствомъ. Не дурно объясняетъ это Revue des deux Mondes. Мы такъ рѣдко чувствуемъ возможность соглашаться съ этимъ достославнымъ журналомъ, вообще отличающимся самою пошлою непонятливостью, что нѣсколько странно было намъ встрѣтить въ немъ правильное сужденіе объ этомъ дѣлѣ. Статья Revue des deux Mondes еще сильнѣе Times'а говоритъ о тяжелыхъ послѣдствіяхъ отъ недостатка хлопка въ Англіи:

«Органы общественнаго мнѣнія въ Англіи очень сильно стараются изъ самолюбія скрыть національное бѣдствіе или по крайней мѣрѣ уменьшить его размѣръ. Они лишь слегка говорятъ о томъ, какъ увеличился пауперизмъ въ послѣдніе мѣсяцы и очень трудно собирать свѣдѣнія объ этомъ. А все-таки обнаруживаются грустные факты и статистическіе отчеты даютъ намъ догадываться о великости бѣдствія. Напримѣръ, уже въ началѣ ноября прошлаго года изъ 842 бумагопрядильныхъ машинъ въ манчестерскомъ округѣ только 295 работали безостановочно; 408 работали только по 5 дней, по 4, по 3 дня въ недѣлю; а 49 машинъ стояли совершенно безъ работы. Изъ 172,257 работниковъ, находившихся на этихъ заведеніяхъ, только третья часть продолжала получать полную плату; другая третья часть имѣла работу только по 4 дня въ недѣлю; около 30,000, т. е. шестая часть работниковъ были заняты только по 3 дня въ недѣлю, а 8 тысячъ оставались совершенно безъ работы. Съ той поры закрыто еще много фабрикъ, а другія еще уменьшили свое производство, такъ что теперь (въ началѣ января) работа хлопчатобумажныхъ фабрикъ уменьшилась по крайней мѣрѣ на половину противъ обыкновеннаго. Сообразно тому уменьшилась и сумма платы, получаемой работниками; обыкновенно простирается она до 24 милл. франковъ въ мѣсяцъ, а теперь понизилась до 12 милл.».

Многіе думаютъ, что если европейскія морскія державы заключатъ союзъ съ Южными Штатами и доставятъ имъ побѣду, это тяжелое положеніе англійской хлопчато-бумажной промышленности прекратится. Revue des deux Mondes опровергаетъ такую мысль. Предположимъ, говоритъ этотъ журналъ, — «предположимъ случай самый благопріятный для Южныхъ Штатовъ, что они выйдутъ изъ войны побѣдоносными, могущественными, защищенными отъ Сѣвера цѣпью таможенъ и фортификацій, могущественнымъ флотомъ и дружбою Англіи; не смотря па свое торжество, плантаторы не будутъ въ состояніи такъ много, какъ прежде, заниматься воздѣлываніемъ хлопчатой бумаги и перестанутъ быть главными поставщиками ея для Англіи. Монополія этой поставки была получена Южными Штатами Сѣверной Америки потому, что они могли продавать тюкъ хлопчатой бумаги дешевле другихъ производителей другихъ странъ, воздѣлывающихъ хлопокъ. Но если хлопокъ станетъ обходиться дороже прежняго сѣвероамериканцамъ, то по необходимости возрастетъ и продажная цѣна его, и американскіе плантаторы потеряютъ прежнюю выгоду соперничества на европейскихъ рынкахъ. А стоимость воздѣлыванія хлопка въ Америкѣ неизбѣжно возрастетъ вслѣдствіе войны. Война обременитъ производство хлопчатой бумаги добавочными издержками, отъ которыхъ оно сдѣлается убыточнымъ. Уже и до войны американскій плантаторъ

получалъ съ того хлопка лишь незначительную выгоду, а послѣ войны, какъ бы ни былъ успѣшенъ для него конецъ ея, расходы его чрезвычайно увеличатся. Если даже предположить, что негры останутся покорны попрежнему, что не нужно будетъ новыхъ издержекъ на надзоръ за ними и на ихъ наказаніе, то все-таки увеличатся расходы на ихъ прокормленіе, одежду, снабженіе ихъ орудіями труда и другими фабричными издѣліями, которыя получались прежде изъ Сѣверныхъ Штатовъ совершенно свободно, а по отдѣленіи Южныхъ Штатовъ должны будутъ оплачивать таможенными пошлинами. Кромѣ того плантаторы, составивъ отдѣльное государство, должны будутъ содержать армію, флотъ и государственную администрацію. Имъ понадобится строить зданія для правительства, платить проценты государственнаго долга, дѣлать въ мирное время расходы на приготовленіе къ наступательнымъ или оборонительнымъ войнамъ. Къ какимъ налогамъ могутъ прибѣгнуть они для покрытія этихъ расходовъ? Будучи народомъ попреимуществу земледѣльческимъ, будучи принуждены получать изъ Франціи, Англіи, Канады всѣ мануфактурные товары, — они должны будутъ открыть свои гавани свободному ввозу товаровъ съ очень легкими пошлинами. Слѣдовательно и въ мирное время придется имъ покрывать, какъ стараются они въ военное время покрывать свои расходы налогами на земледѣльческій продуктъ. Своимъ бюджетомъ они должны будутъ истощать источники своихъ доходовъ. Мало того что налоги обременятъ американскій хлопокъ и затруднятъ ему соперничество съ иностраннымъ продуктомъ, — самая перевозка хлопка станетъ гораздо дороже. Въ другихъ хлопчато-бумажныхъ странахъ, особенно въ Гиндустанѣ, пути сообщенія быстро улучшаются, а въ Южныхъ Штатахъ большая часть существующихъ дорогъ будетъ покинута за недостаткомъ локомотивовъ или за порчею рельсовъ. Шоссе и простыя дороги останутся перерѣзаны рвами и испорчены, мосты и дебаркадеры будутъ разрушаться; магазины обратятся въ казармы во время войны; на поправку и содержаніе всѣхъ этихъ сооруженій налогъ будетъ взиматься съ хлопка. Наконецъ великимъ, непреодолимымъ затрудненіемъ успѣшному воздѣлыванію бумаги въ Южныхъ Штатахъ то самое рабство, которое доселѣ казалось причиною быстраго его расширенія. Нравственные законы неизмѣнно мстятъ за свое нарушеніе, кто бы ни нарушилъ ихъ, отдѣльный ли человѣкъ или цѣлый народъ. Мы и теперь имѣемъ право спросить, не отъ рабства ли происходитъ нынѣшнее бѣдствіе Американскихъ Штатовъ, — не оттого ли, что одни изъ нихъ имѣли невольниковъ, а другіе допускали это. Слишкомъ слабые для мести, невольники не мстили своимъ владѣльцамъ, но сами владѣльцы съ ужасающимъ хладнокровіемъ губятъ теперь себя. Подвергая

своею страну военному вторженію, оставляя невоздѣланными свои поля, они изъ глубокаго мира ринулись въ ужасный рискъ междуусобія. Если ихъ дѣло, то есть дѣло рабства на время восторжествуетъ, если посрамлена будетъ совѣсть рода человѣческаго, то гибель ихъ только замедлится, а не отвратится: они безвозвратно обречены на нее сущностью своего дѣла. Для воздѣлыванія хлопка плантаторамъ нужна огромная территорія. Они безпощадно истощаютъ землю, на которой останавливаются, какъ истощаютъ безжалостною работою силы негровъ. Истощивъ землю, они бросаютъ ее и переносятъ плантацію на другое мѣсто, пока вся страна становится безплодною. Вотъ причина, по которой столь многіе плантаторы Виргиніи, Мериланда и Кентукки перестали воздѣлывать землю, занявшись выкармливаньемъ невольниковъ для южныхъ рынковъ. Тѣ рабовладѣльцы, которые не хотѣли покидать занятій сельскимъ хозяйствомъ, должны были переселяться на новыя земли. Сначала довольно было имъ земли по атлантическому прибрежью, потомъ перешли они за Аппалачскія горы; купили Луизіану и Флориду; вторглись въ великолѣпную долину Миссисипи. Они обратили всю силу Соединенныхъ Штатовъ на завоеваніе Техаса и отняли у Мехики обширную територію. Они нападали на Кубу, хотя Куба принадлежитъ такимъ же рабовладѣльцамъ, какъ они сами, и отправляли пиратовъ въ Гондурасъ и Никарагую. Захватывая земли на югѣ и западѣ, они старались захватывать земли и на сѣверѣ. Они получили отъ конгресса дозволеніе распространить невольничество въ Канзасъ и Небраску (къ счастію, это разрѣшеніе оказалось напрасно). Они получили отъ верховнаго суда власть надъ всѣмъ Сѣверомъ, когда рѣшено было, что въ свободныхъ штатахъ невольникъ точно также остается собственностью владѣльца, какъ и въ невольническихъ штатахъ. Теперь положеніе измѣнится. Выдача бѣглыхъ невольниковъ еще не отмѣнена оффиціально, но невольническая конфедерація имѣетъ границу. Она стала тѣснѣе прежней. Каковъ бы ни былъ исходъ войны, несомнѣнно то, что останутся соединены съ Сѣверомъ страны, въ которыхъ огромное большинство населенія — свободные люди: Мериландъ, Делаваръ, Колумбія, Западная Виргинія, значительная часть Миссури и Кентукки. Эта территорія, превосходящая своею величиною Францію, потеряна для невольничества. Плантаторы, ограниченные пространствомъ, меньшимъ прежняго, уже не могутъ замѣнять истощенныхъ земель новыми, и воздѣлываніе хлопка будетъ обходиться имъ все дороже и дороже. Правда, креолы новой конфедераціи, соединяющіе англо-саксонскую настойчивость съ южною страстностью, доказываютъ тем[illegible] способны дѣлать величайшія усилія для достиженія своей цѣли [illegible] ихъ отважность и переносливость уравновѣсили на время [illegible]

они падутъ въ напрасной борьбѣ противъ экономическихъ и нравственныхъ законовъ, управляющихъ обществомъ. Земля, подвергнувшаяся невольническому труду, слабѣетъ въ своемъ плодородіи и для возстановленія ея производительности нуженъ свободный трудъ. Когда великолѣпный бассейнъ Миссиссиппи и долины Аппалачскихъ горъ будутъ населены свободными людьми, снова разцвѣтутъ поля, опустошенныя рабствомъ».

Къ этимъ совершенно справедливымъ соображеніямъ надобно прибавить еще два другихъ. Въ случаѣ отдѣленія Южныхъ Штатовъ отъ Сѣверныхъ, торговля между этими двумя государствами, сдѣлавшись заграничною, конечно утратила бы часть прежней своей живости: таможня всегда служитъ задержкою, какъ бы легки ни были пошлины. Изъ этого слѣдуетъ, что отпускъ хлѣба съ Сѣвера на Югъ уменьшился бы и Южнымъ Штатамъ пришлось бы навсегда уменьшить хлопчато-бумажныя плантаціи для расширенія своего хлѣбопашества, какъ это уже и начали они дѣлать въ прошедшемъ году. Другое соображеніе приводили мы еще при самомъ началѣ войны. Мы говорили тогда что крайніе аболиціонисты Сѣвера вовсе не желаютъ удерживать Югъ въ государственной связи съ Сѣверомъ, а напротивъ самымъ выгоднымъ для своей цѣли рѣшеніемъ считаютъ признаніе независимости Южной конфедераціи. Какъ только была бы установлена граница между двумя государствами, невольники пограничной полосы Юга стали бы убѣгать въ Сѣверное государство, и пограничнымъ плантаторамъ не оставалось бы другаго средства сохранить свою черную собственность, какъ передвинуться съ нею подальше отъ границы на югъ. Такимъ образомъ пограничные южные штаты быстро очистились бы отъ невольничества и присоединились бы къ Сѣверному свободному государству. Граница невольничества постоянно подвигалась бы на югъ и съ каждою новою пограничною полосою происходило бы то же самое. Такимъ образомъ постоянно уменьшались бы и пространство и производительная сила невольческихъ штатовъ, быстро уменьшался бы и сборъ хлопка, если его воздѣлываніе основывается на невольническомъ трудѣ.

Все это было бы самой благопріятной для аболиціонистовъ развязкой дѣла. Потому люди проницательные давно уже поняли, что попыткою отдѣлиться отъ Сѣвера Югъ самъ ускорилъ отмѣненіе невольничества на всемъ пространствѣ прежняго Союза и что невозможно разсчитывать на полученіе изъ Америки прежняго количества хлопчатой бумаги, воздѣланной невольническимъ трудомъ.

Но и по этому вопросу, какъ всегда по всякимъ дѣламъ, число людей дальновидныхъ довольно незначительно по сравненію съ боль-

шинствомъ, довольствующимся самымъ поверхностнымъ взглядомъ на дѣло. И вотъ въ Англіи, какъ мы уже говорили, господствуетъ напрасное ожиданіе, что лишь бы прекратилась блокада южныхъ портовъ, привозъ хлопка изъ Америки пойдетъ попрежнему. Раздѣляетъ или не раздѣляетъ Пальмерстонъ эту ошибочную надежду, но во всякомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто самъ питаетъ ее. Не имѣя никакихъ прочныхъ принциповъ, онъ всегда основывалъ свой успѣхъ на угожденіи всякому мимолетному капризу общественнаго мнѣнія, искалъ популярности не въ томъ, чтобы заслуживать солидную славу реформами, достойными государственнаго человѣка, а въ томъ, чтобы служить олицетвореніемъ всѣхъ слабостей и заблужденій англійской публики. Его желаніе польстить ей въ дѣлѣ объ арестѣ южныхъ эмиссаровъ уже обошлось англійскому народу довольно дорого: отправка войскъ въ Канаду и вооруженіе эскадръ для угрозы американскому берегу поглотило до 4 милл. фунтовъ. Деньги эти брошены совершенно на вѣтеръ; а между тѣмъ уже одна эта сумма, составляющая по всей вѣроятности только первую статью цѣлаго ряда задуманныхъ Пальмерстономъ подобныхъ расходовъ, была бы почти достаточна на открытіе всего недочета рабочей платы у страдающихъ работниковъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ.

Мы сказали, что Пальмерстонъ думаетъ продолжать свои убыточныя демонстраціи противъ Сѣверныхъ Штатовъ. Дѣйствительно, едва успѣло кончиться дѣло объ эмиссарахъ, какъ газеты лорда Пальмерстона начали убѣждать публику въ существованіи новыхъ поводовъ къ непріятностямъ съ вашингтонскимъ правительствомъ. Очень много шума надѣлали онѣ криками объ опасности, которой подвергается Канада. Въ Сѣверныхъ Штатахъ всегда господствовало мнѣніе, что Канада недолго захочетъ оставаться англійскою колоніею. Когда Пальмерстонъ сталъ грозить войною американцамъ, нѣкоторыя вашингтонскія и ньюйоркскія газеты начали восторженно кричать, что сама Англія приглашаетъ Сѣвероамериканскій Союзъ къ пріобрѣтенію Канады: надобно поскорѣе заключить миръ съ южными штатами и обѣ арміи соединившись двинутся черезъ рѣку св. Лаврентія на завоеваніе англійскихъ владѣній въ Америкѣ. Эти слова были выставляемы за выраженіе мыслей всего населенія Сѣверныхъ Штатовъ. Обманъ былъ очень грубъ: газеты, кричавшія о завоеваніи Канады, были органы сѣверныхъ союзниковъ плантаторской партіи. Они точно такъ же стремятся возбудить войну между Англіею и Америкою, какъ лордъ Пальмерстонъ ищетъ популярности угрозами противъ Америки. Они, какъ мы уже много разъ замѣчали, разсчитываютъ, что иностранная война заставила бы Сѣверъ согласиться на всѣ усло-

нія, какія захотятъ продиктовать ему плантаторы. Но теперь эта партія на Сѣверѣ безсильна, а всѣ три партіи, раздѣляющія между собою вліяніе на дѣла, не могутъ имѣть и мысли о насильственномъ завладѣніи Канадою. Умѣренные демократы, умѣренные республиканцы и аболиціонисты никогда не представляли себѣ присоединеніе Канады къ Соединеннымъ Штатамъ иначе, какъ слѣдствіемъ желанія самой Канады. Въ ея жителяхъ постоянно была мысль слиться съ Соединенными Штатами, и они удерживались отъ ея исполненія только двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, сами они не были еще такъ сильны, чтобы Англія безпрекословно приняла ихъ отзывъ, если бы они сказали, что слагаютъ съ себя зависимость отъ нея. Во-вторыхъ, жителямъ Канады, имѣющимъ совершенно европейское или аболиціонистское отвращеніе отъ невольничества, было бы противно и унизительно входить въ составъ государства, признающаго существованіе невольничества въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Первое обстоятельство, опасеніе тяжелой борьбы съ Англіею—быстро отстраняется возрастаніемъ могущества Канады. На устраненіе втораго препятствія, т. е. невольничества, надѣются аболиціонисты, и даже умѣренные республиканцы. Вотъ въ какомъ смыслѣ говорятъ жители Сѣверныхъ Штатовъ о соединеніи съ Канадою, въ смыслѣ добровольнаго влеченія обѣихъ сторонъ къ соединенію. Но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ Канада не имѣетъ ни малѣйшаго желанія вступить въ составъ Соединенныхъ Штатовъ: она не хочетъ подвергаться тяжелымъ жертвамъ борьбы съ Югомъ. Потому она стала вооружаться для защиты своихъ границъ, когда возникло опасеніе войны между Англіею и Соединенными Штатами. Пока внутреннія дѣла Соединенныхъ Штатовъ уладятся, ей выгоднѣе держаться въ сторонѣ отъ нихъ. Этимъ расположеніемъ умовъ въ Канадѣ отстранялась для Англіи всякая опасность потерять свои сѣверо-американскія владѣнія въ нынѣшнее время: завоевывать Канаду Соединенные Штаты никогда не думали и не могутъ. Крики объ этомъ, поднятые въ Англіи, были совершенно напрасны.

Но они все-таки имѣли хотя наружную благовидность. Даже и этого лишенъ былъ шумъ, поднятый лордомъ Пальмерстономъ по случаю заваленія камнями одного изъ фарватеровъ Чарльстонской гавани.

Читатель знаетъ, что Чарльстонъ былъ первымъ центромъ возстанія; онъ увлекъ за собою Южную Каролину, Южная Каролина увлекла за собою другіе южные штаты. Понятно, что изъ всѣхъ южныхъ городовъ Чарльстонъ наиболѣе ненавистенъ Сѣвернымъ Штатамъ. Есть и другое обстоятельство. Чарльстонъ — самая важная гавань

Южныхъ Штатовъ на атлантическомъ берегу. По обѣимъ этимъ причинамъ Сѣвернымъ Штатамъ нужно было блокировать Чарльстонъ самымъ строгимъ образомъ. Но дѣло это затруднялось многочисленностью фарватеровъ; особенно неудобно было наблюдать за однимъ изъ нихъ, самымъ широкимъ. Сѣверные Штаты прибѣгли къ способу, новому въ исторіи морскихъ войнъ. Они нагрузили каменьями 16 старыхъ купеческихъ судовъ и затопили ихъ въ три ряда поперекъ фарватера, который труденъ былъ для блокады. Что тутъ неслыханно жестокаго? Новость дѣла состояла только въ томъ, что оно совершено противъ гавани непріятелемъ съ цѣлію усилить блокаду, а точно такъ же перегораживались фарватеры затопленными кораблями уже много разъ самими защитниками гаваней, чтобы не допустить къ нимъ непріятеля. Такъ поступили, напримѣръ, мы съ Севастопольскою бухтою. Ни англичане, ни французы не называли тогда насъ врагами рода человѣческаго и нарушителями законовъ природы за это дѣло. А если нѣтъ ничего ненатуральнаго, когда сами владѣльцы гавани на время портятъ ее по военной надобности, то еще менѣе можно претендовать за это на непріятелей. Но Пальмерстонъ, въ согласіи съ французскимъ кабинетомъ, захотѣлъ искать тутъ новаго предлога для ссоры съ Сѣверными Штатами. Затопленіе Чарльстонскаго фарватера было объявлено варварствомъ, какого не видѣлъ міръ со времени Чингизхана. Хладнокровныя газеты замѣчали на это: но вѣдь если бы сѣверный флотъ бомбардировалъ Чарльстонъ, сжегъ его до тла и погубилъ жителей подъ развалинами домовъ, тутъ не было бы ничего противнаго законамъ цивилизованной войны; какимъ же образомъ слишкомъ уже безчеловѣчно то, что, нисколько не портя ни одного дома въ городѣ, не подвергая опасности ни одного изъ жителей, отнимаютъ у этого города на время морскую торговлю? Пройдетъ война и фарватеръ будетъ очищенъ, только и всего. Конечно очищеніе фарватера будетъ стоить чарльстонцамъ довольно много денегъ; но неужели не дозволительно подвергать непріятеля денежнымъ расходамъ?

Не знаемъ, какіе новые предлоги къ ссорѣ съ Сѣверными Штатами найдутъ лордъ Пальмерстонъ и французскій кабинетъ. Теперь они какъ будто остановились на этомъ пути. Органы лорда Пальмерстона въ послѣднее время стали говорить, что Англія желаетъ сохранять строгій нейтралитетъ; императоръ французовъ, въ рѣчи при открытіи законодательнаго корпуса, сказалъ то же самое. Эта перемѣна произошла очевиднымъ образомъ оттого, что западныя морскія державы поколебались въ прежнемъ своемъ мнѣніи о непобѣдимости Южныхъ Штатовъ. Не знаемъ, до какой степени оправдается фак-

тами предположеніе, что Южные Штаты скоро увидятъ невозможность продолжать борьбу; но въ концѣ января, когда мы пишемъ эти строки, господствовало такое ожиданіе въ Европѣ. Прежнее сомнѣніе въ достаточности силъ Сѣверныхъ Штатовъ для побѣды надъ Югомъ распространялось въ европейской публикѣ больше всего письмами вашингтонскаго корреспондента Times'а, который, подобно самому Times'у, враждебенъ дѣлу Сѣверныхъ Штатовъ. Но въ половинѣ января даже онъ увидѣлъ надобность измѣнить свои предсказанія о непобѣдимости Юга. «Я никогда не сомнѣвался (сталъ говорить онъ теперь), что громадное преимущество матеріальныхъ и нравственныхъ силъ Сѣвера обезпечиваетъ ему скорую и рѣшительную побѣду; это всегда было видно,» — жаль, что въ теченіе всего прошлаго года онъ старался скрыть это. «Лишь бы хотѣли Сѣверные Штаты вести борьбу до конца, исходъ ея неизбѣжно будетъ въ ихъ пользу», продолжаетъ онъ. Но ему все-таки хочется поддержать въ англійской публикѣ мнѣніе, что Сѣверъ не достигнетъ своей цѣли, что война останется напрасною и что потому Европа должна вмѣшаться въ нее, помочь Южнымъ Штатамъ. Съ этою цѣлью онъ пріискиваетъ новый поводъ къ сомнѣніямъ въ возможности успѣха Сѣверныхъ Штатовъ. И самъ Times, раздѣляющій желаніе своего корреспондента, началъ ежедневно развивать его мысль. Она относится уже не къ военной, а къ финансовой сторонѣ дѣла. Война стоитъ Сѣверу очень дорого, — по приблизительному разсчету, военныя издержки его составляютъ около милліона долларовъ (болѣе милліона руб. сер.) въ день. На первое время успѣвали покрывать этотъ громадный расходъ займами безъ установленія налоговъ, спеціально назначенныхъ на военные расходы и на уплату процентовъ по военнымъ займамъ. Деньги давались ньюйоркскими, филадельфійскими и бостонскими банками. Давъ болѣе 100 милл. долларовъ золотомъ государственному казначейству, банки эти въ концѣ прошлаго года увидѣли наконецъ, что запасы звонкой монеты въ ихъ кассахъ начинаютъ истощаться, и дали своимъ директорамъ право остановить размѣнъ своихъ билетовъ на золото, когда это будетъ нужно. Ровно ничего особеннаго тутъ нѣтъ: такъ дѣлается во всѣхъ государствахъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ серьёзной войны; такъ сдѣлано было и англійскимъ банкомъ во время войнъ съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Правительство Сѣверныхъ Штатовъ знало, что займы звонкой монеты изъ банковъ годятся только на первое время войны, а для ея продолженія надобно будетъ прибѣгнуть къ другимъ источникамъ, и обратилось къ нимъ. Конгрессъ установилъ военные налоги суммою до 150 милл. долларовъ (200 милл. руб. сер.) и готовъ

установить еще новые налоги въ такую же сумму, если понадобится. Эта надобность можетъ явиться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а теперь пока кажутся достаточными уже установленные налоги, часть которыхъ пойдетъ на военныя издержки, а другая послужитъ обезпеченіемъ процентовъ по заключаемымъ долгамъ и постепеннаго ихъ выкупа. Первый изъ новыхъ долговъ рѣшено сдѣлать посредствомъ замѣны нѣкоторой части кредитныхъ билетовъ частныхъ банковъ кредитными билетами, выпускаемыми отъ правительства. Ровно никакой перемѣны въ денежной системѣ по отношенію къ публикѣ тутъ не будетъ: какъ и всякая коммерческая страна, Соединенные Штаты чувствовали надобность, чтобы кромѣ звонкой монеты находились въ обращеніи у нихъ бумажныя деньги, и бумажныя деньги съ самаго начала республики существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ существуютъ въ самой Англіи. До сихъ поръ они выпускались частными банками, теперь частные банки обязываются обмѣнять часть своихъ кредитныхъ билетовъ на билеты, выпускаемые правительствомъ, — въ родѣ того, какъ англійскіе частные банки и банкиры обязаны принимать билеты англійскаго банка наравнѣ съ звонкою монетою. Что тутъ особенно страшнаго? Иное дѣло, если бы количество кредитныхъ билетовъ, обращающихся въ Соединенныхъ Штатахъ, увеличилось чрезъ этотъ обмѣнъ; тогда можно было бы Times'у говорить объ опасности упадка цѣнности бумажныхъ денегъ въ Соединенныхъ Штатахъ и т. п. Но количество бумажныхъ денегъ вовсе не увеличивается: частные банки вынимаютъ изъ обращенія ровно такую же сумму своихъ билетовъ, какую выпускаетъ правительство. Этотъ оборотъ, вмѣстѣ съ установленными налогами, даетъ Сѣвернымъ Штатамъ финансовыя средства на покрытіе военныхъ издержекъ до конца нынѣшняго года; а по мнѣнію многихъ, Южные Штаты должны будутъ покориться раньше этого срока. Но еслибъ случилось не такъ, еслибы война продлилась долѣе, финансовое положеніе Сѣверныхъ Штатовъ не представляло бы ничего ужаснаго. Вопросъ не въ томъ, найдутся ли у нихъ средства на веденіе войны, а только въ томъ, какая партія одержитъ верхъ въ вашингтонскомъ конгрессѣ: та, которая стремится покончить войну не иначе какъ освобожденіемъ невольниковъ, или та, которая хочетъ покончить войну какимъ бы то ни было образомъ, лишь бы поскорѣе покончить ее.

Въ конгрессѣ, который точнѣе всѣхъ другихъ органовъ правительственной власти служитъ представителемъ общественнаго мнѣнія, постоянно усиливается партія аболиціонистовъ; палата представителей и сенатъ уже начинаютъ исполнять нѣкоторыя, на первый разъ еще маловажныя, части ея програмы. Такъ, напримѣръ, рѣшено

уничтожить невольничество въ столицѣ сѣвернаго союза—Вашингтонѣ и въ округѣ этого города, называющемся Колумбіею и находящемся подъ непосредственнымъ управленіемъ союзнаго правительства. На выкупъ невольниковъ въ этомъ небольшомъ округѣ конгрессъ назначилъ милліонъ долларовъ. Теперь идутъ въ конгрессѣ пренія о существеннѣйшей части плана аболиціонистовъ: по мѣрѣ того, какъ сѣверныя войска будутъ подвигаться на югъ, во всѣхъ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ должно быть по плану аболиціонистовъ провозглашаемо освобожденіе невольниковъ съ выдачею вознагражденія тѣмъ владѣльцамъ, которые оставались вѣрны Союзу, а владѣльцы, участвовавшіе въ возстаніи, должны быть оставляемы безъ всякаго вознагражденія. Этотъ проэктъ былъ отсрочиваемъ уже нѣсколько разъ въ нынѣшней сессіи конгресса, да и въ настоящую минуту аболиціонисты еще не имѣютъ силы провести его; но при каждомъ возобновленіи преній возрастало число голосовъ, подаваемыхъ за это предложеніе, и если война протянется, оно восторжествуетъ.

Но совершенно иное направленіе обнаруживается въ дѣйствіяхъ президента и министерства. Видя быстрое возрастаніе крайней партіи въ конгрессѣ, исполнительная власть страется по возможности задерживать развитіе событій въ аболиціонистскомъ духѣ и сближается съ демократическою партіею, желающею щадить интересы плантаторовъ. Разумѣется, тутъ рѣчь идетъ не о сочувствіи Линкольна и Сьюарда къ плантаторамъ: президентъ и первый министръ также желаютъ уничтоженія невольничества; но они думаютъ, что прежде всего надобно заботиться о прекращеніи войны; принятіе аболиціонистской программы укрѣпило бы отчаянную рѣшимость южныхъ плантаторовъ, отняло бы у нихъ всякую охоту покориться, а этимъ продлилась бы война, если бы противъ крайней энергіи отчаявшихся плантаторовъ не были приняты столь же крайнія мѣры: формированье партизанскихъ отрядовъ изъ свободныхъ негровъ Сѣвера, стремящихся идти на югъ, и призывъ южныхъ невольниковъ къ оружію. Едва ли можно будетъ избѣжать Линкольну этихъ рѣшительныхъ мѣръ, если война продлится; но онъ не желалъ бы принимать ихъ, потому что онѣ подвергнутъ слишкомъ большимъ опасностямъ бѣлое населеніе южныхъ плантацій. Вотъ почему сѣверное правительство до сихъ поръ не допускаетъ рѣшительныхъ людей стать во главѣ военныхъ дѣйствій и даже смѣняетъ тѣхъ прежнихъ генераловъ и сановниковъ, которые обнаруживаютъ въ себѣ аболиціонистскій духъ. Такъ была дана, мѣсяца три тому назадъ, отставка генералу Фримонту, командовавшему войсками въ Миссури. Послѣ того, также за аболиціонизмъ, получилъ отставку командиръ другаго корпуса западныхъ войскъ, Эн-

гель; наконецъ въ половинѣ января также за аболиціонизмъ получилъ отставку военный министръ Камеронъ и на мѣсто его назначенъ демократъ Стантонъ; говорятъ, что скоро будутъ удалены еще нѣкоторые министры, раздѣляющіе образъ мыслей Камерона, и также замѣщены людьми болѣе снисходительными къ рабовладѣльцамъ.

Разумѣется, умѣренная республиканская партія, сохраняющая господство въ кабинетѣ Линкольна, дѣлаетъ эти пожертвованія неохотно: она понимаетъ, что они вредны для веденія войны. Фримонтъ пользовался огромною популярностью въ западныхъ штатахъ и ихъ войскахъ, а Зигелемъ, нѣмцемъ, чрезвычайно гордилась нѣмецкая часть населенія Соединенныхъ Штатовъ, выставившая очень много волонтеровъ. Но умѣренные республиканцы до сихъ поръ хотѣли дѣйствовать противъ Юга не столько фактическими ударами, сколько моральнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ огромностью силъ, собранныхъ Сѣверомъ. Умѣренные республиканцы хотѣли бы не то что побѣдить Югъ, а только склонить его къ тому, чтобы онъ смирился. Потому генералы, возбуждающіе энтузіазмъ въ войскахъ, казались сѣверному правительству несоотвѣтствующими его планамъ. Напримѣръ, и Макъ-Клелланъ, сдѣланный главнокомандующимъ, принадлежитъ людямъ, желающимъ вести войну съ наивозможною пощадою для Юга. Мы уже говорили объ этихъ отношеніяхъ, мѣсяца три или четыре тому назадъ. Ходъ событій подтверждаетъ замѣчанія, сдѣланныя нами тогда. По мѣрѣ того, какъ война длится, усиливается крайняя партія, желающая воспользоваться ею для немедленнаго уничтоженія невольничества. Эта партія уже овладѣваетъ конгрессомъ, а президенту уже надобно смѣщать генераловъ и министровъ, чтобы она не овладѣла веденіемъ войны. До сихъ поръ умѣреннымъ республиканцамъ, дѣйствующимъ чрезъ президента, еще можно было сохранять свое господство надъ гражданскою и военною администраціею, и отъ этого происходитъ нѣкоторая холодность между конгрессомъ и болѣе умѣренными органами исполнительной власти.

Люди, не знающіе быта Сѣверныхъ Штатовъ, воображаютъ, что несогласіе главнокомандующаго съ мнѣніями, достигающими сильнаго вліянія на конгрессъ, можетъ грозить опасностью законному устройству вашингтонскаго Союза. Они подозрѣваютъ Макъ-Клеллана въ честолюбивыхъ замыслахъ и готовы предсказывать, что изъ него выйдетъ Наполеонъ I. Этому превращенію мѣшаютъ только два обстоятельства. Во-первыхъ, Макъ-Клелланъ не одержалъ еще такихъ блистательныхъ побѣдъ, какія дали Наполеону возможность захватить диктатуру; во-вторыхъ, когда онъ одержитъ какія угодно побѣды, американцы припишутъ почти всю заслугу тутъ самимъ себѣ, массѣ войска,

массѣ всего народа, а не силѣ одного человѣка. У нихъ уже такая привычка считать отдѣльнаго человѣка существомъ не богъ-знаетъ-какимъ важнымъ въ отдѣльности отъ общества, которое даетъ ему и матеріальныя и нравственныя силы ко всему хорошему или блестящему, что онъ сдѣлаетъ. Они—народъ впечатлительный, любящій шумныя сцены; потому они готовы устроивать восторженныя оваціи тому или другому лицу, которое отличится чѣмъ нибудь; но устроиваютъ это, шумятъ, и кричатъ они не столько въ честь ему, сколько въ свое удовольствіе и ни на минуту не забываютъ, что прославляемый герой ни больше, ни меньше, какъ ихъ собственное созданіе, и всю важность свою получилъ лишь отъ того, что имъ вздумалось сдѣлать его своимъ любимцемъ. Если же хоть немного покажется имъ, что онъ приписываетъ себѣ важность, независимую отъ нихъ, они бросаютъ его и онъ возвращается въ ничтожество.

На эти замѣчанія мы вызваны появляющимися въ газетахъ разсужденіями, будто бы война можетъ породить въ Сѣверныхъ Штатахъ серьёзную диктатуру. А если бы не вздумали другіе толковать объ этой мнимой опасности, разумѣется мы и не коснулись бы предмета, совершенно не идущаго къ нынѣшнему положенію дѣлъ въ Сѣверной Америкѣ. Дѣло теперь не о томъ, какую роль будетъ играть какой нибудь генералъ, прославившійся необыкновенными побѣдами,— вѣдь и побѣдъ еще никакихъ не было; наша рѣчь должна идти о томъ, въ какомъ положеніи находится война, до сихъ поръ ограничивавшаяся почти только одними приготовленіями къ будущимъ сраженіямъ.

Югъ давно уже вывелъ въ поле всѣ силы, которыми могъ располагать, а Сѣверъ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличиваетъ силу своихъ армій. По отчету, представленному военнымъ министромъ при началѣ засѣданій конгресса, въ началѣ декабря Сѣверные Штаты имѣли въ своихъ арміяхъ до 665 тысячъ войска. Послѣ того попрежнему формировались все новые полки, такъ-что численность дѣйствующихъ армій не увеличивалась только потому, что правительство не находило въ томъ нужды. Новые волонтеры были оставляемы въ резервахъ на случай надобности. — Южныя арміи имѣютъ отъ 300 до 400 тысячъ солдатъ. Убѣдившись въ превосходныхъ силахъ непріятеля, южные генералы ограничивались оборонительною системою дѣйствій. Сѣверные генералы не могли начать въ прошломъ году наступательныхъ дѣйствій потому, что должны были заниматься обученіемъ своихъ волонтеровъ. Теперь по ихъ мнѣнію войска приготовлены достаточнымъ образомъ и надобно съ каждымъ днемъ ждать наступленія. Оно должно начаться съ фланговъ и съ тыла главной

арміи Южныхъ Штатовъ, расположенной по южному берегу Потомака. Съ праваго фланга двинутся на нее отряды, которые будутъ перевезены моремъ на атлантическое прибрежье Южныхъ Штатовъ. Одинъ такой корпусъ подъ командою Бёрнсайда уже высадился на виргинскомъ берегу. Вслѣдъ за нимъ будутъ отправлены другіе корпуса, если этотъ первый окажется недостаточно силенъ. Съ тыла главной арміи Южныхъ Штатовъ дѣйствуетъ корпусъ, высадившійся близь Чарльстона въ порт-рояльской бухтѣ. Полагаютъ, что другіе корпуса будутъ посланы на прибрежье Мехиканскаго Залива. Съ лѣваго фланга южной арміи дѣйствуютъ также нѣсколько отрядовъ, одинъ изъ которыхъ началъ спускаться по Миссиссипи. Другіе пойдутъ сухимъ путемъ черезъ Миссури и Кентукки на югъ. Одинъ изъ нихъ уже одержалъ (въ Кентукки) значительную побѣду надъ сепаратистами, какъ мы знаемъ изъ телеграфическихъ депешъ. Степень важности этого дѣла мы еще не можемъ опредѣлить, не имѣя болѣе подробныхъ извѣстій о немъ. Эти диверсіи съ востока, юга и запада должны по мнѣнію сѣверныхъ генераловъ заставить Южное правительство отдѣлить изъ главной сепаратистской арміи много войскъ на защиту прибрежныхъ и западныхъ границъ южной конфедераціи, и нѣкоторые думаютъ, что главная армія инсургентовъ, будучи ослаблена отдѣленіемъ отрядовъ, будетъ отступать къ Ричмонду, не отваживаясь на сраженіе. У нѣкоторыхъ сѣверныхъ газетъ надежды еще значительнѣе: онѣ полагаютъ, что сѣверныя войска, высадившіяся на виргинскомъ берегу, отрѣжутъ отступленіе главной арміи инсургентовъ, такъ что она будетъ окружена и разсѣется или положитъ оружіе. Разумѣется, это — догадка, основанная пока только на желаніи видѣть такой исходъ дѣлъ. Вѣрно только то, что сѣверное правительство думаетъ на дняхъ начать общее наступленіе всѣми своими силами и что къ веснѣ надобно ждать рѣшительныхъ дѣйствій.

Но пока силы американскаго народа заняты борьбою съ южными плантаторами, западно-европейскія державы пользуются для вмѣшательства въ американскія дѣла временною невозможностью вашингтонскаго правительства устранять европейское вмѣшательство изъ другихъ частей американскаго материка. Попытки подобнаго рода начались при самомъ же началѣ междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ. Испанцы устроили заговоръ въ Доминиканской республикѣ, занимающей ту часть острова Санъ-Доминго, которая прежде была подвластна Испаніи. Генералъ-губернаторъ острова Кубы снарядилъ экспедицію; когда она была готова, заговорщики объявили, что жители Доминиканской республики желаютъ возстановить надъ собою испанскую власть, при которой будетъ имъ лучше, нежели то-

перь; испанскія войска высадились на берегъ по ихъ призыву, овладѣли нѣсколькими крѣпостями, захваченными врасплохъ, и переворотъ былъ совершенъ. Мы не упоминали о немъ, потому что онъ не имѣлъ особенной важности, если бы на томъ и остановилось дѣло. Но первый успѣхъ ободрилъ западныя морскія державы, и теперь ихъ вмѣшательство въ американскія дѣла уже получаетъ съ мехиканской экспедиціей такіе размѣры, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія.

Формальный предлогъ къ мехиканской экспедиціи состоитъ въ томъ, что Мехика не платила процентовъ по своимъ долгамъ. Большая часть этихъ облигацій находится въ рукахъ англичанъ; довольно много ихъ и у французовъ. Вотъ затѣмъ, чтобы заставить Мехику платить проценты, и снаряжена экспедиція изъ англійскихъ и французскихъ кораблей и войскъ. Зачѣмъ тутъ примѣшались испанскіе корабли и войска, это совершенно неизвѣстно. Но какъ бы то ни было, Испанія приняла самое горячее участіе въ экспедиціи, и ея эскарда даже опередила эскадры двухъ другихъ союзниковъ. Еслибы дѣло шло только о взысканіи процентовъ, экспедицію надобно было бы назвать предпріятіемъ неразсчетливымъ: навѣрное она будетъ стоить англичанамъ гораздо большихъ денегъ, чѣмъ сколько составляютъ всѣ долги мехиканскаго правительства англійскимъ капиталистамъ. О долгахъ его французамъ нечего и говорить: они, безъ сомнѣнія, въ двадцать разъ меньше издержекъ Франціи на экспедицію для ихъ взысканія. Потому разсудительные люди въ Англіи и Франціи говорили своимъ правительствамъ: если вамъ ужь такъ жалко кредиторовъ, теряющихъ свои деньги, то лучше прямо вознаградите ихъ за потерю; это обойдется намъ дешевле, чѣмъ вести войну съ Мехикою для взысканія долговъ. Но занимательнѣйшая сторона дѣла состоитъ въ томъ, что войну для наказанія мехиканцевъ за неисправность платежей Англія и Франція начали какъ разъ въ то самое время, когда въ Мехикѣ установилось правительство, способное и хотящее быть исправнымъ передъ кредиторами; а пока не было надежды на появленіе такого правительства въ Мехикѣ, пока кредиторы дѣйствительно не могли имѣть надежды на полученіе процентовъ, никто заступаться за нихъ не хотѣлъ. Это исторія такого рода.

Съ незапамятныхъ временъ буйствовала въ Мехикѣ такъ-называемая клерикальная партія, которая имѣла на своей сторонѣ полудикія племена, образовавшіяся изъ смѣшенія испанцевъ съ индійцами; изъ этихъ дикарей она набирала армію, которая всегда готова была грабить и рѣзать въ честь клерикаловъ. Повременамъ народъ, выведенный изъ терпѣнія грабительствами, вооружался противъ этихъ бандитовъ, прогонялъ ихъ въ пустыни, но до послѣдняго времени не

имѣлъ столько благоразумія и стойкости, чтобы прочно обезопасить себя отъ ихъ нападеній. Призываемые клерикалами бандиты пользовались первою оплошностью мирнаго населенія, чтобы снова явиться, низвергнуть правильную администрацію, поставить надъ Мехикою правителя изъ подобныхъ себѣ молодцовъ. Послѣднимъ изъ этихъ клерикальныхъ правителей былъ Мирамонъ. Нѣсколько лѣтъ шла борьба мирныхъ гражданъ противъ его разбойническихъ шаекъ; наконецъ, съ годъ тому назадъ, бандиты были окончательно побѣждены, и Мирамонъ бѣжалъ. Вотъ, когда онъ и подобные ему предводители шаекъ господствовали надъ Мехикою, она, конечно, не платила процентовъ по долгамъ. Но западныя морскія державы нимало не претендовали за то на Мирамона; напротивъ, они даже поддерживали его въ борьбѣ со всѣми честными гражданами. Теперь, когда имъ показалось, что времена прежнихъ разбойническихъ смутъ покончились въ Мехикѣ, что законное правительство установилось прочно, западныя морскія державы двинули войска противъ этого правительства, которое само прямо говорило о твердомъ своемъ намѣреніи удовлетворить претензіи кредиторовъ. Эта механская экспедиція не можетъ быть понята иначе, какъ въ смыслѣ удивительнѣйшаго примѣра макіавеллевской политики: надобно мѣшать устройству дѣлъ у другихъ народовъ, чтобы держать ихъ въ безсиліи и въ зависимости отъ себя. Разумѣется, никакъ не рѣшились бы Англія, Франція и Испанія на такое странное дѣло, если бы не видѣли, что Соединенные Штаты слишкомъ заняты внутренними смутами.

Когда приготовлялась тройственная экспедиція, участвовавшія въ ней державы увѣряли, что нимало не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Мехики и думаютъ только вытребовать у нея гарантіи для исправнаго платежа процентовъ. Теперь, какъ извѣстно читателю, открывается не то: союзники предполагаютъ завоевать Мехику и отдать ее одному изъ европейскихъ принцевъ,—чаще всего этимъ кандидатомъ называютъ одного изъ австрійскихъ эрцъ-герцоговъ,—чтобы онъ сдѣлался механскимъ королемъ. Если положить, что это будетъ пріятно и выгодно для династіи, членъ которой получитъ власть надъ Мехикой, все-таки остается непонятнымъ, изъ-за чего же тратятъ деньги и губятъ тысячи своихъ солдатъ три державы, бьющіяся для достиженія такой цѣли. Вѣдь онѣ, какъ мы читаемъ, даже условились не представлять кандидатомъ на механскій престолъ никакого принца изъ своихъ династій, чтобы не возбуждать между собою зависти и споровъ, и быть чистыми предъ лицомъ всего человѣчества отъ подозрѣній въ честолюбивыхъ или своекорыстныхъ замыслахъ. Изъ-за чего же онѣ бьются? . . . .

Изъ-за чего бьются, этого нельзя понять; но для чего онѣ занялись мехиканскимъ дѣломъ, это видно. Онѣ хотятъ утвердить свое вліяніе въ южной части сѣверо-американскаго материка; онѣ хотятъ все испытывать, до какой степени ослаблены Соединенные Штаты во внѣшнихъ дѣлахъ междоусобною войною. Соединенные Штаты не могли протестовать противъ экспедиціи, которой не допустили бы въ другое время, и вновь ободренные этимъ доказательствомъ желанія Соединенныхъ Штатовъ уклониться отъ внѣшней войны, лордъ Пальмерстонъ и тюльерійскій кабинетъ возобновляютъ рѣчь о союзѣ съ Южными Штатами противъ Сѣверныхъ. Въ рѣчи своей, при открытіи засѣданій законодательнаго корпуса, императоръ французовъ говорилъ о намѣреніи своемъ сохранять нейтралитетъ. Но тотчасъ же въ полуоффиціальныхъ французскихъ газетахъ явились комментаріи, что Франція намѣрена соблюдать нейтралитетъ только въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. эти три мѣсяца даются Сѣвернымъ Штатамъ на испытаніе ихъ силъ. Если къ веснѣ они не кончатъ войны, это значитъ, что они взялись за войну безразсудно, и обязанностью западныхъ морскихъ державъ будетъ прекратить раздоръ принужденіемъ Сѣверныхъ Штатовъ признать независимость Южной конфедераціи. Этого необходимо требуютъ интересы хлопчато-бумажной промышленности въ Англіи и Франціи.

Разумѣется, дѣло это зависитъ не отъ Франціи, а отъ Англіи, и въ Англіи собственно отъ манчестерскихъ фабрикантовъ. Полгода тому назадъ, между ними господствовало мнѣніе, что для нихъ полезно было бы вооруженною рукою снять блокаду южныхъ портовъ, и въ угожденіе этому прежнему расположенію дѣйствовалъ Пальмерстонъ, когда искалъ ссоры съ Америкою. Но теперь манчестерскіе фабриканты повидимому стали думать иначе. По крайней мѣрѣ вотъ какое письмо напечаталъ одинъ изъ нихъ въ Daily News по поводу рѣчи, произнесенной однимъ изъ представителей Манчестера въ палатѣ общинъ, партизаномъ Пальмерстона, Масси.

«Г. Масси повидимому поддерживаетъ партію, которая хочетъ возбудить войну съ Соединенными Штатами изъ состраданія къ бѣдствіямъ хлопчато-бумажной промышленности въ Англіи и во Франціи. Я полагаю, что изъ 20 фабрикантовъ, 19 согласятся со мною, когда я скажу вамъ, что мы не хотимъ помощи, которую предлагаетъ намъ г. Масси; она была бы слишкомъ дорога и напрасна. Если бы война и могла доставить намъ хлопокъ, она подняла бы его цѣну до такой высоты, при которой уничтожилась бы вся наша промышленность. Если бы война и могла открыть гавани Южныхъ Штатовъ, мы должны были

бы платить за хлопокъ военную страховую премію, отъ которой цѣна фрахта слишкомъ поднялась бы.

«Если наше правительство хочетъ пособить хлопчатобумажной промышленности, есть къ тому способъ менѣе убыточный. Если бы казна прямо стала выдавать работникамъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ ихъ жалованье, а фабрикантамъ прибыль по сложности послѣднихъ семи лѣтъ, и если бы это пособіе выдавалось за все время бездѣйствія фабрикъ по недостатку хлопка, то даже на это пошло бы меньше денегъ, чѣмъ на войну, и этотъ расходъ кончился бы скорѣе военнаго, потому что въ нынѣшнемъ году мы по всей вѣроятности получили бы два милліона тюковъ хлопка изъ Индіи, а въ слѣдующемъ году станемъ совершенно независимы отъ американскаго хлопка. Потому, если правительство станетъ выдавать умѣренное пособіе тѣмъ изъ манчестерскихъ работниковъ, которые лишились занятія, оно поступитъ гораздо разсудительнѣе и израсходуетъ меньше денегъ».

Въ этомъ же смыслѣ принято единодушное рѣшеніе митингомъ фабрикантовъ, бывшимъ въ Манчестерѣ въ концѣ января.

Однакоже, если мы будемъ продолжать такимъ сухимъ тономъ, мы окончательно потеряемъ право на вниманіе читателей, какъ люди, совершенно отсталые. Нынѣ всѣ либеральничаютъ, и мы волею-неволею должны поддѣлываться подъ эту моду. Попробуемъ же писать въ либеральномъ духѣ.

Каждому просвѣщенному человѣку извѣстно, что Прусское королевство—государство конституціонное. Каждому даже и непросвѣщенному человѣку извѣстно также, что всѣ люди, слѣдовательно и просвѣщенные люди, могутъ заблуждаться; а изъ этого слѣдуетъ, что не должно принимать безъ критики упомянутое нами убѣжденіе просвѣщенныхъ людей. Очень можетъ быть, что ихъ мнѣніе о государственномъ устройствѣ Пруссіи ни больше, ни меньше, какъ иллюзія. Мы когда нибудь займемся этимъ вопросомъ; но пока еще не занялись имъ, не имѣемъ основанія отвергать распространенный въ цѣломъ свѣтѣ взглядъ на Пруссію, какъ на государство конституціонное; напротивъ, должны пока думать, что самая распространенность вышеозначеннаго мнѣнія служитъ нѣкоторымъ ручательствомъ за его истину. Принимая же его до дальнѣйшаго изслѣдованія за истину, мы можемъ до-поры-до-времени построить слѣдующій силлогизмъ:

Въ конституціонныхъ государствахъ есть либеральныя газеты;
Слѣдовательно въ Пруссіи должны быть либеральныя газеты.

Основываясь на этомъ выводѣ, мы ищемъ прусскихъ либеральныхъ газетъ, и находимъ, что изъ всѣхъ попадающихся намъ на глаза самая либеральная—National-Zeitung. Въ настоящее время при-

личіе требуетъ отъ каждаго, какъ мы сказали, чтобы онъ старался имѣть либеральный образъ мыслей. Будемъ, какъ сказали, стараться объ этомъ и мы. — Пора, давно пора была намъ позаботиться объ этомъ; вѣдь на насъ уже насыпаны цѣлыя горы упрековъ за нашу нелюбовь къ свободѣ, за топтаніе въ грязь всѣхъ дѣятелей и органовъ европейскаго либерализма отъ Маколея и Токвилля до Кавура и г. Ржевскаго, отъ Debats и Times'а до почтенныхъ порицателей нашихъ въ русской прессѣ. Изнемогая подъ тяжестью заслуженныхъ порицаній, мы, какъ уже объяснили, чувствуемъ нужду исправиться и хотимъ учиться либерализму, — но не у нашихъ русскихъ собратій, рѣчи которыхъ сами слишкомъ пахнутъ ученичествомъ, а у ихъ достойныхъ западно-европейскихъ наставниковъ и на первый разъ беремъ за руководителя себѣ National-Zeitung.

Это предпочтеніе нѣмецкаго руководства англійскому или французскому основано на томъ, что нынѣ приходится намъ говорить о нѣмецкихъ отношеніяхъ: Австрія отличилась очень занимательными разсужденіями о бюджетѣ. Начнемъ же съ австрійскаго бюджета и послушаемъ, что говоритъ о немъ наша руководительница Ntaional-Zeitung.

«*Государственные доходы и расходы, начаная съ 1861 г., будутъ приведены въ равновѣсіе—такова моя воля*,—такъ повелѣлъ императоръ австрійскій торжественнымъ рескриптомъ отъ 11 ноября 1859 г.

«*Если бы государственные доходы и расходы оставались безъ измѣненія, дефицитъ на будущій 1861 г. простирался бы до 43 милліоновъ гульденовъ. Но ожидаемое улучшеніе курса дозволяетъ надѣяться на уменьшеніе въ 5 милліоновъ гульденовъ въ расходахъ по потерямъ на курсъ. Министры внутреннихъ дѣлъ и юстиціи обѣщаютъ мнѣ сбереженіе до 4 милліоновъ. Такое же сбереженіе возможно по финансовому управленію. Расходы по арміи и флоту могутъ быть уменьшены на 11 милл. Итакъ, при неизмѣнности прочихъ статей, дефицитъ 1862 г. уменьшится съ 43 до 19 милл. гульденовъ. Этой цифрѣ равняется сумма расходовъ, назначенныхъ на погашеніе государственнаго долга. Отложивъ это дѣло, мы можемъ считать, что между государственными доходами и расходами въ 1862 году будетъ сохранено равновѣсіе.*» Такъ говорилъ управляющій министерствомъ финансовъ Австрійской имперіи г. фонъ-Пленеръ 31 іюля 1860 г. въ своемъ *Соображеніи о финансовой будущности Австріи на 1862 г.*

«Бюджетъ за 1861 годъ, въ которомъ по императорскому повелѣнію долженъ былъ исчезнуть дефицитъ, въ которомъ по мечтѣ министра финансовъ могъ по крайней мѣрѣ считаться дефицитъ

исчезнувшимъ,—бюджетъ 1861 г. теперь у насъ передъ глазами, и въ немъ оказывается дефицитъ, равняющійся 110,186,000 гульденовъ.

«Что значатъ мечты австрійскихъ министровъ противъ логики финансоваго хозяйства, основаннаго на банкротствѣ и требующаго невозможностей отъ народныхъ средствъ!

«Чѣмъ же покрыть этотъ дефицитъ въ 110 милл.?—*Не вѣчно прибѣгать къ займамъ!*—энергически восклицаетъ фонъ-Пленеръ: *нужна бережливость!* — Но восклицая это, онъ объясняетъ, что дефицитъ будетъ покрытъ кредитными операціями: государство возьметъ деньги изъ банка, которому возвратитъ ихъ въ теченіе слѣдующихъ 20-ти мѣсяцевъ. Откуда возьметъ оно тогда деньги, чтобы возвратить ихъ банку, это никому неизвѣстно. Но то видно, что банкъ дастъ государству деньги, то есть сдѣлаетъ новый выпускъ бумажныхъ денегъ. Отъ такой кредитной операціи, по мнѣнію г. фонъ-Пленера, подниметса курсъ бумажныхъ денегъ.

«Судьба Австріи да послужитъ для другихъ государствъ урокомъ, чтобы они не дѣлали расходовъ, превышающихъ финансовую ихъ силу. Причиною разоренія Австріи служитъ безмѣрность расходовъ ея на войско.»

Таковы размышленія National-Zeitung объ австрійскомъ бюджетѣ. Мы не имѣетъ возможности опровергнуть фактовъ, на которыхъ построена переведенная нами статья. Эти данныя засвидѣтельствованы къ сожалѣнію самимъ австрійскихъ правительствомъ. Оно имѣло неосторожность объявить цифру своего дефицита и объяснить средства, которыми намѣрено покрыть его. Ошибка сдѣлана, и у приверженцевъ австрійскаго правительства отняты ею всякіе способы спорить съ врагами австрійской системы относительно фактовъ. Но къ счастію, еще можно перенести преніе въ другую сферу, въ область принциповъ и на почву исторической необходимости. Этимъ оборотомъ дѣло австрійскаго правительства несомнѣнно будетъ сыграно.

Расходы на войско въ Австріи очень велики. Положимъ; но какую пользу извлекутъ противники австрійской системы изъ указанія на этотъ фактъ, съ благородствомъ столь же излишнимъ, сколько и добросовѣстнымъ, выставленный самими австрійскими министрами? Неужели National-Zeitung думаетъ, что австрійскому правительству пріятно расходовать два гульдена тамъ, гдѣ довольно было бы израсходовать одинъ гульденъ? Развѣ австрійское правительство даетъ подрядчикамъ и поставщикамъ больше, чѣмъ сами они требуютъ? или развѣ нѣтъ въ Австріи между купцами соперничества, такъ что берутъ они за поставляемые предметы больше, чѣмъ могутъ взять безъ убытка для себя? Нѣтъ. Вещь, продающаяся за гульденъ, покупается и-

стрійскимъ правительствомъ не больше, какъ за гульденъ. Если и бываютъ злоупотребленія, они поглощаютъ лишь ничтожную часть казенныхъ денегъ, — какой-нибудь десятокъ милліоновъ изъ сотни милліоновъ. Злоупотребленіями нельзя объяснить огромнаго дефицита, —онъ почти весь остался бы, хотя бы ни одинъ чиновникъ не пользовался ни однимъ казеннымъ гульденомъ. Сообразите сами: австрійская армія многочисленнѣе французской, а ея содержаніе обходится почти на половину дешевле. Между тѣмъ во Франціи нѣтъ значительныхъ злоупотребленій по военной администраціи. Значитъ, не могутъ они поглощать много денегъ и въ Австріи,—напротивъ, очевидно, что Австрія умѣетъ содержать солдата на меньшее число рублей, чѣмъ содержится онъ во Франціи.

National-Zeitung скажетъ: я именно о томъ и говорю, что армія въ Австріи слишкомъ многочисленна.—Хорошо такъ разсуждать National-Zeitung; но мы опять спрашиваемъ: неужели она воображаетъ, что австрійскому правительству, пріятно содержать двѣ роты тамъ гдѣ достаточно одной? Неужели въ самомъ дѣлѣ, австрійская армія, существуетъ для чьего-нибудь каприза? Если содержатся подъ знаменами эти люди жалкой наружности, плохо одѣтые, плохо обутые, то конечно не для доставленія удовольствія кому нибудь любоваться на нихъ, а только по необходимости. Вотъ показала бы National-Zeitung возможность обойтись безъ такой многочисленной арміи, тогда былъ бы смыслъ въ ея словахъ.

«Мы готовы показать и каждый день показываемъ, какими способами можно устранить необходимость въ содержаніи такой многочисленной арміи, — скажетъ National-Zeitung:—надобно отказаться отъ Венеціи, удовлетворить требованія венгровъ, и можно будетъ тогда распустить больше половины арміи.» — Странные люди! Сдѣлаютъ неосновательный упрекъ и потомъ придумываютъ предлагать невозможный способъ для его отвращенія. Какое правительство отказывалось когда нибудь добровольно отъ обладанія какою нибудь землею? National-Zeitung видитъ австрійскую систему въ обскурантизмѣ, деспотизмѣ и пр. Но въ Англіи было много разъ правительство просвѣщенное и либеральное; однако же Англія никогда не отказывалась отъ господства надъ Ирландіею, которая до недавняго времени точно такъ же ненавидѣла Англію, какъ Венеція — Австрію. Да и сама National-Zeitung при всемъ своемъ либерализмѣ соглашается ли на добровольное прекращеніе господства прусскихъ нѣмцевъ надъ тою частью Пруссіи, которая стремится къ отдѣльному отъ нея національному существованію? Значитъ, обскурантизмъ и деспотизмъ австрійскаго правительства остается тутъ не при чемъ: либеральное правительство

точно такъ же старалось бы сохранить власть надъ Венеціею. А для этого надобно держать триста тысячъ войска въ Венеціи и сосѣднихъ областяхъ: иначе итальянцы тотчасъ бросились бы изъ Ломбардіи и Романьи на Венецію, да и она сама возмутилась бы, и австрійская власть надъ нею рушилась бы въ двѣ-три недѣли. Вотъ мы нашли, что одна половина австрійской арміи занята дѣломъ, не допускающимъ уменьшить ее. Изъ другой половины бо̀льшая часть нужна для охраненія порядка въ Венгріи. — National-Zeitung говоритъ: «пусть австрійское правительство удовлетворитъ желаніямъ Венгріи, тогда не будетъ надобности содержать огромную армію въ этомъ королевствѣ.» — Вѣдь это все равно какъ если бы совѣтовать купцу, чтобы онъ не бралъ торговой прибыли, или совѣтовать землевладѣльцу, чтобы онъ не бралъ дохода съ своей земли, или совѣтовать National-Zeitung, чтобы она̀ отказывалась отъ подписчиковъ. Или нѣтъ: эти совѣты, совершенно нелѣпые, все-таки менѣе странны, чѣмъ совѣты, даваемые австрійскому правительству либералами. Удовлетворительная развязка венгерскихъ отношеній точно такъ же не зависитъ отъ австрійскаго правительства, какъ и разрѣшеніе вопроса о Венеціи. Тутъ нужны совершенно иныя обстоятельства, и виновато ли австрійское правительство, что обстоятельствъ такихъ до сихъ поръ нѣтъ? Чтобы нѣсколько разъяснить дѣло, сообразимъ положеніе венеціанскаго вопроса.

Итальянцы хотятъ изгнать австрійцевъ изъ Венеціи. Виновато ли австрійское правительство въ томъ, что итальянцы до сихъ поръ не приступали къ исполненію этого своего желанія? Очень можетъ быть, что совершенно правы кавуристы, находящіе итальянское войско еще слишкомъ слабымъ для подобной попытки. Но если такъ, неужели австрійское правительство виновато въ слабости итальянской арміи? Неужели оно должно было заботиться объ ея усиленіи? Никто не обязанъ хлопотать о развитіи силъ своего врага. Считать это обязанностью австрійцевъ значило бы требовать отъ нихъ великодушія, почти сверхъестественнаго. Но австрійцы оказываютъ даже и это столь тяжелое благородство. Сколько могутъ, они хлопочатъ объ усиленіи итальянской арміи. Они нимало не скрываютъ своего намѣренія начать съ Италіею войну для возстановленія прежняго порядка; они ссорятся и грозятъ. Чего же больше? Кажется, довольно ясно указываютъ они итальянцамъ надобность усиливать національную армію. Неужели можно ждать, чтобы они дѣлали больше для итальянцевъ? Ждать было бы нельзя, но австрійцы превышаютъ своимъ благородствомъ всѣ ожиданія: они даже указываютъ итальянцамъ вѣрнѣйшій способъ довести національную армію до силы, какая нужна для успѣха итальянскаго дѣла. Они выражаютъ самую сильную тревогу, когда

кто нибудь въ Италіи говоритъ о формированіи волонтерскихъ корпусовъ. Регулярное войско не такъ ихъ безпокоитъ; но воины, обязывающіеся служить только на время войны, не требующіе, чтобы правительство содержало ихъ въ мирное время, и добровольно обязывающіеся идти на непріятеля безъ всякой надежды на выгоды, доставляемыя военною карьерою, — эти воины чрезвычайно непріятны для австрійцевъ. Кажется, указаніе очень понятно: Италія должна заботиться о формированіи волонтеровъ въ подкрѣпленіе своему регулярному войску.

Какъ же послѣ этого достанетъ у насъ духу вмѣстѣ съ National-Zeitung порицать австрійцевъ за то, что они не могутъ привести къ равновѣсію свой бюджетъ? Помилуйте, они дѣлаютъ все зависящее отъ нихъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ натянутаго положенія, вовлекающаго ихъ въ чрезмѣрные расходы. Напримѣръ, итальянцамъ они прямо говорятъ: усиливайте же свою армію и въ особенности формируйте волонтеровъ, чтобы поскорѣе избавить себя отъ опасности, своихъ соотечественниковъ венеціанцевъ отъ нашей власти, а насъ отъ чрезмѣрныхъ расходовъ на Венецію. Точно такъ же ясно указываютъ они и венграмъ на то, какимъ образомъ Венгрія должна избавить вѣнское правительство отъ чрезмѣрныхъ расходовъ на нее. Стало быть за то, что не исчезаетъ дефицитъ изъ австрійскаго бюджета, надобно винить не австрійцевъ, а венгровъ и итальянцевъ.

А къ веснѣ нынѣшняго года опять возникаютъ съ увеличившеюся силою ожиданія, бывшія къ прошлогодней веснѣ, что венгры и итальянцы вступятъ на путь, на который тянетъ ихъ австрійское правительство. Относительно Италіи, Австрія даже принимаетъ мѣры, чтобы развязка никакъ не могла быть отсрочена нерѣшительностью итальянцевъ въ будущую весну, какъ была отсрочена въ прошлую.

Австрія требуетъ обезоруженія Итальянскаго королевства. Рикасоли, конечно, не можетъ согласиться на это. Австрія грозитъ, что пришлетъ ультиматумъ; Италія отвѣчаетъ или думаетъ, что не боится его. — Еслибы не императоръ французовъ, удерживающій изъ любви къ Италіи слишкомъ быстрые порывы Рикасоли къ установленію и достиженію полнаго единства Италіи, война была бы неизбѣжна. Но при могущественномъ посредничествѣ французскаго правительства Рикасоли находитъ нужнымъ быть скромнымъ на словахъ, а еще больше на дѣлѣ. Объ Австріи нечего и говорить: она не начнетъ войны, пока не получитъ разрѣшеніе отъ Франціи или не устроитъ противъ Франціи какой нибудь союзъ. Ни того, ни другаго она еще не успѣла добиться. Все еще не можетъ добиться Рикасоли и того, чтобы французы отдали итальянцамъ иностранный городъ Римъ

или покрайней мѣрѣ сказали, что когда нибудь отдадутъ его. Изъ послѣдняго обстоятельства видно, какъ напрасны фразы о политическомъ коварствѣ. Политика всѣхъ державъ дѣйствительно была коварна въ отдаленную старину, въ средніе вѣка или въ слѣдующія столѣтія, можетъ быть даже и во времена дѣдовъ нашихъ. Тогда точно было коварство. Напримѣръ: зазоветъ къ себѣ папа Александръ VI или король Людовикъ XI гостей, да и отравитъ ихъ или велитъ удушить. Въ XVII, XVIII вв. этого уже не дѣлалось; но бывали такіе случаи, что назоветъ себя какое нибудь правительство союзникомъ другаго, пошлетъ войска на его защиту, а потомъ и объявитъ своими занятыя области. Такъ дѣлывалъ еще и Наполеонъ I, напримѣръ — съ Испаніей. Но теперь этого уже не водится: даже и не даютъ обѣщаній, когда не имѣютъ готовности исполнить ихъ, и никакія просьбы не могутъ склонить къ этому. Вотъ, напримѣръ, Рикасоли бьется не изъ того, чтобы французы очистили Римъ: дайте намъ, говоритъ, только обѣщаніе, что очистите, а тамъ и не очищайте; съ меня довольно будетъ обѣщанія, чтобы провести парламентъ. Нѣтъ, не даютъ. А вотъ любопытно тоже, что мы назвали городъ Римъ иностраннымъ для итальянцевъ. Незнающему человѣку оно покажется странно; а вѣдь на самомъ-то дѣлѣ такъ: Римъ—столица католическаго міра, стало быть принадлежитъ не Италіи, а всей католической Европѣ; этотъ городъ настолько же ирландскій, французскій, испанскій, португальскій, австрійскій, насколько итальянскій, — все равно, — какъ бы это сказать? все равно, что наша знаменитая зала въ Пассажѣ: и цыганская она, потому что въ ней цыгане пѣли, и театръ она теперь, и ученымъ она принадлежитъ, потому что въ ней лекціи читались, и поэтамъ она принадлежитъ, потому что оглашалась аплодисментами гг. А. Майкову и Бенедиктову. — «Такъ, кому угодно всякій можетъ отличаться въ залѣ Пассажа, но вѣдь это не мѣшаетъ же ей имѣть одного хозяина; точно такъ, почему бы и Римъ не могъ принадлежать одному хозяину, своему итальянскому народу?»—Нѣтъ, это не такъ; сравненіе было выбрано нами неудачно.

Но бѣдному Рикасоли не легче отъ этого. Лучше бы для него, если бы сохранилось въ политикѣ исчезнувшее изъ нея старинное коварство; отъ прямодушія французскаго правительства онъ терпитъ ужасно. Вообразите, собрался парламентъ и спрашиваетъ его: что вы сдѣлали по венеціанскому вопросу, по римскому вопросу?—«Ничего не могъ сдѣлать. Надобно только надѣяться»....—На чемъ же основаны ваши надежды? имѣете ли вы какія-нибудь обѣщанія?—«Нѣтъ никакихъ обѣщаній.»—Значитъ, ровно нечего намъ и надѣяться при васъ, — думаетъ парламентъ, и, хоть не говоритъ онъ этого, а все-таки извѣстно

Рикасоли, что онъ думаетъ,—и чувствуетъ бѣдный министръ, что хотятъ его столкнуть. Да и нельзя не чувствовать, когда не можетъ Рикасоли даже найдти человѣка, согласнаго принять въ его кабинетѣ портфель министра внутреннихъ дѣлъ: видно, каждый знаетъ, что не стоитъ связывать своей карьеры съ разваливающимся кабинетомъ Рикасоли. Обратился онъ къ Ланцѣ, — отказъ; обратился къ Бонкомпаньи,—тоже отказъ, къ Раттацци,—тоже; къ Санъ-Мартино,—тоже самое. Приверженцы Рикасоли переглянулись, слыша, какъ ихъ компаньоны отнѣкиваются отъ Рикасоли, и собрались разсудить, что это значитъ? Собрались, разсудили,—видятъ: Рикасоли никуда не годится; выбрали двухъ самыхъ бойкихъ между собою и отправили къ Рикасоли сказать ему, что онъ не годится, пусть выходитъ изъ министровъ. Отправили депутацію, а сами продолжаютъ разсуждать: прогонимъ его, кого же назначить? Переглянулись опять, каждый видитъ, что всѣ остальные еще хуже Рикасоли. Некого выбрать. Рикасоли провѣдалъ объ этомъ и говоритъ депутатамъ, явившимся съ объявленіемъ, чтобы онъ выходилъ въ отставку: «хорошо; завтра явлюсь я объясниться съ гг. депутатами консервативной партіи». — Явился и говоритъ: «замѣнить меня у васъ некѣмъ, такъ ужь каковъ я ни есть (оно и точно, что плохъ, самъ вижу), но ужь вы меня поддерживайте». — Хорошо, нечего дѣлать, станемъ поддерживать, хоромъ отвѣчали консерваторы и Рикасоли остался правителемъ Италіи. Вотъ и видно,—такъ оно даже и на географической картѣ нарисовано, — что въ Италіи земля клиномъ сошлась: нѣтъ людей кромѣ Рикасоли, да баста. — То есть, оно можетъ быть и есть люди; должно быть даже много людей между тѣми, которые, наперекоръ нерѣшительности Кавура и самого Рикасоли, присоединили къ владѣніямъ Виктора Эммануэля Тоскану, герцогства, легатства, Сицилію, Неаполь; но тѣ люди вообще — все непорядочные люди. Стало быть, пока нѣтъ крайности, порядочные люди съ ними и не могутъ имѣть дѣла. Только крайность можетъ заставить благомыслящаго человѣка замарать свою руку пожатіемъ мозолистой руки какого-нибудь Гарибальди или грязныхъ рукъ его пріятелей. А вѣдь у его пріятелей грязныя руки: Бертани—воръ; Никотера—бандитъ; эти еще хоть не уличены, а другіе даже осуждены законнымъ порядкомъ въ трибуналахъ Итальянскаго королевства какъ убійцы; Рикасоли недавно объявлялъ, и Кавуръ не задолго предъ смерстью тоже объявлялъ, что не можетъ онъ признать несправедливымъ приговора, произнесеннаго надъ однимъ изъ нихъ, и потому не можетъ допустить его возвращенія на родину. Такіе люди, подвергающіеся справедливымъ приговорамъ судилищъ, конечно могутъ только удить рыбу въ

мутной водѣ, — вотъ поэтому-то они все и мутили Италію противъ австрійцевъ и австрійскихъ кліентовъ, мутили, мутили, и—составили нынѣшнее Итальянское королевство. Будутъ смутныя времена, придетъ неминучая бѣда отъ австрійцевъ, тогда они понадобятся и обратятъ бѣду въ полное торжество итальянскаго единства. А теперь хоть все идетъ плохо въ Итальянскомъ королевствѣ, но бѣда еще далека, стало быть можно называть этихъ людей ворами и убійцами, сумасшедшими и злодѣями.

СВѢДѢНІЯ О ЧИСЛѢ ПОДПИСЧИКОВЪ НА «СОВРЕМЕННИКЪ» 1861 ГОДА

ПО ГУБЕРНІЯМЪ И ГОРОДАМЪ.

По примѣру двухъ прошлыхъ лѣтъ мы представимъ цифры о числѣ подписчиковъ на «Современникъ» по губерніямъ и уѣздамъ въ истекшемъ году и, сравнивъ эти данныя съ цифрами двухъ прежнихъ нашихъ отчетовъ, повторимъ тѣ изъ прошлогоднихъ выводовъ, которые подтвердились новыми свѣдѣніями.

Въ прошедшій разъ мы замѣтили, что число подписчиковъ на «Современникъ» въ 1860 г. очень значительно возрасло сравнительно съ предыдущимъ 1859 годомъ, и что такое возрастаніе постоянно шло съ 1855 года. Намъ нельзя сказать того же самого сравнивая 1861 г. съ 1860; тутъ прибавка была ничтожна. Въ 1860 г. расходилось 6,598 экземпляровъ «Современника», въ 1861 г. 6,658: все увеличеніе составляетъ только 60 экземпляровъ,—ничтожная цифра сравнительно съ числомъ 1,098 экземпляровъ, составлявшихъ увеличеніе за 1860 годъ.

Въ прошлый разъ, говоря объ этомъ значительномъ увеличеніи числа экземпляровъ за 1860 годъ, мы имѣли добросовѣстность не ставить этого факта въ восхваленіе собственно нашему журналу; мы пріобрѣли тѣмъ право требовать довѣрія публики и къ объясненію, какое мы представимъ для неблистательнаго результата нашихъ трудовъ за прошлый годъ.

Разсматривая значительное увеличеніе числа подписчиковъ на «Современникъ» въ 1860 г., мы говорили: «Чему приписывать это главнымъ образомъ? Увеличенію ли въ публикѣ любви собственно

къ нашему журналу? Самолюбіе конечно заставляло бы насъ приписывать важнѣйшее вліяніе этому обстоятельству; но мы имѣемъ основаніе полагать, что общее число печатаемыхъ экземпляровъ всѣхъ журналовъ и газетъ въ сложности значительно возрасло въ 1860 г. сравнительно съ 1859 г., какъ и въ 1859 сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, и такое возрастаніе постоянно идетъ съ 1855 г. Поэтому мы готовы часть увеличенія числа читателей нашего журнала отнести къ дѣйствію общаго хода литературы, которая постепенно становилась въ послѣдніе годы болѣе и болѣе достойною вниманія публики, и вслѣдствіе того находила для себя все большій и большій кругъ публики».

Теперь съ такою же прямотою скажемъ: мы имѣемъ основаніе полагать, что общее число печатаемыхъ экземпляровъ всѣхъ журналовъ и газетъ въ сложности въ 1861 г. не возрасло сравнительно съ 1860 г, напротивъ, довольно значительно уменьшилось. Возрастаніе, постоянно шедшее съ 1855 г. до 1860, остановилось и даже произошелъ очень замѣтный упадокъ общей суммы. «Современникъ» былъ еще на столько счастливъ, что до него не коснулось въ прошломъ году общее пониженіе, и только очень немногіе журналы, подобно «Современнику», составили такое исключеніе. Они вмѣстѣ съ нами должны сказать, что общій упадокъ отразился на нихъ уменьшеніемъ той прибавки къ прежнему числу подписчиковъ, какой они должны были бы ожидать, если бы цифра итога, общаго для всей журналистики, возрастала попрежнему. Прежнее увеличеніе числа читателей нашего журнала мы относили къ дѣйствію общаго хода литературы. Фактъ, обнаружившійся въ прошломъ году, точно также долженъ быть отнесенъ къ дѣйствію общаго хода литературы, и надобно сказать прямо: съ прошлаго года перестала публика находить, что литература становится все болѣе и болѣе достойною ея вниманія, публика нашла противное и вслѣдствіе того стала меньше прежняго читать журналы. Дѣйствительно, каждый изъ нашихъ сотоварищей по литературѣ и каждый изъ читателей замѣчалъ по разговорамъ въ обществѣ въ два послѣдніе года, что публикѣ начинаетъ надоѣдать безплодность хлопотъ нашей литературы. Прежде, читая журналы, она ждала, что выйдетъ какая нибудь польза для жизни изъ того, что пишутъ журналы. Обманувшись въ своемъ предположеніи, справедливо начала терять охоту къ занятію этой напрасной болтовней.

Неизвѣстно, каковъ будетъ окончательный результатъ этого измѣненія мыслей публики о степени важности и занимательности литературы въ нынѣшнемъ ея видѣ. Можно дѣлать предположенія разнаго рода, и самымъ вѣроятнымъ изъ нихъ представляется то, что увеличившаяся требовательность публики дастъ литературѣ возмож-

ность пріобрѣсти болѣе полезное вліяніе въ жизни. Но это предположеніе не больше какъ правдоподобное ожиданіе, а вовсе еще не фактъ. Фактъ до сихъ поръ остается еще совершенно иной: недовольство публики литературою еще не получило того опредѣленнаго направленія, которое придало бы литературѣ новое достоинство для жизни.

Этотъ упадокъ подписки на журналы и упадокъ всей книжной торговли, замѣтно обнаружившійся въ прошломъ году и усиливающійся въ нынѣшнемъ, обыкновенно приписываютъ общему безденежью; но само оно есть не болѣе какъ одинъ изъ результатовъ той болѣе глубокой причины, которую характеризовали мы словами «недостатокъ вліянія литературы на жизнь».

СПИСОКЪ ЧИСЛА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ ЗА 1859, 1860 И 1861 ГОДА ПО ГУБЕРНІЯМЪ И УѢЗДАМЪ.

1. АРХАНГЕЛЬСКАЯ:

	1859,	1860 и	1861
Архангельскъ	10	11	11
Кемь	1	1	2
Мезень	1	1	—
Онега	2	1	1
Пинега	—	—	—
Соловецкій монастырь ст.	—	—	—
Сумская ст.	—	—	—
Холмогоры	1	1	1
Шенкурскъ	1	—	1
	16	15	16

2. АСТРАХАНСКАЯ:

Астрахань	19	23	29
Енотаевскъ	1	2	2
Красный Яръ	1	—	—
Черный Яръ	1	—	—
Царевъ Яръ	—	1	3
	22	26	34

3. БЕССАРАБСКАЯ ОБЛАСТЬ:

Аккерманъ	4	4	7
Атаки	—	—	2
Бендеры	5	4	4

	1859,	1860 и	1861
Бѣльцы	2	6	5
Кишиневъ	19	37	25
Кубей	—	1	1
Купчино	1	3	5
Леовобе	—	—	1
Липканы	2	1	2
Новоселица	1	3	4
Оргѣевъ	2	3	4
Скуляны	3	3	3
Сороки	3	6	2
Татарбунарская ст.	—	—	1
Телeнешты ст.	2	1	—
Хотинъ	6	6	10
Яссы	—	—	2
Бухарестъ	—	1	—
Измаилъ	—	1	—
Братушаны	—	1	—
	50	81	78

4. ВИЛЕНСКАЯ:

Вилейка	—	—	—
Вильно	11	18	19
Дисна	—	—	1
Лида	—	2	2
Дрогичинъ	—	1	—
Молодечно отд.	—	—	—
Ошмяны	1	2	2
Свенцяны	—	—	1
Свислочь	—	—	1
Сморгоны ст.	—	—	—
Троки	—	—	—
Щучинъ	—	—	—
	12	23	26

5. ВИТЕБСКАЯ:

Бѣшенковичи ст.	—	—	—
Велижъ	—	—	—
Витебскъ	8	12	11
Городокъ	—	1	—
Динабургъ	6	9	11
Дриса	—	—	—
Креславка	1	1	—
Лепель	1	2	2
Люцинъ	—	—	—
Невель	—	1	1

	1859,	1860 и	1861
Полоцкъ	5	9	6
Рѣжица	—	2	2
Себежъ	—	—	—
Суражъ	1	—	—
Усвятъ	1	1	3
	23	38	36

6. ВЛАДИМІРСКАЯ:

Александровъ	4	5	4
Владиміръ	25	16	16
Вязники	3	7	10
Вознесенскій посадъ	—	—	5
Гавриловскій посадъ	2	1	3
Гороховецъ	1	2	2
Иваново село	3	10	1
Ковровъ	2	4	—
Меленки	1	—	1
Муромъ	12	11	7
Част. Лежнево	—	—	1
Озябликово ст.	2	1	1
Переславъ-Залѣсскій	1	2	4
Покровъ	1	1	3
Судогда	4	4	8
Суздаль	1	4	3
Шуя	4	8	3
Юрьевъ-Польскій	5	8	8
	71	84	80

7. ВОЛОГОДСКАЯ:

Великій-Устюгъ	—	1	1
Вельскъ	—	1	3
Верховажскій посадъ	—	1	1
Вологда	12	13	20
Грязовецъ	1	—	1
Кадниковъ	—	1	—
Никольскъ	1	1	—
Сольвычегодскъ	—	1	1
Тотьма	3	2	1
Усть-Сысольскъ	2	2	2
Шенкурскъ	—	2	—
Яренскъ	1	2	—
	20	27	30

8. ВОЛЫНСКАЯ.

	1859,	1860	и 1861
Владиміръ-Волынскій	—	—	1
Дубно	2	1	1
Житоміръ	13	13	11
Заславль	1	2	2
Ковель	2	—	1
Корецъ ст.	—	—	1
Кременецъ	—	1	—
Луцкъ	—	2	—
Новоградъ-Волынскъ	2	1	1
Острогъ	1	3	1
Радзивиловъ	—	—	1
Ровно	2	2	2
Староконстантиновъ	2	3	2
	25	28	24

9. ВОРОНЕЖСКАЯ.

Бирючь	3	4	6
Бобровъ	7	10	10
Богучаръ	4	3	5
Бутурлинская	2	1	1
Валуйки	6	9	8
Воронежъ	32	29	37
Задонскъ	4	6	10
Землянскъ	3	3	2
Коротоякъ	4	4	1
Нижнедѣвицкъ	4	7	5
Новохоперскъ	6	7	6
Острогожскъ	10	9	10
Павловскъ	3	6	10
	86	90	111

10. ВЯТСКАЯ.

Воткинскій зав.	1	1	2
Вятка	12	9	12
Глазовъ	1	2	3
Елабуга	1	1	3
Ижевскій зав.	1	2	—
Котельничъ	1	3	2
Малмыжъ	4	5	7
Нолинскъ	2	2	2
Орловъ	1	3	2
Павловскій винок. зав. ст.	1	1	—
Сарапулъ	2	3	3

	1859,	1860 и	1861
Слободской	4	6	4
Уржумъ	1	4	5
Яранскъ	1	2	2
	33	44	47

11. ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

Большерѣцкъ	—	—	—
Верхнекамчатскъ	—	—	—
Николаевскъ на Амурѣ	1	2	8
Благовѣщенскъ на Амурѣ	—	2	—
	1	4	8

12. ГРОДНЕНСКАЯ.

Брестъ-Литовскъ	5	5	5
Бѣльскъ	1	2	4
Бялостокъ	2	2	2
Волковыскъ	—	1	—
Гродно	5	8	7
Дрогичинъ ст.	1	—	1
Кобринъ	—	1	—
Пружаны	2	—	—
Слонимъ	2	2	2
	18	21	21

13. ДЕРБЕНТСКАЯ.

Ахты отд.	1	2	1
Дашлагарская отд.	—	5	3
Дербентъ	4	1	6
Куба	2	1	1
Кусары	2	2	2
Петровское укр. отд.	—	—	3
Темиръ-Ханъ-Шура	9	15	14
	18	26	30

14. ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ.

Азовъ	—	—	1
Александровъ	18	13	10
Бахмутъ	18	23	14
Благодатное ст.	2	2	2
Верхнеднѣпровскъ	23	14	13
Екатеринославъ	48	31	29
Ивановская отд.	—	4	4
Луганскій зав.	9	12	9

	1859,	1860 и	1861
Маріуполь	3	3	3
Нахичевань на Дону отд.	2	1	—
Нееnбургъ отд.	1	—	1
Никополь.	5	8	8
Новомосковскъ.	14	8	4
Павлоградскъ.	17	13	8
Перещепина.	—	—	8
Ростовъ на Дону.	12	13	12
Славяносербскъ новый.	4	8	8
Славянка.	12	11	6
Ст. Уманская В. Д.	—	—	1
Таганрогъ.	23	36	29
Гольбштадтъ.	—	—	1
Буняковская ст.	—	1	1
	196	211	166

15. ЕНИСЕЙСКАЯ.

Ачинскъ.	1	1	2
Енисейскъ.	15	17	8
Канскъ.	4	—	2
Каргино ст.	2	6	2
Красноярскъ.	12	12	9
Минусинскъ.	3	1	3
Туруханскъ отд.	1	1	1
	38	38	27

16. ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Верхнеудинскъ.	1	4	5
Кайдоловская ст.	—	—	—
Нерчинскъ.	3	4	5
Нерчинскій зав.	2	1	5
Нижненарымская ст.	—	—	2
Петровскій желѣзн. зав.	—	4	—
Селенгинскъ.	3	2	2
Срѣтенскъ.	—	—	—
Чита.	4	7	9
Шелапугино.	—	1	—
	13	20	28

17. З. В. ДОНСКАГО.

Аксайская.	3	3	4
Алексѣевская.	—	—	2
Ведерниковская.	1	1	2
Казанская.	1	3	5

	1859,	1860 и	1861
Каменская	2	2	3
Качалинская	—	—	1
Назаровская	—	1	1
Нижнечирская	1	2	4
Новопавловка сл.	4	1	4
Новочеркасскъ	35	49	47
Ольховый Рогъ ст.	3	6	1
Полтавская отд.	1	2	1
Пришибенская	—	—	1
Русская ст.	2	—	1
Урюпинская отд.	4	7	4
Усть-Медвѣдицкая	3	7	4
Цымлянская	—	—	2
	60	84	67

18. З. В. УРАЛЬСКАГО.

Гурьевъ	1	2	1
Уральскъ	1	3	—
	2	5	1

19. З. В. ЧЕРНОМОРСКАГО.

Ейскъ	1	3	—
Екатеринодаръ	7	16	22
Уманская отд.	—	2	—
Челбашская ст.	1	1	—
	9	22	22

20. ИРКУТСКАЯ.

Баргузинъ	—	—	2
Благовѣщенскъ	—	—	3
Витимскъ	—	—	1
Иркутскъ	37	41	36
Ижевскій зав.	—	—	1
Киренскъ	1	1	1
Кяхта	14	15	20
Нижнеудинскъ	1	3	2
Нохтуйская отд.	5	5	7
Петрозаводская отд.	1	—	—
Тоснекъ отд.	—	—	—
Троицкосавскъ	—	2	3
Шелопугино ст.	—	—	2
	59	62	78

21. КАЗАНСКАЯ.

	1859,	1860 и	1861
Казань	41	51	67
Кичуй	—	—	2
Козмодемьянскъ	1	3	2
Лаишевъ	1	6	6
Мамадышъ	1	1	1
Свіяжскъ	3	2	2
Спасскъ	5	3	6
Тетюши	3	2	3
Царевококшайскъ	1	2	3
Цивильскъ	1	1	1
Чебоксары	2	3	2
Чистополь	9	11	8
Ядринъ	1	1	2
	69	86	105

22. КАЛУЖСКАЯ.

Александровскій хут. отд.	3	3	6
Боровскъ	—	2	3
Жиздра	2	2	4
Калуга	15	24	3
Козельскъ	4	3	7
Крюковская	—	1	—
Лихвинъ	4	2	2
Малоярославецъ	5	4	5
Медынь	4	3	4
Мещовскъ	7	3	3
Мосальскъ	2	5	3
Перемышль	1	3	4
Полотняный зав. отд.	—	—	1
Серпейскъ отд.	1	—	—
Сухоничъ	2	1	1
Таруса	1	1	4
	51	57	50

23. КІЕВСКАЯ.

Бердичевъ	3	4	1
Богуславль	—	1	1
Бѣлая церковь	2	2	2
Васильковъ	2	—	—
Звенигородка	4	3	5
Каневъ	2	3	4
Кіевъ	47	65	63
Липовецъ	—	1	2
Махновка	—	—	—

	1859,	1860 и	1861
Радомысль	3	5	2
Ружинъ ст.	1	—	—
Сквира	1	11	2
Смѣла отд.	8	13	11
Таращa	9	9	8
Умань	2	13	7
Черкассы	3	5	5
Чигиринъ	5	4	4
Тальное	3	4	4
Шпола	1	1	4
	96	144	125

24. КОВЕНСКАЯ.

Вилькомиръ	—	1	1
Ковно	5	9	11
Невель	—	—	—
Новоалександровскъ	—	—	—
Новый дворъ	—	2	3
Поневѣжь	—	—	1
Россіаны	—	3	1
Таурогенъ	4	—	2
Тельшъ	1	—	1
Уцяна ст.	—	—	—
Царицыно отд.	—	—	—
Шавли	2	2	1
Шадовъ ст.	—	—	—
Юрбургъ	—	1	2
	12	18	23

25. КОСТРОМСКАЯ.

Буй	—	2	3
Варнавинъ	1	—	1
Ветлуга	—	2	3
Воронье ст.	—	1	1
Галичъ	5	7	7
Кинешма	5	6	4
Кологривъ	—	1	2
Кострома	17	23	27
Лухъ	—	1	2
Макарьевъ на Унжѣ	2	4	2
Нерехта	6	8	6
Плесъ	4	4	5
Пучежъ-посадъ	—	1	—
Солигаличъ	2	4	4
Судиславъ	1	1	1

	1859,	1860 и	1861
Чухлома.	2	1	4
Юрьевъ-Повольскій.	1	—	—
	47	68	72
26. КУРЛЯНДСКАЯ:			
Гагенпотъ.	1	—	—
Гольдингенъ.	—	1	—
Гробинъ отд.	—	1	1
Либава.	2	1	—
Митава.	4	8	2
Полангенъ.	1	—	—
Тальсенъ отд.	—	—	—
	9	11	3
27. КУРСКАЯ.			
Бѣлгородъ.	9	11	10
Грайворонъ.	1	2	3
Дмитріевъ на Сванѣ.	7	8	7
Короча.	3	3	1
Курскъ.	32	39	27
Льговъ.	9	8	9
Мирополье.	1	2	2
Новый Осколъ.	3	8	6
Обоянь.	5	4	6
Путивль.	4	4	9
Рыльскъ.	10	11	9
Старый Осколъ.	5	8	9
Суджа.	8	14	12
Тимъ.	2	2	7
Фатежъ.	3	8	3
Щигры.	9	8	8
	111	140	128
28. КУТАИССКАЯ.			
Ахалцихъ.	—	1	1
Кутаисъ.	2	4	7
Озургеты отд.	—	1	—
Редутъ-Кале.	—	1	—
	2	7	8
29. ЛИФЛЯНДСКАЯ:			
Венденъ.	—	1	—
Дерптъ.	4	3	4

	1859,	1860 и	1861
Перновъ	—	1	1
Рига	6	9	9
Феликъ	—	—	1
	10	14	15

30. МИНСКАЯ:

	1859,	1860 и	1861
Бобруйскъ	5	1	7
Борисовъ	1	1	1
Игуменъ	—	—	—
Лоевъ отд.	1	2	—
Минскъ	1	5	6
Мозырь	—	—	1
Несвижъ	—	—	1
Новогрудекъ	2	1	2
Пинскъ	—	—	1
Рѣчица	2	1	1
Слуцкъ	1	3	[illegible]
	13	14	23

31. МОГИЛЕВСКАЯ:

	1859,	1860 и	1861
Гомель	4	2	5
Горы-Горки	—	3	2
Климовичи	—	—	[illegible]
Копысь	1	1	[illegible]
Креславка	—	—	1
Кричевъ ст.	—	1	1
Могилевъ	9	12	[illegible]
Мстиславль	2	3	[illegible]
Орша	—	4	4
Рогачевъ	3	4	4
Старый Быховъ	1	1	2
Толочинъ ст.	1	1	1
Чаусы	—	2	2
Чериковъ	3	3	1
Шкловъ	1	1	[illegible]
Чечерскъ	3	2	[illegible]
	28	40	43

32. МОСКОВСКАЯ:

	1859,	1860 и	1861
Богородскъ	2	5	[illegible]
Бронницы	6	6	[illegible]
Верея	—	2	2
Волоколамскъ	4	6	6
Воскресенскъ ст.	—	1	[illegible]

	1859,	1860 и	1861
Дмитровъ	8	8	3
Звенигородъ	—	1	1
Клинъ	5	5	4
Коломна	4	8	3
Кузнецкая ст.	—	—	—
Можайскъ	4	4	4
Москва	622	482	477
Мало-Малаково	—	—	1
Подольскъ	2	2	2
Руза	3	5	3
Сергіевскій посадъ	4	7	7
Серпуховъ	16	19	18
Софійская ст.	—	—	1
	680	561	544

33. НИЖЕГОРОДСКАЯ:

Абрамово	1	—	1
Ардатовъ	3	4	5
Арзамасъ	4	8	7
Балахна	4	6	4
Василь	2	1	2
Горбатовъ	1	3	2
Княгининъ	2	6	6
Лукояновъ	—	2	4
Лысково	1	3	2
Макарьевъ	1	—	1
Нижній-Новгородъ	21	25	26
Павлово село, отд.	3	2	2
Починки	—	2	1
Семеновъ	3	3	2
Сергачь	4	5	3
	50	70	68

34. НОВГОРОДСКАЯ:

Боровичи	3	5	10
Бѣлозерскъ	1	3	8
Бурегн	—	1	—
Веребье	—	1	—
Валдай	2	2	3
Валдайская ст. ж. д. отд.	—	1	—
Демянскъ	2	3	[illegible]
Кириловъ	2	1	2
Крестцы	2	1	3
Новгородъ	9	8	13
Сомина приставь	3	3	[illegible]

	1859,	1860 и	1861
Спасская полость ст.	3	3	4
Старая Руса	5	5	4
Тихвинъ	2	7	2
Устюжина	4	3	7
Череповецъ	1	2	3
Медвѣдь село	1	4	2
Подберезье	—	—	2
Тосна	—	—	1
Гудово	—	—	1
Ямъ Борвицы	2	4	5
	42	57	70

35. ОЛОНЕЦКАЯ:

Вытегра	3	4	1
Каргополь	—	—	1
Лодейное поле	—	—	1
Олонецъ	—	1	1
Петрозаводскъ	5	10	9
Повѣнецъ	—	1	1
Пудожъ	1	—	—
	9	16	14

36. ОРЕНБУРГСКАЯ:

Белебей	2	1	1
Бирскъ	1	2	1
Верхнеуральскъ	2	2	1
Златоустовскій зав.	2	4	5
Илецкая защита, кр. отд.	1	—	2
Мензелинскъ	2	4	5
Міасскій заводъ ст.	3	1	1
Оренбургъ	32	39	36
Орскъ	1	3	7
Стерлитамакъ	5	11	9
Троицкъ	1	2	3
Тунгатаровка	—	—	1
Уфа	11	16	20
Уральскъ	—	—	5
Челябинскъ	2	3	3
Ольховый рогъ	—	—	5
	65	88	105

	1859,	1860 и	1861
Дмитровъ	8	8	3
Звенигородъ	—	1	1
Клинъ	5	5	4
Коломна	4	8	3
Кузнецкая ст.	—	—	—
Можайскъ	4	4	4
Москва	622	482	477
Мало-Малаково	—	—	1
Подольскъ	2	2	2
Руза	3	5	3
Сергіевскій посадъ	4	7	7
Серпуховъ	16	19	18
Софійская ст.	—	—	1
	680	561	544

33. НИЖЕГОРОДСКАЯ:

Абрамово	1	—	1
Ардатовъ	3	4	5
Арзамасъ	4	8	7
Балахна	4	6	4
Василь	2	1	2
Горбатовъ	1	3	2
Княгининъ	2	6	6
Лукояновъ	—	2	4
Лысково	1	3	2
Макарьевъ	1	—	1
Нижній-Новгородъ	21	25	26
Павлово село, отд.	3	2	2
Починки	—	2	1
Семеновъ	3	3	2
Сергачь	4	5	3
	50	70	68

34. НОВГОРОДСКАЯ:

Боровичи	3	5	10
Бѣлозерскъ	1	3	8
Бурєги	—	1	—
Веребье	—	1	—
Валдай	2	2	3
Валдайская ст. ж. д. отд.	—	1	—
Демянскъ	2	9	2
Кириловъ	2	1	[illegible]
Крестцы	2	1	3
Новгородъ	9	9	13
Сомина приставь	3	3	[illegible]

	1859,	1860 и	1861
Спасская полость ст.	3	3	4
Старая Руса	5	5	4
Тихвинъ	2	7	2
Устюжина	4	3	7
Череповецъ	1	2	3
Медвѣдь село	1	4	2
Подберезье	—	—	2
Тосна	—	—	1
Гудово	—	—	1
Ямъ Борнинцы	2	4	5
	42	57	70

35. ОЛОНЕЦКАЯ:

Вытегра	3	4	1
Каргополь	—	—	1
Лодейное поле	—	—	1
Олонецъ	—	1	1
Петрозаводскъ	5	10	9
Повѣнецъ	—	1	1
Пудожъ	1	—	—
	9	16	14

36. ОРЕНБУРГСКАЯ:

Белебей	2	1	1
Бирскъ	1	2	1
Верхнеуральскъ	2	2	1
Златоустовскій зав.	2	4	5
Илецкая защита, кр. отд.	1	—	2
Мензелинскъ	2	4	5
Міасскій заводъ ст.	3	1	1
Оренбургъ	32	39	36
Орскъ	1	3	7
Стерлитамакъ	5	11	9
Троицкъ	1	2	3
Тунгатаровка	—	—	1
Уфа	11	16	20
Уральскъ	—	—	5
Челябинскъ	2	3	3
Ольховый рогъ	—	—	5
	65	88	105

37. ОРЛОВСКАЯ:

	1859,	1860	и 1861
Болховъ	3	10	11
Брянскъ	5	5	6
Дмитровскъ	3	3	2
Елецъ	11	16	16
Карачевъ	7	10	6
Кромы	5	10	7
Ливны	9	14	19
Малоархангельскъ	5	5	9
Мценскъ	4	6	7
Орелъ	34	40	40
Сѣвскъ	3	5	4
Трубчевскъ	3	5	3
	92	118	130

38. ПЕНЗЕНСКАЯ:

Городище	3	1	2
Инсаръ	1	1	2
Исса	—	1	—
Каменская ст.	—	—	1
Керенскъ	3	3	3
Краснослободскъ	3	7	3
Мокшанскъ	—	3	3
Норовчатъ	2	3	4
Нижній-Ломовъ	4	6	6
Пенза	30	37	32
Саранскъ	7	3	14
Чембаръ	—	1	3
	53	66	73

39. ПЕРМСКАЯ:

Гэшлимбоевскъ	2	3	3
Богословскій зав.	1	3	3
Веретья	1	1	2
Верхотурье	3	1	—
Екатеринбургъ	21	24	23
Ирбишъ	—	1	2
Долматовъ	—	—	1
Каменскій зав. отд.	—	2	2
Камышловъ	1	1	—
Красноуфимскъ	1	1	2
Кунгуръ	6	6	9
Кушвинскій зав.	3	8	7
Невьянскій зав.	3	3	3

	1859,	1860 и	1861
Нижне-Тагильскій зав.	1	1	2
Оханскъ	—	1	2
Пермь	16	16	17
Соликамскъ	1	2	3
Чердынь	—	1	1
Шадринскъ	3	5	8
Юговскій каз. зав.	—	—	—
	63	80	90

40. ПОДОЛЬСКАЯ:

Балта	3	3	3
Баръ	—	—	1
Брацлавъ	—	—	1
Винница	2	1	3
Гайсинъ	2	4	2
Каменецъ-Подольскъ	13	14	9
Летичевъ	3	2	1
Литинъ	—	1	—
Могилевъ на Днѣстрѣ	4	5	2
Ольгополь	3	2	—
Немировъ	—	3	4
Тульчинъ	1	3	2
Ушица	—	1	2
	42	29	30

41. ПОЛТАВСКАЯ:

Борисполь ст.	2	1	3
Буняковская ст.	—	1	2
Гадячь	3	—	6
Градижскъ	3	4	4
Золотоноша	15	12	9
Зѣньковъ	7	9	8
Кобеляки	7	6	3
Константиноградъ	13	14	10
Кременчугъ	22	26	21
Лохвица	4	6	6
Лубны	8	8	11
Миргородъ	8	8	12
Переяславъ	2	3	5
Пирятинъ	7	13	6
Полтава	40	47	47
Прилуки	20	11	18
Ромны	13	17	21
Рѣшетиловка отд.	—	—	1

	1859,	1860 и	1861
Хороль	10	13	11
Яготинская ст.	4	6	6
	177	195	210

42. ПСКОВСКАЯ:

Великіе-Луки	3	6	8
Дуловка	1	1	—
Новоржевъ	4	4	3
Опочка	4	5	7
Островъ	2	9	6
Порховъ.	12	18	12
Псковъ	14	16	13
Сольцы-посадъ	1	2	1
Торопецъ	2	9	6
Холмъ	10	6	4
	53	76	60

43. РЯЗАНСКАЯ:

Данковъ.	4	5	2
Егорьевъ	2	1	1
Зарайскъ	13	11	4
Касимовъ	8	9	6
Михайловъ	1	4	6
Пронскъ	—	3	2
Раненбургъ	3	6	6
Ряжскъ	7	12	10
Рязань	21	17	20
Сапожокъ	3	4	5
Скопинъ.	1	—	6
Гавриловская ст.	1	1	—
Спасскъ	4	4	4
Суйская ст.	—	2	3
	68	79	75

44. САМАРСКАЯ:

Бугульма	3	6	7
Бугурусланъ	1	2	2
Бузулукъ	3	4	4
Зималкова ст.	—	—	2
Кичуй ст.	2	1	1
Николаевскъ	2	3	5
Новый-Узень	1	—	—

	1859,	1860 и	1861
Самара	15	22	26
Ставрополь	3	4	2
	30	42	49

45. С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ:

Балогае ст.	—	—	1
Веребье ст.	—	—	1
Гатчино	—	5	1
Гдовъ	2	1	2
Жохово ст.	—	—	1
Красное село ст.	2	2	—
Кронштадтъ	15	16	18
Колпинская ст.	—	—	1
Каськово	1	1	1
Крюковская	—	—	1
Луга	6	5	3
Нарва	2	4	5
Новая Ладога	5	3	5
Ораніенбаумъ	—	—	2
Орлы ст.	—	—	1
Павловскъ	—	—	2
Петергофъ	2	3	—
Плюсса ст.	—	—	1
Усть Ижора	—	1	—
Черковицы ст.	3	3	4
Шлиссельбургъ	—	—	3
Ямъ Ижора	—	1	—
Ямбургъ	1	3	2
	39	48	62
С.-Петербургъ	1274	1628	1681

46. САРАТОВСКАЯ:

Аткарскъ	4	7	5
Балашевъ	13	10	16
Вольскъ	4	10	12
Дубовка посадъ	1	3	—
Камышинъ	9	11	10
Колонія Каменка	—	—	1
Кузнецкъ	9	9	8
Петровскъ	12	10	10
Саратовъ	37	52	55
Сердобскъ	6	8	8

	1859,	1860 и	1861
Хвалынскъ	6	5	8
Царицынъ	3	2	7
Камешкеръ	1	1	—
	105	128	140

47. СЕМИПАЛАТИНСКАЯ ОБЛАСТЬ:

Аягузъ	1	—	—
Боянъ-Аулъ	—	—	1
Вѣрное	—	2	3
Змѣиногорскіе рудники	—	—	1
Кокбетагъ	—	1	1
Копалъ	1	2	1
Семипалатинскъ	3	4	4
Усть-Бухтарминская	1	—	—
Усть-Каменогорская	1	1	1
	7	10	12

48. СИМБИРСКАЯ:

Алатырь	5	6	6
Ардатовъ	4	4	4
Буинскъ	2	1	2
Корсунь	3	8	5
Красносельская ст.	2	2	1
Курмышъ	1	3	2
Промзино городище	—	2	—
Сенгилей	—	2	—
Симбирскъ	26	27	28
Сызрань	7	8	11
Теренгульская ст.	2	2	2
Юрловская	3	3	1
	55	68	62

49. СМОЛЕНСКАЯ:

Бѣлый	7	5	4
Вязьма	6	11	9
Гжатскъ	4	5	1
Дорогобужъ	4	8	9
Духовщина	4	4	6
Ельня	3	2	3
Красный	1	1	—
Порѣчье	2	7	3
Рославль	9	7	5
Смоленскъ	17	18	23

	1859,	1860 и	1861
Сычевка	2	2	8
Юхновъ	2	4	5
Софійская ст.	—	2	—
	61	76	71

50. СТАВРОПОЛЬСКАЯ:

Ардонская ст. отд.	3	5	3
Владикавказъ	21	17	12
Воздвиженская	4	4	4
Георгіевскъ	—	1	1
Грозная	—	10	6
Екатериноградская	—	1	1
Кизляръ	7	9	5
Кисловодскъ отд.	1	—	—
Моздокъ	6	2	6
Мелекесъ	—	—	1
Нальчинъ	1	1	1
Прочный окопъ	1	2	5
Пятигорскъ	4	4	6
Ставрополь	24	40	50
Усть Лабинская *отд.*	8	9	14
Шелнозаводская *ст.*	2	2	2
Хосафъ юртъ	8	8	7
Николаевка	2	7	4
Чиръ-корза	—	—	3
Червленная	1	2	—
	94	124	131

51. ТАВРИЧЕСКАЯ:

Алешки	4	1	2
Алушта	2	—	—
Бахчисарай	1	1	—
Бердянскъ	6	5	3
Геническъ	1	4	2
Евпаторія	2	9	3
Карасубазаръ	1	3	3
Каховка *отд.*	3	3	1
Керчь	12	28	18
Мелитополь	2	9	5
Ногайскъ *ст.*	—	1	—
Орѣховъ	14	9	11
Перекопъ	5	6	9
Севастополь	4	6	8
Симферополь	26	32	37
Судакъ	—	—	2

	1859,	1860 и	1861
Өеодосія	9	4	—
Ялта	2	4	3
Гольбштадтъ	1	1	—
	95	126	118

52. ТАМБОВСКАЯ:

Борисоглѣбскъ	—	6	9
Елатьма	2	2	1
Кадомъ	2	2	4
Кирсановъ	14	15	13
Козловъ	8	5	4
Коргошино *ст.*	2	2	3
Лебедянь ст.	3	3	3
Липецкъ	8	6	5
Моршанскъ	7	7	6
Спаскъ	—	2	3
Тамбовъ	33	39	44
Темниковъ	3	1	4
Усмань	8	6	7
Шацкъ	8	13	8
	98	109	114

53. ТВЕРСКАЯ:

Бѣжецкъ	7	10	9
Весьегонскъ	2	2	3
Вышній-Волочекъ	7	12	15
Зубцовъ	2	3	4
Калязинъ	5	6	7
Кашинъ	3	5	6
Корчева	2	2	2
Красный Холмъ	3	1	2
Осташковъ	5	6	4
Осташковская *ст. жел. дор.*	2	2	3
Ржевъ	12	11	15
Старица	5	8	7
Тверь	9	23	25
Торжокъ	12	10	15
Тверская *ст.*	—	1	—
	76	102	115

54. ТИФЛИСКАЯ.

	1859,	1860 и	1861
Бѣлый ключъ	3	4	1
Гора	2	1	2
Гомборье	1	1	—
Думетъ	1	1	1
Елисаветполь	—	1	1
Закаталы	2	3	1
Ишкарты	—	1	1
Лагодеки	—	—	1
Монглисъ	1	2	1
Пасанауръ	—	1	1
Сигнахъ	1	2	1
Телавъ	5	5	3
Тифлисъ	44	52	55
Царскіе колодцы	9	7	6
	69	81	76

55. ТОБОЛЬСКАЯ.

Берцовъ	—	1	1
Ишимъ	3	1	—
Коряково	1	—	—
Каркаралы	—	—	1
Омскъ	16	19	23
Петропавловскъ	1	2	5
Тара	1	1	1
Тобольскъ	5	12	17
Тюмень	—	5	5
Ялуторовскъ	1	2	1
	28	43	54

56. ТОМСКАЯ.

Барнаулъ	9	18	15
Змѣиногородскій рудникъ	2	1	2
Каинскъ	1	1	2
Кійскъ	—	—	1
Кузнецкъ	1	1	1
Маріинскъ	—	—	4
Томскъ	13	19	13
	26	40	38

57. ТУЛЬСКАЯ.

	1859,	1860 и	1861
Алексинъ.	—	7	7
Богородицкъ.	5	6	3
Бѣлевъ.	12	7	6
Веневъ.	8	10	11
Ефремовъ.	—	14	11
Епифань.	7	7	7
Кашира.	2	5	4
Крапивна.	6	3	1
Новосиль.	8	4	7
Одоевъ.	4	10	7
Новая ст. по моск.-тул. шоссе.	—	—	2
Сергіевское село.	3	3	3
Тула.	29	38	41
Чернь.	7	6	7
	91	120	117

58. ХАРЬКОВСКАЯ.

Ахтырка.	7	10	7
Богодуховъ.	3	7	3
Бѣлополье ст.	1	3	3
Валки.	7	11	13
Волчанскъ.	8	12	10
Зміевъ.	6	10	4
Изюмъ.	10	11	13
Купянскъ.	6	9	7
Лебединъ.	10	10	15
Ново-Екатеринославъ.	7	11	7
Славянскъ.	14	10	8
Малиновская ст.	—	—	1
Старобѣльскъ.	11	10	6
Сумы.	10	21	13
Харьковъ.	76	85	81
Чугуевъ.	12	10	7
	189	222	193

59. ХЕРСОНСКАЯ.

Александрія.	5	13	[illegible]
Ананьевъ.	10	15	[illegible]
Бериславъ.	—	—	[illegible]
Бобринецъ.	15	19	17
[illegible]мская ст.	—	—	1

	1859,	1860 и	1861
Вознесенскъ	12	12	10
Григоріополь	3	2	—
Дубоссары	—	2	2
Елисаветградъ	17	15	28
Николаевъ	15	23	20
Новая Прага	9	13	12
Нововоронцовская отд.	4	7	3
Новогеоргіевскъ	5	6	9
Новомиргородъ	25	24	20
Одесса	94	114	97
Ольвіополь	2	4	2
Очаковъ	—	—	2
Песчаный Бродъ	—	—	4
Тирасполь	4	5	7
Херсонъ	12	15	50
Яновская отд.	4	4	4
	236	293	277

60. Черниговская.

Батуринъ	2	2	2
Борзна	2	3	6
Гадячь	—	4	11
Глуховъ	9	8	9
Городня	1	4	2
Добрянка отд.	—	1	1
Климовъ	1	1	1
Клинцы посадъ	1	1	1
Козелецъ отд.	5	6	3
Конотопъ	8	10	6
Кролевецъ	1	4	7
Мглинъ	2	3	5
Новгородъ-Сѣверскъ	3	7	3
Новозыбковъ	14	7	8
Нѣжинъ	—	15	11
Остеръ	1	1	1
Погаръ	5	6	4
Почепъ м.	2	3	3
Сосница	5	9	5
Стародубъ	5	5	4
Суражъ	2	1	1
Черниговъ	15	22	25
	84	123	113

61. ШЕМАХИНСКАЯ.

	1859,	1860 и	1861
Баку.	2	5	5
Ленкораль.	—	1	1
Нуха.	—	2	1
Сальяны отд.	1	1	1
Шемаха.	3	1	1
Шуша.	4	4	3
	10	14	12

62. ЧЕРН. БЕР. ЛИНІЯ.

Сухумъ-Кале.	—	—	4
	—	—	4

63. ЭРИВАНСКАЯ.

Александрополь.	1	3	3
Нахичевань.	1	2	1
Новобоязетъ отд.	—	1	—
Ордубатъ отд.	—	—	1
Эривань.	2	4	4
	4	10	9

64. ЭСТЛЯНДСКАЯ.

Везенбергъ.	—	—	1
Гапсаль.	—	1	—
Ревель	5	5	3
	5	6	4

65. ЯКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Аянъ.	—	—	1
Верхоянскъ.	1	1	1
Олекминскъ.	1	1	1
Якутскъ.	1	1	2
	3	3	5

66. ЯРОСЛАВСКАЯ.

	1859,	1860 и	1861
Даниловъ	2	5	4
Любимъ	2	2	3
Молога	5	7	5
Мышкинъ	4	3	2
Пошехонье	2	2	4
Романовъ-Борисоглѣбскъ	—	3	—
Ростовъ	10	3	10
Рыбинскъ	11	11	9
Угличъ	4	4	5
Ярославль	30	35	48
	70	75	90

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ.

67. АВГУСТОВСКАЯ.

Августовъ	1	—	—
Граево	1	—	—
Кальварія	1	—	—
Ломжа	—	—	1
Маріамполь	—	—	1
Сувалки	—	2	2
	3	2	4

68. ВАРШАВСКАЯ.

Варшава	30	42	27
Влацлавскъ	—	—	2
Велюнь	—	1	1
Владово	—	—	1
Вольборгъ	—	—	1
Желиховъ	—	—	1
Завохотскъ	—	—	1
Ивань-городъ	—	1	—
Калишъ	—	—	2
Кутно	—	—	1
Кошица	—	1	1
Коченицы	—	—	1

	1859,	1860 и	1861
Кельцы	—	—	1
Ленчица	—	—	1
Ловичъ	1	—	1
Минскъ	1	—	—
Михаловецы	—	—	2
Остроленко	—	—	1
Піотрковъ	—	—	3
Радчинъ	—	—	1
Сохачевъ	—	—	1
Сѣрадзь	1	1	1
Седльце	—	1	4
Сташевъ	—	—	1
Хемнъ	—	—	1
Ченстоховъ	—	—	1
	33	47	59

69. ЛЮБЛИНСКАЯ:

Бяла	—	—	1
Желеховъ	1	1	—
Замость	1	2	2
Красноставъ	1	1	1
Люблинъ	2	3	2
Михаловеца	—	1	—
Ополье	1	1	1
Томашевъ	1	1	—
Яновъ	—	—	1
	7	10	8

70. ПЛОЦКАЯ:

Новогеоргіевская кр.	1	1	2
Плоцкъ	—	1	1
Пржасныщъ	—	1	1
Пултускъ	—	—	1
	1	3	5

71. РАДОМСКАЯ:

Завихвостъ	1	1	—
Кельцы	1	1	—
Олькушъ	—	—	1

	1859,	1860 и	1861
Опатовъ	—	—	1
Радомъ	—	2	1
Сташевъ	1	1	—
Сандомержъ . . . . , ...	—	1	—
Мѣховъ	—	—	1
	3	5	4

В. КН. ФИНЛЯНДСКОЕ.

72. ВЫБОРГСКАЯ:

Вильманстрандъ	1	1	1
Выборгъ	1	—	1
Фридрихсгамъ	1	1	1
	3	2	3

73. ГЕЛЬСИНГФОРСКАЯ:

Борго	1	1	1
Гельсингфорсъ	—	1	2
Свеаборгъ	—	—	1
	1	2	4

74. ТАВАСТГУСКАЯ:

Тавастгусъ	—	1	—
	—	1	—
За границу	21	18	10
Всего	5500	6598	6658

Въ прошлый разъ мы дѣлали опытъ соединенія губерній и областей въ нѣсколько большихъ группъ, сообразно ихъ отношенію къ литературѣ, и тогда же замѣчали, что вѣроятно окажется надобность нѣсколько измѣнить группировку, сдѣланную нами въ видѣ опыта. Цифры прошедшаго года, подтверждая догадки, внушенныя цифрами 1860 года, показываютъ основательность предположеній, высказанныхъ нами тогда. Губерніи Волынская и Каменецъ-Подольская дѣйствительно имѣютъ къ русской литературѣ точно такое же отношеніе, какъ литовскія губерніи, и оказываются совершенно различны отъ остальныхъ четырехъ малорусскихъ губерній характеромъ умственной жизни образованнаго класса: на Волыни и въ Подоліи рус-

ская литература распространена несравненно меньше, чѣмъ въ губерніяхъ Кіевской, Полтавской, Харьковской и Черниговской.

Губерніи, лежащія между Малоросcіею и нижнимъ Поволжьемъ, дѣйствительно не имѣютъ одинаковаго характера и каждая изъ нихъ обнаруживаетъ сходство съ тѣмъ краемъ, къ которому примыкаетъ: Курская и Воронежская похожи на Харьковскую и Полтавскую, Земля Войска Донскаго—на Новороссію, Орловская губернія на подмосковныя губерніи, Пензенская и Тамбовская на губерніи нижняго Поволжья. Сдѣлавъ распредѣленіе, сообразно этимъ даннымъ, мы получимъ слѣдующій рядъ округовъ (беремъ цифры экземпляровъ только за 1860 и 1861 гг., потому что списокъ 1859 г., составленный нѣсколько иначе, не годится для точнаго сравненія, какъ мы уже и замѣчали прошлый разъ).

I. Сѣверо-западный Великорусскій край.

Губерніи: Новгородская, Олонецкая, Псковская, Петербургская (за исключеніемъ города С.-Петербурга) и Смоленская:

1860.	1861.	населеніе.
272	277	3,650,000.

II и III. Литва и Волынь съ Подоліею.

Губерніи: Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская:

1860.	1861.	населеніе.
224	226	8,675,000.

IV. Малороссія (кромѣ Волыни съ Подоліею) и прилежащія губерніи.

Губерніи: Воронежская, Кіевская, Курская, Полтавская, Харьковская, Черниговская:

1860.	1861.	населеніе.
927	880	10,550,000.

V. Новороссія и Крымъ съ прилежащими землями.

Область Бессарабская, Земля Войска Донскаго, губерніи: Екатеринославская, Ставропольская, Таврическая, Херсонская:

1860.	1861.	населеніе.
904	857	5,475,000.

VI. Подмосковная область.

Губерніи: Владимірская, Калужская, Костромская, Московская (за исключеніемъ города Москвы), Орловская, Рязанская, Тверская Тульская, Ярославская:

1860.	1861.	населеніе.
794	803	11,100,000

VII. Южная половина Восточнаго края; губерніи: Астраханская,

Казанская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская.

1860.	1861.	населеніе.
601	645	10,600,000

VIII. Сѣверо-восточный край.

Губерніи: Архангельская, Вологодская, Вятская, Оренбургская, Пермская; Земля Войска Уральскаго:

1860.	1861.	населеніе.
259	289	7.400,000

IX. Сибирь.

1860.	1861.	населеніе.
221	250	3,400,000.

X. Кавказъ и Закавказье.

1860.	1861.
158	161.

XI, XII, XIII и XIV. Царство Польское, Остзейскія губерніи, Финляндія и заграничныя земли.

1860.	1860.
122	119.

Цифры, относящіяся къ округамъ литовскому и кавказскому, губерніямъ Волынской и Подольской, служатъ мѣркою развитія любви къ чтенію въ этихъ мѣстностяхъ, по причинамъ, которыя указывали мы въ прошлый разъ. Точно также по цифрамъ, относящимся къ петербургскому журналу, нельзя сравнивать сѣверозападнаго края, въ которомъ, конечно, болѣе петербургская журналистика, съ подмосковными, въ которомъ, конечно, преобладаетъ московская журналистика. Разсмотримъ же пропорцію между населеніемъ и числомъ экземпляровъ въ другихъ русскихъ округахъ. (Цифры населенія у насъ взяты изъ мѣсяцослова за прошлый годъ; а цифры экземпляровъ за оба года мы слагаемъ и дѣлимъ на 2, чтобы получить среднее число за оба года).

	Среднее число экземпляровъ «Современника», получавшихся за 1860 и 1861 годовъ.	Число населенія.	На 1 милліонъ населенія получалось экземпляровъ.
Новороссія (V). . .	880	5,475,000	161
Малороссія (IV) . .	904	10,550,000	86
Сибирь (IX). . . .	236	3,400,000	70
Юговост. край (VII).	623	10,600,000	59
Сѣверовост. кр. (VIII)	274	7,400,000	39

Порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ эти округи, остается тотъ же самый, какой мы получили изъ цифръ, относившихся къ одному 1860 г., и мы можемъ повторить замѣчаніе, сдѣланное въ прошлый разъ.

«Мы видимъ въ этой таблицѣ правильное возрастаніе любви къ чтенію съ сѣверовостока Европейской Россіи на югозападъ.

«По особенностямъ своей исторической судьбы, Сибирь, никогда не знавшая крѣпостнаго права, получавшая изъ Россіи постоянный приливъ самаго энергическаго и часто самаго развитаго населенія, издавна пользуется славой, что стоитъ въ умственномъ отношеніи выше Европейской Россіи,—по нашимъ цифрамъ это подтверждается, если слишкомъ общее выраженіе—Европейская Россія мы замѣнимъ болѣе опредѣлительнымъ именемъ—Великороссія.»

Разовьемъ подробнѣе замѣтки о другихъ округахъ, слишкомъ кратко сдѣланныя въ первый разъ.

Огромный перевѣсъ Новороссіи надъ Малороссіею надобно, по всей вѣроятности, приписывать собственно тому обстоятельству, что Новороссійскій край пользуется бо̀льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ Малороссія.

Въ свою очередь, Малороссія зажиточнѣе юговосточнаго Великорусскаго края, а онъ зажиточнѣе сѣверовосточнаго.

Конечно, довѣріе къ этимъ выводамъ совершенно зависитъ отъ вѣрности дѣлаемаго нами предположенія, что пропорція распространенности другихъ журналовъ и газетъ, по названнымъ нами краямъ, сходна съ пропорціею, представляемою «Современникомъ».

3

ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ УСЛОВІИ

ПРІЕМА СВОЕКОШТНЫХЪ ПАНСІОНЕРОКЪ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ,

ЗАВЕДЕНІЕ ОБЩЕИЗВѢСТНОЕ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

ДВОРЯНСКОЙ ПОЛОВИНЫ СМОЛЬНАГО МОНАСТЫРЯ.

Заведеніе это въ настоящее время преобразовано.

Бывшіе *девятилѣтніе* учебные курсы, съ производившимися чрезъ каждые три года выпусками до 150 дѣвицъ въ февралѣ и равночисленными пріемами въ августѣ — замѣнены курсами *семилѣтними*, съ ежегодными выпусками въ декабрѣ и пріемами въ январѣ.

Вмѣсто прежнихъ трехъ классовъ — младшаго или *кофейнаго*, средняго или *голубаго* и высшаго или *бѣлаго*, — въ которыхъ воспитанницы находились по три года, учреждены *семь годовыхъ классовъ*, изъ коихъ каждый подраздѣляется на два отдѣленія, заключающихъ въ себѣ по 30 воспитанницъ, что составляетъ — въ 14 отдѣленіяхъ — всего: 420 дѣвицъ; изъ нихъ 210 на казенномъ содержаніи и 210 пансіонерокъ.

Прежде — *по званію родителей* — допускались къ пріему:

На *казенное содержаніе* — дочери лицъ, имѣющихъ чины не ниже полковника и статскаго совѣтника; а

Своекоштными пансіонерками, кромѣ вышесказанныхъ дѣвицъ, имѣющихъ исключительное право поступленія на казенное содержаніе, — дочери потомственныхъ дворянъ, хотя и независимо отъ чиновъ, но только тѣхъ дворянъ, которые вписаны въ пятую или шестую части дворянской родословной книги.

Нынѣ же — въ отмѣну этого правила, оставленнаго въ своей силѣ лишь для поступающихъ на казенное содержаніе, — разрѣшено принимать *своекоштными пансіонерками* дочерей всѣхъ потомственныхъ дворянъ, безъ различія въ какую бы часть дворянской родословной книги они записаны ни были; а сверхъ того дочерей лицъ, имѣющихъ чины не ниже штабсъ-капитана и штабсъ-ротмистра гвардіи (*), майора арміи и надворнаго совѣтника.

Примѣчаніе 1. Замѣщеніе открывающихся казенныхъ вакансій производится по жребію публичныхъ баллотировокъ, возвѣщаемыхъ особыми въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіями. Какъ ранѣе 1863 года такихъ вакансій не предвидится, то первая за симъ баллотировка имѣетъ быть объявлена въ маѣ, а произведена въ сентябрѣ 1862 года, съ назначеніемъ пріема осчастливленныхъ жребіемъ дѣвицъ въ январѣ 1863 года. Просьбы о допущеніи къ баллотировкѣ будутъ приниматься съ 1 іюня по 1 августа 1862 года.

(*) Также капитана генеральнаго штаба, корпуса топографовъ, полевой артиллеріи, полевыхъ инженеровъ, саперовъ, піонеровъ и прочихъ съ сими послѣдними одинакія преимущества имѣющихъ.

Примѣчаніе 2. Прошенія же о помѣщеніи своекоштных пансіонерокъ, не моложе 10 и не старѣе 14 лѣтъ возрастомъ, принимаются во всякое время, по слѣдующей формѣ:

ФОРМА ПРОШЕНІЯ НА ПРОСТОЙ БУМАГѢ.

В Совѣтъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

Такого-то или такой-то

ПРОШЕНІЕ.

Желая помѣстить въ означенное заведеніе такую-то своекоштною пансіонеркою, съ платою по *триста пятидесяти* руб. сер. въ годъ, обязуюсь вносить за нее по 175 руб. каждые полгода впередъ; въ обезпеченіе чего предъявляю

Или: такое-то недвижимое имѣніе мое, тамъ-то находящееся (землю, строеніе, домъ).

Или: прилагаемый у сего билетъ такого-то кредитнаго установленія за такимъ-то №, на такую-то сумму (не менѣе годовой платы: 350 руб. и съ бланковою надписью, если представляется именный билетъ).

Или: такихъ-то двухъ поручителей, могущихъ поручиться на самомъ прошеніи, ниже подписи просителя, или подписать особое обязательство на простой же бумагѣ; въ обоихъ случаяхъ должны быть точно и подробно обозначены мѣста жительства, какъ просителя, такъ и поручителей, а подписи ихъ рукъ установленнымъ порядкомъ засвидѣтельствованы мѣстнымъ полицейскимъ или другимъ начальствомъ, съ приложеніемъ казенной печати.

Жительство имѣю: тамъ-то; въ случаѣ же перемѣны онаго, обязуюсь о томъ увѣдомить канцелярію Совѣта заведенія.

Къ прошенію должны быть приложены:

1. Документъ о званіи родите... дѣвицы.
...мка о ... и креея.
...и ...ельст... ...тіи ей

Примѣчаніе 3. Дѣвицы, поступающі... ...ой, ... класъ заведенія, должны знать главныя ... сать по-русски и на одномъ изъ иностра... или нѣмецкомъ, а та... писать и выговар... щія большія проти... ребованія позна... онымъ, а также по... своему — опр... *пятый* или *четверт*...

Печатать позволяе... ...ургъ, 4 ... ...ажность ...

СВИСТОКЪ

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

I.

СВИСТОКЪ, ВОСХВАЛЯЕМЫЙ СВОИМИ РЫЦАРЯМИ.

(*Подражаніе, какъ легко замѣтятъ читатели.*)

«Свистокъ» теперь на верху своей славы, въ апогеѣ своего величія; положеніе, какое онъ завоевалъ себѣ въ ряду великихъ журналовъ, можно сравнить только развѣ съ положеніемъ, завоеваннымъ ...мею въ ряду великихъ державъ. Правда, оффиціально признанъ ... сихъ поръ только «Русскимъ Словомъ» и «Временемъ»; но ... Итальянское королевство было признано сначала только ту... беемъ и португальскимъ королемъ... а потомъ и пошло,— ...о сама Франція признала его, хотя и не можетъ никакъ ...вои изъ Рима. Такъ будетъ и со «Свисткомъ»: прой...ена литературныхъ смутъ, разсѣются туманы не... «Русскій Вѣстникъ» признаетъ «Свистокъ», хотя ...ніи будетъ никакими кислотами вывести изъ сво... ...бозрѣнія» — ни статей г. Юркевича, ни раз...кое свистуны.

Но и непризнанный de jure, «Свистокъ» уже признанъ своими собратьями de facto: а это гораздо важнѣе. Нѣтъ теперь въ необъятной Россіи ни одного порядочнаго органа благородной мысли, ни одного проводника высокихъ убѣжденій, стремящагося къ благотворнымъ цѣлямъ, ни одного глашатая правды и чести, который бы мысленно не обращался ежеминутно къ «Свистку», печатно не говорилъ ежемѣсячно о «Свисткѣ», и не старался походить на него, если не всецѣло, то хотя нѣкоторыми частями своего существа. Нѣтъ ни одного суроваго ученаго, ни одного служителя чистой науки, у котораго въ ушахъ не раздавался бы безпрестанно «Свистокъ», — (особенно, если онъ живетъ недалеко отъ воксала желѣзной дороги).

И какъ быстро пріобрѣтенъ его успѣхъ! Вы помните начало «Свистка»: онъ родился въ счастливую минуту,—въ ту самую, когда подымалась война за независимость Италіи. Но, можно сказать, не хвалясь, что какъ ни изумительны прогрессы Италіи въ ея дѣлѣ, а «Свистокъ» превзошелъ ее. Вспомните, какъ онъ былъ встрѣченъ, какими препятствіями окруженъ, какъ былъ безпомощенъ въ началѣ своей жизни! Онъ былъ, правда, принятъ подъ покровительство «Современника», но общественное положеніе этого журнала, надо признаться, чрезвычайно шатко: онъ не имѣетъ и даже не можетъ пріобрѣсти ни малѣйшаго авторитета. Онъ бы и радъ, онъ и усиливается, да не выходитъ ничего... Какъ, напримѣръ, онъ убивался, чтобы пойдти «честнымъ путемъ изученія и разработки матеріаловъ», чтобы попасть въ ученую колею... Нѣтъ, что ни начнетъ, а подъ конецъ никакъ не можетъ! Непремѣнно скандалъ выйдетъ... И даже безъ всякаго съ его стороны желанія, — а такъ ужь, судьба его такая... Началъ онъ, напр., 1860-й годъ спеціальнѣйшею изъ спеціальностей, разсужденіемъ о первыхъ русскихъ князьяхъ; кажется, чего бы лучше? Въ «Отечественныхъ Запискахъ» это было бы капитальнѣйшее произведеніе русской литературы; а въ «Современникѣ» вышла—свистопляска... Далѣе продолжалъ онъ свое поприще—напечаталъ статью о наслѣдствѣ по закону,—весьма ученое и титулованное сочиненіе; радовался-было, что хоть тутъ солидность свою оградилъ, —въ слѣдующемъ году г. Лохвицкій внезапно доказалъ всѣмъ, что и тутъ была только свистопляска. Пустилъ-было «Современникъ», собственно для приданія себѣ болѣе ученаго вида, статьи «Объ антропологическомъ принципѣ философіи». Ужь одно заглавіе, кажется, чего стоитъ! Въ «Отечественныхъ Запискахъ», напримѣръ, какая нибудь статейка «нѣчто объ естественномъ сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ» — повергаетъ читателей въ прахъ предъ ученостью редакціи... Въ «Современникѣ» даже искусно подобран-

ное заглавіе не помогаетъ: не далѣе, какъ лѣтомъ въ слѣдующемъ году оказалось, что и въ этихъ статьяхъ «Современникъ» не только на путь науки не вступилъ, но еще невѣжество распространялъ въ русской публикѣ, что даже вовсе и несовременно, по мнѣнію русскихъ журналовъ... И вѣдь — что всего печальнѣе, — истинныя-то, такъ сказать, прирожденныя свойства статей «Современника» раскрываются обыкновенно по прошествіи долгаго времени, черезъ годъ, черезъ полтора, — такъ что журналъ этотъ рѣшительно не знаетъ, чего ему ожидать на слѣдующій годъ. «Русскій Вѣстникъ», напримѣръ, помѣстивъ нѣсколько статей о древневавилонской письменности и черезъ два мѣсяца не встрѣтивъ на нихъ возраженій въ журналѣ, издаваемомъ парижскою «академіею надписей», — успокоивается и можетъ обратиться — ну, хоть къ печатанію «Майора» г. Кулиша: и опять увѣренъ, что ужь разбора этой повѣсти не появится черезъ годъ.. «Современникъ» не въ такомъ положеніи, онъ долженъ ежемѣсячно содрогаться не только за свое настоящее, но и за прошедшее... Года три тому назадъ, напримѣръ, одна изъ книжекъ «Современника» украшена была изслѣдованіемъ г. Пекарскаго о Кандратовичѣ; повидимому изслѣдованіе дѣльное, безупречное, за нимъ можно стоять, какъ за каменной горой... А кто знаетъ, — вдругъ выходятъ новыя книжки журналовъ, и въ нихъ восторженное извѣстіе, что въ стерлитамакскомъ уѣздномъ училищѣ сдѣланы драгоцѣннѣйшія изслѣдованія, несомнѣнно убѣждающія, что въ статьѣ «Современника» о Кандратовичѣ ничего нѣтъ, кромѣ невѣжества и свистунства. И затѣмъ «драгоцѣннѣйшія изсѣдованія» будутъ перепечатаны во всѣхъ журналахъ, и авторъ ихъ возведется въ званіе академика, — все для вящщаго посрамленія «Современника»...

Съ такимъ-то журналомъ долженъ былъ связать судьбу свою «Свистокъ» въ началѣ своей земной жизни. Очевидно, это было для него плохое прикрытіе. Но вообразите, даже и «Современникъ» при всемъ томъ, что былъ ужь достаточно ославленъ за свое легкомысліе, — и онъ подвергся на первое время жестокимъ упрекамъ за дружбу съ «Свисткомъ»: до того «Свистокъ» казался презрѣннымъ, неприличнымъ, недостойнымъ высокаго призванія отечественной журналистики. До «Свистка» «Современникъ» еще кое-какъ терпѣли: при появленіи «Свистка» немедленно крикнули, — сначала изъ Москвы:

Вы приличья презираете,
Вы родились съ мѣднымъ лбомъ;
Въ русской публикѣ гуляете
Вы подъ ручку со «Свисткомъ»;

Въ дни прогресса несказаннаго,
Въ дни возвышенныхъ надеждъ,
Звукомъ свиста балаганнаго
Потѣшаете невѣждъ!
Заблужденія прощаются,
Но изъ мѣры вышли вы:
Васъ съ презрѣньемъ отрицаются
Всѣ ученые Москвы.

Петербургъ, конечно, не отсталъ отъ Москвы, только онъ выразилъ свое негодованіе въ тонкой и изящной эпиграммѣ:

У Гоголя квартальный Свистуновъ
Всѣмъ любитъ фонарей наставить подъ глазами,
А *современная* ватага свистуновъ
Мнитъ просвѣщенія фонарь задуть свистками.

Можетъ быть, мы и не совсѣмъ точно приводимъ эпиграмму, но что-то въ такомъ родѣ несомнѣнно существовало насчетъ «Свистка».

Мы бы не кончили, если бы захотѣли перебирать всѣ отчаянные возгласы журналистовъ относительно неприличія журналу имѣть балаганный отдѣлъ. «Revue des deux Mondes» не имѣетъ балаганнаго отдѣла,—справедливо утверждали просвѣщенные журналисты; «Westminster Review» не имѣетъ балаганнаго отдѣла, продолжали они, доказывая свое знаніе европейскихъ литературъ; что сказали бы въ Германіи, если бы Virteljahrliche Schrift вздумало завести у себя балаганный отдѣлъ,—настаивали они еще, показывая, что и по-нѣмецки знаютъ; какое бы впечатлѣніе выразилось въ Испаніи, если бы «La Epoca» завела у себя балаганный отдѣлъ,—приставали они снова, давая замѣтить, что они — лингвисты; въ какое бы состояніе пришла возрождающаяся Италія, если бы «Rivista Contemporanea» позволила себѣ завести балаганный отдѣлъ, — неутомимо выкрикивали они, утверждая читателя въ мысли, что, кромѣ знанія языковъ, имъ нечужды и политическія соображенія...

«Современникъ», великодушный, многотерпѣливый «Современникъ»! Сколько вынесъ онъ нареканій, какому подвергался позору изъ-за «Свистка»! Онъ усиливался попасть въ кругъ людей порядочныхъ, печаталъ дѣльныя статьи гг. Безобразова, Пекарскаго, Пейзена, Пыпина, Кавелина, Костомарова, печаталъ отрывки изъ романа г. Гончарова, — а его все-таки звали свистуномъ... Всеобщее презрѣніе, возбужденное свисткомъ, было такъ велико, что въ обѣихъ столицахъ нашлись Катоны, которые рѣшились высказывать свое негодованіе на него по *всякому* случаю, — по поводу ли картины Иванова, или обществъ трезвости, смерти Маколея или освобожденія крестьянъ...

Такъ шло два года. «Свистокъ» пришелъ въ уныніе и пересталъ являться, чтобы не компрометировать «Современника»; «Современникъ» обратился къ Китаю и въ каждой книжкѣ удѣлялъ нѣсколько десятковъ страницъ на изображеніе китайской жизни, которая прежде являлась въ немъ только въ литературныхъ снахъ Новаго поэта на новый годъ... Повидимому враги торжествовали, пользуясь чувствительностью «Свистка», который рѣшился на самопожертвованіе изъ жалости къ страдавшему за него «Современнику».

Но на дѣлѣ готовилось «Свистку» полное торжество и, главное, рѣшительное оправданіе предъ великодушнымъ покровителемъ. Теперь онъ смѣло можетъ смотрѣть въ глаза «Современнику» и даже ожидать отъ него благодарности, а не укоровъ. Произошло вотъ что.

Въ 1861-мъ году водворился новый «Вѣкъ» въ русской литературѣ. О наступленіи его возвѣщено было задолго до новаго года; появленіе его было привѣтствовано громкими рукоплесканіями. Всѣ стремились къ этому журналу, въ которомъ обѣщалось вѣрное и нелицепріятное служеніе наукѣ и полное уваженіе къ высокимъ принципамъ современной цивилизаціи. Всѣ журналы почтительно обратили свои взоры на новаго собрата, въ редакціи котораго участвовали такія лица, какъ К. Д. Кавелинъ, А. В. Дружининъ, В. П. Безобразовъ и П. И. Вейнбергъ. Послѣ выхода перваго нумера, написано было даже восторженное стихотвореніе, неизвѣстно почему, не появлявшееся въ печати:

НОВЫЙ ВѢКЪ.

Зрѣетъ все, что было зелено,
Правдѣ зиждется престолъ:
«Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
Безобразова пришелъ.
«Вѣкъ» Пожарскаго и Минина,
Дружбу князя съ мясникомъ,
«Вѣкъ» Кавелина, Дружинина
Возвратилъ намъ цѣликомъ.
Въ «Вѣкѣ» Вейнберга, Кавелина
Будетъ всюду тишь да гладь,
Ибо въ немъ для счастья велѣно
Всѣмъ законы изучать.
«Вѣкъ» счастливый Безобразова
Бѣдняка обогатитъ,
Зрячимъ сдѣлаетъ безглазаго
И банкруту дастъ кредитъ...
Будетъ зрѣло все, что зелено,
И свершится человѣкъ...

«Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова Вѣкъ!...

Почему *Чернокнижникова Вѣкъ?* Не клевета ли это? Какъ же журналъ, посвящающій себя служенію общественной мысли, можетъ допустить до себя мысль о Чернокнижниковѣ?...

Вотъ то-то и есть, что не мысль, а самого Чернокнижникова, такъ хорошо разсказывавшаго о масляничныхъ балаганахъ, допустилъ къ себѣ «Вѣкъ». Въ первомъ нумерѣ его напечатано было письмо Чернокнижникова, обѣщавшее рядъ ихъ, — и всей Европѣ, черезъ посредство корреспондента Nord'a, возвѣщено: «le brillant feuilletoniste» будетъ постоянно украшать «Вѣкъ» своимъ остроуміемъ. Европа не выразила своего изумленія, надо полагать, собственно потому, что не знала, какого сорта *блескомъ* отличаются фельетоны Чернокнижникова. Но мы думали: зачѣмъ же такъ поруганъ «Современникъ» за дружество со «Свисткомъ?» Отчего же «Вѣку» позволяется заниматься чернокнижіемъ, а «Современнику» нѣтъ.

Но вообразите себѣ наше удивленіе при полученіи первыхъ нумеровъ всѣхъ журналовъ! Въ концѣ 1860-го года «Современникъ» не выдержалъ, и опять-таки пустилъ къ себѣ «Свистокъ»; въ первой книжкѣ слѣдующаго года тоже готовъ былъ «Свистокъ». Это, конечно, при великодушіи и гуманности «Современника» относительно меньшей братіи, и не было особенно удивительно. Въ другихъ же журналахъ мы ожидали попрежнему жесточайшихъ укоровъ, высказанныхъ съ благороднымъ негодованіемъ и съ указаніемъ на «Revue des deux Mondes». И вмѣсто того, — что же? — во всѣхъ, во всѣхъ журналахъ заведенъ свистокъ!.. Во всѣхъ журналахъ балаганный отдѣлъ! Смотримъ, читаемъ, сомнѣваемся, такъ ли это?.. Да, ни малѣйшаго сомнѣнія: всѣ журналы, не исключая и тѣхъ, которые наиболѣе стараются походить на «Revue des deux Mondes», — признали необходимымъ открыть балаганные отдѣлы, отдѣлы со свистомъ и пляскою!..

Въ «Отечественныхъ Запискахъ», сверхъ обычнаго отдѣла *Современной Хроники*, оказались «Записки Праздношатающагося». «Отечественныя Записки»! Помните ли вы, что въ «Revue des deux Mondes» нѣтъ «Записокъ Праздношатающагося», и что балаганные отдѣлы въ журналахъ недостойны литературы, сколько нибудь уважающей себя?

Въ «Русскомъ словѣ», вмѣсто солидной хроники общественной жизни, явились «Замѣтки темнаго человѣка». Русское слово! Что, еслибы «Замѣтки темнаго человѣка» явились въ Геттингенѣ? Какое впечатлѣніе произвели бы они на тамошнюю публику?

«Библіотека для Чтенія» пустилась печатать «Воззрѣнія, чувства

и наблюденія статскаго совѣтника Салатушки», подъ видомъ постояннаго фельетона. «Библіотека для Чтенія»! Можно ли унижать себя до смѣхотворныхъ воззрѣній статскаго совѣтника Салатушки; когда вокругъ раздается столько симпатическихъ голосовъ людей, честно служащихъ высокому дѣлу гражданскаго преуспѣянія, и когда въ самомъ вертоградѣ нашей словесности распускаются цвѣтки, достойные заботливаго и искуснаго ухода? Вспомни, «Библіотека», что кто рѣшается все осмѣивать, кто съ балаганнымъ индифферентизмомъ отзывается объ искусствѣ, о Рашели и Ристори, тотъ не имѣетъ сердца. Неужели ты не имѣешь сердца?

«Время», журналъ новый, долженствовавшій быть если не робкимъ, то по крайней мѣрѣ осмотрительнымъ,—и «Время» не побоялось дебютировать *фельетономъ*: «Записками ненужнаго человѣка». О Время! о нравы! воскликнули мы отъ глубины души...

Но всего больше поразилъ насъ «Русскій Вѣстникъ»: отъ него-то ужь мы никакъ не ожидали, чтобы онъ завелъ у себя балаганный отдѣлъ, котораго нѣтъ въ «Revue des deux Mondes.» А завелъ! и еще какъ завелъ: предварительно возвѣстилъ объ этомъ, а потомъ и открылъ «Литературное Обозрѣніе и Замѣтки», въ которыхъ сталъ даже остроумныя заглавія пріискивать: «Старые боги и новые боги», «Нашъ языкъ, и что такое свистуны», «Одного поля ягоды»... А помните, какъ, бывало, даже самыя ядовитыя статьи свои, какъ, напримѣръ, противъ князя Черкасскаго, и пр., онъ пускалъ подъ величаво-скромнымъ заглавіемъ: «Замѣтка». Гдѣ тѣ времена?... О, «Русскій Вѣстникъ», «Русскій Вѣстникъ»! Куда увлекло тебя подражаніе? И кому же? «Современнику» — «Свистку»!... Не было ли предъ тобою образца въ почтенныхъ, истинно достойныхъ подражанія Revue des deux Mondes, Westminster Review, и т. п.? Имѣютъ ли балаганные отдѣлы эти почтенные журналы, нѣкогда поставлявшіеся въ примѣръ «Современнику»? Занимаются ли они журнальными сплетнями, пишутъ ли ежемѣсячно длинныя статьи о свистѣ? Нѣтъ, «Русскій Вѣстникъ», если они и займутся свистомъ, то развѣ въ ученой статьѣ: «о свистѣ въ технически-музыкальномъ отношеніи», то есть въ такой статьѣ, которая не уронитъ ихъ ученаго достоинства.

О «Атеней!» Зачѣмъ ты рано умеръ? А то и ты могъ бы теперь завести у себя балаганный отдѣлъ, который, можетъ, спасъ бы тебя отъ смерти.

Всеобщее сознаніе, заявленное всѣми журналами, въ необходимости «Свистка», ободрило насъ, и мы немедленно хотѣли выписать его изъ-за границы, объявляя ему, что житье нашему брату въ Россіи теперь гораздо лучше заграничнаго: свищи, сколько душѣ

угодно, — отголоски встрѣтишь повсюду. Но «Свисткомъ» на тотъ разъ овладѣло разочарованіе, и онъ не повѣрилъ возможности превращенія, о которомъ мы ему писали.... Мы принуждены были остаться въ наблюдательномъ положеніи и долго оставались въ этомъ положеніи. Наклонность къ свисту всѣхъ журналовъ, даже и солиднѣйшихъ между ними, самая непритворная и искренняя, съ каждымъ днемъ обнаруживалась все болѣе и болѣе. Балаганные отдѣлы становились все обширнѣе и обширнѣе, свистъ съ каждымъ днемъ дѣлался все рѣзче и пронзительнѣе.... Наконецъ по поводу появленія, лѣтомъ прошедшаго года, «Полемическихъ красотъ» въ «Современникѣ», нѣкоторые журналы, забывъ и ученыя цѣли, которымъ постоянно служатъ, и многолѣтнія ученыя привычки, обратили положительно всѣ свои отдѣлы въ балаганные. Вообще же свистъ сдѣлался столь пронзительнымъ и рѣзкимъ, что сталъ похожъ на визжаніе, раздавался непрерывно, неумолкно во всѣхъ журналахъ, газетахъ, газеткахъ, такъ что въ нескончаемости его въ отечественной литературѣ не могло оставаться болѣе никакого сомнѣнія. Тогда мы немедленно телеграфировали «Свистку» за границу, чтобы онъ, не тревожась болѣе никакими сомнѣніями, поспѣшилъ пріѣздомъ въ отечество. Осенью, прошедшаго года, «Свистокъ» прибылъ въ Россію, все еще полный недовѣрія въ общее сочувствіе къ нему отечественной литературы. Но едва онъ успѣлъ пересмотрѣть нѣсколько книжекъ лѣтнихъ журналовъ, какъ ясно понялъ не только неосновательность своихъ сомнѣній, но и то: какъ много потерялъ онъ во время долгаго пребыванія своего за границей.... Оказалось, что вѣчно ясное небо Италіи, благодатная южная природа, античные памятники классической древности подѣйствовали самымъ вреднымъ образомъ на способности къ свисту... Свистъ потерялъ рѣзкость, пронзительность, жесткость — обычныя свойства свои на сѣверѣ, сдѣлался мягкимъ, пѣвучимъ, нѣжнымъ.... однимъ словомъ, совершенно негоднымъ для дѣйствія въ литературѣ отечественной. «Свистокъ» сильно этимъ обезпокоился и употребилъ всѣ силы, чтобы снова *ожесточить* свой свистъ, сдѣлать его солидарнымъ свистамъ [illegible]имъ. Отказавшись отъ всѣхъ удовольствій сѣверной столицы, [illegible]ъ въ кабинетѣ, «Свистокъ» свистѣлъ себѣ уединенно, стар[illegible]кать лучшимъ образцамъ современнаго свиста. Статьи: «С[illegible] и новые боги», «Нашъ языкъ и что такое свистуны», «Од[illegible]ды» не сходили у него со стола... Наконецъ послѣ нѣскол[illegible]ъ упорнаго труда свистъ началъ видимо укрѣпляться. [illegible]зыпались родные звуки... Но отъ совершенства онъ все е[illegible]ко. А между тѣмъ приходило врем[illegible] «Свистокъ», пол[illegible] женъ былъ выступить на об[illegible]рену... Нас[illegible]

лѣтіе Россіи... Времени оставалось немного... «Свистокъ» снова заперся въ своемъ кабинетѣ и сталъ работать съ утроенной силою... Наконецъ наступила и давно ожидаемая всѣми великая эпоха въ жизни нашего отечества... А «Свистокъ» все оставался еще не вполнѣ доволенъ сдѣланными имъ успѣхами...

Долго думалъ «Свистокъ» отозваться ли ему,—т. е. свиснуть ли по поводу совершившагося тысячелѣтія Россіи, или благоразумно промолчать, точно такъ, какъ благоразумно промолчали въ свое время и «Санктпетербургскія Вѣдомости» и «Сѣверная Пчела» о несостоятельности главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Оказалось однакожь, что «Свистку» молчать было вовсе невозможно. Всѣ газеты, журналы, ученые, даже Николай Иванычъ Костомаровъ, даже календарь—заговорили о тысячелѣтіи Россіи. Могъ ли «Свистокъ» ничего не свиснуть о такомъ великомъ событіи?—Но не одно самолюбіе заставило «Свистокъ» вновь выступить на общественную арену, а, можно сказать, сердечное сочувствіе къ великой эпохѣ... Празднуя тысячелѣтіе Россіи, «Свистокъ» праздновалъ нѣкоторымъ образомъ свое собственное тысячелѣтіе. Нѣтъ вѣдь ни одной прочной славы, которая бы явилась и утвердилась въ мірѣ, не бывъ предварительно никѣмъ освистана. Не освищи славяне варяговъ,— они никогда бы не поняли ихъ достоинства и мудрости, и никогда не призвали бы ихъ *«володѣти»* собою. «Свистокъ твердо убѣжденъ и не можетъ не гордиться, что даже такое могущественное государство, какъ Русское, своимъ существованіемъ обязано нѣкоторымъ образомъ его несомнѣнному содѣйствію. Только нерасположеніемъ къ «Свистку» или недальновидностію нашихъ ученыхъ и журналистовъ можетъ быть объяснено то обстоятельство, что никто изъ нихъ не упомянулъ доселѣ о такой важной заслугѣ «Свистка».

Скромное сознаніе этой заслуги было, между прочимъ, причиною, что «Свистокъ» и послѣ того, какъ рѣшился выступить передъ публику, долго колебался: какимъ свистомъ выразить ему свои задушевныя думы о тысячелѣтіи Россіи? Держаться ли ему стиля *серьезно-возвышеннаго*, какимъ пишетъ обыкновенно г. Громека и о полиціи, и о неисполненіи положеній торопецкимъ мировымъ съѣздомъ, и о шаремыжной какой-то воскресной школѣ, существовавшей въ Иркутскѣ назадъ тому полтора вѣка,—или *бурно-догматическаго*, которымъ разятъ враговъ своихъ «Литературныя замѣтки» и «Элегіи» «Русскаго Вѣстника», или наконецъ *ильжно-историческаго* и *обличительно-сочувственнаго*, какимъ говоритъ обыкновенно публицистъ «Сѣверной Пчелы» о явленіяхъ жизни общественной, въ особенности же государственной? — «Свистокъ» самъ, по мягкой природѣ своей, былъ бы болѣе склоненъ къ свисту въ послѣднемъ родѣ. Даже послѣ по-

ѣздки за границу, послѣ основательнаго изученія античныхъ памятниковъ классической древности, послѣ долгаго наслажденія вѣчными красотами южной природы, послѣ короткаго знакомства съ европейской цивилизаціей, онъ находилъ бы такой только свистъ и единственно приличнымъ въ нашемъ благоустроенномъ обществѣ. «Свистокъ» не рѣшался однакожъ начать свиста первый; онъ боялся, чтобы нѣжнымъ и мягкимъ свистомъ не унизить важности событія и торжества, и тѣмъ не поставить себя въ непріятное положеніе впослѣдствіи отсвистываться отъ нападеній патріотовъ; съ другой стороны, и свистѣть возвышенно было также не безопасно. Начни «Свистокъ» свистъ въ такомъ родѣ,—недоброжелатели «Свистка» сейчасъ бы заговорили, что онъ поднялъ свистъ возвышенный потому только, что самъ участвовалъ въ основаніи государства и хочетъ воспѣть свои собственныя заслуги. Такая точно исторія, какъ то не безъизвѣстно читателю, случилась назадъ тому нѣсколько лѣтъ съ г. Громекою. Въ бытность свою редакторомъ «Листка» Общества пароходства и торговли, онъ на одномъ торжественномъ обѣдѣ стилемъ возвышеннымъ описалъ многочисленныя заслуги «Листка»,—не имѣя при этомъ, само собою разумѣется, вовсе мысли о себѣ и о своихъ подвигахъ, — а его заподозрили въ самовосхваленіи... «Свистокъ» выжидалъ, какимъ стилемъ заговорятъ о тысячелѣтіи Россіи авторитеты. Недавно, послѣ одного литературнаго вечера, на которомъ Н. И. Костомаровъ читалъ о тысячелѣтіи Россіи, стали носиться слухи, что Николай Ивановичъ Костомаровъ написалъ свое тысячелѣтіе въ стилѣ яро-возвышенномъ, что онъ, можно сказать, гремѣлъ о прошедшей славѣ и подвигахъ нашего любезнаго отечества, или, выражаясь малороссійски-поэтически, —

Какъ Псіолъ стогнавъ и клекотавъ.

Хотя слава Николая Иваныча Костомарова покоится на незыблемыхъ основаніяхъ, а по норманскому вопросу, какъ помнятъ, конечно, читатели, отствистана даже «Свисткомъ» противъ нападокъ недоброжелателей, (что можетъ быть прочнѣе такой славы?); хотя славы этой не могли пошатнуть даже новѣйшія многочисленныя сочиненія Н. И. Костомарова о ломкѣ университетовъ, какъ ни были они ерундовидны,—однакожь «Свистокъ», всегда осторожный, не рѣшался по однимъ слухамъ идти даже по стопамъ и такого авторитета, какъ Н. И. Костомаровъ. «Свистокъ» неосновательно полагалъ, что если Н. И. Костомаровъ дѣйствительно говорилъ о тысячелѣтіи Россіи, и говорилъ въ стилѣ яростномъ, то явится тысяча статей о тысячелѣтіи Россіи, и каждая изъ нихъ будетъ стараться превзойти своихъ соперницъ яростію самою неукротимою. Таково было всегда вліяніе

славы авторитета на возбужденіе вдохновенія, мысли, силы, дѣятельности въ нашихъ любезныхъ соотечественникахъ. «Свистокъ» дѣйствительно не ошибся. Взглянувъ недавно въ одинъ № «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», онъ встрѣтилъ статью подъ оригинальнымъ заглавіемъ: 862—1862, и прочелъ такое вступленіе:

«Тысяча лѣтъ Россіи, тысяча лѣтъ Россіи! Ударилъ колоколъ Это не погребальный звонъ умирающему государству; это набатъ возрожденія славянскихъ племенъ къ новой жизни, канунъ которой отпразднованъ былъ 19 февраля!

Руки ваши, братья!»

По прочтеніи этихъ строкъ, «Свистокъ» вдругъ почувствовалъ себя какъ-то особенно легко, пріятно; съ души свалилось точно бремя какое, всѣ сомнѣнія исчезли, явилась внутренняя, ничѣмъ неукротимая потребность свиснуть... и свиснулось само собою, невольно... сначала стихами, потомъ прозой, потомъ и пошло, и пошло, и пошло...

Характеръ свиста для тысячелѣтія Россіи опредѣлился самъ собою....

«СВИСТОКЪ» AD SE IPSUM (*).

Свободный, какъ птица, несвязанный срокомъ
Журнальной подписки и выхода книжекъ,
Являюсь я рѣдко, всегда ненарокомъ, —
Но яркими буквами слѣдъ свой я выжегъ
Въ сердцахъ благодарныхъ россійскихъ согражданъ.
Мой свистъ облегчалъ ихъ сердечныя раны;
Какъ влага въ пустынѣ, я былъ ими жажданъ,
Когда ихъ томили сухіе туманы;
Во мнѣ лишь нашли они ключъ разумѣнья,
Когда возникала россійская гласность
И головы мудрыхъ повергла въ сомнѣнье —
И розгу, и взятку не ждетъ ли опасность;
Я былъ утѣшеньемъ, я былъ имъ опорой,
Когда населенье Россіи смущенной
Пугалъ нашъ прогрессъ изумительно-скорый,
Внезапно открытый въ Москвѣ умиленной.
Вопросъ о евреяхъ, вопросъ о норманнахъ,
Великій вопросъ объ экзаменѣ строгомъ,
Шестнадцать гусей неповинно пожранныхъ
И опытъ пощенья по волжскимъ дорогамъ,
Короче — на все, что роднымъ публицистамъ

(*) Заглавіе заимствовано у Горація; означаетъ: «Свистокъ» къ самому себѣ

Тревожные сердце и умъ волновало, —
На все отзывался я радостнымъ свистомъ
И всѣхъ утѣшалъ я... Но этого мало:
Въ Европѣ свершалась великая драма, —
И къ ней обратилъ я родное вниманье,
Австрійской поэзіей Якова Хама
Сограждан моихъ просвѣтивъ пониманье.
Неаполю далъ я благіе уроки,
На все отозвался, — ни слабо, ни рѣзко, —
И, всюду сбирая прекрасные соки,
Воспѣвъ Гарибальди, воспѣлъ и Франческо!...

И нынѣ являюсь я къ читателю снова;
Хочу наградить я его за терпѣнье,
Хочу я принесть ему свѣжее слово, —
Насколько возможно въ моемъ положеньи...
А впрочемъ читатель ко мнѣ благосклоненъ
И въ сердцѣ моемъ онъ прекрасно читаетъ:
Онъ знаетъ, къ какому я роду наклоненъ
И лучше ученыхъ мой свистъ понимаетъ.
Онъ знаетъ: плясать бы заставилъ я дубы,
Совсѣмъ измѣнилъ бы ихъ нравы и доли,
Когда бъ на морозѣ не трескались губы
И свистъ мой порою не стоилъ мнѣ боли....

II.

862—1862.

или

ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ РОССІИ.

Сочиненіе «Свистка», юнаго россійскаго поэта, философа, историка и вообще сочинителя, получившаго окончательное образованіе за границей, будущаго академика и члена разныхъ ученыхъ россійскихъ обществъ и учрежденій и будущаго разныхъ орденовъ кавалера.

Протекло ровно тысяча лѣтъ отъ 862 года до 1862. Если варяги призваны славянами на княженіе дѣйствительно въ 862 году, что впрочемъ еще окончательно не доказано и едва ли когда нибудь можетъ быть доказано, то нельзя не согласиться, что Россійское государство прожило полную тысячу лѣтъ. Въ жизни такого колоссальнаго государства, какъ Русское, развивавшагося такъ самобытно, такъ оригинально, по временамъ даже такъ странно; государства, населеннаго народомъ великимъ, предназначеннымъ неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія пронести свѣтъ цивилизаціи на Востокъ, какъ это несомнѣнно доказано нашими философами, публицистами, поэтами и историками, слить Востокъ съ Западомъ, обновить наконецъ одряхлѣвшій уже совершенно Западъ, — тысяча лѣтъ не бездѣлица, а эпоха, и эпоха поистинѣ великая! Если бы мы не знали, что дѣйствительно прожили тысячу лѣтъ, то по тому одному, что совершается ежедневно передъ нашими глазами, мы не могли бы усомниться, что мы прожили никакъ не менѣе тысячи лѣтъ. Куда бы мы ни обратили взоръ нашъ, вездѣ,—мы видимъ,—происходитъ нѣчто великое, такое, что только и можетъ происходить въ государствѣ благоустроенномъ, цивилизованномъ, прожившемъ по крайней мѣрѣ десятокъ вѣковъ. Постройка главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ огромной, въ 4,000 верстъ, сѣти желѣзныхъ дорогъ, охватывающей почти всю Россію, сѣти, въ которую попалось столько добродушныхъ акціонеровъ, повсемѣстное распространеніе воскресныхъ школъ и необыкновенное ихъ преуспѣяніе, безпощадная гласность, разящая безъ лицепріятія всѣхъ — и великихъ и малыхъ міра сего, подъ

образами X, У, Z и другихъ алгебраическихъ знаковъ, растворенiе пива *кукельваномъ*, изобрѣтенiе въ Москвѣ новаго серебра, появленiе «Дня», открытiе г. Камбекомъ особаго отдѣла для ерунды, борьба «Основы» съ «Сiономъ», «Домашней Бесѣды» съ «Духомъ христiанина» и «Православнымъ обозрѣнiемъ» и проч. и проч.,—все это такiя чудесныя явленiя, которыя въ вѣкѣ варварства были бы названы навожденiемъ дьявольскимъ или несомнѣнными знаменiями скораго пришествiя антихриста; мы же съ гордостiю можемъ указать на нихъ, какъ на несомнѣнныя свидѣтельства нашихъ неимовѣрныхъ успѣховъ на пути прогресса и цивилизацiи, и на залоги нашего будущаго развитiя. А сколько въ послѣднiе 5 — 6 лѣтъ поднято и поднимается донынѣ каждодневно разнаго рода вопросовъ? — И всѣ они разсматриваются съ такимъ напряженнымъ вниманiемъ, съ такою осмотрительностiю, что можно положительно сказать, что ни одинъ еще изъ нихъ не разсмотрѣнъ и не рѣшенъ окончательно. Попытаемся перечислить болѣе общiе и болѣе извѣстные изъ нихъ.

1) *Впередъ намъ идти или назадъ?* Вопросъ этотъ давно уже разсматривался. При первоначальномъ разсмотрѣнiи его всѣ единогласно порѣшили было: *идти впередъ*, и въ такомъ видѣ дѣло по этому вопросу было зачислено конченнымъ и сдано въ архивъ. Говорятъ, на послѣднемъ литературномъ чтенiи Н. И. Костомаровъ снова поднялъ этотъ вопросъ. Онъ, т. е. Н. И. Костомаровъ, находитъ, что мы слишкомъ уже пошли, и что не худо поворотить назадъ. Справедливы ли эти слухи? Съ нетерпѣнiемъ ожидаемъ появленiя въ свѣтъ вышеупомянутаго нами сочиненiя Н. И. Костомарова: «Тысячелѣтiе Россiи», которое должно разсѣять наши недоумѣнiя. Если Н. И. Костомаровъ дѣйствительно сказалъ, что попятиться назадъ намъ не худо, то и мы тѣхъ мыслей, что, пожалуй, не попятиться ли? Въ самомъ дѣлѣ, недалеко ли мы уже очень угнали?

2) *Что значитъ идти впередъ, и что значитъ идти назадъ?*— Вопросъ также очень древнiй, но далеко еще не рѣшенный. Какъ узнать: кто идетъ впередъ? — Г. Аскоченскiй говоритъ, что онъ одинъ идетъ впередъ, называя всѣхъ другихъ передовыхъ развратителями, еретиками, чуть ли даже не безбожниками. «Русскiй Вѣстникъ» говоритъ, что, напротивъ, онъ только идетъ впередъ, называя всѣхъ другихъ мальчишками, пустозвонами, свистунами и т. д. «День» говоритъ, что не облачившись въ сибирки, или зипунъ, не надѣвши смазныхъ сапоговъ, нельзя и подумать идти впередъ; что вообще для того, чтобъ идти впередъ, надобно сначала поворотить ко временамъ Ивана Грознаго, а оттуда уже съ божiею помощiю и отправляться въ дальнѣйшiй путь. «Свѣточь» идетъ впередъ также особнякомъ. Онъ полагаетъ, что впередъ невозмож-

не идти не помиривъ фрака съ зипуномъ, плящки съ повойникомъ, Западъ съ Востокомъ, что надъ этой задачей онъ и работаетъ теперь денно-нощно, чтобы потомъ начать торжественное шествіе впередъ. «Свистокъ» идетъ впередъ — и говорить нечего, — также совершеннымъ особнякомъ. Обозрѣвая силы и характеръ разнаго рода россійскихъ передовыхъ, онъ думаетъ, что въ наше время идти впередъ — значитъ неутомимо обсвистывать всѣхъ передовыхъ, чтобы они не завели любезнаго отечества въ непроходимыя дебри, изъ которыхъ впослѣдствіи не въ примѣръ труднѣе будетъ выдираться, чѣмъ изъ дебрей норманскихъ, устроенныхъ М. П. Погодинымъ и другими почтенными изслѣдователями русской исторіи въ давнопрошедшее время.

3) *Съ палкой и розгой идти впередъ, или безъ палки и розги?* По этому вопросу, также очень давнему, образовалась цѣлая литература, а къ окончательнымъ выводамъ все-таки никакимъ не пришли. De facto всѣ того мнѣнія, что безъ палки и розги впередъ идти невозможно, ибо, дескать, такой ужь русскій человѣкъ отъ природы, что безъ этихъ инструментовъ съ нимъ ничего не подѣлаешь. De jure мнѣнія относительно употребленія розги распадаются на три разряда: партія радикаловъ, состоящая почти исключительно изъ свистуновъ, говоритъ, что розга никогда, нигдѣ и въ никакихъ случаяхъ не должна быть употребляема; партія умѣренныхъ соглашается, что употребленіе розги антигуманно, унизительно, вредно, но все-таки, дескать, предосудительнаго нѣтъ ничего, когда попечительный начальникъ или педагогъ, по истощеніи всѣхъ средствъ вразумленія и наставленія, по усмотрѣніи очевидной пользы отъ дѣйствія розги, иногда и употребитъ ее съ благоразуміемъ, съ осмотрительностію, пылая отеческою любовію къ наказуемому. Вотъ, дескать, мальчишки разсудокъ имѣютъ очень слабый, и дѣйствовать на нихъ чрезъ него можно очень мало; память у нихъ также очень слаба, — и на нее разсчетъ плохъ: забываютъ все. Такъ для возбужденія въ нихъ вниманія и впечатлительности, ихъ посѣчь иногда не только не худо, но и весьма пользительно. Есть, наконецъ, еще третья партія примиряющая — радикаловъ и умѣренныхъ. Партія эта тѣхъ мыслей, что въ дѣлѣ воспитанія можно обойтись безъ употребленія розги, принятаго нынѣ, какъ антигуманнаго, — но можно, дескать, ввести другой способъ ея употребленія, который гуманнымъ началамъ противорѣчить нисколько не будетъ, а именно: виновныхъ розгой не бить, а подводить къ ней и давать ее нюхать. Самый запахъ ее, какъ вещества наркотическаго, долженъ имѣть пользительное для духа дѣйствіе. Мнѣніе это явилось въ первый разъ въ какомъ-то воронежскомъ училищѣ; какъ сильно распространено

оно въ настоящее время, — неизвѣстно. Мы удивляемся: отчего не пристанетъ къ нему партія умѣренныхъ. Кажется, тутъ прогрессъ самый постепенный, осторожный, благоразумный, скачковъ никакихъ....

4) *Какъ идти впередъ—съ букваремъ или безъ букваря?* И по этому вопросу составилась также цѣлая литература, — а окончательнаго мнѣнія также не выработалось. Одна партія говоритъ, что дѣло не въ томъ, чтобы просвѣтить народъ, а въ томъ, чтобы сдѣлать его добродѣтельнымъ, богобоязливымъ, въ отеческихъ преданіяхъ твердымъ. А одна грамотность не только къ этому не служитъ, а еще развращаетъ и портитъ людей. Крестьянскіе, дескать, мальчишки, обучающіеся въ школахъ, зачастую выходятъ пьяницами, людьми негодными и проч., и проч. Другая партія возражаетъ на это, что пьяницъ, негодяевъ и т. д. изъ неграмотныхъ выходило безконечно больше, что нѣтъ, дескать, никакихъ причинъ, чтобы грамота образовывала пьяницъ, негодяевъ и т. д., что потому грамотѣ слѣдуетъ учить всѣхъ. «Свистокъ», впрочемъ, питаетъ надежду, что вопросъ о букваряхъ будетъ скоро рѣшенъ окончательно. Анти-букварники возставали доселѣ противъ грамотности потому главнымъ образомъ, что у насъ нѣтъ назидательныхъ книгъ для простаго народа, что народъ долженъ читать книги, написанныя свистунами или людьми, которые еще и свистуновъ хуже. Теперь эти недостатки въ назидательныхъ книгахъ, какъ извѣстно, не существуютъ болѣе. В. И. Аскоченскій издалъ цѣлую охапку назидательныхъ книгъ для народа. Общество для распространенія полезныхъ для народа книгъ сдѣлало нѣсколько изданій, еще назидательнѣйшихъ, чѣмъ В. И. Аскоченскій. Теперь есть вѣрное средство, чтобы обучившійся грамотѣ народъ не спивался скругу, не мошенничалъ и т. п.

5) *Всѣмъ ли идти впередъ, или только имѣющимъ штабъ и оберъ-офицерскіе чины?* — Вопросъ этотъ въ литературѣ обыкновенно обходится или разсматривается стороною. Прямо поставить его оказывается не совсѣмъ какъ-то удобно. Если идти впередъ, то ужь, конечно, надобно идти впередъ всѣмъ, и такъ-называемымъ *меньшимъ братіямъ*. Даже и у такихъ людей, которые отличаются особенно незастѣнчивостію въ литературѣ, подобно нѣкоему Эліасару, не достанетъ смѣлости сказать печатно, что мужиковъ надобно держать въ невѣжествѣ, или что не нужно заботиться о томъ, чтобы вывести ихъ изъ того жалкаго состоянія, въ какомъ они находятся. Потому вопросъ о томъ: всѣмъ ли идти впередъ? — затрогивается, какъ мы сказали уже, обыкновенно косвенно Начинаетъ какой нибудь господинъ говорить сторонкой о томъ, что, дескать, у насъ дворянство искони составляетъ единственный образованный классъ, что отъ него

только и можно надѣяться всего хорошаго въ будущемъ. Когда господину начинаютъ возражать на это: позвольте, позвольте! что вы говорите? у насъ совсѣмъ не такъ.... то онъ преспокойно на это отвѣчаетъ: «эхъ, господа! вы вѣдь не такъ меня поняли: я подъ дворянствомъ разумѣю всѣхъ образованныхъ людей». Каковъ господинъ! Другой господинъ заведетъ рѣчь такого рода: «образовать всѣхъ въ государствѣ вполнѣ дѣло совершенно невозможное. Ибо иначе, дескать, и хлѣба некому будетъ сѣять, и мы умремъ всѣ съ голоду. (*Ей-богу такъ!*) Образовывать же *вполовину* не стоитъ; потому, дескать, что полуобразованіе, развивая новыя потребности въ человѣкѣ, которыхъ онъ не зналъ бы въ томъ незавидномъ невѣжественномъ бытѣ, въ которомъ былъ, дѣлаетъ его недовольнымъ этимъ бытомъ, заставляетъ искать лучшаго, и такимъ образомъ пораждаетъ массы людей вредныхъ для государства. Ergo, заключаетъ господинъ, долженъ быть только одинъ привилегированный классъ, для котораго должно быть доступно образованіе». Вы думаете: мы все это выдумываемъ?— Ничего не бывало. Намъ только не хочется конфузить господина, высказывавшаго такія позорныя для всякаго сколько нибудь образованнаго человѣка мысли, — а то мы могли бы сдѣлать выписку изъ его сочиненій, гласящую почти слово въ слово то самое, что сказали мы. Третій господинъ начинаетъ рѣчь въ такомъ тонѣ: «оно, дѣйствительно, нужно всѣхъ образовывать.... Да не рано ли? Все вѣдь хорошо дѣлать исподоволь, постепѐнно, чтобы дѣло развивалось, такъ сказать, само изъ себя, органически.... (Видите ли: даже философскій взглядъ является на дѣло?) Потому, не лучше ли, дескать, развитіе народа предоставить времени, исторіи?...» Однимъ словомъ, какъ скоро дѣло касается развитія народнаго, то тутъ выходитъ нѣчто весьма смѣшное.... Съ каждымъ изъ насъ, иногда даже безсознательно повторяется исторія въ родѣ слѣдующей:

Я говорю: теперь свободенъ
Народъ — отъ счастья не далекъ....
О, какъ прекрасенъ, благороденъ
Нашъ умный, русскій мужичокъ!
О, я готовъ съ нимъ цаловаться,
Обнять, любить; — вѣдь это долгъ!
Но чтобъ на дѣлѣ *съ хамомъ* знаться,
Избави Богъ! Избави Богъ!

[illegible] *и впередъ идти, то брать ли съ собою въ путь гласность,* [illegible] ?Вопросъ о глас[illegible], кажется, давно уже былъ рѣшенъ, [illegible] быстро, рѣ[illegible]но, единогласно, какъ не рѣшался [illegible]грессивны[illegible]совъ. Помните ли вы, читатель, [illegible] восторг[illegible]жественными оваціями и самы-

ни бурными аплодисментами привѣтствовали всѣ гласность, когда она явилась у насъ? — Однѣ статьи М-г *де*-Кокорева о пользѣ гласности, о томъ, что она истребитъ у насъ, какъ персидскій порошокъ истребляетъ насѣкомыхъ, всѣ возможныя злоупотребленія въ какихъ нибудь два, три года, вообще въ самое короткое время, — однѣ, говоримъ, эти статьи, со включеніемъ сюда, разумѣется, и написанныхъ М-г *де*-Кокоревымъ на французскомъ діалектѣ, могли бы составить хорошихъ два-три тома. Тогда одинъ только «Свистокъ» усомнился въ пользѣ и даже возможности россійской гласности, и будучи еще юнымъ, неопытнымъ въ жизни, не только высказалъ откровенно свое мнѣніе, но и стишки написалъ по поводу общаго увлеченія. Можетъ быть вы не помните этихъ стишковъ, — мы припомнимъ ихъ; теперь это будетъ кстати. Вотъ они:

Солнце въ тучахъ непроглядныхъ
Грустно ликъ свой прячетъ;
У воротъ двора сквознаго
Бѣдный Ванька плачетъ.

Цѣлый день онъ по-столицѣ
Съ юнкеромъ катался;
Пять рублей ему дать юнкеръ
За день обѣщался.

Но чрезъ дворъ сквозной подъ вечеръ
Онъ отъ Ваньки скрылся;
Ванька съ клячей понапрасну
Цѣлый день трудился.

Успокойся, бѣдный Ванька:
Есть тебѣ защита,
Какъ тебя обидѣлъ юнкеръ —
Будетъ всѣмъ открыто.

Отъ обидъ и отъ обмановъ
Ужь прошла опасность!
Нынѣ время не такое:
Процвѣтаетъ гласность!

Завтра жь и во всѣхъ газетахъ
Публикую ясно:
«Ѣздилъ съ юнкеромъ извощикъ
Цѣлый день напрасно.

Дать хотѣлъ онъ пять цѣлковыхъ —
Не далъ ни копѣйки».

И предамъ его позору
Я въ моей статейкѣ.

Но не внемля утѣшеньямъ,
Глупый Ванька плачетъ...
Солнце гнѣвно ликъ прекрасный
Въ черныхъ тучахъ прячетъ.

Сколько тогда злословія, брани перенесъ «Свистокъ» за эти невинные стихи? Его обвиняли въ невѣжествѣ, въ узкомъ эгоизмѣ, въ кощунствѣ надъ всѣмъ святымъ и возвышеннымъ; сомнѣвались—есть ли въ немъ святое чувство любви къ отечеству, подозрѣвали даже «Свистокъ» въ измѣнѣ отечеству, въ сношеніяхъ съ недружелюбными державами. За вольнодумство «Свистка» о гласности даже «Современникъ» подвергся страшной опалѣ. За то, что онъ позволилъ «Свистку» (слышите: *позволилъ!* Какъ будто «Современникъ» имѣетъ какую нибудь власть надъ «Свисткомъ»!) такъ презрительно отозваться о гласности, его обвиняли въ шарлатанствѣ, въ шутовствѣ.... «Отечественныя Записки» и одинаково съ ними мыслящія «Санктпетербургскія Вѣдомости» объявили торжественно, что послѣ такого гнуснаго мнѣнія «Свистка» о гласности, «Современникъ» потеряетъ всякое уваженіе въ глазахъ благонамѣренныхъ людей. Но какъ ни горячились, а съ гласностію дѣйствительно вышло то, что предсказалъ «Свистокъ». Курсъ ея въ Россіи палъ ниже, чѣмъ курсы всѣхъ возможныхъ кредитныхъ бумагъ. Въ журналахъ стали открыто говорить противъ гласности. Недавно мы встрѣтили въ «Сынѣ Отечества» цѣлую статью о «гласности», гдѣ доказывается, что гласность.... просто, у насъ вредна, неприлична, и ничѣмъ извинена быть не можетъ. Мы упоминаемъ объ этой статьѣ не потому, чтобы думали, что мнѣніе «Сына Отечества» о гласности раздѣляется всѣми.... Но вѣдь теперь никто однако и не возражаетъ противъ этой статьи. — А напиши, — не говоримъ то, что написано въ статьѣ, а сотую долю того, — какой нибудь господинъ два-три года назадъ, его истерзали, заклевали бы, мѣста не нашлось бы ему не только въ литературѣ, въ цѣлой Россіи. Что были тогда стишки «Свистка» въ сравненіи съ этою статьею? — Просто шутка, шалость! — А чего онъ за нее не вытерпѣлъ? — Посмотрите, полюбуйтесь, что печатается о гласности теперь.

Да не удивляется читатель, что «Свистокъ» рекомендуетъ ему эту статью, повидимому мало занимательную. «Свистокъ», всѣми ненавидимый, презираемый, гонимый, не признаваемый даже въ правѣ существовать въ литературѣ, въ правѣ, въ которомъ не отказываютъ даже «Сухимъ туманамъ», даже ерундѣ г. Камбека, не могъ не встрѣтить съ распростертыми объятіями статьи оправдательной для

него, статьи написанной въ защиту его понятій. Хвала и честь автору, который вопреки общему предубѣжденію къ «Свистку», протянулъ ему свою братскую руку!—Хотя «Свистокъ» и убѣжденъ, что г. Ципринусъ, подписавшійся подъ статьею, долженъ быть непремѣнно откупщикъ,—ибо кто же рѣшится при нашемъ строгомъ общественномъ мнѣніи говорить противъ гласности, кромѣ «Свистка», который по легкомыслію и неопытности въ жизни никого знать не хочетъ, и откупщиковъ, которые находятся въ полномъ распоряженіи россійской гласности, истерзаны ею до послѣдней возможности и готовы, Богъ-вѣсть, чего не дать, только бы привести эту гнусную гласность въ предѣлы рекомендуемой г. Ципринусомъ законности; — но для «Свистка» вѣдь это все равно — откупщикъ ли г. Ципринусъ, цѣловальникъ ли, чиновникъ ли,—все-таки онъ держитъ руку «Свистка». Не въ томъ сила—сильна ли эта рука или безсильна,—а въ томъ, что она — рука эта, осмѣлилась протянуться противъ гласности, осмѣлилась протянуться въ виду всей публики, — и не нашлось никого, кто бы остановилъ эту руку! Значитъ, гласность россійская окончательно пала; значитъ, общественное мнѣніе вовсе не въ ея пользу, когда даже какой нибудь Ципринусъ можетъ публично говорить противъ нея такія вещи, какихъ назадъ тому два года не позволили бы сказать даже и легкомысленному «Свистку». Значитъ, «Свистокъ» былъ правъ, когда говорилъ, что гласность въ ходу у насъ не будетъ.

Правда «Свистка» подтверждается теперь со всѣхъ сторонъ. Не только публика охладѣла къ гласности, — публикѣ это еще извинительно, она можетъ прожить и безъ гласности печатной,—даже журналисты, литераторы, которые жили гласностью сами, украшали ею свои изданія, — сдѣлались равнодушны, приуныли къ гласности. Кто изъ читателей не помнитъ, какъ усердно-почтовое вѣдомство, попечительное объ удобствахъ россійскаго сообщенія, вызывало литераторовъ, журналистовъ, экспертовъ и вообще людей знающихъ, къ обсужденію *путемъ печатной гласности* разныхъ частей почтоваго управленія? Чтожъ вы думаете? — Ни изъ экспертовъ, ни вообще изъ людей знающихъ, ни даже изъ литераторовъ и журналистовъ не отозвался на этотъ вызовъ никто. Такъ по крайней мѣрѣ заявилъ въ 284 № «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» объ этомъ нѣкто г. Элисаръ, — подобно многимъ, почтовый чиновникъ, какъ можно заключать изъ того, что онъ сообщаетъ такія свѣдѣнія по почтовому вѣдомству, которыя могутъ быть доступны только служащему въ этомъ вѣдомствѣ, и потому, что ему достовѣрно извѣстно, что не только *путемъ гласности*, но и путемъ *оффиціальнымъ* почтовое вѣдомство не получ[illegible] ни отъ кого соображеній относительно почтовой части.

Извѣст[illegible] намъ ученый г. Ржевскій, разсматривая статью чинов-

ника Эліасара, приходитъ въ недоумѣніе: отчего бы это путемъ печатной гласности никто не захотѣлъ отозваться на любезный вызовъ почтоваго вѣдомства?

«Если,—говоритъ онъ,—слова г. Эліасара справедливы (т. е. вызовъ почтовымъ начальствомъ всѣхъ желающихъ къ обсужденію почтовыхъ дѣлъ путемъ печатной гласности), а сомнѣваться въ нихъ мы не имѣемъ никакого повода, то какъ согласить съ ними то странное явленіе, что съ ноября 1860 года въ журналахъ какъ бы вовсе прекратились всѣ сужденія о почтовомъ дѣлѣ, даже простыя заявленія невысылки газетъ и журналовъ, особенно иностранныхъ, и даже читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» осталось вовсе неизвѣстнымъ, получилъ ли наконецъ г. Тарасенковъ обратно всѣ свои деньги изъ газетной экспедиціи московскаго почтамта за иностранные журналы, которые въ продолженіе многихъ лѣтъ ему не были высылаемы? Мы знаемъ, что редакторы періодическихъ изданій любятъ отговариваться извѣстными *причинами, отъ редакціи независящими*; но въ этомъ случаѣ эта отговорка также не должна имѣть силы, потому во-первыхъ, что почтовое вѣдомство, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ г. Эліасара, само *вызываетъ печатную гласность*, а во-вторыхъ, оно не имѣетъ къ тому и возможности,—ибо и, какъ извѣстно всѣмъ слѣдящимъ за нашимъ законодательствомъ, оно не пользуется правомъ спеціальной цензуры, высочайше дарованной нѣкоторымъ вѣдомствамъ. Тутъ есть что-то странное и необъяснимое, какъ въ словахъ того господина, который на французскомъ діалектѣ упрекалъ русскую литературу въ равнодушіи къ общественнымъ вопросамъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Journal de St. Pétersbourg.»

«Свистокъ» въ этомъ замѣчаніи г. Ржевскаго удивляется двумъ вещамъ: 1) какъ онъ, г. Ржевскій, занимаясь литературою, не знаетъ, что всѣ статьи, предназначаемыя для печати, какъ-скоро онѣ касаются какихъ нибудь отдѣльныхъ управленій, предварительно одобренія общею цензурою, поступаютъ на разсмотрѣніе этихъ управленій? Такъ точно дѣлается и съ статьями, относящимися до почтоваго управленія. 2) Что г. Ржевскій находитъ страннаго и необъяснимаго въ томъ, что никто не хочетъ заявлять путемъ печатной гласности своихъ соображеній, относящихся до почтоваго управленія? — Никто не хочетъ заявлять очевидно потому, что всѣ россіяне, не исключая литераторовъ и журналистовъ, охладѣли ко всякаго рода гласности. Что удивительнаго, что они охладѣли и къ гласности почтовой и остаются глухи и нѣмы къ любезнымъ вызовамъ почтоваго начальства?

Есть у насъ и еще неменѣе разительный примѣръ охлажденія всей русской публики, въ томъ числѣ и журналистовъ и литерато-

ровъ, къ гласному обсужденію разнаго рода общественныхъ вопросовъ. Но прежде, чѣмъ передадимъ этотъ примѣръ, мы считаемъ нужнымъ объяснить нашимъ читателямъ, что въ исторіи, которую они прочтутъ, не можетъ быть ни на волосъ сомнѣнія, потому что мы беремъ эту исторію цѣликомъ изъ литературнаго обозрѣнія последней XI книжки «Русскаго Вѣстника». «Русскій же Вѣстникъ», въ особенности литературное обозрѣніе въ немъ, не предадутъ тисненію лжи, клеветы, сплетни. Тамъ все истинно, достовѣрно, непогрѣшимо, чисто, добросовѣстно. *Зане* тамъ пишутъ вѣдь не свистуны, не пустозвоны, *не шарлатаны, не плуты, не ловцы рыбы въ мутной водѣ* (слова, набранныя курсивомъ, новыя наименованія, придуманныя и сообщенныя въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Вѣстника», для обозначенія несолидарныхъ съ «Р. В.» писателей; какихъ именно, — не обозначено точно, но уповательно, что свистуновъ), а мужи науки, украшенные и богатствомъ прочныхъ знаній, и въ опытѣ жизни закаленные. Ну-съ, такъ вотъ эта исторійка, которую разсказываетъ «Русскій Вѣстникъ»:

«Одинъ профессоръ, недавно вступившій на каѳедру, напечаталъ свою первую лекцію, и коснулся въ ней, насколько это было возможно, нѣкоторыхъ современныхъ явленій. Высказанныя въ ней замѣчанія не пришлись по нраву толпѣ, которая въ то время вовсе была неспособна подумать о чемъ нибудь спокойно. Этимъ обстоятельствомъ тотчасъ же воспользовались *ловцы рыбы въ мутной водѣ*. Разныя сплетни, одна другой нелѣпѣе, были пущены въ ходъ. Не стоитъ исчислять ихъ; но нельзя не упомянуть объ одной, очень интересной. Вдругъ во всѣхъ литературныхъ кругахъ распространилось извѣстіе, что противъ выше упомянутой лекціи и вообще противъ всего, что будетъ написано ея авторомъ, запрещено говорить, что авторъ поставленъ въ особаго рода *привилегированное* положеніе, которое для честнаго писателя совершенно невыносимо. Мы краснѣемъ за тѣ лица, которыя выдумали, изукрасили и пустили въ ходъ эту нелѣпость, — краснѣемъ тѣмъ болѣе, что *эти господа, сколько намъ извѣстно*, принадлежатъ *не къ заднимъ рядамъ какихъ нибудь чиновниковъ или писакъ, а къ передовымъ. Они поступали совершенно сознательно*; они очень хорошо знали, что ничего подобнаго не было и быть не могло, а только воспользовались удобнымъ случаемъ выдумать и пустить въ ходъ сплетню. Точно также себѣ на умѣ поступили они и тогда, когда нужно было свалить отвѣтственность за одну мѣру, возбудившую ропотъ, на одно почтенное лицо, памятное московскому университету и нисколько неповинное въ этой мѣрѣ. Особенно въ Петербургѣ удаются эти сплетни, клеветы и интриги. Тамъ вдругъ разростаютъ онѣ до чудовищныхъ размѣровъ и

охватываютъ все безъ малѣйшаго сопротивленія. Какая насѣянная, безсильная, воспитанная сплетнями и интригами среда! Никто не хочетъ слышать объясненій: всѣ безсмысленно повторяютъ одно и то же. Нѣтъ надобности до истинной правды: не возникаетъ ни малѣйшая критическая попытка, всѣ безпрекословно повторяютъ одну и ту же сплетню, и безкорыстно обдѣлываютъ аферу *ловкихъ интригановъ.*»

Видите ли, читатель, до чего возрасло охлажденіе русской публики къ гласности; впрочемъ, что мы говоримъ: охлажденіе! — просто отвращеніе, можно сказать, *гласобоязнь.* Даже литераторы и журналисты, вмѣсто того, чтобы обличить и урезонить ненавистнаго имъ профессора печатно, позволеннымъ образомъ, пускаются на подлость, сочиняютъ сплетни, клеветы, разносятъ ихъ, — однимъ словомъ, по справедливому выраженію «Русскаго Вѣстника», превращаются въ ловцовъ рыбы въ мутной водѣ! И все оттого, что имъ опротивѣла, стала ненавистна гласность!

Не правъ ли былъ «Свистокъ», когда, назадъ тому еще два года, онъ, подобно древней Сивиллѣ, прорекъ, что гласности въ Россіи не бывать, т. е. не бывать въ наше время; ибо «Свистокъ», какъ онъ ни прозорливъ, не можетъ же предсказать, что можетъ случиться въ теченіе вновь наступившаго тысячелѣтія.

7. *Если и идти впередъ всѣмъ русскимъ, т. е. не только штабъ и оберъ офицерамъ, но и простому народу, то брать ли съ собою всѣ безчисленныя національности, входящія въ составъ русскаго народа,*—національности какія нибудь ничтожныя, ну, положимъ, хоть евреевъ? Вы помните, конечно, читатель, какой былъ гвалтъ въ русской литературѣ назадъ тому года три, кажется, по поводу оскорбленія прежнимъ редакторомъ «Иллюстраціи», г. Зотовымъ, двухъ еврейскихъ личностей? — Какъ вооружались на него всѣ даже за то одно, что онъ позволилъ себѣ называть евреевъ жидами? Протестовало противъ Зотова сначала нѣсколько литераторовъ въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Затѣмъ открыто было при «Русскомъ Вѣстникѣ» временное отдѣленіе для принятія во всякое время протестовъ отъ желающихъ протестовать противъ Зотова. Въ бюро, открытомъ при «Русскомъ Вѣстникѣ», протестовали всѣ русскіе литераторы; въ протестѣ явились даже такія имена, о которыхъ до того времени никто не слыхалъ въ русской литературѣ, напримѣръ, имена братьевъ Миліантовъ. Протеста не признавалъ только г. Аскоченскій, который на основаніи священнаго писанія доказывалъ, что евреевъ такъ и слѣдуетъ называть жидами, — да еще «Свистокъ», который находилъ во всеобщемъ походѣ всей русской литературы противъ одного г. Зотова слишкомъ много воинственнаго, и глубоко сожалѣлъ о тратѣ такихъ великихъ силъ на такія незначительныя дѣла.... Но что жь

значимо мнѣніе какого нибудь Аскоченскаго и даже «Свистка» противъ силъ всей русской литературы? — По поводу дѣла г. Зотова съ евреями рѣшенъ былъ окончательно и единогласно, между прочимъ, и тотъ вопросъ, чтобъ евреевъ признавать равноправными съ русскими, и потому не называть ихъ жидами, какъ наименованіемъ, употребляемымъ объ евреяхъ въ смыслѣ презрительномъ.... И въ силу этого рѣшенія, признаннаго всѣми, тогда, сохрани Богъ, если бы кто нибудь вздумалъ назвать евреевъ жидами! Тогда даже и «Свистокъ» дѣлать этого не осмѣливался. Одинъ только Аскоченскій, какъ мыслящій на основаніяхъ особаго рода, и несчитающій своихъ произведеній принадлежащими къ числу литературныхъ произведеній, сталъ называть евреевъ со времени похода противу г. Зотова не иначе, какъ жидами, въ пику, разумѣется, всей литературѣ. Что же мы видимъ теперь? Вопросъ о евреяхъ, такъ единодушно, такъ торжественно, такъ окончательно рѣшенный, поднятъ снова,—и какъ поднятъ-то!—«Основа» облеклась во всеоружіе діалектики и доказала, что евреевъ жидами называть можно и должно, доказала до того твердо и основательно, что самъ «Русскій Вѣстникъ» изрекъ, что «Основою» это «доказано». Мало того: даже еврейскій органъ «Сіонъ» согласился, что еврею названіемъ жида обижаться не слѣдуетъ, что это имя филологически образовалось правильно. Но «Основа» такою уступчивостію «Сіона» не удовольствовалась. Она стала доказывать, что и обидный смыслъ, который заключается въ словѣ «жидъ», вполнѣ заслуженъ былъ украинскими евреями прежде, да и нынѣ, дескать, еврейское племя, по своимъ отношеніямъ къ русскимъ, заслуживаетъ того же самаго. — Все это, какъ ни странно, но для «Свистка» не было бы еще очень поразительно. «Основа» родилась недавно, въ протестѣ противъ Зотова не участвовала. Да и что «Свистку» за дѣло, какъ думаетъ о разныхъ предметахъ «Основа?» Мало ли кто какъ о чемъ не думаетъ?—Не возражать же противъ всякаго; а то пришлось бы, пожалуй, весь «Свистокъ» наполнить пустымъ словопреніемъ съ Аскоченскимъ, «Днемъ», «Русскимъ Вѣстникомъ», «Отечественными Записками» и т. д. Для «Свистка» мнѣніе самой «Основы» важно въ настоящемъ случаѣ потому только, что оно показываетъ, что и вопросъ о евреяхъ, почитавшійся такъ единодушно и окончательно рѣшеннымъ, вовсе еще не рѣшенъ. Вотъ что-то будетъ—не рѣшится ли онъ съ божьею помощью въ наступающемъ тысячелѣтіи? — А главнымъ образомъ важно то, что «Русскій Вѣстникъ», разбирая споръ между «Основой» и «Сіономъ», признаетъ, что евреевъ дѣйствительно должно называть жидами, не вооружается громами своего краснорѣчія даже противъ того мнѣнія, что съ именемъ жидъ долженъ быть и въ настоящее время соединяемъ обидный для евреевъ смыслъ. Онъ нападаетъ на г. Кулиша, ратующаго въ

«Основѣ» противъ евреевъ за то только, что онъ въ борьбѣ съ евреями прибѣгаетъ къ *сикофанству*. Ахъ! виноваты передъ читателемъ. Мы и забыли сказать, что *сикофанство* новое милое словцо, которое придумалъ «Русскій Вѣстникъ» не для одного Кулиша, а для всѣхъ петербургскихъ литераторовъ, а можетъ быть и для свистуновъ только, — точно сказать не умѣемъ, потому что по вышеприведенной нами изъ «Русскаго Вѣстника» выпискѣ читатель усмотрѣть можетъ, что «Русскій Вѣстникъ» неблагосклоненъ ко всей петербургской литературѣ, говоритъ, что сплетни и клевета гуляютъ здѣсь свободно во всѣхъ кружкахъ литературныхъ; — надобно поэтому думать, что «Русскій Вѣстникъ» едва ли не всѣхъ петербургскихъ литераторовъ признаетъ свистунами. Само собою разумѣется, что «Свистокъ» лично за себя не только этимъ не оскорбляется, а еще и чувствительно благодаритъ «Русскій Вѣстникъ», нѣжно насвистывая при этомъ:

Какое счастье! честь какая!

Вѣдь если всѣ петербургскіе литераторы *свистуны*, то «Свистокъ» составляетъ собой нѣкоторымъ образомъ эпоху въ литературѣ! Но не въ этомъ дѣло. Что же такое *сикофантство*? — Въ Аттикѣ — видите ли, — былъ законъ, которымъ воспрещалось вывозить для продажи изъ Аттики смоквы. Тѣ, которые слѣдили за нарушителями этого закона и доносили на нихъ, назывались *сикофантами*; отсюда въ презрительномъ смыслѣ стали называть *сикофантомъ* всякаго, кто посвящалъ себя милому занятію ради корысти или и безкорыстно, просто по влеченію сердца,—доносить на другихъ,—былъ ли то доносъ справедливый или ложный. Для чего «Русскій Вѣстникъ» за словомъ, обозначающимъ такое ясное для насъ дѣло и понятіе, отправился въ Грецію,—мы рѣшительно не знаемъ. *Лазутчикъ*, *шпіонъ*, *доносчикъ*, *шепотникъ*, *клеветникъ*, *ябедникъ*, *фискалъ* — да что тутъ считать? Сколько у насъ можно набрать словъ для означенія сикофантства. Для выраженія какихъ нибудь другихъ понятій и предметовъ, гдѣ мы отстали далеко и отъ классическаго міра и отъ современной Европы, намъ, конечно, бываетъ нужда обратиться за словомъ въ современную Европу, а иногда въ крайнихъ случаяхъ даже и въ классическую древность. А ужь для выраженія такаго понятія, какъ сикофантство— permettez vous — намъ не только незачѣмъ ходить въ Европу и тѣмъ болѣе въ классическую древность, — а пожалуй, мы бы и ихъ надѣлили еще словами для выраженія такихъ понятій, если бы они только имѣли нужду. Г. Щебальскій недавно на основаніи историческихъ данныхъ доказалъ, что русскій народъ любовію къ доносамъ отличался еще до принятія европейской цивилизаціи, что у него какъ будто въ

сердцѣ есть расположеніе къ доносамъ.—«Руcскій Вѣстникъ», вытаскивая такое ужасное слово, какъ сикофантство, изъ могилъ классической древности, очевидно хотѣлъ—свою слишкомъ прямую для петербургскихъ литераторовъ рѣчь — смягчить аттическою солью; но обвиненіе въ сикофантствѣ такая вѣдь вещь, которой ничѣмъ не смягчишь....

Такъ вотъ какъ, читатель, перемѣняются времена! «Русскій Вѣстникъ», тотъ самый «Русскій Вѣстникъ», который назадъ тому три года уничтожилъ бы всякаго дерзкаго, осмѣлившагося назвать еврея жидомъ, который открывалъ временное бюро для протеста за евреевъ, теперь не только соглашается самъ, что евреевъ можно и должно называть жидами, но не вооружается и противъ того, что съ именемъ жида долженъ быть соединенъ обидный для евреевъ смыслъ!

Читатель видитъ, что изъ вопросовъ такъ-называемыхъ главныхъ, коренныхъ. не рѣшенъ еще положительно ни одинъ.... Мы все еще раздумываемъ: какъ бы ихъ рѣшить-то половчѣе? — Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи остаются и всѣ вопросы, болѣе частные, мелкіе. Г. Розенгеймъ — поэтъ, или нѣтъ? Н. Ф. Павловъ—философъ ли, или нѣтъ? Г. Лонгиновъ—библіографъ только, или должно признать въ немъ публицистическій и критическій талантъ за знаменитыя статьи его о князѣ Вяземскомъ? — Вѣроятно ли, чтобы г. Катковъ не сознавалъ, что между «Русскимъ Вѣстникомъ» до появленія въ немъ «Старыхъ боговъ и новыхъ боговъ», и между «Русскимъ Вѣстникомъ» послѣ появленія въ немъ «старыхъ боговъ и новыхъ» нѣтъ ничего общаго, что, говоря словами новаго «Русскаго Вѣстника», это вовсе не «одного поля ягоды»? Всѣ эти и другіе безчисленные обыденные, на каждомъ шагу встрѣчающіеся вопросы остаются безъ всякаго рѣшенія. Когда они рѣшатся, да и рѣшатся ли когда нибудь?

Изъ краткаго перечня нѣкоторыхъ только вопросовъ, нами сдѣланнаго, видно уже, какъ много поставлено ихъ въ настоящее время. Богатство ихъ умножается все болѣе и болѣе, возрастая день-ото-дня въ количествѣ неимовѣрномъ. Это доказываетъ несомнѣнно, что мы не спимъ, а движемся, — и движемся не то, что какъ бѣлка въ колесѣ, — а все впередъ, и впередъ; что наше движеніе есть движеніе поступательное, это несомнѣнно также доказывается тѣмъ, что мы рѣшаемъ вопросы не какъ нибудь, не сломя голову, а зрѣло обсуживаемъ ихъ цѣлые годы; даже и тѣ, которые рѣшимъ, поворачиваемъ изъ архивовъ снова назадъ, и снова начинаемъ обсуживать,— однимъ словомъ, ведемъ дѣло такъ благоразумно, такъ осторожно, что съ того времени, какъ мы получили возможность обсуждать реальные вопросы путемъ *такъ-называемой русской гласности*, мы не рѣшили

еще ни одного вопроса. Ясно, что богатство поднятыхъ и каждодневно поднимаемыхъ нами вопросовъ—богатство не пустое. Такъ, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ «Свистокъ».

Но вѣдь что значитъ убѣжденіе «Свистка»? Какъ ни благонамѣренно онъ думаетъ обо всемъ,—но убѣжденій его никто не ставитъ въ грошъ. Многіе готовы возстать противъ самой священнѣйшей истины—стоитъ имъ только услышать, что истину эту проповѣдуетъ «Свистокъ». Найдется, конечно, немало людей, которые скажутъ, что богатство вопросовъ, какъ бы оно велико ни было, все-таки въ существѣ дѣла не болѣе, какъ минусъ, какъ богатство призрачное, въ нѣкоторомъ родѣ пуфъ.... Чтобы превратить поднятый вопросъ въ дѣйствительный капиталъ, надобно рѣшить его.... Да и этого еще мало: надобно рѣшеніе перевести въ жизнь....

«Свистку» приходится спуститься въ глубь науки, чтобы убѣдить невѣрующихъ, что тысячелѣтіе прожито нами недаромъ.... И «Свистокъ» спустится. Хоть наука и не его собственно профессія, но когда всѣ ученые съ такимъ усердіемъ начали заниматься свистомъ, «Свистку», по необходимости, приходится взяться за ученыя работы.

Никогда и нигдѣ наука не принималась такъ быстро, и не расцвѣтала такъ скоро, какъ у насъ. Назадъ тому полтораста лѣтъ мы еще не умѣли и читать, а ужь имѣли академію. Нынѣ нѣтъ ни одной отрасли знанія, по которой у насъ не было бы своихъ ученыхъ представителей съ самостоятельною мыслію. Сіи ученые стоятъ не только въ уровень съ таковыми же первоклассными учеными европейскими, но иногда нарочито ихъ превосходятъ своими знаніями. Нѣтъ сомнѣнія, что россійская академія для того главнымъ образомъ и печатаетъ свои бюллетени на иностранныхъ языкахъ, чтобы подѣлиться съ Европою открытіями россійскихъ ученыхъ. Независимо отъ этого, многіе изъ нашихъ отечественныхъ писателей обогатили иностранныя литературы отдѣльными сочиненіями. Г. *де* Кокоревъ сдѣлалъ на французскомъ языкѣ множество такихъ экономическихъ открытій, что привелъ въ удивленіе даже Густава Молинари. Графъ Соллогубъ подарилъ французской сценѣ произведеніе, которое привело въ восхищеніе парижскихъ театраловъ. Г. *де* Жеребцовъ, *де* Семеновъ и многіе другіе пріобрѣли неменьшую извѣстность въ другихъ родахъ иностранной литературы. Въ послѣднее время мы нашли нужнымъ вступить даже въ конвенцію съ нѣкоторыми европейскими землями относительно правъ литературной собственности, чтобы нашихъ умственныхъ богатствъ не расхищала Европа. Все это несомнѣнно доказываетъ процвѣтаніе у насъ самостоятельной мысли, къ которой съ жаждою прислушивается сама Европа.

И прислушиваться дѣйствительно есть къ чему. Мы обозначимъ здѣсь кратко тѣ результаты, которыхъ достигли мы по разнаго рода наукамъ.

Корень, изъ котораго всѣ науки получаютъ свои соки, есть безъ сомнѣнія философія. Философія явилась въ Россію очень рано, — и явилась не сама, — что также очень замѣчательно, — а по нашему усерднѣйшему приглашенію. Само собою разумѣется, что мы приняли ее очень любезно, какъ желанную гостью, помѣстили въ самомъ благословенномъ климатѣ нашей отчизны — въ Малороссіи, на берегахъ поэтическаго Днѣпра, указали ей ея обязанности, — и оставили въ покоѣ. За то и философія отплатила намъ самою деликатною любезностію съ своей стороны. Съ самаго своего прибытія въ Россію до настоящаго времени, она не мѣшалась ни въ нашу жизнь, ни въ обычаи, ни въ управленіе, ни въ науку, была всегда, такъ сказать, сама по себѣ, а мы сами по себѣ. Сыны благословенной Малороссіи, изучая самымъ усерднымъ образомъ философію, все-таки не могли уразумѣть — чѣмъ бы могъ жидъ различаться отъ собаки, равно какъ и того, что кромѣ искусства дѣлать сало и хорошія наливки, для человѣческаго благоденствія на землѣ потребны и нѣкоторыя другія знанія. Съ тѣмъ же характеромъ полнаго безучастія ко всему, философія перешла изъ Кіева въ Великороссію и распространилась по всей Россіи. И такова сила истиннаго знанія, что въ то время, какъ на Западѣ явились и безслѣдно исчезли десятки философскихъ системъ, наша русская философія остается неизмѣнною и непоколебимою, какою была и при своемъ появленіи. Тѣхъ же самыхъ началъ и воззрѣній, которыхъ держались Григорій Саввичъ Сковорода и Іоанникій Голятовскій, держался и Епифаній Словеницкій, «а въ философіи и богословіи изящный дидаскалъ», — держится и современный намъ главный представитель кіево-русской философіи, г. Юркевичъ. Начало, изъ котораго исходитъ эта философія, составляетъ слѣдующее положеніе: *есть* не то только, что можно пощупать, но *есть* и то, чего пощупать нельзя, — или лучше сказать: то именно несомнѣнно только и *есть*, чего нельзя пощупать, а что можно пощупать, то *есть* только призрачно, мнимо, феноменально. Въ недавнее время нѣсколько свистуновъ вооружились, къ общему изумленію всѣхъ россіянъ, противъ истинности этого начала, утвержденнаго вѣками, и признаваемаго отъ всѣхъ священнымъ, — но были, какъ и надобно было ожидать, разбиты въ пухъ и прахъ г. Юркевичемъ, при помощи «Русскаго Вѣстника», изучившаго греческую философію, какъ и всю классическую древность, по источникамъ. Въ одно почти время съ свистунами, П. Л. Лавровъ, вѣроятно также невполнѣ довольный общепринятой въ Россіи философіей, хотѣлъ возвести новое зданіе

философіи, употребляя для постройки его частію заграничный матеріалъ, частію мусоръ отечественный, — но, непонятый современниками, бросилъ свою работу почти въ самомъ началѣ. Обѣ попытки пошатнуть древнюю нашу философію исчезли безъ всякаго вреда для нея, можно бы сказать, пожалуй, безслѣдно, если бы онѣ не возбуждали въ юныхъ птенцахъ полета къ самостоятельному мышленію. Юные птенцы начали свои философскія созерцанія съ луны, и пока держались тамъ, доставляли публикѣ несказанное увеселеніе. Но спустившись на землю, произвели общее смятеніе совершенно безпричинною въ юныхъ лѣтахъ кровожадностію воззрѣній. Кончилось тѣмъ, что благоразумные люди махнули на философію рукой, порѣшивъ, что въ Россіи никакой другой философіи, кромѣ кіевской, не бывать.

Русская исторія, если считать отцомъ ея преподобнаго Нестора, началась многими вѣками ранѣе русской философіи. Начиная отъ Нестора до Карамзина, и даже до незабвеннаго для «Свистка» историка М. П. Погодина и даже до г. Устрялова включительно, всѣ русскіе историки проповѣдовали, что въ русской землѣ, отъ начала ея и до нашихъ временъ, происходило все по неисповѣдимымъ судьбамъ, и хорошо происходило. За г. Устряловымъ явился г. Соловьевъ и сталъ доказывать, что въ нашей исторіи происходило все вовсе не по недовѣдомымъ для насъ судьбамъ, а напротивъ, очень ясно, по *началу рода*, и происходило такимъ именно образомъ: сначала славяне жили родами, въ которыхъ родоначальники были вмѣстѣ и старѣйшинами; затѣмъ роды распались, и явились общины съ старѣйшинами избирательными; между общинами и внутри ихъ возникли несогласія, раздоры, —и славяне. для внесенія наряда въ свою жизнь, призвали трехъ варяговъ съ ихъ родами *володѣть* собою. Княжескій родъ, развиваясь по началамъ формы туземной, также впослѣдствіи распался; на развалинахъ его образовались княжескія вотчины, которыя уничтожали туземныя общины, отнявъ у нихъ всякую власть; затѣмъ хитрѣйшіе и сильнѣйшіе изъ княжескихъ вотчинниковъ, уничтоживъ слабѣйшихъ, собрали всю русскую землю въ одно мѣсто, и такимъ образомъ образовалось единодержавіе. Явившійся за г. Соловьевымъ г. Костомаровъ утверждаетъ, что вся суть нашей исторіи состоитъ въ слѣдующемъ: были сначала самобытныя, отдѣльныя одна отъ другой славянскія земли, которыми владѣло земство каждой земли, и необходимое выраженіе его *вѣче*. Вѣча разныхъ земель, не умѣя сами управляться съ неустройствами земель, призвали для управленія собою цѣлый княжескій родъ, давъ членамъ его право владѣть отдѣльными землями каждому порознь, но совокупно съ вѣчемъ. Въ этомъ общемъ управленіи князя и вѣча, при самобытности земель, и шла русская исторія, пока князья москов-

скіе, прибравъ къ своимъ рукамъ земли, уничтожали вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣча, и удѣльность князей. Каждое изъ этихъ трехъ міросозерцаній имѣетъ множество сторонниковъ и приверженцевъ. «Свистокъ», держась историческаго міросозерцанія гегеліанскаго, полагаетъ, что все, что было у насъ, — было непремѣнно *разумно*, то есть, вслѣдствіе извѣстной неизбѣжной необходимости быть, иначе бы и быть не могло, — и какъ всякая истина выходитъ *на ясный день жизни* только *изъ борьбы противоположностей*, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что имѣя столько различныхъ историческихъ міросозерцаній, мы сдѣлали въ наукахъ историческихъ большие успѣхи, —

И къ истинѣ мы на прямомъ пути!
Прилежно только надобно учиться.

Вмѣстѣ съ самостоятельной разработкой русской исторіи необходимо должна была явиться и наука русскаго права. Она дѣйствительно и явилась, и растолковала намъ отмѣнно ясно, что сначала былъ обычай, потомъ настал законъ; что законы въ разныя царствованія дополнялись, измѣнялись; что въ существующемъ нынѣ Сводѣ Законовъ нельзя не видѣть несомнѣннаго вліянія законодательства разныхъ эпохъ; растолковала намъ затѣмъ, что такое грамоты *судныя, безсудныя, правыя, уставныя, губныя, приставныя* и т. д.; что судебникъ Ивана III былъ хорошъ, потому что прежде и никакого не было; судебникъ Ивана IV еще лучше, Уложеніе еще лучше. Все это

Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо,

и.... только.

Съ первыми попытками разработки русской, явилась у насъ и еще самостоятельная наука русская, археологія. Кажется, не было на свѣтѣ археологіи, которая бы съ такимъ усердіемъ занималась своимъ дѣломъ, какъ наша. Матеріалы, ею собранные, могли бы составить большую библіотеку. Она списала все, что сохранилось въ памяти народа о прежней жизни — пѣсни, сказки, преданія, легенды, пословицы и проч.; разсмотрѣла древнія жилища, одежды, утварь, мѣста общественныхъ собраній, ихъ разнообразныя принадлежности и украшенія, вскрыла множество могилъ и кургановъ, списала надписи со всѣхъ сосудовъ, одеждъ, иконъ, колоколовъ, крестовъ и пр. и пр., пересмотрѣла до малѣйшихъ подробностей всѣ письменные памятники, такъ что

Извѣстно ей все, — и то: на чемъ въ вѣка
Отъ насъ отдаленныхъ временъ
Писали подобные намъ человѣки?
И то: какимъ именно родомъ письменъ?

Глаголицей, рунами, вязью, уставомъ?
А также: черниломъ, другимъ ли составомъ?

Казалось бы при такомъ грузѣ учености должна бы была выйдти интереснѣйшая археологія. А вотъ нѣтъ, не вышла. Какую бы вы ни взяли археологію въ руки—еврейскую ли, римскую ли, древности ли Геркуланума и Помпеи,— вы не можете оторваться отъ нихъ. А кажется, что насъ могло бы интересовать въ этихъ археологіяхъ! Въ нихъ все чуждое для насъ; роднаго ничего. Но таково уже свойство прошедшей жизни, хотя бы и чуждой для насъ, что если изъ ней вырвана какая нибудь болѣе или менѣе цѣльная картина, то какія бы мелочи не изображала эта картина, онѣ сейчасъ обрисовываютъ намъ характеръ эпохи, нравы и духъ жившаго тогда человѣчества, заставляютъ невольно сравнивать прошедшее съ настоящимъ, и тѣмъ уясняютъ намъ насъ самихъ — предметъ, какъ извѣстно, самый интересный для людей! Возьмешь русскую археологію, — видишь въ ней все свое, родное; тотъ же самый бытъ, который описываетъ она, продолжается еще и теперь въ видоизмѣненномъ видѣ, — кажется, какъ бы не заинтересоваться такимъ близкимъ сердцу предметомъ? А нѣтъ, прочтешь пять, шесть страницъ—голова отяжелѣетъ, точно отъ дурмана. Ужь кажется, какъ интересно описаніе новгородскихъ древностей, изданное, кажется, въ прошедшемъ году о. архимандритомъ Макаріемъ. Нѣтъ рѣшительно древней вещи, на которую бы трудолюбивый изыскатель не обратилъ самаго заботливаго вниманія. Всякая вещь вымѣрена, взвѣшена, описана до мельчайшихъ подробностей. Сняты со всякой вещи надписи, изъ которыхъ ясно видно, какъ, и кѣмъ, и когда она построена. Однимъ словомъ, когда подумаешь про себя, ясно видишь, что наукѣ дальше здѣсь и идти некуда,—все съѣла. А станешь читатать, не ощущаешь никакого удовольствія; самыя ученѣйшія изысканія не только не веселятъ, а какъ будто грусть нагоняютъ. Даже ярославле серебро нисколько не утѣшаетъ. Если на чемъ и случается временемъ отвести душу, то развѣ только на библіографическихъ извѣстіяхъ г. Лонгинова. Отчего же, спрашивается, все это зависитъ? Отчего нравятся намъ иностранныя археологіи, и отчего не нравятся наши собственныя, родныя, русскія? — Оттого, что очень мы уже ученостію-то иностранцевъ превзошли. Стараемся насовать вездѣ учености, учености и учености. Кто противъ учености? — Но не все же ученость, индѣ бываетъ и хоть какая нибудь человѣческая мысль нужна.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ явилась въ Россіи новая наука—экономическая. Рожденная не въ нашей сторонѣ, чуждая нашихъ нравовъ и обычаевъ, нашей исторической жизни, незнакомая съ условіями страны, она пришла въ ужасъ отъ того, что у насъ увидѣла.

Приверженцы западной экономической науки, хотя и вскормленные у насъ дома, общиннымъ хлѣбомъ, гремѣли во имя принципа противъ существующаго у насъ общиннаго землевладѣнія, въ немъ видѣли причину застоя у насъ земледѣлія, всеобщей лѣни, отвращенія къ труду въ народѣ, и находили необходимымъ — общинное владѣніе землею замѣнить владѣніемъ на правѣ личной собственности, а затѣмъ лежавшія впустѣ государственныя земли продать или передать немедленно въ частныя руки, въ несомнѣнной увѣренности, что, сдѣлавшись частною собственностію, земли эти не будутъ уже лежать впустѣ, а будутъ немедленно разработаны. Противъ ученыхъ экономистовъ, быть можетъ и очень талантливыхъ, но увлеченныхъ чужимъ ученіемъ, вовсе не приспособленнымъ къ нашему быту, возстали одни только свистуны, доказывая съ одной стороны всю нелѣпость мысли ниспровергать насильственно бытъ, сложившійся вѣками (а «Русскій Вѣстникъ» говоритъ, что свистуны того и смотрятъ, какъ бы что уничтожить!); съ другой стороны отвергая сомнительное превосходство для массъ европейскаго способа владѣнія землею предъ нашимъ общиннымъ. Съ какимъ презрительнымъ взглядомъ смотрѣли тогда на свистуновъ ученые экономисты! О такомъ общеизвѣстномъ, неподлежащемъ никакому спору предметѣ, какъ превосходство землевладѣнія на правѣ собственности предъ владѣніемъ общиннымъ, имъ, казалось, и говорить смѣшно. А вотъ теперь, и тамъ и сямъ, да и едвали не вездѣ начинаютъ поговаривать, что общинное владѣніе землею, дескать, дѣло хорошее, даже очень хорошее. Вотъ не далѣе, какъ въ № 1 «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», думающихъ, какъ извѣстно, совершенно тождественно съ «Отечественными Записками» (а кто же не знаетъ, какъ сильно нѣкогда стояли «Отечественныя Записки» за право собственности, обличая свистуновъ въ незнаніи первыхъ началъ политической экономіи?) въ статьѣ «862—1862» мы прочли между прочимъ слѣдующее:

«Въ настоящее время, то есть, съ начала нынѣшняго вѣка, передовые люди Западной Европы обратили наконецъ вниманіе на свою коренную и главную болѣзнь, и стали придумывать различныя средства для ея исцѣленія. Уже прежнія философскія системы, имѣвшія предметомъ устройство государства, оказались совершенно несостоятельными. Многіе поняли, что то или другое устройство правительственной системы не можетъ никогда привести къ хорошему результату, пока общество будетъ сохранять свои устарѣлыя понятія или свойства, а потому обратили вниманіе на самое общество, въ перестройкѣ котораго и стали искать спасенія. Результатомъ этихъ философскихъ изысканій явились новыя экономическія ученія.... Конечный результатъ, къ которому должны привести эти ученія по мнѣнію

ихъ послѣдователей, — будетъ уничтоженіе права личности въ пользу общества, а слѣдствіемъ этого — уничтоженіе монополій и пролетаріата....»

Эта тирада — благородное, жертвенное самозакланіе «Отечественныхъ Записокъ» на алтарѣ истины и побѣдный трофей свистуновъ. Само собою разумѣется, что при такомъ величественномъ зрѣлищѣ не можетъ не торжествовать и «Свистокъ», радуясь доблестямъ и славѣ достойныхъ сыновъ своихъ.

Мы не будемъ говорить объ успѣхахъ въ другихъ нашихъ наукахъ, потому что боимся утомить вниманіе читателей. Не бойся мы этого, мы со всею очевидностію доказали бы, что и во всѣхъ наукахъ получены нами результаты не менѣе богатые, какъ и въ тѣхъ, о которыхъ вели мы рѣчь.

Оставляя однакожъ науку, не можемъ не сказать нѣсколько словъ о нашей поэзіи. Въ теоріи поэзіи признавались у насъ, какъ извѣстно, два начала: первое гласило, что искусство должно существовать только для искусства; второе, что искусство должно служить общественнымъ интересамъ. Соціальное начало, послѣ недолговременной борьбы, одержало торжественную побѣду надъ абстрактнымъ, и теперь вся почти наша поэзія превратилась въ соціальную. Работы отъ этого нашимъ поэтамъ, романистамъ, беллетристамъ должно бы было повидимому прибавиться очень много. Потому что, вѣдь, что же требовалось для прежней поэзіи?... Можно сказать, что ничего, или, по крайней мѣрѣ, весьма немного.... Требовалось, положимъ, знаніе человѣческаго сердца, знаніе способа проявленія въ немъ разныхъ бурныхъ страстей, въ особенности любви, требовалось затѣмъ знаніе словосочиненія, граматики.... но это вѣдь ужь мелочи. Все это такія знанія, которыя изученія и труда никакого не требовали. Потому что какой же талантъ не знаетъ человѣческаго сердца или тамъ проявленія разныхъ страстей? Наши по крайней мѣрѣ романисты, беллетристы — всѣ знали это все, какъ свои пять пальцевъ, и никогда себя не обременяли никакимъ изученіемъ. Ну, а поэзія соціальная — это совсѣмъ другое дѣло,—дѣло, такъ сказать, весьма деликатное. Какой вы вопросъ въ обществѣ ни затроньте,—положимъ, отношеніе родителей къ дѣтямъ, положеніе женщины, отношеніе мужскаго пола къ женскому, благородныхъ къ благороднымъ, — вопросы, повидимому обыденные, а для рѣшенія ихъ, Богъ знаетъ, какихъ свѣдѣній не потребуется. Надобно быть знакомымъ и съ философіей, и съ исторіей, да и не съ той исторіей, которая читается у насъ въ заведеніяхъ, а съ исторіей совершенно другаго рода, и разными Staats и Gesellschaftlehre, да и какой нибудь свой взглядъ имѣть, если не самостоятельный, то по крайней мѣрѣ цѣльный, на устройство всего об-

щественнаго организма. Однимъ словомъ, требуется многое. Мы боялись, что съ паденіемъ искусства для искусства наши романисты и беллетристы призамолкнутъ или ограничатся одной обличительной поэзіей, которая, какъ извѣстно, никакихъ знаній не требуетъ. Ибо она перестройкой существующихъ отношеній не занимается, а только исправляетъ и наказуетъ существующія злоупотребленія. N беретъ взятки, — слѣдовательно онъ негодяй; S достигъ важнаго поста пронырствомъ, а не достоинствомъ личнымъ, — слѣдовательно онъ подлецъ; Z обидѣлъ бѣднаго чиновника, сказавъ ему нечаянно вмѣсто: милостивый государь — дуракъ, — слѣдовательно онъ отсталый; — таковые и подобные не замысловатые сюжеты исчерпываютъ все содержаніе обличительной поэзіи. Наши опасенія относительно затрудненій, въ какія будутъ поставлены романисты и беллетристы новымъ направленіемъ поэзіи, ни мало однакожъ не оправдались. Романы, повѣсти, разсказы и другіе роды поэзіи—пошли на новомъ соціальномъ основаніи ни чуть не хуже, а пожалуй, еще и лучше, чѣмъ шли прежде на основаніи «искусства для искусства». Наши романисты и беллетристы, Богъ ихъ ужъ знаетъ какъ, а какъ-то ухитряются обходиться безъ свѣдѣній и въ новомъ направленіи, какъ обходились и въ прежнемъ. А между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ послѣднее время поэзія наша сдѣлала громадные шаги впередъ. Содержаніе прежней поэзіи было слѣдующее: *эротической*: 1) онъ ее любилъ потому, что образъ ея одинъ изъ всего женскаго пола предносился его уму задолго прежде, чѣмъ онъ ее встрѣтилъ; по той же самой причинѣ любила и она его; потому они, несмотря на всѣ препятствія со стороны родныхъ, и сочетались законнымъ бракомъ; 2) онъ и она любили другъ друга по тѣмъ же самымъ причинамъ; но она къ ужасу своему узнала, что онъ очень неравнодушенъ къ одной или нѣсколькимъ дамамъ, образъ которыхъ, очевидно, ему не предносился прежде. Съ отчаянія она хотѣла себя отравить ядомъ, но обстоятельства расположились такъ, что вышла замужъ за одного артиллерійскаго капитана, образъ котораго ей не предносился, и прожила жизнь въ постоянной меланхоліи или счастливо (такъ или иначе, — зависѣло отъ воли автора); 3) они любили другъ друга по причинамъ вышеизъясненнымъ, но она полюбила другаго, который хорошо говорилъ объ Италіи и имѣлъ тысячу душъ, и тутъ только поняла, что образъ именно этого и предносился ей, а не прежняго, въ чемъ послѣднему и призналась откровенно; а послѣдній хотѣлъ застрѣлиться, но по независившимъ отъ редакціи обстоятельствамъ не застрѣлился, а остался на всю жизнь въ меланхолическомъ состояніи или женился прозаически (то или другое зависитъ отъ воли автора); II, *нѣжно идиллической*: онъ и она любили другъ друга, не предносившись другъ

другу до встрѣчи, — безъ любви пламенной, связанные болѣе привычкой, сочетались бракомъ, всю жизнь вмѣстѣ завтракали, обѣдали, ужинали и умерли; III, *комической*: одинъ залѣзъ подъ столъ, другой оттуда его вытащилъ за ногу. — Такова была поэзія прежняя; новая поэзія тѣ же самыя темы развиваетъ совершенно въ другомъ родѣ. 1) *эротическая*: она любила его, потому что онъ поставилъ себѣ цѣлію жизни освободить Болгарію; онъ любилъ ее за ея сочувствіе къ славянскимъ племенамъ, и они, несмотря на препятствія со стороны родныхъ, сочетались законнымъ бракомъ; 2) она его любила пламенно за его пламенныя рѣчи о меньшихъ братіяхъ, о цивилизаціи, прогрессѣ; онъ любилъ ее за сочувствіе всему новому, живому, за вниманіе къ его рѣчамъ; она узнала стороною, что онъ беретъ взятки, презрѣла его и вышла замужъ за учителя грамматики, который о новыхъ идеяхъ не говорилъ ничего и увлечь ее не могъ, но о которомъ достовѣрно было извѣстно, что онъ взятокъ не беретъ; 3) онъ ее полюбилъ за то, что она по своимъ занятіямъ была выше другихъ женщинъ, говорила съ душою о равноправности людей, объ эманципаціи женщинъ, — но когда узналъ, что она сильно прибила свою горничную, презрѣлъ ее и женился на своей вольноотпущенной, съ твердою цѣлію воспитать ее въ новыхъ идеяхъ; II) *идилически-идиллическая*: онъ и она не умѣли краснорѣчиво говорить ни о прогрессѣ, ни о чемъ бы то ни было и, само собою разумѣется, что пламенно другъ друга полюбить не могли; но и онъ, и она заботились объ учрежденіи воскресныхъ школъ; отъ этой общей симпатіи къ общеполезному дѣлу получили симпатію другъ къ другу, сочетались бракомъ, всю жизнь провели въ совѣтахъ о воскресныхъ школахъ, устройствѣ ихъ, заботахъ о нихъ, и оба умерли въ воскресной школѣ; III) *комическая*: одинъ, залѣзая подъ столъ, произноситъ торжественно: «человѣческая природа во всѣхъ положеніяхъ равноправна». Другой, вытаскивая его за ногу, говоритъ не менѣе торжественно: «не пустыми словами, а самымъ дѣломъ должны мы помогать нашимъ меньшимъ братіямъ.»

Можетъ быть, да и не то, впрочемъ, что можетъ быть, а мы знаемъ это навѣрное, что найдутся люди, которые не удовлетворятся результатами, добытыми нами въ разныхъ наукахъ, скажутъ, что результаты эти такъ незначительны, что достигнуть ихъ, проживъ тысячу лѣтъ, значитъ почти то же, что ничего не сдѣлать.

И такимъ у насъ есть отвѣтъ, — и мы сообщаемъ его тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что а) онъ повторяется уже нѣсколько лѣтъ нашими учеными, литераторами и вообще патріотами, какъ скоро имъ сдѣлаютъ обидное замѣчаніе въ такомъ родѣ, что, дескать, Россія не Богъ знаетъ какъ далеко ушла, — и слѣдовательно противорѣчить здѣсь намъ никто не будетъ; и что b) намъ даже не нужно при-

думывать, какъ его выразить. Авторъ вышеупомянутой нами статьи «862—1862» уже потрудился за насъ, — и намъ остается только воспользоваться его трудомъ.

«Есть,—говоритъ онъ, — сказка у нашего народа объ «Ильѣ Муромцѣ», который тридцать лѣтъ и три года сиднемъ сидѣлъ на печи, ничего не дѣлалъ, но росъ богатырски, на удивленіе всему народу. Ни упреки родныхъ за лѣность, ни жалобы ихъ на такую безполезную жизнь, — ничто не помогало. Илья сидѣлъ все на печи, ѣлъ, пилъ и спалъ, да думалъ крѣпкую думушку — пока не ударилъ часъ его жизни. Тогда онъ всталъ, и земля задрожала подъ его ногами.

«Это про себя народъ нашъ сложилъ сказку. И Россія, какъ Илья Муромецъ, все росла, да росла, какъ будто ни о чемъ не думая, какъ будто ничего не дѣлая.... Она все расправляла члены, раздвигала себѣ границы, какъ видно готовясь на большемъ просторѣ заявить современемъ свою жизнь».

Ну, а теперь и пошла, и пошла, и пошла.... Само собою разумѣется, пошла подъ предводительствомъ «Свистка», по крайней мѣрѣ при его усердномъ содѣйствіи.... Казалось бы, такъ?

Но вотъ въ томъ и дѣло, что съ этимъ не хотятъ согласиться даже тѣ, которые убѣждены, что Россія идетъ впередъ. Они о «Свисткѣ» мнѣнія самаго не лестнаго, и говорятъ, что не только подъ предводительствомъ такого гуся, какъ «Свистокъ, но даже и вмѣстѣ съ нимъ идти впередъ никакъ невозможно. И современное движеніе опорочиваютъ именно потому, что оно проникнуто свистомъ. Такъ думаютъ всѣ передовые органы нашей мысли, хотя сами, какъ мы уже сказали выше, свистятъ во всю мочь, — какъ-то: «Русскій Вѣстникъ», «Наше Время», «День» и многіе другіе. Но что всего удивительнѣе для насъ, такъ это то, что даже Николай Ивановичъ Костомаровъ придерживается того же мнѣнія. Сейчасъ мы получили его «Тысячелѣтіе» и въ немъ, къ изумленію нашему, прочли, что въ настоящее время нѣтъ никакого движенія, а лишь только миражъ движенія, иллюзія, обманъ, что и передовыхъ людей—людей идей—вовсе нѣтъ, а есть передовые люди *моды — личности наиболѣе неспособныя и пустыя*. Такъ Н. И. Костомаровъ характеризуетъ наше время и наше движеніе, въ самыхъ видныхъ рядахъ котораго стоитъ онъ самъ. Не повѣрить ему — трудно, — даже для «Свистка» трудно. Повѣрить — страшно, даже и для «Свистка». Неужели все, что мыслится теперь у насъ, что является въ прессѣ, что дѣлается — такъ-таки положительно ничего, ничто чистое, абсолютное? — Неужели всѣ личности, дѣйствующія теперь мыслію ли, словомъ ли, дѣломъ ли — всѣ такъ-таки личности наиболѣе неспособныя и пустыя?

А такъ точно оно, дескать, и есть, отвѣчаетъ Н. И. Костомаровъ, — и вотъ почему:

У насъ вовсе нѣтъ прогресса, а есть только мода. «Свойство мод ., — говоритъ Н. И., — мѣняться и не имѣть разумнаго основанія. *Кого только занимаетъ мода въ чемъ бы то ни было*, тотъ непремѣнно одержимъ болѣзнію пустоты, безсмыслія и неспособности ни къ умственному, ни къ гражданскому подвигу.»

Полагаемъ, что послѣдній пунктъ непремѣнно долженъ быть опечаткой, которой не примѣтили «Санктпетербургскія Вѣдомости». Вѣдь мода занимаетъ и «Отечественныя Записки». Иначе онѣ не прилагали бы для своихъ читателей картинокъ дамскихъ и даже мужскихъ модъ? Неужели и онѣ одержимы болѣзнію пустоты, безсмыслія и неспособности ни къ умственному, ни къ гражданскому подвигу? — Признаемся, мы сильно усомнились въ справедливости словъ Н. И. Костомарова, не повѣрили даже и тому, что свойство моды—не имѣть никакого основанія. Не довѣряя однакожъ много и самимъ себѣ, мы полѣзли въ извѣстный всѣмъ Conversations-lexicon Брокгауза справиться: какъ думаютъ о модѣ нѣмцы, — и нашли вотъ что:

«Подъ модою *вообще* разумѣется все, что въ извѣстномъ мѣстѣ вошло въ нравы и привычку относительно образа дѣйствій, обращенія съ другими, относительно платья, устройства и убранства жилищъ,— однимъ словомъ, относительно образа жизни; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, модою называется принятый всѣми обычай одѣваться, причемъ, впрочемъ, словомъ: *мода*—обозначается болѣе измѣняющееся, быстро исчезающее во внѣшнихъ формахъ жизни, нежели постоянное и твердое. Перемѣна и разнообразіе модъ зависитъ отъ большей или меньшей цивилизаціи, обращенія съ другими, развитія индустріи и богатства народа, равно какъ отъ географическаго положенія и политическаго устройства страны. Чѣмъ бѣднѣе, необразованнѣе, малочисленнѣе народъ, чѣмъ онъ изолированнѣе отъ сношеній съ другими народами, тѣмъ менѣе мода подвержена въ немъ перемѣнамъ. То же самое бываетъ съ модою, когда деспотизмъ препятствуетъ свободному ея развитію, какъ, напримѣръ, въ большей части азіатскихъ государствъ, или гдѣ постоянное плѣсневѣніе въ старыхъ обычаяхъ и порядкахъ и враждебное отношеніе ко всему чужому, какъ, напримѣръ, въ Китаѣ, — дѣлаетъ умъ человѣка одностороннимъ, ни къ какому движенію неспособнымъ. Гдѣ, напротивъ, индивидуальная свобода и вкусъ всякаго имѣютъ просторъ, гдѣ постоянныя сношенія съ другими націями расширяютъ умственный кругозоръ, гдѣ наконецъ, вслѣдствіе развитія туземной индустріи, матеріальное благосостояніе народа находится въ цвѣтущемъ состояніи, — тамъ образъ жизни частныхъ лицъ, ихъ домашняя обстановка, платье, наряды

непремѣнно должны подвергаться самымъ частымъ перемѣнамъ. Поэтому надобно быть очень одностороннимъ или имѣть взглядъ слишкомъ узкій, чтобы безусловно осуждать моду. Мода оживляетъ индустрію, и охуждать ее можно только тогда, когда ее доводятъ до глупаго франтовства, когда изъ-за нея забываютъ серьезныя дѣла, когда ею вводятъ разстройство въ домашнюю жизнь, и мелочи дѣлаютъ главною цѣлію жизни. На Францію всегда смотрѣли какъ на страну модъ; но Англія имѣетъ не менѣе правъ на это, и должно сознаться, что въ странномъ и уродливомъ покроѣ платья британскіе петиметры большею частію оставляли за собою далеко французскихъ.»

На такомъ широкомъ основаніи ставятъ моду нѣмцы, разсматривая ея raison d'être въ семъ грѣшномъ мірѣ. Въ своемъ движеніи, мода можетъ быть разсматриваема или какъ полное отрицаніе прежняго, существовавшаго обычая, или какъ мелкое видоизмѣненіе обычая уже существующаго. Въ первомъ случаѣ мода не можетъ не имѣть разумнаго основанія; во второмъ она, конечно, можетъ являться иногда и безъ разумнаго основанія, по прихоти, по капризу. Каждый обычай вѣдь, какъ бы долго онъ ни существовалъ, хотя бы по китайскому лѣтосчисленію прожилъ сотню вѣковъ,—былъ когда нибудь непремѣнно модой, потому что онъ замѣнилъ собою обычай древній. И если онъ принятъ большинствомъ людей образованныхъ, то непремѣнно надобно думать, что прежній обычай оказывался въ чемъ нибудь неудобнымъ, и что новый, заступившій его мѣсто, устранялъ эти неудобства. Возьмемъ, напримѣръ, хотя сюртуки, фраки и прочую нашу одежду европейскую. Теперь эта одежда вошла въ обычай образованнаго общества въ Россіи. А вѣдь когда-то этотъ обычай былъ моднымъ у насъ, да еще какъ моднымъ-то! И была причина, для своего времени весьма достаточная, почему мода на фраки, сюртуки вытѣснила бывшіе въ общемъ употребленіи кафтаны, охабни и т. п. Для каждаго легкаго видоизмѣненія покроя фраковъ и сюртуковъ причинъ, можетъ быть, и не приберешь. Но вѣдь эти видоизмѣненія, какъ мелкія и незначительныя, и не разрушаютъ той мысли, вслѣдствіе которой принята и доселѣ держится мода на сюртуки и фраки. Потому стоитъ ли и толковать о томъ: разумны они или неразумны?—Такъ точно мода дѣйствуетъ и въ наукѣ, и въ воззрѣніяхъ на дѣла общественныя и т. д. Возьмемъ, напримѣръ, хоть русскую исторію. Прежде историки наши были такого мнѣнія, что въ исторіи нашей все плелось такъ, какъ плелось, по судьбамъ неисповѣдимымъ. Явился г. Соловьевъ съ полнымъ отрицаніемъ такого страннаго взгляда, и указалъ начало, изъ котораго развивалась жизнь,—правильное или нѣтъ,—это другой вопросъ; мнѣніе его вытѣснило прежнія и сдѣлалось моднымъ, потому именно, что оно было разумнѣе прежнихъ; за г. Соловьевымъ явился

г. Костомаровъ — съ полнымъ отрицаніемъ начала, указаннаго г. Соловьевымъ, и показалъ другую идею въ развитіи событій; новое мнѣніе вытѣснило мнѣніе г. Соловьева и сдѣлалось моднымъ, опять потому, что оно было признано болѣе разумнымъ, чѣмъ прежнее. Между тѣмъ и въ то время, когда была мода на исторію Карамзина, и въ то время, когда была мода на исторію г. Соловьева, и теперь, когда не прошла еще мода на историческое міросозерцаніе г. Костомарова, всегда были въ историческихъ какихъ нибудь частностяхъ особыя мнѣнія отъ общаго моднаго взгляда на всю исторію, не подрывавшія однако этого взгляда въ основаніи. Эти особыя мнѣнія о разныхъ частностяхъ и можно назвать легкими видоизмѣненіями моды. Они то же самое, что въ модѣ — на сюртуки, фраки — расширеніе или съуженіе рукавовъ, фалдъ, полъ и т. д., не измѣняющія основной формы фраковъ или сюртуковъ.

Все это говоримъ мы къ тому, что существующія въ настоящее время идеи тогда только можно было бы назвать модными въ томъ смыслѣ, въ какомъ хочетъ назвать Н. И. Костомаровъ, то есть, легкими, капризными явленіями мысли, когда бы они были только легкимъ видоизмѣненіемъ принятыхъ обычаевъ, порядковъ, формъ, не измѣняющимъ ихъ существеннаго смысла. Онѣ, напротивъ, представляютъ полное, или такое отрицаніе всего этого, что прошедшее никакъ не можетъ уложиться вмѣстѣ съ ними. А между тѣмъ новыя идеи принимаются уже и теперь большинствомъ образованнаго общества. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ: 1) что большинствомъ образованнаго общества сознана несостоятельность прежнихъ обычаевъ, порядковъ, формъ; что 2) новыя идеи имѣютъ непремѣнно что нибудь такое, что устраняетъ усмотрѣнную въ прежнихъ обычаяхъ, формахъ, порядкахъ несостоятельность, а потому непремѣнно имѣютъ и разумное основаніе для своего существованія.

Н. И. Костомаровъ думаетъ не такъ. Сказавъ, что мода не имѣетъ никакого разумнаго основанія, что кто держится моды въ чемъ нибудь, тотъ безсмысленъ и неспособенъ ни къ какимъ подвигамъ, онъ продолжаетъ такъ:

«Иные въ явленіяхъ моды видятъ соотношеніе съ прогрессомъ и противопоставляютъ ей обычай, въ которомъ находятъ застой и рутину. Тѣ ошибаются, которые такъ смотрятъ. Мода имѣетъ тѣ же отрицательныя стороны, какія есть въ обычаѣ, и не имѣетъ положительныхъ сторонъ послѣдняго. Сходство между ними въ одинаковомъ устраненіи мысли и критики.... Различіе между модой и обычаемъ то, что въ обычаѣ, при отсутствіи мыслительной критики своихъ убѣжденій и поступковъ, участвуетъ сердце; въ модѣ нѣтъ его, тамъ

холодная пустота и безплодное воображеніе, творящее даже неочерченные образы, а не ясныя тѣни, облачные призраки. Передовые люди въ сферѣ обычая — всегда лучшія личности; въ сферѣ моды напротивъ: тутъ *передовыя личности—наиболѣе неспособныя и пустыя*».

Все это слова, слова и слова! Кого назвать передовыми людьми въ сферѣ обычая? — Тѣхъ ли, которые крѣпче и упорнѣе его держатся? Если *да*, то ужь передовые люди обычая никакъ не могутъ быть лучшими людьми. Ибо извѣстно, что чѣмъ человѣкъ ограниченнѣе, одностороннѣе, тѣмъ всегда онъ крѣпче сидитъ въ обычаѣ. Если же передовыми людьми обычая назвать тѣхъ, которые смотрятъ на обычай разумно, самостоятельно, понимаютъ слабыя и неудобныя его стороны, и готовы всегда замѣнить его лучшимъ, если оно имъ представится,—то такіе люди уже не будутъ люди обычая, а будутъ именно люди моды. Далѣе, если понимать моду, какъ легкія видоизмѣненія въ сферѣ существующаго обычая, то люди такой моды могутъ быть и неспособныя, пустыя личности. Но когда мода является, какъ полное отрицаніе существующаго обычая, то тутъ съ одними пустыми и неспособными людьми ничего не подѣлаешь. Чтобы пошатнуть обычай, надобно выяснить слабыя его стороны, указать достоинство новыхъ идей, вести борьбу съ передовыми людьми обычая, часто подкрѣпляемыми не одними аргументами мысли, но и другими средствами. Если бы передовые люди обычая стояли всегда выше людей моды, то никогда никакой обычай не пошатнулся бы, и никакая мода не могла бы заступить его мѣсто и сама превратиться въ обычай.

«Мы не говоримъ, продолжаетъ Н. И., — передовые люди идей, которыя, по несчастію, дѣлаются игрушкой моды, но разумѣемъ передовыхъ людей именно моды. Если идеи *не воплощаются въ мірѣ прочныхъ явленій*, то значитъ — перваго рода передовыхъ людей и нѣтъ; все вращается въ одной модѣ».

И опять нѣтъ, опять что-то не такъ. Какой бы намъ взять примѣръ, чтобы показать что *невоплощеніе идей въ мірѣ прочныхъ явленій* не можетъ доказывать отсутствіе передовыхъ людей. Ну, да возьмемъ вотъ хоть примѣръ для всѣхъ безспорный — христіанство. Нѣтъ сомнѣнія, что передовые люди были въ обществѣ христіанскомъ и въ самомъ началѣ его. А вѣдь было время, и тянулось оно не мало, когда христіанское общество состояло почти изъ однихъ апостоловъ, когда идеи его не встрѣчали нигдѣ привѣта и не воплощались въ мірѣ прочныхъ явленій? — Да и что называетъ Н. И. воплощеніемъ идей въ мірѣ прочныхъ явленій? — Почему онъ думаетъ, что современныя идеи прогресса извѣстнымъ образомъ не воплощаются въ

мірѣ прочныхъ явленій, такъ точно, какъ воплощались при первомъ своемъ появленіи и идеи христіанства, какъ воплощаются и всѣ новыя идеи!

Здѣсь мы оканчиваемъ полемику съ Н. И. Костомаровымъ, хотя и душевно желали бы продолжать ее, потому что, какъ хотите, пріятно заниматься разсужденіемъ о предметахъ возвышенныхъ, а для «Свистка» это даже и полезно, репутацію пріобрѣтаетъ. Всякій скажетъ: вотъ, дескать, какъ нынѣ «Свистокъ»-то! не пустяками какими нибудь занимается, а разсуждаетъ о предметахъ возвышенныхъ, даже съ Н. И. въ споръ вступилъ. И мы все-таки, несмотря на это, оканчиваемъ полемику съ Н. И. Костомаровымъ, оканчиваемъ потому, что знаемъ впередъ, что сколько бы мы ни полемизировали, намъ не повѣрятъ, а повѣрятъ Н. И. Костомарову. Мы даже сами, какъ ни основательно опровергали Н. И., не очень довѣряемъ себѣ: можетъ быть оно какъ нибудь и въ самомъ дѣлѣ такъ, что Н. И. говоритъ правду.

Для насъ одно прискорбно, что Н. И. прервалъ потокъ нашего краснорѣчія. Когда мы, разсмотрѣвъ научные труды въ Россіи, хотѣли обратиться къ современнымъ намъ людямъ и на нихъ остановиться, какъ на лучшемъ свидѣтельствѣ тѣхъ блистательныхъ успѣховъ, какіе мы сдѣлали въ теченіе тысячелѣтія, какъ вдругъ получили «Тысячелѣтіе» Н. И. Костомарова, съ такимъ заявленіемъ, что людей-то именно у насъ и нѣтъ, то есть нѣтъ людей идей, что наши *передовые люди* — не болѣе, *какъ личности наиболѣе пустыя и неспособныя.*

Что жь дѣлать? — Надобно покориться судьбѣ и оставить современныхъ передовыхъ въ покоѣ, когда они не могутъ служить показателями нашего движенія впередъ. Куда жь намъ еще обратиться, чтобы увидѣть плоды тысячелѣтней жизни нашей? — Въ наше прошедшее? Но что же тамъ-то?

«Старое житье-бытье, говоритъ о немъ Н. И., обрасываетъ съ себя вѣковую плѣсень: намъ слышатся сотни рано погибшихъ надеждъ, безполезно растраченныхъ силъ, вопль милліоновъ страдальцевъ, погибшихъ въ эпохи ломовыхъ бѣдствій, безъ участія современниковъ, неоплаканныхъ потомствомъ, забытыхъ исторіею, — звѣрской разгулъ произвола, тихая скорбь безвыходнаго терпѣнія.»

Таково наше прошедшее! Стоитъ ли идти туда? Конечно, не стоитъ. «Но есть, говоритъ Н. И., — прошедшее и у насъ, на которомъ стоитъ остановиться и даже нѣкоторымъ образомъ и вернуться, — говоритъ, — къ нему — не мѣшаетъ; но вернуться не въ томъ смыслѣ назадъ, чтобы намъ терять плоды всего нашего тысячелѣт-

наго развитія, возвращаться къ патріархальной простотѣ разумѣнія предковъ и къ тѣсному горизонту ихъ знаній и опыта, —а въ смыслѣ простоты дѣйствія и рѣшимости, съ какою, по разсказу нашего лѣтописца, поступили они въ важномъ дѣлѣ заклада русскаго политическаго общества». «Посмотрите, говоритъ Н. И., какъ они дѣйствовали! 1) Жили они на большомъ пространствѣ разрозненно, а всѣ соединились единодушно, чтобы прогнать притѣснявшихъ ихъ варяговъ; 2) всѣ поняли, что имъ самимъ въ дѣлѣ управленія ничего не подѣлать, — и опять соединились всѣ, чтобы призвать князей; 3) призвали они князей не изъ тѣхъ варяговъ, которыхъ выгнали, а изъ другихъ; 4) призвали «не раболѣпно, не съ самоуниженіемъ, но откровенно сознаваясь въ неустройствѣ своей земли»; 5) призвали князей «не изъ сильнаго и вліятельнаго народа, напротивъ, изъ такого незначительнаго, который, взошедши въ славянскій міръ, не только не внесъ туда какихъ либо посторонникъ элементовъ, но скоро даже память его происхожденія затерялась».

Въ самомъ дѣлѣ, сколько мудрости-то! Подлинно, есть чему поучиться!

Перестанемъ же, — говоритъ Н. И., — повторять модную фразу: впередъ! Лучше: назадъ! «Даже назадъ къ половинѣ IX вѣка, за тысячу лѣтъ!»

Ну, что же: назадъ, такъ назадъ! «Свистокъ» и на это согласенъ. Только отправляясь назадъ, «Свистокъ» надобно непремѣнно съ собой захватить. Безъ него дѣло не обойдется и въ попятномъ шествіи. Какъ разъ можно вдаться въ какія нибудь сантиментальныя объясненія вещей самыхъ не хитрыхъ, затѣмъ впасть въ опасныя увлеченія въ родѣ славянофильскихъ, норманскихъ и т. п., а затѣмъ потерять возможность даже и назадъ идти, а просто-на-просто своротить съ дороги въ дебри и засѣсть въ нихъ такъ, что потомъ уже не вытащитъ оттуда никакая сила. Разительный примѣръ такого опаснаго, безвыходнаго положенія — Рогожское кладбище.

Здѣсь «Свистокъ» можетъ съ торжествомъ закончить свою рѣчь; ибо теперь, полагаемъ, для всѣхъ сдѣлалось ясно и несомнѣно, что безъ «Свистка» истинный прогрессъ совершенно невозможенъ, что «Свистокъ» необходимъ всюду—и въ наукѣ, и въ жизни, и въ поэзіи, и въ поступательномъ, и въ попятномъ шествіи.

III.

REQUIEM

(Рано погибшимъ надеждамъ).

«Надежды, надежды — нашъ сладкій удѣлъ!»
Изъ неизвѣстнаго поэта.

Свершилось! Нашъ юный ученый смѣжилъ
Для смысла и истины очи.
Какъ жаль! Хоть бы что нибудь онъ совершилъ!
А то ничего! Нѣту мочи,
Досадно. Но ты, другъ, его не жалѣй:
Онъ жалости, право, не стоитъ твоей.

Зане онъ *центральность* вельми изучилъ,
Москву возлюбилъ очень нѣжно,
Отъ духа ея слишкомъ много вкусилъ,
И долженъ онъ былъ неизбѣжно
Погибнуть. И не было силы такой,
Что чудо свершила бъ съ его головой.

Москвой онъ воспитанъ: онъ здѣсь изучилъ, —
Россійское право, преданья,
Отсюда въ чужіе края покатилъ,
Московскаго полнъ упованья.
Въ немъ выкурить духа Москвы не могли
Ученые даже нѣмецкой земли.

И здѣсь онъ одною Москвою дышалъ....
Аксакова чтилъ онъ стремленья,
Томленья Погодина онъ понималъ,
И Павлова зналъ вожделѣнья!
Была ему дума Каткова ясна,
И съ нимъ говорила царь-пушка сама.

Извѣдано, правда, имъ все, что въ нашъ вѣкъ,
Науку въ Москвѣ изучая,
Узнать даже лучшій бы могъ человѣкъ.
Но Русь отъ Невы до Китая
Вопитъ: ей жутко отъ знаній такихъ;
Москва жь въ умиленьи, въ восторгѣ отъ нихъ.

И ты, о читатель, о немъ не жалѣй!
Вѣдь онъ не погибнетъ, страдая

За брата; карьеры не сгубитъ своей.
И еслибъ вся Русь, проклиная,
Стонала отъ скаредныхъ знаній его,
Москва приголубитъ сынка своего.

IV.

ОПЫТЫ ОТКРЫТІЙ И ИЗОБРѢТЕНІЙ.

«Оборотни не должны быть смѣшиваемы съ упырями, хотя тѣ и другіе вредны. Оборотнями называются люди, превращающіеся въ животныхъ, обыкновенно нечистыхъ; упыри же, сохраняя человѣческій видъ, сосутъ кровь изъ беззащитныхъ людей. Противъ оборотня достаточно зачураться; противъ упырей столь легкое средство недостаточно; отъ нихъ можно избавиться не иначе, какъ» и т. д.
«Сказанія Русскаго Народа», И. Сахарова.

При отмѣнной остротѣ ума, я обогатилъ умственную и матеріальную жизнь рода человѣческаго многими важными открытіями. Но, по несчастной судьбѣ моей, всегда оказывалось, что въ каждомъ сдѣланномъ мною изобрѣтеніи уже предупредилъ меня кто-нибудь другой. Человѣчество нимало не теряло отъ этого роковаго для меня обстоятельства; людямъ было даже гораздо выгоднѣе, что ходъ усовершенствованій подвигался впередъ, не дожидаясь моей изобрѣтательности. Но каково было видѣть мнѣ себя лишающимся признательности и славы, какими награждаются благодѣтели рода человѣческаго и творцы новыхъ эпохъ въ наукахъ? Каково было видѣть мнѣ, что предвосхищенъ кѣмъ нибудь каждый изъ безчисленныхъ лавровыхъ вѣнковъ, заслуженныхъ мною? Отъ этого развилась во мнѣ хандра. По природѣ человѣкъ веселый, я съ утра до ночи хохочу: самые угрюмые люди увлекаются заразительнымъ, добродушнымъ моимъ смѣхомъ. Меня даже не впускаютъ въ тѣ семейства, гдѣ есть грудныя малютки, ибо раскаты моего смѣха не даютъ имъ спать, и трое младенцевъ уже подверглись падучей болѣзни, будучи внезапно пробуждены громогласными взрывами моей веселости. Но не знаютъ люди, что ракъ скорби пожираетъ сердце мнимаго весельчака. Я мучусь день и ночь вышеупомянутымъ убійственнымъ обстоятельствомъ.

Рядъ предвосхищеній моей славы начался съ самой ранней юно-

сти, когда я открылъ металлическій термометръ; черезъ три мѣсяца я прочелъ, что это изобрѣтеніе гораздо раньше меня сдѣлалъ Брегетъ. Я проклялъ злонамѣреннаго часовщика, сунувшагося не въ свое дѣло, какъ будто нарочно съ цѣлью напакостить мнѣ. По изобрѣтеніи металлическаго термометра, я обратилъ свою мысль отъ физики къ математикѣ, и открылъ Ньютоновъ биномъ; но черезъ двѣ недѣли узналъ, что открытый мною биномъ есть Ньютоновъ. Занявшись черезъ нѣсколько времени русскою исторіею, я открылъ геніальность и благотворность въ дѣйствіяхъ Іоанна IV Васильевича, а потомъ, размысливъ о политической экономіи, постигъ необходимость не допускать привоза машинъ изъ-за границы въ Россію. Но оказалось, что первое открытіе предвосхищено у меня знаменитымъ нашимъ историкомъ г. Соловьевымъ, а второе отпечатано въ журналѣ, редакторомъ котораго былъ глубокоуважаемый мною Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, также профессоръ московскаго университета. Съ ними обоими сходился я въ мысляхъ неоднократно, особенно въ мысляхъ о томъ, какъ надобно расправляться съ молодежью. Тревожитъ меня не только то, что я не увѣренъ — раздѣляютъ ли мнѣніе мое, г. Соловьева и г. Бабста, во всей силѣ его, молодые ученые профессора московскаго университета, г. Ѳ. Дмитріевъ и г. Чичеринъ? Въ г. Леонтьевѣ я увѣренъ; но достигла ли молодая пара той опредѣлительности послѣдняго вывода, какою гордимся мы, ученые вполнѣ зрѣлые (я, г. Соловьевъ и г. Бабстъ)? Принципъ г. Чичерина основателенъ: наука сама по себѣ, жизнь сама по себѣ, и наукѣ нѣтъ до нея дѣла. Изъ этого конечно слѣдуетъ, что если не только учащагося юношу, но хотя бы и вполнѣ ученаго мужа стали мы сѣчь, это ни мало не помѣшало бы его успѣхамъ въ наукахъ: вѣдь сѣченіе—дѣло жизни, а не науки, и розга ни мало не прикасается къ благороднымъ, скрытымъ подъ череномъ органамъ, которыми познается научная истина: ученый, раздѣляющій принципы гг. Ѳ. Дмитріева и Чичерина, можетъ безмятежно мыслить о leges barbarorum и областныхъ учрежденіяхъ, несмотря ни на какія соприкосновенія извѣстныхъ предметовъ растительнаго царства съ органами его организма, не занимающимися мышленіемъ. Такъ, я льщу себя надеждой, что г. Ѳ. Дмитріевъ увлечетъ за собою къ этому положенію своихъ друзей англійскаго московскаго клуба, а г. Чичеринъ привлечетъ его среди аудиторіи. Но я только льщу себя надеждой, а полной увѣренности у меня еще нѣтъ.

Мои открытія не ограничивались общими научными истинами: я глубоко прозрѣвалъ и конкретные факты. Напримѣръ, при появленіи «Очерковъ Англіи и Франціи» г. Чичерина, я прозрѣлъ философскимъ взоромъ, что молодой ученый скоро будетъ понимать обязан-

ности полицейскаго служителя въ совершенствѣ, какого не достигаютъ сами полицейскіе чиновники. Но и это открытіе предвосхитилъ у меня нѣкто, написавшій еще въ 1859 году:

«Г. Чичеринъ не замедлитъ сдѣлаться мертвымъ схоластикомъ, и будетъ философскими построеніями доказывать историческую необходимость каждаго предписанія земской полиціи, сообразно теоріи безпристрастія. Потомъ историческая необходимость можетъ обратиться у него и въ разумность» («Соврем.» 1859 г. № 5. Критика, стр. 58).

Я могъ бы безконечно продолжать перечень открытій, предвосхищенныхъ у меня отчасти современниками, отчасти предками. Чтобы говорить только о современникахъ, скажу, что кромѣ одного только человѣка, — котораго я за то и любилъ, — кромѣ Конрада Лиліеншвагера, не было ни одного извѣстнаго писателя, который не предвосхитилъ бы у меня какихъ нибудь хорошенькихъ мыслей. Напримѣръ:

ИМЯ ПРЕДВОСХИТИВШАГО.	ПРЕДВОСХИЩЕННАЯ ИМЪ У МЕНЯ МЫСЛЬ.
Г. Альбертини	Письмо изъ Турина, напечатанное въ № 3 «Совр.» 1861 г., проникнуто ненавистью къ національной независимости и пропитано гнуснымъ обскурантизмомъ, унижающимся до омерзительной клеветы.
Г. Ив. Аксаковъ . . .	Безумные поляки... Намъ не нужно суда присяжныхъ.
Г. Громека	Благоразумный человѣкъ можетъ желать только того, чтобы наказаніе невинному было уменьшено, а не того, чтобы онъ былъ признанъ невиннымъ.
Г. Буслаевъ.	Суевѣріе полезно.
Г. Дудышкинъ	Кто пишетъ ясно, тотъ плохой писатель.
Г. Леонтьевъ	Римъ погибъ оттого, что плебеи имѣли землю; мужику земля не нужна.
Г. Катковъ	Съ учащагося надобно брать штрафъ за то, что онъ учится.
Г. Н. Костомаровъ . .	Не должно подчиняться деспотизму уличной толпы.
Г. Кавелинъ.	Буду сотрудникомъ «Нашего Времени», издаваемаго Н. Ф. Павловымъ.
Г. Чернышевскій . . .	Сталь состоитъ изъ желѣза съ примѣсью кислорода.
Гг. Достоевскіе	Мы оторвались отъ почвы.
Г. Лонгиновъ	Бѣлинскій принесъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Остановлюсь. Въ другой разъ докончу этотъ едва начатый списокъ. Тогда покажу въ десять разъ больше именъ, и противъ каждаго человѣка выставлю по десятку и больше мыслей, предвосхищенныхъ имъ у меня. Теперь довольно данныхъ приведено для моей цѣли. Цѣль состоитъ въ томъ, чтобы объяснить публикѣ причину, заставившую меня приняться за дѣло, объясняемое далѣе.

Убѣждаясь десятками и сотнями опытовъ, что напрасно мнѣ самому добиваться славы изобрѣтателя хорошихъ мыслей, что всякій разъ всякое мое открытіе будетъ предвосхищаемо другимъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ пламенѣя желаніемъ приносить моему отечеству пользу и честь благими изобрѣтеніями, и усматривая въ то же время, сколь многія такія изобрѣтенія, проходя незамѣченными, остаются неприносящими надлежащаго блага, я посвящаю себя безкорыстной заботѣ о доставленіи хотя другимъ изобрѣтателямъ той заслуженной извѣстности, которой столь долго и напрасно искалъ я для себя. Судьба не дозволяетъ мнѣ раздѣлять прекрасную репутацію г. Бабста, г. Чичерина; попробую искать хвалы болѣе скромной, но все-таки пріятной: пусть скажутъ обо мнѣ: «лишенный злымъ рокомъ всякаго случая блистать собственнымъ талантомъ, онъ по крайней мѣрѣ раскрывалъ своему милому отечеству глаза, чтобы восхищалось оно блескомъ талантовъ въ другихъ»; хочу, чтобы могъ я сказать о себѣ, подражая пѣвцу Руслана и Людмилы:

«И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что мысли дивныя въ писакахъ открывалъ,
Что ловкостью живыхъ намековъ былъ полезенъ
И низость чувствъ изобличалъ.»

Итакъ, идемъ на поискъ.

Я началъ поиски свои чтеніемъ статей по университетскому вопросу и въ каждой попадалось мнѣ замѣчательное открытіе. Вотъ списокъ лучшихъ.

Но нѣтъ, я не сообщу его. Я не въ силахъ превозмочь въ себѣ порывъ тщеславія, внушающаго мнѣ, будто бы, отыскивая чужія открытія, самъ я сдѣлалъ открытіе, несравненно болѣе важное. Умолчу же о другихъ, выставлю только себя. Вотъ оно, мое собственное.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТІЕ ПО УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ВОПРОСУ, НИКѢМЪ У МЕНЯ НЕ ПРЕДВОСХИЩЕННОЕ.

Объ университетскомъ вопросѣ напечатано было въ теченіе четырехъ послѣднихъ мѣсяцевъ 4,444 статьи; ни одна изъ нихъ даже

и не упомянула о существенной сторонѣ дѣла, о которой толковали 500,000 человѣкъ въ Петербургѣ, 400,000 въ Москвѣ, 75,000 въ Одессѣ, 70,000 человѣкъ въ Саратовѣ и т. д. (см. списокъ городовъ Россійской имперіи въ «Мѣсяцесловѣ» на 1862 г.).

Вотъ такъ открытіе! Сплетайте мнѣ вѣнокъ изъ того самаго лавроваго листа, который продается въ овощной лавкѣ Бабикова (на Литейной, близь Невскаго) и изъ котораго былъ сплетенъ вѣнокъ, недавно возложенный на юную главу г. А. Майкова!

— Грозное видѣніе! кто ты, и чего отъ меня хочешь?—вопрошаю я въ трепетѣ, видя представшее предо мной существо, форму котораго не могъ я разсмотрѣть отъ страха.

— Ты ошибаешься, отвѣчала мнѣ тѣнь: я не имѣю формы, тебя страшащей; я не болѣе, не менѣе, какъ душа г. Лонгинова (пользующагося, впрочемъ, добрымъ здоровьемъ); онъ спитъ теперь, а я воспользовалась свободными часами, чтобы прогуляться, — и вотъ явилась предъ тобою, чтобы уличить тебя въ грубомъ невѣжествѣ, проистекающемъ отъ незнакомства съ трудами твоихъ предшественниковъ въ русской литературѣ. Возьми и читай.

Тѣнь подала мнѣ книгу, я прочелъ:

«Вы радуетесь на вашу литературу, будто бы она въ самомъ дѣлѣ занимается чѣмъ нибудь полезнымъ: желаю вамъ радоваться. Какую пользу можно извлечь изъ вашихъ смутныхъ разсужденій, искажающихъ до микроскопическаго размѣра все, чего касается ваша рѣчь? Одно тутъ можетъ быть вліяніе: мельчаютъ понятія, мельчаютъ и надежды тѣхъ, кто вздумаетъ искать въ вашихъ разсужденіяхъ отвѣта на занимающіе его вопросы. — Если говорить правду, люди, довольные нашею литературою, не имѣютъ понятія о томъ, что такое литература, достойная этого имени. — Кто захотѣлъ бы слѣдить по нашей литературѣ за тѣмъ, что происходитъ въ нашей жизни, тотъ зналъ бы одинъ, да и то самый ничтожный изъ 1,000 фактовъ, о которыхъ будетъ говорить исторія, да и этотъ фактъ показываетъ литература вамъ въ искаженномъ видѣ.»

Тѣнь произнесла торжественнымъ голосомъ: «это напечатано въ XII кн. «Современника» за 1857 г. въ «Современномъ обозрѣніи» на стр. 305—308, passim. Твое открытіе запоздало слишкомъ пятью годами».

Тѣнь исчезла, оставивъ по себѣ запахъ прѣлой бумаги.

Что жь такое? подумалъ я про себя: изъ этого можно вывести новое открытіе, которое будетъ удачнѣй.

ВТОРОЕ ОТКРЫТІЕ, САМОЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ.

Въ пять лѣтъ литература наша не подвинулась ни на одинъ шагъ; а такъ какъ литература служитъ отраженіемъ жизни, то значитъ, что ни на шагъ не подвинулась и наша жизнь.

Но едва мелькнула эта мысль въ моей головѣ, какъ застыла кровь въ моихъ жилахъ отъ ужаса: что̀ скажетъ о такомъ бездушномъ скептицизмѣ пламенный г. Громека! Да еще хорошо бы, если бы вознегодовалъ только г. Громека! Есть публицистъ, несравненно болѣе знаменитый и гораздо болѣе пылкій, который такъ и крикнетъ: «very dangerous!» и назоветъ меня «окаменѣлымъ титулярнымъ совѣтникомъ», или «ископаемымъ кандидатомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какая безразсудная забывчивость бездушнаго скептицизма! какъ могъ я забыть, что въ эти пять лѣтъ совершено освобожденіе крестьянъ!

Другой на моемъ мѣстѣ окончательно растерялся бы, будучи уличенъ въ томъ, что не замѣтилъ такого факта. Но человѣку, имѣющему idée fixe, каковъ я, все ни почемъ: съ нимъ что̀ ни случись, онъ все гнетъ къ пункту своего помѣшательства; всякій фактъ, всякое слово обращается для него только въ средство къ удовлетворенію его неразумной страсти. Такъ г. Майковъ на все смотритъ, какъ на предлогъ для написанія пышныхъ стиховъ: ѣдетъ кто нибудь въ коляскѣ, — онъ сейчасъ напишетъ стихи въ честь проѣзжему; объявятъ рекрутскій наборъ, — онъ напишетъ стихи въ честь рекрутскаго набора; полагаю, что если бы случилось землетрясеніе (отъ котораго спаси насъ Богъ! но опять-таки: всѣ мы подъ Богомъ ходимъ), — онъ написалъ бы стихи въ честь землетрясенія. Такъ вотъ и я: мнѣ что ни попадись на глаза, о чемъ ни подумай я, все обращается въ поводъ искать открытій. Какъ только подвернулась мнѣ мысль объ освобожденіи крестьянъ, такъ вотъ и подмываетъ сдѣлать какое нибудь открытіе по этому вопросу. И что же вы думаете? Вѣдь не замедлилъ сдѣлать открытіе. Но важность его требуетъ отдѣльной статьи съ особымъ заглавіемъ.

V.

Г. МАГИСТРЪ Н. ДЕ-БЕЗОБРАЗОВЪ-ПСЕВДОНИМЪ!

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТІЕ!!

(*Посвящается нѣмецкому философу Фихте и русскому библіографу М. Н. Лонгинову*).

Благородная Россія съ глубокимъ сочувствіемъ читала изданную нѣкогда за границею брошюру, въ которой предлагался очень легкій способъ совершить начинавшееся тогда дѣло освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. По мнѣнію брошюры, не нужно было измѣнять никакихъ дѣйствительныхъ отношеній, — достаточно было замѣнить названіе «крѣпостныхъ крестьянъ» именемъ «крестьянъ, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ», и затѣмъ уже болѣе ничего не требовалось: барщина, оброкъ, вотчинная власть оставались бы въ прежнемъ видѣ, а крестьяне все-таки могли бы называться освобожденными, и были бы совершенно довольны.

Столь остроумное содержаніе брошюры заставило всѣхъ разузнавать о ея авторѣ, который подписался именемъ магистра Н. Безобразова. Оказалось, что магистръ такого имени дѣйствительно существуетъ; нашлись люди, утверждавшіе, что они знакомы съ нимъ; черезъ нѣсколько времени, многіе жители Петербурга встрѣчались съ нимъ въ обществѣ или видѣли его на улицѣ; потомъ такіе же факты повторялись въ Москвѣ. Словомъ сказать, подлинность существованія г. Николая Безобразова являлась непоколебимо подтвержденною свидѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ.

Но, — просвѣщенный читатель знаетъ, что знаменитѣйшіе философы отвергали достовѣрность показаній нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Съ особенною убѣдительностью изложено это такъ-называемое идеалистическое ученіе нѣмецкимъ мыслителемъ Фихте. Исходя отъ положенія

$$Я = Я,$$

то есть, въ примѣненіи къ индивидуальному случаю, насъ занимающему:

г. магистръ Н. Безобразовъ есть г. магистръ Н. Безобразовъ,

Фихте рядомъ неопровержимыхъ логическихъ выводовъ доказываетъ, что

Я = не — Я,

то-есть, въ примѣненіи къ тому же индивидууму:

г. магистръ Н. Безобразовъ есть не г. магистръ Н. Безобразовъ, а нѣкто другой.

Рождается вопросъ: кто же этотъ нѣкто другой, который тожественъ съ г. магистромъ Н. Безобразовымъ?

Долго всѣ изслѣдованія оставались напрасны. Сначала повели розыски философскимъ путемъ; но г. Страховъ успѣлъ только доказать (въ статьѣ о жителяхъ планетъ, «Время» 1861 г., № 1), что на лунѣ есть существа, по физіологическому строенію очень близкія къ г. магистру Н. Безобразову; но дѣйствительно ли кто либо изъ нихъ есть подлинный вышеупомянутый магистръ, этого не могъ рѣшить г. Страховъ.

Философія сдѣлала свое дѣло: разрушила заблужденіе, возбудила къ изслѣдованію истины, показала ее въ общемъ, неопредѣленномъ очертаніи; но до реальной истины довести не могла. Убѣдившись въ необходимости прибѣгнуть къ помощи опытныхъ наукъ, прежде всего поручили разъясненіе вопроса нашимъ знаменитымъ историкамъ. Г. Чичеринъ не могъ разъяснить ничего, потому что самъ оказался относящимся къ временамъ хазарскимъ и половецкимъ, далѣе которыхъ ничего не въ состояніи видѣть, а вопросъ о брошюрѣ и ея авторѣ принадлежитъ второй половинѣ XIX столѣтія. Итакъ, оставались г. Костомаровъ и г. Соловьевъ. Они разошлись между собою во взглядѣ на предметъ.

Г. Костомаровъ доказывалъ, что люди, имѣющіе образъ мыслей г. магистра Н. Безобразова, называются въ лѣтописяхъ нашихъ варягами. Этого никто не могъ оспорить. Но далѣе слѣдовалъ вопросъ: какой же варягъ г. Н. Безобразовъ? — Г. Костомаровъ, находя въ литовскомъ лексиконѣ Нессельмана слова: sin, предлогъ, *безъ*; eus, существ. женск. рода, = *рожа, лицо, образъ*, — принималъ г. магистра Н. Безобразова за Синеуса (*). Но г. Соловьевъ принимаетъ имя «магистръ Н. Безобразовъ» не болѣе, какъ прозваніемъ Іоанна IV Грознаго, основываясь на словахъ лѣтописца: «царь же Иванъ (IV) образомъ бѣ нелѣпъ», — дѣйствительно, «образомъ бѣ нелѣпъ» и «Безобразовъ» — одно и то же.

Противъ той и другой догадки были важныя возраженія: о Синеусѣ лѣтопись не упоминаетъ, чтобы онъ печаталъ какія либо брошюры за границею; слѣдовательно, надобно еще доказать этотъ фактъ какими нибудь другими данными; что же касается мнѣнія г. Соловьева, то при всемъ своемъ остроуміи оно совершенно неосновательно:

(*) Sin — eus, Синеусъ, Безобразовъ. Дѣйствительно, сходство поразительное.

мы положительно знаемъ, что при Іоаннѣ IV Васильевичѣ въ Россіи знали только одного магистра (*), и слѣдовательно въ имени г. магистра Н. Безобразова не могла бы явиться приставка «магистръ», если бы подъ этимъ именемъ разумѣлся Иванъ IV Грозный.

Видя, что исторія только запутываетъ дѣло, мы прибѣгли къ библіографіи, стали рыться въ журналахъ, въ газетахъ, и скоро блеснулъ намъ лучъ истины. Въ 7-мъ нумерѣ газеты «День» мы нашли статью «Уставная грамата», — статью, съ которой стоитъ познакомиться поближе. Написана она въ формѣ разговора между какимъ-то «княземъ» (**) и «Тверитиновымъ». «Князь» затрудняется составленіемъ уставной грамоты, потому что «крестьяне не подаются на его предложенія», хотя онъ «не употреблялъ во зло своей власти» (читатель вспомнитъ, что лѣтописецъ также пе винитъ Синеуса ни въ какихъ злоупотребленіяхъ власти. Догадка о Синеусѣ сильно подтверждается). Тверитиновъ говоритъ: если крестьяне не хотятъ подписывать уставную грамоту, то можно обойтись и безъ ихъ согласія.—Такъ вотъ что-съ, г. Тверитиновъ: можно обходиться и безъ согласія крестьянъ, по вашему-то?—Замѣчаемъ, замѣчаемъ, ушко-то чье выглядываетъ изъ-подъ вашей маски, г. Тверитиновъ. А вѣдь подъ маскою Тверитинова скрывается авторъ статьи, — такъ всѣ газеты и журналы объявили (***).

Кому нибудь другому было бы извинительно говорить такія вещи; но г. Тверитиновъ не убаюкиваетъ себя объясненіями, заимствуемыми изъ второстепенныхъ побочныхъ обстоятельствъ: изъ безграмотности, изъ невѣжества, изъ боязни письменныхъ документовъ и т. п.— изъ вещей, которыми обыкновенно довольствуются при разсужденіяхъ о несогласіи крестьянъ подписывать уставныя грамоты; г. Тверитиновъ смотритъ, по прекрасному правилу Кузьмы Пруткова, «въ корень».— Корень оказывается очень толстый и крѣпкій. Вотъ подлинныя слова Тверитинова. На замѣчаніе князя (Синеуса?), что «сколько онъ ни толковалъ крестьянамъ, они попрежнему ни на что не соглашаются», г. Д. Самаринъ устами Тверитинова отвѣчаетъ:

(*) Именно, великаго магистра ливонскаго ордена.

(**) Просвѣщенный читатель помнитъ, что Синеусъ былъ князь; догадка г. Костомарова пріобрѣтаетъ новую довольно твердую опору.

(***) Друзья автора закричатъ: «клевета! г. Д. Самаринъ никогда не могъ предложить, чтобы устройство крестьянскаго быта совершалось безъ согласія крестьянъ!» Нѣтъ-съ, извините: г. Д. Самаринъ прямо говоритъ это. Вотъ подлинныя слова:

«*Князь*. Они (крестьяне) не соглашаются подписать уставной грамоты.

«*Тверитиновъ*. Мнѣ кажется, что и незачѣмъ этого слишкомъ добиваться.

«*Князь*. Я съ вами согласенъ, что можно обойтись и безъ ихъ подписи.»

Тверитиновъ не отвѣчаетъ, что князь неправильно понялъ его мнѣніе.

«*Тверитиновъ.* Да, объ этомъ несогласіи слышно со всѣхъ сторонъ; но именно потому, что это явленіе общее во всей Россіи, полезно бы вникнуть въ причину этого глухаго, пассивнаго.... несогласія. Вѣдь вамъ извѣстно, что крестьяне подъ волею понимаютъ: *освобожденіе ихъ отъ барщины и отъ оброка.*»

На важность послѣднихъ словъ напираетъ самъ г. Самаринъ, печатая ихъ особеннымъ шрифтомъ. Вопросъ въ такой откровенной постановкѣ долженъ бы казаться очень затруднителенъ для господъ, подобныхъ Тверитинову, желающему, чтобы князь продолжалъ получать съ крестьянъ прежній доходъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сдѣлать, чтобы люди, не желающіе платить, стали платить съ удовольствіемъ? Но для такого умнаго человѣка, какъ авторъ статьи, г. Д. Самаринъ, ничего не стоитъ разрѣшить задачу какъ нельзя лучше. Тверитиновъ говоритъ:

«По моему мнѣнію, желательно было бы, чтобы повинности, оставаясь въ томъ же размѣрѣ, переставъ быть повинностями за пользованіе землею, вносились не помѣщику, а въ казну, какъ подать, и вмѣстѣ съ податью; а помѣщика вознаградите изъ казны ежегодною рентою. Тогда вопросъ рѣшится весьма легко: нужно, чтобы оброкъ, платимый крестьянами, проходя чрезъ казну, какъ бы измѣнился въ самомъ принципѣ своемъ, хотя на самомъ дѣлѣ измѣненія въ размѣрѣ никакого нѣтъ.»

Ура! ура! искомое найдено, совершено мною открытіе, надъ которымъ напрасно ломали голову г. Страховъ, г. Костомаровъ и г. Соловьевъ: подлинный г. магистръ Н. Безобразовъ найденъ! Да это онъ, г. Д. Самаринъ! Абсолютное тожество этихъ двухъ именъ очевидно.

Въ самомъ дѣлѣ: разницы между ними нѣтъ никакой.

Г. магистръ Н. Безобразовъ говорилъ: недовольство мужиковъ крѣпостнымъ правомъ весьма легко устранить одною перемѣною имени: надобно только переименовать крѣпостныхъ въ поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, оставивъ ихъ отношенія къ помѣщику въ прежнемъ видѣ; вотъ и будетъ исчерпанъ весь вопросъ о крѣпостномъ правѣ.

Г. Д. Самаринъ говоритъ: недовольство мужиковъ оброкомъ весьма легко устранить одною перемѣною именъ: надобно только переименовать оброкъ въ подать, оставивъ его въ прежнемъ размѣрѣ; вотъ и будетъ исчерпанъ весь вопросъ объ оброкѣ.

Не было на землѣ двухъ Аристотелей; не можетъ быть въ Россіи двухъ людей, способныхъ къ изобрѣтенію такихъ геніальныхъ рѣшеній. Никто, кромѣ Ньютона, не могъ открыть законъ всеобщаго тяготѣнія; никто, кромѣ г. Д. Самарина, не могъ изобрѣсти мысль, высказанную въ брошюрѣ г. магистра Н. Безобразова.

Какое торжество моей проницательности! какое торжество и для философіи! Аналитическимъ методомъ, путемъ многотруднаго опытнаго изслѣдованія подтверждена безусловная истина двухъ основныхъ формулъ философіи Фихте:

Я = Я,

то есть, г. магистръ Н. Безобразовъ есть г. магистръ Н. Безобразовъ,

и

Я = не Я,

то есть, г. магистръ Н. Безобразовъ есть не г. магистръ Н. Безобрабразовъ, а есть г. Д. Самаринъ.

Предлагаю дать достойныя награды всѣмъ активнымъ и пассивнымъ участникамъ этого великаго событія:

1) Награда нѣмецкому философу Фихте. Предлагаю постановить, чтобы ему, а по воспослѣдовавшей его смерти, его законнымъ наслѣдникамъ получать отъ г. Д. Самарина оброкъ подъ именемъ подати.

2) Награда мнѣ. Подносится въ подарокъ полное собраніе сочиненій г. магистра Николая Безобразова (г. Д. Самарина тожъ), переплетенныхъ въ одну книгу, съ изображеніемъ на переплетѣ оной книги двойнаго портрета, золотымъ тисненіемъ: г. Д. Самаринъ, изображенный въ видѣ г. магистра Николая Безобразова, и г. магистръ Н. Безобразовъ, изображенный въ видѣ г. Д. Самарина.

3) Г. Д. Самарину. Переименовать его въ магистра Николая Безобразова.

4) Г. магистру Николаю Безобразову. Переименовать его въ г. Д. Самарина.

Возгордившись такимъ великимъ открытіемъ, какъ абсолютное тожество г. Д. Самарина и г. магистра Николая Безобразова, я отдыхаю на лаврахъ, услаждаясь созерцаніемъ дивной мысли г. Д. Самарина, и ея величіе ростетъ, ростетъ въ моихъ глазахъ:

«Оставаясь въ томъ же размѣрѣ, оброкъ измѣняется въ самомъ принципѣ своемъ, хотя на самомъ дѣлѣ измѣненія въ размѣрѣ никакого нѣтъ!»

«ОСТАВАЯСЬ ВЪ ТОМЪ ЖЕ РАЗМѢРѢ, ОБРОКЪ ИЗМѢНЯЕТСЯ ВЪ САМОМЪ ПРИНЦИПѢ СВОЕМЪ, ХОТЯ НА САМОМЪ ДѢЛѢ ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ РАЗМѢРѢ НИКАКОГО НѢТЪ!»

«ОСТАВАЯСЬ ВЪ ТОМЪ ЖЕ РАЗМѢРѢ, ОБРОКЪ ИЗМѢНЯЕТСЯ ВЪ САМОМЪ ПРИНЦИПѢ СВОЕМЪ, ХОТЯ НА САМОМЪ ДѢЛѢ ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ РАЗМѢРѢ НИКАКОГО НѢТЪ!»

Ну, наконецъ-таки удалось мнѣ сдѣлать открытіе, котораго никто у меня не предвосхитилъ и не предвосхититъ.

Г. МАГИСТРЪ НИКОЛАЙ БЕЗОБРАЗОВЪ ЕСТЬ ПСЕВДОНИМЪ Г. Д. САМАРИНА.

Слава мнѣ! Преклоняйте предо мною колѣна, изумленные соотечественники!

Но тотъ, кто долго былъ злополученъ, становится недовѣрчивъ, мнителенъ; а какъ проникло въ душу сомнѣніе — уже нѣтъ возможности безмятежнаго наслажденія блаженствомъ, и счастіе исчезаетъ. Такъ было и со мною. «Но дѣйствительно ли достоинъ я того, чтобы преклонялись предо мною соотечественники?» сталъ думать я не дальше, какъ черезъ полчаса: — «точно ли сдѣлалъ я открытіе?» Отъ сомнѣнія до отрицанія одинъ шагъ. Самъ г. Д. Самаринъ еще требуетъ новаго изслѣдованія. Другое дѣло, если бы отыскалъ я подъ псевдонимомъ г. магистра Николая Безобразова какое-нибудь знаменитое подлинное лицо, — напримѣръ г. И. Аксакова,—тогда дѣло было бы кончено. Конечно я могу сдѣлать эту догадку: г. И. Аксаковъ — редакторъ газеты, въ которой помѣщена статья, подписанная именемъ «Д. Самаринъ». Аргументъ сильный. Но съ другой стороны несомнѣнно, что г. И. Аксаковъ тожественъ не со всѣми лицами, именами которыхъ подписаны статьи его газеты, слѣдовательно полнаго доказательства для моей догадки еще нѣтъ. Я доказалъ только тожество г. магистра Николая Безобразова съ г. Самаринымъ. Но кто такой самъ г. Д. Самаринъ? Быть можетъ онъ также псевдонимъ? — это даже несомнѣнно по принципу Фихте, нами принятому. Станемъ же продолжать изслѣдованіе.

По формулѣ

Я = не Я

очевидно, что

Г. Д. Самаринъ не есть г. Д. Самаринъ, а есть нѣкто другой.

Намъ должно узнать, что за человѣкъ этотъ нѣкто. Но чтобы узнать этотъ предметъ, должно анализировать его отличительныя свойства. Станемъ анализировать свойства лица, скрывающагося подъ псевдонимомъ г. Д. Самарина.

Первое свойство. Г. Д. Самаринъ говоритъ, что думаетъ о благѣ народа.

Второе свойство. Г. Д. Самаринъ во всемъ соглашается съ понятіями князя (Синеуса?) и хлопочетъ о сохраненіи его интересовъ.

Свойство третье. Онъ толкуетъ объ устройствѣ крестьянскаго дѣла только потому, что князь находится въ затруднительномъ положеніи.

Соединивъ эти три свойства, мы получаемъ четвертое качество: польза народа служитъ г. Д. Самарину только прикрытіемъ хлопотъ о пользѣ князя. Изъ этого легко открывается:

Пятое свойство. Интересъ крестьянъ онъ приноситъ въ жертву выгодамъ князя.

Вотъ пять отличительныхъ признаковъ, по которымъ долженъ быть узнанъ «нѣкто», скрывающійся подъ псевдонимомъ г. «Д. Самарина». Въ комъ найдутся эти признаки, тотъ и есть искомый нами «нѣкто».

Боже мой, что я надѣлалъ надъ собою! я отнялъ у себя всякую возможность опредѣленно указать на одно какое-либо лицо, какъ на имѣющее исключительныя права быть узнану подъ псевдонимомъ г. Д. Самарина. Десятки, сотни, тысячи людей толкующихъ и хлопочащихъ объ устройствѣ крестьянскаго дѣла представляются мнѣ, и за исключеніемъ двухъ, трехъ между ними, всѣ остальные обнаруживаютъ свойства, соотвѣтствующія псевдониму г. Д. Самарина. Что жь я за несчастливецъ послѣ этого: можно ли назвать раскрытіемъ псевдонима, когда находишь, что онъ принадлежитъ не одному человѣку, а тысячамъ людей?...

ѲЕІОПЪ.

VI.

ВЫДЕРЖКИ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЭСКИЗОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА.

1.

ВЪ ПРУССКОМЪ ВАГОНѢ.

По чугуннымъ рельсамъ
Ѣдетъ поѣздъ длинный;
Не свернетъ ни разу
Съ колеи рутинной.

Часомъ въ часъ расчитанъ
Путь его помильно....
Воля моя, воля!
Какъ ты здѣсь безсильна!

То ли дѣло съ тройкой!
Мчусь, куда хочу я,
Безъ нужды, безъ цѣли
Землю полосуя.

Не хочу я прямо —
Забирай налѣво,

По лугамъ направо,
Взадъ черезъ посѣвы....

Но увы! — ужъ скоро
Мертвая машина
Стянетъ и раздолье
Руси-исполина.

Сыплютъ иностранцы
Русскіе мильоны,
Чтобы русской волѣ
Положить препоны.

Но не поддадимся
Мы слѣпой рутинѣ:
Мы дадимъ духъ жизни
И самой машинѣ.

Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ идетъ нѣмецкій:
То соскочитъ съ рельсовъ
Съ силой молодецкой;

То обвалитъ насыпь,
То мостокъ продавитъ,
То на встрѣчный поѣздъ
Ухарски направитъ.

То пойдетъ потише,
Опоздаетъ вволю,
За мятелью станетъ
Сутки трои въ полѣ.

А иной разъ просто
Часика четыре
Подождетъ особу
Сильную въ семъ мірѣ.

Да, я вѣрю твердо:
Мертвая машина
Произволъ не свяжетъ
Руси-исполина.

Вѣрю: всѣ машины
Съ русскою природой
Сами оживятся
Духомъ и свободой.

2.

ВЪ ДРЕЗДЕНѢ.

Концертъ на Брюлевской террассѣ —
Надъ мутной Эльбой, съ кружкой пива....
Неподалеку, въ Fischergasse,
Поманятъ въ окна васъ игриво....

Концертъ на Брюлевской террассѣ,
Гдѣ нѣмецъ куритъ, пьетъ, внимаетъ,
И, точно въ рукодѣльномъ классѣ,
Чулокъ всѣхъ нѣмокъ занимаетъ.

Концертъ на Брюлевской террассѣ,
Подъ звукъ Бетховенской сонаты,
Гдѣ нашъ соотчичъ разъ въ экстазѣ
Подпѣлъ мотивъ изъ Травіаты.

Концертъ на Брюлевской террассѣ,
Гдѣ русскій русскихъ тотчасъ чуетъ,
И на показъ нѣмецкой расѣ
Шампанскимъ встрѣчу торжествуетъ.

Да, русскій тотчасъ отличаетъ
Здѣсь земляковъ въ веселой массѣ,
Гдѣ звонъ стакановъ заглушаетъ
Концертъ на Брюлевской террассѣ....

3.

ВЪ ПРАГѢ.

Только-что разставшись съ родиной святою,
Я скучалъ межь нѣмцевъ русскою душою,
И, отвесть чтобъ душу, къ дорогимъ славянамъ
Полетѣлъ я въ Прагу,—съ легкимъ чемоданомъ.
Облегчилъ его я, сколько то возможнѣй,
Труся предъ австрійской грозною таможней.

Но со мной возились—не скажу чтобъ много:
«Гидъ новѣйшій Праги» разсмотрѣли строго,
Туфли, панталоны, галстухи, рубашки,
Пять иль шесть листочковъ почтовой бумажки —
Все перевернули; въ стѣнки чемодана,

Въ крышку постучали — не нашли обмана,
Лишь одна брошюрка, изданная въ Вѣнѣ,
Чуть не послужила къ непріятной сценѣ.
О правахъ брошюрки споръ-было родился;
Но разумный нѣмецъ тотчасъ уходился,
Какъ ему на «*Вѣну*» указалъ я пальцемъ.
Вообще — въ таможнѣ не былъ я страдальцемъ.

Подъѣзжая къ Прагѣ, полонъ чувствомъ новымъ,
Могъ лишь повторять я, вслѣдъ за Хомяковымъ,
Какъ не должно Прагѣ хвастать предъ Бѣлградомъ,
А Москвѣ кичиться передъ Вышеградомъ,
Какъ на Петчинъ въ ризѣ древняго Кирилла
Шествовалъ епископъ, а во слѣдъ валила
Народная сила, въ доблестной отвагѣ,
Какъ заснулъ поэтъ нашъ, думая о Прагѣ....

И вступилъ я въ Прагу, и мечту поэта
Наяву увидѣлъ, средь дневнаго свѣта.
Былъ какой-то праздникъ. Не было проходу
Въ улицахъ широкихъ отъ громадъ народа;
Впереди блестѣли, въ воздухѣ подъяты,
Знаменія вѣры, убраны богато....
. . . . ,
. . . .

(*Окончанія нѣтъ*).

VII.

БЫЛИНА (*).

По Москвѣ ль рѣкѣ
Ходятъ валики
И колышатся
Челны легкіе, —
То молва идетъ,
Какъ волна катитъ,
Какъ волна катитъ,
Раздробляючись....

(*) Это произведеніе народной музы записано мною близь Москвы, на Воробьевыхъ горахъ. Удивляюсь, какъ оно не попало до сихъ поръ въ сборники!

Не крупенъ жемчугъ
То катается,
Не къ заутрени
Громко звонится, —
Нѣтъ, то рѣчь ведутъ
Люди лучшіе,
Люди лучшіе,
Православные.

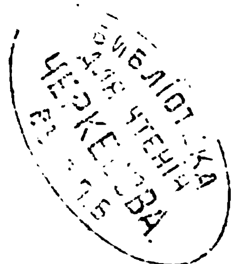
То Катковъ старшой
Да съ Чичеринымъ,
Со Аксаковымъ
Да и съ Павловымъ
Полоняютъ Русь
Своей мудростью,
Своей мудростью,
Неописанной.

Собирались они
Цѣлымъ сонмищемъ,
Сочиняли они
Длинны хартіи,
И пускали ихъ
По святой Руси,
По святой Руси,
Молодехонькой.

И читалъ вездѣ,
Похваляючи,
Православный людъ
Ихъ писанія —
И, какъ звонъ, молва
Далеко пошла,
Далеко пошла
Про тѣ головы....

Но случилось вдругъ
Диво-дивное!
Перессорились
Мужи лучшіе:
Михаилъ Катковъ
Да съ Чичеринымъ,
Да съ Чичеринымъ,
Знаменитыимъ.

Осерчалъ Катковъ,
Не стерпѣлъ Борисъ
(Воронъ ворону
Глаза выклевалъ!):



За дворянъ одинъ,
Супротивъ другой,
Супротивъ другой,
Всею силою!...

И повѣсь теперь
Хоть царь-колоколъ,
Повели звонить
Въ превеликую:
Не свести враговъ,
Не связать друзей,
Не связать друзей
Разлученныихъ!

Охъ ты, другъ первой,
Свѣтъ-Никифорычъ!
Помирися ты
Да съ Чичеринымъ,
Заключи союзъ
Съ «Нашимъ Временемъ»,
Съ «Нашимъ Временемъ»
Позабытыимъ, —

Заросла бъ тогда
Пышныимъ терніемъ
Русь крещеная,
Безъисходная.
И гремѣли бы
Славой вѣчною
Ужь вы — гой еси! —
Добры молодцы,
Добры молодцы,
Ненаглядные....

Во спѣшности работы, вкрались нѣкоторыя опечатки, которыя просимъ предварительно исправить.

Напечатано:	*Читай:*
8 стран. 4 стр. сверху — решмы	Решмы
8 стран., внизу послѣдней строчки добавить стихъ:	
Михайло Салтыковъ да воръ Андроновъ.	
11 стран. 10 стр. снизу—(Губанину).	(Лыткину).
14 стран., явл. IV.	
АКСЕНОВЪ.	АКСЕНОВЪ.
Откуда, Гриша?	Откуда, Гриша?
ЮРОДИВЫЙ.	ЮРОДИВЫЙ.
Ась?	Ась?
АКСЕНОВЪ.	АКСЕНОВЪ.
Откуда молъ?	Откуда молъ?
14 стран. 21 стр. снизу	
Ужели жь....	Ужли жь....
17 стран. 10 стр. снизу	
Идутъ въ адъ....	Идутъ во адъ....
20 стран. 18 стр. снизу	
Мнѣ-то и нужно.	Мнѣ то и нужно.
34 стран. 10 стр. сверху	
Возможно ль....	Возможно ли....
35 стран. 17 стр. сверху	
О, Господи! грѣшуя я....	О, Господи! грѣшу я....
37 стран. 19 стр. снизу	
Листье зеленые....	Листье зеленое....
71 стран. 20 стр. снизу	
Лапуновымъ	Ляпуновымъ
98 стран. 13 стр. снизу	
Выводимъ стѣну	Выводимъ стѣны
99 стран. 15 стр. сверху	
Князь Дмитрій	Князь Димитрій
101 стран. 16 стр. снизу	
Мнѣ безъ тебя сражаться....	Мнѣ безъ тебя сряжаться....

109 стран., между 14 и 15 строками сверху, вставить:

ПОСПѢЛОВЪ.

Идутъ опять и Петръ Аксенычъ съ ними,
Подъячаго ведутъ со всѣмъ припасомъ.

Во II отд. стран. 15, стр. 8: наученыхъ —— научныхъ
— — — — 9: сосоображаться —— соображаться

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗЪ ИТАЛІИ.

Сьена, 1 февраля.

Сьена, въ древности называвшаяся Siena Julia, въ настоящее время между жителями всей остальной Италіи пользуется болѣе характеристическимъ прозвищемъ—*воровская* Сьена (Siena di birbanti). Если бы о ней пришлось дѣлать повальный обыскъ, то я не думаю, чтобы многіе изъ сосѣдей ея отозвались благопріятно о нравственности ея жителей, объ удобствѣ жизни въ ней, о красотѣ и великолѣпіи улицъ и зданій. «Кто хочетъ дѣлать все, что ему вздумается, тотъ долженъ отправляться въ Сьену», говорятъ жители Средней Италіи, изъ которыхъ бо̀льшая часть никогда не бывала въ этомъ городѣ; несмотря на это, я не поручусь, чтобы каждый изъ нихъ стѣснялся въ своихъ поступкахъ какими бы то ни было великодушными соображеніями.

Сенезы, съ своей стороны, очень добросовѣстно отплачиваютъ своимъ недоброжелателямъ за клеветы, распространяемыя ими насчетъ ихъ отечества по всему земному шару.

Съ точки зрѣнія великолѣпія и внѣшней роскоши городъ этотъ представляетъ очень немного замѣчательнаго. Въ Сьенѣ нѣтъ ни одной сколько нибудь прямой и длинной улицы, ни одной большой и

хорошо обстроенной площади, которую можно было бы принять за центръ. Конечно, гористое положеніе много способствовало неправильности ея плана. Какъ большую рѣдкость, въ Сьенѣ показываютъ путешественникамъ домъ, или «palazzo», какъ его великолѣпно называютъ здѣшніе чичероне, принадлежащій какому-то богатому купцу; единственное право, которое можетъ имѣть это зданіе на вниманіе публики, составляетъ его молодость въ сравненіи со всѣми другими, украшающими или уродующими этотъ невинный городъ. Домъ этотъ гордо стоитъ, сверкая чистотою своихъ недавно еще выкрашенныхъ стѣнъ; но на его причудливый видъ и на сомнительный стиль его архитектуры какъ-то презрительно смотрятъ почернѣвшія, растреснувшіяся и покосившіяся на-бокъ окружающія его зданія, гордыя многочисленными побѣдами, одержанными ими въ разныя времена надъ общимъ врагомъ всего земнаго — надъ разрушеніемъ. Бо́льшая часть изъ нихъ и въ самую цвѣтущую эпоху своей молодости не поражали ни гармоніею формъ, ни изяществомъ и роскошью деталей, но всѣ они давали пріютъ великимъ мужамъ, геройскимъ защитникамъ славы и величія отечества, отжившихъ теперь, какъ отжили и эти бородатые мудрецы и широкоплечіе воины.

Но Сьена городъ итальянскій, а потому и въ ней найдутся чудеса архитектуры и другихъ искусствъ, которыми гордится городъ этотъ, какъ лучшими перлами своего неблестящаго вѣнца. И въ ней есть соборъ, о которомъ много томовъ написано учеными археологами, отличавшимися громадною [illegible]тью, еще большимъ терпѣніемъ, а паче всего ничѣмъ непокол[illegible]юбовью къ родинѣ,—не той великой родинѣ, которая такъ [illegible]це успѣла стать самостоятельною личностью въ Европѣ, пос[illegible]хъ тяжелыхъ [illegible]аданій, геройскихъ подви[illegible] и невозм[illegible]спѣховъ; а [illegible] крошечному уголку, въ [illegible]мъ они р[illegible]ъ той кофе[illegible] они выпили нѣскол[illegible]чъ нунш[illegible]ніе своей [illegible]й жизни.

Но я на[illegible]скалъ в[illegible]удожестве[illegible]изведеніяхъ проявленія [illegible]ра жит[illegible]ли, кот[illegible]ъ выразить художникъ [illegible]омадн[illegible]о роско[illegible]мами.

Но везд[illegible]мъ в[illegible] одно [illegible]щее чувство: желаніе затм[illegible] бы[illegible]нную [illegible]стныхъ своихъ сосѣдей [illegible]ице[illegible]го о[illegible]ая городская община издер[illegible]сл[illegible]редс[illegible]у какихъ ни[illegible]ь мрамор[illegible]а, и[illegible]йку новой гал[illegible]и или лод[illegible]го[illegible]омъ, что сред[illegible] которым[illegible]ъ самые лу[illegible] [illegible]ществ[illegible]нтинско[illegible] [illegible]гащен[illegible]почва С[illegible]

была щедра на геніальныя натуры: сколько ни изведено въ ней камня, кирпича и разноцвѣтнаго мрамора, Брунелески и Микель Анжело не нашлось.

По части живописи и скульптуры участь Сьены была малымъ счастливѣе; музеи ея—бѣдны и пусты: Пинтуриккіо и Беккафуми — два изъ лучшихъ сьенскихъ живописцевъ, выбивались изъ силъ, расписывая плафоны и портики ея церквей, но произведенія ихъ обладаютъ слишкомъ относительными достоинствами. Сбдома, считаемый лучшимъ мѣстнымъ мастеромъ, превзошелъ всѣхъ ихъ правильностью рисунка и колоритомъ, но всего больше самостоятельностью своей художественной дѣятельности. И онъ не былъ чуждъ повальной болѣзни вѣка — ненависти къ флорентинцамъ, но онъ оставлялъ палитру и кисти на время ея припадковъ и отправлялся въ лагерь, гдѣ на-подобіе древнихъ богатырей затѣвалъ единоборства, предводительствовалъ смѣлыми выходками и снова принимался за работу, утоливъ свою воинственную жажду, забывая флорентинцевъ и проч. Сбдома—любимый герой сьенскихъ преданій: онъ писалъ стихи, строилъ укрѣпленія, и о немъ разсказывается очень много анекдотовъ, не всегда правдоподобныхъ, но выказывающихъ въ самой высшей степени ихъ проявленія мужество и великодушіе сенезовъ. Вазари отзывается безъ особеннаго уваженія объ этомъ художникѣ, который однако долженъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ между знаменитостями своего вѣка. Я вовсе не намѣренъ вдаваться въ оцѣнку его произведеній. Эта археологическая, мертвая Италія много вѣковъ стоитъ уже, нисколько не измѣняясь, и давно слишкомъ хорошо эксплуатирована для того, чтобы о ней можно было сказать десять словъ, не вдаваясь въ очень скучныя повторенія. Я охотно заключилъ бы свои художественныя сообщенія какою нибудь многозначительною выпискою изъ Вазари, или изъ какого нибудь другаго, столько же почтеннаго автора, но не дѣлаю этого по совершенно независящимъ отъ меня причинамъ. Такъ или иначе, но я намѣренъ оставить въ покоѣ всѣ эти художественныя чудеса, о которыхъ началъ говорить только для того, чтобы указать на очень характеристическую особенность Сьены въ этомъ отношеніи: во всемъ городѣ нѣтъ ни одного произведенія иностранныхъ, а въ особенности флорентинскихъ художниковъ, тогда какъ по близости этихъ двухъ городовъ, можно было бы ожидать встрѣтить въ ней эти крошки флорентинскаго величія, такою щедрою рукою разсыпанныя въ другихъ городахъ, далѣе отстоящихъ отъ Флоренціи, но не бывшихъ съ нею въ такихъ отношеніяхъ вражды и соперничества, какъ Сьена. Оригинальность города, конечно, много выигрываетъ отъ этого, но зато она такъ бѣдна всякаго рода памятниками, а въ особенности художествен-

ными произведеніями, что мало привлекаетъ къ себѣ любопытныхъ.

Въ Сьенѣ нисколько не чувствуется близость Флоренціи. Несмотря на общее имъ этрусское происхожденіе, на одинаковый типъ жителей и на большое сходство въ говорѣ, города эти, изъ всѣхъ городовъ Италіи, всего менѣе похожи другъ на друга. Кромѣ исторической причины, тутъ очень важную роль играетъ и то, что Флоренція, въ теченіе послѣдняго времени, жила почти исключительно иностранцами и для иностранцевъ, что она много переработала свою жизнь сообразно ихъ требованіямъ и наклонностямъ, тогда какъ Сьена и до сихъ поръ живетъ исключительно для себя, такъ какъ она въ себѣ самой вынуждена искать ресурсы. Въ ней и въ подобныхъ ей городахъ открывается совершенно новая Италія, итальянская Италія, какъ слѣдовало бы ее назвать въ отличіе отъ Италіи форестьеровъ, такъ хорошо уже извѣстной и русской, и всѣмъ другимъ иностраннымъ публикамъ. Во всякое другое время очень трудно было бы что нибудь сказать объ этомъ городѣ, но теперь въ Италіи то блаженное время, когда всякій отдаленный уголокъ ея представляетъ очень живой и существенный интересъ, и представляетъ его тѣмъ больше, можетъ быть, чѣмъ онъ отдаленнѣй отъ общеевропейскаго сглаживающаго вліянія. Съ этой стороны Сьена представляетъ очень богатый источникъ, несмотря на бѣдность и на политическую незначительность своего положенія.

Впрочемъ, назвать ее бѣдною можно только очень осмотрительно, такъ какъ въ сохранной кассѣ этого города Monte dei Posqui лежатъ, говорятъ, капиталы, на которые, по словамъ сьенскихъ же жителей, можно купить нѣсколько такихъ городовъ, какъ Сьена. Капиталы эти такъ же мертвы, какъ и ихъ владѣтели, потомки очень аристократическихъ и очень знаменитыхъ когда-то фамилій, похороненные теперь въ своихъ загородныхъ виллахъ или въ городскихъ домахъ, чуждающіеся всего живаго, равнодушные ко всему, дѣлающемуся вокругъ нихъ, такъ что ихъ также смѣло можно не считать въ общей цифрѣ городскаго народонаселенія, какъ и праотцевъ ихъ, мирно сгнившихъ подъ тяжелыми мавзолеями Campo Santo. Въ обращеніи же тутъ такъ мало капиталовъ, торговая и промышленная дѣятельность такъ ничтожна, что купецъ, имѣющій лавку бакалейныхъ товаровъ въ одномъ изъ менѣе кривыхъ переулковъ, играющихъ роль главныхъ улицъ, считается здѣсь богачемъ.

Живое народонаселеніе Сьены дѣлится на два класса, которыхъ численность я не могу опредѣлить даже приблизительно. Первый изъ нихъ люди работающіе, второй—живущіе на счетъ первыхъ. Город-

скіе работники, поденщики, пролетаріи составляютъ первый; второй: попы, монахи, отставные адвокаты и прокураторы, извѣстные подъ общимъ названіемъ *Кодиновъ*, за свою вовсе небезкорыстную преданность старому порядку.

Сьена мало пользовалась выгодами велико-герцогскаго правленія; до нея не доходили отблески величія и роскоши двора, составлявшаго вовсе не ничтожный источникъ дохода для Флоренціи. Жители, правда, не были угнетены обременительными налогами, монахи и духовенство законно пользовались трудами другихъ, но трудъ былъ стѣсненъ, работникъ отданъ въ руки собственника. Монахи и попы горько оплакиваютъ теперь свою потерю; собственники, вотировавшіе большею частью за присоединеніе, теперь косятся на новый порядокъ и ворчатъ противъ него; но, благодаря старой своей привычкѣ стоять только за выигранное уже дѣло, они не высказываютъ открыто своего неудовольствія; выставляютъ трехцвѣтные флаги изъ оконъ при всякихъ торжественныхъ случаяхъ, но только никакъ не рѣшаются называть новымъ именемъ: Piazza Vittorio Emanuele свою старую площадь del Campo. Всего же неблагопріязненнѣе они смотрятъ на поднявшаго голову пролетарія. Эти послѣдніе болѣе всѣхъ благосклонно относятся къ настоящему. Стѣны домовъ всѣ обклеены бумажками съ портретами Виктора Эммануэля и съ надписью: «Viva Vittorio Emanuele primo Re d'Italia», но вовсе не стараніями владѣтелей этихъ домовъ, или жильцовъ изъ лучшихъ этажей. Часто, въ день какой нибудь годовщины пять этажей большаго зданія остаются совершенно спокойными и хладнокровными зрителями уличнаго торжества, но въ окнахъ чердака пышно развѣваются трехцвѣтные лоскутки, часто бумажные платки съ портретами короля и Гарибальди; мальчишки и взрослые цѣлую ночь ходятъ по улицамъ, громко распѣвая народные гимны и всякія вновь сложенныя патріотическія пѣсенки своими звучными, мужественными голосами.—Въ видѣ примѣчанія: Сьена славится пѣвцами и бо̀льшая часть итальянскихъ теноровъ и баритоновъ оттуда родомъ.

Между тѣмъ налоги нисколько не уменьшены новымъ правительствомъ, за исключеніемъ очень немногихъ. Водвореніе его стоило много жертвъ, которыя главнымъ образомъ вынесли на своихъ плечахъ эти трудолюбивые герои. Они даже и ждутъ новыхъ денежныхъ пожертвованій, болѣе всего для нихъ тяжелыхъ, а жизнью, конечно, каждый изъ нихъ готовъ пожертвовать родинѣ и святому дѣлу.

Мелкая буржуазія поставлена счастливѣе ихъ на этотъ разъ, и ея преданность національнымъ идеямъ находитъ больше очевидныхъ объя-

сненій. Торгуя попреимуществу туземными произведеніями, содержатели мелочныхъ лавокъ ничего не потеряли отъ введенія пьемонтскаго таможеннаго тарифа; а между тѣмъ они избавились отъ полиціи, притѣснявшей ихъ попреимуществу и жившей на ихъ счетъ, точно также, какъ отъ многихъ, очень стѣснительныхъ для нихъ благочестивыхъ постановленій и отъ отеческой власти епископовъ и ихъ викаріевъ. Они несутъ, правда, теперь болѣе сильныя государственныя повинности, но слишкомъ вознаграждены за это уже однимъ введеніемъ общей для всей Италіи французской монетной системы, взамѣнъ прежней, тосканской, очень запутанной и представляющей смѣшеніе римской и какой-то невѣдомой остальному міру. Кромѣ всего этого, лавочникъ уже достаточно вознаграждается, если пóдать, платимая имъ, простирается до суммы 40 франковъ въ годъ, правомъ избирательства представителей въ парламентъ. Гордость его очень сильно польщена этимъ, съ непривычки считать себя вполнѣ гражданиномъ, зависящимъ только отъ закона и отъ избраннаго имъ самимъ правительства. Правительство не оскорбляетъ его своимъ постоянно высказываемымъ къ нему недовѣріемъ; напротивъ, оно даетъ ему въ руки оружіе, твердо убѣжденное въ томъ, что онъ употребитъ это оружіе на его же собственную защиту. И, конечно, оно не ошибается на этотъ разъ. Въ Италіи національная гвардія несравненно лучшій оплотъ существующаго порядка, нежели даже регулярное войско, которому она однакоже очень стремится подражать.

Сьена одинъ изъ городовъ, мало привыкшихъ къ хорошей и добросовѣстной полиціи; здѣсь и теперь еще въ большой модѣ стилетаты и всякіе подобные ужасы. Самоуправство, сильно развитое въ южныхъ провинціяхъ полуострова, въ Средней Италіи почти также глубоко пустило корни. Не говоря о дурныхъ его сторонахъ, которыя до извѣстной степени могутъ повредить водворенію здѣсь *самоуправленія* (self-governement), я замѣчу только, что оно способствовало водворенію здѣсь какой-то особенной склонности къ военнымъ и гимнастическимъ упражненіямъ въ самомъ мирномъ классѣ народонаселенія, а потому это войско, составленное изъ сапожниковъ и булочниковъ, аптекарей и пр., не представляло здѣсь столько каррикатурнаго, какъ въ болѣе спокойныхъ странахъ Европы. Итальянская военная дисциплина, очень строгая и не во всемъ разумная, сколокъ съ французской и съ австрійской—двухъ слишкомъ противоположныхъ одна другой—примѣняется къ національной гвардіи съ бóльшею осмотрительностью. Нѣкоторыя статьи военнаго устава, предоставляющія слишкомъ широкое поле дѣятельности личному произволу оберъ и унтеръ-офицеровъ и служащія въ регулярномъ войскѣ поводомъ къ

злоупотребленіямъ съ одной, и къ неудовольствіямъ съ другой стороны, на національную гвардію производятъ совершенно противуположное дѣйствіе, такъ какъ здѣсь офицеры избираются рядовыми и пользуются вполнѣ ихъ довѣріемъ. Не выводите только, пожалуйста, чтобы изъ этого общаго правила не было исключеній, иначе вамъ многое въ моихъ письмахъ можетъ показаться противорѣчіемъ мною же сказанному.

Національная гвардія имѣетъ еще и ту, очень значительную выгоду, что не приноситъ ущерба государственному бюджету, и что повинность эта несравненно охотнѣе переносится гражданами, нежели всѣ другія.

Проэктъ Гарибальди—уменьшенія постояннаго войска и увеличенія національной гвардіи батальонами волонтеровъ, которые должны быть мобилизируемы, для того, чтобы лучше привыкнуть къ исполненію своихъ обязанностей, pour s'aguérrir, былъ очень хорошо принятъ всею Италіею. Министерство однакоже привело его въ дѣйствіе только въ Южной Италіи, и то вынужденное необходимостью; а какая была эта необходимость, вы, конечно, знаете по газетамъ. Министерство слишкомъ придерживается регулярнаго войска — это его характеристическая черта, о которой мнѣ вѣроятно не разъ еще придется говорить и при болѣе удобномъ случаѣ. Однакоже и оно признало очень полезнымъ мобилизацію существующихъ уже батальоновъ, хотя можетъ быть и не безъ задней мысли. Такъ ли или иначе, мѣра эта была принята съ радостью. Мобилизируютъ обыкновенно только батальоны, составленные изъ лицъ, принадлежащихъ къ солидарнымъ батальонамъ, но изъявившихъ желаніе быть мобилизируемыми. Такимъ способомъ молодымъ людямъ доставляется возможность съ очень небольшими средствами ознакомиться съ одноплеменными, но мало извѣстными имъ провинціями. Многіе изъ нихъ, отправляясь въ городъ, отстоящій на нѣсколько сотъ миль отъ ихъ роднаго города, словно предпринимаютъ путешествіе въ невѣдомыя страны, и также встрѣчаются тамъ. Явившійся прошлою зимою во Флоренцію неаполитанскій батальонъ произвелъ тамъ сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели сіамское посольство въ Парижѣ. Они дѣйствительно казались иностранцами въ этомъ итальянскомъ же городѣ; говоръ ихъ понимали съ трудомъ и особенно дивились ихъ энергической жестикуляціи; самыя лица ихъ, правильныя, напоминающія античные типы Великой Греціи, странно отличались отъ этрусскихъ физіономій ихъ амфитріоновъ.

Національная гвардія во всѣхъ провинціяхъ Италіи, за исключеніемъ развѣ Флоренціи и ея окрестностей, гдѣ не представилось на

это возможности, успѣла уже оказать очень важныя услуги Италіи, несмотря на очень недавнее свое существованіе во вновь присоединенныхъ провинціяхъ.

Однако самые низшіе классы итальянскаго, а слѣдовательно и сьенскаго народонаселенія, не входятъ въ составъ національной гвардіи, а еще большее число не пользуются даже правомъ голоса при избираніи депутатовъ въ парламентъ. Мнѣ бы едва повѣрили, если бы я сказалъ, что привязанность ихъ, такъ не двусмысленно ими высказанная, къ новому порядку и къ новому правительству совершенно безкорыстна. Масса едва ли знаетъ безкорыстныя привязанности. Несмотря на то, что статутъ короля Карла Альберта не предоставляетъ никакихъ прямыхъ выгодъ низшимъ классамъ, неплатящимъ податей 40 франковъ въ годъ, каждый работникъ, каждый поденщикъ чувствуетъ на себѣ его благое дѣйствіе. Статутъ этотъ дозволяетъ всѣмъ безъ различія гражданамъ государства полное право составлять какія бы то ни было ассоціаціи или общества на благо общее столько же, сколько и для устройства быта отдѣльныхъ классовъ и корпорацій, конечно, только не на счетъ выгодъ и интересовъ ближняго. Такимъ образомъ, ограждая и защищая собственность, итальянское правительство даетъ полную возможность работничьимъ корпораціямъ выйдти изъ ихъ тяжелаго состоянія, угнетенія и рабства, и стать вполнѣ гражданами и свободными производителями. Это единственное здѣсь учрежденіе въ пользу пролетарія; но оно стоитъ многихъ, и одно привязываетъ на долгія времена самую безпокойную часть народонаселенія края къ правительству. Въ концѣ прошлаго декабря въ парламентъ представлена была просьба съ очень большимъ количествомъ подписей, для предоставленія неплатящимъ 40 франковъ податей права избирательнаго голоса. Исполненіе этой просьбы впослѣдствіи можетъ привести къ очень хорошимъ результатамъ, но при настоящемъ положеніи рабочихъ классовъ, оно не представляетъ особенной важности.

Тоскана попреимуществу страна трудолюби [illegible] попреимуществу городъ пролетаріевъ, а потому провинція [illegible] воспользовалась предоставленіемъ возможности учредить [illegible] ства и другія подобныя ассоціаціи, и жизнь этого города о [illegible] выиграла отъ ихъ учрежденія. Учредившееся здѣсь общест [illegible] вспомоществованія между реме [illegible] ками въ развитіи [illegible] еще отстало отъ подобныхъ же [illegible] ній въ другихъ г [illegible] ій, но оно вѣроятно не замедл [illegible] тъ многія изъ [illegible] у что нигдѣ оно не имѣетъ с [illegible] о для жизни [illegible] значенія.

Главная и основная цѣль этихъ братствъ — освободить жизнь работника изъ подъ постоянно давящей его возможности нищеты и изъ подъ зависимости отъ покупателя его произведеній, отъ случайности. Они слѣдятъ за нравственнымъ развитіемъ рабочихъ, заботятся о просвѣщеніи ихъ; учреждаютъ безплатныя школы; раздаютъ денежныя вспомоществованія на случай крайности, но съ большимъ разборомъ и въ такихъ только случаяхъ, если крайность эта не вызвана дурнымъ поведеніемъ работника.

Сумма, вносимая членами братства, очень незначительна—20 сант. въ недѣлю, около 40 к. с. въ мѣсяцъ, но при большомъ количествѣ членовъ, она составляетъ значительный капиталъ для братства. Члены съ своей стороны, удѣляя очень незначительную часть своихъ заработковъ, обезпечиваютъ себя противъ всякаго рода неожиданностей и неблагопріятныхъ случайностей.

Нечего и говорить, что прямымъ результатомъ дѣйствій этихъ братствъ будетъ развитіе народной промышленности и очень тѣсное сближеніе между народонаселеніями различныхъ провинцій Италіи. Къ сожалѣнію, средства, которыми пока обладаютъ они, очень еще незначительны, и въ Сьенѣ меньше, чѣмъ гдѣ-либо. До тѣхъ поръ, пока не учреждены будутъ магазины или склады, куда каждый будетъ имѣть право приносить продукты своей дѣятельности, получая за нихъ тотчасъ же, по оцѣнкѣ ихъ присяжными, надлежащую плату,—жизнь городскаго работника далеко не будетъ представлять той солидарности, которую имѣетъ жизнь земледѣльца. Но chi va piano, va sano могутъ сказать себѣ въ утѣшеніе сьенскіе рабочіе.

Такъ недавно еще жизнь ихъ представляла самую жалкую и печальную картину; только недобросовѣстностью могли они выбиться, хотя сколько-нибудь, изъ своего безвыходнаго положенія. $^{99}/_{100}$ всего числа были даже безграмотны. А теперь во Флоренціи читаются уже для нихъ публичныя лекціи политической экономіи, и, что всего удивительнѣе, читаются такъ, что ихъ можетъ понимать даже безграмотный:—такъ съумѣлъ упростить эту запутанную и полную софизмовъ науку, скромный профессоръ, укрывающійся громкимъ псевдонимомъ Niccolo Savio (Николай Мудрый).

А между тѣмъ одна изъ главныхъ причинъ бывшаго жалкаго состоянія ремесленныхъ классовъ еще не устранена.

Не только дурное административное состояніе было причиною дурнаго положенія ремесленныхъ классовъ въ Тосканѣ, а въ особенности ихъ грубаго невѣжества. Другая, и столь же важная,—это то великое, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое и подавляющее прошедшее, кото-

рое лежитъ на этой странѣ. Тосканцы, бывшіе въ разные вѣка передовымъ народомъ Италіи, а иногда и Европы, очень гордятся этимъ, и на основаніи этого одного считаютъ себя и теперь еще самымъ просвѣщеннымъ племенемъ въ мірѣ. Но они забыли, чѣмъ тогда имъ далось просвѣщеніе, забыли, что ихъ счастливыя времена прошли, что если преданіемъ и сохранилась въ нихъ ихъ прежняя цивилизація, то самая эта цивилизація отжила уже слишкомъ давно, что если Данте и создалъ жизнь цѣлыхъ вѣковъ, то только двухъ, послѣдовавшихъ имъ вѣковъ и, наконецъ, что Данте былъ великій человѣкъ не потому, что происходилъ отъ этрусковъ. Переводъ Крылова басни о гусяхъ могъ бы быть здѣсь очень полезенъ; но пока басня эта еще не переведена, ремесленныя братства встрѣтятъ очень много препятствій къ достиженію своей цѣли. Однакоже они смѣло принялись за дѣло. Въ теченіе этого января во Флоренціи открыты ими вечернія школы, постоянно полныя учениками всякихъ возрастовъ. Торжественное открытіе ихъ было 12-го января, при чемъ президентъ, булочникъ Дольфи, говорилъ очень длинную рѣчь, встрѣченную громогласными рукоплесканіями.

Ремесленныя братства всѣхъ городовъ Италіи тѣсно связаны между собою и представляютъ одну народную ассоціацію, почетнымъ президентомъ которой Гарибальди. Въ Генуѣ находится центральный комитетъ, называемый Comitato del provedeniento, управляющій общими дѣлами всей этой ассоціаціи. Братства каждаго города имѣютъ своихъ отдѣльныхъ президентовъ и управляются засѣданіями, на которыхъ всѣ члены имѣютъ равное право голоса. Засѣданія эти бываютъ каждое воскресенье,—день, когда ремесленники совершенно свободны отъ своихъ ежедневныхъ занятій. На нихъ избираются, общею подачею голосовъ, кассиры, по одному на каждую букву азбуки, иногда по два, если какою-либо одною буквою начинаются имена слишкомъ большаго количества членовъ. Общество имѣетъ одного секретаря и нѣсколько ценсоровъ и визитаторовъ, которыхъ число не опредѣлено, и которыхъ обязанности состоятъ въ томъ, чтобы, въ сообществѣ доктора, свидѣтельствовать членовъ, оказывающихся больными и требующихъ вспомоществованія. Ценсора опредѣляютъ мѣру этого вспомоществованія, простирающагося до 1½ фран. для взрослыхъ и 75 сант. для недостигшихъ 15-ти лѣтъ и платящихъ въ недѣлю 10 сант., вмѣсто 20. Каждый членъ братства получаетъ отъ кассира книжку, въ которой отмѣчается полученіе отъ него еженедѣльной платы, точно такъ же, какъ и выдаваемое ему вспомоществованіе. Неплатящій въ теченіе 4-хъ недѣль лишается права на вспомоществованіе, а неплатящій 8 недѣль исключается изъ братства, если не внесетъ сразу половину должной имъ суммы.

Въ братствахъ этихъ участвуютъ не только поденщики и ремесленники, но и художники, адвокаты, университетскіе профессора—«работники мысли»—доктора и медики,—всѣ принимаются очень охотно и пользуются даже особеннымъ почетомъ. Въ Сьенѣ, въ настоящее время, мѣсто президента занимаетъ проф. Акверone, особенно отличившійся своими унитарными наклонностями во время предшествовавшей послѣдней революціи, тогда какъ большая часть его сотоварищей сильно подавалась на сторону statu quo.

Сьенское ремесленное братство, вынужденное нетерпящими отлагатетьства обстоятельствами, взяло иниціативу въ дѣлѣ учрежденія комитетовъ *снабженія или предусмотрительности* (comitati di previdenza); братства другихъ итальянскихъ городовъ пока еще не послѣдовали его примѣру, можетъ-быть потому, что другіе города не такъ нуждаются въ подобныхъ учрежденіяхъ. Въ Сьенѣ, благодаря ея отдаленному, отъ какого бы то ни было коммерческаго центра, и изолированному положенію и плохому состоянію дорогъ, цѣны на самые необходимые для ремесленниковъ предметы подвержены очень сильнымъ измѣненіямъ, въ ущербъ этимъ умѣреннымъ потребностямъ. Предметы, продающіеся оптомъ, закупаются, обыкновенно, немногимъ числомъ людей съ капиталами, которые, при назначеніи имъ цѣны, при мелочной продажѣ, соображаются всего болѣе съ мѣрою необходимости ихъ товара для покупателя, что̀ совершенно въ правилахъ политической экономіи, но очень стѣснительно для покупателей, тѣмъ болѣе, что при ограниченности находящихся въ обращеніи капиталовъ, здѣсь нѣтъ мѣста для конкурренціи. Цѣны на произведенія окрестныхъ деревень еще болѣе подвержены случайностямъ. Чтобы оградить своихъ членовъ отъ подобныхъ неудобствъ, здѣшнее ремесленное братство сочло нужнымъ завести складъ всѣхъ этихъ продуктовъ, изъ котораго члены его могутъ имѣть ихъ по однажды установленной, очень умѣренной цѣнѣ. Деньги, необходимыя на это предпріятіе, должны были быть набраны изъ продажи нѣсколькихъ тысячъ акцій, по 1 фр. каждая. Пока еще сумма эта не собрана, и предпріятіе существуетъ въ видѣ проэкта. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій какой-то изъ членовъ, очень почетной наружности и одѣтый не какъ простой ремесленникъ, предложилъ просить вспомоществованія у правительства, что тотчасъ же было отвергнуто всѣми другими.

Кромѣ всѣхъ этихъ ассоціацій, въ Италіи очень распространены патріотическіе комитеты (Comit. dell' Unita Italiana). Цѣль этихъ ассоціацій—въ очень неопредѣленной формѣ внутреннее единство королевства; напечатанныя ими програмы очень краснорѣчивы, но туманны, и изъ нихъ немногое можно заключить о направленіи этихъ комитетовъ.

Они, впрочемъ и не имѣютъ одного, общаго направленія. Начались они съ давнихъ поръ, въ то время еще, когда мысль о единствѣ Италіи была преступленіемъ на большей части полуострова; тогда, конечно, существовали они въ видѣ тайныхъ обществъ, были въ тѣсной связи съ Піемонтомъ и съ главными дѣятелями народнаго движенія, которое они сами подготовляли всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Тогда состояли они изъ очень небольшаго числа людей, горячо преданныхъ унитарнымъ идеямъ, не имѣли никакого правильнаго устройства, но дѣйствовали съ большимъ единодушіемъ на общую пользу, не жалѣя ни усилій, ни издержекъ. Во Флоренціи булочникъ Дольфи, о которомъ я говорилъ уже, былъ главнымъ центромъ, вокругъ котораго собирались всѣ, желавшіе сколько-нибудь содѣйствовать приближавшемуся перевороту. Онъ и теперь остался президентомъ всѣхъ тосканскихъ комитетовъ, имѣющихъ, какъ и ремесленныя братства, своихъ президентовъ въ каждомъ городѣ.

За тѣмъ комитеты эти въ освободившейся уже части Италіи увеличились, такъ какъ уменьшилась опасность, висѣвшая прежде надъ каждымъ, бывшемъ съ ними въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ. Всѣ сколько нибудь зажиточные люди считали своею обязанностью принадлежать къ резидирующему въ ихъ городѣ комитету, хотя участіе большаго числа ихъ членовъ ограничивалось аккуратнымъ внесеніемъ въ кассу ежемѣсячной платы (по 1 фр.) и частными экстренными денежными пожертвованіями. Трудами нѣкоторыхъ, особенно дѣятельныхъ, и на суммы пожертвованныя остальными, въ Тосканѣ была организована бригада волонтеровъ, которой печальная участь во время командованія ею полковника Джіованни Никотерра вамъ, вѣроятно, извѣстна. Въ Генуѣ, бывшей главнымъ центромъ комитетовъ, образовано было двѣ бригады, потомъ раскассированныя по приказанію правительства, и отправленныя отдѣльными партіями и обезоруженныя въ Сициліи, въ непосредственное распоряженіе ея тогдашняго директора.

Но едва прошли эти тревожныя времена, дѣятельность комитетовъ итальянскаго единства потеряла свою прежнюю энергію и опредѣлительность, и ихъ единодушіе и согласіе прошли также, на время можетъ быть, пока снова обстоятельства не представятъ имъ болѣе широкую и ровную дорогу. Во многихъ городахъ Италіи они стали главнымъ оплотомъ и разсадникомъ оппозиціи. Эти вошли въ открытыя сношенія съ Мадзини, и ходатайствовали въ особенности о дозволеніи ему возвратиться на родину и о снятіи съ него смертнаго приговора. Министерство и вся приверженная ему партія вслѣдствіе этого возненавидѣла ихъ всею силою своихъ душъ и помысловъ; журналы, по-

лучающіе *вспомоществованіе* отъ кабинета Риказоли, наполнялись статьями противъ этихъ утопистовъ, мадзинистовъ, центриниеровъ, красныхъ и пр. Нѣкоторые изъ нихъ, въ слѣпомъ своемъ рвеніи, дошли до того, что объявили эти комитеты проданными Австріи, забывая, что имя ихъ почетнаго президента Гарибальди должно бы было достаточно оградить ихъ отъ подобнаго рода нападокъ: Blinde Eifer schadet nur. Нечего и говорить, что ни сами обвинители, ни ихъ приверженцы вовсе не вѣрятъ въ истину своихъ словъ.

О дѣятельности этихъ комитетовъ можно бы было сказать очень многое, но только не здѣсь, такъ какъ сьенскій не принадлежитъ къ ихъ числу.

О направленіи собственно сьенскаго комитета говорить трудно, такъ какъ онъ состоитъ изъ небольшаго числа тѣхъ, которые не имѣютъ никакого направленія. Какъ и слѣдовало ожидать отъ города, въ которомъ такъ мало развита умственная жизнь, комитетъ этотъ существуетъ больше для формы, нежели для чего либо другаго. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ итальянскому городу оставаться безъ комитета. Напечатавъ въ началѣ настоящаго года очень запутанную программу, изъ которой меньше всего можно заключить что либо о предстоящей ихъ дѣятельности, члены его занялись очень интересными вѣроятно для нихъ домашними распрями и взаимнымъ обмѣномъ любезностей и комплиментовъ со стороны членовъ и распорядителей.

Въ первомъ засѣданіи настоящаго года я былъ представленъ туда однимъ изъ членовъ. Засѣданіе это было въ очень невеликолѣпной залѣ дворца dei Rozzi, единственнаго зданія, въ Сьенѣ, гостепріимно растворяющаго свои двери всякаго рода публичнымъ сборищамъ, не разбирая ни цѣли ихъ, ни содержанія. Оно заслужило особенное уваженіе всѣхъ сколько либо благомыслящихъ жителей Сьены, такъ какъ въ его стѣнахъ сосредоточиваются всѣ разнообразныя увеселительныя и торжественныя учрежденія этого города; въ нижнемъ этажѣ театральная зала, гдѣ народный герой Стентерелло поражаетъ публику огненнымъ потокомъ своего остроумія; въ верхнемъ этажѣ бильярдъ, игорныя комнаты, и наконецъ всего болѣе знаменитая зала dei Stuchi, гдѣ каждое воскресенье по утрамъ собираются сьенскіе patres conscripti, а по вечерамъ веселыя толпы студентовъ, магазинныхъ прикащиковъ, пользующихся случаемъ посидѣть на одной софѣ со своими хозяевыми, и вообще лица всѣхъ сословій, съ единственнымъ условіемъ, чтобы они были прилично одѣты, а въ Италіи вообще и въ Сьенѣ въ особенности подобная оговорка вовсе нестѣснительна. Предметъ этихъ разнохарактерныхъ вечернихъ собраній игра въ lotto-tombola, совершаемая съ приличною случаю офиціаль-

ною торжественностью. Зала эта не поражаетъ красотою и роскошью убранства и можетъ вмѣстить себѣ до 1000 человѣкъ, если 500 изъ нихъ рѣшатся уставиться или усѣсться на плечи остальныхъ.

Въ одиннадцать часовъ утра, въ первое воскресенье текущаго января, я вошелъ въ эту залу, гдѣ отдѣльными группами стояли и сидѣли человѣкъ около шести отборныхъ граждaнъ города; въ дверяхъ не было и подобія швейцара или сторожа, хотя въ сѣняхъ красовалась маленькая будка съ большими окнами и съ надписью очень четкими буквами: «Custode.»

«Скажите, пожалуйста», обратился я къ одному изъ членовъ, котораго физіономія показалась мнѣ всѣхъ больше сообщительною, и мучимый тѣмъ, что меня никто не спрашиваетъ, по какому праву я сюда забрался:—«кому я долженъ представить этотъ билетъ?»

Членъ поговорилъ со своими сотоварищами.

— Никому, отвѣчалъ онъ мнѣ очень учтиво, дѣлая видъ, будто приподнимаетъ на головѣ свою шляпу.

«Такимъ образомъ я не рискую по крайней мѣрѣ ошибиться», подумалъ я про себя.

Между тѣмъ еще человѣкъ 5 — 6 вошли въ залу и размѣстились на разставленныхъ вдоль стѣнъ диванахъ и стульяхъ. На одномъ изъ концовъ залы, за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, подъ гипсовымъ бюстомъ короля, украшеннымъ двумя итальянскими флагами, усѣлся президентъ и по обѣимъ его сторонамъ по два старика, очень сѣдыхъ и очень хилыхъ. Изъ нихъ одинъ только живописецъ Муссини, директоръ здѣшней академіи художествъ, былъ мнѣ знакомъ. Президентъ снялъ шляпу и засѣданіе открылось. Комитетъ имѣетъ двухъ секретарей, но изъ нихъ ни одного не оказалось на лицо, а потому президентъ попросилъ одного изъ членовъ исправлять на время этого засѣданія секретарскую должность. Какой-то господинъ, во цвѣтѣ лѣтъ и въ очень хорошенькомъ пиджакѣ, торопливо вскочилъ со стула и снявъ шляпу, усѣлся налѣво отъ старичковъ, сидѣвшихъ налѣво отъ президента. Минутъ пять продолжалась довольно упорная борьба любезностей: президентъ упрашивалъ импровизированнаго секретаря надѣть шляпу, тотъ великодушно отказывался отъ этого вѣжливаго предложенія и наконецъ побѣдилъ противника, то есть оставшись безъ шляпы, принялся читать processo-verbale предъидущаго засѣданія, бывшаго гораздо интереснѣе того, на которомъ я присутствовалъ, и даже многихъ другихъ, на которыхъ мнѣ присутствовать не случилось. Это предъидущее засѣданіе было одно изъ самыхъ замѣчательныхъ засѣданій Сьенскаго унитарнаго комитета: на немъ бы-

ло рѣшено учрежденіе на счетъ комитета вечернихъ классовъ для ремесленниковъ, такъ какъ ремесленное братство не имѣло возможности само этимъ заняться.

Классы эти раздѣлены на два разряда: одинъ для ничего незнающихъ, другой для знающихъ очень мало; но въ составъ ихъ обоихъ входятъ только предметы самой строгой необходимости, какъ, напримѣръ, грамота, ариѳметика и пр. Объ учрежденіи этихъ классовъ было объявлено еще прежде черезъ посредство маленькаго воскреснаго листка, издаваемаго комитетомъ для простаго народа. Изданіе это стоитъ быть упомянутымъ: статьи въ немъ написаны очень удобопонятно и съ большимъ толкомъ, такъ что изъ нихъ самый необразованный ремесленникъ можетъ пріобрѣсти совершенно удовлетворяющія его свѣдѣнія о внѣшней и внутренней политикѣ дня. Продается онъ по всѣмъ доступной цѣнѣ — по 1 сант. ($^1/_4$ к. с.) за листъ.

Кромѣ политическаго обозрѣнія, газета эта печатаетъ разныя нравственныя статейки, за которыя впрочемъ нельзя особенно похвалить ея редакцію. Мнѣ кажется, что цѣль была бы лучше достигнута, если бы вмѣсто ихъ читателямъ доставлялись научныя свѣдѣнія, часто очень для нихъ необходимыя. Я говорилъ объ этомъ съ однимъ изъ членовъ комитета — дирижующаго, какъ я сказалъ уже, это изданіе; онъ объявилъ мнѣ, что они такъ боятся тѣснѣе познакомить народъ съ отечественной исторіей, что рѣшились вовсе не помѣщать статей научнаго содержанія, такъ какъ въ такомъ случаѣ читатели живо почувствовали бы недостатокъ именно этой ихъ отрасли, и могли бы обвинить за это редакцію.

Страхъ этотъ очень понятенъ въ Италіи, гдѣ гордый поденщикъ слишкомъ хорошо знакомъ съ исторіею своего города, понимаемой имъ по своему; а изъ этого выходятъ очень неутѣшительныя послѣдствія, о которыхъ я говорилъ выше. Комитету, имѣющему цѣлью слитіе въ одно политическое тѣло всѣхъ провинцій полуострова, конечно не кстати бы было напоминать тѣ времена, когда всѣ онѣ были заклятыми врагами другъ другу. Но съ другой стороны, знакомя народъ съ исторіею всей Италіи, а не только ихъ отечественнаго города, выставляя ему постоянно на видъ то зло, которое было порождено этими мелочными ссорами, разъясняя ему великія мысли героевъ итальянской народности и показывая ему тутъ же насколько они выше пресловутыхъ квасныхъ патріотовъ, невидящихъ ничего за предѣлами того маленькаго уголка, въ которомъ они родились, — мнѣ кажется, можно бы было добиться совершенно противуположныхъ результатовъ.

Но какъ ни неполны и несовершенны эти попытки народнаго об-

разованія, нельзя не пожелать имъ самаго полнаго успѣха, тѣмъ болѣе, что это лучшая часть дѣятельности Сьенскаго патріотическаго комитета, проводящаго остальное время въ спорахъ и занятіяхъ въ родѣ тѣхъ, которыхъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ.

Скажу мимоходомъ, что ихъ самое рутинное дѣло — вспомоществованіе римскимъ и венеціанскимъ эмигрантамъ и инвалидамъ гарибальдійскаго войска, которые до сихъ поръ не получили еще ничего отъ установленнаго ими правительства, кромѣ самыхъ блестящихъ надеждъ на будущее.

Я нисколько не отрицаю пользы, приносимой Италіи вообще и этимъ несчастнымъ въ особенности щедротами комитетовъ; но съ трудомъ понимаю, какъ могутъ итальянцы двухъ неосвобожденныхъ еще провинцій считаться эмигрантами въ другихъ, счастливѣе поставленныхъ частяхъ своего отечества. Итальянское правительство, вынужденное конечно необходимостью, поступаетъ довольно круто со своими *неприсоединенными еще* подданными. Въ началѣ нынѣшней войны, имъ изданъ былъ декретъ, лишающій права на вспомоществованіе тѣхъ изъ нихъ, которые способны къ военной службѣ и не записываются въ волонтеры. Способъ, какъ видите, нѣсколько насильственный, къ увеличенію рядовъ войска.

Отчетъ объ этихъ дѣйствіяхъ комитета прочтенъ былъ нѣсколько дребезжащимъ голосомъ господиномъ въ коротенькомъ пиджакѣ; но такъ какъ его слушали очень немногіе, то этотъ недостатокъ вокализаціи остался незамѣченъ.

Я хотѣлъ было представить вамъ въ полной картинѣ первое засѣданіе Сьенскаго комитета въ настоящемъ году, но оно было такъ неинтересно и скучно, продолжалось такъ долго, что я раскаяваюсь въ своемъ намѣреніи: Seggio, состоящій изъ президента и 4-хъ старичковъ, сидѣвшихъ по обѣимъ сторонамъ, и управляющій дѣлами комитета, вздумалъ обидѣться тѣмъ, что управленіе его было строго контролируемо собраніемъ и изъявилъ желаніе выйдти въ отставку. Члены со своей стороны вовсе не желали новыхъ хлопотъ по поводу избранія ему преемниковъ, и энергически протестовали противъ отставки. Какой-то изъ университетскихъ профессоровъ выступилъ ораторомъ со стороны собранія и объявилъ, что не считаетъ ни президента, ни товарищей его въ правѣ оставить управленіе дѣлами комитета до истеченія положеннаго на это срока. Президентъ опровергалъ это положеніе съ большимъ жаромъ; спорили, горячились, прибѣгали нѣсколько разъ къ подачѣ голосовъ и разошлись на томъ, что президентъ и его товарищи требуютъ отставку, а члены не даютъ имъ ее.

Вопросы о школахъ и объ эмигрантахъ были отложены до слѣдующаго раза, то есть до 2 февраля.

Обидчивый президентъ Сьенскаго комитета — вмѣстѣ съ тѣмъ и профессоръ здѣшняго университета — Феррари; но я не знаю, какую каѳедру онъ занимаетъ. Единственная черта изъ его жизни, отличающая его очень рѣзко отъ остальныхъ его собратій та, что со времени паденія велико-герцогскаго правительства въ Тосканѣ онъ не написалъ еще ни одной патріотической брошюры во славу министерства Рикасоли и доблести своихъ соотечественниковъ. До того же времени, онъ слишкомъ много дней проводилъ въ тюрьмѣ и въ крѣпости, и потому ему некогда было заниматься литературою.

Предсѣдательство его пока еще слишкомъ кратковременно; сказать о немъ можно очень немногое, кромѣ того, что онъ ознаменовалъ свое вступленіе въ должность циркуляромъ къ сьенскимъ гражданамъ, въ которомъ онъ приглашаетъ всѣхъ ихъ принять участіе въ комитетѣ безъ различія партій и оттѣнковъ purche voglino l'Unità d'Italia (лишь бы только они стремились къ единству Италіи). До него министеріальная партія преобладала и всякаго рода гоненія обрушивались на головы оппозиціонистовъ.

Несмотря однакоже на это, министерство вовсе неблагосклонно смотрѣло на Сьенскій комитетъ, можетъ быть не зная его исключительнаго направленія и смѣшивая его съ комитетами другихъ городовъ Италіи. Впрочемъ настоящій кабинетъ съ очень опредѣленными централизаціонными наклонностями не можетъ благосклонно относиться ни къ какому комитету, хотя большая часть ихъ не представляютъ ничего противузаконнаго и враждебнаго правительству и существующему порядку. Комитеты эти, и даже самые оппозиціонные изъ нихъ, главная опора правительства, желающаго единства Италіи и прежде всего внутренняго единства, такъ какъ политическое и административное вытекаютъ изъ этого, какъ прямое послѣдствіе.

Не знаю, сознаетъ ли это министерство, но во всякомъ случаѣ оно видитъ враговъ себѣ во всякомъ подобномъ учрежденіи, потому что оно не хочетъ допустить, чтобы благо Италіи проистекало изъ какого бы то ни было другаго источника, кромѣ какъ изъ министерскаго управленія.

Въ Италіи много существуетъ другихъ ассоціацій, о которыхъ я надѣюсь поговорить en temps et lieu: всѣ онѣ въ довольно тѣсной связи между собою и общій всѣмъ имъ президентъ Гарибальди. Но въ Сьенѣ ихъ нѣтъ, а я исключительно намѣренъ былъ говорить о Сьенѣ.

Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ мною о ремесленныхъ брат-

ствахъ и о комитетахъ этого города, можно замѣтить, мнѣ кажется, существенную разницу въ ихъ образѣ дѣйствій и въ направленіи. На всякій случай укажу ее безъ обиняковъ: первыя отличаются исключительно практическимъ направленіемъ; засѣданія ихъ не такъ краснорѣчивы, но почти всегда приводятъ къ какимъ либо положительнымъ результатамъ; ихъ администрація по необходимости многочисленнѣе, но вовсе не такъ сложна, какъ очень малочисленная администрація послѣднихъ. Комитеты болѣе падки на разсужденія, на теоріи, на общіе вопросы. Дѣло въ томъ, что братства состоятъ попреимуществу изъ ремесленниковъ, хотя ученый народъ и допускается въ нихъ съ охотою, тогда какъ комитетъ попреимуществу дѣло профессоровъ и адвокатовъ.

Тѣ времена, когда Сьена была ученымъ городомъ, прошли давно и осталось отъ нихъ только нѣсколько громкихъ именъ да собраній научныхъ предметовъ, расхищенныхъ въ разныя времена. Самый университетъ едва не былъ закрытъ по проэкту г. де-Санктисъ, теперешняго министра народнаго просвѣщенія. Сьенская городская община спасла его отъ конечной погибели внесеніемъ въ его кассу нѣсколькихъ десятковъ тысячъ франковъ, не достававшихъ на его содержаніе; но и это великодушное приношеніе не помогло ему выбраться изъ того униженнаго состоянія, въ которомъ онъ теперь находится. Я обѣщалъ не говорить о покойникахъ, но это покойникъ такого знаменитаго рода, что о немъ, право, можно сказать нѣсколько словъ, да къ тому же онъ и не совсѣмъ еще умеръ.

Во всей Европѣ, и даже въ самой Италіи, очень распространено мнѣніе, будто всѣ безъ исключенія итальянскіе университеты происхожденіемъ своимъ обязаны салійскимъ и германскимъ императорамъ. Нѣкоторыя очень положительныя историческія данныя, касающіяся учрежденія и первыхъ вѣковъ существованія Сьенскаго университета—свидѣтельствуютъ вовсе не двусмысленно, что если положеніе это и справедливо для другихъ университетовъ, то Сьенскій составляетъ на этотъ разъ блестящее исключеніе, какъ порожденіе вполнѣ свободной городской общины.

Говорить объ Италіи и не говорить о городской общинѣ — municipio comune—дѣло почти невозможное, такъ какъ всѣ административныя и политическія учрежденія этой страны или прямо, или косвенно относятся къ общинѣ, и въ слишкомъ многихъ случаяхъ ея непосредственный продуктъ; призракъ этой общины постоянно предъ глазами барона Рикасоли и его централизаціоннаго кабинета, онъ сдерживаетъ всѣ ихъ порывы и представляетъ можетъ быть непреодолимое препятствіе къ достиженію ихъ цѣли. Даже са-

нія позднѣйшія итальянскія учрежденія, ремесленныя братства, напримѣръ, во многомъ схожія съ подобными же ассоціаціями другихъ странъ Европы, во многомъ другомъ представляютъ очень рѣзкія особенности, въ которыхъ живо чувствуется вліяніе уже отживщихъ корпорацій и общинъ. Я зашелъ бы можетъ быть слишкомъ далеко, еслибы сталъ продолжать объ этомъ очень интересномъ предметѣ, а потому и перехожу прямо къ тому изъ учрежденій этой общины, которое и до сихъ поръ сохранило еще хотя очень слабые признаки жизни,—и да простятъ мнѣ читатели, если я вдамся въ нѣкоторыя историческія отступленія.

Словомъ университетъ—Università—съ очень давнихъ поръ назывались въ Италіи ремесленныя, художническія и ученыя корпораціи, въ составъ которыхъ входили всѣ лица, занимавшіяся однимъ какимъ либо ремесломъ, и живущія въ предѣлахъ одной какой нибудь республики или города; такимъ образомъ, тамъ были университеты столяровъ, сапожниковъ, плотниковъ, граверовъ и проч. Школы же, съ самаго начала владычества варваровъ въ Италіи, существовали при монастыряхъ, при епископскихъ дворахъ, но не имѣли никакихъ почти сообщеній между собою, не составляли корпораціи. Такъ было, пока епископы управляли страною, нося имя завоевателей, и потомъ, когда аристократическія общины стали въ главѣ правленія. Произволъ администраторовъ былъ въ полной силѣ, а потому не было необходимости ни въ какихъ законахъ.

Но съ началомъ XIII вѣка въ городахъ средней Италіи появился совершенно новый классъ народонаселенія, пріобрѣтавшій все болѣе и болѣе силы и наконецъ одолѣвшій и варваровъ и аристократическую общину; классъ этотъ составляли купцы, обогащенные торговыми сношеніями съ Венеціею и Греціею, а впослѣдствіи съ Франціею и съ Востокомъ. Едва община эта—del popolo magno—овладѣла управленіемъ страны, отрывочныя постановленія варварскихъ императоровъ, которымъ въ видѣ связи или основной мысли служилъ произволъ администраторовъ,—потеряли всякое значеніе и живо сталъ чувствоваться недостатокъ раціональнаго законодательства. Остатки римскаго права, сохраненные духовенствомъ, были слишкомъ искажены ими и не представляли къ тому же ничего цѣлаго, могущаго послужить основаніемъ для новой юриспруденціи. Тогда городская община рѣшилась на собственныя средства завести школы для спеціальнаго изученія римскаго права, уже не въ видѣ ряда отрывочныхъ постановленій. Для этого нужно было преобразовать существовавшія уже элементарныя школы, установить правильную послѣдовательность въ предметахъ въ нихъ преподаваемыхъ, и слѣдовательно подчинить

ихъ одну другой, соединить ихъ въ одно цѣлое ученое тѣло. Это соединеніе всѣхъ школъ, съ специальною цѣлью возрожденія римскаго законодательства, названо было: Università delle Scole, или Università degli Studj.

Первый, появившійся такимъ образомъ университетъ—былъ въ Болоньи; затѣмъ образовался подобный въ Сьенѣ, имѣвшей въ то время больше возможности, чѣмъ Флоренція, заняться своимъ внутреннимъ устройствомъ, и стоявшей во главѣ тосканскихъ республикъ.

Уже много позже, когда вся Тоскана была въ рукахъ великихъ герцоговъ Лотарингскаго дома, сьенскій университетъ началъ много терпѣть отъ пизанскаго, обладавшаго гораздо большими средствами и посему поставленнаго въ несравненно выгоднѣйшее положеніе. Изъ Сьены мало-по-малу стали переходить въ Пизу лучшіе профессора и большое число студентовъ; затѣмъ были перенесены туда же цѣлые факультеты: философскій и юридическій, потомъ и математическій, такъ что въ Сьенѣ остался въ полномъ составѣ только медицинскій и богословскій; остальные же существовали (да и теперь существуютъ) въ видѣ сукурсалій пизанскаго, такъ что въ нихъ читается только низшій лицейскій курсъ, и на полученіе докторскаго диплома сьенскіе студенты должны прослушать въ Пизѣ три года университетскій курсъ и тамъ же держать экзаменъ. Вслѣдствіе этого сьенскій университетъ сталъ пустѣть мало-по-малу, и теперь въ немъ едва восемьдесятъ человѣкъ студентовъ по всѣмъ факультетамъ и разрядамъ.

Тосканскіе великіе герцоги оставляли безъ вниманія этотъ университетъ и доходы его значительно поуменьшились, такъ что въ настоящее время, несмотря на значительно уменьшившіеся расходы, доходовъ, получаемыхъ сьенскимъ университетомъ съ подаренныхъ ему въ разныя времена сьенскими патріотами имѣній, не хватало уже на его содержаніе. Министръ де-Санктисъ, подавшій проэктъ совершеннаго преобразованія итальянскихъ университетовъ, предложилъ сьенскому или быть раскассированнымъ, или содержаться безъ вспомоществованія со стороны правительства. Городская община рѣшила этотъ вопросъ, принявъ на себя пополненіе ежегоднаго дефицита.

Благодаря этому великодушію сьенскаго муниципіо, умственная жизнь города не совсѣмъ еще умерла, хотя и находится въ очень жалкомъ состояніи. Въ теченіе очень короткаго промежутка времени въ Сьенѣ закрылось нѣсколько типографій, и остальныя врядъ ли бы удержались, если бы не то, что послѣдній политическій переворотъ вызвалъ здѣсь несмѣтное количество брошюръ, которыя хотя мало

находятъ читателей, но заслуживаютъ самой искренней благодарности со стороны содержателей типографій.

Періодическое изданіе, кромѣ еженедѣльнаго листка для народа, о которомъ я уже говорилъ, здѣсь только одно, Богъ вѣсть почему называемое «La Venezia», скромно перепечатывающее вчерашнія новости изъ флорентійскихъ газетъ и существующее почти исключительно доходами съ объявленій, печатаемыхъ на ея четвертой страницѣ. Нечего и говорить, что газета эта и тѣни не имѣетъ какого бы то ни было направленія, хотя и подкуриваетъ порою услужливый фиміамъ кабинету, въ надеждѣ попасть на его содержаніе. И давай ей успѣха всѣ святые покровители города Сьены и журналистики вообще!

Среди мелкой работничьей жизни города, сьенскимъ студентамъ очень трудно было бы отстоять себя, какъ корпорацію, и они поддались вполнѣ вліянію окружающей ихъ среды, вмѣсто того, чтобы оказывать на нее свое вліяніе. Профессора нашли себѣ довольно обширное поле дѣятельности въ ремесленныхъ братствахъ и въ комитетахъ, которыхъ они составляютъ какъ бы зерно. Студенты же, не принадлежащіе ни къ одной изъ этихъ ассоціацій, должны были устроить почти подобное братство между собою, что они и сдѣлали въ началѣ настоящаго года. Подобныя же ассоціаціи студентовъ учреждаются и въ другихъ итальянскихъ городахъ, и отъ ихъ развитія можно ждать очень многаго; но пока все это еще существуетъ въ видѣ предпріятія.

Въ Италіи подобныя ассоціаціи не новость; они существовали тамъ много лѣтъ тому назадъ, подъ названіемъ академій. Вамъ, конечно, извѣстно, что подъ этимъ словомъ въ Италіи разумѣются всякаго рода собранія, если не ученыхъ, то по крайней мѣрѣ благовоспитанныхъ людей. Въ Сьенѣ было нѣсколько такихъ академій; всѣ онѣ прошли, и двѣ самыя замѣчательныя изъ нихъ: de'Ravivati и de'Rossi, оставили слѣды своего присутствія. Трудами послѣднихъ былъ учрежденъ здѣсь публичный кабинетъ для чтенія — единственное заведеніе въ этомъ родѣ цѣлой Сьены. Въ немъ находится очень порядочный выборъ итальянскихъ и французскихъ газетъ и нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій и брошюръ попреимуществу сьенскихъ авторовъ.

Этимъ же академикомъ Rozzi Сьена обязана существованіемъ въ ней народнаго театра, гдѣ Стентерелло, комическій представитель тосканцевъ, потѣшаетъ публику своими импровизированными остротами.

Вамъ, конечно, извѣстно, что каждая изъ итальянскихъ провин-

цій имѣетъ свою народную маску, въ которой когда-то выражалась въ каррикатурѣ характеристическая особенность ея народонаселенія. Такъ, напримѣръ, Ломбардія имѣетъ арлекина, грубаго и плутоватаго буламасскаго мужика, Венеція—Панталона и Факканапца, болтуновъ и трусовъ, скупыхъ на все, только не на слова, и постоянно мѣшающихся не въ свои дѣла; Неаполь—Пульчинелла—типъ слишкомъ хорошо извѣстный повсюду, оклиматизировавшійся во Франціи подъ исковерканнымъ прозвищемъ Полишинеля, въ Россіи—подъ именемъ Петрушки. Теперь всѣ эти разнохарактерные типы слились въ сущности въ одинъ, хотя и сохраняютъ свои различныя названія. Каждая труппа актеровъ имѣетъ непремѣнно одного или двухъ актеровъ на эти роли; они и внѣ сцены постоянно сохраняютъ названіе роли, которую играютъ каждый вечеръ. Безъ нихъ не обходится ни одна пьеса, какого бы содержанія она ни была; въ переводныя непремѣнно вносится лишняя роль для нихъ; въ извѣстной французской драмѣ «Серафима Лафайль», гдѣ героиня встаетъ изъ могилы, Стентерелло играетъ роль могильщика, а иногда вора, пришедшаго обкрадывать трупы. Въ мольеровскихъ комедіяхъ, очень часто даваемыхъ на итальянской сценѣ, первая комическая роль Мамарсель или Сганарель, тоже передѣлывается на Стентерелло или на Арлекина, смотря по городу. Передѣлки эти обыкновенно мало стоятъ трудовъ переводчикамъ, такъ какъ они только означаютъ главныя положенія, въ которыхъ находится комическій герой по отношенію къ остальнымъ персонажамъ; вся же роль исключительно остается на отвѣтственности актера, который въ большей части случаевъ импровизируетъ ее. Бо̀льшая же часть оригинальныхъ итальянскихъ комедій вертятся на главной комической роли и успѣхомъ своимъ бываютъ обязаны главному комику, а вовсе не автору. Между этими актерами попадаются первоклассныя дарованія: Лаблашъ началъ свою артистическую карьеру на сценѣ дешеваго неаполитанскаго театра С. Карлино, откуда его вывелъ импресаріо королевскаго театра С. Карло.

Участь этихъ несчастныхъ комиковъ самая жалкая; жалованье получаютъ они очень незначительное и должны каждый вечеръ потѣшать публику, которая къ нимъ въ особенности строга. Во времена велико-герцогскаго правленія, эти Стентерелло проводили по крайней мѣрѣ половину своего времени въ тюрьмѣ; имъ достаточно было простой двусмысленности или какого-нибудь неосторожнаго намека, чтобы попасть наконецъ на казенные хлѣбы. Съ этой стороны положеніе ихъ очень много улучшилось; правда, и теперешніе кодины представляютъ очень ловкую цѣль ихъ остротамъ.

Въ ихъ игрѣ очень важную роль играетъ жестикуляція, и у нѣкоторыхъ она переходитъ въ простое и безсмысленное кривлянье;

очень немногіе умѣютъ удерживаться въ надлежащихъ предѣлахъ и создать дѣйствительно комическій и чисто итальянскій характеръ.

Народный театръ въ Италіи посѣщается только чернью и самыми низшими классами буржуазіи. Люди «порядочные» считаютъ посѣщеніе его для себя неприличнымъ и предпочитаютъ очень плохую обыкновенно оперу. Въ Сьенѣ для музыки есть другой театръ, называемый «Большой», вѣроятно сравнительно съ театромъ маріонетокъ, такъ какъ зала его одна изъ меньшихъ залъ въ Италіи, гдѣ, какъ извѣстно, мало большихъ театровъ.

Опера въ Сьенѣ идетъ только во время рождественскихъ святокъ и карнавала, но и въ этихъ случаяхъ она не отличается хорошимъ и полнымъ составомъ. Флорентинскіе театры лѣтомъ иногда осчастливливаются появленіемъ европейскихъ знаменитостей; все же остальное время года театры всей Тосканы угощаютъ свою публику новыми музыкальными произведеніями непризнанныхъ геніевъ, гостепріимно принимаютъ несчастныхъ артистовъ и артистокъ, которымъ не посчастливилось въ другихъ городахъ Италіи. За то они отличаются баснословно дешевою платою за входъ. Ложи не имѣютъ опредѣленной цѣны и продажею ихъ рѣдко завѣдуютъ театральныя кассы. Аристократическія семейства имѣютъ свои абонированныя ложи въ лучшихъ театрахъ;—ложи незанятыя такимъ образомъ или остаются пусты все время театральнаго сезона, или продаются лакеями гостинницъ иностранцамъ. Итальянцы же обыкновенно входятъ въ партеръ, и то не покупаютъ кресла, а ограничиваются платою за входъ.

Въ Сьенѣ опера посѣщается мало; это объясняется жалкимъ составомъ тамошней труппы. Я говорилъ уже, что Сьена славится мужескими голосами, но въ этомъ городѣ очень мало средствъ къ развитію музыкальнаго дарованія, а потому юноши, подающіе надежды, съ раннихъ поръ отправляются въ филармоническія заведенія во Флоренцію или въ Неаполь, и потомъ уже не возвращаются въ родной городъ, придерживаясь вѣроятно изреченія: «не славенъ пророкъ въ отечествѣ своемъ».—Лучшая изъ итальянскихъ примадоннъ сопрано, маркиза Пикколомини, родомъ изъ Сьены; но она только одинъ разъ въ жизни пѣла на сценѣ здѣшняго Большаго театра, и то по поводу очень торжественнаго случая—пріѣзда короля Италіи во вновь присоединенный къ его владѣніямъ городъ. Пикколомини пѣла нѣсколько народныхъ гимновъ, и, говорятъ, совершенно очаровала воина итальянской независимости. Впрочемъ, въ настоящее время пѣвица эта не принадлежитъ уже къ театральному міру, такъ какъ она оставила сцену, выйдя за мужъ за какого-то очень аристократическаго и очень католическаго барона.

Какъ ни бѣдны театры эти,—это единственныя публичныя увеселительныя заведенія въ Сьенѣ, гдѣ нѣтъ ни одного воксала, ни даже публичнаго сада, гдѣ бы собирался народъ и играла музыка. Большой загородный лугъ, обсаженный тощими деревьями, единственное здѣсь общественное гулянье, но его попреимуществу посѣщаютъ няньки съ дѣтьми, да уличные мальчишки, играющіе въ орлянку на протоптанной травѣ. Достигнувъ совершеннолѣтія, сьенскіе жители теряютъ всякую любовь къ загороднымъ увеселеніямъ и проводятъ въ кофейныхъ все свое свободное время, гдѣ, заплативъ 15 сантимовъ за стаканъ пуншу, они сидятъ по цѣлымъ часамъ, наслаждаясь пріятною бесѣдою и чтеніемъ попреимуществу министеріальныхъ журналовъ.

Въ Сьенѣ кофейныя однакоже вовсе не играютъ такой роли, какъ въ жизни другихъ итальянскихъ городовъ. Правда, что онѣ съ утра до ночи полны народомъ, и что очень многіе проводятъ въ нихъ все свое время. Множество молодыхъ людей, болѣе или менѣе щегольски одѣтыхъ и съ очень строгими профилями, посвящаютъ всю свою жизнь тому, чтобы изъ-за стеклянныхъ дверей или изъ подъ навѣсовъ Caffe Greco лорнировать проходящую мимо публику. Чѣмъ живутъ они, чѣмъ заплатили за свои кофейнаго цвѣта сюртуки и за красивые галстуки? Это такая загадка, что никакой Эдипъ не разрѣшитъ ее въ настоящее время. Гордо и презрительно смотрятъ они на все и на всѣхъ, только въ географіи обладаютъ самыми поверхностными знаніями. Эта «молодая Италія» — продуктъ чисто неаполитанскій, хотя очень распространенный по всему полуострову. Во всѣхъ другихъ итальянскихъ городахъ они занимаются по крайней мѣрѣ дѣланьемъ долговъ, бѣганьемъ по баламъ и по театрамъ и тамъ они составляютъ существенную часть городскаго народонаселенія. Но что дѣлаютъ они въ Сьенѣ, гдѣ условія кредита понимаются совершенно по своему, гдѣ только во время карнавала бываютъ два-три маскарада, и то биткомъ набитые ремесленниками endimanchés и ихъ женами—публика, съ которою очень не охотно мѣшаются эти доблестные потомки Брутовъ, Кассіевъ и пр. Очень не трудно представить себѣ ту степень уваженія, которою пользуются они со стороны мелкихъ тружениковъ, составляющихъ главную часть сьенскаго народонаселенія; эта возможность ничего не дѣлать уважается бѣдными тружениками превыше всякихъ добродѣтелей и доблестей. Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего бьется какой нибудь несчастный факинъ, или чиновникъ префектуры, какъ не изъ-за того, чтобы достать себѣ средства жить безъ особенно тяжелыхъ лишеній. И чего только не переноситъ онъ для достиженія этой цѣли. А тутъ передъ его глазами человѣкъ, бѣднякъ такой же, какъ и онъ, живетъ себѣ насвистывая и припѣваючи и ни въ чемъ не терпитъ недостатка. Будь эти господа наслѣдники

богатыхъ семействъ, издерживай они то, что съ большимъ трудомъ накопили ихъ дѣятельные отцы и праотцы — тогда другое дѣло: каждый кучеръ, везущій ихъ въ своей дребезжащей колясчонкѣ, каждый мальчишка, плетущій изъ тонкой кожи ботинки, завидовали-бы имъ и льстили-бы пожалуй въ глаза, но въ душѣ они презирали бы ихъ, нравственно ставили бы себя несравненно выше этихъ беззаботныхъ щеголей; весь бы городъ зналъ цифру каждаго счета, назначеннаго ими портному. Но юноши, о которыхъ говорю я, кромѣ болѣе или менѣе звучныхъ именъ, не получили никакого наслѣдства; съ дѣтства они не учились ничему и всякаго рода знанія считаютъ совершенно излишнимъ бременемъ для своихъ аристократическихъ головъ. Они такіе же пролетаріи, такіе же промышленники, какъ и вся эта суетящаяся вокругъ ихъ чернь.

Только чѣмъ промышляютъ они въ Сьенѣ, сидя цѣлый день въ кофейныхъ и въ бильярдныхъ? Игра въ итальянскихъ городахъ очень плохой источникъ дохода, а въ особенности въ Тосканѣ: здѣсь слишкомъ дорого достается каждая копѣйка, и мало находится охотниковъ рисковать, мѣнять птицу въ рукахъ на журавля въ небѣ. Бильярды здѣсь только по вечерамъ собираютъ вокругъ себя довольно многочисленную публику, но это все молодые ремесленники, играющіе изъ чести, или рѣдко на чашку кофе или стаканъ пуншу. Игорные дома запрещены, т. е. правительство сохраняетъ для себя монополію азартныхъ игоръ. Въ карты играютъ иногда въ залахъ казино или въ академіи Росси, но играютъ почтенные старцы, не рискующіе болѣе какъ полу-франкомъ въ вечеръ. Законы противъ шулеровъ строги, да и не нужны вовсе, такъ какъ единственный способъ вытащить деньги изъ кармана у сенеза—это остановить его ночью съ ножомъ на большой дорогѣ, на что находится очень много охотниковъ, но надѣюсь, что щегольскіе «засѣдатели» кофейныхъ не принадлежатъ къ этимъ почтеннымъ корпораціямъ. Чѣмъ же живутъ эти господа? Не знаете ли вы,—но я ей-богу не берусь рѣшить этотъ трудный вопросъ. Да не знаю, стоитъ ли онъ труда быть рѣшеннымъ. Это то гнилое поколѣніе, которое чернымъ пятномъ лежитъ на всѣхъ европейскихъ обществахъ. Я не думаю, чтобы для поддержанія своего, никому ненужнаго существованія, они рѣшались на преступленіе; но самое существованіе ихъ въ Италіи въ настоящее время само по себѣ уже преступленіе, хотя—основываясь на Данте, — можно предположить, что они съ давнихъ поръ водятся въ этой благословенной странѣ.

Въ аду своемъ Данте очень удачно помѣстилъ ихъ души: онѣ не стóятъ даже наказанія и снуютъ по берегамъ Коцита такъ же, какъ при жизни, вмѣстѣ со своими земными оболочками, бродили по набереж-

нымъ Арно во Флоренціи, по площадкѣ близь Caffe Greco въ Сіенѣ. Не упомянуть о существованіи ихъ я не могъ; но надѣюсь, что впредь говорить мнѣ о нихъ не прійдется. Можетъ быть и они имѣютъ свой смыслъ и значеніе среди разнообразныхъ слоевъ италіянскаго общества, можетъ быть и ихъ существованіе не совсѣмъ безполезно и пусто, — но я не настолько тонкій наблюдатель и не настолько глубокій философъ, чтобы понять эти сокровенныя тайны мірозданія.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННАЯ ФИЗІОЛОГІЯ И ФИЛОСОФІЯ.

(**Физіологія обыденной жизни**, соч. *Льюиса*. Перев. съ англійскаго *Борзенкова* и *Рачинскаго*. Т. I. II. Москва. 1861—62).

Физіологія, наука жизни, разработывается и изучается въ настоящее время съ живѣйшимъ интересомъ и съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ; потому что задача ея очень важна и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно привлекательна. Органическая жизнь, проявляющаяся въ животныхъ организмахъ и въ самомъ совершеннѣйшемъ изъ нихъ — человѣкѣ, составляетъ самую высшую, послѣднюю и заключительную ступень развитія той единой сущности, которая лежитъ въ основаніи всякаго бытія. Проникая въ тайны жизни, мы льстимъ себя надеждой проникнуть въ тайны самаго бытія. Не говоря уже объ ученыхъ, занимающихся изученіемъ природы, даже не ученая публика сильно интересуется физіологическими знаніями; это побуждаетъ физіологовъ излагать таинства своей науки такъ, чтобы они были доступны *для* всѣхъ. — Оригинальныхъ сочиненій по части физіологіи у насъ почти вовсе нѣтъ; за то есть довольно переводовъ иностранныхъ физіологій, какъ спеціальныхъ, такъ и популярныхъ. Первое мѣсто между послѣдними безспорно принадлежитъ физіологіи Льюиса; она написана просто, удобопонятно и въ высшей степени увлекательно. Манера изложенія Льюиса неподра-

жаема; онъ такъ искусно предлагаетъ физіологическіе вопросы и такъ рельефно умѣетъ представлять ихъ, что человѣкъ, вовсе незнакомый съ физіологіей, съ-разу увидитъ всю ихъ важность и пойметъ ихъ сущность; онъ касается иногда самыхъ спеціальныхъ физіологическихъ частностей, но развиваетъ ихъ такъ, что читатель безъ труда и даже съ удовольствіемъ можетъ слѣдить за ними. Но главное достоинство Льюиса — это его основательность, чрезвычайная осторожность и строгость въ выводахъ и заключеніяхъ; онъ не ограничивается, подобно многимъ другимъ физіологамъ, только своими собственными наблюденіями и опытами, но сводитъ въ одно всѣ извѣстные ему опыты, мнѣнія и положенія разныхъ физіологовъ, повѣряетъ ихъ сначала общими логическими соображеніями, потомъ собственными наблюденіями и наконецъ уже дѣлаетъ свой выводъ, такъ что читателю представляется возможность самому повѣрять своего руководителя. Все это придаетъ мнѣніямъ Льюиса особенную прочность и силу; ужь если онъ высказалъ какое-нибудь положеніе, значитъ оно имѣетъ на своей сторонѣ достаточныя доказательства. — Но не этими достоинствами обратилъ у насъ на себя вниманіе Льюисъ; его «Физіологія» получила у насъ особенную извѣстность потому, что на нее указывали противники «Современника» въ спорахъ съ нимъ изъ-за философіи г. Юркевича. Эти противники захотѣли пріурочить философію послѣдняго къ физіологіи перваго, записали Льюиса въ учители къ г. Юркевичу и утверждали, что между ними существуетъ если не тожество, то по крайней мѣрѣ большое согласіе въ ученіи и во взглядахъ на разные философскіе вопросы. Такое согласіе Льюиса съ г. Юркевичемъ, провозглашенное противниками «Современника», оказывается невѣроятнымъ съ перваго взгляда. Льюисъ, одинъ изъ представителей современной физіологіи, — не ограниченный, односторонній спеціалистъ въ родѣ Шлейдена, но человѣкъ всесторонне развитый, способный разсуждать логически и отвлеченно; и вдругъ говорятъ, что онъ сходится въ убѣжденіяхъ съ послѣдователемъ школы, которая враждебна физіологіи и боится всѣхъ вообще естественныхъ наукъ, какъ огня. Согласитесь, что это чрезвычайно странно; возможно что нибудь одно: или Льюисъ настоящій физіологъ, и въ такомъ случаѣ онъ не долженъ сходиться въ основныхъ взглядахъ съ г. Юркевичемъ; или дѣйствительно онъ сходится съ нимъ, но въ такомъ случаѣ его уже нельзя назвать истиннымъ физіологомъ. Многіе, повѣривъ на слово противникамъ «Современника», усумнились въ достоинствахъ Льюиса, какъ физіолога, или вообразили, что онъ по убѣжденіямъ похожъ на Либиха, вездѣ, даже въ химическихъ сочетаніяхъ, въ пищевареніи и дыханіи усматривавшаго цѣлесообразность и такъ-называемыя конечныя причины. Поэтому мы считаемъ своею обязан-

ностію защитить Льюиса отъ нареканій, бросающихъ тѣнь на его физіологическую репутацію, и смѣло говоримъ, что противники «Современника» наклеветали на почтеннаго ученаго, утверждая, что онъ можетъ служить подпорою философіи г. Юркевича; тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ направленіе его воззрѣній идетъ въ сторону, совершенно противоположную этой философіи,—что мы и постараемся доказать. Г. Юркевичъ лучше своихъ защитниковъ понималъ свои отношенія къ физіологіи; онъ никогда не обращался къ ней за подтвержденіями своего ученія и вообще смотритъ на нее свысока и даже съ презрѣніемъ, какъ и слѣдуетъ истинному философу.

По какимъ побужденіямъ противники «Современника» оклеветали Льюиса, объ этомъ мы будемъ говорить послѣ, а теперь скажемъ о тѣхъ мнимыхъ основаніяхъ, которыя они употребили въ свою пользу, о тѣхъ выраженіяхъ Льюиса, которыя дали имъ возможность представить его партизаномъ философіи г. Юркевича.—У каждаго писателя можно найдти фразы и отдѣльныя мѣста, которыя могутъ быть истолкованы въ пользу какого угодно ученія, въ пользу самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ воззрѣній; особенно это удобно дѣлать съ англійскими писателями, вслѣдствіе одной характеристической особенности, свойственной имъ. Англичане вообще народъ церемонный и деликатный до щепетильности; они свято уважаютъ то, что «принято», благоговѣютъ предъ мнѣніями, освященными стариною, съ трудомъ отказываются отъ укоренившихся преданій и обычаевъ, хоть бы въ нихъ все было основано на предразсудкѣ. Англійскіе мыслители и ученые невольно подчиняются этой особенности англичанъ и всегда сообразуются съ нею; они рѣдко рѣшаются нападать на укоренившіяся мнѣнія и предразсудки, особенно еще, если въ нихъ нѣтъ непосредственнаго практическаго интереса; а если и нападаютъ на нихъ, то чрезвычайно осторожно, съ разными оговорками и двусмысленными ограниченіями, иногда даже просто употребляютъ фразы, выражающія совсѣмъ не то, что они хотятъ сказать. Эта особенность англійскихъ писателей должна быть очень понятна русскимъ писателямъ, усвоившимъ ее совершенно по другимъ причинамъ. Положимъ, всѣ англичане издавна признаютъ за истину какой нибудь предразсудокъ, всѣ привыкли, напримѣръ, въ извѣстныхъ случаяхъ говорить примѣрно—5; ученый, возстающій противъ этого предразсудка, не станетъ прямо опровергать его, не скажетъ 4, а дастъ своему опроверженію, приблизительно, такую форму: «я не отвергаю 5, не стою за нелѣпое и гибельное 4, а утверждаю только, что нужно говорить 2+2». Люди, поверхностно разсуждающіе, не разберутъ сущности мнѣній ученаго, не поймутъ этого 2+2, а обратятъ свое вниманіе на то, что онъ не отвергаетъ 5, и называетъ нелѣпостью 4; на этомъ и основы-

ваетъ свои заключенія объ убѣжденіяхъ ученаго. Такую особенность англійскихъ писателей вы замѣтите и у Милля, и у Дарвина, который пресерьёзно разбираетъ возраженіе противъ его «теоріи видовъ», состоящее въ томъ, будто бы она противорѣчитъ общепринятой морали, увѣряетъ, что напротивъ, она согласна съ нею и въ доказательство ссылается на письмо къ нему одного духовнаго лица. Общій характеръ воззрѣній Бокля также очень ясно обнаруживается во всемъ его сочиненіи; однако посмотрите, съ какимъ пафосомъ онъ возстаетъ противъ обвиненія его въ неморальности, т. е. въ несогласіи съ общепринятою моралью, хотя обвиненіе, въ существѣ своемъ, совершенно справедливо. Подобно этому, и у Льюиса встрѣчаются иногда двусмысленныя фразы, которыя могутъ дать поводъ думать, будто бы онъ сходится хоть бы, напримѣръ, съ г. Юркевичемъ. — Изъ этого вытекаетъ правило, что объ убѣжденіяхъ ученаго, особенно еще англійскаго, нужно судить не по отдѣльнымъ фразамъ, или отрывкамъ, но по самой сущности, по всему строю его воззрѣній. Какъ бы онъ самъ ни характеризовалъ свое ученіе, какимъ бы именемъ ни называлъ его, намъ до этого нѣтъ дѣла, мы должны смотрѣть на сущность его ученія и сами должны опредѣлять, каково оно и къ какой сторонѣ принадлежитъ. Иной самъ себя называетъ хорошимъ человѣкомъ, а посмотришь, на дѣлѣ-то у него и нѣтъ ничего хорошаго; за то бываютъ и обратные случаи. Поэтому, зная основный характеръ воззрѣній Льюиса, мы нисколько не смущаемся тѣми выраженіями его, въ которыхъ онъ, повидимому, сходится съ г. Юркевичемъ. Также точно мы не придаемъ никакой важности и слѣдующимъ словамъ Льюиса, приведеннымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «что касается до системы Гегеля, говоритъ Льюисъ, то предоставляемъ нашимъ читателямъ судить, заслуживаетъ ли она какого-либо вниманія, кромѣ развѣ только того, чтобы служить примѣромъ заблужденія мысли.... Она все оставляетъ во мракѣ, и не заслуживаетъ вниманія серьезныхъ людей. Она не только безполезна, но и вредна. Легкость, съ которою люди могутъ бросать всѣ вопросы въ систематическое опреченіе метафизики, была долгое время истиннымъ бѣдствіемъ германской мысли.» «Руссій Вѣстникъ» вообразилъ, что это мѣсто направлено противъ «Современника» и его философскихъ воззрѣній, и служитъ подтвержденіемъ философіи г. Юркевича. Конечно, «Русскій Вѣстникъ», если хочетъ, можетъ судить о Льюисѣ по этому отрывку; но читатели видятъ, что онъ вовсе не касается ни воззрѣній «Современника», ни философіи г. Юркевича, и скорѣе говоритъ въ пользу «Современника». Да и нельзя судить о Льюисѣ по этому отрывку, а нужно сначала узнать его физіологическія воззрѣнія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы обратимся къ раз-

смотрѣніи взглядовъ Льюиса на высшія отправленія человѣческаго организма и всѣхъ вообще живыхъ организмовъ, и къ опредѣленію степени ихъ согласія или несогласія со взглядами г. Юркевича на тѣ же предметы. Мы не имѣемъ намѣренія спорить съ г. Юркевичемъ и опровергать его. Мы высказали свое мнѣніе объ немъ въ нашей статьѣ «О старыхъ и новыхъ философахъ»; тамъ мы прямо упоминали объ немъ вмѣстѣ съ «Русскимъ Вѣстникомъ», не называя ихъ, впрочемъ, по именамъ, и отнесли ихъ обоихъ къ старому типу; опровергать г. Юркевича, значило бы повторять старое. Мы главнымъ образомъ будемъ заниматься Льюисомъ, а г. Юркевича будемъ касаться только для того, чтобы увидѣть, согласны ли его философскія воззрѣнія съ мыслями Льюиса, или нѣтъ. Правъ ли г. Юркевичъ, вѣрна ли, или нѣтъ его философія, объ этомъ мы не скажемъ ни слова, мы только постараемся опредѣлить отношеніе ея къ философіи Льюиса, которую противники «Современника» взяли за критерій при опредѣленіи достоинства философіи своего кліента. Противники «Современника», желая поддержать г. Юркевича, представляли дѣло такъ, что вся разница между «Современникомъ» и г. Юркевичемъ состоитъ въ томъ будто бы, что г. Юркевичъ признаетъ психологію особой самостоятельной наукой, а «Современникъ» не признаетъ за ней такого значенія и за это будто бы называетъ его философію кабалистикой. Вовсе не то; разница между воззрѣніями г. Юркевича и «Современника» лежитъ гораздо глубже и вовсе не касается классификаціи наукъ и разграниченія ихъ предѣловъ; и г. Юркевичъ названъ кабалистомъ не за то, что онъ признаетъ самостоятельность психологіи, а за другую вещь, которой не поняли, или не хотѣли понять противники «Современника». Г. Лавровъ также точно стоитъ за самостоятельность психологіи, однако мы не назвали его кабалистомъ и причислили не къ старымъ, а къ новымъ философамъ, потому что онъ вѣрно разсуждаетъ объ Одинѣ и опровергаетъ бо́льшую и самую существенную часть того, что признаютъ старые философы. Разница между гг. Лавровымъ и Юркевичемъ громадная; первый просто идеалистъ, а второй, кромѣ того, еще супранатуралистъ; а вѣдь это не шутка. Г. Лавровъ называетъ г. Юркевича искуснымъ діалектикомъ и удивляется, почему мы не желаемъ состязаться съ его діалектикой. Помилуйте, вѣдь вы же сами, не смотря на искусство діалектики г. Юркевича, не соблазнились супранатуралистической точкой зрѣнія, на которой онъ стоитъ; да кромѣ того, вы сами давно опровергли ее и отнеслись къ ней довольно презрительно и остроумно,—помните то мѣсто вашей статьи о «Современномъ состояніи психологіи» въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ говорится: «на пути случилась маленькая непріятность, одни свое ученіе выда-

вали за несомнѣнную истину, другіе совершенно противоположное ученіе, но тоже выдавали за несомнѣнную истину» и т. д. Ну, вотъ видите, вы заставляете насъ серьёзно критиковать и разбирать то, что вы рѣшительно и окончательно поразили однимъ остроумнымъ замѣчаніемъ; вы сочли достаточнымъ для цѣли одно замѣчаніе, и мы считаемъ достаточнымъ то, что мы сказали о старыхъ философахъ.

Дѣйствительно, г. Юркевичъ признаетъ самостоятельность психологіи; и въ этомъ мы съ нимъ согласны; мы не можемъ не согласиться съ нимъ даже и тогда, когда онъ утверждаетъ еще, что въ основаніи психическихъ явленій, составляющихъ предметъ психологіи, лежитъ особая сущность, или субстанція, совершенно и существенно отличная отъ организма, сущность, которая есть въ одномъ только человѣкѣ и составляетъ его исключительную принадлежность и особенное высокое преимущество, дарованное ему Творцемъ. Есть въ организмѣ особый дѣятель, отличный отъ организма и обнаруживающійся въ психическихъ явленіяхъ, — такой дѣятель, котораго и малѣйшихъ слѣдовъ нѣтъ въ другихъ организмахъ, кромѣ человѣческаго.

«Въ божественномъ Откровеніи (говоритъ г. Юркевичъ) указаны основанія, по которымъ легко можно образовать правильную идею о жизни и душѣ животныхъ, поколику они отличаются отъ духовной жизни человѣка. Богъ сотворилъ животныхъ *по роду ихъ*, сотворилъ не независимо отъ природы вещественной, но повелѣлъ водѣ и землѣ произвести живыя души ихъ (Быт. I, стр. 20 и 24). Такъ какъ души животныхъ произошли, по повелѣнію Божію, изъ матеріальной природы: то и ихъ назначеніе не есть нравственное; онѣ ограничиваются преслѣдованіемъ матеріальныхъ интересовъ и достиженіемъ матеріальныхъ цѣлей. Чувственныя потребности и нужды являются для животной души, какъ нѣчто безусловное, какъ инстинкты непреодолимые. Въ человѣкѣ же, — утверждаетъ докторъ Гуфеландъ, — нѣтъ непреодолимыхъ инстинктовъ. Изъ Откровенія мы видимъ, что человѣкъ созданъ не какъ экземпляръ рода или породы, но, какъ *человѣкъ*, созданъ не изъ средствъ, которыя были уже въ матеріальной природѣ, но непосредственнымъ могуществомъ Божіимъ и по образу Бога» (ст. 27).

«Когда греческій философъ Платонъ», говоритъ г. Юркевичъ, «училъ, что тѣло человѣка создано изъ вѣчной матеріи, которая не имѣетъ ничего общаго съ духомъ; то онъ такимъ образомъ допускалъ дуализмъ метафизическій какъ въ составѣ міра вообще, такъ и въ составѣ человѣка. Христіанское міросозерцаніе отстранило этотъ метафизическій дуализмъ: матерію признаетъ оно произведеніемъ духа; слѣдовательно она должна носить на себѣ слѣды духовнаго начала, отъ котораго произошла она. Въ явленіяхъ матеріальныхъ вы видите форму, законообразность, присутствіе цѣли и идеи. — Если говорятъ, что движеніе нервовъ превращается въ ощущеніе, то здѣсь всегда обходятъ того дѣятеля,

ощущающаго субъекта, который обладаетъ этою чудною превращающею силой или который имѣетъ способность и свойство рождать въ себѣ ощущеніе по поводу движенія нерва. — Явленіе потому и есть явленіе, что оно есть продуктъ сложный; именно, его факторы даны съ одной стороны въ предметѣ наблюдаемомъ, а съ другой въ формахъ воззрѣнія и представленія наблюдающаго духа. Потому крайне странно выводить качества этого духа изъ внѣшнихъ явленій, которыя сами, поскольку они суть явленія, обусловлены этими качествами. — Сколько бы мы ни толковали о единствѣ человѣческаго организма, всегда мы будемъ познавать человѣческое существо двояко: внѣшними чувствами — тѣло и его органы, и внутреннимъ чувствомъ — душевныя явленія. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть физіологическое познаніе о человѣческомъ тѣлѣ, а во второмъ психологическое познаніе о человѣческомъ духѣ.»

Со всѣми этими положеніями нельзя не согласиться, они очень обязательны для ума, для насъ и для всѣхъ. Посмотримъ, что говоритъ Льюисъ.

«Жизненные процессы, говоритъ онъ, зависятъ отъ химическихъ; но сами они не химическіе и не могутъ быть объяснены химіей. Въ жизненныхъ явленіяхъ есть нѣчто особенное, что необходимо выходитъ за черту химическихъ изслѣдованій. — Никогда никакой анализъ нерва не прольетъ свѣта на чувствительность; никакое сочетаніе химическихъ формулъ не объяснитъ формы и свойства клѣточки. — Химическій анализъ можетъ вести насъ до порога жизни; но на самомъ ея порогѣ прекращается его руководство. Здѣсь прибавляется новый рядъ осложненій, здѣсь является новый рядъ законовъ, требующихъ объясненія. Химія признается, что не можетъ составить сложныхъ органическихъ веществъ, не можетъ даже сказать, *какъ* они составлены; въ настоящее время она можетъ только сказать *изъ чего* они составлены. А если это такъ, то очевидно, что всякая попытка химически объяснить питательное достоинство какого-нибудь пищеваго вещества исчисленіемъ его составныхъ началъ, должна быть отнесена къ тому, что Берцеліусъ прекрасно называетъ «физіологіей вѣроятностей». — Есть одно основное правило, нарушеніе котораго никогда не можетъ остаться безнаказаннымъ и которое, не смотря на это, постоянно нарушается при нашихъ попыткахъ добиться истины. Это правило состоитъ въ слѣдующемъ: *не должно никогда пытаться рѣшать вопросы одной науки помощію ряда понятій исключительно свойственныхъ другой.* — Есть рядъ понятій свойственный только физикѣ, другой — принадлежащій химіи, третій — физіологіи, четвертый, — психологіи, пятый свойственъ соціальнымъ наукамъ. Хотя всѣ эти науки тѣсно связаны между собою, однакоже каждая имѣетъ свою независимую сферу и эта независимость должна быть уважаема. Такъ, химія предполагаетъ физику, а физіологія химію; но одни только физическіе законы не могутъ объяснить химическихъ явленій; одни химическіе законы не могутъ

объяснить явленій жизненныхъ; такъ же точно и наоборотъ, химія не можетъ рѣшить физическихъ вопросовъ и физіологія — химическихъ. При совершеніи всякаго жизненнаго явленія играютъ роль физическіе и химическіе законы и знаніе ихъ необходимо; но кромѣ этихъ законовъ, и выше ихъ, стоятъ особенные законы жизни, которые не могутъ быть выведены ни изъ физики, ни изъ химіи. (Сказанное никакъ неслѣдуетъ толковать въ смыслѣ вѣры въ такъ называемую «жизненную силу». Этотъ вопросъ будетъ вполнѣ обсужденъ въ послѣдней главѣ.) «Какое-бы вліяніе ни оказали будущіе успѣхи химіи на упрощеніе физіологическихъ задачъ (никто и не сомнѣвается въ томъ, что они много помогутъ намъ), все таки между этими двумя науками останется коренное различіе, которое никогда не допуститъ ихъ слиянія. Различіе это состоитъ въ слѣдующемъ: химическіе законы *количественны*, потому что химическія дѣйствія *опредѣленныя* соединенія; тогда какъ физіологическіе законы не могутъ никогда сдѣлаться количественными, всегда останутся только *качественными*, потому что живое вещество *неопредѣленно* въ своемъ составѣ. — Если читатель согласится съ тѣмъ, что сказано, то для него должно быть ясно, что всѣ трудолюбивыя усилія послѣднихъ лѣтъ, относящіяся къ важному вопросу о пищѣ, остались безплодны, или около того, потому что это собственно были химическія разсужденія о физіологіи» (Т. I, стр. 49, 50 и 51).

На этотъ отрывокъ противники «Современника» указывали съ торжествомъ; вотъ, молъ, что говоритъ физіологъ Льюисъ, англичанинъ, не учившійся въ семинаріи и знающій кое-что о современномъ положеніи химіи. Не знаемъ, какъ вы, читатели, а мы не находимъ тутъ никакого подтвержденія воззрѣніямъ г. Юркевича. Дѣйствительно о самостоятельности психологіи сказано; но изъ всѣхъ разсужденій о самостоятельности разныхъ наукъ у Льюиса въ результатѣ выходитъ не внутреннее чувство, не чудный дѣятель, а просто только то заключеніе, что достоинство пищи нельзя опредѣлять химически. Противники «Современника», выписывая этотъ отрывокъ, должно быть нарочно пропустили это заключеніе, чтобы скрыть отъ читателя смыслъ разсужденій Льюиса. Чтобы сдѣлать имъ удовольствіе и дать имъ въ руки еще сильнѣйшее оружіе противъ насъ, мы приведемъ другіе отрывки, которые яснѣе говорятъ въ пользу г. Юркевича.

«Психологія — говоритъ Льюисъ — наука о душѣ; физіологія — наука о жизни. Всѣ признающіе психологію наукою, признаютъ также, что задача ея состоитъ въ разъясненіи законовъ мышленія, сущности души и ея свойствъ. Эта наука можетъ, — я (Льюисъ) слѣдую мнѣнію тѣхъ, которые думаютъ, что она *должна* — искать средствъ изслѣдованія въ физіологическихъ законахъ; такъ же точно какъ и наша физіологія ищетъ помощи у химіи; но результаты, добытые ею, какъ независимою вѣтвью знанія, не могутъ быть подведены подъ основныя пре-

вила физіологіи; о годности или негодности ихъ нельзя заключать по тому, подходятъ ли они подъ физіологическіе законы, или противорѣчатъ имъ» (Т II. стр. 2).—«Еслибъ кто нибудь, говоритъ Льюисъ въ другомъ мѣстѣ, сталъ опровергать это заключеніе (что всѣ психическія дѣйствія непроизвольны) на томъ основаніи, что душа одушевляетъ все тѣло и что отъ нея зависятъ всѣ движенія тѣла, а не нѣкоторыя только; если бы намъ сказали, что принять такое положеніе значитъ возвратиться къ ученію Сталя, нашъ отвѣтъ состоялъ бы въ слѣдующемъ: мы должны слѣдовать логикѣ, куда она ни поведетъ насъ. Тотъ, кто не расположенъ повѣрить, что всѣ явленія, совершающіяся въ его чувствительномъ организмѣ, имѣютъ одинъ общій источникъ, одну сущность, одно общее имя—духъ,—имѣетъ полную свободу попытаться составить себѣ какое нибудь другое убѣжденіе» (Т. II., стр 190).

Вы видите, что Льюисъ считаетъ психологію самостоятельной наукой, отличной отъ физіологіи; но онъ смотритъ на отношеніе этихъ наукъ иначе, нежели г. Юркевичъ. Между физіологіей и психологіей, по мнѣнію Льюиса, должно быть такое же отношеніе, какое находится между химіей и физіологіей; безъ химіи невозможна физіологія,—не зная химіи, нельзя понять и разъяснить многихъ органическихъ процессовъ. Такая же тѣсная связь должна быть между физіологіей и психологіей, которая обязана искать средствъ изслѣдованія въ физіологическихъ законахъ и обращаться за помощію къ физіологіи. Понятія Льюиса объ отношеніи между физіологіей и психологіей можно лучше разъяснить себѣ представленіемъ того отношенія, какое существуетъ напримѣръ между акустикой, ученіемъ о звукѣ, и между музыкой, ученіемъ о мелодіи и гармоніи. Акустика изучаетъ отдѣльные звуки и тоны, такъ сказать, элементы музыки, а сама музыка изучаетъ разнообразныя сочетанія ихъ, указываетъ и разъясняетъ порядокъ, въ которомъ должны слѣдовать и тѣ законы, по которымъ должны соединяться отдѣльные звуки, чтобъ изъ нихъ образовалась пріятная для слуха мелодія и гармонія. Такъ точно физіологія изучаетъ первичные психическіе акты, такъ сказать основные элементы, а сочетаніе ихъ, напримѣръ ассоціація представленій, дѣйствіе отвлеченія и умозаключенія и другіе законы мышленія принадлежатъ уже психологіи. Признавая различіе между физіологическими и психическими явленіями, Льюисъ не говоритъ, подобно г. Юркевичу, что тѣло человѣка состоитъ изъ органическихъ веществъ, подчиненныхъ какимъ-то высшимъ силамъ, что въ основаніи психическихъ явленій лежитъ особая сила, какой-то самостоятельный дѣятель и субъектъ, отличный отъ организма и обладающій чудною способностью творить ощущенія изъ представленій. Въ организмѣ мы наблюдаемъ много явленій, но *всѣ* они, и ростъ, и пищевареніе, и дыханіе имѣютъ одинъ

источникъ, одну сущность, по ученію Льюиса; какимъ бы именемъ мы ни назвали эту сущность, а главное все-таки состоитъ въ томъ, что она есть источникъ *всѣхъ* явленій и физіологическихъ и психическихъ, которыя представляютъ такимъ образомъ существенное сходство. Онъ видитъ между ними такую же точно разницу, хоть и замѣтную, но несущественную, какая существуетъ, напримѣръ, между явленіями химическими и физіологическими. Физіологическія явленія представляютъ особую группу, отличающуюся извѣстными качествами и законами, отличными отъ химическихъ. Чѣмъ же они разнятся между собою; есть ли въ основаніи физіологическихъ жизненныхъ явленій какая нибудь особая сила, особый дѣятель, котораго нѣтъ въ химическихъ? На этотъ вопросъ, какъ мы видѣли, Льюисъ отвѣчаетъ чисто отрицательно: нѣтъ тутъ никакихъ новыхъ силъ и дѣятелей, отличныхъ отъ химическихъ дѣятелей,—просто только прибавляется новый рядъ осложненій, новый рядъ законовъ. Анализъ нерва не прольетъ свѣта на чувствительность; но такъ же точно анализъ не прольетъ свѣта и на жизнь клѣточки. Какъ въ послѣднемъ случаѣ мы не имѣемъ никакого основанія предполагать дѣйствія особыхъ новыхъ силъ и дѣятелей, такъ точно мы не имѣемъ на это никакого права и въ первомъ. Въ человѣкѣ, кромѣ явленій органическихъ, или, какъ говорится, кромѣ животной жизни, мы замѣчаемъ еще особыя психическія явленія, отличныя отъ первыхъ; что же, есть ли въ послѣднихъ явленіяхъ какая нибудь особенная сила и самостоятельный дѣятель, составляющій начало другой высшей жизни, отличной отъ животной, такъ что въ человѣкѣ, стало быть, должно принять двѣ жизни, съ двумя началами совершенно и существенно различными? Читатели угадываютъ, конечно, какой отвѣтъ на эти вопросы дастъ Льюисъ. Дѣйствительно, онъ признаетъ разницу между этими двумя группами явленій, но въ основаніи ихъ видитъ одно общее начало жизни, такъ что для него они сливаются совершенно въ этомъ началѣ до невозможности точнаго разграниченія между ними, и различить ихъ такъ же трудно, какъ явленія растительной и животной жизни въ низшихъ и первыхъ ея обнаруженіяхъ. Психическія явленія, по выраженію Льюиса, «такъ же таинственны, какъ и физіологическія»; они имѣютъ многія особенности и очень разнятся между собою, но эта разность происходитъ не отъ новыхъ началъ и дѣятелей, а просто только отъ особенности и сложности тѣхъ же жизненныхъ условій. Для Льюиса душа есть синонимъ жизни; въ этомъ вся сущность и разгадка его воззрѣній. «Жизнь», говоритъ онъ, «есть динамическое состояніе организма; жизнь есть продуктъ организаціи, а не организація—продуктъ жизни» (стр. 348), какъ увѣряетъ г. Юркевичъ; какъ ни различны группы жизненныхъ явленій, но всѣ они составляютъ

продуктъ организаціи,—вотъ въ чемъ вся суть, а тамъ называйте себѣ явленія какими угодно именами, хоть тѣми даже, которыя употребляетъ г. Юркевичъ. Если организму недостаетъ хоть одного изъ жизненныхъ условій, то жизнь его прекращается, въ немъ уничтожаются всѣ группы явленій и высшія, и низшія, такъ какъ нѣтъ болѣе того ряда осложненій, который производитъ эти явленія.

«Мнѣ кажется», говоритъ Льюисъ, «что древніе были въ этомъ отношеніи ближе къ истинѣ. Они смотрѣли на духъ, какъ на одну изъ формъ жизни. Ихъ animus, духъ, былъ только одною изъ формъ души, или жизни — anima. Греческіе писатели употребляли слово душа (ψυχη) для выраженія понятія о жизненномъ началѣ. Это употребленіе сохранилось по преданію; но физіологи и психологи удалились отъ него. Они не только отдѣляли понятіе о душѣ отъ понятія о жизни, но еще и дали душѣ особенное мѣстопребываніе — головной мозгъ.» — «Прежніе физіологи принимали существованіе двухъ очень различныхъ вещей,— мертвой матеріи, и живой сущности. Жизнь, говорили они, есть сущность, есть начало, существенно отличное отъ матеріи, живущее въ тѣлѣ, составленномъ изъ мертвой матеріи, какъ люди живутъ въ неоживленныхъ домахъ. Если это начало оставляетъ тѣло, то происходитъ смерть. Если оно остается въ тѣлѣ, но совершенно безъ дѣйствія, какъ во время обморока, то, значитъ, его дѣятельность пріостановлена. Жизненное начало оживляетъ, направляетъ, образуетъ тѣло, защищаетъ его отъ дѣйствія химическихъ процесовъ, и оставляя его, предаетъ его этому разрушительному дѣйствію, которое обнаруживается разложеніемъ» (не думайте, что здѣсь идетъ дѣло о жизненной силѣ; говорится объ особомъ дѣятелѣ). «Такова, выраженная вкратцѣ, гипотеза о жизненномъ началѣ, господствовавшая въ продолженіе многихъ столѣтій, а теперь отвергнутая всѣми, за исключеніемъ немногихъ метафизиковъ и метафизіологовъ. Она лишилась *всякаго* авторитета, съ тѣхъ поръ какъ открыли, что она не только *противорѣчитъ всѣмъ свидѣтельствамъ науки*, но къ тому-же есть не что иное, какъ замѣнъ идеи словами, и имѣя притязаніе объяснять явленія, только выражаетъ ихъ самыми словами, чѣмъ нисколько не разрѣшается вопросъ. То же замѣчаніе можно приложить, *хотя и въ меньшей мѣрѣ*, къ новѣйшему ученію о жизненной силѣ, или о жизненныхъ силахъ» (Т. II, стр. 4 и 344).

Между явленіями, совершающимися въ организмахъ, существуетъ одно, называемое ощущеніемъ; что оно такое? По Льюису это одинъ изъ продуктовъ организаціи, динамическое состояніе, функція или отправленіе извѣстной части организма. Г. Чернышевскій и относилъ ощущеніе къ предметамъ физіологіи; за это г. Юркевичъ назвалъ его сумасшедшимъ и говорилъ съ ироническимъ краснорѣчіемъ: «нашъ сочинитель относитъ ощущеніе къ предметамъ физіологіи наравнѣ съ

системою кишекъ, мускуловъ, нервовъ и такъ далѣе. Слово дуализмъ, какъ кажется, напугало его». А между тѣмъ Льюисъ, послѣдователь г. Юркевича, относитъ ощущеніе къ предметамъ физіологіи и въ своей книгѣ дѣйствительно разсматриваетъ не только ощущенія, но и другіе психическіе акты, болѣе сложные; такъ что весь второй томъ его сочиненія есть не что иное, какъ физіологическая психологія. Самую задачу своего сочиненія онъ опредѣляетъ такимъ образомъ:

«Чувствованіе и мышленіе представляютъ интересъ слишкомъ глубокій; они связаны слишкомъ тѣсно со всѣми жизненными явленіями, чтобы не занять виднаго мѣста въ «физіологіи обыденной жизни» (Т. II., стр. 2). — «На этихъ страницахъ сдѣлана была попытка показать, что душа есть психическая сторона жизни, что она точно также есть *сумма всего* чувствующаго организма, какъ жизнь есть сумма всего жизненнаго организма; что хотя и можно указать различные органы для исполненія различныхъ отправленій, какъ духовныхъ такъ и жизненныхъ, но нельзя сказать, что есть исключительный органъ души, точно такъ же, какъ нельзя сказать, что есть исключительный органъ жизни» (стр. 201).

Г. Юркевичъ не можетъ понять, какъ физіологія осмѣливается проникать въ психическую сторону жизни. «Кажется ясно, говоритъ онъ, что мысль не имѣетъ ни пространственнаго движенія, не имѣетъ фигуры, цвѣта, звука, не имѣетъ тяжести; итакъ физіологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ» (Льюисъ сказалъ бы, что тѣже качества имѣетъ и жизнь, однако физіологъ не отказывается отъ ея изученія). «Только внутренно, только въ непосредственномъ самовоззрѣніи онъ знаетъ себя. Физіологъ будетъ наблюдать самыя сложныя движенія нервовъ: но все же эти движенія, пока они существуютъ для внѣшняго опыта, не превратятся въ ощущеніе, представленіе и мысль.»

«Однако попытаемся», говоритъ Льюисъ какъ бы въ отвѣтъ г. Юркевичу, «узнать, каковъ ходъ нервныхъ явленій. — Знанія объ этомъ предметѣ мы можемъ почерпать изъ трехъ главныхъ источниковъ, которые однакоже всѣ очень неполны; эти источники суть: опытъ, патологія, въ особенности-же сравнительная анатомія. Декламаторы, незнающіе сами того, о чемъ они говорятъ, не разъ каралi своимъ ироническимъ краснорѣчіемъ попытки анатомовъ узнать что-нибудь касающееся умственныхъ отправленій. «Какъ»! гласили они, «вы, съ своимъ скальпелемъ, годнымъ только на изслѣдованіе труповъ, надѣетесь проникнуть тайны мыслей! Когда вы разобрали часы по частямъ, надѣетесь ли вы, чтобы ихъ механизмъ обнаружилъ свое дѣйствіе? Или вы думаете, что душа менѣе таинственна, чѣмъ часы»? Подобнаго рода слабыя безсмыслицы слушали многихъ (наша иронія,

сэръ, она и у насъ смутила много ученыхъ головъ), «потому что имъ не были извѣстны истинные пріемы науки. Чтобы мы когда-нибудь проникли тайну души, очень невѣроятно; точно такъ-же невѣроятно, чтобы мы когда-нибудь проникли тайну жизни; но несомнѣнно то, что научный методъ позволилъ намъ открыть нѣкоторыя изъ тайнъ жизни, и опредѣлить роль, которую играетъ каждый отдѣльный органъ; и это несмотря на то, что «скальпель годенъ только на изслѣдованіе труповъ». Я бы спросилъ этихъ ораторовъ, какъ думаютъ они: лучше поймемъ мы дѣйствіе часовъ, разобравъ ихъ механизмъ по частямъ, и изучивъ каждую часть, и ея отношенія къ цѣлому; или создавъ себѣ какое-нибудь теоретическое воззрѣніе, и построивъ систему на выводахъ изъ этого воззрѣнія?» (Т. II, стр. 73).

Чѣмъ ближе мы знакомимся съ Льюисомъ, тѣмъ сомнительнѣе представляется намъ его согласіе съ г. Юркевичемъ; и чѣмъ дальше мы идемъ за Льюисомъ, тѣмъ сильнѣе становится это сомнѣніе. Въ «Современникѣ» было сказано: «въ разнообразіи явленій естественныя науки открываютъ связь... Вода при разныхъ обстоятельствахъ бываетъ льдомъ, жидкостью и паромъ; въ этихъ состояніяхъ одно качество принимаетъ форму трехъ качествъ, развѣтвляется на три качества просто по различію количества, въ какомъ обнаруживается: количественное различіе переходитъ въ качественное различіе.» Г. Юркевичъ назвалъ это пагубной миѳологіей, нелѣпостью, не имѣющею разумнаго смысла, потому что оно противорѣчитъ правилу: ex nihilo nihil fit. Дѣйствительно нелѣпость, подхватили противники «Современника», г. Юркевичъ говоритъ правду, вонъ и Льюисъ говоритъ то же: онъ утверждаетъ, что химическіе законы количественны, а физіологическіе качественны.—Удивительная послѣдовательность и строгость въ заключеніи: химическіе законы количественны, а физіологическіе качественны; слѣдовательно количественное различіе не можетъ никогда перейти въ качественное. И они вообразили, что оказали услугу своему кліенту; а онъ самъ между тѣмъ рѣшилъ дѣло тѣмъ, что превратилъ количество въ качество только посредствомъ фокуса. «Все дѣло въ томъ, говоритъ онъ, что вы при истолкованіи явленій забываете зрителя, забываете этотъ духъ, который принимаетъ явленіе въ формы, ему одному свойственныя. *Природа* не обладаетъ волшебною силой, чтобы превращать количества въ качества. Нужно ощущающее *существо*, въ которомъ собственно совершается это превращеніе количественныхъ движеній въ качественныя.» Ну конечно, природа не можетъ превращать количества въ качество, и это превращеніе дѣлается въ существѣ, а не въ природѣ; это, какъ видите, уже не миѳологія, а здравый смыслъ, потому что здѣсь превращеніе совершается не ex nihilo, а по дѣйствію существа.

А Льюисъ разсуждаетъ объ этихъ вещахъ иначе. «Химики, говоритъ онъ, разлагая органическія вещества, при всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ ни разу не наткнулись на что либо, что можно было бы назвать исключительно органическимъ, — то есть на что нибудь составленное изъ элементовъ, не встрѣчающихся въ тѣлахъ неорганическихъ. Никто никогда не находилъ, чтобы элементы органическихъ тѣлъ, по разъединеніи, разнились отъ элементовъ тѣлъ органическихъ: изъ этого было выведено неизбѣжное заключеніе, что такъ какъ тѣла органическія отличаются отъ неорганическихъ не своими составными элементами, но только расположеніемъ и сочетаніемъ этихъ элементовъ, то явленія, исключительно свойственныя тѣламъ органическимъ, должны зависѣть отъ этихъ особенностей въ расположеніи (Т. II, стр. 345)». Что за миѳологія такая; одни и тѣ же качества, одни и тѣ же элементы обнаруживаютъ такія рѣзко различныя явленія, какъ неорганическія и животныя; изъ однихъ качествъ выходятъ два порядка качествъ, непохожихъ другъ на друга. Отчего же произошла такая разность при тожествѣ элементовъ? А просто отъ расположенія и сочетанія; элементы соединились при другихъ условіяхъ, вступили въ новый рядъ осложненій; отъ количественной разницы въ сочетаніяхъ явилась качественная разница въ отправленіяхъ и дѣйствіяхъ, и явилась сама собою, безъ особой силы, по глупости природы, ex nihilo. Тоже самое можно приложить и къ двумъ различнымъ группамъ явленій, обнаруживающимся въ одномъ качествѣ, въ одномъ организмѣ. Жизнь, какъ выражается Льюисъ, пропорціональна организаціи; чѣмъ сложнѣе послѣдняя, тѣмъ выше и разнообразнѣе первая; одна живая клѣточка обнаруживаетъ извѣстныя явленія; двѣ, три, десять, сто ихъ, или еще въ большемъ количествѣ—обнаруживаютъ уже другія явленія, другія качества; если изъ клѣточекъ составился цѣлый организмъ со многими разнообразными органами, то онъ произведетъ еще болѣе удивительныя и сложныя явленія, ту высшую жизнь, какую мы видимъ въ человѣкѣ.

— «Жизнь», говоритъ Льюисъ, «пропорціональна организаціи. Жизнь отдѣльной клѣточки есть итогъ всей дѣятельности этой клѣточки и проста настолько, насколько проста ея организація. Жизнь высоко организованнаго животнаго есть *итогъ дѣятельности всѣхъ жизненныхъ силъ*, и сложна постольку, поскольку сложенъ организмъ. Возьмите простую клѣточку, обнаруживающую полную жизненную дѣятельность, разложите ее въ пластъ, и хотя весь матеріалъ, изъ котораго она состояла, остается неизмѣненнымъ, свойства, принадлежавшія ей, какъ клѣточкѣ, — ея жизнь — не можетъ болѣе обнаруживаться. — Говорятъ, что жизнь есть нераздѣльная, всѣмъ управляющая единица. «Тѣло есть единица; всѣ его части подчинены одна другой; всѣ

связаны высшимъ единствомъ; наше сознаніе убѣждаетъ насъ въ томъ, что жизнь едина и нераздѣльна.» Въ этомъ разсужденіи указано на важный фактъ; но онъ представленъ въ ложномъ свѣтѣ. Мы можемъ разрѣзать полипа или червя на нѣсколько частей, и каждая часть будетъ продолжать жить и рости; но мы не можемъ себѣ представить, чтобы мы въ этомъ случаѣ разрѣзали жизненное начало на нѣсколько началъ. Существуетъ жизнь цѣлаго, и жизнь частей; каждая микроскопическая клѣточка существуетъ самостоятельно, имѣетъ свою жизнь, свое зарожденіе, свою смерть; и *итогъ такихъ жизней* составляетъ то, что мы называемъ жизнью животнаго: единство заключается въ содѣйствіи силъ, не въ силѣ управляющей. Я остановился такъ долго на этомъ вопросѣ потому, что хотя гипотеза о жизненномъ началѣ имѣетъ мало приверженцевъ, однакоже метафизическое направленіе, выражающееся въ этой гипотезѣ, къ несчастію еще слишкомъ распространено между физіологами» (Т. II, стр. 349).

Вы съ ума сошли, мистеръ Льюисъ, должны сказать послѣ этого противники «Современника», вы стараетесь связать жизнь съ явленіями неорганическаго міра, превращаете ex nihilo количество въ качество, разсматриваете только чувствующій организмъ и забываете зрителя и дѣятеля, котораго указываетъ вамъ вашъ учитель, г. Юркевичъ, и мы, его усердные слуги.

Читатели вѣроятно уже начинаютъ убѣждаться въ томъ, что между Льюисомъ и г. Юркевичемъ лежитъ непроходимая бездна, что бы тамъ ни толковали противники «Современника»; но мы надѣемся, что у нихъ не останется ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ, когда они еще ближе ознакомятся со взглядами Льюиса на нервныя явленія. — Изслѣдованія его проливаютъ совершенно новый свѣтъ на всю нервную систему и на ея отправленія; онъ побѣдоносно опровергаетъ многіе господствовавшіе предразсудки относительно этого предмета; добытые имъ результаты и выясненные взгляды составляютъ богатый матеріалъ для мысли и капитальное пріобрѣтеніе для физіологіи, не говоря уже о томъ, что онъ окончательно разрушилъ цѣлесообразные взгляды Либиха и другихъ на питаніе и дыханіе. Прежде физіологи какъ-то мало обращали вниманія на нервную систему низшихъ животныхъ и на ея отправленія; она играла у нихъ самую жалкую роль; вниманіе ихъ было обращено почти исключительно на нервную систему высшихъ животныхъ и человѣка, которая представлялась имъ чѣмъ-то особеннымъ, какою-то исключительною принадлежностью высшихъ животныхъ классовъ. Они не пытались провести аналогію между нервными отправленіями всѣхъ живыхъ существъ и показать то отношеніе, то сходство и различіе, какія существуютъ между этими отправленіями у разныхъ животныхъ; они не представляли въ одной картинѣ, въ одной неразрывной цѣпи, нервныхъ процессовъ у

всѣхъ животныхъ. Однимъ словомъ, у нихъ не было того, что можно было бы назвать сравнительной нервологіей, сравнительнымъ ученіемъ о нервной системѣ, подобно тому, какъ была, напримѣръ, сравнительная анатомія, которая брала какой нибудь органъ, или цѣлую систему ихъ и слѣдила за ними постепенно, отъ самыхъ простѣйшихъ зачатковъ въ низшихъ организмахъ до полнаго развитія въ самомъ совершеннѣйшемъ организмѣ. Льюисъ рѣшился сдѣлать это и относительно нервной системы, — задача великая и блестящая, достойная современной физіологіи и выполненная имъ въ общихъ чертахъ блестящимъ образомъ. Онъ разсматриваетъ нервныя отправленія у всѣхъ животныхъ, представляетъ ихъ какъ одно цѣлое, которое различнымъ образомъ проявляется у разныхъ существъ, какъ одно общее качество, которое принадлежитъ всѣмъ животнымъ, обладающимъ нервною системой, и обнаруживается въ извѣстной мѣрѣ и степени, смотря по развитію ихъ организаціи. Онъ беретъ какое нибудь отправленіе нервной системы и слѣдитъ за нимъ по всѣмъ классамъ животныхъ, какъ оно самою простою формою начинается въ низшихъ классахъ, какъ потомъ развивается и совершенствуется въ высшихъ и какъ наконецъ достигаетъ полнаго развитія и сложности въ самомъ высшемъ организмѣ, человѣкѣ. Картина выходитъ величественная; вы видите, что всѣ живыя существа даже и относительно нервныхъ процессовъ, а не только что относительно ихъ организаціи, составляютъ неразрывную цѣпь, одно живое цѣлое съ постепенными ступенями развитія, съ общимъ свойствомъ, которое идетъ въ непрерывной прогрессіи отъ низшаго къ высшему. При этомъ незамѣтно исчезаетъ та рѣзкая на первый взглядъ разница въ нервныхъ отправленіяхъ у низшихъ и высшихъ организмовъ, которая съ перваго раза такъ пугаетъ насъ, и которая смущаетъ доселѣ многихъ физіологовъ, психологовъ и метафизиковъ и заставляетъ ихъ разрывать цѣпь живыхъ существъ въ самомъ ея концѣ.

Почти всѣ физіологи были согласны съ тѣмъ, что нервная система служитъ въ организмахъ высшимъ психическимъ отправленіямъ; они разсматривали различныя части ея и каждой части приписывали особое отправленіе, особый видъ психической дѣятельности, который, по ихъ понятіямъ, былъ такимъ образомъ принадлежностью этой части; но все это, повторяемъ, ограничивалось высшими организмами. Въ низшихъ организмахъ они видѣли нервную систему, но на отправленія ея почти не обращали вниманія, или опредѣляли ихъ чрезвычайно неясно и неточно, безъ аналогіи съ высшими организмами, ограничивались фразами, въ родѣ «инстинкта», «требованія природы», «естественнаго побужденія» и т. д. Въ высшихъ животныхъ извѣстнымъ частямъ нервной системы физіологи приписыва-

ли извѣстныя отправленія; положимъ ощущеніе, или сознательность; но если они встрѣчали подобную или аналогическую часть въ нервной системѣ низшихъ животныхъ, они ни за что не рѣшались приписать ей подобныхъ отправленій; напротивъ, еще утверждали, что эти животныя лишены ощущенія и сознательности. Это было также послѣдовательно, какъ если бы кто нибудь, сказавши, что у извѣстнаго животнаго есть пищеварительные органы такіе, какъ человѣческіе, или хоть подобные имъ, сталъ бы потомъ утверждать, что у этихъ животныхъ нѣтъ пищеваренія такого, какъ у человѣка, и даже вовсе нѣтъ никакого пищеваренія, даже аналогическаго съ человѣческимъ. За тѣмъ физіологи нѣкоторымъ частямъ нервной системы приписывали слишкомъ специальное значеніе, говорили, что извѣстныя отправленія принадлежатъ единственно и исключительно только этимъ частямъ; головной мозгъ, напримѣръ, они считали единственнымъ органомъ ощущенія, сознательности, источникомъ цѣлесообразной дѣятельности животнаго. Поэтому тѣхъ животныхъ, у которыхъ нѣтъ головнаго мозга, они считали пропащими, безмозглыми, неспособными къ ощущенію и цѣлесообразной дѣятельности; они не хотѣли придавать никакого значенія тому факту, что у этихъ животныхъ если и нѣтъ головнаго мозга, то вообще есть мозгъ, похожій на головной, имѣющій съ нимъ большую аналогію въ свойствахъ и строеніи. Далѣе, и головной мозгъ, даже человѣческій, физіологи считали не всегда способнымъ къ произведенію ощущеній; внѣшнее впечатлѣніе, говорили они, достигнувъ головнаго мозга, только тогда становится ощущеніемъ, когда оно сознано, когда на него обращено вниманіе, когда *мы* хотимъ воспринять его; принятіе впечатлѣній зависитъ отъ нашей воли, мы можемъ углубиться въ себя, заняться размышленіемъ о какомъ нибудь предметѣ и тогда впечатлѣнія не дѣйствуютъ на насъ; они только внѣшнимъ механическимъ образомъ прикасаются къ нашимъ органамъ, какъ, напримѣръ, горохъ къ стѣнѣ; тогда звуки и цвѣта, напримѣръ, дѣйствуютъ на насъ точно такъ же, какъ на какой нибудь бездушный камень или доску, т. е. просто только касаются нашихъ органовъ и нашего мозга, не производя въ нихъ никакихъ реакцій и перемѣнъ, никакихъ ощущеній. Этой ошибкой удачно пользовались психологи, какъ самымъ сильнымъ орудіемъ противъ физіологовъ; вотъ, говорили психологи, несомнѣнное доказательство, что для образованія ощущенія, кромѣ всѣхъ нашихъ нервовъ, нуженъ еще особый агентъ, который бы захотѣлъ принять и почувствовать впечатлѣніе, и сдѣлать изъ него сознательное ощущеніе.—Въ связи съ ученіемъ физіологовъ о головномъ мозгѣ находится ихъ понятіе объ отправленіяхъ спиннаго мозга, которому они не приписывали самостоятельнаго значенія и увѣряли, что онъ неспособенъ

къ ощущеніямъ, что онъ производитъ движенія, но чисто механически, непроизвольно и безсознательно, какъ обыкновенно говорятъ — рефлективно.

Льюисъ высказываетъ совершенно противоположный взглядъ на нервную систему и ея отправленія. Мы напередъ перечислимъ здѣсь кратко основныя понятія Льюиса, составляющія сущность его ученія о нервныхъ процессахъ; просимъ читателей обратить на нихъ особенное вниманіе, такъ какъ они противорѣчатъ общепринятымъ мнѣніямъ физіологовъ и отвергаютъ положенія, сдѣлавшіяся почти физіологическими догматами; а кромѣ того, могутъ еще служить для читателей путеводною нитью во множествѣ новыхъ взглядовъ, высказываемыхъ Льюисомъ.—Во-первыхъ, онъ утверждаетъ, что всякое животное, хоть бы даже самаго низшаго разряда, коль скоро у него есть нервная система, способно къ нервнымъ отправленіямъ, которыя представляютъ аналогію и сходство съ такими же отправленіями у высшихъ животныхъ; оно имѣетъ ощущеніе и нѣкотораго рода сознательность; то, что обыкновенно называется «слѣпымъ инстинктомъ», есть дѣятельность, необходимо предполагающая такую же сообразительность, какую, только въ болѣе развитомъ видѣ, мы встрѣчаемъ у высшихъ животныхъ. Далѣе, въ противоположность прежнимъ физіологамъ, онъ доказываетъ, что ощущеніе не есть спеціальность головнаго мозга, что оно можетъ совершаться и другими частями нервной системы, такъ что животныя, имѣющія хоть эти только части, способны къ сообразительности и цѣлесообразной дѣятельности, даже если и нѣтъ у нихъ головнаго мозга, и что они вообще ужъ не до безконечности глупы, по крайней мѣрѣ не такъ глупы, какъ пробка или камень.—Для образованія ощущенія, какъ доказываетъ Льюисъ, вовсе не требуется вниманія; впечатлѣнія дѣйствуютъ на насъ и производятъ ощущенія даже и тогда, когда бы мы этого не желали и были совершенно погружены въ себя; нервная система есть аппаратъ чрезвычайно чувствительный, впечатлѣніе не можетъ только механически прикасаться къ нему, но непремѣнно и всегда производитъ на него извѣстное дѣйствіе, вызываетъ реакцію, которая и есть ощущеніе; такъ что, собственно говоря, какихъ нибудь несознанныхъ и неочувствованныхъ впечатлѣній нѣтъ и не можетъ быть для нервной системы; всякое впечатлѣніе непремѣнно есть уже ощущеніе, — и это относится ко всѣмъ классамъ животныхъ, имѣющихъ нервы. На этомъ основаніи и спинной мозгъ способенъ къ ощущеніямъ, какъ самостоятельный органъ нервной системы; движенія, имъ производимыя, не механическія, а произвольныя настолько же, насколько и движенія, зависящія отъ головнаго мозга; въ нихъ также обнаруживается цѣлесообразность, какъ слѣдствіе ощущенія; теорія рефлексо-

не имѣетъ основанія и рефлективныхъ дѣйствій нѣтъ. — Нѣкоторые возражали Льюису и говорили, что его ученіе о нервныхъ отправленіяхъ ничѣмъ не отличается отъ прежняго общепринятаго, что приписывая ощущеніе нервамъ и всякое впечатлѣніе называя сознательнымъ ощущеніемъ, онъ только измѣняетъ слова, не измѣняя сущности дѣла. На это возраженіе онъ отвѣчаетъ такъ:

«Очевидно, что разница состоитъ не въ однихъ только словахъ, когда одна школа утверждаетъ, что нѣкоторыя *животныя имѣютъ разумъ, а другія только инстинктъ*, а другая школа (онъ самъ) говоритъ, что всѣ животныя обладаютъ умственными способностями, или, что у однихъ животныхъ эти способности несравненно ниже по сложности и энергіи, чѣмъ у другихъ. Очевидно разница не въ однихъ только словахъ, когда естествоиспытатель, имѣющій философское направленіе (какъ онъ), открываетъ *единство лежащее въ основѣ всего разнообразія дѣйствій* различныхъ животныхъ и говоритъ, что всѣми этими дѣйствіями руководятъ ощущенія, которыя всѣ имѣютъ начало въ нервной системѣ; а другіе называютъ дѣйствія нѣкоторыхъ животныхъ разумными, и *тѣ же самыя* дѣйствія другихъ животныхъ—механическими. Точно такого же рода различіе существуетъ между воззрѣніемъ, которое я защищаю, и воззрѣніемъ, которое я опровергаю. Естествоиспытатель признаетъ, что между двумя различными животными есть разница; что обезьяна весьма несходна съ устрицей и что никакъ не слѣдуетъ смѣшивать этихъ двухъ животныхъ; но какъ они ни различны, между ними есть и сходство; онъ классифицируетъ ихъ по тѣмъ различіямъ, которыя они представляютъ; но обоихъ ихъ онъ подводитъ подъ одно общее понятіе, — понятіе животнаго. Какъ бы ни были разнообразны животныя, онъ знаетъ, что подъ этимъ разнообразіемъ скрывается извѣстнаго рода единство; всѣ животныя принадлежатъ къ одному большому отдѣлу: *Animalia* и жизнь всѣхъ ихъ течетъ по однимъ и тѣмъ же біологическимъ законамъ. Именно это я и хочу ввести въ нашу физіологію нервной системы; мнѣ хочется, чтобы было признано, что всѣ нервные центры, *какъ таковые*, имѣютъ общія свойства, общіе законы. Ощущенія, происходящія вслѣдствіе органическихъ процессовъ, весьма не похожи на ощущенія получаемыя черезъ посредство органовъ пяти чувствъ; а боль весьма не похожа и на тѣ, и на другія. Голодъ не похожъ на жажду; жажда не похожа на усталость; ощущеніе свѣта не сходно съ ощущеніемъ звука. Но всѣ они — элементы общаго сознанія, всѣ — дѣятельныя состоянія нервныхъ центровъ.»

Приступаемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію ученія Льюиса о нервной системѣ и обѣщаемъ заранѣе множество выписокъ, въ полной надеждѣ, что читатели, услаждавшіеся чтеніемъ въ различныхъ журналахъ пребольшущихъ выписокъ изъ статьи г. Юркевича, не будутъ по крайней мѣрѣ скучать при чтеніи отрывковъ изъ Льюиса.—

Нервная система состоитъ изъ *нервовъ* и нервныхъ *узловъ*, или *центровъ*. Нервы—это нити, или нервныя волокна, заключающія въ себѣ болѣе или менѣе жидкое вещество; соединяясь между собою, они образуютъ пучки различнаго объема, подобно тому какъ нѣсколько нитокъ составляютъ шнурокъ или веревку; волокна имѣютъ бѣловатый цвѣтъ и ихъ обыкновенно называютъ бѣлымъ веществомъ мозга. Нервные узлы, по своему строенію, отличаются отъ нервовъ; они состоятъ не изъ волоконъ, а изъ клѣточекъ и крупинокъ, переплетенныхъ волокнами; всякій узелъ есть уже нервный центръ, но по большей части нервный центръ состоитъ изъ цѣлой массы сплавившихся нервныхъ узловъ; по цвѣту ихъ называютъ сѣрымъ веществомъ мозга. Главные центры соединены вмѣстѣ и помѣщаются внутри черепа и позвоночнаго столба, тогда какъ нервы расходятся по всему тѣлу и распространяются по всѣмъ точкамъ его поверхности. Льюисъ не опредѣляетъ, какая сила дѣйствуетъ въ нервахъ и центрахъ; онъ не видитъ достаточныхъ основаній признавать ее электричествомъ; если она и электричество, говоритъ онъ, то все-таки имѣетъ особенный характеръ, встрѣчающійся только въ живой нервной системѣ. Всѣ живыя нервныя волокна и нервы имѣютъ одно общее свойство, которое Льюисъ предлагаетъ назвать *нервностью*, вслѣдствіе котораго волокна принимаютъ въ себя дѣйствія внѣшнихъ причинъ, или стимуловъ, реагируютъ имъ и изъ состоянія покоя переходятъ въ состояніе дѣятельности; тогда эта дѣятельность волокна необходимо возбуждаетъ соединенный съ нимъ нервный центръ, свойство котораго есть *чувствительность* и вслѣдствіе возбужденія этой чувствительности является ощущеніе. Кажется, повидимому, что нервность, это одно только слово, ничего не выражаетъ собою, не опредѣляетъ свойства волокна, а на самомъ дѣлѣ оно указываетъ на опредѣленный фактъ. Можно рѣзать, щипать, разрывать, или гальванизировать сѣрое вещество головнаго и спиннаго мозга — самые чувствительные центры,—и животное не будетъ имѣть никакого ощущенія. А между тѣмъ, если рѣзать или щипать нервныя волокна и весь нервъ, соединенный съ этими центрами, то животное ощущаетъ боль. Вотъ видите, только нервъ можетъ возбуждать въ центрѣ ощущеніе; механическія вліянія, прямо дѣйствующія на центръ, не возбуждаютъ его; но тѣ же самыя вліянія могутъ дѣйствовать на нервъ и приводятъ его въ такое состояніе, что онъ можетъ вызвать ощущеніе въ центрѣ, — чѣмъ и характеризуется его свойство, его нервность, которое не есть такимъ образомъ пустое слово. Когда въ центрѣ произошло ощущеніе, тогда оно приводитъ въ дѣятельность и возбуждаетъ нервность другихъ соединенныхъ съ нимъ нервовъ; если эти нервы идутъ къ мышцѣ какой нибудь, они тогда заставляютъ ее сокращаться и производитъ

движеніе, а если идутъ къ железѣ, то она производитъ отдѣленіе свойственное ей. Итакъ всякое нервное волокно, всякій *нервъ* имѣетъ одно свойство—нервность, вслѣдствіе котораго волокно это, будучи раздражено, возбуждаетъ *ощущеніе* въ узловомъ центрѣ, *сокращеніе* въ мышицѣ, *отдѣленіе* въ железѣ. Всякій же нервный *центръ* имѣетъ *чувствительность*, дѣятельное состояніе которой, возбужденное нервомъ, и есть *ощущеніе* (*).—Такимъ образомъ всякій организмъ, хоть бы самый простой, если только въ немъ есть хоть одинъ нервный узелъ или центръ, хотя съ двумя волоконцами, чувствителенъ и способенъ къ ощущеніямъ, къ произвольному сокращенію и движенію. Точно также и въ сложныхъ организмахъ ощущеніе происходитъ не въ одной какой либо части или отдѣлѣ нервной системы, а во всѣхъ, гдѣ только есть нервные узлы и центры; а такъ какъ эти центры есть и въ другихъ частяхъ нервной системы, кромѣ головнаго мозга, то стало быть не одинъ онъ способенъ къ ощущеніямъ; ощущеніе возможно и тогда, когда впечатлѣніе не достигло головнаго мозга, когда на впечатлѣніе не обращено вниманія.

«Замѣчательно», говоритъ Льюисъ, «что хотя многіе физіологи расположены согласиться въ томъ, что всѣ нервные центры одарены чувствительностію, однако же всѣ единодушно отвергаютъ слѣдствіе такой уступки, отвергаютъ, что всѣ нервные центры, находясь въ состояніи дѣятельности, даютъ начало ощущенію и такимъ образомъ доставляютъ элементы общей сознательности (Т. II, стр. 39). — Они утверждаютъ, что ощущеніе только тогда можетъ быть вызвано какимъ нибудь впечатлѣніемъ, когда впечатлѣніе это доходитъ до головнаго мозга. Но, возражаетъ на это Льюисъ, *имѣть* ощущенія и *сознавать* ощущенія,— это одно и то же. А *имѣть* ощущенія и *знать*, что мы ихъ имѣемъ,— это двѣ вещи разныя. Знаніе невозможно безъ сознательности: но сознательность можетъ существовать безъ знанія и часто существуетъ (стр. 40). — Вниманіе не творитъ ощущенія. Все что можетъ сдѣлать вниманіе, это отдѣлить одно ощущеніе отъ множества другихъ одновременныхъ съ ними ощущеній: мало того, можно еще спросить, самое-то вниманіе не есть ли просто выдѣленіе одного ощущенія изъ множества другихъ?—Только тогда какое нибудь ощущеніе можетъ до такой степени остановить на себѣ наше вниманіе, что мы его замѣтимъ, когда оно будетъ выдѣлено изъ множества одновременныхъ ощущеній. Приведемъ примѣръ. «Когда играетъ оркестръ, мы можемъ выдѣлить изъ него мысленно одинъ какой нибудь инструментъ или группу инструментовъ,

(*) Г. Юркевичъ говоритъ: «что извѣстнымъ нервамъ принадлежитъ ощущеніе, этого мы вовсе не знаемъ изъ физіологическаго опыта. Кто говоритъ, что нѣкоторымъ нервамъ принадлежитъ ощущеніе, тотъ утверждаетъ такую же нелѣпость, какъ если бы мы сказали, что нѣкоторымъ волнамъ воздуха принадлежитъ звукъ.»

внимательно слѣдя за ними. Очевидно, что поступая такимъ образомъ, мы въ дѣйствительности не придаемъ звукамъ этихъ инструментовъ большей напряженности, не сообщаемъ имъ никакой новой силы; количество ощущенія, которое они возбуждаютъ въ насъ, не увеличивается нашимъ вниманіемъ; а между тѣмъ, вслѣдствіе того, что мы выдѣлили это ощущеніе изъ гармоническаго цѣлаго, мы замѣчаемъ такіе звуки, которыхъ прежде мы не улавливали и которые, для менѣе опытнаго уха, остались бы навсегда незамѣченными, утонувшими въ громѣ оркестра. Обыкновенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не можемъ раздѣльно слѣдить за отдѣльными инструментами, говорятъ, что мы не слышимъ ихъ. А между тѣмъ нѣтъ ничего вѣрнѣе того, что мы ихъ слышимъ. Стоитъ одному изъ этихъ инструментовъ замолчать въ самомъ разгарѣ crescendo, и громъ другихъ инструментовъ не помѣшаетъ намъ ясно замѣтить *какую-то* разницу. — Точное изслѣдованіе показываетъ, что въ насъ навѣрное возбуждается множество ощущеній, которыхъ мы вовсе не замѣчаемъ. Такъ если къ обѣимъ нашимъ рукамъ будутъ легонько прижимать два острія, то мы почувствуемъ два раздѣльныхъ ощущенія. Будутъ ли эти ощущенія одновременны, или будутъ онѣ слѣдовать другъ за другомъ, все равно; два впечатлѣнія, произведенныя на нервы чувствительности, возбудятъ въ ихъ центрахъ два ощущенія. Но если къ одной изъ нашихъ рукъ, напримѣръ, къ правой, остріе будетъ прижато такъ сильно, что причинитъ намъ боль, то мы совершенно перестанемъ замѣчать ощущеніе въ лѣвой рукѣ, мы не будемъ въ состояніи замѣтить ощущеніе производимое остріемъ, хотя оно и будетъ прижато къ этой рукѣ точно такъ же, какъ и прежде. Перестала ли быть чувствительною лѣвая рука? Нѣтъ. Уничтожилось ли ощущеніе въ продолженіе того времени, когда мы не стали замѣчать его? Нѣтъ. Впечатлѣніе продолжалось, связь чувствительнаго центра съ его нервомъ не была нарушена, слѣдовательно ощущеніе должно было продолжаться. Мы и замѣтимъ его, какъ только стихнетъ боль другой руки. — Въ то время, какъ я пишу эти строки, лѣтній вѣтеръ шумитъ деревьями, птицы щебечутъ межъ листьями и шумъ экипажей, ѣдущихъ по улицамъ, долетаетъ до моего уха; но такъ какъ голова моя занята, то эти звуки остаются незамѣченными до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не сдѣлается докучнымъ, или пока мое вниманіе, утомившись однимъ и тѣмъ же, не обратится къ нимъ. Хотя я и не замѣчаю этихъ звуковъ, тѣмъ не менѣе однакоже они долетаютъ до моего уха и производятъ чувствительныя впечатлѣнія. Они имѣли свою долю вліянія на сумму общаго сознанія. Они должны быть названы ощущеніями, потому что они особыя состоянія чувствительности. — Для того, чтобы разъяснить это, мы должны сперва разсмотрѣть законъ чувствительности: *Ни одно ощущеніе не заканчивается само въ себѣ; оно должно разрѣшиться или въ какое нибудь вторичное ощущеніе или въ импульсъ къ движенію. Въ большинствѣ случаевъ и то, и другое имѣетъ мѣсто»* (стр. 44, 45, 46).

Есть, видите ли, множество нервныхъ центровъ и всѣ они соединены между собою и каждый изъ нихъ имѣетъ свои волокна; если ощущеніе произойдетъ въ одномъ центрѣ и подѣйствуетъ только на соединенныя съ нимъ волокна, прикрѣпленныя другими концами къ мышицѣ, тогда произойдетъ движеніе; но ни ощущеніе, ни движеніе не будутъ замѣчены нами; если же ощущеніе перваго центра отразится ко второму центру, высшему, тогда первое ощущеніе будетъ замѣчено; дѣятельность, или рефлективное ощущеніе втораго центра и состоитъ именно въ актѣ замѣчанія. Положимъ, въ какомъ нибудь высшемъ центрѣ совершается процессъ мышленія объ извѣстномъ предметѣ; въ это время въ другихъ центрахъ можетъ совершаться множество ощущеній, не доходящихъ до высшаго центра и потому не замѣчаемыхъ; но если эти ощущенія такъ сильны, что они непремѣнно отразятся до высшаго центра, тогда мы поневолѣ обратимъ на нихъ вниманіе.

«Такъ какъ каждый нервный узелъ», говоритъ Льюисъ, «соединенъ съ другими узлами и такъ какъ въ нервныхъ волокнахъ, соединяющихъ два узла, возбуждается ихъ нервность, если одинъ изъ этихъ узловъ возбужденъ; то ощущеніе, возбужденное въ первомъ нервномъ узлѣ, разрѣшается, не только въ мышечное сокращеніе, или рефлективное дѣйствіе, но еще и въ другое ощущеніе; оно оказываетъ вліяніе и на мышицу, и на центръ. Это рефлективное чувствованіе можетъ, въ свою очередь, разрѣшиться въ дѣйствіе, или еще въ другое чувствованіе. — Представимъ грубый примѣръ. Муха садится вамъ на руку въ то время, когда вы пишете. Ощущеніе щекотанія можетъ или заставить васъ пошевелить рукою, не обращая вниманія на это ощущеніе, безъ возбужденія рефлективнаго чувствованія, или можетъ обратить на себя ваше вниманіе, не заставивши васъ пошевелить рукою, или же, наконецъ, можетъ и обратить на себя ваше вниманіе, и заставить васъ пошевелить рукою. Въ первомъ случаѣ вы, какъ обыкновенно говорится, не почувствовали мухи, ваше вниманіе было занято чѣмъ нибудь другимъ. Но если бы вы дѣйствительно ничего не почувствовали, если бы ощущеніе не было возбуждено, такъ вы бы и рукою не пошевелили. — Мельничное колесо, шумъ котораго сначала такъ докученъ, перестаетъ наконецъ возбуждать наше вниманіе. Впечатлѣнія на нервъ слуха продолжаются: но хотя мы ихъ и слышимъ, мы перестаемъ объ нихъ думать: рефлективныя чувствованія не возбуждаются болѣе. Обыкновенно думаютъ, что мы перестаемъ ихъ слышать, переставая сознавать, что мы ихъ слышимъ; но это очевидно невѣрно. Пусть это колесо разомъ остановится,—и тотчасъ же въ нашихъ ощущеніяхъ произойдетъ соотвѣтствующее измѣненіе, и это измѣненіе можетъ быть такъ сильно, что если остановка колеса произойдетъ въ то время, когда мы спимъ, то оно разбудитъ насъ. Пусть колесо станетъ вертѣться медленнѣе, мы замѣтимъ это. Заскрипитъ оно, и мы это услышимъ.

Ясно, что, если бы мы въ продолженіе всего этого времени не ощущали шума этого колеса, то никакое измѣненіе въ *степени* шума не произвело бы на насъ никакого дѣйствія. Если бы ощущеніе звука прекратилось, то *прекращеніе* самаго звука не разбудило бы насъ. Дѣло въ томъ, что сначала шумъ колеса *безпокоилъ* насъ, возбуждалъ рефлективныя чувствованія, давалъ опредѣленное направленіе нашимъ мыслямъ. Потомъ онъ переставалъ возбуждать эти чувствованія, и ощущеніе его *смѣшалось* со всѣми тѣми ощущеніями, которыя образуютъ наше общее сознаніе.—Нѣтъ ничего вѣрнѣе того, что въ насъ возбуждается множество ощущеній, которыхъ мы совершенно не замѣчаемъ, которыхъ мы, какъ говорится, вовсе «не сознаемъ». Они или сами по себѣ очень слабы, или такъ обыкновенны, или до такой степени заслонены болѣе сильными ощущеніями, или же неспособны вызвать въ насъ рядъ рефлективныхъ чувствованій, что мы «не сознаемъ» ихъ въ то время, когда они продолжаются и неспособны припомнить ихъ, когда они окончатся» (Т. II, стр. 47, 49, 50 и 51).

Кромѣ ощущеній, происходящихъ отъ внѣшнихъ чувствъ, отъ дѣйствія на нихъ внѣшнихъ предметовъ, въ живомъ организмѣ совершается множество ощущеній другаго рода, которыя Льюисъ называетъ «системными» и которыя возбуждаются состояніемъ внутреннихъ органовъ, всѣхъ различныхъ системъ отправленій, находящихся внутри организма; дѣятельность желудка, отправленія кишекъ, нормальное или ненормальное состояніе пищеваренія, кровообращенія, дѣятельность мышицъ производятъ цѣлую бездну ощущеній, на которую доселѣ не обращали вниманія ни физіологи, ни психологи.

«Ежедневный опытъ каждаго изъ насъ», говоритъ Льюисъ, «убѣждаетъ насъ въ томъ, что кромѣ всѣхъ частныхъ ощущеній, которыя могутъ быть раздѣльно замѣчены, есть еще общій потокъ ощущенія, который составляетъ чувство бытія, сознаніе самаго себя, какъ чувствующаго существа. Избытокъ энергіи, которая кипитъ въ насъ по временамъ, и тяжелая тоска, которая гнететъ насъ въ другое время и дѣлаетъ жизнь бременемъ почти невыносимымъ, все это чувствованія, которыя не могутъ быть отнесены ни къ одному частному ощущенію; но являются какъ слѣдствія обширной, хотя и темной чувствительности нашихъ внутреннихъ органовъ, изъ которой проистекаетъ такая важная часть общаго потока ощущеній. Мы можемъ иногда различать нѣкоторыя изъ этихъ ощущеній. Мы можемъ чувствовать біеніе сердца, движеніе кишекъ, можемъ чувствовать, что происходитъ выдѣленіе жидкостей изъ желёзокъ, — все что въ дѣятельности этихъ органовъ совершается *необыкновеннымъ образомъ*, привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе.— Множество ощущеній проистекаетъ изъ мышечнаго чувства, хотя мы, ходя или сидя, вовсе не обращаемъ вниманія на то, какъ подъ вліяніемъ этой чувствительности приноравливаются различныя мышицы для приведенія въ извѣстное положеніе нѣкоторыхъ частей нашего

тѣла. Когда мы сидимъ у окна и смотримъ на деревья и на небо, то мы до такой степени бываемъ заняты образами и звуками внѣшняго міра, что не удѣляемъ ни малѣйшей частицы вниманія тому факту, что мы сами существуемъ; а между тѣмъ, въ продолженіе этого времени, органическіе процессы, совершающіеся внутри насъ, производятъ цѣлую массу широкихъ ощущеній; мы и замѣтимъ ихъ, если закроемъ глаза, заткнемъ уши и удалимъ отъ себя всѣ впечатлѣнія осязанія и температуры, однимъ словомъ, отвлечемся отъ всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній; тогда мы замѣтимъ ихъ какъ обширный и могучій потокъ ощущеній, не принадлежащій никакому спеціальному чувству, принадлежащій всей системѣ, какъ цѣлому. Отъ этого общаго теченія ощущеній зависятъ тѣ состоянія нашего сознанія, которыя хорошо извѣстны всякому и которыя обозначаются словами: «чувствовать себя хорошо», или «чувствовать себя дурно», le bien être, или malaise каждаго дня. Изъ двухъ человѣкъ смотрящихъ въ одно и тоже окно, на одинъ и тотъ же пейзажъ, одинъ будетъ чувствовать невыразимую тоску, будетъ желать покоя могилы; въ душѣ другаго будетъ разлита ясность и довольство. Общее сознаніе одного образуетъ мрачный фонъ, въ который, такъ сказать, погружаются ощущенія, возбуждаемыя пейзажемъ; у другаго общее сознаніе образуетъ веселый фонъ, на которомъ ощущенія играютъ, какъ играетъ волна на поверхности озера, освѣщеннаго лучами солнца. Характеръ чувствованій каждаго человѣка опредѣляется состояніемъ общей его сознательности» (Т. II, стр. 55, 56 и 57).

Такимъ образомъ въ каждомъ живомъ организмѣ въ данную минуту совершается безчисленное множество самыхъ разнородныхъ ощущеній; они своею совокупностію и производятъ то, что называется сознаніемъ, чувствомъ бытія, свойственнымъ каждому животному.

«Всякое возбужденіе нервнаго центра», говоритъ Льюисъ, «производитъ ощущеніе; общая сумма этихъ ощущеній составляетъ общее сознаніе, или чувство бытія, чувство того, что мы существуемъ. «При дневномъ свѣтѣ мы не видимъ звѣздъ, а между тѣмъ онѣ свѣтятъ. Когда небо покрыто облаками, мы не замѣчаемъ, чтобы солнечные лучи играли между листьями, а между тѣмъ эти-то лучи и дѣлаютъ то, что и листья и другіе предметы видимы для насъ. Солнце и звѣзды производятъ общее освѣщеніе; но мы рѣдко обращаемъ на него вниманіе; вниманіе наше обыкновенно бываетъ обращено на предметы, освѣщеніе которыхъ ярче или темнѣе этого общаго тона. Есть нѣчто сходное съ этимъ въ общемъ сознаніи, которое слагается изо всѣхъ ощущеній, возбуждаемыхъ въ насъ непрерывнымъ дѣйствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ стимуловъ. Оно составляетъ, такъ сказать, дневной свѣтъ нашего существованія. Обыкновенно мы не замѣчаемъ его, потому что вниманіе наше привлечено тѣми частными ощущеніями пріятными или непріятными, имѣющими большую или меньшую степень напряженности, которыя пріобрѣтаютъ перевѣсъ надъ множе-

ствомъ другихъ одновременныхъ ощущеній.—Сознаніе, въ общемъ смыслѣ, это общая сумма всѣхъ нашихъ чувствованій, стеченіе многихъ потоковъ ощущеній. Сознательность въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, — это только другое названіе чувствительности. Въ насъ существуетъ столько же формъ сознательности, сколько различныхъ родовъ ощущеній. Одни изъ этихъ потоковъ такъ слабы, что замѣтить ихъ такъ же мудрено, какъ увидѣть звѣзды въ полдень; другіе — такъ однообразны и постоянны, что не обращаютъ на себя нашего вниманія до тѣхъ поръ, пока правильность ихъ теченія не будетъ нарушена. Такъ, здоровый человѣкъ едва ли способенъ различать ощущенія, возбуждаемыя въ немъ кругообращеніемъ крови, или движеніями кишекъ; а между тѣмъ самое ничтожное измѣненіе въ этихъ ощущеніяхъ будетъ сразу почувствовано. «Изъ всего, что было сказано, мы должны заключить, что несостоятельность общепринятой гипотезы, состоящей въ томъ, что если ощущеніе не замѣчено, то его и совсѣмъ нѣтъ, а есть только *впечатлѣніе*, очевидна.» (Т. II, стр. 54, 55, 57 и 58).

Изъ всѣхъ этихъ своихъ изслѣдованій и объясненій Льюисъ выводитъ очень важные результаты нер...ной системы, составляющіе значительный шагъ впередъ въ физіологіи и фор...мулируетъ ихъ такимъ образомъ:

«Единство нервной системы во всемъ животномъ ...арствѣ обыкновенно признается всѣми; но странное дѣло, единство ...сознательности не было выведено изъ единства нервной системы. На ...низшихъ ступеняхъ животнаго царства мы встрѣчаемъ животныхъ, ...которыя не одарены способностью *двигаться*, которыя могутъ совер...шать только *сокращенія*. Восходя выше, мы встрѣтимъ животныхъ сове...ршающихъ уже настоящія движенія. Но съ этимъ осложненіемъ движ...еній вовсе не сопряжено пріобрѣтеніе какого нибудь свойства. Та же са...мая основная ткань съ своею сократительностью достаточна для со...вершенія всѣхъ новыхъ сложныхъ явленій. А между тѣмъ мы различаемъ, и совершенно справедливо, простыя сокращенія, движенія произво... непроизвольныя, сгибанія и разгибанія и т. д. Я думаю, что точно же слѣдовало бы поступать и съ чувствительностью, или сознательн... азличныя проявленія которой можно бы было весьма удобно сгру... вать въ три отдѣла: 1) *Системная сознательность*, 2) *Сознательн... ства*, 3) *Сознательность мысли*. Въ нѣсколькихъ словахъ мы о... это подробнѣе.—Къ *системной сознательности* относятся всѣ тѣ... нія, которыя возникаютъ въ цѣлой системѣ, главнымъ образом... ствіе органическихъ процессовъ, и составляютъ самые массив... мые широкіе элементы чувства бытія. Существованіе этой созн... сти мы должны признать и у самыхъ простѣйшихъ животныхъ, ес... ко мы не примемъ гипотезы Декарта, состоящей въ томъ, что всѣ ... ныя—живущія машины и что всѣ ихъ дѣйствія совершаются безо ... сознанія. Но хотя каждое животное должно *чувствовать*, изъ этого ... не слѣдуетъ, чтобы каждое мыслило. Всякое животное должно с...

щаться; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всякое двигалось. Мышленіе есть результатъ организаціи болѣе сложной, чѣмъ та, которая принадлежитъ каждому животному; но способность сознавать свойственна каждому животному организму. Какъ ни просты тѣ формы этой способности, которыя свойственны низшимъ животнымъ, однако же между этими простыми формами, и наиболѣе сложными формами сознательности высшихъ животныхъ должно быть существенное сродство (*). Если мы не признаемъ этого, то мы не будемъ въ состояніи указать, гдѣ впервые начинается ощущеніе. Если слизень не имѣетъ ощущеній, то не имѣетъ ихъ и животное ракообразное. Если крабъ машина, то и пчела такъ же машина. Если мы пчелу признаемъ за машину, то должны будемъ согласиться, что и бобръ, и собака, и слонъ, и обезьяна не болѣе какъ машины. Правда, при переходѣ отъ обезьянъ къ человѣку мы встрѣчаемъ значительный промежутокъ и большій блескъ, большую полноту сознательной жизни, которыя отличаютъ человѣка отъ всѣхъ другихъ созданныхъ тварей, и могутъ до нѣкоторой степени объяснить нежеланіе философовъ признать, что и животныя могутъ обладать хотя скромною долею тѣхъ же качествъ. Но время такой исключительности прошло: наука показала, что посреди безконечнаго разнообразія животной жизни можно подмѣтить извѣстное постоянное единство и что въ величественной драмѣ творенія самый скромный статистъ имѣетъ ту же натуру, что и самый великій артистъ, играющій самыя важныя роли. Если мы не хотимъ совершенно отказаться отъ науки, то мы должны согласиться, что *всѣ* животныя сознаютъ (имѣютъ ощущенія), хотя не каждое изъ нихъ обладаетъ всѣми формами сознательности. Есть между животными такія, которыя имѣютъ системныя ощущенія, но не одарены чувствами, то есть зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ. Есть другія, которыя имѣютъ системныя ощущенія и

(*) Г. Юркевичъ говоритъ: «Адамъ пришелъ къ сознанію, что животныя не подобны ему, что ни одно изъ нихъ не подходитъ подъ *идею* человѣка. Востор-...енныя декламаціи объ умственныхъ и нравственныхъ совершенствахъ животныхъ ...обольстятъ никого. Вы говорите, что животныя имѣютъ мышленіе и способны ...аключать: не надѣетесь ли вы, что человѣкъ когда нибудь передастъ имъ ... своихъ ученыхъ работъ, поручитъ имъ дѣлать извѣстныя наблюденія и ...дованія? Вы говорите, что животныя способны къ нравственной дѣятельно-... не надѣетесь ли вы, что люди когда нибудь будутъ вступать съ ними въ ...оворы, заключать контракты, требовать отъ нихъ исполненія обязательствъ, ...овъ долга, чести и справедливости? Несмотря на огромные успѣхи естество-...iя, живое и дѣйствующее человѣчество остается и, надѣемся, останется на-...да при убѣжденіи, къ которому пришелъ и первый человѣкъ, именно, что ...отныя не подходятъ подъ *идею* человѣка, что ихъ душевная жизнь есть во-...щеніе другихъ идей, а не той (какъ сказалъ бы Гегель), *себя знающей идеи* ...ы и добра, которую выражаетъ, или *можетъ* выражать человѣкъ въ своемъ ...тическомъ самосознаніи и знаніи, и въ своемъ нравственномъ самоопредѣле-...» (Поручать ученыхъ работъ не будутъ, и контрактовъ заключать также: а ...такъ разница между человѣкомъ и животнымъ количественная, а не каче-...венная, какъ вы доказываете: между ними должно быть существенное сродство!)

ощущенія чувствъ; но у которыхъ мало, или совсѣмъ нѣтъ того, что называется мыслію. Все зависитъ отъ сложности организаціи.—*Сознательность чувства.* Къ этому классу относятся всѣ тѣ ощущенія, которыя получаются черезъ посредство органовъ пяти чувствъ. Обыкновенно тѣ, которые не могутъ понять разницы между чувствительностью и частными ея формами, только эти ощущенія, да еще ощущеніе боли и признаютъ за ощущенія.—*Сознательность мысли* есть третій и послѣдній классъ. Онъ заключаетъ въ себѣ всѣ явленія мысли и душевныя движенія, которыми занимается психологія; все что можетъ здѣсь сдѣлать физіологъ — это указать отношеніе, въ которомъ они состоятъ къ низшимъ формамъ сознательности и спеціальные органы нервной системы, которые служатъ для совершенія ихъ. Я избралъ терминъ, правда, не совсѣмъ ловкій, *сознательность мысли*, для того чтобы указать на основную связь этихъ явленій съ другими формами чувствительности и въ то же время показать *спеціальность* этихъ явленій. Что такое мысль — этого мы не знаемъ и можетъ быть никогда не узнаемъ. Мы не знаемъ также, что такое жизнь; но царство таинственности можетъ быть превращено въ царство «таинствъ подчиненныхъ законамъ» (Т. II, стр. 62, 63, 64 и 65).

Пусть противники «Современника» попробуютъ теперь согласить эти результаты Льюиса съ философіей г. Юркевича и съ тѣмъ агентомъ, въ забвеніи котораго онъ укоряетъ всѣхъ. Если вы придаете хоть какое нибудь значеніе изслѣдованіямъ Льюиса, то должны будете признать одно изъ двухъ: или и у низшихъ животныхъ есть этотъ агентъ и всѣхъ ихъ нужно затащить въ область психологіи; или его нѣтъ даже у высшихъ, которыя поэтому должны смириться и скромно войти въ область физіологіи; но и то и другое будетъ одинаково не по вкусу вашему кліенту. Но Богъ съ ними, съ противниками; будемъ-те, читатели, лучше слѣдить за Льюисомъ и за его чрезвычайно интересными изслѣдованіями о высшей формѣ сознательности, связанной съ отправленіями головнаго мозга. — Почти всѣ физіологи согласно принимали до сихъ поръ, что умственные нервные процессы, то есть процессы воли и ощущенія, не могутъ происходить безъ головнаго мозга и утверждали, что у животныхъ, неимѣющихъ его, нѣтъ этихъ процессовъ и они, стало быть, дѣйствуютъ безсознательно и нецѣлесообразно, то есть сами въ дѣйствіяхъ своихъ не могутъ соображаться съ цѣлію и дѣйствуютъ механически, рефлективно. Даже у высшихъ животныхъ, только тѣ дѣйствія произвольны, которыя связаны съ представленіями и мыслями, съ отправленіями головнаго мозга, а всѣ другія, зависящія отъ спиннаго мозга, безсознательны и непроизвольны. Льюисъ же утверждаетъ, напротивъ, что и животныя, неимѣющія головнаго мозга, способны къ процессамъ ощущенія и воли; что высшія животныя,

когда головной мозгъ ихъ вырѣзанъ, дѣйствуютъ произвольно и обнаруживаютъ замѣтную приспособительность къ цѣли; что, поэтому, трудно различить дѣйствія произвольныя отъ непроизвольныхъ, что въ существѣ они одинаковы и всѣ зависятъ отъ извѣстныхъ причинъ, а абсолютнаго произвола въ нихъ нѣтъ. — Всѣ безпозвоночныя животныя, и даже нѣкоторыя рыбы не имѣютъ мозга; однако ихъ нельзя назвать машинами безъ всякой сознательности и ощущенія; въ ихъ дѣйствіяхъ обнаруживается сообразительность, которая, значитъ, возможна и безъ головнаго мозга. Такія дѣйствія ихъ обыкновенно приписываются инстинкту; но «инстинктъ», какъ выражается Льюисъ, подобно тому какъ и «случай», есть одно изъ тѣхъ словъ, подъ которыми люди сами отъ себя скрываютъ свое незнаніе. «Что дѣйствія пчелы, говоритъ онъ, или рака, обнаруживающія ощущеніе, память, способность изобрѣтать новые пріемы при новыхъ обстоятельствахъ, не говоря уже о гнѣвѣ, желаніи, и о какомъ-то необъясненномъ (?) способѣ взаимнаго сообщенія,—что всѣ эти дѣйствія происходятъ отъ «слѣпаго инстинкта», могло бы быть понятно, если бы мы знали, что такое инстинктъ; но намъ трудно понять, почему совершенно подобныя явленія приписываютъ разуму, когда ихъ представляетъ намъ собака или обезьяна» (стр. 77) (*). Если же въ дѣйствіяхъ низшихъ животныхъ безъ головнаго мозга мы замѣчаемъ сообразительность и произволъ, какъ выраженіе воли, то стало быть эти качества не принадлежатъ исключительно головному мозгу, такъ какъ они могутъ существовать и безъ него. — Извѣстны знаменитые опыты Флурана, которые повидимому противорѣчатъ этимъ положеніямъ; онъ вырѣзывалъ головной мозгъ у разныхъ птицъ и, поддерживая ихъ жизнь въ теченіе нѣсколькихъ дней, наблюдалъ надъ ихъ дѣйствіями; ему показалось, будто бъ эти птицы не имѣли никакихъ ощущеній, не обнаруживали воли и произвольныхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, а совершали дѣйствія только механическія, рефлективныя. Льюисъ рѣшительно опровергъ значение этихъ опытовъ и доказалъ, что животныя, лишенныя мозга, имѣютъ ощущенія, обна-

(*) Г. Юрцевичъ разсуждаетъ такъ: «Нашъ сочинитель (г. Чернышевскій) говоритъ, что осы, пауки и другія насѣкомыя «умѣютъ приноравливать свою жизнь къ новой обстановкѣ». Изъ ассоціацій, которыя рождены прежними опытами животнаго, сложился въ его душѣ образъ опредѣленной дѣятельности. Этому образу оно повинуется слѣпо, хотя чувства его получаютъ другія впечатлѣнія отъ новой обстановки. Пчела и оса, по старой привычкѣ, пытаются привѣшивать свои клѣточки къ мѣстамъ, на которыхъ они не видятъ прежнихъ опорныхъ пунктовъ, только частыя неудачи разрушаютъ механически эту старую ассоціацію и такъ же механически образуютъ новую, которая отобразитъ въ себѣ новую обстановку. Весь этотъ фактъ, въ которомъ нашъ сочинитель видитъ доказательство разумности животныхъ, изобличаетъ ихъ рѣшительное безсмыслiе.»

руживаютъ произвольную самостоятельную дѣятельность и сообразительность въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Вотъ чрезвычайно интересные опыты, произведенные имъ самимъ и несомнѣнно доказавшіе вѣрность его положеній.

«У лягушки отрѣзывается голова, или, еще лучше, вырѣзывается у нея головной мозгъ. Когда она оправится отъ операціи и начнетъ выказывать признаки чувствительности, ее кладутъ на спину и прикладываютъ уксусную кислоту къ кожѣ, покрывающей ея голень. Пусть читатель вообразитъ, что его собственное плечо обожжено въ такомъ мѣстѣ, до котораго онъ можетъ дотронуться большимъ пальцемъ руки, принадлежащей къ обожженному плечу, и онъ получитъ понятіе о слѣдствіяхъ этой операціи. Какъ только кислота начинаетъ жечь, лягушка вытягиваетъ *другую* ногу, такъ что тѣло нѣсколько наклоняется къ этой ногѣ. Потомъ обожженная нога сгибается и верхняя поверхность стопы прикладывается къ обожженному мѣсту, стирая съ него кислоту, точно такъ же, какъ вашъ большой палецъ сталъ бы тереть ваше плечо. Воспрепятствуйте ей чесаться правою лапкою, и она употребитъ для этого лѣвую.—Для того, чтобы доказать это, мы отрѣзываемъ голову у другой лягушки и въ то же время отрѣзываемъ стопу той ноги, которую мы будемъ раздражать. Какъ только уксусная кислота будетъ приложена, нога тотчасъ же согнется такъ же, какъ и въ предыдущемъ опытѣ, и обрѣзанный конецъ ея станетъ двигаться изъ стороны всторону, какъ бы для того, чтобы обтереть раздражаемое мѣсто. Но кислоту нельзя стереть такимъ образомъ и животное приходитъ въ безпокойство, какъ бы стараясь отыскать какой нибудь другой способъ избавиться отъ раздражающей его кислоты. Замѣчательно, что при этомъ животное часто нападаетъ на способы весьма сходные съ тѣми, которые, при подобныхъ обстоятельствахъ, были бы употреблены разумнымъ существомъ. человѣкомъ. Такъ, при продолжающемся раздраженіи, лягушка оставляетъ иногда напрасныя старанія стереть кислоту остаткомъ раздражаемой ноги, вытягиваетъ эту ногу, пригибаетъ *другую* къ раздражаемому мѣсту и ею отираетъ кислоту. Что это вовсе не безсознательныя, механическія дѣйствія, что это вовсе не прямой результатъ впечатлѣнія на извѣстную группу мышцъ, это очевидно изъ того, что лягушка *не всегда* употребляетъ этотъ способъ для того, чтобы избавиться отъ раздраженія. Иногда она болѣе энергическимъ образомъ сгибаетъ въ сторону раздражаемую ногу и въ то же время нагибаетъ и туловище въ ту же сторону; такимъ образомъ оказывается возможность обтереть раздражаемое мѣсто о бокъ. «Трудно опровергать подобныя очевидныя доказательства того, что здѣсь проявляется *свободный выборъ*» (Т. II, стр. 208, 209 и 210) (*).

(*) Г. Юркевичъ говоритъ: «новѣйшая психологія отличается отъ схоластической преимущественно двумя великими открытіями: это — законы психическаго механизма и законъ такъ-называемыхъ *рефлексивныхъ* движеній. Нашъ сочинитель, повидимому, не знакомъ съ этими открытіями и оттого онъ приписываетъ

Такимъ образомъ обнаруженіе ощущенія, воли и такъ-называемаго произвола замѣчается, съ одной стороны, у животныхъ вовсе не имѣющихъ головнаго мозга, и дѣйствія ихъ поэтому нельзя приписывать какому-то слѣпому инстинкту, а съ другой стороны—и у животныхъ съ головнымъ мозгомъ послѣ того, какъ онъ вырѣзанъ у нихъ. Слѣдовательно процессы ощущенія и воли не составляютъ исключительной принадлежности и отправленій головнаго мозга. А въ чемъ же состоятъ эти отправленія?

«Первый пунктъ», говоритъ Льюисъ, «заслуживающій тутъ нашего вниманія, тотъ, что ни одинъ нервъ не исходитъ изъ большаго мозга. Большой мозгъ есть узловой центръ, съ которымъ *всѣ* нервы связаны посредственно, но изъ котораго не беретъ своего начала ни одинъ нервъ. Все это обширное скопленіе нервныхъ волоконъ образуетъ лишь связующій аппаратъ, посредствомъ котораго мозгъ подвергается дѣйствію всѣхъ прочихъ центровъ, и въ свою очередь дѣйствуетъ на нихъ. Мы поэтому имѣемъ полное право заключить, что ни одно изъ ощущеній, вызываемыхъ внѣшними стимулами, не можетъ быть возбуждено прямо въ большомъ мозгу, но должно дойти до него посредствомъ узла возбужденнаго нерва» (стр. 93).

Существуетъ, какъ мы уже говорили, два вида центровъ, первичные и вторичные; также точно должны быть первичныя и вторичныя ощущенія. Отъ глаза идетъ нервъ къ первому оптическому центру; свѣтъ, черезъ нервъ производитъ первичное ощущеніе въ оптическомъ центрѣ; это ощущеніе передается потомъ второму центру, находящемуся въ большомъ мозгу, и производитъ въ немъ вторичное ощущеніе; оно отлично отъ перваго и составляетъ его психическую переработку. Въ первомъ центрѣ свѣтъ ощущается, а во второмъ это ощущеніе замѣчается, — на него, какъ говорятъ, обращается вниманіе; изъ втораго центра замѣченное ощущеніе можетъ перейти въ третій и т. д.; тутъ уже можетъ явиться представленіе и всѣ его разнообразныя сочетанія. Та же самая исторія повторяется и въ другихъ первичныхъ центрахъ съ ощущеніями слуха, обонянія, осязанія и т. п. Такимъ образомъ въ мозгу совершается дальнѣйшая переработка первичныхъ ощущеній, которыя даютъ начало и матеріалъ психической дѣятельности, совершающейся во вторыхъ центрахъ. Большому головному мозгу, какъ выражается Льюисъ, принадлежатъ самыя «благородныя отправленія»; въ немъ всѣ впечатлѣнія, полученныя путемъ чувствъ и внутренностей, соединяются, слагаются,

---

животнымъ дѣятельность, опредѣленную отчетливымъ мышленіемъ, въ такихъ случаяхъ, въ какихъ и самые развитые люди не руководствуются силлогизмами.» Убѣдитесь же теперь, что «вашъ сочинитель» зналъ про эти открытія, но ему было извѣстно, что эти открытія опять закрыты, что законъ рефлексивныхъ движеній потерялъ свое значеніе, и отвергается физіологами.

видоизмѣняются и какимъ-то глубоко-таинственнымъ способомъ переработываются въ идеи» (стр. 81). Не будь первыхъ центровъ и ихъ первичныхъ ощущеній, невозможна была бы и психическая дѣятельность. Внѣшнее впечатлѣніе не можетъ прямо дѣйствовать на второй центръ; въ этомъ центрѣ невозможна дѣятельность, если она не будетъ возбуждена ощущеніемъ перваго центра. Слѣдовательно всѣ психическіе акты и психическая жизнь образуются изъ первичныхъ ощущеній первыхъ центровъ, которые въ свою очередь не могутъ возбуждаться прямо внѣшними впечатлѣніями, а только нервностью нервовъ и волоконъ, которая приходитъ въ дѣятельность уже прямо вслѣдствіе вліянія внѣшнихъ впечатлѣній. — Первичныя ощущенія зрѣнія, слуха и другихъ чувствъ отличаются отъ первичныхъ системныхъ ощущеній, производимыхъ внутренностями; это различіе ощущеній, конечно, сохраняется и во вторыхъ центрахъ при всякой психической переработкѣ ихъ. Вотъ физіологическое основаніе для классификаціи всей психической жизни на мысль и чувство, на представленіе и душевное движеніе; разъясненіе его составляетъ важную новость и заслугу Льюиса. Прежде философы, противополагая свою науку физіологіи, утверждали, что въ отправленіяхъ и дѣйствіяхъ мозга нѣтъ факта, соотвѣтствующаго различію двухъ большихъ сторонъ психической жизни.

«Мозговыя ощущенія обыкновенно распредѣляютъ подъ двѣ главныя рубрики: отличаютъ умственные процессы и душевныя движенія. До сихъ поръ оставалось тайною, какимъ образомъ органъ, столь однородный, какъ большой мозгъ, въ которомъ каждый извивъ есть лишь повтореніе прочихъ, можетъ тѣмъ не менѣе служить отправленіямъ, столь различнымъ между собою, какъ умственныя и душевныя. — Извивы мозга повсюду подобны и непрерывны, словно складки на кускѣ бархата. Они не отдѣлены одинъ отъ другаго; они ничѣмъ не разнятся между собою; они тожественны. Какимъ же образомъ можемъ мы предполагать, что они суть органы очень различныхъ отправленій? — Принимая, что всѣ извивы одарены однимъ общимъ свойствомъ — чувствительностію, мы должны, руководясь изложенными выше началами, принимать, что особый *видъ* чувствительности, возбуждаемый въ каждомъ изъ нихъ, зависитъ отъ свойствъ стимула; свойства же стимула, конечно, будутъ опредѣляться производящимъ его органическимъ аппаратомъ. Стимулъ, переданный посредствомъ зрительнаго центра, долженъ быть различенъ отъ стимула, прошедшаго черезъ центръ вкуса; и оба они должны разниться отъ стимула, переданнаго внутренностями. Стимулъ, полученный черезъ центръ ощущеній, долженъ по необходимости разниться отъ полученнаго черезъ центръ позывовъ; слѣдовательно, какъ ни различно представленіе отъ душевнаго движенія, они оба суть лишь особыя формы чувствительности. — Ощущеніе, такимъ образомъ, составляетъ исходную точку обоихъ ра-

довъ. Но мы уже видѣли, что ощущеніе бываетъ разныхъ родовъ, которые распадаются на двѣ ясно отличимыя группы, на ощущенія чувственныя и системныя. Первыя возбуждаются черезъ органы спеціальныхъ чувствъ, то есть черезъ зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе, вкусъ. Вторыя берутъ свое начало во внутренностяхъ, въ мышцахъ,—словомъ, во всей системѣ организма. Первыя можно въ нѣкоторой мѣрѣ считать безличными, потому что они приводятъ насъ въ сознательное соотношеніе съ внѣшнимъ міромъ, съ не — я. Вторыя, напротивъ, по преимуществу личны, потому что они не приводятъ насъ въ сознательное общеніе съ внѣшними предметами, но только съ тѣмъ, что происходитъ въ нашемъ тѣлѣ. Разумъ часто считали безличнымъ, но никто никогда не считалъ безличными душевныя движенія. Умственные процессы немыслимы безъ внѣшняго міра; даже когда мы размышляемъ о собственныхъ своихъ чувствахъ и умственныхъ процессахъ, мы разсматриваемъ ихъ, какъ нѣчто отдѣльное отъ насъ самихъ. Душевныя движенія гораздо тѣснѣе связаны съ личностію. Всякій человѣкъ, если онъ не утонченный психологъ, убѣжденъ, что алызна заключается въ розѣ, сладость въ яблокѣ, грохотъ въ громѣ. Но никому, даже психологу, не приходитъ въ голову, чтобы любовь или ненависть, страхъ или благоговѣніе, желаніе или отвращеніе, управляющіе имъ, заключались въ предметѣ, возбуждающемъ эти чувства.—Эта внѣшность чувственныхъ ощущеній и внутренность ощущеній системныхъ проводитъ рѣзкую границу между впечатлѣніями, возникающими изъ первыхъ, и позывами, или инстинктами, возникающими изъ вторыхъ; отсюда въ свою очередь вытекаютъ столь различныя между собою формы чувствительности, извѣстныя подъ названіемъ мысли и душевнаго движенія.—Никогда не сомнѣвались въ томъ, что наши впечатлѣнія и представленія вытекаютъ изъ ощущеній. Старинная философская поговорка, по которой въ умѣ нѣтъ ничего, что бы не было предварительно въ чувствахъ, могла сдѣлаться двусмысленною отъ различныхъ значеній слова «чувства»; но она указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ основѣ всякаго умственнаго процесса лежитъ ощущеніе. Я поэтому считаю себя въ правѣ разсматривать мышленіе, какъ ту форму мозговой чувствительности, которая опредѣляется соотношеніями мозга къ узламъ спеціальныхъ чувствъ. Точно такъ же, душевныя движенія можно разсматривать, какъ ту форму мозговой чувствительности, которая опредѣляется соотношеніями съ узлами внутренностныхъ ощущеній» (стр. 94, 95, 96 и 97).

Очень вамъ благодарны, сэръ; кстати благодаримъ и переводчиковъ за аккуратный и добросовѣстный переводъ.—Къ отправленіямъ головнаго мозга причисляли прежде способность совершать произвольныя дѣйствія; тогда какъ дѣйствія производимыя спиннымъ мозгомъ называли непроизвольными, рефлективными. Мы уже видѣли, что такое распредѣленіе отправленій неосновательно; теперь Льюисъ объясняетъ разницу между произвольными и непроизвольными дѣйствіями и до-

казываетъ, что характеръ ихъ совершенно одинаковъ, что они совершаются по однимъ законамъ и имѣютъ одинаковый источникъ. Обыкновенно называютъ произвольными тѣ дѣйствія, которыя подлежатъ нашему контролю. Если вамъ захочется, вы можете сдѣлать движеніе рукою; можете тотчасъ и остановить ее. Тѣ же дѣйствія, которыя совершаются безъ нашей воли, называются непроизвольными; сердце бьется, вѣки мигаютъ, желудокъ варитъ непроизвольно. Для удобства это дѣленіе можетъ быть принято; но наука не можетъ удовлетвориться имъ; потому, что она въ тѣхъ и другихъ дѣйствіяхъ видитъ одинаковые элементы.

«Миганіе совершается посредствомъ мышицъ произвольнаго движенія и можетъ быть дѣйствіемъ совершенно произвольнымъ, напримѣръ, когда мы подмигиваемъ кому нибудь изъ своихъ слушателей, желая дать знать ему, что мы шутимъ. А между тѣмъ это же дѣйствіе, произвольнѣе котораго ничего и быть не можетъ, обыкновенно совершается совершенно непроизвольно.—Пусть вашъ пріятель быстро проведетъ пальцемъ передъ вашими глазами и не смотря на то, что онъ торжественно увѣрялъ, что не прикоснется къ вашимъ глазамъ, не смотря на то, что вы вполнѣ довѣряете его слову, никакія усилія вашей воли не помогутъ вамъ удержаться отъ того, чтобы не мигнуть. Напрасно вы рѣшаетесь быть твердымъ, не моргать, — вѣко опускается, какъ только приближится палецъ. Это миганіе обыкновенно считается дѣйствіемъ непроизвольнымъ, потому что оно совершается вопреки нашей волѣ; а между тѣмъ, дѣйствіе это вызвано идеею, идеею опасности; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только поднести палецъ къ глазу животнаго, или дитяти, у котораго не составилась еще идея объ опасности: оно не моргнетъ. Не моргнете и вы, когда поднесете къ глазу свой собственный палецъ, потому что тогда не является идея объ опасности. Здѣсь мы имѣемъ дѣйствіе въ высшей степени *способное подвергнуться контролю* и очевидно возбуждаемое *стимуломъ идеи*, дѣйствіе, представляющее, слѣдовательно, два основныхъ признака произвольныхъ дѣйствій, а между тѣмъ дѣйствіе это несомнѣнно непроизвольное» (стр. 166, 168).

Всѣ движенія и дѣйствія происходятъ отъ ощущеній; если движеніе производится ощущеніемъ, совершившимся въ первомъ ближайшемъ къ впечатлѣнію центрѣ, тогда оно называется непроизвольнымъ, а если произойдетъ отъ ощущенія, переданнаго во вторичный центръ, то его называютъ произвольнымъ. Когда кто нибудь уколетъ нашу руку, мы ее отдернемъ непроизвольно, невольно; ощущеніе укола, происшедшее въ первомъ центрѣ, прямо произведетъ сокращеніе мышицы и движеніе руки. Но если мы увѣрены, что насъ уколютъ слегка, небольно, то мы удержимъ или остановимъ непроизвольное дѣйствіе, т. е. движеніе руки; въ этомъ случаѣ ощущеніе передается ко второму центру, къ мысли о незначительности укола, и второй центръ оста-

навливаетъ дѣятельность перваго, а слѣдовательно и движеніе. Иногда мысль, второй центръ, производитъ движеніе и оно какъ будто произвольно, между тѣмъ другая мысль, другой какой нибудь центръ никакъ не могутъ остановить этого движенія, какъ бы намъ ни хотѣлось остановить его, и то же дѣйствіе выходитъ стало быть непроизвольно. Вы замѣчаете, что разница между произвольнымъ и непроизвольнымъ дѣйствіемъ такая же, какъ между замѣченнымъ и незамѣченнымъ ощущеніемъ, то есть въ сущности нѣтъ никакой.—Если собакѣ наступитъ на хвостъ человѣкъ незнакомый, она обернется, чтобы укусить его, и укуситъ; но если это будетъ ея хозяинъ, она обернется, но не укуситъ его; если даже и схватитъ зубами, то во-время остановится. Здѣсь мысль, представленіе о хозяинѣ—остановило движеніе. Но такая способность останавливать или контролировать дѣйствія ограничена, такъ что мысль, произведеніе втораго центра, иногда не можетъ остановить движенія. Вашъ пріятель имѣетъ мысль, что вы не ударите его по глазу, но эта мысль неспособна удержать его отъ миганія глазомъ, когда вы передъ нимъ махнете рукой. Многіе люди, въ особенности женщины, никакъ не могутъ удержаться отъ того, чтобы не отшатнуться, когда къ нимъ поднесутъ ножъ, или наведутъ на нихъ ружье, хоть онѣ и увѣрены, что оно незаряжено. Понятіе о ножѣ, ружьѣ и понятіе объ опасности до того слились у нихъ, что никакъ не могутъ быть разъединены дѣятельностію какого нибудь другаго центра и другой мысли. Изъ всѣхъ подобныхъ фактовъ Льюисъ выводитъ такое заключеніе:.

«Мы,—говоритъ, онъ,—не признаемъ никакого дѣйствительнаго, никакого существеннаго различія между дѣйствіями произвольными и непроизвольными. Всѣ они произвольны. Сознательность составляетъ источникъ всѣхъ ихъ. — Въ разговорномъ языкѣ принято обозначать различіе между движеніемъ, которое я сдѣлаю рукою, потому что я хочу его сдѣлать съ какою нибудь опредѣленною цѣлью, и движеніемъ, которое я сдѣлаю потому, что меня укуситъ пчела; принято говорить: «*я хочу* написать это письмо», или «я написалъ это письмо противъ воли, я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія сдѣлать это». Но наука болѣе требовательна, когда она стремится къ точности, и философъ, разбирая эти сложныя дѣйствія, не найдетъ ни одного элемента, который бы соотвѣтствовалъ «произволу» въ одномъ изъ этихъ дѣйствій, и который бы не встрѣчался въ другихъ; онъ найдетъ только, что всегда извѣстная группа мышцъ приводится въ состояніе дѣятельности извѣстными чувственными. или мыслевными стимулами» (стр. 173).

Такъ же точно цѣлесообразность дѣйствій, то есть наше искусство употреблять и совершать только тѣ дѣйствія, которыя какъ разъ соотвѣтствуютъ нашей цѣли,—не есть что нибудь первоначальное, гото-

вымъ данное намъ отъ природы, но она пріобрѣтается постепенно, вслѣдствіе постояннаго упражненія: мы научаемся ей тоже посредствомъ непроизвольныхъ дѣйствій и движеній.—Ощущеніе боли заставляетъ животное дѣлать разныя усилія и движенія, чтобы избавиться отъ нея; эти усилія и движенія непроизвольныя, они не руководятся цѣлію, совершаются наобумъ, какъ попало. Среди этихъ усилій, оно случайно дѣлаетъ движеніе, за которымъ слѣдуетъ облегченіе или прекращеніе боли; животное замѣчаетъ это движеніе, у него устанавливается связь между ощущеніемъ боли и этимъ опредѣленнымъ движеніемъ; оно всегда и дѣлаетъ его, когда хочетъ избавиться отъ боли; эта связь съ ранней поры жизни устанавливается такъ прочно, что на нее смотрятъ даже какъ на инстинктъ, какъ на даръ природы, какъ будто природа сама напечатлѣла въ насъ способность къ извѣстнымъ цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ.

«Дитя, лежа въ постели, чувствуетъ болѣзненное ощущеніе холода. Это ощущеніе производитъ обыкновенное безпокойство, движенія, можетъ быть крикъ и слезы. Между разнаго рода движеніями рукъ и ногъ, которыя какъ-то сами собой совершаются, случится нечаянно такое движеніе, которое приведетъ дитя въ соприкосновеніе съ кормилицей, лежащей въ той же постели; теплота ощутится въ то же мгновеніе, и это облегченіе болѣзненнаго ощущенія холода тотчасъ же становится стимуломъ, поддерживающимъ движеніе, совершавшееся въ то мгновеніе, когда дитя почувствовало облегченіе. Узнавши это движеніе, дитя совершаетъ его преимущественно предъ всѣми другими. Такимъ образомъ дитя научается связывать извѣстныя ощущенія съ нѣкоторыми движеніями, и впослѣдствіи, почувствовавши холодъ, всегда прижимается къ кормилицѣ, даже и во снѣ. Нашимъ чувствованіямъ прирожденно свойство возбуждать дѣятельную систему нашего организма къ разнаго рода дѣйствіямъ; но не существуетъ никакой прирожденной связи между различными чувствованіями и движеніями, относящимися къ каждому опредѣленному случаю. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, намъ нужна помощь случайности, опыта, ошибокъ и распространяющееся нарастаніе паръ, составленныхъ изъ ощущеній и соотвѣтствующихъ имъ движеній, когда намъ случится найди такія пары. Первыя ступени воспитанія нашей воли представляютъ сплетеніе поспѣшности, ошибокъ и приводящей въ отчаяніе безнадежности. Вмѣсто яснаго указанія пути, мы должны выжидать случайностей, и когда онѣ встрѣтятся, улучшать ихъ» (стр. 178).

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ дѣйствіями руководили ощущенія; кромѣ ощущеній, направителями дѣйствій могутъ быть мысли, или, какъ выражается Льюисъ, идеи; характеръ послѣднихъ дѣйствій таковъ же, какъ и первыхъ. Дитя кладетъ руку на горячій блестящій самоваръ и ощущеніе боли отъ обжога заставляетъ его отдернуть ру-

ку; послѣ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ представленіе боли до такой степени сливается съ представленіемъ самовара, что дитя уже не станетъ класть руки на самоваръ. За какую нибудь шалость дитя наказываютъ, и всякій разъ за повтореніемъ шалости слѣдуетъ наказаніе; отъ этого также точно устанавливается связь между мыслію о шалости и представленіемъ наказанія, и удерживаетъ дитя отъ шалости. Въ этихъ двухъ случаяхъ дѣйствіе управляется не непосредственнымъ ощущеніемъ, совершающимся въ первомъ центрѣ, не ощущеніемъ боли, а идеальнымъ представленіемъ ощущенія и боли, происходящимъ во второмъ центрѣ. Произволъ мысли и мышленія Льюисъ понимаетъ въ такомъ же условномъ и относительномъ смыслѣ, какъ и произволъ дѣйствій. Если какая нибудь новая мысль соотвѣтствуетъ всѣмъ другимъ нашимъ мыслямъ, мы принимаемъ ее непремѣнно: тутъ не можетъ быть вопроса о томъ, принять ее или нѣтъ, не требуется никакого рѣшенія воли, мысль сама собою и необходимо входитъ въ содержаніе нашей умственной жизни, такъ сказать, безъ всякаго согласія и желанія съ нашей стороны.

«Когда Уаттъ изобрѣталъ свое «параллельное движеніе» для паровыхъ машинъ, его разумъ и способность наблюдать постоянно работали, постоянно обращались во всѣ стороны, вездѣ искали случайной встрѣчи какой-нибудь комбинаціи, которая-бы удовлетворяла его требованіямъ. Принять ее, или отвергнуть, это было дѣло произвола; это было продолжающееся проявленіе той-же самой энергіи, которая, во время его младенчества, побуждала его сосать грудь матери до тѣхъ поръ, пока чувствовался голодъ и оставлять ее, когда голодъ бываетъ утоленъ, которая побуждала его брать въ ротъ кусочекъ сахару, и не брать въ ротъ, или выбрасывать изо рта то, что горько или противно. Не нужно никакого формальнаго рѣшенія разума, принятаго послѣ разсмотрѣнія или разбора различныхъ обстоятельствъ, никакого особеннаго вмѣшательства «я», или личности, для проявленія этой энергіи, проявленія состоящаго въ томъ, что мы принимаемъ, или отвергаемъ то, что чувствуется очевидно удовлетворяющимъ или неудовлетворяющимъ нашимъ желаніямъ или потребностямъ въ данное время. Сила воли поддерживаетъ вниманіе, или дѣятельность отыскивающую, и въ то мгновеніе, когда приходитъ въ голову что-нибудь, имѣющее нѣкоторое отношеніе къ цѣли, она бросается на него, какъ дикій звѣрь на свою добычу.—Заключеніе, къ которому мы приходимъ, говоритъ Льюисъ, состоитъ въ слѣдующемъ: въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ произвольными называютъ условно такія дѣйствія, которыя или совершаются вслѣдствіе яснаго, раздѣльнаго представленія цѣли этихъ дѣйствій, или сопровождаются такимъ представленіемъ. Но психологія и физіологія, анализируя процессы, совершающіеся въ организмѣ, признаетъ, что всѣ возможныя наши дѣйствія суть отвѣты организма на стимулы, возбуждающіе его нервные центры. Будетъ-ли дѣйствіе результатомъ

прямаго, непосредственнаго дѣйствія стимула, или не прямаго, во всякомъ случаѣ оно представляетъ отвѣтъ органа на возбужденіе, исходящее изъ нервнаго центра этого органа; идея—ли составляетъ исходную точку, или ощущеніе, во всякомъ случаѣ въ результатѣ получается возбужденіе извѣстнаго центра и отвѣтъ на это возбужденіе, выраженный въ извѣстномъ дѣйствіи» (стр. 183, 184. 188, 189).

Такъ вотъ какова «Физіологія обыденной жизни», такъ вотъ что говоритъ «физіологъ Льюисъ; англичанинъ, не учившійся въ русской семинаріи и знающій кое-что изъ химіи!» Послѣ этого, подумайте сами, любезные читатели, какими комплиментами мы могли бы угостить противниковъ «Современника», какъ удобно могли бы поглумиться надъ ихъ ученою проницательностью, и какимъ свистомъ могли бы проводить всѣ ихъ разглагольствованія о Льюисѣ и г. Юркевичѣ,—и имѣли бы на это полное право. Но... невольно возбуждается какая-то жалость къ противникамъ, когда видишь ихъ совершенное безсиліе и безотвѣтность и сознаешь на своей сторонѣ все превосходство силы и всю правоту своего дѣла. Поэтому изъ всей этой исторіи мы выведемъ такое же заключеніе, какое вывели сами противники «Современника»; можетъ быть оно будетъ поспѣшно или преувеличено; но во всякомъ случаѣ для нихъ оно должно имѣть полную силу и обязательность, такъ какъ мы заимствуемъ его изъ ихъ же собственныхъ устъ. Приведши изъ Льюиса отрывки, разсмотрѣнные нами въ началѣ статьи, о самостоятельности химіи и физіологіи, и о томъ, что химическіе законы количественны, а физіологическіе качественны, «Отечественныя Записки» вывели изъ нихъ такое заключеніе:

«Сравните, говорили они, этотъ отрывокъ изъ Льюиса съ тѣмъ, что говоритъ г. Юркевичъ, и вы увидите, что нашему кіевскому профессору извѣстны послѣднія изслѣдованія не хуже г. Чернышевскаго. Слѣдовательно, онъ знаетъ не одни семинарскія тетрадки и учебники, какъ завѣряетъ г. Чернышевскій. Мы это говоримъ только для тѣхъ, которые думаютъ, что все сказанное съ размаху, очертя голову, непремѣнно и справедливо; а у насъ, къ сожалѣнію, такихъ людей очень много. Пожалуй, подумали бы, что г. Юркевичъ схоластикъ, а г. Чернышевскій — прогресистъ (О. З. 1861. № 8)!»

Намъ ничего не остается сдѣлать, какъ только повторить это заключеніе съ нѣсколькими измѣненіями, которыхъ требуетъ сущность дѣла, и сказать: сравните не отрывокъ, а все ученіе Льюиса и всю его физіологію съ тѣмъ, что говоритъ г. Юркевичъ, и вы увидите, что нашему кіевскому, а нынѣ московскому, профессору извѣстны послѣднія изслѣдованія не только хуже г. Чернышевскаго, но и

новое неизвѣстны. Слѣдовательно, онъ знаетъ одни только семинарскія тетрадки и учебники, какъ завѣряетъ г. Чернышевскій. Мы это говоримъ только для тѣхъ, которые думаютъ, что все сказанное съ горяча, по ненависти къ «Современнику», непремѣнно и справедливо; а у насъ, къ сожалѣнію, такихъ людей очень много. Пожалуй, подумали бы, что г. Чернышевскій схоластикъ, а г. Юркевичъ — прогрессистъ, какъ показалось «Отечественнымъ Запискамъ!» — Что же это такое въ самомъ дѣлѣ? Появляется замѣчательное популярное сочиненіе, принимаются разбирать его люди, по видимому ученые и понимающіе дѣло; но одинъ изъ нихъ находитъ, что Льюисъ вообще высказываетъ не ясно свои сужденія, и во всемъ его сочиненіи понимаетъ только то, чего именно въ немъ нѣтъ, будто бы оно противорѣчитъ воззрѣніямъ «Современника»; другому же показалось, что оно подтверждаетъ философію г. Юркевича и опять значитъ поражаетъ «Современникъ». «Современникъ» сдѣлался для многихъ какимъ-то критеріемъ, мѣркою, относительно которой они устанавливаютъ и опредѣляютъ свои собственные взгляды на все. Во всѣхъ случаяхъ, прежде всякаго другаго дѣйствія, они справляются съ «Современникомъ», чтобы непремѣнно стать въ оппозицію съ нимъ. Кажется, они и читаютъ «Современникъ» собственно для того только, нельзя ли найти въ немъ какихъ либо погрѣшностей, или промаховъ, а всѣ другія книги читаютъ съ единственною цѣлію отыскать въ нихъ что нибудь такое, чѣмъ бы можно было уколоть и задѣть «Современникъ». Но видно, пожива плоха, какъ можно судить по ихъ грубымъ натяжкамъ въ обличеніяхъ «Современника», и по тому обстоятельству, что они хватаются за соломенку, ищутъ помощи у protegé «Русскаго Вѣстника», искали даже нѣкогда у самой «Русской Рѣчи». За что же вы насъ называете сумасшедшими, нуждающимися въ помощи патологіи и психіатріи? Вы сами умны, геніальны и учены; покажите же вашъ умъ, заявите чѣмъ нибудь вашу геніальность и ученость, скажите что нибудь отъ себя противъ воззрѣній, не нравящихся вамъ, и выскажите ваши собственныя. Вы же сами сознаетесь, что съ г. Лавровымъ вы соглашались только относительно самостоятельности психологіи; ну, а какъ же вы мыслите о другихъ предметахъ этого рода? Вы недовольны «Современникомъ», онъ вамъ ненавистенъ; опровергайте и браните его сами, сколько вашихъ силъ хватитъ. Что же вамъ за надобность и за охота прятаться за г. Юркевича и услуживать ему разными натяжками? Значитъ, вы мало надѣетесь на свои силы, когда выставляете впередъ другихъ и даже свою брань хотите подкрѣпить чужимъ голосомъ.— Оттого-то, читатели, съ каждымъ днемъ мы все болѣе и болѣе дорожимъ своими убѣжденіями и увѣряемся въ ихъ прочности и согласіи съ состояніемъ и направленіемъ науки. Высказываешь свои сужденія

предъ толпою раздраженныхъ противниковъ, которые, если бы замѣтили въ нихъ слабую сторону, бросились бы на нее какъ голодные волки, расписали бы ее преподробно и на весь свѣтъ разгласили бы о твоемъ невѣжествѣ. Но оказывается только, что одинъ назоветъ тебя сумасшедшимъ, а другой вышлетъ противъ тебя г. Юркевича. Ну, а при этомъ можно еще жить на свѣтѣ; особенно еще когда видишь, что каждое новое открытіе въ наукѣ, каждый шагъ ея — съ одной стороны наносятъ ударъ зданію, защищаемому единомышленниками г. Юркевича, а съ другой — приготовляютъ матеріалъ для постройки новаго зданія въ другомъ вкусѣ; невольно чувствуется при этомъ внутреннее удовольствіе. — Вотъ хоть напримѣръ, ощущеніе долго находилось въ рукахъ метафизиковъ и психологовъ; но они ничего не сдѣлали съ нимъ и только внушили суевѣрный страхъ къ его таинственности. «Философствующій физіологъ» берется за ощущеніе; онъ тоже очень хорошо понимаетъ его таинственность и знаетъ, что не можетъ непосредственно наблюдать его ни однимъ изъ пяти чувствъ, какъ не можетъ наблюдать и сущности того мышечнаго сокращенія, которое производитъ движенія; но за то онъ можетъ наблюдать тѣ дѣйствія и явленія, которыми обнаруживается ощущеніе. Уколетъ онъ лапку лягушки и смотритъ, почувствовала ли она уколъ, или нѣтъ; лягушка отдернетъ лапку, — а, значитъ почувствовала, ей больно, ощущеніе есть. У другаго животнаго вырѣжетъ мозгъ, разсмотритъ его строеніе, станетъ дѣлать разные эксперименты надъ животнымъ, а потомъ и выведетъ изъ этого какое-нибудь заключеніе относительно ощущенія. Въ таинственность онъ, положимъ, не проникнетъ, какъ не проникнетъ и метафизикъ съ психологомъ; но, какъ выражается Льюисъ, царство таинственности превращается для него въ царство таинствъ, подчиненныхъ законамъ; онъ узнаетъ много фактовъ насчетъ ощущенія, узнаетъ законъ ощущенія, сумма его знаній увеличивается, — а это важное дѣло. Не хорошо поступаютъ съ таинственностью только тѣ, которые боятся ея, опускаютъ передъ нею руки, пускаются на выдумки и фантазіи; а безъ этого и психологи имѣютъ право заниматься ощущеніемъ и его болѣе сложными продуктами; ихъ нужно просить только о томъ, чтобы они, не смущаясь таинственностью, наблюдали то, что есть на самомъ дѣлѣ, а не выдумывали произвольно разныхъ подозрительныхъ и несуществующихъ агентовъ.

А. АНТОНОВИЧЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сочиненія *И. В. Кирѣевскаго*. **Т. I, II. Москва. 1861.**

Сочиненія *А. С. Хомякова*. **Т. I. Москва. 1861.**

Сочиненія *К. С. Аксакова*. **Москва. 1861.**

Нельзя не порадоваться изданію въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій знаменитыхъ представителей славянофильства, которые оказали незабвенныя услуги русской философіи, русской исторіи и всему вообще русскому просвѣщенію и русской народности. Изданіе ихъ благовременно и полезно особенно въ настоящее время, когда подражаніе всему иностранному дошло до высшей степени, такъ сказать, до апотеи: куда ни обратишь взоръ свой, всюду видишь усиленное и лихорадочное стремленіе подражать иноземному, прилежное изученіе чужаго для насъ Запада и какое-то благоговѣніе къ заграничному. Мы не будемъ говорить о модахъ и модныхъ матеріяхъ, объ издѣліяхъ, потребныхъ для общежитія, для промышленной дѣятельности и для разныхъ техническихъ производствъ; тутъ всегда и всѣми единодушно отдается преимущество иностранному предъ русскимъ; за всякую заграничную вещь всѣ охотно платятъ дороже, чѣмъ за русскую, хотя бы послѣдняя была и лучшаго качества. Мы обратимъ вниманіе только на науки, гдѣ подражаніе иноземному доходитъ до ужасающихъ размѣровъ; переводная литература достигаетъ громадныхъ объемовъ; почти каждый день появляются все новые и новые переводы иностранныхъ книгъ, бываютъ даже двойные переводы, такъ что одна и та же книга въ одно и то же время появляется въ двухъ различ-

ныхъ переводахъ; количество переводныхъ книгъ едва ли не равняется количеству оригинальныхъ. По каждой наукѣ вы найдете теперь гораздо больше сочиненій переводныхъ, чѣмъ оригинальныхъ, русскихъ; а по иной наукѣ, такъ и вовсе нѣтъ русскихъ сочиненій, а одни только переводныя. Даже русскіе писатели изящныхъ произведеній сами не могутъ предложить русскимъ читателямъ достаточное количество матеріаловъ для удовлетворенія ихъ потребности въ легкомъ чтеніи; такъ что чувствуется надобность издавать въ переводѣ собранія и цѣлыя библіотеки иностранныхъ повѣстей и романовъ. Каждый журналъ, кромѣ оригинальныхъ романовъ, непремѣнно печатаетъ въ «приложеніи» переводные романы. Кажется, какъ будто безъ переводовъ и жить нельзя; мы уже не говоримъ о тѣхъ личностяхъ, которыя постоянно читаютъ въ подлинникѣ иностранныя сочиненія. Согласитесь сами, что всѣ эти явленія представляютъ собою какое-то нравственное рабство съ нашей стороны, свидѣтельствуютъ объ отсутствіи въ насъ народнаго самосознанія, о недостаткѣ самоуваженія и сознанія собственныхъ силъ. Зачѣмъ намъ переводить иностранныя сочиненія, когда мы можемъ сочинять свои собственныя русскія? Конечно, переводъ сдѣлать гораздо легче, чѣмъ сочинить что нибудь, а иной скажетъ еще, что не зачѣмъ и сочинять въ другой разъ того, что уже однажды сочинено другими. Но вѣдь неблагородно же и недостойно честнаго человѣка жить на счетъ чужихъ трудовъ, пользоваться чужимъ умомъ и загребать жаръ чужими руками. Да притомъ еще, все хорошо на своемъ мѣстѣ; все можетъ успѣшно и роскошно рости только на той почвѣ, на которой оно выросло. Иностранныя науки хороши для иностранцевъ; но онѣ могутъ быть неудовлетворительны для насъ, могутъ не соотвѣтствовать нашимъ потребностямъ и нашему коренному духу. У насъ должна быть своя собственная наука; мы должны не переводить и пересаживать ее на нашу почву, а сами самостоятельно и своеобразно разводить и сочинять ее; вмѣсто того, чтобы тратить время и силы на переводъ того, что можетъ быть еще и негодится для насъ, не лучше ли было бы намъ отказаться отъ подражанія Западу, сочинять и читать что нибудь свое; тогда навѣрное скорѣе бы развились наши могучія силы и принесли бы свой плодъ. Поэтому мы радостно привѣтствуемъ всякую попытку освободиться отъ нравственнаго рабства и униженія передъ Западомъ, съ любовію останавливаемся надъ опытами нашихъ самостоятельныхъ цѣлостныхъ воззрѣній, довѣрчиво и радостно смотримъ на первыя проявленія нашей чисто русской народной науки. Понятно послѣ этого, почему мы радуемся появленію въ свѣтъ полнаго собранія славянофильскихъ сочиненій; мы будемъ прилежно изучать ихъ, какъ что-то родное, какъ «дымъ отечества», который

«намъ сладокъ и пріятенъ»; нѣтъ нужды, что въ этихъ сочиненіяхъ много найдется какихъ нибудь ошибокъ; эти промахи неизбѣжны вездѣ, особенно еще при первыхъ опытахъ самостоятельности; но отъ нихъ вѣетъ жизненной силой, народной живнью и духомъ. Въ этихъ сочиненіяхъ бьется живая струя, естественно задѣвающая за живое. Мы совѣтовали бы также и всѣмъ нашимъ переводчикамъ приняться за изученіе этихъ сочиненій, и оставить въ сторонѣ всякія иностранныя сочиненія, несоотвѣтствующія нашему духу, тѣмъ болѣе, что переводъ есть дѣло почти механическое, не требующее умственнаго напряженія и потому не развивающее умственныхъ силъ. Притомъ мы, русскіе, отличаемся особеннымъ складомъ ума, непохожимъ на европейскій; русскій скорѣе пойметъ русскаго, чѣмъ какого нибудь иностранца; поэтому чтеніе русскихъ произведеній съ самостоятельными русскими воззрѣніями болѣе можетъ содѣйствовать развитію русскаго ума, чѣмъ всѣ иностранныя и иноязычныя произведенія. Поэтому мы приписываемъ большое образовательное значеніе сочиненіямъ славянофиловъ, тѣмъ болѣе, что и самое содержаніе ихъ очень поучительно для насъ; мысли ихъ, за немногими исключеніями, вообще отличаются глубиною, основательностію и какою-то прівѣносообразительностію и доступностью для русскаго ума и для русскаго чувства.

Мы увѣрены, что «Современникъ» не согласится съ нашимъ взглядомъ на славянофиловъ, но все-таки онъ напечатаетъ нашу статью, въ уваженіе ея цѣли: намъ хотѣлось раскрыть ему глаза, высказать прямо всю правду, доказать ему, что онъ ошибается и судитъ о славянофилахъ легкомысленно. Ему, какъ видно, не нравятся славянофилы, онъ считаетъ ихъ воззрѣнія неосновательными; но увѣренъ ли онъ въ этомъ совершенно? а можетъ быть онъ и ошибается въ своихъ сужденіяхъ о славянофильствѣ? Не вдаваясь въ полемику, мы укажемъ ему на сужденія о славянофилахъ людей почтенныхъ, понимающихъ дѣло и авторитетныхъ въ этомъ случаѣ. «Современникъ» не уважаетъ авторитеты, это мы знаемъ; но пусть онъ терпѣливо и спокойно выслушаетъ ихъ, sine ira et studio, и тогда, можетъ быть, все разъяснится для всѣхъ. «Отечественныя Записки» въ прошломъ году говорили, что лучше статей Кирѣевскаго онѣ ничего не читали на русскомъ языкѣ по части философіи, что послѣ Кирѣевскаго наступилъ застой въ русской философіи, что только прекрасная статья г. Юркевича могла сравняться съ ними, и она дѣйствительно напомнила «Отечественнымъ Запискамъ» статьи Кирѣевскаго. Вы, конечно, недовольны и статьею г. Юркевича, но посмотрите, съ какимъ сочувствіемъ и теплотою говорится объ немъ въ «Сѣверной Почтѣ» въ статьѣ г. А—ва. Какъ всѣ уважали убѣжденія Хомякова, объ этомъ извѣстно

каждому, знакомому съ нашей литературой; противъ основательности этихъ убѣжденій ничего не говоритъ несчастная судьба ихъ, разсказанная въ замѣчательной статьѣ «О судьбѣ убѣжденій, по поводу смерти Хомякова». Въ ней говорится, что убѣжденія его были глубоки, основательны и въ высшей степени симпатичны, что онъ подвергъ глубокой и справедливой критикѣ разныя заблужденія латинства и, между прочимъ, неправильное происхожденіе Св. Духа и отъ Сына (filioque). И однакожъ, къ сожалѣнію, его убѣжденія не возбудили всеобщаго сочувствія, на его голосъ отозвался только, какъ выражается авторъ упомянутой статьи, какой-то нѣмецъ Цампеъ, а самыя убѣжденія не были замѣчены толпою. Но такова вообще «судьба убѣжденій»,—и это ничего не говоритъ противъ Хомякова. Далѣе, вы не придаете большой важности историческимъ воззрѣніямъ К. Аксакова; однако посмотрите, г. Громека въ «Отечественныхъ Запискахъ» совѣтуетъ всѣмъ современнымъ историкамъ смотрѣть на русскую исторію такъ именно, какъ смотрѣлъ на нее Аксаковъ: «читайте, говоритъ онъ, русскую исторію такъ, какъ читали ее Аксаковы». А это, согласитесь, прекрасная рекомендація для К. Аксакова. Вспомните, наконецъ, что говоритъ о К. Аксаковѣ самъ г. Костомаровъ, мнѣніе котораго вы должны уважать, хоть самъ г. Костомаровъ и не сходится съ Аксаковымъ въ мнѣніяхъ, ну хоть напримѣръ о новгородскомъ вѣчѣ. Вы никакъ не можете отвергать того, что г. А. Григорьевъ очень хорошо и очень близко знакомъ съ славянофилами; однако посмотрите, какъ онъ смотритъ на нихъ. «Направленіе славянофильства, говоритъ онъ во «Времени», такъ благородно, что нѣтъ нужды и оправдывать его въ какой-либо связи съ ученіями «Маяка» и иныхъ мрачныхъ изданій», и затѣмъ продолжаетъ:

«Хотя наши современные славянофилы и готовы считать Шишкова однимъ изъ своихъ отцовъ, но между его стремленіями и ихъ стремленіями цѣлая бездна. Стремленія Шишкова и его партіи, послѣдовательно оканчивающіяся «Маякомъ» и даже, пожалуй, «Домашней Бесѣдой»,— выходятъ изъ началъ темныхъ и мрачныхъ.... Стремленія же И. В. Кирѣевскаго и Хомякова подаютъ руку не «Маяку» и не «Домашней Бесѣдѣ», а тому просвѣщенному и возвышенному направленію, которое въ послѣднее время такъ могущественно заявило себя глубокомысленной и краснорѣчивой книгой архимандрита Θеодора».

Для васъ это конечно все равно, потому, что вы навѣрное не имѣете ни малѣйшаго понятія о книгѣ арх. Θеодора; жаль, а она бы раскрыла предъ вами новый, невѣдомый для васъ міръ, и несмотря на свою кажущуюся примрачность и сокровенность, разъяснила бы вамъ тайну и сущность славянофильства. — Что же вы скажете противъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ въ пользу славянофильства? ужели вы рѣшитесь

назвать ихъ неосновательными и уничтожить ихъ въ пользу одного вашего мнѣнія? Нѣтъ, не торопитесь произносить свой приговоръ, и постоянно держа въ умѣ приведенные нами взгляды, еще разъ посмотрите на славянофильство съ точки зрѣнія этихъ взглядовъ. Какъ видите, они согласны между собою, хотя принадлежатъ людямъ разныхъ направленій, различнаго образа мыслей,—уже это одно много говоритъ въ ихъ пользу. Чтобы помочь вамъ и вашимъ читателямъ составить правильное и точное понятіе о славянофилахъ, мы просимъ дать мѣсто въ вашемъ легкомысленномъ журналѣ слѣдующимъ отрывкамъ изъ глубокомысленныхъ славянофильскихъ сочиненій; дѣло будетъ говорить само за себя и изъ словъ ихъ вы узнаете ихъ.

Вотъ какъ Кирѣевскій опредѣляетъ главную причину всѣхъ нашихъ золъ:

«Противорѣчіе основныхъ началъ двухъ спорящихъ между собою образованностей есть главнѣйшая, если не *единственная*, причина всѣхъ золъ и недостатковъ, которые могутъ быть замѣчены въ русской земли. Потому примиреніе обѣихъ образованностей возможно въ такомъ мышленіи, котораго основаніе заключало бы въ себѣ самый корень древне-русской образованности, а развитіе состояло бы въ сознаніи всей образованности западной, и въ *подчиненіи* ея выводовъ господствующему духу православно-христіанскаго любомудрія. — Покуда внѣшнее просвѣщеніе продолжало жить на Востокѣ, до тѣхъ поръ процвѣтала тамъ и православно-христіанская философія. Она погасла только вмѣстѣ съ свободою Греціи и съ уничтоженіемъ ея образованности. Но слѣды ея сохраняются въ писаніяхъ святыхъ отцевъ православной церкви, какъ живыя искры. Но возобновить философію св. отцевъ въ томъ видѣ, какъ она была въ ихъ время, невозможно. А истины, выраженныя въ умозрительныхъ писаніяхъ св. отцовъ, могутъ быть для философіи животворнымъ зародышемъ и свѣтлымъ указателемъ пути. Противопоставить эти драгоцѣнныя истины современному состоянію философіи; проникнуться по возможности ихъ смысломъ, — вотъ задача, рѣшеніе которой могло бы измѣнить все направленіе просвѣщенія въ народѣ, гдѣ убѣжденія православной вѣры находятся въ *разногласіи съ* заимствованною *образованностію.*» Начала такой философіи дѣйствительно и хранятся въ глубинѣ жизни простаго класса народа. «Корень образованности Россіи», говоритъ Кирѣевскій, «живетъ еще въ ея народѣ и, что всего важнѣе, онъ живетъ въ его святой, православной церкви. Потому на этомъ только основаніи, и не на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи.... Построеніе же этого зданія можетъ совершиться тогда, когда тотъ классъ народа нашего, который не исключительно занятъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ жизни, и которому въ общественномъ составѣ преимущественно предоставлено значеніе: вырабатывать мысленно общественное самосознаніе, — когда этотъ классъ, говорю я,

до сихъ поръ проникнутый западными понятіями, наконецъ полнѣе убѣдится въ односторонности европейскаго просвѣщенія; когда онъ живѣе почувствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ; когда, съ разумною жаждою полной правды, онъ обратится къ чистымъ источникамъ древней православной вѣры своего народа, и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться къ яснымъ еще отголоскамъ этой святой вѣры отечества въ прежней, родимой жизни Россіи. Тогда, вырвавшись изъ-подъ гнета разсудочныхъ системъ европейскаго любомудрія, русскій образованный человѣкъ, въ глубинѣ особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живаго, цѣльнаго умозрѣнія святыхъ отцевъ церкви, найдетъ самые полные отвѣты именно на тѣ вопросы ума и сердца, которые всего болѣе тревожатъ душу, обманутую послѣдними результатами западнаго самосознанія» (Кирѣев., стр. 279). «Очевидно, говоритъ Хомяковъ, то основаніе, на которомъ воздвигнется прочное зданіе русскаго просвѣщенія: это вѣра, вѣра православная, которой, слава Богу, и по особенному чувству правды (?), никто еще не называлъ религіей (ибо религія можетъ соединять людей, но только вѣра связуетъ людей не только другъ съ другомъ, но еще и съ ангелами и съ самымъ Творцемъ людей и ангеловъ),—вѣра, со всею ея животворною и строительною силою, [illegible] свободою и терпѣливою любовью. Но она не со вчерашняго дня озарила русскую землю, и не даромъ жила въ ней въ продолженіе многихъ столѣтій. Много она оставила памятниковъ своего благодатнаго дѣйствія, много живыхъ слѣдовъ запечатлѣла въ просвѣщеніи отдѣльныхъ лицъ и въ общежительности народа. Почтительно (?) изучать эти памятники въ прошедшемъ, горячо любить эти слѣды (?) въ настоящемъ; особенно же помнить, что это не дѣло односторонняго разсудка (то есть изучать памятники), но дѣло цѣлой внутренней жизни, невозможное безъ постояннаго стремленія къ нравственному самоулучшенію (?): таковъ долгъ всякаго русскаго, ясно понимающаго великое призваніе своей родины (замѣчаете искусство словоизраженія Хомякова?). — Предоставимъ отчаянію нѣкоторыхъ западныхъ людей, испуганныхъ самоубійственнымъ развитіемъ раціонализма, тупое и отчасти притворное *презрѣніе* къ наукѣ. Мы должны *принимать*, сохранять и развивать ее во всемъ томъ умственномъ *просторѣ*, котораго она требуетъ; но въ то же время постоянно подвергать ее своей *собственной* критикѣ, просвѣщенной тѣми *высшими началами*, которыя намъ изстари завѣщаны православіемъ *нашихъ предковъ*. Только такимъ путемъ можемъ мы возвысить самую науку, дать ей цѣлость и полноту» (вотъ образчикъ полноты и многосторонности Хомяковскихъ отвѣтовъ; въ одномъ повидимому отвѣтѣ у него тутъ цѣлыхъ шесть, притомъ различныхъ и весьма разнообразныхъ: 1) мы не презираемъ науку; 2) мы принимаемъ ее; 3) во всемъ просторѣ; 4) но съ собственной критикой; 5) нѣтъ, не собственной, а высшихъ началъ; 6) нѣтъ не началъ, а нашихъ предковъ).— «Общеніе любви не только полезно, но вполнѣ необходимо для постиженія истины, и постиженіе истины на ней зиждется (?) и безъ нея невозможно. Недоступная для отдѣльнаго мышленія, истина доступна

только совокупности мышлений, связанныхъ любовію. Эта черта (?) рѣзко отдѣляетъ ученіе православное отъ всѣхъ остальныхъ.—То, что сказано о высшей истинѣ, относится и къ философіи. Повидимому — достиженіе (?) немногихъ, она дѣйствительно твореніе и достиженіе всѣхъ. Такъ мы видимъ, что философское мышленіе строгими выводами возвращается къ незыблемымъ истинамъ вѣры; и разумность церкви является высшею возможностью разумности человѣческой, не стѣсняя ея самобытнаго развитія» (Хомяковъ, стр. 257—283).—Въ этомъ смыслѣ и г. Юрій Самаринъ сказалъ недавно, «что матеріализмъ призванъ покончить со всѣми попытками — на чемъ нибудь утвердить идею нравственности внѣ православія, разумѣя подъ этимъ словомъ не одну доктрину, но церковь, какъ живой организмъ» («День», № 2). — Кирѣевскій указываетъ даже путь, по которому наша заимствованная образованность можетъ дойти и возвыситься до истинной русской философіи, до народнаго любомудрія. «Послѣдняя нѣмецкая философія, говоритъ онъ, принадлежитъ Шеллингу. Потому онъ и могъ такъ ясно сознать ограниченность этой философіи. Убѣдившись въ ограниченности самомышленія и необходимости божественнаго откровенія, Шеллингъ обратился къ христіанству, естественно, вслѣдствіе своего глубокаго развитія. Но стремясь къ божественному откровенію, не могъ онъ найти его чистаго выраженія. Ему оставалось одно — сочинять себѣ вѣру,—жалкая работа (дѣйствительно). Онъ руководствовался при этомъ не одними соображеніями, но, кромѣ священнаго писанія, искалъ опоры въ богосознаніи всего человѣчества, восколько оно сохраняло слѣды первобытнаго откровенія человѣку. Въ миѳологіи древнихъ народовъ находилъ онъ слѣды хотя искаженнаго, но неутраченнаго откровенія (такъ ли, г. Леонтьевъ?). Отрицательная сторона Шеллинговой системы, доказывающая несостоятельность раціональнаго мышленія, можетъ быть оцѣнена только въ Россіи. Поэтому я думаю, заключаетъ Кирѣевскій, что нѣмецкая философія въ томъ видѣ, какой она получила въ системѣ Шеллинга, можетъ служить у насъ самою удобною ступенью мышленія отъ заимствованныхъ системъ къ любомудрію самостоятельному, соотвѣтствующему основнымъ началамъ *древне-русской* образованности» (писано въ 1856 г.).

Къ сожалѣнію, смерть воспрепятствовала Кирѣевскому раскрыть подробно свою русскую философію, и онъ успѣлъ опредѣлить только главный исходный пунктъ ея.

«Жаль, очень жаль», говорилъ онъ, «что западное безуміе стѣснило теперь и нашу мысль, именно теперь, когда, кажется, настоящая пора для Россіи сказать *свое слово* въ философіи, показать имъ, еретикамъ, что истина науки только въ истинѣ православія. Однакожь не теряю намѣренія написать курсъ философіи.... Въ тишинѣ своего деревенскаго уединенія, я продолжаю работать для своего будущаго философскаго сочиненія, изучая писанія св. отцовъ: ученіе о святой Троицѣ не потому только привлекаетъ мой умъ, что является ему какъ высшее

средоточіе всѣхъ святыхъ истинъ, но и потому еще, что, занимаясь сочиненіемъ о философіи, я дошелъ до того убѣжденія, что направленіе философіи зависитъ, въ первомъ началѣ своемъ, отъ того понятія, которое мы имѣемъ о пресвятой Троицѣ» (Кирѣев., стр. 110).

«Одинъ изъ самыхъ прямыхъ путей, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Кирѣевскій, къ уничтоженію вреда отъ образованности иноземной, противорѣчащей духу просвѣщенія христіанскаго, былъ бы тотъ, чтобы развитіемъ законовъ самобытнаго мышленія подчинить весь смыслъ западной образованности господству православно-христіанскаго убѣжденія. Можетъ быть для того Провидѣніе и попустило русскому народу перейти черезъ невѣжество къ подчиненію иноземной образованности, чтобы въ борьбѣ съ чужими стихіями православное просвѣщеніе овладѣло всѣмъ умственнымъ развитіемъ современнаго міра». Философія на Западѣ, а вслѣдствіе этого и весь Западъ находятся въ ужаснѣйшемъ, безвыходномъ положеніи: «Западная философія теперь находится въ томъ положеніи, что ни далѣе идти по своему раціональному пути она не можетъ, ни проложить себѣ новую дорогу не въ состояніи. Вѣрующему человѣку на Западѣ почти не остается другаго средства спасти вѣру, какъ сохранять ее слѣпоту и оберегать боязливо отъ соприкосновенія съ разумомъ» — (Кирѣев. Т. 1, стр. 283). «Что бы ни было впереди и въ волѣ Провидѣнія, судъ уже совершёнъ надъ образованностію Запада и совершёнъ безпристрастно: ибо самъ Западъ произнесъ приговоръ свой въ послѣднихъ выводахъ философскаго мышленія, уличившаго себя въ односторонней разсудочности, и мы счастливы тѣмъ, что имѣемъ точки опоры и отправленія въ другомъ просвѣщеніи». (Хомяковъ, стр. 212). «Грустно становится и мучительно видѣть, какъ труденъ и почти невозможенъ поворотъ всей этой старой германской школы къ понятіямъ истинно-религіознымъ, и въ то же время, какъ она томится ихъ отсутствіемъ» (онъ же, стр. 145). «Англія еще крѣпка; не вѣрится, чтобы она могла погибнуть; а гибель неизбѣжна, развѣ приметъ она новое духовное начало, которое притупило бы остріе протестанскаго топора: но будетъ ли это?» (Онъ же, стр. 139). (Объ этомъ славянофилы должны были бы посовѣтоваться со своимъ московскимъ сосѣдомъ). «Если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заслугамъ дался и истинный и ложный путь вѣры, — первый Руси, второй Западу» (К. Аксаковъ, стр. 9). — «Гдѣ же найдетъ Западъ свое спасеніе, спрашиваетъ Кирѣевскій; гдѣ онъ позаимствуетъ истинныя и живыя убѣжденія?» — «Такова была воля Промысла», отвѣчаетъ Хомяковъ на этотъ вопросъ, прежде рѣшенный самимъ Кирѣевскимъ, «чтобы человѣчество, не понявшее христіанства, пришло путемъ отрицанія къ пониманью своей собственной ошибки. Прежняя ошибка уже невозможна, человѣкъ не можетъ уже понимать вѣчную истину первобытнаго христіанства иначе, какъ въ ея полнотѣ, то есть въ тождествѣ единства и свободы, проявляемомъ въ законѣ духовной любви. Таково православіе. Представителемъ же этого понятія является Востокъ, по преимуществу же земли славянскія, и въ

главѣ ихъ наша Русь, принявшая чистое христіанство издревле, по благословенію Божію» (стр. 152).

«Направленіе западныхъ философій», говоритъ Кирѣевскій, «было различно, смотря по тѣмъ исповѣданіямъ, изъ которыхъ онѣ возникали. — Римская церковь оторвалась отъ церкви Вселенской вслѣдствіе вывода разума формально-логическаго, искавшаго наружной связи понятій и изъ нея выводившаго свои заключенія о сущности. — Римская церковь должна была признать свою іерархію источникомъ всякой истины. — Въ протестантствѣ, напротивъ, вмѣсто одного внѣшняго авторитета, равно обязательнаго для всѣхъ, основаніемъ вѣры сдѣлалось личное убѣжденіе каждаго» (стр. 286). — «Итакъ, западная Европа развивалась не подъ вліяніемъ христіанства, но подъ вліяніемъ латинства, односторонне понятаго христіанства» (Хомяковъ, стр. 148). «Односторонность латинства вызвала противодѣйствіе, и наступилъ періодъ протестантства, тоже односторонняго» (Онъ же, стр. 149). «Въ тѣхъ народахъ, которыхъ умственная жизнь подлежала римской церкви, самобытная философія была невозможна. Оттого, родившись въ земляхъ протестантскихъ, раціональная философія распространилась и на католическія и проникла всю образованность Европы однимъ общимъ характеромъ» (Кирѣев. Т. II, стр. 290). «Вся новая исторія принадлежитъ протестантству, даже въ земляхъ, слывущихъ за католическія» (Хомяк., стр. 149). — «Пройдя эпоху невѣрія сомнѣвающагося, потомъ эпоху невѣрія фанатическаго, протестантская философія перешла наконецъ къ невѣрію равнодушно разсуждающему, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ сознанію внутренней пустоты» (Кир. Т. II. стр. 305). «Гегель палъ и — нѣтъ болѣе философіи на Западѣ. Гегелизмъ въ своемъ паденіи показалъ всю глубину духовной бездны, надъ которой уже давно, сама того не зная, стояла философствующая Германія» (Хомяк. 150). «На Востокѣ же развитіе совершалось совершенно другимъ образомъ.» — «Стремленіе къ умственной цѣльности, говоритъ Кирѣевскій, какъ необходимое условіе разумѣнія высшей истины, всегда было принадлежностію христіанскаго любомудрія. Со временъ апостоловъ до нашихъ временъ, оно составляетъ его исключительное свойство. Но съ отпаденія западной церкви оно осталось преимущественно на Востокѣ, гдѣ и была истинная философія. Эта философія восточныхъ отцевъ церкви, писавшихъ послѣ X вѣка, глубокая, живая, поучительная, была такъ мало доступна разсудочному направленію Запада, что никогда не была оцѣнена западными мыслителями и до сихъ поръ осталась имъ почти вовсе неизвѣстною» (стр. 256). «Въ церкви православной отношеніе между разумомъ и вѣрою совершенно отлично отъ церкви римской и отъ протестантства. Это отличіе состоитъ въ томъ, что въ православной церкви Божественное откровеніе и человѣческое мышленіе не смѣшиваются. Сущность православнаго мышленія состоитъ въ томъ, что оно ищетъ не отдѣльныя понятія устроить сообразно требованіямъ вѣры, но самый разумъ поднять выше своего обыкновеннаго уровня, самый способъ мышленія возвысить до сочувственнаго согласія съ вѣрою» (стр. 309). — «По паденіи

древняго міра, говоритъ Хомяковъ, новый свѣтъ блеснулъ для человѣчества, новое начало влилось въ душу человѣка. Но великое явленіе имѣло неодинаковыя послѣдствія на Востокѣ и Западѣ. Христіанство на Западѣ имѣло характеръ внѣшности и кругъ дѣйствія его былъ тѣсенъ; оно связывалось съ древнею языческою образованностію. Восточная страна продолжала личное развитіе человѣка, и въ кругѣ мысли побѣдоносно боролась съ мысленнымъ вліяніемъ прежняго язычества. Народы германскіе были искажены развратнымъ владычествомъ Рима; ученіе мира, любви и просвѣтленія духовнаго исказилось въ торжествѣ своемъ надъ римскими началами. Сѣмена зла, посѣянныя Римомъ, должны были принести свой плодъ *въ искаженіи разума*. Сѣмена вражды и ненависти, посѣянныя завоеваніемъ, должны были принести плодъ свой *въ искаженіи духа*, и Западъ долженъ былъ сомкнуться въ могучее цѣлое, извнѣ непобѣдимое и живое, внутри же нестройное, слабое и мертвое. Зародыши, брошенные на почвѣ германо-римской, созрѣли исторіею осьмнадцати вѣковъ. Другія явленія были на византійскомъ Востокѣ. Тамъ жизнь государственная замерла; но великій подвигъ науки религіозной совершался. Соборы отстояли для человѣчества великое ученіе, котораго плоды питаютъ его донынѣ, облагораживая его помыслы. Защитники иконъ защищали въ нихъ право человѣческой свободы. Они побѣдили, и ихъ побѣда спасла вѣру въ живую мысль» («Изъ Записокъ о Всемір. Истор. въ Рус. Бес.» стр. 157—161). «Поэтому, говоритъ Хомяковъ въ другомъ мѣстѣ, нечестенъ и безуменъ всякъ тотъ, кто бы ни былъ онъ родомъ, или какого бы ни былъ исповѣданія, кто вспомнитъ безъ благодарности эту заслугу византійскаго міра передъ человѣчествомъ; и за всѣмъ тѣмъ страсть такъ слѣпа и такъ властна надъ самыми лучшими умами; скрытая вражда западной образованности къ Востоку такъ сильна, что даже нѣмцы, люди, готовые положить душу свою за всякую науку и за всякій лоскутокъ науки, часто говорятъ съ пренебреженіемъ о томъ великомъ подвигѣ человѣческаго мышленія, который далъ наукообразное изложеніе и опредѣленность высочайшей небесной истинѣ» (стр. 215).

«Три элемента Запада», говоритъ Кирѣевскій: «Римская церковь, древне-римская образованность и возникшая изъ насилій завоеванія государственность,—были совершенно чужды древней Россіи. Принявъ ученіе христіанское отъ Греціи, она постоянно находилась въ общеніи съ вселенскою церковью» (стр. 240). «Ученія св. отцевъ православной церкви перешли въ Россію вмѣстѣ съ первымъ благовѣстомъ христіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ *сложился и воспитался* коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта» (стр. 250) «Не испытавъ завоеванія, русскій народъ устроивался самобытно. Разсматривая общественное устройство прежней Россіи, мы находимъ многія отличія отъ Запада, и во-первыхъ, образованіе общества въ маленькіе такъ-называемые міры (общины). Частная, личная самобытность, основа западнаго развитія, была у насъ такъ же мало извѣстна, какъ и самовластіе общественное. Человѣкъ принадлежалъ міру (общинѣ); міръ

ему. Поземельная собственность, источникъ личныхъ правъ на Западѣ, была у насъ принадлежностью общества. Лицо участвовало во-столько въ правѣ владѣнія, во-сколько входило въ составъ общества» (Кирѣевскій, Т. I, стр. 194). Вотъ источникъ, изъ котораго Хомяковъ и К. Аксаковъ заимствовали свои идеи о древнемъ бытѣ Руси. «Западная Европа», повторялъ вслѣдъ за Кирѣевскимъ и Хомяковъ: «сложилась не подъ вліяніемъ христіанства, а подъ вліяніемъ латинства. Къ нему примѣшалось еще человѣческое зло, то есть прежняя образованность языческая наложила печать своей особенности на умственное развитіе Запада. Далѣе, въ западной Европѣ все возникло на римской почвѣ, затопленной нашествіемъ германскихъ дружинъ; тамъ все возникло изъ завоеванія и вѣковой борьбы. Иное дѣло Россія: въ ней не было ни борьбы, ни завоеванія, ни вѣчной войны, ни вѣчныхъ договоровъ; она не построена, а выросла» (стр. 425). — К. Аксаковъ старается внушить всѣмъ благоговѣйное вниманіе къ русской исторіи. «Русская исторія, говоритъ онъ, имѣетъ значеніе всемірной исповѣди. Она можетъ читаться, какъ житія святыхъ. Россія, продолжаетъ онъ, земля совершенно самобытная, вовсе непохожая на европейскія государства и страны. Исторія нашей родной земли такъ самобытна, что разнится съ самой первой своей минуты. Здѣсь-то, въ самомъ началѣ, раздѣляются эти пути русскій и западно-европейскій, до той минуты, когда странно и насильственно встрѣчаются они, когда Россія даетъ страшный крюкъ, кидаетъ родную дорогу и примыкаетъ за западной.—Всѣ европейскія государства основаны завоеваніемъ. Вражда есть ихъ начало. Русское государство, напротивъ, было основано не завоеваніемъ, а добровольнымъ призваніемъ власти. Итакъ, въ основаніи государства западнаго: насиліе, рабство и вражда. Въ основаніи государства русскаго: добровольность, свобода и миръ. Западъ, изъ состоянія рабства переходя въ состояніе бунта, принимаетъ бунтъ за свободу, хвалится ею и видитъ рабство въ Россіи. Россія же постоянно хранитъ у себя признанную ею самою власть, хранитъ ее добровольно, свободно, и потому въ бунтовщикѣ видитъ только раба съ другой стороны. — Но пути эти стали еще различнѣе, когда важнѣйшій вопросъ для человѣчества присоединился къ нимъ: вопросъ Вѣры. Благодать сошла на Русь. Православная вѣра была принята ею. Западъ шелъ по дорогѣ католицизма. Ясно стало для русскаго народа, что истинная свобода только тамъ, гдѣ же Духъ Господень» (стр. 8—9). «Но русскій народъ не впалъ въ гордость смиренія, въ гордость вѣрою, то есть онъ не возгордился тѣмъ, что онъ имѣетъ вѣру. Нѣтъ, это народъ христіанскій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, постоянно чувствующій свою грѣховность» (стр. 19). «И Господь возвеличилъ смиренную Русь» (стр. 20). «Теперь обратимся къ самой исторіи русской. Народъ призываетъ власть добровольно, призываетъ ее въ лицѣ князя-монарха, какъ въ лучшемъ ея выраженіи, и становится съ нею въ пріязненныя отношенія. Князей стало много, они спорили между собою и часто перемѣщались. Многіе думаютъ о Новгородѣ, какъ о наиболѣе мѣнявшемъ князей, что онъ

былъ республика: совершенно ложно! Новгородъ не могъ оставаться безъ князя. Несмотря на перемѣщеніе князей, даже на изгнаніе ихъ, мы видите, что вся Россія и всѣ города ея и Новгородъ оставались вѣрны монархическому началу, и никогда не говорили: устроимъ правительство безъ князя. Время княжьихъ междоусобій прошло. Явился великій князь и потомъ царь московскій и всея Руси, наслѣдственный и самодержавный. Подобно тому, какъ князь созывалъ вѣче, царь созывалъ земскую думу или земскій соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣнія. Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа. Спрашивали выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ какъ будетъ угодно государю. Не личное самолюбіе, не гордость западной свободы была здѣсь, а обоюдное искреннее желаніе пользы. Одинъ только Іоаннъ IV вдругъ установилъ опричину, но потомъ опять ее уничтожилъ. Далѣе начались страшныя смуты. Народъ однакоже освободился отъ враговъ. Раздался общій голосъ: мы безгосударны, и вновь была призвана правительственная власть, та же монархическая власть, которая постоянно правила Россіей. Великій народный соборъ избралъ на престолъ Михаила, и, разумѣется, безъ всякихъ гарантій, вручилъ вновь монарху судьбу свою. Во все время русской исторіи народъ русскій не измѣнилъ правительству, не измѣнилъ монархіи. Никогда не раздавался голосъ въ народѣ: не надо намъ монархіи, не надо намъ самодержавія, не надо намъ царя. Любопытно взглянуть на эти отношенія между властію и народомъ, отношенія свободныя, разумныя, нерабскія, и потому обезпеченныя отъ всякой революціи. Земля или народъ пахалъ, промышлялъ и торговалъ; государство поддерживалъ онъ деньгами, и становился подъ знамена. Государство или государь блюлъ тихую жизнь земли. Вся администрація была въ его рукахъ. Постоянное войско было его заботой. Сношенія политическія вѣдалъ онъ одинъ» (стр. 10—13).

«Мы сказали», говоритъ К. Аксаковъ, «что русская исторія единственная во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго не въ словѣ, но и въ дѣлѣ, не въ исповѣданіи, но и въ жизни, — по крайней мѣрѣ по стремленію. Но сохранила ли Русь свои святыя начала? То ли она нынѣ, что была прежде?—Вотъ вопросъ. Какой же отвѣтъ?

«Я долженъ сказать теперь о переворотѣ въ русской исторіи, важнѣйшемъ изъ всѣхъ переворотовъ, ибо онъ коснулся самыхъ корней роднаго дерева. Я говорю о переворотѣ Петра. Изъ могучей земли, могучей болѣе всего вѣрою и внутреннею жизнію, смиреніемъ и тишиною, Петръ захотѣлъ образовать могущество и славу земную, захотѣлъ, слѣдовательно, оторвать Русь отъ родныхъ источниковъ ея жизни, захотѣлъ втолкнуть Русь на путь Запада, путь, о которомъ мы сейчасъ говорили, путь ложный (значитъ, братъ Иванъ занимствовалъ свою «ложь» у брата Константина) и опасный. Петръ подчинилъ Россію вліянію Запада; всѣмъ извѣстное подражаніе Западу доходило до невѣжества. Отъ Запада Россія принимала все, начиная отъ началъ до ре-

зультатовъ, отъ образа мыслей до языка и покроя платья (исторически всегда начиная съ послѣднихъ и доходя до первыхъ). Горькое, горькое явленіе! Бѣдственное и унизительное!»

Что же намъ дѣлать теперь и какъ пособить горю: «нужно ли, какъ выражается Кирѣевскій, для улучшенія нашей жизни теперь, возвращеніе къ старому русскому, или нужно развитіе элемента западнаго, ему противоположнаго?» На этотъ вопросъ прямо и рѣшительно онъ отвѣчаетъ слѣдующее:

«Сколько бы мы ни были врагами западнаго просвѣщенія, западныхъ обычаевъ и т. п.; но можно ли безъ сумасшествія думать, что когда нибудь, какою нибудь силою истребится въ Россіи память всего того, что она получила отъ Европы въ продолженіе двухъ-сотъ лѣтъ? Можемъ ли мы не знать того, что знаемъ, забыть все, что умѣемъ? Еще менѣе можно думать, что 1,000-лѣтіе русское можетъ совершенно уничтожиться отъ вліянія новаго европейскаго. Потому, сколько бы мы ни желали возвращенія русскаго или введенія западнаго быта, — но ни того, ни другаго исключительно ожидать не можемъ, а поневолѣ должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть изъ взаимной борьбы двухъ враждующихъ началъ.»

Это третье, по его мнѣнію, состояло въ томъ, «чтобы развитіемъ законовъ самобытнаго мышленія подчинить весь смыслъ западной образованности господству православно-христіанскаго убѣжденія».

Хомяковъ, по своему обыкновенію, глубже проникаетъ въ предметъ своими словоизвращеніями; онъ требуетъ возвращенія къ старой Руси, но такъ это у него выходитъ, что дѣйствительно разобрать его не легко; его фразы человѣкъ пристрастный можетъ понимать какъ угодно; повидимому онъ сближается съ Кирѣевскимъ, признаетъ заслуги Петра, и называетъ избранный имъ путь реформы только «отчасти ложнымъ»; но въ то же время и старую жизнь называетъ только «нѣсколько закоснѣвшею», противорѣчитъ Кирѣевскому и даже ведетъ съ нимъ полемику. Вообще трудно формулировать отвѣтъ Хомякова на разбираемый нами вопросъ; пусть лучше отвѣчаетъ онъ самъ, своими собственными краснорѣчивыми словами.

«Возстановленіе нашихъ умственныхъ силъ зависитъ *вполнѣ* отъ живаго соединенія съ стародавнею и все-таки намъ современною русскою жизнію, и это соединеніе возможно только посредствомъ искренней любви и общенія. Общеніе же заключается въ живомъ размѣнѣ не понятій однихъ, но чувствъ, въ общеніи воли, въ раздѣленіи не только горя, ибо состраданіе чувство слишкомъ обыкновенное (ну, конечно), но и радости жизненной. Только такого рода общеніе можетъ возвратить насъ къ началамъ жизни нами утраченной, и привести насъ изъ

состоянія безнародной отвлеченности и мертвой разсудочности, къ холодному участію въ особенностяхъ, характерѣ и физіономіи народа» (стр. 98). «Не жалѣть о *лучшемъ* прошедшемъ, не скорбѣть о никогда бывшей вѣрѣ, должны мы, какъ западный человѣкъ; но помня съ отрадою о живой вѣрѣ нашихъ предковъ надѣяться, что она озаритъ и проникнетъ еще полнѣе нашихъ потомковъ: помня о прекрасныхъ плодахъ божественнаго начала нашего просвѣщенія въ старой Руси, ожидать и надѣяться, что, съ помощію Божіею, та цѣльность, которая выражалась только въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, безпрестанно исчезавшихъ въ смутѣ и мятежѣ многострадальной исторіи, выразится во всей своей многосторонней полнотѣ въ будущей мирной и сознательной Руси. Русская земля предлагаетъ своимъ чадамъ, чтобы пребывать въ истинѣ, средство простое и легкое неиспорченному сердцу: полюбить ее, ея *прошлую жизнь* и ея истинную сущность, не смущаясь и не соблазняясь никакими случайными и внѣшними наплывами» (стр. 268). — К. Аксаковъ выражается яснѣе и рѣшительнѣе: «но, благодареніе Богу, говоритъ онъ, не вся Россія, а только часть пошла ложнымъ путемъ. Только часть Россіи оставила путь смиренія и, слѣдовательно, вѣры, — въ дѣлахъ по крайней мѣрѣ. Но эта часть сильна и богата, отъ нея зависитъ другая, неизмѣнившая вѣрѣ и землѣ родной.... Но, явленіе горькое! измѣнившая роднымъ началамъ часть Россіи — все же русскіе люди; они имѣютъ вліяніе на дѣла русской земли, и если не соблазняютъ всей массы вѣрныхъ, то часто отрываютъ отъ нея по одиночкѣ то того, то другаго. Сверхъ того, увлекшееся Западомъ общество составляетъ (невольно) наружность русской земли, имѣетъ полный голосъ, и его соблазнительные возгласы и дѣйствія слышны и видны всей земли русской, и конечно вредны. Оно именно на виду, къ соблазну народа; оно себя считаетъ дѣятельною стороною.... Но, какъ сказалъ я, только часть Россіи, такъ называемая образованная часть пошла по пути Запада, оставивъ путь родной земли; слава Богу, и среди этой части, измѣнившей родной землѣ, возникла мысль (то есть у славянофиловъ), что надо воротиться къ началамъ родной земли, что путь Запада ложенъ, что постыдно подражаніе ему, что русскимъ надо быть русскими, идти путемъ русскимъ, путемъ вѣры, смиренія, жизни внутренней, надо возвратить самый *образъ жизни*, *во всѣхъ его подробностяхъ*, на началахъ этихъ основанный, и слѣдовательно надо освободиться *совершенно* отъ Запада, какъ отъ его началъ, такъ и отъ направленія, отъ образа жизни, отъ языка, *отъ одежды*, отъ привычекъ, обычаевъ его, именно отъ этого свѣта и свѣтскости, вошедшихъ къ намъ, — однимъ словомъ отъ всего, что запечатлѣно печатію его духа, что вытекаетъ даже какъ *малѣйшій* результатъ изъ его направленія. Русскимъ надо освободиться отъ вліянія Запада, надо быть русскими, надо быть необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрующими и смиренными, не на словахъ только, но въ самой жизни (общественной), во всемъ объемѣ жизни. Это мнѣніе высказывается сильнѣе и сильнѣе въ рядахъ

измѣнниковъ и борется съ противоположнымъ западнымъ направленіемъ.

«Итакъ, что же представляетъ теперь земля русская?—Въ основаніи видимъ мы простой народъ, также какъ и въ старину, вѣрующій глубоко, хранящій святыя свои основы, вѣру и бытъ съ нею согласный; но онъ лишенъ всякаго участія въ общихъ дѣлахъ; въ русской исторіи его дѣйствіе чисто хранительное.... Гордость, презрѣніе къ русской жизни и языку, несогласіе образа жизни съ вѣрою, нетерпѣніе и торопливая переимчивость — вотъ его добродѣтели. Но теперь именно надъ русскимъ простымъ народомъ и надъ его священнымъ миромъ и тишиною, въ обществѣ, русскимъ началамъ измѣнившемъ, идетъ вражда, и борятся два направленія. Одно силится поддержать свою неправду—измѣны всему русскому и покорности западнымъ уставамъ. Другое искренно жаждетъ возстановленія русскихъ святыхъ началъ вѣры, русскаго основнаго образа жизни, всего русскаго духа, русскаго ума и христіанскихъ добродѣтелей, по крайней мѣрѣ въ общемъ дѣлѣ. Съ одной стороны: всякое упорство и желаніе, поблажающее удобной лѣни, остаться, безъ труда, подражателями Запада, пользоваться всѣми его политическими благами, повторять за нимъ всѣ слова и дѣйствія его, и не знать труда самостоятельной жизни; съ другой стороны: бодрая надежда и дѣятельное стремленіе возвратиться къ святымъ началамъ русской жизни. Нужно ли говорить, что такое стремленіе есть правое, законное и спасительное? Вотъ борьба, которая идетъ надъ простымъ народомъ.

«Таково современное положеніе Русской земли....»

Противъ частностей въ послѣднемъ отрывкѣ К. Аксакова вы конечно можете возражать; и дѣйствительно много изъ его требованій неудобоисполнимы, напр., что надо возвратить прежній образъ жизни до малѣйшихъ подробностей. А что же дѣлать, когда эти подробности неизвѣстны, если археологія еще не разъяснила многихъ изъ нихъ? Говорятъ, секретъ приготовленія древне-русскаго меду потерянъ и надежда на его открытіе такъ же слаба, какъ на открытіе греческаго огня. Поэтому пока невозможно возвратиться къ подробностямъ стараго быта; если археологія откроетъ ихъ и представитъ въ хромолитографированныхъ рисункахъ, работы академика Солнцева, тогда возвращеніе къ нимъ будетъ очень легко и удобно. Но все это частности и противъ нихъ вы можете возражать; а противъ сущности славянофильскаго ученія вы не можете возражать, сознайтесь, вѣдь не можете? Ну, такъ признайте же славянофильство, смиритесь предъ нимъ волею-неволею потому, что оно стоитъ подъ крѣпкой защитой истины; его охраняетъ непоколебимая сила, противъ которой вы ничего не въ состояніи сдѣлать, при всемъ вашемъ желаніи и легкомысліи.

Исторія новой философіи *Куно Фишера.* **Переводъ Страхова. Спб. 1862.**

Проникнутые любовью къ русской народности, къ русской почвѣ, мы всегда съ неудовольствіемъ и недовѣріемъ смотримъ на иностранныя сочиненія, и потому никакъ не можемъ заставить себя радоваться при появленіи какого нибудь изъ нихъ въ русскомъ переводѣ. Мы русскіе — народъ совершенно особый и своеобразный; мы отличаемся особымъ складомъ ума; наша моральная натура до такой степени типична, что въ ней нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ физіономіями иностранными. Между нами и Западомъ нѣтъ ничего общаго, нѣтъ никакой сочувственной связи, такъ что Западъ даже не въ состояніи понять насъ; «мы для него сфинксъ и неразрѣшимая загадка.» Если это положеніе вѣрно, то должно быть вѣрно и противоположное ему положеніе, именно, что и для насъ Западъ есть сфинксъ и неразрѣшимая загадка. Послѣ этого, какое же духовное общеніе возможно между нами и Западомъ, и какъ мы можемъ заимствовать у него что нибудь? Что для Запада хорошо, то для насъ дурно, что для него широко, то для насъ узко; потому что у насъ совсѣмъ другая натура. Выросшее на западной почвѣ, только на ней и можетъ рости хорошо; пересаженное на нашу почву, оно завянетъ и засохнетъ. — Зная таковыя наши расположенія, читатели очень легко могутъ отгадать, съ какими мыслями и чувствами мы должны были встрѣтить «Исторію философіи» К. Фишера въ русскомъ переводѣ г. Страхова. Фишеръ, какъ очевидно съ перваго раза, есть нѣмецъ съ Запада; г. Страховъ, безъ всякаго сомнѣнія, русскій, выросшій на нашей почвѣ. Какая же связь и какое отношеніе возможны между ихъ философіями? Фишеръ для г. Страхова сфинксъ; г. Страховъ для Фишера также сфинксъ; какъ же они могутъ понимать другъ-друга и на что они нужны другъ-другу? Никого изъ нихъ нельзя винить за непониманіе; оно естественно и необходимо; житель земли, конечно, не пойметъ жителя планеты Евфросиніи, открытой Фергусономъ, хоть бы они и сошлись гдѣ нибудь вмѣстѣ, и винить ихъ за это никакъ нельзя. Фишеръ пишетъ для Запада, для Германіи, и конечно имѣетъ въ виду какія нибудь спеціальныя цѣли, удовлетвореніе какимъ нибудь особеннымъ потребностямъ нѣмецкой почвы, и въ своемъ сочиненіи такъ ужь и приспособляется къ нимъ. А г. Страховъ пересаживаетъ Фишера на русскую почву, которая имѣетъ уже другія потребности, чѣмъ нѣмецкая, и для которой цѣли и стремленія Фишера совершенно чужды, а потому неумѣстны и напрасны. Нѣмецкіе ученые, напримѣръ, печатаютъ трактаты о пользѣ устройства бань и хо-

кденія въ нихъ; для русской почвы эти трактаты безполезны, по крайней мѣрѣ совершенно излишни. То же самое должно сказать и обо всѣхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, если смотрѣть на нихъ, стоя на почвѣ, съ чисто народной точки зрѣнія. Для «Исторіи философіи» Фишера такъ же не должно быть исключенія; она не наша, написана нѣмцемъ, выслѣдившимъ и воспитаннымъ въ Германіи, имѣетъ спеціальныя цѣли, относящіяся исключительно къ Западу. Пересаживать ее на нашу почву, стало быть, неудобно, да и совершенно напрасно; акклиматизовать у насъ Фишера весьма трудно, потому что «общество акклиматизаціи» еще не выработало прочныхъ началъ для успѣшнаго веденія этого дѣла. Фишеръ, какъ и всякій другой нѣмецъ и вообще иностранецъ, не можетъ быть у насъ туземнымъ растеніемъ. Это разъ; потомъ, самый предметъ сочиненія Фишера не можетъ имѣть къ намъ никакого отношенія и не можетъ заинтересовать насъ. Западная философія вѣдь чужда намъ; она, какъ увѣряютъ славянофилы, выросла на почвѣ протестантизма; а какое намъ дѣло до протестантизма, вѣдь мы не протестанты. И протестантская философія не придется по нашему вкусу и по нашему характеру; мы даже и не поймемъ ея, значитъ не поймемъ и ея исторіи. Толи бы дѣло, если бы нѣмецъ написалъ исторію русской философіи; вотъ тогда мы бы заинтересовались его сочиненіемъ. Многіе говорятъ, правда, что у насъ не было доселѣ народной, чисто русской философіи, что—то, что называютъ народной философіей не заслуживаетъ этого названія, что наша почва еще не доросла до философіи. Но такъ говорятъ и разсуждаютъ люди, не имѣющіе любви къ народу; ихъ оскорбительныя для народа разсужденія ясно показываютъ, что они желаютъ народу не добра, а погибели, что они вообще не уважаютъ русской народности и не имѣютъ должнаго патріотизма. Кто любитъ народъ, тотъ долженъ постоянно хвалить его, долженъ находить въ немъ одни прекрасныя качества и не находить ничего дурнаго, долженъ считать всѣ его воззрѣнія возвышенными и несомнѣнно истинными. Поэтому мы, любящіе народъ, утверждаемъ, что у него была постоянно истинная философія въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, что эта наша народная русская философія гораздо болѣе удовлетворяетъ насъ и болѣе соотвѣтствуетъ складу нашего ума, чѣмъ всѣ философскія системы Запада, выросшія на чужой почвѣ и развившіяся у народовъ, неимѣющихъ ничего общаго съ нами. Онѣ намъ не нужны, мы должны философствовать собственнымъ умомъ, и дѣйствительно мы имѣемъ свои системы, гораздо лучшія, чѣмъ западныя. Поэтому знаніе послѣднихъ для насъ совершенно излишне, и «Исторія философіи» Фишера совершенно для насъ ненужная и безполезная книга, которой и пересаживать на нашу

почву не слѣдовало бы. Если бы Фишеръ написалъ исторію русской философіи, тогда ее нужно было бы перевести на русскій языкъ, да и то было бы напрасно; потому что едва ли бы онъ понялъ русскую философію, потому что она для него — «сфинксъ», какъ и все русское.

Сужденіе объ «Исторіи новой философіи» Фишера нисколько не измѣнится, если смотрѣть на нее не съ почвы, а съ облаковъ, то есть съ высшей научной точки зрѣнія. Фишеръ понимаетъ исторію философіи очень ограничено, самый взглядъ его на философію узокъ и одностороненъ. Для него исторія философіи есть только средство для пропаганды и для подкрѣпленія той системы, которую исповѣдуетъ онъ самъ. Въ своей исторіи онъ разсматриваетъ только тѣ системы, которыя подходятъ къ его собственной, относятся къ одному извѣстному направленію; на системы съ другимъ направленіемъ онъ не обращаетъ вниманія, онѣ не относятся къ исторіи философіи и какъ будто вовсе для него не существуютъ. Даже въ изложеніи системъ, подходящихъ къ его направленію, онъ бываетъ одностороненъ; онъ мѣритъ ихъ по мѣркѣ воззрѣній его собственной философіи, признавая въ нихъ законнымъ и основательнымъ только то, что согласно съ нею. Подъ философіей онъ разумѣетъ только одну свою систему, всѣ другія считаетъ философичными настолько, насколько онѣ сходятся съ нею; то, что несогласно съ нею, не есть философія и не достойно занимать мѣсто въ исторіи философіи. Поэтому «Исторія философіи» Фишера вовсе не представляетъ намъ общаго движенія и развитія человѣческой мысли въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, обнаруживавшихся въ различныхъ, даже противоположныхъ системахъ, возникавшихъ въ новомъ періодѣ Европы; она есть не болѣе, ни менѣе, какъ только пропедевтика, или приготовительный курсъ къ собственной философіи Фишера, имѣющая въ виду предрасположить читателя въ пользу этой философіи. Здѣсь намъ показывается не вся исторія философіи, а только часть ея, которую авторъ находитъ нужнымъ изложить для своей частной цѣли, для того, чтобы его система была понятнѣе и казалась основательнѣе. Конечно, и это было бы не худо, если бы система, въ пользу которой жертвуютъ исторіей, по своему значенію и достоинству заслуживала того, если бы она дѣйствительно удовлетворяла современному настроенію мысли и состоянію науки, если бы она была жизненнымъ явленіемъ, питательнымъ для современныхъ умовъ. А то вѣдь и этого нѣтъ; сама-то система уже устарѣла, отжила свой вѣкъ, несостоятельность ея очевидна и она сама должна уже поступить въ область исторіи философіи. И въ пользу такой-то системы извращаютъ! обрѣзываютъ и перестраиваютъ исторію философіи, пропу-

скають болѣе крупныя дѣленія въ ней, не даютъ мѣста тому, что не согласно съ духомъ системы; а можетъ быть въ самомъ дѣлѣ оно-то и хорошо, можетъ быть въ немъ-то и заключаются намеки на болѣе удовлетворительное разрѣшеніе философскихъ вопросовъ. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ подводить всю исторію философіи подъ одну современную систему—дѣло невѣрное и опасное. Для насъ гораздо важнѣе было бы, такъ сказать, фактическое изложеніе исторіи философіи безъ всякихъ заднихъ мыслей, разборъ системъ болѣе замѣчательныхъ, но принадлежащихъ разнымъ направленіямъ; тутъ было бы для насъ возможно обстоятельное знаніе прошедшаго; а оно уже само собою помогло бы намъ лучше оцѣнить настоящія системы и направленія и въ этой оцѣнкѣ мы могли бы дѣйствовать совершенно самостоятельно.

Куно Фишеръ есть послѣдователь Гегеля; вся его исторія философіи направлена къ тому, чтобъ оправдать и доказать основныя положенія гегелизма, которыя будто бы составляютъ сущность всякой возможной философіи. Она написана по идеямъ и по методу самаго Гегеля. Гегель искусно воспользовался всѣми—собственно говоря, не всѣми, а только нѣкоторыми—существовавшими до него философіями; онъ не отрицалъ ихъ, а заключилъ въ свою систему, какъ отдѣльныя и подчиненныя части. По его воззрѣнію, всякая извѣстная философія была истинна; но она выражала и заключала въ себѣ только одну какую нибудь частную истину, и въ сущности была вѣрна, но только не полна. Другая философія заключала въ себѣ другую тоже частную истину, третья—третью и т. д.; наконецъ его собственная система соединила въ одно всѣ частныя истины, разсѣянныя по разнымъ философіямъ, и вывела изъ нихъ одинъ общій результатъ, одну абсолютную истину, которая такимъ образомъ завершила собою все развитіе философіи, составила послѣдній предѣлъ и заключительную ступень, далѣе которой уже не можетъ идти человѣческій разумъ. Исторія философіи, по Гегелю, есть внѣшняя логика; въ исторіи философскія системы слѣдуютъ одна за другой въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ одно понятіе выводится изъ другаго въ логикѣ. Система Гегеля—это логика, а исторія философіи—это постепенное раскрытіе и образованіе этой логики, оконченное въ системѣ Гегеля. Положимъ, гегелевская философія состояла изъ слѣдующихъ положеній: всѣ люди смертны; Кай человѣкъ; слѣд. Кай смертенъ. Эти положенія въ такомъ же порядкѣ слѣдовали и въ исторіи философіи. Первая по времени философія доказала и разъяснила первое положеніе; результатъ ея былъ тотъ, что всѣ люди смертны. Слѣдующая за ней философія занималась вторымъ положеніемъ, Каемъ, и показала, что онъ есть человѣкъ. За этой философіей явилась третья, обратилась къ опредѣ-

ленію смертности Кая и доказала, что онъ дѣйствительно смертенъ. Наконецъ гегелевой системѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ соединить въ себѣ эти три положенія, нашедши одну идею, которая бы обобщила ихъ. Такъ дѣйствительно и смотрѣлъ Гегель на свою философію и на исторію философіи. Въ его логикѣ первой категоріей было «бытіе»; посмотрите, говорилъ онъ, первая по времени, Іонійская философія дѣйствительно и занималась опредѣленіемъ бытія. За «бытіемъ» у него слѣдовало: «возникновеніе или происхожденіе» (das Werden); такъ дѣйствительно было и въ исторіи философіи; за системами бытія возникла Гераклитова философія, въ основаніи которой лежало понятіе «возникновенія» и т. д. Каждое понятіе въ логикѣ Гегеля соотвѣтствовало какой нибудь философіи, существовавшей исторически. Логика наконецъ дошла до высшаго понятія субстанціи и до тожества ея съ субъектомъ; такъ это было и въ исторіи: Спиноза опредѣлилъ субстанцію, а Шеллингъ указывалъ на тожество ея съ субъектомъ. Гегель считалъ исторію философіи сильнѣйшимъ доказательствомъ своей системы; такъ думаютъ и его послѣдователи. Они воображаютъ, что исторія философіи непремѣнно приводитъ къ гегелизму, что кто только узнаетъ ее, тотъ непремѣнно сдѣлается гегеліанцемъ, что идти дальше и сдѣлать больше нельзя. Такое обольщеніе возможно только при ограниченномъ пониманіи исторіи философіи и имѣетъ нѣкоторый видъ основательности только въ пристрастномъ и неполномъ ея изложеніи. Если какая нибудь система не подходитъ къ гегелизму, то ее нужно или перетолковать, или вовсе изгнать изъ исторіи; если системы слѣдуютъ не въ томъ порядкѣ, какъ отдѣльныя понятія въ гегеліанской логикѣ, то ихъ можно перемѣстить, и нисколько не стѣсняясь хронологіей, позднѣйшую систему поставить раньше, и наоборотъ. Съ этакимъ произволомъ Гегель дѣйствительно и распоряжался въ исторіи философіи; онъ останавливалъ вниманіе на томъ только, что ему благопріятствовало, на одной только частичкѣ исторіи философіи и воображалъ, что это вся исторія; съ хронологіей онъ такъ же мало церемонился. Послѣдователи Гегеля невольно должны были признать эту ошибку своего учителя; поэтому они оставили въ покоѣ древнюю и среднюю философію, но тѣмъ съ большимъ жаромъ принялись извлекать свои интересы изъ новой.

Вотъ посмотрите, что дѣлаетъ Куно Фишеръ. Для него вся философія сосредоточивается въ одной системѣ Гегеля; внѣ ея нѣтъ и не можетъ быть философіи; что не согласно съ Гегелемъ, то и не философія и не должно войдти въ исторію философіи. Гегель — это геркулесовы столбы человѣческой мысли; въ состояніи ли человѣческій умъ пойдти дальше ихъ — это, говоритъ онъ, еще неизвѣстно и будущее рѣшитъ, можетъ ли еще существовать что нибудь кромѣ геге-

линію. По крайней мѣрѣ пройденная исторія новой философіи показываетъ, что все сводится къ Гегелю, какъ концу концовъ, что если только пойдешь по ней, то неизбѣжно придешь къ гегелевой системѣ, исторія непремѣнно введетъ васъ въ эту систему; поэтому Фишеръ прямо называетъ ее введеніемъ въ философію Гегеля. Онъ какъ будто и не замѣчаетъ, что онъ идетъ не по всей исторіи философіи, не по большой дорогѣ ея, а только по одной тропинкѣ, правда, болѣе замѣтной, но все-таки исключительной и односторонней.

«Какъ Платонъ», говоритъ Фишеръ, «строитъ государство для того, чтобы найти справедливость, такъ и мы будемъ смотрѣть на исторію философіи, какъ на *Пропилеи*, которыя наилучшимъ образомъ введутъ насъ въ самую философію. Конечно, при этомъ допускается двойное предположеніе: во-первыхъ, что *философія* совпадаетъ съ тою ступенью, на которой она *теперь находится*; и во-вторыхъ, что *исторія философіи* идетъ по *закономѣрному развитію* отъ одной системы къ другой, что системы слѣдуютъ другъ за другомъ не случайно, а *необходимо*. Мы можемъ говорить о введеніи въ *философію* только въ томъ случаѣ, если справедливо первое предположеніе; мы можемъ довѣрить это введеніе *исторіи философіи* только въ томъ случаѣ, если справедливо второе предположеніе. Оба эти положенія составляютъ философскія спорныя точки и, чѣмъ сильнѣе на нихъ нападали, тѣмъ больше требуется, чтобы бы мы ихъ *защищали*. Если *я самую философію* отожествляю съ ея *позднѣйшею системою*, то я однако же далекъ отъ того, чтобы принять догматъ, который дѣйствительно нѣкоторое время былъ признаваемъ въ этой системѣ. Подавляющее впечатлѣніе, сдѣланное позднѣйшею философіею на мыслящихъ современниковъ, сила и строгость ея метода, огромность ея объема—всѣ эти рѣдкія и единственныя достоинства привели къ тому, что въ безмѣрномъ панегиризмѣ стали систему эту выдавать за вполнѣ законченное дѣло философскаго духа. Будущее рѣшитъ, дѣйствительно ли это мнѣніе столь же нелѣпо, сколько оно, безъ сомнѣнія, было *преждевременно*. Между тѣмъ извѣстно только, что со времени Аристотеля ни одна система еще не мыслила такъ объемлюще, строго и связно.

«Подъ условіями дѣйствительности, философія всегда является въ ограниченіяхъ вѣка, какъ развитая система, и кто хочетъ ввести себя въ философію, тотъ долженъ познакомиться съ ея *высочайшимъ* явленіемъ. Если же онъ хочетъ избѣжать ограниченій системы и опираться на одно родовое понятіе философіи, то онъ покидаетъ область дѣйствительности и ссылается только на одну способность. Поэтому онъ или долженъ самъ создать новую систему, и тѣмъ доказать эту способность, или же онъ долженъ признать ее въ высочайшемъ ея проявленіи. Такъ какъ мы не хотимъ здѣсь пускаться въ невѣрную область пустой возможности, то мы будемъ представлять себѣ философію, *какъ существующую въ нѣкоторой опредѣленной системѣ*, и наше введеніе въ изученіе философіи не ведетъ неизвѣстно куда, но имѣетъ въ

вѣку *опредѣленную систему философіи*. Естественно, что эта опредѣленная система есть послѣдняя или *настоящая система* (то есть Гегелева), такъ какъ въ ней до сихъ поръ философія наиболѣе *удовлетворяетъ сама себѣ*, или способность философіи дѣйствовала наиполнѣйшимъ образомъ. Для насъ въ извѣстномъ смыслѣ эта настоящая система *безконечна*, потому что она еще не перестала дѣйствовать.

«Итакъ мы нашли, что при изученіи философіи мы имѣемъ передъ глазами не неопредѣленный идеалъ, но совершенно опредѣленное явленіе: спрашивается только, какой путь мы выберемъ, какъ наилучшій *для введенія*?

«*Цѣль*, которую мы установили, указываетъ намъ и дорогу, которая ведетъ къ ней. Мы никому не въ состояніи объяснить настоящаго времени, если не заставимъ это время возникать передъ глазами того, кому объясняемъ, если не *будемъ выводить* его изъ прошедшаго времени. Точно также мы станемъ выводить философію настоящаго вѣка изъ прежнихъ философій и, такимъ образомъ, посредствомъ *исторіи философіи* достигнемъ результата, котораго ищемъ» (то есть философіи Гегеля). (стр. 3, 5 6).

Какъ видите, самъ Куно Фишеръ чувствуетъ себя неловко; онъ какъ будто боится прямо высказать свою мысль и назвать поддерживаемую имъ систему ея настоящимъ именемъ; вездѣ у него «позднѣйшая система», «позднѣйшая философія», «послѣдняя ступень ея», какъ то языкъ не ворочается произнести «система Гегеля»; и ужь слишкомъ странно было бы сказать, что вся философія трудилась и работала для того, чтобы выработать Гегеля съ его воззрѣніями. А между тѣмъ Фишеръ, хоть и не прямо, говоритъ именно это. Въ самомъ началѣ новой философіи онъ видитъ появленіе и предложеніе той задачи, которая разрѣшена въ системѣ Гегеля; онъ замѣчаетъ здѣсь же и раздвоеніе направленій философскихъ, но не придаетъ ему никакого значенія; одно направленіе онъ оставляетъ въ тѣни, а на другое напираетъ.

«Принимая эмпиризмъ за особенное философское направленіе новаго духа, мы необходимо должны причислить его основателя, Бэкона, къ родоначальникамъ новой философіи. Но такъ какъ въ идеализмѣ философское сознаніе болѣе развито, чѣмъ въ эмпиризмѣ, то принципъ Декарта яснѣе и отчетливѣе обнаруживаетъ начало новой философіи, чѣмъ принципъ Бэкона» (стр. 5 и 9).

Итакъ, вѣсы историческаго правосудія склонились на сторону идеализма и ему такимъ образомъ принадлежитъ вся новая философія, къ которой стало быть будетъ отнесено только то, что проникнуто идеалистическимъ характеромъ. Что бы ни говорилъ эмпиризмъ, на него не обратятъ вниманія, такъ какъ онъ не принадлежитъ новой философіи. Бэкону еще трудно было отстоять въ долѣ вліянія на новую фи-

лософію; а онъ все-таки не попалъ въ общую исторію философіи, чтобы не нарушать собою цѣлости и гармоніи идеалистической картины; имъ занялся Фишеръ въ отдѣльной монографіи. А ужь о другихъ явленіяхъ въ духѣ и направленіи Бэкона нѣтъ и помину. Выбраны и сопоставлены только тѣ философіи, которыя вошли какъ составная часть въ систему Гегеля.

«Первый періодъ новой философіи—догматическій; предметъ его занимающій есть *субстанція*; предположеніе, которое она дѣлаетъ, состоитъ въ *единствѣ мышленія и бытія* или въ абсолютной способности познанія.

«Но когда философскій духъ начинаетъ свое *самоиспытаніе* и изслѣдуетъ познавательную способность, онъ перестаетъ быть *догматическимъ* и дѣлается *критическимъ*. Философія перестаетъ быть *догматизмомъ*, она становится *критицизмомъ*, предметъ ее занимающій уже не *субстанція*, а *субъектъ*; она познаетъ уже не сущность вещей, но самое себя, то есть она понимать истину, какъ *самопознаніе*.

«Единство мышленія и бытія, которое первый періодъ новой философіи, или до-кантовская философія *предполагала*, а второй періодъ или критическая философія разрушила, возстановляется въ третьемъ періодѣ. Но оно уже не предполагается, а *доказывается*. Философію, которая доказала единство мышленія и бытія, или тожество субъекта и объекта, мы называемъ *философіею тожества*. Основатель философіи тожества есть Шеллингъ; настоящее довершеніе и систематическое развитіе она получаетъ у Гегеля.

«*Тожество бытія и мышленія* справедливо было разсматриваемо какъ жизненный вопросъ философіи, и новая философія обнаруживаетъ свою глубокую и особенную жизненность въ томъ, что ея эпохи опредѣляются этимъ вопросомъ.

«Вотъ почему *философія тожества* есть систематическое заключеніе новой философіи и, признавая въ Гегелѣ настоящаго ея образователя и довершителя, я вмѣстѣ съ тѣмъ считаю его систему заключительнымъ терминомъ новой философіи. Что касается до философіи послѣ Гегеля, то я не могъ убѣдиться, что она уже нашла новый источникъ развитія. Подробное изученіе сочиненій, явившихся послѣ Гегеля, скорѣе убѣдило меня, что настоящая философская культура состоитъ въ строгомъ и логическомъ развитіи тѣхъ началъ, которыя исторія философіи консеквентно вызвала на свѣтъ. Исторія эта была послѣдовательна и нельзя отвергнуть ея послѣдній результатъ, не отвергая вмѣстѣ и всей цѣпи ея системъ, до перваго звена, которое составляетъ Декартъ. Одинъ изъ современныхъ взглядовъ, прямой, но односторонній, откровенно высказалъ эту необходимость и объявилъ всю философію со времени Декарта за послѣдовательное развитіе одного заблужденія. Я не раздѣляю этого взгляда, но согласенъ съ нимъ въ томъ, что ударъ, падающій на Гегеля, отзовется и на Декартѣ, что мнѣнія, которыя дѣйствительно опровергли бы гегелеву систему, бросили бы

нанія и на всѣ другія вплоть до самаго зданія Декарта. Только нужно, чтобы это не были *холостые* удары, которые, какъ мы видимъ ежедневно, пускаются хромыми гефестами *снизу вверхъ*.

«Философія тожества кажется мнѣ оправданнымъ и доказаннымъ результатомъ, которое дальнѣйшее историческое развитіе составляетъ первую задачу философской современности.»

Какъ видите, система Гегеля поглотила въ себя всѣ предшествующія философіи; онѣ всѣ какъ будто статьи самого Гегеля, въ которыхъ раскрываются и доказываются частнѣйшія положенія его философіи. Онъ не возвышается надъ ними, не отрицаетъ, а признаетъ ихъ, какъ вспомогательныя орудія свои. Гегель какъ бы такъ говоритъ: всякая философія предполагаетъ и имѣетъ задачею доказать тожество мышленія и бытія; смотри первый періодъ ея; она сначала занимается субстанціей, смотри второй періодъ; потомъ обратилась къ субъекту, смотри третій періодъ. Я, наконецъ, соединяю субъектъ съ инстанціей въ абсолютномъ духѣ, чѣмъ и доказываю тожество бытія и мышленія, и такимъ образомъ заканчиваю всю философію, рѣшаю ея задачу,—и философіи—конецъ. Вотъ поэтому-то система Гегеля и представилась Фишеру «заключительнымъ терминомъ новой философіи». Дѣйствительно, Гегель послѣдній терминъ, но не всей новой философіи, а только одной части ея, одного направленія, т. е. идеалистической.

Только системы идеалистическія попали въ исторію Фишера, такъ что она есть не исторія новой философіи, а только исторія новаго идеализма. Въ этомъ ошибка и Гегеля и Фишера; въ этомъ и все разъясненіе дѣла: одно философское направленіе принято за единственно возможную философію, и только развитіе этого направленія попало въ исторію философіи, которая такимъ образомъ и привела и Гегеля и Фишера къ идеализму. Если бы исторія философіи представлена была всесторонне, еслибы въ ней параллельно излагались системы различныхъ направленій, существовавшихъ наряду съ идеалистическими, тогда не такъ легко было бы подвести ихъ подъ одну мѣрку и вышелъ бы другой результатъ, кромѣ соединенія субъекта съ субстанціей. — Направленіе, выразившееся въ Бэконѣ, не умерло съ нимъ и не переродилось въ идеализмъ, но продолжало существовать и развиваться самостоятельно. Фишеръ называетъ Германію всемірною школою философіи; а между тѣмъ внѣ Германіи также вѣдь существовала философія самостоятельная, не подчинявшаяся идеализму; существовали эмпирическія и реалистическія школы, тоже имѣющія несомнѣнное право на мѣсто въ философіи. О великихъ естествоиспытателяхъ

Фишеръ и не вспоминаетъ, подобно многимъ историкамъ философіи, какъ будто естествоиспытатели вовсе не имѣли вліянія на развитіе и движеніе человѣческой мысли. Между тѣмъ открытія и соображенія Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона и другихъ произвели совершенный переворотъ во всемъ міросозерцаніи европейскихъ народовъ, они высказали воззрѣнія, которыя перешли въ жизнь, сдѣлались достояніемъ всѣхъ, укрѣпились непоколебимо и представляли собою дѣйствительный успѣхъ знанія реальнаго, независѣвшаго отъ философскихъ построеній, и своимъ вліяніемъ даже направлявшаго эти построенія. Наконецъ и въ самой Германіи въ области философіи всегда существовало направленіе, скромно возстававшее противъ всякихъ идеалистическихъ системъ. Эти возстанія не были слишкомъ замѣтны именно потому, что они были скромны; они не имѣли блестящихъ всеобъемлющихъ построеній, которыми идеалистическія системы ослѣпляли всѣхъ. Стройно развитая, величественная, систематически хоть и произвольно построенная философія всегда могла затмить и заслонить собою эмпириковъ и реалистовъ, которые не рѣшались на смѣлыя построенія, не имѣя для нихъ основанія. Но вѣдь все же они существовали, существуютъ и теперь на ряду съ идеалистами и продолжаютъ свое дѣло, подобно имъ. Фишеръ говоритъ, что теперь нѣгегелевская философія еще не выработала никакого направленія новаго, что она все еще стоитъ на старомъ. Это опять-таки относится къ идеализму, который самъ не сознается, что ему нельзя идти дальше Гегеля; другія же направленія продолжаютъ дѣйствовать и идти впередъ, имъ и въ голову не приходитъ придумывать новые принципы и направленія, потому что и прежніе еще не исчерпаны вполнѣ и имъ слѣдуетъ только развиваться. — Вотъ если бы Фишеръ разобралъ всѣ эти разнородныя пути философствующей мысли, онъ не такъ рѣшительно говорилъ бы, что исторія философіи неизбѣжно вводитъ въ гегелеву систему. Если посмотрѣть на дѣло съ болѣе общей и высшей точки зрѣнія, сама эта система должна служить введеніемъ во что нибудь другое.

Соображая все сказанное объ «Исторіи философіи» Куно Фишера, нельзя сказать, чтобы выборъ ея для перевода былъ удаченъ. Для нашей публики нужнѣе была бы фактическая исторія философіи безъ заднихъ мыслей и тенденцій, изложенная съ единственною цѣлью познакомить читателя съ ходомъ и различными проявленіями философствующей мысли. Дѣлать частныя примѣненія и приспособленія изъ исторіи философіи можно только тогда, когда она извѣстна большинству хоть въ общихъ чертахъ, когда есть возможность каждому судить объ этихъ примѣненіяхъ. А иначе она приметъ односторонній видъ, а не видъ самостоятельной науки, какою она должна быть,

сдѣлается какимъ-то пособіемъ, введеніемъ, или предисловіемъ къ какой нибудь системѣ, которая сейчасъ же можетъ оказаться неудовлетворительною, можетъ пасть и должна будетъ увлечь въ своемъ паденіи и исторію. Исторія философіи не должна зависѣть даже отъ господствующей системы въ извѣстное время; ея задача — не есть пропаганда извѣстныхъ воззрѣній. Ее могутъ излагать — и какъ показываетъ опытъ, совершенно основательно и научно — люди совершенно безпристрастные, индифферентные къ господствующимъ системамъ и не принадлежащіе ни одной изъ нихъ. Возможна пропаганда и чрезъ исторію, но только не при нашихъ условіяхъ, когда у насъ даже нѣтъ элементарныхъ свѣдѣній по исторіи философіи.

Руководство къ сравнительной статистикѣ. *Г. Ф. Кольба*. Переведено и дополнено подъ редакціею *А. Корсака*. Изданіе *Николая Тиблена*. Томъ I. Спб. 1862 г.

Въ послѣдніе годы стали являться у насъ издатели, какихъ прежде не было: люди по своимъ знаніямъ могущіе вполнѣ судить о достоинствѣ издаваемыхъ ими книгъ и притомъ совершенно добросовѣстные въ выборѣ книгъ для изданія. Перваго изъ такихъ издателей нашла литература въ г. Тибленѣ. Нѣтъ надобности говорить, какую пользу книжному дѣлу приноситъ издательская предпріимчивость, когда находится въ соединеніи съ такими качествами. Напримѣръ, достаточно просмотрѣть списокъ изданій г. Тиблена, чтобы убѣдиться въ серьёзности и дѣльности книгъ, на которыхъ останавливается его выборъ. Онъ напечаталъ или печатаетъ: «Исторію цивилизаціи» Гизо, «Курсъ Политической Экономіи» Молинари и Курсель Сенёля, «Полное собраніе сочиненій Маколея», біографію Маколея г. Вышнеградскаго, «Гражданское Право Мейера», «Повѣсти Марка Вовчка» на малорусскомъ языкѣ, «Очеркъ торговли московскаго государства» г. Костомарова, «Исторію новой философіи» Куно Фишера; онъ готовитъ къ печати «Исторію французской литературы» Юліана Шмидта, с предисловіемъ и прибавленіями Милли, «Исторію цивилизаціи въ Англіи», Бокля. За исключеніемъ одного Молинари, да еще Куно Фишера, тутъ нѣтъ ни одной книги, о которой не слѣдовало бы сказать, что она принадлежитъ къ числу сочиненій, изданіе которыхъ заслуживаетъ безусловнаго одобренія. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ безспорное классическое достоинство; другія все-таки — самыя лучшія по своей части изъ сочиненій, могущихъ быть издаваемыми у насъ. — Въ свое время мы высказывали недостатки нѣкоторыхъ книгъ, издаваемыхъ г. Тибленомъ; напримѣръ указывали одностороннность историческихъ и политическихъ убѣжденій Гизо и Маколея, — но, какъ бы ни думать

кто о направленіи такихъ писателей, всякій понимаетъ, какъ нужно и полезно существовать имъ въ русскомъ переводѣ. Вообще же, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ, г. Тибленъ выбираетъ для изданія такія книги, которыя заслуживаютъ полнаго одобренія не только по достоинству своего изложенія или по фактическому богатству своего содержанія, но и по истинности своего направленія.

Къ этому послѣднему разряду принадлежитъ «Статистика» Кольба, смотрящаго на вещи съ самой вѣрной точки зрѣнія. Г. Корсакъ, извѣстный своими добросовѣстными трудами по части политической экономіи и статистики, принявъ на себя редакцію перевода, значительно увеличилъ достоинство книги тѣмъ, что присоединилъ къ статьѣ Кольба о Россіи свой собственный статистическій очеркъ, гораздо болѣе обширный. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ Кольба статья о Россіи занимаетъ только 27 страницъ; при столь значительномъ ея расширеніи въ русскомъ изданіи г. Тибленъ долженъ былъ раздѣлить на два тома книгу, составляющую въ нѣмецкомъ изданіи одинъ томъ. Въ первой вышедшей теперь части русскаго изданія находится статистика пяти европейскихъ великихъ державъ. Но мало того, что статья г. Корсака обширна: она очень дѣльна, такъ что этотъ трудъ г. Корсака надобно назвать самымъ лучшимъ и полнымъ сборникомъ общихъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи.

Свой добросовѣстный и обширный трудъ г. Корсакъ начинаетъ замѣчаніемъ, что «статистика Россіи представляетъ самыя шаткія данныя. Одни изъ ея фактовъ не опредѣлены пока даже приблизительно вѣрно, другіе недоступны для науки. Къ числу первыхъ можно отнести даже свѣдѣнія о пространствѣ и населеніи». Неудивительна была бы неточность свѣдѣній о пространствѣ азіатскихъ пустынь, считающихся нашими владѣніями; но даже пространство Европейской Россіи опредѣляется разными источниками очень неодинаково. Въ перечисленіяхъ населенія точно также находится очень большая разница между свѣдѣніями, изданными отъ министерства финансовъ и отъ Центральнаго Статистическаго комитета, который насчитываетъ въ Русской имперіи на 1,826,000 человѣкъ больше, чѣмъ министерство финансовъ.

Но каково бы ни было неизвѣстное намъ съ точностью пространство нашей Имперіи и число ея населенія, мы можемъ весьма основательно радоваться тому, что со второй половины прошлаго вѣка чрезвычайно расширили свои границы на западѣ. Вотъ очень любопытная табаица разстоянія нашихъ границъ отъ нѣкоторыхъ городовъ Западной Европы нынѣ и 90 лѣтъ тому назадъ

		1772 г.		нынѣ	
отъ	Стокгольма	32	миль	18	миль.
	Кёнигсберга	50	»	20	»
	Берлина	202	»	43	»
	Бреславля	174	»	11	»
	Дрездена	207	»	44	»
	Праги	208	»	45	»
	Вѣны	228	»	64	»
	Мюнхена	252	»	89	»
	Франкфурта	268	»	105	»
	Парижа	337	»	174	»
	Лондона	330	»	171	»

Неудивительно, что при сличеніи этихъ цифръ, западныя державы чувствуютъ безпокойство и недовѣріе. Вѣдь еслибы дѣло продолжало идти такимъ же путемъ, то черезъ 20 лѣтъ наша граница достигла бы Праги, черезъ 30—Вѣны, черезъ 35 лѣтъ Мюнхена, черезъ 40—Франкфурта, а еще черезъ 20 или 30 лѣтъ даже Парижа и самаго Лондона. Та партія рьяныхъ славянофиловъ, которая вмѣстѣ съ г. В. Ламанскимъ хлопочетъ объ отысканіи намъ вотчинныхъ правъ на Севилью и Кордову, исконные славянскіе города,—и вообще о «прінсканіи новыхъ землицъ» вдобавокъ къ нынѣшнимъ нашимъ землямъ,—эта партія имѣетъ за себя и факты исторіи послѣдняго столѣтія точно такъ же, какъ находитъ аргументы для себя въ первыхъ временахъ Среднихъ вѣковъ, когда, по свидѣтельству покойнаго Савельева-Ростиславича, мы, русскіе, подъ именемъ вандаловъ и готовъ завоевали Италію, подъ именемъ саксовъ завоевали Британнію.

Но кромѣ шутокъ. Политика Россіи до недавняго времени была болѣе всего обращена на расширеніе границъ, и дѣло это, шедшее съ большимъ успѣхомъ, развлекало силы нашего коренного русскаго населенія. Мы не могли обзавестись у себя ни образованностью, ни даже хотя бы порядочнымъ частнымъ хозяйствомъ, потому что некогда намъ было ни о чемъ своемъ домашнемъ подумать, да и не оставалось у насъ никакихъ средствъ на домашнія дѣла: мы постоянно исполняли въ обратномъ смыслѣ знаменитое предсказаніе, которымъ всегда характеризовалась возможность благосостоянія: «перекуютъ мечи въ плуги и копья въ серпы»; у насъ постоянно ковались мечи и копья изъ желѣза, которому слѣдовало бы идти на плуги и серпы; потому-то намъ до сихъ поръ нечѣмъ пахать землю.

Это прежнее направленіе всѣхъ нашихъ общественныхъ мыслей и силъ къ расширенію границъ напрасно было бы приписывать исключительно или преимущественно прежнимъ правительствамъ въ от-

дѣльности отъ общества. Само общество вызывало и поддерживало такое направленіе правительственной дѣятельности. Нечего говорить о старыхъ временахъ, когда общество было заражено этимъ завоевательствомъ еще больше нынѣшняго. Вспомнимъ, какъ при началѣ восточной войны изъ ста такъ-называемыхъ образованныхъ людей девяносто девять ликовали при мысли, что мы скоро овладѣемъ Константинополемъ. Зачѣмъ имъ нуженъ былъ Константинополь? Квартальными надзирателями что ли разсчитывали они быть въ немъ, получить исправническія должности въ Румеліи, Ѳессаліи, Албаніи? Сдѣлаться пашами адріанопольскими, филиппопольскими, салоникскими, янинскими? Хоть бы этотъ разсчетъ былъ у нихъ, ликовавшихъ господъ,—оно было бы понятно, хотя и низко было бы желать новаго обремененія отечеству для полученія выгодныхъ должностей себѣ. Но нѣтъ, они ликовали совершенно безкорыстно, идеально, такъ сказать научно: ихъ просто восхищала мысль, что вотъ на ландкартахъ весь турецкій полуостровъ будетъ обведенъ тою же краскою, которая идетъ отъ Торнео черезъ Полангенъ, Калишъ, Броды и т. д.; что въ академическомъ мѣсяцесловѣ къ прежнимъ двумъ страницамъ въ спискѣ губерній прибавится третья съ неслыханными именами какихъ нибудь губерній Шумлянской, Шиптовской, Киркъ-Килиссейской, Ушкубской, Ларисской, Елбасанской и т. д. О томъ, что надобно будетъ и по окончаніи войны содержать на Балканскомъ полуостровѣ лишнихъ двѣсти тысячъ войска, о томъ, что на содержаніе этого войска нужно будетъ лишнихъ 50 милл., — о томъ, что заботы о сохраненіи нашей власти надъ Балканскимъ полуостровомъ еще меньше прежняго оставятъ намъ времени устроивать свои дѣла, — о томъ, что мы обѣднѣемъ отъ новаго завоеванія, — объ этомъ наше общество и не думало. Помилуйте, мы будемъ владѣть Константинополемъ, Босфоромъ, Дарданеллами, Балканами, чуть ли не Парнассомъ и Олимпомъ, Адріатическимъ прибрежьемъ, быть можетъ островомъ Теаки, древнею Итакою, отечествомъ Улисса, — восторгъ, восторгъ! Подумайте только: тогда Вѣна будетъ съ трехъ сторонъ окружена нашими владѣніями, наша флотилія будетъ плавать по Савѣ и всегда готова войти въ Драву и Мораву,—вѣдь это восхитительно. Я васъ спрошу: что тогда будетъ дѣлать Вѣна? чуть что нибудь не по нашему,—собираются пять корпусовъ русской арміи въ Бѣлградѣ и двигаются они вверхъ по долинѣ Дуная прямо на Вѣну; а тутъ съ другой стороны собираются пять корпусовъ руской арміи около Вислицы и Стобницы и двигаются съ другой стороны тоже на Вѣну. Обѣ арміи соединяются между Вѣною и Пресбургомъ. Вѣна отрѣзана отъ восточной половины Австрійской имперіи. Подъ Люксенбургомъ происходитъ рѣшительная битва: австрійцы вывели

200 тыс. человѣкъ, а мы 400 тысячъ; австрійцы обойдены съ праваго фланга, оттѣснены отъ Вѣны, хотятъ отступать къ Грецу; но Земмерингскія дефиле уже заняты нашими войсками и — остатки австрійской арміи кладутъ оружіе, — въ томъ родѣ, помните, какъ было подъ Арадомъ съ венграми, — а Вѣна уже за два дня передъ тѣмъ, на утро послѣ битвы, выслала ключи побѣдителямъ и т. д... Словомъ сказать, «жизнь наша течетъ въ эмпиреяхъ, музыка играетъ, штандартъ скачетъ», и т. д... «и въ ту же минуту по улицамъ (покоренной Вѣны) курьеры, курьеры (изъ Берлина, Гаги, Брюсселя, Парижа, Мадрита, Лиссабона), курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? — Иванъ Александровичъ, — то бишь Владиміръ Ивановичъ съ товарищами — ступайте управлять департаментомъ, — то бишь, всею Европою». Бѣдный г. В. Ламанскій, милый бывшій нашъ собесѣдникъ, за что мы нападаемъ на васъ, человѣка невиннаго и неважнаго, ученаго и почтеннаго? Вы съ неменѣе почтеннымъ г. И. Аксаковымъ не больше многихъ любезныхъ нашихъ соотечественниковъ наклонны къ завоевательной властолюбивости, — то есть, они наклонны къ ней не меньше васъ, — а мы выводимъ на посмѣшище только васъ двоихъ, не смягчаясь даже тѣмъ, что вы, при всей географической смирѣности, добродушнѣйшіе люди въ мірѣ, благонамѣреннѣйшіе сыны отечества.... Но вѣдь и то сказать: если смягчаться надъ вами за то, что вы говорите вздоръ только по крайней наивности, а не по злому умыслу, такъ вѣдь и ни на кого изъ сыновъ нашего отечества нельзя претендовать за то, что Россія была двѣсти лѣтъ занята исканіемъ «новыхъ землицъ». А надобно же на комъ нибудь сорвать злобу, и мы срываемъ ее на васъ, добродушнѣйшій изъ смертныхъ.

О государственныхъ доходахъ и расходахъ помѣщена въ этой книжкѣ «Современника» отдѣльная статья, въ которой мы много пользовались цифрами, представленными въ изслѣдованіи г. Корсака. А здѣсь мы приведемъ изъ его очерка статью о государственномъ долгѣ. Сказавъ, что къ 1 января 1860 г. консолидированный государственный долгъ считался въ 555,012,127 р. сер., и что увеличеніе этой цифры передъ долгомъ, бывшимъ въ 1858 г., равняется 39,024,115 р. сер., г. Корсакъ продолжаетъ:

Кромѣ консолидированнаго долга существуетъ долгъ, не внесенный въ государственную долговую книгу и соотвѣтствующій тому, что во Франціи называютъ *dette flottante* (текущій долгъ); къ 1 января 1859 г. онъ былъ въ слѣдующемъ видѣ:

Долги срочные:	
Разныя серіи билетовъ государств. казначейства . .	93,000,000
Долгъ заемному банку	325,000,000
Долгъ безсрочный:	
Кредитные билеты (ассигнаціи)	644,648,719
Итогъ .	1,062,648,719
А съ консолидированнымъ долгомъ =	515,988,012
Составится	1,578,636,731
За вычетомъ же резерва, обезпечивающаго ассигнаціи, и суммъ, назначенныхъ для уплаты долговъ, всего	115,028,197
Останется къ 1 январю 1859 г. всего долга . . .	1,463,608,534

«Въ 1860 г., какъ мы уже видѣли, консолидированный долгъ умножился въ 39,024,115 р. Что же касается до текущаго долга, то опредѣлить его довольно трудно; можно только сказать, насколько умножилась къ этому времени сумма кредитныхъ билетовъ: — она возросла на 35,229,134 руб. Все приращеніе долга этихъ двухъ разрядовъ составляло слѣдовательно 74,253, 249 руб., которые увеличатъ послѣдній итогъ до 1,537,861,783 руб., или круглымъ числомъ до $1^1/_2$ милліардовъ.»

«Происхожденіе государственнаго долга и состояніе его въ послѣднее время. Главное основаніе государственному долгу положено было *ассигнаціями*; военныя и другія потребности заставили прибѣгнуть къ нимъ въ царствованіе Екатерины II; съ тѣхъ поръ онѣ сдѣлались обыкновеннымъ способомъ покрывать расходы. По смерти Екатерины ассигнацій находилось въ обращеніи около 200 милл. руб., и курсъ ассигнаціоннаго рубля еще не падалъ значительно. Впослѣдствіи, съ умноженіемъ расходовъ, особенно во время войнъ французской революціи, русское правительство все чаще и чаще прибѣгало къ выпуску бумажныхъ денегъ. Отсюда — постоянный и быстрый упадокъ ихъ курса, такъ что наконецъ серебряный рубль сталъ равняться 4 руб. ассигнаціями. Мѣдная монета имѣла одинаковую цѣнность съ бумагой, служа для ея размѣна. Въ 1810 г. русскіе финансы находились въ чрезвычайно разстроенномъ состояніи. Бюджетъ представлялъ дефицитъ болѣе чѣмъ въ 105 милл. руб. и ассигнаціонный рубль утратилъ $^3/_4$ своей первоначальной цѣнности. Новые выпуски ассигнацій казались уже невозможными; правительство рѣшилось прекратить ихъ. Устроена была коммиссія погашенія, которая постановила продать часть государственныхъ имуществъ, и съ помощью вырученной суммы уменьшить массу ассигнацій. Съ этихъ поръ правительство было намѣрено сдѣлать серебряную монету главнымъ орудіемъ мѣны. Но наступила война 1812 г., и исполненіе реформы пріостановлено. Съ 1812 г. до исхода 1814 г. курсъ ассигнацій все болѣе и болѣе падалъ, такъ что въ 1815 г. серебряный рубль равнялся 4 р. 18 коп. асс.

«Послѣ всеобщаго мира, внесенный въ государственную долговую книгу долгъ Россіи не превышалъ 125 милл. руб. сер. Правительство постановило правиломъ не дѣлать новыхъ выпусковъ ассигнацій и принялось затѣмъ уменьшать ихъ количество. Для этого оно предпочло сдѣлать заемъ и на соотвѣтствующую ему сумму сжечь ассигнацій. Это былъ первый заграничный заемъ (подписка открыта въ Амстердамѣ). Такимъ образомъ въ 1819 году 118 милл. ассигнацій было извлечено изъ обращенія; въ то же время монетный дворъ приготовилъ на 26 милл. звонкой монеты.

«Въ 1820 г. открытъ новый заемъ въ 40 милл. руб. въ Англіи и Голландіи, при посредствѣ Беринга и Гопе. Ассигнаціи продолжали извлекаться изъ обращенія, но курсъ ихъ поднимался медленно. Съ 418 коп. (въ 1815 г.) онъ постепенно доходилъ до 403 (1816), 383 (1817), 379 (1818) и 373 к. (въ 1819 и 1820 г.). Въ 1821 г. ассигнацій находилось въ обращеніи на 639,460,220 руб. Однако съ извлеченіемъ старыхъ, на покрытіе государственныхъ расходовъ дѣлались постоянно новые выпуски.

«Процентный долгъ также увеличился, и въ 1824 г. его было до 49,100,000 голландск. гульденами, до 25 милл. руб. звонкою монетою и 286,624,121 банковыми билетами. Долгъ этотъ раздѣлялся на три категоріи: 1) долги, предшествовавшіе 1817 году; 2) долги, сдѣланные для уменьшенія массы бумажныхъ денегъ; 3) долги для расходовъ по разнымъ отраслямъ управленія.

«Коммиссія погашенія долговъ, основанная въ 1817 г., дѣйствовала энергически: по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ процентный долгъ (въ 1822 г.) оказался на 62 милл. менѣе. Въ то же время уничтожено ассигнацій на 236 милл. и въ обращеніи ихъ находилось только на 596 милл. Хотя, по отчету министра финансовъ, Гурьева, положеніе кредитныхъ учрежденій было очень удовлетворительно, однако черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого отчета былъ заключенъ новый заемъ въ 35 милл. въ Лондонѣ, при посредствѣ дома Ротшильда. Въ 1823 г. въ управленіе министерствомъ финансовъ вступилъ графъ Канкринъ. Курсъ ассигнацій значительно улучшился; серебряный рубль стоилъ 3 р. 60 к. асс.; тѣмъ не менѣе масса ассигнацій оставалась на прежней цифрѣ 596 милл. Займы, сдѣланные до сихъ поръ для извлеченія бумажныхъ денегъ, соединялись съ жертвами, не соотвѣтствовавшими цѣли; изъ обращенія извлечено было, правда, на 236 милл. ассигнацій, но взамѣнъ этого прибавилась значительная масса долговъ, за 5 и 6%, и по низкимъ курсамъ. Кредиторы сверхъ того выговорили условіе, чтобы первоначальные проценты никогда не понижались. Улучшеніе курса ассигнацій не выкупалось этой жертвой, и, вмѣсто безпроцентнаго долга, явился другой долгъ, обременяющій государство процентами. Бумажныя деньги и мелкая размѣнная монета оставались единственными орудіями обращенія. Совѣтъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій, по внушенію графа Канкрина, рѣшилъ въ 1824 г. пріостановить уничтоженіе ассигнацій. Суммы, которыя назначались до сихъ поръ на

этотъ предметъ, положено обратить на погашеніе консолидированнаго долга. Эта операція погашенія быстро подняла русскіе фонды. Долгъ, внесенный въ государственную долговую книгу, простирался круглымъ числомъ до 175 милл. руб. сер. Канкринъ употреблялъ при этомъ всѣ средства, чтобы ввести экономію и порядокъ въ финансы. Дѣйствительно, въ теченіе 1823—26 г. не было сдѣлано ни одного займа, а уменьшеніе расходовъ дало экономіи 160,300,000 тогдашнихъ рублей (49,933,750 р. с.).

«Финансы, казалось, находились въ цвѣтущемъ состояніи. Несмотря на содержаніе большихъ военныхъ силъ, правительство не прибѣгало къ новымъ налогамъ; оно заключило только заемъ съ домомъ Гопе въ Амстердамѣ въ 42 милл. флориновъ и еще на 24 милл къ концу 1829 г., между тѣмъ какъ Адріанопольскій трактатъ доставилъ казначейству обильный источникъ военной контрибуціей. Сумма процентнаго государственнаго долга простиралась до 221½ милл., а ассигнацій въ обращеніи находилось на 186 милл. (всего 407½ милл. р. с.).

«Съ 1830 по 1832 г. холера, неурожаи и польская революція потребовали большихъ расходовъ, новый заемъ въ 20 милл. р. заключенъ былъ съ домомъ Гопе

«Наконецъ, 1 іюля 1839 г., правительство объявило, что отнынѣ основной монетой государства становится серебряная, и что курсъ серебрянаго рубля принимается постоянный въ 350 к. асс., что всѣ разсчеты производятся на серебро, но платежи дѣлаются безразлично — звонкой монетой и ассигнаціями по постоянному курсу, принимая рубль золотомъ 3-мя процентами выше серебрянаго рубля.

«Вслѣдъ за этимъ при коммерческомъ банкѣ учрежденъ *депозитный* банкъ, который долженъ былъ принимать на сохраненіе отъ частныхъ лицъ суммы серебряною монетою. Серебро, принимаемое на сохраненіе, служило размѣннымъ фондомъ билетовъ. Вмѣсто вкладовъ, банкъ выдавалъ вкладчикамъ билеты, называемые билетами депозитнаго банка. Они были въ 3, 5, 10 и 25 р. с. Впослѣдствіи банку разрѣшено было выпускать билеты въ 50 и въ 100 р. с. Билеты депозитнаго банка ходили наравнѣ съ серебряною монетою во всей имперіи и размѣнивались по предъявленіи на звонкую монету.

«Цѣль этой мѣры была та, чтобы устранить колебаніе курса ассигнацій. Новыя бумаги, какъ размѣнные знаки, не подвергались колебаніямъ курса и ходили наравнѣ съ звонкой монетой.

«Съ тѣхъ поръ правительство занялось составленіемъ достаточнаго резерва драгоцѣнными металлами для обезпеченія бумажныхъ денегъ. Этому содѣйствовала особенно разработка уральскихъ рудниковъ, которая годъ-отъ-году усиливалась. Такъ въ 1844 г. въ Петропавловскую крѣпость доставлено было 70,750,000 р. с. резерва.

«Въ сентябрѣ 1845 г. умеръ графъ Канкринъ. Финансовое положеніе Россіи было недурно. На Западѣ между тѣмъ (въ 1847 г.) свирѣпствовали неурожай, монетный и коммерческій кризисъ. Вслѣдствіе неурожая, Франція, Англія и Германія должны были покупать огромныя

количества хлѣба въ другихъ странахъ. На уплату этихъ покупокъ звонкая монета утекала съ необыкновенной быстротой, такъ что было время, когда во французскомъ банкѣ находилось только 71 милл. франковъ монетнаго резерва, между тѣмъ какъ уплаты достигали 368 милл. Возвышеніе учета не помогало.

«Въ этихъ обстоятельствахъ русское правительство предложило французскому банку продать ему рентъ государственнаго долга на 50 милл. франковъ. съ поставкой въ Петербургъ. Банкъ охотно принялъ это предложеніе. Вслѣдствіе такой мѣры, звонкая монета притекала къ Петербургу, такъ что резервъ крѣпости увеличился до 115 милл. р. сер. Кромѣ того французская торговля была поставлена въ необходимость дѣлать свои закупы хлѣба преимущественно въ Россіи. Французскій банкъ, какъ кредиторъ 50 милл. франковъ, дѣлалъ до этой суммы переводы на казенные банки Россіи, и большая часть его переводовъ служила средствомъ расплаты за хлѣбъ, купленный на счетъ французскихъ негоціантовъ.

«Вскорѣ послѣ покупки рентъ у французскаго банка, 21 марта 1847 г., вышелъ у насъ указъ объ обращеніи 30 милл. руб. с. въ англійскія консоли, голландскіе фонды и проч. Правительство доставило такимъ образомъ обширный сбытъ произведеніямъ почвы; оно само должно было уплачивать переводы по закупкамъ этихъ произведеній.

«Департаментъ экономіи государственнаго совѣта одобрилъ покупки рентъ, съ условіемъ, чтобы происходящія отсюда выгоды обращаемы были на погашеніе разныхъ долговъ государства. Выгоды эти состояли въ томъ, что, если металлическій запасъ нѣсколько уменьшился, то исчезнувшая часть замѣнилась солидными бумагами, которыя давали постоянный доходъ, усиливали кредитъ государства и, въ случаѣ нужды, могли быть обращены въ звонкую монету, между тѣмъ оставшійся запасъ былъ все еще достаточенъ для безостановочнаго размѣна кредитныхъ билетовъ. Вслѣдствіе этой мѣры притокъ металлическихъ денегъ въ государственное казначейство былъ такъ великъ, что (1 іюня 1847 г.) въ кладовыя Петропавловской крѣпости перенесено золотой и серебряной монеты на 12,650,054 р. с.

«Такимъ образомъ въ теченіе 30 лѣтъ (1817—47) финансы Россіи постоянно улучшались; съ 1848 г. положеніе ихъ начало измѣняться.

«Февральская революція заставила увеличить военныя силы; это стоило 15 милл. р. с., которыми расходы 1848 г. превышали расходы предыдущаго года. Издержки 1849 г. были на 30 милл. выше издержекъ 1848 г. Причина заключалась въ венгерской войнѣ, въ занятіи Дунайскихъ княжествъ, въ сосредоточеніи войскъ въ Польшѣ. Къ этому присоединился скотскій падежъ, сдѣлавшій большія опустошенія на югѣ Россіи.

«На покрытіе расходовъ венгерской кампаніи надо было выпустить нѣсколько серій билетовъ казначейства, и ихъ выпущено на сумму болѣе 18 милл. р. сер.

«Съ другой стороны на окончаніе желѣзной дороги отъ Москвы до Петербурга былъ заключенъ $4\frac{1}{2}$ процентный заемъ въ 5,500,000 ф. стер., чрезъ посредство петербургскаго дома Штиглица и лондонскаго Беринга, съ $2^0/_0$ погашенія.

«Въ началѣ 1850 г. въ обращеніи находилось кредитныхъ билетовъ на 300 милл. руб.; въ кладовыхъ крѣпости было монетою и слитками 99,763,361 р. с. Правительство разрѣшило вывозъ звонкой монеты, запрещенный въ 1848 г. Въ 1851 г. расходы опять превышали доходы; дефицитъ увеличивался. Восточный вопросъ еще болѣе затруднилъ финансовое положеніе. Уже въ 1853 г. стали дѣлаться приготовленія къ войнѣ, а вмѣстѣ съ этимъ послѣдовали новые выпуски кредитныхъ билетовъ. Въ 1853 г. въ обращеніи ихъ находилось болѣе 368 милл р., билетовъ казначейства на 60 милл. Съ объявленіемъ войны съ Франціей и Англіей масса бумажныхъ денегъ дошла до 450 милл. руб. сер. При одномъ извѣстіи объ объявленіи войны, курсъ на Парижъ упалъ въ Петербургѣ до 308, то есть рубль, стоющій при нормальномъ курсѣ 4 франка, стоилъ только 3 фр. и 8 сант. Правительство сочло нужнымъ запретить вывозъ золота. Военные расходы были громадны. Надо было прибѣгнуть къ новымъ займамъ, и указомъ въ ноябрѣ 1855 г. разрѣшенъ заемъ въ 50 милл. руб., который заключенъ былъ за границей, при посредствѣ Штиглица и реализованъ на биржахъ Берлина, Гамбурга и Амстердама. Расходы увеличивались, долги и масса ассигнацій росли: кредитныхъ билетовъ къ 1 января 1858 г. находилось въ обращеніи на 735,297,006 р., а съ 1858 года размѣнъ ихъ на звонкую монету прекращенъ.

«Но въ то же время (указомъ 18 апрѣля 1858 г.) 60 милл. руб., различными фондами, принадлежащими государственному казначейству, назначены на погашеніе равной суммы кредитныхъ билетовъ, которые и были преданы сожженію. Кромѣ того въ теченіе 1858 г. изъ обращенія извлечено ихъ размѣномъ на звонкую монету 41,312,790 р.; вновь выпущено на 11,671,503 руб., и къ 1 января 1859 г. было въ обращеніи на 644,648,719 р. сер. кредитныхъ билетовъ.

«Въ кассѣ было резерва: 1 января 1858 г.—119,140,921 р. монетой и слитками и 21,319,850 р. фондами; въ теченіе 1858 г. поступило 24,009,453 р. монетой, но израсходовано 43,811,631 руб. монетой и слитками и 10,846,110 фондами; такъ что къ 1 января 1859 г. оставалось въ кассѣ 99,338,743 р. монетой и слитками и 11,473,740 р. фондами, — всего 110,8 милл. Колебаніе валюты было чрезвычайно сильное: 16 января 1859 г. фунтъ стерлинговъ стоилъ въ Петербургѣ (по курсу $36^{15}/_{16}$ пенса за рубль) 6 р. 49 коп., а 1 мая (по курсу $31\frac{1}{4}$ пенса) 7 руб. 68 к.; другими словами: кто 16 января получилъ изъ Лондона 10,000 фунт. ст., стоившихъ тогда 64,974 руб., тотъ 1 мая долженъ былъ уплатить за нихъ 76,800 р., то есть терялъ 11,826 руб. Въ одной только Австріи можно найти примѣръ такого колебанія валю-

ты. Въ 1859 г. цѣнность нашихъ ассигнацій составляла не болѣе 81%, серебрянаго рубля (*).

«Чтобы помочь затруднительному финансовому положенію, въ мартѣ 1859 г. правительство заключило съ англійскимъ домомъ Томсонъ, Бонаръ и К° договоръ о займѣ въ 12 милл. ф. ст., по которому предполагалось выпустить 3-хъ процентныя облигаціи по курсу 66½. Но такъ какъ итальянская война (единственное вліяніе которой въ этомъ случаѣ оспаривается, впрочемъ, нѣкоторыми) уронила курсъ бумагъ ниже опредѣленной цифры, то договоръ былъ уничтоженъ, а уплаченные уже 15% займа возвращены. По заключеніи Виллафранкскаго мира, заемъ удался и помѣщенъ по 68, считая проценты съ 1 мая 1859 г., что понизило его до 66½. Извѣстное французское общество—*Société générale du crédit industriel et commercial* взялось помѣстить 40 милл. фр. во Франціи, въ чемъ и успѣло. Этимъ займомъ русскій долгъ увеличился въ теченіе 1859 г. на 7 милл. ф. ст., а по внесеніи всего займа онъ долженъ умножиться на 75 милл. рублей.

«Въ то же время текущій долгъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ началъ превращаться въ срочный консолидированный. Приступая къ преобразованію этихъ учрежденій, правительство сначала уменьшило платимыя ими на вклады проценты съ 4 на 3%, на томъ основаніи, что, составляя непроизводительный капиталъ, процентные вклады отягощаютъ собою кредитныя учрежденія. Между тѣмъ пониженіе процентовъ объявлено было тотчасъ послѣ основанія главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, акціямъ котораго правительство гарантировало 5%. Вѣроятно, это имѣлось въ виду при вытѣсненіи капиталовъ изъ банковъ. Вслѣдствіе такой мѣры, изъ кредитныхъ учрежденій деньги потекли на заграничныя биржи; а такъ какъ при предстоявшемъ займѣ 12 милл. ф. ст., можно было ожидать еще большаго отлива, то ихъ старались удержать 4%-ми непрерывно-доходными билетами (*), которые и были выпущены въ апрѣлѣ 1859 г.; на нихъ же обмѣнены капиталы, внесенные на вѣчное время въ разныя кредитныя учрежденія. Но

(*) «Въ Берлинѣ $^{4}/_{16}$ мая 1859 г. 100 руб. стоили только 87 талеровъ, изъ коихъ каждый заключалъ серебра около 93 к., такъ что 100 р. асс. = 87 талеровъ = 87 × 93 = 80, 91 руб. сер. Такой курсъ бумажныя деньги имѣли въ 1781 и 1803 г.

(*) «Отливъ дѣйствительно былъ огромный:

	Количество вложенныхъ вкладовъ.	Взятыхъ обратно.
1855 г.	223,695,926 р.	191,475,357 р.
1856 «	286,685,983 «	239,182,889 «
Итого	510,381,909 р.	430,658,246 р.
1857 г.	288,650,735 «	299,950,425 «
1858 «	302,807,044 «	355,615,293 «
Итого	591,457,779 р.	655,565,718 р.

Въ 1855—56 г. вложено болѣе, чѣмъ взято на 79,723,663 р.
— 1857—58 г. взято болѣе, чѣмъ вложено на 64,107,939 р.»

эти бумаги не были такъ выгодны, какъ прежнія, напр. 4% облигаціи и т. п., вслѣдствіе того онѣ и не имѣли большаго успѣха. Вслѣдъ затѣмъ, 10 сентября 1859 г., учреждены государственные 5% банковые билеты, также съ цѣлью консолидировать банковые вклады; они предложены въ обмѣнъ на прежніе билеты государственныхъ банковъ и на 4% непрерывно-доходные — и погашаются съ 1861 г. въ теченіе 37 лѣтъ по тиражу. Вмѣстѣ съ тѣмъ вкладчикамъ предложено на выборъ, или оставить свои вклады въ кредитныхъ учрежденіяхъ, или получить ихъ обратно; но съ 1 января 1860 г. имъ выдается вмѣсто 3% только 2%, а начисленіе сложныхъ процентовъ прекращается; то же примѣнено и къ будущимъ вкладамъ, которые поступятъ къ 1 января 1860 г. Капиталы, внесенные частными лицами на вѣчное время, дозволено обращать въ 4% непрерывно-доходные билеты; въ противномъ случаѣ они остаются на 2%. Въ теченіе 1859 г. въ государственную долговую книгу было внесено такимъ образомъ изъ текущаго долга 22,863,658 р. 4-хъ процентными непрерывно-доходными билетами. Консолидированный долгъ увеличился съ 515,6 милл. до 555 милл.; а масса кредитныхъ билетовъ съ 644,6 милл. до 679,877,853 руб. (Размѣнный фондъ уменьшился съ 110,812,483 до 96,241,618 р.) (*).

«Въ 1860 г., при учрежденіи государственнаго банка, вмѣсто прежнихъ кредитныхъ учрежденій, опредѣлено передать ему всѣ вклады, принятые этими учрежденіями, всѣ счеты по 4% непрерывно-доходнымъ билетамъ, суммы вкладовъ обращенныхъ на 5% государственные банковые билеты, счеты экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ и суммы, выданныя изъ кредитныхъ учрежденій государственному казначейству. Это центральное учрежденіе сдѣлалось такимъ образомъ главнымъ органомъ по операціямъ консолидированія текущаго долга. Изъ его отчета за 1860 г. мы можемъ опредѣлить отчасти и величину самаго долга къ началу 1861 г. Изъ его отчета видно:

«1) Что къ 1 января 1861 г. кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи на 712,976,569 р., а размѣнный фондъ 92,884,431 р.; слѣдовательно безпроцентнаго долга по кредитнымъ билетамъ оставалось. . .	620,092,137 р.
«2) Что сумма 5% билетовъ, причитавшаяся взамѣнъ процентныхъ вкладовъ, составляла.	276,578,500 —
«3) Что сумма 4% непрерывно-доходныхъ билетовъ, отчасти уже занесенная въ государственную долговую	

(*) «Ассигнацій находилось въ обращеніи:

Съ 1828 по	1839	г.	170,221,828
Къ 1 января	1850	г.	301,578,170
« «	1853	«	333,443,008
« «	1854	«	356,337,021
« «	1855	«	509,181,397
« «	1856	«	686,276,844
« «	1857	«	735,297,006

книгу, отчасти еще незанесенная, простиралась до . . 168,922,927 —

«4) Что долги государственнаго казначейства по займамъ изъ кредитныхъ установленій, за вычетомъ уплаченныхъ вкладными билетами, принадлежащими казеннымъ мѣстамъ (болѣе 14 мил. руб.) и обращенныхъ на 4% безпрерывно-доходные билеты, составляли. 103,898,428 —

«Кромѣ того, въ теченіе 1860 г. сдѣлано было нѣсколько новыхъ займовъ, отчасти уже употребленныхъ на расходы. Указъ 14 іюня уполномочилъ министра финансовъ не только объявить подписку на остальную сумму изъ займа 12 мил. ф. ст., заключеннаго въ 1859 г., но и увеличить этотъ остатокъ съ 5 до 8 милл., превративъ первоначальныя 3½% облигаціи въ 4% ренты. Этотъ заемъ дѣйствительно состоялся въ Лондонѣ въ іюлѣ, и подписано было 5 м. ф. ст. (Подписчики, братья Берингъ въ Лондонѣ, Гопе и К° въ Амстердамѣ, получили разрѣшеніе остальные 3 мил. выпустить до конца года. Неизвѣстно, воспользовались ли они этимъ дозволеніемъ, или срокъ былъ продолженъ). Возьмемъ 5 милл. ф. ст. . . . . 31,250,000 —

«Черезъ нѣсколько дней послѣ предъидущаго, другой указъ (17 іюня) разрѣшилъ выпускъ пяти новыхъ серій билетовъ казначейства (LVI—LX), въ 3 милл. руб. каждая, — всего 15 милл., съ процентами по 4,32 на 100. Каждый билетъ въ 50 р. приноситъ 2 р. 16 к. въ годъ процентовъ. До исхода 1860 г. было два выпуска, которые дали (*). . . . . 10,791,700 —

«Прибавимъ сюда прежніе выпуски билетовъ казначейства, которые къ 1 января 1859 г. простирались до. . . . . 93,000,000 —

«И консолидированный долгъ, къ 1860 г. составлявшій. 535,012,127 —

Итогъ. . . 1,859,545,709 р.

«Къ 1860 г. состояло въ капиталѣ выкупа 60,262,009 руб.; предполагая, что вся эта сумма уйдетъ по назначенію . . . . 60,262,009 —

«Получимъ общую сумму госуд. долга къ 1861 г. . 1,799,283,700 р.

(*) «Подписка на первый выпускъ въ 4 милл. р. (30 сент.) простиралась до 36,674,700 р., такъ что надо было уменьшить до 8½% суммы, подписанныя лицами, требовавшими болѣе 20 билетовъ (1,000 р.). Вторая подписка на 5 милл. руб. окончена 15 декабря и дошла до огромной цифры 306,760,600 р.; для удовлетворенія по возможности подписчиковъ, государственный банкъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, увеличилъ выпускную сумму на 1,791,700 р. Подписавшіеся на 16 билетовъ и менѣе получали полную сумму; всѣ же тѣ, которые подписались на большее количество билетовъ, получили 17.»

«Наконецъ въ исходѣ 1860 г. (16 декабря) государственному банку разрѣшено выпустить на 100 милл. р. 4% металлическихъ билетовъ, въ 300 р. каждый, погашая ихъ въ теченіе 41 года. Какъ проценты, такъ и погашеніе платятся звонкой монетой; на погашеніе назначенъ 1%. Два выпуска этихъ билетовъ уже состоялись (въ 1861 г.), каждый въ 12 милл. р.

Въ вышеприведенномъ итогѣ. .	1,799,283,700 р.	заключается:
Долговъ процентныхъ	1,179,191,563 «	
« безпроцентныхъ . . .	620,092,137 «	

«Въ 1859 г. по процентному долгу въ 580,686,622 р. на погашеніе употреблено 30,113,295 р. и на уплату процентовъ положено 28,069,082 р.; всего 58,182,377 р., не считая текущихъ долговъ. На новые долги 1860 г. однихъ процентовъ можно считать 26,750,000 р., да на прежніе билеты казначейства около 4 милл.; итого процентовъ 54, 8 милл.; изъ нихъ около 14 милл по 5% банковымъ билетамъ обезпечены платежами дебиторовъ бывшихъ кредитныхъ учрежденій.

«Считая только консолидированные долги собственно Россіи съ ассигнаціями, находимъ, что эти двѣ категоріи долговъ возрастали слѣдующимъ образомъ:

	1847	1853	1856	1860
Рубли	571,251,789	778,917,692	1,142,455,179	1,234,889,980».

За этимъ слѣдуетъ у г. Корсака статья о финансахъ и государственныхъ долгахъ Царства Польскаго; но до нихъ намъ нѣтъ дѣла. Говоря за тѣмъ о военныхъ силахъ нашего отечества, г. Корсакъ между прочимъ замѣчаетъ:

«Такъ называемые инспекторскіе смотры лежатъ на обязанности начальниковъ дивизій и корпусныхъ командировъ, инспектирующихъ полки въ установленное время; а между тѣмъ эти лица суть прямые начальники инспектируемыхъ ими войскъ, слѣдовательно, совмѣщаютъ въ себѣ и распорядительную власть, и контроль надъ этими войсками.

«Въ 1858 г. по смѣтамъ на содержаніи провіантнаго вѣдомства находилось:

Людей	1,099,305
Лошадей	159,950

«На нихъ къ «непремѣнному» отпуску назначено было 39,474,141 р. Среднимъ числомъ причиталось на одного человѣка 24 р. 56 к., а на одну лошадь 64 р. 51 к. На довольствіи коммисаріата въ 1858 г. было 990,817 чел., въ томъ числѣ солдатъ 959,806, а расходовъ ассигновано 28,217,788 р. или 28 р. 47 к. на человѣка. Вообще, продовольствіе войска на 1858 г. требовано: заготовки муки 2,088,848, крупъ 167,107½, овса 402,702 четвертей, всего на 10,368,225 р.

«Силы войскъ. Войска раздѣляются на регулярныя и иррегулярныя: первыя — на дѣйствующія и резервныя. Къ 1858 г. находилось по спискамъ въ регулярныхъ войскахъ:

	Генераловъ, штабъ и об.-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Дѣйствующихъ	29,289	841,521
Резервныхъ	2,655	85,570
Итогъ . .	31,944	927,091

«За измѣненіями, послѣдовавшими въ составѣ ихъ въ 1858 г., числительная сила *регулярныхъ* войскъ къ 1859 г. была по спискамъ:

	Генераловъ.	Штабъ и об.-оф.	Нижнихъ чиновъ.	Орудій.
Дѣйствующихъ . .	334	26,997	783,352	744
Резервныхъ . . .	23	3,054	66,873	88
Итогъ .	357	30,051	850,225	832
Иррегулярныхъ . .	30	4,665	421,435	248
Всего .	387	34,716	1,271,660	1,080

«Немедленно по окончаніи крымской войны, въ войскахъ сдѣланы были многія сокращенія: изъ рядовъ регулярныхъ, иррегулярныхъ войскъ и государственнаго ополченія уволено до милліона человѣкъ; но и съ этимъ сокращеніемъ армія представляла еще громадную цифру, превышающую милліонъ. Поэтому сдѣланы были новыя ограниченія, и регулярная армія, до войны представлявшая круглую цифру 1,140.000, уменьшилась къ 1859 г. на 290,000 и состояла только изъ 850,000 человѣкъ. Между прочимъ въ 1858 г. уволено изъ регулярныхъ войскъ въ безсрочный отпускъ около 19,500 человѣкъ и во временный 20,000. Вообще къ 1 января 1859 г. находилось въ губерніяхъ въ безсрочномъ и временномъ отпуску нижнихъ чиновъ 503,335 человѣкъ; въ этомъ числѣ было отпускныхъ сверхкомплектныхъ, предназначенныхъ на пополненіе обыкновенной убыли въ дѣйствующихъ и резервныхъ войскахъ, въ теченіе льготнаго времени отъ рекрутскихъ наборовъ — 259,101, и ожидалось къ прибытію въ губерніи еще 4,989, такъ что весь фондъ для пополненія обыкновенной убыли простирался до 264,090 человѣкъ. Остальные 239,245 человѣкъ назначены для укомплектованія дѣйствующихъ и для сформированія резервныхъ войскъ на случай *военнаго времени*. Кромѣ временныхъ отпусковъ сокращенію военнаго сословія содѣйствовали слѣдующія важныя мѣры: указомъ 25 декабря 1856 г. велѣно исключить изъ военнаго вѣдомства и обратить въ свободныя податныя сословія всѣхъ солдатскихъ дѣтей (военныхъ кантонистовъ), и возвращено такимъ образомъ до 378,000 малолѣтнихъ въ ихъ семейства. Но съ цѣлью пристроить солдатскихъ дѣтей, оставшихся безъ пріюта, заведенія военныхъ кантонистовъ и учебныхъ стрѣлковыхъ полковъ преобразованы въ училища военнаго вѣдомства, число которыхъ предполагается сократить съ развитіемъ народныхъ школъ и съ распространеніемъ въ войскахъ грамотности. Во всѣхъ этихъ кантонистскихъ заведеніяхъ къ 1 января 1858 г. воспитанниковъ

было 19,617 человѣкъ, а къ 1 января 1859 г. оставалось уже только 12,451 человѣкъ.

«Въ то же время послѣдовало упраздненіе военныхъ поселеній, не имѣвшихъ никакого значенія въ составѣ военныхъ силъ, а между тѣмъ парализировавшихъ производительность и промышленность значительной части южнаго и югозападнаго края и губерній: Новгородской, Витебской и Могилевской.

«Далѣе начата замѣна казенной прислуги (нестроевыхъ командъ, комплектуемыхъ неспособными нижними чинами) вольнонаемными людьми. Эта мѣра избавитъ отъ обязательной службы до 62,000 человѣкъ. Сокращено число караульныхъ нарядовъ, вслѣдствіе чего число постовъ уменьшилось до 2,000, а ежедневный расходъ людей сократился на 6,000. Кромѣ того отмѣненъ нарядъ часовыхъ въ разныхъ заведеніяхъ, присутственныхъ мѣстахъ и заставахъ, что также сократило число постовъ на 1,500. Слѣдствіемъ сокращенія арміи предвидится уменьшеніе на 25°/₀ числа призываемыхъ на службу рекрутъ; оно уменьшило уже на ¹/₈ квартирную и подводную повинность. Но взамѣнъ того сформированы на совершенно новыхъ основаніяхъ резервныя части арміи, изъ которыхъ могутъ пополняться дѣйствующія войска. Увеличено число стрѣлковыхъ частей въ арміи учрежденіемъ стрѣлковыхъ ротъ въ каждомъ батальонѣ и присоединеніемъ къ составу каждой пѣхотной дивизіи по одному стрѣлковому батальону. Вводятся усовершенствованныя огнестрѣльныя оружія (къ 1 января 1860 г. предполагалось имѣть въ войскахъ 80,554 шести-линейныхъ винтовокъ; вся пѣхота будетъ окончательно вооружена ими къ 1864 г.). Для обученія стрѣльбѣ учреждены три стрѣлковыя школы съ учебными стрѣлковыми ротами; для кавалеріи — кавалерійское училище въ Елисаветградѣ.

«По хозяйственной части готовятся также нѣкоторыя преобразованія. Между прочимъ составлены проэкты новыхъ табелей или росписаній разныхъ потребностей для войскъ. Не касаясь устарѣлыхъ формъ провіантской администраціи, замедляющей ходъ дѣлъ лишними инстанціями (вообще по военному министерству въ теченіе 1858 г. было бумагъ: входящихъ 440,122 и исходящихъ 305,922, всего 746,044), сократили покуда провіантскій штатъ на 286 человѣкъ чиновниковъ и 870 нижнихъ чиновъ. Содержаніе солдатъ улучшено прибавкою такъ-называемыхъ приварочныхъ денегъ (стоимость содержанія каждаго солдата обошлась въ 1858 г. въ 72 р. 40 к., а въ 1859 г. 74 р. 39 к.); для офицеровъ учреждена эмеритальная касса и усилены оклады. Утвержденное уже измѣненіе въ гражданскомъ и полицейскомъ законодательствѣ тѣхъ постановленій, въ силу которыхъ армія наша считалась какъ бы мѣстомъ ссылки, и готовящійся новый уголовный уставъ, въ которомъ значительно смягчены наказанія (высшая мѣра тѣлеснаго наказанія за обыкновенныя преступленія — 1,500 ударовъ вмѣсто 6,000!) должны оказать полезное вліяніе на нравственное состояніе войскъ. Въ заключеніе всего, съ 1857 года обращено вниманіе на обученіе солдатъ грамотѣ.»

Этихъ реформъ нельзя не одобрить и есть основаніе полагать, что готовятся новыя преобразованія въ томъ же духѣ, отъ которыхъ улучшится положеніе солдата, армія пріобрѣтетъ большую дѣйствительную боевую силу, число безполезныхъ въ боевомъ отношеніи частей ея уменьшится, и поэтому рекрутская повинность облегчится, а съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ равномѣрнѣе распредѣлено ея отправленіе. Если мы не ошибаемся, нынѣшній военный министръ дѣлаетъ все зависящее отъ него для осуществленія широкихъ и дѣйствительно полезныхъ реформъ по своей части. Вотъ извлеченіе изъ исторіи русскаго войска, сообщаемой г. Корсакомъ:

«Историческія замѣтки. Русское войско при Петрѣ I, въ 1712 г., состояло изъ 108,000 чел., въ годъ его смерти (1725) уже считалось 196,000 челов. Въ Семилѣтнюю войну, когда Россія въ первый разъ пришлось сражаться въ Средней Европѣ, у нея было регулярныхъ войскъ 162,750 чел., а именно: 30 полковъ кавалеріи (6 кирассирскихъ, 6 гренадерскихъ, 18 драгунскихъ)—31,950 челов., и 50 полковъ пѣхоты (4 гренадерскихъ и 46 мушкетерскихъ)=130,800. Къ этому можно бы причислить нѣсколько милиціонныхъ полковъ. Императрица Екатерина II значительно увеличила армію. Въ 1785 г. считалось уже до 360,000 челов. По подробному разсчету 1794 г. значилось:

53 полка и 19 бригадъ кавалеріи	81,200
72 » » 32 батальона пѣхототы	203,900
5 » » 2 роты артиллеріи	27,700
130 полковъ и проч. регулярныхъ войскъ. . . .	312,800
Сверхъ того иррегулярныя войска:	
Казаки, башкирцы и пр.	69,200
Гарнизонъ	60,000
Всего . . .	442,000

«Одинъ списокъ, относящійся къ концу 1803 года, представляетъ слѣдующія данныя:

1) *Гвардія*:	Кавалерія	3,300	12,600
	Пѣхоты	9,300	
2) *Полевые полки*:	Кавалерія. . . .	49,700	382,600
	Пѣхота	219.100	
	Артиллерія	42,900	
	Гарнизонъ	70,900	
		Всего	394,200

«Со включеніемъ инвалидовъ и иррегулярныхъ войскъ, вся масса военныхъ силъ (на бумагѣ) простиралась до 506,700 чел.

«Въ оба похода 1805 и 1807 г. русскіе выставляли въ Германію не болѣе 80—90,000 человѣкъ.

«Подъ Аустерлицомъ дѣйствительныя силы союзниковъ не составля-

ли и 80,000; изъ нихъ 15,700 австрійцевъ. (Французы противупоставили имъ равное число).

«Что касается до великой войны 1812 г., то по поводу ея составлялись о числѣ войскъ вѣдомости, изъ которыхъ приводимъ слѣдующее краткое извлеченіе:

Регулярныхъ войскъ (въ томъ числѣ 28,000 гарнив. солдатъ и инвалидовъ).	539,400
Иррегулярныхъ войскъ	100,000
Народнаго ополченія	851,100
Всего . .	1,490,500

«Въ началѣ войны русская армія численностью далеко уступала французской; въ составъ ея входили:

Войска первой линіи:

«*Первая западная армія*	104,150 чел.
Вторая западная армія	35,000 »
Резервная армія	36,000 »
Всего въ первой линіи по большей мѣрѣ	175,000

регулярнаго войска и 938 орудій, не считая козаковъ, въ которыхъ въ началѣ кампаніи мало представлялось надобности. Противъ этого сравнительно слабаго войска Наполеонъ выступилъ болѣе чѣмъ съ 400,000 человѣкъ.

Во второй линіи у Сакена было 42,500 чел.

Изъ третьей линіи дѣйствующая армія всегда могла получить въ подкрѣпленіе 46,000 пѣхоты 9,300 конницы и рекрутъ. Сверхъ того въ Финляндіи стояло 30,000 подъ начальствомъ Штейнгеля и 58,600 на Дунаѣ.

«Трудности похода привели русское войско почти въ такое же разстройство, какъ и французское, и отозвались немного меньшимъ ущербомъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ истреблены были цѣлыя роты, отъ нѣкоторыхъ батальоновъ осталось по 2–3 человѣка (по удостовѣренію Бутурлина, адъютанта императора Александра); изъ 120,000 главной арміи, подъ начальствомъ Кутузова осталось 35,000; у Витгенштейна изъ 50,000 всего 15,000; отъ 10,000, посланныхъ изъ внутреннихъ губерній на подкрѣпленіе арміи, только 1,700 достигли театра войны у Вильно (по увѣренію англійскаго коммисара, сэра Роберта Вильсона). Въ запискахъ Толя находимъ слѣдующій разсчетъ:

Обѣ западныя арміи (за вычетомъ 21 тысячнаго корпуса Витгенштейна): первая 83,000, вторая 35,000 составляли . .	118,000
Подкрѣпленій онѣ получили	91,800
Всего . .	209,800
Въ половинѣ декабря въ Вильно еще было въ строю . .	40,290
Слѣдоват. съ конца іюня до половины декабря убыло . .	169,510

«Въ лазаретахъ лежало 48,335 челов. Если бы большая часть этихъ

больныхъ выздоровѣла;—чего впрочемъ, какъ достовѣрно извѣстно, не было,—то и тогда число убитыхъ людей превышало бы первоначальное число войска. Русская армія, преслѣдовавшая Наполеона въ январѣ 1813 г., составляла только 15,000 чел. (Толь).

«Въ походы 1813 и 1814 г. сила русскихъ войскъ никогда не превышала 150,000

«Въ оба турецкіе похода 1828 и 1829 г. русскіе явились на Прутѣ въ числѣ 80,000, къ которымъ въ слѣдующемъ году выслано было еще около 40,000. Когда главный корпусъ прибылъ къ Андріанополю, въ немъ считалось едва 15,000 способныхъ носить оружіе. Изъ 115,000 русскихъ, вступившихъ, въ 1828 и 29 годахъ, въ Европейскую Турцію, едва 10—15,000 перешли обратно Прутъ. Жомини говоритъ, что русская армія въ эти два похода потеряла 115,000 чел., изъ коихъ 100,000 погибло отъ болѣзней. Уже первый походъ уничтожилъ 40,000 солдатъ. Съ мая 1828 до февраля 1829 г. 201,108 чел лежало въ госпиталяхъ; съ особенною силою свирѣпствовала чума. Борьба съ Польшей въ 1831 г. снова требовала значительныхъ усилій. Съ тѣхъ поръ сознана была необходимость основательныхъ преобразованій; изъ нихъ многія уже сдѣланы, другія остались еще неисполненными. Въ венгерскомъ походѣ 1849 г., русская вспомогательная армія явилась къ австрійцамъ въ числѣ около 120,000 чел. *Крымская* война разомъ открыла существованіе многихъ злоупотребленій, особенно въ продовольствіи. Если уже до войны по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ у насъ считалось 1,200,000 войска (въ томъ числѣ 200,000 кантонистовъ), то тѣмъ замѣчательнѣе незначительность силъ, двинувшихся въ Дунайскія княжества Для продолженія борьбы требовались необыкновенныя усилія. Правда, что Россіи надо было заботиться и о защитѣ многихъ, весьма отдаленныхъ пунктовъ; но на главномъ театрѣ войны никогда не было въ дѣйствіи за разъ и 200,000 чел. Въ теченіе 20 мѣсяцевъ объявлены были слѣдующіе *наборы*:

указомъ 10 февраля 1854 г., 9 чел. съ 1,000 въ западныхъ губерніяхъ.

9 мая	»	9	»	»	»	восточныхъ »
7 сентября	»	10	»	»	»	западныхъ »
13 декабря	»	10	»	»	»	восточныхъ »
10 февраля	1855 г.	13	»	»	»	18 губерн.—*Ополченіе*.
31 мая	»	13	«	»		прочихъ губерніяхъ.
12 августа	»		»	»		
7 октября	»		»	»		
6 мая	»	12	»	»	»	западныхъ губерніях
15 октября	»	10	»	»	»	во всѣхъ губ., искл. 7.

Ополченіе дало 372,000; оно было раздѣлено на 337 дружинъ; старые солдаты, поступившіе въ резервные батальоны, и новые наборы составили 367,000, — всего слѣдовательно 739,000 (по отчету министра внутреннихъ дѣлъ) число огромное, но все-таки вдвое меньше того, какое можно набрать въ прочей Европѣ. Въ оффиціальныхъ спискахъ число войскъ въ Крыму въ началѣ 1855 г. пока-

зывалось въ 250,000 съ 100,000 лошадей. Общее число солдатъ во всемъ государствѣ, состоящихъ на попеченіи коммиссаріата, простиралось въ 1855 г. до 845,000 съ 187,360 лошадьми, а въ 1856 г. до 796,975 и 183,570. Такимъ образомъ въ послѣдній годъ было уже трудно держать военныя силы на прежней высотѣ. Потеря увеличивалась. По одному вычисленію, русская армія до конца 1854 г. лишилась 111,132 человѣка, изъ коихъ 29,204 убитыми, 35,304 ранеными, 6,460 контуженными, 16,156 умершими отъ болѣзней. (Послѣдняя цифра очень низка; вѣроятно здѣсь считаются только солдаты, умершіе въ ближайшихъ къ мѣсту дѣйствія лазаретахъ); тутъ не приняты въ разсчетъ потери кавказской арміи и иррегулярныхъ войскъ, козаковъ и пр. Въ одномъ Симферополѣ, главномъ госпиталѣ Севастополя, съ апрѣля 1855 до іюля 1856 г. умерло болѣе 40,000 человѣкъ; кромѣ того отсюда пошло до 800 транспортовъ почти съ 100,000 больныхъ въ другія сосѣднія мѣста. Почти то же можно сказать о Бахчисараѣ и Перекопѣ, бывшихъ также сборными мѣстами для больныхъ. Парижскій «*Pays*» вычислялъ потерю русской арміи въ 277,000 человѣкъ; сверхъ того, черноморскій флотъ изъ 98,400 человѣкъ потерялъ 23,000.—Приведемъ еще одинъ замѣчательный фактъ: по свѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, послѣ удаленія изъ Крыма непріятеля, убрано и зарыто было въ землю, для очищенія воздуха, около 200,000 остововъ скота, служившаго для перевозки тяжестей.»

Изъ отдѣла объ «общественныхъ, промышленныхъ и торговыхъ отношеніяхъ» мы извлечемъ слѣдующіе отрывки. Вотъ, по справедливымъ словамъ г. Керсака, —

«Цифры, которыя могутъ служить указателемъ того, въ какомъ положеніи находятся государственные крестьяне и въ чемъ они особенно нуждаются. Въ 1858 году среднимъ числомъ у государственныхъ крестьянъ приходилось:

1 питейное заведеніе на	1,409	ч.	об.	п.
1 административное или судебное мѣсто .	2,348	»	»	»
1 школа	7,994	»	»	»
1 вспомогательная касса	15,258	»	»	»
1 церковь	17,722	»	»	»
1 сберегательная касса	35,191	»	»	»
1 богадѣльня	54,037	»	»	»
1 больница	1,010,000	»	»	»
1 учащійся на	130	»	»	»
1 должностное лицо	218	»	»	»
1 духовное лицо или церковно-служитель .	378	»	»	»
1 повивальная бабка	1,830	»	»	»
1 наставникъ или наставница	6,987	»	»	»
1 фельдшеръ	30,606	»	»	»
1 врачъ	101,508	»	»	»

Далѣе г. Корсакъ говоритъ о промышленномъ и торговомъ законодательствѣ:

«Промышленная и торговая дѣятельность связана множествомъ стѣснительныхъ учрежденій, которыя, въ послѣднее время, обратили на себя вниманіе правительства и составляютъ предметъ разсужденій спеціальныхъ коммиссій. Изъ постановленій, не прямо касающихся промышленности и торговли, особенно тяжело отзываются на той и другой круговая порука при отправленіи рекрутской повинности и уплатѣ подушной и паспортная система. Круговая порука, которая нисколько не предотвращаетъ недоборовъ въ податяхъ и не можетъ замѣнить хорошей системы налоговъ, служитъ только къ ограниченію свободы передвиженія и свободы приложенія труда къ производству. Паспортная система соединена съ огромной тратой времени и денегъ и даетъ только безчисленные поводы къ безполезной перепискѣ, къ вмѣшательству чиновниковъ въ дѣла промышленника, къ штрафамъ, арестамъ и т. п. Объ откупной системѣ и вліяніи ея на промышленность было уже сказано. Здѣсь мы сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія о цехахъ, гильдіяхъ, о таможенномъ тарифѣ, какъ о предметахъ, прямо относящихся къ промышленному и торговому законодательству.

«Ремесленныя постановленія въ Россіи (за исключеніемъ Остзейскихъ и отчасти западныхъ губерній) не имѣли исторической основы, а были почти цѣликомъ заимствованы у западныхъ государствъ еще въ прошломъ столѣтіи. Это учрежденіе имѣло, можетъ быть (что впрочемъ весьма сомнительно), въ свое время полезное вліяніе на наши ремесленныя сословія; но съ тѣхъ поръ какъ фабрично-ремесленное производство сдѣлало у насъ нѣкоторые успѣхи, цеховыя учрежденія обратились прямо въ стѣсненія для промысловъ. На основаніи дѣйствующихъ постановленій, различіе между фабриками и ремеслами сопровождается важными различіями въ значеніи и правахъ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній. Содержатели фабрикъ и заводовъ должны быть записаны въ гильдіи, но лица, вновь учреждающія фабрики и заводы, должны записываться въ извѣстный цехъ и обязаны подчиняться цеховымъ постановленіямъ. Къ этимъ двумъ главнымъ родамъ заведеній слѣдуетъ причислить такъ-называемыя *домашнія заведенія*, содержатели которыхъ (мѣщане и крестьяне) освобождаются и отъ гильдейскихъ платежей и отъ записки въ цеха. При такомъ различіи правъ и обязанностей этихъ заведеній, законодательство не опредѣляетъ точно ихъ взаимныхъ границъ; единственнымъ разграниченіемъ ремеслъ отъ фабрикъ оно признаетъ ручную работу. Ремесленныя управы, для усиленія ремесленныхъ сборовъ, простирали свои требованія о запискѣ въ цехи нетолько на домашнія заведенія или малыя фабрики, содержатели которыхъ вовсе освобождены отъ взятія гильдейскихъ свидѣтельствъ, но и на фабричныя и заводскія заведенія, снабженныя льготными свидѣтельствами, и даже на признанныя фабрики, подъ тѣмъ предлогомъ, что на нихъ работа производится ручнымъ способомъ, и что есть цехи

одинаковаго съ ними названія. Онѣ произвольно размножали число цеховъ и безъ разбора примѣняли къ нимъ нисколько не сходныя производства (*), не только ремесленныя, но и фабричныя, стараясь включить въ кругъ своего вѣдѣнія всю мелкую фабричную и заводскую промышленность. Мелкій фабрикантъ, попавшій однажды въ цехъ, съ трудомъ уже можетъ выбраться изъ него и поступить на фабричное положеніе, расширивъ производство, тѣмъ болѣе, что полученіе свидѣтельства на званіе фабриканта или заводчика сопряжено съ сложными формальностями и потерею времени. Притомъ цеховыя формальности, отвлекая рабочихъ отъ дѣла, затрудняя хозяевъ, служатъ поводомъ къ даннымъ неудовольствіямъ и спорамъ. Коммиссія, назначенная въ 1860 г. для изслѣдованія этого вопроса, убѣдилась въ необходимости коренного измѣненія промышленныхъ постановленій, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ и уничтоженіе цеховъ.

«Гильдіи имѣютъ не только матеріальное, но и нравственно вредное вліяніе на торговлю и на торговцевъ. По крайней неравномѣрности налога, онѣ стѣсняютъ чрезмѣрно мелкихъ торговцевъ и чрезмѣрно облегчаютъ большихъ ко вреду малыхъ. Этотъ вопросъ также занимаетъ правительство. Какими стѣсненіями для торговли долженъ отзываться тарифъ, можно видѣть уже изъ того, что изъ 311 статей его, обложенныхъ привозною пошлиной, 99 дали въ 1859 г. 19,425,000 р. дохода или 87% (всего получено по европейской торговлѣ 22,358,000), а 212 статей — 2,933,000, то есть 13%. Есть десятки статей, которыя доставляютъ дохода лишь по нѣскольку копѣекъ въ годъ. Провозъ товаровъ черезъ таможни обставленъ не менѣе стѣснительными формальностями. Таможенное законодательство также преобразовывается.

«Наконецъ нельзя не обратить вниманія на многія сословныя и личныя привилегіи, на слабость и шаткость кредитнаго законодательства, которое дѣлаетъ чрезвычайно затруднительнымъ взысканіе по разнымъ обязательствамъ и этимъ сильно подрываетъ кредитъ,—и на безчисленные поводы къ вмѣшательству полиціи въ промышленныя и торговыя дѣла, которое уничтожаетъ возможность правильныхъ разсчетовъ въ предпріятіяхъ, а многихъ лицъ совершенно удерживаетъ отъ промы-

---

(*) «Въ 1860 г. въ числѣ 35 цеховъ, состоявшихъ при санктпетербургской ремесленной управѣ, между прочимъ поименованъ цехъ ситцепечатный, съ причисленіемъ къ нему производствъ: шпалернаго, клееночнаго и резиновыхъ вещей; въ цехъ малярный занесены табачное и сургучное производства; въ цехъ колбасный — помадное, горчичное и ваксильное производства; въ цехъ шорный — ватное и прядильное. Въ 1857 г. въ числѣ 24 цеховъ, состоявшихъ при московской ремесленной управѣ, были: цехъ ленточный, къ которому отнесены заведенія красильныя и ткацкія, кумачный — съ крашеніемъ и чищеніемъ суконъ и матерій и ткачествомъ; въ цехъ мѣдный причислено дѣланіе оптическихъ инструментовъ, производство жестяное и оловянное; къ цеху каретному причислены: выдѣлка обручей, бочекъ, четвериковъ; къ цеху кузнечному — дѣланіе физическихъ и математическихъ инструментовъ». *Примѣч. г. Корсака.*

шленной дѣятельности. Эти поводы порождаются впрочемъ не одними только торговымъ и промышленнымъ законодательствомъ, но общимъ характеромъ администраціи, которая даетъ слишкомъ мало простора для частной дѣятельности. Въ этомъ случаѣ упрекъ, дѣлаемый Франціи за ея чрезмѣрную централизацію, чуть ли не въ большей степени прилагается къ намъ, особенно, если принять въ расчетъ различіе въ степени развитія и добросовѣстности исполнителей.»

Изъ этихъ выписокъ читатель можетъ видѣть, какихъ трудовъ и хлопотъ должно было стоить собираніе и обнародованіе статистическихъ данныхъ, сообщаемыхъ русской публикѣ г. Корсакомъ, и какъ важна «Статистика» Кольба въ русскомъ переводѣ.

Въ понедѣльникъ (12 марта) выйдетъ первый томъ «Сочиненій Н. А. Добролюбова». 2-й, 3-й и 4-й томы приготовлены къ печати, и явятся въ свѣтъ одинъ за другимъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Цѣна за 4 тома 5 р., съ пересылкою 6 р. сер.

Третій томъ «Всеобщей Исторіи Шлоссера» выйдетъ черезъ полторы недѣли.

Газета «Вѣкъ», совершенно преобразовалась. Сама она объясняетъ эту перемѣну пока въ слѣдующихъ словахъ:

«Съ 5—6 № «Вѣка» перемѣнены шрифтъ, форматъ и бумага, — и вообще все изданіе этого журнала основано на новыхъ началахъ, о чемъ въ непродолжительномъ времени будетъ объявлено особо.

«Въ преобразованномъ вновь «Вѣкѣ» принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

«Аристовъ Н. Я., Арсеньевъ К. К., Афанасьевъ (Чужбинскій) А. С., Бибиковъ П. А., Боклевскій П. М., Головачевъ А. Ф., Горбуновъ И. Ф., Думшинъ Г. Д., Европеусъ А. И., Елисеевъ (Грыцько) Г. З., Курочкинъ В. С., Курочкинъ Н. С., Лѣсковъ Н. С., Максимовъ С. В., Микѣшинъ М. О., Мулловъ П. А., Ничипоренко А. И., Помяловскій Н. Г., Потѣхинъ А. А., Потѣхинъ Н. А., Тихановичъ В. Г., Серно-Соловьевичъ Н. А., Степановъ Н. А., Стопановскій М. М., Унковскій А. М., Успенскій Н. В., Шелгуновъ Н. В., Щаповъ А. П., Энгельгардъ А. Н.»

Мы имѣемъ полное убѣжденіе въ томъ, что писатели, сдѣлавшіеся постоянными сотрудниками новаго «Вѣка» одушевлены самою живою заботою о газетѣ, преобразованной при ихъ содѣйствіи.

Два первые нумера новаго «Вѣка» даютъ намъ право ожидать, что онъ будетъ полезнѣйшимъ изъ нашихъ дешевыхъ изданій.

УРАВНЕНІЕ ПОЗЕМЕЛЬНАГО НАЛОГА

И РАСПРЕДѢЛЕНІЕ НАШИХЪ ПОДУШНЫХЪ И ОБРОЧНЫХЪ СБОРОВЪ ПО ЗЕМЛѢ.

I.

Между нашими финансистами въ ходу мысль о переложеніи прямыхъ налоговъ на землю; съ нею вяжется и еще нѣсколько другихъ вопросовъ, такъ напримѣръ, объ устройствѣ оброчной подати, ея выкупѣ и т. д.; носятся даже смутные слухи о кадастрѣ. Россію предлагаютъ кадастрировать! Все это вызываетъ насъ на нѣкоторыя соображенія о существующихъ способахъ уравненія прямыхъ налоговъ по землѣ, и о томъ значеніи, которое можетъ имѣть у насъ самая мысль такого уравненія.

Установленіе прямыхъ налоговъ для общихъ государственныхъ расходовъ почти вездѣ составляетъ весьма позднее финансовое явленіе. Еще не такъ далеко то время, когда центральная власть съ ея фискомъ содержалась доходами отъ коронныхъ земель и косвенными сборами, основанными на правѣ регалій. За тѣмъ прямой налогъ сталъ являться мало по малу въ видѣ временной, чрезвычайной мѣры, по случаю особыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось то или другое государство. Чрезвычайность этой мѣры доказывалась тѣмъ, что правительство каждый разъ созывало сословія, чувствуя необходимость испрашивать согласія ихъ на то.

Такіе случаи становились съ ходомъ времени все чаще и чаще, до тѣхъ поръ, пока прямой налогъ не получилъ характера постоянной подати. Извѣстно, что установленіе этого рода налоговъ почти вездѣ совпадало по времени съ введеніемъ регулярныхъ войскъ, которое, съ другой стороны, сопровождалось быстрымъ ростомъ государственнаго долга. Эти двѣ статьи государственнаго бюджета, долги и войско,

стали поглощать наконецъ повально во всѣхъ странахъ Европы $^2/_3$ государственныхъ средствъ, и постоянное усложненіе прямыхъ налоговъ стало для финансовой практики неоспоримой аксіомой фискальнаго благосостоянія. Въ странахъ, гдѣ военное искусство не составляетъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, главнаго основанія политическихъ надеждъ и гражданской централизаціи, напр. въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ,—прямые налоги въ пользу государственнаго фиска составляютъ лишь чрезвычайное средство, которое не входитъ въ текущій бюджетъ, Обыкновенные государственные расходы покрываются почти исключительно внѣшнимъ таможеннымъ сборомъ и доходомъ отъ продажи казенныхъ земель.

Но въ Европѣ невозможна американская система бюджета, и прямые налоги особенно разнообразны въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ наиболѣе запутаны финансовыя дѣла. Такъ въ Австріи эта статья доведена до утонченнѣйшихъ усложненій, между которыми выпускъ бумажныхъ денегъ съ постояннымъ банкротствомъ составляетъ очень оригинальный видъ налога на доходъ. Развиваются прямые налоги и во Франціи, Пруссіи; даже въ Англіи, независимо отъ ряда подоходныхъ таксъ, покрывающихъ издержки на мѣстное благоустройсто и управленіе, независимо отъ старой land tax, общій подоходный налогъ превратился изъ чрезвычайнаго средства—въ обыкновенное и постоянное. Прямой налогъ необходимъ въ Европѣ—это аксіома, въ которую твердо вѣрятъ всѣ правительственные камералисты.

Самымъ главнымъ источникомъ прямаго налога служитъ поземельная собственность, и для уравнительной раскладки поземельнаго налога финансовая практика представляетъ два способа: одинъ, необыкновенно долгій и сложный, основанъ на правильномъ *кадастрѣ*; другой состоитъ въ сокращенныхъ пріемахъ оцѣнокъ реальнаго дохода, основанныхъ преимущественно на показаніяхъ самихъ лицъ, доходъ которыхъ подлежитъ налогу.

Матеріаломъ для поучительныхъ заключеній относительно системы кадастра послужитъ для насъ примѣръ Франціи и Западной Пруссіи. Сокращенный способъ принятъ въ Англіи и Сѣверной Америкѣ.

II.

Кадастръ, какъ и все въ исторіи, имѣлъ свои ступени усовершенствованія, или, выражаясь по-нѣмецки, свои послѣдовательные моменты заблужденій. Но они смѣнялись очень медленно. То, что могло быть понято въ кадастрѣ съ-разу, даже безъ практическихъ испытаній,

приводилось въ ясность только вслѣдствіе неоднократныхъ тяжелыхъ опытовъ, значительныхъ тратъ денегъ и времени. Такъ что вообще въ исторіи нелѣпостей мы затруднимся указать примѣръ выдумки, которая бы держалась упорнѣе, не смотря на явную несостоятельность ея.

Задача кадастра состоитъ въ опредѣленіи поземельнаго дохода, чтобы можно было уравнять сообразно ему поземельный налогъ. Доходъ этотъ долженъ былъ опредѣляться по кадастру посредствомъ научныхъ выкладокъ. Между тѣмъ нельзя было не сознавать съ самаго начала, что опредѣлить хотя съ приблизительною точностью поземельный доходъ научнымъ порядкомъ трудно даже на одномъ участкѣ. Тѣмъ труднѣе казалось бы могъ такой доходъ быть опредѣленъ въ цѣлой странѣ. Не говоря уже вообще о недостаткахъ научныхъ вычисленій дохода, должно было броситься въ глаза то, что громадная масса многосложныхъ оцѣнокъ, требуемыхъ кадастромъ, не можетъ быть произведена разомъ во всѣхъ мѣстахъ, такъ что оцѣнки будутъ кончены въ различныхъ мѣстахъ разновременно, и потому въ результатѣ получится въ одномъ случаѣ оцѣнка настоящаго дохода, въ другомъ оцѣнка прошлаго, и трудно было не увидѣть, что подать не можетъ быть уравнена по доходамъ, оцѣненнымъ на разстояніи 10, 20, 30, 40 и болѣе лѣтъ. Второе: какими бы точными правилами ни были опредѣлены основанія оцѣнокъ, онѣ не могутъ быть вездѣ произведены однимъ и тѣмъ же лицомъ, а потому въ результатѣ должны получиться оцѣнки разнородныя. Въ третьихъ, еще менѣе можно было предполагать, чтобы сдѣланныя разъ оцѣнки, если бы даже допустить ихъ первоначальную правильность, могли долго служить основаніемъ уравненія. Эти неудобства такъ ярки, что, кажется, нельзя было не предусмотрѣть ихъ съ самаго начала.

Какъ же случилось, что кадастръ примѣнялся такъ упорно,—это другой вопросъ, объясняемый особыми условіями, при которыхъ возникла и дѣйствовала система кадастра.

Система эта возникла вслѣдствіе настоятельныхъ историческихъ затрудненій; подъ вліяніемъ слишкомъ громкихъ жалобъ на неуравнительность подати, она была взята второпяхъ, какъ первое попавшееся подъ руку административное средство, которому сначала никакъ не думали придать такой сложности и такого громаднаго размѣра; но вступивъ разъ на этотъ путь, шли все далѣе и глубже въ непроходимую чащу затрудненій, думая достигнуть гдѣ нибудь цѣли. Цѣль же эта всегда была довольно ограниченная. Тутъ вовсе не имѣлось въ виду точнаго подоходнаго уравненія подати; искали только какого нибудь уравненія, которое на сколько нибудь облегчило бы затруднительность существующаго порядка. Сначала, какъ мы сказали,

взялись за оцѣнки не такія, къ какимъ пришли впослѣдствіи, а гораздо болѣе скорыя и смѣлыя, полагая, что дѣло кончено будетъ быстро и не потребуетъ много труда. Оцѣнивали въ данной мѣстности на скорую руку нѣсколько пунктовъ и къ нимъ приравнивали другіе, обращались къ статистикѣ и при помощи ея опредѣляли доходъ цѣлыхъ округовъ по аналогіи. Только когда не удались такіе пріемы, пришли къ подробному или участковому кадастру, на который истрачено было столько труда, времени и денегъ и въ которомъ завязли безъисходно.

Но на этомъ пути отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ опытовъ кадастра, въ основаніи его долго удержалась спѣшная цѣль, съ которою начаты были первыя попытки кадастраціи: кадастръ долженъ былъ приблизительно опредѣлить правильное отношеніе доходовъ отдѣльныхъ владѣній между собою, не касаясь дѣйствительной вѣрности самихъ нормъ дохода, и сущность самаго пріема кадастровыхъ операцій основывалась всегда на опредѣленіи относительнаго дохода по сравненію однихъ участковъ съ другими. На основаніи такихъ сравненій выводилась въ результатѣ лѣстница владѣній, по которой раскладывалась предвзятая сумма общаго податнаго оклада.

Только впослѣдствіи, уже забывъ фактивность кадастровыхъ оцѣнокъ, въ мѣстахъ, гдѣ кадастръ былъ принятъ по чужому примѣру, пробовали замѣнить распредѣленіе предвзятой суммы оклада извѣстнымъ процентомъ съ дохода.

Къ какимъ привело это результатамъ и какія должны были быть вообще послѣдствія кадастра по самой сущности системы *сравненій*, — читатель, конечно, легко могъ бы опредѣлить самъ безъ нашей дальнѣйшей помощи. Но есть вещи въ наукѣ, на которыхъ приходится останавливаться не по самой сущности дѣла, а вслѣдствіе случайныхъ об[illegible]ятельствъ, гораздо болѣе чѣмъ бы слѣдовало.

С[illegible]кадастра еще имѣетъ защитниковъ между нашими финанс[illegible] потому мы невольно должны подтвердить сказанное о ней [illegible] фактами. Факты эти принадлежатъ преимущественно Фра[illegible]падной [illegible]сіи.

[illegible]и ура[illegible]прямыхъ налоговъ было обѣщано при самом[illegible]револ[illegible] въ 1790 г. было приступлено къ установлен[illegible]прав[illegible] равномѣрной подати взамѣнъ старыхъ дна[illegible]vingt[illegible]о мѣстный подробный кадастръ былъ на[illegible]въ 1[illegible] 1821 году, была окадастрирована только [illegible] половина, и весь кадастръ конченъ не [illegible]. Итакъ, въ концѣ прошлаго вѣка не было [illegible]ихъ основаній, которыя могъ бы предста[illegible]рованія поземельной подати. Поэтому перво[illegible]ъ слѣдующій способъ раскладки.

Въ основаніе была взята общая сумма чистаго поземельнаго дохода страны, считавшаяся тогда въ 1200 милліоновъ франковъ; изъ этой суммы положено было отдѣлить $^1/_5$ часть въ доходъ центральнаго фиска и кромѣ того часть, равняющуюся 25% съ этой $^1/_5$ на мѣстныя потребности, что должно было доставить въ итогѣ 240 милліоновъ франковъ въ пользу государственной казны и 60 милліоновъ франковъ на мѣстныя нужды.

Эту сумму требовалось распредѣлить по доходамъ. Прежде всего нужно было распредѣлить общій итогъ поземельнаго сбора по департаментамъ; но для этого не было положительной мѣрки. Лучше ничего не могли придумать, какъ вернуться за этими данными къ старому, только-что разбитому порядку и опредѣлить департаментскія доли, примѣняясь къ старой системѣ податей. Такимъ образомъ департаменты узнали каждый свою цифру, но главная трудность оставалась все-таки впереди. Чтобы уравнять поземельную подать внутри департаментовъ, нужно было распредѣлить департаментскія суммы по отдѣльнымъ округамъ, общинамъ и владѣніямъ. Но для этого опять не было никакихъ данныхъ, и дѣло устроили безъ точныхъ основаній. Въ первые годы революціи жалобы на неравномѣрность распредѣленія умѣрялись возможностію уплачивать подать ассигнаціями. Но съ возстановленіемъ уплаты податей звонкой монетой, жалобы стали слишкомъ сильны. Пробовали предоставлять владѣльцамъ право доказывать несоразмѣрность своихъ долей въ сравненіи съ сосѣдями, но это право было сопряжено съ такими расходами и формальностями, что пользоваться имъ на дѣлѣ было невозможно. Пытались помочь дѣлу сокращеннымъ кадастромъ. Оцѣнивали въ нѣсколькихъ общинахъ доходъ съ жилищъ, по ихъ наемной цѣнѣ, и общій приблизительный доходъ цѣлыхъ владѣній не входя въ отдѣльную оцѣнку полей, луговъ и лѣсовъ,—и къ этой оцѣнкѣ приравнивали остальныя части департамента; но и это оказалось безуспѣшно.

Тогда-то остановились на мысли о неизбѣжности участковаго кадастра. Но и здѣсь, для скорости, подробный кадастръ былъ признанъ необходимымъ только въ отношеніи къ распредѣленію подати внутри департаментовъ, а прежняя раскладка контингентовъ по департаментамъ была признана достаточно соотвѣтствовавшею требованіямъ уравненія. Зная, на какихъ основаніяхъ были разсчитаны прежде эти контингенты,—нечего удивляться, что правительство реставраціи, вслѣдствіе жалобъ департаментовъ на неправильность раскладки, немедленно приступило къ пересмотру департаментскаго распредѣленія. Въ 1817 г. были назначены особыя коммисеіи для такого пересмотра. Данными для нихъ должны были служить арендные договоры, купчія крѣпости и свѣдѣнія, отчасти выработанныя уже начатымъ кадаст-

ромъ. Но дѣятельность этихъ коммиссій кончилась тѣмъ, что въ 1821 г. было признано достаточнымъ — распредѣлить по сокращенному кадастру доли, слѣдующія не только на департаменты, но также и внутри департаментовъ на отдѣльные округи, кантоны и общины, такъ что подробный кадастръ долженъ былъ служить основаніемъ лишь для распредѣленія разсчитанныхъ уже такимъ образомъ окладовъ на отдѣльныя владѣнія. Эта система уравненія осталась неизмѣнною до сихъ поръ.

А между тѣмъ подробный кадастръ производился своимъ чередомъ и къ сороковымъ годамъ достигъ, къ общему восторгу, благополучнаго окончанія. Но результаты его съ самаго начала уже оказывались весьма странными.

Еще въ 1817 г., когда не была окончена еще и $1/_3$ часть кадастра, оказалось, при сравненіи стараго распредѣленія съ результатами кадастра, что между тѣмъ, какъ податныя доли опредѣлялись для всей Франціи среднимъ числомъ въ 16% чистаго дохода, департаментскіе оклады колебались между 9 и 27% дохода. Примѣняя ту же неточность къ распредѣленію по округамъ, общинамъ и т. д., можно понять, къ какому уравненію должна была приводить старая система. Оказывалось, что существовали рядомъ владѣнія, изъ которыхъ одно несло подать, равнявшуюся болѣе чѣмъ половинѣ своего дохода, а другое лишь $1/_{60}$ часть. Но вотъ былъ конченъ подробный кадастръ. Казалось, всего естественнѣе было исправить по его результатамъ эти несообразности распредѣленія въ окладахъ по департаментамъ и округамъ; но попытки этой не было сдѣлано. Дѣло въ томъ, что лучшіе представители финансоваго дѣла мало довѣряли результатамъ подобнаго кадастра и слѣдовательно мало вѣрили въ возможность произвести болѣе успѣшное уравненіе по его даннымъ. Оно было и довольно трудно, потому что участковый кадастръ, едва примѣненный къ распредѣленію окладовъ по отдѣльнымъ владѣніямъ, вызывалъ жалобы на неуравнительность. Громадный трудъ, стоившій столькихъ лѣтъ и столькихъ милліоновъ, пропалъ совершенно безъ всякаго успѣха и сами ученые произнесли рѣшительный судъ надъ нимъ. Вотъ слова, которыми почтилъ кадастръ одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ финансистовъ Франціи. «Мы думаемъ, что правительство должно покинуть извилистый и безвыходный путь, по которому шло 32 года, должно выйти изъ этого лабиринта, на который растратило 130 милліоновъ. Мы должны сказать, что почти всѣ финансовые чиновники считаютъ кадастръ дѣломъ пустымъ и напраснымъ».

Французскимъ правительствомъ былъ начатъ подробный кадастръ въ Западной Пруссіи, во время владычества Франціи надъ при-рейнскими провинціями и впослѣдствіи времени приведенъ къ окончанію

новымъ правительствомъ. Здѣсь примѣненіе его къ поземельной подати было произведено уже на другомъ и, повидимому, болѣе раціональномъ основаніи. Общая сумма поземельной подати не была опредѣлена напередъ и потомъ распредѣлена на основаніи оцѣнокъ, какъ во Франціи, а наоборотъ, подать эта была опредѣлена въ видѣ однообразнаго процента съ доходовъ, опредѣленныхъ кадастромъ. Можно было, кажется, ожидать и болѣе успѣшныхъ результатовъ всей операціи, чѣмъ во Франціи. На дѣлѣ вышло не такъ. Оказалось, что величина долей, пришедшихся на двѣ провинціи, Рейнскую и Вестфальскую, по новому разсчету осталась почти та же самая, какая существовала и до сихъ поръ; вся разница состояла въ томъ, что доля Вестфаліи была убавлена на 2% и почти на столько же увеличена доля Рейнской провинціи. Немногимъ значительнѣе оказалась разница и въ окладахъ, упавшихъ по новому разсчету на отдѣльные округа; разница эта вообще не достигала 10% противъ прежнихъ окладовъ и только въ одномъ округѣ равнялась 18%. Напротивъ того, различіе оказалось гораздо разительнѣе въ окладахъ, пришедшихся на отдѣльныя владѣнія; здѣсь оно достигало часто 40 и 50%.

Различія эти, конечно, еще не доказывали правильности самаго кадастра; они приводили только къ тому убѣжденію что каковы бы ни были въ сущности, справедливы или нѣтъ, результаты кадастра, операція эта могла имѣть вліяніе лишь на окладъ отдѣльныхъ владѣній; этотъ фактъ невольно приводилъ къ изслѣдованію самаго порядка кадастровой операціи и здѣсь находилъ свое прямое разъясненіе.

Вникая въ самый порядокъ подробной кадастраціи, можно было разрѣшить вопросъ довольно просто. Существенная и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно ложная черта кадастраціи, какъ мы сказали уже, состояла въ томъ, что ею опредѣлялся не положительный поземельный доходъ, а сравнительная доходность земель по тѣмъ общимъ даннымъ, которыя были подъ рукою; сообразно такой сравнительной доходности производилась классификація земель и высчитывалась относительная цифра дохода по каждому владѣнію. Вся операція видимо держалась на сравненіи однихъ угодій съ другими, потому результаты ея могли быть ощутительны лишь тамъ, гдѣ было возможно самое сравненіе, то есть на пространствахъ всегда незначительныхъ. Возможнѣе всего было это сравненіе между владѣніями отдѣльныхъ общинъ; оно здѣсь и оказало свое дѣйствіе. Гораздо труднѣе уже было сравненіе цѣлыхъ округовъ и, наконецъ, положительно невозможно относительно цѣлыхъ провинцій,—невозможно потому, что и при сличеніи двухъ сосѣднихъ угодій, кадастраторъ большею частію не имѣлъ возможности принять въ разсчетъ всѣхъ условій въ пользу и во вредъ того

и другаго изъ владѣній, такъ что и тутъ отношеніе доходности устанавливалось порядкомъ недостаточнымъ, между тѣмъ какъ дѣйствительный доходъ земель опредѣляется условіями весьма измѣнчивыми, разнообразными и случайными. Но какъ ни шатко здѣсь такое сличеніе земли, оно по крайней мѣрѣ возможно на самомъ мѣстѣ. Сличеніе же большихъ пространствъ, округовъ или цѣлыхъ провинцій, возможно лишь на бумагѣ, и чѣмъ дальше будемъ проводить этотъ порядокъ сличенія, тѣмъ оно будетъ отвлеченнѣе, тѣмъ чаще будетъ встрѣчаться съ данными, совершенно несоразмѣримыми, и кончится тѣмъ, что пропадетъ всякая возможность сличенія.

Невозможно сличеніе отдаленныхъ мѣстностей и потому, что кадастръ долженъ былъ производиться одновременно въ различныхъ мѣстахъ различными партіями кадастраторовъ, изъ которыхъ каждая знаетъ только свой участокъ.

Этому старались помочь — учреждая нѣсколько инстанцій повѣрочныхъ коммисій, соотвѣтственно инстанціямъ административнаго дѣленія. Коммисіи эти занимались сравненіемъ и повѣркой выводовъ первоначальныхъ кадастраторовъ. Кончивъ свое дѣло, низшія коммисіи передавали дѣло въ высшую, для дальнѣйшаго сличенія. Такимъ порядкомъ думали помочь недостатку единства кадастровой операціи въ при-рейнскихъ провинціяхъ. Результатъ дѣятельности коммисій былъ тотъ, какого и слѣдовало ожидать: дѣятельность всякой высшей коммисіи все ближе и ближе приходила въ соприкосновеніе съ общими итогами окладовъ, наконецъ центральная коммисія имѣла уже прямо дѣло съ общей суммой поземельной подати. Не имѣя возможности производить дѣйствительныхъ повѣрокъ и измѣненій, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, коммиссіи естественно сходили къ округленію итоговъ, сообразному съ старыми окладами. Такъ въ результатѣ дѣло и пришло само собой къ тому, что для провинцій оклады остались почти тѣ же. Но ровно ничего все-таки нельзя было не измѣнить, нашлось и основаніе къ измѣненію: вестфальскіе владѣльцы жаловались на отяготительность ихъ окладовъ, въ сравненіи съ Рейнскою провинціею; поэтому уменьшили общую сумму налога въ Вестфаліи на 2%. — Такимъ образомъ прусская система пришла къ тѣмъ же результатамъ, какъ и французская: думая опредѣлить подать въ видѣ извѣстнаго уравнительнаго процента съ дохода, она только распредѣлила старые оклады по отдѣльнымъ владѣніямъ. Въ томъ и заключается главный комизмъ кадастра, что онъ движется по двумъ путямъ, одинаково ложнымъ: соединяетъ оцѣнки произведенныя разными лицами въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время и потому лишенныя единства, и съ тѣмъ вмѣстѣ руководится предвзятою цифрою общаго итога поземельной подати.

Подать, разсчитанная по кадастру въ Западной Пруссіи, вышла въ сущности той же французской податью распредѣленія,—это подтвердилось немедленно, по окончаніи кадастра, собственнымъ сознаніемъ правительства. Сословія жаловались, что цѣны на хлѣбъ, взятыя въ основаніе кадастра по среднему разсчету 1760—1819 г., были слишкомъ высоки; на это отвѣчали, что кадастровыя оцѣночныя цифры не цифры дѣйствительныя, а лишь относительныя, выражающія собой лишь взаимное отношеніе доходности отдѣльныхъ угодій. А по такому отношенію можно, конечно, распредѣлить только предвзятую цифру оклада. Давая такой отвѣтъ, правительство забывало, что главною цѣлью предпринятой имъ кадастраціи было не распредѣленіе, а установленіе поземельной подати въ видѣ процента съ опредѣленныхъ доходовъ.

Изъ такого поучительнаго факта слѣдовало, что установленіе равномѣрной подати, разсчитанной въ видѣ извѣстнаго процента съ дохода, на основаніи кадастра невозможно, потому что кадастромъ опредѣляется не дѣйствительный доходъ, а лишь взаимное отношеніе доходности, и не зная настоящихъ цифръ дохода, нѣтъ возможности опредѣлить, какая подать можетъ быть обременительна и какая нѣтъ.

Вся система кадастра сводится къ одному *распредѣленію* данной подати.

Но и съ этой стороны результаты кадастра въ Пруссіи были столь же неудовлетворительны, какъ и во Франціи.

Прежде всего оказалось, что самая пропорціональность кадастровыхъ цифръ была настолько же невозможна, насколько невозможна была и положительная вѣрность этихъ цифръ, по очень простой причинѣ. Не говоря уже о томъ, что кадастръ производился въ разныхъ мѣстахъ разными лицами, слѣдовательно подъ вліяніемъ различныхъ началъ и взглядовъ; не говоря о трудности провести до конца пріемъ сравненія по обширности и отдаленности мѣстностей, было совершенно упущено изъ виду, что онъ производился въ разныхъ мѣстахъ въ разное время, когда измѣнялись уже и цѣны, и хозяйственныя условія, такъ что въ сущности постоянно приходилось сравнивать прошедшее съ настоящимъ и установлять отношенія по даннымъ, принадлежащимъ различнымъ срокамъ. Опредѣляемое такимъ образомъ отношеніе во всякомъ случаѣ должно было быть ложно.

Такъ несостоятеленъ оказался со всѣхъ сторонъ кадастръ, даже на такомъ незначительномъ пространствѣ, какъ Западная Пруссія, занимающая не болѣе 845 квадр. миль, то есть не болѣе нашей Минской губерніи. Ясно, что въ примѣненіи къ большимъ пространствамъ неудобства кадастра должны оказаться еще болѣе рельефными. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Какъ бы ни была вѣрно произведена кадас-

тровая оцѣнка въ даннуюминуту, остается спросить, какъ долго можно будетъ разсчитывать на ея точность. Доходъ съ земель мѣняется, какъ извѣстно, почти такъ же быстро, какъ и доходъ отъ промысловъ, и самое короткое время вноситъ совершенную путанницу въ самый правильный кадастръ.

Остается одно средство — это періодическая повѣрка кадастра; но она столько же трудна, какъ и первоначальный кадастръ. Мы замѣчали, что результаты кадастра должны быть тѣмъ печальнѣе, чѣмъ больше страна, къ которой онъ примѣняется. Оно такъ и вышло. Самое большое государство изъ всѣхъ пытавшихся кадастроваться,—Австрія,—не могло въ теченіе 60 лѣтъ не только кончить кадастра, но даже остановиться наконецъ на какомъ нибудь изъ придуманныхъ пріемовъ кадастраціи.

Кадастръ пробовали примѣнять и у насъ.

При учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ въ 1837 году, высочайше повелѣно было подати, собираемыя съ государственныхъ крестьянъ, привесть въ соразмѣрность съ выгодами, какія получаются ими отъ земли и промысловъ; въ 1842 году былъ оконченъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и представленъ на высочайшее утвержденіе проектъ о кадастрѣ подъ названіемъ положенія объ устройствѣ *оброчной подати*. Какія были послѣдствія этого положенія, которое, какъ видно изъ самаго названія его, имѣло цѣлію уравнять одну лишь оброчную подать, а потому не вполнѣ соотвѣтствовало вышеприведенному высочайшему повелѣнію, намъ неизвѣстно. Все кадастровое дѣло наше было начато министерствомъ государственныхъ имуществъ, и документы его до сихъ поръ таятся въ бумагахъ этого министерства. Оффиціально извѣстно только (изъ Свода Законовъ и Обзора дѣйствій департамента сельскаго хозяйства за десять лѣтъ, изъ отчетовъ министра государственныхъ имуществъ и изъ статистическихъ свѣдѣній, изданныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ), что у насъ примѣнены обѣ системы кадастра, для устройства податей государственныхъ крестьянъ. Въ западныхъ губерніяхъ произведена люстрація, при чемъ исчисленъ валовой доходъ отъ земли каждаго казеннаго селенія, и $1/_3$ этого дохода обращена въ доходъ казны въ видѣ оброка. Независимо отъ этой системы, въ великороссійскихъ губерніяхъ производилось уравненіе существовавшихъ уже сборовъ. Для этого особо въ каждой губерніи оцѣнялись земли и промыслы государственныхъ крестьянъ, выводился чистый отъ нихъ доходъ въ каждомъ селеніи и по этимъ доходамъ распредѣлялась между селеніями губерніи сумма оброчной подати, взымавшаяся до того по душевой раскладкѣ.

Кадастръ министерства государственныхъ имуществъ начатъ былъ,

какъ извѣстно, лишь въ видѣ опыта. Окончательное же утвержденіе проэкта положенія объ уравненіи податей въ общемъ законодательномъ порядкѣ было отложено до того времени, пока опытъ оправдаетъ пользу и удобопримѣнимость начатыхъ улучшеній. Весьма вѣроятно; что опытъ не оправдывалъ ни пользы, ни удобопримѣнимости начатаго. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что означенное положеніе до сихъ поръ неудостоилось окончательной конфирмаціи. По великороссійскимъ губерніямъ министерство государственныхъ имуществъ опубликовало нѣкоторыя статистическія данныя, собранныя при кадастрѣ, но окончательные результаты раскладки неизвѣстны. Несмотря на то, по однимъ примѣрамъ другихъ государствъ, гдѣ было все-таки гораздо болѣе способовъ къ собранію нужныхъ для оцѣнокъ свѣдѣній, и также по нѣкоторымъ другимъ даннымъ и слухамъ, мы можемъ опредѣлить послѣдствія, которыя имѣла бы у насъ проба кадастра. Въ теченіе двадцати и болѣе лѣтъ было бы окадастровано примѣрно двадцать губерній, и при разсмотрѣніи результатовъ кадастра оказалось бы, что податные проценты съ дохода по разнымъ губерніямъ вышли крайне несоразмѣрны и невыгодно отразились на благосостояніи и богатствѣ отдѣльныхъ губерній. Такъ напримѣръ, можетъ быть, что податные проценты съ доходовъ въ Курской губерніи вышли бы гораздо выше, чѣмъ въ Смоленской, Смоленская губернія оказалась бы богаче Курской, земли ея лучше и доходнѣе. Отсюда, для уравненія ея въ окладахъ съ Курскою слѣдовало: повысить податной процентъ въ первой и сбавить въ Курской, словомъ, увеличить подати смоленскихъ крестьянъ на счетъ курскихъ. Это обстоятельство поставило бы, конечно, правительство въ сомнѣніе насчетъ правильности оконченныхъ оцѣнокъ. Дѣла явно нельзя было бы вести впередъ безъ совершеннѣйшей повѣрки оконченной кадастраціи двадцати губерній. Вслѣдствіе этого былъ бы сформированъ повѣрочный отрядъ, который производилъ бы свои работы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ результатѣ повѣрокъ вышло бы то же, что вышло и въ Пруссіи изъ податныхъ повѣрокъ и соглашеній между собою, то есть уравновѣшена была бы разница въ податныхъ процентахъ, полученная при первоначальной оцѣнкѣ между Курскою и Смоленскою губерніями. Но уравненіе это было бы столь нечувствительно, что оно могло быть совершено и безъ всякихъ вторичныхъ повѣрокъ, на основаніи одного лишь общаго соображенія объ относительномъ благосостояніи губерній. Такъ въ Пруссіи окладъ Вестфаліи былъ пониженъ на 2% и на столько же повышенъ окладъ Рейнской провинціи. У насъ наибольшая сбавка пришлась, положимъ, на 10%, въ какой нибудь одной губерніи, и въ общей сложности разница въ процентахъ по губерніямъ, колебавшаяся по первымъ оцѣнкамъ, положимъ, между 10 и

30%, по соглашеніи оцѣнокъ оказалась колеблющеюся между 15 и 20%.

Въ суммѣ, стало быть, у насъ, какъ и въ Пруссіи, повѣрка имѣла бы видъ искуственнаго подведенія разсчетовъ подъ предвзятыя условія, — и только.

Эта система распредѣленія предвзятыхъ окладовъ по оцѣнкамъ была собственно испытана лишь надъ великороссійскими губерніями. Другая система, — система обращенія въ подать извѣстнаго процента съ оцѣночнаго дохода безъ данныхъ окладовъ, — была примѣнена въ западныхъ губерніяхъ подъ именемъ люстраціи. Здѣсь, въ отношеніи правильности, результаты оцѣнокъ вышли бы, конечно, однѣ и тѣ же: оцѣнки эти оказались бы крайне неравномѣрны. Но общій результатъ операціи долженъ былъ выйдти еще хуже; ибо, или при самой оцѣнкѣ главнымъ желаніемъ было бы то, чтобы назначаемый процентъ дохода, обращаемый въ подать, непремѣнно составилъ общую податную сумму, или этотъ процентъ могъ быть назначенъ впослѣдствіи въ такомъ размѣрѣ, который для опредѣленнаго заранѣе размѣра подати потребовалъ бы отъ поземельнаго дохода размѣра *невозможнаго*, позволилъ ему заставить поземельный доходъ выдержать условный размѣръ подати или, наконецъ, если бы даже оцѣнки и производились и были приняты въ основаніе налога безъ всякаго соображенія съ предвзятымъ общимъ итогомъ подати, онѣ, сами собою, вслѣдствіе личнаго взгляда оцѣнщиковъ могли бы выдти крайне неравномѣрны, то есть ниже — въ богатыхъ мѣстностяхъ, и несоразмѣрно выше — въ бѣдныхъ. Такъ, напримѣръ, въ Витебской губерніи — пришлось бы платить съ десятины гораздо болѣе, чѣмъ въ Виленской, которая значительно богаче первой; подать распредѣлилась бы не по доходу, а въ обратной пропорціи къ зажиточности.

Такъ эта система оказалась бы еще произвольнѣе первой, давая возможность повышать и понижать оцѣнки подъ вліяніемъ личныхъ соображеній оцѣнщиковъ.

Можетъ быть результаты, добытые кадастрами министерствомъ государственныхъ имуществъ, были успѣшнѣе тѣхъ, которые мы только-что изложили; но пока это остается недоказаннымъ, мы имѣемъ полное право сомнѣваться въ этомъ.

Такія-то послѣдствія долженъ былъ бы имѣть у насъ кадастръ въ случаѣ примѣненія его къ общему податному вопросу. Потянулись бы десятки лѣтъ безплодной работы; къ издержкамъ казны прибавилась бы новая громадная статья расхода, которая пала бы новой тяжестью на личный трудъ крестьянъ, — и все это для того, чтобы повторить у насъ исторію, которой такъ долго морочили почти всю Европу.

III.

Въ Англіи поземельная подать въ пользу центральнаго фиска обратилась такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ постоянный налогъ; но особыя условія, на которыхъ организована въ этой странѣ администрація, и особое устройство самой финансовой системы дали тамъ вопросу о поземельной подати возможность разрѣшиться иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ Англіи, хотя не столь ясно, какъ въ Сѣверной Америкѣ, поняли, что дѣйствительная связь, организующая населеніе государства въ одно цѣлое, держится не на механическомъ единствѣ, что государственное единство зависитъ не отъ возможности покрыть изъ конца въ конецъ страну одной сѣтью властей и учрежденій, составляющихъ непосредственное продолженіе центральнаго административнаго узла,—что напротивъ государственная связь основывается на положительныхъ интересахъ, соединяющихъ отдѣльныя лица, и на единствѣ ихъ чувствъ.

Въ числѣ этихъ условій первое мѣсто занимаетъ довольство жителей того или другаго округа своимъ мѣстнымъ управленіемъ, а это зависитъ отъ ихъ права вліять на ходъ своей мѣстной администраціи, предназначать свои деньги на предметы собственнаго благоустройства и распоряжаться ими по собственному усмотрѣнію.

Всѣ эти преимущества въ Англіи устроены въ пользу однихъ поземельныхъ собственниковъ, чего мы, конечно, не защищаемъ: но здѣсь рѣчь идетъ не о тѣхъ частныхъ формахъ, въ которыхъ устроилось здѣсь начало такъ-называемой административной децентрализаціи, а только о самомъ «*началѣ*».

Въ силу этого начала значительная доля поземельнаго сбора въ видѣ подоходной подати взималась издавна и взимается до сихъ поръ въ Англіи внутри отдѣльныхъ графствъ и общинъ самимъ мѣстнымъ населеніемъ, въ томъ размѣрѣ, въ которомъ признавалась и признается нужнымъ, и употребляется на содержаніе мѣстнаго управленія, церквей, мостовъ, дорогъ, на содержаніе бѣдныхъ, и т. п. Сборы эти не входятъ въ государственный бюджетъ, установляются, взимаются и расходуются безъ всякаго участія и контроля центральной власти.

Почти такимъ же порядкомъ собирается мѣстная подоходная подать внутри отдѣльныхъ общинъ каждаго штата Сѣверной Америки, вовсе не входя въ бюджетъ штата; разница только та, что мѣстные расходы въ Сѣверной Америкѣ распредѣляются на предметы болѣе широкихъ общественныхъ нуждъ, гораздо раціональнѣе и основательнѣе, чѣмъ въ Англіи; главная доля мѣстныхъ расходовъ предна-

значается тамъ на народное образованіе, на постройку дорогъ и прочіе предметы общественнаго благоустройства, то есть такіе предметы, которые прежде всего служатъ тѣсному сближенію людей и должны составлять главное основаніе истиннаго единства. Управленіе въ собственномъ смыслѣ слова поглощаетъ весьма незначительный процентъ мѣстныхъ сборовъ. Въ Англіи это несовсѣмъ такъ, хотя и въ ней главные расходы не идутъ собственно на управленіе; какъ бы то ни было, въ Англіи на ряду съ общей поземельной податью издавна существовавала мѣстная подоходная подать, которою и покрывается значительная часть расходовъ на управленіе. Этотъ мѣстный сборъ въ Англіи и княжествѣ Валійскомъ составляетъ около 12 милл. ф. ст., изъ которыхъ поземельная собственность оплачиваетъ около 9 милл. ф. ст. или 57 милл. р. сер. съ пространства 2742 квадр. милл. и съ 18 милл. жител., то есть около 20,000 рублей съ мили и 3 рублей съ души. Между тѣмъ въ Западной Пруссіи всего поземельнаго сбора приходится не болѣе 5,500 р. на квадратную милю и 1 р. 40 коп. на душу.

Когда же общая государственная казна почувствовала надобность въ прямомъ налогѣ на собственность, то установили, въ видѣ чрезвычайной мѣры, подоходную подать. Это имѣло нѣкоторыя удобства: сюда входила въ сущности и поземельная подать, но къ ней присоединялась подать съ другихъ доходовъ. Это казалось и прибыльнѣе и справедливѣе, и кромѣ того для распредѣленія ея не нужно было прибѣгать къ новымъ сложнымъ оцѣночнымъ операціямъ; для основанія распредѣленія могла служить существующая таксація доходовъ для мѣстныхъ сборовъ. Такъ была установлена подоходная подать (income-tax) по случаю войны съ Наполеономъ.

Прекращенная въ 1816 году съ водвореніемъ мира, она была возобновлена въ 1842 г. и съ тѣхъ поръ постоянно увеличивалась до 1857 года; въ этомъ году она давала болѣе 15 милл. ф. стер. — Въ слѣдующемъ году она была понижена на половину.

Она по ходу вещей, должна войти въ разрядъ постоянныхъ налоговъ, хотя въ настоящее время и составляетъ еще какъ бы только чрезвычайный дополнительный ресурсъ фиска.

Не касаясь болѣе обстоятельствъ income-tax, скажемъ нѣсколько словъ о системѣ, сущность которой заключается въ мѣстныхъ сборахъ.

Прежде всего съ этой системой децентрализаціи, какъ доказывается вышеприведенными цифрами, связана возможность повышать податной процентъ до извѣстной степени, не возбуждая такихъ жалобъ со стороны платящихъ, какъ при центральной подати. Есть большая разница въ томъ, платится ли взносъ на непосредственныя и

дѣйствительныя нужды платящаго или на расходы, ему неизвѣстные и совершенно чуждые. Важнѣйшее зло центральнаго налога состоитъ именно въ томъ, что онъ идетъ не на дѣйствительныя потребности платящаго. Мы не хотимъ сказать, чтобы англійская система мѣстныхъ налоговъ уравнивала податную повинность каждаго, соразмѣрно тѣмъ выгодамъ, которыми онъ пользуется. Нѣтъ, система эта только болѣе приближаетъ общественные расходы къ мѣстнымъ нуждамъ. Раціональностью расходовъ она болѣе способствуетъ благоустройству. Притомъ она не требуетъ ни той траты времени, ни тѣхъ денегъ, какъ система кадастра. Если французскій кадастръ длился 40 лѣтъ, то легко представить, сколько потребовалъ бы времени кадастръ въ Россіи, между тѣмъ какъ англійская система переоцѣнокъ повторяется ежегодно. Наконецъ, не выходя изъ предѣловъ чисто формальнаго уравненія сбора, она значительно упрощаетъ операцію уравненія, врядъ ли можетъ доводить распредѣленіе до такихъ крайнихъ несообразностей, какія обыкновенны при системѣ кадастра. Такъ Типперарійское графство не можетъ оказаться доходнѣе Девонширскаго, или, что почти тоже, наша Смоленская губернія — богаче Курской, — что случается иногда при кадастрѣ.

Другое преимущество англійской системы заключается въ томъ, что при ней подать распредѣляется по оцѣнкамъ, возобновляющимся ежегодно при каждомъ новомъ сборѣ и самыя оцѣнки дѣлаются не по разсчетамъ фиктивнаго дохода, который должна давать каждая десятина, а состоятъ въ опредѣленіи реальнаго дохода съ каждаго отдѣльнаго владѣнія, основанномъ на показаніяхъ самихъ владѣльцевъ, подтверждаемыхъ соотвѣтствующими актами, арендными договорами, купчими и проч. — Въ Америкѣ, гдѣ вся система управленія отличается необыкновенной простотой, самый механизмъ распредѣленія подати очень простъ: каждая община, занимающая пространство 10—60 квадрат. миль, съ населеніемъ отъ 3 до 12,000 жителей, для своего управленія избираетъ извѣстное число лицъ (selectmen), которыя и завѣдуютъ текущими дѣлами общины. Затѣмъ, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, собираются общинныя собранія, въ которыхъ каждый членъ общины является съ одинаковымъ правомъ голоса, независимо отъ размѣра его имущества. На этихъ собраніяхъ выборные представители общины отдаютъ отчетъ о результатахъ управленія за истекшій годъ и происходитъ вотированіе новаго общиннаго бюджета. Распредѣленіе налоговъ производится особенными лицами, избираемыми въ каждой общинѣ на одинъ годъ; они носятъ названіе assesors. Вся сумма сборовъ, причитающаяся съ общины, какъ на ея нужды, такъ и въ пользу штата, распредѣляется этими лицами между членами общины на слѣдующихъ основаніяхъ: незначительная

часть общаго оклада, слѣдующаго въ пользу штата, распредѣляется поголовно на каждаго взрослаго мужчину (poll-tax); а собственно общинный налогъ распредѣляется пропорціально имуществу членовъ. Съ этой цѣлью каждый членъ общины представляетъ распредѣлителю подробный инвентарь всего своего имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, включая сюда и денежные капиталы, отданные въ оборотъ, акціи и вообще бумажныя цѣнности. На основаніи этихъ показаній, таксаторы производятъ оцѣнку, имѣя право возвышать ее, когда есть положительныя основанія, напримѣръ, формальные акты, обнаруживающіе дѣйствительный доходъ того или другаго владѣльца.

Для предупрежденія утайки бумажныхъ цѣнностей и капиталовъ, банки и компаніи на акціяхъ обязаны вести реестры всѣмъ своимъ членамъ и сообщать имена ихъ съ надлежащими свѣдѣніями въ общины. Такъ оцѣнивается доходъ со всякаго рода имуществъ и затѣмъ налогъ распредѣляется на каждаго члена сообразно числу долларовъ, въ какое оцѣненъ его доходъ.

Въ Англіи эта операція разнится отъ американской только частностями.

Для мѣстныхъ сборовъ существуетъ въ Англіи нѣсколько отдѣльныхъ таксъ, сообразно предметамъ, на которые взимаются эти сборы: они называются county-rate, borough-rate, poor-rate, highway-rate и church-rate. Опредѣленіемъ этихъ предметовъ и ограничивается вліяніе законодательства на мѣстные сборы, а самый размѣръ сборовъ совершенно зависитъ отъ усмотрѣнія мировыхъ судей.

Они на годовомъ или четвертномъ съѣздѣ назначаютъ собрать сумму, какая имъ кажется нужною. Когда израсходуется $^3/_4$ прошлаго сбора, они назначаютъ новый. Мировые судьи не подлежатъ при опредѣленіи величины сбора никакому контролю мѣстныхъ жителей и никакой отвѣтственности передъ ними. Добросовѣстность ихъ тутъ обезпечивается исключительно тѣмъ, что они главные землевладѣльцы графствъ, и потому несутъ значительную долю мѣстныхъ расходовъ, и что еще важнѣе — гласнымъ веденіемъ дѣла. Въ ряду такихъ таксъ главную долю сборовъ составляетъ такса на бѣдныхъ, и естественно, что подъ ея вліяніемъ выработался порядокъ таксаціи, который сталъ основаніемъ и для прочихъ сборовъ.

Надсмотрщики надъ бѣдными составляютъ по каждому приходу вѣдомость всѣмъ лицамъ, подлежащимъ окладу, съ обозначеніемъ валоваго и чистаго дохода каждаго лица. По вопросу, какіе предметы подлежатъ окладу, практика дала характеристическую фразу: Visible profitable property in the parish («видимая и дающая выгоду собственность»); подъ этимъ подразумѣвается не только недвижимая собствен-

ность, ие и всѣ вещи, какъ то: орудія ремеслъ и производства, служащія доказательствомъ получаемаго дохода. Самая оцѣнка дохода производится на основаніи реальныхъ его признаковъ: арендныхъ договоровъ, купчихъ и т. д., и измѣняется съ каждой перемѣной въ этихъ основаніяхъ оцѣнки.

На неправильную оцѣнку подается жалоба мировымъ судьямъ на четвертныхъ съѣздахъ; а въ послѣднее время учреждены для этого спеціальные съѣзды.

Эта оцѣнка, дѣлаемая для мѣстныхъ сборовъ, значительно облегчаетъ оцѣнку доходовъ и для общаго подоходнаго сбора, которая также производится каждый годъ вновь, и въ сущности оказывается лишь повѣркой оцѣнокъ, сдѣланныхъ для мѣстныхъ сборовъ. Предварительныя свѣдѣнія и всѣ матеріалы для нея (арендныя условія, свѣдѣнія объ оцѣнкахъ на мѣстные сборы и т. д.) собираются тѣми же надсмотрщиками надъ бѣдными и доставляются особымъ чиновникамъ, учрежденнымъ въ округахъ и установляющимъ оцѣнку. Она сообщается каждому владѣльцу съ правомъ апелляціи въ особую коллегію изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ владѣльцевъ.

IV.

Таковы двѣ системы распредѣленія, выработанныя финансовой практикой. Если сравнивать ихъ между собою, то конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, которой изъ нихъ должно быть отдано преимущество. Но сущность англійскаго способа заключается не столько въ сокращенномъ порядкѣ оцѣнокъ, сколько въ децентрализаціи самаго управленія, безъ которой такой способъ оцѣнки и невозможенъ. Потому онъ и принятъ *меньшимъ* числомъ государствъ, чѣмъ система кадастра; именно только Англіею, Америкой и въ послѣднее время Пруссіей. Система кадастра, будучи напротивъ уродливымъ порожденіемъ стремленія согласить во что бы то ни стало административную централизацію и наибольшее сосредоточеніе податныхъ суммъ въ рукахъ правительства съ податнымъ уравненіемъ, кромѣ западной Пруссіи и Франціи, введена въ нѣсколькихъ второстепенныхъ владѣніяхъ (Саксоніи, Баваріи, Бельгіи и Ломбардіи).

Вотъ въ общихъ чертахъ все, что представляетъ финансовая практика по вопросу, который мы разсматриваемъ. Не разрѣшая, конечно, вопроса вполнѣ, представленныя данныя позволяютъ однако извлечь нѣсколько довольно опредѣлительныхъ положеній. Намъ хотѣлось бы по крайней мѣрѣ, чтобы читатель вынесъ изъ сказаннаго слѣдующія немногія убѣжденія:

1) Трудность оцѣнокъ дохода и уравненія податей увеличивается съ увеличеніемъ пространства, подлежащаго оцѣнкамъ; поэтому оцѣнка дохода можетъ выйдти сносною только при децентрализаціи сборовъ и оцѣнокъ, и слѣдовательно, только при децентрализаціи самаго административнаго устройства.

2) При централизаціи прямыхъ налоговъ уничтожается непосредственная связь между потребностями платящихъ и тѣми статьями, на которыя расходуются сборы.

3) При центральномъ налогѣ невозможенъ никакой разумный разсчетъ процента, который можетъ уплачивать та или другая мѣстность на свои мѣстныя потребности, и оттого часто выходитъ, что одна мѣстность оплачиваетъ чисто мѣстныя нужды другой.

Возникаетъ вопросъ: получивъ возможность децентрализаціи прямаго налога на доходы, можно ли надѣяться на удовлетворительное уравненіе его?

Не трудно понять, что уравненіе, которое достигается такимъ образомъ, все-таки весьма условно и формально: назначенный сборъ взимается во всякомъ случаѣ въ видѣ извѣстнаго процента съ единицы дохода, и при неравности доходовъ у разныхъ лицъ, тягость налога лежитъ на членахъ общины въ обратной пропорціи съ отношеніемъ ихъ дохода къ ихъ необходимымъ потребностямъ.

Такъ доходъ въ 1,000 руб., уплачивая 10%, сохраняетъ 900 р., это достаточно на безбѣдную жизнь его владѣльцу; между тѣмъ какъ отъ дохода въ 100 р., и безъ того недостаточнаго на необходимѣйшія нужды семейства, за уплатою 10%, остается сумма, съ которою семейство не можетъ прожить безъ ощутительныхъ стѣсненій.

Вопросъ объ уравненіи налога сталкивается, такимъ образомъ, съ вопросомъ объ уравненіи доходовъ и здѣсь достигаетъ геркулесовыхъ столбовъ европейской практики....

Обращаясь послѣ всего сказаннаго собственно къ нашему податному вопросу, мы не затрудняясь можемъ опредѣлить теперь нѣкоторыя существенныя условія, соблюденіе которыхъ должно способствовать рѣшенію его къ лучшему.

При доказанномъ нами преимуществѣ мѣстнаго налога передъ центральнымъ, кажется, не можетъ быть рѣчи о сохраненіи прямаго налога въ формѣ централизованной. Децентрализованный налогъ представляется рѣшительной необходимостію у насъ, при нашемъ государственномъ пространствѣ, увеличивающемъ для насъ всѣ затрудненія централизованнаго налога сравнительно съ другими государствами, настолько же, насколько территорія Россіи превосходитъ обширностію всѣ прочія.

За тѣмъ, предстоитъ опредѣлить: 1) предметы, съ которыхъ по-

жетъ быть взятъ прямой налогъ, и 2) самый порядокъ уравненія. Что касается предмета, съ котораго долженъ быть взятъ этотъ налогъ, онъ долженъ быть обращенъ преимущественно на поземельную ренту, которая вообще самый лучшій источникъ для прямыхъ налоговъ. Остается, значитъ, рѣшить, какъ опредѣлить эту ренту?

Съ перваго взгляда и этотъ вопросъ, повидимому, могъ быть рѣшенъ довольно просто, и данныя для его рѣшенія какъ будто были подготовлены текущимъ порядкомъ дѣлъ. Такъ поземельная рента въ помѣщичьихъ имѣніяхъ для той доли земель, которая отведена въ надѣлъ, естественно должна была бы повидимому опредѣляться суммой установленнаго оброка; это упростило бы разсчетъ ренты и съ остальныхъ земель. На этомъ основаніи могла бы довольно просто составиться въ каждой мѣстности классификація, по которой опредѣлилась бы каждымъ округомъ сумма налога, и она распредѣлялась бы на владѣльцевъ сообразно доходу ихъ.

Если бъ дѣло было такъ просто, то вопросъ рѣшался бы самъ собою; но въ этомъ оброкѣ, который долженъ представлять собою ренту, мы касаемся важнѣйшаго затрудненія.

Если разсчитать сумму подати въ сложности, опредѣляя податной процентъ ренты даже ниже того размѣра, въ какомъ приходится, среднимъ числомъ, нынѣшній подушный окладъ къ доходамъ съ помѣщичьихъ имѣній, то есть полагая налогъ въ $^1/_8$ ренты, то одна подать съ земель надѣла срочно-обязанныхъ крестьянъ дастъ сумму, покрывающую весь нынѣшній подушный окладъ. Такъ, даже если предположить среднюю норму оброка въ 8 р. с., то есть ниже Положенія, то оброка придется въ сложности съ 11,000,000 крестьянъ 88 милл. Раздѣленная на 8, сумма эта дастъ тѣже 11 милл., которые равняются приблизительно нынѣшнему подушному окладу бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; кромѣ того останется еще вся часть налога, которая придется съ земель, оставшихся въ распоряженіи помѣщиковъ.

Этотъ фактъ несомнѣнно доказываетъ, что принятая норма ренты даже въ 8 р.,—неимовѣрно громадна. Вся оброчная подать государственныхъ крестьянъ, вмѣстѣ съ доходомъ отъ оброчныхъ статей и лѣсовъ, не достигаетъ въ сложности и 30 милл., а общій доходъ съ помѣщичьихъ имѣній не превышалъ 110 до 130 милл. Поэтому-то процентъ ренты, отнесенной на земли надѣла, 88 милл., положительно не можетъ быть выдержанъ этимъ надѣломъ. Взята здѣсь будетъ уже не рента, а нѣчто постороннее, и подать будетъ уже лежать не на землѣ, а на личномъ трудѣ крестьянъ. Вотъ почему эта норма не можетъ быть взята ни въ основаніе разсчета подати, ни въ основаніе для опредѣленія ренты.

Рента должна быть поэтому опредѣлена вновь для всѣхъ безъ ис-

ключенія земель по дѣйствительнымъ даннымъ. Поземельный доходъ крестьянъ долженъ быть опредѣленъ внутри каждаго общества и потомъ вычислена какъ рента съ надѣла, такъ и самый налогъ. Спрашивается, какимъ порядкомъ можетъ быть вычислена дѣйствительная рента?

Еслибъ наука въ этомъ отношеніи представляла какое нибудь прочное и удобопримѣнимое средство, то опять дѣло могло бы быть рѣшено просто. Но положительные выводы знаменитой теоріи ренты не идутъ далѣе слѣдующихъ ихъ положеній: рента равняется разницѣ между доходомъ самыхъ дурныхъ изъ обработанныхъ земель и доходомъ отъ прочихъ земель или рентъ,—равняется разности между доходомъ съ капитала, употребленнаго на обработку самыхъ дурныхъ земель и дохомъ съ капитала, употребленнаго на обработку прочихъ земель. Стало быть, для опредѣленія ренты по этому правилу нужно прежде всего вычислить тотъ же доходъ или ту же стоимость обработки; — то-есть въ сущности теорія не помогаетъ здѣсь дѣлу ровно ничѣмъ.

Можно было бы, пожалуй, предположить и такъ, что бывшій крѣпостной надѣлъ отдавался землевладѣльцами крестьянами за рабочія руки, которыми обработывалась экономическая запашка, и потому заключить, что рента съ надѣла равняется стоимости рукъ, потребныхъ для обработки тѣхъ экономическихъ земель, которыя были дѣйствительно обработываемы. Но крѣпостной трудъ былъ принудительный, и слѣдовательно обработка экономическихъ земель была форсированной. Дѣйствительная рента съ надѣла никакимъ образомъ не можетъ равняться той, которая была бы высчитана по такому разсчету. Остаются формальныя оцѣнки. Оцѣнки эти могутъ быть сдѣланы приблизительно вѣрно лишь въ предѣлахъ тѣсныхъ мѣстностей, принятыхъ за самостоятельныя экономическія единицы. Успѣхъ ихъ требуетъ по возможности дробнаго финансоваго дѣленія. Конечно, къ этому дѣленію не подойдутъ ни наши губерніи, ни уѣзды, ни даже мировые участки. Но это еще не препятствіе.

Какія бы возраженія ни были сдѣланы противъ новаго, болѣе дробнаго дѣленія, основанныя на разности интересовъ отдѣльныхъ сословій и относительной ограниченности одного быта и болѣе широкомъ планѣ другаго, мы готовы твердо настаивать на неосновательности всѣхъ возраженій, на одинаковомъ неудобствѣ нынѣшняго дѣленія для всѣхъ обывателей, какъ по его крупности, такъ и по его іерархической сложности, и признать возможнымъ единственное и болѣе мелкое дѣленіе, — возможнымъ гораздо ранѣе, чѣмъ прекратится нынѣшнее распредѣленіе продукта и совершится уравненіе дохода. Предположивъ поэтому возможность такого дѣленія, ко-

торое допустило бы правильность оцѣнокъ и опредѣленіе дѣйствительныхъ рентъ,—спрашивается: къ чему бы привели эти оцѣнки?

Во-первыхъ, онѣ бы показали, что не только нынѣшняя подушная подать, если бы она даже, какъ это было до 19 февраля прошлаго года, была перенесена на земли экономическія, но и подушная подать государственныхъ крестьянъ, поземельный оброкъ которыхъ сравнительно гораздо меньше (онъ колеблется, какъ извѣстно, между 1 руб. 50 коп. и 3 руб. сер.),—словомъ, вся сумма прямаго налога, какая бы ни была ея норма, упадаетъ не на ренту, а на личный трудъ крестьянъ.

По строгой точности оцѣнокъ, дѣйствительная рента противъ нынѣшняго формальнаго ея разсчета сократится на 50, 70 и болѣе процентовъ. Но въ этомъ видѣ самая рента уже будетъ столь мала, что подаїной процентъ, который можетъ быть съ нее взысканъ, дастъ можетъ-быть слишкомъ ничтожную подать, или если процентъ этотъ будетъ увеличенъ черезъ мѣру, то подать будетъ въ свою очередь переброшена на рабочія руки, и въ концѣ концовъ или подыметъ черезъ силу цѣну сельскаго продукта, или убьетъ земледѣліе. Экономисты, можетъ быть, не поймутъ этого, какимъ образомъ цѣлая значительная доля обработанной земли не представляетъ въ сущности никакой ренты. По теоріи, вѣдь въ самомъ дѣлѣ рента представляетъ разницу дохода съ самой дурной изъ обработанныхъ земель, отъ дохода прочихъ обработанныхъ земель. Но дѣло въ томъ, что эта рента поглощена той массой косвенныхъ налоговъ, которой обременена жизнь. Если хотите знать, гдѣ она и чему приблизительно равняется, мы готовы указать и это: она равняется 123 слишкомъ милліонамъ питейнаго сбора и $9^1/_2$ милл. акциза на соль.

Вотъ почему крестьянину нечѣмъ выкупать свой надѣлъ; вотъ почему сельская промышленность и жизнь остается закрѣпощенною. Пусть наши экономисты найдутъ средство вернуть эти 123 милл. ренты въ руки крестьянъ, и тогда мы будемъ говорить съ ними объ уравненіи у насъ поземельной подати.

Такимъ образомъ, вопросъ поставленный нами съ самаго начала однимъ образомъ, теперь переставливается иначе. Мы искали нормальныхъ условій уравненія и распредѣленія прямаго налога; наука и опытъ представили намъ для этого свои неоспоримыя основы. Мы пытались примѣнить эти основанія, и здѣсь столкнулись съ фактами, противъ которыхъ, конечно, не можетъ помочь никакая теорія, какъ бы она ни была неоспорима. Въ виду этихъ-то фактовъ, пока они будутъ продолжаться, намъ, конечно, не остается ничего болѣе, какъ бросить всякую мысль объ уравненіи или какомъ либо устройствѣ у насъ прямыхъ налоговъ и заняться самыми фактами. Эти факты, скрытые для большинства, въ общихъ догадкахъ смутно

лишь чувствуемые другими, далеко не въ полной ихъ неотразимости, возбуждаютъ общественные толки къ требованію приношеній отъ той или другой части общества, вызываютъ упреки и неудовольствія, падающія на то же общество. Если бы дѣло зависѣло исключительно отъ общества, отъ его частныхъ жертвъ на общее дѣло, опять вопросъ могъ быть рѣшенъ кое-какъ. Но дѣло въ томъ, что обществомъ принесены уже всѣ жертвы, которыя могли быть съ него взысканы при текущемъ устройствѣ экономическихъ отношеній, и потому всякое дальнѣйшее требованіе къ кому бы ни было направлено по формѣ, будетъ уплачено трудовыми руками.

Общество ждетъ выкупа, какъ живой силы, которая воскреситъ лучшія отношенія; но кто заплатитъ этотъ выкупъ!—Его можетъ заплатить только рента, а эта рента уже взята. Дѣло переходитъ въ частный разсчетъ между казной и землевладѣльцами. Если этотъ разсчетъ не будетъ сдѣланъ изъ экономическихъ остатковъ, если рента не будетъ возвращена въ общество въ той долѣ, которая при текущемъ порядкѣ можетъ довольствовать землевладѣльца, то выкупъ заплатится конечно только тяжелой нищетой, которая падетъ на массу. Какой же можетъ быть толкъ о переводѣ или непереводѣ прямаго налога на землю, когда фискъ и безъ того въ долгу передъ обществомъ. Ясно, что какъ ни переводи, до уравненія расходовъ фиска съ тѣми требованіями, которыя допускаетъ нынѣшнее экономическое устройство, заплатитъ налогъ все-таки бѣднѣйшій изъ потребителей. Исходъ видимъ одинъ—это бережливость.

Послѣ такого рѣшенія вопроса о поземельной подати, конечно рѣшается самъ собой и вопросъ объ устройствѣ оброчной подати государственныхъ крестьянъ. Оброкъ въ смыслѣ ренты взимается здѣсь и безъ того цѣликомъ, путемъ косвенныхъ сборовъ, и потому распредѣлять по землѣ здѣсь болѣе также нечего. Ежели же смотрѣть на этотъ оброкъ какъ на чистую *подать*, то за поглощеніемъ всей ренты другими налогами, эта подать столь же мало можетъ быть вынесена надѣломъ, какъ и оброчные или выкупные платежи, и можетъ пасть лишь на личный трудъ.

Рѣшеніе для обоихъ вопросовъ, такимъ образомъ, одно: все, что можетъ уплатить земля, уплачивается ею въ фискъ косвенными налогами;—болѣе взыскивать нечего.

Ю. ЖУКОВСКІЙ.

О РОСПИСИ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ РАСХОДОВЪ И ДОХОДОВЪ.

Роспись доходовъ—то же самое, что перечень пожертвованій, требуемыхъ съ населенія страны для поддержанія государственнаго организма. Читатель знаетъ, что у насъ кромѣ денежныхъ пожертвованій или собственно такъ-называемыхъ податей и налоговъ существуютъ въ очень значительныхъ размѣрахъ такъ-называемыя натуральныя повинности. Изъ нихъ самыя большія: военная служба, постойная повинность, подводная повинность, дорожная повинность. Мы говоримъ здѣсь только о повинностяхъ, распространяющихся на всю страну, не упоминая о повинностяхъ, лежащихъ только на крестьянахъ той или другой особенной мѣстности, потому что эти мѣстныя повинности имѣютъ болѣе характеръ крѣпостнаго права, чѣмъ налога, и правительство уже приступило къ ихъ отмѣненію, напримѣръ, къ освобожденію крестьянъ, приписанныхъ къ казеннымъ заводамъ, отъ обязательной заводской работы, и т. д.— Возвращаясь къ натуральнымъ повинностямъ, соотвѣтствующимъ не крѣпостному праву, а налогу, взимаемому натурою, мы должны сказать, что этотъ невыгодный способъ удовлетворенія государственныхъ надобностей до сихъ поръ сохраняетъ у насъ огромные размѣры. Въ какую денежную сумму надобно оцѣнить пожертвованія, требуемыя натуральными повинностями, этого никто не можетъ опредѣлить съ точностію. Но мы останемся гораздо ниже дѣйствительныхъ величинъ, если остановимся на слѣдующей приблизительной оцѣнкѣ.

Военная повинность. Работникъ пріобрѣтаетъ въ годъ среднимъ числомъ конечно гораздо болѣе 50 р. сер.; но положимъ только 50 р. сер. Въ 1859 г. считалось въ русскихъ войскахъ 1,271,000 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Считая по 50 р. въ годъ на человѣка дохода, отъ пріобрѣтенія котораго отвлекаетъ его служба, мы должны сказать, что

съ этой стороны военная повинность обходится странѣ болѣе чѣмъ въ 63,500,000 р. сер. Если съ 1859 г. численность войскъ уменьшена, то надобно помнить, что оцѣнка заработка въ 50 р. принята у насъ слишкомъ низкая; поэтому оцѣнка стоимости всей повинности, не смотря на уменьшеніе арміи, все-таки не будетъ въ дѣйствительности ниже цифры, принятой у насъ.

Эта цифра 63,500,000 не имѣетъ никакой претензіи на точность, имѣя только одно основательное право считаться погрѣшающею противъ дѣйствительной величины не тѣмъ, чтобъ была выше, а развѣ тѣмъ, что ниже ея. Еще труднѣе оцѣнить приблизительную величину пожертвованія, возлагаемаго на страну постойною повинностью. Положивъ, что третья часть войска имѣетъ свое собственное помѣщеніе, а двѣ трети получаютъ его чрезъ повинность отъ населенія, и оцѣнивъ квартиру солдата въ 10 р. сер., офицера и генерала въ 50 р., мы получили бы слѣдующія цифры:

Изъ 1,271,660 нижнихъ чиновъ двѣ трети составляютъ около 850,000; по 10 р. на человѣка, будетъ 8,500,000. — Изъ 35,103 офицеровъ и генераловъ двѣ трети составляютъ около 24,000; по 50 р.— 1,200,000 р. Итого 9,700,000 р.

Читателю извѣстно, что по приблизительнымъ смѣтамъ постойная повинность оцѣнивается вдвое выше цифры, принимаемой нами: полагаютъ, что величина пожертвованія, ею возлагаемаго на страну, простирается до 20 милліоновъ р. Это можетъ служить доказательствомъ тому, до какой чрезмѣрности низки принимаемыя нами оцѣнки повинности.

Подводная повинность по общему впечатлѣнію, производимому ею на населеніе страны, составляетъ пожертвованіе не меньшее, чѣмъ постойная повинность; и такъ оцѣнимъ ее такъ же въ сумму, около 10 милл. рублей.

Дорожную повинность вмѣстѣ съ разными мелкими повинностями оцѣнимъ также въ эту сумму.

Такимъ образомъ положимъ, что всѣ повинности вмѣстѣ съ воинскою составляютъ около 90 милл. р. сер.

Эта цифра должна быть гораздо ниже дѣйствительной, какъ мы видѣли изъ примѣра, относящагося къ постойной повинности. Есть еще другой фактъ, убѣждающій въ томъ же самомъ. Въ 1850 г. та часть натуральныхъ повинностей, которая замѣнена денежными сборами, оцѣнивалась въ 21,202,234 р. 59 к. Тутъ вовсе не считалась воинская повинность, такъ что сумма эта составлялась только изъ частей остальныхъ повинностей (постойной, подводной, дорожной и другихъ болѣе мелкихъ); а всѣ эти повинности вошли въ нашъ итогъ только суммою около 27 милл. р. Но каждому извѣстно, что только

меньшая половина ихъ обращена въ денежные сборы; и если эта меньшая половина составляла болѣе 21 милл. рублей, то вся сумма должна составлять не 27 милл., какъ принято въ нашемъ итогѣ, а болѣе 40 милл. рублей.

Все это мы говоримъ къ тому, что цифра государственныхъ доходовъ, вошедшая въ обнародованную табель, представляетъ собою не всю сумму пожертвованій, дѣлаемыхъ страною на общественныя надобности.

Притомъ, изъ самаго заглавія обнародованной Росписи видно, что она не заключаетъ въ себѣ и полнаго перечисленія всѣхъ денежныхъ доходовъ и расходовъ по всѣмъ частямъ общаго правительственнаго устройства. Почти каждое вѣдомство имѣетъ у насъ свои особенные источники доходовъ, которые не поступали до сихъ поръ въ государственное казначейство, а оставались въ распоряженіи самихъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Эти доходы и производимые изъ нихъ расходы вѣроятно не вошли въ обнародованную Роспись, какъ видно, по сдѣланному нами замѣчанію, изъ самаго ея заглавія: «табель доходовъ и расходовъ *государственнаго казначейства*». Въ подтвержденіе этого объясненія приведемъ два примѣра. Духовное вѣдомство получаетъ довольно значительный доходъ отъ продажи восковыхъ свѣчъ въ церквахъ. Этотъ доходъ не составляетъ мѣстнаго дохода самыхъ церквей или эпархій, а представляется ими въ центральное управленіе духовнаго вѣдомства и остается въ его непосредственномъ распоряженіи, не поступая въ государственное казначейство. Потому и не вошелъ онъ въ обнародованную роспись доходовъ. Точно также не вошли въ обнародованную роспись расходовъ покрываемыя преимущественно этимъ такъ-называемымъ свѣчнымъ сборомъ издержки по содержанію учебныхъ заведеній православнаго исповѣданія въ великороссійскихъ, малороссійскихъ и сибирскихъ губерніяхъ. По этой статьѣ внесены въ роспись расходовъ только 29,269 р. «на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній въ западныхъ губерніяхъ», — то есть, только та часть расходовъ, на которую отпускается сумма изъ государственнаго казначейства. Точно также изъ податей, взимаемыхъ съ удѣльныхъ крестьянъ, внесена въ роспись прихода только «подушная подать» по 1 рублю съ каждаго лица. При подробномъ разсмотрѣніи надобно было бы перечислить очень много подобныхъ отраслей прихода и расхода не мѣстнаго, а общаго государственнаго, не вошедшихъ въ Роспись собственно потому, что не входили они доселѣ въ счеты государственнаго казначейства.

Такимъ образомъ мы видимъ теперь, что кромѣ цифръ, вошедшихъ въ обнародованную Роспись, существуютъ три главные разряда не

вошедшихъ въ нее сборовъ, повинностей и другаго рода доходовъ, взимаемыхъ съ страны на общественныя потребности.

1. Натуральныя повинности для общихъ государственныхъ надобностей.

2. Частные источники доходовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ общаго государственнаго управленія.

3. Мѣстные налоги, сборы и повинности на надобности мѣстнаго управленія и устройства.

Если бы мы захотѣли составить себѣ приблизительное понятіе о суммѣ всѣхъ этихъ трехъ разрядовъ государственнаго и мѣстнаго дохода, не внесенныхъ въ обнародованную Роспись, мы могли бы найдти только слѣдующую, конечно вовсе не точную опору для сравненія.

Въ 1858 г. сумма всѣхъ доходовъ, полученныхъ съ государственныхъ имуществъ, простиралась до 45,412,886 руб.; изъ нихъ въ государственное казначество поступило 32,656,063 руб. Такимъ образомъ остались невошедшими въ Роспись доходовъ государственнаго казначейства 12,756,823 руб. Это значитъ, что по вѣдомству государственныхъ имуществъ, на каждый рубль дохода, внесеннаго въ Роспись государственнаго казначейства, приходилось еще 39 к. дохода, не внесеннаго въ нее. Сдѣлавъ, конечно вовсе неточное, заключеніе, что и по другимъ вѣдомствамъ пропорція этихъ двухъ частей дохода была такова же, мы получили бы слѣдующій выводъ:

Итогъ дохода, доставленнаго налогами и другими сборами, обозначенъ въ Росписи государственнаго казначейства цифрою 295,861,839 руб. На эту цифру 39% составляютъ 115,386,117 рублей.

Эта добавочная цифра 115,386,117 р. представляла бы собою ту часть невошедшихъ въ государственную роспись суммъ общихъ государственныхъ и мѣстныхъ сборовъ и повинностей, которая взимается деньгами. А тѣ натуральныя повинности, которыя не переведены на денежный счетъ, все-таки остались бы невошедшими въ нее. Изъ этихъ повинностей одна воинская должна быть оцѣнена не меньше какъ въ 60 милл. руб. Вотъ уже составляется сумма болѣе чѣмъ 175 милл. руб. Она должна быть дополнена частями другихъ натуральныхъ повинностей, не переведенными въ денежные сборы.

Мы очень хорошо понимаемъ, какъ неточно основаніе, принятое нами для выводовъ о величинѣ платежей и повинностей, не вошедшихъ въ обнародованную Роспись. Но мы можемъ утверждать три слѣдующія замѣтки какъ факты достовѣрные.

Во-первыхъ, точнаго исчисленія этой суммы, которая дополняетъ собою обнародованную Роспись, никто не въ состояніи нынѣ представить. Общее финансовое управленіе государства не имѣетъ точныхъ свѣдѣній о величинѣ этой суммы. Отдѣльныя вѣдомства имѣютъ точ-

ныя свѣдѣнія такъ же только о нѣкоторыхъ частяхъ своего отдѣльнаго дохода, не поступающаго въ государственное казначейство, а не обо всѣхъ частяхъ его. Наконецъ важная половина этого дохода, состоящая въ повинностяхъ, отправляемыхъ натурою, вовсе и не можетъ быть оцѣнена съ точностію.

Во-вторыхъ, отлагая всякую претензію на точность, можно однакоже составить себѣ приблизительное понятіе о величинѣ этой дополнительной суммы, руководясь впечатлѣніемъ, какое производитъ она въ населеніи страны. Общее впечатлѣніе то, что натуральныя повинности и денежные сборы, не вошедшіе въ Роспись государственнаго казначейства, служатъ для населенія страны причиною расхода или пожертвованія, не слишкомъ многимъ меньшаго, чѣмъ подати и налоги, вошедшіе въ Роспись государственнаго казначейства. А эти подати и налоги составляютъ около 300 милл. рублей; потому сборы и повинности, не вошедшія въ Роспись, должны быть считаемы приблизительно въ 200 милл. руб., или нѣсколько больше, и такимъ образомъ надобно полагать, что весь бюджетъ налоговъ и повинностей, взимаемыхъ теперь какъ на общіе государственные, такъ и на мѣстные общественные расходы, составляетъ сумму около 500 милл. рублей.

Третье. Изъ огромной суммы повинностей и сборовъ, не вошедшихъ въ Роспись государственнаго казначейства, только меньшая половина имѣетъ или такую форму взиманія, или такую форму употребленія, которая давала бы хотя нѣкоторую соразмѣрность достигаемаго результата съ дѣлаемымъ пожертвованіемъ. Что же касается до наибольшей половины этихъ сборовъ и повинностей, они составляютъ пожертвованіе, несоразмѣрное достигаемому результату. Мы говоримъ тутъ не о злоупотребленіяхъ, не о томъ, напримѣръ, что нѣкоторые чиновники пользуются иногда подводною повинностью для разъѣздовъ по частнымъ надобностямъ, или лѣсною повинностью для насажденія частныхъ садовъ или обработки частныхъ полей; — эти вещи должно назвать пустяками, которые можетъ выставлять на первый планъ только такая жалкая литература, какъ наша. Мы хотимъ говорить не о злоупотребленіяхъ, а о правильномъ взиманіи или отправленіи этихъ сборовъ и повинностей, не вошедшихъ въ Роспись государственнаго казначейства, и о правильномъ ихъ употребленіи.

Напримѣръ, если бы постройка или наемъ помѣщеній для войска производились хотя съ тою невысокою степенью разсчетливости и добросовѣстности, какая обыкновенна у насъ въ подобныхъ дѣлахъ, если бы, напримѣръ, нанимались помѣщенія, дѣйствительно стоющія 12 тыс. руб., когда достаточно было бы помѣщеній на 10 тысячъ рублей, и за эти помѣщенія, дѣйствительно стоющія 12 тыс., платилось 15 тысячъ, — все-таки помѣщенія войскъ въ построенныхъ, купленныхъ или нанятыхъ для того зданіяхъ, стало бы обременять страну

втрое меньше того, чѣмъ нынѣ обременяетъ постойная повинность. Извѣстно, что она въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ даже отвращаетъ населеніе отъ постройки домовъ. Не говоримъ уже о томъ, какое разстройство хозяйства и семейнаго быта производится тѣмъ, что въ одной комнатѣ съ семействомъ хозяевъ помѣщается, безъ ихъ желанія и выбора, посторонній человѣкъ.

То же надобно сказать о подводной повинности. Каковы бы ни были злоупотребленія по вытребованію прогоновъ и путевыхъ суммъ въ излишнемъ количествѣ противъ дѣйствительныхъ издержекъ на разъѣзды и передвиженія, дѣйствительно нужныя, все же покрывать эти требованія общимъ налогомъ было бы для страны въ пять разъ легче разстройства, происходящаго отъ подводной повинности.

Полная безуспѣшность дорожной повинности очевидна для всѣхъ.

Извѣстно также, что отдѣльныя вѣдомства принуждены бываютъ дѣйствовать гораздо экономнѣе, когда должны требовать на извѣстный расходъ деньги изъ государственнаго казначейства, чѣмъ тогда, когда могутъ употребить на этотъ расходъ свои собственныя средства, не передаваемыя въ государственное казначейство. Каждому изъ насъ знакомо, какъ легко расходуются такъ-называемыя «экономическія суммы».

Словомъ сказать, тѣ изъ обращаемыхъ на общія государственныя надобности суммъ и повинностей, которыя не внесены въ обнародованную Роспись, во многихъ случаяхъ не приносятъ государству и той пользы, какую получаетъ оно отъ расходовъ, внесенныхъ въ эту Роспись, такъ что неполнота ея невыгодна для страны.

Устраненіе этой неполноты, проистекавшей изъ формальной особенности счетоводства, доселѣ существовавшаго, составляетъ, если мы не ошибаемся, предметъ заботы самого правительства при томъ преобразованіи порядка отчетности, о которомъ говорится и въ оффиціальномъ предисловіи, предшествующемъ обнародованной Росписи. Вотъ подлинныя слова предисловія:

«По извѣстному уже публикѣ преобразованію порядка отчетности по государственному контролю, между прочими предположеніями, находится и измѣненіе образа составленія смѣты министерствъ и главныхъ управленій, съ болѣе подробнымъ и яснымъ изложеніемъ всѣхъ статей расходовъ, каковой порядокъ и будетъ введенъ съ будущаго 1863 года.»

Предполагаемое введеніе большей подробности также будетъ очень полезнымъ улучшеніемъ. Въ Росписи, обнародованной нынѣ, нѣкоторыя статьи образованы изъ соединенія нѣсколькихъ различныхъ частей. Напримѣръ, соединены въ одну сумму доходы отъ подушной подати «съ мѣщанъ, цеховыхъ и другихъ городскихъ жителей, платящихъ подать по разнымъ окладамъ отъ 22 к. до 2 р. 50 к.»; далѣе

встрѣчаемъ также соединенными въ одну сумму разные оклады подушной подати отъ 15 к. до 2 р. 67 к. съ слѣдующихъ разнородныхъ классовъ сельскаго населенія: «государственныхъ крестьянъ сибирскихъ губерній, поселянъ приписныхъ къ фабрикамъ и заводамъ, вольныхъ людей, евреевъ-земледѣльцевъ, малороссійскихъ козаковъ, юртовскихъ, ембинскихъ и крымскихъ татаръ». Такихъ примѣровъ находится еще нѣсколько въ росписи прихода. — Статьи въ росписи расходовъ имѣютъ наружный составъ менѣе сложный. Но и въ нихъ встрѣчаются соединенія разнородныхъ частей. Напримѣръ, «пенсіи военнымъ и гражданскимъ чинамъ» показаны одною суммою. Другія статьи, хотя и не соединяютъ расходовъ по разнымъ вѣдомствамъ, много выиграютъ точностью, когда будутъ раздѣлены по различію предметовъ расхода; напримѣръ: въ расходахъ «по военному вѣдомству» важно было бы различить суммы коммиссаріатскаго расхода, провіантскаго расхода, жалованья и т. д. Къ тому или другому изъ этихъ двухъ разрядовъ принадлежатъ почти всѣ главныя статьи росписи расхода.

Обращаясь отъ формы росписи къ сущности дѣла, мы видимъ, что общая сумма прихода по государственному казначейству показана въ 310,619,739 р.; въ томъ числѣ 14,757,899 р. 72 к. должны быть взяты изъ «чрезвычайныхъ суммъ по послѣднему $4^1/_2\%$ займу», и затѣмъ собственно доходовъ остается 295,861,839 р. 27 к. (доли копѣекъ мы пропускаемъ). Въ этой суммѣ важнѣйшія части таковы:

1) Съ податныхъ сословій: подушной подати 28,258,861 р. 90 к.; оброчной подати 25,256,733 р. 26 к.; разныхъ сборовъ 1,740,333 р. 52 к.; всего 55,255,928 р. 68 к.

2) Изъ «доходовъ экономическихъ» къ тому же разряду относятся слѣдующія статьи: съ арендныхъ имѣній 2,655,702 р. 40 к.; отъ добычи на казенныхъ горныхъ заводахъ металловъ (потому что этотъ доходъ получается посредствомъ обязательнаго труда, замѣняющаго оброкъ) 2,108,844 р. 30 к.; въ сложности обѣ статьи составляютъ 4,764,546 р. 70 к.

Соединяя обѣ суммы, мы видимъ, что прямыя подати съ податныхъ сословій доставляютъ государственному казначейству 60,020,475 р. 38 к.

Это впрочемъ не вся сумма, доставляемая податьми, лежащими на податныхъ сословіяхъ. Къ ней надобно было бы отнести нѣкоторыя доли изъ другихъ статей, поставленныя подъ рубрику «доходовъ экономическихъ»; напримѣръ: изъ статьи «съ бывшихъ іезуитскихъ фундушовыхъ имѣній и капиталовъ оныхъ»; но по невозможности отдѣлить въ этой статьѣ часть, получаемую съ капиталовъ, отъ части, получаемой прямо съ имѣній, мы не можемъ ввести въ счетъ эту статью; по той же причинѣ не считаемъ и нѣкоторыхъ другихъ,

которыя по-настоящему должны были бы увеличить собою сумму доходовъ, доставляемыхъ прямыми налогами на податныя сословія.

Изъ числа пошлинъ, винный акцизъ доставляетъ слѣдующія суммы: отъ питейныхъ, откупныхъ, акцизныхъ, чарочныхъ и пр. пошлинъ по губерніямъ великороссійскимъ, Ставропольской, сибирскимъ западнымъ, малороссійскимъ, новороссійскимъ и Бессарабской области, тремъ остзейскимъ и г. Нарвѣ — 123,022,580 р. 75 к.; отъ свидѣтельствъ на шинки въ привилегированныхъ губерніяхъ—1,272,000; итого 124,294,580 р. 73 к.

Отъ распродажи по государству соли 9,500,000 р.; съ паспортовъ 1,943,000 р.

Изъ «доходовъ, поступающихъ изъ разныхъ источниковъ на опредѣленные предметы» тотъ же характеръ имѣютъ: за вино, отпускаемое откупщикамъ сверхъ опредѣленной порціи по заготовительной цѣнѣ 7,377,107 р.; пошлинъ съ иностранной соли, привозимой въ Царство Польское, и акциза на соль цехоцинскаго завода 1,135,000 р.; — итого 8,512,107 р.

Слагая эти суммы, мы видимъ, что доходы, собираемые исключительно съ податныхъ сословій (какъ подушная и оброчная подати) или почти исключительно съ нихъ (какъ паспортная пошлина, винный акцизъ, соляной акцизъ), доставляютъ государственному казначейству 204,270,163 р. 11 к.

Сумма эта, какъ мы говорили, еще не полна; къ ней надобно было бы прибавить нѣкоторыя части изъ нѣкоторыхъ другихъ статей; но и останавливаясь на томъ, что уже сосчитано нами, и принимая для облегченія сравненій круглыя цифры, мы видимъ, что изъ 296,000,000 р. всего дохода, съ податныхъ сословій собирается 204 мил., то есть около $^7/_{10}$ частей всего государственнаго дохода.

Это въ значительной степени объясняетъ намъ нужду, замѣчаемую въ массѣ нашего населенія, а вполнѣ объясняетъ малую сумму доходовъ, получаемыхъ государствомъ. Главная масса платежей на покрытіе государственныхъ издержекъ требуется съ людей, еще не успѣвшихъ сдѣлаться зажиточными, и великость уплатъ, требуемыхъ съ нихъ, не допускаетъ ихъ дѣлаться зажиточными. А съ людей бѣдныхъ нельзя получить много, какъ бы требовательны ни были сборы съ нихъ. Потому въ итогѣ получается сумма незначительная. Исправить это неудовлетворительное для самой казны положеніе дѣлъ можно не иначе, какъ измѣнивъ самое распредѣленіе количества требованій съ разныхъ классовъ. Если бѣдные будутъ платить меньше, они скорѣе могутъ стать зажиточными; если съ зажиточныхъ и богатыхъ будетъ требоваться больше, то и доходъ казны будетъ обильнѣе. Достичь удовлетворительнаго для самой казны бюджета доходовъ можно только перенесеніемъ главной тяжести налоговъ съ сословій, до-

селѣ платившихъ слишкомъ много, на сословія, платившія слишкомъ мало. Измѣненія же только въ способѣ взиманія налоговъ нисколько не приведутъ къ этой цѣли; достичь ее можно только отмѣною однихъ налоговъ, уменьшеніемъ размѣра другихъ, возвышеніемъ третьихъ и установленіемъ новыхъ, падающихъ на предметы и классы, доселѣ не дававшіе казнѣ ничего или почти ничего. Общая сумма государственнаго прихода увеличится только тогда, когда будетъ сдѣлано, чтобы вовсе исчезли изъ бюджета или потеряли важность въ немъ налоги, бывшіе до сихъ поръ главными, и заняли главнѣйшія мѣста въ немъ налоги новые или не бывшіе важными.

Скажемъ нѣсколько словъ о перемѣнахъ, произведенныхъ или производимыхъ въ двухъ главныхъ нашихъ налогахъ — подушномъ и винномъ.

Оффиціальнымъ образомъ подушная подать состоитъ изъ двухъ частей: собственнаго такъ-называемаго подушнаго оклада и поземельнаго оброка. То, что правительство находитъ существенную разницу между этими двумя частями, подтверждаютъ, между прочимъ, слѣдующіе два факта: оброкъ взимается только съ крестьянъ, поселенныхъ на государственной землѣ; бывшіе крѣпостные крестьяне, поселенные не на государственной землѣ, платятъ только подушный окладъ, а того оклада, который называется казеннымъ оброкомъ, они не платятъ. Но само населеніе не знаетъ разницы между этими двумя частями подати: государственные крестьяне всю платимую ими въ казну сумму называютъ подушнымъ окладомъ. Разницу въ величинѣ своихъ платежей въ казну и платежей, требуемыхъ казною съ крѣпостныхъ крестьянъ, они приписываютъ только тому обстоятельству, что, не будучи обязаны повинностями помѣщику, они въ состояніи заплатить казнѣ больше, чѣмъ можетъ она получить съ помѣщичьихъ крестьянъ, съ которыхъ требуетъ она меньше только потому, что не могутъ они платить столько, какъ государственные крестьяне.

Дѣйствительно, государственныя потребности должны привести къ установленію такого порядка, при которомъ не будетъ никакой разницы въ отношеніяхъ земли къ налогамъ, какъ бы ни называлась земля. Напримѣръ, до сихъ поръ дворянская земля не платила или ничего, или почти ничего въ государственную казну. Но теперь само дворянство начинаетъ находить, что эта привилегія должна быть отмѣнена.

По винному акцизу взиманіе налога посредствомъ откуповъ замѣняется прямымъ взиманіемъ налога черезъ государственныхъ чиновниковъ. Но при этомъ хотѣли сохранить казнѣ всю ту сумму дохода, какую получала она отъ этого налога при откупѣ. Единственнымъ средствомъ къ достиженію этого результата было найдено установить акцизъ такой высоты, что онъ много превышаетъ цѣну, въ ка-

кую обходится производителю самый продуктъ. А при такой величинѣ акциза оффиціальный надзоръ едва ли въ состояніи будетъ предотвратить очень сильное развитіе корчемства, выгода отъ котораго будетъ чрезвычайно велика. Вся прибыль, получаемая контрабандистами но тайному провозу товаровъ изъ-за границы, совершенно ничтожна предъ громадными суммами, какія можно будетъ получать черезъ тайную продажу водки. Поэтому мы опасаемся, что разсчетъ, которымъ руководились при установленія акциза, окажется не вѣренъ. Казна будетъ введена въ чувствительный недочетъ контрабандою, и обнаружится надобность сдѣлать одно изъ двухъ: или понизить акцизъ, или возвратиться къ системѣ откуповъ. Нечего и говорить о томъ, что первый исходъ гораздо лучше для государства. Но едва ли можно ожидать, что казна получитъ 125 милліоновъ рублей съ вина отъ такой величины акциза, которая не вызывала бы слишкомъ сильной контрабанды при казенномъ управленіи, и не принуждала бы снова прибѣгнуть къ откупамъ. Потому мы думаемъ, что надобно теперь же заняться установленіемъ налоговъ для замѣны уменьшенія въ доходахъ отъ виннаго акциза.

Самый легкій и самый справедливый источникъ для покрытія этого недочета представляетъ подоходный налогъ, на основаніяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія онъ имѣетъ въ Англіи. При совершенной неразработанности вопроса о величинѣ доходовъ частныхъ лицъ въ Россіи, трудно сказать о цифрахъ, какія можетъ онъ дать, что-нибудь опредѣлительнѣе вывода, основаннаго только на видимомъ впечатлѣніи и на оцѣнкѣ слишкомъ валовой. Представимъ же хотя эти приблизительныя соображенія, не имѣющія никакой претензіи на точность.

По общему принципу всякаго подоходнаго налога, отъ него должны быть свободны доходы, не достигающіе извѣстной величины, едва достаточной для сноснаго содержанія семейства. Въ Англіи этотъ minimum принятъ въ 100 ф., около 600 рублей. У насъ деньги дороже, чѣмъ въ Англіи, потому надобно принять за minimum меньшую сумму—положимъ рублей 300.

Въ Англіи количество доходовъ, подлежащихъ налогу, далеко превышаетъ 1,500 милл. рублей серебромъ.

Если предположить, что русское населеніе, даже въ 4 раза бѣднѣе англійскаго,—пропорція конечно уже слишкомъ низкая,—то все-таки Россія, имѣя слишкомъ вдвое больше населенія чѣмъ Англія, представляла бы основаніемъ для налога сумму доходовъ только вдвое меньшую, чѣмъ Англія. Можно полагать поэтому, что количество доходовъ, подлежащихъ налогу, оказалось бы у насъ отъ 800 до 1000 милл. рублей. Налогъ въ 5 к. съ рубля далъ бы отъ 40 до 50 милл.

Столь же затруднительно по неразработанности данныхъ сказать,

какую часть ренты понадобилось бы брать налогомъ для замѣны суммъ, доставляемыхъ нынѣ разными видами подушной подати подъ разными именами. Но судя опять только по приблизительному впечатлѣнію, надобно думать, что средняя величина ренты съ земель, занятыхъ пашнями и лугами, составляетъ не менѣе 1 руб. 50 коп. съ десятины. Такихъ земель считаютъ болѣе 100 милл. десятинъ (мы говоримъ исключительно о Европейской Россіи). Прибавивъ сюда ренту, даваемую лѣсами и другими угодьями, мы увидимъ, что общую сумму ренты не слѣдуетъ предполагать меньше 200 милл. руб. серебромъ; по всей вѣроятности она гораздо больше. Но если и не больше, то все-таки налогъ, берущій только отъ $^1/_5$ до $^1/_4$ части ренты, давалъ бы около 50 милл. рублей.

Установленіе этихъ двухъ налоговъ, спеціальнаго налога съ ренты и общаго подоходнаго налога,—которые вмѣстѣ давали бы около 100 милл. руб. сер., открыло бы возможность отмѣнить подушную и такъ называемую оброчную подать и понизить винный акцизъ до величины, которая не была бы обременительна и не порождала бы корчемства. А такая реформа открыла бы путь къ быстрому улучшенію матеріальнаго быта массы, то есть и къ увеличенію доходности налоговъ, лежащихъ на промышленной и коммерческой дѣятельности.

Таковъ по нашему мнѣнію самый вѣрный или, лучше сказать, единственный вѣрный путь къ увеличенію государственнаго дохода: установленіе налога съ ренты и подоходнаго налога, съ отмѣненіемъ подушной подати во всѣхъ ея видахъ и названіяхъ, съ пониженіемъ виннаго акциза и, по замѣчанію, сдѣланному нами выше, съ замѣненіемъ повинностей денежными сборами.

Мы нимало не скрываемъ отъ себя, что проведеніе подобной реформы въ системѣ налоговъ, при всей своей простотѣ, требовало бы очень большой твердости и послѣдовательности. До какой степени осуществимо это условіе, которое одно только и нужно было бы для успѣха дѣла, могутъ судить лица, знающія положеніе дѣлъ.

Въ росписи расходовъ мы займемся только двумя статьями, самыми большими и представляющими наиболѣе возможности къ огромнымъ сбереженіямъ.

«Платежи по внутреннимъ и внѣшнимъ долгамъ» составляютъ 54,296,187 р. 91 к. Почти всѣ они дѣлаются по 5%-мъ займамъ. Если бы фонды наши поднялись до такой степени, чтобы можно было замѣнить 5%-я облигаціи 4%-ми, ежегодные расходы по платежу процентовъ уменьшились слишкомъ на 10 милл. р. с. Нельзя сказать, что цѣль эта недостижима, и притомъ въ довольно короткое время,—лѣтъ въ пять фонды могли бы подняться до высокаго курса, нужнаго для подобнаго оборота. Но кредитъ возвышается только экономностью и прогрес-

сивностью общаго управленія государствомъ. Возможность сбереженія по процентамъ государственныхъ долговъ зависитъ отъ сбереженій и реформъ по другимъ частямъ бюджета.

Изъ нихъ самая важная — военные расходы.

Расходы по военной части показаны въ слѣдующихъ статьяхъ: по военному министерству — 106,575,892 р. 39 к.; по главному управленію военно-учебныхъ заведеній 3,535,959 р. 7 к.; по эмеритальной кассѣ военнаго вѣдомства 1,527,730 р. 19 к. Итого — 111,639,581 р. 65 к.

По морскому министерству — 20,589,830 р. 74 к.; сюда же должна быть отнесена бо̀льшая часть превышающей 2 милл. р. сер. статьи «поми́льная плата» пароходнымъ обществамъ; на долю Русскаго Общества пароходства и торговли приходится тутъ гораздо болѣе милліона. Итого около 22,000,000 р.

Къ расходамъ по содержанію военныхъ силъ принадлежитъ и значительная часть превышающей 13 милл. статьи «пенсіи военнымъ и гражданскимъ чинамъ»; но не зная, сколько тутъ приходится на долю военныхъ чиновъ, не будемъ вовсе считать этой статьи; уже и безъ нея изъ двухъ прежнихъ суммъ составляется итогъ — слишкомъ въ 133 милл. руб.—Весь итогъ расходовъ на военныя силы еще значительнѣе, какъ показываетъ уже одна статья о пенсіяхъ; кромѣ нея къ тому же итогу должно было бы причислить значительныя доли нѣкоторыхъ другихъ статей, напримѣръ арендныхъ выдачъ (1,461,509 р. 6 к.) и строительныхъ расходовъ (9,128,213 р. 84 к.); изъ этихъ статей къ расходамъ по военному вѣдомству принадлежатъ: аренды военнымъ чинамъ, расходы по крѣпостямъ, казармамъ и т. п. Соображая все это, надобно полагать, что общая сумма всѣхъ расходовъ государственнаго казначейства по содержанію военныхъ силъ простирается до 145 милл., или больше.

За вычетомъ суммы около 55 милліоновъ, идущей на уплату процентовъ по долгамъ, остается изъ бюджета расходовъ около 255 милл. расхода, производимаго по текущимъ дѣламъ; 145 милл. расхода по содержанію военныхъ силъ составляютъ около трехъ пятыхъ частей этой цифры.

Вотъ предметъ, самый удобный для заботъ объ облегченіи бюджета и обѣщающій самыя крупныя сбереженія.

Если бы расходы по военнымъ силамъ могли быть сокращены на одну третью часть, это дало бы около 50 милл. руб. сбереженія. При одномъ этомъ сбереженіи не было бы уже никакихъ слѣдовъ дефицита, и оставалось бы много денегъ въ казнѣ на всякія дѣйствительно полезныя дѣла.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РАЗРѢШЕНІЕ ВОПРОСА О ТОМЪ: ЕСТЬ ЛИ ОСНОВАНІЕ САМОМУ БЕЗВѢСТНОМУ ПИСАТЕЛЮ МѢНЯТЬ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОПРИЩЕ НА АКЦИЗНОЕ? — О ДВОРЯНСТВѢ. МОЖНО ЛИ ВЪ ИСТОРІИ И ВЪ НАЧАЛАХЪ РАЗУМА НАЙДТИ ОСНОВАНІЯ ДЛЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ ДВОРЯНСТВА, КАКЪ ОТДѢЛЬНАГО ВЪ ГОСУДАРСТВѢ СОСЛОВІЯ?—ВЗГЛЯДЫ ГГ. БЕЗОБРАЗОВА, ГРАФА ОРЛОВА-ДАВЫДОВА, БАХТЕЯРОВА, ЧИЧЕРИНА НА ДВОРЯНСТВО.—НѢКОТОРЫЕ УЧЕНЫЕ АФОРИЗМЫ Г ЧИЧЕРИНА О ДВОРЯНСТВѢ И ДРУГИХЪ СОСЛОВІЯХЪ ВЪ ГОСУДАРСТВѢ. — О МИРОВЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ. — СЪѢЗДЪ МИРОВЫХЪ ПОСРЕДНИКОВЪ ВЪ ТВЕРИ. — ВЗГЛЯДЪ Н. Ф. ПАВЛОВА НА ВОПРОСЫ, ВОЗБУЖДЕННЫЕ НА ЭТОМЪ СЪѢЗДѢ, — И БАЛАГАННОЕ ФИЛОСОФСТВОВАНІЕ ЕГО НАДЪ ВЕСЬЕГОНСКИМЪ ПОМѢЩИКОМЪ, ИЗЪЯВИВШИМЪ ЖЕЛАНІЕ ЗАЧИСЛИТЬСЯ ВО ВРЕМЕННО-ОБЯЗАННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ КЪ ДРУГОМУ ПОМѢЩИКУ. — МОГУТЪ ЛИ КРЕСТЬЯНЕ УЧАСТВОВАТЬ ВЪ ВЫБОРАХЪ МИРОВЫХЪ ПОСРЕДНИКОВЪ?—Г. П. БЛАНКЪ, ДОКАЗЫВАЮЩІЙ БЕЗСМЫСЛЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНЪ. — ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ КРЕСТЬЯНЕ БЕЗСМЫСЛЕННЫ И НЕСПОСОБНЫ КЪ САМОУПРАВЛЕНІЮ И КЪ УЧАСТІЮ ВЪ ВЫБОРѢ МИРОВЫХЪ ПОСРЕДНИКОВЪ?

Читатель, конечно, помнитъ, въ какомъ плачевномъ положеніи находились всѣ хроникеры, внутренніе обозрѣватели и прочіе собиратели новостей, назадъ тому какихъ нибудь два или даже полтора мѣсяца. Было такое время, что писать рѣшительно было не о чемъ. Воскресныя школы, библіотеки, заводимыя чиновниками разныхъ присутственныхъ мѣстъ для *цивилизированія* чиновничьяго быта, общество вспомоществованія бѣднымъ, общество взаимнаго вспомоществованія оставались почти единственными предметами, надъ которыми всѣ мы хроникеры, внутренніе обозрѣватели и т. д. должны были истощать богатство и разнообразіе нашихъ талантовъ и дарова-

ній. И Богъ знаетъ до чего бы дошло дѣло, еслибы такое безплодное для насъ время продолжалось еще нѣсколько долѣе. Быть можетъ, въ Россіи не осталось бы тогда ни одного повѣствователя о текущихъ событіяхъ.... И отдаленный потомокъ напрасно сталъ бы доискиваться смысла въ нихъ, не имѣя подъ рукою такихъ честныхъ и правдивыхъ комментаторовъ, какими являемся мы въ нашихъ хроникахъ, обозрѣніяхъ и т. д.

Но, благодареніе Богу, тяжелое для насъ время миновалось.... Теперь нашему брату, хроникеру, обозрѣвателю, что называется, житье стало. Жизнь кругомъ насъ бьетъ ключемъ изъ безчисленныхъ своихъ хранилищъ, изъ которыхъ многія доселѣ никому не были извѣстны. Литература въ неменьшемъ движеніи и льетъ какъ изъ ведра неустанно. Умственныя хляби россіянъ, доселѣ мало довѣдомыя, разверзлись во всю широту свою и во многихъ стали возбуждать даже опасенія. Боятся, чтобы литература своимъ слишкомъ усерднымъ содѣйствіемъ жизни, — о чемъ она теперь почти исключительно и хлопочетъ, — не подавила и не разрушила очень слабаго еще и очень нѣжнаго ростка новой жизни. Что будетъ, — Богъ вѣсть, — а пока дѣло идетъ очень жаркое. Предметовъ вызывающихъ на размышленіе каждодневно является безчисленное множество.... Я даже не знаю: за какой взяться? — Говорить ли мнѣ о судьбахъ русскаго дворянства, или о мировыхъ учрежденіяхъ, или о сельскихъ общинахъ, или о народномъ образованіи и проч. и проч.? Все это животрепещущіе, капитальные и настоятельные *вопросы дня*. А между тѣмъ я долженъ поговорить еще о себѣ самомъ и о плодахъ, какіе принесла моя литературная дѣятельность, какъ внутренняго обозрѣвателя, моему любезному отечеству.

Лично я, достолюбезный читатель мой, нахожусь въ самомъ незавидномъ положеніи. Помните ли, какъ я въ прошедшемъ году по поводу появленія враговъ въ литературѣ противъ меня мечталъ, что враги мои будутъ все болѣе и болѣе умножаться, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ рости моя литературная извѣстность.... Съ новымъ годомъ мечты мои разсѣялись, какъ прахъ. Изъ трехъ появившихся въ прошедшемъ году враговъ моихъ, теперь не осталось ни одного. «Служившій въ Финляндіи», сдѣлавъ въ «Инвалидѣ» нѣсколько замѣтокъ на мое путешествіе въ Финляндію, не даетъ затѣмъ о себѣ никакого отзыва. Живъ ли онъ, лучшій и благороднѣйшій изъ враговъ моихъ? «Праздношатающійся» исчезъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», совершенно неизвѣстно куда: по крайней мѣрѣ ни въ одномъ повременномъ изданіи не встрѣчается болѣе писателя съ именемъ «Праздношатающагося». Неужели и ты исчезъ навсегда, нашъ *Боянъ, соловію новаго времени, и стараго журнала*? — О г. Сухаревѣ

тоже ни слуху, ни духу. Надобно ожидать, что и онъ также болѣе ничего писать обо мнѣ не будетъ. Ибо «Русская Рѣчь» кончила свое существованіе по причинамъ пока не объясненнымъ. Но я имѣю основаніе думать, что такая несчастная участь постигла ее именно оттого, что она помѣстила на своихъ страницахъ статью г. Сухарева противъ меня. Вы помните, что г. Сухаревъ вооружился на меня за русскихъ мужичковъ.... За то, что я къ нимъ теплоту чувства имѣю.... «Русская Рѣчь» любила русскихъ мужиковъ очень умѣренно.... Она была слишкомъ благовонна для того, чтобы выносить ихъ запахъ, оттого страницы свои наполняла извѣстіями и свѣдѣніями о состояніи западной Европы. И натурально, должна была погибнуть неизбѣжно. Нынѣ несомнѣнными данными, собранными г. Небольсинымъ, достовѣрно доказано, что даже николаевская желѣзная дорога, соединяющая два самыхъ аристократическихъ города въ Россіи, какъ Москва и Петербургъ, держится между тѣмъ почти исключительно мужичками. Безъ мужичковъ, стало, нигдѣ жить нельзя.... Безъ мужичковъ, то есть, безъ ясныхъ и несомнѣнныхъ симпатій къ нимъ, не удержится теперь ни одинъ журналъ. Такое ужь настало повѣтріе. Поэтому мы весьма опасаемся за прочное существованіе «Нашего Времени», хотя по знаменитому имени редактора Н. Ф. Павлова, одного изъ прекраснѣйшихъ и правдивѣйшихъ писателей нашего времени, «Наше Время» и должно бы процвѣтать. Однимъ словомъ, *абсолютно* я дѣйствовалъ превосходно, защищая мужичковъ, ибо удовлетворялъ тѣмъ стремленіямъ моего сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ пользамъ «Современника». Но *относительно* мои дѣйствія оказались очень непривлекательными. Съ паденіемъ «Русской Рѣчи», въ лицѣ ея сотрудника г. Сухарева я потерялъ послѣдняго моего врага, — и теперь впаду опять въ ту же безвѣстность, въ которой былъ до появленія г. Сухарева. Имѣя въ виду такую непривлекательную будущность, я долго раздумывалъ о томъ: продолжать ли мнѣ сочинительствовать или бросить это занятіе, и поискать должности по акцизной части, гдѣ оклады очень хорошіе и куда на службу пошли даже многіе генералы?—Безвѣстность литературная для пишущаго — самая тяжелая безвѣстность. Я знаю многихъ изъ пишущихъ, которые будучи богаты, знатны, пользуясь всѣми удобствами жизни, благопріятствующими здоровью, гибнутъ въ цвѣтѣ лѣтъ отъ литературнаго ничтожества, которые рады бы были отдать

Свои всѣ земли родовыя
И жизни лучшіе часы,

чтобы только что нибудь значить въ литературѣ, и остаются между тѣмъ все-таки почтенными *ничто*. Ужасное положеніе! — А го-

ворятъ: слава—звукъ пустой! Въ томъ-то и дѣло, что не пустой. Хорошо еще тѣмъ, которые, не достигнувъ *желаемой* славы, могутъ утѣшаться, что они принесли истинную пользу себѣ или другимъ, какъ напримѣръ В. А. Кокоревъ или А. И. Кронъ. *Я* же, да и не одинъ *я*, а большая часть литературныхъ дѣятелей и на это не могутъ расчитывать. Ибо о пользѣ себѣ,—я разумѣю пользу, значительно ощутительную, — на литературномъ поприщѣ и думать нечего. Гонорарія едва стаетъ на безбѣдное пропитаніе.... Что касается до пользы другимъ, то относительно себя я нахожусь въ большомъ сомнѣніи: приношу ли я кому нибудь какую нибудь пользу? Съ нѣкотораго времени я сталъ, напримѣръ, примѣчать, что въ мірѣ все дѣлается какъ будто, говоря словами Альфреда Августовича Фонъ-Юнга, *наоборотъ* по отношенію къ выраженному мною мнѣнію. Если я, напримѣръ, написалъ сегодня, что въ Петербургѣ дурныя мостовыя, то на другой день дѣлаются онѣ еще хуже. Если я сказалъ сегодня, что газъ освѣщаетъ улицы петербургскія ничѣмъ не лучше провинціальныхъ фонарей съ конопляннымъ масломъ, то на другой день на улицахъ становится еще темнѣе. Если я замѣтилъ сегодня, что петербургскіе будочники смотрятъ непривѣтливо на обывателей, то на другой день они начинаютъ смотрѣть на нихъ просто свирѣпо. Случайно ли это дѣлается такъ, что все старается идти какъ будто въ упоръ мнѣ, или ужь такова общая планида всѣхъ россійскихъ писателей, имѣющихъ претензію на значеніе общественныхъ вождей, — а только то несомнѣнно, что моимъ замѣткамъ положительно не везетъ въ жизни. Вотъ недавно я порадовался, что г. Розенгеймъ перестала писать стихи. А онъ послѣ этого чуть ли не вдвое усилилъ свою поэтическую дѣятельность. Сочинилъ въ стихахъ цѣлаго дядю Акима, — да и мелкими стихотвореніями притомъ не оставляетъ. Недавно такъ же замѣтилъ я, что г. Водовозовъ не перестанетъ никогда мучить бѣднаго Гейне. Ничего не бывало. Послѣ того, какъ рукой сняло... Г. Водовозовъ пересталъ переводить Гейне. Однимъ словомъ, если бы было нужно, я могъ бы насчитать тысячу примѣровъ безполезности моихъ равнаго рода замѣтокъ на дѣлѣ. Все это ввергло меня, какъ я уже объяснилъ выше, въ нѣкоторое раздумье о томъ: продолжать ли мнѣ писать, или бросить все, махнуть потомъ *по акцизной*? . . . . . .

Переходъ изъ писателей въ акцизную представлялся мнѣ только какъ-то немножко рѣзокъ и крутенекъ. Хорошо бы, если бы изъ писателей можно было перейдти сначала въ юстицію, потому что юстиція и наука—эти какъ будто имѣютъ что-то родственное между собою. Предполагается, по крайней мѣрѣ, что отправляющій юстицію нѣчто и отъ наукъ вкусилъ... И нравственное достоинство человѣка сохраняетъ... Ни у кого, по крайней мѣрѣ, рукъ не цалуетъ и никого не бьетъ....

Равнымъ образомъ и не похищаетъ ничего изъ чужой собственности, хотя бы она была и литературная, т. е. не скажетъ, напримѣръ, что вотъ извѣстное сочиненіе его собрата негодится публикѣ для чтенія, и не возьметъ и не представитъ потомъ этого сочиненія своему начальнику въ видѣ своего собственнаго труда, по рѣшенію какого нибудь государственнаго вопроса. Однимъ словомъ, юстиція дѣло благородное. А потомъ, думалъ я, изъ юстиціи можно уже будетъ махнуть по полиціи, потому: юстиція стоитъ на распутіи науки и жизни. Заимствуя изъ первой то только, что можетъ удобно ассимилироваться въ послѣдней, она тѣмъ самымъ образуетъ то могучее зерно, изъ котораго развивается и разцвѣтаетъ величественное древо полиціи, подъ которымъ каждый россійскій гражданинъ покоится, какъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, какъ было во дни Соломона. О родствѣ и внутреннемъ единствѣ полиціи и акцизной и говорить нечего. Тутъ переходъ самый естественный и незамѣтный. Нисхожденіе въ такой постепенности рисовалось мнѣ очень возможнымъ и приличнымъ. Но переходъ изъ писателей прямо въ акцизъ не укладывался въ моей головѣ, хотя я и старался успокоивать себя тѣмъ, что и служеніе акцизное также есть служеніе любезному отечеству, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто, что лучше быть хорошимъ акцизнымъ надзирателемъ, чѣмъ плохимъ писателемъ и т. п.

Во время такихъ моихъ душевныхъ страданій, пришелъ ко мнѣ разъ одинъ мой пріятель—писатель обличительный. Я высказалъ ему мою жажду литературной славы, томленіе моею безъизвѣстностью, мое намѣреніе поступить въ акцизъ, мою боязнь вдругъ сдѣлать такой salto mortale.

— Гмъ! отвѣчалъ мнѣ мой пріятель, немного подумавъ.—Вы страдаете совершенно напрасно; вы сами себѣ создаете страданія. Вопервыхъ, вы понимаете славу очень поверхностно, какъ могутъ понимать ее только дикіе, или подобные имъ. Для васъ слава — говоръ толпы, безмысленная лесть глупцовъ, лицемѣріе людей умныхъ. Истинная слава состоитъ въ величіи подвига, которое измѣряется въ общественныхъ дѣлахъ внутреннею гармоніей между тѣмъ идеаломъ, который составило себѣ общество объ извѣстномъ подвигѣ; и внѣшнимъ его исполненіемъ. Согласитесь сами, что какъ бы ни было ограниченно общество, но въ совокупности оно всегда гораздо выше каждаго частнаго своего члена по своему пониманію, и гораздо могучѣе каждаго изъ нихъ по средствамъ и силамъ. Натурально, что и идеалы, которые оно составляетъ о великости подвиговъ, бываютъ слишкомъ грандіозны и громадны, чтобъ ихъ могъ исполнить какой нибудь частный членъ общества, какъ бы ни были велики его таланты. На самомъ дѣлѣ никогда и не бываетъ, чтобы подвиги общественные

совершались однимъ лицомъ. Ихъ совершаетъ, обыкновенно, или цѣлое общество, или совокупность болѣе или менѣе значительнаго числа лучшихъ лицъ изъ него, а славою между тѣмъ, т. е. всѣмъ внѣшнимъ блескомъ, который мы привыкли разумѣть подъ славою, по невѣжеству человѣчества, доселѣ еще весьма глубокому, и по склонности его къ идололатріи, увѣнчиваются люди, часто менѣе всѣхъ другихъ причастные къ подвигу. Однимъ словомъ, слава истинно великихъ общественныхъ подвиговъ можетъ принадлежать только всей, или болѣе или менѣе значительной совокупности общественныхъ силъ. А при такомъ взглядѣ на дѣло, значеніе частной силы въ общемъ дѣлѣ возрастаетъ не столько отъ широты пониманія ею дѣла, ни даже отъ ея матеріальнаго или внутренняго, сравнительно съ другими силами, вѣса, сколько отъ ея вѣрности и преданности основнымъ началамъ общаго дѣла. Въ войскѣ можетъ быть много солдатъ, которые плохо стрѣляютъ, которые слишкомъ слабосильны, чтобы хорошо драться на штыкахъ. Но войско все-таки будетъ непобѣдимо, если каждый солдатъ въ немъ готовъ умереть за идею, за которую онъ сражается. Во всякой общественной силѣ вся крѣпость состоитъ во внутренней ея организаціи, во внутреннемъ соединеніи между собою частныхъ силъ, ее составляющихъ, для общаго дѣла. Если гдѣ важно это тѣсное соединеніе частныхъ силъ между собою, то именно въ силѣ общественной, которая дѣйствуетъ средствами чисто нравственными. Изъ этого видно, что каждая частная сила въ литературѣ имѣетъ свое несомнѣнное значеніе въ дѣлѣ общемъ, и это значеніе ея условливается не столько внутреннимъ ея содержаніемъ, сколько неизмѣннымъ, непрерывнымъ дѣйствіемъ для общей цѣли. Вкусы общества, на которое дѣйствуетъ литература, такъ разнообразны и такъ условны, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить, какими произведеніями воспитывается большинство общества — произведеніями ли болѣе даровитыхъ писателей или произведеніями менѣе даровитыхъ. Самый незначительный писатель имѣетъ иногда гораздо болѣе вліянія на массы, и слѣдовательно болѣе дѣлаетъ дѣла, чѣмъ самый талантливый. Поэтому никто изъ пишущихъ не долженъ тяготиться своею безвѣстностію и не долженъ думать, что онъ безполезенъ въ общемъ дѣлѣ, если только онъ дѣйствуетъ *честно*. Напротивъ, онъ необходимая частица въ той совокупной силѣ, которая называется литературою, и можетъ быть частица болѣе животворная и значительная, чѣмъ это представляется съ точки зрѣнія принятыхъ и доступныхъ намъ въ настоящее время критеріумовъ для оцѣнки литературныхъ трудовъ въ ихъ дѣйствіи на общество. Такимъ образомъ и вы, — продолжалъ пріятель, обращаясь ко мнѣ, — не должны сомнѣваться въ пользѣ вашего пера; какое бы вы ни придѣчали невниманіе въ дѣйстви-

тельной жизни къ вашимъ замѣткамъ, не смущайтесь этимъ. Помните, что зерно, бросаемое вами въ общественное сознаніе, какъ и всякое зерно, должно пройдти полный процессъ соотвѣтственнаго ему развитія прежде, нежели оно принесетъ плодъ. Да и чтобы плоды появились въ большинствѣ общества и сдѣлались примѣтны для всѣхъ,—надобно сѣять ихъ какъ можно болѣе, и не лѣниться вырывать плевелы, которые подавятъ посѣянное. Мы хотя и работаемъ усердно, а все еще слишкомъ мало насъ работающихъ и работа пока идетъ не настолько дружно, чтобы можно было требовать *для* всѣхъ примѣтныхъ всходовъ посѣяннаго, не говоря уже о плодахъ. Но вѣрьте мнѣ, что работа идетъ все-таки не напрасно,—и мы какъ ни незначительны теперь, все-таки не ничто, напротивъ, всякій изъ насъ есть *нѣчто*....

Я выслушалъ всю эту рацею моего пріятеля внимательно, вникъ въ глубину ея смысла—и понялъ, что онъ былъ правъ. Несмотря на мою безвѣстность, я чувствую теперь что я не *ничто*, а *нѣчто*—и продолжаю писать.

Самый важный вопросъ, занимающій теперь публику, — судьбы русскаго дворянства въ будущемъ. Вопросъ этотъ возникъ самъ собою изъ новыхъ жизненныхъ отношеній, въ которыя поставлено дворянство положеніемъ 19 февраля. Съ освобожденіемъ крестьянъ, бывшихъ въ крѣпостной зависимости дворянства, исчезло главное и коренное преимущество дворянства передъ другими. Другія преимущества нашего дворянства очень незначительны, чтобы могли образовать изъ него особое сословіе. Къ тому же наше дворянство не имѣетъ ни династическихъ преданій, ни даже исторической основы, чтобы замыкаться въ особую касту отъ земства, съ которымъ оно всегда было слито до искуственнаго отдѣленія отъ послѣдняго указомъ 21 апрѣля 1785 года. Имѣя все это въ виду, «День» недавно высказалъ свое мнѣніе о сліяніи дворянства съ другими сословіями предъ наступавшими въ то время дворянскими выборами и предложилъ дворянамъ заняться обсужденіемъ этого вопроса.

Мнѣніе «Дня» было искрой, брошенной въ порохъ. Всѣ, у которыхъ сословные интересы дворянства лежатъ близко къ сердцу, всѣ, которые теоретически убѣждены, что государство безъ отдѣльнаго дворянскаго сословія не можетъ существовать,—не только написали огромныя статьи противу «Дня», но даже изъ опасенія, чтобы дворянство и въ самомъ дѣлѣ какъ нибудь, въ слѣдствіе зловѣщаго предсказанія «Дня», не распустилось въ одинъ прекрасный день въ земствѣ, написали проэкты для организованія дворянства по новому способу, прочно гарантирующему его отъ исчезновенія съ лица земли. Мы не принадлежимъ ни къ защитникамъ, ни къ противникамъ дворянства. Если оно будетъ существовать, — да будетъ воля Божія!

Если же не будетъ существовать,—тоже да будетъ воля Божія! Сама жизнь должна, по нашему мнѣнію, рѣшить для дворянства гамлетовское: *быть или не быть*. Всякія преждевременныя, искуственныя усилія уронить его или удержать отъ паденія—на дѣлѣ не будутъ значить ничего. Насильственно поддержанное, оно еще сильнѣе рухнется, если суждено ему пасть,—насильственно разрушенное, оно оживетъ и разцвѣтетъ еще съ большею силою.

Выскажемъ однакожь и мы нѣсколько мыслей по поводу возникшихъ споровъ о дворянствѣ.

Дворянства въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ это слово въ Европѣ, въ Россіи не существовало никогда, ни даже съ 1785 года, когда наше дворянство получило грамоту, прочно организовавшую его, какъ особое въ государствѣ сословіе. Чтобы сторонники дворянства не подумали, что мы выдумываемъ это сами, мы приводимъ извлеченіе изъ статьи г. Д. Журавскаго, написанной о дворянствѣ еще въ 1839 году, слѣдовательно въ то время, когда не возникало вопроса о томъ: быть или не быть русскому дворянству, и когда предметъ могъ быть разсмотрѣнъ вполнѣ безпристрастно.

«Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Журавскій,—что у всѣхъ древнихъ народовъ существовали классы, пользовавшіеся по закону или по силѣ старинныхъ обыкновеній разными преимуществами передъ другими сословіями народа; но ошибочно думаютъ тѣ, которые смѣшиваютъ новѣйшее европейское дворянство и наши понятія о благородномъ званіи съ тѣмъ, что существовало подобнаго въ древнемъ мірѣ. Тамъ не было дворянства, какъ нѣтъ его до сихъ поръ у турецкихъ народовъ, у персіанъ, у сѣверныхъ американцевъ. Между аристократіей и дворянствомъ большая разница. Отъ обычая оказывать уваженіе потомкамъ заслуженныхъ предковъ до положительныхъ правъ — разстояніе далекое. Европейское дворянство есть непосредственное произведеніе феодальной системы, и преимущества его основываются на главной идеѣ *владѣтельныхъ правъ*, полученныхъ предками и передаваемыхъ безконечно потомкамъ. Дворянство это—*династическое*; каждый родъ—настоящая династія, низложенная, если угодно, съ своего маленькаго престола, но всетаки сохраняющая права свои въ памятникахъ, архивахъ, владѣтельную корону на печатяхъ, ложкахъ, вилкахъ, каретахъ, ливреяхъ и названіе своего древняго владѣнія въ фамильномъ имени. Извѣстно, что во всей Западной Европѣ, исключая Россіи, дворяне называются по областямъ, помѣстьямъ или землямъ, которыми они владѣли или владѣютъ. Европейское дворянство всегда помнитъ тѣ времена, когда оно изображало верховную власть въ своихъ леннахъ, волостяхъ или помѣстьяхъ, и каждый дворянинъ почитаетъ нынѣшнія свои преимущества, какія бы они ни были, только вознагражденіемъ за непрелож-

ными права своихъ предковъ, уступленныя коронѣ посредствомъ сдѣлки, которая обезпечила ему за это извѣстныя льготы и предоставила пользоваться титулами и символами прежняго владѣтельнаго сана. Таково дворянство во Франціи, въ Германіи, въ Англіи и бывшей Нормандской Италіи, вездѣ, гдѣ господствовала феодальная система, — и это тамъ достовѣрно, что тамъ человѣкъ безъ титула не настоящій noble. Въ другихъ земляхъ, гдѣ феодализмъ не былъ принятъ законами, дворянство конечно не можетъ ссылаться на династическія права предковъ, которые не носили коронъ и не передавали ихъ наслѣдникамъ; но подражаніе и мода распространили въ нихъ тѣ же символы и тѣ же идеи...«.

«Въ Россіи дворянство не имѣетъ феодальнаго происхожденія и принадлежитъ къ разряду дворянствъ мнимо феодальныхъ, принявшихъ титулы и символы феодальные только изъ подражанія.... Въ Россіи никогда не было феодальной системы. Въ ней, какъ и въ Скандинавіи, господствовала система аллодіальная или удѣльная. Во время удѣльной системы, и позже, до Петра I-го, собственно не было *дворянства* въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ дѣло. Хотя и существовалъ тогда высшій и благороднѣйшій классъ подданныхъ, онъ не составлялъ однакожъ отдѣльнаго сословія.... То, что мы теперь называемъ дворянствомъ, въ самомъ общемъ значеніи этого слова, было прежде только званія почетныя, должностныя и просто категорическія, существовавшія при великихъ царяхъ и князьяхъ, какъ-то: бояре, окольничіе, отроки, собственные дворяне и боярскія дѣти.»

Главнѣйшимъ недостаткомъ высшаго благороднаго класса въ древней Россіи до Петра было—всеобщее уклоненіе его отъ службы, которая между тѣмъ была его повинностію; бывали даже такіе примѣры, что тогдашніе дворяне, явившись на сборныя мѣста по извѣщенію высыльщиковъ, получали жалованье, и вмѣсто того, чтобъ отправляться въ армію, «удалялись въ свои помѣстья, подвергаясь за это наказанію кнутомъ».

Петръ хотѣлъ образовать дѣятельное *служебное* сословіе, поэтому отличилъ его многими преимуществами, но не съ тѣмъ, чтобы замкнуть его для низшихъ классовъ, а напротивъ, чтобы сдѣлать входъ въ него открытымъ для всѣхъ людей даровитыхъ и дѣятельныхъ. Съ этою цѣлію онъ поставилъ между прочимъ:

1) Признавать потомственными дворянами въ военной службѣ всѣхъ оберъ-офицеровъ, въ гражданской — всѣхъ дослужившихъ 8 класса, какого бы тѣ и другіе происхожденій ни были. 2) Дворянамъ, отличающимся личными достоинствами, отдавать преимущество передъ прочими дворянами, несмотря на обширность помѣстьевъ послѣднихъ и знатность ихъ происхожденія; 3) разрѣшить

сыновьямъ дворянъ вступать въ бѣлое духовенство, купеческое сословіе, и заниматься разными художествами, не вмѣняя того въ безчестіе ни имъ, ни ихъ семействамъ; 4) младшимъ сыновьямъ личнымъ дворянъ позволить покупать помѣстья по прослуженіи ими въ военной службѣ семи лѣтъ, въ гражданской десяти, а въ купечествѣ пятнадцати лѣтъ; кто нигдѣ не служилъ, тотъ не имѣлъ этого права; 5) всѣ дѣти дворянъ должны были обучаться въ школахъ или дома отъ семи до двадцати лѣтъ; въ этомъ возрастѣ вступали въ военную или граждан. службу, а по прослуженіи двадцати пяти лѣтъ получали отставку.

Петръ хотѣлъ создать въ государствѣ образованный классъ людей, способный къ службѣ, составивъ его изъ лицъ всякаго происхожденія—даровитыхъ и дѣятельныхъ, — а никакъ не замкнутое сословіе. Мысль Петра была не понята и измѣнена въ 1785 году.... Дворянство русское было организовано, какъ отдѣльное сословіе въ государствѣ дворянскою грамотою. Но и съ этого времени дворянство не пріобрѣтало никакого политическаго значенія своимъ сословнымъ положеніемъ. Первое, какъ и въ прежнія времена, пріобрѣталось службою.

Таковы данныя, представляемыя исторіею русскаго дворянства, для рѣшенія вопроса о будущихъ судьбахъ его.

Въ исторіи дворянства въ другихъ государствахъ и въ началахъ разума едва ли также можно найдти какія нибудь прочныя основанія, которыя бы говорили въ пользу дворянства, какъ отдѣльнаго замкнутаго сословія въ государствѣ.

«Исторія», говоритъ одинъ нѣмецъ, «и политическое значеніе дворянства наслѣдственнаго, то-есть какъ сословія, которое только по своему рожденію, а не по собственнымъ заслугамъ, пользуется преимущественнымъ почетомъ, а часто болѣе или менѣе значительными правами въ сравненіи съ другими сословіями въ государствѣ, — есть одинъ изъ важнѣйшихъ и спорныхъ пунктовъ въ сочиненіяхъ о гражданскихъ обществахъ и, несмотря на безчисленное множество сочиненій, доселѣ еще достаточно не уясненъ исторически. Дворянство въ разныхъ государствахъ является такъ разнообразнымъ въ своихъ формахъ и отношеніяхъ къ другимъ классамъ общества, самыя основанія его существованія въ разныхъ мѣстахъ такъ различны, что произнести какой-нибудь общій приговоръ о дворянствѣ вообще рѣшительно невозможно. Можно съ достовѣрностію отвергать развѣ только крайнія мнѣнія, высказываемыя нѣкоторыми о дворянствѣ, напримѣръ, что дворянство, какъ отдѣльное и наслѣдственное сословіе необходимо для каждаго народа или по крайней мѣрѣ для каждой монархіи, или что оно никогда не было полезно для государствъ, а напротивъ всегда во всѣхъ отношеніяхъ было вредно. Въ исторіи народовъ, насколько она извѣстна намъ доселѣ, у всѣхъ почти народовъ примѣчается за-

кой періодъ, въ которомъ истинныя блага человѣчества, какъ-то: просвѣщеніе, правосудіе, чистота нравовъ, стремленія ко всему прекрасному и доброму,—были поддерживаемы и поощряемы *избранными* классами въ государствѣ; но вмѣстѣ примѣчается и другой періодъ, въ который эти же самыя блага—составляющія основу и разумную цѣль существованія всякаго государства — были тѣми же самыми избранными классами, если не попираемы окончательно, то совершенно пренебрегаемы. Въ особенности исторія монархій, начиная отъ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ, свидѣтельствуетъ ясно, что правительства, при утвержденіи правосудія, порядка, мира въ государствахъ, всего чаще встрѣчали препятствія со стороны дворянства, которое впрочемъ какъ съ трудомъ покорялось гражданскому порядку, такъ точно также умѣло и искусно льстить власти, если само получало участіе въ управленіи. И напротивъ, при отсутствіи послѣдняго условія, благороднѣйшіе монархи и величайшіе государственные мужи часто напрасно истощали всѣ силы въ борьбѣ съ непокорнымъ дворянствомъ, сильнымъ своимъ землевладѣльческимъ правомъ и многочисленными кліентами,—и монархіи приходили въ совершенной упадокъ. Знаменитое изреченіе Монтескье: «point de monarque; point de noblesse; point de noblesse, point de monarque»—есть одно изъ величайшихъ заблужденій великаго государственнаго мужа. Кантъ называлъ наслѣдственное дворянство отличіемъ, которое предшествуетъ заслугѣ и за которымъ заслуга не только не слѣдуетъ всегда, но и большею частію не слѣдуетъ. Здравый разумъ не позволяетъ признавать въ человѣкѣ никакихъ высшихъ, да и вообще никакихъ другихъ достоинствъ, кромѣ нравственныхъ достоинствъ, свойственныхъ человѣческой природѣ, добродѣтели и нравственной красоты; правосудіе требуетъ, чтобы государство раздавало всѣ блага всѣмъ гражданамъ равномѣрно, чтобъ оно доставляло всѣмъ законную безопасность въ пользованіи ихъ правами и не позволяло небольшому числу лицъ держать въ зависимости отъ у себя всѣхъ другихъ.»

Другой нѣмецъ, разсмотрѣвъ состояніе и права дворянства въ разныхъ государствахъ, дѣлаетъ такой выводъ: «кто обратитъ вниманіе на всѣ эти явленія, тотъ можетъ понять, чего хочетъ урожденное, сословное дворянство въ наше время, и къ чему направлены его стремленія. Впрочемъ для этого нѣтъ и нужды въ частныхъ фактахъ, нѣтъ даже нужды заглядывать въ прошедшее, чтобы знать, чѣмъ было урожденное дворянство съ своими наслѣдственными правами и прирожденными преимуществами до и послѣ реформаціи, какъ оно, выдѣлившись противоестественно изъ класса гражданъ, поддерживало непримиримую борьбу Гвельфовъ и Гибеллиновъ, какъ оно окрасило воды Темзы королевскою кровію, какъ оно устроило свинцовыя камеры Ве-

нецiи и вмѣстѣ съ прислужниками Рима инквизицiонные трибуналы въ христiанскомъ мiрѣ, какъ оно колебало троны и заботилось объ удержанiи крѣпостнаго права и при этомъ никогда не забывало корни своего родословнаго древа возводить чуть ли не до неба. Нѣтъ нужды во всѣхъ такихъ фактахъ, чтобы понять цѣли, къ которымъ стремится дворянство, во всякомъ впрочемъ случаѣ безуспѣшно. Обращая вниманiе на сочиненiя, написанныя въ новѣйшее время за и противъ дворянства, нельзя не видѣть, что нѣкоторые изъ нашихъ современниковъ хотятъ возвратить давно прошедшее время со всѣмъ тѣмъ, что послѣ долгихъ скорбей и болѣзней давно уже скончалось и сошло въ гробъ. Мертвые вызываются изъ гробовъ къ жизни и живой духъ полнаго жизни настоящаго заключается въ склепы кастовыхъ корпорацiй. Возвращаясь къ расплывшимся и сгнившимъ руинамъ Среднихъ вѣковъ, дѣлаютъ безсмысленную попытку не только остановить ходъ исторiи, но даже рѣку времени поворотить назадъ къ ея истоку.»

Все, впрочемъ, что говорено здѣсь, не относится, какъ видитъ и самъ читатель, къ нашему дворянству. Наше дворянство мало походило на другiя дворянства. Изъ исторiи Карамзина и Устрялова мы знаемъ, что оно всегда отличалось любовiю къ престолу и отечеству, что оно не можетъ быть заподозрѣно ни въ какихъ возмущенiяхъ и заговорахъ, что оно всегда старалось содѣйствовать власти къ водворенiю порядка и мира въ государствѣ, что оно, наконецъ, — это знаемъ и мы, — съ полною готовностiю отказалось отъ правъ владѣнiя крѣпостными и вѣроятно съ давнихъ временъ тяготилось этимъ правомъ... Однимъ словомъ, наше дворянство совсѣмъ не такое, какъ дворянство другихъ странъ, — и все это именно потому, что наше дворянство никогда и не было дворянствомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Оно не имѣетъ въ корнѣ своемъ родословной основы; оно никогда не составляло особаго сословiя, даже послѣ грамоты 1785 г. оно не организовалось въ совершенно отдѣльное, замкнутое сословiе. Оно было только высшимъ благороднымъ классомъ въ народѣ, который наполнялся лицами всѣхъ сословiй, успѣвшими талантами, службою, образованiемъ выйдти изъ массы. Когда наука, и a priori и исторически, доказала нынѣ вполнѣ очевидно, что выдѣленiе особыхъ замкнутыхъ сословiй или корпорацiй въ государствѣ — есть зло для государства, что рано или поздно государство само съ ними должно будетъ вести борьбу, — наше дворянство, отличавшееся всегда привязанностiю къ престолу и отечеству, какъ видно изъ вышеупомянутыхъ нами исторiй, должно бы было радоваться тому, что оно не успѣло совершенно замкнуться отъ народа, подобно дворянскимъ сословiямъ другихъ государствъ, что оно имѣетъ полную

возможность слиться съ нимъ, что теперь, по уничтоженіи крѣпостнаго права,—этой ненавистной для народа привилегіи дворянства,—ему наконецъ настала самая удобная минута слиться съ народомъ.

Между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ, что многіе дворяне эту мысль о соединеніи съ народомъ, съ земствомъ, встрѣтили весьма непріязненно. Не смотря на то, что мысль эта не болѣе пока, какъ только мысль, что само правительство заявило, что оно не только не находитъ въ настоящее время поводовъ желать уничтоженія дворянства, а напротивъ думаетъ, что теперь именно, по уничтоженіи крѣпостнаго права, и настаетъ для дворянства время потрудиться всѣми своими силами для пользы отечества, — нѣкоторые изъ дворянъ со всею энергіею вооружились противъ сказанной мысли и начали придумывать средства, какъ бы поставить дворянство такимъ образомъ, чтобы оно было внѣ опасности слиться съ земствомъ. Г. Безобразовъ на дворянскихъ московскихъ выборахъ сдѣлалъ предложеніе *объ измѣненіи Положеній 19 февраля согласно съ дворянскою грамотою*. Очевидцы свидѣтельствуютъ, что г. Безобразовъ защищалъ это предложеніе свое съ энергіею, достойною великихъ ораторовъ. Онъ не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы было принято его мнѣніе. Тутъ было и неправильное толкованіе закона, и ораторское движеніе въ рѣчи, и протесты противъ всѣхъ и каждаго. Даже когда предложеніе г. Безобразова было отвергнуто, какъ неполучившее законнаго числа голосовъ, г. Безобразовъ объявилъ, что редакція вопроса его составлена не такъ, какъ должно, потому, дескать, встрѣтила протестъ со стороны прокурора, а между тѣмъ редакцію составлялъ самъ же г. Безобразовъ (Русск. Инв. № 37). Другой Безобразовъ, а впрочемъ можетъ быть и тотъ же,—достовѣрно не знаемъ,—на одномъ изъ чрезвычайныхъ собраній петербургскаго дворянства, происходившихъ до 27 прошедшаго января включительно, изложилъ свое мнѣніе *о правахъ дворянства на земли, основанныхъ на дворянской грамотѣ, данной императрицею Екатериною II-ю*, и представивъ различныя неудобства въ надѣлѣ крестьянъ землею, предложилъ проектъ адреса *о разсмотрѣніи этихъ неудобствъ и затрудненій особымъ собраніемъ*, составленнымъ изъ депутатовъ отъ дворянъ всѣхъ губерній. Рѣчь г. Безобразова и чтеніе адреса длились весьма долго. Г. Безобразовъ петербургскій,—если впрочемъ только это другой г. Безобразовъ, а не тотъ же самый, что ораторствовалъ въ Москвѣ, — читалъ и говорилъ громко, ясно, съ надлежащими остановками на мѣстахъ болѣе эффектныхъ. Несмотря на то, предложеніе его было отвергнуто большинствомъ 148 голосовъ противъ 67-ми.

На московскихъ же выборахъ, при разсмотрѣніи заключеній особой коммиссіи на вопросы, предложенные министромъ внутреннихъ дѣлъ,

графъ Орловъ-Давыдовъ сдѣлалъ возраженіе противъ предложенія коммиссіи о составленіи смѣшанной изъ дворянъ вмѣстѣ съ другими сословіями коммиссіи, представляя въ основаніе то, что голосъ образованнаго меньшинства дворянства можетъ быть въ подобной коммиссіи подавленъ необразованнымъ большинствомъ.

Извѣстно, что нынѣ всѣмъ дворянскимъ собраніямъ, происходившимъ по случаю выборовъ болѣе чѣмъ въ 30 губерніяхъ, по высочайшему повелѣнію предложены были на обсужденіе слѣдующіе вопросы, непосредственно касающіеся интереса мѣстныхъ землевладѣльцевъ:

1) О соображеніяхъ дворянства и предположеніяхъ онаго по пересмотру дѣйствующаго нынѣ устава о службѣ по выборамъ;

2) О губернскихъ земскихъ повинностяхъ, устройствѣ управленія ими и подлежащихъ къ производству изъ этого источника расходахъ;

3) Объ устройствѣ поземельнаго кредита посредствомъ учрежденія соотвѣтствующихъ современнымъ потребностямъ банковыхъ учрежденій;

4) Объ устройствѣ медицинской части съ цѣлію увеличенія числа врачей и лечебницъ, и сообразно съ мѣстными условіями распредѣленія медицинскихъ способовъ;

5) О правилахъ содержанія по найму для помѣщичьихъ хозяйствъ работниковъ, не приписанныхъ къ ближайшимъ сельскимъ обществамъ.

Московское дворянство образовало особую редакціонную коммиссію для разсмотрѣнія этихъ вопросовъ. 23 января коммиссія представила въ собраніе добытые ею результаты, и тогда же они были подвергнуты обсужденію дворянства.

«Дѣло началось съ того (пишетъ корреспондентъ «Инвалида» № 37), что нѣкоторые изъ членовъ редакціонной коммиссіи прочли составленные ими отвѣты на пять министерскихъ вопросовъ. Всѣ отвѣты, предлагая вкратцѣ рѣшеніе на заданные вопросы, заключались почти одними и тѣми же словами, въ которыхъ высказывалось, съ одной стороны, указаніе на самую недостаточность рѣшенія вопросовъ, вслѣдствіе короткаго срока и отсутствія данныхъ, а съ другой, какъ необходимое послѣдствіе вышесказаннаго, заявлялась необходимость созванія особой губернской коммиссіи, для всесторонняго обсужденія вопросовъ, притомъ коммиссіи, которая бы состояла не изъ однихъ дворянъ, а также изъ лицъ, уполномоченныхъ отъ другихъ сословій. Та же мысль была уже высказана въ мнѣніи дворянъ Подольскаго уѣзда,—мнѣніи, принятомъ огромнымъ большинствомъ (306 противъ 38), какъ всеподданнѣйшее прошеніе. Въ отвѣтахъ редакціонной коммиссіи намъ показалось особенно интереснымъ, и скажемъ зрѣлымъ, всту-

пленіе: что-то въ родѣ трактата о выборномъ началѣ вообще и въ приложеніи его къ рѣшенію вопросовъ нынѣшней внутренней политики Россіи. Мы слышали, что прекрасная редакція этого вступленія принадлежитъ кн. *Щербатову*—предводителю дворянсства Верейскаго уѣзда. Послѣ прочтенія отвѣтовъ начались возраженія на нихъ. Графъ Орловъ-Давыдовъ выступилъ первый на арену. Тэма возраженій состояла въ томъ, что каждое сословіе, даже болѣе, каждое лицо должно имѣть право заявлять о своихъ нуждахъ и предлагать средства къ ихъ удовлетворенію, но что *смѣшанная коммиссія, т. е. состоящая изъ представителей всѣхъ сословій вмѣстѣ*, рѣшительно невозможна. По мнѣнію графа Орлова-Давыдова, дворянство — сословіе попреимуществу образованное и притомъ подготовленное къ государственной дѣятельности, неминуемо встрѣтитъ оппозицію и поглотится огромнымъ большинствомъ другихъ, невѣжественныхъ сословій. Мнѣніе графа Орлова-Давыдова, хотя и несостоятельное въ сущности, но написанное и произнесенное бойко, переполненное многими льстивыми дворянству выраженіями, наконецъ съ указаніями на чужіе края, должно было произвести и дѣйствительно произвело выгодное для оратора впечатлѣніе на слушателей. Оно бы, быть можетъ, и принято было большинствомъ голосовъ, если бы князь Щербатовъ не защитилъ мнѣніе редакціонной коммиссіи блестящею импровизированною (а это у насъ новость) рѣчью. — Насколько намъ не измѣняетъ память, въ рѣчи князя Щербатова была высказана слѣдующая мысль: «не важно еще, если человѣкъ самъ себя считаетъ и умнымъ, и образованнымъ, и дѣятельнымъ, когда другіе не признаютъ за нимъ этихъ достоинствъ. Точно то же можно отнести и къ цѣлому сословію. Дворянство дѣйствительно считаетъ себя и всегда считало сословіемъ передовымъ, но такъ какъ оно всегда дѣйствовало отдѣльно отъ другихъ сословій, то естественно, что другія сословія не имѣли случая и не могли признать сознательно первенства за дворянствомъ. Принимая въ среду свою представителей другихъ сословій, дворянство будетъ имѣть возможность въ виду ихъ, для нихъ осязательно доказать свои способности, такъ что его достоинства могутъ быть признаны и другими, и если въ самомъ дѣлѣ оно изъ сословій самое образованное, то не въ силахъ его ни затереть, ни поглотить другія сословія. Вопросъ объ огромномъ большинствѣ представителей другихъ сословій уже предусмотрѣнъ въ отвѣтѣ редакціонной коммиссіи». Такимъ образомъ вопросъ объ уставѣ о выборахъ рѣшенъ въ смыслѣ, согласномъ съ мнѣніемъ редакціонной коммиссіи.

На дворянскихъ выборахъ въ Тулѣ по одному изъ пяти вопросовъ, предложенныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, именно объ измѣненіи устава службы по выборамъ, избранною коммиссіею пред-

ставлены были два проэкта: одинъ, получившій въ общемъ собраніи 292 одобрительныхъ голоса, не составляющихъ, впрочемъ, большинства двухъ третей, имѣлъ въ основаніи своемъ прежнюю замкнутость дворянскихъ выборовъ, не допускающую другаго сословія; другой, получившій 212 избирательныхъ голосовъ, находилъ возможнымъ допустить въ дворянскіе выборы купцовъ-землевладѣльцевъ лично, а сословіе крестьянъ чрезъ уполномоченныхъ, указывая этимъ на возможность учредить выборы, общіе для всѣхъ сословій, и тѣмъ избавиться отъ одного изъ главныхъ неудобствъ существующей системы. Изъ этихъ проэктовъ предполагалось представить правительству только одинъ, получившій большее число балловъ, но уѣздный предводитель дворянства, Ефремовскаго уѣзда, Бахтеяровъ, доказывалъ общему собранію, что соображенія дворянства о выборахъ требуются не для одной Тульской губерніи, а для всего государства, и что одобренный большинствомъ проэктъ можетъ не получить одобренія въ другихъ мѣстахъ; онъ говорилъ, что не только мнѣніе 212 лицъ по столь важному вопросу не должно быть скрытымъ, но и одинокая здравая мысль должна бы быть представлена для соображенія правительству. На этомъ основаніи г. Бахтеяровъ постановилъ, чтобы оба проэкта съ указаніями полученныхъ ими одобрительныхъ голосовъ, были отосланы по принадлежности, и когда онъ увидѣлъ, что словесныя настоянія его остаются безъ успѣха, то подалъ письменный протестъ, за подписаніемъ многихъ дворянъ, требуя дать протесту законный ходъ.

Мы заимствовали это извѣстіе изъ письма ефремовскаго жителя С., напечатаннаго въ № 39 «Московскихъ Вѣдомостей». Что всего болѣе удивляетъ насъ въ этомъ извѣстіи, такъ это то, что незначительное большинство тульскихъ дворянъ, вотировавшихъ за несмѣшеніе дворянъ съ другими сословіями въ одной коммиссіи, не согласилось, несмотря на всѣ основательныя представленія г. Бахтеярова, представить по принадлежности вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ мнѣніе меньшинства по тому же предмету. Такъ ли оно должно бы было дѣйствовать, если бы имъ водило искреннее желаніе пользы государству и народу, а не сословные предразсудки?

Тѣмъ свѣтлѣе выдѣляются личности — Бахтеярова и солидарнаго съ нимъ дворянства, благородно протестовавшихъ противъ тенденцій *сословности*. Наше трудное время еще счастливо тѣмъ, что среди дворянства находится не мало такихъ личностей, чуждыхъ сословныхъ предразсудковъ, съ яснымъ взглядомъ на вещи, которыя помогаютъ благополучному исходу переходнаго времени, закладывая вмѣстѣ съ тѣмъ животворныя начала для новой жизни въ будущемъ.

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить читателю изъ письма другаго ефремовскаго же жителя рѣчь г. Бахтеярова, сказан-

ную имъ во время даннаго ему обѣда уѣзднымъ дворянствомъ, чиновниками и гражданами Ефремова, по случаю выбора г. Бахтеярова уѣзднымъ предводителемъ дворянства на другое трехлѣтіе. Вотъ эта рѣчь:

«Господа! Благодарю васъ за честь, которую вы мнѣ оказали и которую я цѣню выше всякихъ наградъ; благодарю тѣмъ болѣе, что хлѣбъ-соль предложена мнѣ обще всѣми сословіями нашего города: это именно въ духѣ моихъ убѣжденій. Да, господа, я убѣжденъ, что только при тѣсномъ союзѣ всѣхъ сословій, основанномъ на взаимномъ уваженіи, мы достигнемъ прочной самостоятельности, а иначе положеніе наше будетъ всегда въ зависимости отъ случайностей. Я съ своей стороны постоянно считалъ и считаю долгомъ протягивать съ уваженіемъ руку каждому, кого признаю за хорошаго человѣка, безъ различія званій. Позвольте надѣяться, что и вы, господа, будете болѣе и болѣе между собою сближаться, откинувъ съ одной стороны отжившее свой вѣкъ чванство, а съ другой — робость и недовѣріе къ себѣ, что вы усвоите убѣжденіе, что всякое званіе, всякое положеніе въ свѣтѣ, при честномъ имени лица, которому оно принадлежитъ, всегда почтенно, и что для прочности и пользы полнаго сближенія необходимо стремиться къ тому, чтобы всѣ наши интересы дѣлались общими, а не оставлять ихъ въ теперешнихъ, какъ будто заколдованныхъ кругахъ, отдѣльными для каждаго сословія. Сліяніе интересовъ ни у кого не можетъ убавить чести, но можетъ придать всѣмъ намъ новыхъ силъ; слова же — честь и сила, въ отношеніи къ обществу, почти синонимы. Жаль, что здѣсь нѣтъ представителей нашихъ меньшихъ братій — крестьянъ; я бы имъ сказалъ, что мы любимъ ихъ, несмотря на недовѣріе ихъ къ намъ и на множество мелкихъ непріятностей, которыя они въ настоящее время безпрестанно дѣлаютъ бывшимъ своимъ владѣльцамъ; я бы имъ сказалъ, что мы всѣ эти дрязги, вытекающія изъ обстоятельствъ, считаемъ мимолетными; я бы ихъ увѣрилъ, что лучшее передовое дворянство не только готово протянуть имъ руку для сближенія, но что оно не остановится ни передъ какими затрудненіями, чтобы пособить имъ сдѣлаться достойными обладателями дарованныхъ имъ правъ. Еще разъ благодарю васъ, господа, за сдѣланную мнѣ честь и провозглашаю тостъ: въ залогъ братской связи всѣхъ сословій при должномъ уваженіи къ каждому изъ нихъ!... Ура!»

Тотъ, кому приведенная нами рѣчь можетъ показаться все еще не чуждою сословнаго духа, долженъ помнить, что ее говоритъ не теоретикъ, строющій идеалъ новаго, желаемаго общества, а практикъ, разсматривающій общество подъ формою тѣхъ жизненныхъ отношеній, какія есть въ данное время. Во всякомъ случаѣ здѣсь есть стремленіе выйдти изъ существующихъ перегородокъ, насколько

можно, а не построить ихъ повыше и покрѣпче, чтобы замкнуться другъ отъ друга навсегда нерушимо....

Въ то время, когда въ нашихъ провинціальныхъ обществахъ, которыя почитаютъ всѣ находящимися въ застоѣ, вѣетъ такимъ свѣжимъ духомъ, мы, къ удивленію нашему, въ присяжныхъ жрецахъ науки, профессорахъ университета, въ нѣкоторыхъ органахъ литературы встрѣчаемъ манію *сословности*, достойную поистинѣ среднихъ временъ. Профессоръ государственнаго, кажется, права въ московскомъ университетѣ, г. Чичеринъ, составилъ цѣлую теорію, какъ бы замкнуть дворянство покрѣпче отъ всѣхъ другихъ сословій. Сущность этой теоріи состоитъ въ томъ, чтобы дворянство оставалось съ имѣющимися у него донынѣ правами и привилегіями, не пуская болѣе никого въ свою среду, кромѣ государственныхъ мужей и землевладѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 500 десятинъ земли и получившихъ университетское образованіе. Можно бы, конечно, замкнуться и отъ этихъ и ихъ не пускать въ свою среду, что было бы конечно лучше. Но сдѣлать это неудобно, потому что иначе дворянству будетъ плохо. Дворянство, само собою разумѣется, должно играть политическую роль въ странѣ. А «если дворянство хочетъ сохранить свое первенствующее политическое положеніе, то для него дѣло первостепенной важности имѣть въ своей средѣ тѣ лица, которыя обладаютъ наибольшимъ политическимъ вѣсомъ и въ рукахъ которыхъ сосредоточивается правительственная сила». Далѣе дворянство должно имѣть матеріальную силу. А «матеріальное основаніе дворянства, то, что даетъ ему матеріальный вѣсъ и значеніе въ странѣ—есть земельная собственность. Поэтому для дворянства въ высшей степени важно, чтобы рядомъ съ нимъ не образовался другой, подобный интересъ, который не только будетъ съ нимъ соперничать, но и по всей вѣроятности станетъ ему прямо враждебнымъ; а такой интересъ непремѣнно образуется при совершенномъ исключеніи мѣстныхъ землевладѣльцевъ изъ среды дворянъ.... Поэтому дворянство должно быть открыто для землевладѣльцевъ, какъ открыто оно для государственныхъ чиновниковъ». Ясно ли, читатель, почему дворянство должно быть не окончательно закрытымъ для всѣхъ? — Потому только, что если не будетъ открыто оно настолько, насколько хочетъ открыть его г. Чичеринъ, то и замкнутымъ ему оставаться будетъ невозможно. Впрочемъ г. Чичеринъ говоритъ, что для землевладѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 500 десятинъ и получившихъ университетское образованіе, можно входъ въ дворянство все-таки немножко примкнуть. Именно: сначала признавать ихъ дворянами только личными, а черезъ два или три поколѣнія, если они сохранятъ требуемыя условія, можно будетъ уже принять и въ потомственные.

Мы не будемъ входить въ разборъ сочиненной г. Чичеринымъ теоріи дворянства, но нѣкоторыми изреченіями изъ этого сочиненія почтеннаго нашего профессора, замѣчательными по своей древности, не можемъ не украсить нашихъ страницъ.

«*Наше Время*». № 4.

«Какъ единственное, можно сказать, образованное сословіе въ имперіи, дворянство (русское) *естественно становится поодаль отъ другихъ и занимаетъ особенное возвышенное положеніе* въ обществѣ и государствѣ».

«Дворянство единственное сословіе въ Россіи, которое имѣетъ *какое нибудь сознаніе своихъ правъ*».

«Воображать, что крестьяне могутъ быть мыслящею и дѣятельною частью государства, что мы можемъ отъ нихъ заимствовать гражданскія начала и политическія мысли — это литературная фантазія, о которой не можетъ быть рѣчи, когда дѣло идетъ о государственныхъ вопросахъ. Здравый смыслъ не позволяетъ объ этомъ распространяться».

«*Наше Время*». № 5.

«Всякій, кому знакомъ провинціальный бытъ, какъ онъ сохранялся еще 10 или 15 лѣтъ тому назадъ, кто испыталъ на себѣ вліяніе этой среды, знаетъ, что это была жизнь, которая не давала ни утонченнаго образованія, ни живыхъ интересовъ, ни даже значительнаго благосостоянія, но жизнь здоровая (!), могучая (!!), — жизнь, которая вполнѣ приходилась по русскому (!!!) складу и русскимъ (!!!!!) привычкамъ. И Россія во весь этотъ періодъ росла и расширялась, опираясь на эту организацію (!!!!!!)». Помилуй Господи, какія иногда приходится слышать вещи отъ профессоровъ, да еще и государственнаго права!

«Нравственная сила дворянства состоитъ (между прочимъ) въ *наслѣдственномъ, политическомъ положеніи*, *въ привычкѣ къ власти*, пріобрѣтенной вѣковымъ владычествомъ надъ крѣпостными, *въ сословной чести*, которая сохраняетъ въ себѣ чувство политическаго долга съ сознаніемъ своего достоинства» (разумѣется, дворянскаго?).

«Дворянство не можетъ висѣть на воздухѣ.... Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права рушилась значительная часть прежней матеріальной опоры (дворянства). Чтобы *сохранить дворянство, ему нужно дать новыя поддержки*».

«*Наше Время*». № 8.

«Военная служба держится на чести, а военная честь ближе всего подходитъ къ понятію о чести дворянской. Между ними есть историческое и нравственное сродство, которое дворянству даетъ нѣкоторое право на привилегированное положеніе въ военной службѣ. Нельзя

сказать то же о службѣ гражданской. Здѣсь главное начало не корпоративная честь, а способность и образованіе».

«Едва ли можно допустить вступленіе дворянъ въ податныя сословія иначе, какъ съ выходомъ изъ общества дворянскаго. Если дворянство должно имѣть нравственное и политическое положеніе въ государствѣ, то дворянинъ не можетъ вступить въ совершенно иное состояніе, не отказавшись отъ своихъ правъ. Начало же добровольнаго перехода можетъ быть только выгодно для дворянства, которое не будетъ имѣть въ своей средѣ членовъ, не желающихъ поддерживать свое званіе».

«Дворянство непосредственно завѣдываетъ многими изъ мѣстныхъ дѣлъ и участвуетъ почти во всѣхъ. Несмотря на то, слышатся жалобы на недостатокъ мѣстнаго самоуправленія и лекарствомъ отъ этого зла выставляется еще большее распространеніе выборнаго начала». Удивительно въ самомъ дѣлѣ!

«Никто не жалуется у насъ на излишнюю строгость взысканій; напротивъ, слышится общій ропотъ на то, что отъ взысканій слишкомъ легко избавиться».

«Выборъ исправниковъ могъ быть возложенъ на одно только дворянство, которое по своему положенію менѣе подлежитъ взысканіямъ и полицейскимъ распоряженіямъ, нежели низшіе классы. Участіе крестьянъ въ выборѣ исправника — просто немыслимо».

«*Наше Время*». № 12.

«Наше дворянство, по своему наслѣдственному и землевладѣльческому типу, долго не можетъ принять характеръ средняго сословія. Но допустимъ даже и это; допустимъ, что немыслимо,—что оба сословія сольются и будутъ въ состояніи дѣйствовать за одно. При уничтоженіи сословныхъ перегородокъ, при паденіи наслѣдственности,—преобладающею силою сдѣлается личный элементъ труда и образованія. Спрашиваемъ у всякаго человѣка, разумно смотрящаго на состояніе нашего общества: возможно ли у насъ сколько нибудь положиться на эту силу и основать на ней какой нибудь политическій порядокъ? Наконецъ, что останется на верху? Изъ кого и изъ чего составятся независимыя политическія положенія, могущія имѣть вѣсъ въ государствѣ? Съ паденіемъ сословій не приблизимся ли мы ближе къ Азіи, вмѣсто того, чтобы приблизиться къ Европѣ?» — О ужасы!

«Наслѣдственность положенія есть политическая сила; юридическая опредѣленность сословій есть также сила....»

«Хаосъ — вотъ въ настоящее время естественное, возможное послѣдствіе пресловутаго земства!»

«Уничтожить дворянство, не замѣняя его другою, существующею силою, просто распустить его въ земствѣ — немыслимо для всякаго

человѣка, который имѣетъ малѣйшее понятіе о политическихъ дѣлахъ».

Отъ вопроса о дворянствѣ перейдемъ къ мировымъ учрежденіямъ.

Мировыя учрежденія, несмотря на недавнее свое происхожденіе, на внѣшнія обстоятельства, не очень благопріятствующія ихъ правильному развитію, наконецъ на составъ ихъ, не вездѣ удовлетворительный,—успѣли обратить на себя общее вниманіе своими дѣйствіями. Результаты дѣятельности ихъ въ общемъ въ настоящее время, конечно, мало значительны еще, но несомнѣнно, что отъ мировыхъ учрежденій можно надѣяться многаго, при правильномъ и благопріятномъ ихъ развитіи. Мировыя учрежденія—первыя изъ нашихъ учрежденій, посредствомъ которыхъ лучшіе люди изъ нашего дворянства становятся въ близкое отношеніе къ народу, и главное, не въ качествѣ форменнаго начальства, а въ качествѣ руководителей народа и защитниковъ его интересовъ. По идеѣ, если предположить, что дворянство вполнѣ сочувствуетъ этой идеѣ и стремится служить ей искренно, служеніе это весьма благородное и дѣлаетъ честь русскому дворянству. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма полезно не только для самихъ дворянъ, но и вообще для государства. Лучшіе изъ нашего дворянства, поставленные въ первый разъ лицомъ къ лицу съ народомъ не въ качествѣ тяжелыхъ владыкъ, требующихъ единственно оброка, но въ качествѣ добрыхъ друзей, со всею заботливостію вникающихъ въ его нужды, поймутъ вполнѣ настоящее состояніе народа, его настоятельныя потребности, его не нормальныя въ настоящее время отношенія къ другимъ сословіямъ и вообще обществу, его простой и здоровый смыслъ, вообще пріобрѣтутъ вѣрный и ясный взглядъ на народъ. Отсюда народится множество вопросовъ, доселѣ никѣмъ не предчувствованныхъ, рѣшеніе которыхъ должно положить новыя здравыя начала для правильнаго устройства нашего общества. Съ этой точки зрѣнія съѣзды мировыхъ посредниковъ, на которыхъ они обмѣниваются своими наблюденіями, и, разрѣшая свои частныя недоумѣнія, выясняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ общіе вопросы о состояніи народа и его современныхъ нуждахъ, въ высшей степени благотворны.

Мы съ удовольствіемъ прочли извѣстіе о съѣздѣ мировыхъ посредниковъ и предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ, бывшемъ въ Твери въ декабрѣ прошедшаго года. Засѣданіе съѣзда открылось 12 декабря и до начала его былъ избранъ мировыми посредниками въ предсѣдатели губернскаго съѣзда новоторжскій предводитель дворянства А. А. Бакунинъ. Въ началѣ засѣданія заявлены были какъ цѣль, такъ характеръ и значеніе этого собранія. Цѣлью разсужденій было поставлено: изъ опыта пріобрѣтеннаго посредниками при непосредственныхъ сношеніяхъ съ народомъ, извлечь прочные выводы для будущаго и ук-

сить значеніе этихъ должностныхъ лицъ въ понятіяхъ обоихъ сословій. Затѣмъ отъ каждаго уѣзднаго мироваго съѣзда поступили на обсужденіе вопросы, раздѣленные тутъ же на три категоріи: вопросы общіе, мѣстные и сельскаго управленія.

Очень жаль, что разсужденія мироваго съѣзда не напечатаны въ полномъ ихъ составѣ. Всѣ эти разсужденія, какъ основанныя на наблюденіяхъ, взятыхъ прямо изъ жизни, не только по содержанію своему имѣютъ для всѣхъ животрепещущій интересъ, но важны и въ томъ отношеніи, что они направляютъ общественную мысль на разработку вопросовъ настоятельныхъ, необходимыхъ для насъ, отвлекая ее отъ праздной игры словами и уклоненій въ безплодныя, чуждыя жизни теоріи. Сообщаемъ здѣсь о разсужденіяхъ тверскаго мироваго съѣзда то, что было напечатано о нихъ въ извлеченіи въ Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

«Въ третьемъ засѣданіи, 13-го декабря, мировой посредникъ Новоторжскаго уѣзда, г-нъ Кудрявцевъ, предложилъ вопросъ: не найдетъ ли собраніе нужнымъ, не ожидая истеченія трехлѣтняго срока, ходатайствовать о *немедленномъ призваніи крестьянъ къ участію въ выборѣ мировыхъ посредниковъ*. Предложеніе свое основываетъ онъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) въ настоящее время крестьяне уже достаточно ознакомились съ новымъ своимъ положеніемъ и значеніемъ мировыхъ должностей, чтобы сдѣлать безошибочный выборъ; 2) участіе крестьянъ въ выборѣ мировыхъ посредниковъ увеличитъ благодѣтельное вліяніе послѣднихъ на успѣшный и мирный ходъ общаго дѣла; 3) выборное начало, общее обоимъ сословіямъ, наиболѣе послужитъ къ ихъ сближенію.

«Это предложеніе, заслуживающее искренняго сочувствія, вызвало нѣсколько возраженій. Прежде другихъ предводитель Зубцовскаго уѣзда замѣтилъ, что крестьяне *еще не созрѣли* къ принятію дѣятельнаго участія въ выборѣ мировыхъ посредниковъ. Противъ него возражали многіе, *отвергая мысль о незрѣлости крестьянъ, какъ совершенно несправедливую и опровергаемую фактами*. Предводитель Калязинскаго уѣзда выразилъ опасеніе, что въ случаѣ предоставленія крестьянамъ выбора посредниковъ, *дворянству ничего не останется*. Но когда ему замѣтили, что предложеніе г. Кудрявцева не исключаетъ дворянства изъ участія въ выборѣ, то онъ сказалъ, что *дворянство, какъ особое сословіе, должно имѣть особыхъ посредниковъ*. Мировой посредникъ того же уѣзда, г. Полторацій, отвѣчалъ ему, что самое названіе посредника указываетъ, что онъ не долженъ принадлежать исключительно одному сословію, а служить къ взаимному сближенію обоихъ. Членъ Губернскаго Присутствія, г. Литвиновъ, признавая справедливость самого начала, обратилъ вниманіе собранія на то, бу-

детъ ли полезна, въ практическомъ отношеніи, замѣна настоящихъ мировыхъ посредниковъ, ознакомившихся съ средою и цѣлію своей дѣятельности, новыми лицами по выбору крестьянъ?

«Затѣмъ вопросъ былъ рѣшенъ письменною подачею голосовъ, большинствомъ 33 — противъ 27, въ томъ смыслѣ, что собраніе *находитъ полезнымъ немедленное допущеніе крестьянъ къ участію въ выборѣ мировыхъ посредниковъ.*

«Тотъ же мировой посредникъ Новоторжскаго уѣзда, г. Кудрявцевъ, предложилъ собранію другой вопросъ, о допущеніи выбора крестьянами въ должности сельскаго управленія и суда *лицъ всѣхъ сословій*, владѣющихъ землею.

«Вслѣдъ за тѣмъ, мировой посредникъ Весьегонскаго уѣзда, г. Пыжовъ, предложилъ на обсужденіе собранія поступившую къ нему отъ одного изъ помѣщиковъ просьбу—*о зачисленіи его въ временно-обязанные крестьяне* къ другому помѣщику, которому онъ обязывался отбывать всѣ повинности, наравнѣ съ прочими крестьянами, съ условіемъ распространенія на него и правъ временно-обязанныхъ крестьянъ, а именно права участвовать на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, права выбора въ сельскія и волостныя должности и проч. Собраніе, выслушавъ все это, признало, что означенная просьба подлежитъ не его, а Губернскаго Присутствія разсмотрѣнію, но что общій вопросъ, къ которому относится приведенный частный случай, заслуживаетъ внимательнаго его разсмотрѣнія. Высказаны были различныя мнѣнія въ пользу и противъ допущенія всѣхъ землевладѣльцевъ къ занятію должностей сельскаго управленія и суда; нѣкоторые признавали такое допущеніе полезнымъ въ отношеніи административныхъ должностей, но въ то же время находили его вреднымъ, или по крайней мѣрѣ преждевременнымъ, въ отношеніи судебныхъ; но когда вопросъ былъ подвергнутъ рѣшенію, посредствомъ письменной подачи голосовъ, то собраніе, большинствомъ 45 голосовъ противъ 2-хъ безусловно отрицательныхъ и 3-хъ отрицательныхъ въ отношеніи къ занятію судебныхъ должностей, признало полезнымъ допущеніе лицъ всѣхъ сословій, владѣющихъ землею, въ должности сельскаго управленія и суда.

«Затѣмъ обсуждали вопросъ о сокращеніи на первый разъ срока службы должностныхъ лицъ сельскаго управленія, такъ какъ первые выборы, не смотря на стараніе мировыхъ посредниковъ — уяснить крестьянамъ важное ихъ значеніе, не могли быть вполнѣ удовлетворительными. Вопросъ этотъ рѣшенъ отрицательно большинствомъ 22 голосовъ противъ 12.

«Вопросъ объ обязательномъ для сельскихъ обществъ назначеніи жалованья старостамъ, которые, служа міру даромъ, въ ущербъ сво-

ему благосостоянію, не оказываютъ должнаго усердія въ отношеніи исполненія своихъ обязанностей, былъ рѣшенъ также отрицательно, большинствомъ 26 голосовъ противъ 10.

«Послѣ того были разсмотрѣны и подвергнуты письменной подачѣ голосовъ нѣсколько частныхъ вопросовъ; остальные же, касающіеся разныхъ статей Положенія, требующіе болѣе подробнаго и внимательнаго обсужденія, а слѣдовательно и дальнѣйшаго пребыванія собравшихся въ Твери, были отложены до слѣдующаго собранія; ибо мировые посредники спѣшили возвратиться къ своимъ мѣстамъ и занятіямъ.

«На другой день, собравшись въ послѣдній разъ, члены собранія подписали заключительное постановленіе собранія, коимъ опредѣлено:

«1) Всѣ бывшіе въ разсмотрѣніи вопросы, въ подлинныхъ листахъ, представить въ Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе и просить его препроводить ихъ на разсмотрѣніе главнаго комитета;

«2) Мнѣніе о необходимости выкупа препроводить къ уѣзднымъ предводителямъ, для сообщенія дворянству;

3) Членамъ мировыхъ учрежденій вновь собраться въ Твери 1-го марта 1862 года.

«Этимъ окончился первый съѣздъ членовъ мировыхъ учрежденій Тверской губерніи.» («М. В.» №. 16).

Читатель видитъ, какъ новы и интересны, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени жизненны вопросы, возбужденные мировымъ съѣздомъ. Въ каждомъ изъ нихъ слышится вопль жизни, выбитой изъ старой колеи и ищущей новаго свободнаго для себя пути.... Подобные вопросы должны были бы вызывать органы литературы къ серьёзному разсмотрѣнію и обсужденію дѣла. Наша литература или совершенно молчитъ объ нихъ, или сообщаетъ кое-какія краткія свѣдѣнія, что, дескать, на тверскомъ мировомъ съѣздѣ разсуждали о томъ-то. Находятся въ числѣ литераторовъ даже такіе философы, которые глумятся не только надъ вопросами, но даже и надъ подобными пустыми, по ихъ мнѣнію, занятіями мировыхъ съѣздовъ. Николай Филиппович Павловъ надивиться не можетъ, какъ мировымъ посредникамъ, вмѣсто аккуратнаго, закономъ указаннаго, исполненія своихъ обязанностей, пришла фантазія заниматься умственными упражненіями, и на своемъ *балаганномъ* языкѣ передаетъ это такимъ образомъ:

«Съѣзды эти (мировые) учреждены затѣмъ, чтобы посредники могли уяснить себѣ свой образъ дѣйствія и обмѣниваться мнѣніями касательно ихъ многотрудныхъ занятій. Предметъ обиленъ. Но у насъ какой кругъ ни очерти — хоть въ объемѣ Енисейской губерніи, — онъ

намъ будетъ не по плечу, покажется малъ. На этомъ съѣздѣ пресерьезно доказывалось, что надо сейчасъ, сію минуту допустить крестьянъ къ выборамъ посредниковъ, а также не пройдти безъ разсмотрѣнія,—созрѣли ли крестьяне или нѣтъ. Вопросъ занимательный и мы, конечно, не осмѣлимся порицать такого рода умственныя упражненія, но ихъ ли требуетъ и ждетъ теперь Россія? Передъ посредниками законъ, который надо вводить въ жизнь, примѣнять къ практикѣ. Ну что, право, имъ за необходимость мучить себя разрѣшеніемъ такихъ мудреныхъ формулъ, когда и безъ того достаточно головоломной работы? Можетъ быть крестьяне созрѣли, а можетъ быть и нѣтъ. Надѣнетъ крестьянинъ синій кафтанъ, явится артельщикомъ на петербургской биржѣ, ну, какъ будто бы и созрѣлъ. Увидишь его въ курной избѣ, вмѣстѣ съ телятами,—покажется, что надо ему еще зрѣть. Тутъ спору не оберешься. Разумное, дѣятельное и скорое примѣненіе новаго закона, право, гораздо полезнѣе будетъ и дворянамъ, и крестьянамъ, и всей Россіи, чѣмъ эти напрасные толки. Имъ придетъ свой чередъ, а покуда должно, кажется, желать одного, какъ небесной благодати, чтобы Богъ избавилъ насъ отъ пустословія».

Можно ли болѣе поверхностно, болѣе, такъ сказать, *машинно* смотрѣть на дѣло посредниковъ, и можно ли болѣе шутовски относиться къ вопросу, важность котораго не можетъ не сознавать въ настоящее время ни одинъ русскій человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ далеко поставленъ отъ жизни?

Еще интереснѣе тѣмъ же *балаганнымъ* языкомъ философствуетъ Николай Филипповичъ надъ весьегонскимъ помѣщикомъ, подавшимъ просьбу *о зачисленіи его во временно-обязанные крестьяне къ другому помѣщику*. Сколько намъ помнится, примѣръ подобнаго желанія помѣщиковъ перейдти въ податное общество не первый. Явленіе это въ высшей степени замѣчательное и заслуживаетъ самаго внимательнаго изслѣдованія. Должны же быть побужденія очень важныя въ самой жизни, которыя заставляютъ рѣшаться людей на столь странную, по общему понятію, мѣру. Во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ изрекать судъ о такихъ лицахъ, надо бы было точно узнать у нихъ самихъ, что понуждаетъ желать ихъ такого тѣснаго соединенія съ крестьянскимъ обществомъ. Мировымъ посредникамъ, бывшимъ на съѣздѣ, понимающимъ настоящее положеніе крестьянъ и помѣщиковъ лучше насъ, не показалась просьба весьегонскаго помѣщика ни странною, ни смѣшною. Они, напротивъ, взглянули на нее очень серьёзно съ той стороны, что помѣщикъ съ зачисленіемъ въ крестьяне просилъ себѣ права участвовать на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, права выбора въ сельскія и волостныя должности и проч., и возбудили общій вопросъ о пользѣ допущенія всѣхъ землевладѣльцевъ къ занятію должностей сельскаго управленія

и суда, и когда вопросъ былъ подвергнутъ балотировкѣ, то былъ принятъ большинствомъ 45 противъ 5 за *допущеніе*. Хотя бы по одному этому Николай Филиповичъ догадался, что весьегонской помѣщикъ вовсе не такъ смѣшонъ, какъ представилось это ему, Николаю Филиповичу. Но ничего этого Николай Филиповичъ знать не хочетъ: ему до смерти смѣшно, какъ это дворянину можетъ придти фантазія записаться во временно-обязанные крестьяне, и онъ балагуритъ насчетъ весьегонскаго помѣщика такимъ образомъ:

«Извѣстно, что одному изъ диктаторовъ древняго Рима, а именно Силлѣ, въ одно прекрасное утро, опротивѣла власть, наводившая ужасъ на тогдашнее человѣчество; онъ разогналъ ликторовъ, сорвалъ съ головы диктаторскій вѣнецъ, отрекся отъ своего страшнаго званія и сталъ въ ряды простыхъ римскихъ гражданъ. Графъ Мирабо, въ концѣ прошлаго столѣтія, назвалъ себя купцомъ, а тогда графу пуститься въ коммерцію, пойти въ торгаши, значило унизить себя, запятнать, потревожить въ могилахъ всѣ до одной кости своихъ предковъ.

«Вотъ и какой-то помѣщикъ Тверской губерніи, Весьегонскаго уѣзда, въ наши дни, въ томъ же, повидимому, настроеніи духа, какъ Силла и Мирабо, слагаетъ съ себя бремя своего титула, своихъ правъ, привилегій, предразсудковъ, и, какъ читатели увидятъ ниже, просится изъ дворянъ во временно-обязанные крестьяне, обѣщая отбывать исправно всѣ повинности въ отношеніи своего прежняго брата-помѣщика, подъ сѣнь котораго онъ намѣренъ пристроиться. Намъ кажется, что на земномъ шарѣ положеніе крестьянина вообще и временно-обязаннаго въ частности не до того очаровательно, чтобъ оно могло соблазнить глаза англійскаго джентльмена, нѣмецкаго барона или русскаго дворянина. Слѣдовательно, причину явленія должно искать не въ прелестяхъ пастушескаго быта, а въ цинцинатовскихъ наклоностяхъ самаго весьегонскаго помѣщика, въ его домашнихъ обстоятельствахъ, въ его воззрѣніяхъ на людей и на общество. Можетъ быть, ему захотѣлось въ мужики, — такъ, безотчетно: хочу, да и полно.

«Тутъ и первый мудрецъ міра станетъ въ тупикъ. Возражать нечего. Почему не захотѣть и въ мужики, когда людямъ какихъ желаній не приходило въ голову? А можетъ быть, весьегонскій помѣщикъ принадлежитъ къ тому разряду дворянъ, которые, по своей нищетѣ, не отличаются у насъ отъ сельскаго населенія, раздѣляютъ не только его труды, но и недостатки. Можетъ быть, онъ недавно еще былъ владѣльцемъ одной души и съ этой душой жилъ за-панибрата, потому для него переходъ отъ дворянства къ крестьянству не представляетъ на дѣлѣ ни малѣйшей разницы состояній: переходъ совершился бы въ

блаженномъ, идеальномъ мірѣ. Тамъ была бы ломка, а въ сущности, на практикѣ, все осталось бы по прежнему. Словомъ, онъ, можетъ быть, не привыкъ ни къ какимъ такъ-называемымъ дворянскимъ занятіямъ и даже не знаетъ ихъ. Въ такомъ случаѣ, мы не осмѣлимся произнесть ему не единаго слова въ упрекъ, а спросимъ только: за чѣмъ же просьба? Онъ могъ бы заняться работами земледѣльца, не дѣлая напрасной попытки. Неужели никто не пришелъ на помощь бѣдному человѣку и не объяснилъ ему, что, по общему закону, переходъ, просимый имъ, не допускается? Но можетъ быть, это былъ протестъ во имя отживающаго начала, одна изъ послѣднихъ вспышекъ догарающей свѣтильни, порывъ желчи, накопившейся въ печени: — вотъ, вы хорошо все устроили; у васъ мужику лучше, чѣмъ дворянину; а что это правда, — такъ вотъ я пропишусь въ мужики. — Прекрасно, какъ поэтическое движеніе; но полно, такъ ли? Намъ все, право, кажется, что дворянину лучше жить на свѣтѣ, чѣмъ мужику. Жаль, что весьегонскій помѣщикъ не поберегъ своего душевнаго жара для болѣе истинныхъ, болѣе прозаическихъ дѣйствій, если судьба наградила его такой смѣлостью, что ему ничего не стоитъ идти на перекоръ самой наглядной истинѣ. Но, можетъ быть, до весьегонскаго уѣзда дошли слухи, что люди равны между собою; помѣщикъ нашъ повѣрилъ слухамъ, да и бухъ просьбу къ мировому посреднику. Что дворянинъ? что наши титулы, предразсудки? чѣмъ мужикъ хуже меня? Его занятіе почтенно; онъ общій нашъ кормилецъ, и проч., и проч. — всѣ эти фразы, которыя сдѣлались давно у людей истинно просвѣщенныхъ достояніемъ реторическаго хлама. Это уже важнѣе, это служба идеѣ, желаніе провести ее въ кровь и сокъ общества. За это нельзя, конечно, не похвалить весьегонскаго помѣщика; душа у него, должно быть, добрая; въ возвышенности чувствъ отказать ему невозможно; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что такое направленіе есть признакъ ума, теряющагося въ пустыхъ отвлеченностяхъ, есть едва-ли не свойство человѣка, который ни на какое общественное дѣло неспособенъ».

Можетъ быть и желаніе, заявленное весьегонскимъ помѣщикомъ было увлеченіе, а можетъ быть оно вышло бы и дѣйствительно хорошею мѣрою, если бы испытать ее на дѣлѣ; такою по крайней мѣрѣ признало эту мѣру большинство 45-ти посредниковъ противъ 5-ти на тверскомъ мировомъ съѣздѣ. Но если желаніе весьегонскаго помѣщика было и увлеченіе, для дѣла безплодное, то это такое благородное увлеченіе, надъ которымъ литературѣ глумиться и грѣшно, и стыдно.

Недавно мы прочитали въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» двѣ статейки, написанныя по поводу вопроса объ участіи крестьянъ въ выборѣ

мировыхъ посредниковъ... одну очень небольшую, въ родѣ замѣтки, г. Шидловскаго; другую, болѣе систематизированную, П. К. О. Что жь въ этихъ статейкахъ? — Да ничего; въ одной нѣсколько фактовъ неправильно понятыхъ; въ другой нѣсколько предвзятыхъ мнѣній о невѣжествѣ крестьянъ,—да и ничего больше.

Г. Шидловскій пишетъ: «имѣвши дѣло съ временно-обязанными крестьянами губерній Тамбовской, Харьковской и Калужской, по мнѣніямъ ближайшихъ родныхъ моихъ и моимъ собственнымъ, я положительно могу сказать, что крестьяне далеки еще отъ той зрѣлости, какая необходима для участія въ выборѣ мировыхъ посредниковъ. Они не понимаютъ настоящаго своего положенія, питаютъ какія-то неосновательныя надежды относительно будущаго, и даже выборы въ должности волостныхъ и сельскихъ управленій произведены ими большею частію неудачно, потому что они выбирали людей слабыхъ, безхарактерныхъ, отъ которыхъ справедливо ожидали послабленія въ отбыванію повинностей относительно помѣщиковъ. Можетъ быть Тверская губернія составляетъ мѣстность исключительную, но и въ такомъ случаѣ нововведенія, удобныя для нея, не могутъ имѣть общаго примѣненія. Мнѣніе мое относительно неразвитости крестьянъ подтверждается фактами» (М. В. № 39). Далѣе дѣйствительно слѣдуютъ факты,—но изъ этихъ фактовъ ничего не видно, кромѣ того, что крестьяне весьма мало имѣютъ довѣрія къ г. Шидловскому.

П. Н. О. въ 38 № М. В. отвергаетъ всякую въ настоящее время въ крестьянахъ способность быть избирателями посредниковъ.

«Что, спрашиваетъ онъ, требуется, чтобы быть хорошимъ избирателемъ въ данномъ случаѣ?

«Не говоря уже объ извѣстной, необходимой для всякаго вообще выбора, степени общественнаго развитія, здѣсь необходимы, во-первыхъ, полное и ясное сознаніе не только своихъ правъ, но и правъ и обязанностей избираемаго лица; во-вторыхъ, присутствіе въ избирающихъ опредѣленной идеи того, чего ищутъ они въ избираемомъ лицѣ, чѣмъ оно должно быть; и въ-третьихъ, всестороннее знакомство съ такимъ лицомъ, полное къ нему довѣріе. Иначе, какъ всѣмъ извѣстно, выборы не принесутъ желанныхъ результатовъ, обратятся въ мертвую форму, или, что еще хуже, запутаютъ дѣло и непремѣнно повредятъ ему.

«Обращаясь къ первому изъ этихъ условій, именно къ полному и ясному сознанію не только своихъ правъ, но и правъ и обязанностей избираемаго лица, мы видимъ, теперь по крайней мѣрѣ, весьма мало утѣшительнаго въ этомъ отношеніи; съ обѣихъ сторонъ существуетъ чуть ли не совершенно противное. Крестьяне почти повсемѣстно и во всѣхъ случаяхъ не обнаруживаютъ такого сознанія; ихъ права

представляется имъ въ какой-то мечтательной, воображаемой формѣ, въ дико-преувеличенныхъ размѣрахъ; а въ высшемъ, землевладѣльческомъ сословіи мы находимъ хотя сознательное, но за то и сознательно-превратное пониманіе правъ и обязанностей, за весьма рѣдкими исключеніями, а *такое* сознательное пониманіе нисколько не помогаетъ дѣлу. Что касается до пониманія правъ и обязанностей, присвоенныхъ Положеніемъ мировому посреднику, то, въ глазахъ большинства нашего землевладѣльческаго сословія, мировой посредникъ является совершенно инымъ лицомъ, и идеализированіе его нисколько не соотвѣтствуетъ его истинному призванію, на сколько оно усвоено Положеніями и естественною потребностью. Отъ крестьянъ пока странно было бы и требовать вполнѣ юридическаго пониманія, хотя, по какому-то нравственному чутью и прирожденному смыслу, они идутъ къ посреднику, какъ къ своему адвокату, и большею частью (!!) ввѣряютъ ему свою участь, какъ лицу, *извнѣ поставленному* (!!!) и уполномоченному къ тому высшею властью.

«Съ такимъ же успѣхомъ стали бы мы искать теперь въ избирателяхъ опредѣленной идеи, которой должно отвѣчать ими избранное лицо. Крестьяне не успѣли еще высказаться въ этомъ смыслѣ. Да въ настоящее время и трудно представить себѣ тотъ идеалъ, который крестьяне лелѣютъ въ душѣ своей, тѣ качества, какихъ требуютъ они отъ мироваго посредника. Ихъ мнѣнія объ этомъ предметѣ, на сколько намъ приходилось ихъ слышать, крайне сбивчивы, невѣрны; по большей же части, они видимо относятся равнодушно къ этому вопросу. Не смотря на то, можно нѣсколько предугадать, какъ бы высказались они въ этомъ отношеніи, если бы представилась къ тому возможность: при отсутствіи пока умственнаго развитія, необходимаго для образованія извѣстнаго мнѣнія въ данномъ случаѣ, при весьма ограниченныхъ потребностяхъ нашего крестьянскаго сословія, оно, вѣроятно, склонилось бы въ пользу лица, способнаго дѣлать имъ возможно болѣе послабленій, смотрѣть сквозь пальцы на ихъ грѣшки, вообще мирволить имъ (!!).

«Перейдемъ теперь къ послѣднему изъ условій удачнаго выбора; къ всестороннему знакомству съ лицомъ, назначаемымъ для такой серьёзной дѣятельности, и полному къ нему довѣрію. Прежде всего здѣсь нужно знать, будетъ ли избраніе ограничено извѣстной только средой или нѣтъ. Трудно предположить, въ настоящее по крайней мѣрѣ время, чтобъ было возможно выбирать мироваго посредника изъ среды крестьянъ; и чтобы въ такомъ выборѣ участвовали одинаково обѣ стороны; по всѣмъ вѣроятностямъ, тутъ предполагалась бы извѣстною только среда высшаго, землевладѣльческаго класса, другой

же предоставлялось бы лишь право избирательства. Слѣдовательно, для рѣшенія вопроса объ этомъ условіи удачнаго избранія, необходимо разсмотрѣть, насколько крестьянинъ могъ знать своихъ сосѣднихъ помѣщиковъ, кому изъ нихъ онъ симпатизировалъ, кому болѣе довѣрялся и кого дарилъ своею любовью. Дознаться этого пока не легко: еще недавно прекращенныя отношенія мало благопріятствовали возможности какихъ либо заявленій, а тѣмъ болѣе заявленій такого деликатнаго свойства. Эти недавнія отношенія оставили за собою слѣды, которые далеко еще не успѣли изгладиться и въ настоящее время; господская усадьба одиноко и гордо стояла вдалекѣ отъ крестьянскихъ избушекъ; безъ шапки проходилъ мимо воротъ ея крестьянинъ и, входя въ барскіе покои, оставлялъ за порогомъ и искренность своей рѣчи; излишне-почтительная, она не могла отличаться откровенностью, и помѣщикъ, даже при всемъ желаніи, съ трудомъ угадывалъ его нужды. Патріархальныя исключенія были такъ рѣдки, что не могутъ быть приняты здѣсь въ соображеніе; большею же частью прежнія отношенія были именно такого рода, что вовсе не способствовали тѣсному сближенію и пониманію другъ-друга. Сверхъ того, большинство владѣльцевъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вовсе не жило въ своихъ помѣстьяхъ, находясь на службѣ въ городахъ, или просто предпочитая столичный образъ жизни. Теперешнія условія также мало благопріятствуютъ пока такому знакомству, которое будетъ возможно тогда только, когда отношенія между обоими сословіями сдѣлаются вполнѣ свободными, когда «баринъ» обратится въ сосѣда. До сихъ поръ крестьянину трудно было узнать, что за человѣкъ такой-то помѣщикъ; онъ интересовался лишь его душевными свойствами; «строгій баринъ» и «добрый баринъ» — вотъ все, чѣмъ отвѣчалъ онъ на вопросы и дальше чего не старался идти; такъ же трудно узнать ему теперь, насколько такой-то помѣщикъ удовлетворитъ своему назначенію, какъ мировой посредникъ; не ясно сознавая самое назначеніе, узнать это невозможно, а безъ этого условія — выборъ рѣшительно немыслимъ. Равнымъ образомъ, при извращенномъ пониманіи призванія мироваго посредника, предполагаемыми избирателями другой стороны, не только взаимное знакомство, но даже самое основательное пониманіе избираемаго лица нисколько не помогутъ дѣлу.»

Читатель видитъ, что П. Н. О. причиною, почему крестьяне не могутъ въ настоящее время участвовать въ выборахъ посредниковъ, поставляетъ круглое ихъ невѣжество во всѣхъ отношеніяхъ, граничащее нѣкоторымъ образомъ съ безсмысліемъ. Эта пѣсня въ настоящее время самая модная у многихъ. О какихъ бы правахъ для крестьянъ ни заговорили, они поютъ хоромъ: «да крестьяне не могутъ пользо-

ваться этими правами. Они невѣжественны, безсмысленны,—однимъ словомъ, вполнѣ неспособны». Особенно это говорится, когда рѣчь идетъ о самоуправленіи крестьянъ. Потому, прежде нежели будемъ отвѣчать Н. Н. О., скажемъ нѣсколько словъ о толкахъ относительно неспособности крестьянъ къ самоуправленію.

Есть не мало людей образованныхъ, которые, не шутя, сомнѣваются, чтобы крестьяне, при настоящемъ своемъ невѣжествѣ, при отсутствіи въ нихъ пониманія соціальной жизни, могли быть способны къ самоуправленію въ настоящее время. Мнѣніе это имѣетъ безчисленное множество градацій и оттѣнковъ. Но даже и умѣреннѣйшіе изъ сторонниковъ этого мнѣнія очень не лестно отзываются о способностяхъ крестьянъ къ самоуправленію. Анекдотовъ о тупоуміи, малосмысленности крестьянъ печатается теперь безчисленное множество. Въ 4 № «Дня» нѣкто Н. Б., въ опроверженіе либераловъ и прогрессистовъ слишкомъ идеализирующихъ русскаго мужичка, разсказываетъ слѣдующій фактъ несомнѣннаго тупоумія русскихъ мужиковъ. Въ одномъ помѣстьѣ составлена была уставная грамота. Крестьяне изъявили свое согласіе на записанныя въ ней положенія. Когда дѣло дошло до подписи, и посредникъ спросилъ крестьянъ: согласны ли они на предложенную имъ помѣщикомъ грамоту?—крестьяне отвѣчали: «да».—«Такъ подпишите же ваше согласіе».—«Да зачѣмъ же, батюшка, подписывать?» отвѣчали крестьяне.—«Ужь коли точно такъ намъ по закону приходится, такъ подписывай, не подписывай—все одно будетъ. Вотъ о подушныхъ мы и не подписывались, а съ насъ каждый годъ собираютъ». Отвѣтъ, какъ видитъ, конечно, и самъ читатель, ужасно глупый! Но такіе анекдоты о глупости крестьянъ разсказываютъ люди, не отрицающіе въ крестьянахъ и кой-какихъ способностей и добрыхъ свойствъ. Радикалы изъ сторонниковъ вышеозначеннаго нами мнѣнія идутъ гораздо далѣе. Они приравниваютъ крестьянъ въ настоящемъ ихъ состояніи ни болѣе, ни менѣе, какъ къ скотамъ.

Мы думаемъ, что украсимъ страницы нашего обозрѣнія, выписавъ мнѣніе по этому предмету г. Петра Бланка, напечатанное въ томъ же 4 № «Дня».

«Въ одной волости, пишетъ г. Петръ Бланкъ изъ Липецка, недавно былъ выборъ старшины. Посредникъ, предварительно развѣдавъ о крестьянинѣ, достойномъ занять это важное мѣсто, собралъ крестьянскихъ старостъ и выборныхъ изъ 6 помѣщичьихъ имѣній и предложилъ имъ высказать свое желаніе. Случайно, а можетъ быть и сознательно со стороны крестьянъ передовые голоса произнесли именно то самое имя, о которомъ были получены посредникомъ одобренія отъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Довольный такимъ столкновеніемъ же-

лаңій, посредникъ торопливо увлекся этимъ внутреннимъ удовольствіемъ и не только одобрилъ преждевременно выборъ названнаго крестьянина Василія Трофимова, но даже прочиталъ ему приличный понегирикъ передъ собраніемъ избирателей. Какое же дѣйствіе имѣли эти похвалы? Онѣ не утвердили убѣжденія крестьянъ, а какъ будто *возбуждали въ нихъ подозрѣніе*, ибо тотчасъ послѣ этой хвалебной рѣчи посредника крестьяне громко заговорили между собою въ явномъ намѣреніи назвать иныя лица. Тогда посредникъ, остановивъ шумъ, сказалъ: «друзья мои! перестаньте спорить, а сдѣлайте такъ: кто хочетъ Василія Трофимова въ старшины, отходи направо; кто не хочетъ — отходи налѣво. Этимъ мы рѣшимъ дѣло; вы же не стѣсняйтесь, а идите каждый туда, куда желаетъ, по своему убѣжденію». Крестьяне зашевелились — и вотъ вышелъ одинъ изъ толпы и отошелъ направо; тогда вереницею потянулись къ нему всѣ крестьяне до единаго, — и слѣдовательно Василій Трофимовъ былъ избранъ *единогласно*» (курсивъ автора).

Разсказавъ этотъ фактъ, г. Петръ Бланкъ начинаетъ философствовать надъ нимъ такимъ образомъ:

«Фактъ замѣчательный; но есть ли это *разумное единодушіе*? (курсивъ автора) Къ сожалѣнію, нѣтъ; что доказывается даже тѣмъ, что при одобреніи посредникомъ первоначально наименованнаго, крестьяне поколебались въ своемъ выборѣ. Если бы посредникъ оставилъ ихъ на-долго разсуждать другъ съ другомъ, то каждый навѣрное придумалъ бы отъ себя иное лицо, утвердился бы въ упорствѣ и выборы кончились бы ничѣмъ. Съ этимъ согласится всякій, кто только давно живетъ въ деревнѣ и хотя сколько нибудь пребываетъ въ обществѣ съ крестьянами; съ этимъ согласятся сами крестьяне. Это же хорошо сознавалъ и посредникъ. Отчего же выбиравшіе всѣ перешли на одну сторону? Они это сдѣлали *почти инстинктивно. Такъ это дѣйствіе было не что иное, какъ непривычка мышленія; это есть полуинстинктивное, а слѣдовательно малоразумное увлеченіе однихъ за другимъ; это есть явленіе стадообразное* (*). *Можно ли въ этомъ об-*

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что спустя лѣтъ сто или двѣсти послѣ нашего времени, наши потомки не будутъ понимать смысла многихъ *крѣпостныхъ* словъ, которыми было унижаемо и оскорбляемо человѣческое достоинство въ человѣкахъ подобныхъ намъ и часто лучшихъ насъ, но имѣвшихъ несчастіе родиться въ *крѣпостномъ* состояніи. Тѣмъ болѣе для нашихъ потомковъ трудно будетъ уразумѣть смыслъ вновь составленнаго г. Петромъ Бланкомъ новаго слова, которое не употреблялось о крестьянахъ даже тогда, когда они были въ крѣпостномъ состояніи. Покорнѣйше просимъ гг. академиковъ, занимающихся составленіемъ россійскаго словаря, немедленно внести это слово въ словарь для пользы потомства, для засвидѣтельствованія гуманности нашего времени и для вящшей славы г. Петра Бланка.

винять крестьянъ? Никогда, потому что ихъ необразованіе естественно должно поддерживать въ нихъ животный инстинктъ, а они также безсознательно въ этомъ случаѣ пришли одни за другимъ, какъ овцы сигаютъ черезъ канаву, оттого, что туда перескочила одна; какъ лошади понесутся въ сторону оттого, что туда поскакала передовая; какъ коровы, понуривъ головы, медленно слѣдуютъ за выдавшеюся изъ стада». (Примѣчаете ли, читатель, обиліе образовъ, прибранныхъ г. Бланкомъ для уясненія того: сколько въ крестьянахъ есть самодѣятельной мысли даже въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ выборы?) «*Сравненіе это нимало не можетъ быть обидно для крестьянъ* (еще бы!), *ибо всѣ люди суть животныя и имѣютъ съ неразумными нѣчто общее въ характерѣ; а поэтому естественно, что чѣмъ менѣе толпа людей просвѣщенна, тѣмъ болѣе подходитъ она къ инстинктивному стремленію животныхъ; чѣмъ же болѣе она развита, тѣмъ болѣе ею руководствуетъ размышленіе,—этотъ отличительный даръ Божій человѣчеству. Въ младенчествѣ люди всегда бываютъ ближе къ неразумнымъ тварямъ; развиваясь за тѣмъ, но не свободно, они переходятъ въ состояніе эгоистическаго увлеченія, и наконецъ только свободное и обширное развитіе можетъ привести людей къ разумному единодушію. Тогда фактъ, по видимому, будетъ тотъ же самый, какъ и при стадообразіи, но нравственная сторона его будетъ другая*».

Выяснивъ такимъ образомъ положительную неспособность крестьянъ къ управленію своими дѣлами, г. Петръ Бланкъ полагаетъ, что благополучіе или неблагополучіе крестьянъ будетъ зависѣть отъ добросовѣстности или недобросовѣстности посредниковъ и что чѣмъ болѣе добросовѣстный посредникъ будетъ вмѣшиваться въ дѣла крестьянскаго управленія, направлять ихъ, тѣмъ они будутъ успѣшнѣе. Разсказывая объ одномъ изъ такихъ благодѣтельныхъ для крестьянъ посредниковъ, г. Петръ Бланкъ мимоходомъ разъясняетъ и способъ, какъ посреднику успѣшнѣе вести крестьянскія дѣла, по крайнѣй мѣрѣ, въ дѣлѣ о выборахъ крестьянъ на мірскую службу. Для этого, дескатъ, посреднику слѣдуетъ отъ помѣщиковъ, какъ людей образованныхъ, вызнавать: которые изъ крестьянъ лучше, и на тѣхъ, которые будутъ указаны, направлять выборы общества.

«Мнѣ разсказывали,—такъ пишетъ г. Петръ Бланкъ,—что одинъ посредникъ, весьма добросовѣстный, при выборѣ сельскихъ старостъ постоянно руководилъ крестьянскія общества. Имѣя въ виду, что староста столько же (если еще не болѣе) служитъ помѣщику, сколько и обществу, и разсчитывая *на большее образованіе помѣщиковъ и на ихъ знаніе людей*, съ какими они съ давнихъ поръ имѣютъ дѣло, — онъ во избѣжаніе увлеченія крестьянъ своеразсчетливымъ, а слѣдо-

вательно злонамѣреннымъ выходцемъ (какими по большей части бываютъ всѣ передовые водители) предварительно во всѣхъ имѣніяхъ узнавалъ отъ помѣщиковъ объ лучшихъ крестьянахъ ихъ селеній и затѣмъ направлялъ выборъ на каго либо изъ таковыхъ. Удача была у него въ этомъ случаѣ всегда почти оправданная; но въ имѣніи одной помѣщицы онъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Помѣщица, пожилая женщина и давно управлявшая своими крестьянами, назвала только *одного* хорошаго крестьянина изъ 90 ревизскихъ душъ ея бывшей деревни. Указать обществу одного и на немъ именно согласовать выборъ — конечно дѣло не легкое; но посредникъ попробовалъ. Выйдя къ крестьянамъ вмѣстѣ съ помѣщицею, онъ просилъ *ее указать ему глазами на ея избранника*, что она и сдѣлала; тогда обратясь къ крестьянамъ онъ предложилъ имъ выбрать по ихъ желанію. Крестьяне долго переговаривались и посредникъ не мѣшалъ имъ; но не доводя до возвышенія голоса какимъ-нибудь передовымъ, онъ сказалъ: «эхъ, братцы, какъ вы долго толкуете; ну, посмотрите, чѣмъ Константинъ Павловъ не староста? Говоритъ больше всѣхъ васъ, кажись онъ и умный и строгій мужикъ — выбирайте-ка его!» «Ну, чтожъ?—его! такъ его»—отвѣчали крестьяне. Выборный сталъ, какъ водится, отговариваться, но посредникъ сказалъ ему: «нельзя, братецъ; когда общество хочетъ, надо слушаться!» И потомъ обратясь къ міру, спросилъ: «всѣ согласны выбрать Константина Павлова?»—«Всѣ, всѣ», въ одинъ голосъ заговорили крестьяне. — «Ну, такъ и быть ему.» Тѣмъ выборы и кончились.

По поводу этихъ выборовъ г. Петръ Бланкъ справедливо замѣчаетъ, что нельзя же надѣяться, чтобъ всѣ посредники были такъ добросовѣстны, какъ сейчасъ описанный, что у иныхъ посредниковъ могутъ имѣться какія либо затаенные разсчеты. Потому, говоритъ г. Петръ Бланкъ, — «подобные безсознательные мірскіе выборы все-таки остаются дѣломъ случайности. Что же нужно, спрашиваетъ онъ, для будущей (замѣтьте *для будущей*) самостоятельности крестьянъ? Нужна *сознательность*, а она является только *отъ образованія*. Поэтому образованіе дѣлается необходимѣйшимъ условіемъ, для благоразумія, въ общественныхъ дѣлахъ крестьянъ. Но достаточно ли только одного этого условія?—Мало того: *не можетъ ли оно, въ своемъ одиночествѣ, иногда принести болѣе вреда, чѣмъ пользы?* Есть нѣкоторые, и весьма умные люди, которые говорятъ даже до сихъ поръ, что грамотность вредна крестьянамъ; не можетъ быть, чтобы они вовсе были неправы въ такомъ твердомъ своемъ убѣжденіи» (*мало ли какія убѣжденія бываютъ тверды въ извѣстнаго рода личностяхъ? Вѣроятно г. Петръ Бланкъ непоколебимо твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ о стадо-*

образіи людей недворянскаго происхожденія?) «И дѣйствительно: плутъ агоистъ, будучи необразованъ, менѣе вреденъ обществу, чѣмъ такой же, нахватавшійся нѣкоторыхъ познаній болѣе, чѣмъ другіе. Противъ этого, конечно, никто спорить не будетъ! Что же нужно еще при обученіи крестьянъ? Нужно *направленіе нравственное*, нужно *вразумленіе имъ общественныхъ началъ*, ибо человѣкъ только уважая другаго, становится самъ достойнымъ уваженія, и только общественная дружественность можетъ подавить въ личности пороки, вредные другимъ людямъ; а для этого нужно крестьянъ обучать вмѣстѣ съ граммотою:

1) Мудрому выслушиванію другихъ,
2) Честной откровенности въ своемъ обществѣ и
3) Пониманію силы и блага отъ общественной связи.»

Таковы доводы, приводимые г. Петромъ Бланкомъ и солидарными съ нимъ мыслителями въ доказательство того, что у крестьянъ нѣтъ смысла, что они неспособны къ самоуправленію и т. п. Какъ ни странны эти доводы, а говорить о нихъ надобно... потому что анекдоты, подобные приводимымъ Петромъ Бланкомъ, разсказываются, какъ несомнѣнное доказательство того, что въ русскихъ мужичкахъ нѣтъ смысла. Съ чего же начать намъ рѣчь? Мы думаемъ, что не нужно доказывать, что природа, снабжающая всѣхъ людей человѣческимъ смысломъ, снабдила имъ и крестьянъ. Положимъ, что у крестьянъ этотъ смыслъ не развивается такъ широко, какъ онъ развивается у другихъ людей наукою,—но въ существѣ своемъ, въ своемъ устройствѣ внутреннемъ, онъ остается точно такимъ же, какъ и у другихъ людей. Крестьянинъ не согласится, чтобы дважды два было пять, точно такъ же, какъ не согласится на это и человѣкъ образованный. Слѣдовательно въ предметахъ, доступныхъ разумѣнію крестьянъ, входящихъ, напримѣръ, въ кругъ ихъ дѣятельности ежедневной, онъ можетъ вести дѣло такъ же правильно и хорошо, какъ и смыслъ людей образованныхъ, даже еще и лучше; потому что ничто такъ не способствуетъ къ развитію вѣрнаго взгляда на дѣло, какъ практика жизни. Сама наука здѣсь только вспомогательный дѣятель, но не главный. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что крестьяне крестьянскія дѣла свои отправляютъ очень хорошо, хотя никто изъ насъ ихъ тому не учитъ. Они умѣютъ и пахать, и боронить, и сѣять, и жать, знаютъ хорошо время для всего этого, знаютъ причины, способствующія къ плодородію и неплодородію земли, знаютъ также, какъ помочь плодородію въ ихъ мѣстности, такъ что каждый умный агрономъ не приступитъ къ земледѣлію въ извѣстной мѣстности, не собравъ точныхъ свѣдѣній объ этой мѣстности у крестьянъ. Ясное дѣло, что у крестьянъ смыслъ есть и дѣйствуетъ въ

дѣлахъ имъ знакомыхъ. Сельская община существуетъ у крестьянъ съ незапамятныхъ временъ со всѣми аттрибутами своего современнаго устройства—сходами, выборами и т. д. Слѣдовательно она произведеніе и дѣло чисто крестьянскаго смысла. Какимъ же образомъ могло случится, что крестьяне въ настоящее время оказываются такъ малосмысленными, что даже нужно учить ихъ: кого выбирать въ волостные или сельскіе старшины, какъ думаетъ Петръ Бланкъ?

Въ томъ-то и дѣло, что не крестьяне потеряли свой смыслъ, а мы не умѣемъ, какъ взяться за дѣло, чтобы дать свободу дѣйствовать этому смыслу. Назадъ тому немного лѣтъ, въ управленіи крестьянъ думало за нихъ начальство. Подчиненный, будь онъ семи пядей во лбу, разсуждать не осмѣливался, а дѣлалъ, что приказывало начальство. Конечно нынѣ времена либеральныя, нынѣ всѣ имъ кричатъ: «вы, дескать, свободны, самоуправленіе вамъ дано, распоряжайтесь собою, какъ знаете.» А такъ ли это на дѣлѣ? Возьмемъ, напримѣръ, хоть того мудраго, по мнѣнію г. Бланка, посредника, который любитъ направлять крестьянскіе выборы на извѣстныя ему лица и хлопочетъ объ этомъ до того, что бѣгаетъ ко всѣмъ помѣщикамъ съ распросами, какіе крестьяне въ ихъ имѣніяхъ хорошіе. Г. Бланкъ такую общественную дѣятельность посредника находитъ въ высшей степени полезною. Другіе же смотрятъ на подобныя дѣйствія, какъ на чистый произволъ и незнаніе своихъ обязанностей, — не говоря уже о томъ вредѣ, который наносится черезъ это развитію свободнаго самоуправленія крестьянскихъ общинъ. Вотъ что мы недавно прочли о рекомендуемомъ г. Петромъ Бланкомъ посредникѣ, въ 7—8 № «Вѣка»:

«Не ясно ли, что посредникъ, рекомендуемый г. Петромъ Бланкомъ и съ такимъ усердіемъ занимающійся направленіемъ крестьянскихъ выборовъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о своихъ обязанностяхъ, ни о настоящихъ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ, ни объ устройствѣ, которое должна принять сельская община по идеѣ Положенія 19 февраля? Еслибъ посредникъ вникъ въ смыслъ положенія 19 февраля, то увидѣлъ бы, что не только выборы во всѣ сельскія должности, но даже окончательное утвержденіе этихъ выборовъ, кромѣ утвержденія въ должности волостнаго старшины, съ тою цѣлію и предоставлены исключительно сельскимъ сходамъ, чтобы въ эти выборы не имѣлъ повода никто вмѣшиваться, чтобы они производились вполнѣ по свободному соглашенію крестьянъ, что по этому самому посредникъ не только не долженъ направлять выборовъ, но даже не долженъ присутствовать при нихъ въ качествѣ простаго зрителя, чтобы не стѣснить свободныхъ дѣйствій крестьянъ. Только тогда и

будутъ крестьяне избирать на сельскія должности лицъ достойныхъ изъ среды себя, когда они поймутъ и вполнѣ удостовѣрятся, что *излюбленныя міромъ* лица не будутъ служить орудіемъ въ рукахъ чуждой власти.... При малѣйшемъ подозрѣніи о вліяніи чуждомъ, крестьянскіе выборы превратятся въ потѣху, какою были они доселѣ во многихъ мѣстахъ, завѣдываемыхъ палатами государственныхъ имуществъ, гдѣ на общественныя должности выбирались не лучшіе люди, а напротивъ, что называется, грязь, подонки общества, люди никуда негодные. Но и независимо отъ всего этого намъ кажется, что нельзя произвести болѣе неудачныхъ выборовъ, какъ выбравъ на сельскія должности лицъ, рекомендуемыхъ помѣщиками. Можно сказать смѣло, что, при настоящемъ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ, $^5/_6$ изъ выбранныхъ такимъ образомъ лицъ, будутъ люди никуда негодные, которыхъ самъ міръ свободнымъ избраніемъ никогда не избралъ бы на общественныя должности.... Крестьяне до того недовѣрчивы къ рекомендаціямъ о своемъ братѣ — крестьянинѣ, получаемымъ отъ *баръ*, что у нихъ при слухѣ подобной рекомендаціи рождается подозрѣніе о достоинствахъ даже тѣхъ лицъ, которыхъ они признавали доселѣ людьми хорошими въ своей средѣ».

«Далѣе «Вѣкъ» сообщаетъ переданный уже выше разсказъ г. Петра Бланка о выборѣ указаннаго посредникомъ крестьянина Василья Трофимова, и замѣчаетъ по этому случаю слѣдующее:

«Г. Петръ Бланкъ думаетъ, что крестьяне перешли на правую сторону потому, что туда пошелъ первый крестьянинъ, что они сдѣлали это безъ всякаго размышленія, безсознательно, по подобію стада животныхъ, устремляющагося по тому направленію, по которому пойдетъ какое нибудь одно изъ животныхъ въ стадѣ. Но въ такомъ случаѣ, то есть если бы крестьяне дѣйствовали дѣйствительно безсознательно, *стадообразно*, какъ выражается г. Петръ Бланкъ, — они не возмутились бы и похвалами посредника Василью Трофимову, не усомнились бы по поводу этихъ похвалъ въ достоинствахъ Василія Трофимова и не родилось бы въ нихъ мысли выбрать вмѣсто Василія Трофимова другаго на должность старшины. Въ томъ-то и дѣло, что не безсмысленно, не *стадообразно* перешли крестьяне на правую сторону, а потому, что увидѣли, что посредникъ настоятельно хочетъ избранія Василія Трофимова... И они сдѣлали это въ угоду ему изъ опасенія, разумѣется, напастей для себя на будущее время, если бы они на этотъ разъ оказали непослушаніе волѣ посредника. Однимъ словомъ, въ процессѣ сказанныхъ выборовъ видна не безсмысленность крестьянъ, какъ думаетъ г. Петръ Бланкъ, а ихъ запуганность;

забитость, а со стороны посредника полное непониманіе своего долга и произволъ.»

Такой взглядъ на дѣло, по нашему мнѣнію, совершенно вѣрный. Если хотите, чтобы крестьяне дѣйствовали по своему смыслу, то предоставляйте имъ дѣйствовать совершенно свободно, не мѣшайтесь въ ихъ дѣло тамъ, гдѣ имъ законъ далъ право дѣйствовать по ихъ собственному разумѣнію. Какое вамъ дѣло: кого они изберутъ себѣ въ старшины? хотятъ ли они платить старшинѣ жалованье или не хотятъ? Хотятъ ли они остаться при барщинѣ или идти на оброкъ? и т. п.

Тамъ, гдѣ посредники поняли хорошо свое назначеніе, не вмѣшиваются въ дѣла крестьянъ, предоставленныя закономъ разсмотрѣнію самыхъ сельскихъ общинъ, безъ всякаго сторонняго участія, дѣло самоуправленія крестьянскихъ общинъ идетъ превосходно. Вотъ что пишетъ въ 10 № «Дня» мировой кинешемскій посредникъ, г. Васьковъ, о крестьянскихъ выборахъ, бывшихъ въ завѣдываемомъ имъ участкѣ.

«Во всѣхъ волостяхъ выборы дѣлались въ порядкѣ. Въ трехъ волостяхъ выборъ былъ единогласный и въ одной изъ нихъ выбранъ человѣкъ не грамотный, но честный, трезвый, умный и всѣми уважаемый. Въ двухъ волостяхъ было соперничество; сходъ раздѣлился на двѣ части и выборъ состоялся по большинству голосовъ. Въ одной изъ этихъ волостей старшиною избранъ крестьянинъ 26 лѣтъ. Именно при этомъ выборѣ, такъ какъ крестьяне слишкомъ долго толковали, не сходились въ своихъ мнѣніяхъ, я было вышелъ къ нимъ, желая поскорѣе кончить дѣло; но они меня упросили уйдти, говоря, что имъ безъ него вольнѣе. И я ушелъ, сознавая справедливость этой просьбы.

«Старшинами выбраны все люди хорошіе, безъ всякаго посторонняго указанія, безъ всякаго намека на нихъ отъ кого бы то ни было. Роль моя при выборахъ была чисто пассивная, — такая, какъ роль прокурора при выборахъ дворянскихъ. По мнѣнію моему, всякое иное участіе мироваго посредника въ крестьянскихъ выборахъ незаконно, и могло происходить—или отъ недостатка довѣрія къ самостоятельности въ сужденіи крестьянъ, руководимыхъ, по понятію посредника, людьми недобросовѣстными, или отъ излишняго поклоненія передъ собственною мудростію, или наконецъ просто, какъ барская замашка, отъ неуваженія ко всему, истекающему изъ чужой воли и убѣжденія, —начала чисто деспотическаго.

«Одинъ только помѣщикъ указывалъ мнѣ на крестьянина, способнаго занять мѣсто волостнаго старшины. Конечно, я счелъ съ своей стороны излишнимъ дѣлать какое нибудь указаніе сходу; но именно ро-

комендованный мнѣ былъ избранъ единогласно. Утѣшительное доказательство, что истинное достоинство человѣка оцѣнивается, безъ всякихъ придварительныхъ стачекъ и соглашеній, людьми стоящими на разныхъ ступеняхъ образованія и развитія. И дѣйствительно, старшина Блотовской волости Ѳедоръ Ивановичъ — человѣкъ заслуживающій полнаго уваженія: умный, скромный, держащій себя съ должнымъ достоинствомъ передъ крестьянами, безъ униженія предъ высшими.

«Вообще крестьянскіе выборы, не стѣсненные никакимъ внѣшнимъ вліяніемъ, дѣлались разумно и съ толкомъ. Разумѣется, я говорю о своемъ участкѣ,—какъ это дѣлалось въ другихъ мѣстахъ, не знаю.»

Понятно ли теперь г. Бланку и другимъ обвиняющимъ крестьянъ въ безсмысленности: какъ должны и мировые посредники и другія лица, имѣющія отношеніе къ крестьянамъ, дѣйствовать, чтобы въ крестьянахъ показался смыслъ и способность къ самоуправленію?

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ П. Н. О., который находитъ невозможнымъ въ настоящее время допустить крестьянъ къ выбору посредниковъ. Онъ говоритъ, что крестьяне не имѣютъ никакого опредѣленнаго представленія, даже никакой идеи о лицѣ посредника,— а между тѣмъ, самъ же пишетъ, что они смотрятъ на посредника, какъ на своего адвоката, защитника. Развѣ это не представленіе? И какое еще лучше можно имѣть представленіе о посредникѣ при выборахъ?— П. Н. О. опасается, что крестьяне будутъ выбирать въ посредники такихъ лицъ, отъ которыхъ будутъ ожидать снисхожденія себѣ, которыя будутъ имъ мирволить. Имѣть подобное представленіе о цѣломъ обществѣ, значитъ, по нашему мнѣнію, не имѣть никакой вѣры въ нравственныя начала человѣческой природы, въ чувство справедливости, болѣе или менѣе присущее всѣмъ людямъ. Даже въ сословіяхъ, искуственно организованныхъ, поддерживающихся единственно сословными предразсудками и сословнымъ духомъ, такая всеобщая деморализація немыслима. Что касается до крестьянъ, то извѣстно о крестьянахъ казенныхъ, что вездѣ, гдѣ выборы производились свободно ими самими, безъ вліянія ихъ опекуновъ, тамъ они всегда выбирали себѣ въ головы людей самыхъ честныхъ и строгихъ, и подчинялись имъ безпрекословно, не смотря иногда на деспотизмъ своихъ избранныхъ и на неумѣренное употребленіе послѣдними розги. Еще П. Н. О. утверждаетъ, что крестьяне, не имѣя дружескихъ или тѣсныхъ сношеній съ помѣщиками, не могутъ знать ихъ хорошо, чтобы дѣлать изъ нихъ выборъ. Конечно не могутъ знать, какъ глубоки и широки ихъ свѣдѣнія въ наукахъ, но ихъ отношеніе къ крестья-

намъ непремѣнно знаютъ, т. е. знаютъ, хорошо или дурно живутъ ихъ крестьяне, обременены они работой или нѣтъ, справедливы ли къ своимъ крестьянамъ помѣщики или нѣтъ, жестоки ли въ обращеніи или нѣтъ, и проч. Всѣ подобныя свѣдѣнія о каждомъ помѣщикѣ извѣстны не только на сотни верстъ кругомъ, но иногда на тысячи. А вѣдь эти свѣдѣнія и нужно только имѣть въ виду при выборахъ. Однимъ словомъ, доводы П. Н. О. вовсе не представляются намъ настолько резонными, чтобы на основаніи ихъ можно было отказать крестьянамъ въ участіи при выборѣ мировыхъ посредниковъ.

ВЪ ИЗЪЯВЛЕНІЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

ПИСЬМО КЪ Г. З—НУ.

Прочитавъ статью вашу въ январской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», хотѣлъ я, милостивый государь, просить у васъ свиданія, чтобы въ частномъ разговорѣ раскрыть вамъ глаза на неловкость, сдѣланную вами въ этой статьѣ. Но скоро я передумалъ: вы отличились публично; стало быть публично надобно и показать вамъ, какъ вы отличились.

Вы имѣете на дѣятельность Добролюбова взглядъ, различный отъ нашего; это еще не заставило бы меня входить съ вами въ пренія: ваше мнѣніе не такъ важно, чтобы кому нибудь стоило обращать на него вниманіе. Но есть въ вашей статьѣ нѣсколько строкъ, претендующихъ опредѣлить мое отношеніе къ Добролюбову, съ похвальными эпитетами мнѣ. Вы хотите засвидѣтельствовать для исторіи литературы фактъ, который былъ бы очень почетенъ для меня; если я оставлю ваши слова безъ отвѣта, то должно показаться, что я безъ возраженій принимаю ихъ за правду. Такую роль я не могу взять на себя.

На страницахъ 38 и 39 вашей статьи вы говорите, что въ литературномъ кругу, къ которому принадлежалъ Добролюбовъ, былъ человѣкъ, болѣе его замѣчательный по дарованіямъ; этого человѣка вы почитаете учителемъ Добролюбова; вы приписываете этому человѣку энергію убѣжденій, гораздо большую той, какую находите въ Добролюбовѣ. На 34 стр. вы о томъ же человѣкѣ говорите: «мы совершенно искренно уважаемъ нѣкоторыхъ изъ друзей покойнаго —бова, въ особенности одного, о лицемѣрномъ непризнаваніи заслугъ котораго;

мы, кажется, первые сказали, что оно переступило мѣру». Очевидно, что вы тутъ упоминаете статью обо мнѣ, помѣщенную въ одной изъ осеннихъ книжекъ вашего журнала за прошлый годъ. Очевидно, что подъ человѣкомъ, который былъ учителемъ Добролюбова, превосходилъ его талантомъ и энергіею, вы разумѣете меня. Это принуждаетъ меня разъяснить вамъ мои отношенія къ развитію образа мыслей Добролюбова, сказать, какъ представляется мнѣ самому отношеніе моихъ силъ къ силамъ его и какая разница дѣйствительно существуетъ, по степени энергіи, между мною и имъ.

Учителемъ Добролюбова я не могъ быть, во-первыхъ, уже и потому, что не былъ его учителемъ никто изъ людей, писавшихъ по-русски. Довольно много пользы принесли ему статьи Бѣлинскаго и другихъ людей того литературнаго круга. Но не подъ ихъ главнымъ вліяніемъ сложился его образъ мыслей. Поступивъ въ Педагогическій институтъ лѣтомъ 1853 г., онъ скоро привыкъ читать книги по-французски, а съ нѣмецкими книгами началъ знакомиться еще до поступленія въ институтъ. Если же даровитый человѣкъ въ рѣшительные для своего развитія годы читаетъ книги нашихъ общихъ западныхъ великихъ учителей, то книги и статьи, писанныя по-русски, могутъ ему нравиться, могутъ восхищать его (какъ и Добролюбовъ восхищался тогда нѣкоторыми вещами, писанными по-русски), но ни въ какомъ случаѣ не могутъ уже онѣ служить для него важнѣйшимъ источникомъ тѣхъ знаній и понятій, которыя почерпаетъ онъ изъ чтенія. Что же касается вліянія моихъ статей на Добролюбова, этого вліянія не могло быть даже и въ той не очень значительной степени, какую могли имѣть статьи Бѣлинскаго. Я не имѣлъ тогда важнаго вліянія въ литературѣ. Въ доказательство сошлюсь на «Современникъ» 1855 и 1856 гг. Пересмотрѣвъ эти годы журнала, вы увидите незначительность и неопредѣленность тогдашней моей роли. Когда же это успѣлъ я до появленія Добролюбова въ литературѣ пріобрѣсти такой замѣтный голосъ въ ней, чтобы могли тогда быть у меня ученики? Вѣдь Добролюбовъ началъ помѣщать статьи въ «Современникѣ» съ половины того же 1856 г.

Для человѣка сообразительнаго было бы довольно фактовъ, отпечатанныхъ курсивными и заглавными шрифтами въ оглавленіяхъ тогдашняго «Современника». Но для васъ, милостивый государь, быть можетъ мало имѣть факты, къ которымъ самому надобно прилагать нѣкоторое соображеніе; быть можетъ вамъ необходимы готовыя, пережеванныя заключенія. Вы могли бы слышать ихъ отъ каждаго, имѣющаго близкія свѣдѣнія объ отношеніяхъ Добролюбова ко мнѣ. Число этихъ людей не такъ мало, чтобы не приходилось встрѣчаться съ ними каждому, находящемуся въ порядочномъ литературномъ кру-

гу. Я долженъ заключить, милостивый государь, что или вы совершенно чужды ему, или не умѣете понимать разговоровъ, въ которыхъ участвуете. Но въ томъ и другомъ случаѣ все-таки остается неизвинительна ваша опрометчивость. Вы имѣли въ печати прямое мое свидѣтельство о фактѣ, который совершенно опровергаетъ вашу фантазію, будто я былъ учителемъ Добролюбова. Г. Пятковскій вскорѣ по смерти Добролюбова напечаталъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ» его некрологъ, въ которомъ прямо говорилъ, что біографическія данныя о Добролюбовѣ получилъ отъ меня. Тутъ разсказываетъ онъ между прочимъ, что, когда Добролюбовъ познакомился со мною, его образъ мыслей уже былъ вполнѣ установившійся; стало быть съ этой стороны я не могъ имѣть на него вліянія. Всякому другому на вашемъ мѣстѣ, милостивый государь, было бы понятно, что въ этомъ случаѣ г. Пятковскій основывается на моемъ собственномъ признаніи.

Вамъ не случилось знать или не удалось понять ничего этого; иначе не могла бы вамъ придти въ голову фантазія, будто я былъ учителемъ Добролюбова. Но вы оказываетесь незнающимъ и неумѣющимъ понимать уже не какихъ нибудь частныхъ фактовъ, а и ровно ничего, когда фантазируете объ отношеніяхъ моихъ дарованій къ дарованіямъ Добролюбова. Положимъ, вы не заглядывали въ «Современникъ 1855—1856 годовъ; положимъ, вы не читали того; что писалось о Добролюбовѣ по его смерти; положимъ, вамъ не случалось встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ людей порядочнаго литературнаго круга, — ни изъ «Отечественныхъ Записокъ» или «Русскаго Слова», ни изъ «Времени» или «Современника»; но все-таки вѣдь читали же вы какія нибудь статьи Добролюбова и какія нибудь мои статьи; вы сами говорите, что читали многія изъ нихъ. Какъ же могли вы не замѣтить, что слишкомъ смѣшно ставить написанное мною выше написаннаго имъ?

Съ той поры, какъ Добролюбовъ могъ беспрепятственно отдаться литературной дѣятельности до самаго отъѣзда его за границу, я не писалъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ писалъ онъ. Я уже не разбиралъ ни одной беллетристической книги и ни одной книги по предметамъ, имѣющимъ близкую связь съ русскою жизнью. Отчего это могло происходить? Неужели ни разу въ эти три съ половиною года не приходила мнѣ охота написать что нибудь по этой отрасли дѣла, по которой прежде писалъ я постоянно и иногда не безъ внутренняго влеченія къ такой работѣ? Нѣтъ, я просто понималъ, что для меня было бы невыгодно, если бы мои статьи могли быть сближаемы съ статьями Добролюбова для сравнительной оцѣнки насъ обоихъ. Поэтому я старался и вовсе не писать для отдѣла критики и библіографіи; а когда Добролюбовъ говорилъ мнѣ, что онъ не успѣетъ

наполнить этихъ отдѣловъ въ какой нибудь книжкѣ журнала и что нужна для нихъ моя статья, я бралъ предметы, не входившіе въ кругъ его обыкновенныхъ работъ, — писалъ, напримѣръ, объ Англіи и Франціи по поводу книги г. Чичерина, или о Тюрго по поводу диссертаціи г. Муравьева. Даже въ первую половину прошлаго года, — когда онъ, оставаясь за границею, уже не имѣлъ подъ руками новыхъ русскихъ книгъ и потому необходимо стало мнѣ писать для отдѣла критики, — я все-таки не писалъ ничего о беллетристическихъ книгахъ и о сочиненіяхъ по тѣмъ отраслямъ литературы, которыми прежде занимался онъ. Я хотѣлъ избѣгать невыгоднаго для меня сравненія, надѣясь, что онъ возвратится къ намъ поправившись здоровьемъ, и возобновитъ свою дѣятельность.

Всѣмъ извѣстно, что черезъ годъ или меньше по началѣ своего постояннаго сотрудничества, къ лѣту 1858 года, или даже нѣсколько раньше, Добролюбовъ имѣлъ ужь преобладающее вліяніе въ журналѣ. Почему это могло быть, когда тутъ былъ и я? Я не могу объяснять этого ничѣмъ другимъ, кромѣ его превосходства. Слава богу, настолько-то все же есть у меня ума и добросовѣстности, чтобы понимать подобные факты.

Но, если вамъ мало моего собственнаго сужденія объ этомъ предметѣ, вы могли бы, милостивый государь, узнать то же самое отъ кого вамъ угодно изъ людей не совсѣмъ глупыхъ и не совсѣмъ ничего не знающихъ о «Современникѣ». Они разсказали бы вамъ слѣдующіе факты: когда Добролюбовъ только-что началъ писать въ «Современникѣ», его статьи приписывались мнѣ, — но съ прибавками, не лестными для моего самолюбія. «Изъ вашихъ статей въ нынѣшней книжкѣ самая удачная вотъ такая-то», говорилъ мнѣ какой нибудь знакомый и называлъ статью не мою, а Добролюбова. Но очень недолго было время, когда статьи Добролюбова смѣшивались съ моими. А въ концѣ 1858 и началѣ 1859 годовъ уже не было ни одного человѣка въ порядочныхъ литературныхъ кругахъ, который не выражался бы въ томъ смыслѣ, что Добролюбовъ — самый сильный талантъ въ «Современникѣ». Нашъ кругъ зналъ это и гораздо раньше. Изъ этого вы можете видѣть, милостивый государь, какъ не вѣрны ваши слова, будто бы мы считали его «меньшимъ изъ своихъ братій, второстепеннымъ человѣкомъ своего кружка» (стр. 30) и будто бы «друзья покойнаго —бова ни при его жизни, ни послѣ его смерти, никогда не могли думать о —бовѣ, чтобы онъ былъ первымъ человѣкомъ между ними, или даже вторымъ, или даже третьимъ» (стр. 31). Мы не были, милостивый государь, такъ тупы и глупы, чтобы не считать его первымъ человѣкомъ въ своемъ кругу. Но вы можете не повѣрить моему свидѣтельству. Сообщу же вамъ два

изъ многихъ случаевъ, бывшихъ со мной. Первый изъ нихъ относится къ концу 1858 г. Я сидѣлъ у г. Кавелина, въ домѣ котораго Добролюбовъ сталъ близкимъ человѣкомъ сначала того года. «Странное дѣло», сказалъ мнѣ между прочимъ г. Кавелинъ, — «я не могу чувствовать къ Добролюбову того мирнаго расположенія, какъ, напримѣръ, къ вамъ. Отчего это? образъ мыслей у насъ, повидимому, одинаковъ; а какъ человѣкъ онъ — превосходнѣйшій человѣкъ; мое мнѣніе о его сердцѣ и характерѣ доказывается тѣмъ, что я допустилъ его совершенно овладѣть мыслями моего сына, чего не сдѣлалъ бы, еслибъ могъ считать что нибудь дурнымъ въ Добролюбовѣ. Но отчего же я чувствую, что онъ совершенно чуждъ мнѣ, между тѣмъ, какъ напримѣръ вы не вовсе чужды?» — Я сказалъ тогда: «это оттого, что въ Добролюбовѣ нѣтъ тѣхъ слабостей и шаткостей въ мысляхъ и характерѣ, которыя даютъ вамъ нѣкоторыя точки опоры, чтобы притягивать мой образъ мыслей и поступковъ въ нѣкоторое согласіе съ вашими требованіями. Взглядъ его тверже и яснѣе, чѣмъ у меня, потому не остается для васъ возможности понимать его въ вашемъ смыслѣ, какъ можете вы въ значительной степени дѣлать съ моимъ взглядомъ». — «Да», сказалъ г. Кавелинъ съ искренностью чувства, которое влечетъ къ нему, какъ къ человѣку, сколько бы ни желалъ иной разъ посердиться на него, — «да», сказалъ онъ, вотъ вы принадлежите къ поколѣнію, которое должно идти дальше нашего, а поколѣніе Добролюбова должно находиться въ такомъ же отношеніи къ вашему; между нами и вами есть связь; между вами и ними тоже есть связь; а между нами и ими видно уже нѣтъ связи. Чтожь дѣлать? Это грустно для насъ; но такъ нужно для прогресса». — Сходный съ этимъ разговоръ имѣлъ я черезъ нѣсколько времени, въ началѣ 1860 г., съ г. Тургеневымъ. Это было на первомъ литературномъ чтеніи въ пользу «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Члены комитета этого общества и лица, участвовавшія въ чтеніи, собрались въ галлереяхъ, окружающихъ залу Пассажа, гдѣ происходило чтеніе. Въ одной изъ нихъ случилось какъ-то остаться троимъ или четверымъ изъ насъ, въ томъ числѣ г. Тургеневу и мнѣ. Онъ былъ тогда недоволенъ одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе спора со мною о ней сказалъ: «васъ я могу еще переносить, но Добролюбова не могу». — «Это оттого, сказалъ я, что Добролюбовъ умнѣе и взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже». — «Да, отвѣчалъ онъ съ добродушной шутливостью, которая очень привлекательна въ немъ, — «да, вы — простая змѣя, а Добролюбовъ — очковая змѣя». Вотъ вамъ, милостивый государь, два случая, показывающіе, какъ понимались отношенія мои къ Добролюбову. Вы можете видѣть изъ нихъ, что онъ давно уже считался самымъ полнымъ представителемъ

того направленія, которое далеко не съ такою опредѣленностью и силою выражалось во мнѣ.

Для совершенной точности опредѣленія долженъ я прибавить еще третье слово: и далеко не съ такою непреклонностью. Для объясненія этой прибавки слѣдуетъ коснуться личныхъ характеровъ Добролюбова и моего, насколько нужно для показанія вамъ, какъ смѣшна ваша догадка, будто Добролюбовъ уступалъ мнѣ энергіею натуры. У меня характеръ уклончивый до фальшивости; это свойство, сходное съ мягкостью въ личномъ обращеніи, можетъ очаровывать моихъ знакомыхъ; дѣйствительно ли очаровываетъ или возбуждаетъ въ нихъ нѣкоторую долю презрѣнія, я не знаю. Но какъ бы то ни было, вы согласитесь, что при такомъ изгибающемся, податливомъ характерѣ никакъ не могу я сравниваться энергіею чувства съ людьми прямаго и, сказать безъ церемоній, честнаго характера. Въ Добролюбовѣ такого, какъ во мнѣ, недостатка рѣшительно не было.

Вотъ, милостивый государь, кончены мои объясненія для васъ, и остается начинать заключительную часть письма съ обычнымъ ея содержаніемъ, — изъявленіемъ чувствъ пишущаго къ получающему письмо.

Вы принудили меня къ опроверженію вашихъ вздорныхъ соображеній выставлять самому такія черты моей литературной дѣятельности и моего личнаго характера, которыми не слишкомъ доволенъ я самъ. Человѣкъ, принужденный выставлять свои слабости и недостатки, досадуетъ на то, кто принудилъ его къ этому.

Вы наговорили мнѣ комплиментовъ, очень пошло отзываясь о статьяхъ Добролюбова, которыя лучше моихъ. Какое чувство должно было родиться во мнѣ отъ этого? «Вотъ господинъ, который не въ состояніи цѣнить дѣйствительно хорошаго; а мои статьи онъ высоко цѣнитъ. Что же это значитъ? Есть молодцы, которымъ не нравится Гоголь; эти молодцы хвалятъ повѣсти гр. Соллогуба и комедіи г. Львова: неужели отъ подобнаго свойства моихъ статей произошли похвалы имъ со стороны г. З—на?» — Это неизбѣжное впечатлѣніе отъ вашей статьи было для меня очень оскорбительно.

А вѣдь по всему видно, что вы вовсе не хотѣли оскорблять меня, — напротивъ, вы ждали, что я буду очень доволенъ. Вы не могли сообразить, въ какое положеніе меня ставите. Я проникаюсь состраданіемъ къ вашей умственной слабости.

Но состраданіе мое, смѣшанное съ досадою и чувствомъ обиды, соединяется, — извините это рѣзкое слово, — соединяется съ отвращеніемъ. Ругаясь надъ мертвымъ, льстить живому! Да впрочемъ, понимали ли вы, что именно это вы дѣлаете?

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ПОЛИТИКА.

ДѢЛО О ПЕНСІИ МОНТОБАНУ. — ПРЕНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНАГО КОРПУСА ОБЪ АДРЕСѢ. — МИНИСТЕРСТВО РАТТАЦЦИ — РАСПУЩЕНІЕ ПРУССКОЙ ПАЛАТЫ ДЕПУТАТОВЪ. — ВЗЯТІЕ ФОРТА ДОННЕЛЬСОНА.

Зловѣщія птицы начинаютъ каркать похоронную пѣсню надъ существующимъ порядкомъ западной Европы. Каркали онѣ давно — такая ужь ихъ натура; но карканье карканью рознь. Ворона кричитъ безпрестанно; но когда она кричитъ такъ-себѣ, по одному влеченью натуры, унылое ея карканье глухо, и въ немъ слышится только ея безсильная злоба. Тотчасъ можно отличить отъ этихъ заунывныхъ звуковъ тотъ веселый, звонкій крикъ, съ которымъ поднимается она летѣть на добычу, прослышавъ запахъ трупа. Такъ и зловѣщія птицы западной Европы долго кричали заунывнымъ глухимъ тономъ, выражавшимъ только ихъ собственную досаду на спокойный порядокъ ихъ странъ и на ихъ безсилье поклевать его. Теперь не то. Самоувѣренное предчувствіе приближающагося разгула для нихъ даетъ какую-то адскую веселость крику ихъ.

Мы не скажемъ, что ошибаются зловѣщія птицы. Обоняніе у нихъ тонкое; очень можетъ быть, что и въ самомъ дѣлѣ скоро начнется пиръ для нихъ, но мы скажемъ, что ошибаются онѣ, если думаютъ, что проченъ или хотя дологъ будетъ готовящійся имъ праздникъ. Въ народахъ Европы, какъ и во всякихъ другихъ народахъ, есть недовольство существующимъ порядкомъ, и отъ времени до времени стекаются обстоятельства, доводящія недовольство до взрыва. Но вѣдь взрывъ произведенъ только стеченіемъ обстоятельствъ, только неопредѣленнымъ не-

довольствомъ, и разрушивъ прежнее, толпа не знаетъ, какъ ей быть съ постройкой новаго: своего плана нѣтъ у пей, а жить безъ крова и пріюта нельзя: надобно строить, поскорѣе строить. И начинается торопливое возсозданіе: обломки стараго подъ руками,—это и прекрасно по ея мнѣнію: обтесывать новый матеріалъ некогда, да онъ можетъ быть и не запасенъ: со старымъ матеріаломъ работа пойдетъ скорѣе; а планъ? — что жь, когда нѣтъ новаго плана, развѣ нельзя воспользоваться воспоминаніями о прежнемъ зданіи? Развѣ все въ немъ было уже безусловно дурно? Если оно было неудобно, такъ не отъ того ли только, что обветшало? Можетъ быть самый планъ его и былъ хорошъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей.

Вотъ и возстановляется торопливо почти все по старому плану изъ обломковъ прежняго. — «Въ чемъ же прогрессъ?» — воскликнутъ лица, называющія васъ утопистомъ за то, что вы не отказываетесь отъ предвидѣнія счастливой жизни для человѣчества въ будущемъ, и тутъ же, не переводя духа, называющія васъ скептикомъ или нигилистомъ за то, что вы не вѣрите въ безмятежное осуществленіе ихъ маленькихъ иллюзій на завтрашній же день,—«гдѣ же въ такомъ случаѣ прогрессъ и къ чему же стремиться, если послѣзавтра возстановляется то, что падетъ завтра? Если такъ, зачѣмъ же работать? лучше сложимъ руки. Ваши слова ведутъ къ отчаянію, а отчаяніе повергаетъ въ апатію.» — Нѣтъ, унывать не за чѣмъ, и прогрессъ вовсе не отвергается разрушеніемъ иллюзій. Будутъ строить изъ стараго матеріала; но вѣдь часть его разсыпалась въ порошокъ и унесена вѣтромъ; стало быть стараго матеріала не достанетъ, поневолѣ прибавится новый. Да и старый планъ нельзя же запомнить совершенно точно,—кое-что забылось; значитъ, кое-что надобно устроить и не по старымъ воспоминаніямъ, а по нынѣшнимъ соображеніямъ. Вотъ, значитъ, все-таки и оказывается прогрессъ.

Всѣ эти размышленія о прогрессѣ и нигилистахъ вызваны у насъ карканьемъ зловѣщихъ птицъ, чующихъ поживу себѣ въ западной Европѣ, а карканье ихъ оживлено ходомъ дѣлъ во Франціи. Вѣдь что тамъ ни говорите, а Франція все-таки остается, по прекрасному выраженію консерваторовъ, волканомъ, взрывы котораго потрясаютъ Европу. Она какъ будто и пріутихла; отъ этого даже потеряла репутацію въ глазахъ лицъ, вышеупомянутыхъ нами. Но тонкіе люди, дипломаты и хорошіе консерваторы, никогда не обманывались видимымъ ея усмиреніемъ. Вѣдь уже три раза, со временъ нашихъ прадѣдовъ, прикидывался этотъ Везувій угасшимъ и остепенившимся: тихо было внутри Франціи при Наполеонѣ I, много лѣтъ прикидывалась она усмирѣвшей при Бурбонахъ, потомъ опять много лѣтъ при Луи-Филиппѣ, и каждый разъ, если можно цинически выразиться, надувала почтен-

нейшую Европу. Вотъ и теперь, чуткое ухо злонамѣренныхъ людей слышитъ въ подземныхъ слояхъ Франціи глухой гулъ, — предвѣстникъ приближающагося изверженія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали носиться неопредѣленные слухи о какомъ-то звѣрскомъ тайномъ обществѣ, называющемся «Маріанною». Съ той поры все идутъ слухи, будто оно ростетъ и ростетъ. Успѣвали иногда какъ будто поймать какую нибудь отрасль его, — пойманныхъ наказывали; но къ прискорбію видѣли, что они вовсе не главные люди; а гдѣ и въ комъ найти главныхъ людей этой вредной закваски, никто не зналъ. Вотъ и теперь, въ февралѣ 1862 г., арестовали въ Парижѣ нѣсколько человѣкъ, — въ числѣ ихъ Греппо, бывшаго единственнымъ изъ 1,200 членовъ конститутивнаго собранія 1848 года, подавшимъ голосъ за предложеніе Прудона объ уменьшеніи цифръ платежа во всѣхъ существующихъ контрактахъ. Посмотрѣли, посмотрѣли на этого Греппо, повертѣли, повертѣли его на разныя стороны, — не оказывается въ немъ никакихъ слѣдовъ злоумышленія; и отпустили его опять заниматься своимъ коммерческимъ дѣломъ, а руководителей «Маріанны» все-таки не нашли, не добились и того, чтобы хотя узнать, точно ли отъ «Маріанны» надобно ждать опасностей, или съ другихъ сторонъ, а «Маріанна» только фантомъ.

Этого не разберутъ люди, спеціально занявшіеся разузнаваніемъ о «Маріаннѣ»; а со стороны очень видно, что собственно она — неважный фантомъ, и дѣло не въ ней, а въ отношеніяхъ, всѣмъ извѣстныхъ, въ актахъ, печатаемыхъ самимъ французскимъ правительствомъ.

Зачѣмъ, напримѣръ, обнародованъ французскимъ правительствомъ докладъ Фульда, о которомъ говорили мы мѣсяца два тому назадъ? Развѣ не понимало французское правительство, что этимъ актомъ отнимаетъ оно у себя возможность отрицать разстроенное положеніе финансовъ? Конечно понимало; но продолжать запирательство не было уже ни пользы, ни возможности. Возможности не было потому, что изсякли всѣ средства прикрыть дефицитъ обыкновенными секретными оборотами; приходилось возвышать налоги и заключать новый заемъ; значитъ, явился бы фактъ, понятный всѣмъ и безъ признанія въ немъ. Пользы не было продолжать запирательство потому, что уже никто давно ему не вѣрилъ. Значитъ, лучше было уже признаться прямо и формально. Такъ; но изъ этого возникаетъ новый аргументъ для противниковъ: «вы дескать сами признались, что довели финансы до разстройства; значитъ, ваша система не годится».

И вотъ изъ такихъ-то, можно сказать, пустяковъ, посмотрите, какой поднимается гвалтъ. Законодательный корпусъ обезкураженъ: «нѣтъ», думаетъ онъ: «тутъ надобно дѣйствовать иначе. Явимся мы

сами защитниками истинныхъ принциповъ. Начнемъ дѣлать оппозицію; пріобрѣтемъ этимъ популярность...»

Вообразите себѣ толпу лицъ, вздумавшихъ, что имъ нужно либеральничать, дѣлать оппозицію, выступать приверженцами демократическихъ принциповъ, но не имѣющихъ понятія обо всемъ этомъ, и либерализмъ свой ставящихъ въ привязкахъ къ какимъ нибудь мелочамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ у нихъ мысль, что вѣдь они «вольнодумничаютъ», а вольнодумство вообще вредно, для нихъ же неприлично.

Предметъ для оппозиціи выбрали они самый мелкій, какъ извѣстно читателю: награду генералу Монтобану. Генералъ этотъ не отличается особыми дарованіями, но онъ пріобрѣлъ себѣ порядочное состояніе въ китайской экспедиціи, которою начальствовалъ. Это фактъ; есть сплетня, говорящая о другой его способности: онъ сосваталъ дѣвушку очень красивой наружности, доставившую очень доходное мѣсто, — должность сенскаго префекта, то есть должность парижскаго оберъ-полицiймейстера и губернатора, своему отцу. Монтобанъ разсчиталъ, что дѣвица Гаусманъ будетъ и для мужа не менѣе полезна, чѣмъ для отца. Впрочемъ это — парижская сплетня, не имѣющая, разумѣется, никакого отношенія къ слѣдующей исторіи. Говорятъ, будто генералъ Монтобанъ, нашедши въ Китаѣ два милліона франковъ, получаетъ съ нихъ тысячъ сто или больше франковъ дохода. Жалованье его, по разнымъ должностямъ, простирается также до ста тысячъ франковъ; но за жалованье можно ручаться только при нынѣшней системѣ: случись перемѣна въ правительствѣ, Монтобану дадутъ отставку и жалованье пропадетъ; а капиталъ въ два милліона франковъ—имущество благопріобрѣтенное; родоваго имущества генералъ Монтобанъ не имѣетъ.

По такому соображенію былъ представленъ въ законодательный корпусъ проэктъ закона о назначеніи графу Паликао (Монтобану) съ потомствомъ наслѣдственной и вѣчной пенсіи въ 50 тысячъ франковъ. Вотъ на этотъ проэктъ и обрушился либерализмъ законодательнаго корпуса. «Какъ потомственная пенсія?» — заговорили члены законодательнаго корпуса: — «но вѣдь это будетъ майоратъ, а майораты запрещены во Франціи. Вѣдь это будетъ возвращеніе къ до революціонному порядку, нарушеніе законовъ, ниспровержение демократическихъ принциповъ», и т. д., и т. д. Монтобанъ, услышавъ про оппозицію его пенсіи, написалъ къ императору, что онъ отказывается отъ предполагаемой награды, и т. д. Немедленно явилось въ газетахъ отвѣтное письмо императора, говорившее, что императоръ не возьметъ назадъ проэктъ закона о пенсіи; что законодательный корпусъ не умѣетъ цѣнить заслугъ, оказанныхъ Франціи, но Франція разсудитъ между императоромъ и законодательнымъ корпусомъ и проч.—Что же законодатель-

ный корпусъ? Законодательный корпусъ упорствовалъ; коммиссія, разсматривавшая проэктъ о пенсіи, представила докладъ въ томъ смыслѣ, что несмотря на письмо императора къ Монтобану, пенсію надобно отвергнуть. Но императоръ не допустилъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ довести скандалъ до конца. За нѣсколько дней до срока, назначеннаго для преній о докладѣ коммиссіи, президентъ законодательнаго корпуса, графъ Морни, публично вынулъ изъ кармана въ началѣ засѣданія и прочелъ письмо императора къ нему, графу Морни, говорившее, что императоръ не хочетъ огорчать законодательный корпусъ, не желаетъ ставить его членовъ въ необходимость тяжелаго для нихъ выбора между угожденіемъ ему, императору, и вѣрностью ихъ демократическимъ убѣжденіямъ, и потому беретъ назадъ проэктъ закона о пенсіи графу Паликао.

Мы не приверженцы того мрачнаго взгляда, который старается все объяснить хитрымъ разсчетомъ, каждую развязку считаетъ предусматривавшеюся заранѣе. Дѣло происходило гораздо проще. Императоръ французовъ много разъ прибѣгалъ къ средству, употребленному имъ теперь для уничтоженія попытокъ оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ: когда какой нибудь проэктъ возбуждалъ оппозицію депутатовъ, депутатамъ говорилось, что такова личная воля императора, и что Франція осудитъ ихъ за то. Въ теченіе десяти лѣтъ это было сдѣлано сто разъ (хотя и безъ такой огласки, какъ теперь), и всегда удавалось. Теперь не удалось. Вотъ и все. Но отчего же не удалось? Обстоятельства не тѣ. Что не тѣ они, могъ видѣть императоръ французовъ ужь изъ представлявшейся ему надобности дать дѣлу огласку, какой не нужбыло прежде. Бывало, достаточны были конфиденціальныя внушенія депутатамъ черезъ графа Морни. Внушенія были сдѣланы, и не подѣйствовали. Оставалось прибѣгнуть къ мѣрѣ болѣе сильной, — къ печатному письму. Но какъ же было не разсчитать, что если огласка даетъ больше важности обороту, то она же и отнимаетъ у него всякій шансъ успѣха? Вѣдь тутъ повиновеніе депутатовъ было бы понято всею публикою какъ слѣдствіе страха. Публичность отрѣзывала имъ путь отступленія, и они превратились въ леонидовыхъ спартанцевъ: «умремъ, дескать, но не отступимъ», т. е. въ переводѣ: «подвергнемся случайностямъ новыхъ выборовъ, возможности потерять мѣста и жалованье, но не можемъ же мы формально выставить себя передъ всею Франціею людьми, не имѣющими никакой самостоятельности». Помните «Утро дѣловаго человѣка», какъ тамъ у Гоголя разсуждаетъ Иванъ Петровичъ съ Александромъ Ивановичемъ:

«Алекс. Иван. Такъ вамъ чины, можно сказать, потомъ и кровью достались.

«Ив. Петр. (*вздохнувъ*). Именно, потомъ и кровью. Чтожь будете

дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? У меня бы мѣста на груди не осталось для орденовъ. Но что прикажете! не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя.... Нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ безпрестанно.... А у меня ужь такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда!»

Но это все посторонній анекдотъ изъ нашихъ нравовъ, а настоящее дѣло шло во Франціи такимъ манеромъ. Правительство было очень удивлено, что депутаты упорствуютъ, хотя само укрѣпило ихъ въ упорствѣ слишкомъ крутою мѣрою внушенія, не разсчитанною по обстоятельствамъ. Оно рѣшилось распустить законодательный корпусъ и предписать новые выборы. Но префекты и другіе полицейскіе начальники, обязанные разузнавать о настроеніи умовъ, донесли изъ всѣхъ концовъ Франціи одно и то же: при нынѣшнемъ, дескать, затруднительномъ положеніи обстоятельствъ и неблагонамѣренномъ настроеніи общественнаго мнѣнія, выборы были бы неблагопріятны правительству. И такъ оказалось, что не слѣдуетъ распускать нынѣшняго законодательнаго корпуса и пришлось правительству уступить.

Хотите ли видѣть другое доказательство? Оно дано преніями объ адресѣ. Размышленія о нихъ мы представимъ послѣ. Сначала попросимъ васъ прочесть голый и сухой отчетъ объ этихъ преніяхъ, составленный самимъ графомъ Морни и напечатанный въ «Монитёрѣ».

Едва ли нужно напоминать, что въ концѣ 1860 г. уже почувствовалась во Франціи надобность сдѣлать что нибудь въ пользу расширенія правъ законодательной власти и что это было сдѣлано декретомъ 24 ноября того года. Онъ между прочимъ возвратилъ депутатамъ право, которымъ они пользовались при прежнемъ конституціонномъ порядкѣ: представлять правительству свои замѣчанія относительно общей политики и требованія о томъ, въ какомъ смыслѣ надобно измѣнить или общій духъ ея, или ту или другую отрасль. Средствомъ къ этому былъ при конституціонномъ порядкѣ адресъ, служившій отвѣтомъ на тронную рѣчь. Итакъ, законодательному корпусу съ прошлой зимы дано право представлять императору адресы.

Далѣе, читатель знаетъ, что въ нынѣшнемъ законодательномъ корпусѣ находятся пять членовъ, не раздѣляющихъ приверженности всего остальнаго собранія къ нынѣшней системѣ. Когда проэктъ адреса былъ написанъ избранною для того коммиссіею, эти пять членовъ предложили сдѣлать въ немъ измѣненія, — конечно не въ надеждѣ, что ихъ мнѣніе будетъ принято законодательнымъ корпусомъ, а только для того, чтобы формально заявить свой взглядъ и развить его въ преніяхъ, которыя будутъ прочтены всею Франціею.—Изъ измѣненій,

предложенныхъ пятью оппозиціонными членами, самое важное относится къ первому параграфу проэкта, излагающему одобреніе общей политики правительства законодательнымъ корпусомъ. Теперь приводимъ самыя пренія въ точномъ переводѣ изъ оффиціальнаго отчета о нихъ.

«Измѣненіе въ первой статьѣ проэкта адреса законодательнаго корпуса, предложенное пятью оппозиціонными членами, и пренія о немъ.

«Измѣненіе, предложенное гг. Жюлемъ Фавромъ, Энономъ, Даримономъ, Пикаромъ и Эмилемъ Олливье:

«Общественное довѣріе можетъ возродиться только искреннимъ возвращеніемъ къ системѣ свободы;

«Журналистика должна перестать быть монополіею;

«Выборы, дѣлаемые избирателями, а не префектами, съ правомъ собраній и съ равными шансами публичности и охраненія избирательной свободы каждаго;

«Муниципальная власть, назначаемая общиною, а не правительствомъ.

«Личная свобода, ограждаемая совокупностью мѣръ, первою изъ которой должно быть отмѣненіе закона всеобщей безопасности.

«Таковы главныя условія политики, опирающейся на принципы 1789 г.

«Такова реформа, повелительно требуемая нравственными интересами страны, ея достоинствомъ, развитіемъ ея дѣятельности и ея богатства, и не могущая быть отсрочиваема безъ того, чтобы Франція не стала въ положеніе, униженное передъ другими націями.»

«Засѣданіе 7 марта.

«Рѣчь Пикара.

«Знаменитый министръ финансовъ сказалъ нѣкогда: «пусть будетъ у васъ хороша политика, и финансы будутъ у меня хороши». Когда разразились въ «Монитерѣ» признанія, заключавшіяся въ докладѣ г. Фульда, что финансовое положеніе очень дурно, первою мыслью общества былъ вопросъ: не связано ли оно съ политическимъ положеніемъ? Основательные наблюдатели понимали, что открытое теперь зло, финансовое разстройство, значительные дефициты, — все это ничтожно сравнительно съ нравственнымъ зломъ, которому уже давно подвергаетъ страну наша бѣдственная политическая система (въ палатѣ ропотъ).

«Съ этимъ чувствомъ я требую права разъяснить отношенія, породившія эту систему. Мы перечисляемъ ихъ въ измѣненіи прочитанномъ вамъ. Они связаны съ отношеніемъ, которое господствуетъ надъ всѣми остальными. Я говорю о положеніи журналистики.

«Она служитъ всяческимъ интересамъ, даже личнымъ интересамъ.

«Напримѣръ, вы принимаете извѣстный законъ, — положимъ, о замѣнѣ $4^1/_2\%$ облигацій государственнаго долга 3%-ми. Правительство, связывая журналистику, пользуется этимъ закономъ для личныхъ вы-

годъ. Министры пишутъ префектамъ, префекты говорятъ всѣмъ оффиціальнымъ лицамъ: удерживайте отъ продажи $4^1/_2\%$ облигацій, чтобы не было возможности сдѣлать съ ними ничего, кромѣ какъ обмѣнять ихъ на 3%-я. У меня въ рукахъ находятся такіе циркуляры.

«Когда г. Миресъ выпускалъ облигаціи римскаго займа и акціи римскихъ желѣзныхъ дорогъ, одна газета хотѣла разсмотрѣть достоинство этихъ бумагъ. Ее оффиціально попросили молчать. Спрашиваю: можетъ ли что нибудь быть ненормальнѣе такихъ фактовъ для правительства и для законовъ о журналистикѣ? Когда истина противна чьей нибудь выгодѣ, она подавляется (многіе члены восклицаютъ: нѣтъ, нѣтъ, вы преувеличиваете). Повторяю: положеніе дѣлъ очень бѣдственно и унизительно. Я не могъ безъ глубокой печали слышать сказанныя въ сенатѣ слова, противъ которыхъ нечего было возразить: «въ Австріи больше свободы печатному слову, чѣмъ во Франціи» (въ палатѣ шумъ). Вотъ каково, повторяю вамъ, положеніе журналистики. Въ одной изъ провинціальныхъ газетъ я прочелъ слова: «сановникъ имѣетъ право получать жалованье и еженедѣльно по одной похвальной статьѣ въ газетахъ»

«Засѣданіе 8 марта.

«Рѣчь Пикара.

«Вчера я хотѣлъ прямо поставить важные вопросы, возбуждаемые нашимъ измѣненіемъ. Я старался показать, какъ журналистика лишена свободы механизмомъ нынѣшняго законодательства, и какъ эта система сдѣлала журналистику настоящимъ монологомъ правительства самого съ собою.

«Президентъ. Приглашаю г. Пикара выражаться приличнѣе.

«Пикаръ. Я полагаю, г. президентъ, что выражаюсь прилично.

«Президентъ. Я не позволю вамъ въ этой палатѣ нападать на основные законы страны, говорить, что какой нибудь существующій законъ унизителенъ для страны. Вы можете подвергать критикѣ политику и распоряженія правительства, но не можете говорить о существующемъ законѣ, что онъ унизителенъ для Франціи. Здѣсь дѣло идетъ объ уваженіи къ существующему порядку, и я могу напомнить вамъ о приличіи.

«Пикаръ. Я не раздѣляю вашего мнѣнія.

«Президентъ. Продолжайте вашу рѣчь.

«Пикаръ. Возвращаюсь къ вопросу, мною разсматриваемому: онъ состоитъ въ томъ, какому суду должны подлежать дѣла журналистики. Я говорю: суду присяжныхъ. Почему же судъ присяжныхъ натураленъ въ дѣлахъ печатнаго слова? Во-первыхъ потому, что проступки по нимъ не могутъ быть опредѣлены точнымъ образомъ и разсуждать о нихъ не могутъ другіе судьи, обязанные только прилагать точные законы къ точно опредѣленнымъ случаямъ.

«Другая причина та, что правительственные судьи сами желаютъ, чтобы ихъ избавили отъ страшной обязанности судить дѣла журналистики; они бываютъ смущены, когда судятъ такое дѣло; они сами со-

знають, что не компетентны въ этихъ дѣлахъ, въ которыхъ компетентенъ судъ присяжныхъ». (Послѣ этого Пикаръ говоритъ о свободѣ выборовъ и о независимости общиннаго управленія, затѣмъ переходитъ къ вопросу о личной свободѣ).

«Пикаръ. Что такое личная свобода? Обезпеченность лица въ томъ, что оно будетъ судиться по законамъ своей страны. Существуютъ ли эти гарантіи? Правительство можетъ арестовать и осудить на заключеніе отъ одного мѣсяца до одного года всякое лицо, ведущее интриги, враждебныя правительству, и имѣющее преступныя сношенія внутри страны или заграницею. По этому праву оно можетъ у каждаго гражданина потребовать отвѣта на вопросъ: «не имѣете ли вы преступныхъ сношеній съ кѣмъ нибудь?» Возможно ли подозрѣваемому доказать противное?» (Ропотъ) «Господа, я не понимаю этого ропота на мои слова противъ закона. Доказать противное тутъ невозможно, потому что обвиненіе неопредѣленно. Президентъ законодательнаго корпуса черезъ г. вице-президента Шнейдера сказалъ, что коммиссія, составлявшая проэктъ адреса, нашла наше измѣненіе противорѣчащимъ общей политикѣ правительства.

«Шнейдеръ. Я говорилъ только о политикѣ большинства палаты.

«Пикаръ. Политика этого большинства — политика правительства, и я очень жалѣю о томъ и о другомъ» (Ропотъ). «Я вамъ объясню, почему жалѣю. Франція не хотѣла бы подвергаться новой революціи» (многочисленные голоса: правда, правда, не хотимъ). «Не хотите, а дѣлаете все, что нужно, чтобы привести революцію» (продолжительный шумъ). «Правительство само опровергаетъ себя» (Новый шумъ).

«Президентъ. Чѣмъ же?

«Пикаръ. Тѣмъ, что начало дѣлать въ послѣднее время.

«Президентъ. Объясните это.

«Пикаръ. Объясню, если вы дадите мнѣ объяснить.

«Президентъ. Объясните; иначе было бы слишкомъ легко отказываться отъ объясненій.

«Пикаръ. Я отказываюсь отъ объясненій; потому что не имѣлъ бы въ нихъ свободы (Шумъ).

«Президентъ. Однакоже, г. Пикаръ....

«Пикаръ. Я такъ хорошо понимаю, что былъ бы тутъ связанъ, что хочу и начинать рѣчи объ этомъ.

«Президентъ. Это — преніе, невозможное въ нашей палатѣ.

«Пикаръ. Вы говорите правду.

«Президентъ. Ваша партія имѣла власть и возбудила противъ себя неудовольствіе, отнявшее у нея власть.

«Эмиль Олливье. Вы также теряли власть: первая имперія пала.

«Барошъ (министръ). Развѣ первая имперія была низвергнута націею?

«Пикаръ. Я вамъ скажу....

«Президентъ. Это — преніе невозможное. Въ интересѣ общества я не могу допустить его продолженія. Замѣчу только, что когда вы ска-

вали, что правительство само опровергаетъ себя, вы были несправедливы; я могъ бы прибавить, что вы поступаете съ правительствомъ невеликодушно, — если можно такъ выразиться. Вы невеликодушны къ нему, потому что чѣмъ больше оно обезоруживаетъ себя, тѣмъ больше вы на него нападаете, вмѣсто того, чтобы съ умѣренностью пользоваться свободою, которую оно даетъ странѣ.

«Пикаръ. Я не принимаю упрека, сдѣланнаго моей партіи, моимъ принципамъ. Я чту безкорыстіе и величіе людей, имѣвшихъ власть въ эпоху, о которой упомянулъ г. президентъ. Но возвратимся къ настоящему. Вы утверждаете, что вы — наша свободная, а г. Бурке, сенаторъ и бывшій посланникъ, говоритъ сенату, что въ Австріи больше свободы, чѣмъ во Франціи. Съ печалью слышу я, господа, что Франція не только не свободна, но что ее называютъ недостойною свободы.

«(Барошъ, президентъ государственнаго совѣта и министръ безъ портфеля, отвѣчаетъ на рѣчь Пикара. Послѣ Бароша встаетъ Жюль Фавръ).

«Рѣчь Жюля Фавра.

«Обстоятельства, въ которыхъ ведутся пренія палаты, очень важны. Я скоро займусь разсмотрѣніемъ границъ власти палаты, а теперь скажу вещь, противъ которой никто не можетъ спорить: слова, произносимыя здѣсь, слышитъ и судитъ вся Франція. Скоро она будетъ призвана посредствомъ выборовъ дать свое одобреніе или выразить порицаніе политикѣ, которую постоянно поддерживала эта палата. Потому небезполезно будетъ разсмотрѣть вопросы, возбуждаемые внутреннимъ положеніемъ Франціи.

«Сейчасъ г. президентъ государственнаго совѣта говорилъ вамъ, что наши исправленія должны считаться программою, выставленою противъ оффиціальной редакціи адреса (Сильный шумъ).

«Президентъ. Что называете вы оффиціальной редакціей адреса?

«Эмиль Олливье. Г. президентъ, не мѣшайте же говорить! (Шумъ).

«Президентъ (къ Эмилю Олливье). Вы не имѣете права давать мнѣ приказанія. Я не допускаю вашего вмѣшательства. Я спрашиваю у г. Жюля Фавра, что онъ разумѣетъ подъ словами: оффиціальная редакція адреса?

«Жюль Фавръ. Разумѣю оффиціальную редакцію коммиссіи (Шумъ).

«Президентъ. Вѣроятно вы находите это объясненіе очень простымъ? Но я знаю, и вы сами знаете, что такое хотѣли вы сказать словами: оффиціальная редакція адреса.

«Жюль Фавръ. Если я буду прерываемъ каждую минуту, я прекращаю рѣчь. Вы, г. президентъ, — конечно невольно, — отнимаете у меня свободу мыслей (Шумъ). Я отказываюсь отъ слова (Садится).

«Президентъ. Я никогда не отнималъ у васъ слова, никогда не стѣснялъ свободы преній. Вы придаете дѣлу оборотъ не искренній.

«Жюль Фавръ. Я не дозволю вамъ, г. президентъ, приписывать мнѣ неискренность.

«Президентъ. Обращаюсь къ суду палаты. Проницательность ея поняла смыслъ употребленныхъ вами словъ. Я имѣлъ право остановить васъ, потому что вы употребили выраженіе, намекавшее, что адресъ составленъ не столько коммиссіею палаты, сколько правительствомъ (многочисленные голоса: вы правы, вы правы). Потому не прибѣгайте къ отговоркамъ.

«Жюль Фавръ. Я и не прибѣгалъ къ нимъ.

«Президентъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ: выраженіе «оффиціальная редакція адреса» употреблено ораторомъ не столь искуснымъ, какъ вы, употреблено непреднамѣренно. Серьёзнѣйшимъ образомъ прошу васъ, г Фавръ, продолжать вашу рѣчь.

«Жюль Фавръ. Наше положеніе въ этой палатѣ, господа, исполнено затрудненій. Повѣрьте, что не въ удовольствіе себѣ мы остаемся въ немъ, и что только чувство обязанности удерживаетъ насъ въ немъ. Возвращаюсь къ замѣчаніямъ, которыя были начаты мною.

«Въ послѣднія десять лѣтъ произошли важные факты. Особенно важны два. Первый изъ нихъ — декретъ 24 ноября 1860 г. (возвратившій законодательному корпусу право, чтобы его пренія печатались). Какъ назвать этотъ декретъ? Удержусь отъ опредѣленій.

«24 ноября 1861 г. произошелъ другой фактъ, также имѣющій свое значеніе. Говорю о письмѣ, которымъ императоръ призывалъ г. Фульда въ министры финансовъ, и о докладѣ, напечатанномъ г. Фульдомъ. Всѣмъ извѣстно, какіе дефициты были засвидѣтельствованы этимъ докладомъ».

Съ холодной исторической точки зрѣнія, отъ которой мы никогда ни на шагъ не отступали, самая важная часть переведенныхъ нами страницъ отчета заключается не въ содержаніи рѣчей Пикара и Жюля Фавра; замѣчателенъ способъ обращенія графа Морни, представителя правительства и палаты, съ оппозиціонными депутатами. Не понравится ему какое-нибудь колкое выраженіе, онъ останавливаетъ оратора; прежде такъ и кончалось дѣло: ораторъ чувствовалъ себя принужденнымъ смириться и поправлялъ свою фразу; теперь не то: поднимается длинный споръ, и оппозиціонные депутаты наступаютъ, тѣснятъ президента, онъ и вся палата чувствуютъ себя неловко, и побѣда остается за оппозиціоннымъ ораторомъ: онъ торжественно повторяетъ колкую фразу и продолжаетъ въ томъ же тонѣ; а между тѣмъ въ палатѣ только пятеро оппозиціонныхъ депутатовъ; голоса ихъ не имѣютъ никакого вѣса при вотированіи; въ самой палатѣ оппозиція ихъ формальнымъ образомъ совершенно ничтожна. Такъ ее и третировали еще года полтора тому назадъ. А вотъ теперь не то: когда Жюль Фавръ сказалъ: «не перерывайте меня или я замолчу», президентъ сталъ успокоивать его; Жюль Фавръ повторилъ: «я прекращаю рѣчь» и сѣлъ,—президентъ сталъ просить, «серьезно просить» его продолжать говорить, и Жюль Фавръ, возобновляя рѣчь,

становился въ такое положеніе, что я досихъ говорю здѣсь въ палатѣ только изъ снисходительности.

Справка о расположеніи умовъ, наведенная правительствомъ по поводу упрямства палаты въ дѣлѣ о пенсіи Монтобана, обнаружила, каковъ будетъ ходъ фактовъ, если не будетъ онъ ускоренъ чрезвычайными случайностями. Нынѣшній законодательный корпусъ засѣдаетъ послѣдній годъ. На слѣдующую зиму должны будутъ собраться новые депутаты, выборы которыхъ должны происходить въ концѣ нынѣшняго и въ началѣ слѣдующаго года. Префекты объявили, что выборы будутъ неблагопріятны нынѣшней системѣ. И такъ на слѣдующую зиму произойдетъ формальное столкновеніе нынѣшней системы съ общественнымъ мнѣніемъ въ его представителяхъ, депутатахъ, если не произойдетъ оно инымъ путемъ. Это не мы говоримъ,—это выходитъ изъ свѣдѣній, собранныхъ самимъ правительствомъ и до того убѣдительныхъ, что оно само измѣнило по нимъ свои отношенія къ законодательному корпусу въ спорѣ о пенсіи генералу Монтобану.

Споръ этотъ по своему предмету совершенно ничтоженъ, неважны сами по себѣ и рѣчи оппозиціонныхъ депутатовъ въ преніяхъ объ адресѣ, но характеристичны эти случаи для опредѣленія конца, къ которому идутъ дѣла.

Такой опредѣленности нѣтъ въ перемѣнѣ рукъ, управляющихъ Италіею. Трудно даже разобрать, выгоду или невыгоду для національнаго дѣла надобно видѣть въ этой перемѣнѣ. По общему цвѣту своихъ убѣжденій Раттацци долженъ бы быть министромъ, болѣе полезнымъ для Италіи, чѣмъ его предшественникъ. Рикасоли былъ человѣкъ, совершенно спутанный крайнимъ консерватизмомъ, и при немъ итальянское правительство не могло ни вступить въ прямую связь съ энергическими элементами итальянской націи, ни пользоваться ими какъ бы то ни было. Раттацци имѣетъ взглядъ, нѣсколько болѣе широкій и понимаетъ важность живыхъ силъ. Онъ былъ не въ дурныхъ отношеніяхъ съ Гарибальди, всегда считалъ нужнымъ поддерживать связи съ популярными людьми. Говорятъ, онъ уже видѣлся съ Гарибальди по своемъ вступленіи въ министерство и вступилъ въ переговоры съ передовою партіею. Это все такъ. Но слишкомъ сомнительный оттѣнокъ на его способность къ твердому дѣйствованію набрасывается главнымъ изъ тѣхъ отношеній, отъ которыхъ палъ Рикасоли. Французское правительство было недовольно суровымъ высокомѣріемъ прежняго министра. Рикасоли не былъ охотникъ идти впередъ, но относительно самостоятельности въ пріобрѣтенномъ положеніи былъ неуступчивъ. Парижскія полуофиціальныя газеты съ конца прошлаго года, когда Раттацци ѣздилъ въ Парижъ, твердили, что онъ будетъ

министромъ, болѣе полезнымъ для Италіи и болѣе пріятнымъ для императора французовъ, чѣмъ Рикасоли, на котораго онѣ очень сердились. Извѣстно также, что и прямою причиною удаленія Рикасоли было неумѣнье его ладить съ тюильерійскимъ вліяніемъ; всѣ другія причины были только предлогами, неимѣвшими существеннаго значенія. Изъ этого натурально возникаетъ предположеніе, что французское правительство надѣялось найдти въ Раттацци человѣка, болѣе послушнаго и расчитывало, что легче можетъ обойдти его, чѣмъ Рикасоли. И дѣйствительно, Раттацци называютъ неимѣющимъ ни твердаго характера, ни даже той не чрезвычайной даровитости, какая есть у Рикасоли. Очень можетъ быть, что онъ уже связанъ обѣщаніями, данными въ Парижѣ. Впрочемъ при нынѣшнемъ состояніи австрійскихъ дѣлъ, ходъ событій въ Италіи зависитъ не столько отъ охоты правительства итальянскаго, сколько отъ приготовленности передовой партіи къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ австрійцевъ. Готова ли она къ нимъ, то есть уладился ли планъ общаго дѣйствованія итальянцевъ, венгровъ и проч.,—это мы посмотримъ; но, кажется, ничего окончательнаго еще не рѣшено. А впрочемъ, какъ знать. Вѣдь эти вещи держатся въ секретѣ, гораздо менѣе прозрачномъ, чѣмъ дипломатическія тайны.

Многіе упрекаютъ насъ въ отрицательномъ направленіи за то, что мы опровергаемъ нѣкоторыя мнѣнія, почти всѣми повторяемыя безъ критики. Но справедливо ли называть отрицателемъ того, кто опирается на факты и признаетъ въ полной силѣ ихъ значеніе? Вотъ, напримѣръ, въ прошлый разъ говорили мы, что неосновательны нѣмецкіе и вообще западно-европейскіе либералы, считающіе Пруссію конституціоннымъ государствомъ. Пожалуй, это могло показаться отрицаніемъ. Но вотъ теперь, не больше какъ черезъ мѣсяцъ, явились факты, заставившіе прусскихъ, а за ними всѣхъ нѣмецкихъ, а за ними всѣхъ западно-европейскихъ либераловъ признаться, что ихъ мнѣніе о Пруссіи, какъ о государствѣ конституціонномъ, было неосновательно. А вѣдь мы это самое и говорили.

Теперь посмотримъ пока, какъ произошло разрушеніе ошибки либераловъ. Объ этомъ пусть разскажетъ намъ «Times».

«Прусская палата депутатовъ распущена королемъ. Это произвело большое волненіе не въ одной Пруссіи, но по всей Германіи. Поводъ къ разрыву кажется маловаженъ. Въ Пруссіи, какъ и во Франціи, министры, особенно военный министръ, переносили суммы вотированныя палатою съ одного предмета на другой. Бюджетъ вотировался какъ одно цѣлое и министры считали себя въ правѣ дѣлать эти переносы суммъ изъ одной статьи въ другую. Пока не расходовалось въ общемъ итогѣ больше вотированной цифры, пруссаки не претендовали на то,

что деньги, вотированныя для покупки штуцеровъ, обращались на покупку лошадей, или вмѣсто пуль покупался порохъ. Такъ было прежде. Но въ послѣднее время палата стала недовольна этимъ. Одинъ изъ депутатовъ предложилъ, чтобы каждая сумма расходовалась только на тотъ предметъ, на который вотирована. Министры объявили, что выдутъ въ отставку, если предложеніе будетъ принято, но оно было принято 175 голосами противъ 130. Послѣ того начались совѣщанія между королемъ, наслѣднымъ принцемъ и министрами. Результатомъ было распущеніе палаты и теперь скоро должны быть новые выборы, на которыхъ будетъ господствовать вопросъ о конституціонныхъ правахъ палаты депутатовъ.

«Трудно сказать, что король поступилъ расчетливо. Говорятъ, что наслѣдный принцъ доказывалъ надобность уступить палатѣ, объясняя, что Пруссія теперь конституціонная монархія и потому представителей націи надобно принимать за дѣйствительную власть. Уступая желанію депутатовъ, король пріобрѣталъ бы популярность, т. е. упрочилъ бы за собою существенную власть. Онъ избралъ другой путь. Результатъ не можетъ быть сомнителенъ. Предсказанія наслѣднаго принца и министровъ навѣрное осуществятся. Принцъ и министры говорили, «что новые выборы только возвратятъ въ палату оппозиціонныхъ депутатовъ въ увеличенномъ числѣ и съ прибавкою людей болѣе рѣзкаго образа мыслей. Король любезною уступкою обратилъ бы неудовольствіе палаты въ энтузіазмъ. Министры хотѣли выйти въ отставку, уступая депутатамъ, и депутаты были бы тогда готовы дѣлать очень многое для государя, министры котораго уступили имъ. Но король прусскій не принялъ ихъ отставки. Онъ не заботится о расположеніи депутатовъ. Предводителей партій въ палатѣ онъ считаетъ своими врагами, людьми, которымъ онъ никогда не долженъ давать торжества. А между тѣмъ какой путь величія открылся бы ему, еслибы онъ держалъ себя иначе. Безъ особеннаго искусства, онъ могъ бы сдѣлаться господиномъ всей Германіи. Потребность единства такъ велика въ ней, что король прусскій возшелъ бы на императорскій престолъ, еслибы только объявилъ, что на самомъ дѣлѣ хочетъ быть конституціоннымъ государемъ.»

Дѣло ясно даже для англичанъ, смотрящихъ на него издали. Министры хотѣли уступить палатѣ; но король не захотѣлъ. Но Times совершенно напрасно дѣлаетъ изъ этого факта заключеніе, будто король поступилъ нерасчетливо. Нѣтъ, король совершенно правъ и понимаетъ свои интересы гораздо вѣрнѣе своего непрошеннаго англійскаго совѣтника. Но эту несправедливость Times'а къ прусскому королю мы замѣчаемъ мимоходомъ, а намъ дѣло собственно только до прусскихъ либераловъ, справедливость которыхъ мы отри-

щаемъ. Не говоримъ уже о половинныхъ либералахъ, партія которыхъ въ прусской палатѣ называлась просто либеральною, — они двоедушничаютъ въ каждомъ словѣ. Посмотримъ, что говорятъ истые либералы прусской палаты, которые, въ отличіе отъ полулибераловъ, называвшихся просто либералами, назвали свою партію «прогрессивною». По распущеніи палаты эта партія обнародовала слѣдующій документъ, который украсила пышнымъ именемъ «воззванія»: вотъ уже и фальшь въ самомъ заглавіи: не годится титуловать громкимъ именемъ документецъ очень плохой. Но это опять мимоходомъ: важность не въ заглавіи, а въ содержаніи. Вотъ оно:

«Воззваніе центральнаго избирательнаго комитета нѣмецкой прогрессивной партіи.

«Либеральныя партіи нашего отечества были почти единодушно согласны относительно цѣлей политическаго стремленія, выставленныхъ нашею программою при прежнихъ выборахъ. Онѣ и теперь не отступаютъ отъ нихъ. Мы призывали тогда всѣхъ либеральныхъ людей къ соединенію противъ реакціонной партіи и прошлогодніе выборы рѣшили дѣло противъ нея. Непримиримо противорѣча живымъ силамъ нашего времени, она никогда не будетъ управлять Пруссіею съ согласія прусскаго народа. Она—ничто, если она не опирается на искуственную поддержку со стороны правительства. Но надежды на энергическій прогрессъ, возникавшія изъ прошлогоднихъ выборовъ, не осуществились. Люди, которымъ его величество, король, ввѣрилъ правленіе, не могли стать въ согласіе съ палатою депутатовъ, которая готова была поддерживать всякій либеральный шагъ министерства. Обѣщанія реформъ, требуемыхъ духомъ времени, остаются неисполненными.

«При прошлогоднихъ выборахъ мы могли еще надѣяться, что министерство, соображаясь съ развивающимся сознаніемъ народа, приметъ болѣе рѣшительную политику. Теперь мы не можемъ надѣяться этого. Тѣмъ необходимѣе представителямъ націи охранять ея права.

«Правительство находитъ, что все должно рѣшаться только его волею, безъ всякаго вниманія къ представителямъ народа. Мы не хотѣли допустить этого. Министры распустили палату и апеллировали къ народу, чтобы онъ выразилъ свое мнѣніе новыми выборами. Мы надѣемся, что оно выразится очень опредѣленно».

Въ Сѣверной Америкѣ дѣла идутъ по видимому къ развязкѣ. Читатель знаетъ объ успѣхахъ, полученныхъ Союзомъ, и намъ довольно будетъ въ нѣсколькихъ словахъ напомнить связь событій, чтобы ясенъ былъ подробный разсказъ о важнѣйшемъ изъ этихъ дѣлъ, приводимый нами изъ New York Times'а на слѣдующихъ страницахъ.

Читатели помнятъ, каковъ былъ планъ сѣвернаго правительства,

разсказанный нами въ прошлый разъ. Линія театра войны по сухопутной границѣ между Союзомъ и отдѣлившимися штатами тянется на 2,000 верстъ. Близко къ восточному концу этой линіи стоятъ главныя силы обѣихъ сторонъ подъ Вашингтономъ. Сѣверное правительство рѣшило начать наступленіе съ западной части пограничной линіи. Въ ней значительныя силы обѣихъ сторонъ находились Кентукки и Теннесси. Наступленіе началось. Авангардъ сѣверной арміи подъ командою Гранта, имѣвшаго до 30 тысячъ человѣкъ, двинулся, очистивъ штатъ Кентукки, дальше на югозападъ по направленію къ Нашвиллю, главному городу штата Теннесси, около котораго сосредоточивалась западная армія инсургентовъ. Авангардъ ея, имѣвшій до 25 тысячъ человѣкъ, занималъ очень крѣпкую позицію въ огромномъ укрѣпленномъ лагерѣ, который названъ былъ фортомъ Доннельсономъ. Вотъ описаніе этой позиціи:

«Первое, чѣмъ поражены вы, вошедши въ фортъ Доннельсонъ, — чрезвычайная сила его. Фортъ Генри считается почти что Гибралтаромъ, но онъ слабъ въ сравненіи съ фортомъ Доннельсономъ. Рѣка Кемберлендъ течетъ почти прямо на сѣверъ. Вдругъ она дѣлаетъ изгибъ въ нѣсколько сотъ ярдовъ и потомъ опять течетъ въ прежнемъ направленіи. Въ этомъ изгибѣ на лѣвомъ берегу рѣки поставлены у самой воды двѣ баттареи, имѣющія 12 очень тяжелыхъ орудій. Онѣ господствуютъ надъ рѣкою и прикрыты брустверами громадной толстоты. За этими баттареями берегъ поднимается довольно крутымъ холмомъ до высоты около 100 футовъ надъ водою. Вершина этого холма — фортъ Доннельсонъ, окопы котораго обнимаютъ пространство около 100 акровъ (35 десятинъ). Мѣстность передъ фортомъ холмистая, покрытая лѣсомъ. На нѣсколько сотъ ярдовъ кругомъ форта онъ вырубленъ, чтобы свободно было дѣйствовать артиллеріи. Вокругъ всего форта, на милю разстоянія отъ него, идетъ траншея для стрѣлковъ, отъ рѣки до рѣки. На западъ отъ форта сдѣлана страшная засѣка, затрудняющая почти до невозможности подступъ съ этой стороны». . . .

Авангардъ сѣверной арміи шелъ къ этому пункту по теченію рѣкъ. Вотъ разсказъ американской газеты New York Times'а объ этомъ походѣ и о взятіи форта Доннельсона:

«Генералъ Грантъ рѣшился сдѣлать аттаку по двумъ направленіямъ, — съ земли — отъ форта Генри, а водою — съ рѣки Кемберленда; аттакующимъ съ нея канонирскимъ лодкамъ должна была содѣйствовать колонна, двигавшаяся по берегу. По окончаніи приготовленій, водяная экспедиція (спустившись по Миссисипи до рѣки Огайо и потомъ поднявшись по Огайо) достигла устій Кемберленда ночью, 12 февраля. Сцена была неописанно великолѣпна: ночь была тепла, какъ августовскій ве-

черъ на нашемъ сѣверѣ, на небѣ не было ни облачка, полный мѣсяцъ сіяя отражался на безчисленныхъ штыкахъ. Повременамъ клубы дыма вилялись на парапетахъ двухъ фортовъ, стоящихъ на высотахъ надъ городомъ, и раскаты выстрѣловъ переливались эхомъ по холмамъ и возвращались шопотомъ отъ отдаленныхъ кентуккійскихъ горъ. Оркестры лодокъ въ отвѣтъ очаровывали ухо краснорѣчивѣйшей музыкой, которая вмѣстѣ съ видомъ нарядныхъ дамъ, десятками прогуливавшихся по палубѣ, давала сценѣ характеръ какъ будто какого-то огромнаго бала; до того доходило сходство, что никто не удивился бы, еслибы вся толпа вдругъ понеслась вихремъ въ вальсъ или плавными движеніями кадрили. Уже послѣ полночи экспедиція снова пустилась въ путь и пошла медленно вверхъ по рѣкѣ. На слѣдующее утро, 13 февраля, она дошла до Эддивилля, маленькаго города на восточномъ берегу рѣки. Если заключать по демонстраціямъ людей, сошедшихся на берегъ смотрѣть на насъ,—нѣтъ подъ солнцемъ города, болѣе преданнаго Союзу, чѣмъ Эддивилль. Женщины махали платками всѣхъ цвѣтовъ, фартуками, шляпками; мужчины —шляпами, и кричали; «ура Союзу» и «ура Линкольну»—до совершеннаго онѣмѣнія отъ хрипоты. Даже эддивилльскія собаки были вѣрны Союзу: лаяли и виляли хвостами въ патріотической радости при національномъ нашествіи. Но только въ одномъ человѣкѣ были признаки искренности. Старикъ съ бѣлоснѣжною головою стоялъ на берегу, опираясь на палку и съ наружною апатіею слѣдя за тѣмъ, какъ идутъ лодки, которыхъ не могъ онъ хорошенько разсмотрѣть своими меркнущими глазами. Случилось такъ, что на одной изъ лодокъ, въ то самое время, какъ она поравнялась съ нимъ, заиграли народную пѣсню Новой Англіи — Yankee Doodle. Звуки ея какъ будто пробудили давно спавшія воспоминанія старика, — онъ сорвалъ съ себя шляпу и съ быстрымъ движеніемъ, отъ котораго разсыпались по воздуху его сѣдые волосы, три раза прокричалъ: «ура Союзу!»—Союзу, въ которомъ родились, которымъ были охраняемы и онъ, и его дѣти, и внуки. Экспедиція высадилась ниже форта и тутъ соединилась съ 20-тысячною колонною, которую велъ генералъ Грантъ изъ форта Генри. Онъ расположилъ свои силы полукругомъ около форта Доннельсона; оба фланги его упирались въ рѣку. Занятіе позиціи было сдѣлано не безъ большихъ затрудненій. Пикеты и застрѣльщики непріятеля казались безчисленны и каждую ложбину, каждый холмъ приходилось отнимать у нихъ съ боя. Но большаго урона мы не потерпѣли, и къ ночи совершенно втѣснили инсургентовъ въ ихъ укрѣпленныя линіи, а сами пріохотились начать болѣе серьёзную схватку на другой день. Въ 10 часовъ утра, отрядъ союзныхъ войскъ, состоявшій изъ 5-ти полковъ пѣхоты и 4-хъ баталіоновъ артиллеріи (то есть около 5-ти тысячъ человѣкъ), двинулся къ скалистымъ холмамъ, которые занималъ непріятель. За 1,000 ярдовъ (за версту) отъ хребта нашъ отрядъ былъ встрѣченъ непріятелемъ въ большихъ силахъ и произошелъ упорный бой, главнымъ образомъ между стрѣлками и артиллеріей съ обѣихъ сторонъ. Непріятель постепенно отступалъ и черезъ часъ скрылся въ своихъ

укрѣпленіяхъ; наши войска овладѣли грядою холмовъ, примыкающихъ къ оврагу, за которымъ находилась внѣшняя линія непріятельскихъ укрѣпленій. Между ними и холмами не больше 300 ярдовъ (150 саж.); они покрыты лѣсомъ, и нѣсколько возвышаются надъ укрѣпленіями; поэтому были они прекрасною позиціею для нашихъ стрѣлковъ, не замедлившихъ воспользоваться ею. Они стрѣляли по инсургентамъ, выглядывавшимъ изъ-за парапета. Въ 11 часовъ мы сдѣлали второе движеніе. Три полка (около 2,500 человѣкъ), подъ командою полковника Моррисона, пошли скорымъ шагомъ въ оврагъ, чтобы штурмовать внѣшнія укрѣпленія. Достигнувъ дна ложбины, Моррисонъ былъ сбитъ съ лошади пулей. Видя, что командиръ упалъ и никто не занимаетъ его мѣста, солдаты поколебались и отступили на холмы въ стройномъ порядкѣ, но съ большою потерею. Послѣ того ходилъ штурмовать еще одинъ полкъ, но встрѣченный втрое большею силою, долженъ былъ отступить послѣ отчаяннаго боя, продолжавшагося часъ. Пока велись эти аттаки, подошла одѣтая желѣзомъ канонирская лодка, «Карондлетъ» и вступила въ бой съ непріятельскими баттареями: она пустила въ нихъ 102 выстрѣла и долго не страдала отъ страшнаго непріятельскаго огня, пока наконецъ 128 фунтовое ядро, ударивъ въ одинъ изъ люковъ, и ранивъ 8 человѣкъ, засѣло въ мѣшкахъ съ каменнымъ углемъ, прикрывавшихъ котлы. Это заставило лодку отойдти. Ночью войска сильно страдали отъ холода. Днемъ, 14 числа, погода была прекрасная, и мы могли разсмотрѣть непріятельскую позицію. Мѣстность около форта идетъ въ гору, покрыта густымъ лѣсомъ, и перерѣзана частыми оврагами, скалистыя стѣны которыхъ почти отнимаютъ возможность перехода. Самый фортъ стоитъ на высокомъ утесѣ, отлого спускающемся съ другой стороны къ рѣкѣ; онъ вышиною вѣроятно не меньше 100 футовъ. Вершина его искусственно выровнена на протяженіи мили, и на этомъ выровненномъ мѣстѣ стоитъ фортъ, укрѣпленія котораго занимаютъ все это мѣсто. Передъ скалою тянется неглубокій ровъ, а за нимъ гряда холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ; гряда перерѣзана ложбинами ручьевъ. Въ этотъ день подошла къ фортамъ вся наша эскадра, состоявшая изъ четырехъ одѣтыхъ желѣзомъ и трехъ простыхъ канонирскихъ лодокъ; желѣзныя вышли впередъ, простыя остановились далеко позади ихъ. Одѣтыя желѣзомъ лодки начали бомбардировать фортъ съ разстоянія мили (около $1\frac{1}{2}$ версты). Сначала грохотъ выстрѣловъ не прерывался ни на минуту,—такъ они были часты, и шелъ непрерывный стукъ отъ падающихъ снарядовъ. Черезъ полчаса огонь форта началъ слабѣть и черезъ нѣсколько времени остались стрѣляющими въ немъ только три пушки,—остальныя, какъ видно, были сбиты нашими выстрѣлами. Наши лодки, постепенно подвигаясь ближе къ форту, были отъ него только уже на 400 ярдовъ (175 саж.) и готовились стрѣлять картечью, когда непріятельское ядро разбило рулевой снарядъ на одной изъ лодокъ. Лодкою нельзя стало править и она должна была удалиться; за нею отступили на прежнюю позицію и другія лодки, сильно поврежденныя. Ночью поврежденія были исправлены.

15-го числа, передъ разсвѣтомъ, непріятель сдѣлалъ вылазку въ числѣ 3,000 человѣкъ, съ 12-ю баттареями артиллеріи; онъ горячо бросился на 2 наши полка, стоявшіе на крайнемъ правомъ флангѣ. Этотъ отрядъ твердо держался, потомъ сталъ отступать; на выручку ему пришли два другіе полка и задержали непріятеля. Скоро подоспѣли еще свѣжія войска съ обѣихъ сторонъ и бой принялъ страшные размѣры. Одна изъ нашихъ баттарей стала на возвышеніи, и цѣлыхъ четыре часа ни на одинъ мигъ не замолкали ея тяжелыя пушки, 24-хъ фунтоваго калибра. Все это время она подвергалась сильному огню непріятельской артиллеріи, занявшей холмы, возвышавшіеся надъ ея позиціей. Нѣсколько и другихъ нашихъ баттарей были въ дѣлѣ. То наши, то непріятельскія войска, то наступали, то отступали. Битва была продолжительна и отчаянна. То подвигалась она по холмамъ, то спускалась въ овраги,—и все это было въ лѣсу. Люди становились за деревьями, обломками скалъ, и все сраженіе пѣхотныхъ войскъ имѣло характеръ схватки застрѣльщиковъ. Одинъ изъ нашихъ полковъ, стоявшій на крайнемъ правомъ флангѣ, былъ аттакованъ роемъ непріятеля съ такою живостью, что разстроился и бѣжалъ въ безпорядкѣ; съ другой стороны мы были аттакованы такимъ превосходнымъ числомъ, что наша линія разорвалась и сраженіе казалось близко къ совершенному проигрышу для насъ. Въ это разорванное мѣсто обратила свою картечь наша баттарея, занимавшая холмъ, и выпустила всѣ, до послѣдняго, свои заряды, удерживая непріятеля. Напрасно командиръ ея ждалъ подкрѣпленія. Въ тотъ самый мигъ, когда она истощила всѣ свои заряды, около 10 часовъ утра, сильный отрядъ непріятеля приблизился къ ней подъ закрытіемъ холмовъ и лѣса, и открылъ по ней штуцерный огонь съ разстоянія 200 ярдовъ (менѣе 100 саж.). Всѣ пушки были подбиты, кромѣ одной; въ нее запрягли 6 лошадей, но орудіе было такъ тяжело, а грязь—такъ глубока, что протащивъ пушку съ полмили, увидѣли невозможность увезти ее, и должны были бросить. Всѣ орудія баттареи достались непріятелю. Но черезъ нѣсколько времени страшная аттака нашихъ войскъ оттѣснила его съ этого мѣста, разрывъ нашей линіи былъ опять наполненъ войсками и потерянныя пушки были возвращены. Бой длился до самаго полудня и кончился тѣмъ, что непріятель былъ оттѣсненъ обратно въ его окопы. Поле битвы было мили двѣ въ длину (болѣе 3 верстъ), и каждый клочокъ земли былъ тутъ ареною ожесточенной схватки. Инсургенты сражались съ самою непоколебимою храбростью и, повидимому, хотѣли во что бы то ни стало пробиться чрезъ правое наше крыло. Они лились на наши позиціи, какъ наводненіе, и нужна была храбрость равная съ ними нашимъ солдатамъ, чтобы устоять противъ ихъ бурнаго прилива, и наконецъ, оттѣснить его въ прежнія границы. Наши войска сражались геройски. Не прерываясь ни на минуту сыпался на насъ градъ ядеръ, бомбъ и картечи, а тысячи непріятельскихъ стрѣлковъ пускали пули изъ-за каждаго дерева, куста и камня. Грохотъ битвы походилъ на ревъ бури, несущейся черезъ валимый ею лѣсъ. Побѣда досталась намъ дорого. Нѣкоторые полки были совершенно истреблены. Пропор-

лія убитыхъ офицеровъ ужасна. Раненыхъ у насъ очень много, но раны большею частію легкія. Едва покончилось дѣло на правомъ флангѣ, какъ началъ аттаку нашъ лѣвый флангъ, подъ командою генерала Смита. Передъ нимъ былъ внѣшній рядъ непріятельскихъ укрѣпленій, мы рѣшились штурмовать его. Въ третьемъ часу дня двинулась густая цѣпь застрѣльщиковъ, черезъ часъ одинъ изъ нашихъ полковъ бросился въ аттаку на непріятельскій брустверъ, штурмовалъ его въ штыки съ разбѣгу, и съ потрясающимъ крикомъ утвердился на немъ. Онъ былъ поддержанъ другими полками. Инсургенты были сбиты съ первой линіи своихъ укрѣпленій и загнаны за вторую. Скоро были заставлены замолчать ихъ баттареи. Тѣмъ кончился кровопролитнѣйшій день этой осады. Въ нынѣшнюю войну не было еще битвы, болѣе упорной, и никогда еще не было у нашихъ войскъ такой увѣренности въ успѣхѣ. Никто не сомнѣвался въ немъ подъ самымъ жестокимъ огнемъ.

«На слѣдующее утро, 16 числа, инсургенты прислали сказать, что они сдаются. Генералъ Векнеръ, командиръ ихъ, просилъ перемирія до полудня, говоря, что къ тому времени могутъ уладиться условія сдачи форта. Генералъ Грандтъ требовалъ безусловной сдачи; инсургенты согласились.»

Число взятыхъ тутъ въ плѣнъ инсургентовъ простиралось, какъ знаетъ читатель, до 15,000 человѣкъ. Но еще сильнѣе нравственный уронъ, испытанный инсургентами. Потерявъ свой авангардъ, западная ихъ армія, стоявшая у Нашвилля, безъ боя отступила на югъ, и сѣверныя войска заняли столицу штата Теннесси.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО ПЕРВАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЯНВАРЬ.

СВИСТОКЪ.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

8.

ФЕВРАЛЬ.

Стр.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 21 дня 1861 года.

Цензоръ *Ѳ. Еленевъ*.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

КОММИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

Въ С.-Петербургѣ на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Николаевскаго дворца, въ домѣ Лихачева,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ХРИСТІАНСКІЕ МУЧЕНИКИ, пострадавшіе на Востокѣ со времени завоеванія Константинополя турками. Съ новогреч. языка. Пер. свящ. П. Соловьевъ. Спб. 1862. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 коп.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ ХРИСТІАНСКАГО ВѢРОПОЗНАНІЯ ПО УЧЕНІЮ ПРАВОСЛАВНО-КАѲОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ, сравнительно съ ученіемъ лютеранъ о семъ предметѣ. Священника С. Бенескриптова. Спб. 1861. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

О ЗАПАДНЫХЪ ВѢРОИСПОВѢДАНІЯХЪ И СЕКТАХЪ ПРОТЕСТАНТСКИХЪ. Священника С. Бенескриптова. Спб. 1861. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

ПЕРВОЕ ПРИЧАЩЕНІЕ, стихотвореніе Тегнера. Перев. съ шведск. В. Головинъ. Спб. 1862. Ц. 35 коп., съ перес. 60 коп.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, І. Шерра. Перев. съ нѣмецк. В. 1-й М. 1862. Ц. 60 коп., съ перес. 85 коп.

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО Н. Костомарова. Спб. 1862. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ОПИСАНІЕ МОРЯ И СОВЕРШАЮЩИХСЯ НА НЕМЪ ЯВЛЕНІЙ. Соч. Ромберга. Перев. съ нѣмецк. П. Вышеславцева. Съ политипажами. Спб. 1861. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 коп.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ Д—ра Вернике. Часть первая. Древняя исторія.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ ВЪ ПРОМЫШЛЕННОМЪ И МИНЕРАЛОГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. І. Ушакова. Съ политипажами. Спб. 1862. Ц. 90 коп., съ перес. 1 р. 10 коп.

ПРЕДМЕТНЫЕ УРОКИ ПО МЫСЛИ ПИТАЛОЦЦИ, руководство для занятій въ школѣ и дома съ дѣтьми отъ 7 до 10 лѣтъ, изданное П. Перевлѣсскимъ. Курсъ приготовительный къ изученію естественныхъ наукъ и роднаго языка. Спб. 1862. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

РУКОВОДСТВО КЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ, Г. В. Кольба. Перев. подъ редакціею А. Корсака. 2 тома. Спб. 1862. Ц. 3 р. 50 коп., съ перес. 4 р. 25 коп. (на 2-й томъ билетъ).

СОЧИНЕНІЯ В. Г. БѢЛИНСКАГО, т. 12-й, (послѣдній) съ портретомъ автора. М. 1862. Ц. 1., съ перес. 1 р. 50 коп.

ПРІЕМЫ, знанія и безпристрастіе въ критическомъ дѣлѣ редактора

«Домашней Воспитатель» В. И. [illegible]. Спб. 1862. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

РАБОТНИЦА. Соч. Жюля Симона. Спб. 1861. Ц. 1. р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 коп.

ДОКТОРЪ АНТОНІО. Романъ Руффини. (Автора Лоренцо Бенони). Спб. 1861. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р.

ИТАЛІАНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. Сезонъ 1861—1862. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

СБОРНИКЪ переведенныхъ повѣстей и разсказовъ для юношества. Состав. М. К. М. 1862. Ц. 80 коп., съ перес. 1 р.

ОБНОВЛЕНІЕ КРОВИ И СОКОВЪ или радикальное излеченіе дѣвичьей блѣдности, малокровія и вообще худосочія, какъ источниковъ другихъ болѣзней, имѣющихъ пагубное вліяніе на весь родъ человѣческій. Соч. Рихтера. М. 1862. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р.

ШЕКСПИРЪ, Гервинуса. Перев. К. Тимоѳеевъ. В. 1-й. Спб. 1862. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ о томъ, какъ должно писать проповѣди и какъ произносить ихъ, особенно въ наше время. Спб. 1862. Ц. 20 коп., съ перес. 50 коп.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться на имя Алексѣя Иванова Давыдова, въ Спб.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 5 марта 1862 года.

Исправляющій должность цензора *Ѳ. Еленевъ*.

НОВЫЯ ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ Марка Вовчка, изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

УКРАИНСКІЕ НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ Марка Вовчка, перев. И. Тургенева, изд. Д. Е. Кожанчикова Спб; 1860 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ИСТОРІЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ, Куно Фишера. Томъ I-й. Классическій вѣкъ догматической философіи, перев. Н. Страхова. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

РУКОВОДСТВО КЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ Г. Ф. Кольба, переведено и дополнено подъ редакціею А. Корсака 2 тома (на 2-й томъ выдается билетъ). Спб. 1862 г. Ц. за оба тома 3 р. 50 к.. съ пер. 4 р. 50 к.

КУРСЪ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГІИ П. Ильенкова. 2-е изд. Два большихъ тома со множествомъ политипажей (на 2-й томъ выдается билетъ) Спб. 1861 г. Ц. 8 р., съ пер. 10 р.

ТРОПИЧЕСКІЙ МІРЪ въ очеркахъ животной и растительной жизни Соч. Гартвига, перев. съ нѣмецк. С. Усова. съ 6-ю хромолитографированными картинами М. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ФИЗІОЛОГІЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ. Соч. Льюиса, 2 тома съ политипажами, перев. съ англійск. Я Борзенкова и С. Рачинскаго. М. 1861 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

НА БЕРЕГУ МОРЯ. Зоологическіе этюды въ Ильфракомбѣ, Тенби на Сицилійскихъ островахъ и на Джерзи, съ рисунками. М. 1861 г. Ц. 2 руб. съ пер 2 р. 50 к.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ДОЛИНѢ РѢКИ УСДРѢ Р. Маака. Два тома въ 4. д. л., великолѣпное исданіе съ хромолитографированными рисунками, картами и рисунками растеній. Спб. 1861 г. Ц. 8 р., съ пер. 10 р.

ГОДЪ НА СѢВЕРѢ С. Максимова, изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома. Спб. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА изъ Новгородской и Псковской губерній Павла Якушкина; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ЧТЕНІЯ ВЪ ОБЩЕСТВѢ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ за 1861 годъ, выдаются всѣ 4 тома. Ц. 6 р. съ пер. 7 р. 50 коп. Здѣсь же можно получить это изданіе за 1858, 1859 и 1860 годы по 6 руб. за 4 большихъ тома или за каждый годъ, а съ пере. по 7 р. 50 к., а также принимается подписка на это изданіе въ 1862 году. Ц. за 4 тома отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ въ каждомъ, по 6 руб, за годъ, съ пер. по 7 р. 50 к.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ Воронежской и сосѣднихъ губерній. Изд. Де-Пуле В. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 27 февраля 1862 года.

Исправляющій должность цензора *Ѳ. Еленевъ*.

МАГАЗИНЪ ЧАСОВЪ,

ЗОЛОТЫХЪ И БРИЛЛІАНТОВЫХЪ ВЕЩЕЙ.

И. ШПЕРГАЗЕ.

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Армянской церкви № 42, напротивъ Гостиннаго двора.

СЕРЕБРЯНЫЕ ЧАСЫ, ОТКРЫТЫЕ и ГЛУХІЕ, на 8 камняхъ, отъ 12 до 18 руб. сер.

СЕРЕБРЯНЫЕ ЧАСЫ, ОТКРЫТЫЕ и ГЛУХІЕ, на 13 камняхъ отъ 14 до 50 руб. сер.

ЗА ПОЗОЛОЧЕНІЕ прилагается; за открытые 2 руб. сер., за глухіе 3 руб. сер.

ДАМСКІЕ ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ, ОТКРЫТЫЕ и ГЛУХІЕ, также съ эмалью и бриллiантами, отъ 35 до 150 руб. сер. и дороже.

ЗОЛОТЫЕ на 8 камняхъ, открытые и глухіе, отъ 35 до 60 руб. сер.

ЗОЛОТЫЕ на 13 камняхъ, открытые и глухіе, отъ 45 до 300 руб. сер.

ХРОНОМЕТРЫ, часы съ секундными стрѣлками (Secondes Insipendants), съ репетиціею, съ заводами безъ ключа (Remontoir au pendant) и пр. отъ 150 до 600 руб. сер.

ЗОЛОТЫЕ БРАСЛЕТЫ 56 пробы, съ драгоцѣнными камнями и безъ оныхъ, отъ 15 до 800 руб. сер.

БРОШКИ СЪ СЕРЬГАМИ 56 пробы, съ драгоцѣнными камнями и безъ оныхъ, отъ 15 до 500 руб. сер.

БРОШКИ 56 пробы, съ драгоцѣнными камнями и безъ оныхъ, отъ 8 до 500 руб. сер.

СЕРЬГИ 56 пробы. съ драгоцѣнными камнями и безъ оныхъ; отъ 3 до 600 руб. сер.

ЗАПОНКИ мужскія, отъ 3 до 50 руб. сер.

Тоже дамскія, отъ 7 до 60 руб. сер.

БУЛАВКИ, отъ 2 до 200 руб. и дороже.

ЦѢПОЧКИ разныя, отъ 12 до 125 руб. сер.

Тоже дамскія длинныя, отъ 20 до 200 руб. сер.

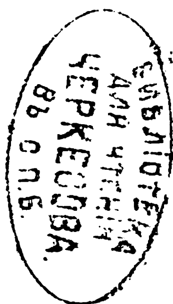
КОЛЬЦА разныя, отъ 3 до 500 руб. сер.

МЕДАЛЬОНЫ, КРЕСТИКИ съ цѣпочками и безъ оныхъ,

ВСѢ ЗНАКИ ОТЛИЧІЯ, ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ, БРЕЛОКИ и проч.

Всѣ заказы, также починки часовъ и золотыхъ вещей будутъ исполнены съ ручательствомъ, и въ точности.

Господъ иногородныхъ прошу адресоваться въ контору Ивана Федоровича Шпергазе, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви № 18, гдѣ и производится оптовая торговля часами.



Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 15 января 1862 года.
Исправляющій должность цензора Ѳ. Еленевъ.